

Д 73
599

ДРЕВНОСТИ ЮГА РОССИИ

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ АТАВИН
1954–2004

59а

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

ДРЕВНОСТИ ЮГА РОССИИ

Памяти А.Г. Атавина

**МОСКВА
2008**

УДК 904(470+571)(082.1)"637/653"
ББК 63.442.6(2)я43+63.444(2)я43+63.51(2)я43
Д73

**Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН**

Ответственный редактор
доктор исторических наук Г.Е. Афанасьев

Редколлегия:
к.и.н. А.В. Энговатова, О.В. Лопан,
к.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. В.Н. Чхаидзе

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Б. Ковалевская,
кандидат исторических наук З.Х. Албегова (Царикаева)

Д73 Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина/Рос. акад. наук; [отв. ред. Г.Е. Афанасьев]. — М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. — 556 с.: ил. — ISBN 978-5-903011-31-5. I. Афанасьев, Г.Е., ред.

Сборник посвящен актуальным вопросам археологии и древней этнической истории кочевых и оседлых народов Юга России от эпохи бронзы до позднего средневековья. В статьях затронуты проблемы изучения и интерпретации археологических материалов, впервые вводится в научный оборот информация о ряде археологических памятников.

Издание содержит более трех десятков статей, написанных сотрудниками ведущих научных учреждений России и ближнего зарубежья. Книга будет интересна специалистам, занятым изучением древностей Юга России — археологам, историкам, этнологам, краеведам, нумизматам, искусствоведам, преподавателям вузов и студентам исторических специальностей.

•

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.Е. Афанасьев.</i> Некоторые проблемы в исторической интерпретации археологических памятников Волго-Донского междуречья.....	5
<i>А.В. Энговатова, Д.С. Коробов, О.В. Лопан, З.Х. Албегова (Царикаева).</i> Памяти Андрея Геннадьевича Атавина	15
Список печатных работ А.Г. Атавина	25

ТРУДЫ А.Г. АТАВИНА

<u>А.Г. Атавин</u> Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья.....	28
<u>А.Г. Атавин</u> Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX — первой половине XIII вв. (печенеги, торки, половцы).....	71
<u>А.Г. Атавин</u> Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона	106
Комментарии к списку памятников средневековых кочевников междуречья Волги и Дона (<i>Д.С. Коробов, О.В. Лопан, З.Х. Царикаева</i>)	
<u>А.Г. Атавин</u> , <u>В.В. Дворниченко</u> , <i>О.В. Лопан.</i> Курганный могильник Колобовка IV в окрестностях Царёвского городища (материалы раскопок 2000 г.).....	172

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ, РЕКОНСТРУКЦИЯ

<i>Н.Я. Мерперт.</i> О некоторых аспектах понятия «цивилизация»	192
<i>Я.М. Паромов.</i> Методика разработки современной археологической карты Таманского полуострова	198
<i>Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов.</i> Где же находилась житница аш-тигоров?.....	211
<i>А.В. Комар.</i> К вопросу о развитии восточноевропейского седла * в VII — 1-й пол. VIII вв.	239
<i>А.В. Сазанов, Ю.М. Могаричев.</i> Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв.	253
<u>Е.И. Савченко</u> Скальный могильник Мощевая Балка (методический и стратиграфический уроки)	265
<i>А.В. Пьянков</i> , <u>В.А. Тарабанов</u> Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления	275
<i>М.В. Горелик.</i> Латная конница древних венгров.....	296

<i>Л.В. Конькова, Г.Г. Король.</i> Возможности моделирования этнокультурных процессов средневековья (система «декор-технология»)	304
<i>В.В. Колода.</i> Техника создания славянских оборонительных линий на городище Мохнач как отражение межэтнических контактов в раннем средневековье	311
<i>О.В. Лопан.</i> К вопросу о способах отчленения ног сопровождающих животных в погребениях средневековых кочевников Волго-Донского междуречья.....	324
<i>В.Л. Державин.</i> Становища Северного Мурмана (по материалам писцовых книг).....	337

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЮГА РОССИИ

<i>В.Е. Маслов.</i> Находки древностей раннего железного века с Юга России.....	344
<i>Н.Ф. Шевченко.</i> Погребения с фибулами из курганных могильников у хутора Пролетарского	353
<i>И.О. Гавритухин.</i> Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г.....	362
<i>Ю.А. Прокопенко.</i> Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог).....	368
<i>В.Н. Чхаидзе, Э.Р. Устаева, В.Н. Шалобудов.</i> Золотые византийские монеты из раскопок Таманского городища	386
<i>В.Н. Шалобудов, Э.Р. Устаева.</i> Средневековые гирьки с Таманского городища	395
<i>В.Н. Чхаидзе.</i> Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье	398
<i>В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев.</i> Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове.....	420
<i>В.С. Аксенов.</i> Зеркала из праболгарских могильников салтовской культуры Верхнего Подонечья	441
<i>С.Б. Вальчак, Ф.К. Джигунова, А.А. Тов, В.Р. Эрлих.</i> Могильники эпохи средневековья близ аула Тауйхабль в Адыгее (предварительные результаты раскопок 2004 года)	449
<i>Е.В. Круглов.</i> Погребение 12 из кургана № 32 Бахтияровского могильника	464
<i>Е.А. Армарчук.</i> Южносибирские параллели в упряжи из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья	472
<i>Ю.В. Зеленский.</i> Шпоры из позднекочевнических погребений Прикубанья	478
<i>В.И. Мамонтов.</i> Раскопки курганов в окрестностях Сарепты	482
<i>В.В. Верецагин.</i> Погребение кочевника периода средневековья на территории Калмыкии	486
<i>И.В. Волков.</i> Монгольское погребение XIV в. с монетами из Калмыкии.....	494
<i>Л.Ф. Недашковский.</i> Курганы округа Царевского городища.....	502
<i>Э.Д. Зиливинская.</i> Раскопки башни на Селитренном городище.....	513
<i>Е.И. Нарожный.</i> О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня).....	525
<i>С.И. Милованов, А.Н. Бессуднов, Д.А. Ачкасов.</i> Охранные раскопки на древнерусском селище у с. Невеже-Колодезное Задонского района Липецкой области.....	543
Список сокращений	552

Г.Е. Афанасьев
(ИА РАН, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В конце 80-х — первой половине 90-х гг. прошлого века в Отделе охранных раскопок Института археологии АН СССР активно работал научно-методический семинар под названием «Социальная дифференциация общества. Поиск археологических критериев». В процессе увлекательных научных споров постоянно возникали вопросы: какие археологические признаки свидетельствуют о социальной неоднородности общества, а какие — о его этнической неоднородности? Уже тогда было очевидно, что ответить на эти вопросы невозможно, если использовать традиционные методы анализа археологического материала. Слишком спорные и неоднозначные были выводы. К тому же широкомасштабные охранные археологические исследования 70—90-х гг. способствовали накоплению громадного по объему материала. Необходимо было исследовать очень большие выборки артефактов, описанных большим количеством признаков. Сделать это «на глазок», вручную нельзя. Другой особенностью этого времени был приход в активную научную деятельность нового поколения исследователей, которых уже не удовлетворяли традиционные историко-культурные «штампы» археологических интерпретаций. Их не устраивали простая декларация исторических трактовок археологического материала и простые ссылки на высокие научные ав-

торитеты без изложения исследовательских аргументов. Они требовали доказательств и четкого, ясного представления для всеобщего научного обсуждения не только собранных материалов, но, что не менее важно, — самого исследовательского процесса, исследовательской «кухни». На помощь пришли новые технологии. Внедрение в практику археологических работ компьютерных технологий для хранения и обработки информации наметили пути выхода из уже явно проявившегося методико-интерпретационного кризиса отечественной археологии.

Сразу несколько сотрудников отдела охранных раскопок приступили к созданию тематических баз данных (информационно-поисковых систем, систем управления базами данных), имея в виду их дальнейшее исследование методами многомерного статистического анализа (кластерный, факторный, дискриминантный, корреспондентный). Г.Е. Афанасьев разработал базу данных «Burtas», в которой были описаны более 1 100 погребений в катакомбах салтово-маяцкой культуры. Д.С. Коробов подготовил информационно-поисковую систему «Alan», в которую включил более 1 600 погребений. М.В. Андреева совместно с И.А. Сорокиной и Г.Г. Джаникян приступили к созданию банка данных «Arl-Tree/Tumulus» по материалам раскопок степных курганов. А.С. Смирнов

разработал программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений. Н.И. Сударев приступил к созданию базы данных «Боспор», а А.Н. Сорокин — базы данных «Ока». И, конечно же, в это новое в то время в нашей науке направление по созданию систем управления тематическими базами археологических данных сразу включился А.Г. Атавин. Он взялся за разработку базы данных «Номад» с информацией о погребениях печенежского-половецкого времени в Волго-Донском междуречье. Планировалось, что она будет сделана и обработана по тем же принципам, что и базы «Burtas» и «Alan», а это даст возможность в будущем сопоставить социальную структуру раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа и лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья с социальной структурой раннесредневекового населения степного Волго-Донского междуречья. В процессе работы увлекающийся А.Г. Атавин не смог пройти мимо погребений золотоордынского и хазарского времени или времени Великой Болгарии, поэтому создание и исследование базы данных затянулось на годы и, к сожалению, так и не было завершено. Но уже те научные наработки, которые им были сделаны в области печенежско-половецких древностей и изложены в настоящем сборнике благодаря редакторской работе О.В. Лопан и Д.С. Коробова представляют для будущих исследователей этой темы несомненную ценность. С накоплением археологических материалов возникает очень много вопросов, на которые пока нет ответа. Одним из наиболее значимых является вопрос о преемственности населения Южно-Русских степей. От правильного и аргументированного ответа на него зависит корректность применения археологами этнонимов «хазары», «печенеги», «половцы» в отношении этнической принадлежности тех или иных погребальных памятников. Если мы считаем, что особенности погребального обряда являются признаком, маркирующим определенный этнос, то как в таком случае интерпретировать подкурганые подбойные погребения середины I тысячелетия — первой трети II тысячелетия? Ведь и в южнорусском,

и в северокавказском регионе они известны и для раннеаланского, и для хазарского, и для печенежского, и для половецкого времени. Что это: генетически родственные популяции с единым или очень близким погребальным обрядом, но с материальной культурой, отражающей разные хронологические этапы, или это генетически неродственные популяции? Тогда какова степень значимости археологически выделенных подбойных подкурганых погребений в качестве этномаркирующего признака погребального обряда? Я кратко перечислил те вопросы, которые задал А.Г. Атавину, когда он приступил к созданию базы «Nomad», и попросил на них ответить в процессе исследовательской работы над темой. И надо сказать, что он практически вплотную подошел к аргументированному ответу на них. Представленная в статье А.Г. Атавина статистика наглядно показывает, что подбойные подкурганые погребения печенежского времени встречаются именно там, где для предшествующего периода нам известны аналогичные по типу захоронения хазарского времени, а для последующего периода — аналогичные по типу захоронения половецкого времени. Этот факт привел исследователя к убеждению о преемственности населения, что радикально меняет наши традиционные представления о судьбе хазар (а сейчас нам уже известны и аналогичные по типу захоронения золотоордынского времени).

В сборнике публикуется и ряд статей, дополняющих эту тему. Так, работа В.В. Вережгина пополняет наши знания новыми материалами печенежского времени из раскопок в Калмыкии, а статья В.И. Мамонтова вводит в научный оборот материалы раскопок погребения половецкого времени из окрестностей Сарепты. В статье Е.В. Круглова исследуется материал одного из раскопанных В.А. Кригером погребений в попытке дать ему этническую атрибуцию. Задача осложнялась тем обстоятельством, что автор не располагал данными антропологических исследований, а круг известных ему аналогий погребальному обряду был чрезвычайно мал. В этой ситуации, по его мнению, маркером может служить найденный в погребении лепной сосуд, имеющий сходство с керамикой дельты Волги и керамикой присырдарьинских па-

мятников. Сходство действительно есть, но может ли свидетельствовать керамика сама по себе и достаточно ли только ее (с методической точки зрения) для определения этноса погребенного? Вряд ли кто-нибудь из этнологов отважится дать положительный ответ на этот вопрос. Насколько порой сложна, запутанна и противоречива этнокультурная и социально-культурная интерпретация археологического материала, наглядно свидетельствует статья Ю.В. Зеленского. Все мы привыкли к традиционной точке зрения, что средневековые евразийские кочевники пользовались для управления лошадью плетью, в отличие от европейских всадников, которые для этого использовали шпоры. Но автор обращает внимание читателей на то, что в двух кочевнических подкурганных погребениях XII–XIV вв. в степном Прикубанье найдены шпоры. И здесь даже неважно: были ли это действительно погребения кочевников, или их «кочевничество» методически определялось только тем, что над погребениями был насыпан курган. Важно другое: судя по археологическим материалам, в более раннее время подобные предметы не имели здесь практического применения. Эта инновация начинается в XII–XIV вв. в северокавказском регионе свой путь как очень престижный атрибут. В обоих случаях мы имеем дело с захоронениями представителей высших социальных страт (шлем, кольчуга, сабля, котел и так далее). И в этом отношении шпоры могут служить в данной этнокультурной среде своеобразным социальным маркером.

В тематику сборника органически вписывается статья Э.Д. Зиливинской о новых исследованиях Сарая, в процессе которых были обнаружены, возможно, остатки минарета. В статье Е.И. Нарожного представляются материалы золотоордынского времени, собранные на городище Алхан-Кала. Имеющиеся в распоряжении автора находки позволяют говорить о том, что хотя этот город был разрушен Чингизидами и прекратил свое существование, но его территория использовалась кочевниками в качестве зимника в XIII–XIV вв. Тема кочевнических погребений в золотоордынское время продолжается и в статье Л.Ф. Недашковского, в которой автор представляет классификацию погребений округа Царевского городища.

Преждевременная кончина А.Г. Атавина не позволила осуществить наши совместные планы по подготовке и исследованию базы данных с условным названием «Khazar». Идея состояла в том, чтобы создать информационно-поисковую систему, куда были бы включены все подкурганные погребения Черноморо-Каспийского междуморья и ближайших регионов, начиная с постгуннского времени и кончая походом Святослава. Это должны были быть не только курганные древности Волго-Донского междуречья и степного Предкавказья, но и Самарской Луки и Северного Дагестана. Только исследование материала с таким территориальным и хронологическим охватом, исследование методами и гистехнологий многомерного статистического анализа и методами могло бы, на мой взгляд, обеспечить объективное решение вопроса о том, что же такое хазарский погребальный обряд. Такой методический подход помог бы выяснить: каковы корни хазарского погребального обряда, каковы признаки археологической культуры хазарского этноса и в чем заключается специфика археологических признаков этнической культуры хазар, где же была этническая территория хазар в VIII–IX вв.? Уже самое предварительное изучение последнего вопроса методами гис-технологий на базе выборки подкурганных погребений VIII–IX вв. только Волго-Донского междуречья радикально меняет наши представления о центре Хазарского каганата. Археологи традиционно доверяли историкам, размещавшим столицу Хазарии — Итиль в низовьях Волги, и очерчивали этот регион как сердцевину Хазарского каганата. Однако специалистам-хазароведам (как историкам, так и археологам) надо, наконец, все же признать, что по вопросу локализации Хазарии нарративные и археологические источники во многом не соответствуют друг другу. В течение многих десятилетий, несмотря на очень активные целенаправленные археологические разведки московских, петербургских, ростовских, калмыкских, астраханских, волгоградских и дагестанских археологов, нам не удалось найти в низовьях Волги хазарский город Итиль или какие-нибудь его достоверные следы. В то же время усилиями этих же исследователей на Нижней Волге обнаружены многочисленные памятники печенежско-

половецкого и особенно золотоордынского времени. Так в чем же дело? Современных исследователей уже не удовлетворяет популярный несколько десятилетий назад алгоритм исторических интерпретаций, бытовавший в раннесредневековой археологии евразийских степей, в соответствии с которым если мы не находим археологических остатков хазарских городов, фортификационных сооружений, жилищ, мастерских, синагог, церквей, мечетей и т.д., то это не значит, что их не было. Это значит, что они были кочевыми. Сейчас с такими взглядами трудно согласиться. Нужны артефакты и их анализ, только на них и базируется наша наука. В низовьях Волги мы не можем обнаружить не только столицу Хазарского каганата, но даже сопутствующих ей поселений 1-го, 2-го, 3-го ... n-го рангов, что обязательно должно было бы быть при сгруппированной модели расселения в соответствии с законами социально-экономической географии, неоднократно проверенными на археологических материалах. Там нет никаких следов ремесленных, торговых, культовых объектов или сельскохозяйственных угодий, о которых нам так ярко сообщают нарративные источники. Более того, мы не находим там даже сформировавшихся могильников, которые свидетельствовали бы вообще о наличии каких-то постоянных мест обитания в хазарское время. Пока есть только очень редкие и территориально разбросанные одиночные погребения хазарского времени и надежда, что достоверные культурные слои хазарского времени все же будут найдены на городище Самосделка или где-то рядом. Проведенный мною локализационный анализ и, в частности, исследование плотности подкурганных погребений на единицу площади в Волго-Донском междуречье методами гис-технологий показывает, что основная зона распространения данного обряда — это не Нижнее Поволжье и даже не современная Калмыкия. Основной зоной распространения подкурганных погребений хазарского времени является территория, очерченная радиусом в 175 км с центром в районе Большой Орловки (можно напомнить, что в этой же географической точке был найден самый богатый вещевой погребально-поминальный комплекс на территории исторической Хазарии). Дан-

ная территория насыщена и поселениями, и городищами хазарского времени. Что же касается низовьев Волги, то это очень далекая периферия обряда подкурганных погребений хазарского времени, а также зоны функционирования поселений и городищ хазарского времени. Анализ данных и, в частности, построение полигонов Тиссена показывает, что на указанной площади с высокой плотностью подкурганных погребений хазарского времени на Нижнем Дону выделяются четыре территориальные группы памятников: Усть-Донская, Усть-Маньчская, Нижне-Сальская и Верхне-Сальская. В каждой из них захоронения хазарского времени территориально группируются внутри зоны, очерченной радиусом в 25–35 км. И примерно таким же расстоянием соседние группы отделены друг от друга. На территории этих групп известны и подкурганные погребения предшествующего, предсалтовского, времени, а в некоторых случаях и значительно более ранние подкурганные погребения.

И здесь нельзя не заметить, что специалисты смежных дисциплин (историки, языковеды, антропологи) не перестают удивляться тайной способности археологов — «хазароведов-болгароведов» уверенно, без лишних колебаний давать этническую интерпретацию своему материалу. Мне глубоко запомнился случай, когда в 1986 году мы с академиком В.П. Алексеевым обсуждали рукопись моей монографии «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)» и, в частности, ту ее историографическую часть, где я критически разбираю бытующие в салтовской археологии формулы: брахикран + ямное погребение = праболгарский этнос в степи; долихокран + катакомбное погребение = аланский этнос в лесостепи. Удивлению этого выдающегося ученого не было предела: неужели действительно археологи — «хазароведы-болгароведы» и сейчас все еще оперируют такими формулами? Как можно определять этноним или язык, на котором говорил умерший, по соотношению нескольких параметрических характеристик его черепа? Прошло 20 лет, но в археологической литературе продолжает тиражироваться «антропологический» этномаркирующий

признак праболгар — брахикранность как признак «тюркоязычных пришельцев-кочевников». Такой примитивный методический прием уже очень давно не используется антропологами. Понятия «этнос» и «популяция» четко дифференцированы. Для определения степени близости краниологических комплексов применяется многомерная статистика, и в частности, кластерный, факторный или канонический анализ. Работы С.Г. Ефимовой и Т.С. Кондукторовой убедительно показали, что популяции салтовского времени, которые мы — археологи почему-то называем «тюркоязычными», «праболгарскими» сохранили все особенности физического типа местного европеоидного степного населения сарматского времени. Они резко отличаются от «хазарских» антропологических серий Левобережного и Правобережного Цимлянских городищ. Следовательно, говорить о генетическом родстве этих псевдоболгар с хазарами мы пока не можем.

Если у нас так много неясного в методиках этнокультурной интерпретации салтовских ингумаций, где сохранился антропологический материал, то что же говорить о салтовских кремациях, где нет антропологического материала. В этом случае в распоряжении исследователей остается пока только вещеведческий и локализационный метод исследования. Что касается последнего, то мне уже приходилось обращать внимание на тот факт, что могильники с салтовскими кремациями в бассейне Сев. Донца территориально сопряжены с зоной, где для предшествующего времени фиксируются пеньковские поселения, пеньковские кремации. Последние известны и в аланских катакомбных могильниках, а катакомбы иногда содержат погребения с пеньковским материалом. Я был и остаюсь сторонником пеньковско-славянской версии происхождения салтовских кремаций в бассейне Сев. Донца и этой точки зрения никогда не менял. Но существуют и другие версии, одна из которых — праболгарская — излагается в настоящем сборнике, в статье В.С. Аксенова. В какой степени определенный тип зеркал может служить этномаркирующим элементом, сказать трудно. Следует обратить внимание на тот факт, что в археологии Северного Кавказа мы встречаемся с

многочисленными случаями, когда однотипные зеркала находят в катакомбах, скальных могильниках, грунтовых ямах, каменных ящиках, полуподземных и подземных склепах и т.д., то есть в могилах, где захоронены представители самых разнообразных этносов этого региона. Следовательно, в данном случае этномаркирующие способности таких зеркал минимальны. Другое дело — вещеведческий, культурологический анализ. И в этом аспекте исследования автора очень интересны, так как они, намечая связи и с новинковскими погребениями Самарской Луки (где также имеются кремации и предшествующая им именьковско-славянская культура), и с подкурганскими погребениями Нижнего Дона, очерчивают родственное культурное пространство в хазарское время. Тематическая статья В.С. Аксенова дополняет совместная статья А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова. Авторы проделали глубокий сравнительный анализ погребального обряда и специфических черт материальной культуры, населения, оставившего трупосожжения в бассейне Сев. Донца и на Северо-Западном Кавказе. Надо признать, что сходство в погребальной традиции и в погребальном инвентаре очевидное, и в этом отношении аргументы авторов убедительны. Но что за ним кроется: общность взглядов на погребальный обряд и общность ряда специфических элементов материальной культуры в одну историческую эпоху или все же этногенетическое родство? Это очень трудноразрешимый вопрос. Можно спорить о принадлежности таких погребений уграм, тюркам, адыго-абхазам или славянам, но пока все это будут лишь догадки. А истина, вероятно, откроется нам только тогда, когда в распоряжении исследователей будут результаты современных антропологических анализов по новейшим методикам (в идеальном случае дополненные анализами ДНК, диеты и т.д.) с последующим сравнительным изучением материалов из биритуальных могильников типа Абрау-Дюрсо и биритуальных могильников апсилов из Цебельды на Северо-Западном и Западном Кавказе, биритуальных могильников типа Красногорский или Пятницкий в бассейне Сев. Донца, биритуальных могильников именьковского и новинковского типов в лесостепном Поволжье. Только ра-

зобравшись до конца в генетическом родстве населения внутри каждого из биритуальных могильников и внутри микрорегионов, мы сможем перейти на следующий уровень исследования, изучать генетическое родство популяций, оставивших разные могильники на разных территориях интересующего нас региона. А уж затем, после этого антропологического исследования, подкрепленного всесторонним культурологическим изучением, можно очень осторожно переходить к постановке вопроса собственно об этнониме, о языке населения в том или ином регионе и моделировать этнополитическую географию региона на том или ином историческом этапе эпохи раннего Средневековья. Иного выхода из этой патовой исследовательской ситуации, на мой взгляд, нет. К примеру, если исходить из старых этнодифференцирующих схем, бытующих в хазарской археологии, то материалы из могильников Пхагугапе и Капанешхо близ аула Тауйхабль, опубликованные в этом сборнике в совместной статье С.Б. Вальчака, Ф.К. Джигуновой, А.А. Тоба и В.Р. Эрлиха, мы должны были бы твердо отнести к «праболгарам» на основании сочетания салтоидных вещей и ямного обряда погребения. Но ведь нельзя забывать, что это коренная историческая территория Адыгеи с ее автохтонным населением, история которого насчитывает не одно тысячелетие. Где же тогда вообще памятники местного протоадыгского населения хазарского времени? Где же современники хазар — предки адыгов, тех самых, которые несколькими столетиями позже обозначат своими многочисленными курганными могильниками, растянувшимися в предгорной зоне Северного Кавказа от черноморского побережья до современной Чечни, демографический взрыв адыгского населения и его расселение? Иными словами, из старой формулы этнической интерпретации археологического материала эпохи Хазарского каганата выпадают большие массивы автохтонного северокавказского населения — адыго-абхазского, вайнахского, дагестанского.

Ряд статей в сборнике посвящен проблемам археологии лесостепной и степной зоны Донецко-Донского междуречья в хазарское время. И, конечно же, одним из наиболее дискуссионных является вопрос об этнической

принадлежности населения, практиковавшего ту или иную традицию погребального обряда. В настоящее время практически не вызывает споров точка зрения о принадлежности катакомбных захоронений алано-асскому населению. Полемика идет об их языке: к сожалению, маяцкие рунические надписи остаются неп прочитанными, а их язык нам не известен. Что же касается принадлежности ямных захоронений салтовского времени праболгарскому этносу, то эта гипотеза все чаще подвергается очень серьезной критике из-за сильно устаревшей и явно недостаточной в настоящее время аргументации. Действительно, изначально основным археологическим эномаркирующим признаком для зоны «праболгарских» погребений Нижнего Дона и Северного Кавказа являлась, как представлялось ранее, ее сопряженность с зоной распространения котлов с внутренними ручками. Но исследования последних лет показывают, что наиболее ранние формы этих средневековых котлов в Юго-Восточной Европе встречены не в Восточном Приазовье, а на аланских поселениях и в аланских катакомбах Центрального Предкавказья (еще один очаг распространения котлов в предболгарское время намечается на Дону). Следовательно, маркировать праболгарский этнос они не могут. Можно напомнить, что типологически близкие котлы известны даже в энеолитических памятниках Верхней Нормандии. Значит ли это, что мы должны удревять праболгарский этнос и выводить его из этого региона Франции или все же следует признать, что данный тип глиняных кухонных сосудов функционально был предназначен для использования над открытыми очагами, следовательно, он должен был обладать соответствующими конструктивными элементами для подвешивания? Более вероятно, что котлы с внутренними ручками имели разные самостоятельные источники происхождения и были распространены так широко (и территориально и, хронологически), что, конечно же, они не могут рассматриваться в качестве этномаркирующего признака.

Существует точка зрения, что одним из этномаркирующих признаков праболгар являются салтоидные горшки, в которых в качестве отошачающей примеси использовался

песок (в отличие от алан, у которых якобы в качестве отошающей примеси применялись только мелкомолотая дрсва или шамот). Более того, находки этой керамики на поселениях степного Предкавказья, Тамани, Восточного Приазовья, Крыма, Румынии, Болгарии часто без какой-либо аргументации прямолинейно связываются с проникновением туда болгаро-хазар, а сами памятники почему-то автоматически включаются в круг салтово-маяцкой культуры. Представляется, что это очень глубокое заблуждение. Проведенная А.А. Бобринским технико-технологическая экспертиза салтово-маяцкой керамики (как лепной, так и сделанной на гончарном круге) полностью отрицает подобную постановку вопроса. А практика моих работ на аланских поселениях Центрального Предкавказья, в частности в Кисловодской котловине, показывает, что салтоидные горшки с примесью песка бытовали там начиная с V в. (Отстойник и др.), когда салтово-маяцкая культура еще не существовала, и вплоть до XII в. (Рим-гора и др.), когда не только салтово-маяцкая, но уже даже позднеаланская культура заканчивает свое существование. Аналогичная картина наблюдается и в Донецко-Донской лесостепи, на территории аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Разведки по Осколу, Тихой Сосне, Короче и т.д. дают очень высокий процент фрагментов псевдопоболгарских горшков с примесью песка, найденных в качестве подъемного материала на поселениях, рядом с которыми зафиксированы большие аланские катакомбные могильники — Подгоровка, Ютановка, Нижние Лубянки, Афоньевка, Маяцкое.

Особо хочется обратить внимание коллег на другое бытующее в литературе заблуждение. Это относится к попыткам использовать строительный материал, из которого возводились городища (известняковые блоки или кирпич), в качестве признака для этнической дифференциации населения, входившего в состав Хазарского каганата. На самом деле использование строительного материала зависит от конкретных природных условий того места, где возводилась та или иная салтовская крепость и от экономических возможностей заказчика. В лесостепной зоне мы фиксируем городища, построенные из

меловых блоков там, где пласты известняка практически выходят на поверхность, — Маяцкое и Верхнеольшанское городища. Если же известняк лежит достаточно глубоко, а перекрывающие его глины выходят на поверхность, то там мы находим городища из сырцового или обожженного кирпича — Красное и Алексеевское городища. Но если городище строилось в той зоне, где на поверхность выходят и пласты известняка, и глина, то там мы встречаем использование обоих строительных материалов — Колтуновское городище. Вероятно, аналогичная ситуация была и в степном Нижнем Подонье. Семикаракорское и Левобережное Цимлянское городища расположены на левом пологом берегу Дона, где нет выходов известняка на поверхность, их стены построены из кирпича. И наоборот, городища Правобережное Цимлянское и Камышинское, разместившиеся на правом высоком берегу Дона, где близко к поверхности выходят пласты известняка, строились из меловых блоков. Попытки выявления этномаркирующих признаков в фортификационной строительной технике раннесредневекового населения Донецко-Донского междуречья предприняты в статье В.В. Колоды. Глубокое понимание сущности и специфики фортификационного зодчества у раннесредневекового населения Восточной Европы зависит от полноты наших знаний в этой области, которые постоянно расширяются и углубляются в связи с новыми открытиями. Но вместе с тем они заставляют нас задавать друг другу все новые вопросы: какую конструктивную или технологическую функцию выполняла, к примеру, прослойка меловой крошки и щебня в центре вала; какую функцию выполняли деревянные конструкции внутри вала; могла ли сырцовая глиняная прослойка (по техническим характеристикам самой глины) выполнять функцию фундамента? А может быть, все же здесь мы встречаемся с описанной Витрувием заливкой «римским» бетоном на меловой основе, деревянные конструкции — конструктивная обвязка или опалубка для бетона или глинобита (землебита), глиняная прослойка — глинобит (землебит) — заполнитель опалубки вала в его нижней части. Все эти строительные приемы были широко распространены в раннем Средневековье на евразийском про-

странстве, а степень их этномаркирующих и этнодифференцирующих возможностей (если она вообще существует) нам всем еще предстоит глубоко исследовать. Насколько важно глубоко, всесторонне и исчерпывающе исследовать и строительную технику, и строительные материалы, из которых возводились салтовские укрепления, в преддверии последующих этнических и исторических реконструкций показывает ситуация, сложившаяся вокруг Левобережного Цимлянского городища (Саркела). Напомню, что уже в первые годы раскопок этого памятника было высказано утверждение, что византийские мастера не играли какой-нибудь заметной роли в постройке крепости, поскольку саркельские кирпичи ($24 \times 24 \times 5$ см, $27\text{--}34 \times 27\text{--}34 \times 7$ см) были якобы невизантийского стандарта (под византийским стандартом, вероятно, понималась плинфа $35 \times 35 \times 5$ см). Эта точка зрения тиражируется в нашей науке и сейчас, в частности в последних монографиях, посвященных публикации материалов раскопок Саркела. Но ведь это явная исследовательская ошибка. Существуют известные нарративные источники с подробным описанием техники производства и размеров позднеантичных-ранневизантийских кирпичей. К примеру, по Витрувию, кирпичи формата педалис были величиной в римский фут (29,5 см), что соответствует второму саркельскому формату. Саркельский формат кирпича (как первого, так и второго типов) фигурирует в многочисленных византийских сооружениях в Константинополе, Абхазии, Италии и на Ближнем Востоке. Таким образом, утверждение о невизантийском характере кирпичей Саркела является элементарной методической исследовательской ошибкой, на базе которой сделаны далеко идущие исторические выводы.

Рядом статей представлена крымско-таманская тематика. Среди них работа В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономарева с публикацией материалов раскопок поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. Авторы убедительно датируют открытые комплексы IX — первой половиной X вв., а общий культурный облик находок вполне вписывается в круг одновременных причерноморских памятников Болгарии, Румынии, Тамани. Однако использование авторами термина «сал-

товские поселения» вызывает у читателей закономерный вопрос: означает ли это принадлежность данного памятника к салтово-маяцкой культуре, или речь идет о времени, синхронном с салтово-маяцкой культурой? В случае последнего варианта можно лишь призвать к осторожности в использовании этого термина. Но если имеется в виду принадлежность памятника к салтово-маяцкой культуре, то неясно, в чем именно прослеживается сходство между представленными керченскими материалами и эталонными материалами верхне-салтовского или маяцкого археологического комплексов в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья? Этот вопрос требует расширенного и аргументированного ответа. Вспомним, что на Среднем Дону нет каменных построек «героевского» типа, нет там и плиточных могил. Более того, описанный керамический комплекс (амфоры, пифосы, ойнохойи, фляжки) является для района Верхнего Салтова — Дивногорья причерноморским импортом. Не характерны для Среднего Дона и высокогорлые кувшины с плоскими ручками, чье производство, как показывает опубликованная в данном сборнике статья В.Н. Чхаидзе, скорее всего, локализуется в районе Таманского городища. Что же касается горшков и лощеных сосудов, которые авторы называют «салтовскими», то для этого времени в Причерноморье они встречаются практически везде — от первой болгарской столицы Плиски до Тамани, а следовательно, никак не могут являться маркером салтово-маяцкой культуры. Может показаться, что этот вопрос находится исключительно в области терминологии, но это не так. Он принципиально важен для процесса этнокультурной интерпретации археологического материала. Ведь неоднозначное понимание локализации, сущности и специфических признаков салтово-маяцкой культуры порой приводит к гипертрофированному пониманию ее значимости в этнокультурных и исторических процессах. Известны случаи, когда салтово-маяцкая культура объявлялась государственной культурой Хазарского каганата, а затем от Балкан до Средней Волги любое поселение, где был найден фрагмент лощеной керамики или фрагмент горшка с волнистым орнаментом, автоматически причислялось к

«салтовским» памятникам (читай «хазаро-болгарским» поселениям) и далее на этом основании определялась территория Хазарского каганата.

Тема археологических памятников эпохи Великой Болгарии представляла особый интерес для А.Г. Атавина. Ещё в начале 1990-х гг., когда я обсуждал с ним его будущую плановую тему «Погребения VII — начала VIII веков из Восточного Приазовья», для нас было очевидно, что широко распространенная в свое время историческая схема, в соответствии с которой так называемые праболгары Аспаруха, переселившись из восточного Приазовья на Балканы, принесли туда элементы своей культуры, сейчас уже не работает. А не работает прежде всего потому, что мы фактически ничего не знаем об археологической культуре собственно оногуро-булгар в Приазовье. Можно ли говорить об оногуро-булгарских истоках крепостной архитектуры болгарских столиц Плиски и Преслава, если в Приазовье вообще нет таких крепостей? Да, в Восточном Приазовье открыты погребальные памятники эпохи Великой Болгарии. На некоторых Таманских поселениях известны культурные слои времени Великой Болгарии. Но кто были обитателями этих поселений: местное приморское население, сохранившееся здесь с позднеантичных — ранневизантийских времен и воспринявшее какие-то элементы материковой культуры своего времени, или это было новое население, пришельцы-степняки? Даже если это были степняки, то мы не знаем, какими археологическими этномаркирующими и этнодифференцирующими признаками можно отделять оногуро-булгар от псевдоаваров (огоров), савиров, барсилов, тюрков, абасгов, зиков, касогов, брухов, хазар, кабар, гуннов страны Алп-Илитвер и других племенных объединений или конфедераций, оседлых или находящихся в движении в предгорьях и степях Черноморо-Каспийского междуморья. А без этого знания, направленного на вычленение археологических признаков собственно этнической культуры оногуро-булгар, предложенные в последнее время реконструкции в области исторической географии Великой Болгарии, в области моделирования ее социально-экономических или демографических характеристик, а также в области так называ-

емого «праболгарского» культурно-исторического наследия в соседних регионах будут оставаться весьма уязвимыми. И, вероятно, прав Р. Рашев, когда пишет, что множественность этнонимов в степях Восточной Европы в VI–VII вв. пока все же ассоциируется у исследователей с фактически однообразным погребальным обрядом. Публикуемая в настоящем сборнике статья А.Г. Атавина (в ее расширенном варианте) представляет собой самый первый шаг в решении данного вопроса: сводку известных подкурганых погребальных памятников Восточного Приазовья с обоснованием датировки. Эта работа оказалась очень востребованной среди специалистов, и в последние годы появился целый ряд глубоких исследований одновременных памятников из Северного Причерноморья. В целом они значительно углубляют наши представления о характере культуры ранне-средневекового населения Северного и Северо-Восточного Причерноморья.

Вопросы датировок археологического материала всегда актуальны. Ряд интересных статей о хронологии предсалтовского этапа вышло в последние годы из-под пера А.В. Комара и И.О. Гавритухина. Последний автор публикует в данном сборнике статью о фибуле из фанагорийских раскопок А.Г. Атавина. Она дает возможность датировать определенную часть культурного слоя раскопа второй половиной V — первыми десятилетиями VI вв. н.э. Над проблемами предсалтовской хронологии плодотворно работает киевский коллега А.В. Комар, представивший статью о развитии седла в VII — первой половине VIII вв. И здесь важно отметить интересное наблюдение автора о том, что в принципе та или иная разновидность седла датирующими возможностями не обладает; можно говорить только о времени появления инновации. Как важно для всех нас проверить в этом аспекте и другие категории погребального инвентаря, чтобы глубоко понять степень возможности их использования в качестве хронологических маркеров. А хронологические маркеры особенно нужны в настоящее время для построения как предсалтовской, так и салтовской аргументированной хронологии, которую, к сожалению, так никто и не создал, несмотря на активное накопление полевых материалов

по салтово-маяцкой культуре почти в течение века. И здесь хотелось бы обратить внимание коллег на этический аспект в нашей работе, на необходимость корректно цитировать или точно излагать чужие точки зрения. К сожалению, в дискуссиях о проблемах хронологии хотя и очень редко, но все же иногда приходится встречаться с формой полемики, весьма далекой от той, которая принята в академической науке. К примеру, недавно коллеги Е.В. Круглов приписал мне (а затем, растиражировав, стал активно оспаривать), что я отрицаю датирующие возможности сасанидских монет из Мокрой Балки, хотя я всегда придерживался и продолжаю придерживаться диаметрально противоположных взглядов, о чем неоднократно писал (см.: *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. М., 2001. С. 11–53). Складывается впечатление, что мой оппонент просто не смог прочесть в первоисточнике то, с чем хочет вступить в дискуссию, при этом он искажает погребальную обрядность, называет катакомбные погребения Мокрой Балки подкурганными и так далее. Но такие случаи редки, и для всех нас более важно другое: в методическом плане отечественные работы в области раннесредневековой хронологии, на мой взгляд, сильно нуждаются в критическом осмыслении и коренной модернизации. И здесь необходимо начинать с создания компьютерного банка данных с их последующим многомерным статистическим анализом для объективного создания относительной хронологии. Конечно, имея в виду объем накопленного материала (только в лесостепной зоне около 1 300 погребений в катакомбах), это очень большая и сложная задача, но мы знаем примеры успешного решения подобных задач. Можно вспомнить, что наш австрийский коллега П. Штадлер разработал великолепную хронологию аварских древностей после

того как создал компьютерную базу данных, включающую несколько тысяч аварских погребений Центральной Европы, и обработал их многомерным статистическим анализом (методом сериации). Подобные методики использовали французские исследователи меровингской хронологии — Р. Легу, П. Перен, Ф. Валле. Они обработали компьютерную матрицу из 1 200 меровингских погребений, где было учтено 457 элементов погребального инвентаря, и в итоге смогли выделить семь хорошо датированных хронологических этапов в рамках 450–710 гг. Но похоже, что ситуация постепенно начинает меняться и у нас. О.В. Лопан заканчивает работу по составлению каталога погребальных комплексов с монетами, синхронными салтово-маяцкой культуре, что позволит исследователям в будущем опираться на исчерпывающую сводку хронологических маркеров. Одновременно она приступила к формированию компьютерной базы данных с материалами погребений Дмитриевского катакомбного могильника с целью их дальнейшего исследования многомерным статистическим анализом и методами гис-технологий. Хочется надеяться, что все эти усилия приведут к закрытию белых пятен в хронологии археологических памятников VIII–X вв. в Донецко-Донском междуречье и будут способствовать появлению новых фундированных исторических реконструкций.

В заключение мне бы хотелось выразить благодарность друзьям и товарищам А.Г. Атавина, стараниями которых был собран и подготовлен к изданию настоящий сборник, — О.В. Лопан, Д.С. Коробову, З.Х. Царикаевой (Албеговой), В.Н. Чхаидзе, А.В. Мастыковой и, конечно же, всем авторам статей, помещенных в нем. Это действительно лучшая память о нашем коллеге, который так рано от нас ушел.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГЕННАДЬЕВИЧА АТАВИНА

26 мая 2004 года ушёл из жизни Андрей Геннадьевич Атавин. В течение без малого тридцати лет он трудился в стенах Института археологии РАН, из них более пятнадцати — в Отделе охранных раскопок. Светлой памяти Андрея посвящается этот сборник его избранных трудов последних лет и статей, написанных друзьями и коллегами.

Андрей Атавин родился 13 января 1954 года в Москве. О родителях Андрея мы, его младшие друзья и коллеги, знаем по его рассказам. Геннадий Владимирович Атавин, ветеран Великой Отечественной войны, служил во флоте, воевал на южных фронтах — в Крыму и на Тамани, где впоследствии Андрей неоднократно работал в археологических экспедициях. Г.В. Атавин рано ушел из жизни, причиной тому были многочисленные ранения, полученные на войне. Мама Андрея, Надежда Николаевна, работала инженером-технологом на авиастроительном заводе «Знамя Труда». От нее Андрей перенял любовь к военной технике. Он умел определять по звуку летящие в небе военные самолеты, мог часами говорить о том, чем отличаются модели, построенные в разных конструкторских бюро, в каких военных конфликтах они принимали участие. По-видимому, именно это увлечение Андрея обусловило его глубокое знание военной истории ушедшего столетия, о которой он вполне профессионально рассказывал своим друзьям.

Но основными интересами Андрея была, конечно, археология и средневековая история Евразии. Интерес к археологии он начал проявлять ещё в школьные годы. Сначала это было детское увлечение историей Древнего Египта — он перечитал все доступные ему в школьной библиотеке книги, делал самостоятельные доклады на уроках истории, собирал газетные и журналь-

ные вырезки по всем темам, так или иначе касавшимся истории и археологии. Это увлечение привело Андрея в знаменитый археологический кружок Дворца пионеров на Ленгорах, руководимый Ростиславом Леонидовичем Розенфельдом. В 1971–1973 гг. Андрей принимал участие в раскопках славянских курганов на юго-западе Москвы и здесь, в Битцевском лесопарке, он выявил новый курганный могильник, а в обнажениях слоёв Дьяковского городища им были найдены литейные инструменты раннего железного века. Свои находки Андрей передавал в археологический отдел Музея истории и реконструкции г. Москвы, где с 1973 по 1975 гг. он работал в должности научного сотрудника. Работу в Музее и экспедиционные поездки Андрей совмещал с учёбой на историческом факультете МГУ, куда поступил в 1972 г. Ещё в студенческие годы его всерьёз заинтересовали вопросы совершенствования методики ведения полевых археологических работ и возможность применения новых научно-физических методов, нацеленных на максимально щадящее отношение к культурному слою памятника. В экспедициях Музея истории и реконструкции г. Москвы уже тогда начал применяться редкостный по тем временам прибор — металлодетектор. Результаты его использования в археологической практике были обобщены и опубликованы А.К. Станюковичем, А.Г. Атавиным, О.М. Даниловой и Ю.Г. Кулешовым (Станюкович, Атавин и др., 1977).

В 1975 г. экспедицией МИРМ был апробирован полевой зонд, предназначенный для археологических разведок. Опытный образец этого прибора был изготовлен на заводе «Знамя Труда» по техническим чертежам, выполненным Надеждой Николаевной Атавиной. Чертежи зонда были опубликованы А.Г. Атавиным совместно с А.К. Станюковичем в жур-

нале «Советская археология» (Станюкович, Атавин, 1975).

Вообще, бережное, почти трепетное отношение к источнику — будь то памятник или отдельная вещь — хорошо знакомая нам всем черта Андрея, замечательно характеризовавшая его как блестящего археолога-полевика. Он всегда ставил во главу угла тщательное соблюдение методики работ — разбивку, кропотливую расчистку и чёткую фиксацию. Он обладал талантом видеть не только тонкости стратиграфии, но и изумительно улавливал мельчайшие детали каждого отдельного предмета.

Такие качества, как наблюдательность и кропотливость, способность методично и аккуратно работать с любыми находками, будь то керамика или стекло, металл или камень, кожа или дерево — оказались чрезвычайно востребованы в годы его труда в лаборатории камеральной обработки Института археологии СССР, куда он пришёл в 1975 году. Андрей проработал в этом подразделении более одиннадцати лет. Здесь он приобрёл квалификацию профессионального реставратора, специализирующегося на восстановлении металлических изделий. За эти годы через его руки прошло более тринадцати тысяч разнообразных находок, обретших прежние формы и, фактически, новую жизнь в экспозициях и хранилищах музеев страны.

Начальный период деятельности Андрея Атавина в стенах Института археологии был связан с двумя крупнейшими экспедициями того времени — Донской и Советско-Болгаро-Венгерской (1975, 1977, 1978 гг.) (Плетнёва, Афанасьев, Атавин и др., 1978; Афанасьев, Атавин и др., 1979). Участие в разведках и раскопках степных и лесостепных средневековых памятников предопределило интерес Андрея к археологии средневековых кочевников.

В 1978 году Андрей заканчивает обучение на кафедре археологии, блестяще защитив под руководством профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова дипломную работу «Позднекочевнические погребения с конём на территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа». Статья, изданная А.Г. Атавиным по этой теме более двадцати лет назад (Атавин, 1984), стала основополагающей разработкой, без ссылок на которую не обходится ни одна научная публикация, затрагивающая данную проблему.

В 1980 г., спустя два года после окончания МГУ, без отрыва от основной работы он поступает в заочную аспирантуру ИА АН СССР, которую заканчивает в 1984 году. Работая в лаборатории, а затем с 1986 г. — в Отделе славяно-русской археологии, Андрей не перестаёт трудиться в экспедициях — с 1979 года ездит на Таманский полуостров, возглавляя с 1982 по 1985 и в 1989 гг. средневековый отряд Фанагорийской экспедиции; участвует в работах Шпицбергенской экспедиции В.Ф. Старкова (1979 г.), Восточно-Крымской экспедиции А.А. Масленникова (1986 г.) и Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции, возглавляемого Я.М. Паромовым (1988 г.).

Особым этапом научной жизни А.Г. Атавина стала огромная полевая и камеральная деятельность, связанная с изучением средневековых слоёв Фанагории и природных факторов, влиявших на жизнь средневековых городов Таманского полуострова (Атавин, 1984; 1986; 1987; 1988; Кореняко, Атавин, 1986; Атавин, Голенцов, 1987). Используя свой опыт и прекрасное знание научной литературы, Андрей обобщил информацию о фанагорийской лощёной и краснолаковой керамике эпохи средневековья в двух крупных статьях (Атавин, 1992; 1993). По существу эти исследования явились основной частью работы А.Г. Атавина над диссертационной темой, от которой впоследствии, в силу определённых обстоятельств, ему пришлось отказаться.

Последний творческий период жизни Андрея Атавина связан с Отделом охранных раскопок ИА РАН. Он приходит в Отдел в 1989 году и, фактически, возвращается к своим изначальным интересам — погребальному обряду средневековых кочевников. В стенах Отдела в 1990 году им была подготовлена плановая тема, посвящённая анализу и публикации комплексов, оставленных ранними болгарами в низовьях Кубани (Атавин, 1991; 1996). Статья была издана в сборнике «Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.», выпущенном в 1996 году в Самаре. Из-за досадной редакторской ошибки из статьи выпала существенная часть текста, что очень огорчило Андрея. И сегодня, исправляя эту ошибку, мы включили статью А.Г. Атавина «Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья» в настоящее издание.

С начала 1990-х гг. Андрей ведёт огромную научную работу по созданию банка данных, обобщавшего сведения о захоронениях средневековых кочевников междуречья Дона и Волги, начиная от хазарской эпохи и до золотоордынского периода. Над созданием информационно-поисковой системы, получившей наименование «Номад», он трудился более десяти лет. За это время им была просмотрена не одна сотня отчетов о раскопках, хранящихся в архиве Института археологии, внимательно изучено большое количество публикаций. Безвременная кончина не позволила завершить этот колоссальный труд, фактически являвшийся диссертационным исследованием. За это время А.Г. Атавиным было подготовлено несколько плановых тем: «Разработка и заполнение информационно-поисковой системы “Номад”» в 1994 г. (Атавин, 1993; 1995), «Погребения печенегов в районе междуречья Дона—Волги и Северного Кавказа» в 1997 г.; «Погребения половцев в районе междуречья Дона и Волги» в 2000 г.; «Создание каталога погребений хазарского времени юга России» в 2003 г. (Афанасьев, Атавин, 2002). Тогда же он вновь вплотную приступает к разработке темы, с которой некогда начал свою научную деятельность — «Погребения средневековых кочевников с конем» (Атавин, 2001). Последнюю плановую тему «Изучение процессов этногенеза и социальной дифференциации поздних кочевников VII–XIII вв. юга России методами ГИС», начатую в 2003 году, ему не довелось завершить.

Черновые тексты некоторых работ частично сохранились в домашнем архиве и будут опубликованы в этом сборнике в виде самостоятельных статей. Несмотря на незавершённость, эти работы отражают то огромное знание проблемы, талант исследователя и эрудицию, которые были присущи Андрею Геннадьевичу.

Специфика работы в Отделе охранных раскопок наложила свой отпечаток на его экспедиционную деятельность, определив широкий географический и тематический круг разведок и раскопок, в которых он принимал участие практически до последнего дня. Нам посчастливилось работать с ним вместе в экспедициях

в Подмоскowie (1991 г.) и на Маяцком селище (1994 и 1995 гг.), в Ингушетии (1996 г.) (Малашев, Атавин, Воронин, Коробов, Лопан, Маслов, 1998; Атавин, Лопан, Маслов, 1998) и во Франции (1998 г.) (Мантель, Казанский, Мاستыкова, Албегова, Атавин, Коробов, 2000), в Смоленске и Смоленской области (1998 и 1999 гг.) (Атавин, Лопан, Нигматуллин, 2001). И везде, где бы ни появлялся Андрей, он всегда был окружён молодёжью, студентами и школьниками, которые слушали его замечательные рассказы о средневековой истории и экспедиции к селкупам, о кочевых обычаях тюркских народов и войнах на Ближнем Востоке, о Фанагорийской экспедиции и работе на Маяцкой крепости... Пожалуй, самыми главными чертами характера Андрея Атавина всегда оставались тщательно скрываемые за ироничностью доброта и открытость, которые позволяли нам, более молодым и менее опытным, чувствовать себя с ним на равных, общаться с ним по-дружески, учиться у него исподволь, без «академизма». Обладая обостренным чувством справедливости, он иногда бывал резок в словах, но те, кому довелось близко общаться с Андреем, его старые проверенные друзья и младшие коллеги, всегда знали, что в трудную минуту найдут в нем поддержку, искренность, честность. Он всё принимал близко к сердцу...

В последние годы в экспедиционной жизни Андрея наступил долгожданный для него момент, когда он возобновил поездки в любимые степи, в Поволжскую экспедицию, где он трудился бок о бок с В.В. Дворниченко, безвременно ушедшим вслед за Андреем. Все складывалось как будто бы благополучно в его непростой судьбе — экспедиционная деятельность, научная работа... Неожиданная смерть перечеркнула все планы.

Немногочисленные научные труды Андрея уже вошли в число значимых работ по средневековой археологии Евразии — ведь каждая из его работ являлась плодом взвешенного анализа источников, мастерски выполненного их автором. Но, прежде всего, Андрей Геннадьевич Атавин останется в нашей памяти как добрый и надёжный друг.

Энговатова А.В.,
Коробов Д.С.,
Лопан О.В.,
Албегова (Царикаева) З.Х.

А.Г. Атавин, 1984 г.

А.Г. Атавин, 1984–1985 гг., Фанагория

Маяцкое городище. Экспедиционный лагерь
Советско-болгаро-венгерской экспедиции ИА РАН, 1975–1977 гг.

Разведочные работы Оскольского отряда ИА РАН, 1976 г.

Селитренное городище, Поволжская экспедиция ИА РАН, 1976 г.
Слева — А.Г. Атавин, в центре — О.В. Богословский

Разведочный отряд Таманской экспедиции ИА РАН, пос. Кучугуры, 1981 г.
Справа — Я.М. Паромов и А.Г. Атавин

Разведочный отряд Таманской экспедиции ИА РАН, пос. Кучугуры, 1981 г.
А.Г. Атавин среди сотрудников экспедиции

Городище Фанагория, 1983 г. Начальник Фанагорийского средневекового отряда ИА РАН
А.Г. Атавин на Стратиграфическом раскопе

Камеральная обработка коллекций Фанагорийского отряда
на базе в Кучугурах, 1984–1985 гг.

Маяцкое городище, 1995 г. Экспедиционный лагерь Дивногорского отряда ИА РАН.
А.Г. Атавин в кругу сотрудников экспедиции

В окрестностях с. Экажево, Назрановский р-он Республики Ингушетия, 1996 г.
Сотрудники Межрегиональной экспедиции ИА РАН А.Г. Атавин и В.Е. Маслов
на фоне Большого Кавказа и строящегося города Магас

А.Г. Атавин, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова
в Верхней Нормандии (Франция), 1998 г.

ЗЕМЛЯ Москвы... В ее напластованных слоях скрыта гигантская «кладовая» истории — следы самых различных сооружений. Город строился веками, и время постоянно изменяло его облик.

Ежедневно, сжато идя в нашем городе всевозможные земляные работы, и археологи, естественно, не в силах посетить всюду. Но им помогают все, кому дорога история столицы. Они приносят находки в Музей истории и реконструкции Москвы. Не столько имен этих добрых помощников хотелось бы с благодарностью назвать.

Большие земляные работы велись нынешним летом на улице Державинского — одной из древних в Москве, где, по преданию, находились владения легендарного богатыря Кучки.

В громадном котловане под ковшом экскаватора здесь обнажились фундаменты раннепереносных построек, котловин-срубов, а на проезжей части улицы открыты были руины древних мостовых.

Существенную помощь музею при археологических работах в этом месте оказал полковник Ю. Н. Нордов, интересующийся историей Москвы. Музей обязан ему находками разнообразных предметов, любопытного комплекта-складки XV — XVI веков, сосудов — кувшины и кубышки с черными блестящими лаками.

Интересные коллекции поступили в музей от монтажника ДСК-1 С. Е. Армягов. Строитель этот увлечен археологией и умело ведет поиск.

Старинная аптекарская посуда была обнаружена им при работах на Красной площади — у Исторического музея, где прежде стояло здание Главной аптеки. А древняя керамика обрела Армяговым у Старого Английского двора, что восстанавливается сейчас близ гостиницы «Россия». Однако неверно было бы думать, что архео-

ПОИСКИ И НАХОДКИ

КЛАДОВАЯ ИСТОРИИ

- ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ
- ДРЕВНЕЕ «СЕЛИЩЕ»
- ПАМЯТНИКИ ДАЛЕКИХ ЭПОХ

логические находки таятся лишь в покрове земли исторического центра Москвы. Феодальный город даже в ранний период окружали многие села «красной хорони», как именуют их название о начале Москвы. Не легко найти теперь следы этих окрестных поселений, но тем не менее Армягов открыл место такого «селища» близ новых кварталов Алешинки, у Химкинского водохранилища. При благоустройстве сада в прорытых траншеях, или следов за бульдозером, рабочий собрал замечательную коллекцию предметов быта и ремесел времени до татаро-монгольского нашествия. Здесь же, на самом берегу водохранилища, в устье речки Химки, археолог-любитель разведка следы мамонтов — слонов дальных эпох — стоянки новонаменского века, поселения ранне-железного века, обнаружил важные палеонтологические находки — кости мамонта и других ископаемых животных.

Из глубин бронзового века — 2-го тысячелетия до н. э. дошла до нас замечательная находка — бронзовое копье, обнаруженное в Юзине студентом МГУ А. Р. Аташвили. Будущий историк, давний активист музея, Андрей собрал интересную коллекцию в обмундировании древнего Дьяковского

городища близ Коломенского — нашел литейные инструменты, костяной наконечник стрелы, орнаментированные приспички (грунцильды для перетяжки) относящиеся к раннему железному веку.

Любопытные находки времени летописной Москвы не так давно были сделаны у юго-восточной окраины города. На левом берегу Москвы-реки, близ поселка Державинского, доныне сохранились строения Николо-Угренского монастыря, основанного Дмитрием Донским. Но вот находки, обнаруженные здесь архитектором О. В. Морозовым, оказались значительно старше, чем сам монастырь. При раскопках фундаментов у одного из поздних зданий обнаружилась погребенная женщина из племени славян-вятчей. О. В. Морозов проиграл раскопкам, сохранил и передал в музей великолепные украшения — традиционный подвесочный убор вятичей — семидольные высокие кольца из бисюла (сплава серебра и меди), витые браслеты, решетчатые перстни, бусы красного сардоника. Носившая их славянка была современницей Юрия Долгорукого.

Рабочие и преподаватели, студенты, и школьники из клубных археологов, существующего при музее, посвящают свой досуг изучению истории родного города, увлечены поисками памятников его древней культуры.

..Набрал знакомый номер археологического отдела — 228-07-65, и вновь звонит телефон: что же на сей раз открылось в древней земле Москвы?

А. ВЕКШЕР, заведующий археологическим отделом Музея истории и

репофтерскими тронами

КАБИНЕТ РЕСТАВРАЦИИ

Институт археологии АН СССР, лаборатория камеральной обработки, кабинет реставрации. Его сотрудники могут отреставрировать древний замок, которому несколько столетий; из красных кирпичей рога посоа, найденных в Оренбургской области, в кургане середины I тысячелетия до нашей эры, собрать вазу. Кстати, эту вазу из рога лоса заведующий кабинетом Ирина Мартынова собирала несколько лет.

— Вот бронзовые монеты из Горького, — демонстрирует чернометаллический монетный реставратор А. Аташвили — это монеты римского императора Траяна, которые он откопал в развалинах древнего города. Это кружок из металла (вместе с гравированным шипом) в разрыве одного матрикса, привозный, имеет следы в разрыве явля и сминает красные ошметки. Еще раз мыть, чистка

в растворе уксуса, кипячение в дезинфицирующей воде. В результате из сусального шара издается монета с ликом восточного царя Саврохата I (93—123 годы нашей эры).

Каждый реставратор здесь умеет все, но особенно любит делать что-то одно. Монеты и античные ассы — «этикетка» Андрея Аташвили. У Александра Григорьева — кольца, перстни, патежные шпильки X—XI веков из вятичей. Никита Саврохата, бронзовые браслеты из античных курганов, «браслеты» Владимира Бондова — «браслеты», под его руками лоса вновь становится монетой, теоретик —

А. БУРДОВА.

МОСКВА

Заметка из газеты «Неделя»,
№ 30 за 1984 г.

ТИКИ

ЗОНЕ ОТДЫХА»

а 10 августа распахнуты «Тропаревская зона отдыха».

Исполкому Черемушкинского райсовета предложено совместно с другими организациями рассмотреть вопрос о перспективах развития зоны отдыха с учетом проекта ее реконструкции и массовой застройки прилегающей территории. Исполкому райсовета поручено также разработать план подготовки зоны отдыха «Тропаревская» к осен-

Заметка из газеты «Московская правда»
за октябрь 1973 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.Г. АТАВИНА

1. Исследования в Подмоскowie // АО–1974. 1975. С. 52, 53 (в соавт. с А.Г. Векслером, А.К. Станюковичем, О.М. Даниловой).
2. Простейший полевой зонд для археологических разведок // СА. 1975. № 4. С. 280–282 (в соавт. с А.К. Станюковичем).
3. Применение метода электромагнитной индикации в археологических разведках и раскопках // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып. 2. Мат. студенческой конф. МГУ. М., 1977. С. 151–155 (в соавт. с А.К. Станюковичем, О.М. Даниловой, Ю.Г. Кулешовым).
4. Работы Советско-Венгерской экспедиции // АО–1977. 1978. С. 77, 78 (в соавт. с С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьевым, А.З. Винниковым, А.В. Кашкиным, В.С. Флёровым).
5. Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // АО–1978. 1979. С. 49 (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым, В.Е. Нахапетян, Е.А. Молевым).
6. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–143.
7. Работы Средневекового отряда в Фанагории // АО–1982. 1984. С. 107, 108.
8. Раскопки в Фанагории // АО–1984. 1986. С. 90, 91.
9. Погребения поздних кочевников из с. Новоселицкого // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 95–101 (в соавт. с В.А. Коренько).
10. Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262–266.
11. Работы Фанагорийского отряда // АО–1985. 1987. С. 126.
12. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 29–35.
13. Влияние природных факторов на жизнь древнего города Фанагории на Таманском полуострове // Человек и Природа. 1987. № 2. С. 78–84 (в соавт. с А.С. Голенцовым).
14. Средневековая Фанагория и её место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Тез. докл. М., 1988. С. 21–23.
15. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 151–155 (в соавт. с Я.М. Паромовым).
16. Лощёная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. № 1. М., 1992. С. 173–211.
17. Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // Боспорский сборник. № 2. М., 1993. С. 149–171.
18. Информационно-поисковая система «Номад» (кочевники южнорусских степей) // Археология и история юго-востока Древней Руси. Мат. научной конф. Воронеж, 1993. С. 94–96.
19. Древности нашего Отечества. Новые археологические открытия // Археологический бюллетень. № 1(17). М., 1994. С. 5–16 (коллектив авторов).
20. Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М., 1995. С. 34–52.
21. Погребения VII — начала VIII веков из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 208–264.
22. Результаты работ Ингушской экспедиции // АО–1996. 1998. С. 217, 218 (в соавт. с

В.Ю. Малашевым, К.В. Ворониным, Д.С. Коробовым, О.В. Лопан, В.Е. Масловым).

23. Экажевское поселение эпохи бронзы в Ингушетии // XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 17, 18 (в соавт. с О.В. Лопан, В.Е. Масловым).

24. Половецкое святилище из Ставрополя // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь, 1998. С. 231–237 (в соавт. с М.В. Андреевой).

25. Результаты работ на меровингском могильнике в Лонгтуа // АО–1998. 2000. С. 369–371 (в соавт. с Э. Мантелем, М.М. Казанским, А.В. Мастыковой, З.Х.-М. Албеговой, Д.С. Коробовым).

26. Отдел охранных раскопок // Институт археологии сегодня. М., 2000. С. 184, 185 (в соавт. с А.С. Смирновым).

27. Раскопки в Смоленске // АО–1999. 2001. С. 57, 58 (в соавт. с О.В. Лопан, Р.А. Нигматуллиным).

28. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 162–166.

29. Харинка — средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 266–307 (в соавт. с И.С. Каменецким).

30. Что такое хазарский погребальный обряд? (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй международный colloquium. Тез.

докл. М., 2002. С. 14–16 (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым).

31. Средневековые монеты из Фанагории // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 2003. С. 53, 54 (в соавт. с В.Н. Чхаидзе).

32. Средневековые монеты из Фанагории // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 348–358 (в соавт. с В.Н. Чхаидзе).

33. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности Юга России. М., 2007

34. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX — первой половине XIII вв. (Печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. М., 2007.

35. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России. М., 2007.

35. Курганный могильник Колобовка–IV в окрестностях Царевского городища (материалы раскопок 2000 г.) // Древности Юга России. М., 2007. (в соавт. с В.В. Дворниченко, О.В. Лопан) (в печати).

37. Les Petchénègues et les Torks des steppes russes d'après les données de l'archéologie funéraire // De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et elite guerrières. Actes des tables rondes Longroy I (1er et 2 septembre 1998) et Longroy II (24 et 25 août 1999). Tome XV des Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie mérovingienne. Textes réunis par X. Delestre, M. Kazanski et P. Périn. DRAC Haute-Normandie — APANH — AFAM. P. 350–355.

**ТРУДЫ
А.Г. АТАВИНА**

ПОГРЕБЕНИЯ VII — НАЧАЛА VIII ВВ. ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В 70–80-е гг. прошлого столетия в связи со строительством большого количества оросительных систем и планировкой полей под орошаемые культуры на правом берегу реки Кубань были раскопаны десятки курганов. Среди сотен раскопанных погребений от эпохи бронзы до XVIII–XIX вв. особое внимание археологов привлекли погребения, содержавшие богатый и очень характерный инвентарь, включавший не только оружие, но и поясные геральдические наборы. Сведения лишь о некоторых из них попали в печать (Семёнов, 1987; Атавин, Паромов, 1991), а об остальных так и остались лежать в полевых отчетах Института археологии РАН (Марченко и др., 1978а; Марченко и др., 1978б; Марченко, 1979; Пятых, 1980; Сорокина, 1982). Данная статья, не претендуя на исчерпывающую полноту, ставит своей задачей ввести в научный оборот информацию об исследованных погребениях (Карта).

Местность, где были найдены данные погребения — правобережье реки Кубани в её нижнем течении, в нескольких десятках километров от впадения в Азовское море. Это — степь, пересеченная многочисленными реками и речушками, несущими свои воды в Азов или впадающими в Кубань. Над уровнем моря плоская степная равнина находится всего лишь на высоте 6–6,5 м. По схеме почвенно-географического районирования местополо-

жение курганов, содержавших описываемые погребения, входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию мицелярно-карбонатных мощных и сверхмощных черноземов. По административному делению — это территория Калининского и Красноармейского районов нынешнего Краснодарского края (см. карту). Все публикуемые погребения сближает между собою обряд захоронения — они были впущены в курганы бронзового века и совершены в неглубоких, подпрямоугольной формы могилах (Табл. 8, 23).

Двое погребённых были ориентированы головами строго на восток, двое — на восток-северо-восток, один — на северо-восток, и в одной могиле погребённый уложен головой строго на север (Табл. 1, 4, 8, 12, 20, 23). Встречен также кенотаф («Царский курган» 1, комплекс 73). Все погребённые лежали на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, и сопровождались останками коней. Ноги коней обрублены у нижних эпифизов бедренных костей, т.е. чуть выше пясти. В четырёх случаях черепом конь ориентирован в ту же сторону, что и человек (Табл. 4, 8, 12, 23), один раз — перпендикулярно по отношению к погребённому. Обычно кости коня и его череп как бы растянуты в могиле по всей длине, имитируя тело лежащего на животе животного, что характерно для многочисленных погребений кочевников азиатских и восточноевропей-

ких степей (Атавин, 1984). В трёх случаях кости коня располагаются слева от человека на одном с ним уровне, в одном случае — справа, а в одном — выше человека в могиле (Табл. 8). В погребении 6 кургана 13 группы Малаи 1 вместо костей коня у головы человека — череп козы (Табл. 20, 1). Заупокойная пища встречена три раза: в двух случаях это были кости барана, а в одном — коровы, при этом два раза кости найдены у черепа человека (Табл. 4, 1–3), а один — рядом с костями коня (Табл. 8).

Все исследуемые погребения богаты инвентарем, который можно отнести к трем крупным категориям: оружие и конское снаряжение — мечи, кинжалы и ножи, кольчуги, пластинки доспехов, наконечники стрел, стремяна, удила, накладки луков и колчанов, рукояти нагаек; украшения — гривны, браслеты и, что очень характерно для этих погребений, — золотые, серебряные и бронзовые геральдические поясные наборы, выполненные в технике штамповки или литья; предметы быта и туалета — зеркала, пинцеты, кресала, шилья, керамика.

ОРУЖИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

МЕЧИ. Относятся к группе железных и делятся на два отдела по типу рубящей части.

Отдел 1. Двулезвийные. Тип 1. С рукоятью, расположенной на одной линии с линией лезвия (Табл. 3, 10). Длина меча — 87 см, рукоять обломана в древности. В месте перехода от рукояти к рубящей части — прямые углы. Остатков каких-либо обкладок и петель не сохранилось.

Отдел 2. Однолезвийные (палаши). Тип 2. С рукоятью, расположенной на одной линии с линией лезвия (Табл. 5, 1). Чуть изогнутый в центральной части палаш имеет длину 97,2 см. Длина рукояти — 8,5 см. В месте перехода от рукояти к лезвию образуются тупые углы, при этом более плавный тупой угол образован в месте перехода к рубящей части лезвия.

Ножны палаша украшены наконечником из листового серебра, длиной 8 см, шириной 3–4 см и двумя Р-образными петлями из серебра с двумя отверстиями для подвешивания (Табл. 5, 2). На рукояти такой же наконеч-

ник, как и на ножнах, но меньших размеров (Табл. 5, 3).

НОЖИ. Группа железных.

Отдел 1. С прямыми спинками.

Тип 1. Больших размеров, однолезвийные. Длина 23–26 см (Табл. 3, 1). Длина рукояти 4–5 см. Возможно, использовались как кинжалы или боевые ножи.

Тип 2. Маленькие, до 11 см длиной, с рукоятью в 1,5–2 см, однолезвийные (Табл. 3, 4; 11, 4; 14, 5; 20, 2; 26, 6).

Отдел 2. С чуть выгнутой спинкой.

Тип 3. Небольшие, 12–13 см длиной, однолезвийные. Длина рукояти — 3 см (Табл. 11, 6).

СТРЕМЕНА. Группа железных, отдел арочной формы.

Тип 1. С выделенным широким ушком для путалища. Сделаны из овального в сечении прута (1 × 0,8 см). Ширина ушка 3,5 см, высота 1,7 см, толщина 1 см. Сломаны в древности — подножки не сохранилось (Табл. 11, 7).

УДИЛА. Группа железных, отдел двусоставных, тип неизвестен, так как не сохранилось рисунка. Удила были найдены между задними ногами коня в погребении 2 кургана 29 у хут. Чапаевский (Табл. 4, 1).

СТРЕЛЫ. По материалу делятся на группы, по способу насадки на отделы, по форме пера — на типы.

Группа 1. Железные.

Отдел 1. Черешковые.

Тип 1. Трёхперые, крупные, с удлинённым пером, ярко выраженным упором для древка и чуть расходящимися вверх основаниями перьев. Общая длина стрел около 11 см, длина пера — 5,5–7 см (Табл. 19, 1–3).

Тип 2. Плоские, с треугольным пером и ярко выраженным упором для древка. Длина стрел — 9–9,5 см. Длина пера — 6–7 см, наибольшая ширина — 5 см (Табл. 14, 1).

Тип 3. Плоские, с пером неправильно-ромбической формы, с упором для древка и без него. Длина стрел 9–10 см. Длина пера 5,5–6,5 см, ширина пера — 3,6 см (Табл. 14, 2, 3).

Группа 2. Костяные.

Отдел 1. Черешковые.

Тип 4. Трёхгранные, с пером подтреугольной формы. Длина 7,2 см, длина пера около 2 см (Табл. 15, 7).

НАКЛАДКИ НА ЛУК. Группа костяных.

Отдел 1. Срединные.

Тип 1. Изогнутые пластины удлиненно-треугольной формы с вырезом в верхней расширенной части. Длина их 9,5–16 см, наибольшая ширина 1,5 см, толщина 0,3–0,4 см. В сечении прямоугольные, поверхность их заполирована (Табл. 15, 2, 3).

Отдел 2. Концевые.

Тип 2. Широкие изогнутые пластины, сегментовидные в сечении. Поверхность их заполирована. Длина от 10,5 до 16 см, ширина 2 см, толщина 0,3 см (Табл. 15, 1).

НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН. Группа костяных.

Тип 1. Неорнаментированные, прямоугольные по форме и треугольные в сечении накладки. Длина их до 15 см, ширина от 1,2 до 3,5 см (Табл. 3, 2, 3).

Тип 2. Прямоугольная, орнаментированная Х-видными вырезами накладка. Длина ее 11,5 см, ширина 1,9 см, толщина 0,15 см (Табл. 15, 6).

ЖЕЛЕЗНЫЕ КРЮКИ. Использовались для подвешивания колчанов (Табл. 3, 5; 14, 6).

РУКОЯТИ НАГАЕК. Сделаны из рога животных. Длина их до 17 см, в сечении круглые. На двух сохранились отверстия для крепления гибкого ремня окончания с помощью металлического стержня (Табл. 11, 9; 15, 4; 26, 1).

КОЛЬЧУГИ. Кольчуга из «Царского кургана» плохой сохранности (Табл. 18, 1). Сохранилось лишь два колечка от кольчуги в погребении у хут. Крупской, которые были положены в могилу, по всей видимости, чисто символически. Диаметр их 1,8 см, в сечении они круглые (Табл. 3, 8).

ПЛАСТИНЧАТЫЙ ДОСПЕХ. Сохранилась одна пластинка от доспеха в комплексе из «Царского кургана». Она удлиненно-прямоугольной формы, сужающаяся книзу. Длина ее 8,5 см, ширина 1,8–1 см, толщина 1,5–2 мм. У верхнего края пластинки пять сквозных отверстий, по два у боковых граней и одно у верхней для крепления к другим пластинам доспеха (Табл. 19, 4).

УКРАШЕНИЯ И ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА

ГРИВНЫ. Группа золотых, отдел витых, с застежкой в виде двух крючков. Гривна сделана из квадратного в сечении золотого витого

дота диаметром 1,5 мм. Диаметр гривны 9,3 см (Табл. 24, 1).

БРАСЛЕТЫ. Группа золотых, отдел гладких, с завитыми концами. Сделаны из круглого в сечении дота диаметром 1,5 мм. Диаметр браслетов около 5 см (Табл. 24, 2).

ПРЯЖКИ. По материалу делятся на группы, по форме рамки — на отделы, по форме щитка — на типы.

Группа 1. Серебряные и бронзовые.

Отдел 1. Овальнорамчатые.

Тип 1. Безщитковая пряжка с рубчатой поверхностью рамки. Для крепления к ремню на нижней планке подвешены две лапки-крючка (Табл. 21, 3).

Тип 2, подтип 1. С цельным геральдическим щитком или со щитком, имеющим маленькое отверстие в центре. Языкоприемник обычно никак не оформлен или имеет небольшое углубление (Табл. 13, 1–4).

Подтип 2. Литая пряжка из серебра с геральдическим щитком с отверстиями в виде запятых и языкоприемником, оформленным в виде двух выпуклых валиков (Табл. 16, 1).

Подтип 3. Серебряная литая пряжка с геральдическим щитком с прорезями в виде усатого лица и языкоприемником, оформленным в виде небольшого углубления с двумя плоскими валиками. Язычок хоботковый, с квадратным выступом у основания (Табл. 2, 2).

Тип 3. Серебряная литая пряжка с щитком в виде двух соколиных головок и языкоприемником с двумя выступающими валиками (Табл. 10, 10).

Отдел 2. Лировидные.

Тип 4. Серебряная литая пряжка с квадратным щитком без прорезей и языкоприемником с углублением и двумя тонкими валиками (Табл. 16, 5).*

Отдел 3. В-образные.

Тип 5. Серебряная литая пряжка с округлым геральдическим щитком без прорезей. Язычок хоботкового типа с квадратным выступом у основания (Табл. 6, 6).

Тип 6. Серебряные литые одно- и двусоставные пряжки с геральдическими щитками без прорезей и с небольшим острым выступом в нижней части. Язычки хоботкового типа, профилированные, с квадратными выступами у основания (Табл. 2, 1; 6, 1).

Тип 7. Серебряные литые двусоставные пряжки с геральдическими щитками с двумя отверстиями и острым выступом в нижней части. Рамки широкие и также оформлены двумя отверстиями глазками. Язычки хоботкового типа, с выступами у основания. Рамки с язычком напоминают внешне аварские псевдопряжки (Табл. 6, 2, 3, 5).

Тип 8. Литая серебряная пряжка с геральдическим щитком трапециевидно-заострённой формы. Язычкоприемник оформлен небольшим углублением с двумя тонкими валиками. Язычок тонкий, хоботкового типа, без выступов в нижней части (Табл. 16, 6).

Отдел 4. Прямоугольнорамчатые.

Тип 9. Безщитковая литая бронзовая пряжка (Табл. 16, 2).

Тип 10. Литая серебряная пряжка с геральдическим щитком без прорезей. Язычок хоботкового типа с выступом в нижней части (Табл. 6, 4).

Тип 11. Бронзовая литая пряжка с трапециевидным щитком без прорезей. Язычкоприемник оформлен небольшим углублением. Язычок тонкий, хоботкового типа, без выступов в нижней части (Табл. 16, 4).

Группа 2. Железные.

Отдел 1. Круглорамчатые.

Тип 12. Безщитковые (Табл. 11, 1).

Отдел 2. Овальнорамчатые.

Тип 13. Безщитковые пряжки (Табл. 11, 2; 26, 2).

Отдел 3. Прямоугольнорамчатые.

Тип 14. Пряжки с язычком, расположенным параллельно длинной стороне рамки (Табл. 14, 8; 26, 3).

Группа 3. Костяные.

Отдел 1. Прямоугольнорамчатые.

Тип 15. Безщитковые, подпружные (Табл. 6, 7).

Отдел 2. Трапециерамчатые.

Тип 16. Удлиненно-овальной формы, с двумя отверстиями. Подпружные (Табл. 15, 5).

НАКОНЕЧНИКИ ПОЯСОВ РЕМНЕЙ.

Группа 1. Золотые.

Отдел 1. Прямоугольные, с закруглённой нижней частью.

Тип 1. Тиснённые наконечники с орнаментом из ложной и настоящей зерни.

Подтип 1. Наконечник с орнаментом из среднего размера ложной зерни по краю, более

мелкой, оконтуривающей внутреннюю часть и орнаментом из трёх рядов треугольников из напаянной зерни, обращённых вершинами к полукруглой части наконечника. У противоположного конца — два сквозных отверстия для прикрепления к ремню (Табл. 2, 4).

Подтип 2. Наконечник с орнаментом из внешнего и внутреннего рядов ложной зерни. Между ними — три ряда напаянных треугольников из зерни, между которыми вписаны полукружия, круг и крест из такой же зерни (Табл. 2, 5).

Подтип 3. Три наконечника, орнаментированные по краям двумя рядами ложной зерни. По центру идут два ряда более мелкой овальной зерни, а оставшееся пространство заполнено треугольниками из шариков напаянной зерни (Табл. 2, 6–8).

Тип 2. Тиснённый наконечник с орнаментом из ложной зерни. По краям оконтурен двумя рядами зерни, крупной и более мелкой. Вдоль по центру ряд крупной и два ряда мелкой зерни. Оставшееся пространство заполнено двумя рядами из пяти полукружий из мелкой зерни, обращённых выпуклой стороной к центральной линии (Табл. 25, 1).

Отдел 2. Прямоугольные, с заострённой нижней частью.

Тип 3. Семь тиснённых наконечников с орнаментом из ложной зерни по краю. В центре — выпуклый ёлочный орнамент (Табл. 25, 4).

Группа 2. Серебряные.

Отдел 1. Прямоугольные, с закруглённой нижней частью.

Тип 4. Литой наконечник со вставкой из золотой фольги, с напаянными треугольниками из зерни, обращёнными вершиной к полукруглому окончанию. На противоположном конце — две прочерченные линии (Табл. 13, 5).

Тип 5. Составные наконечники без орнамента. У некоторых ближе к полукруглому окончанию небольшое расширение (Табл. 4, 2, 3; 9, 3, 4; 18, 2, 4; 21, 1).

Тип 6. Составной наконечник с вогнутыми внешними сторонами (Табл. 9, 4).

Тип 7. Литые наконечники геральдических очертаний (Табл. 9, 1, 2).

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ПОЯСНЫЕ БЛЯШКИ. По материалу делятся на группы, по форме — на отделы, по орнаментации — на типы и подтипы.

Группа 1. Золотые.

Отдел 1. Круглые.

Тип 1. Девять тиснёных бляшек с крупной ложной зернью по краю. В центре — изображение толстощёкого монголоидного лица (Табл. 25, 2).

Отдел 2. Восьмерковидные.

Тип 2. Тиснёная бляшка, орнаментированная по краям двумя—тремя рядами крупной и более мелкой ложной зерни. В центре каждой окружности — напаянные в виде треугольников шарики мелкой зерни (Табл. 2, 11).

Отдел 3. Овальные.

Тип 3. Тиснёная бляшка, орнаментированная по краю крупной ложной зернью. Внутреннее пространство разделено поперек рядом такой же зерни. Немного отступая от края бляшки, в каждом отделе из мелкой напаянной зерни выложен ещё один ряд, а внутри него — орнамент из треугольников (Табл. 2, 10).

Отдел 4. Геральдические подквадратные, с закруглённым окончанием.

Тип 4. Подтип 1. Тиснёные бляшки, орнаментированные по краю крупной ложной зернью. По трём сторонам идут ещё две параллельные линии из более мелкой зерни. На оставшемся поле из напаянных шариков зерни выполнена верхняя часть антропоморфной фигуры с воздетыми вверх руками. Вокруг и внутри неё орнамент из треугольников и ромбов (Табл. 2, 14–16).

Подтип 2. Такая же бляшка, но вместо головы фигуры — вставка для камня, а с плоской стороны приделан язычок для прикрепления бляшки к ремню (Табл. 2, 12).

Подтип 3. Бляшка с таким же изображением и орнаментом, но от плоской стороны спускается вниз язычок, заканчивающийся гантелькой. И язычок, и гантелька орнаментированы мелкой напаянной зернью, имитирующей клюв и глаза птицы, что делает её похожей на псевдопряжки аварского типа (Табл. 2, 9). Бляшки типов 2, 3 и 4 происходят из погребения у хут. Крупской (Табл. 1).

Отдел 5. Геральдические трапециевидные.

Тип 5. Семь тиснёных бляшек с орнаментом в виде стилизованного цветка лотоса (Табл. 25, 3). Бляшки типов 1 и 5 происходят из погребения у ст. Старонижестеблиевской (Табл. 23).

Группа 2. Серебряные и бронзовые бляшки.

Отдел 1. Круглые.

Тип 6. Литые серебряные и посеребренные бляшки без орнамента (Табл. 9, 6; 17, 12).

Тип 7. Литая серебряная бляшка с орнаментом в виде насечек по краю (Табл. 2, 17).

Тип 8. Литые серебряные бляшки с тремя отверстиями и трапециевидным окончанием с треугольным отверстием. Применялись для обуви (Табл. 10, 7).

Отдел 2. Бляшки удлинённой формы с заострёнными окончаниями.

Тип 9. Подтип 1. Литая серебряная бляшка с двумя вырезами по бокам и тремя отверстиями (Табл. 17, 11).

Подтип 2. Литые серебряные бляшки с выступающей в виде пирамиды центральной частью с четырьмя отверстиями и двумя длинными прорезами с окружностями на конце (Табл. 13, 9; 17, 10).

Отдел 3. Удлинённо-геральдической формы с заострённым окончанием.

Тип 10. Литая серебряная бляшка с двумя боковыми вырезами и двумя сквозными отверстиями в верхней части (Табл. 7, 5).

Тип 11. Литые серебряные бляшки с геральдической нижней и X-видной верхней частью. По полю — шесть круглых отверстий (Табл. 9, 5).

Тип 12. Тиснёная серебряная бляшка с четырьмя отверстиями в верхней фигурной части (Табл. 21, 1).

Тип 13. Серебряная литая широкая бляшка с шестью отверстиями, схематично изображающими человеческое лицо (Табл. 17, 8).

Тип 14. Литая серебряная бляшка с фигурными боковыми выступами и двумя прочерченными линиями в верхней части. Отверстия по полю бляшки имитируют человеческое лицо (Табл. 17, 9).

Тип 15. Серебряная литая бляшка. Боковые стороны без фигурных выступов. В верхней части — две прочерченные полосы. С помощью сквозных отверстий схематично изображено лицо человека — брови, глаза, нос (Табл. 13, 6).

Тип 16. Такие же, но на лице человека нет бровей, а нос изображён длинной прорезью с круглым отверстием на конце (Табл. 17, 6, 7).

Отдел 4. Подквадратные геральдической формы, с закруглённой нижней частью.

Тип 17. Литая серебряная бляшка с двумя отверстиями в верхней части (Табл. 17, 12).

Отдел 5. Подквадратные геральдической формы, с заострённой нижней частью.

Тип 18. Литые и тиснёные серебряные бляшки без орнамента (Табл. 9, 7, 8, 9; 22, 4).

Тип 19. Серебряная литая бляшка с W-образным вырезом в верхней части (Табл. 7, 7).

Тип 20. Серебряная литая бляшка с U-образной прорезью на щитке (Табл. 2, 3).

Тип 21. Четыре серебряные литые бляшки с фигурными вырезами и круглым отверстием у верхнего края (Табл. 17, 2–5).

Тип 22. Похожи на тип 21, но верхний край разомкнут (Табл. 9, 10).

Тип 23. Похожи на тип 22, но в нижней части — две прорези в виде запятых (Табл. 13, 13).

Тип 24. Серебряные литые бляшки с вырезами у верхнего края. Двумя сквозными отверстиями и волнообразной линией переданы глаза и усы человека (Табл. 10, 5; 17, 1).

Тип 25. Две серебряные литые бляшки с человеческой личиной: брови, глаза, нос, усы (Табл. 10, 4).

Тип 26. Серебряные тиснёные бляшки с двумя отверстиями в верхней части (Табл. 22, 2, 3).

Тип 27. По форме такие же, как тип 18, но с ушком для подвешивания, тиснёная (Табл. 7, 8).

Тип 28. Такие же, как тип 27, но с расширенным в верхней части ушком для подвешивания. У одного экземпляра на щитке прорезь в виде полумесяца (Табл. 13, 7, 8).

Тип 29. Литые и тиснёные серебряные геральдические бляшки с отростком в верхней части, заканчивающимся гантелькой и U-образной прорезью на щитке (Табл. 7, 4, 6; 13, 11; 22, 7).

Тип 30. Литая серебряная бляшка с отростком в нижней части в виде головы утки (Табл. 10, 1).

Отдел 6. Трапециевидные.

Тип 31. Литые серебряные, с насечками по краю и загнутой верхней частью, соединённой шпёнком с лицевой стороной для крепления на поясе (Табл. 18, 5, 6).

Тип 32. Литые бронзовые, по конструкции такие же, как тип 31. Лицевая сторона без ор-

намента. У места перегиба — полукруглые вырезы (Табл. 18, 7, 8).

Тип 33. Серебряная литая, по конструкции такая же, как типы 31 и 32, но в петлю вставлено серебряное кольцо. Применялась для подвешивания меча к поясу (Табл. 2, 13).

Отдел 7. Прямоугольные.

Тип 34. Литая, с прямоугольным вырезом в центре (Табл. 10, 8).

Тип 35. Серебряная литая с каплевидной нижней частью с отверстием. В верхней части — прямоугольная прорезь (Табл. 10, 2).

Тип 36. Бронзовая литая с секировидной нижней частью. В верхней части — прямоугольная прорезь (Табл. 16, 8).

Тип 37. Серебряная литая пряжка с секировидной нижней частью, но более округлых очертаний, нежели у типа 36. В верхней части — прямоугольная прорезь (Табл. 16, 9).

Тип 38. Серебряная литая с отростком в верхней части в виде двух соколиных головок (Табл. 13, 10).

Отдел 8. X-видные.

Тип 39. Литые серебряные бляшки с вогнутыми боковыми и нижними и выгнутыми верхними гранями. На щитке — четыре отверстия (Табл. 7, 1–3).

Тип 40. Литая серебряная бляшка с округлой, чуть заострённой нижней гранью, двумя вырезами по бокам и выпуклыми верхними гранями. На щитке — четыре отверстия (Табл. 7, 9).

Отдел 9. Зооморфные.

Тип 41. Тиснёные серебряные бляшки, аналогичные нижней части аварских псевдопряжек. Вместо вставок на месте глаз — отверстия (Табл. 22, 1).

Тип 42. Сердцевидные литые серебряные бляшки в виде стилизованных птичьих или пчелиных головок с двумя дырочками вместо глаз (Табл. 7, 10, 11).

Тип 43. Две серебряные литые бляшки в виде головы хищной птицы с изогнутым клювом (Табл. 13, 12).

ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ТУАЛЕТА

ЗЕРКАЛА. Бронзовое круглое зеркало без ручки, неорнаментированное. Диаметр около 6 см. По краю идет утолщённый ободок. Сломано в древности (Табл. 11, 6).

ПИНЦЕТЫ. Серебряный пинцет из квадратной в сечении проволоки (Табл. 18, 3).

КРЕСАЛА. Железные, отдел калачевидных. О типе ничего нельзя сказать из-за плохой сохранности образцов (Табл. 4, 4; 11, 3; 14, 4; 26, 4).

ШИЛЬЯ. Железное шило с остатками деревянной ручки, круглое в сечении (Табл. 14, 7).

КЕРАМИКА. Группа столовой посуды, отдел кувшинов. Серолощёный кувшин высотой 21 см, наибольший его диаметр 17,5 см, диаметр дна 11 см, а венчика 12,3 см. Снабжён небольшой круглой в сечении ручкой с ребром на внешней стороне и неярко выраженным сливом. По плечикам идет косая полоса насечек. При помощи системы обмеров, предложенных для таких сосудов В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1981. С. 46, 47), его можно охарактеризовать как стройный с высоким и узким горлом, низким плечиком и низкой, ближе к средней, придонной частью (Табл. 27).

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

После формальной классификации можно приступить и к поиску аналогий, которые достаточно обширны и позволяют очертить хронологические рамки вышеописанных погребений, и попытаться связать их с каким-либо этносом, проживавшим на данной территории в период средневековья.

Так, двулезвийный меч-инсигния типа 1, найденный в погребении у хут. Крупской, находит себе аналогии среди аварских материалов, где хорошо прослежена смена двулезвийных мечей однолезвийными в VII в. Во второй половине VII в. у авар клинок уже получает изгиб и превращается в саблю (Амброз, 1981. С. 15). Наиболее поздней находкой двулезвийного меча на нашей территории является находка в Малом Перещепино, где вместе с двумя палашами найден обломок двулезвийного меча (Семёнов, 1987. С. 60). Находка из Малого Перещепино датировалась А.К. Амброзом второй половиной VII в., но позже он уточнил дату до 80-х годов VII в. (Амброз, 1971. С. 118–120, 122; Ковалевская, Краснов, Амброз, 1973. С. 297). И. Вернер по монетам датирует находку из Малого Перещепино около 650 года, так как в составе клада самыми

поздними монетами являются монеты византийского императора Константа II (641–668), чеканенные в Константинополе в 642–647 годах (Вернер, 1988. С. 35, 36, 39–41). Таким образом, по материалам аварских могильников и находке в Малом Перещепино двулезвийные мечи можно датировать в пределах первой половины VII в., т.е. 600–650 гг.

Однолезвийный палаш с Р-образными петлями, из погребения у хут. Чапаевский, также находит себе аналогии в круге памятников, связанных с кочевническим миром. Это Малое Перещепино, погребение у г. Энгельс, могила всадника у Арцыбашева (Монгайт, 1951. С. 124, 125. Рис. 42), датирующиеся VII в. (Амброз, 1981. С. 13–16, 18). Наиболее поздними находками являются находки в Глодоссах рубежа VII–VIII вв. и Вознесенке первой половины VIII в. (Амброз, 1981. С. 13–16, 18–22, 72). Но у большинства находок подобных палашей иного рода перекрестие, иная более богатая отделка ножен, наш же меч достаточно прост в оформлении. Наиболее близкой аналогией ему является находка палаша в погребении из Учтепе (Иессен, 1965. С. 175. Рис. 26, 1; Семенов, 1987. С. 60, 61. Рис. 1, 1, 5).

Ножи различных типов датировать трудно, так как хронология их практически не разработана. Боевые ножи или кинжалы встречаются довольно часто в погребениях из Абхазии и относятся, в основном, к середине V — середине VI вв., а в погребениях VII в. встречены всего один раз (Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 24). Боевые ножи попадают и в погребения салтово-маяцкой культуры (Плетнёва, 1989. С. 91, 92, Рис. 45).

Единственный обломок стремени из погребения 10 кургана 4 у ст. Калининской находит прямые аналогии со стремением из Вознесенки, которое датируется А.К. Амброзом не ранее с VIII в. (Амброз, 1971б. С. 127, 128. Рис. 14, 18а). Трёхперые наконечники стрел типа 1 встречены в Верхнечирюртовском могильнике VII–VIII вв., но там они меньших размеров (Магомедов, 1981. С. 117, 124. Рис. 8, 1), в комплексе у Вознесенки первой половины VIII в. (Смёнко, 1975. Рис. 37), в могилах V–VII вв. с территории Киргизии (Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10, 10), в памятниках салтово-маяцкой культуры (Плетнёва, 1989. С. 71, 72, Рис. 33). Наконечники стрел типов 2 и 3

есть в Чир-Юрте, в погребении кургана 18 у г. Энгельса на Волге, которое отнесено А.К. Амброзом ко 2 группе кочевнических древностей и датировано им VII в. (Амброз, 1981. С. 13, 21. Рис. 5, 30), но все же наибольшее распространение они, по-видимому, получают в VIII–IX вв. (Магомедов, 1981. С. 117, 124. Рис. 8, 9, 16). Костяные наконечники стрел слишком широко распространены во времени и пространстве, так что твердая их датировка практически невозможна. Из-за их плохой сохранности также трудно продатировать костяные обкладки лука и колчана. Рукояти плетей из рога животных появились, по всей видимости, ещё в сарматское время. Подобная, но орнаментированная рукоятка есть в могиле Ак-Кюна VII–VIII вв. на Алтае (Евтюхова, Киселев, 1941. С. 103–114. Рис. 42), в погребении 11 из могильника Леоберсдорф в Нижней Австрии раннеаварского времени (до 650 г.) (Daim, 1987. S. 219. Ill. 11), в материалах IX–X вв. из Саркела (Артамонов, 1958. Рис. 26, 28).

Остатки кольчуг и доспехов в последнее время в большом количестве открыты в могилах Чир-Юрта VII–VIII вв. (Магомедов, 1981. С. 121, 122. Рис. 2, 13, 14, 21, 30, 31 и др.). Большинство вещей из категории бытовых, как то: зеркало, шило, пинцет, кресало, колчаные крюки, твёрдо датировано быть не может. Не удалось нам подобрать и прямую аналогию для серолощёного кувшина из погребения 1 кургана 8 у ст. Старонижестеблиевской.

Перейдем к поиску аналогий для остального материала. Обычай класть в могилы или скрывать вкладах гривны был распространен широко и повсеместно. Нашей гривне близки по типу обломок витой золотой гривны из Малого Перещеино (Вернер, 1988. Рис. 11, 36) и гривна из могильника Чми (Уварова, 1900. Табл. 124, 2). Полная аналогия нашей гривне — серебряная витая гривна в погребении из Учтепе в Азербайджане. Разница только в застежках: у нашей гривны два крючка, а у учтепинской — просто завязанные концы (Иессен, 1965. С. 178. Рис. 30; Balint, 1989. S. 36, 37. Ill. 15, 1). Прямых аналогий для золотых браслетов нами не найдено, но по характеру завязки концов они идентичны гривне из Учтепе.

Для овалнорамчатой пряжки типа 1 прямых аналогий не найдено. Правда, укра-

шение рамки пряжки с помощью рубчиков близко В-образным безщитковым пряжкам могильника Мокрая Балка, которые бытуют на 1 этапе его существования во второй половине V — первой половине VI вв. (Афанасьев, 1980. С. 145, 150. Рис. 2, 14. Табл. 2). Бронзовые и серебряные пряжки типа 2 подтипа 1 находят аналогии среди лировидных и В-образных пряжек, датированные В.Б. Ковалевской VII–VIII вв., а Г.Е. Афанасьевым — второй половиной VI — первой четвертью VII в. (Ковалевская, 1979. С. 33, 41. Табл. XV, 5–7; XIX, 3; Афанасьев, 1980. С. 143, 145, 150. Рис. 1, 31). По В.Б. Ковалевской, пряжки нашего типа 2 подтипа 2 бытуют от VI до VIII в., но, в основном, все же в VI–VII вв. (Ковалевская, 1979. С. 33, 34. Табл. XV, 5, 7, 10). По материалам Мокрой Балки эти пряжки наиболее близки овалнорамчатой пряжке типа 13, но вместо четырёх отверстий имеют две прорези-запяты (Афанасьев, 1980. С. 143, 150. Рис. 1, 32. Табл. 2). Встречаются такие пряжки в Мокрой Балке только в погребениях 4 этапа могильника — на рубеже VII–VIII и в первой половине VIII в. Пряжки типа 2 подтипа 3 датируются также, как и пряжки первого подтипа. Прямых аналогий для пряжки типа 3 нами не найдено, но мотив из голов двух хищных птиц, повернутых клювами в разные стороны, встречен на бляшке от пояса в погребении 3 этапа Мокрой Балки, датируемого второй четвертью VII — рубежом VII–VIII вв. (Афанасьев, 1980, С. 48, 49. Рис. 1, 117; 2, 17).

Пряжки типа 4 встречаются начиная с IV в., есть в VII–VIII вв., но особенное распространение получают в VIII в. и заходят даже в IX в. (Ковалевская, 1979. С. 34. Табл. XV, 13–15). В-образные пряжки типа 5 датируются VI–VII вв. (Ковалевская, 1979. С. 40. Табл. XVIII, 24), типа 6 в основном встречаются в VI–VII вв., хотя есть и в VII–VIII вв. (Ковалевская, 1979. С. 41. Табл. XIX, 3, 5, 6). В Мокрой Балке встречены три пряжки типа 6, правда, со вставками из стекла. Все они относятся ко 2-му этапу существования могильника, ко второй половине VI — первой четверти VII вв. (Афанасьев, 1980. С. 145, 150. Рис. 2, 18, 20). Пряжки 7 типа находят аналогии среди материалов VII в. (Ковалевская, 1979. С. 41. Табл. XIX, 7, 12). Они подражают

по форме аварским псевдопряжкам. А.К. Амброз относит их к 3-й группе геральдических поясов и датирует серединой — второй половиной VII в. (Амброз, 1971а. С. 118, 119. Рис. 5, 39; 1973. Рис. 1, 5, 6). Интересно, что ни одной подобного типа пряжки в могильнике у Мокрой Балки не встречено. На нашей территории аварские псевдопряжки встречены в Малом Перещепино и Келегеях. О датировке Малого Перещепино не позже 650 года говорилось выше. Находки из Келегейских хуторов одновременно находкам из Малого Перещепино. Чанад Балинт датирует их второй третью VII в. (Balint, 1989. S. 95. Ill. 40). К выводу о том, что аварские псевдопряжки не бытуют дольше середины VII в. приходят и другие авторы (Гавритухин, 1990. Рис. 1). Из сказанного можно сделать вывод о бытовании аварских псевдопряжек с начала до середины VII в. Следовательно, и подражания псевдопряжкам на нашей территории имеют ту же дату, т.е. 600–650 г. Значит, также датируется и наша пряжка типа 7. Сделанные выводы подтверждаются материалами могильников Прикамья, где пряжки типа нашей появляются во второй половине 2-го периода, относящегося ко второй половине VI — первой половине VII вв., то есть к 600–650 гг. (Генинг, 1979. С. 100, 104. Рис. Н8, П1). В-образная пряжка типа 8 не имеет прямых аналогий среди известных нам материалов Кавказа и Крыма. По форме щитка она близка овалнорамчатой пряжке типа 16 подтипа 1 (по В.Б. Ковалевской), которая бытует в VIII и VIII–IX вв. (Ковалевская, 1979. Табл. XI, 5). Прямоугольнорамчатая безщитковая пряжка типа 9 датируется широко от VI до IX в., но почти две трети находок таких пряжек относятся к VIII–IX вв. (Ковалевская, 1979. С. 44. Табл. XXI, 1). Пряжка 10-го типа датируется VI–VII вв., а по находкам в Мокрой Балке — второй половиной VI — VII в. При этом 75 подобных пряжек там встречено в могилах второй половины VI — первой четверти VII в. (Ковалевская, 1979. С. 44, 45. Табл. XXI, 8, 9; Афанасьев, 1980. С. 146, 150. Рис. 3, 4–7. Табл. 2). Пряжки типа 11 отнесены В.Б. Ковалевской к VI–VII вв. Среди пряжек из Мокрой Балки похожие типы бытуют со второй четверти VII по рубеж VII–VIII вв. (Ковалевская, 1979. С. 45, 46. Табл. XXI, 21, 22; Афанасьев, 1980. С. 147, 150. Рис. 3, 17–20.

Табл. 2). Основное количество кругло-, овално-, и прямоугольнорамчатых безщитковых железных пряжек (типы 12, 13, 14) в Мокрой Балке встречено в могилах второй половины VI — первой четверти VII и второй четверти VII — рубежа VII–VIII вв. (Афанасьев, 1980. С. 147–149, 152. Рис. 4, 1–4; 7, 9; 12, 14; 20, 22. Табл. 3). То же самое можно сказать о костяной пряжке типа 15. Другая костяная пряжка типа 16 имеет аналогии среди материалов VII в. из Южной Сибири. Пряжка подобного типа встречена в катакомбе 2-го периода Мокрой Балки (вторая половина VI — первая четверть VII вв.) (Амброз, 1971б. Рис. 12, 25; Афанасьев, 1980. С. 149, 150. Рис. 5, 6, Табл. 3).

Золотые наконечники поясов типа 1, украшенные псевдозернью и настоящей зернью, находят прямые аналогии среди материалов из Камунты, Учтепе и Арцыбашева (Монгайт, 1951. С. 125. Рис. 45, 3; Иессен, 1965. С. 176. Рис. 28; Balint, 1989. S. 24, 36, 37, 41, 44. Ill. 1, 10, 11; 15, 4, 5; 16, 4; 19, 2). Совпадает не только материал и технология изготовления вещей, но и характер орнамента из зерновых треугольников, расположенных в 1–3 ряда вдоль пластины наконечника. Нет перегруженности композиции. С другой стороны, поясные наконечники, украшенные зернью, есть среди находок из Малого Перещепино, Келегейских хуторов, Вознесенки, Гачиата, в могиле всадника (кург. 3, погр. 5) в Мадаре в Болгарии. Отличием последних аналогий (особенно Вознесенки, Глодосс, Мадары) является перенасыщенность предметов зернью, которая покрывает буквально все свободное пространство предмета, что говорит, по нашему мнению, о более позднем их происхождении. Кроме того, что особенно характерно, на многих наконечниках поясов есть мотив из зерновых треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Последнее абсолютно не встречается на наших наконечниках поясов типа 1 (Balint, 1989. S. 26, 27. Ill. 5, 7; Сміленко, 1965. Табл. 3, 4, 6, 7; 1975. Рис. 36; Вернер, 1988. Прил. 29; Станчев, Иванов, 1958. С. 19. Рис. 2). Действительно, Глодосские сокровища датируются концом VII — началом VIII в. и связаны с памятниками 2-й аварской группы (Сміленко, 1965. С. 64; Амброз, 1971а. С. 122. Рис. 8, 8; 1973. С. 297). Вознесенка относится к первой половине VIII в., а могиль-

ная находка в Мадаре — скорее всего, ко времени после 680 года (Амброз, 1981. С. 13, 22; Станчев, Иванов, 1958. С. 19 и др.). Из всего этого следует, что описываемый нами тип поясов не может относиться ко второй половине VII — первой половине VIII в. Тогда верхней границей его существования мы можем считать 650 год (так ныне можно датировать находки из Малого Перещеино). В материалах второй половины VI — начала VII в. подобных наконечников поясов также нет. Видимо, время их бытования на нашей территории где-то около 600–650 гг. Более точно вопрос о времени бытования наконечников поясов типа 1 может быть решен при обращении к аналогичным материалам из Учтепе и Арцыбашева. Ч. Балинт относит погребения из Учтепе и Арцыбашева к первой трети VII в., что подтверждает предложенную нами дату (Balint, 1989. S. 36, 37, 41. Ill. 15, 16). Скорее всего, к тому же времени относится и серебряный наконечник пояса типа 4 со вставкой из золотой фольги с зернеными треугольниками (Табл. 13, 5). Тиснёный золотой наконечник пояса типа 2 почти аналогичен типу 1. Отличается он тем, что в орнаменте, во-первых, отсутствуют элементы из треугольников, а, во-вторых, весь орнамент выполнен в технике ложной зерни. Орнаментация по полю наконечника из двух рядов полукружий находит аналогии на некоторых вещах из Малом Перещеино. Там, правда, он напаян из золотой проволоки. Таким образом, наконечник пояса типа 2 вряд ли может датироваться временем ранее 650 года, а, скорее всего второй половиной VII в., тем более, что подобные, но несколько усложнённые орнаменты известны и в VIII в. (Вернер, 1988. Прил. 14, 48; 16, 52, 54; Balint, 1989. S. 98. Ill. 43, 9, 13, 15, 16). Золотые наконечники поясов типа 3 значительно отличаются от только что описанных. На них нет треугольников из мелкой напаянной зерни. Внутреннюю поверхность покрывает сплошной орнамент из выпуклых углов ёлочкой (Табл. 25, 4). Подобные орнаментированные наконечники известны среди находок из Камунты (Уварова, 1900. Табл. 124, 15, 16; Balint, 1989. S. 24. Ill. 1, 6). Такого орнамента нет на вещах из Малого Перещеино и Келегея, зато похожий орнамент встречается на позднеаварских литых вещах и одном

наконечнике пояса из Вознесенки, где он выполнен зернью (Balint, 1989. S. 161. Ill. 72, 12; Сміленко, 1975. Рис. 37). Поэтому подобные наконечники вряд ли были распространены ранее второй половины VII — начала VIII в. А.К. Амброз находки из Камунты относит к рубежу VII–VIII вв. (Амброз, 1971а. Рис. 6, 24). Находка наконечников поясов типа 3 в одном погребении с наконечником типа 2, скорее всего, позволяет датировать их в пределах второй половины VII — рубежа VII–VIII вв. Серебряные пояса типа 5 относятся ко второй половине VI — II вв. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 11; 1989. Рис. 23, 15, 18). Более точный хронологический репер для них мы получаем в материалах могильника Мокрая Балка. Там такие наконечники бытуют во второй половине VI — первой четверти VII вв. (Афанасьев, 1979. С. 47. Рис. 1). Подобная картина наблюдается в аварских материалах. При этом наконечники с небольшим расширением окончания (у нас — погребение в Малаях и Царский) датируются второй третью VII в. (Гавритухин, 1990. Рис. 1).

Поясные наконечники типа 6 А.К. Амброзом отнесены к VII веку. В Мокрой Балке подобные наконечники бытуют во второй четверти VII — рубежа VII–VIII вв. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 69; Афанасьев, 1979. Рис. 1). Фигурные наконечники поясов типа 7 датируются второй половиной VI — первой четвертью VII в. (Афанасьев, 1979. С. 47. Рис. 1). В могильниках Прикамья они встречены в комплексах второй половины VI — первой половины VII в. (Генинг, 1979. С. 100, 101. Рис. М12).

Аналогии золотым тиснёным бляшкам с человеческой личиной типа 1 можно отыскать среди вещей так называемого шиповского типа (Амброз, 1989. С. 76. Рис. 30, 1, 2, 5, 11, 14). Но наши бляшки отличаются от шиповских, прежде всего, великолепной моделировкой лица — можно даже узнать типичную монголоидность. Кроме того, ободком наших бляшек служат крупные бугорки, имитирующие шарики зерни. Подобный стиль характерен для аварских псевдопряжек и наконечников поясов. Поэтому полной аналогии с шиповскими личинами нет. В целом бляшки типа 1 можно отнести ко 2-й группе кочевнических древностей, выделенной А.К. Амброзом и датировать VII в. (Амброз, 1971б. С. 115, 116. Рис. 11, 3; Амброз, 1989. С. 76). Более

точная датировка вытекает из того факта, что эти бляшки найдены в одном погребении с золотыми наконечниками поясов 2 и 3 типов и соответственно относятся ко второй половине VII — рубежу VII–VIII вв. К этому же времени относятся найденные в том же комплексе золотые тиснёные бляшки типа 5 в виде цветка лилии. Поясные бляшки типов 2, 3 и 4 найдены в одной могиле с золотыми тиснёными, украшенными зернью, поясами типа 1. При этом бляшки типа 4 подтипа 1 полностью аналогичны таким же бляшкам из погребения у с. Арцыбашево, что позволяет датировать их первой третью VII в. (Balint, 1989. S. 41. Ill. 16). Круглые бляшки типа 6 и 7 датируются широко, в пределах VII в., а в могильниках Прикамья доживают до конца VIII в. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 28; 1989. С. 61, 62. Рис. 25, 2, 7; Генинг, 1979. Рис. Л14, О14, Р17, ОЗ, Ф6). Бляшки типа 9 подтипа 1 относятся ко второй половине VI — первой четверти VII в., а подтипа 2 — к последней трети VI — VII в. (Афанасьев, 1979. Рис. 1; Дмитриев, 1982. С. 106. Рис. 12, 27). О времени бытования бляшек типов 10, 12, 14, 15, 27, 28 можно сказать, что они относятся к VII в. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 37, 60, 62, 63). Бляшки типов 17 и 29 бытуют со второй половины VI до первой половины VII в., но, скорее всего, недалеко заходят в VII в. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 2, 3; Генинг, 1979. Рис. Н12, Н13, П4). Бляшка типа 19 находит прямую аналогию в Прикамье, где датируется второй половиной VI в. (Генинг, 1979. Рис. Н14). Бляшки типов 11, 16, 20–23, 25 относятся к 3-му этапу развития геральдических поясных наборов и датируются А.К. Амброзом серединой — второй половиной VII в. (Амброз, 1973. Рис. 1, 21, 52, 57–59, 69). А бляшки типов 24 и 29 можно отнести даже к последней трети VII в. (Амброз, 1989. С. 61. Рис. 22, 33; 23, 34). С другой стороны в Мокрой Балке наши типы 11, 24, 25, 29 встречены в катакомбах второй половины VI — первой четверти VII в. (Афанасьев, 1979. С. 47. Рис. 2). Серебряная бляшка с головкой уточки типа 30 находит аналогии в могильнике Дюрсо и в Суаргоме из В. Чми, где относится соответственно или к последней трети VI — VII в. или просто к VII в. (Амброз, 1989. С. 15, 53–55. Рис. 2, 25; 22, 12). Х-видные бляшки типа 39 есть в материалах из Мокрой

Балки второй половины VI — первой четверти VII в., в Прикамье, на агафоновской стадии конца VI — VII вв. и в других могильниках из той же местности (Уфа, Бахмутино, Урья), где датируются второй половиной VI в. (Афанасьев, 1979. С. 47. Рис. 2, 44; Голдина, 1979. Рис. 1, 94; Генинг, 1979. Рис. Л15, Н11, П7). Бляшки типа 38 с двумя соколиными головками встречаются на 3-м этапе существования могильника Мокрая Балка (вторая четверть VII — рубеж VII–VIII вв.) (Афанасьев, 1979. Рис. 1). Двухчастные бляшки типа 40 датируются второй половиной VI — первой половиной VII в. (Амброз, 1971а. Рис. 5, 20; 1973. Рис. 1, 42–45). Бляшки типа 42 встречены в материалах второй половины VI — первой четверти VII в. (Афанасьев, 1979. С. 47. Рис. 1; 2, 26). Орлиноголовая бляшка типа 43 известна из погребений могильника Чми и относится к VI–VII вв. (Мацулевич, 1927. С. 131, 132, 139, 140. Рис. IX, 9). Бляшки типа 41 по аналогии с пряжками типа 7 (и та, и другая копируют внешне аварские псевдопряжки) можно датировать в пределах 600–650 гг. По пропорциям бляшка типа 13 сопоставима с геральдическими наборами 4-го этапа конца VII — первой половины VIII в. (Амброз, 1973. Рис. 1, 82). Для остальных типов геральдических бляшек предложить более или менее удовлетворительную датировку не представляется возможным.

В результате поиска аналогий и хронологического определения типов вещей мы получили шесть групп геральдических пряжек, поясных наконечников и бляшек, датирующихся от второй половины V до первой половины VIII в. включительно.

ГРУППА 1. Вторая половина V — первая половина VI в. Наиболее малочисленная. Сюда вошла лишь пряжка типа 1.

ГРУППА 2. Вторая половина VI — первая четверть VII в. Это пряжки типов 2-1, 2-3, 6 и 10, наконечники поясов типа 5 и 7, бляшки типов 9-1, 11, 17, 19, 24, 25, 26, 29, 39, 40, 42.

ГРУППА 3. 600–650 гг. Пряжки типа 7, наконечники поясов типов 1 и 4, бляшки типов 2, 3, 4, 41.

ГРУППА 4. Вторая четверть VII — рубеж VII–VIII вв. Пряжки 3 и 11 типов, наконечники типа 6, бляшки 38 типа.

ГРУППА 5. 650–700 гг. Наконечники поясов типа 2 и 3, бляшки 1, 5, 16, 20, 21, 22, 23.

ГРУППА 6. Рубеж VII–VIII — первая половина VIII вв. Пряжки типа 2-2 и 4, бляшки 13.

В то же время некоторые типы пряжек и бляшек датируются широко в пределах VI–VII и VIII–IX вв. Так, пряжки типов 12, 13, 14, 15 и 16 имеют дату от второй половины VI до начала VIII в., а типов 8 и 9 — VIII–IX вв. Бляшки типа 9-2 относятся к последней трети VI — VII вв., типов 10, 12, 14, 15, 27, 28, 30 — к VII в. в целом, типа 43 — к VI–VII вв., типов 6 и 7 к VII и VIII вв. На основании проведенного анализа представляется возможным более точно продатировать имеющиеся в нашем распоряжении погребения.

Погребение у хут. Крупской (Табл. 1–3). Пряжки типа 2-3 и 6 датируются второй половиной VI — первой четвертью VII в., наконечники поясов типа 1 и бляшки типов 2, 3, 4 — 600–650 гг., но, учитывая полную аналогию бляшек типа 4 с находками из Арцыбашева, их можно отнести к первой трети VII в. Находка двулезвийного меча, стрел и бляшки типа 7 не противоречат этой дате. Погребение скорее всего можно датировать первой — началом второй трети VII в. Несколько смущает форма геральдической бляшки типа 20 второй половины VII в. Правда, по U-образной прорези на щитке её вполне возможно удревить до первой половины того же столетия.

Погребение у хут. Чапаевский (Табл. 4–7). Пряжки типа 6 и 10 — второй половины VI — первой четверти VII в., типа 7 — 600–650 гг. Наконечник пояса типа 5, бляшки 17, 19, 29, 39, 42 — вторая половина VI — первая четверть VII в. Бляшка 40 — второй половины VI — первой половины VII в., а 10 и 27 — VII в. Пряжка типа 5 — видимо VI–VII вв. Палаш с R-видными петлями также относится к VII в. Ничего нельзя сказать об удилах — не сохранилось рисунка. По сочетанию найденных предметов и по сходству палаша с палашом из погребения в Учтепе наше погребение, скорее всего, также можно отнести к первой — началу второй трети VII в.

Погребение из кургана 30 у ст. Калининской (Табл. 12–15). Пряжки типа 2 подтипа 1 — вторая половина VI — первая четверть VII в. Наконечник пояса типа 4 — 600–650 гг. Бляшки типа 24 — вторая половина VI — первая четверть VII в., типа 38 — вторая четверть VII —

рубеж VII–VIII вв., типа 23 — 650–700 гг. Типа 9 подтипа 2 — последняя треть VI — VII вв., типов 15 и 28 — VII в., типов 43 — VI–VII вв. Пряжка типа 16 датируется от VI до начала VIII в. Подобное сочетание вещей позволяет отнести погребение ко второй — третьей трети VII в. Остальные вещи не противоречат подобной датировке.

Погребение из кургана 4 у ст. Калининской (Табл. 8–11). Пряжки типа 3 и наконечник пояса типа 6 — вторая четверть VII — рубеж VII–VIII вв. Бляшки типа 11, 24, 25 и наконечник пояса типа 7 — вторая половина VI — первая четверть VII в. Бляшка типа 22 — 650–700 гг., типа 30 — VII в., типа 6 — VII и VIII вв. Остальные категории вещей не противоречат подобной датировке. Только обломок арочного стремени с выделенным путалищем по аналогии с Вознесенкой относится к первой половине VIII в., но ведь подобные стремени могли появиться еще в VII в.

Погребение из-под хут. Малаи (Табл. 20–22). Пряжка типа 1 — вторая половина V — первая половина VI в. Наконечник пояса типа 5, но с несколько расширенным закругленным концом — вторая — начало третьей четверти VII в., типа 7 — вторая половина VI — первая четверть VII в. Также датируется бляшка типа 26, типа 41 — 600–650 гг., типа 12 — VII в., типа 18 — не имеет твердой даты. Таким образом, погребение можно отнести, как и предыдущие два, ко второй — третьей трети VII в.

Погребение из кургана 8 у ст. Старонжестеблиевской (Табл. 23–27). Наконечники поясов типа 2 и 3 и бляшки типов 1 и 5 относятся ко второй половине VII в. (650–700 гг.). Находка витой золотой гривны и двух золотых браслетов с завязанными концами такой дате не противоречит, так как аналогии есть как в более раннем (погребение из Учтепе), так и в более позднем материале (см. например, погребения половцев с распрямленными гривнами). Серолощёный кувшин вполне соответствует второй половине VII в.

Комплекс находок из «Царского кургана» (Табл. 16–19). Пряжки типа 2 подтипов 1 и 4 и бляшка типа 13 — рубеж VII–VIII — первая половина VIII вв. Бляшки типа 9-1 и 24 имеют дату вторая половина VI — первая четверть VII в., 9-2 и 14 — VII в., 16 и 21 — 650–700 гг., типа 6 — VII–VIII вв. Наконечник пояса типа 5,

похожий на такой же из погребения в Малаих — вторая — начало третьей четверти VII в. Пряжка типа 11 имеет дату вторая четверть VII — рубеж VII–VIII вв. Наиболее поздние пряжки типов 8 и 9 датируются VIII–IX вв. Таким образом, здесь мы имеем широкий разброс в датах от второй половины VI до IX (!) в. включительно. Тем не менее, преобладающее количество вещей относится ко второй половине VII — началу VIII в. По нашему мнению, комплекс следует датировать, скорее всего, последней третью VII — первой половиной VIII вв.

Все погребения распадаются на четыре хронологические группы:

Первая группа датируется первой — началом второй трети VII в. Сюда относятся погребения из-под хут. Крупской и Чапаевского.

Вторая группа датируется второй — третьей третью VII в. Это два погребения из-под станицы Калининской и погребение у хут. Малаи.

Третья группа датируется второй половиной VII — рубеж VII–VIII вв. Это — погребение 1 кургана 8 у ст. Старонижестеблиевской.

Четвертая группа датируется последней третью VII — первой половиной VIII в. Это комплекс 73 из «Царского кургана».

Попытаемся выделить различия в погребальном обряде образовавшихся групп.

ГРУППА 1. И в погребении у хут. Крупской и в погребении у хут. Чапаевский погребённые лежат головами строго на восток. Черепа и кости ног коней, обрубленные чуть выше пястных костей, уложены слева или поперек погребения человека «неаккуратно», что говорит, скорее всего, о погребении шкуры коня, а не о набивном его чучеле. Характерен богатый инвентарь погребённых. Во-первых, в обоих комплексах есть рубящее оружие (Табл. 3, 10; 5). В погребении у хут. Крупской найден великолепный поясной набор из золота и четыре серебряные пряжки и бляшки (Табл. 2), а в погребении у Чапаевского — поясной набор из серебра (Табл. 4, 2, 3; 6; 7). Таким образом, в первой группе вычлениаются две подгруппы погребений, различающихся по богатству инвентаря, а, следовательно, и по социальному статусу погребённых. Погребение из-под хут. Крупской, наиболее богатое, можно рассматривать как погребение вождя. Погребение из-под хут. Чапаевский, скорее всего, относится к разряду погребений дружинной верхушки.

ГРУППА 2. Сюда входят погребение у хут. Малаи и два погребения у ст. Калининской (Табл. 8; 12; 20, 1). Один погребённый лежит черепом на северо-восток, а двое на восток-северо-восток. Кости коней с ногами, обрубленными чуть выше или отчленёнными в пястных суставах, уложены или выше человека в могиле (Калининская 4-10), или слева от человека (Калининская 30-3). Кости коней лежат в могиле более «аккуратно»: задние ноги у ног, передние и череп — у головы погребённого человека. В погребении у хут. Малаи вместо костей коня слева от человека лежит череп козы. В погребениях второй группы не встречено рубящее оружие. Из оружия присутствуют только лук и стрелы (Табл. 14, 1-3). В двух погребениях у ст. Калининской встречены рукояти нагаек (Табл. 11, 9; 15, 4). В поясных наборах отсутствуют изделия из золота, за исключением лишь наконечника пояса с золотой вставкой из погребения в кургане 30 у ст. Калининской (Табл. 13, 5). Серебряные поясные наборы встречены во всех погребениях, но среди серебряных пряжек и бляшек попадаются и бронзовые. По всей видимости, погребения 2-й группы оставлены этнически тем же населением. Некоторые различия в ориентировке и обряде укладки костей коня, из шкуры с ногами и черепом которого стали делать набивное чучело (сохранились даже кости хвоста — табл. 12), можно объяснить трансформацией погребального обряда во времени и, возможно, притоком этнически родственного населения. Бросается в глаза некоторое уменьшение уровня «богатства» населения — исчезновение из обихода золотых поясных украшений и появление бронзы.

ГРУППА 3. Погребение 1 кургана 8 у ст. Старонижестеблиевской. Погребённый юноша (?) уложен черепом строго на север. Справа от него уложено чучело коня, от которого сохранился череп и четыре ноги, обрубленные чуть выше пясти (Табл. 23). У головы коня стоит серолощённый кувшин и лежит пястная кость коровы. При погребённом не встречено никакого оружия, есть только нож и рукоять нагайки (Табл. 26, 1, б). Поясной набор состоит из золотого наконечника пояса, семи золотых наконечников свисающих ремней и такого же количества золотых геральдических бляшек с растительным орнаментом. Между ними на

поясе располагались круглые тиснёные золотые бляшки с изображениями монголоидного лица. На шее погребённого — золотая витая гривна, на руках — золотые браслеты (Табл. 24; 25). По богатству это погребение можно сравнить с погребением у хут. Крупской. Возможно, здесь мы также имеем дело с погребением вождя. Аналогии прослеживаются и в инвентаре. В частности, наконечник пояса с орнаментацией из ложной зерни схож по стилю с орнаментацией поясов и бляшек из погребения у хут. Крупской. Другие бляшки и наконечники ремней находят более далекие аналогии с другими памятниками степного и кавказского круга (Шипово, Камунта). Хотя погребённый лежит черепом на север и кости коня располагаются справа от него, что отличает его от вышеописанных погребений, тем не менее, как нам представляется, три группы погребений, выделенных нами, оставлены этнически родственными населением.

ГРУППА 4. Это комплекс 73 из «Царского кургана». Здесь не встречено ни костей человека, ни костей коня, что говорит или о погребении-кенотафе, или просто о кладе вещей, зарытых в кургане. Все вещи перед преданием их земле были завернуты в кольчугу, так что, скорее всего, это был просто клад. В пользу этого свидетельствует большой хронологический разброс вещей — от второй половины VI до первой половины VIII в.

Вопрос об этнической принадлежности описанных погребений очень актуален. Несомненно, что они оставлены населением тюркского происхождения (находки чучел коней в могилах — аналогии от Алтая до Югославии, от VI до XIV в.). В определении этноса нам помогают не только археологические, но и письменные источники. Византиец Феофан Исповедник (760–818 гг.) в своей «Хронографии» под 679/680 годами описывает историю болгарских племен, которые напали в это время на Фракию: «...у озера, называемого Меотидой... в землях прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится булгарская рыба ксисстон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги» (Чичуров, 1980. С. 60). Примерно те же данные, но без подробного

уточнения местоположения Великой Болгарии приводит в своем «Бревиарии» патриарх Никифор (758–829) (Чичуров, 1980. С. 160, 161). Меотидой греки и византийцы называли Азовское море, а рекой Куфис — Кубань. Погребения 1–3-й групп по своему географическому положению идеально соответствуют местоположению Великой Болгарии. Они расположены на правом берегу нынешнего русла Кубани, между рекой Протокой и рекой Кирпили (см. карту). Местность эта, ровная, почти как стол, без возвышенностей и резких перепадов высот, пересечена большим количеством более мелких рек (ериков) и лиманов. Идеальное место для выпаса стад, составляющих основное богатство болгарских кочевых орд. Погребальный обряд и ориентировка погребённых 1–3-й групп находит много параллелей среди более поздних, связываемых с болгарскими, погребений. Погребенные в Михайловке и Алексеевке в Поднепровье похоронены черепами на северо-запад и северо-восток (Швецов, 1981), в могильнике Нови-Пазар в Болгарии — к северо-северо-востоку. Нередкими являются и погребения с конем (Станчев, Иванов, 1958). Среди погребений средневековой Фанагории VIII — начала X вв. встречаются, наряду с другими, и погребения с северо-восточной, северо-северо-восточной и северной ориентировкой (Атавин, 1986). По всей видимости, часть населения после распада Великой Болгарии отхлынула с основных мест обитания в близлежащие приморские города и расселилась в других районах степи и лесостепи.

Возникновение Великой Болгарии связано с именем Кубрата, болгарского хана, о котором сообщают Феофан и Никифор (Чичуров, 1980. С. 60, 61, 161, 162). У Никифора есть сообщение, датированное 634–640 годами, о том, что «...Куврат, племянник Органа, государь оногундугов, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию Куврат посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. В ответ Ираклий послал ему дары и удостоил сана патрикия» (Чичуров, 1980. С. 161). В приведенном здесь отрывке речь, как считают, идет о восстановлении номинальной независимости болгарских племен, состоявших до того времени, по крайней мере, в союзе с авара-

ми и об их дальнейшем союзе с византийцами. Таким образом, время создания «Великой Болгарии» относится к периоду от 634 до 640 года. М.И. Артамонов годом рождения «Великой Болгарии» считал 635 год, такую же дату предлагает и В.Т. Сиротенко (Артамонов, 1962. С. 160, 464; Сиротенко, 1972. С. 216, 217). Споры велись вокруг одного — могли ли болгары VII в., жившие в пределах Великой Болгарии подчиняться власти авар, живших в Паннонии (Чичуров, 1980. С. 176, 177). Именно к этому периоду у нас относятся погребения первой группы из-под хуторов Крупской и Чапаевского. Датируются они, как уже было сказано, первой — началом второй трети VII в., что хорошо иллюстрирует письменные источники. Здесь мы видим богатые погребения с золотыми и серебряными поясными наборами и рубящим оружием аварского типа, что косвенно подтверждает зависимость от аварской системы вооружения.

Великая Болгария распалась вскоре после смерти Кубрата. Известна история о пяти его сыновьях, разошедшихся после смерти отца в разные стороны. Часть болгар ушла за реку Дон, часть к византийцам, часть к аварам в Паннонию. Следы последних теряются. Наиболее жизнеспособной оказалась орда под предводительством Аспаруха, переселившаяся за Дунай и основавшая в 680–681 годах Болгарское царство. Орда болгар с Баяном (Батбаяном) во

главе осталась на территории Великой Болгарии (Чичуров, 1980. С. 60, 61, 160, 161). Неясна дата смерти Кубрата. Он умер вскоре после смерти Ираклия, последовавшей в 641 году. Ныне смерть Кубрата относят к периоду от 641 до 650 года (Вернер, 1988). Таким образом, Великая Болгария существовала недолго — максимум два десятилетия. После этого она была покорена родственными племенами хазар, основавших Хазарский каганат. К периоду распада и покорения хазарами Великой Болгарии мы относим погребения второй хронологической группы (вторая — третья треть VII в.). Они беднее, чем погребения первой группы, так как произошел отток наиболее богатого и динамичного населения других орд. Предположительно, мы можем отнести эти погребения к болгарам орды Баяна.

И, наконец, третью хронологическую группу второй половины VII — рубежа VII–VIII вв. мы относим к какому-либо болгарскому племени, находившемуся в подчинении хазар в составе их государства (остатки орды Баяна или котраги).

Такова, на наш взгляд картина, складывавшаяся на территории Восточного Приазовья в течение VII в., одного из наиболее динамичных в период раннего средневековья. Дальнейшие находки на этой территории подтвердят или опровергнут сделанные здесь выводы¹.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К., 1971а. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.

Амброз А.К., 1971б. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 3.

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Артамонов М.И., 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА. № 62.

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1.

Атавин А.Г., 1986. Средневековые погребения из Фанагории // СА. № 1.

Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Восточного Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Афанасьев Г.Е., 1979. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып. 158.

Афанасьев Г.Е., 1980. Пряжки катакомбно-могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.

¹ Всем авторам раскопок приношу свою глубокую благодарность за разрешение опубликовать материалы их работ. Особая благодарность А.И. Семёнову за предоставленные в моё распоряжение рисунки инвентаря из погребений на хуторах Крупской и Чапаевском и из могилы 10 кургана 4 у ст. Калининской. — А.Г. Атавин.

Вернер И., 1988. Погребальная находка от Малая Перещепина и Кубрат-хан на Българите. София.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М.

Гавриутхин И.О., 1990. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI — начале VIII вв. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. XVI.

Иессен А.А., 1965. Раскопки Большого кургана в урочище Учтепе // МИА. № 125.

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–X вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1–2.

Ковалевская В.Б., 1981. Археологические следы пребывания болгар на Северном Кавказе // Плиска–Преслав. Т. 2. София.

Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., Амброз А.К., 1973. Рецензия: «I. Erdelyj, E. Ojtozy, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Akademiai Kiadó. Budapest, 1969» // СА. № 2.

Магомедов М.Г., 1981. Население Приморского Дагестана в VII–VIII вв. // Плиска–Преслав. Т. 2. София.

Мацулевич Л.А., 1927. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки // Отд. оттиск из библиотеки ИА РАН.

Монгайт А.Л., 1951. Археологические заметки. Могила всадника у с. Арцыбашево // КСИИМК. Вып. 41.

Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Сеёнов А.И., 1987. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // КСИА. № 192.

Сміленко А. Т., 1965. Глодоські скарби. Київ.

Сміленко А.Т., 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ.

Сиротенко В.Т., 1972. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. М.

Станчев Ст., Иванов Ст., 1958. Некропольт до Нови Пазар. София.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа. М.

Чичуров И.С., 1980. Византийские исторические сочинения. М.

Швецов М.Л., 1981. Погребения салтовско-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Balint Cs., 1989. Die Archäologie der Steppe. Wien–Köln.

Daim Falko., 1987. Das awarische Gräberfeld von Leobersdorf, NO. Bd I. Wien.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Марченко И.И., Николаева Н.А., Потапов М.М., Сафронов В.А., 1978а. Исследования курганов на х. Павлоградском и Чапаевском Калининского района Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7482.

Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1978б. Исследования курганов в Красноармейском районе Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7501, а.

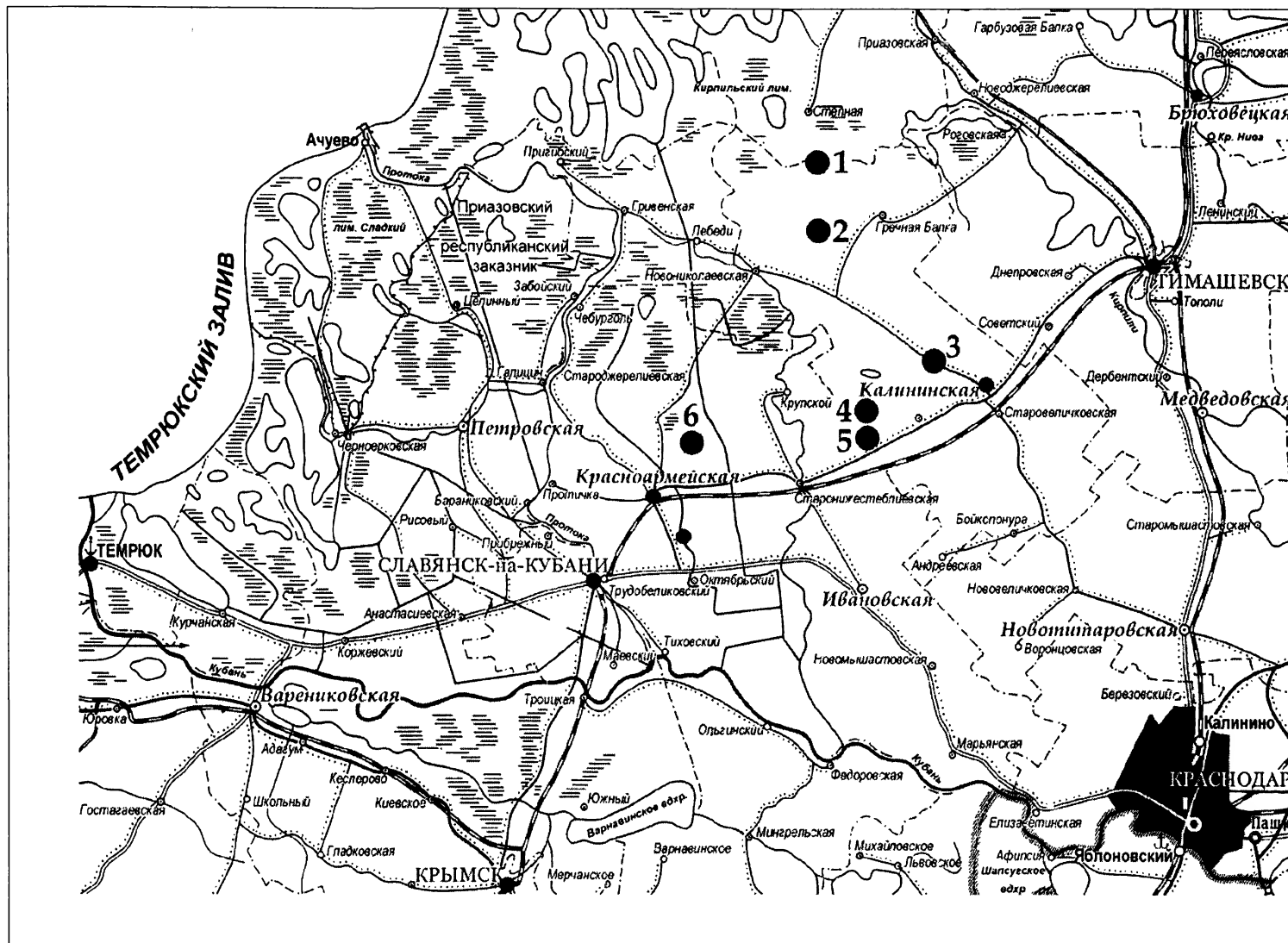
Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов Н.А., 1979. Отчёт о работе Северо-Кав-

казской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова в Краснодарском крае в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7863, 7864, 7865.

Пятых ГГ., 1981. Отчёт о работе 1981 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 9852.

Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1982. Отчет о работе Понурского отряда в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 9788.

Карта. Пояснения к карте. 1 — Царский курган, комплекс 73; 2 — хут. Малаи 1, курган 13, погребение 6; 3 — ст. Калининская, курган 4, погребение 10 и курган 30 погребение 3; 4 — хут. Чапаевский, курган 29, погребение 2; 5 — ст. Староникестеблиевская 1, курган 8, погребение 1; 6 — хут. Крупской, курган 4, погребение 5

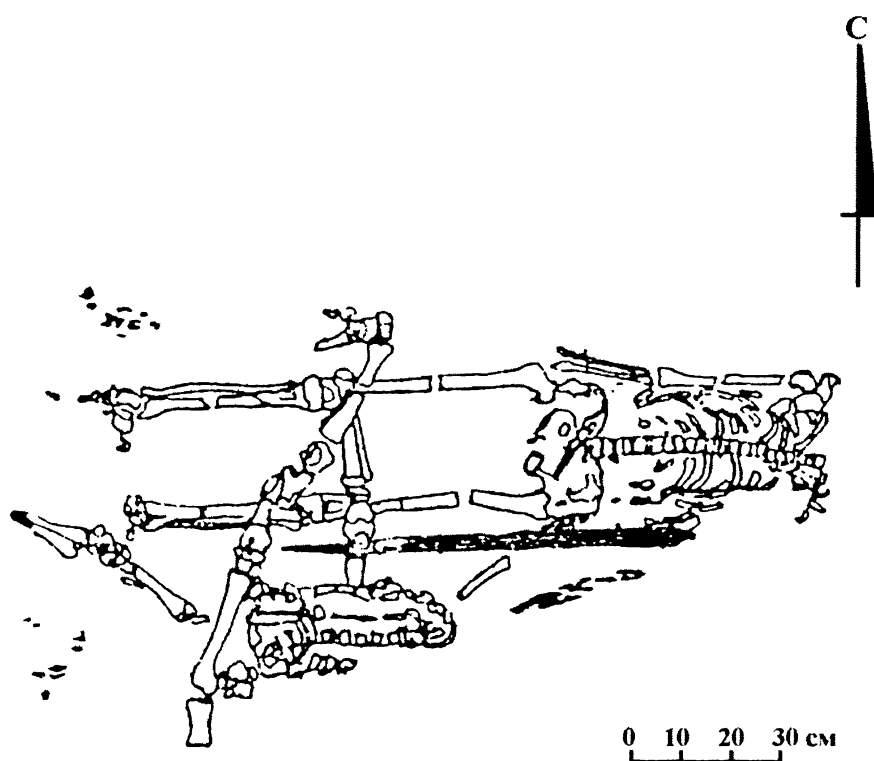

Табл. 1. План погребения 5 из кургана 4 у хут. Крупской Красноармейского района Краснодарского края

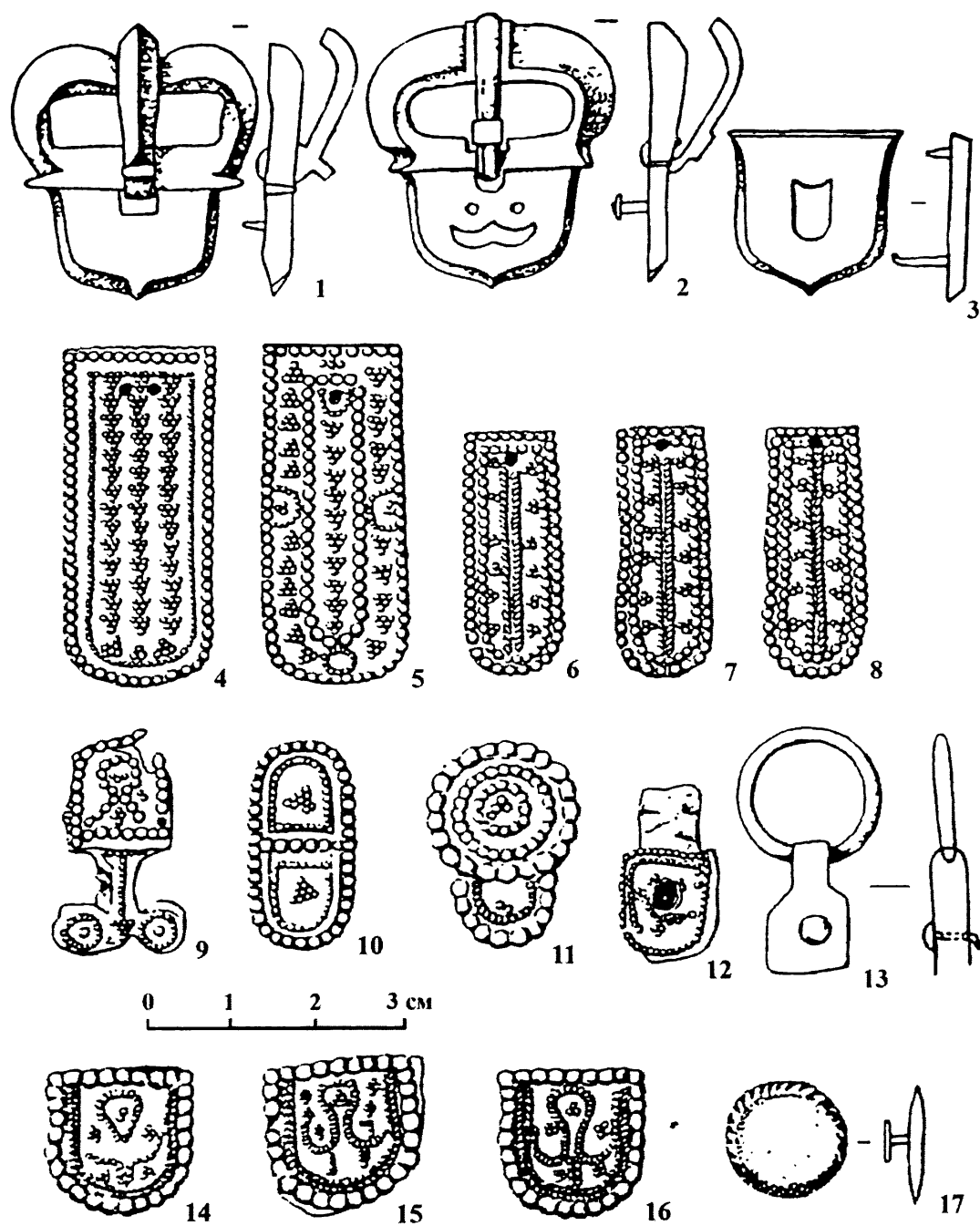

Табл. 2. Поясной набор из погребения у хут. Крупской

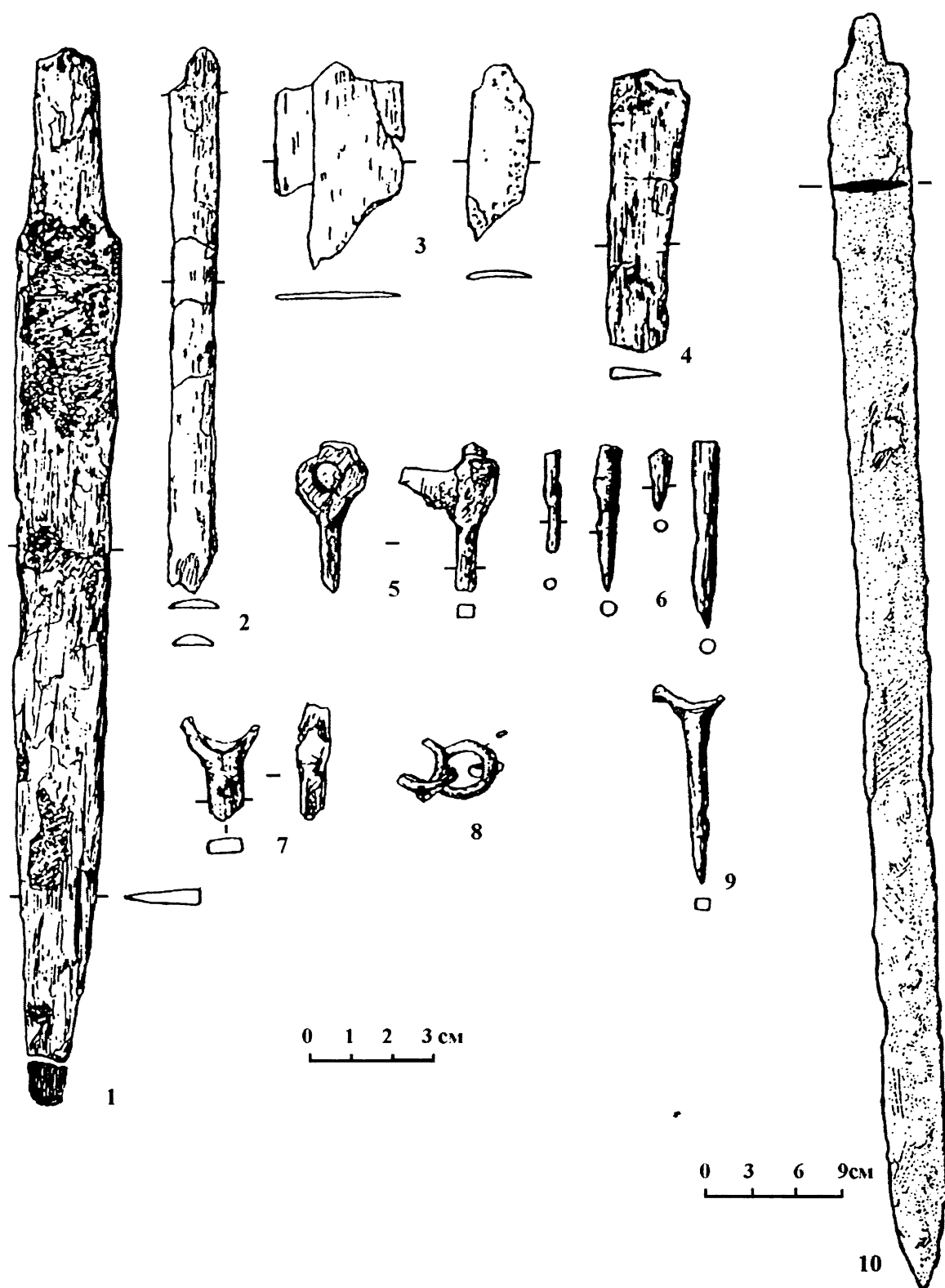

Табл. 3. Инвентарь из погребения у хут. Крупской

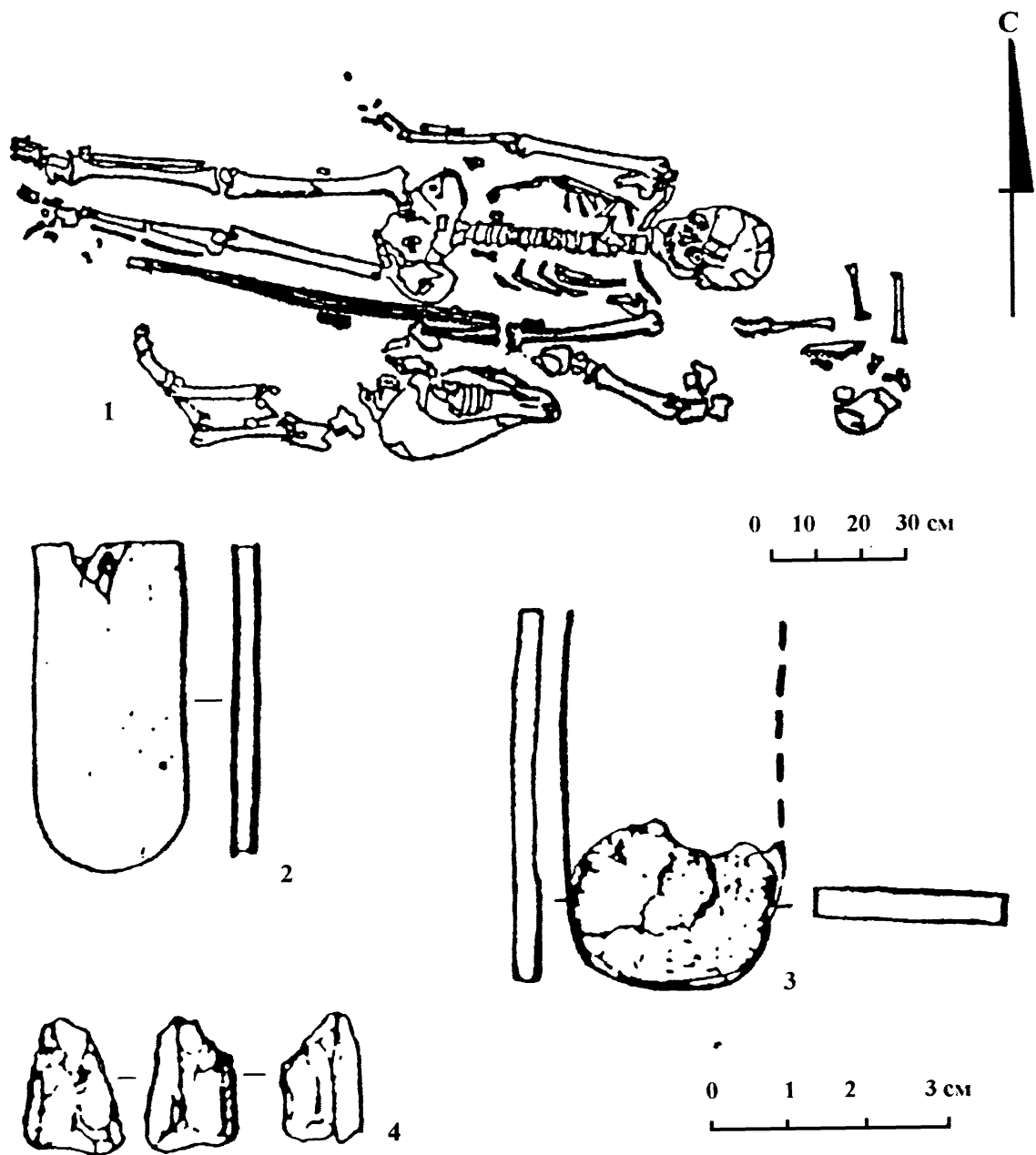

Табл. 4. План погребения 2 из кургана 29 у хут. Чапаевский Калининского района Краснодарского края и часть инвентаря

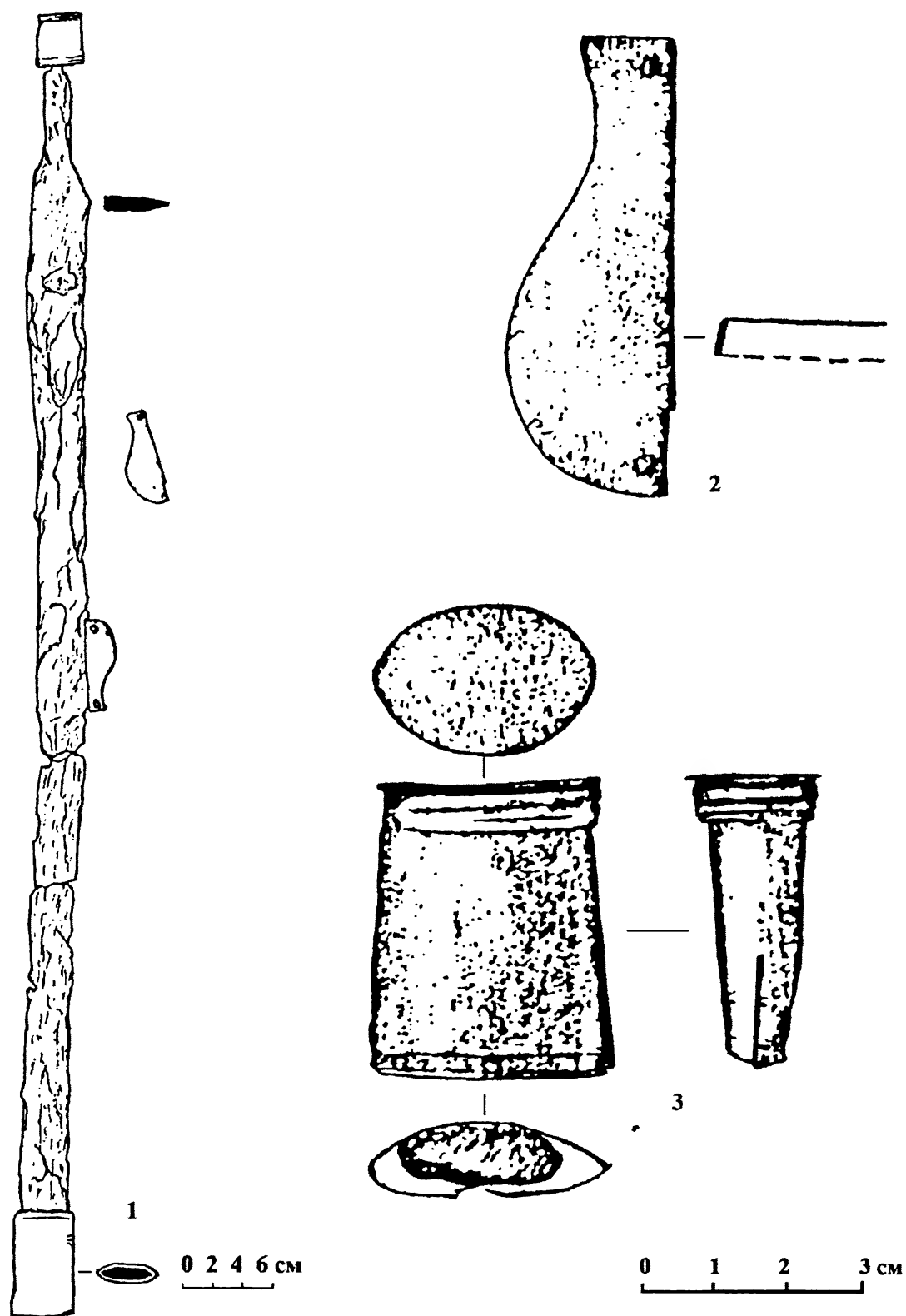

Табл. 5. Палаш из погребения у хут. Чапаевский

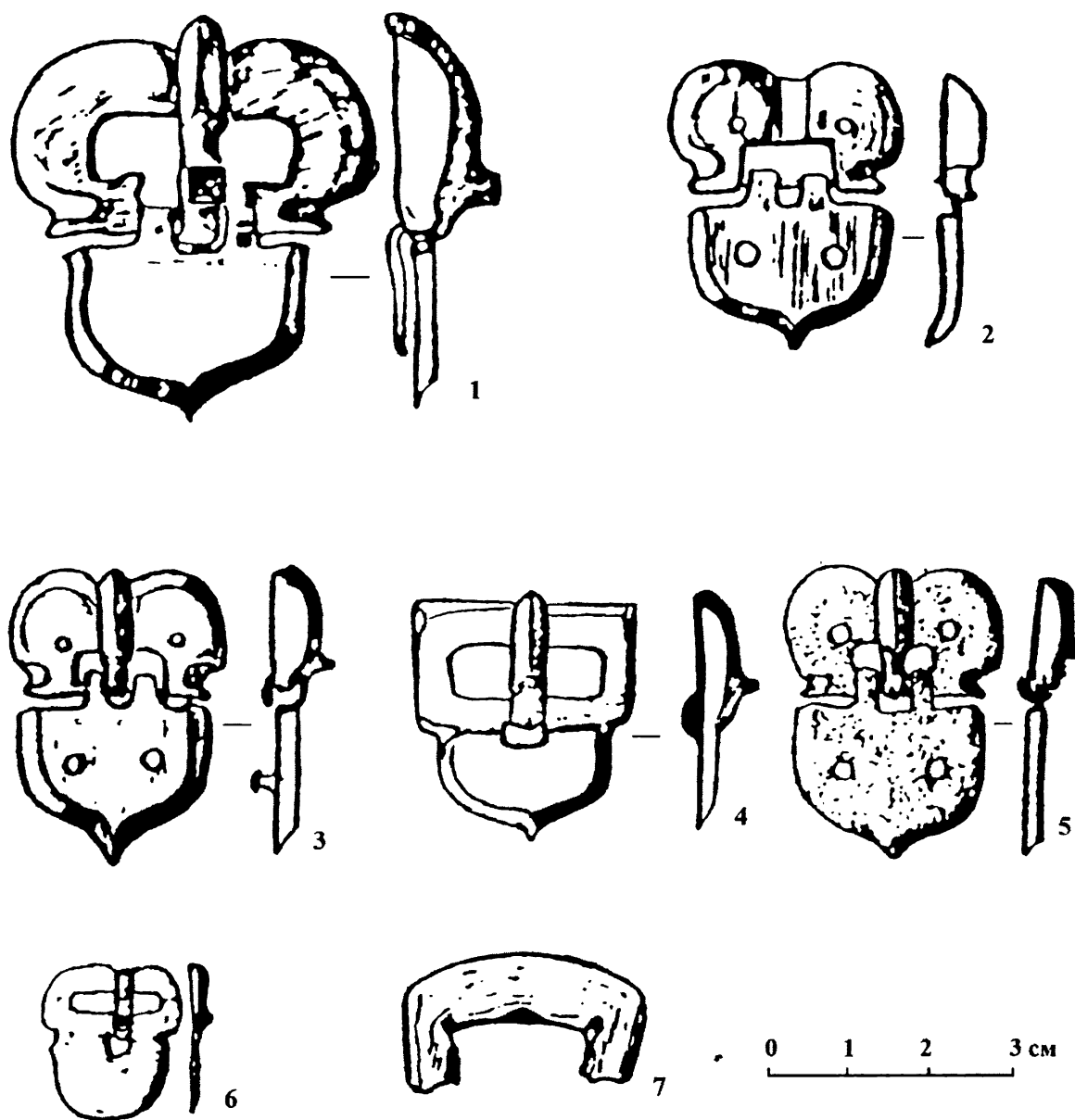

Табл. 6. Пряжки поясного набора из погребения у хут. Чапаевский

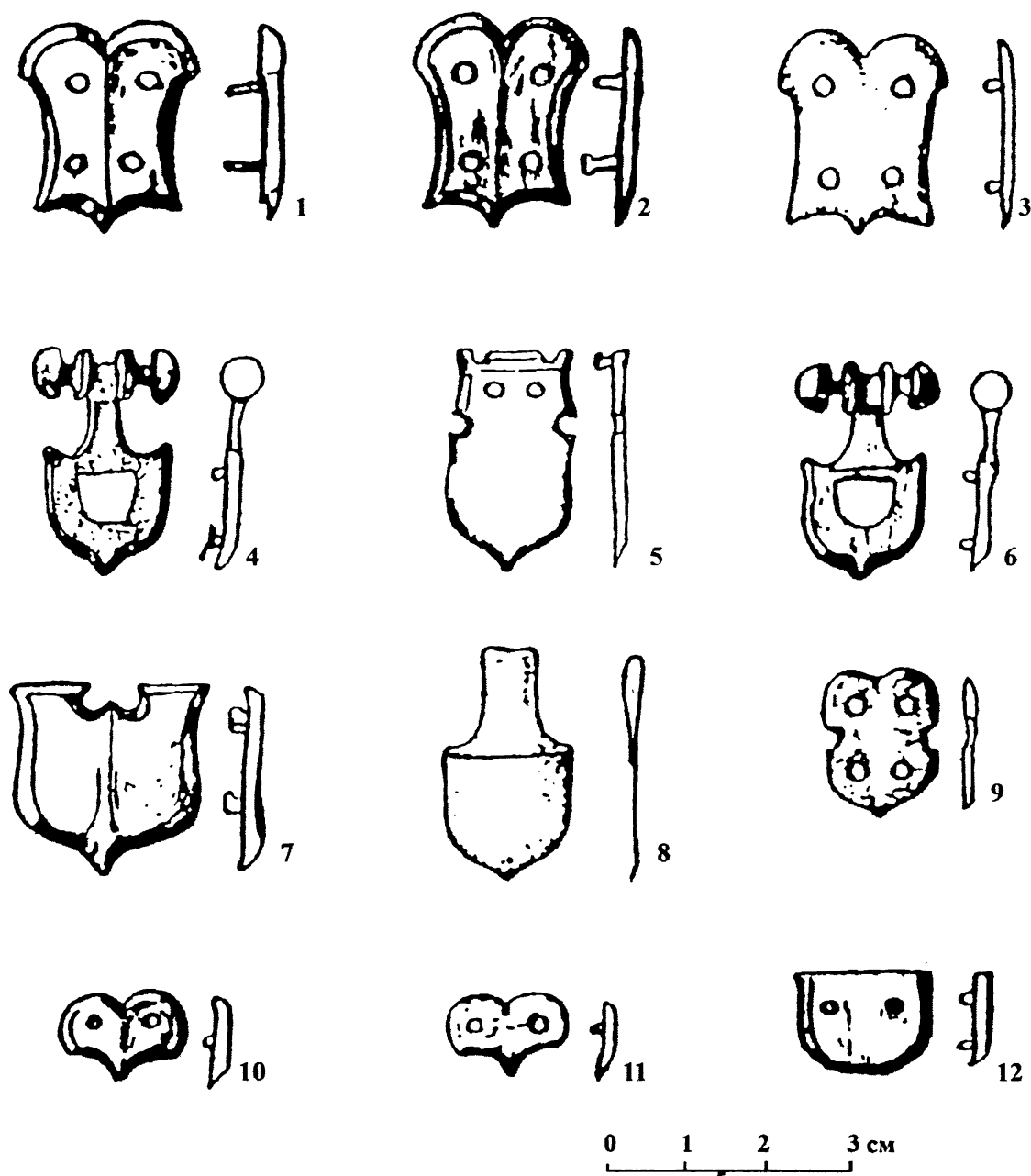

Табл. 7. Бляшки поясного набора из погребения у хут. Чапаевский

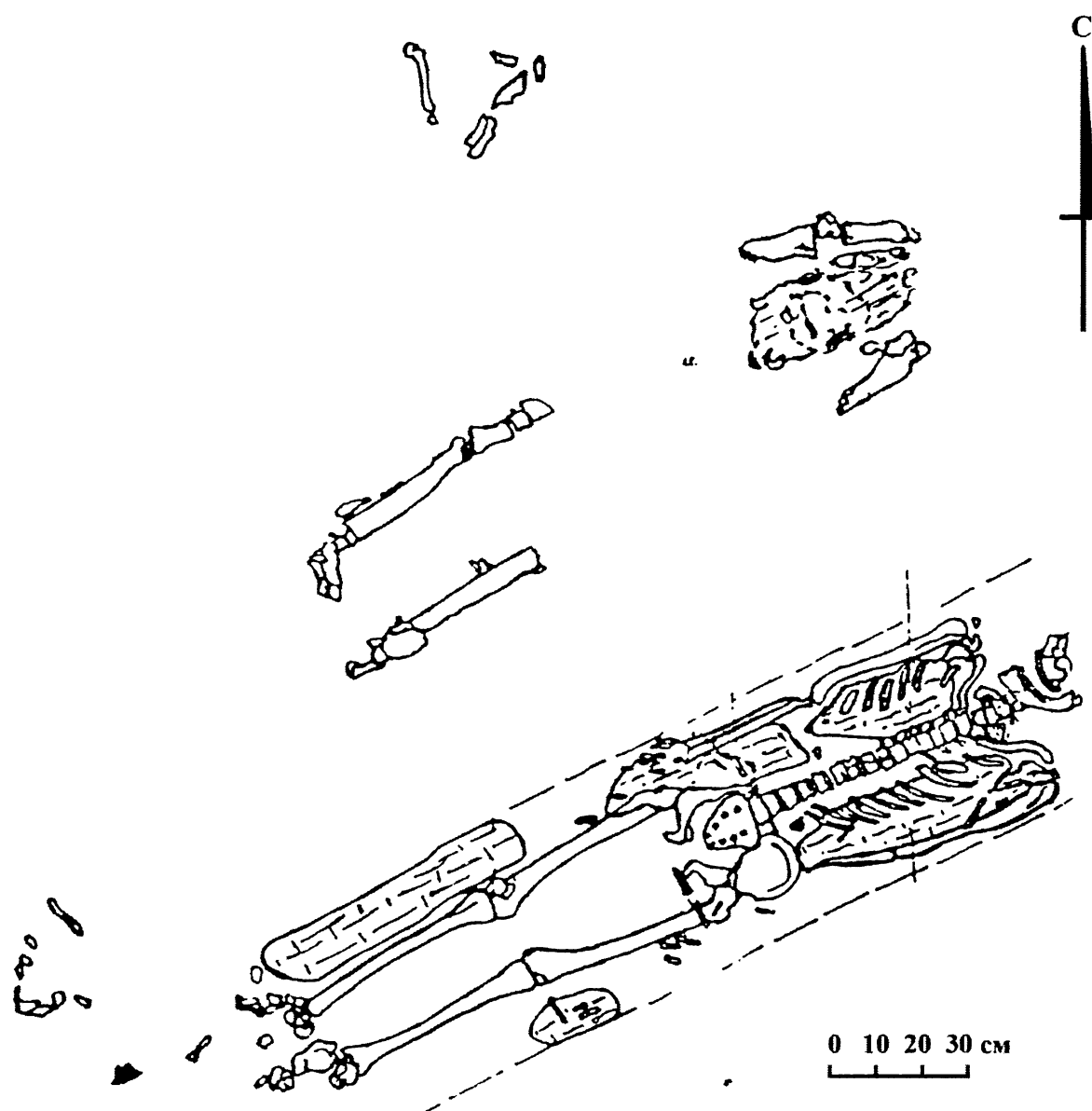

Табл. 8. План погребения 10 кургана 4 у ст. Калининской Калининского района Краснодарского края

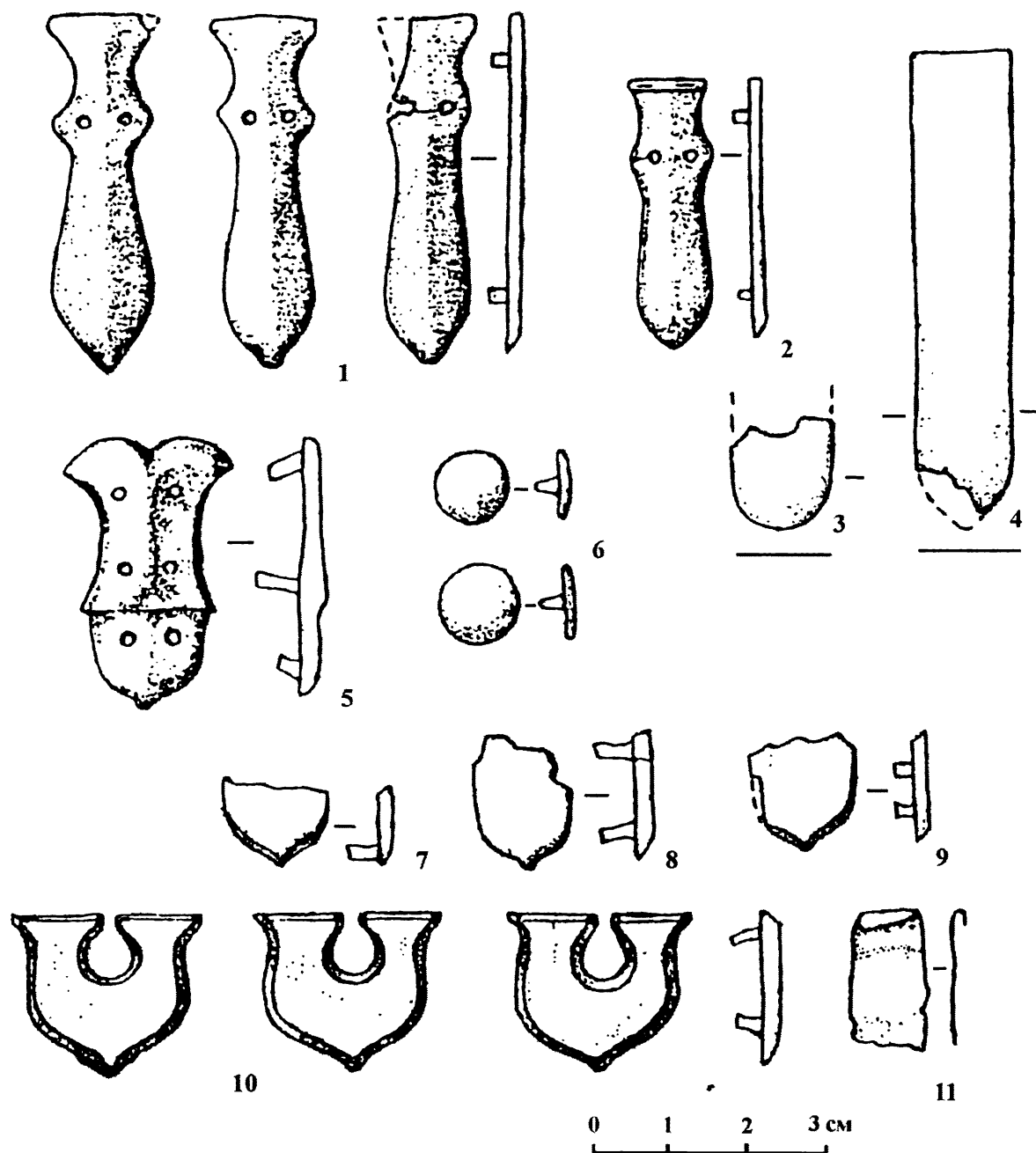

Табл. 9. Наконечники поясов и бляшки поясного набора из погребения 10 кургана 4 у ст. Калининской

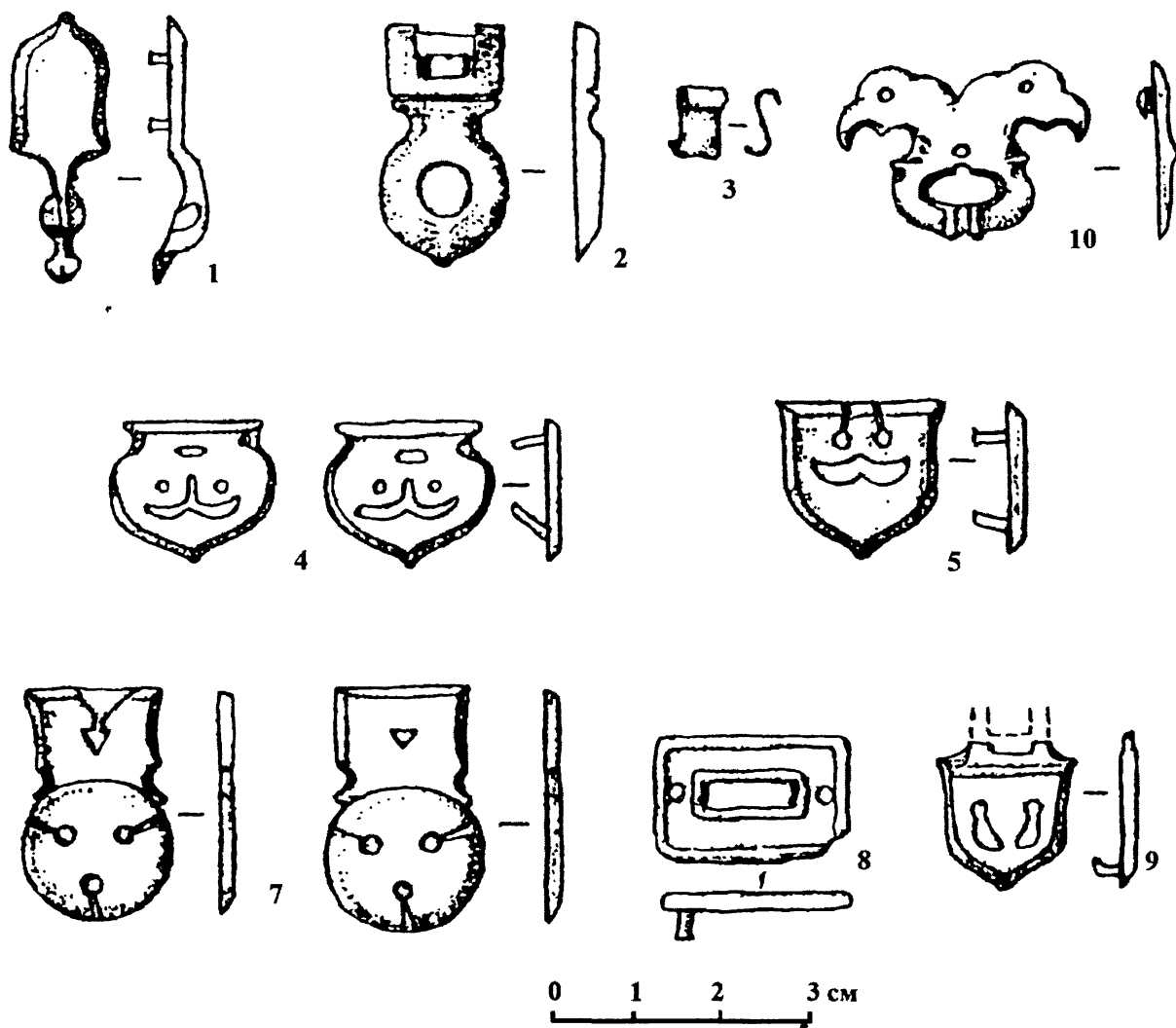

Табл. 10. Бляшки поясного набора из погребения 10 кургана 4 у ст. Калининской

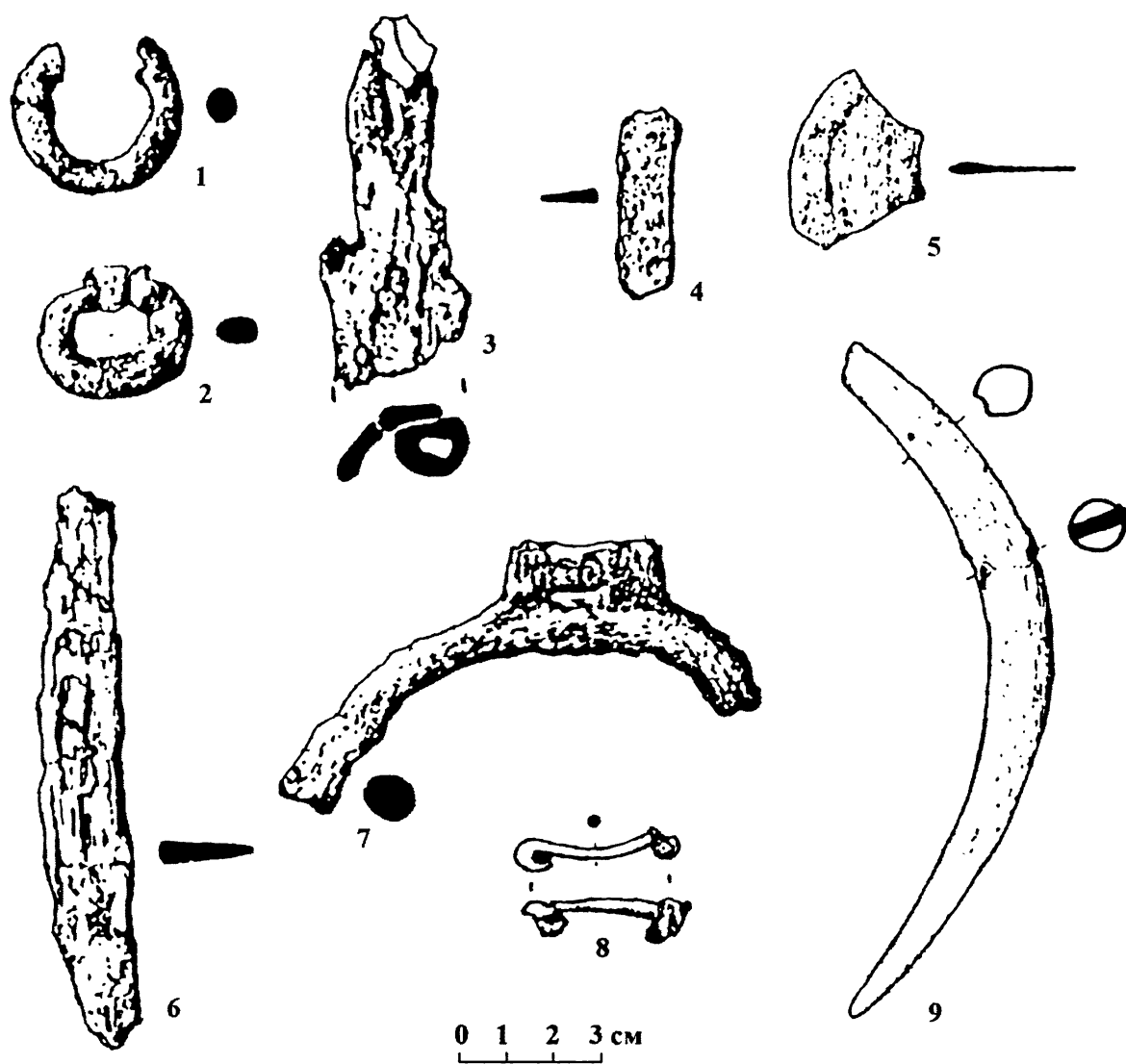

Табл. 11. Инвентарь из погребения 10 кургана 4 у ст. Калининской

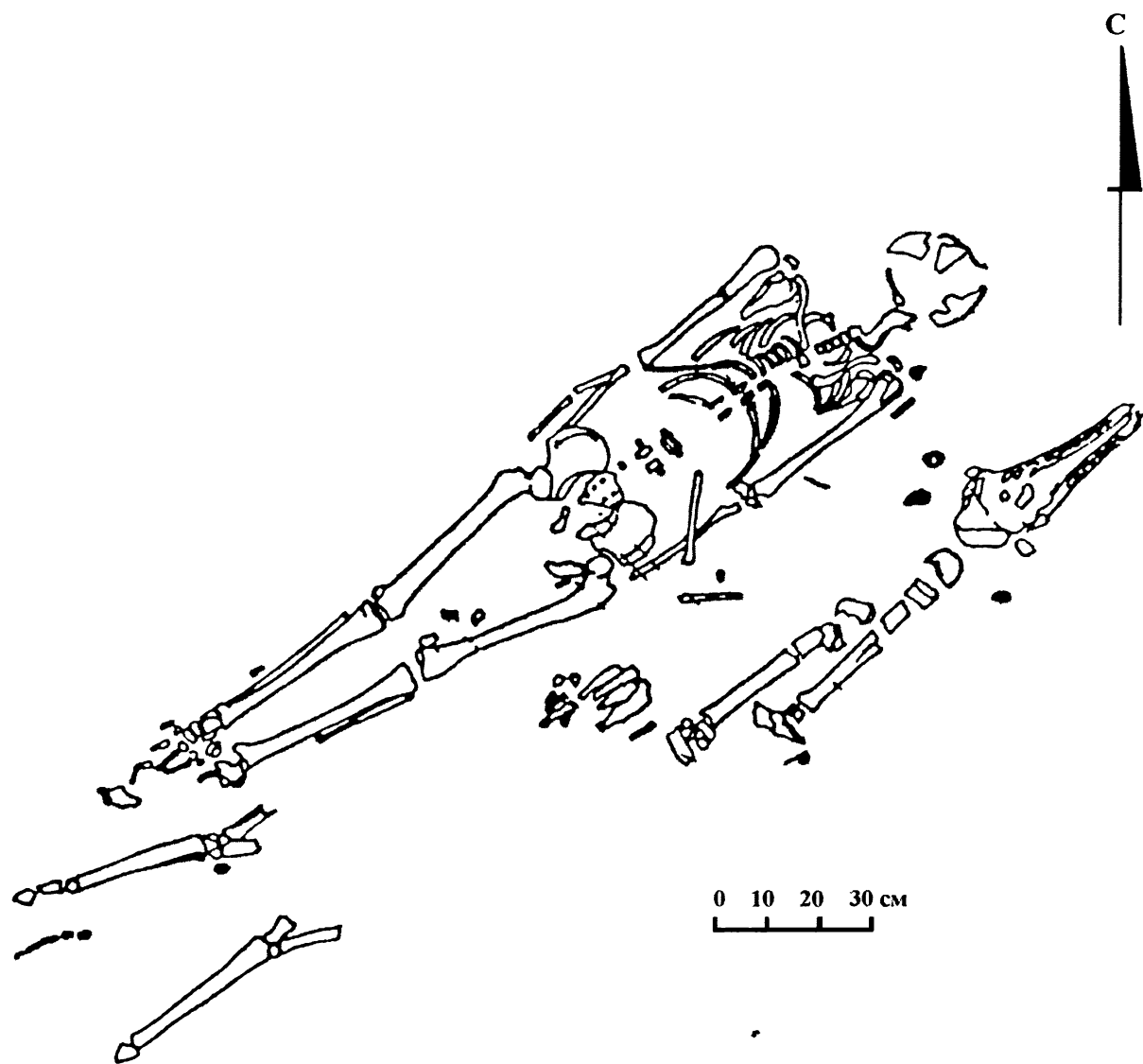
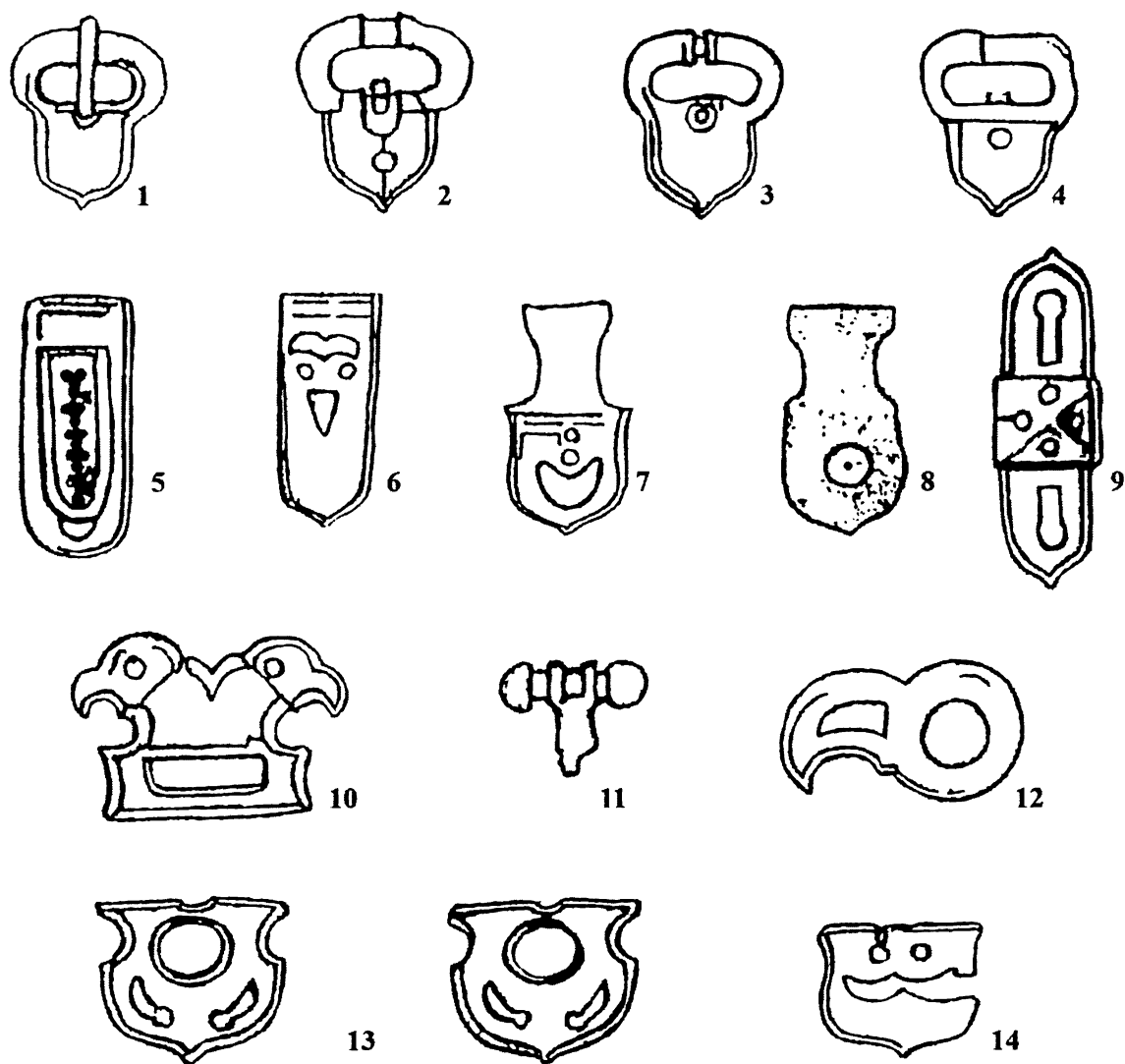

Табл. 12. План погребения 3 кургана 30 у ст. Калининской Калининского района Краснодарского края

0 1 2 3 см

Табл. 13. Пряжки и бляшки поясного набора из погребения 3 кургана 30 у ст. Калининской

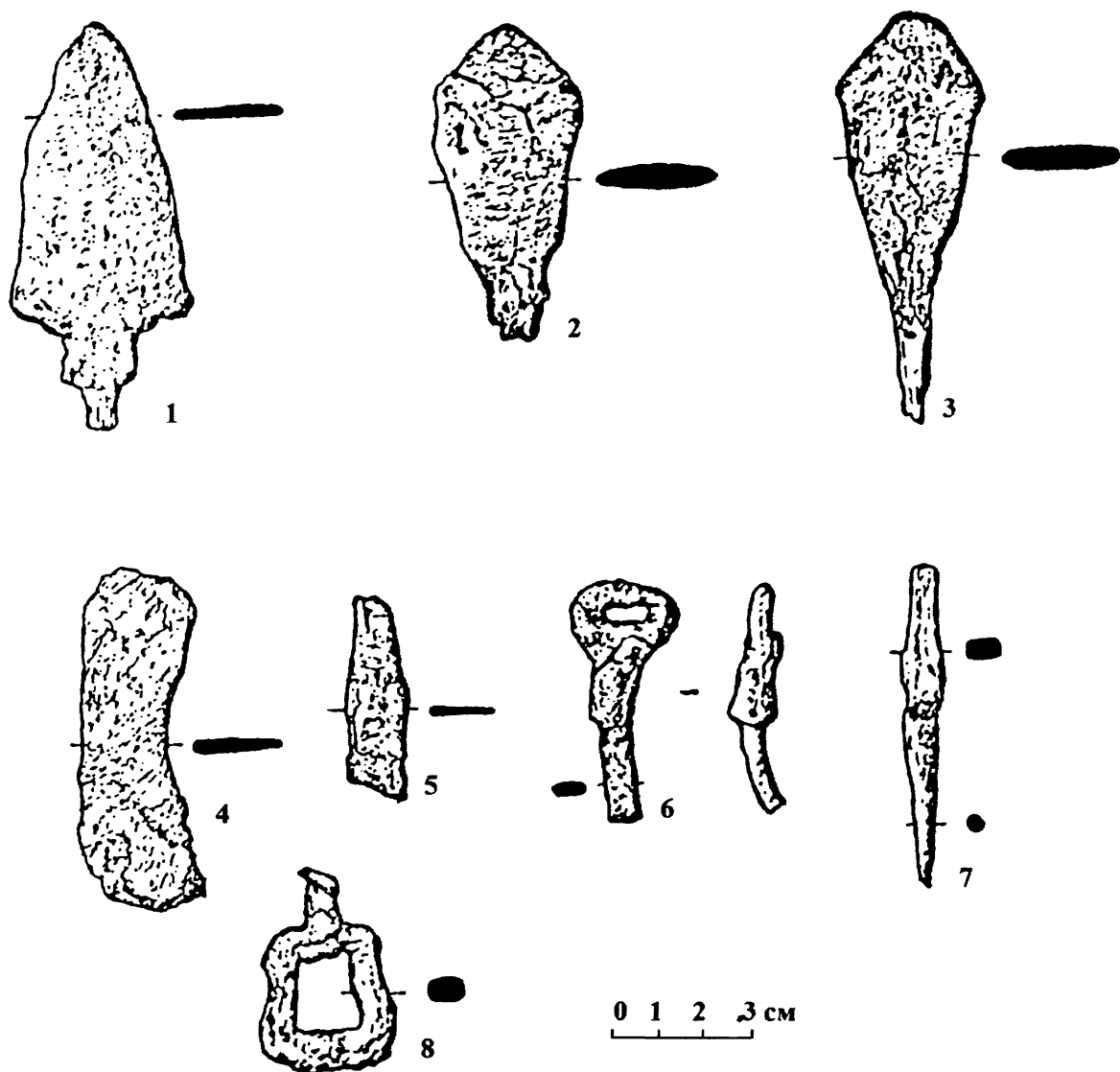

Табл. 14. Стрелы и инвентарь погребения 3 кургана 30 у ст. Калининской

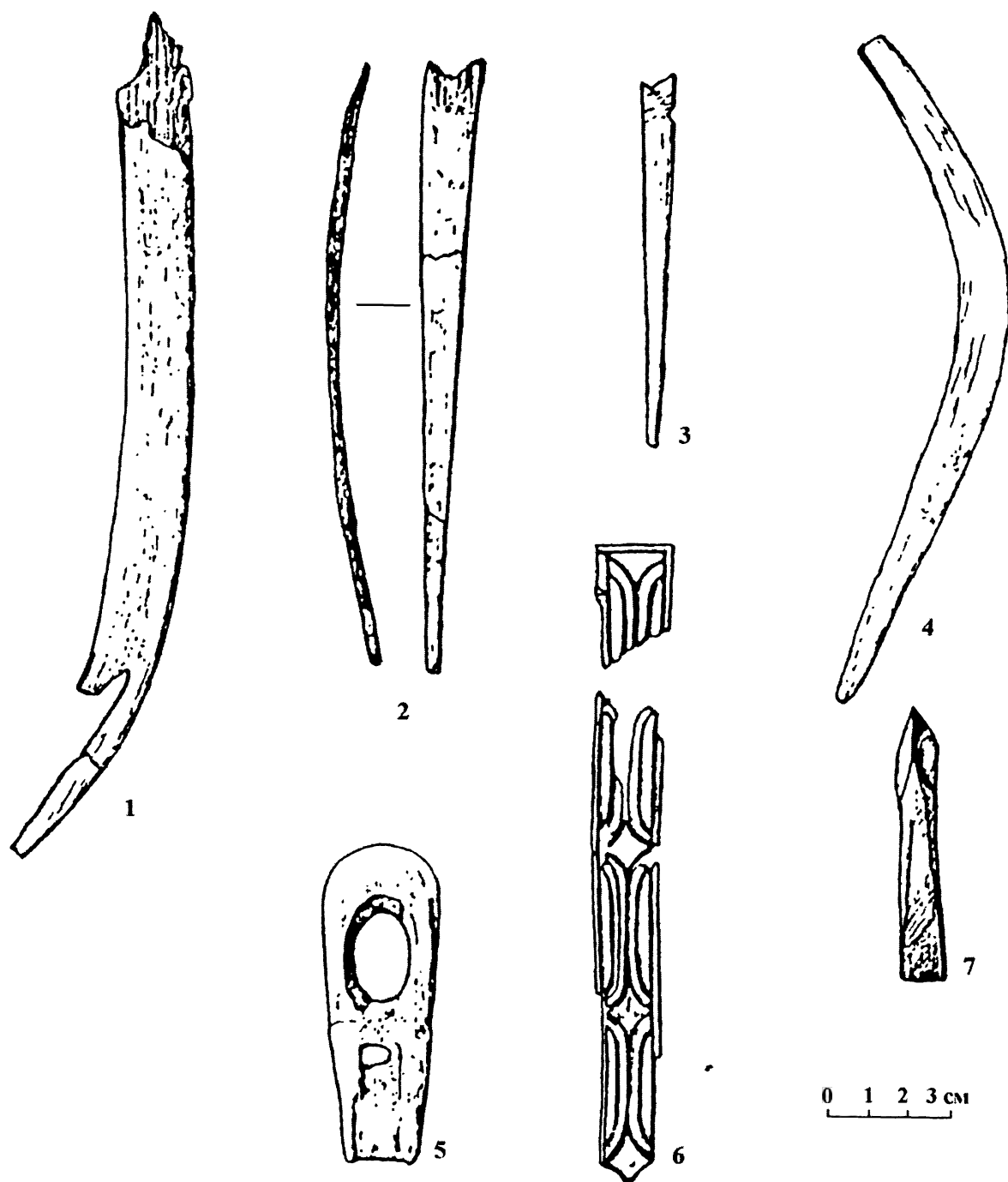

Табл. 15. Изделия из кости из погребения 3 кургана 30 у ст. Калининской

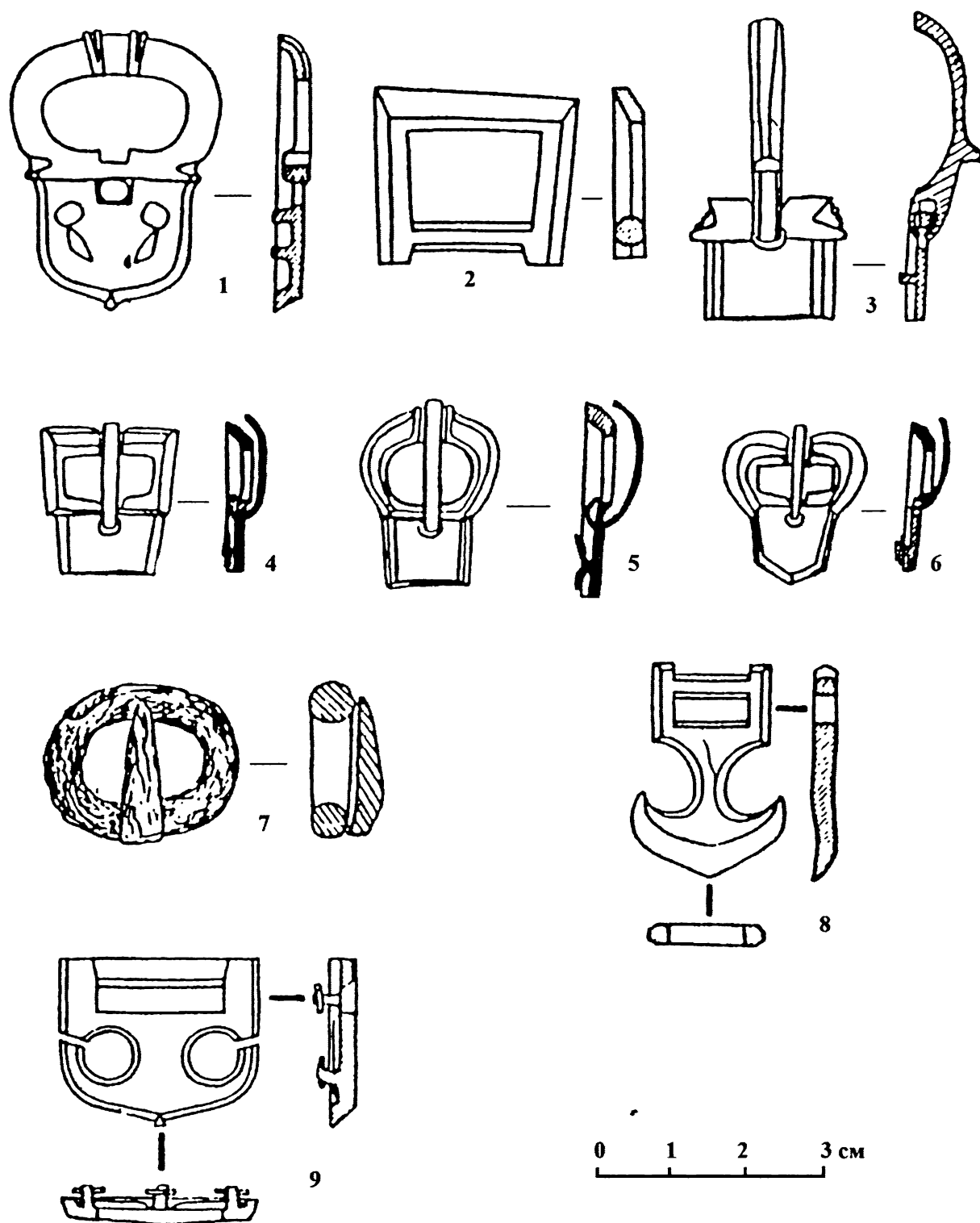

Табл. 16. Пряжки и бляшки поясного набора из Царского кургана Калининского района Краснодарского края

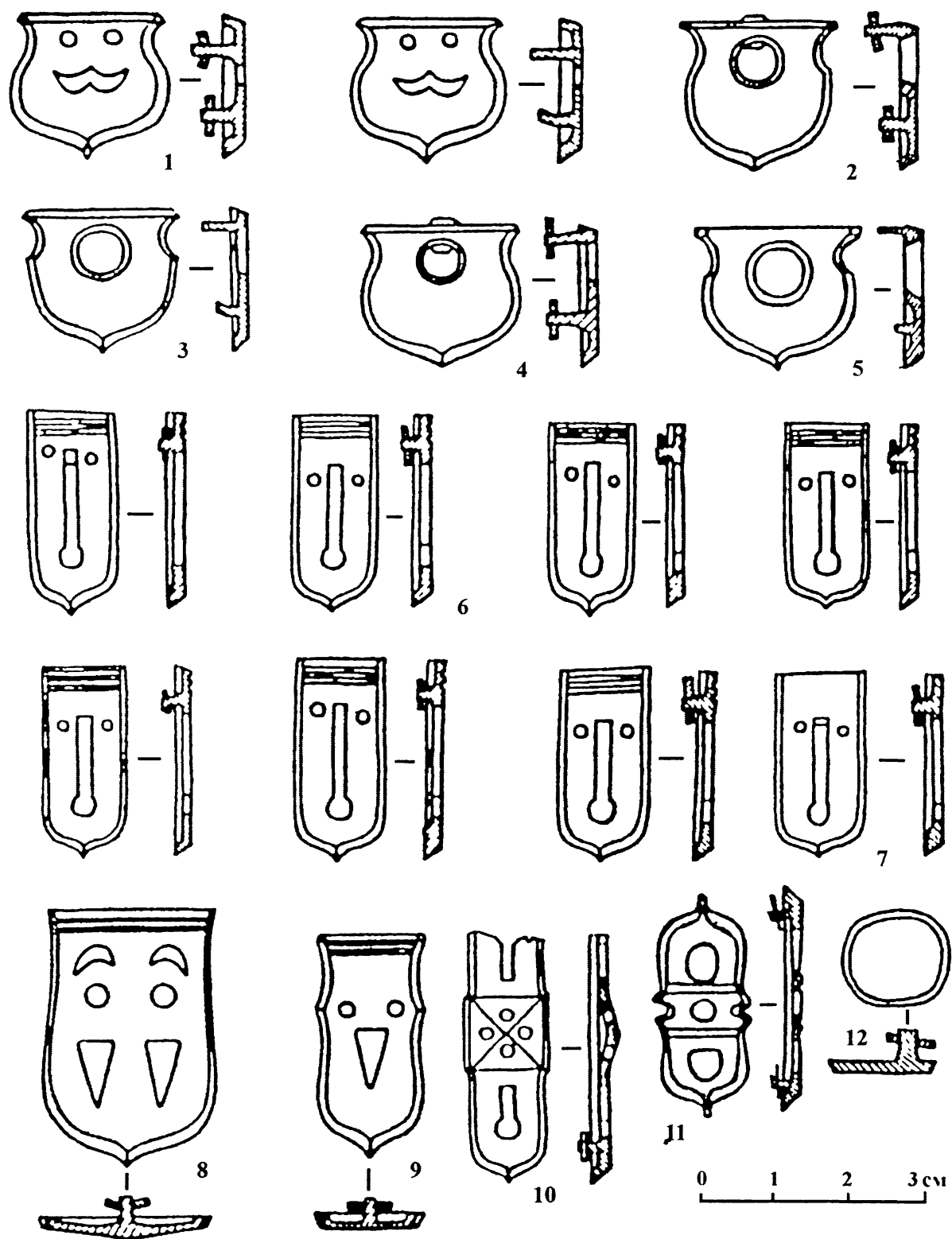

Табл. 17. Бляшки поясного набора из Царского кургана

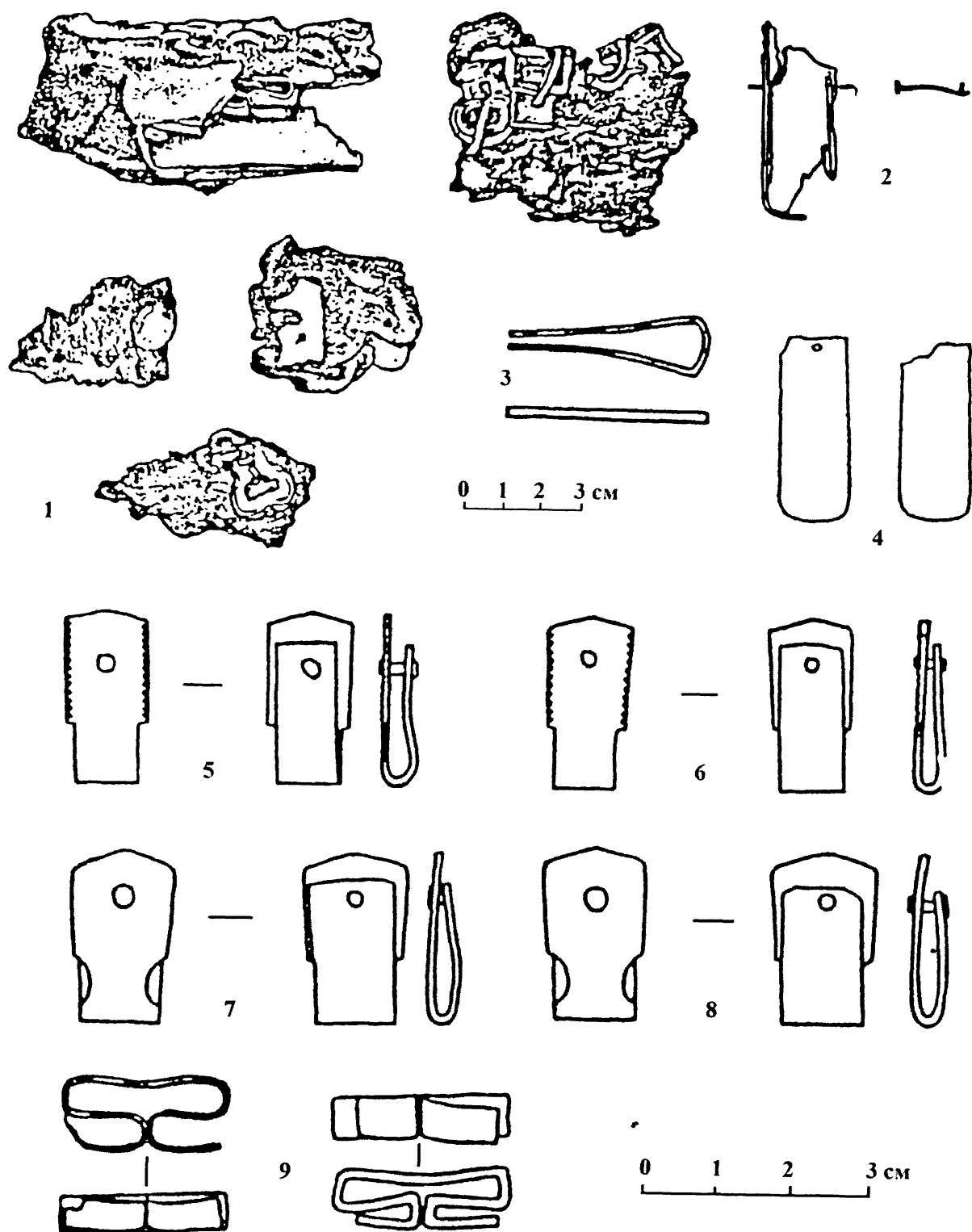

Табл. 18. Бляшки поясного набора из Царского кургана

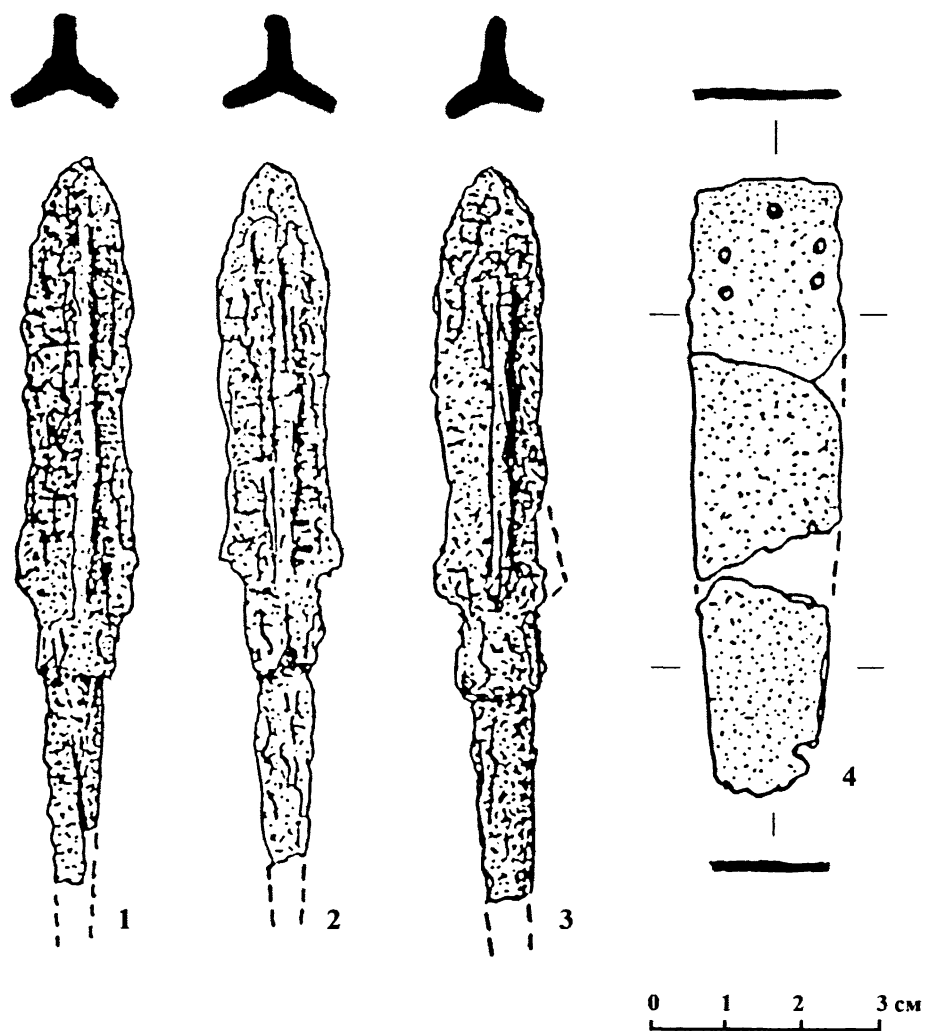

Табл. 19. Стрелы и пластинка от панциря из Царского кургана

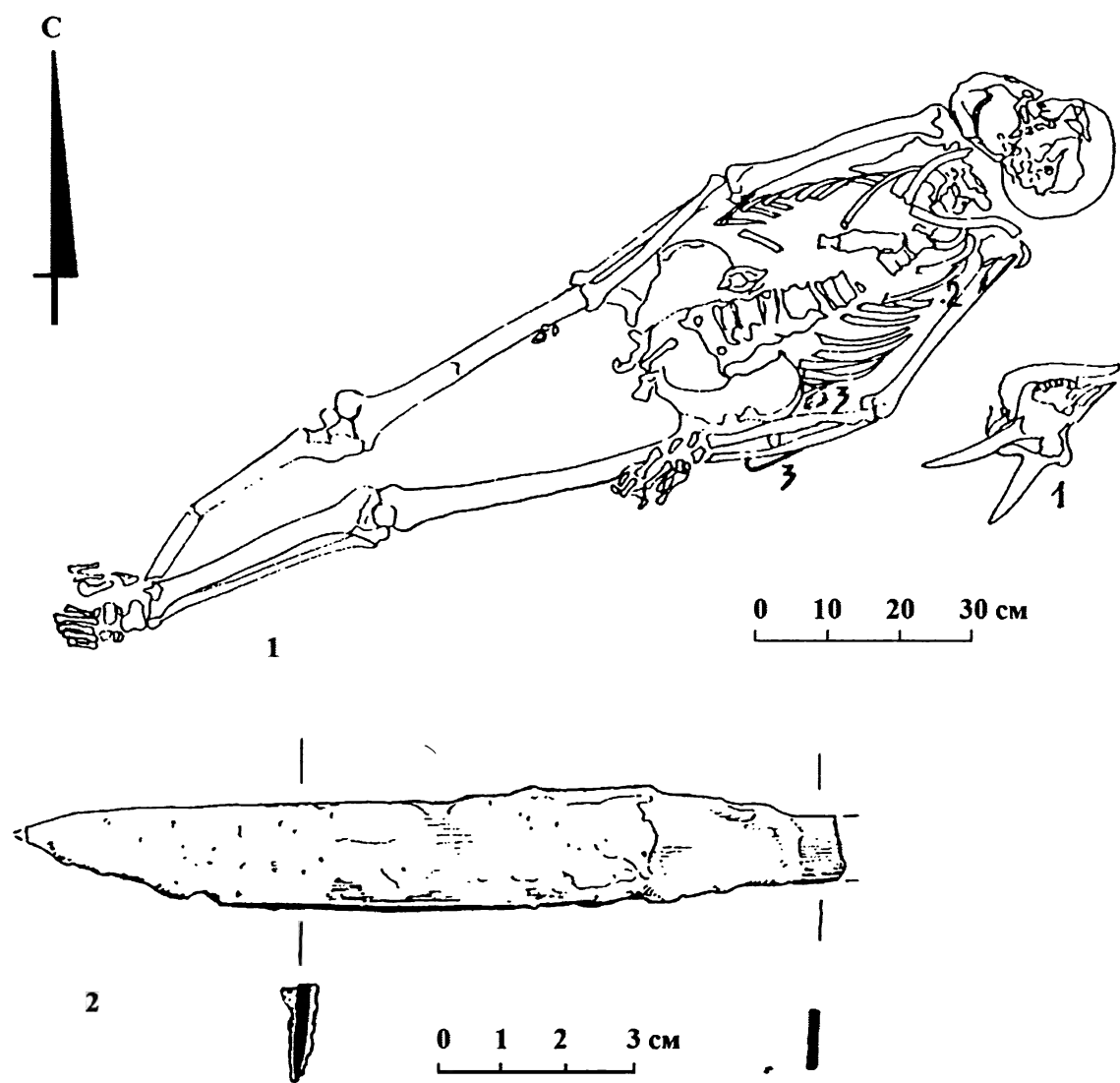

Табл. 20. План погребения 6 кургана 13 у хут. Малаи Калининского района Краснодарского края. Нож из погребения

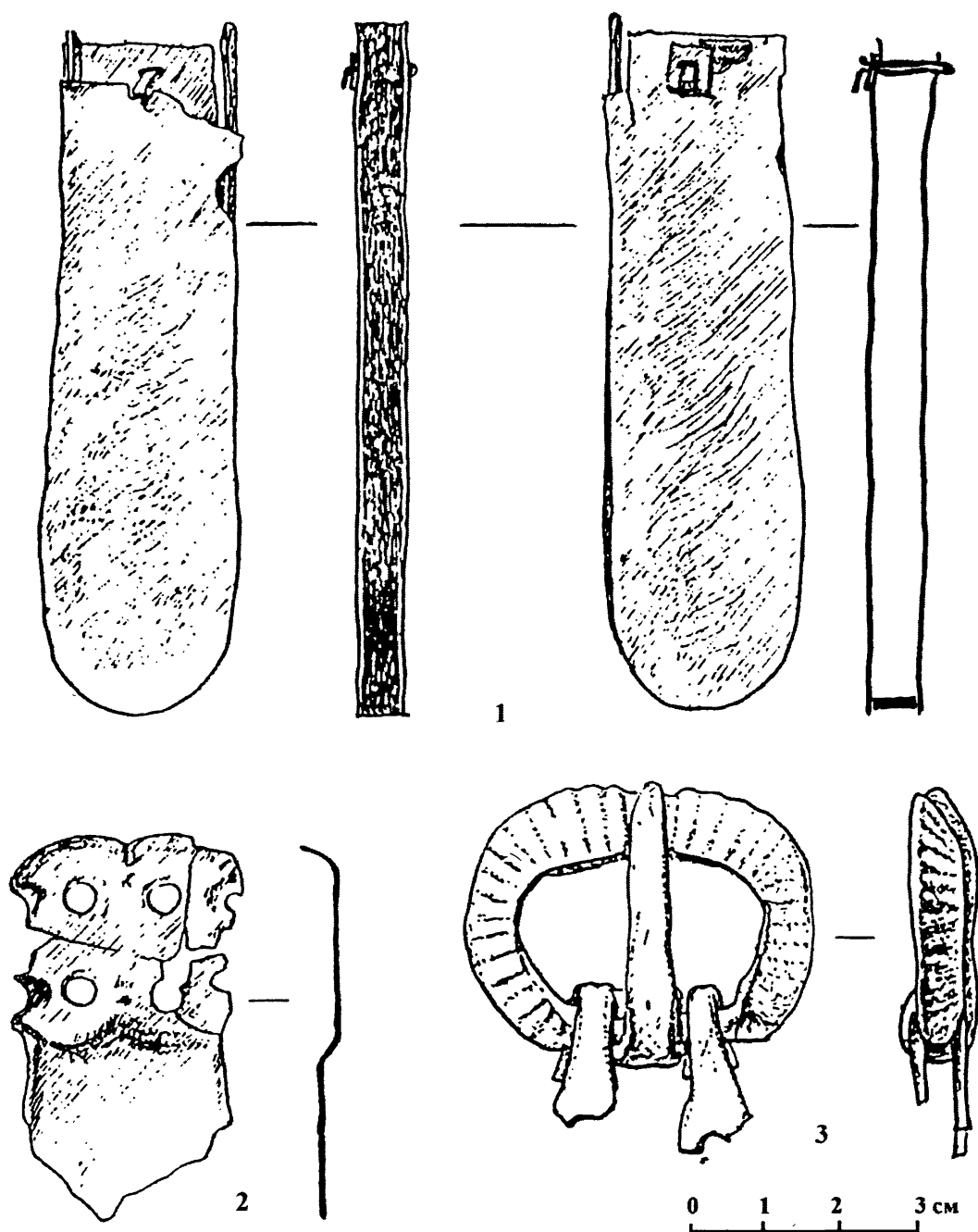

Табл. 21. Наконечник пояса, пряжка и поясная бляшка из погребения у хут. Малаи

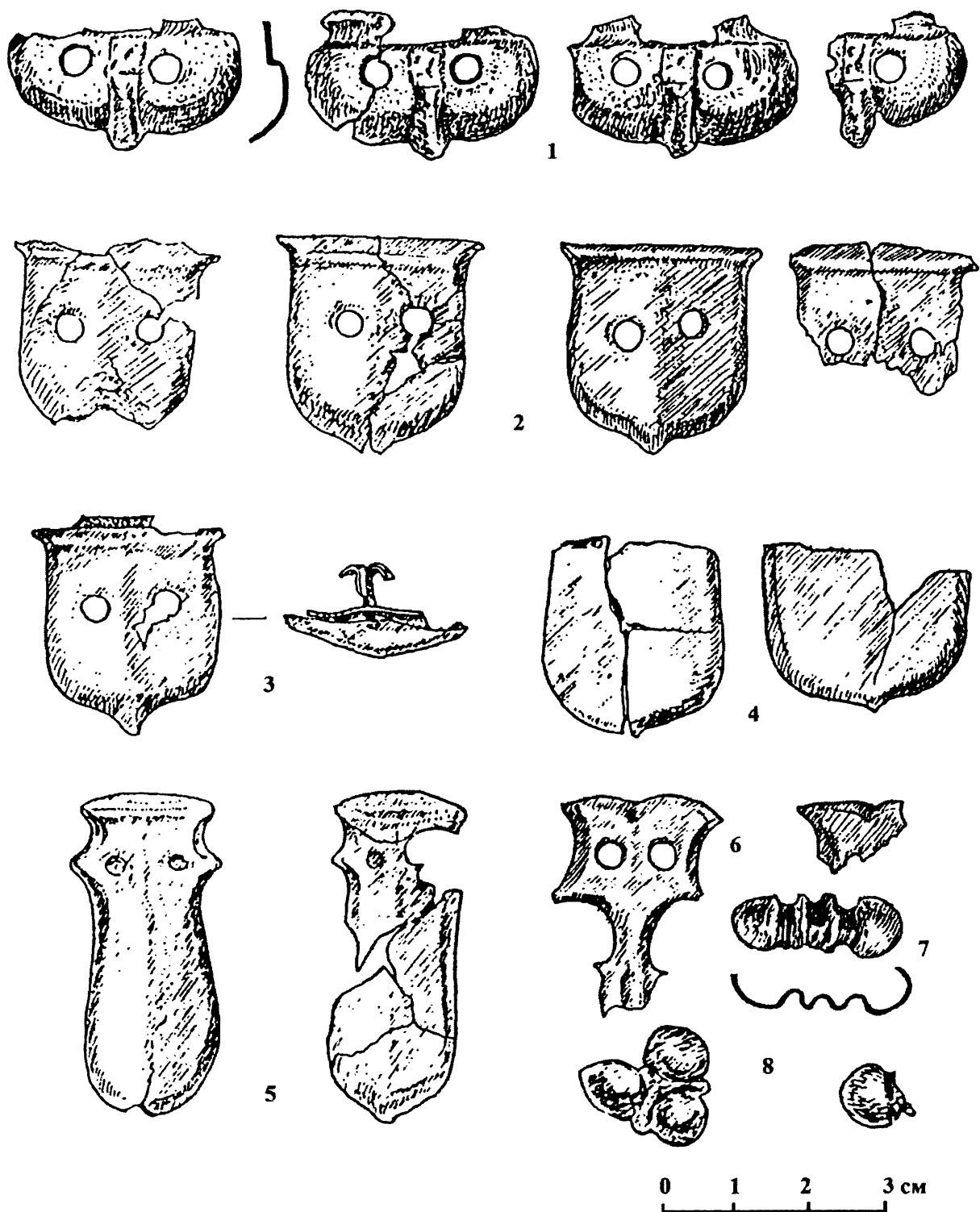

Табл. 22. Поясные бляшки из погребения у хут. Малаи

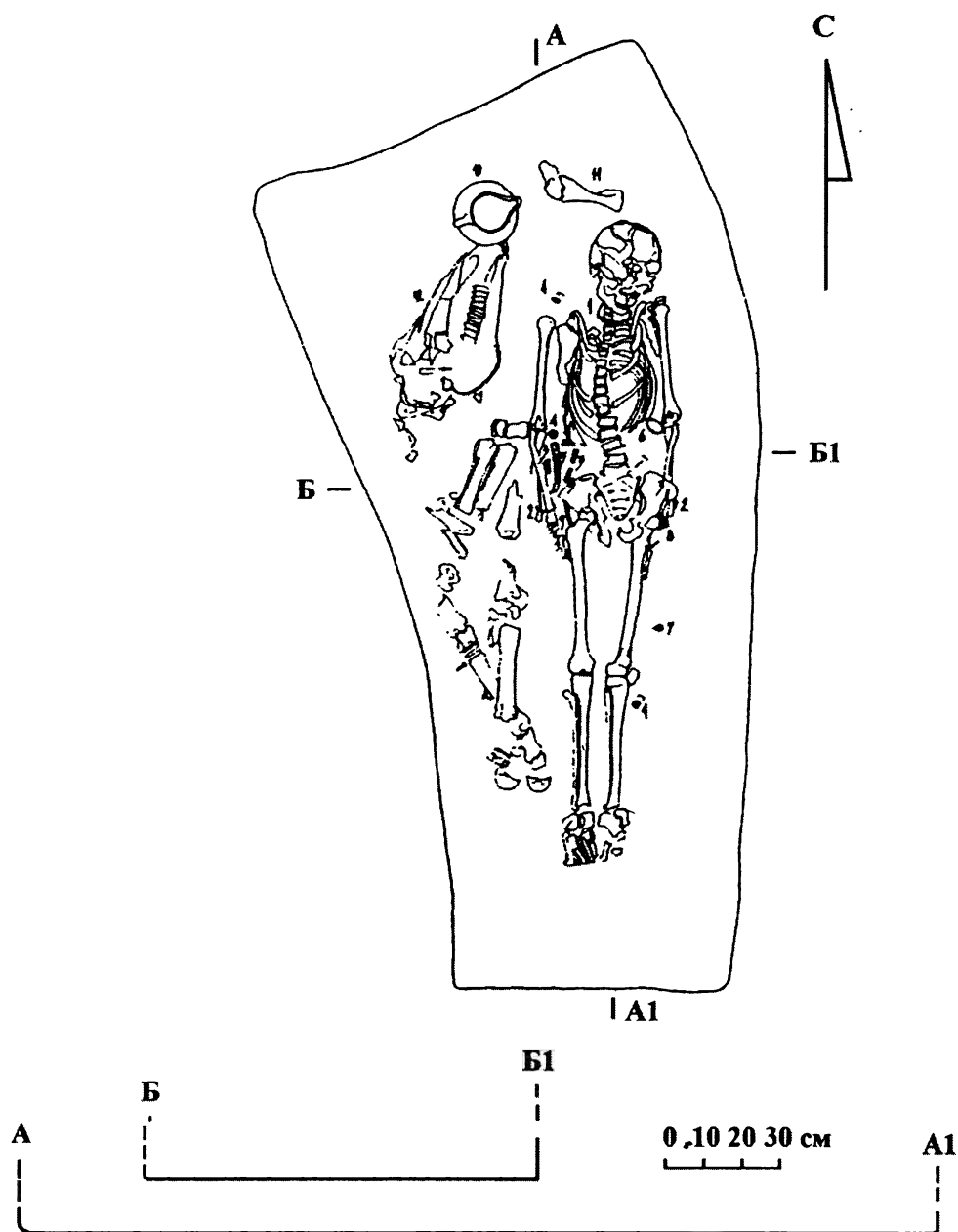

Табл. 23. План погребения 1 кургана 8 курганной группы 1 у ст. Старонижнестеблиевской Красноармейского района Краснодарского края

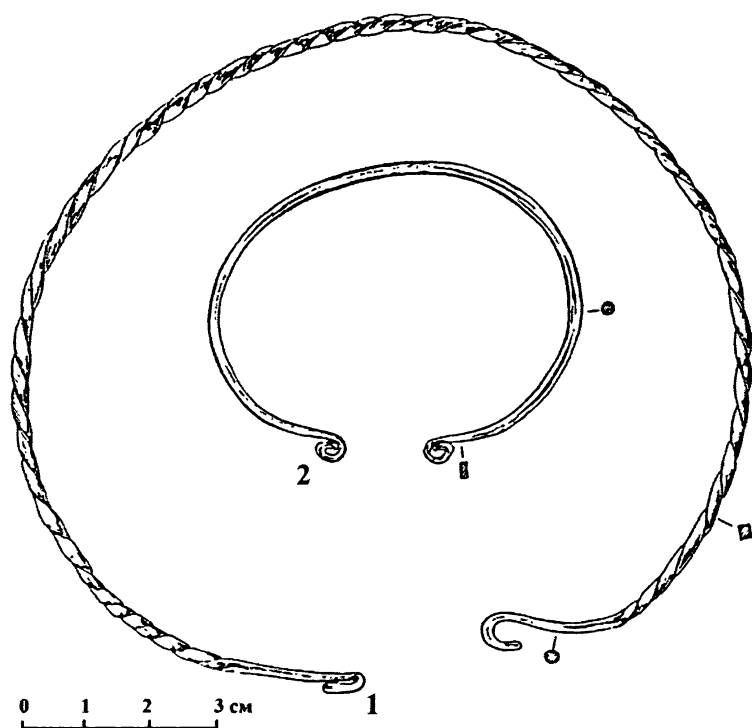

Табл. 24. Шейная гривна и браслет из погребения у ст. Старонижнестеблиевской

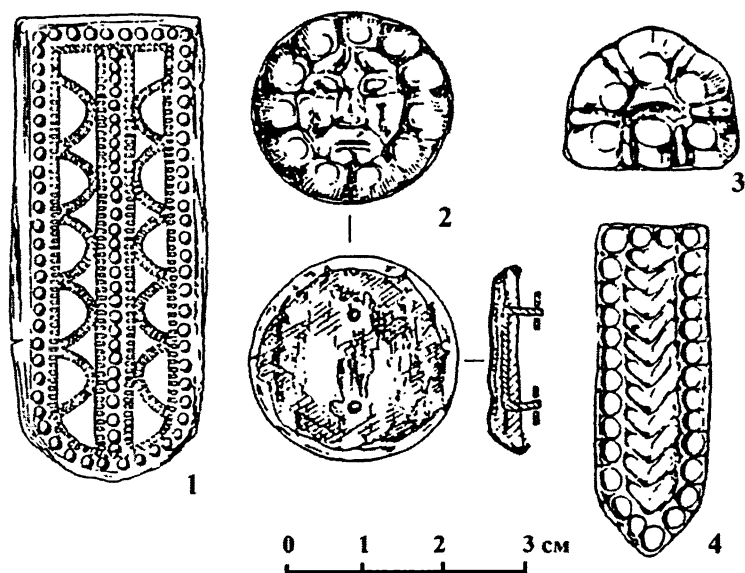

Табл. 25. Наконечники поясов и поясные бляшки из погребения у ст. Старонижнестеблиевской

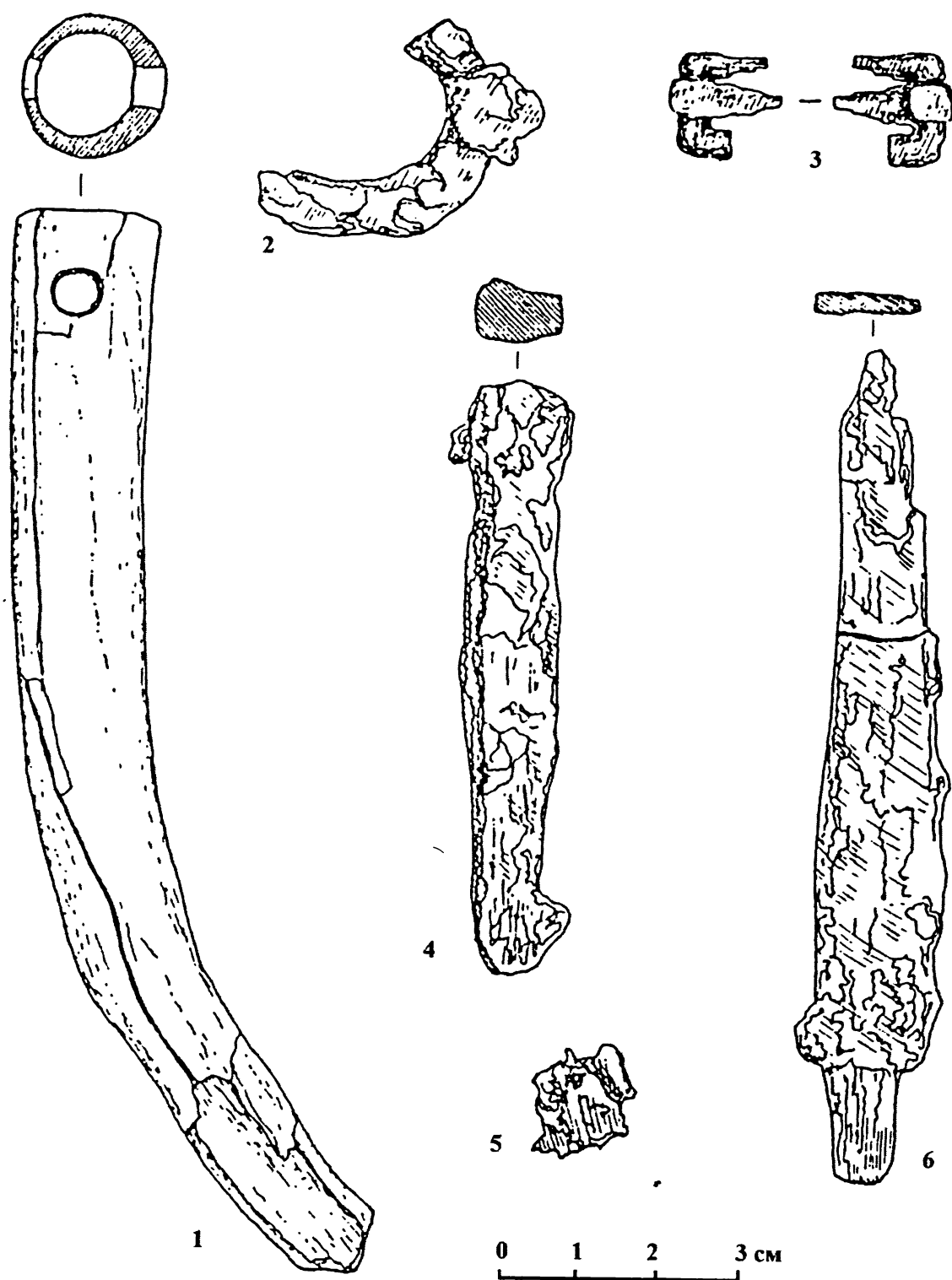

Табл. 26. Пряжки, ножи и рукоять из погребения у ст. Старонижнестеблиевской

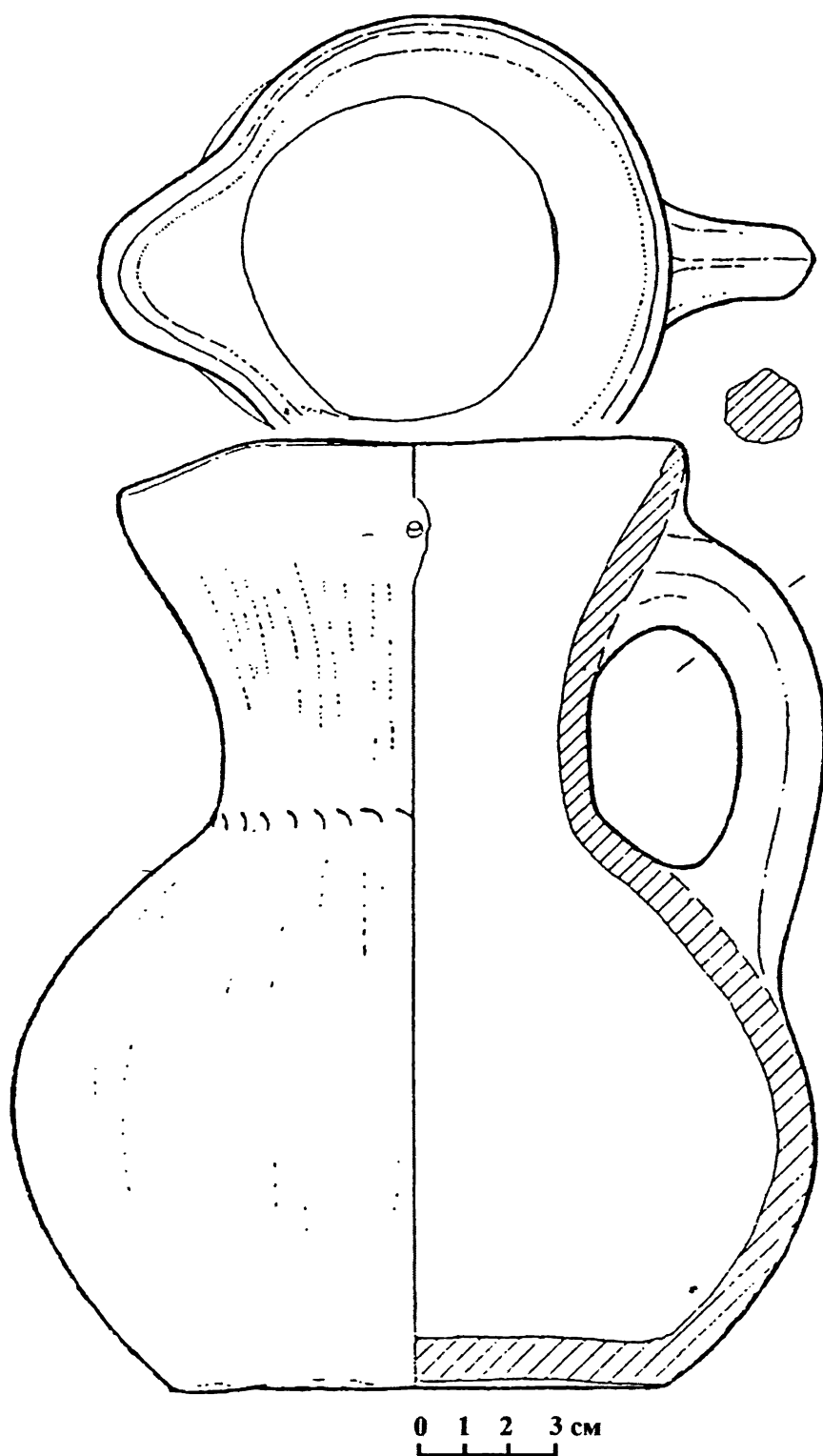

Табл. 27. Кувшин из погребения у ст. Старонижнестеблиевской

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ИМУЩЕСТВЕННО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОЧЕВНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ И СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В. (ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ, ПОЛОВЦЫ)*

I

Краткое описание информационно-поисковой системы «Номад»

1. Структура базы данных. ИПС «Номад» была создана на основе программы по созданию баз данных реляционного типа DBASE 3+ [...] и состоит из нескольких баз («Курган», «Могила» и «Находки»), автоматически связанных между собою по шифрам погребений. Каждая база данных включает комплекс полей, в которых отражены отдельные детали погребального обряда и сопутствующий инвентарь. Полями (признаками) стали уже разработанные в исследованиях С.А. Плетьевой, Г.А. Фёдорова-Давыдова, И.С. Каменецкого (Каменецкий, 1983; 1986), В.А. Иванова и В.А. Кригера

(Иванов, Кригер, 1988) коды для описания погребального обряда и инвентаря, а также ряд признаков, введенных самим автором (Атавин, 1984).

В базе «Курган» содержится 127 полей. Они содержат данные о географической широте и долготе местоположения памятника, вычисленные по картам областей масштаба 5–8 км, код погребения, сведения административного порядка — область, район, населённый пункт, указания на год раскопок и их автора, датировку, предположения о племенной принадлежности погребённого. Следующий блок признаков содержит информацию о высоте и диаметре кургана, устройстве насыпи и наличии околочурганых и внутричурганых ровиков, их форме, встреченных в насыпи следов тризны. Другими блоками призна-

* Основой публикуемой здесь статьи послужили тексты плановых тем, отдельные части которых сохранились в домашнем архиве А.Г. Атавина. В последние полгода жизни А.Г. Атавин активно занимался переработкой этих текстов с учетом новых сведений, которыми пополнилась ИПС «Номад» со времени написания плановых тем. По-видимому, будучи неудовлетворен какими-то частями работы, А.Г. Атавин их уничтожил. Непригодными для публикации оказались во многом и те части работы, которые были связаны со статистической обработкой базы данных, так как далеко не все таблицы сохранились (например, результаты факторного и кластерного анализов по печенежско-торческой

выборке). Попытки восстановить утраченные таблицы не удалось, поскольку за последние годы база данных была существенно расширена автором. По этим причинам работа публикуется с обширными купюрами. Данная публикация, собранная мною из разрозненных частей, местами грешит недосказанностью и отсутствием ссылок на источники. Наверное, Андрей Геннадьевич, увидев подобный результат, был бы огорчен. Но хочется надеяться, что читатели увидят в этой работе, в первую очередь, не погрешности, а оценят тот огромный массив данных, который пришлось проанализировать автору, и те интересные выводы, которые ему удалось получить. — *О.В. Лопан.*

ков описываются непосредственно надмогильные сооружения, форма и конструкция могилы, её заполнение и перекрытие. В эту же базу входит блок признаков, касающихся характеристик самого погребения: основное или впускное, индивидуальное, парное или коллективное, количество погребённых. Отдельным блоком описаны сопровождающие погребения животных: видовое определение (конь, корова или овца) и типы захоронений животных (захоронение целой туши или её части, способы отчленения ног у чучела), а также наличие загробной пищи в виде костей животных. Данные об источнике информации в виде ссылок на отчеты и статьи, из которых взяты сведения, заносятся в отдельное поле.

База «Могила» состоит из 75-ти полей: номер скелета (если погребение парное или коллективное), ориентировка погребения по 16-ти направлениям (предложенная И.С. Каменецким), половозрастные и антропологические определения, положение скелета, наличие или отсутствие гробов, подстилок и их типы, подсыпки на дне. Наличие такого признака (поля), как «могила ограблена или разрушена», предоставляет возможность отбора непо потревоженных комплексов для статистической обработки. Последним в базе является поле «данные», куда внесены иные представляющие интерес сведения, для описания которых не предусмотрены самостоятельные поля.

В базе «Находки» 117 полей, где учтены все категории вещей. Поля объединены в крупные блоки: конское снаряжение, оружие, украшения, предметы быта и туалета, одежда и обувь, повозки, монеты. Для более точного выделения богатых и бедных погребений в базу данных введены такие признаки, как «золото», «серебро», «позолота», «посеребрение», в которые вносятся данные, если какой-либо инвентарь выполнен из этих металлов или в той или иной ювелирной технике. Так как представленная база является базой реляционного типа, то в ней не предусмотрены данные по типологии отдельных категорий вещей — лишь отмечено их наличие или отсутствие. Вопросы типологии — это большая отдельная тема.

Несколько особняком стоит база «Святилище». Она не связана с тремя другими база-

ми — в ней учтены почти все половецкие святилища, исследованные на степных курганах за послевоенные годы.

2. Источники. Для заполнения базы данными автором было обработано более тысячи отчётов, хранящихся в Архиве ИА РАН и ИИМК, а также несколько сотен печатных работ.

3. Общие сведения. В базе «Номад» было сделано 1 233 записи: 1 174 относятся к описанию индивидуальных погребений, а остальные характеризуют 14 парных и три коллективных погребения, а также 29 кенотафов, где не встречено погребений людей, а лишь соответствующий инвентарь и сопровождающие животные. Четверть погребённых сопровождается костями или целыми остовами коней, коров или овец. Из общего количества индивидуальных погребений 460 определяются как мужские, 258 как женские, 62 как детские, 19 как подростковые. Как взрослые, без уточнения пола, определены 183 погребения. В парных и коллективных погребениях встречаются такие сочетания: мужчина и женщина, мужчина и ребёнок, женщина и ребёнок, мужчина—женщина—ребёнок, двое мужчин и две женщины. Двести могил оказались разграбленными или разрушенными и полноценно не могут быть использованы при статистической обработке. [...]

4. Хронологические рамки исследования определяются от момента прихода на данную территорию печенегов и до исчезновения здесь подкурганного обряда погребения в связи с принятием ислама кочевническим населением Золотой Орды, то есть охватывают период с IX по XIV вв. Датировки погребений даны согласно мнениям авторов публикаций и отчётов.

По племенной принадлежности погребённых захоронения распределяются следующим образом: к захоронениям, оставленным племенами печенегов и торков, можно причислить 198 могил, к погребениям племенных объединений половцев до монгольского нашествия — 297, к периоду Золотой Орды — 394. Монгольскими (с большой долей условности) можно считать 29 погребений и лишь одно захоронение может являться погребением ясса, оказавшегося в составе половецких

племен. Неопределимыми по племенной принадлежности остались 329 погребений.

5. Территориальный охват. В базу данных вошли сведения о погребениях средневековых кочевников на территории Астраханской, Волгоградской, Воронежской, Ростовской и Саратовской областей, Республики Калмыкия, Краснодарского и Ставропольского краёв. Распределяются погребения по регионам очень неравномерно, что отражает, на наш взгляд, не только различную археологическую изученность территорий, но и действительную картину расселения кочевников. Следует оговорить, что географические рамки исследования были ограничены территорией Волго-Донского междуречья, поэтому по таким областям, как Астраханская, Волгоградская и Саратовская, в базу оказались включены лишь погребения прибрежной (левобережной и правобережной) части Волги, что несколько искажает общую картину.

Погребения печенегов, торков, половцев, золотоордынцев и этнически неопределимых кочевников распределяются на изучаемой территории следующим образом:

1. Нижнее Поволжье — 26,9% погребений (Астраханская область — 10,3%; Волгоградская область — 16,6%);
2. Саратовская область — 2,2% погребений;
3. Калмыкия — 13,9% погребений;
4. Средний Дон (Воронежская область) — 0,9% погребений;
5. Нижний Дон (Ростовская область) — 45,7% погребений;
6. Краснодарский край — 6,8% погребений;
7. Ставропольский край — 3,6% погребений.

Таким образом, на протяжении более чем четырёх столетий, с конца IX в. и примерно по 70-е годы XIV в., на этих территориях, представляющих собою степные пространства, кочевнические объединения были в основном сгруппированы вокруг крупных водных потоков. На западе — это Дон с его притоками, на Востоке — Волга, на юге — Кубань, Маныч и реки, текущие с Кавказского хребта.

II ПОГРЕБЕНИЯ ПЕЧЕНЕГОВ В РАЙОНЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДОНА—ВОЛГИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В 50–60-е гг. XX столетия на территории от Волги до Поднестровья было известно лишь около пяти десятков погребений печенегов и торков (Плетнёва, 1958; Фёдоров-Давыдов, 1966). В настоящее время в результате больших археологических работ в степных районах количество погребений кочевников, которые можно отнести к концу IX — нач. XII вв., увеличилось в несколько раз.

К захоронениям печенежского времени могут быть отнесены 198 погребений из нашей базы. В пределах исследуемой территории наибольшее количество комплексов печенежского времени сосредоточено в Ростовской области — 103 захоронения, что составляет 52% от всех печенежских могил. Далее идет Волгоградская область — 37 погребений, или 18,7%, Астраханская область — 29 погребений, или 14,7%, Калмыкия — 18 могил, 9,1%. Мало погребений в Краснодарском крае — всего шесть (3%). Три погребения встречены на Ставрополье — 1,5%. По одному погребению происходит из Саратовской и Воронежской областей (по 0,5%).

1. Могильники. Значительное преобладание доли Ростовской области в общем числе погребений печенежско-торческого времени происходит за счет могильника у стен Саркела, который насчитывает в общей сложности 53 погребения людей и коней. Появление такого могильника связано с военной службой по охране крепости, поэтому саркельский могильник является исключением. В более позднее время кочевники также создавали более или менее компактные могильники (погребения чёрных клобуков в Поросье, могильники золотоордынского времени в Поволжье). Вообще же, крупных могильников, по крайней мере, на исследуемой территории, кочевое население не оставляло. *Поэтому, на наш взгляд, для кочевнического населения надо изменить сам подход к понятию «могильник». Если в раскопанной курганный группе есть хотя бы два погребения одной эпохи, то данный памятник уже может по праву считаться могильником.*

В Ростовской области, помимо могильника в Саркеле, насчитывается еще несколько малых могильников печенежско-торческого времени: Арпачин — два индивидуальных впускных и одно впускное парное погребение; Ясырев 1 — впускное погребение и один кенотаф; Валовый 1 — три впускных погребения; Русский колодец 7 — три погребения, причём два в одном кургане; Лакедемоновка 2 — два погребения; Беглица 16 — два погребения; Царский — два погребения. Таким образом, не считая могильника Саркела, из 50-ти погребений, учтённых в Ростовской области, 18 располагаются в могильниках, что составляет 36%. А с учётом погребений Саркела — почти 69%.

В Волгоградской области известны следующие малые могильники: Быково 1 — четыре погребения, причём два в одном кургане; Кияковка — четыре погребения, два также в одном кургане; Калиновская — четыре погребения; Колобовка 1 — три погребения; Колобовка 4 — два погребения; Маляевка 5 — три погребения (два в одном кургане); Царев — три погребения. В общей сложности 54% погребений печенежского времени на территории Волгоградской области находятся в малых могильниках.

В Астраханской области исследованы следующие могильники: Кривая Лука 3 — два погребения; Кривая Лука 15 — пять погребений (три в одном кургане); Старица — шесть погребений, из них одно коллективное с четырьмя погребёнными, три впущены в один курган, ещё два — в другой. Из общего количества могил в Астраханской области 48% погребений печенежско-торческого времени расположены в могильниках, что отражает единую тенденцию.

В Калмыкии раскопаны следующие могильники печенежско-торческого времени: Хоир-Толга — два погребения в двух курганах; Лола 2 — два погребения; Восточный Маныч 1 — три погребения; Восточный Маныч 2 — три погребения. В малых могильниках на территории Калмыкии концентрируется 55% могил печенежско-торческого периода.

Если считать в среднем, то среди погребений конца IX — XI вв. более 48% находятся в могильниках. Если же учесть и погребения

у стен Саркела, то эта доля составит 56,5%. *На наш взгляд, в печенежско-торческое время прослеживается устойчивая тенденция образования могильников, местоположение которых отражает тяготение к правильному кочеванию по определенной территории и устойчивые маршруты этих перекочевков.*

Значительная часть могильников располагается в бассейне Дона и его притоков и в бассейне Нижней Волги. Это объясняется, в первую очередь, привлекательностью данной местности для кочевания — обилием водных источников и богатыми, по сравнению с другими участками степи, пастбищами для кормления многочисленных стад, а также торговым значением крупных водных артерий — Дона и Волги. Политические и экономические реалии того времени, когда территории степи, ранее занятые населением Хазарии, после её разгрома в середине X в. были подчинены кочевым населением, предоставляли возможность подобного выбора. Поэтому могильники печенежско-торческого времени практически не встречаются в таких крупных регионах, как Краснодарский и Ставропольский края, Саратовская и Воронежская области.

В Подонье наибольшее количество погребений конца IX — XI вв. расположены по правобережью Дона и его притоков — здесь их 36. Вместе с погребениями у стен Саркела погребений на правобережье Дона — 89. Налицо определённая тенденция концентрации печенежско-торческого населения именно здесь, в большой округе такого крупного города, как Саркел, несомненно, игравшего большую экономическую и политическую роль в ту эпоху. Остальные погребения, всего 14, расположены на левобережье, особенно в междуречье Сала и Маныча, и в Азовском районе, почти при впадении Дона в Азовское море.

В Краснодарском крае печенежско-торческие погребения встречаются в низовьях Кубани. В Волгоградской области очень незначительная часть погребений находится на правом или левом берегу Дона и его притоков, а большая часть располагается на левом берегу Волги, в Заволжье.

Несколько иное положение в Астраханской области. Здесь наибольшая концентрация

погребений печенегов и торков наблюдается на правом берегу Волги, где территория их распространения плавно соприкасается с зоной погребений северных районов Калмыкии, в которой захоронения данного времени встречаются также в районе Элисты и на юге — на левом берегу Восточного Маныча (ныне Чограйское водохранилище). На Ставрополье несколько погребений встречаются в северном Арзгирском районе и они, по всей видимости, больше тяготеют к южным калмыцким.

2. Курганы. Печенеги и торки в большинстве случаев хоронили своих покойников или устраивали кенотафы в насыпях предыдущих эпох. Из 198 учтенных нами комплексов конца IX — XI вв. впускных погребений 135, или 68,2%. Остальные комплексы найдены под индивидуальными насыпями (63, или 31,8%). Все индивидуальные курганные насыпи печенежско-торческого времени земляные, без примеси камня, без каких-либо каменных подкурганных конструкций или выкладок по поверхности.

Курганные насыпи с впускными погребениями печенежско-торческого времени в нескольких случаях обладали иными конструктивными особенностями: в трёх случаях насыпи были сооружены с применением камня, один раз по поверхности насыпи шла каменная кладка, два раза в насыпи было встречено каменное кольцо и один раз — заливка глиной по насыпи. Все курганные насыпи, где встречаются подобные конструкции, сооружены еще в эпоху бронзы, а печенежские и торческие могилы в них являются впускными. Поэтому с уверенностью сказать, что конструкции из камня относятся к X–XI вв., не представляется возможным. Весьма вероятно, они могут относиться к периоду бронзового века. Почти все подобные курганы находятся на территории Миусского полуострова в Ростовской области (Беглица 16-2-3; Гаевка-Каймакчи 15-4-13; Лакедемоновка 3-1-3; Русский Колодец 7-4-4 и 6). Исключение составляют впускное погребение из Сладковского 17-1 Тацинского района Ростовской области и кенотаф из Иловатки-1-1 в Волгоградской области, где в кургане встречена глина, деревянные конструкции и обожжённые в огне площадки на материке, а также черепа двух коней.

Не очень характерными оказались и кольцевые ровики вокруг или под насыпью кур-

ганов — они встречены в 13 курганах (в 6,6% от общего их количества). При этом только четыре индивидуальные курганные насыпи X–XI вв. имели кольцевые ровики вокруг насыпей (Джангар 2-3-1 в Калмыкии и Кривая Лука 15-7-1, Кривая Лука 21-9-1, Кривая Лука 27-2-1 в Астраханской области). В курганах предыдущих эпох кольцевые ровики под насыпью встречены 10 раз, но связать их с впускными погребениями печенегов-торков с уверенностью можно только в двух случаях: это впускные парные погребения Арпачин-39-15 в Ростовской области и Никольское 5-1-4 в Астраханской. Для этих погребений на вершине более ранних по времени курганов были выкопаны кольцевые ровики, а на пространстве внутри них, над погребениями, была совершена досыпка, то есть сделаны как бы курганчики на курганах. Возможно, что к ним можно добавить и погребение из Сладковского 17-1, о котором речь шла выше.

Остатки углей от тризн встречены в насыпях индивидуальных курганов только один раз: вместе с костями коровы, коня и обломками керамики — это кенотаф из Иловатки 1-1. Кости коня в насыпи индивидуального кургана встречены единственный раз в Черноярском могильнике 1-1 в Астраханской области. Остатки углей и тризн встречаются гораздо чаще в курганах с впускными погребениями, но связать их с конкретным погребением печенега или торка затруднительно. По всей видимости, обряды, совершаемые уже после погребения, для печенежско-торческой эпохи не характерны, так как следы их отсутствуют в индивидуальных курганах.

Интересным является факт довольно значительного количества индивидуальных курганов — их почти треть. По наблюдениям М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой, курганы у стен Саркела были небольшие. В середине 30-х годов XX в. их высота колебалась в пределах 0,5–1 м. К моменту основных раскопок могильника в 1949–1951 гг. они были едва заметны. Поэтому их метрические характеристики не были отражены в публикации (Плетнёва, 1990. С. 9). Ныне нам известны данные о размерах 39 индивидуальных курганов. Высота 28 из них колеблется от 0,06 до 0,34 м, семь имеют высоту от 0,34 до 0,62 м, а четыре — 0,62–0,9 м. Диаметр 33 курганов 5–14 м,

три достигают диаметра от 14 до 23 м и три от 23 до 32 м. Как видно, курганы печенежского времени действительно невелики.

3. Моги́лы. Всего могил, относящихся к печенежскому времени, учтено 198, из них 182 индивидуальные могилы, три парные (Ростовская область, группа Арпачин 39-15; Астраханская область, группа Никольское 5-1-4 и Волгоградская область, группа Колобовка 3-1-3), одна коллективная с четырьмя погребёнными (Астраханская область, Старица 30-4) и двенадцать кенотафов, в которых погребены останки коня, но нет костей человека. Все кенотафы, за исключением трех (Иловатка 1-1, Журов курган 2-1 из Волгоградской области и Коллекторский 2-XV, XVI из Краснодарского края), происходят с территории Ростовской области. Таким образом, в 186 могилах, в которых есть погребённые люди, было захоронено 192 человека. Налицо явное преобладание индивидуальных погребений.

Никаких конструкций над могилами не возводилось — только один раз встречена вымостка из кирпича (Курчанская 1-1, Краснодарский край). По конструктивным особенностям могилы делятся на простые ямы — 87 (75,7%) случаев, ямы со ступенькой или заплечиками — 19 (16,5%) случаев и могилы с подбоями — девять (7,8%) случаев.

Конструкции могил несколько различаются. В плане могилы или входные ямы подбойных могил чаще всего были прямоугольными — 53 случая (57,4%), вытянуто-закруглёнными — 26 случаев (27,6%), овальными — 11 случаев (11,0%), квадратными — 1 случай (1,0%) или трапециевидными — 3 случая (3,0%). В остальных случаях форму и конструкцию могил проследить не удалось.

О размерах простых индивидуальных печенежских могил¹ можно судить по выборке из 62 могил, описанных по трём реально прослеженным при раскопках параметрам: длине, ширине, глубине (Табл. 1). Минимальная длина простых индивидуальных могил составляет 1,65 м, максимальная — 3,0 м. В среднем длина могил составляет 2,238 м.

При этом длина 51 могилы укладывается в пределах от 1,65 до 2,55 м и только длина 11 могил больше 2,55 м, но не больше 3,0 м. Ширина простых индивидуальных могил колеблется в пределах от 0,33 до 1,5 м. Третья часть могил имеет ширину меньше одного метра (в пределах 0,33–0,72). Больше половины — от 0,72 до 1,11 м и только три — в пределах 1,11–1,5 м. В среднем ширина могил составляет 0,834 м. Глубина простых индивидуальных могил варьирует в пределах от 0,1 до 1,95 м, но в большинстве своём они неглубокие — от 0,1 до 0,72 м. В среднем глубина могил составляет 0,634 м.

Таким образом, большая часть индивидуальных простых могил печенегов и торков имеет длину от 2 до 2,7 м (50 погребений или более 80%), ширину — от 0,33 до 1 м (54 могилы, или 87%), и только восемь — от 1,05 до 1,5 м. Глубину от 0,1 до 0,95 м имеют 49 могил (79%), семь могил — глубиной от 1 до 1,5 м, шесть — от 1,56 до 1,95 м.

Размеры индивидуальных могил с заплечиками или ступенькой, о которых можно судить по выборке из 13 могил, — несколько иные (Табл. 2). Минимальная их длина составляет 1,77, а максимальная — 2,83 м. В среднем их длина почти такая же, как, и у простых могил — 2,371 м. Ширина могил с заплечиками — от 0,65 до 2 м, в среднем — 1,098 м. Глубина — 0,17–2,94 м, в среднем — 1,073 м. Таким образом, могилы с заплечиками и ступенькой в среднем несколько длиннее, шире и глубже. Более конкретно это выглядит так: две могилы длиной 1,77 и 1,95 м, шесть — от 2,2 до 2,4 м, пять — от 2,52 до 2,83 м. Ширина 9-ти могил не превышает метра (0,65–1 м), три могилы шириной 1,4–1,65 м, одна 2 м. Глубина семи могил — 0,17–0,9 м, две могилы — 1 м и 1,04 м соответственно, три — от 1,63 до 1,93 м.

Размеры входных ям у подбойных могил следующие (выборка из шести могил): максимальная длина 2,8 м, минимальная 1,8 м, в среднем 2,047 м. Ширина максимальная 2 м, минимальная — 0,6 м, в среднем 1,083 м. Максимальная глубина 1,75 м, минимальная 0,36 м, в среднем 0,985 м. Длина пяти могил была от 1,8 до 2 м и одной — 2,6 м. Ширина четырёх от 0,6 до 1 м, а двух — 1,6 и 2 м. Глубина четырёх 0,36–0,85 м, двух — 1,4 и 1,75 м.

¹ Для взрослых погребённых, поскольку детские погребения мы исключаем для объективности.

Размеры самого подбоя установить удалось только в одном случае — в погребении Колобовка 4-6-1 в Волгоградской области. При входной яме размерами $2 \times 0,6 \times 0,8$ м, его длина была 2 м, ширина 0,3 м и высота свода — 0,5 м. Дно подбоя находилось на одном уровне с дном входной ямы.

36 могил имели перекрытие из дерева, из дерева в сочетании с корой, только из коры или только из камыша. В подбойных могилах один раз вход в подбой был закрыт камнем и один раз деревом. В заполнении могил обычно присутствовала лишь земля, редко встречаются уголь, сырец или камень.

Подводя некоторые итоги по размерам и устройству входных ям, хочется отметить, что в печенежско-торческую эпоху абсолютно преобладали простые могилы без заплечиков или ступенек, подбойные могилы редки. От 80% до 90% могил имеют длину от 2 до 2,8 м; около 75% могил имеют ширину до метра; более 70% глубиной до одного метра.

4. Погребения. Обряд печенежских погребений достаточно устойчив. Судя по материалам Саркела, который послужил своеобразной отправной точкой для определения типичных погребений X–XI вв., обычно погребённый был уложен в могиле вытянуто на спине, черепом в западном направлении с отклонениями, в основном, к югу (Плетнёва, 1958; 1963; 1990).

Ориентировка погребённых была прослежена только в 166 случаях: 49 погребённых (или 29,5%) них были уложены черепами строго на запад, 62 — на ЗЮЗ (36,1%), 19 — на ЮЗ (10,8%). Таким образом, западная-юго-западная ориентировка погребённых явно преобладает — 130 погребений из 166-ти или 78,3% погребений.

Несколько покойных (4,2%) были уложены черепами на север, ССВ, СВ или ССЗ (Старица 7-8 и 16, Кривая Лука 7-9-16 в Астраханской области, Шахаевская 2-3-5, Крепенский 2-9-4 в Ростовской области, Крупской 14-1 в Краснодарском крае, Царев 66-2 в Волгоградской области). Некоторое количество погребённых было ориентировано на восток, ВСВ или ВЮВ (семь в Ростовской области, шесть в Калмыкии и по одному в Волгоградской и Астраханской областях и на Ставрополье, что составляет 9,7% от всех прослеженных ориен-

тировок). Есть 13 погребений с северо-западной и ЗСЗ ориентировкой из Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей (7,8%).

Преобладание погребений с ориентировкой в западном—юго-западном секторе говорит, на наш взгляд, о значительном единстве этнической группировке на такой большой по площади территории. Присутствие незначительной доли других ориентировок у погребённых (меньше одной четверти, 21,8%) указывает на присутствие каких-то иных этнических групп или изменение единого обряда во времени. В этом отношении очень интересна группа погребений из Калмыкии, из могильников Восточный Маныч 1 и 2, Лола 2, Шаред, в которых погребённые лежат черепами к востоку или ВЮВ. Для погребённых из могильника Старица в Астраханской области характерно большое разнообразие в ориентировках: на ЮЗ, ЗЮЗ, Север, СВ, СЗ. То же мы видим в могильнике Барановка (Астраханская обл.), где погребённые лежат черепами к востоку, западу, ЗСЗ. И в могильнике Русский Колодец 7 (Ростовская обл.), где погребённые ориентированы на ЮЗ, В, ЗСЗ. К сожалению, два последних могильника очень небольшие — всего по три могилы, что затрудняет их сравнение с крупными могильниками по особенностям погребального обряда.

Не очень характерными для печенегов оказались такие черты погребального обряда, как наличие в могилах различных по конструкции гробов. Следы гроба встречены в 21 погребении, гроб в виде ящика — в семи, гроб-носилки — в трёх могилах. Один раз встречен гроб в виде колоды. В общей сложности, гробы встречены в 17,2% погребений. Различного рода подстилки и подсыпки на дне могилы в виде коры, камыша, войлока или угля и мела найдены в 17,2% и 3,8% могил соответственно. *Таким образом, тезис С.А. Плетнёвой о преимущественном погребении печенегов в гробах для изучаемой нами территории пока не получает подтверждения.*

Среди печенежских и торческих погребений исследователями и антропологами определены как мужские 87 могил, как женские — 30, как детские — 6, как подростковые — 3. Ещё 28 погребений определены как погребения взрослых, без уточнения пола.

Среди парных погребений в двух похоронены мужчина и женщина (Никольское 5-1-4 в Астраханской области и Арпачин 39-15 в Ростовской области) и мужчина и ребёнок (Колобовка 3-1-3 в Волгоградской области). В коллективной могиле из Старицы (кург. 30, погр. 4, Астраханская область) — двое мужчин и две женщины. По антропологическому типу² среди погребённых преобладали европеоиды-брахикраны типа среднеазиатского междуречья, есть европеоиды степные и средиземноморского типа. Среди монголоидов встречается так называемый южно-сибирский тип.

5. Погребения с конём печенежско-торческого времени. Наиболее ярким признаком погребального обряда средневековых восточноевропейских кочевников является захоронение с погребённым конской туши или чучела коня, взнузданного и осёдланного. [...]

Еще дореволюционными авторами было замечено, что в могилах кочевников бывают захоронены не только целые остовы коней, но чаще только его череп и ноги. В.А. Городцов предполагал, что наиболее древними являются погребения с целым конём, а погребения с частями коня рассматривал как деградацию обряда. В советское время такого же мнения придерживался Л.П. Зяблин. [...] Уже В.А. Городцов и Е.П. Трефилев в трудах XII Археологического съезда отметили, что ноги у коней бывают отчленены или у самого тулова лошади, или у нижних суставов.

О различиях в членении ног у конских чучел упоминали С.А. Плетнёва и И.В. Сеницын. [...] Очень интересная работа о погребениях с конями у древних венгров принадлежит Ч. Балинту. Он убедительно доказал разницу в обрядах захоронения шкуры коней у венгров и у тюркоязычных кочевников, которые клали в могилу «разостланные» вдоль погребённого лошадиные шкуры, а венгры — шкуры «сложенные в ногах» (Балинт, 1972).

В своё время мы тоже обращались к этой теме (Атавин, 1984). Тогда нам удалось разделить все погребения кочевников с чучелами коней на три больших типа, положив в основу характер членения ног:

- 1) погребения с чучелами коней, ноги которых были отчленены по бабки (сюда же были включены погребения, где с человеком лежал один череп коня или его ноги, отчленённые по бабки);
- 2) погребения с чучелами коней, ноги которых были отчленены по пясть, или одни ноги коня по пясть;
- 3) погребения с чучелами коней, ноги которых были отчленены у верхних суставов, или только ноги коня, отчленённые у верхних суставов.

В свою очередь, выделенные типы погребений были разделены на восемь вариантов по характеру раскладки костей коня и положению его по отношению к погребённому в могиле. Как казалось, нам удалось убедительно доказать, что первые два типа погребений с костями коней относятся в основной своей массе к печенежско-торческой эпохе, хотя встречаются и позже, а третий — к половецкой эпохе и к периоду домусульманского погребального обряда кочевников в Золотой Орде. Также в статье утверждалось, что членение ног у чучела коня является, кроме всего прочего, и этническим признаком, и было предложено пользоваться этим признаком для датировки и определения этноса для вновь раскопанных безынвентарных кочевнических погребений.

Это утверждение достаточно прочно вошло уже в археологическую литературу, хотя у многих вызывает определенные сомнения. Так, С.А. Плетнёва в работе 2003 г. высказывает мнение о том, что во многом членение ног у чучела коня является не столько этномаркирующим признаком, сколько показателем богатства погребяемого кочевника, родня которого имела возможность положить в могилу гораздо больше мяса от убитого животного (Плетнёва, 2003. С. 158). Нам представляется, что, тем не менее, членение ног у чучела коня есть явление этнографическое, свойственное определённым этническим группам. В то же время не исключается возможность и какой-то модернизации и изменения определённого обряда во времени.

Продолжая эту тему, в дополнение к уже высказанным в статье взглядам, необходимо сделать некоторые уточнения. [...]

[...] Для начала нам представляется необходимым рассмотреть особенности строения

² Эти определения производились антропологами, в основном, на материалах Саркела.

конечностей лошади. Описание будет производиться снизу вверх, начиная с копыта (Рис. 1; Табл. 3).

В таблице 3 представлен полный набор костей для чучела коня с ногами, отчлененными по бабки. При этом шкура коня могла набиваться травой, имитируя в виде чучела целую лошадь, и захоранивалась в большинстве случаев слева от человека, черепом в том же направлении. Наиболее характерные погребения с такими чучелами происходят из-под стен Саркела. В некоторых из этих погребений сохранились даже отпечатки шкуры животного. Но этот обряд соблюдался полностью далеко не всегда. Бывали случаи захоронения одного черепа коня (Ростов-Дон 4-8-1, Арпачин 39-15) или только его конечностей, причём не всегда четырёх, а трёх, двух или даже одной (Калиновка 1-7, Колобовка 1-3-4 и 6-1 и 2). При этом могли быть захоронены только копыта коня, но не было венечных, путовых или сесамовидных костей. Далеко не всегда встречены кости хвоста, хотя они могли быть просто пропущены при расчистке погребения.

Само чучело коня могло быть как бы растянуто вдоль погребённого человека: обычно череп коня располагался у черепа погребённого, передние ноги у костей руки и груди, а задние ноги у ног (Саркельские погребения) или же останки коня бывают смещены. Например, ноги коня к ногам погребённого, когда собственно самого чучела уже не делали, а укладывали шкуру с конечностями. Также бывает смещён и череп животного (Ровное 4-7, Царев 11-1 и др.; см. рис.). Кости коня или его чучело могли располагаться рядом с погребённым в могиле, над ним на перекрытии или в заполнении, или же на ступеньке.

Точно также бывают разложены кости ног, когда они отчленены по пясть (Табл. 4; Рис. 1).

Наиболее характерные захоронения с таким «чучелом» происходят, в основном, с территории Ростовской области: это — погребения у стен Саркела, Кулешовка 1-5, Арпачин 28-3, Высочина 4-2-5. Погребения из Калмыкии несколько отличаются от прочих. Во-первых, останки коня были ориентированы черепом в противоположную сторону нежели погребённый (Восточный Маныч 1-21-1, 40-1, 43-1; Восточный Маныч 2-68-1; Лола 2-11-1). Во-вторых,

для калмыцких захоронений характерна более аккуратная раскладка лошадиных конечностей, что позволяет сделать предположение о неполном соблюдении обряда — вероятно, шкура коня, не набитая травой, попросту растилась вместе с костями вдоль погребённого или раскладывались только кости конечностей и его череп.

Кости коня как сопровождающего животного встречены в 134 индивидуальных могилах печенегов, в трех парных и в одном коллективном захоронениях. Таким образом, кости коней сопровождали погребённого человека в 74,2% случаев. Во всех 12-ти кенотафах встречены лишь кости коней. [...] В Ростовской области кости коня сопровождали погребённого человека в 57 случаях из 94, то есть более чем в половине погребений (60,6%), в Астраханской области — в 23-х из 28 погребений (82%), в Волгоградской области — в 31 из 36 (86%), в Краснодарском крае — в 5 из 6 (83,3%), в Калмыкии, на Ставрополье, в Воронежской и Саратовской областях таких погребений 100%.

Как было указано, в печенежско-торческих погребениях представлены два основных способа членения ног у чучела коня: по бабки или по пясть³. [...] В первую группу вошли погребения, в которых встречены: или один череп коня, или его ноги, отчленённые по бабки, но без черепа, или же конское чучело (с черепом и ногами по бабки). Среди индивидуальных погребений подобных оказалось 73. Во вторую группу вошли погребения с ногами коня (без черепа), отчленёнными по пясть, или же с конским чучелом (с черепом и ногами по пясть). Подобных погребений оказалось 56. Еще в четырёх случаях не было выяснено, каким образом были отчленены ноги у чучела коня. Не вошли в подсчеты данные о всех парных и об одном коллективном погребении, а также о кенотафах. Как видно, на всей исследуемой территории количественно преобладает способ членения ног по бабки, но это преобладание было незначительным. Можно предположить, что способ отчленения ног у чучела животного является разным

³ Для дальнейшей обработки весь массив погребений, сопровождаемых конем, был разделён А.Г. Атавиным на две группы. — О.В. Лопан.

у двух родственных групп населения — печенегов и торков. В пользу этого предположения говорят результаты некоторых простых подсчетов, проведенных нами (Табл. 5). Выясняется, что в западных районах рассматриваемой территории — в Подонье, Прикубанье, на Ставрополье и в Калмыкии, погребений печенежско-торческого времени вообще больше, нежели в восточных районах (81 погребение против 48). А, во-вторых, в западных районах преобладает способ отчленения ног коня по пясть — 45 погребений против 36, где ноги коня отчленены по бабки (или 55,5% к 44,5%). В Поволжье (Астраханская, Волгоградская и Саратовская области), наоборот, в 37 погребениях ноги у чучела коня отчленены по бабки и только в 11 — по пясть (соотношение 77% к 23%). Таким образом, в западной части рассматриваемой территории соотношение между типами членения ног у чучела коня различается незначительно, всего на 11% в пользу второй группы (по пясть), зато в Поволжье для погребений печенежско-торческого времени характерно членение ног у чучела коня по бабки (первая группа) — таких погребений там более трех четвертей (Табл. 5).

Следующим шагом стало изучение расположения сопровождающего животного по отношению к погребённому в могиле (Табл. 6). Некоторое уменьшение количества могил в первой группе произошло из-за того, что по данным источников не удалось определить расположение животного в могиле.

Для первой группы (членение ног животных по бабки) наиболее характерны погребения чучела коня над человеком в могиле и рядом — более 94% от всей группы. Для второй группы (членение ног животных по пясть) — погребение чучела коня рядом в могиле или на ступеньке — 78,5%. При этом в первой группе более 40% составляют погребения животного над человеком и только 2,9% на ступеньке, а во второй — только 12,5% над человеком в могиле и 23,2% на ступеньке. Данные по погребениям чучела коня рядом с человеком в могиле примерно одинаковы для обеих выделенных групп.

Как видно из табл. 7, ни для первой, ни для второй групп погребений — ни в Поволжье, ни в Подонье, ни на Северном Кавказе не ха-

рактерны могилы, где чучело коня размещено на горизонте у могилы, во входной яме подбоя или в самом подбое. Различия намечаются в размещении животного над погребённым, рядом в могиле или на ступеньке (Табл. 7).

В Поволжье по обеим группам способ укладки чучела коня над человеком в могиле составляет суммарно 50% от общего числа учтённых могил, причём в первой группе (с ногами по бабки) он чуть более распространён в процентном отношении, нежели во второй (с ногами по пясть). Положение коня рядом в могиле составляет по обеим группам суммарно 37% от общего числа могил, и при этом в первой группе (с ногами по бабки) он встречается чаще почти на 13%. Положение коня на ступеньке встречается редко, лишь в 6,4% могил⁴, но при этом чуть чаще — в первой группе погребений (2 могилы), нежели во второй (и 1 могила).

В Подонье и на Северном Кавказе над человеком похоронено более 15% животных, при этом способ отчленения ног животных по бабки встречается в этих захоронениях в пять раз чаще (10 могил), чем способ отчленения по пясть (2 могилы). Кости коня захоронены в могиле рядом с покойным в 64% случаев. Этот обряд зафиксирован примерно в одинаковых пропорциях как в первой (22 могилы), так и во второй (28 могил) группах. Останки коня располагались на ступеньке более чем в 15% могил и встречены только в погребениях второй группы (с ногами по пясть).

С.А. Плетнёва в своей первой работе, посвящённой кочевникам южнорусских степей, предположила, что для погребений печенегов характерна укладка чучела коня или рядом с человеком в могиле или на ступеньке, а для торков — положение коня над человеком в могиле (Плетнёва, 1958). Позднее она отнесла погребения чучела коня на ступеньке также к торческому обряду (Плетнёва, 1981. С. 218). Г.А. Фёдоров-Давыдов не разделял печенежские и торческие погребения на отдельные племенные группы, а просто отметил, что в восточных районах степи торческих погребений должно быть больше, а в западных — наоборот (Фёдоров-Давыдов,

⁴Суммарно по обеим группам. — О.В. Лопан.

1966). Сейчас утвердилось мнение, что для печенежских погребений характерно «горизонтальное» по отношению к человеку расположение сопровождающего животного, то есть рядом в могиле, а для торков — «вертикальное», то есть выше в могиле (Круглов, 2001. С. 399; Плетнёва, 2003. С. 123, 124). По мнению Е.В. Круглова, захоронения с конем на ступеньке также являются вариантом вертикального размещения (Круглов, 2001. С. 399). Используя данные наших подсчетов, попытаемся связать обе группы, различающиеся по характеру членения ног коня с этими предположениями.

Для начала, учитывая, что в восточных районах степи в X–XI вв. должны были преобладать торки, а не печенеги, которые к этому времени переместились западнее, отметим, что в Поволжье наиболее часто встречается способ укладки чучела коня в могиле над человеком в засыпке могилы или на перекрытии (Табл. 7). В количественном отношении чаще над человеком помещали чучело с ногами, отчленёнными по бабки (наша первая группа), а не по пясть (вторая группа) — 18 случаев и 5 случаев. Да и вообще, в Поволжье погребений с конями, ноги которых отчленены по бабки — в три с лишним раза больше, нежели погребений второй группы с ногами по пясть (35 могил и 11 могил), а могил, где кости коня помещены над человеком по торческому обряду, ровно половина. *Логично было бы предположить, что отчленение ног животных по бабки характерно именно для торков.* Нельзя обойти вниманием и факт значительного количества погребений с конем, ноги которого отчленены по бабки (первая группа), когда его останки укладывались рядом с человеком в могиле — 14 могил, или 40% от всей группы. Если предположить, что погребения второй группы, с ногами животного, отчленёнными по пясть, принадлежали печенегам, то объяснение упомянутому факту, по-видимому, состоит в том, что, во-первых, значительные группы печенегов остались в восточных районах степи, а во-вторых, какие-то группы печенегов проникали в Поволжье и с запада, с основных мест их кочевий. Надо полагать, что происходило быстрое смешение обрядов двух родственных народов, но все же преоб-

ладающим оставался торческий обряд помещения коня в могилу над человеком. Для проверки этого предположения обратимся к материалам Подонья и Северного Кавказа, где печенегов, по логике, должно было быть больше.

Подонье и Северный Кавказ. В количественном отношении группы мало отличаются друг от друга, но погребений второй группы (с ногами по пясть) всё же больше (45 могил против 33 могил). Больше и погребений, где останки коня, с ногами по пясть, уложены рядом с человеком в могиле, — 28 случаев против 22 случаев с ногами по бабки. Только для погребений второй группы (с ногами по пясть) характерна укладка животного на ступеньке, в первой группе их нет. Зато чучела коней первой группы (по бабки) в пять раз чаще захоранивались над человеком, чем чучела второй группы (по пясть) (10 случаев против 2-х). Вероятно, и в западных районах степи происходило очень быстрое смешение обрядов двух родственных групп населения, но преобладание оставалось за печенегами — в обеих выделенных группах наиболее распространены захоронения, где останки коня похоронены рядом с покойным в могиле (50 случаев).

Таким образом, намечается следующая картина. *Первая выделенная нами группа погребений с останками коней, ноги которых отчленены по бабки, а их чучела уложены в могиле над человеком, скорее торческая, а вторая группа — с отчленением ног по пясть и укладкой останков коня рядом с погребённым или на ступеньке, скорее печенежская. Все остальные погребения показывают очень быстрое смешение обрядов печенегов и торков как родственных групп населения.* Отчасти наши выводы подтверждаются материалами саркельского могильника. Здесь чучела коней с ногами по бабки (первая группа) похоронены или над человеком в могиле, или рядом с ним (но никогда на ступеньке), а чучела коней с ногами по пясть (вторая группа) только рядом с человеком в могиле или на ступеньке (но никогда над человеком в могиле) (Плетнёва, 1990). В дальнейшем именно печенеги и торки составили основу чёрнокоблицкого союза племен в Приднепровье, но здесь произошла

дальнейшая трансформация обряда погребения (Плетнёва, 1973). [...] ⁵

6. Социально-имущественные различия в печенежско-торческом обществе X–XI вв.

[...] Следующей задачей исследования является попытка проследить различия в наборах инвентаря, сопровождающего погребённых, выделить группы инвентаря, встречающихся у мужчин, женщин и детей и, если удастся, попытаться наметить социально-имущественные различия в печенежско-торческом обществе X–XI вв.

[...] После исключения из общей выборки погребений, которые были ограблены, мы получили следующие данные. Из одиночных захоронений определимы как мужские — 67 погребений, как женские — 24, как детские — 5. Остальные 30 погребений не определимы по полу.

[...] В группе мужских погребений встречено 43 категории инвентаря. Это — удила, псалии, стремяна, шпоры, седло, пряжки, пластины и бляшки сбруи, бляхи перекрестных ремней, плети, мечи, палаши, сабли, копья, стрелы, луки, колчаны, кольчуги, шлемы,

гривны, серьги, пряжки и бляшки пояса, привески, копоушки, подвески, бубенчики, бусы, обкладки, ножи, кресала с кремнем, пуговицы, прясла и грузики, обувь, ткань, повозки, керамика, бронзовые котлы, бронзовые и деревянные чаши, железные кольца и стержни, костяные футляры. Притом в 75% погребений встречены лишь удила и стремяна, стрелы, лук и колчан, нож и кресало с кремнем.

В группе женских погребений насчитывается 41 категория инвентаря. Это — удила, псалии, стремяна, сёдла, пряжки и бляшки сбруи, плети, стрелы и колчаны, височные кольца, серьги, браслеты и перстни, пряжки и бляшки пояса, бляшки обуви, нашивки, привески, копоушки и подвески, бубенчики, бусы и особые украшения, ножи, ножницы, кремни без кресал, шилья, гребни и замки с ключами, пуговицы, прясла и грузики, сумки, обувь и ткань от одежды, керамика, железные кольца, кошельки, «рога-косы» от головных уборов, музыкальные инструменты, серебряные и золотые изделия. В 75% погребений встречены лишь удила, стремяна, ножи и остатки обуви.

В группе детских погребений встречено 10 категорий инвентаря. Это — удила, псалии, стремяна, серьги, пряжки и бляшки пояса, нашивки, бубенчики, керамика и астрагалы. В 75% погребений инвентаря не было.

В группе не определенных по полу погребений встречено 29 категорий инвентаря. Это — удила, псалии, стремяна, седло, фалары, пряжки, пластины и бляшки сбруи, бляхи перекрестных ремней, сабли, стрелы, луки и колчаны, перстни, подвески и бусы, поясные пряжки, ножи, ножницы, шилья, кресала с кремнем, пуговицы, прясла и грузики, керамика, амфора, деревянные чаши, железные кольца, стержни и гвозди от гробов. В 75% погребений есть удила и стремяна, сбруйные пряжки, стрелы, луки и колчаны, ножи.

Набор инвентаря в погребениях X–XI вв. небогат. Прежде всего, он характеризует кочевой быт оставившего его населения. Только в мужских погребениях встречаются шпоры, пластины сбруи, бляхи от перекрестных ремней, мечи, палаши и сабли, копья и луки, кольчуги и шлемы, гривны, обкладки, кресала с кремнем, повозки, бронзовые котлы, бронзовые и деревянные чаши, железные стерж-

⁵ Приведенные главы были переработаны автором в 2004 г., когда база содержала уже 199 записей, включая сведения о парных захоронениях. На этом месте работа прервалась. Поэтому следующая часть исследования публикуется по черновым материалам плановой темы, подготовленным в 1997 г. В тот момент база данных содержала 161 запись о погребениях, которые были обозначены как печенежские. Характеризуя данную базу, А.Г. Атавин писал: «Распределяются погребения печенегов и торков на данной территории следующим образом. Наибольшее количество печенежских погребений (включая все кенотафы) встречено в Ростовской области. Их 105 ([...] одно погребение парное), а это составляет 65,8% от общего числа печенежских могил. Далее идут Астраханская область и Калмыкия по 17,4 и 11,2% соответственно. Совсем незначительно представлены Волгоградская — 1,9%, Ставропольская — 1,2% и Воронежская — 0,6% области и Краснодарский край — 1,9%».

В оригинале следующие главы содержали результаты исследования базы данных методами математической статистики. К сожалению, далеко не все статистические таблицы и графики сохранились в домашнем архиве. По этой причине следующая часть работы А.Г. Атавина публикуется со значительными купюрами. — *О.В. Лопан.*

ни и костяные футляры (от трута?). Только в женских погребениях встречены браслеты и перстни, обувные бляшки, нашивки и особые украшения, ножницы, шилья и гребни, кремни без кресал, замки с ключами, сумки и кошельки, «рога-косы», музыкальные инструменты, серебряные и золотые изделия. Совершенно нет зеркал. Только в детских погребениях встречаются астрагалы.

Уяснив специфику мужских и женских инвентарных наборов, мы можем вычленировать из группы антропологически не определенных погребений захоронения с характерным мужским или женским инвентарем. К группе мужских захоронений могут быть добавлены следующие 14 погребений: Валовый 1-5-4, Валовый 1-7-4, Козинка 2-7-5, Алексеевский 1-1-2, Саркел 5-1, Кастырка 8-13-1, Русский колодезь 7-4-6, Лакедемоновка 2-1-5, Лакедемоновка 3-1-3, Беглица 16-2-3, Мехзавод 6-1, Ново-Батайский 1-1, Займо-Обрыв 1-6-2 в Ростовской области и Кривая Лука 35-1-6 в Астраханской. В инвентаре этих погребений присутствуют ранее не встреченные в группе мужских захоронений предметы — фалары и железные гвозди от гроба. Таким образом, выборка мужских захоронений пополнилась и теперь содержит в общей сложности 81 запись. Погребения 55-й человек из мужской группы сопровождался лошадьми. [...]

В группу женских погребений добавилось только одно захоронение, в котором встречена не представленная ранее в женской группе находка — амфора.

Мужские погребения. [...] Выборка погребений печенегов-мужчин включает 81 захоронение, среди которых 55 человек были захоронены с костями коня. [...]

По составу сопровождающего инвентаря массив мужских печенежских захоронений подразделяется следующим образом:

1. Наиболее богатыми и значимыми являются погребения с оружием и защитным вооружением, правда, они входят уже в состав не собственно печенегов, а половцев. Погребений тяжеловооружённых конных воинов на всю выборку всего шесть, и они происходят из восточных или юго-западных районов исследуемого региона, вне зоны расселения основного печенежско-торческого массива — вокруг Дона и его притоков. Погребения эти отличает не только наличие тяжелого защит-

ного вооружения и рубящего оружия, но и наличие в них таких специфических вещей, как бронзовые котлы, бронзовые и деревянные чаши, гривны. Подобные находки связаны с более поздним временем и относятся, в основном, к половецкому погребальному обряду. Здесь мы имеем дело с поздней группой печенегов, относящейся к XII в., вошедшей в половецкие племенные объединения. К погребениям конных тяжеловооружённых воинов, похороненных в сопровождении коня, относятся: Архаринка 21-1, Лола 2-8-3, Восточный Маныч 2-68-1, Восточный Маныч 1-21-1, Кривая Лука 15-2-6 и Курчанская 1-1. К таким же поздним погребениям печенегов половецкого времени относится погребение Купцын Толга 46-5 (Калмыкия), где были найдены удила и стремяна, сабля, стрелы, колчан, поясные бляшки, кресало, деревянная чаша, ткань от одежды и остатки повозки.

2. Следующую группу погребений составили захоронения с конской упряжью, рубящим оружием (саблями и палашами, луками, колчанами и стрелами и другим инвентарем): Высочино 4-2-5, Козинка 2-7-5, Алексеевский 1-1-2, погребения из Саркела (кк. 16 и 34), Лола 2-11-1, Восточный Маныч 1-40-1 и 43-3, Восточный Маныч 3-10-1. Все погребенные сопровождался конем.

3. Погребения конных воинов с конской сбруей и полным набором вооружения (палашами и саблями, копьями, луками, стрелами и колчанами). Совершенно нет защитного вооружения — скорее всего оно было или слишком редким, или дорогим, и его не клали в могилу с погребенным.

4. Погребения с конской упряжью и стрелковым оружием или копьем, но без рубящего оружия. Более чем в половине случаев покойные сопровождался лошадьми. Погребальный инвентарь представлен удилами, стремянами, седлами, пряжками, пластинами и бляшками сбруи; стрелами, луками и колчанами, иногда копьями, пряжками и бляшками пояса, ножами, кресалами и, изредка, керамикой (Саркел, кк. 3, 7, 8, 40, 41, 53; Алешкин 1-2; Русский колодезь 7-4-6; Байков 13-3; Ново-Батайский 1-1; Приморское 1; Кривая Лука 35-1-6; Саркел кк. 1, 5, 10, 11, 12-14, 21, 27, 28, 36, 39, 43, 49, 54, 56, нас. 15/3 и 18/1; Арпачин 28-3; Беглица 16-2-3; Мехзавод 6-1; Старица 7-8; Ясырев 1-6-10; Хью-

ин Толга 3-4; Кастырка 8-13-1; Лакедемоновка 3-1-3; Высокие горы 4-2; Ростов-Дон 4-8-1).

5. *Погребения с конской упряжью, но без всякого оружия* (Саркел 48-1; Валовый 1-5-4 и 7-4; Крепенский 2-9-4; Гаевка-Каймакчи 15-4-13; Лакедемоновка 2-1-5; Артющенко 14-3; Яшкуль 1-1,8). В этой подгруппе также все погребенные, кроме одного, сопровождалась конем.

6. *Погребения, где встречены только бубенчики, копоушки и подвески* (Саркел 59-1, Кривая Лука 3-1-10) и бляшки сбруи (Старица 7-16). В одном из трех погребений с покойным была захоронена лошадь.

7. *Самые бедные погребения, где не было вещей*, но при этом четыре погребения сопровождалась костями коня (Саркел, кк. 4-2, 9, 15, 20, 33, 35-2, 42, 46; Валовый 1-1-6 из Ростовской области; Кривая Лука 15-3-8 из Астраханской и Восточный Маныч 2-79-1 из Калмыкии).

[...] Итак, погребения печенегов-мужчин по составу инвентаря подразделяются на несколько групп, что отражает ранг погребённого в военной и социально-имущественной структуре общества. Наиболее богатыми и значимыми являются погребения с оружием и защитным вооружением, правда, они входят уже в состав не собственно печенегов, а половцев. Традиционное печенежское мужское общество делится на: 1) ударную конницу с рубящим, колющим и стрелковым оружием; 2) простых конных стрелков с луками, колчанами и стрелами; 3) всадников без оружия или еще не вошедших в общую вооружённую массу населения, или уже вышедших из неё; 4) наиболее бедную часть населения, по каким-либо причинам не являвшуюся военной силой.

Женские погребения. [...] Выборка погребений печенегов-женщин включает 25 захоронений. В 14 погребениях встречено чучело коня... Чёткого деления между группами женских погребений всё-таки нет. Ощутимая граница намечается только между погребениями вообще без инвентаря или с его минимумом и всеми остальными...

Тем не менее, нам представляется возможным разделить массив женских погребений на три группы:

1. *Наиболее богатые погребения с предметами конской сбруи, большим количеством украшений, некоторые из которых сделаны*

из драгоценных металлов, и обязательными в погребении ножами и ножницами, которые могли играть роль оберегов. Кроме удил, стремян, сёдел, пряжек и бляшек сбруи, есть еще плеть в одном из погребений. Очень разнообразен набор украшений: височные кольца или серьги, обязательно браслеты и перстни, есть нашивки на одежду, подвески и привески, бубенчики и бусы. В одном из погребений серьги и браслеты сделаны из серебра и золота. Обязательны ножи и ножницы, есть шилья, пуговицы, обувь и ткань (Саркел 37-1, Кулешовка 1-5, Федоров 1-1-6). Все погребённые, кроме одной, сопровождалась костями коня.

2. *Погребения с довольно богатым инвентарем: с предметами конской сбруи или без них (удила и стремяна, седло и пряжки сбруи), но с гораздо меньшим количеством украшений из цветного металла, иногда с ножиками, но обычно без ножниц, и с довольно большим количеством другого инвентаря* — керамика, сумки, кошельки, редко шилья и др. Половина погребённых уложены в могилу с конем. В двух погребениях встречен колчан, два раза — ножницы. Есть пряжки и бляшки пояса, рога-косы, височные кольца, браслет, перстень, бусы, копоушка, бубенчики, серьги, пуговица, гребень, кремь, керамика, музыкальный инструмент, ножи и кошелек, шилья и замок с ключом, пряслица, железные кольца, есть керамика и амфора, много остатков от обуви и ткани от одежды. Всего в эту группу входит 14 погребений (Саркел 19/22, 26, 29; Кастырка 5-14-1; Лебедин 1-1-3; Старица 7-18 и 21-2 и 5; Кривая Лука 27-2-1; Чограйский 9-1-10; Восточный Маныч 2-37-2; Саркел 2-1; Саркел 47-1).

3. *Самые бедные погребения без инвентаря* (Саркел, кк. 6 и 38-1, 2; Царский 37-4; Кривая Лука 3-2-1) или с его минимумом — с ножом (Саркел 4-1) или с бляшками от обуви (Царский 72-1). Только два погребения из женской бедной группы сопровождалась костями коня...

7. Выводы. Можно подвести некоторые итоги по общим чертам погребального обряда печенежско-торческой эпохи.

1. К этому времени относится только один крупный могильник у стен Саркела. Тем не менее, анализ встречаемости погребений позволил выдвинуть предположение о том, что

могильником для кочевников можно считать уже отдельную курганную группу, где есть хотя бы два кочевнических погребения одной эпохи. Подобных могильников довольно много. Большая часть населения концентрировалась в районе Подонья.

2. Курганы печенегов и торки насыпали из земли, без применения камня. Отдельные курганы с применением камня, хотя по времени относятся к той же эпохе, но не характерны для печенегов. Скорее всего, они связаны с иноэтничным влиянием и появляются в самый последний период господства печенегов и торков. Не очень характерны для X–XI вв. остатки тризн в насыпях курганов. Треть курганов насыпаны в печенежскую эпоху, остальные погребения — впускные, совершены в курганах предыдущих эпох.

3. Могила этого периода неглубокие, без выраженных конструктивных особенностей — всего несколько процентов из общего числа могил имеют ступеньки или заплечики.

4. В основном печенегов и торки хоронили своих погребённых головами на запад, ЗЮЗ, ЮЗ или ЗСЗ. Незначительное количество других ориентировок общей картины не меняет. Исключение составляют несколько погребений с северными и восточными ориентировками, отражающими иноэтничное влияние, но в остальном полностью соответствующие манере погребального обряда эпохи. Около 20% погребений печенегов совершены в гробах или на подстилке.

5. Абсолютно преобладают индивидуальные погребения. Встречено всего лишь два парных и одно коллективное захоронение.

6. Погребения в подбоях также не характерны для печенежской эпохи. Скорее всего, они оставлены остаточным хазарским населением. Их расположение в Подонье и в Поволжье отчасти подтверждает это предположение.

7. Более половины погребений печенегов сопровождаются костями коня. В эту эпоху всегда хоронили чучело коня, ноги которого отчленены по бабки или пясть. По членению ног коня и по положению его в могиле по отношению к человеку слабо выделяются две группы погребений: одну из них можно предположительно соотнести с печенежским массивом (ноги коня по пясть, укладка его рядом

в могиле или на ступеньке), другую — с торческим (ноги коня по бабки, укладка его над человеком в заполнении). Правда, основная масса погребений X–XI вв. носит смешанный характер: более половины чучел коней, с ногами, отчленёнными по бабки и пясть, похоронены рядом с погребённым в могиле.

8. Антропологический тип печенегов — европеоидный, такой же, как и у части болгарских племен Хазарии, что позволяет поставить вопрос об их родстве. Монголоидный тип наряду со смешанным можно отчасти связать с торческим проникновением в Восточноевропейские степи. К сожалению, все предположения основываются на единственной исследованной серии черепов X–XI вв. из могильника Саркела, что отодвигает высказанные соображения в разряд предположений.

9. Для печенежского времени характерно также устройство кенотафов, где похоронено взнузданное чучело коня без человека (5,8% от общего числа всех погребений). Ноги у чучела отчленены по бабки или по пясть.

10. Социально-имущественная дифференциация в печенежско-торческом обществе прослеживается недостаточно четко. Практически не встречено погребений с золотыми вещами и очень богатым инвентарем. Скорее общество носило черты военной степной организации, как практически все кочевые сообщества. Мужская серия погребений делится на погребения конных воинов с полным набором как рубящего и колющего, так и стрелкового оружия, которые составляли основную ударную силу и, скорее всего, представляли собою степную аристократию. Погребения с конским снаряжением и оружием только в виде луков, колчанов, стрел (и редко копий) представляют основную массу воинов-общинников. Погребения с конским снаряжением, но без оружия принадлежат или уже отслужившим, или еще не вошедшим в состав войска. Погребения без оружия и конского снаряжения принадлежат самой бедной части населения, возможно зависимой. Для печенежского времени характерно полное отсутствие в погребениях защитного металлического вооружения. Погребения печенегов с кольчугами и шлемами относятся к более позднему половецкому времени и при-

надлежат остаточным группам печенегов, вошедших в половецкие племенные союзы.

Серия погребений женщин хорошо разделяется на самые бедные, без инвентаря или с его минимумом, и погребения с конской сбруей, набором украшений и разнообразным инвентарем. Среди последних намечается различие между погребениями с большим количеством украшений и с меньшим. В женских погребениях совершенно не встречены зеркала.

Общее количество инвентаря в погребениях печенегов и торков невелико — всего около 60-ти категорий, если же мы исключим такие находки, как шлемы и кольчуги, бронзовые котлы и бронзовые и деревянные чаши, повозки, характерные для более позднего, половецкого времени, — то и того меньше. На исследуемой территории в печенежско-торческих погребениях не встречаются монеты.

***

[...] Проведенный анализ в целом подтверждает выводы предыдущих исследователей, но также позволяет выделить и некоторые новые особенности древностей печенежско-торческой эпохи X–XI вв. В частности, к новым сведениям по погребальному обряду печенегов и торков, несомненно, можно отнести данные о членении ног у чучела коня, о его местоположении в могиле и ориентировке по отношению к человеку, позволяющие наметить разницу в обряде между печенегами и торками.

К числу новых данных можно отнести полное отсутствие в погребениях печенежского времени монет и тот факт, что для мужских погребений оказался не характерен металлический защитный доспех. Кочевническое общество X–XI вв. слабо стратифицировано по социально-имущественному принципу, гораздо меньше, чем более поздние кочевнические объединения. [...] Некоторое количество поздних печенежских погребений половецкого времени с более богатым набором инвентаря позволяют проследить судьбы печенежско-торческого населения степи после утраты последними своей гегемонии в начале XII в. в связи с приходом новых кочевнических племен.

III

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЛОВЦЕВ В РАЙОНЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДОНА И ВОЛГИ (ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД)⁶

[...] На изучаемой территории погребения половцев дозолотоордынского времени распределяются следующим образом. Наибольшее количество половецких погребений встречено в Ростовской области — их 127 (одно из погребений парное), что составляет 41,2% от общего числа учтенных погребений половецкого времени. Далее по убывающей следуют Краснодарский край — 54 погребения, или 20,1%, Калмыкия — 33 погребения (из них два парных), или 12,3%, Ставрополье — 28 погребений, или 10,4%, Волгоградская и Саратовская области — по 10 погребений, или по 3,7% в каждой из областей, Астраханская — 4 погребения (1,5%) и Воронежская — 3 погребения (1,1%).

1. Могильники. Таких крупных могильников, как печенежский у стен Саркела — Белой Вежи, у половцев не известно. Но... даже два погребения в одной курганный группе для кочевников можно считать могильником. [...] Наибольшее количество таких малых могильников, которые содержат от двух до шести кочевнических погребений, мы можем наблюдать в Ростовской области: Арпачин 2, Ясырев 1, Богоявленская, Тузлуки, Маяк 2, Центральный 4, Кастырка 6, Кастырка 5, Русский Колодец 7, Кировский 4, Новый, Новосадковский, Кировский 5, Московский 2, Царский, Бубнов Ерик 5, Аглос, Кривой Лиман 1, Романовская, Балабин 1, Хапры. Больше всего погребений кочевников раскопано в Азовском, Мартыновском, Цимлянском, Багаевском и Константиновском районах области. При этом в правобережных районах области открыто 43 погребения, а в левобережных — 84. На такие различия в количественном отношении, несомненно, повлияли работы крупной новостроечной Донской экспедиции Института археологии. По Краснодарскому

⁶ Глава публикуется по материалам плановой темы, завершённой в 2000 году. Тогда база данных содержала 272 записи (учитывая сведения о парных захоронениях), обозначенных как половецкие. — *О.В. Лопан.*

краю — ситуация аналогична. Встречено 11 подобных могильников с количеством погребённых от двух до четырех человек в каждом (в некоторых случаях — по двое в одном кургане). И вновь наибольшее количество погребений открыто в местах работ Северо-Кавказской экспедиции. Такое же положение на Ставрополье: открыто пять могильников — наибольшее количество погребений половцев и золотоордынцев сосредоточено в районах работ Ставропольской экспедиции. Тенденция оставлять небольшие могильники прослеживается и на других территориях обитания половцев. В Калмыкии встречено пять подобных могильников, в Волгоградской и Воронежской областях — пока по одному. Есть подобные могильники и в Астраханской и Саратовской областях. Таким образом, можно теперь уже смело утверждать, что не только оседлое население хоронило на одном месте своих покойников, но и кочевое. Правда... большие могильники кочевники стали сооружать лишь тогда, когда вошли в подчинение сильной власти (печенеги и торки у Саркела, чёрные клобуки в Поросье, половцы после подчинения золотоордынским ханам рядом с великолепными городами). В нашем же случае, при таком всё же небольшом количестве погребённых в могильниках, мы скорее имеем дело, во-первых, с какой-то определённой территорией кочевания отдельных родов, которые также хоронили своих мертвых и в других курганах, встречавшихся на принадлежавшей им по степному праву земле. И, во-вторых, у половцев в XII–XIII вв. действительно складываются своеобразные феодальные отношения, что отмечали и русские источники, называвшие имена многих половецких ханов. Обычно ханы заставляли кочевать подвластные им племена по определённой территории, совершая правильные перекочевки, большей частью с севера на юг. Летом — на север, на богатые травой луга лесостепи, а зимой, наоборот, к югу, где теплее. Изучаемые нами погребения половцев были оставлены несколькими племенными объединениями со своими ханами во главе. На Нижнем Дону — это донские и нижнедонские половцы, на Северном Кавказе — северокавказские, в Поволжье — поволжское половецкое объединение (Плетнёва, 1974; 1975).

2. Курганы. Общее количество курганов, в которых совершены погребения половцев и устроены кенотафы, — 264. Пять погребений были впущены не в курганные насыпи, а в естественные песчаные гряды (погребения в урочище Терны, могилы из групп Бубнов Ерик 4 и 5 в Ростовской области). [...]

Все исследователи считали единодушно, что для половцев очень характерным является устройство курганов с применением камня, а также разнообразные каменные выкладки по насыпи — кольцевые, квадратные. Действительно, каменно-земляные насыпи встречаются в междуречье Дона и Волги: в Ростовской области (могильники Вало-вый 1, Кобяковский, Аглос), на Ставрополье (Чограйский 8), в Волгоградской области (Аксёновский могильник), в Саратовской области (курганы у с. Лесное). На Среднем Дону они встречены в Шемякинском могильнике в Воронежской области. Выкладки из камня по насыпи есть только в Ростовской области, в кургане у с. Кировка. Каменные кольца по насыпи встречены в могильниках Алексеевский 2, Царский, Кобяковский, Камышеваха в Ростовской области, у с. Ореховка на Ставрополье и у с. Лесное в Саратовской области. Каменные квадраты встречены близ аула Кубина на Ставрополье. Таким образом, после простых арифметических подсчетов оказалось, что только 16 курганов из 264 имели какие-либо каменные конструкции, а это — всего лишь 6%. Значит, для изучаемой территории курганы с применением камня не характерны. Кроме того, курганы с камнем встречаются только там, где есть естественные выходы камня: на Нижнем Дону, на Ставрополье, в Саратовской и Волгоградской областях и, естественно, в Воронежской области. Другое дело — каменные кыпчакские курганы на Южном Урале, где было располано множество подобных насыпей. Гораздо больше курганов с каменными конструкциями известно за пределами изучаемой нами территории — на Северском Донце, на территории Украины — там располагалось очень сильное донецкое половецкое объединение, постоянно воевавшее с русскими князьями. В то время как основная масса половцев сосредоточилась у границ Руси, на изучаемой нами территории, по всей видимости, ос-

талось смешанное население, только часть которого составляли собственно половцы, а остальные представляли остаточные группы печенегов, торков и других народностей. Поэтому здесь подобный обряд не утвердился.

Такие конструкции в курганах, как рвы, встречены 48 раз, что составляет 19% от общего числа половецких захоронений. Рвы прослежены и при основных погребениях под индивидуальными насыпями, и при впускных. Последний случай требует пояснения. При совершении захоронения в более древнем кургане половцы зачастую вокруг его вершины делали новый ров, укладывали в вырытую в центре яму своего покойника и вновь подсыпали землю над центральной частью кургана. Получался как бы курган на кургане. Таких случаев известно около 20 (курганные группы Балабин 1, Ясырев 1, Высочино 4, Кастырка 5 и др.). Так же поступали половцы при устройстве своих святилищ с каменными и деревянными статуями. [...]

О размерах половецких курганов мы можем судить по выборке, содержащей 235 записей (Табл. 8, 9). В 164 случаях это были впускные погребения, когда курганные были использованы вторично (Табл. 9), и лишь 71 насыпь была сооружена уже в половецкую эпоху (Табл. 8).

[...] При этом большинство индивидуальных половецких курганов обладают высотой до 0,82 м, а их диаметр составляет от 4 до 22 м.

[...] Большинство курганов, вторично использованных в половецкую эпоху для совершения впускных погребений, имеет высоту в пределах 0,1–2,4 м, а их диаметр составляет от 8 до 55 м — половцы предпочитали хоронить своих впускников в больших курганах.

3. Могила. Общее количество могил, которые могут быть отнесены к половецким, составляет 269. Из них 4 кенотафа (три впускных и один основной в кургане), три парных погребения (два впускных и одно основное) и 262 индивидуальные могилы. Из общего числа погребений половецкого времени 81 захоронение являются основными, 188 — впускными. Как и в более раннее печенежско-торкское время, количество погребений под индивидуальными насыпями составляло примерно треть. [...] Можно сделать вывод,

что половцы все же предпочитали использовать для захоронений насыпи более древних курганов, а преобладание основных погребений над впускными у кочевников наступает на другой стадии, когда они подчиняются сильной власти и инкорпорируются в состав крупных государств. [...]

[...] На следующем этапе исследования из общей массы погребений половецкого времени нами были исключены сведения о кенотафах и парных погребениях. В результате мы получили выборку из 79 основных и 183 впускных погребений.

[...] Обычно половцы не возводили никаких особых конструкций над могилами. В 11 случаях встречаются небольшие каменные наброски над могилами (курганы у Миусского лимана, могильники Валовый 1, Елизаветинский, Горьковский, Сухо-Чалтырский, Хапры, Бубнов Ерик 5, Камышеваха, Шемякинский). В трех случаях вокруг могил зафиксированы оградки (курганы у аула Кубина и у с. Лесное). [...] Как и каменные конструкции на курганах, так и каменные надмогильные наброски или оградки для рассматриваемой территории не характерны. Сами могилы обычно перекрывались деревом (53 случая) или деревом с корой (2 случая), только корой или камышом (10 случаев), изредка — камнем (6 случаев). В заполнении могилы обычно присутствует только земля (245 случаев). Изредка в земляном заполнении попадает сырец или камни, мел, уголь или кости животных.

Форма большинства могильных ям — прямоугольная (131 случай) или вытянуто-закруглённая (40 случаев), изредка — овальная (7 случаев), трапециевидная (2 случая) или квадратная (1 случай). Конструкцию могил удалось проследить в 201 случае. Могилы можно разделить на простые (90 случаев, или 44,8%), со ступенькой или заплечиками по одной, двум, трём или четырем сторонам (65 случаев, или 32,3%) и могилы с подбоем (46 случаев, или 22,9%).

Размеры простых могил. О размерах простых индивидуальных могил можно судить по выборке из 79 погребений (Табл. 10). При этом 70,8% этих могил имеют длину от 1,88 до 2,62 м. Ширина большинства простых ям составляет от 0,5 до 1,7 м. [...]

Размеры могильных ям со ступеньками (Табл. 11). Более половины могильных ям со ступеньками имеют длину в пределах 2,11–2,64 м. Могил шириною от 0,5 до 1 м и могил шириною от 1 до 1,65 м — приблизительно поровну. Чуть более половины могил со ступеньками (51%) имеет глубину от 0,57 до 1,13 м. [...]

При сравнении метрических данных простых могил и могил со ступеньками видно, что могилы со ступеньками в среднем только на 5 см длиннее и на 7–8 см шире (что, на наш взгляд, несущественно), но зато на 25 см глубже, чем простые ямы.

Размеры подбойных могил. Подбойные могилы характеризуются двумя группами показателей: во-первых, размерами входной ямы, которая повторяет по форме простые ямы или ямы со ступенькой, и, во-вторых, размерами подбоя. Размеры подбоя характеризуются по четырём параметрам: длина, ширина, высота и разница уровней полов входной ямы и подбоя (можно сказать, глубина подбоя). О размерах простых входных ям у могил с подбоями (для выборки из 36 погребений) позволяют судить данные, приведённые в таблице 12.

[...] В 72% случаев простые входные ямы подбойных могил имеют глубину от 0,1 до 0,97 м.

Сравнение размеров простых входных ям у подбойных могил с размерами простых могил дают нам одно более или менее значимое отличие — по ширине. Входные ямы у подбойных могил несколько уже — разница составляет около 16 см. Отличия по длине и глубине незначительны.

Зато сравнение размеров простой конструкции входных ям подбоев с размерами могил со ступеньками показывает нам, что последние в среднем шире на 24 см и глубже на 16–17 см.

Размеры входных ям у подбойных могил (выборка из четырёх погребений) характеризуются следующими показателями (Табл. 13).

[...] Все входные ямы этого типа имеют длину более 2-х м... Сравнение средних размеров этого типа входных ям с другими могильными конструкциями дает нам лишь незначительный разброс в пределах 5–10 см

и лишь глубина входных ям превышает глубину простых половецких могил в среднем на 15 см.

В таблице 14 представлены средние размерные показатели по всем типам половецких могильных ям и входных ям подбоев.

Из приведенной таблицы очевидно следующее:

Наибольшими размерами отличались все же могилы со ступеньками и заплечиками. Далее в порядке убывания следуют конструктивно такие же входные ямы подбойных могил (при этом они даже чуть длиннее). Затем идут простые входные ямы подбойных могил и, наконец, — простые могилы (правда, последние довольно широки).

В принципе, все могилы и входные ямы подбоев в половецкое время довольно стандартны по размерам: длина от 2,31 до 2,41 м, ширина от 0,81 до 1,10 м, глубина — 0,71–0,97 м. Повидимому, размеры определялись косвенно не только ростом покойника, но и количеством и местом расположения в могилах погребального инвентаря.

[...] Размерные показатели подбоев представлены в таблице 15. При этом абсолютное большинство подбоев имело высоту 0,24–0,64 м. Уровень пола подбоя обычно был ниже уровня дна входной ямы (в 19 случаях из 23) и лишь у четырех подбоев полы находились на одном уровне с дном входной ямы. В 30% случаев подбоя были незначительно заглублены (до 16 см). Еще в трети случаев полы подбоев были глубже уровней входных ям на 24–39 см. [...] Основная масса подбоев по длине была такой же, как и входная яма, да и по средним показателям ширины тоже. [...]

Погребения в различных типах могил распределяются на изучаемой территории следующим образом.

Простых могил встречено 40 в Ростовской области, 21 — в Краснодарском крае, 10 — на Ставрополье, 12 — в Калмыкии, 4 — в Саратовской области и по одной в Астраханской, Волгоградской и Воронежской областях. То есть, погребения в простых могилах в большем или меньшем количестве встречаются во всех исследуемых областях.

Могил со ступеньками известно 32 в Ростовской области, 6 — в Краснодарском крае, 7 — на Ставрополье, 9 — в Калмыкии, 6 — в

Волгоградской области и 5 — в Саратовской. Могил со ступеньками нет в Астраханской и Воронежской областях, но может быть за счет того, что погребений половцев в данных областях вообще немного.

Очень интересна география погребений в могилах с подбоями. Лидирует Ростовская область — здесь подобных погребений известно 34, в Краснодарском крае их — 4, на Ставрополье — 1, в Калмыкии — 5, а в Астраханской области — 2. Подбойных могил нет в Волгоградской, Саратовской и Воронежской областях. [...] Вообще, погребения в подбойных могилах были характерны в VII–IX вв. для хазар. Их курганы с квадратными ровиками раскопаны в тех же районах и областях, где, по нашим данным, были расположены и подбойные могилы половецкого времени. Не беремся утверждать, что здесь мы имеем дело с остаточным хазарским населением (хотя упоминания о хазарах встречаются в письменных источниках до XII в.), но достоин пристального внимания сам факт сосредоточения большого количества подбойных могил в половецкое время именно на этой территории.

4. Погребения. Человеческие останки были зафиксированы в 268 могилах (262 индивидуальных погребений и три парных). Согласно имеющимся антропологическим определениям, 140 погребенных — это мужчины, 35 — женщины, 11 человек — дети и подростки, а еще в 76 случаях пол у костяков взрослых покойников не был определен. Для дальнейшего исследования (особенностей погребальных обрядов и половозрастного и социально-имущественного членения половецкого сообщества. — *О.В. Лопан*) из выборки были исключены записи о шести парных захоронениях и о шести погребениях, останки в которых были неопределимы по полу и возрасту. [...] В итоге, для исследования были отобраны сведения о 256 захоронениях.

Ориентировки погребенных. Ориентировки погребенных описаны в базе данных по 16 основным направлениям. [...] Их удалось проследить в 248 захоронениях. Семеро погребенных были ориентированы головами строго на север; трое — на ССВ, 18 человек — на СВ; 30 человек — на ВСВ, 40 человек — точно на восток; 17 человек — на ВЮВ; четверо — на ЮВ; на ЮЮВ, юг и ЮЮЗ — по двое,

13 человек — на ЮЗ, 31 человек — на ЗЮЗ, 56 человек — точно на запад, 20 человек — на ЗСЗ, пятеро — на СЗ. Для дальнейшей обработки все многообразие ориентировок было сведено к четырём основным направлениям: погребённые в секторе от СВ до ЮВ считались ориентированными на восток, от ЮЗ до СЗ — на запад, а остальные — на север или юг, соответственно. Северных или южных ориентировок оказалось немного — по 2,8% от общего числа погребённых. На запад ориентировано 50,4% покойных, а на восток — 44%. Восточную ориентировку погребённых на территории восточноевропейской степи все исследователи единодушно связывают с половцами. И действительно, по подсчётам получается довольно внушительная картина — почти половина из учтённых захоронений. Но, надо отметить, что, во-первых, западные ориентировки погребённых всё же преобладают, и, во-вторых, среди «западников» явно преобладают погребённые, ориентированные на запад — ЗЮЗ–ЮЗ (100 захоронений, или 39% от общего числа погребённых). Такая ориентировка погребённых преобладала среди печенежско-торческого населения в X — середине XI вв. (по нашим подсчётам, до 78% от общего числа погребённых). Скорее всего, здесь мы имеем дело с остаточным печенежско-торческим населением, что достаточно убедительно подтверждает выводы предшествующих исследователей.

[...] Абсолютное большинство погребённых лежат в могилах вытянуто на спине, с руками вдоль туловища и вытянутыми ногами. Другие варианты положения рук и ног встречаются не часто. Остатки гробов встречены в 75 могилах (29,3% от общего числа захоронений). При этом так называемые решетчатые гробы, которые С.А. Плетнёва связывала с появлением половцев в наших степях, встречены всего в 24 могилах (9,4% от общего числа погребений). Различного рода подстилки в виде войлока, камыша или коры встречены более чем в четверти погребений (27,7% случаев), а подсыпки на дне могил (уголь, мел, красящие вещества) попадались реже (13% случаев). В 27,7% могил были зафиксированы остатки заупокойной пищи. Чаще всего встречались кости овцы. Были найдены также кости коня, коровы и в одном случае — рыбы.

4. Погребения в сопровождении коней.

Наиболее характерным признаком погребальных обрядов всех средневековых кочевников восточноевропейских степей являлось захоронение с погребённым останков коня в виде чучела или целого остова лошади. В половецкую эпоху в могилу обычно укладывали чучело коня с ногами, отчленёнными у верхних суставов или тушу целого коня, взнузданного или осёдланного. Всего останки коней встречены в 134 погребениях, как в индивидуальных, так и в парных, то есть в 50,6% погребений. Такой показатель несколько меньше, чем у печенегов и торков, у которых по нашим подсчетам процент погребений с конем достигал 67,4%.

Обычно в могилу укладывали одного коня, но в Краснодарском крае встречаются погребения и с двумя лошадьми (у Южного, курган 2, погр. 1 и Дмитриевская, курган 1, погр. 2). В первом случае, два целых коня уложены в могиле на перекрытии над человеком, головами в противоположную сторону, а во втором — рядом с человеком в могиле, но головами также в противоположную сторону. Из всех погребений с конями в 32 захоронениях были уложены целые лошадиные туши, а в остальных — чучела коней. В членении костей у сопровождающих животных в половецкий период погребений наблюдаются определённые различия. Так, в двух погребениях находился только череп коня (один раз с черепом коровы), в одном — были положены только ноги коня без черепа, отчленённые по бабки, в пяти захоронениях — чучело коня с черепом и ногами, отчленёнными по пясть. Такое членение ног коня не характерно для половцев, а свойственно печенежско-торческой эпохе. Здесь мы опять, вероятно, имеем дело с остаточным печенежским населением, продолжавшим жить и при половцах. Это погребения из курганных групп Поляков, Ясырев 1, Шахаевская 2, Козинка 2 в Ростовской области, у хут. Крупской и Терновская в Краснодарском крае, у аула Кубина на Ставрополье и Шаред в Калмыкии. В остальных 88 погребениях с человеком в могилу было уложено чучело коня с ногами, отчленёнными у верхних суставов по половецкому обряду. Положение коня в могиле по отношению к человеку также представлено несколькими

вариантами. Чисто половецким обычаем было укладывание чучела коня в отдельной яме рядом с могилой или на древнем горизонте у могилы. Таких погребений у нас учтено 28. По печенежско-торческим обрядам над человеком в могиле конь уложен в 35 погребениях. И в печенежское, и в половецкое время имел распространение обычай помещать кости коня на ступеньке в могиле — таких погребений в выборке половецкого периода 39. И в местоположении коня видим смешение обрядов двух кочевых народов. В подбойных могилах кости коня в большинстве случаев помещались во входной яме (35 наблюдений) и только один раз — рядом с человеком — в подбое. Еще одна черта свидетельствует о смешении обрядов: ориентировка конских останков. У печенегов и торков коня укладывали черепом в ту же сторону, что и человека — обычно к западу. Таких погребений в выборке — 51. У половцев, наоборот, — коня обычно укладывали черепом в противоположную сторону. Подобных погребений мы имеем 62.

Для проверки взаимосвязей между признаками, характеризующими погребальные обряды половецкой эпохи, была составлена выборка из базы данных. После исключения мерных признаков и слияния некоторых дробных, редко встречающихся признаков, количество значимых признаков значительно сократилось. Таким образом, матрица, предназначенная для статистического исследования, содержала сведения о 262 индивидуальных захоронениях, описанных по 41 признаку (устройство кургана, конструкция могил, их форма, наличие или отсутствие перекрытий, гробов, подстилок и подсыпок на дне могилы, пол погребённого, его расположение в могиле и его ориентировку, способы отчленения ног у лошади, расположение коня в могиле и его ориентировку по отношению к погребённому человеку).

После проведения корреляционного анализа была получена матрица попарной корреляции признаков. [...] Наиболее тесные связи наблюдаются между признаками, описывающими ориентировку человека и сопровождающего коня и места расположения последнего в могиле. На основе данной матрицы был построен граф связей признаков (Табл. 16).

По степени корреляции признаки оказались объединены в две группы.

Для первой группы характерны такие тесно связанные между собою признаки, как «членение ног чучела коня у верхних суставов» и «конь и человек лежат черепами в разные стороны». В свою очередь, эти признаки связаны с характеристиками подбойных захоронений и с восточной ориентировкой покойных. С другой стороны, способ членения ног коня у верхних суставов взаимосвязан также с группой признаков, описывающих погребения с конем на ступеньке. К этой группе примыкает (но при более слабой связи) признак «членение ног коня по пясть», что отчасти подтверждает тот факт, что и для печенегов, и для половцев было в обычае укладывать останки коня на ступеньке. [...]

Половозрастные и социально-имущественные различия в половецком обществе.

Анализ погребального обряда показывает неоднородность половецкого общества, присутствие в нем остатков предыдущего населения степи. На следующем этапе нами была предпринята попытка проследить различия в составе инвентаря, сопровождающего погребенных, выделить группы инвентаря, встречающегося в погребениях мужчин, женщин и детей, и, если удастся, попытаться выявить социальные различия в половецком обществе. Для этого из базы были исключены сведения об ограбленных погребениях. Среди одиночных захоронений половецкого периода 133 погребения определимы как мужские, 32 — как женские, 9 — как детские, а еще 66 захоронений как просто взрослые.

Погребальный инвентарь. В мужских захоронениях зафиксировано 66 категорий вещей (в скобках указаны средние значения по данной выборке): удила (0,504), псалии (0,068), стремяна (1,128), шпоры (0,015), седла (0,248), фалары (0,023), пряжки (0,391), пластины (0,135) и бляшки сбруи (0,150), бляхи для перекрещивающихся ремней (0,008), плети (0,068), мечи (0,015), палаши (0,038), сабли (0,504), кинжалы (0,060), копья (0,030), стрелы (2,835), луки (0,271), колчаны (0,579), кольчуги (0,188), панцири (0,015), щит (0,008), шлемы (0,128), личина (0,008), наручи (0,015), поножи (0,015), гривны (0,068), височные

кольца (0,045), серьги (0,128), браслеты (0,015), нашивки (0,008), подвески (0,015), бубенчики (0,053), бусы (0,075), обкладки (0,045), пряжки (0,579) и бляшки (0,233) пояса, бляшки обуви (0,023), ножи (0,617), кресала с кремнем (0,188) и одни кремни (0,015), оселок (0,008), серп (0,008), шилья (0,038), пряслица (грузики) (0,008), иглы (0,008), железные стержни (0,30), гребни (0,030), астрагалы (0,023), сумки (0,038) и кошелёк (0,008), головные уборы (0,015), обувь (0,098), ткань (0,165), пуговицы (0,571), деревянные повозки (0,030), керамика (0,083), котлы (0,068), серебряный сосуд (0,008), бронзовые (0,083), железные (0,015) и деревянные чаши (0,038), стеклянный сосуд (0,008), железные кольца (0,308) и гвозди (0,113), музыкальный инструмент типа варгана (0,008).

При женских захоронениях встречено 46 категорий вещей (в скобках указаны средние значения по данной выборке): удила (0,406), стремяна (0,656), седла (0,281), пряжки сбруи (0,063), пластины сбруи (0,063), бляшки сбруи (0,844), плети (0,063), сабля (0,031), стрелы (0,188), колчаны (0,094), гривны (0,125), височные кольца (0,438), серьги (0,563), браслеты (0,156), перстень (0,031), нашивки (0,063), подвески (0,313), бусы (2,219), обкладки (0,031), особые украшения (0,156), пряжки пояса (0,125), поясные бляшки (0,031), нож (0,625), ножницы (0,063), кресала с кремнем (0,063), шилья (0,063), пряслица (грузики) (0,063), иглы (0,188), бронзовый колпачок (0,031), железный стержень (0,031), гребень (0,031), зеркала (0,344), сумки (0,156), головные уборы (0,250), рога-косы (0,125), обувь (0,156), ткань (0,250), пуговицы (0,219), керамика (0,156), железные кольца (0,125), гвозди (0,219), амфора (0,031), котел (0,031), серебряный сосуд (0,031), бронзовая чаша (0,031), повозки (0,063).

В детских и подростковых погребениях встречено всего 14 категорий инвентаря (в скобках указаны средние значения по данной выборке): удила (0,111), стремяна (0,333), пряжки сбруи (0,111), сабля (0,111), стрелы (0,111), гривны (0,222), нашивки (0,111), подвески (0,111), бляшки пояса (0,222), нож (0,111), шило (0,111), астрагалы (0,556), пуговица (0,111), керамическая посуда (0,222).

Таким образом, только в мужских погребениях были встречены: псалии, шпоры, фа-

лары, бляхи для перекрестных ремней, мечи, палаши, кинжалы, копыя, луки, кольчуги и панцири, щиты, личины, наручи и поножи, бубенчики, бляшки обуви, кремни без кресал, оселки, серпы, кошельки, железные и деревянные чаши, музыкальный инструмент типа варгана. Только в мужских и детских захоронениях встречались астрагалы.

Исключительно в женских погребениях встречались перстни, особые украшения, ножницы, бронзовые колпачки, зеркала, рога-косы, амфоры.

Группа неопределимых по половой принадлежности покойных сопровождалась следующими категориями инвентаря: удила, псалии, стремяна, седло, пряжки и пластины сбруи, бляха для перекрестных ремней, плети, сабли, кинжал, копыя, стрелы, луки, колчаны, навершие, гривны, височные кольца, серьги, перстни, нашивки, подвески, бубенчики, бусы, обкладки, пряжки и бляшки пояса, ножи, ножницы, кресала с кремнем и кремень отдельно, оселки, шилья, кочедыки, пряслице (грузик), зеркало, кошелёк, головной убор, обувь, ткань, пуговицы, керамическая посуда, котлы, железные кольца, гвозди. Далее из группы «неопределимых» погребений были выделены захоронения с предметами, типичными для мужских или женских наборов погребального инвентаря. В результате по составу инвентаря из группы неопределимых по половой принадлежности погребений было выделено 23 мужских захоронения и 3 женских погребения. При этом список мужских категорий инвентаря пополнился такими предметами, как кочедык, навершие и перстень. А из списка типично женского инвентаря перстень был исключен.

Таким образом, выборка мужских неогрabenных погребений увеличилась до 156, а женских — до 35.

[...] После этого выборки были подвергнуты процедуре кластерного анализа по методу сводимых окрестностей.

Мужские погребения. Выборка по погребальному инвентарю, сопровождавшему мужчин-половцев, содержит сведения о 156 захоронениях, описанных по 69 предметам признакам. Процедура кластеризации по этой выборке дала очень нечёткую картину из-за большого количества переменных. Тог-

да мы пошли по другому пути и объединили весь мужской вещевой набор в 15 крупных категорий инвентаря: сбруя, рубящее оружие, колющее оружие, оружие дальнего боя, защитное вооружение, украшения, поясная гарнитура, туалетные принадлежности, бытовые предметы, одежда, повозка, керамика, котел, чаша, железное кольцо.

В результате проведения процедуры кластеризации была получена дендрограмма, состоявшая из пяти крупных классов (Табл. 17). В первый класс вошли 19 погребений, во второй — 44, в третий — 32, в четвертый — 28, в пятый — 33.

Во всех классах высоки средние показатели по стрелковому оружию (Табл. 18). В погребениях первых четырёх классов много конской сбруи. Во всех классах крайне редко встречается колющее оружие и повозки. За исключением класса IV, нигде нет туалетных принадлежностей. Для всех классов редки котлы и керамическая посуда.

[...] По результатам кластерного анализа намечается некоторая дифференциация в мужской выборке. Наиболее вооружены и богаты первые два класса погребённых (суммарно 63 погребения). Самые бедные, чьи захоронения объединились в классе V (33 погребения), вооружены только луком и стрелами. Срединное положение в обществе занимали погребённые в могилах классов III и IV. Отличия между этими двумя классами захоронений не принципиальны, но в третьем классе (32 погребения) в среднем значительно больше рубящего вооружения, а в четвёртом классе (28 погребений) весьма много украшений и полностью отсутствуют котлы.

Прежде всего, бросается в глаза, что почти все мужчины похоронены с оружием, но набор вооружения неодинаков. Одни похоронены с полным вооружением, включая доспехи, другие — с таким же набором оружия, но почти без доспехов, третьи — только с луком и стрелами. [...]

Полученные результаты в первую очередь, отражают не социальную дифференциацию, а военную организацию половецкого общества. [...] Для того чтобы проверить это предположение [...] список категорий инвентаря был сокращен до семи. Это — конская сбруя,

рубящее оружие, колющее оружие, оружие дальнего боя, защитное вооружение, поясная гарнитура и украшения. В результате процедуры кластеризации, проведенной по тому же методу, мы получили четыре класса объектов (Табл. 19). Сразу становится ясным, что колющее вооружение является редкостью во всех классах (Табл. 20).

Класс I (30 погребений) имеет высокие средние показатели по сбруе, рубящему оружию, оружию дальнего боя, защитному вооружению, поясной гарнитуре. В захоронениях данного класса встречаются украшения. Класс I объединяет погребения воинов с полным набором вооружения, включая защитное.

Класс II объединяет 40 погребений воинов с высокими показателями по сбруе, рубящему оружию, вооружению дальнего боя, украшениям и поясной гарнитуре, но без защитного вооружения.

Класс III включает 33 воинских погребения с максимальным количеством сбруи и рубящего вооружения, с оружием дальнего боя, с поясной гарнитурой, но совсем без украшений и защитного вооружения.

Класс IV объединяет 53 погребения воинов, с минимальным средним количеством вооружения и совсем без украшений.

Итак, перед нами предстает достаточно ясно не социальная структура, а военная организация половецкого общества. Это станет ещё более заметным, если мы рассмотрим мужские захоронения в сопровождении коней. В мужской выборке из 156 неограбленных погребений встречены в общей сложности останки 89 коней, сопровождавших погребённых. В двух погребениях уложено по два коня (Дмитриевская 1-1-2 и Южный-2-2). Таким образом, мы имеем 87 погребений мужчин, сопровождавшихся костями коней, а это составляет 56%. В большинстве случаев по половецкому обряду это либо чучело коня с ногами, отчленёнными у верхних суставов (59 случаев), либо — целый конь (26 случаев). Только в двух погребениях ноги коней были отчленены по бабки по обычаю печенежско-торческого времени (Поляков 4-1 и Ясырев 1-6-10). Последнее обстоятельство указывает нам, что мы имеем дело именно с половецкой военной организацией.

Половецкое войско, как нам представляется, подразделялось на три основные группы:

I. Тяжеловооружённая конница с металлическим защитным вооружением и полным набором оружия (кластер I);

II. Более лёгкая конница без защитного вооружения или же с неметаллическими доспехами, не сохранившимися в могилах, и также с полным набором оружия (классы II и III);

III. И, наконец, легкая конница, вооружённая только луком и стрелами, редко саблями (класс IV).

В свое время это отметил Г.А. Фёдоров-Давыдов в своей работе «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (Федоров-Давыдов, 1966). Но он разделял общую массу кочевников не столь дробно — только на тяжеловооружённую конницу и лучников, иногда вооружённых копьями. Результаты проведенных нами статистических анализов позволяют предложить дробную классификацию.

Женские погребения. Выборка женских захоронений включает 35 объектов. После объединения признаков в более крупные категории вещевого материала мы получили следующий набор переменных: сбруя коня, рубящее оружие, оружие дальнего боя, украшения, поясная гарнитура, бытовые предметы и туалетные принадлежности. Кроме того, были присоединены сведения о сопровождающих захоронениях коней. Для исследования взаимовстречаемости указанных категорий вещей был проведен кластерный анализ по методу сводимых окрестностей. В результате мы получили кластерное дерево, состоящее из двух крупных классов (Табл. 21; Табл. 22).

Класс I (14 объектов) включает погребения женщин-всадниц с оружием (есть сабли, стрелы, колчаны) и поясной гарнитурой. Высокий статус погребённых подтверждается довольно большим количеством украшений, бытовых предметов; встречаются и туалетные принадлежности (Табл. 22). Коня в погребениях этого класса похоронены со своими хозяйками по половецкому обычаю — в виде целой туши или чучела с ногами, отчленёнными у верхних суставов.

Класс II (24 погребения) представлен более бедными по инвентарю захоронениями, хотя иногда погребения этой группы сопровождаются захоронениями лошадей (целые туши или чучела с ногами, отчленёнными по пясть) и некоторым количеством сбруи и поясных наборов. В инвентаре этой группы совершенно нет оружия, но зато много украшений, бытовых предметов и туалетных принадлежностей. В свою очередь второй класс делится на подклассы *IIA* и *IIB*.

В *подклассе IIA* (12 объектов) встречаются погребения с конями, изредка — сбруя и поясная гарнитура, но довольно много украшений и бытовых предметов.

В *подклассе IIB* (9 объектов) все погребения без коней, совсем без сбруи и поясной гарнитуры. Зато здесь по максимуму представлены украшения и туалетные принадлежности, бытовые предметы⁷.

6. Выводы:

1. Крупных половецких могильников на исследуемой территории не встречено, но почти в каждой курганной группе более раннего периода присутствует по несколько погребений этого времени, что даёт нам ещё одно доказательство, что могильником для кочевников можно считать незначительное количество погребений. Основная концентрация половецких погребений наблюдается в районах Нижнего Подонья не только потому, что в последние десятилетия там велись непрерывные археологические раскопки, но и потому, что эта территория была, скорее всего, наиболее заселена в этот период.

⁷ Таким образом, женские погребения половецкого периода подразделяются А.Г. Атавиным на две основные социальные группы. I. Женщины-всадницы, по статусу причастные к военной организации, которые были похоронены в сопровождении коней, со сбруей и иногда с вооружением и поясными наборами. II. Женщины, не причастные к военной организации общества, которые были погребены без коней, сбруи и оружия, но с большим числом бытовых предметов, украшений и туалетных принадлежностей. Количество украшений и бытовых предметов в захоронениях женщин-всадниц также достаточно велико. Но туалетных принадлежностей в этой группе значительно меньше, нежели во второй. Тем самым, мы имеем дело не с имущественным разделением погребённых, а с их отношением к военной организации общества. — *О.В. Лопан*.

2. Индивидуальные курганы у половцев — небольшие насыпи, сооружённые из земли. Тезис о том, что насыпи этого времени сооружены с применением камня, который связывают с половецкой обрядностью, не получает подтверждения для исследуемой территории. Количество курганов, насыпанных в половецкое время, не превышает одной трети, остальные — курганы более ранних эпох, в которых погребения половцев были впускными.

3. Размеры половецких могил очень стандартны. По конструкции это простые могилы, могилы со ступенькой или заплечиками и подбойные могилы. Отмечается факт наличия большого количества подбоев в это время, а так как их ареал во многом совпадает с ареалом более ранних могил хазарского времени, что ставит вопрос о происхождении оставившего их населения, тем более что письменные источники упоминают о хазарах вплоть до XII в.

4. Абсолютно преобладают индивидуальные погребения.

5. 44% погребённых лежат черепами к востоку, более 50% к западу, что говорит о смешанности населения.

6. Более половины погребённых сопровождалась чучелом коня, с ногами, отчленёнными у верхних суставов, или целым конем, что характерно для половецкой обрядности. Остаточное печенежско-торчское население продолжает хоронить с человеком чучело коня по своим обрядам.

7. Дифференциация половецкого общества прослеживается по степени вооружённости погребённых — чем больше оружия положено в могилу с усопшим, тем он знатнее и богаче. В одной из четырех групп мужских захоронений, выделенных с помощью кластерного анализа, погребённые обладали полным набором вооружения, включая доспехи. В двух других покойные имели полный набор рубящего оружия и оружия дальнего боя (иногда с пиками). В последней группе крайне редко встречено рубящее оружие, но зато все покойные вооружены луком и стрелами. При этом во всех группах встречена поясная гарнитура, а в двух первых — украшения. Во всех группах встречены предметы конской сбруи и более половины (56%) из них сопровождаются погребением коней по половецкой

обрядности. Здесь мы имеем дело именно с половецкой военной организацией общества. Половецкое войско, как нам представляется, подразделялось на следующие группы: тяжеловооружённая конница с металлическим защитным доспехом и полным набором оружия — первая группа (класс-кластер); более лёгкая конница без металлического защитного вооружения или с неметаллическим, которое не сохранилось в могилах и полным набором вооружения — группы 2 и 3; и, наконец, лёгкая конница, вооружённая луком и стрелами, редко саблями (группа 4).

Некоторые женщины-половчанки тоже принадлежали к воинскому сословию. Женщины-всадницы погребались с набором оружия, украшениями, поясной гарнитурой. Взнузданные кони их похоронены по половецкому обряду. Других женщин, не имевших воинского статуса, хоронили без вооружения. В их погребениях обычно встречаются только украшения и бытовые предметы.

8. В погребениях половцев найдено всего лишь две монеты, одна из которых — арабская, другая — золотой солид византийского императора Никифора III Вотаниата.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1.

Атавин А.Г., 1993. Информационно-поисковая система «Номад» (кочевники южно-русских степей) // Археология и история юго-востока Древней Руси. Мат. научной конф. Воронеж.

Атавин А.Г., 1995. Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М.

Балинт Чанад, 1972. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.

Каменецкий И.С., 1983. Код для описания погребального обряда. Ч. 1 // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М.

Каменецкий И.С., 1986. Код для описания погребального обряда. Ч. 2 // Археологические открытия на новостройках. Т. 1. М.

Круглов Е.В., 2001. Погребальный обряд Огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX — 1-й пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Плетнёва С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнёва С.А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109.

Плетнёва С.А., 1973. Древности Черных клобуков // САИ. Вып. Е1–19.

Плетнёва С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2.

Плетнёва С.А., 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества XII–XIII вв. М.

Плетнёва С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнёва С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М.

Плетнёва С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.

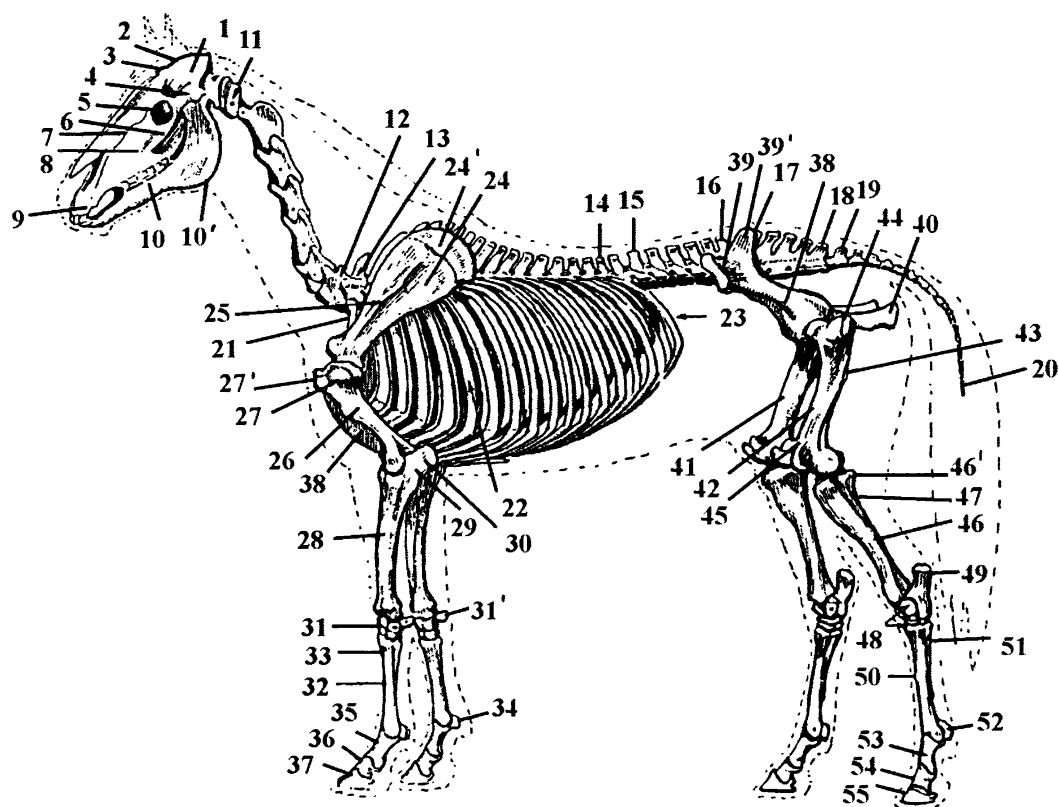

Рис. 1. Скелет лошади: 1 — затылочная кость, 2 — теменная кость, 3 — лобная кость, 4 — скуловой отросток височной кости, 5 — глазная орбита, 6 — скуловая кость, 7 — носовая кость, 8 — верхнечелюстная кость, 9 — межчелюстная (резцовая) кость, 10 — нижняя челюсть, 10' — угол нижней челюсти, 11 — I шейный позвонок (атлант), 12 — VII последний шейный позвонок, 13 — I грудной позвонок, 14 — XVII грудной позвонок, 15 — I поясничный позвонок, 16 — VI поясничный (последний) позвонок, 17 — I крестцовый позвонок, 18 — V крестцовый позвонок, 19 — I хвостовой позвонок, 20 — XVI хвостовой позвонок, 21 — I ребро, 22 — VI ребро, 23 — XVIII ребро, 24 и 24' — лопатка и хрящ лопатки, 25 — лопаточный гребень, 26 — плечевая кость, 27 — большой бугор плечевой кости, 27' — передний бугор плечевой кости, 28 — лучевая кость (предплечье), 29 — локтевая кость, 30 — локтевой отросток, 31 — кости запястья, 31' — добавочная (сесамовидная) кость запястья, 32 — пястная кость, 33 — наружная (грифельная) кость, 34 — сесамовидная кость, 35 — I фаланга (путовая кость), 36 — II фаланга (венечная кость), 37 — III фаланга (копытная кость), 38 — подвздошная кость, 39 — бугор тазовой кости (моклок), 39' — крестцовый бугор тазовой кости, 40 — бугор седалищной кости, 41 и 42 — бедренные кости, 43 — третий вертел, 44 — большой вертел, 45 — коленная чашка, 46 — большая берцовая кость, 46' — коленный сустав, 47 — малая берцовая кость голени, 48 — кости заплюсны (скакательный сустав), 49 — отросток пяточной кости, 50 — плюсневая кость, 51 — грифельная кость (наружная), 52 — сесамовидная кость, 53 — путовая кость (первая фаланга), 54 — венечная кость (вторая фаланга), 55 — копытная кость

Табл. 1. Размеры индивидуальных простых печенежско-торческих могил для выборки из 62 могил

	Минимум	Среднее	Максимум	Средний интервал	Количество могил в среднем интервале	
Длина, м	1,65 м	2,238 м	3,00 м	2,00–2,70 м	50 могил	(80,6%)
Ширина, м	0,33 м	0,834 м	1,50 м	0,33–1,00 м	54 могилы	(87%)
Глубина, м	0,10 м	0,634 м	1,95 м	0,10–0,95 м	49 могил	(79%)

Табл. 2. Размеры индивидуальных могил с заплечиками или со ступенькой для выборки из 13 могил

	Минимум	Среднее	Максимум
Длина, м	1,77 м	2,371 м	2,83 м
Ширина, м	0,65 м	1,098 м	2,00 м
Глубина, м	0,17 м	1,073 м	2,94 м

Табл. 3. Состав костей у чучела коня с ногами, отчленёнными по бабки

Череп
Передние ноги
Копытная кость, или 3-я фаланга
Венечная кость, или 2-я фаланга
Путовая кость, или 1-я фаланга
Сесамовидная кость
Задние ноги
Копытная кость, или 3-я фаланга
Венечная кость, или 2-я фаланга
Путовая кость, или 1-я фаланга
Сесамовидная кость
Позвонки хвоста

Табл. 4. Состав костей у чучела коня с ногами, отчленёнными по пясть

Череп
Передние ноги
Копытная кость, или 3-я фаланга
Венечная кость, или 2-я фаланга
Путовая кость, или 1-я фаланга
Сесамовидная кость
Пястная кость и наружная (грифельная) кость
Кости запястья
Добавочная (сесамовидная) кость запястья
Задние ноги
Копытная кость, или 3-я фаланга
Венечная кость, или 2-я фаланга
Путовая кость, или 1-я фаланга
Сесамовидная кость
Плюсневая кость и наружная (грифельная) кость
Кости заплюсны (скакательный сустав)
Отросток пяточной кости
Позвонки хвоста

Табл. 5. Распределение групп погребений по районам

№ группы	Тип членения ног	Подонье, Сев. Кавказ	Поволжье
1	по бабки	36 погр. — 44,5%	37 погр. — 77%
2	по пясть	45 погр. — 55,5%	11 погр. — 23%
1 и 2	<i>Всего:</i>	<i>81 погр. — 100%</i>	<i>48 погр. — 100%</i>

Табл. 6. Расположение чучела коня по отношению к погребённому

Место расположения	Первая группа (ноги по бабки)	Вторая группа (ноги по пясть)
Над человеком в могиле	28 погр. — 41,2%	7 погр. — 12,5%
Рядом в могиле	36 погр. — 52,9%	31 погр. — 55,3%
На ступеньке	2 погр. — 2,9%	13 погр. — 23,2%
На горизонте у могилы	1 погр. — 1,5%	1 погр. — 1,8%
Во входной яме подбоя	1 погр. — 1,5%	3 погр. — 5,4%
В подбое	нет	1 погр. — 1,8%
<i>Всего:</i>	<i>68 погр. — 100%</i>	<i>56 погр. — 100%</i>

Табл. 7. Расположение чучела коня по отношению к погребённому по регионам

Регион	Расположение в могиле	I группа (ноги по бабки)	II группа (ноги по пясть)	Итого от общего числа по региону:
Поволжье	Над человеком	18 — 51,4%	5 — 45,5%	23 — 50%
	Рядом в могиле	14 — 40,0%	3 — 27,3%	17 — 37%
	На ступеньке	2 — 5,7%	1 — 9,1%	3 — 6,4%
	На горизонте	1 — 2,9%	нет	1 — 2,2%
	Во входной яме	нет	2 — 18,1%	2 — 4,4%
	В подбое	нет	нет	нет
	Всего по группам:	35 — 100%	11 — 100%	46 — 100%
Подонье и Северный Кавказ	Над человеком	10 — 30,3%	2 — 4,4%	12 — 15,4%
	Рядом в могиле	22 — 66,7%	28 — 62,2%	50 — 64%
	На ступеньке	нет	12 — 26,5%	12 — 15,4%
	На горизонте	нет	1 — 2,3%	1 — 1,3%
	Во входной яме	1 — 3,0%	1 — 2,3%	2 — 2,6%
	В подбое	нет	1 — 2,3%	1 — 1,3%
	Всего по группам:	33 — 100%	45 — 100%	78 — 100%
Итого по регионам:		68 — 100%	56 — 100%	124 — 100%

Табл. 8. Размеры курганов, возведённых в половецкое время (71 курган)

	Высота, м	Диаметр, м
Максимум	2,38	45,00
Минимум	0,04	4,00
Среднее	0,51	18,14

Табл. 9. Размеры курганных насыпей с впускными погребениями половецкого времени (164 кургана)

	Высота, м	Диаметр, м
Максимум	7,06	92,00
Минимум	0,09	8,00
Среднее	1,16	32,38

Табл. 10. Размеры простых могильных ям (выборка из 79 погребений)

	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Максимум	4,45	2,50	2,58
Минимум	1,15	0,50	0,05
Среднее	2,31	0,97	0,71

Табл. 11. Размеры могильных ям со ступеньками (выборка из 61 погребения)

	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Максимум	3,00	1,65	2,55
Минимум	1,40	0,50	0,00
<i>Среднее</i>	<i>2,36</i>	<i>1,05</i>	<i>0,97</i>

Табл. 12. Размеры простых входных ям подбойных могил (выборка из 36 погребений)

	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Максимум	2,85	1,35	2,70
Минимум	1,40	0,15	0,10
<i>Среднее</i>	<i>2,33</i>	<i>0,81</i>	<i>0,80</i>

Табл. 13. Размеры входных ям со ступеньками у подбойных могил (выборка из 4-х погребений)

	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Максимум	2,90	1,17	1,07
Минимум	2,10	0,74	0,52
<i>Среднее</i>	<i>2,41</i>	<i>0,94</i>	<i>0,87</i>

Табл. 14. Средние размеры могильных ям и входных ям у подбойных могил

Тип могилы	Количество погребений в выборке	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Простая могила	79	2,306	0,967	0,714
Могила со ступеньками	61	2,356	1,054	0,967
Простая входная яма	36	2,332	0,808	0,800
Входная яма со ступеньками	4	2,408	0,940	0,865

Табл. 15. Размеры подбоев (выборка из 23 погребений)

	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Разница в уровнях дна входной ямы и пола подбоя, м
Максимум	3,00	1,40	1,14	0,71
Минимум	1,35	0,10	0,24	0,00
<i>Среднее</i>	<i>2,33</i>	<i>0,81</i>	<i>0,51</i>	<i>0,32</i>

Табл. 16. Граф связей (попарная корреляция) признаков, описывающих основные черты погребальных обрядов половецкой эпохи

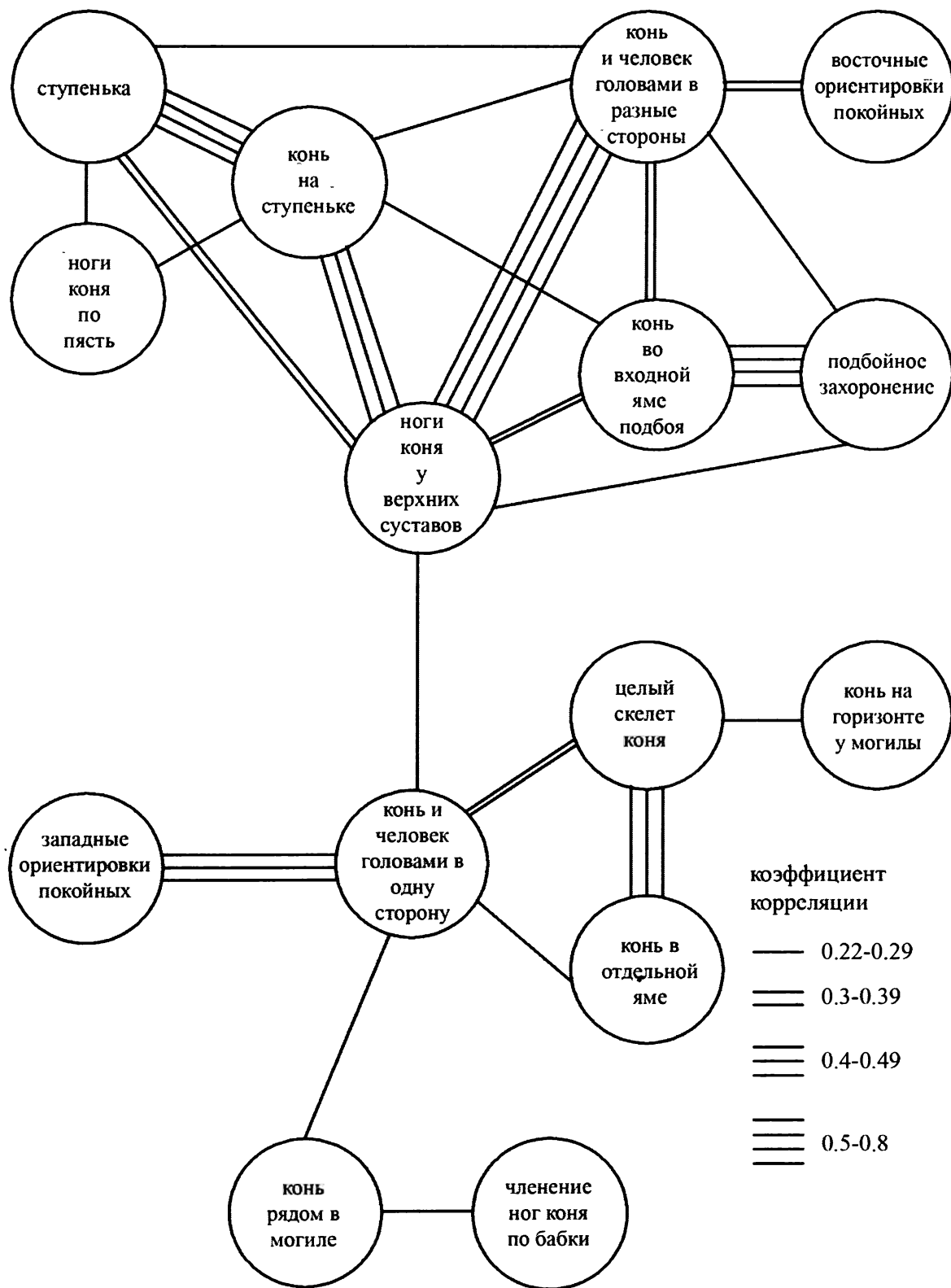

Табл. 17. Дендрограмма результатов кластерного анализа выборки, содержащей сведения о погребальном инвентаре в индивидуальных захоронениях мужчин-половцев (15 категорий признаков)

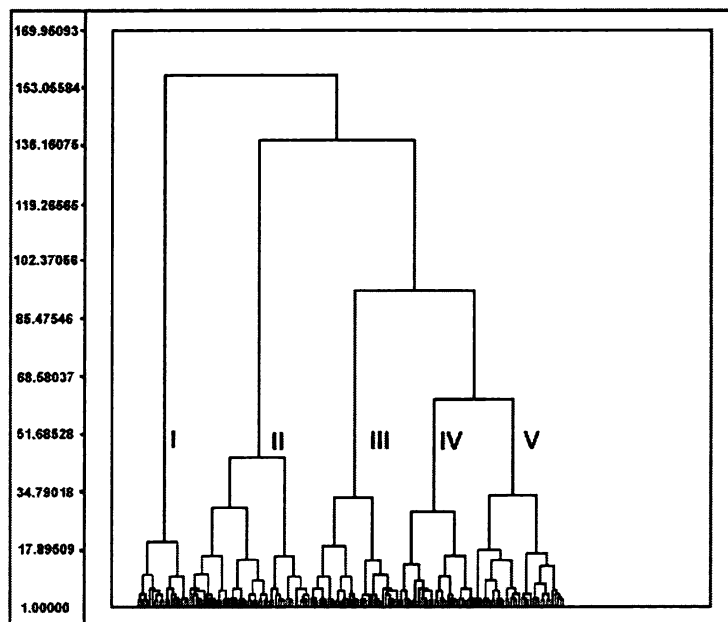

Табл. 18. Показатель «среднее» по классам погребений мужчин-половцев (по 15 категориям признаков)

	КЛАСС I	КЛАСС II	КЛАСС III	КЛАСС IV	КЛАСС V
Сбруя	0,737	0,705	0,969	0,964	0,242
Рубящее оружие	0,737	0,886	0,688	0,214	0,182
Колющее оружие	0,053	0,023	0,031	0,036	0,061
Стрелковое оружие	0,842	0,955	0,531	0,821	0,455
Защитное вооружение	0,316	0,386	0,125	0,071	0,000
Украшения	0,474	0,273	0,094	0,607	0,273
Поясная гарнитура	0,526	0,909	0,000	0,393	0,273
Бытовые предметы	0,947	0,614	0,281	0,857	0,818
Туалетные принадлежности	0,000	0,000	0,000	0,107	0,000
Одежда	0,632	0,614	0,313	0,643	0,030
Повозка	0,000	0,045	0,000	0,036	0,030
Керамика	0,053	0,159	0,031	0,107	0,091
Котел	0,105	0,159	0,031	0,000	0,061
Чаша	0,211	0,023	0,063	0,179	0,121
Железное кольцо	1,789	0,114	0,094	0,107	0,091

Табл. 19. Дендрограмма результатов кластерного анализа выборки, содержащей сведения о погребальном инвентаре в индивидуальных захоронениях мужчин-половцев (7 категорий признаков)

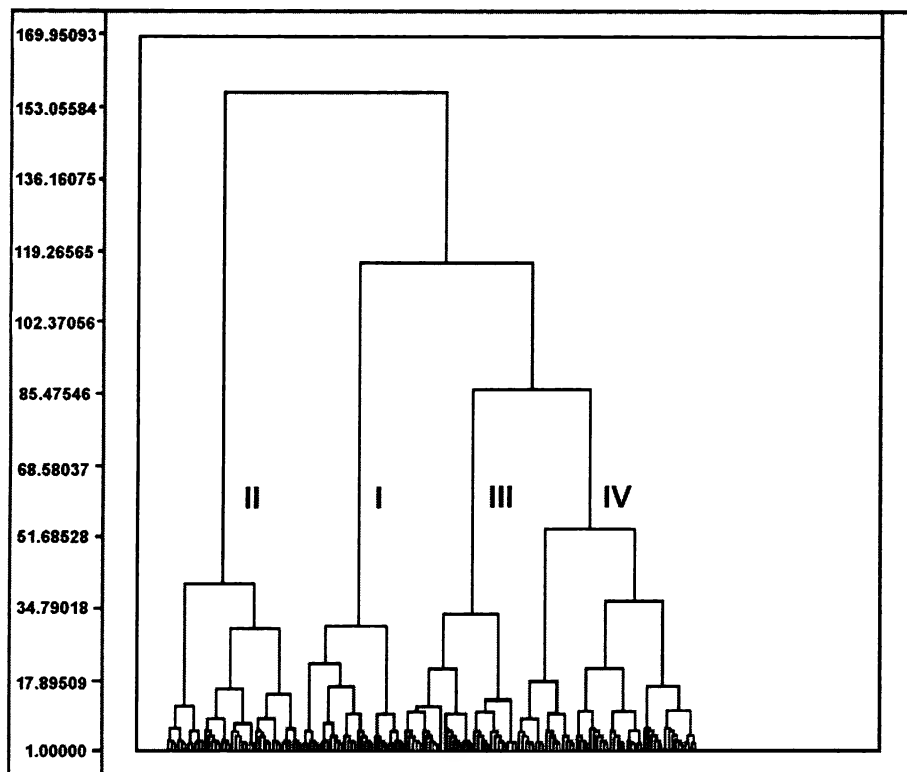

Табл. 20. Показатель «среднее» по классам погребений мужчин-половцев (по 7 категориям признаков).

	КЛАСС I	КЛАСС II	КЛАСС III	КЛАСС IV
Сбруя	0,600	0,875	1,000	0,472
Рубящее оружие	0,800	0,500	1,000	0,189
Колющее оружие	0,067	0,075	0,030	0,000
Стрелковое оружие	0,933	0,650	0,727	0,660
Защитное вооружение	0,967	0,000	0,000	0,000
Украшения	0,333	1,000	0,000	0,000
Поясная гарнитура	0,677	0,350	0,485	0,377

Табл. 21. Дендрограмма результатов кластерного анализа выборки, содержащей сведения о погребальном инвентаре в индивидуальных захоронениях женщин-половчанок

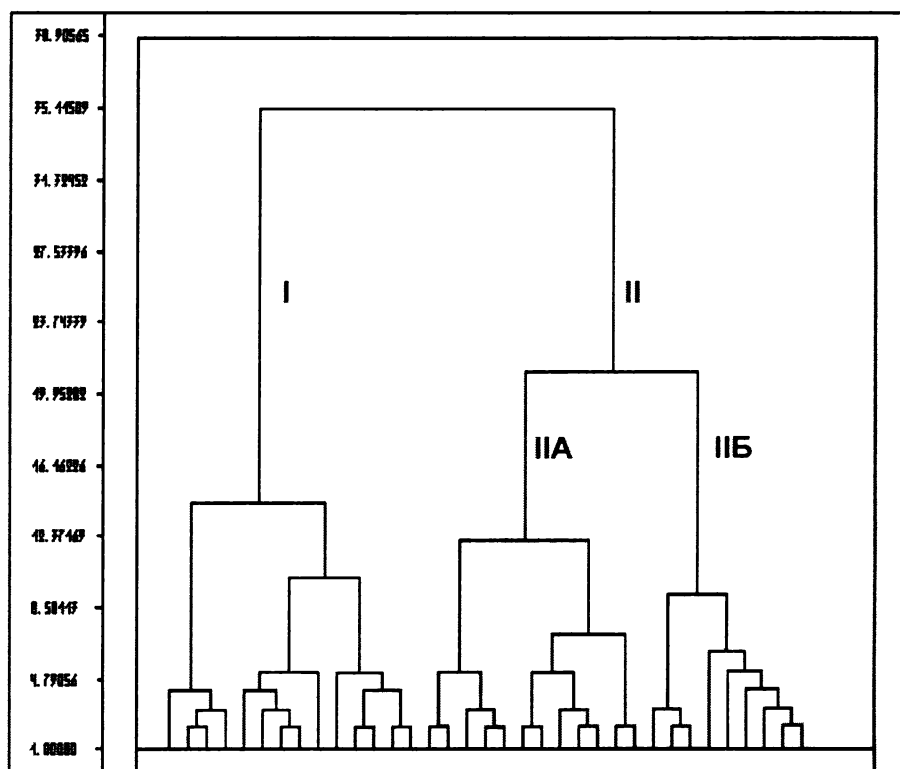

Табл. 22. Показатель «среднее» по классам погребений женщин-половчанок

	КЛАСС I	ПОДКЛАСС IIA	ПОДКЛАСС IIB
Череп и ноги коня по пясть	0,000	0,083	0,000
Членение ног коня у верхних суставов	0,857	0,000	0,000
Целый конь	0,071	0,167	0,000
Сбруя	1,000	0,250	0,000
Рубящее оружие	0,143	0,000	0,000
Стрелковое оружие	0,214	0,000	0,000
Украшения	0,786	0,583	1,000
Поясная гарнитура	0,286	0,167	0,000
Бытовые предметы	0,643	0,583	0,667
Туалетные принадлежности	0,286	0,000	1,000

ПОГРЕБЕНИЯ И СВАТИЛИЩА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И ДОНА

КОММЕНТАРИИ К СПИСКУ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И ДОНА

Публикуемый список комплексов, содержащих погребения и святилища средневековых кочевников, является основой созданной А.Г. Атавиным информационно-поисковой системы «НОМАД», плодом длительного и кропотливого труда по сбору и вычленению из огромного массива подкурганых захоронений тех, которые могут быть интерпретированы как оставленные номадами средневековья. Этой работой автор занимался практически со студенческих лет вплоть до самых последних дней.

Мы не сочли возможным опубликовать полностью всю созданную А.Г. Атавиным базу данных, объединяющую на сегодняшний день информацию о 1 237 погребальных комплексах и 38 святилищах и изваяниях, описанных с использованием более 120 признаков, а ограничились лишь краткой, но важной информацией об архивных и литературных источниках каждого комплекса из междуречья Волги и Дона. Список признаков, использовавшийся А.Г. Атавиным в работе, был опубликован ещё в 1995 г. (Атавин, 1995), поэтому, имея в руках систему описания и первичную информацию о погребении, любой заинтересованный учёный сможет легко создать свою базу данных по погребениям кочевников, основываясь на уже проделанной А.Г. Атавиным титанической работе.

Публикуя список памятников, мы придерживались авторской редакции, отсортировав комплексы согласно их современной административной принадлежности. При подобной редакционной работе нами были исправлены отдельные неточности, связанные с изменением названий некоторых районов и ряда населённых пунктов. Основная же работа, проделанная нами, сводилась к редакционной правке ссылок на используемые отчёты (в списке отчёты помечены знаком «*») и литературу и приведения их в готовый для публикации вид. Весь массив ссылок на более чем 1 200 погребений не выверялся, поэтому возможны технические ошибки и небольшие неточности.

Определения принадлежности того или иного погребённого к печенегам, половцам или кочевникам Золотой Орды делалось А.Г. Атавиным на основании информации авторов раскопок и по собственным наблюдениям. То же касается приводимой датировки захоронений. Этот род информации публикуется целиком и полностью в авторской редакции.

К некоторым погребениям А.Г. Атавиным уже были вычислены примерные координаты их географического расположения. Эта работа велась автором для создания географо-информационной системы (ГИС) по памятникам кочевников и выполнялась с помощью опубликованных географи-

ческих карт регионов России масштаба 1 : 200 000. Мы надеемся, что она будет продолжена последователями А.Г. Атавина.

Следует отметить, что в последние годы жизни А.Г. Атавиным велась работа под руководством Г.Е. Афанасьева по сбору и подготовке к публикации каталога хазарских погребений междуречья Дона и Волги, насчитывающего более 300 захоронений (Афанасьев, Атавин, 2002). Информация о данных погребениях не вошла в

публикуемый ниже список, поскольку она готовится выйти в свет отдельной печатной работой.

Мы надеемся, что публикуемый в данном сборнике список памятников средневековых кочевников междуречья Волги и Дона сослужит хорошую службу для археологов-медиевистов и останется в литературе одним из основных итогов нашего безвременно ушедшего друга и коллеги — Андрея Геннадьевича Атавина.

Коробов Д.С., Лопан О.В., Албегова (Царикаева) З.Х.

Табл. 1. Список погребений средневековых кочевников

Шифр погребения	Название группы	Ширина	Долгота	Населенный пункт	Тип погребения	Кол-во погр.	Дата	Автор раскопок	Год раскопок	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Астраханская область										
<i>Володарский район</i>										
БСР-17	Бугор С. Разина	46,1300	48,3748	Подразино	впускное	1	X-XI вв.	Гумилёв Л.Н.	1961	Гумилёв, 1961*. С. 9, 10. Рис. 26, 57, 58.
БСР-25	Бугор С. Разина	46,1300	48,3748	Подразино	впускное	1		Гумилёв Л.Н.	1961	Гумилёв, 1961*. С. 14, 15. Рис. 42-48, 55, 56.
<i>Енотаевский район</i>										
КОС-Б-17	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1		Дворниченко В.В.	1986	Дворниченко, 1986*. С. 11, 12. Рис. 8.
КОС-Б-23	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1		Дворниченко В.В.	1986	Дворниченко, 1986*. С. 15-17. Рис. 10.
КОС-Б-3	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1	XII в.	Дворниченко В.В.	1984	Дворниченко и др., 1984*. С. 31-33. Рис. 103-113.
КОС-Б-31	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1		Дворниченко В.В.	1986	Дворниченко, 1986*. С. 37-39. Рис. 10, 13.
КОС-Б-5	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1985	Дворниченко, 1985*. С. 9, 10. Рис. 9, 36.
КОС-Б-53	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1989	Дворниченко, 1989*. С. 4-10. Рис. 6-48.
КОС-Б-7	Косика	47,0312	47,1230	Косика	впускное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1985	Дворниченко, 1985*. С. 12-15. Рис. 13-20.
НИК1-10-1	Никольское 1			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 81-84. Рис. 59-62.
НИК1-3-1	Никольское 1			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 72-75. Рис. 53, 54.
НИК1-4-1	Никольское 1			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 75-78. Рис. 55-57.
НИК1-6-1	Никольское 1			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 79. Рис. 56.
НИК1-8-1	Никольское 1			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 80. Рис. 58.
НИК-20-1	Никольское			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Маловицкая Л.Я.	1965	Маловицкая, 1965*. С. 33. Рис. 35, 37.
НИК-21-1	Никольское			Никольское	основное	1		Маловицкая Л.Я.	1965	Маловицкая, 1965*. С. 34. Рис. 35.
НИК-22-1	Никольское			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Маловицкая Л.Я.	1965	Маловицкая, 1965*. С. 34-36. Рис. 35, 38.
НИК-23-1	Никольское			Никольское	основное	1	XIII-XIV вв.	Маловицкая Л.Я.	1965	Маловицкая, 1965*. С. 36, 37. Рис. 35, 39.
НИК5-1-3	Никольское 5	47,4248	46,2024	Никольское	впускное	1		Дворниченко В.В.	1977-1983	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 107, 108. Рис. 84.
НИК5-1-4	Никольское 5	47,4248	46,2024	Никольское	впускное	2	X-XI вв.	Дворниченко В.В.	1977	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989. С. 108-115. Рис. 86-93.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЛАПАС-Д-1	Лапас	46,5400	47,5512	Лапас	впускное	1	Х-XI вв.	Филиппченко В.А.	1955	Филиппченко, 1959, С. 239-242.
<i>Харабалинский район</i>										
<i>Черноярский район</i>										
БАР-2-1	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	впускное	1		Дворниченко В.В.	1972	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 21. Рис. 5а.
БАР-2-3	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	впускное	1		Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 26. Рис. 3, 8.
БАР-23-1	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	основное	1	IX-X вв.	Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 51. Рис. 31-33.
БАР-25-1	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	основное	1		Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 53, 54. Рис. 32-35.
БАР-26-1	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 54. Рис. 35.
БАР-3-1	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	основное	1		Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 29. Рис. 11.
БАР-3-2	Барановка	48,0400	46,0000	Барановка	впускное	1		Дворниченко В.В.	1982	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989, С. 29. Рис. 11.
КАП-10-1	Капитанский	48,0000	46,0000	Капитанский	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 24, 25. Рис. 25, 26.
КАП-11-1	Капитанский	48,0000	46,0000	Капитанский	впускное	1		Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 26, 27. Рис. 26, 27.
КАП-14-1	Капитанский	48,0000	46,0000	Капитанский	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 33, 34. Рис. 26, 39.
КАП-17-1	Капитанский	48,0000	46,0000	Капитанский	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 37-39. Рис. 43, 44, 48, 6.
КАП-2-1	Капитанский	48,0000	46,0000	Капитанский	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 10, 11. Рис. 10-13.
КЛП1-2-1	Кривая Лука 11			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 12-14. Рис. 13.
КЛП1-5-1	Кривая Лука 11			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 26, 27. Рис. 26.
КЛП14-24-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 145. Рис. 182.
КЛП14-25-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 146. Рис. 184.
КЛП14-26-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 147, 148. Рис. 186.
КЛП14-27-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 149, 150. Рис. 188.
КЛП14-28-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 151, 152. Рис. 190.
КЛП14-30-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 155, 156. Рис. 194.
КЛП14-4-1	Кривая Лука 14			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 85, 86. Рис. 107.
КЛП15-2-2	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 171, 172. Рис. 208.
КЛП15-2-6	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1	XI в.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 175-179. Рис. 212, 213.
КЛП15-2-9	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 183, 184. Рис. 214.
КЛП15-3-8	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 206. Рис. 230.
КЛП15-5-1	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975*. С. 209-212. Рис. 235.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КЛ15-6-2	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975* С. 214, 215. Рис. 238.
КЛ15-7-1	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975* С. 221, 222. Рис. 424.
КЛ15-8-1	Кривая Лука 15	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1975	Дворниченко и др., 1975* С. 223–225. Рис. 244.
КЛ16-1-1	Кривая Лука 16			Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1976	Фёдоров-Давыдов и др., 1976* С. 5, 6. Рис. 4–6.
КЛ16-5-1	Кривая Лука 16			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1976	Фёдоров-Давыдов и др., 1976* С. 49–56. Рис. 113–136.
КЛ17-47-1	Кривая Лука 17			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1976	Фёдоров-Давыдов и др., 1976* С. 168–176. Рис. 472–483.
КЛ17-6-1	Кривая Лука 17			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1976	Фёдоров-Давыдов и др., 1976* С. 99–101. Рис. 253–260.
КЛ21-9-1	Кривая Лука 21			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1978	Фёдоров-Давыдов и др., 1978* С. 63, 64. Рис. 115–118.
КЛ22-2-1	Кривая Лука 22	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1978	Фёдоров-Давыдов и др., 1978* С. 79–82. Рис. 133–142.
КЛ23-1-1	Кривая Лука 23			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1980	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1980* С. 135–139. Рис. 3.
КЛ23-2-3	Кривая Лука 23			Чёрный Яр	впускное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1978	Фёдоров-Давыдов и др., 1978* С. 126–128. Рис. 222, 226–246.
КЛ24-1-1	Кривая Лука 24			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1978	Фёдоров-Давыдов и др., 1978* С. 148–152. Рис. 300–305.
КЛ25-1-1	Кривая Лука 25			Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1978	Фёдоров-Давыдов и др., 1978* С. 153–155. Рис. 306–312.
КЛ27-2-1	Кривая Лука 27	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1	XIII в.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 8–12. Рис. 10–13.
КЛ27-6-1	Кривая Лука 27	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 93–106. Рис. 107–118.
КЛ27-7-1	Кривая Лука 27	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 107–111. Рис. 119–125.
КЛ3-1-10	Кривая Лука 3	47,5912	45,5528	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 32. Рис. 87, 2.
КЛ3-1-11	Кривая Лука 3	47,5912	45,5528	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 32.
КЛ31-1-1	Кривая Лука 31			Чёрный Яр	кенотаф	0	XIV в.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 183–186. Рис. 221–223.
КЛ31-2-1	Кривая Лука 31			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 186–195. Рис. 224–246.
КЛ3-1-23	Кривая Лука 3	47,5912	45,5528	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 23. Рис. 22.
КЛ31-3-1	Кривая Лука 31			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 195–201. Рис. 247–260.
КЛ31-4-1	Кривая Лука 31			Чёрный Яр	основное	0	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 201–206. Рис. 261–271.
КЛ31-5-1	Кривая Лука 31			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 206–210. Рис. 272–280.
КЛ3-2-1	Кривая Лука 3	47,5912	45,5528	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 41, 42.
КЛ32-1-1	Кривая Лука 32			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1979	Фёдоров-Давыдов и др., 1979* С. 210–215. Рис. 281–290.
КЛ3-3-1	Кривая Лука 3	47,5912	45,5528	Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 42, 43. Рис. 28.
КЛ34-3-1	Кривая Лука 34			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1981	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1981* С. 104–108. Рис. 93–99.
КЛ34-4-1	Кривая Лука 34			Чёрный Яр	основное	1	XIII–XIV вв.	Дворниченко В.В.	1981	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1981* С. 110–113. Рис. 101–103.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КЛ34-6-1	Кривая Лука 34			Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1981	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1981*. С. 160-163. Рис. 130-132.
КЛ35-1-6	Кривая Лука 35			Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1981	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1981*. С. 184-186. Рис. 138.
КЛ5-1-1	Кривая Лука 5	47,5924	45,5636	Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 48, 49. Рис. 33.
КЛ5-2-1	Кривая Лука 5	47,5924	45,5636	Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 49. Рис. 34.
КЛ5-4-1	Кривая Лука 5	47,5924	45,5636	Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 50, 51. Рис. 35.
КЛ5-5-11	Кривая Лука 5	47,5924	45,5636	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 55, 56. Рис. 38, 39.
КЛ5-6-1	Кривая Лука 5	47,5924	45,5636	Чёрный Яр	основное	1	XIV в.	Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 60. Рис. 43.
КЛ6-1-5	Кривая Лука 6	47,5800	45,5602	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 62. Рис. 45.
КЛ6-16-1	Кривая Лука 6	47,5800	45,5602	Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко и др., 1977. С. 76. Рис. 55.
КЛ7-9-16	Кривая Лука 7			Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1980	Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1980*. С. 49-51. Рис. 85.
КЛ8-13-1	Кривая Лука 8			Чёрный Яр	основное	1		Дворниченко В.В.	1974	Фёдоров-Давыдов и др., 1974*. С. 97, 98. Рис. 93, 94.
КЛ9-7-2	Кривая Лука 9	48,0606	45,5736	Чёрный Яр	впускное	1		Дворниченко В.В.	1974	Фёдоров-Давыдов и др., 1974*. С. 163, 164. Рис. 168.
КУ3-10-1	Кузин			Кузин	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1962	Шилов, 1962*. С. 23. Рис. 3; 4, 5.
КУ3-1-1	Кузин			Кузин	впускное	1		Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 189-193. Рис. 55, 2, 3; 57, 1.
КУ3-5-1	Кузин			Кузин	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1962	Шилов, 1962*. С. 18, 19. Рис. 4, 3.
ЛСН-1-1	Лесничий			Лесничий	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 15-16. Рис. 28, 30.
ЛСН-2-1	Лесничий			Лесничий	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 16-18.
ЛСН-3-1	Лесничий			Лесничий	основное	1		Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 18. Рис. 30-34.
СБ-3-1	Сазонкин Бугор			Копитянский	основное	1		Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 26-27. Рис. 37-48.
СБ-8-1	Сазонкин Бугор			Копитянский	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 33-35. Рис. 37, 67.
СБ-9-1	Сазонкин Бугор			Копитянский	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 35, 36. Рис. 37.
С31-3-1	Солёное Займище 1			Солёное Займище	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1963	Шилов, 1963*. С. 4, 5. Рис. 4.
СТАР-1-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	2	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 18, 19. Рис. 12.
СТАР-16-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1		Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 25, 26. Рис. 6/1, 3; 8/2, 1.
СТАР-17-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 26. Рис. 6/1, 2; 8/2, 3.
СТАР-18-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 26, 27. Рис. 6/1, 7; 8/2, 2.
СТАР-2-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 19, 20. Рис. 12, 13.
СТАР-21-2	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 32, 33. Рис. 9, 1, 2.
СТАР-21-3	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 34. Рис. 9/1, 3.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
СТАР-21-5	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 36, 37. Рис. 9/1, 1, 8.
СТАР-25-9а	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 60. Рис. 19/1, 14.
СТАР-30-4	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	4	X-XI вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 98-102. Рис. 28/1, 7, 8.
СТАР-3-3	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1		Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 21. Рис. 12, 13.
СТАР-38-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1		Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 110, 111. Рис. 35/1, 2-6.
СТАР-43-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1		Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 128, 129. Рис. 35/1, 2-3.
СТАР-5-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1		Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 43, 44. Рис. 13, 35, 36.
СТАР-65-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 172. Рис. 49/2, 8; 53/2.
СТАР-68-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 174. Рис. 50/1, 7, 55/1.
СТАР-7-16	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1		Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 51, 52. Рис. 39, 40.
СТАР-7-18	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1		Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 53-55. Рис. 39, 42.
СТАР-74-1	Старца	48,0848	45,5418	Старца	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1961	Шилов, 1961*. С. 181-183. Рис. 55/2, 5; 56/1.
СТАР-7-8	Старца	48,0848	45,5418	Старца	впускное	1		Шилов В.П.	1960	Шилов, 1960*. С. 47, 48. Рис. 39.
ЧЯМ-1-1	Чёрный Яр	48,0104	46,0324	Чёрный Яр	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1970	Шнайдштейн, 1970*. С. 4. Табл. VI, VII.
ЧЯМ-2-1	Чёрный Яр	48,0104	46,0324	Чёрный Яр	впускное	1		Шнайдштейн Е.В.	1970	Шнайдштейн, 1970*. С. 5, 6. Табл. X.
ЧЯМ-2-2	Чёрный Яр	48,0104	46,0324	Чёрный Яр	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1970	Шнайдштейн, 1970*. С. 6, 7. Табл. XI, XII.
ЧЯМ-4-5,6	Чёрный Яр	48,0104	46,0324	Чёрный Яр	основное	1	XIII-XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1970	Шнайдштейн, 1970*. С. 14, 15. Табл. XXXIV, XXXV.

Волгоградская область

Быковский район

БЫК1-10-11	Быково 1	49,4424	45,2506	Быково	впускное	1	X-XI вв.	Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 201. Рис. 11, 14, 15; 13, 2.
БЫК1-10-16	Быково 1	49,4424	45,2506	Быково	впускное	1	X-XI вв.	Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 201. Рис. 11, 21, 22.
БЫК1-14-3	Быково 1	49,4424	45,2506	Быково	впускное	1		Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 208. Рис. 15, 4, 5.
БЫК1-15-4	Быково 1	49,4424	45,2506	Быково	впускное	1	посл. четв. XI — XII в.	Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 211. Рис. 13, 4-8.
БЫК1-16-9	Быково 1	49,4424	45,2506	Быково	впускное	1	X-XI вв.	Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 215. Рис. 17, 18.
БЫК2-3-5	Быково 2	49,4200	45,2212	Быково	впускное	1	X-XI вв.	Смирнов К.Ф.	1955	Смирнов, 1960. С. 229. Рис. 22, 8-15.
БЫКВГ-3-1	Быково			Быково	основное	1	XIII-XIV вв.	Скрипкин А.С.	1975	Скрипкин, 1975*. С. 4-7.
КЛН-10-10	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 359. Рис. 14, 4, 6, 15.
КЛН-10-3	Калиновская			Калиновка	впускное	1		Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 358. Рис. 14, 5, 15.
КЛН-12-19	Калиновская			Калиновка	впускное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 363, 364.
КЛН-1-3	Калиновская			Калиновка	впускное	1		Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 326. Рис. 3, 4-6.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КЛН-1-7	Калиновская			Калиновка	впускное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 328. Рис. 4-1, 66-68, 70.
КЛН-2-1	Калиновская			Калиновка	основное	2	XIV в.	Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 328-332. Рис. 5.
КЛН-21-1	Калиновская			Калиновка	основное	1	XV в.	Шилов В.П.	1953	Шилов, 1959. С. 378. Рис. 23, 1.
КЛН-26-1	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XII в.	Шилов В.П.	1953	Шилов, 1959. С. 381, 382. Рис. 23, 3, 13; 67, 2, 10.
КЛН-26-2	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XII — нач. XIII в.	Шилов В.П.	1953	Шилов, 1959. С. 382. Рис. 23, 9, 66, 1, 2, 12.
КЛН-28-2	Калиновская			Калиновка	основное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1953	Шилов, 1959. С. 384-386. Рис. 26-3, 60-62.
КЛН-29-3	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1953	Шилов, 1959. С. 388. Рис. 22, 4; 27, 1.
КЛН-30-1	Калиновская			Калиновка	основное	3	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1954	Шилов, 1959. С. 388, 389. Рис. 28-1, 71.
КЛН-4-1	Калиновская			Калиновка	впускное	1	X-XI вв.	Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 340. Рис. 9, 66, 67, 69, 70.
КЛН-42-1	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1954	Шилов, 1959. С. 393. Рис. 21, 5; 28, 2.
КЛН-45-1	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1954	Шилов, 1959. С. 394. Рис. 21, 6; 66, 20.
КЛН-45-2	Калиновская			Калиновка	основное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1954	Шилов, 1959. С. 394, 395. Рис. 21-6, 66, 67.
КЛН-54-1	Калиновская			Калиновка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1954	Шилов, 1959. С. 399-401. Рис. 26-4, 66, 69, 71.
КЛН-9-3	Калиновская			Калиновка	впускное	1		Шилов В.П.	1952	Шилов, 1959. С. 356. Рис. 14, 1; 69, 13.
<i>Волжский район</i>										
ВОЛ-2-4	Волжский	48,4624	44,5042	Волжский	впускное	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 69, 70. Рис. 1, 1-8.
ОБ-1-1	Осадная Балка			Осадная Балка	основное	1		Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 139.
<i>Городищенский район</i>										
ЕРЗ3-2-1	Ерзовка 33	48,5424	44,3645	Ерзовка	впускное	1	XI-XII вв.	Лисицын И.П.	1972	Лисицын, 1972*. С. 24, 25.
<i>Дубовский район</i>										
АВ1-4-1	Авиловский 1		*	Авиловское	основное	1	XIII в.	Сергацков И.В.	2000	Сергацков, 2000*. С. 10-14. Рис. 24-38.
<i>Иловлинский район</i>										
АВ2-33-1	Авиловский 2	49,2112	44,0000	Авилово	впускное	1		Сергацков И.В.	2001	Сергацков, 2001*. С. 16-18. Рис. 44-47.
БЕЛ-КОЛ-1-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	впускное	1	XIII в.	Назаров А.А.	2000	Назаров, 2000*. С. 6-14. Рис. 6-34.
БЕЛ-КОЛ-2-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	основное	1	XIII в.	Назаров А.А.	2000	Назаров, 2000*. С. 14-16. Рис. 35-46.
БЕЛ-КОЛ-3-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	основное	1	XV в.	Назаров А.А.	2000	Назаров, 2000*. С. 16-18. Рис. 47-52.
БЕЛ-КОЛ-4-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	основное	1		Назаров А.А.	2001	Назаров, 2001*. С. 18-20. Рис. 7-11.
БЕЛ-КОЛ-5-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	основное	2	XIV в.	Назаров А.А.	2001	Назаров, 2001*. С. 20-26. Рис. 12-42.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
БЕЛ-КОЛ-6-1	Белужино-Колдаиров	49,1200	43,4342	Белужино-Колдаиров	основное	1		Назаров А.А.	2001	Назаров, 2001*. С. 26–28. Рис. 43–48.
ПИС-2-7-2	Писаревка 2	49,2248	44,0700	Писаревка	впускное	1		Мамонтов В.А.	2001	Мамонтов, 2001*.
<i>Калачевский район</i>										
ИЛ-9-1-2	Ильска	48,3624	43,4048	Ильска	впускное	1	X–XI вв.	Мамонтов В.И.	1970	Мамонтов, 1970*. С. 18, 19.
<i>Кумылженский район</i>										
БУК-2-1	Букановская			Букановская	впускное	1	X–XI вв.	Гуляев В.И.	1967	Гуляев, 1967*. С. 47. Табл. XIII, 2. Цыбин, 1986. С. 257. Рис. 2.
ОСТР-1-1	Остроухов			Остроухов	основное	1	XIII–XIV вв.	Гуренко Л.В.	2001	Гуренко, 2001*. С. 10–15. Рис. 29–43.
ОСТР-2-1	Остроухов			Остроухов	основное	1	XIII–XIV вв.	Гуренко Л.В.	2001	Гуренко, 2001*. С. 15–17. Рис. 43–50.
ОСТР-3-1	Остроухов			Остроухов	основное	1	XIII–XIV вв.	Гуренко Л.В.	2001	Гуренко, 2001*. С. 17–20. Рис. 51–59.
ОСТР-4-1	Остроухов			Остроухов	основное	1	XIII–XIV вв.	Гуренко Л.В.	2001	Гуренко, 2001*. С. 20–23. Рис. 60–69.
ОСТР-5-1	Остроухов			Остроухов	основное	1	XIII–XIV вв.	Гуренко Л.В.	2001	Гуренко, 2001*. С. 23–26. Рис. 69–75.
<i>Ленинский район</i>										
БАХ-14-1	Бахтияровка			Бахтияровка	основное	1	XIII–XIV вв.	Лисицын И.П.	1967	Лисицын, 1967*. С. 12.
БАХ-М-1	Бахтияровка			Бахтияровка	впускное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
БАХ-М-2	Бахтияровка			Бахтияровка	основное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
БАХ-М-3	Бахтияровка			Бахтияровка	впускное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
БАХ-М-4	Бахтияровка			Бахтияровка	впускное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
БАХ-М-5	Бахтияровка			Бахтияровка	впускное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
БАХ-М-6	Бахтияровка			Бахтияровка	впускное	1	XIV в.	Ким И.А.	1985	Ким, 1993. С. 172–183.
ЖУР-2-1	Журов курган	48,4048	45,2615	Колобовка	впускное, кенотаф	0	IX в.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 17.
КОЛ-1-3-4	Колобовка 1	48,4000	45,2830	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 9.
КОЛ-6-1	Колобовка 1	48,4000	45,2830	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 13, 14.
КОЛ-6-2	Колобовка 1	48,4000	45,2830	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 13, 14.
КОЛ-1-2	Колобовка 3	48,3948	45,2615	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Сергачков И.В.	1999	Сергачков, 1999*. С. 13. Рис. 26, 33; 35–37; 48, 1–5; 51, 2.
КОЛ-1-3	Колобовка 3	48,3948	45,2615	Колобовка	впускное	2	X–XI вв.	Сергачков И.В.	1999	Сергачков, 1999*. С. 13–16. Рис. 26; 38; 39; 41–47; 48, 6–14.
КОЛ-3-9-1	Колобовка 3	48,3948	45,2615	Колобовка	впускное	1	XIII–XIV вв.	Сергачков И.В.	1999	Сергачков, 1999*. С. 32–34. Рис. 108–114.
КОЛ-1-2	Колобовка 4	48,3736	45,2542	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Дворниченко В.В.	2000	Дворниченко, 2000*. С. 38–40. Рис. 10–13, 21.
КОЛ-4-3-1	Колобовка 4	48,3736	45,2542	Колобовка	основное	1	ср. XIV в.	Дворниченко В.В.	2000	Дворниченко, 2000*. С. 43–57. Рис. 34–49.
КОЛ-4-6-5	Колобовка 4	48,3736	45,2542	Колобовка	впускное	1	X–XI вв.	Дьяченко А.Н.	2001	Дьяченко, 2001. С. 30, 31. Рис. 42, 60.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЛЕН-12-1	Ленинск			Ленинск	основнос	1	XIII-XIV вв.	Маловицкая Л.Я.	1963	Маловицкая, 1963*. С. 59-61. Рис. 111-с, 123-127.
ЛЕН-2-1	Ленинск			Ленинск	основнос	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1956	Шилов, 1956*. С. 4-6. Рис. 1, 4-6.
МАЛ5-11-2	Малаяска 5	48,4048	45,1730	Малаяска	впускнос	1		Сергачков И.В.	1999	Сергачков, 1999*. С. 6. Рис. 7; 8; 10; 17, 7.
МАЛ5-11-5	Малаяска 5	48,4048	45,1730	Малаяска	впускнос	1		Сергачков И.В.	1999	Сергачков, 1999*. С. 7. Рис. 4; 12; 13; 17, 7.
МАЛ5-6-1	Малаяска 5	48,4048	45,1730	Малаяска	впускнос	1	X в.	Сергачков И.В.	1999	Сергачков и др., 2001. С. 17, 18. Рис. 3, 4; 13, 2-10.
МАЛ6-1-1	Малаяска 6			Малаяска	впускнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 60. Рис. 77-79.
МАЛ6-1-2	Малаяска 6			Малаяска	основнос	4	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 60-63. Рис. 77-85.
МАЛ6-2-1	Малаяска 6			Малаяска	основнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 65-67. Рис. 86-97.
МАЛ6-2-2	Малаяска 6			Малаяска	впускнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 67-69. Рис. 86-97.
МАЛ6-3-1	Малаяска 6			Малаяска	основнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 71, 72. Рис. 98-103.
МАЛ6-3-2	Малаяска 6			Малаяска	впускнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 72, 73. Рис. 98-107.
МАЛ6-4-1	Малаяска 6			Малаяска	основнос	1	XIV в.	Мыськов Е.П.	2000	Мыськов, 2000*. С. 73-79. Рис. 109-126.
СОЛ2-1-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-2-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-3-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-4-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	впускнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-5-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-6-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-7-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	впускнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-7-2	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ2-8-1	Солодовка 2	48,3912	45,2100	Солодовка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1989	Мамонтов, 1993. С. 151-172.
СОЛ5-4	Солодовка	48,3912	45,2100	Солодовка	впускнос	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 81-83. Рис. 5, 10-17.
ЦРВ-10-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 194. Рис. 3, 6.
ЦРВ-1-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII-XIV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 183-185. Рис. 1, 2.
ЦРВ-11-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	X-XI вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 194-196. Рис. 3, 6.
ЦРВ-12-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 196.
ЦРВ-13-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 18. Рис. 25, 1; 26, 1; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 196.
ЦРВ-14-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 18, 19. Рис. 25, 2; 26, 2; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 196-198.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЦРВ-15-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 21, 22. Рис. 26, 1; 27, 3; 28, 1, 8; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 198. Рис. 7, 8.
ЦРВ-16-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 22, 23. Рис. 26, 3; 27, 1; 28, 3–5; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 198, 199. Рис. 7, 8.
ЦРВ-17-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1973	Мамонтов, 1973*. С. 23, 24. Рис. 26, 2; 27, 2; 28, 2, 6, 7; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 199. Рис. 7, 8.
ЦРВ-18-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 19. Рис. 25, 3; 26, 3; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 199, 207.
ЦРВ-19-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 20. Рис. 25, 4; 27, 1; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 207.
ЦРВ-20-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 20, 21. Рис. 25, 5; 27, 2; 36, 9, 11, 13; 36А, 4; 37, 4; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 207. Рис. 7, 8, 10.
ЦРВ-21-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 187. Рис. 1, 2, 4.
ЦРВ-22-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 21. Рис. 25, 6; 31, 1; 39, 2; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 201, 207. Рис. 9, 4.
ЦРВ-23-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 21, 22. Рис. 25, 7; 31, 2; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 201. Рис. 9, 1.
ЦРВ-24-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 22, 23. Рис. 31, 3; 34, 2; 35, 1; 36, 6–8; 36А, 1, 2; 37, 1; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 201, 203. Рис. 8, 8–10; 9, 2; 10, 3–5.
ЦРВ-25-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 27, 28. Рис. 30, 4; 41, 1; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 203.
ЦРВ-26-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 28, 29. Рис. 30, 1; 36, 3, 10; 36А, 2; 37, 2; 38, 1; 38А, 1; 39, 3; 39А, 1, 3, 4; 41, 2; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 203, 205. Рис. 8, 9, 10.
ЦРВ-27-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 29. Рис. 30, 2; 39, 4; 41, 3; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 205.
ЦРВ-28-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1975*. С. 29. Рис. 29, 4; 30, 5; 38, 2; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 205. Рис. 10, 9.
ЦРВ-29-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1975	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 187–189. Рис. 1, 2, 4.
ЦРВ-30-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 189–191. Рис. 5, 1, 7.
ЦРВ-31-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 191. Рис. 1, 4, 5.
ЦРВ-32-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 191.
ЦРВ-33-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 191.
ЦРВ-34-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	IX–XI вв.	Мысков Е.П.	1983–1991	Мысков, 1993. С. 80, 81. Рис. 5, 1–9.
ЦРВ-35-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 191, 192. Рис. 3, 5, 6.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЦРВ-8-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 191. Рис. 6.
ЦРВ-9-1	Царёв	48,3848	45,1948	Царёв	основнос	1	XIV в.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, 1971*. Мамонтов, Ситников, 1993. С. 194.
<i>Михайловский район</i>										
СИД-10-1	Сидоры	50,0400	43,1806	Сидоры	основнос	1		Шилов В.П.	1959	Шилов, 1959*. С. 35, 36. Рис. 24–26.
СИД-12-1	Сидоры	50,0400	43,1806	Сидоры	основнос	1		Шилов В.П.	1959	Шилов, 1959*. С. 39, 40.
СИД-14-1	Сидоры	50,0400	43,1806	Сидоры	основнос	1	XIII–XIV вв.	Шилов В.П.	1959	Шилов, 1959*. С. 41, 42. Рис. 30–33.
<i>Николаевский район</i>										
БЕР1-19-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 81.
БЕР1-28-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 90.
БЕР1-39-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1		Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 102.
БЕР1-40-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 102, 103. Рис. 306, 1, 3.
БЕР1-41-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 103.
БЕР1-42-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 103.
БЕР1-43-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIV в.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 103.
БЕР1-44-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	IX–XII вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 64. Рис. 15, 16.
БЕР1-44-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 103.
БЕР1-45-2	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	впускнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 103, 104. Рис. 31, 1.
БЕР1-45-3	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	впускнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 104, 105.
БЕР1-46-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 105.
БЕР1-47-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1		Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 105.
БЕР1-48-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1		Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 105.
БЕР1-49-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 105, 106. Рис. 306–32.
БЕР1-50-1	Бережновка 1	50,1224	45,5742	Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 106. Рис. 31, 3.
БЕР2-10-1	Бережновка 2			Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 19.
БЕР2-27-1	Бережновка 2			Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 40.
БЕР2-28-1	Бережновка 2			Бережновка	впускнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 40. Рис. 14, 1.
БЕР2-28-2	Бережновка 2			Бережновка	впускнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 40–42. Рис. 14, 2; 15.
БЕР2-31-1	Бережновка 2			Бережновка	основнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 44. Рис. 14, 5.
БЕР2-34-1	Бережновка 2			Бережновка	основнос	1		Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 47. Рис. 14, 4.
БЕР2-34-2	Бережновка 2			Бережновка	впускнос	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 47.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
БЕР2-35-1	Бережновка 2			Бережновка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 47.
БЕР2-5-1	Бережновка 2			Бережновка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 125, 126. Рис. 41, 42.
БЕР2-55-1	Бережновка 2			Бережновка	основное	1		Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 55.
БЕР2-74-1	Бережновка 2			Бережновка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 76.
БЕР2-8-1	Бережновка 2			Бережновка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1952	Синицын, 1959. С. 128.
БЕРЮГ-9-6	Бережновка южная группа	50,1136	45,5518	Бережновка	впускное	1	IX-XI вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 117. Рис. 44, 12-14; 45, 1.
ЛК-1-2	Лесной Кордон			Бережновка	впускное	1		Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 122.
ЛЕСК-1-2	Лесной Кордон			Бережновка	впускное	1		Синицын И.В.	1954	Синицын, 1960. С. 122.
МОЛ1-1-1	Молчановка 1			Молчановка	основное, кснотаф	0		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 130.
МОЛ1-2-1	Молчановка 1			Молчановка	основное	1	X-XI вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 130. Рис. 44, 1.
МОЛ1-3-1	Молчановка 1			Молчановка	основное	1		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 130.
МОЛ1-4-1	Молчановка 1			Молчановка	основное	1		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 130-132.
МОЛ2-3-2	Молчановка 2			Молчановка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 137.
МОЛ2-4-1	Молчановка 2			Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 137.
МОЛ3-1-1	Молчановка 3			Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 128. Рис. 45, 47.
МОЛ3-2-1	Молчановка 3			Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 128. Рис. 47.
МОЛ3-3-1	Молчановка 3			Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 129. Рис. 46, 48.
НМОЛ-1-4	Новая Молчановка			Новая Молчановка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 132. Рис. 45, 49.
НМОЛ-2-1	Новая Молчановка			Новая Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 133.
НМОЛ-6-1	Новая Молчановка	*		Новая Молчановка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 135.
НМОЛ-7-1	Новая Молчановка			Новая Молчановка	основное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 136.
НМОЛ-7-2	Новая Молчановка			Новая Молчановка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 136.
ПОЛИТ-2-7	Политотдельское			Политотдельское	впускное	1	XIII-XIV вв.	Смирнов К.Ф.	1952	Смирнов, 1959. С. 233. Рис. 12, 7.
ПОЛИТ-2-7	Политотдельское			Политотдельское	впускное	1	XIII-XIV вв.	Смирнов К.Ф.	1954	Смирнов, 1959. С. 306.
СОЛ1-3-1	Солянка 1			Таловка	впускное	1	XII в.	Скворцов Н.Б.	2000	Скворцов, 2000*. С. 18-20. Рис. 80-88.
ЯМК1-1-6	Ямки			Политотдельское	впускное	1		Синицын И.В.	1955	Синицын, 1960. С. 138.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Новоаннинский район</i>										
КОР-14-1	Корольевский			Корольевский	основное	1		Мамонтов В.И.	1969	Мамонтов, 1969*. С. 18, 19. Рис. 29, 31.
НАН-2-3	Новоаннинская ?			Новоаннинск	впускное	1	XI–XII вв.	Мамонтов В.И.	1968	Мамонтов, 1968*. С. 16. Рис. 6, 4.
<i>Октябрьский район</i>										
АБГ3-1-1	Абганерово 3			Абганерово	основное	2	XIV в.	Дьяченко А.Н.	1984	Дьяченко и др., 1995. С. 105–107. Рис. 6, 1; 14.
АКС-20-1	Аксеновский			Новый Аксай	основное	1	XIII–XIV вв.	Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 94–96.
АКС-22-1	Аксеновский			Новый Аксай	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 96, 97. Рис. 183, 7; 189.
АКС-24-1	Аксеновский			Новый Аксай	основное	1		Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 97, 98. Рис. 183, 6; 190.
АКС-29-2	Аксеновский			Новый Аксай	впускное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 102, 103. Рис. 196, 4; 202.
ЖУТ-14-1	Жутово			Жутово	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 66–68. Рис. 91, 93–95.
ЖУТ-23-1	Жутово			Жутово	основное	1	XIII–XIV вв.	Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 82–84. Рис. 114, 115.
ЖУТ-26-1	Жутово			Жутово	впускное	1		Шилов В.П.	1964	Шилов, 1964*. С. 87, 88. Рис. 114, 10; 123.
ЖУТ-35-1	Жутово			Жутово	основное	1		Мамонтов В.И.	1965	Мамонтов, 1965*. С. 58. Рис. 55.
ЖУТ-49-1	Жутово			Жутово	впускное	1		Мамонтов В.И.	1965	Мамонтов, 1965*. С. 36, 37.
ЖУТ-57-1	Жутово			Жутово	основное	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1965	Мамонтов, 1965*. С. 82–84. Рис. 94.
ТЕРН-1-1	Терновый			Октябрьский	основное	1	XIII–XIV вв.	Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 4, 5. Рис. 2, 6, 1.
ТЕРН-3-1	Терновый			Октябрьский	основное	1	XIII–XIV вв.	Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 6–8. Рис. 1; 6, 4, 5.
ШЕБ-2-1	Шебелино			Шебелино	основное	1	XIII–XIV вв.	Мамонтов В.И.	1993	Мамонтов, 1995. С. 21–23. Рис. 2, 5; 3. :
<i>Подтелковский район</i>										
ГЛАЗ-3-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 90. Рис. 1, 4.
ГЛАЗ-10-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 93. Рис. 1, 6; 3, 2; 6, 15.
ГЛАЗ-1-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 89. Рис. 1, 1; 3; 4; 3.
ГЛАЗ-12-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 93. Рис. 2, 2; 3, 7.
ГЛАЗ-14-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 93, 94. Рис. 2, 3; 3, 8.
ГЛАЗ-15-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 94. Рис. 2; 4, 3; 5, 4–8, 5; 4, 6; 1.
ГЛАЗ-16-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 94. Рис. 4, 11.
ГЛАЗ-2-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 89. Рис. 2, 5.
ГЛАЗ-4-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 90. Рис. 1, 2; 3, 1.
ГЛАЗ-5-1	Глазуновская			Глазуновская	основное	1	XIV–XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 90–92.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ГЛАЗ-6-1	Глазуновская			Глазуновская	основнос	1	XIV-XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 92. Рис. 2, 1.
ГЛАЗ-9-1	Глазуновская			Глазуновская	основнос	1	XIV-XV вв.	Мамонтов В.И.	1971	Мамонтов, Ситников, 1995. С. 92, 93. Рис. 1, 5; 3.
<i>Светлоярский район</i>										
ЦАЦА-4-4	Цаца			Цаца	впускное	1		Шилов В.П.	1962	Шилов, 1985. С. 118, 119. Рис. 9.
ЦАЦА-9-1	Цаца			Цаца	основнос	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1962	Шилов, 1985. С. 137, 138. Рис. 17, 18, 28, 35.
<i>Серафимовичский район</i>										
ТРАС-1-1	Трасиновская	49,4200	42,5630	Трасиновский	впускное	1		Мышкин В.Н.	1991	Мышкин, Турецкий, 1993. С. 28, 29. Рис. 1, 1-5.
<i>Среднеахтубинский район</i>										
КИЛ-1-5	Кияковка			Кияковка	впускное	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 70-72. Рис. 2, 1-11.
КИЛ-3-2	Кияковка			Кияковка	впускное	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 72-74. Рис. 1, 9-15.
КИЛ-4-1	Кияковка			Кияковка	впускное	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 74-79. Рис. 3; 4, 1, 2.
КИЛ-4-2	Кияковка			Кияковка	впускное	1	IX-XI вв.	Мыськов Е.П.	1983-1991	Мыськов, 1993. С. 79, 80. Рис. 2, 12-16.
<i>Старополтавский район</i>										
ИЛ-1-1	Иловатка	50,2800	45,5445	Иловатка	основнос, кенотаф	0	X-XII вв.	Смирнов К.Ф.	1952	Смирнов, 1959. С. 224, 225.
ИЛ-2-1	Иловатка	50,2800	45,5445	Иловатка	основнос, кенотаф	0	X-XII вв.	Смирнов К.Ф.	1952	Смирнов, 1959. С. 225, 226. Рис. 9, 1.
КУРН-1-1	Куриасвка			Куриасвка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 49, 50. Рис. 7.
КУРН-2-1	Куриасвка			Куриасвка	основнос	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 51.
ПОТ-10-1	Потёмкино			Потёмкино	основнос	1		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 56. Рис. 8, 6.
ПОТ-2-1	Потёмкино			Потёмкино	основнос	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 51, 52.
ПОТ-7-1	Потёмкино			Потёмкино	основнос	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 54.
ПОТ-8-1	Потёмкино			Потёмкино	основнос	1		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 55, 56.
ПОТ-9-1	Потёмкино			Потёмкино	основнос	1		Синицын И.В.	1951	Синицын, 1959. С. 56.
<i>Фроловский район</i>										
ВЕТ-2-3	Встютнев			Встютнев	впускное	1	XIII-XIV вв.	Круглов Е.В.	1990	Круглов, Клепиков, 1993. С. 143-145. Рис. 3.
ШЛЯХ1-2-1	Шляховский 1			Шляховский	основнос	2	XIV в.	Круглов Е.В.	1990	Круглов, Клепиков. 1993. С. 145-149. Рис. 4, 5.
ШЛЯХ3-1-1	Шляховский 3			Шляховский	впускное	1	XIII-XIV вв.	Круглов Е.В.	1990	Круглов, Клепиков. 1993. С. 138-140. Рис. 1.
ШЛЯХ3-1-2	Шляховский 3			Шляховский	основнос	1	XIII-XIV вв.	Круглов Е.В.	1990	Круглов, Клепиков. 1993. С. 141-143. Рис. 2.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Чернышковский район</i>										
АЛН-1-2	Алешкин	48,1448	42,4012	Алешкин	впускное	1	X-XI вв.	Гуренко Л.В.	1991	Гуренко, 1993. С. 36–38. Рис. 1–3.
Воронежская область										
<i>Бобровский район</i>										
НОВБУР-1-1	Новый Буравл?			Новый Буравл	основное	1	XIII–XIV вв.	Трунов М.П.	нач. XX в.	Трунов, 1902. Цыбин, 1986. С. 264.
<i>Богучарский район</i>										
ВГ-2-1	Высокая гора	50,1648	40,3706	Дьяченко	основное	1	XIII–XIV вв.	Бойков А.А.	1990	Бойков, 1990*. С. 6–13. Рис. 4–35.
ВГ-3-1	Высокая гора	50,1648	40,3706	Дьяченко	основное	1	XIII–XIV вв.	Бойков А.А.	1990	Бойков, 1990*.
ВГ-4-2	Высокая гора	50,1648	40,3706	Дьяченко	впускное	1	X-XI вв.	Бойков А.А.	1990	Бойков, 1990*.
<i>Каменский район</i>										
МАР-1-1	Марки			Марки	основное	1	XIV в.	Кожеников А.Я.	1872	Спицын, 1896. Цыбин, 1986. С. 264.
<i>Каширский район</i>										
Ол-Кол 3?	Олень-Колодезь			Олень-Колодезь	основное	1	XIII–XIV вв.	Ефимов К.Ю.	1996	Ефимов, 2000. С. 181.
Ол-Кол-7-1	Олень-Колодезь			Олень-Колодезь	основное	1	XIII–XIV вв.	Ефимов К.Ю.	1996	Ефимов, 2000. С. 167–182.
Ол-Кол-9-1	Олень-Колодезь			Олень-Колодезь	основное	1	XIII–XIV вв.	Ефимов К.Ю.	1996	Ефимов, 2000. С. 167–182.
<i>Новохоперский район</i>										
ШЕМ-1-1	Шемякинский			Шемякинский	основное	1	XII–XIII вв.	Зверев С.Е.	90-е гг. XIX в.	Спицын, 1896. Цыбин, 1986. С. 264.
ШЕМ-2-1	Шемякинский			Шемякинский	основное	1	XII–XIII вв.	Зверев С.Е.	90-е гг. XIX в.	Спицын, 1896. Цыбин, 1986. С. 264.
<i>Ольховатский район</i>										
ОЛЬХ-	Ольховатка	50,1736	39,1642	Ольховатка	впускное	1	XII в.	Матвеев Ю.П.	1976	Матвеев, 1976*. Цыбин, 1986. С. 257–259. Рис. 2, 3.
<i>Россоанский район</i>										
СТАРКАЛ-1-3	Старая Калитва	50,0824	39,5848	Старая Калитва	впускное	1	XII–XIV вв.	Ефимов К.Ю.	1991	Ефимов, 1999. С. 230–234.
Республика Калмыкия										
<i>Ики-Бурульский район</i>										
ВМ1-20-1	Восточный Манч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	основное	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 60, 61. Рис. 106–108.
ВМ1-21-1	Восточный Манч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI–XII вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 61, 62. Рис. 110.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
BM1-40-1	Восточный Маньч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 95, 96. Рис. 128.
BM1-43-3	Восточный Маньч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 102, 103. Рис. 137.
BM1-46-1	Восточный Маньч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	основное	1		Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 113, 114. Рис. 157.
BM1-60-1	Восточный Маньч 1	45,2824	44,3900	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 154. Рис. 328.
BM2-1-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 161. Рис. 342.
BM2-14-2	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 139, 140.
BM2-18-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 203, 204. Рис. 433.
BM2-33-2	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 236. Рис. 497, 500.
BM2-37-2	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 254, 255. Рис. 545, 546.
BM2-38-2	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	2	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 258-260. Рис. 552-555.
BM2-44-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	основное	1		Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. ???
BM2-6-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 172. Рис. 364, 365.
BM2-68-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 206-208. Рис. 332-334.
BM2-79-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 223.
BM2-80-1	Восточный Маньч 2	45,2824	44,2712	Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 224.
BM3-10-1	Восточный Маньч 3	45,2824		Чотрайское водохранилище	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 284, 285. Рис. 477-479.
BM3-13-3	Восточный Маньч 3			Чотрайское водохранилище	впускное	1		Синицын И.В.	1966	Синицын, 1966*. С. 302. Рис. 513, 514.
BMПГ-19-1	Маньч, правобережная группа	45,2448	44,3936	Чотрайское водохранилище	основное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 332-334. Рис. 684-686.
BMПГ-22-1	Восточный Маньч, правобережная группа	45,2448	44,3936	Чотрайское водохранилище	впускное	2	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1965	Синицын, 1965*. С. 340, 341. Рис. 702-704.
ЗУНТ2-1-3	Зунда-Толга 2	45,3336	44,1612	Зунда-Толга	впускное	1		Шишлина Н.И.	2001	Шишлина, 2001*. С. 57, 58. Рис. 223-228.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
МАНДІ-14-11	Манджикины	45,4135	44,4220	Манджикины	впускное	1	XIV в.	Шишина Н.И.	2001	Шишина, 2001*. С. 28–30. Рис. 115–126.
МАНДІ-14-3	Манджикины	45,4135	44,4240	Манджикины	впускное	1	XIII–XIV вв.	Шишина Н.И.	2001	Шишина, 2001*. С. 16–22. Рис. 59–75.
ЧОГ5-10-2	Чограйский 5	45,3312	44,2024	Приманчский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986*. С. 77, 78. Рис. 208–210.
ЧОГ5-2-1	Чограйский 5	45,3312	44,2024	Приманчский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986*. С. 97, 98. Рис. 264–266.
ЧОГ6-1-3	Чограйский 6	45,3312	44,2024	Приманчский	впускное	1	IX–X вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986*. С. 39, 40. Рис. 60–62.
ЧОГ7-1-1	Чограйский 7	45,3312	44,2024	Приманчский	впускное	1	XI–XII вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986*. С. 80. Рис. 138, 139.
ШАР-1-2	Шарел	45,3400	44,5212	Хомутников	впускное	1		Кольцов П.М.	1989	Кольцов, 1989*. С. 8–11. Рис. 8–17.
<i>Малодербетовский район</i>										
БЦ-1-1	Большой Царын	47,4648	45,1730	Большой Царын	основное	1		Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 4–7. Рис. 3.
БЦ-1-1	Большой Царын 1	47,4648	45,1730	Большой Царын	основное	1		Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 34–38. Рис. 31–33.
БЦ-2-1	Большой Царын 1	47,4648	45,1730	Большой Царын	основное	1	XIII–XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 38–42. Рис. 34, 35.
БЦ-3-1	Большой Царын 2	47,4648	45,1730	Большой Царын	основное	1	XIII–XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 55–57. Рис. 54, 55.
БЦ-3-5	Большой Царын	47,4648	45,1730	Большой Царын	впускное	1		Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 19. Рис. 12.
БЦ-4-1	Большой Царын	47,4648	45,1730	Большой Царын	основное	2		Цуцкин Е.В.	1977	Цуцкин, 1977*. С. 21–24. Рис. 14–17.
ГУВА1-2-1	Гува 1	47,5200	45,3206	Джангар	основное	1	XIII–XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1975	Шнайдштейн, 1979. С. 56–58. Рис. 1, 2.
ГУВА1-3-1	Гува 1	47,5200	45,3206	Большой Царын	основное	1	XIII–XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1975	Шнайдштейн, 1975*. С. 6–10. Рис. 10–15.
ГУВА3-1-1	Гува 3	47,5200	45,3206	Большой Царын	основное	1	XIII–XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1975	Шнайдштейн, 1975*. С. 28–30. Рис. 78–81.
ГУВА3-1-1	Гува 3	47,5200	45,3206	Джангар	основное	1	XIII–XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1975	Шнайдштейн, 1979. С. 66–68. Рис. 3, 4.
КУТ-12-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	основное	1	XIII–XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 13. Рис. 27, 28.
КУТ-16-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 16, 17. Рис. 35, 36.
КУТ-36-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 35, 36. Рис. 75, 76.
КУТ-39-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 37. Рис. 81, 82.
КУТ-46-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	впускное	1	конец XII — нач. XIII в.	Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 50. Рис. 108.
КУТ-46-2	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	впускное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 50–53. Рис. 109, 110.
КУТ-46-5	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	впускное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 53–55. Рис. 114.
КУТ-51-1	Кулцын Толга	47,4400	45,4912	Большой Царын	основное	1		Шнайдштейн Е.В.	1974	Шнайдштейн, 1974*. С. 68, 69. Рис. 148.
<i>Октябрьский район</i>										
АДР-10-1	Адрын			Джангар	основное	1	XIII–XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 79–83. Рис. 29–31.
АДР-1-1	Адрын			Джангар	основное	1	XIII–XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 9–12. Рис. 3, 4.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
АДР-11-1	Адрин			Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 84-88. Рис. 32, 33.
АДР-3-1	Адрин			Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 30, 31. Рис. 11-13.
АДР-4-1	Адрин			Джангар	основнос	1		Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 33-35. Рис. 14, 15.
АДР-8-1	Адрин			Джангар	основнос	1		Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 58-64. Рис. 23, 24.
АДР-9-1	Адрин			Джангар	впускное	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 66-71. Рис. 27, 28.
ГУВА2-4-1	Гува 2	47,5200	45,3206	Джангар	впускное	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 66-71. Рис. 27, 28.
ГУВА2-4-2	Гува 2	47,5200	45,3206	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 168-171. Рис. 67.
ГУВА2-5-1	Гува 2	47,5200	45,3206	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 171-181.
ГУВА2-7-1	Гува 2	47,5200	45,3206	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 182-191. Рис. 70-72.
ГУВА2-8-1	Гува 2	47,5200	45,3206	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 199-205. Рис. 75-77.
ДЖ-1-1	Джангар	47,3800	45,4712	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1978	Цуцкин, 1978*. С. 206-210. Рис. 78, 79.
ДЖ1-27-1	Джангар 1	47,3848	45,5024	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1980	Цуцкин, 1980*. С. 96-100. Рис. 271-302.
ДЖ1-29-1	Джангар 1	47,3848	45,5024	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1981	Васюткин, 1981*. С. 1-3. Рис. 1-4.
ДЖ1-33-1	Джангар 1	47,3848	45,5024	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1981	Васюткин, 1981*. С. 4, 5. Рис. 5, 6.
ДЖ-20-4	Джангар	47,3736	45,4600	Джангар	основнос	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1981	Васюткин, 1981*. С. 8-10. Рис. 13-16.
ДЖ2-3-1	Джангар 2	47,3848	45,5024	Джангар	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1981	Шилов, 1981*. С. 8, 9. Рис. 17-19.
ДЖ2-7-1	Джангар 2	47,3848	45,5024	Джангар	основнос	1		Кольцов П.М.	1988	Кольцов, 1988*. С. 12-14. Рис. 27-30.
ДЖ-7-1	Джангар	47,3800	45,4712	Джангар	основнос	1		Васюткин С.М.	1989	Васюткин, 1989*. С. 6-8. Рис. 19-27.
ДЮК-29-1	Дюкер			Барун	основнос	1	XIII-XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1980	Цуцкин, 1980*. С. 123, 124. Рис. 355-362.
ДЮК-32-1	Дюкер			Барун	основнос	1		Васюткин С.М.	1982	Васюткин, 1982*. С. 5-7. Рис. 13-15.
ЗЕР1-3-2	Зергента 1	47,3848	45,1048	Зергента	основнос	1		Васюткин С.М.	1982	Васюткин, 1982*. С. 8, 9. Рис. 19-22.
ЗЕР1-5-1	Зергента 1	47,3848	45,1048	Зергента	впускное	1		Савицкий М.Г.	1978	Савицкий, 1978*. С. 7-11. Рис. 5, 9-13.
ЗЕР2-1-1	Зергента 2	47,3848	45,1048	Зергента	основнос	1	XIII-XIV вв.	Савицкий М.Г.	1978	Савицкий, 1978*. С. 12-14. Рис. 11-13.
ЗЕР2-2-1	Зергента 2	47,3848	45,1048	Зергента	основнос	1		Савицкий М.Г.	1978	Савицкий, 1978*. С. 17-19. Рис. 17, 18.
ЗЕР2-3-1	Зергента 2	47,3848	45,1048	Зергента	основнос	1	XIII-XIV вв.	Савицкий М.Г.	1978	Савицкий, 1978*. С. 19-21. Рис. 19, 20.
ИДЖ1-1-1	Иджил 1	47,2224	45,3418	Иджил	основнос	1	XIII-XIV вв.	Савицкий М.Г.	1978	Савицкий, 1978*. С. 21-23. Рис. 21, 22.
ИДЖ1-1-2	Иджил 1	47,2224	45,3418	Иджил	основнос	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1984	Васюткин, 1984*. С. 7-11. Рис. 14-24.
ИДЖ1-2-1	Иджил 1	47,2224	45,3418	Иджил	впускное	1		Васюткин С.М.	1984	Васюткин, 1984*. С. 11, 12. Рис. 25-28.
ИДЖ1-3-1	Иджил 1	47,2224	45,3418	Иджил	основнос	1		Васюткин С.М.	1984	Васюткин, 1984*. С. 12, 13. Рис. 29-34.
ИДЖ2-2-3	Иджил 2	47,2224	45,3418	Иджил	основнос	1		Васюткин С.М.	1984	Васюткин, 1984*. С. 13, 14. Рис. 35-39.
				Иджил	впускное	1		Васюткин С.М.	1984	Васюткин, 1984*. С. 4, 5. Рис. 9, 10.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ИК-ЗЕГ-2-1	Ики-Зегиста			Барун	впускное	1	XIV в.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986а*. С. 27–31. Рис. 65–78.
ИК-ЗЕГ-3-1	Ики-Зегиста			Барун	основное	1	XIII–XIV вв.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986а*. С. 33–38. Рис. 82–93.
ИК-ЗЕГ-7-1	Ики-Зегиста			Барун	основное	1	XIII–XIV вв.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986а*. С. 57–60. Рис. 159–167.
КТ-14-1	Кермен-Толга	47,3800	45,5412	Джангар	основное	1	XIII–XIV вв.	Цуцкин Е.В.	1979	Цуцкин, 1979*. С. 56–61. Рис. 25–27.
КТ2-2-1	Кермен-Толга 2	47,3800	45,5412	Кермен-Толга	основное	1	XIII–XIV вв.	Гаврилина Л.М.	1986	Гаврилина, 1986а*. С. 20–23. Рис. 46–52.
КТ-26-1	Кермен-Толга	47,3800	45,5412	Джангар	впускное	1		Цуцкин Е.В.	1979	Цуцкин, 1979*. С. 103–107. Рис. 50–53.
КТ-28-1	Кермен-Толга	47,3800	45,5412	Джангар	основное	1		Цуцкин Е.В.	1979	Цуцкин, 1979*. С. 117–119. Рис. 59, 60.
КЮ-3-1	Кьюин-Толга			Джангар	основное	1		Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 94–96. Рис. 187–191.
КЮ-6-2	Кьюин-Толга			Джангар	впускное	1	IX–X вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 106, 107. Рис. 210–213.
КЮ-7-1	Кьюин-Толга			Джангар	основное	1	XIV в.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 109, 110. Рис. 217–221.
ХНТ-19-1	Хар Нуурин Толга			Джангар	основное	1	XV в.	Цуцкин Е.В.	1980	Цуцкин, 1980*. С. 43–47. Рис. 105–132.
ХНТ-21-2	Хар Нуурин Толга			Джангар	впускное	1		Цуцкин Е.В.	1980	Цуцкин, 1980*. С. 52–55. Рис. 141–157.
ХНТ-9-1	Хар Нуурин Толга			Джангар	основное	0		Цуцкин Е.В.	1980	Цуцкин, 1980*. С. 24–28. Рис. 62–71.
ХТ-10-1	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	основное	1	XIII–XIV вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 56, 57. Рис. 122–124.
ХТ-14-1	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	основное	1	XIII–XIV вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 79, 80. Рис. 153–156.
ХТ-1-5	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	впускное	1	XIII–XIV вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 19. Рис. 22, 23.
ХТ-2-1	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	основное	1	XIII–XIV вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 27–29. Рис. 36–43.
ХТ-3-4	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	впускное	1	IX–X вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 35, 36. Рис. 51–53.
ХТ-4-2	Хойр-Толга	47,3312	45,4800	Барун	впускное	1	IX–X вв.	Николаева Н.А.	1985	Николаева, 1985*. С. 43–45. Рис. 70–75.
ЭВД-4-нах 8	Эвдык	47,1836	45,1124	озеро Цаган-Нур	кенотаф	0		Цуцкин Е.В.	1982	Цуцкин, 1982*. С. 17. Рис. 34–40.
<i>Приютненский район</i>										
ТБ1-11-6	Три брата 1	44,1448	44,0548	Элиста	впускное	1	XIII–XIV вв.	Рыков П.С.	1934	Рыков, 1934*. С. 15.
<i>Сарпинский район</i>										
БАЛ2-1-1	Балкин 2			Балкин	основное	1	XIV в.	Шилов В.П.	1962	Шилов, 1962*. С. 65–67. Рис. 16.
БАЛ2-2-1	Балкин 2			Балкин	основное	1		Шилов В.П.	1962	Шилов, 1962*. С. 67. Рис. 17.
ЗАХАН-5-18	Заханага	47,3536	44,5130	Ханата	впускное	1		Шнайдштейн Е.В.	1976	Шнайдштейн, 1976*. С. 18, 19. Рис. 90.
<i>Элистинский район</i>										
АРХ-14-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1962	Синицын, 1962–1963*. С. 63–65. Рис. 131–135.
АРХ-15-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII–XIV вв.	Синицын И.В.	1962	Синицын, 1962–1963*. С. 65, 66. Рис. 136.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
АРХ-16-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1962	Синицын, 1962-1963*. С. 66. Рис. 137.
АРХ-21-2	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 80, 81. Рис. 172.
АРХ-23-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 85. Рис. 185.
АРХ-24-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 86. Рис. 186, 187.
АРХ-25-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 86, 87. Рис. 188.
АРХ-34-1	Архаринка	46,0736	44,1724	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 104, 105. Рис. 230.
ГАШ-2-1	Гашун	46,1648	44,2512	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Эрднеев У.Э.	1971	Эрднеев, 1971*. С. 2, 3. Рис. 1-5.
ГАШ-7-1	Гашун	46,1648	44,2512	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Эрднеев У.Э.	1971	Эрднеев, 1971*. С. 5. Рис. 11, 12.
ЛОЛ-13-3	Лола	46,0600	44,1500	Лола	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1961	Синицын, 1961*. С. 34, 35. Рис. 74, 77, 78.
ЛОЛ2-10-1	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 122. Рис. 264, 265.
ЛОЛ2-11-1	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 122, 123. Рис. 267-270.
ЛОЛ2-17-1	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 137. Рис. 306.
ЛОЛ2-2-1	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 111. Рис. 243, 244.
ЛОЛ2-3-1	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 111, 112. Рис. 245.
ЛОЛ2-8-3	Лола 2	46,0600	44,1500	Лола	впускное	1	XI-XII вв.	Синицын И.В.	1963	Синицын, 1962-1963*. С. 116-118. Рис. 253-259.
ЭЛ-16-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 65, 66. Рис. 1.
ЭЛ-17-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 66. Рис. 1.
ЭЛ-18-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 66, 67. Рис. 1.
ЭЛ-19-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 67, 68. Рис. 151.
ЭЛ-20-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 68. Рис. 1.
ЭЛ-22-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 70. Рис. 158.
ЭЛ-24-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 73, 74. Рис. 167.
ЭЛ-26-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 77. Рис. 1.
ЭЛ-28-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 79, 80. Рис. 1.
ЭЛ-29-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	впускное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 80. Рис. 186.
ЭЛ-35-5	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	впускное	1	XII — нач. XIII в.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 93. Рис. 222.
ЭЛ-36-1	Элиста	46,1248	44,1348	Элиста	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1964	Синицын, 1964*. С. 95. Рис. 1.

Яшкульский район

КВЧ27-2-1	Волга-Чограй 27	46,2024	45,1124	Яшкуль	основное	1		Васюткин С.М.	1985	Васюткин и др., 1992. С. 109-111. Рис. 2, 1.
КВЧ27-7-1	Волга-Чограй 27	46,2024	45,1124	Яшкуль	основное	1		Васюткин С.М.	1985	Васюткин и др., 1992. С. 111. Рис. 2, 2.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КВ437-12-1	Волга-Чограй 37			Олинг	основное	1	XIII-XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1988	Шнайдштейн, 1988*. С. 24, 25. Рис. 193-198.
КВ437-2-1	Волга-Чограй 37			Олинг	основное	1	XIII-XIV вв.	Шнайдштейн Е.В.	1988	Шнайдштейн, 1988*. С. 2-4. Рис. 12-30.
КВ442-1-1	Волга-Чограй 42	45,5500		Яшкуль	впускное	1	XII-XIII вв.	Васюткин С.М.	1988	Васюткин, 1988*. С. 24-28. Рис. 50-55.
КВ442-3-1	Волга-Чограй 42	46,0924	45,5500	Яшкуль	основное	1		Васюткин С.М.	1988	Васюткин и др., 1992. С. 119. Рис. 2, 4; 2, 7, 16.
КВ442-4-1	Волга-Чограй 42	46,0924	45,5500	Яшкуль	основное	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1988	Васюткин, 1988*. С. 40-43. Рис. 93-95.
КВ442А-2-2	Волга-Чограй 42А	46,0624	45,1624	Яшкуль	впускное	1		Васюткин С.М.	1985	Васюткин, 1985*. С. 23, 24. Рис. 30, 31.
КВ443-2-2	Волга-Чограй 43	46,0624	45,1536	Яшкуль	впускное	1		Васюткин С.М.	1985	Васюткин, 1985*. С. 26. Рис. 39, 40.
КВ443-3-2	Волга-Чограй 43	46,0524	45,1536	Яшкуль	впускное	1	XIII-XIV вв.	Васюткин С.М.	1985	Васюткин, 1985*. С. 27, 28. Рис. 45-52.
КВ448-2-1	Волга-Чограй 48	46,0248	45,1912	Яшкуль	основное	1	XIII-XIV вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986а*. С. 16, 17. Рис. 39-42.
КВ448-4-1	Волга-Чограй 48	46,0248	45,1912	Цаган Усн	впускное	1	XIII-XIV вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986а*. С. 22, 23. Рис. 57-59.
КВ448-9-1	Волга-Чограй 48	46,0248	45,1912	Яшкуль	основное	1	XIII-XIV вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986а*. С. 30, 31. Рис. 86-93.
КВ452-1-2	Волга-Чограй 52	46,0000	45,1624	Цаган Усн	впускное	1	XIV в.	Николаева Н.А.	1987	Николаева, 1987а*. С. 44, 45. Рис. 92-95.
КВ453-2-1	Волга-Чограй 53	46,2736	45,0300	Чилгир	впускное	1		Шишлина Н.И.	1988	Шишлина, 1988*. С. 8-10. Рис. 24, 25.
КВ453-2-2,7	Волга-Чограй 53	46,2736	45,0300	Чилгир	впускное	1		Шишлина Н.И.	1988	Шишлина, 1988*. С. 10, 11. Рис. 26, 27, 35, 36.
КВ455-1-5	Волга-Чограй 55	45,5336	45,1312	Цаган Усн	основное	1	IX-X вв.	Николаева Н.А.	1987	Николаева, 1987а*. С. 38. Рис. 71-75.
КВ455-2-3	Волга-Чограй 55	45,5336	45,1312	Цаган Усн	впускное	1		Васюткин С.М.	1987	Васюткин и др., 1992. С. 131, 132. Рис. 12, 8.
КВ456-2-5	Волга-Чограй 56			Яшкуль	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шишлина Н.И.	1988	Шишлина, 1988*. С. 28-30. Рис. 69-76.
КВ456-3-1	Волга-Чограй 56			Яшкуль	основное	1		Шишлина Н.И.	1988	Шишлина, 1988*. С. 40, 41. Рис. 106-112.
КВ456-7-1	Волга-Чограй 56			Яшкуль	основное	1	XIII-XIV вв.	Шишлина Н.И.	1988	Шишлина, 1988*. С. 79-82. Рис. 221-235.
КВ457-2-2	Волга-Чограй 57	45,4912	45,1354	Цаган Усн	впускное	1	XII в.	Васюткин С.М.	1987	Васюткин, Кольцов, 1987*. С. 38, 39. Рис. 74-77.
КВ458-2-2	Волга-Чограй 58	45,4912	45,1350	Цаган Усн	впускное	1		Николаева Н.А.	1987	Николаева, 1987а*. С. 19, 20. Рис. 22, 26, 28.
КВ458-7-1	Волга-Чограй 58	45,4912	45,1350	Цаган Усн	основное	1		Николаева Н.А.	1987	Николаева, 1987а*. С. 33, 34. Рис. 59, 60.
КВ40Л-14-3	Волга-Чограй	46,1336	45,1348	Олинг	впускное	1	XIII-XIV вв.	Романов Ю.Г.	1988	Романов, 1988*. С. 59-61. Рис. 230-236.
ЦУ3-1-5	Цаган Усн 3	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1	XIII-XIV вв.	Арапов С.В.	1987	Арапов, 1987*. С. 13-19. Рис. 21-31.
ЦУ5-1-3	Цаган Усн 5	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1		Лапа Л.Н.	1987	Лапа, 1987*. С. 4, 5. Рис. 9-45.
ЦУ7-1-2	Цаган Усн 7	46,0136	45,1836	Цаган Усн	основное	1	XIII-XIV вв.	Арапов С.В.	1987	Арапов, 1987*. С. 84-86. Рис. 186-189.
ЦУ7-2-6	Цаган Усн 7	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1		Шилов В.П.	1987	Шилов, 1987*. С. 13-16. Рис. 25.
ЦУ7-3-1	Цаган Усн 7	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1987	Шилов, 1987*. С. 24-28. Рис. 28, 29.
ЦУ7-4-19	Цаган Усн 7	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1	XIII-XIV вв.	Шилов В.П.	1987	Шилов, 1987*. С. 50-52. Рис. 37, 61.
ЦУ7-4-9	Цаган Усн 7	46,0136	45,1836	Цаган Усн	впускное	1		Шилов В.П.	1987	Шилов, 1987*. С. 38-40. Рис. 36, 61, 65.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЯШ-(2)-1	Яшкуль	46,0648	45,1048	Яшкуль	впускное	1	XIV в.	Николаева Н.А.	1987	Николаева, 1987*. С. 29, 30. Рис. 25–27.
ЯШ-1-1,8	Яшкуль	46,0648	45,1048	Яшкуль	впускное	1	IX–XI вв.	Николаева Н.А.	1986	Николаева, 1986а*. С. 9–11, 15–22. Рис. 8–10, 12–14.
Республика Карачаево-Черкесия										
<i>Усть-Джегутинский район</i>										
КУБ-1-1	Кубины			Кубина	основное	1	XI–XII вв.	Минаева Т.М.	1964	Минаева, 1964. С. 168, 169. Рис. 1.
КУБ-2-1	Кубины			Кубина	основное	1	XI–XII вв.	Минаева Т.М.	1964	Минаева, 1964. С. 169. Рис. 2.
КУБ-3-1	Кубины			Кубина	основное	1	XI–XII вв.	Минаева Т.М.	1964	Минаева, 1964. С. 169.
Краснодарский край										
<i>Абинский район</i>										
БУТ6-5-1	Бугундырь 6	44,5630	38,1518	Коробкин	впускное	1		Бестужев Г.Н.	1988	Бестужев, 1988*. С. 30. Рис. 91–94.
<i>Брюховецкий район</i>										
БАТ1-7-1	Батурина 1			Батурина 1	основное	1		Бочкарев В.С.	1979	Бочкарев, 1979*. С. 56–59. Рис. 151–156.
<i>Динской район</i>										
НТИТ-1-4	Новотитаровская			Новотитаровская	впускное	1		Бочкарев В.С.	1986	Бочкарев, 1986*. С. 43–45. Рис. 117–123.
НТИТ-6-3	Новотитаровская			Новотитаровская	впускное	1	XII — ср. XIII в.	Хачатурова Е.А.	1973	Пьянков, Хачатурова, 1995. С. 154–156.
<i>Кавказский район</i>										
ДМИТ1-1-2	Дмитриевская 1			Дмитриевская	впускное	1	XII–XIII вв.	Скрипкин А.С.	1982	Скрипкин, 1982*. С. 5–11. Рис. 11–61.
ДМИТ1-4-1	Дмитриевская 1			Дмитриевская	впускное	1	XII–XIII вв.	Скрипкин А.С.	1982	Скрипкин, 1982*. С. 19–22. Рис. 102–111.
ДМИТ1-4-2	Дмитриевская 1			Дмитриевская	впускное	1	XII–XIII вв.	Скрипкин А.С.	1982	Скрипкин, 1982*. С. 22–24. Рис. 112–117.
КАВК2-10-1	Кавказский 2			Тсмижбская	впускное	1		Беспалый Г.Е., 2000*. С. 36, 37. Рис. 242–254. Козюменко и др., 2001. С. 194. Табл. 45, 46.	2000	Беспалый Г.Е., 2000*. С. 36, 37. Рис. 242–254. Козюменко и др., 2001. С. 194. Табл. 45, 46.
КАВК2-12-3	Кавказский 2			Тсмижбская	впускное	1		Беспалый Г.Е.	2000	Беспалый Г.Е., 2000*. С. 44. Рис. 309–311. Козюменко и др., 2001. С. 201, 202. Табл. 54.
ЛОС-2-1	229 га			Лоссо	впускное	1	XII–XIII вв.	Семёнов А.И.	1979	Семёнов, 1979*. С. 28–33. Рис. 117–125.
ТЕМ-2-2	Тсмижбская			Тсмижбская	впускное	1		Семёнов А.И.	1979	Семёнов, 1979*. С. 11. Рис. 42–45.
ТЕМ616-4-6	Тсмижбская 616			Тсмижбская	впускное	1	XII–XIII вв.	Семёнов А.И.	1979	Семёнов, 1979*. С. 71–74. Рис. 310–328.
ТЕМ616-6-4	Тсмижбская 616			Тсмижбская	впускное	1	XII–XIII вв.	Семёнов А.И.	1979	Семёнов, 1979*. С. 82–84. Рис. 363–375.
ТЕМ616-6-5	Тсмижбская 616			Тсмижбская	впускное	1		Семёнов А.И.	1979	Семёнов, 1979*. С. 84, 85. Рис. 376–379.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Калининский район</i>										
ВМАЛ2-2-3	Верхние Малаи 2 (?)	45,3718	38,3000	Малаи	впускное	1		Лимберис Н.Ю.	1986	Лимберис, 1986* С. 40. Рис. 65.
ГР3-1-6	Греки 3	45,4000	38,3109	Греки	впускное	1	XIII-XIV вв.	Гей А.Н.	1981	Гей и др., 1981* С. 111-115. Рис. 570-614.
ГР-45-8	Греки	45,4000	38,3109	Греки	впускное	1		Сафронов В.А.	1980	Сафронов, 1980* С. 159. Рис. 210.
ЗАБ-2-5	Забывтый				впускное	1		Лимберис Н.Ю.	1985	Лимберис, 1985* С. 26, 27. Рис. 43-44.
КАЛ-12-3	Калининская	45,3154	38,3524	Калининская	основное	1		Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979* С. 39, 40. Рис. 24.
КАЛ1-2-3	Калининская 1	45,3154	38,3524	Калининская	впускное	1	XIII-XIV вв.	Савченко Е.И.	1983	Мельник, Савченко, 1983* С. 73-75. Рис. 304-320.
КАЛ-2-4	Калининская	45,3154	38,3524	Калининская	впускное	1	XIII-XIV вв.	Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979* С. 33, 34. Рис. 14, 16.
КАЛ-2-7	Калининская	45,3154	38,3524	Калининская	впускное	1	XII-XIII вв.	Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979* С. 36-39. Рис. 18-21.
КАЛ-29-1	Калининская	45,3154	38,3524	Калининская	основное	1		Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979* С. 146-148. Рис. 88, 89.
КАЛ-65-1	Калининская	45,3154	38,3524	Калининская	впускное	1		Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979* С. 258-260. Рис. 131, 132.
КЛТР-10-IV	Коллекторский			Лебеди	кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 67, 68. Рис. 467-473.
КЛТР-1-1	Коллекторский			Лебеди	основное	1	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 11-13. Рис. 26-101.
КЛТР-1-V	Коллекторский			Лебеди	кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 10. Рис. 13-23.
КЛТР-1-VI	Коллекторский			Лебеди	кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 56, 57. Рис. 405-413.
КЛТР-2-14	Коллекторский			Лебеди	основное	1	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 18, 26-28. Рис. 127-149, 199-247.
КЛТР-2-X	Коллекторский			Лебеди	впускное, кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 17. Рис. 119-122.
КЛТР-2-XV, XVI	Коллекторский			Лебеди	впускное, кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 19. Рис. 150-162.
КЛТР-4-1	Коллекторский			Лебеди	основное	1	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 51, 52. Рис. 375-385.
КЛТР-7-VIII	Коллекторский			Лебеди	кенотаф	0	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 57, 58. Рис. 417-423.
КЛТР-8-1	Коллекторский			Лебеди	основное	1	1-я пол. XII в.	Гей А.Н.	1983	Гей, Орловская, 1983* С. 62, 63. Рис. 441-444.
ЛЕБ1-3-6	Лебеди 1	45,4000	38,1848	Лебеди	впускное	1	XIII-XIV вв.	Гей А.Н.	1979	Гей, 1979* С. 153-155. Рис. 364-377.
МАЛ1-13-2	Малаи 1	45,3718	38,3000	Малаи	впускное	1		Ульянова О.А.	1982	Сорокина, Ульянова, 1982* С. 41, 42. Рис. 330-340.
МАЛ1-5-1	Малаи 1	45,3718	38,3000	Малаи	впускное	1		Ульянова О.А.	1982	Сорокина, Ульянова, 1982* С. 3. Рис. 131-145.
МАЛ-3-1	Малаи	45,3718	38,3000	Малаи	основное	1	XIII-XIV вв.	Анфимов И.Н.	1988	Анфимов И.Н., 1988* С. 29-38. Рис. 131-200.
МАЛ-5-2	Малаи	45,3718	38,3000	Малаи	впускное	1	XII-XIII вв.	Анфимов И.Н.	1988	Анфимов И.Н., 1988* С. 52-54. Рис. 273-290.
МАЛ-7-3	Малаи	45,3718	38,3000	Малаи	впускное	1	XIII-XIV вв.	Анфимов И.Н.	1988	Анфимов И.Н., 1988* С. 72-74. Рис. 385-389.
НН2-2-1	Новониколаевская 2			Новониколаевская	основное	1	X-XII вв.	Гей А.Н.	1979	Гей, 1979* С. 140-152. Рис. 212-237а.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
НН2-2-2	Новониколаевская 2			Новониколаевская	впускное	1	X-XII вв.	Гей А.Н.	1979	Гей, 1979а*. С. 152-154. Рис. 238-242.
НН-48-1	Новониколаевская	45,3512	38,2354	Новониколаевская	основное	1		Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979*. С. 33, 34. Рис. 26.
НН-55-1	Новониколаевская	45,3512	38,2354	Новониколаевская	впускное	1		Гиджраты Н.И.	1980	Гиджраты, 1980*. С. 51-54. Рис. 158-165.
НН-56-1	Новониколаевская			Новониколаевская	впускное	1		Гиджраты Н.И.	1980	Гиджраты, 1980*. С. 61. Рис. 174-181.
НН-61-3	Новониколаевская	45,3512	38,2354	Новониколаевская	впускное	1		Марченко И.И.	1979	Марченко и др., 1979*. С. 89. Рис. 85, 86.
ОВАЛ-13	Овальный			Калининская	впускное	1		Лимберис Н.Ю.	1986	Лимберис, 1986*. С. 75-77. Рис. 119-125.
ОВАЛ-22	Овальный			Калининская	впускное	1		Лимберис Н.Ю.	1986	Лимберис, 1986*. С. 84, 85. Рис. 136-140.
ОСТ-2-8	Останний			Малаи	впускное	1	XIV-XV вв.	Ульянова О.А.	1985	Ульянова и др., 1985*. С. 214, 215. Рис. 663-670.
ПИЛ-1-2	Пилипенковская 1			Лебеди	впускное	1		Мельник В.И.	1984	Мельник, 1984*. С. 5-7. Рис. 25-50.
ППВ1-1-5	Поповичевский 1			Калининская	впускное	1		Мельник В.И.	1983	Мельник, Савченко, 1983*. С. 8-10. Рис. 66-81.
ППВ2-1-1	Поповичевский 2			Калининская	впускное	1	X в.	Савченко Е.И.	1983	Мельник, Савченко, 1983*. С. 21, 22. Рис. 134-136.
СЕВ-1-1	Северный			Северный	впускное	1	XII-XIII вв.	Скрипкин А.С.	1981	Скрипкин, 1981*. С. 3-5. Рис. 5-17.
<i>Короновский район</i>										
АНАП1-11-1	Анапская 1	45,4624	39,2851	Анапская	основное	1		Бочкарев В.С.	1982	Бочкарев, 1982*. С. 93, 94. Рис. 317, 318.
БУР-3-1	Бураковская			Бураковский	впускное	1	XII в.	Тарабанов В.А.	1983	Тарабанов, 1983*. С. 19, 20. Ч. 27. Табл. 13.
ВЕРХ-14-5	Верхний			Верхний	впускное	1	XIII в.	Нсхаев А.А.	1978	Нсхаев, 1978*. С. 66, 67. Рис. 158, 248-250.
НВБ-?-?	Новоберезанский			Новоберезанский	впускное	1	втор. чств. XIII в.	Каминская И.В.	1972	<i>Источник не установлен</i>
ПРОЛЕТ-1-6	Пролетарский			Пролетарский	впускное	1		Шевченко Н.Ф.	1984	Шевченко, 1984*. С. 11, 12. Рис. 22-26.
ПРОЛЕТ-3-2	Пролетарский			Пролетарский	впускное	1		Шевченко Н.Ф.	1984	Шевченко, 1984*. С. 28, 29. Рис. 100-104.
ПРОЛЕТ-4-4	Пролетарский			Пролетарский	впускное	1		Шевченко Н.Ф.	1986	Шевченко, 1986*. С. 43, 44. Рис. 193-202.
ПРОЛЕТ-4-6	Пролетарский			Пролетарский	впускное	1		Шевченко Н.Ф.	1984	Шевченко, 1984*. С. 38, 39. Рис. 161-170.
ПРОЛЕТ-8-8	Пролетарский			Пролетарский	впускное	1	XIII в.	Шевченко Н.Ф.	1986	Шевченко, 1986*. С. 102, 103. Рис. 490-514.
РАЗД-9-3	Раздольная			Раздольная	впускное	1		Нсхаев А.А.	1979	Нсхаев, 1979*. С. 4, 5. Рис. 8, 9.
<i>Красноармейский район</i>										
КРУП-14-1	Крупской	45,2522	38,1442	Крупской	основное	1	IX-XI вв.	Марченко И.И.	1978	Марченко, 1978*. С. 124-126. Рис. 101.
КРУП-18-2	Крупской	45,2522	38,1442	Крупской	впускное	1		Марченко И.И.	1978	Марченко, 1978*. С. 139-141. Рис. 110, 1, 2.
КРУП-8-2	Крупской	45,2522	38,1442	Крупской	впускное	1		Марченко И.И.	1978	Марченко, 1978*. С. 89. Рис. 74, 2.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
СТ1-3-2	Старонижестб- ливская 1	45,2730	38,3109	Старонижестб- ливская	впускное	1		Паромов Я.М.	1988	Паромов, 1988*. С. 49, 50. Рис. 86, 87.
СТ1-4-3	Старонижестб- ливская 1	45,2730	38,3109	Старонижестб- ливская	впускное	1		Паромов Я.М.	1988	Паромов, 1988*. С. 66–68. Рис. 115–123.
<i>Новокубанский район</i>										
НОВОКУБ- 1-5	Новокубанская			Новокубанская	впускное	1		Шевченко Н.Ф.	1985	Шевченко, 1985*. С. 10, 11. Рис. 32–43.
<i>Новопокровский район</i>										
ЮЖН-2-1	Южный			Южный	впускное	1	ХII–ХIII вв.	Дьяченко А.Н.	1984	Дьяченко, 1984*. С. 9–13. Рис. 13–38.
ЮЖН-2-2	Южный			Южный	основное	1	ХII–ХIII вв.	Дьяченко А.Н.	1984	Дьяченко, 1984*. С. 13–15. Рис. 38–42.
<i>Новороссийский район</i>										
Р-1-2	Расвская			Расвская	впускное	1	ХIII — нач. ХIV вв.	Тарабанов В.А.	2000	Тарабанов, 2000*. С. 2, 3. Рис. 9–16.
Р-3-1	Расвская			Расвская	основное	1	ХIII — нач. ХIV вв.	Тарабанов В.А.	2000	Тарабанов, 2000*. С. 2, 3. Рис. 21–30.
<i>Темрюкский район</i>										
АРТ-14-3	Артющенко			Артющенко	впускное	1	Х–ХI вв.	Сокольский Н.И.	1968	Сокольский, 1968*. С. 47, 48. Рис. 84. Атавин, 2001. С. 162. Рис. 1, б.
КУР-1-1	Курчанская			Курчанская	впускное	1	ХII–ХIII вв.	Кондаков	1880	ОАК, 1880. С. 5, 6.
ПРА1- погребение	Призовский 1			Ильич	впускное	1	Х в.	Паромов Я.М.	1982	Атавин, 2001. С. 162, 163. Рис. 1, а; 2; 3.
СТАР2-1-1	Старотитаровс- кая 2			Старотитаровская	впускное	1		Богословский О.В.	1986	Богословский, 1986*. С. 24–26. Рис. 18.
СТАР2-1-4	Старотитаровс- кая 2			Старотитаровская	впускное	1		Богословский О.В.	1986	Богословский, 1986*. С. 30–32. Рис. 23.
СТАР2-1-5	Старотитаровс- кая 2			Старотитаровская	впускное	1		Богословский О.В.	1986	Богословский, 1986*. С. 32–34. Рис. 24; 26, 9.
СТАР2-1-7	Старотитаровс- кая 2			Старотитаровская	впускное	1		Богословский О.В.	1986	Богословский, 1986*. С. 35, 36. Рис. 25.
<i>Тимашевский район</i>										
НКОР-3-1	Новокорсунская			Новокорсунская	основное	1		Бочкарёв В.С.	1980	Бочкарёв, 1980*. С. 25–27. Рис. 62–75.
РОГ-19-6	Роговская			Роговская	впускное	1		Анфимов Н.В.	1970	Анфимов Н.В., 1970*. С. 17. Рис. 40.
<i>Тихорецкий район</i>										
КРИВ-1-1	Кривенький			Ерем-Борисов	впускное	1	ХII–ХIII вв.	Дьяченко А.Н.	1984	Дьяченко, 1984*. С. 20–22. Рис. 56–73.
ТЕР-1-2	Терновская			Терновская	впускное	1		Дьяченко А.Н.	1984	Дьяченко, 1984*. С. 29–31. Рис. 104–109.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Успенский район										
УСП-11-1	Успенское			Успенское	впускное	1		Каминский В.Н.	1986	Каминский, 1986* С. 119, 120. Рис. 353-360.
Ростовская область										
Азовский район										
АЗОВ1-6-1	Азов 1			Азов	основное	2	XI-XII вв.	Максименко В.Е.	1977	Максименко, 1977* С. 10-13. Рис. 13-16.
АЗОД-5-1	Аэродром			Азов	впускное	1		Белинский И.В.	1990	Белинский И.В., 1990* С. 16, 17. Рис. 57-60.
АЗОД-6-1	Аэродром			Азов	основное	1	конец XIII — нач. XIV в.	Белинский И.В.	1990	Белинский И.В., 1990* С. 26-28. Рис. 88-90.
БУБНОВ ЕРИК4-1	Бубнов Ерик 4			Дугино	впускное	1	XI в.	Ларенок П.А.	1985	Ларенок, 1985* С. 35, 36. Рис. 88-96.
БУБНОВ ЕРИК4-2	Бубнов Ерик 4			Дугино	впускное, кнотаф	0	IX-X вв.	Ларенок П.А.	1985	Ларенок, 1985* С. 37. Рис. 97-99.
БУБНОВ ЕРИК5-1	Бубнов Ерик 5			Рогожкино	впускное	1	XI-XIII вв.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986* С. 39-43. Рис. 108-125.
БУБНОВ ЕРИК5-2	Бубнов Ерик 5			Рогожкино	впускное	1	XI-XIII вв.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986* С. 43, 44. Рис. 109.
БУБНОВ ЕРИК5-3	Бубнов Ерик 5			Рогожкино	впускное	1	XI-XIII вв.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986* С. 44. Рис. 127-129.
БУШ-1-1	Бушуйка			Бушуйка	впускное	1	X-XI вв.	Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985* С. 56, 57. Рис. 136, 137.
БУШ-1-6	Бушуйка			Бушуйка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985* С. 59. Рис. 144.
ВЫС1-12-1	Высочино 1			Высочино	впускное	1		Головкова Н.Н.	1979	Головкова, 1979* С. 12-14. Рис. 27-32.
ВЫС1-18-3	Высочино 1	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Лукьяшко С.И.	1976	Лукьяшко, 1976* С. 28, 29. Рис. 108-117.
ВЫС1-19-1	Высочино 1	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Лукьяшко С.И.	1976	Лукьяшко, 1976* С. 30. Рис. 120.
ВЫС1-19-2	Высочино 1	47,0000	39,0400	Высочино	основное	0		Лукьяшко С.И.	1976	Лукьяшко, 1976* С. 30-32. Рис. 121-124.
ВЫС1-24-1	Высочино 1	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Головкова Н.Н.	1979	Головкова, 1979* С. 35-37. Рис. 82-87.
ВЫС2-11-1	Высочино 2	47,0000	39,0400	Высочино	основное	1		Лукьяшко С.И.	1978	Лукьяшко, 1978* С. 19-24. Рис. 75-98.
ВЫС2-13-1	Высочино 2	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Лукьяшко С.И.	1978	Лукьяшко, 1978* С. 29, 30. Рис. 113, 117.
ВЫС4-2-5	Высочино 4	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1	X-XII вв.	Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985* С. 100-102. Рис. 218-222а.
ВЫС4-4-4	Высочино 4	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985* С. 108-110. Рис. 227, 228, 231-234, 237.
ВЫС5-10-1	Высочино 5	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1	XII-XIII вв.	Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984* С. 115-121. Рис. 264-275.
ВЫС5-5-2	Высочино 5	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983* С. 148. Рис. 437.
ВЫС7-2-2	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1981	Беспалый Е.И., 1981* С. 6, 7. Рис. 18-23.
ВЫС7-22-1	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982* С. 76, 77. Рис. 223-227.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ВЫС7-26-1	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982*. С. 80, 81. Рис. 254.
ВЫС7-26-6	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982*. С. 84, 85. Рис. 264, 267.
ВЫС7-3-3	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	впускное	1		Беспалый Е.И.	1981	Беспалый Е.И., 1981*. С. 13, 14. Рис. 39, 44-46, 51-57.
ВЫС7-33-1	Высочино 7	47,0000	39,0400	Высочино	основное	1	XI-XIII вв.	Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 167, 168. Рис. 355-360.
ДУГ10-13	Дугино 10			Дугино	впускное	1		Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 65. Рис. 229.
ДУГ10-14	Дугино 10			Дугино	впускное	1		Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 65. Рис. 231-233.
ДУГ10-4	Дугино 10			Дугино	впускное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 60. Рис. 197.
ДУГ10-5	Дугино 10			Дугино	впускное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 61. Рис. 198.
ДУГ10-6	Дугино 10			Дугино	впускное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 61. Рис. 199, 200.
ДУГ10-8	Дугино 10			Дугино	впускное	1		Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 63. Рис. 209-211.
ДУГ10-9	Дугино 10			Дугино	впускное	1	конец XIV в.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986*. С. 63, 64. Рис. 212-223.
ЕГ-р19-1	Елизаветовское городище	47,0730	39,2800	Елизаветовская	впускное	1	XIII-XIV вв.	Марченко К.К.	1984	Житников, Марченко, 1984*. С. 28. Рис. 42.
ЕГ-т4-1	Елизаветовское городище	47,0730	39,2800	Елизаветовская	впускное	1	XII-XIII вв.	Брашинский И.Б.	1975	Брашинский, 1975*. С. 2, 13. Рис. 2, 21.
ЕМ-117-1	Елизаветовский могильник	47,0730	39,2800	Елизаветовская	впускное	1		Копылов В.П.	1981	Копылов, 1981*. С. 4, 5. Рис. 14-17.
ЕМ-122-1	Елизаветовский могильник	47,0730	39,2800	Елизаветовская	основное	1		Копылов В.П.	1981	Копылов, 1981*. С. 12, 13. Рис. 80-82.
ЕМ-57-1	Елизаветовский могильник	47,0730	39,2800	Елизаветовская	впускное	1	XII-XIII вв.	Брашинский И.Б.	1976	Брашинский и др., 1976*. С. 17, 18. Рис. 38-41.
ЕМ-63-2	Елизаветовский могильник	47,0730	39,2800	Елизаветовская	впускное	1		Брашинский И.Б.	1976	Брашинский и др., 1976*. С. 32, 33. Рис. 85, 90.
ЗО1-10-1	Займо-Обрыв 1			Займо-Обрыв	впускное	1	XI-XIII вв.	Белинский И.В.	1988	Белинский И.В., 1988*. С. 36. Рис. 128-130.
ЗО1-6-2	Займо-Обрыв 1		*	Займо-Обрыв	впускное	1	X в.	Белинский И.В.	1988	Белинский И.В., 1988*. С. 1, 13-15. Рис. 42, 46, 48, 49.
КАГ-1-2	Кагальник	47,0412	39,1242	Кагальник	впускное	1		Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985*. С. 121. Рис. 258, 259, 263.
КРАС1-12-1	Красногоровка 1	47,0336	39,3200	Красногоровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1985*. С. 117. Рис. 249.
КРАС1-13-11	Красногоровка 1	47,0336	39,3200	Красногоровка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 1, 186. Рис. 507, 509, 510.
КРАС1-13-3	Красногоровка 1	47,0336	39,3200	Красногоровка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 1, 173-175. Рис. 470-475, 481, 482.
КРАСН-21-5	Красногоровка	47,0336	39,3200	Красногоровка	впускное	1		Козюменко Е.В.	1988	Козюменко, Парусимов, 1988*. С. 74. Рис. 183-185.
КУЛ-1-5	Кулшовка	47,0430	39,3224	Кулшовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982*. С. 6-9. Рис. 11-24.
КУЛ-3-13	Кулшовка	47,0430	39,3224	Кулшовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 12, 13. Рис. 28, 30, 31, 33, 34.
КУЛ-3-15	Кулшовка	47,0430	39,3224	Кулшовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 13. Рис. 29.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КУЛ-3-16	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 13. Рис. 29.
КУЛ-3-17	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 13, 14. Рис. 29, 32.
КУЛ-3-18	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 14. Рис. 35, 37.
КУЛ-3-2	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 6. Рис. 4, 9.
КУЛ-3-33	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 24. Рис. 63.
КУЛ-3-35	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 25. Рис. 63.
КУЛ-3-36	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1	XIV в.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 9. Рис. 15, 16.
КУЛ-3-6	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1	XIV в.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 25. Рис. 70.
КУЛ-3-7	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 9. Рис. 16.
КУЛ-3-8	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 10. Рис. 20.
КУЛ-3-9	Кулешовка	47,0430	39,3224	Кулешовка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 10. Рис. 18–20, 27.
НА1-13-9	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1985	Беспалый Е.И., 1986*. С. 13. Рис. 18, 22.
НА1-22-1	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 21, 22. Рис. 62, 63, 65, 67.
НА1-3-1	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	основное	1		Лукьяшко С.И.	1977	Лукьяшко, 1977*. С. 11, 12. Рис. 23–29.
НА1-35-2	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 57. Рис. 140, 142.
НА1-35-4	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 58. Рис. 140, 147, 4.
НА1-48-1	Ново-Александровка I	47,0412	39,2912	Ново-Александровка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 1, 73–78, 101. Рис. 124, 153–168.
НБ-1-1	Ново-Батайский	46,5218	39,4818	Ново-Батайское	впускное	1	IX–XII вв.	Бейсов Г.С.	1980	Бейсов, 1980*. С. 1–5. Табл. 37–39.
НБ-1-2	Ново-Батайский	46,5218	39,4818	Ново-Батайское	впускное	1	X–XIV вв.	Бейсов Г.С.	1980	Бейсов, 1980*. С. 5–8. Табл. 40–43.
РАД-2-12	Радутка-2		*	Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 12, 13. Рис. 15, 3.
РАД-2-14	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 13. Рис. 16, 2.
РАД-2-15	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 13, 14. Рис. 17, 1.
РАД-2-19	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 17. Рис. 20, 4.
РАД-2-2	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 8, 9. Рис. 11, 1.
РАД-2-21	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 17, 18. Рис. 22, 1.
РАД-2-22	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 18. Рис. 23, 1–4.
РАД-2-23	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 18. Рис. 24, 1.
РАД-2-24	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971*. С. 19. Рис. 25, 1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
РАД-2-25	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 19. Рис. 26, 1.
РАД-2-26	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 19. Рис. 26, 2.
РАД-2-29	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 21. Рис. 29, 1.
РАД-2-33	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 25. Рис. 35, 1.
РАД-2-5	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 10, 11. Рис. 12, 4.
РАД-2-7	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 11. Рис. 13, 4.
РАД-2-9	Радутка-2			Койсуг	впускное	1		Горбенко А.А.	1971	Горбенко и др., 1971* С. 12. Рис. 14, 1.
РАД-3-11	Радутка			Койсуг	впускное	1		Максименко В.Е.	1974	Максименко, 1974* С. 9, 10. Рис. 15, 1, 2.
СОН-3-7	Сонино			Сонино	впускное	1	XII-XIII вв.	Максименко В.Е.	1972	Максименко, 1972* С. 31. Табл. 23, 24.
СПИЧ-1-27	Спичаковка			Васильево-Петров- ка (Спичаковка)	впускное	1		Козюменко Е.В.	1988	Козюменко, Парусимов, 1988* С. 22. Рис. 33.
ТЕРНЫ-Б-1	Терны			Дугино	впускное	1	XI-XII вв.	Ларенок П.А.	1986	Ларенок, 1986* С. 13, 14. Рис. 21-28.
<i>Акса́йский район</i>										
АГЛ-2-1	Аглос			Аглос	основное	1	сер. XI в.	Савченко Е.И.	1973	Савченко, 1973* С. 7-11. Рис. 7-18.
АГЛ-2-3	Аглос			Аглос	впускное, кенотаф	0		Савченко Е.И.	1973	Савченко, 1973* С. 12, 13. Рис. 20.
АГЛ-3-1	Аглос			Аглос	основное	1	XII-XIII вв.	Савченко Е.И.	1973	Савченко, 1973* С. 16-21. Рис. 21-34.
АГЛ-4-1	Аглос			Аглос	основное	1	XII-XIII вв.	Савченко Е.И.	1973	Савченко, 1973* С. 21-30. Рис. 35-48.
АКС-5-1	Акса́йский			Акса́йская	впускное	1		Иноземцев Г.А.	1951	Иноземцев, 1951* С. 24. Рис. 40.
АРП-36-1	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 10. Рис. 20.
АРП-37-1	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 10-12. Рис. 21-29.
АРП-38-1	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 12, 13. Рис. 30-35.
АРП-40-2	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 13, 14. Рис. 37.
ГОР-2-1	Горьковская	47,2230	39,5630	Грушевская	основное	1	XIII-XIV вв.	Клейн Л.С.	1973	Клейн, 1973* С. 9-12. Рис. 6-26.
ГОР-4-3	Горьковская	47,2230	39,5630	Грушевская	впускное	1		Клейн Л.С.	1973	Клейн, 1973* С. 16, 17. Рис. 46-61.
ГРУШ-3-1	Грушевская	47,2542	39,3718	Грушевская	основное	1		Савченко Е.И.	1978	Савченко, 1978* С. 5-8. Рис. 4-11.
ГРУШ-5-2	Грушевская	47,2542	39,3718	Грушевская	впускное	1		Клейн Л.С.	1970	Клейн, 1970* С. 6-10. Рис. 12-16.
КАМ-3-1	Камышеваха			Камышеваха	основное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 2, 3. Рис. 1-4.
КАМ-6-1	Камышеваха			Камышеваха	основное	1		Расв Б.А.	1974	Расв, 1974* С. 5. Рис. 9-11.
КАРШ-14-1	Каршинский			Красный Колос	впускное	1		Расв Б.А.	1977	Расв, 1977* С. 3, 4. Рис. 4, 5.
КАРШ-16-1	Каршинский			Красный Колос	основное	1		Расв Б.А.	1977	Расв, 1977* С. 7, 8. Рис. 10, 11, 13-15.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КИРОВ-2-3	Кировская			Кировский	впускное, кенотаф	0		Клейн Л.С.	1971	Клейн, 1971*. С. 17. Рис. 28–70.
КРУ1-2/3-13	Крутенский 1			Крутенский	впускное	1		Расв Б.А.	1987	Расв, 1987*. С. 16–18. Рис. 44–46, 53–55.
КРУ1-2/3-15	Крутенский 1			Крутенский	впускное	1		Расв Б.А.	1987	Расв, 1987*. С. 19. Рис. 33, 49а, 61.
КРУ1-2/3-17	Крутенский 1			Крутенский	впускное	1		Расв Б.А.	1987	Расв, 1987*. С. 19. Рис. 56–60.
КРУ1-4-1	Крутенский 1			Крутенский	впускное	1		Расв Б.А.	1987	Расв, 1987*. С. 23–25. Рис. 66–69, 83–88.
МУХ2-3-10	Мухин 2			Акса́й	впускное	1		Беспалый Е.И.	1993	Беспалый Е.И., 1993*. С. 31. Рис. 114–116, 118.
МУХ2-7-1	Мухин 2			Акса́й	впускное	1		Беспалый Е.И.	1993	Беспалый Е.И., 1993*. С. 66–68. Рис. 287–290.
ОКТ-5-1	Октябрьский			Октябрьский	впускное	1		Расв Б.А.	1976	Расв, 1976*. С. 2, 3. Рис. 1–20.
<i>Багаевский район</i>										
АРП-17-6	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Воронина Р.Ф.	1974	Воронина, 1974*. С. 127–129. Ч. 55.
АРП-18-1	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	2		Воронина Р.Ф.	1974	Воронина, 1974*. С. 135–137. Ч. 59.
АРП2-21-5	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 155–157. Рис. 188–192.
АРП2-22-12	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 190–192. Рис. 203, 240–243.
АРП2-23-4	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 219–223. Рис. 271–275.
АРП2-23-5	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 223–227. Рис. 276–289.
АРП2-32-4	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 238–251. Рис. 303, 315–324.
АРП2-34-2	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Державин В.Л.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 37, 38. Рис. 1924.
АРП2-40-1	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 282–287. Рис. 371–380.
АРП2-41-1	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 288–297. Рис. 381, 388–396.
АРП2-42-1	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 299–302. Рис. 399–407.
АРП2-43-1	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	основное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Камснецкий и др., 1975*. С. 303–307. Рис. 408–413.
АРП-28-3	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Воронина Р.Ф.	1974	Воронина, 1974*. С. 173, 174. Ч. 83.
АРП-32-2	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Воронина Р.Ф.	1974	Воронина, 1974*. С. 200, 201. Ч. 95.
АРП-39-15	Арпачин	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	2		Воронина Р.Ф.	1974	Воронина, 1974*. С. 222. Ч. 106.
ВЕС1-1-1	Веселый 1			Веселый	основное	1	XIII–XIV вв.	Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 83. Табл. 40, 41.
ВЕС2-4-1	Веселый 2			Веселый	основное	1		Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 94, 95. Табл. 57–60.
ВЯ-11-10	Верхне-Янченков			Верхне-Янченков	впускное	1	XII–XIII вв.	Капошина С.И.	1960	Капошина, 1960*.
КАРАК-6-1	Каракашво			Каракашво	впускное	1	XIV в.	Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 78. Табл. 34, 3.
КАРАК-6-2	Каракашво			Каракашво	основное	1	XIV в.	Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 78–80. Табл. 34, 35.
КАРАК-7-1	Каракашво			Каракашво	основное	1	XIII–XIV вв.	Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 81, 82. Табл. 36–38.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КАР-В-1	Карповка	47,2300	40,3648	Карповка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 187. Рис. 374, 404.
КАР-РАЗ-1	Карповка	47,2300	40,3648	Карповка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 190–193. Рис. 408–417.
КОЛ-11-1	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 31. Рис. 101, 105, 6.
КОЛ-11-10	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 34. Рис. 105, 5; 107.
КОЛ-11-11	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 34. Рис. 105, 2; 107.
КОЛ-11-12	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 35. Рис. 108.
КОЛ-11-13	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 35. Рис. 108.
КОЛ-11-14	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 35. Рис. 105, 1; 112.
КОЛ-11-15	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 36. Рис. 105, 1; 112.
КОЛ-11-2	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 31, 32. Рис. 101; 105, 2.
КОЛ-11-3	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 32. Рис. 101.
КОЛ-11-5	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 33. Рис. 101.
КОЛ-11-7	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 33, 34. Рис. 106.
КОЛ-11-8	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 34. Рис. 106.
КОЛ-11-9	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 34. Рис. 106.
КОЛ-18-1	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 68, 69. Рис. 215; 216; 219, 1; 220.
КОЛ-2-1	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 6, 7. Рис. 15, 16.
КОЛ-24-4	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	впускное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 102. Рис. 309, 312, 314.
КОЛ-7-1	Колдыри	47,0642	40,3230	Колдыри	основное	1		Беспалый Е.И.	1983	Беспалый Е.И., 1983*. С. 20–23. Рис. 64–74.
КР2-2-4	Крепинский 2			Маньчская	впускное	1		Лагоцкий К.С.	1972	Лагоцкий, 1972*. С. 46–48. Рис. 115, 4; 119–123.
КР2-4-1	Крепинский 2			Маньчская	впускное	1		Лагоцкий К.С.	1972	Лагоцкий, 1972*. С. 64, 65. Рис. 169, 1; 171; 172; 175.
КР2-9-4	Крепенский 2			Арпачин	впускное	1	IX–X вв.	Воронина Р.Ф.	1973	Воронина, 1973*. С. 41, 42. Рис. 9. Ф. 4, 20.
ЛЫСЫЙ-28	Лысий 28	47,1330	40,1000	Багасевский	впускное	1		Братченко С.Н.	1960	Братченко, 1960*. С. 23. Рис. 16; 2; 22, 1.
ОТР2-3-5	Отрадный 2			Отрадный	впускное	1		Саяпин В.В.	1989	Саяпин, 1989*. С. 27, 28. Рис. 76–80.
ПЛ1-8-2	Плоский	47,1236	40,1636	Маньчская	впускное	1		Копылов В.П.	1989	Копылов, Янггулов, 1989*. С. 26–28. Рис. 97–102.
ПЛ1-9-1	Плоский	47,1236	40,1636	Маньчская	впускное	1		Копылов В.П.	1989	Копылов, Янггулов, 1989*. С. 36–39. Рис. 137–144.
ТУЗ-2-3	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1979	Беспалый Е.И., 1979*. С. 14–16. Табл. 11, 1; 14, 1–4; 15а, 1; 15, 1, 2.
ТУЗ-7-3	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 18, 19. Табл. 7, 3; 8, 2.
ТУЗ-7-7	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 20, 21. Табл. 7, 3; 8, 5.
ТУЗ-8-10	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 43, 44. Табл. 15:8,7–3.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ТУЗ-8-11	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 44, 45. Табл. 15, 5, 7.
ТУЗ-9-10	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 60. Табл. 20а, 4; 21, 2.
ТУЗ-9-11	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 60, 61. Табл. 21, 4.
ТУЗ-9-14	Тузулки			Тузулки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1980	Беспалый Е.И., 1980*. С. 62–64. Табл. 22–24.
ФЕД-Т-1	Федулов			Федулов	впускное	1		Беспалый Е.И.	1984	Беспалый Е.И., 1984*. С. 187, 188. Рис. 403, 405, 417.
ЧБ-2(1)-1	четыре брата	47,1236	40,5624	Прогресс	основное	1		Мошкова М.Г.	1971	Мошкова, Максименко, 1974. С. 22, 23. Табл. 5, 2–4, 6; 9, 7, 12.
ЧБ-2-пк	Четыре брата	47,1236	40,5624	Прогресс	впускное, кенотаф	0		Мошкова М.Г.	1971	Мошкова, 1971*. С. 18. Табл. 15.
ШАХ1-3-7	Шахасвская 1			Шахасвская	впускное	1		Фёдорова-Давыдова Э.А.	1971	Фёдорова-Давыдова, 1971*. С. 13–15. Рис. 49, 50.
ШАХ2-1-1	Шахасвская 2	47,1236	40,4424	Шахасвская	впускное	1		Дворниченко В.В.	1973	Дворниченко, 1973*. С. 33–35. П. 24–26. Табл. 31, 2.
ШАХ2-3-5	Шахасвская 2	47,1236	40,4424	Шахасвская	впускное	1		Фёдорова-Давыдова Э.А.	1972	Фёдорова-Давыдова, 1972*. С. 42–46. Рис. 129, 130, 135, 137–144.
ШАХ2-7-1	Шахасвская 2	47,1236	40,4424	Шахасвская	основное	1		Фёдорова-Давыдова Э.А.	1972	Фёдорова-Давыдова, 1972*. С. 59–62. Рис. 180–193.
<i>Батайский район</i>										
КОЙС-7-29	Койсуг			Койсуг	впускное	1	XII–XIII вв.	Максименко В.Е.	1970	Максименко, 1970*. С. 32, 33. Табл. 35, 1–4.
<i>Белокалитвинский район</i>										
ЧАС-11-1	Частые	48,0120	40,5935	Краснодонск	основное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	2001	Ильюков, 2001*. С. 24–29. Рис. 89–112.
ЧАС-11-2	Частые	48,0120	40,5935	Краснодонск	впускное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	2001	Ильюков, 2001*. С. 29, 30. Рис. 113–123.
ЧАС-8-1	Частые	48,0120	40,5935	Краснодонск	основное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	2001	Ильюков, 2001*. С. 18–21. Рис. 50–71.
<i>Боковской район</i>										
ЕЙСК-3-1	Ейск			Разметный	основное	1		Житников В.Г.	1982	Житников, 1982*. С. 51, 52. Рис. 188–195.
РАЗМ-8	Разметный			Разметный	кенотаф	0		Житников В.Г.	1982	Житников, 1982*. С. 35–37. Рис. 138–146.
Я-5-1	Ясиновка	49,2224	41,3730	Ясиновка	основное	1	XII–XIII вв.	Житников В.Г.	1982	Житников, 1982*. С. 53–55. Рис. 197–203.
<i>Веселовский район</i>										
КРАС-КУТ-1-1	Красный Кут			Красный Кут	впускное	1		Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 93–96. Рис. 258–273.
КРАС-КУТ-5-1	Красный Кут			Красный Кут	основное	1	XIII–XIV вв.	Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 101–106. Рис. 297–306.
<i>Волгодонский район</i>										
ПИР-1-3	Пирожок	47,3200	41,2536	Пирожок	впускное, кенотаф	0		Гордин И.А.	1988	Гордин, 1988*. С. 1–3. Рис. 1–3, 6.
ПИР-1-5	Пирожок	47,3200	41,2536	Пирожок	впускное	1		Гордин И.А.	1988	Гордин, 1988*. С. 4, 5. Рис. 9–13. Табл. 1–3, 23.
ПИР-2-2	Пирожок	47,3200	41,2536	Пирожок	впускное	1		Гордин И.А.	1988	Гордин, 1988*. С. 9, 10. Рис. 23, 26, 27. Табл. 18, 3.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
СЕМ-16-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 81-84. Рис. 221-236.
СЕМ-18-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 86-88. Рис. 243-246.
СЕМ-24-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 89, 90. Рис. 250, 251.
СЕМ-25-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 69-74. Рис. 163-171.
СЕМ-26-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 75-81. Рис. 172-177.
СЕМ-27-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 82-85. Рис. 178-187.
СЕМ-28-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 86-90. Рис. 188-193.
СЕМ-29-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 90-95. Рис. 194-207.
СЕМ-30-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 96-99. Рис. 208-212.
СЕМ-31-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 99-103. Рис. 213-224.
СЕМ-39-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 107-109. Рис. 230-232.
СЕМ-40-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1		Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 109-113. Рис. 233-235.
СЕМ-44-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 115-117. Рис. 240-244.
СЕМ-46-1	Семёнкин			Семёнкин	основное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1990	Ларенок, 1990*. С. 117, 118. Рис. 245-248.
СЕМ-8-3	Семёнкин			Семёнкин	впускное	1		Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 60, 61. Рис. 162-164.
СТОЛ-3-1	Столетовская			Старосолёный	основное	1	XIII-XIV вв.	Семёнов А.И.	1977	Семёнов, 1977*. С. 13-15. Рис. 110-119.
СТОЛ-5-1	Столетовская			Старосолёный	основное	1	XIII-XIV вв.	Семёнов А.И.	1977	Семёнов, 1977*. С. 16-18. Рис. 137-142.
СТОЛ-5-2	Столетовская			Старосолёный	впускное	1	XIII-XIV вв.	Семёнов А.И.	1977	Семёнов, 1977*. С. 18, 19. Рис. 143-159.
СТОЛ-5-3	Столетовская			Старосолёный	впускное	1	XIII-XIV вв.	Семёнов А.И.	1977	Семёнов, 1977*. С. 19, 20. Рис. 160.
<i>Дубовский район</i>										
ВЛ10-3-2	Вербов Лог 10	47,3312	42,3512	Вербов Лог	впускное	1	XII в.	Науменко С.А.	1989	Науменко, 1989*. С. 36-39. Рис. 136-154.
ВЛ10-4-1	Вербов Лог 10	47,3312	42,3512	Вербов Лог	основное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1989	Науменко, 1989*. С. 39-42. Рис. 155-169.
ВЛ1-3-1	Вербовый Лог 1	47,3312	42,3512	Жуковская	основное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1987	Науменко, 1987*. С. 3-9. Рис. 8-39.
ВЛ2-4-1	Вербов Лог 2	47,3312	42,3512	Вербов Лог	основное	1	XIV в.	Науменко С.А.	1989	Науменко, 1989*. С. 46-49. Рис. 191-201.
ПОД4-15-1	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1		Науменко С.А.	1986	Науменко, 1986*. С. 48-50. Рис. 137-142.
ПОД4-18-1	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1986	Науменко, 1986*. С. 58-66. Рис. 173-198.
ПОД4-21-1	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1		Науменко С.А.	1986	Науменко, 1986*. С. 71-73. Рис. 222-226.
ПОД4-22-2	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	впускное	1	XII-XIII вв.	Науменко С.А.	1986	Науменко, 1986*. С. 79-81. Рис. 239-248.
ПОД4-27-1	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1986	Науменко, 1986*. С. 88-91. Рис. 273-281.
ПОД4-29-1	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1987	Науменко, 1987*. С. 40-45. Рис. 164-179.
ПОД4-31-2	Подгоренский 4	47,3230	42,2248	Подгоренский	впускное	1	XIII-XIV вв.	Науменко С.А.	1987	Науменко, 1987*. С. 63-65. Рис. 245-255.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ПОД5-2-1	Подгоренский 5	47,3230	42,2248	Подгоренский	впускное	1	XIV в.	Науменко С.А.	1988	Науменко, 1988*. С. 135–137. Рис. 471–492.
ПОД5-3-2	Подгоренский 5	47,3230	42,2248	Подгоренский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Науменко С.А.	1988	Науменко, 1988*. С. 145–150. Рис. 523–549.
ПОД5-4-1	Подгоренский 5	47,3230	42,2248	Подгоренский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Науменко С.А.	1988	Науменко, 1988*. С. 150–153. Рис. 550–564.
ПОД5-4-2	Подгоренский 5	47,3230	42,2248	Подгоренский	основное	1	XIII–XIV вв.	Науменко С.А.	1988	Науменко, 1988*. С. 153–155. Рис. 565–571.
ХАР-11-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 72–77. Рис. 164–174.
ХАР-12-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 77–85. Рис. 175–183.
ХАР-13-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 85–90. Рис. 184–199.
ХАР-14-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 91–96. Рис. 200–206.
ХАР-15-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 96–101. Рис. 207–216.
ХАР-18-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 109–116. Рис. 233–244.
ХАР-20-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 116–123. Рис. 246–252.
ХАР-2-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 92, 93. Рис. 48–56.
ХАР-28-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 155–158. Рис. 310–318.
ХАР-4-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 35–40. Рис. 59–71.
ХАР-6-1	Харинка	47,1642	43,2048	Сиротский	основное	1	XIII–XIV вв.	Савченко Е.И.	1976	Савченко, Гей, 1976*. С. 43–49. Рис. 75–98.
<i>Зерноградский район</i>										
ЖИТ2-1-5	Житков 2	47,0115	40,4730	Житков	впускное	1	XIV в.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 222, 237, 241. Рис. 663; 740; 752, 2, 754.
ЖИТ2-1-8	Житков 2	47,0115	40,4730	Житков	впускное	1	XIV в.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 222, 237, 244. Рис. 663, 754.
<i>Константиновский район</i>										
БОГ-1-4	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 8, 9. Рис. 9.
БОГ-26-5	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1	XII в.	Савченко Е.И.	1971	Савченко, 1971*. С. 10–14. Табл. 10–13.
БОГ-29-15	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1971	Савченко, 1971*. С. 68–71. Табл. 66, 67.
БОГ-29-16	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1	XII в.	Савченко Е.И.	1971	Савченко, 1971*. С. 71–76. Табл. 68–74.
БОГ-3-1	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	основное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 31, 32. Рис. 32.
БОГ-31-16	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1971	Савченко, 1971*. С. 113, 114. Табл. 117, 118.
БОГ-3-2	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 33. Рис. 33.
БОГ-3-3	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 33, 34. Рис. 34.
БОГ-4-1	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	основное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 34–37. Рис. 34–37.
БОГ-5-1	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 39–41. Рис. 38–41.
БОГ-5-2	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	основное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 41, 42. Рис. 42.
БОГ-6-1	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	основное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 42–46. Рис. 43–46.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
БОГ7-2-1	Богоявленская 7	47,3930	41,2000	Богоявленская	основное	1		Копылов В.П.	1987	Копылов, 1987*. С. 10, 11. Рис. 30-33.
БОГ7-2-2	Богоявленская 7	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Копылов В.П.	1987	Копылов, 1987*. С. 11. Рис. 32-34.
БОГ7-3	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 50, 51. Рис. 51.
БОГ7-8	Богоявленская	47,3930	41,2000	Богоявленская	впускное	1		Савченко Е.И.	1970	Савченко, 1970*. С. 54, 55. Рис. 55.
БР1-26-1	Ближнероссо- шанский 1	47,4024	41,2500	Богоявленская	основное	1	XIV в.	Житников В.Г.	1989	Житников, 1989*. С. 86-90. Рис. 247-260.
КАСТ2-15-1	Кастырка 2	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1		Житников В.Г.	1984	Житников, 1984*. С. 69, 70. Рис. 179-184.
КАСТ2-6-1	Кастырка 2	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XII в.	Житников В.Г.	1989	Житников, 1989*. С. 6-8. Рис. 12-18.
КАСТ-4-2	Кастырка	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Копылов В.П.	1986	Копылов, 1986*. С. 10. Рис. 30-32.
КАСТ5-11-1	Кастырка 5	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1	IX-X вв.	Житников В.Г.	1986	Житников, 1986*. С. 124-128. Рис. 372-385.
КАСТ5-4-6	Кастырка 5	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XI-XIII вв.	Житников В.Г.	1986	Житников, 1986*. С. 30, 31. Рис. 90-95.
КАСТ5-7-2	Кастырка 5	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1986	Житников, 1986*. С. 90-94. Рис. 264-279.
КАСТ5-9-1	Кастырка 5	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 96-100. Рис. 386-400.
КАСТ6-2-2	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XII в.	Житников В.Г.	1984	Житников, 1984*. С. 34-38. Рис. 88-105.
КАСТ6-2-3	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1984	Житников, 1984*. С. 38, 39. Рис. 106-108.
КАСТ6-3-10	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XI-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 12, 13. Рис. 32-36.
КАСТ6-3-3	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 5, 6. Рис. 13-15.
КАСТ6-3-4	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 6. Рис. 16-18.
КАСТ6-3-6	Кастырка 6	47,3700	41,6124	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 10. Рис. 30, 31.
КАСТ6-4-11	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 32-34. Рис. 110-117.
КАСТ6-4-3	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 24, 25. Рис. 79, 80.
КАСТ6-4-6	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 27-29. Рис. 90-94.
КАСТ6-4-7	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	X-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 29. Рис. 95-99.
КАСТ6-6-1	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 61-63. Рис. 224-235.
КАСТ6-9-1	Кастырка 6	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1		Житников В.Г.	1984	Житников, 1984*. С. 59-62. Рис. 154-162.
КАСТ7-1-12	Кастырка 7	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	XIII-XIV вв.	Житников В.Г.	1985	Житников, 1985*. С. 80. Рис. 313-315.
КАСТ8-13-1	Кастырка 8	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1	X-XI вв.	Житников В.Г.	1987	Житников, 1987*. С. 90, 91. Рис. 301-306.
КАСТ8-13-3	Кастырка 8	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1987	Житников, 1987*. С. 93. Рис. 312-314.
КАСТ8-6-2	Кастырка 8	47,3700	41,1624	Кастырка	основное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1987	Житников, 1987*. С. 56-58. Рис. 189-196.
КАСТ8-7-1	Кастырка 8	47,3700	41,1624	Кастырка	впускное	1		Житников В.Г.	1987	Житников, 1987*. С. 58-60. Рис. 205-207.
ПОБ1-1-2	Победа 1			колхоз Победа	впускное	1	X-XIII вв.	Прохорова Т.А.	1989	Прохорова, 1989*. С. 4, 5. Рис. 11-17.
УК1-3-2	Упраздню- Кагальницкий 1			Упраздню- Кагальницкий	впускное	1		Житников В.Г.	1984	Житников, 1984*. С. 122. Рис. 334, 335.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Мартыновский район</i>										
ДОЛГ-7-1	Долгий	47,1400	41,2600	Долгий	впускное	1		Ильюков Л.С.	1984	Ильюков, 1984*. С. 193–195. Рис. 690–697.
КИР4-10-1	Кировский 4	47,1400	41,2600	Красноармейский	основное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	1981	Ильюков, 1981*. С. 217–219. Рис. 856–877.
КИР4-12-1	Кировский 4	47,1400	41,2600	Красноармейский	основное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	1981	Ильюков, 1981*. С. 222–225. Рис. 886–911.
КИР4-5-1	Кировский 4	47,1400	41,2600	Красноармейский	впускное	1	XI–XII вв.	Ильюков Л.С.	1981	Ильюков, 1981*. С. 189–196. Рис. 709–739.
КИР4-7-3	Кировский 4	47,1400	41,2600	Красноармейский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1981	Ильюков, 1981*. С. 209, 210. Рис. 815–826.
КИР5-1-1	Кировский 5	47,1400	41,2600	Новосадковский	впускное	1		Ильюков Л.С.	1985	Ильюков, 1985*. С. 178–185. Рис. 658–696.
КИР5-4-1	Кировский 5	47,1400	41,2600	Новосадковский	основное	1		Ильюков Л.С.	1985	Ильюков, 1985*. С. 194–207. Рис. 751–803.
КИР5-6	Кировский 5	47,1400	41,2600	Новосадковский	кенотаф	0		Ильюков Л.С.	1985	Ильюков, 1985*. С. 208, 209. Рис. 814–817.
КИР5-7-1	Кировский 5	47,1400	41,2600	Новосадковский	основное	1		Ильюков Л.С.	1985	Ильюков, 1985*. С. 210–216. Рис. 818–846.
КОМ1-1-19	Комаров 1	47,1606	41,1512	Комаров	впускное	1		Головкова Н.Н.	1980	Головкова, 1980*. С. 23. Рис. 66–68.
КОМ2-11-1	Комаров 2	47,1606	41,1512	Комаров	основное	1		Головкова Н.Н.	1980	Головкова, 1980*. С. 71, 72. Рис. 208, 209, 212, 213.
КОМ2-12-1	Комаров 2	47,1606	41,1512	Комаров	основное	1		Головкова Н.Н.	1980	Головкова, 1980*. С. 72–74. Рис. 210, 214, 215.
КОМ2-7-1	Комаров 2	47,1606	41,1512	Комаров	кенотаф	0		Головкова Н.Н.	1980	Головкова, 1980*. С. 42, 43. Рис. 126–129.
КРП1-52-1	Кривой Лиман 1			Кривой Лиман	впускное	1	нач. IX в.	Савченко Е.И.	1981	Савченко, 1981*. С. 33–37. Рис. 137–152.
КРП1-8-10	Кривой Лиман 1			Кривой Лиман	впускное	1	XI–XII вв.	Савченко Е.И.	1980	Савченко, Казакова, 1980*. С. 22–26. Рис. 73–101.
КРП1-8-9	Кривой Лиман 1			Кривой Лиман	впускное	1	XI–XII вв.	Савченко Е.И.	1980	Савченко, Казакова, 1980*. С. 21, 22. Рис. 65–72.
МОС1-5-1	Московский 1			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1984	Ильюков, 1984*. С. 23–25. Рис. 85–95.
МОС1-8-1	Московский 1			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1984	Ильюков, 1984*. С. 29–35. Рис. 116–140.
МОСК2-10-1	Московский 2			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1986	Ильюков, 1986*. С. 30–32. Рис. 136–150.
МОСК2-13-1	Московский 2			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1986	Ильюков, 1986*. С. 35–37. Рис. 164–174.
МОСК2-18-1	Московский 2			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1986	Ильюков, 1986*. С. 47–54. Рис. 222–256.
МОСК2-25-1	Московский 2			Московский	впускное	1		Ильюков Л.С.	1986	Ильюков, 1986*. С. 66–71. Рис. 322–343.
МОСК2-4-1	Московский 2			Московский	основное	1		Ильюков Л.С.	1986	Ильюков, 1986*. С. 16–18. Рис. 63–74.
НОВ-1-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 11. Рис. 16, 17.
НОВ-116-11	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 651. Рис. 2407, 2408.
НОВ-16-2	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 119, 120. Рис. 375–378.
НОВ-20-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 127. Рис. 405–408.
НОВ-25	Новый	47,1442	41,4436	Новый	кенотаф	0		Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 153. Рис. 503, 504.
НОВ-3-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	основное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1982	Ильюков, 1982*. С. 18–49. Рис. 40–137.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
НОВ-33-6	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 200, 201. Рис. 616.
НОВ-36-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	основное	1	XIII-XIV вв.	Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 212-215. Рис. 647-661.
НОВ-40-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 221-225. Рис. 688-704.
НОВ-50-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 258-261. Рис. 843-855.
НОВ-5-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	основное	1	XIII-XIV вв.	Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 53-76. Рис. 149-199.
НОВ-61-2	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 309-312. Рис. 1050-1064.
НОВ-64-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 322-325. Рис. 1107-1119.
НОВ-64-2	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 325. Рис. 1120-1123.
НОВ-85-1	Новый	47,1442	41,4436	Новый	впускное	1		Илюков Л.С.	1982	Илюков, 1982*. С. 489-495. Рис. 1689-1712.
НСАД-1-1	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	основное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 7-12. Рис. 10-40:7.
НСАД-19-1	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	основное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 113-123. Рис. 407-446.
НСАД-23-1	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	основное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 135-137. Рис. 496-513.
НСАД-3-1	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	основное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 17-36. Рис. 57-104.
НСАД-3-2	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	впускное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 36-39. Рис. 105-117.
НСАД-5-1	Новосадковский	47,1024	41,1648	Новосадковский	основное	1		Илюков Л.С.	1985	Илюков, 1985*. С. 42-44. Рис. 127-139.
<i>Матвеево-Курганский район</i>										
РЯС1-1-1	Рясный 1			Рясное	впускное	1		Ларенок П.А.	1988	Ларенок, 1988*. С. 58. Рис. 129, 135, 3.
РЯС2-2-8	Рясный 2			Рясное	впускное	1	XI-XII вв.	Ларенок П.А.	1988	Ларенок, 1988*. С. 108-113. Рис. 238-249.
<i>Мясниковский район</i>										
ВАЛ1-12-1	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 51. Рис. 198; 201, 1, 4; 205, 4.
ВАЛ1-14-3	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 57. Рис. 223, 225, 226, 228.
ВАЛ1-14-4	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 58. Рис. 229.
ВАЛ1-1-6	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 1, 2, 4. Рис. 1, 5, 6.
ВАЛ1-17-1	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	основное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 64, 65. Рис. 250-257.
ВАЛ1-18-1	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 65. Рис. 258-262, 264.
ВАЛ1-32-1	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 104-108. Рис. 455, 460-463, 466.
ВАЛ1-5-4	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 24, 26, 27. Рис. 73, 75, 80-84.
ВАЛ1-7-4	Валовый 1	47,1600	39,2242	с/з «Шаумяна»	впускное	1		Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987*. С. 33, 34. Рис. 107; 111, 2.
КБ-1-1	Каменная балка			Нелдиговка	основное	1	конец XIII — XIV вв.	Гвоздовер М.Д.	1959	Плетнёва, 1962. С. 133-137.
КБ-2-1	Каменная балка			Нелдиговка	основное	1	конец XIII — XIV вв.	Гвоздовер М.Д.	1959	Плетнёва, 1962. С. 133-137.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КБ-3-1	Каменная балка			Недвиговка	основное	1	конец XIII — XIV в.	Гвоздовер М.Д.	1959	Плетнёва, 1962. С. 133–137.
СУХ-ЧАЛ-2-1	Сухо-Чалтырская Балка				основное	1	XI–XII вв.	Ларенок П.А.	1978	Ларенок, 1978*. С. 20. Рис. 50–53.
ХАП-1-23	Хапры			ж/д ст. Хапры	впускное	1	XI–XIII вв.	Ларенок П.А.	1979	Ларенок, 1979*. С. 24, 25. Рис. 107.
ХАП-7-1	Хапры			ж/д ст. Хапры	впускное	1	XII–XIII вв.	Беспалый Е.И.	1987	Беспалый Е.И., 1987а*. С. 31, 32. Рис. 51, 55, 56.
ЦАР-37-4	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1987	Ильюков, 1987*. С. 31, 32. Рис. 164, 165.
ЦАР-40-1	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	основное	1		Ильюков Л.С.	1987	Ильюков, 1987*. С. 46–60. Рис. 239–259.
ЦАР-40-2	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1987	Ильюков, 1987*. С. 50. Рис. 260, 261.
ЦАР-42-1	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	основное	1	XII–XIII вв.	Ильюков Л.С.	1987	Ильюков, 1987*. С. 58–60. Рис. 294–303.
ЦАР-72-1	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	впускное	1	X–XI вв.	Ильюков Л.С.	1988	Ильюков, 1988*. С. 54–57. Рис. 227–236.
ЦАР-72-2	Царский	47,1530	39,2200	Недвиговка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1988	Ильюков, 1988*. С. 57. Рис. 237–240.
<i>Неклиновский район</i>										
БЕГ16-1-3	Беглица 16	47,0936	38,3706	Беглица	впускное	1		Ильюков Л.С.	1979	Ильюков, Казакова, 1979*. С. 35, 36. Рис. 91–94.
БЕГ16-2-3	Беглица 16	47,0936	38,3706	Беглица	впускное	1		Ильюков Л.С.	1979	Ильюков, Казакова, 1979*. С. 45, 46. Рис. 127–136.
БЕГ16-3-17	Беглица 16	47,0936	38,3706	Беглица	впускное	1		Ильюков Л.С.	1979	Ильюков, Казакова, 1979*. С. 63, 64. Рис. 216–218.
ВАР-4-7	Вареновка			Вареновка	впускное	1		Ларенок П.А.	1978	Ларенок, 1978*. С. 52, 53. Рис. 128, 137.
ГК15-4-13	Гасвка-Каймак 15	47,1336	38,4548	Гасвка-Каймак	впускное	1	XI–XII вв.	Казакова Л.М.	1975	Казакова, 1975*. С. 82. Рис. 74, 1–4.
ЛАК1-2-2	Лакедмоновка 1			Лакедмоновка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 16, 17. Рис. 57–62.
ЛАК1-3-2	Лакедмоновка 1			Лакедмоновка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 23. Рис. 87–91.
ЛАК1-4-2	Лакедмоновка 1			Лакедмоновка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 29. Рис. 113–116.
ЛАК2-1-5	Лакедмоновка 2	47,1042	38,3942	Лакедмоновка	впускное	1	X–XI вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 36–38. Рис. 150–155.
ЛАК2-2-3	Лакедмоновка 2	47,1042*	38,3942	Лакедмоновка	впускное	1		Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 41, 42.
ЛАК3-1-3	Лакедмоновка 3	47,0954	38,3818	Лакедмоновка	впускное	1	X–XI вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 50–52. Рис. 221–226.
ПЯТ1-2-1	Пятихатки 1			Халыбово	впускное	1		Ларенок П.А.	1988	Ларенок, 1988*. С. 124. Рис. 281, 282.
РК7-10-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 80–85. Рис. 339–360.
РК7-10-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 85–87. Рис. 361–371.
РК7-11-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 87–92. Рис. 372–393.
РК7-11-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XII — нач. XIII в.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 20, 21. Табл. 28.
РК7-11-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XIII–XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 92–95. Рис. 394–406.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
РК7-2-10	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное, кснотаф	0	IX-XI вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 30-32. Табл. 38, 39.
РК7-2-11	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XII — нач. XIII в.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 32-36. Табл. 50-52.
РК7-3-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	IX-XI вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 41, 42. Табл. 49, 50.
РК7-4-4	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1		Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 44. Табл. 54.
РК7-4-6	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	IX-XI вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 45-47. Табл. 55, 56.
РК7-5-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 48-51. Табл. 61-64.
РК7-5-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 51-53. Табл. 65-68.
РК7-6-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1976	Ильюков, 1976*. С. 53, 54. Табл. 68-70.
РК7-7-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 71-75. Рис. 300-316.
РК7-7-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 75-77. Рис. 317-319.
РК7-8-1	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	основное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 77, 78. Рис. 320-326.
РК7-8-2	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1	XIII-XIV вв.	Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 78-80. Рис. 327-334.
РК7-9	Русский Колодец 7	47,0918	38,4548	Русский Колодец	впускное	1		Ильюков Л.С.	1977	Ильюков, 1977*. С. 80. Рис. 335-338.
ФЕД1-1-6	Федорова 1	47,0918	38,4548	Федорова	впускное	1	XII в.	Ларенок П.А.	1989	Ларенок, 1989*. С. 113-116. Рис. 329-335.
ЧАП-XY,4-1	Чапасво			Чапасво	впускное	1		Прохорова Т.А.	1993	Прохорова, 1993*. С. 20-22. Рис. 80-85.
<i>Новочеркасский район</i>										
ГРУШ-14-1	Грушевский	47,2542*	39,3718	Новочеркасск	основное	1		Крайсветный М.И.	1980	Крайсветный, 1980*. С. 2, 3. Рис. 1-6.
ГРУШ-15-2	Грушевский	47,2542	39,3718	Новочеркасск	впускное	1		Крайсветный М.И.	1980	Крайсветный, 1980*. С. 3, 4. Рис. 7, 8.
<i>Октябрьский район</i>										
ЗОЛ-ГОР2-3-1	Золотые горки 2	47,2435	40,2000	Бессергеновская	впускное, кснотаф	0		Крайсветный М.И.	1986	Расв, Крайсветный, 1986*. С. 42. Рис. 153.
ЗОЛ-ГОР4-6-4	Золотые горки 4	47,2435	40,2000	Бессергеновская	впускное	1		Крайсветный М.И.	1985	Расв, Крайсветный, 1985*. С. 26, 27. Рис. 99, 100, 114, 115.
КЕР-10-1	Керчик	47,3146	49,3615	Озерки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1988	Беспалый Е.И., 1988*. С. 46. Рис. 138.
КЕР-11-2	Керчик	47,3146	40,3615	Озерки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1988	Беспалый Е.И., 1988*. С. 51, 52. Рис. 149.
КЕР-11-8	Керчик	47,3146	40,3615	Озерки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1988	Беспалый Е.И., 1988*. С. 53, 54. Рис. 150.
КЕР-12-1	Керчик	47,3146	40,3615	Озерки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1988	Беспалый Е.И., 1988*. С. 56, 57. Рис. 159, 160.
КЕР-13-1	Керчик	47,3146	40,3615	Озерки	впускное	1		Беспалый Е.И.	1988	Беспалый Е.И., 1988*. С. 57-59. Рис. 162, 163.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КИР-1-6	Кировка			Кировка	впускное	1		Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 267, 268, 272–274. Рис. 842–848, 859, 861–863.
КИР-2-1	Кировка			Кировка	основное	2	XIV в.	Беспалый Е.И.	1986	Беспалый, Парусимов, 1986*. С. 274–278. Рис. 865–878.
МОК-КЕР1-5-5	Мокрый Керчик I			Мокрый Керчик	впускное	1		Расв Б.А.	1986	Расв, Крайсветный, 1986*. С. 137. Рис. 177–180.
ПОЛ-3-2	Поляков			Бессергеновская	впускное	1		Расв Б.А.	1985	Расв, Крайсветный, 1985*. С. 4. Рис. 14, 15.
ПОЛ-4-1	Поляков			Бессергеновская	впускное	1		Расв Б.А.	1985	Расв, Крайсветный, 1985*. С. 9, 10. Рис. 31–34, 78.
ТЕРН-16-1	Терновский			Октябрьский	впускное	1		Шилов В.П.	1966	Шилов, 1966*. С. 28, 29. Рис. 38, 6; 46, 47.
<i>Орловский район</i>										
ТАЛ2-2-1	Таловый			Таловый	впускное	1		Афанасьев Г.Е.	1976	Афанасьев, 1970*. С. 49–51. Рис. 1, 26, 62–67.
<i>Песчанокосский район</i>										
БАР2-2-1	Баранчук 2			Красная поляна	впускное	1		Фёдорова-Давыдова Э.А.	1978	Фёдорова-Давыдова, 1978*. С. 4, 5. Рис. 10–20.
<i>Пролетарский район</i>										
КОЗ1-1-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 1–3. Рис. 7–10.
КОЗ1-2-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 3, 4. Рис. 11–17.
КОЗ1-3-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 4–6. Рис. 18–26.
КОЗ1-4-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 6–8. Рис. 27–33.
КОЗ1-5-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 8, 9. Рис. 34–40.
КОЗ1-6-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 9–11. Рис. 41–47.
КОЗ1-8-1	Козинка 1	46,3400	41,5312	Козинка	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский И.В.	1987	Белинский И.В., 1987*. С. 9–11. Рис. 41–47.
КОЗ2-7-5	Козинка 2	46,3400	41,5312	Козинка	впускное	1		Гордин И.А.	1987	Гордин, 1987*. С. 21–23. Рис. 115–117, 126–134.
<i>Ремонтненский район</i>										
ОВЦ-3-7	Овцевод			Овцевод	впускное	1		Парусимов И.Н.	1989	Парусимов, 1989*. С. 13, 14. Рис. 41, 42, 44, 45.
ОВЦ-3-9	Овцевод			Овцевод	впускное	1		Парусимов И.Н.	1989	Парусимов, 1989*. С. 15, 16. Рис. 46.
ОВЦ-4-1	Овцевод			Овцевод	основное	1		Парусимов И.Н.	1989	Парусимов, 1989*. С. 17–19. Рис. 49–51.
<i>Ростов-на-Дону</i>										
БАЙКОВ-13-1	Байков			Ростов-на-Дону	впускное	1	XIV в.	Ларенок П.А.	1988	Ларенок, 1988*. С. 13–16. Рис. 28–34.
БАЙКОВ-13-3	Байков			Ростов-на-Дону	впускное	1	XI–XII вв.	Ларенок П.А.	1988	Ларенок, 1988*. С. 17–19. Рис. 39–48.
ВЯТ-1-1	Ростов-на-Дону			Ростов-на-Дону	впускное	1		Волков И.В.	1983	Волков, 1983*. С. 2–5. Рис. 2; 7, 16, 17.
ККМ-15-13	Кобяковский курганный могильник			Ростов-на-Дону	впускное	1	XIII в.	Казакова Л.М.	1986	Казакова, 1986*. С. 25–27. Рис. 59–71.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
МЕХЗАВ-13-1	Механический завод			Ростов-на-Дону	основное	1	XIV в.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 80–89. Рис. 54, 55.
МЕХЗАВ-18-1	Механический завод			Ростов-на-Дону	основное	1	1370-е гг.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 99–110. Рис. 63, 64.
МЕХЗАВ-2-1	Механический завод			Ростов-на-Дону	основное	1	XI–XII вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 50–53. Рис. 32, 1–8.
МЕХЗАВ-2-2	Механический завод			Ростов-на-Дону	впускное	1		Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 53. Рис. 32, 9, 10.
МЕХЗАВ-3-7	Механический завод			Ростов-на-Дону	впускное	1		Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 61. Рис. 40, 4, 5.
МЕХЗАВ-6-1	Механический завод			Ростов-на-Дону	основное	1	X–XI вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973а*. С. 72, 73. Рис. 49.
РД4-4-1	Ростов-на-Дону 4			Ростов-на-Дону	впускное	1		Брашинский И.Б.	1967	Брашинский, 1967*. С. 33, 34. Рис. 54, 55.
РД4-8-1	Ростов-на-Дону 4			Ростов-на-Дону	впускное	1	XII в.	Брашинский И.Б.	1967	Брашинский, 1967*. С. 26, 27. Рис. 37, 39.
<i>Сальский район</i>										
МАЯК2-2-1	Маяк 2			Маяк	основное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982*. С. 62–64. Рис. 187–189, 192, 193.
МАЯК2-3-1	Маяк 2			Маяк	основное	1		Беспалый Е.И.	1982	Беспалый Е.И., 1982*. С. 64–66. Рис. 189, 191, 194–204.
СОЛ2-Г-1	Соленка 2			Соленка	основное	1		Максименко В.Е.	1975	Максименко, 1975*. С. 23–25. Табл. 21–24.
СОЛ3-А-1	Соленка 3			Соленка	основное	1	XIII–XIV вв.	Максименко В.Е.	1975	Максименко, 1975*. С. 3–6. Табл. 3–6.
СОЛ3-Б-2	Соленка 3			Соленка	впускное	1		Максименко В.Е.	1975	Максименко, 1975*. С. 8. Табл. 9, 1, 2.
ФР1-5-7	Фрунзе 1			с/з «Фрунзе»	впускное	1		Белинский И.В.	1989	Белинский И.В., 1989*. С. 99, 100. Рис. 282, 291.
ФР3-2-1	Фрунзе 3			с/з «Фрунзе»	впускное	1		Белинский И.В.	1989	Белинский И.В., 1989*. С. 104, 105. Рис. 301, 302.
ФР3-4-1	Фрунзе 3			с/з «Фрунзе»	основное	1		Белинский И.В.	1989	Белинский И.В., 1989*. С. 108, 109. Рис. 308, 310.
ЮЖ-3-6	Южный			Юловский	впускное	1		Горбенко А.А.	1973	Горбенко, 1973*. С. 119, 120. Табл. 95, 96.
<i>Семикаракорский район</i>										
АГ1-2-2	Агеевский 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	IX–XI вв.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 447–450. Рис. 1450–1454.
БЛ1-12-7	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XIV в.	Узянов А.А.	1975	Узянов, 1975*. С. 503–511. Рис. 763–790.
БЛ1-25-4	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XIV в.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 244–249. Рис. 793–821.
БЛ1-33-1	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1		Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 416–419. Рис. 1344–1464.
БЛ1-3-4	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XIII–XIV вв.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 31–35. Рис. 82–105.
БЛ1-3-6	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XII–XIV вв.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 36–43. Рис. 109–158.
БЛ1-37-16	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1977	Смирнов, 1977*. С. 310–313. Рис. 591–596.
БЛ1-3-8	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XII–XIV вв.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 59–61. Рис. 191–196.
БЛ1-5-1	Балабин 1	47,2436	40,5900	Балабин	основное	1	XIV в.	Узянов А.А.	1976	Узянов, 1976*. С. 70–83. Рис. 243–295.
БЛ2-2-3	Балабин 2	47,2436	40,5900	Балабинский	впускное	1		Зельдина В.Я.	1977	Зельдина, 1977*. С. 35–38. Рис. 120–138.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
БЛЗ-5-3	Балабин 3	47,2436	40,5900	Балабин	впускное	1	XII-XIV вв.	Смирнов Ю.А.	1977	Смирнов, 1977*. С. 38-44. Рис. 101-161.
ЛБ1-1-3	Лебдин 1			Лебдин	впускное	1	XIII-XIV вв.	Балабина В.Н.	1975	Балабина, 1975*. С. 570-574. Рис. 872-875.
РОМ1-2-15а	Романово 1			Романово	впускное	1		Романовская М.А.	1974	Романовская, 1974*. С. 57, 58. Рис. 159.
РОМ1-4-4	Романово 1			Романово	впускное	1	X-XII вв.	Романовская М.А.	1974	Романовская, 1974*. С. 73, 74. Рис. 183, 188, 189.
САГ1-1-1	Сагванский			Сагванский	впускное	1		Гей А.Н.	1977	Гей, 1977*. С. 2-16. Рис. 5, 6, 8-22.
САГ1-10-1	Сагванский 1			Сагванский	впускное	1		Зельдина В.Я.	1978	Зельдина, 1978*. С. 334-338. Рис. 934-953.
САГ1-17-2	Сагванский 1			Сагванский	впускное	1		Зельдина В.Я.	1978	Зельдина, 1978*. С. 437, 438. Рис. 1480, 1481.
<i>Таганрогский район</i>										
МЛ2-1	Миусский Лиман			Миус Лиман	основное	1		Миллер М.А.	1927	Миллер, 1927*. С. 12, 13. Рис. 2, 6.
МЛ3-1	Миусский Лиман			Миус Лиман	основное	1		Миллер М.А.	1927	Миллер, 1927*. С. 12, 13. Рис. 3.
<i>Тацинский район</i>										
КАЩ2-1	Кашевка	47,3046	40,3615	Кашевка	основное	1		Максименко В.Е.	1981	Максименко, 1981*. С. 7-10. Рис. 6-8.
НАД1-2-1	Надежовка 1	48,2242	41,1200	Надежовка	впускное	1	XII в.	Максименко В.Е.	1983	Максименко и др., 1983*. С. 11-16. Рис. 10-25.
ПС2-3-3	Полевой Стан 2			Сколярская	впускное	1		Максименко В.Е.	1981	Максименко, 1981*. С. 26, 27. Рис. 31.
СЛАД1-1-1	Сладковский	48,1840	41,0936	Сладковский	основное	1		Смирнов К.Ф.	1976	Смирнов, 1976*. С. 3, 4. Рис. 6-8.
СЛАД1-1-1	Сладковский	48,1840	41,0936	Сладковский	впускное	1		Максименко В.Е.	1978	Максименко, 1978*. С. 3-5. Рис. 3-7.
СЛАД1-17-1	Сладковский	48,1840	41,0936	Сладковский	впускное	1		Максименко В.Е.	1979	Максименко, 1979*. С. 12, 13. Рис. 14-16.
СЛАД1-18-1	Сладковский	48,1840	41,0936	Сладковский	основное	1		Максименко В.Е.	1979	Максименко, 1979*. С. 15, 16. Рис. 18-21.
СЛАД32-1	Сладковский	48,1840	41,0936	Сладковский	основное	1		Максименко В.Е.	1983	Максименко и др., 1983*. С. 62, 63. Рис. 154-160.
<i>Усть-Донецкий район</i>										
РАЗД1-1	Раздорская			Раздорская	основное	1		Кияшко А.В.	1985	Кияшко, 1985*. С. 16. Рис. 1-18.
РАЗД3-1	Раздорская			Раздорская	основное	1		Кияшко А.В.	1985	Кияшко, 1985*. С. 18. Рис. 30-36.
<i>Шолоховский район</i>										
АЛЕКС1-1-2	Алексевский 1			Водянский	впускное	1		Житников В.Г.	1980	Житников, 1980*. С. 11, 12. Рис. 39-41.
АЛЕКС2-3-1	Алексевский 2			Водянский	основное	1	XII-XIII вв.	Житников В.Г.	1981	Житников, 1981*. С. 23-26. Рис. 60-74.
МРК1-1-5	Меркуловский 1			Меркуловский	впускное	1		Житников В.Г.	1977	Житников, Копылов, 1977*. С. 40, 41. Рис. 120.
<i>Цимлянский район</i>										
АРП2-21-2	Арпачин 2	47,1330	40,1000	Арпачин	впускное	1		Смирнов Ю.А.	1975	Каменский и др., 1975*. С. 149-152. Рис. 174, 177-184.
МОП1-2-2	Морозов 1			Морозов	впускное	1	XI — нач. XII в.	Казакова Л.М.	1972	Казакова, 1972*. С. 55, 56, 59, 60. Рис. 7, 8, 14, 15.
МОП3-1	Морозов 3	47,3006	41,3536	Морозов	впускное	1		Казакова Л.М.	1972	Казакова, 1972*. С. 71, 59, 60. Рис. 25.
МОП6-2	Морозов 6			Морозов	кнотаф	0	XIII-XIV вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973*. С. 37, 38. Рис. 82-87.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
МОР6-4-1	Морозов 6			Морозов	впускное	1	XIII-XIV вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973*. С. 44, 45. Рис. 105.
МОР6-4-2	Морозов 6			Морозов	впускное	1	XIII-XIV вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973*. С. 45. Рис. 106, 107.
МОР6-4-3	Морозов 6			Морозов	основное	1	XIII-XIV вв.	Казакова Л.М.	1973	Казакова, 1973*. С. 46. Рис. 108.
ПОП-30/6-1	Попов			Попов	впускное	1		Столяр А.Д.	1950	Столяр, 1958. С. 353.
ПОП-50/18-2	Попов			Попов	впускное	1		Столяр А.Д.	1951	Столяр, 1958. С. 389, 390. Рис. 29, 4, 5.
ПОТ2-2-1	Потайной	47,2036	42,0536	Семенкин	основное	1		Копылов В.П.	1980	Копылов, 1980*. С. 71-73. Рис. 240-246.
ПОТ3-1-1	Потапов 3			Потапов	основное	1	X-XII вв.	Казакова Л.М.	1974	Казакова, 1974*. С. 65, 66. Рис. 18, 1-5.
РОМ1-5-1	Романовский 1			Семенкин	основное	1	XIII-XIV вв.	Копылов В.П.	1980	Копылов, 1980*. С. 14-17. Рис. 42-58.
РОМ-1-1	Романовская			Романовская	впускное	1	IX-XI вв.	Семенов А.И.	1977	Семенов, 1977*. С. 3. Рис. 9, 10.
РОМ-4-1	Романовская			Романовская	впускное	1	IX-XI вв.	Семенов А.И.	1977	Семенов, 1977*. С. 5, 6. Рис. 23-27.
САРК-15/4	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное, кенотаф	0		Плетнёва С.А.	1950	Плетнёва, 1963. С. 235.
САРК-18/1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Артамонов М.И.	1936	Плетнёва, 1963. С. 233.
САРК-4-2	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1990. С. 13.
САРК-10-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220.
САРК-10-2	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	VIII-X вв.	Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220.
САРК-1-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 218.
САРК-11-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220.
САРК-12-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220.
САРК-13-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 219.
САРК-14-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 219.
САРК-15/3	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Плетнёва С.А.	1949	Плетнёва, 1963. С. 233-235.
САРК-15-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220.
САРК-16-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-X вв.	Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 220, 221.
САРК-19/15	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Артамонова О.А.	1949	Артамонова, 1963. С. 164, 165.
САРК-19/22	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Артамонова О.А.	1949	Артамонова, 1963. С. 165, 166.
САРК-19/26	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1	XI-XII вв.	Артамонова О.А.	1949	Артамонова, 1963. С. 166, 167.
САРК-19/29	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Артамонова О.А.	1949	Артамонова, 1963. С. 168, 169.
САРК-19/56	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	XI-XII вв.	Плетнёва С.А.	1950	Плетнёва, 1963. С. 236, 237.
САРК-20-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1949	Плетнёва, 1963. С. 221.
САРК-2-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 218.
САРК-21-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1949	Плетнёва, 1963. С. 221.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
САРК-27-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1950	Плетнёва, 1963. С. 221.
САРК-28-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1950	Плетнёва, 1963. С. 222.
САРК-29-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1950	Плетнёва, 1963. С. 222.
САРК-3-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 218.
САРК-33-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 222.
САРК-34-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 222.
САРК-35-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Плетнёва С.А.	1949	Плетнёва, 1963. С. 223.
САРК-35-2	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 223.
САРК-36-1	Саркел	47,4930	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 223.
САРК-37-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 223.
САРК-38-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 224, 225.
САРК-38-2	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	впускное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 225.
САРК-39-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-X вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 225, 226.
САРК-40-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 226.
САРК-4-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1990. С. 11.
САРК-41-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 226.
САРК-42-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 226, 227.
САРК-43-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 227, 228.
САРК-45-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное, кенотаф	0	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 228.
САРК-46-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 228, 229.
САРК-47-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 229.
САРК-48-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 229.
САРК-49-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	VIII-X вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 229, 230.
САРК-5-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 219.
САРК-53-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 230, 231.
САРК-54-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 231, 232.
САРК-56-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-X вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 232.
САРК-59-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 232, 233.
САРК-60-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное, кенотаф	0	IX-XI вв.	Плетнёва С.А.	1951	Плетнёва, 1963. С. 235.
САРК-6-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 218.
САРК-7-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	IX-X вв.	Круглов А.П.	1934	Плетнёва, 1963. С. 218.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
САРК-8-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1	X-XI вв.	Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 219, 220.
САРК-9-1	Саркел	47,4030	42,0738	Цимлянск	основное	1		Круглов А.П.	1935	Плетнёва, 1963. С. 218, 219.
СТС-7-1	Старосолонка			Атомаш	впускное	1		Семёнов А.И.	1975	Семёнов, 1975*. С. 23, 24. Рис. 1398-1402.
ХОЛ1-3-1	Холодный 1			Холодный	впускное	1		Казакова Л.М.	1972	Казакова, 1972*. С. 29-31. Рис. 32.
ХОЛ1-3-3	Холодный 1			Холодный	впускное	1		Казакова Л.М.	1972	Казакова, 1972*. С. 32. Рис. 32.
ЦЕН4-10-1	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1	XII в.	Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 76-80. Табл. 52, 55, 56.
ЦЕН4-2-2	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1	XII в.	Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 16-18, 20, 21. Рис. 9, 12.
ЦЕН4-3-1	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1	конец XII — XIII в.	Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 24-32. Рис. 15-22.
ЦЕН4-8-1	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1		Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 51, 52. Табл. 18, 19.
ЦЕН4-8-9	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1		Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 60, 61. Табл. 51.
ЦЕН4-9-4	Центральный 4	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1		Копылов В.П.	1976	Копылов, 1976*. С. 68, 74, 75. Табл. 59-61.
ЦЕН6-2-4	Центральный 6	47,2130	41,5112	Центральный	впускное	1		Копылов В.П.	1978	Копылов, 1978*. С. 44, 45. Рис. 176-179.
ЯС1-1-1	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 8. Рис. 17, 18.
ЯС1-5-Т1	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное, кенотаф	0		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 29. Рис. 92-97.
ЯС1-6-10	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 33, 34. Рис. 111-114а.
ЯС1-6-21	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 37. Рис. 139-141.
ЯС1-7-5	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 40, 41. Рис. 37, 155-157.
ЯС1-7-8	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 41, 42. Рис. 155.
ЯС1-8-17	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 43-46. Рис. 186.
ЯС1-9-17	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 52-54. Рис. 226, 227.
ЯС1-9-3	Ясырев 1	47,3054	41,5024	Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 52-55. Рис. 202.
ЯС2-1-1	Ясырев 2			Ясырев	впускное	1		Мошкова М.Г.	1970	Мошкова, 1970*. С. 37. Рис. 139-141.
Октябрьский район										
КАД7-2-6	Кадамовский 7			Кадамовский	впускное	1		Парусимов И.Н.	1988	Парусимов, 1988*. С. 27-30. Рис. 56, 59-61, 67.
ЛИВ5-10-3	Левенцовка 5			Левенцовское	впускное	1		Житников В.Г.	1978	Житников, Казакова, 1978*. С. 25, 26. Рис. 52-57, 69-73.
Саратовская область										
Балашовский район										
ЛЕСН-1-1	Лесное	51,3342	42,3924	Лесное	основное	1	XII-XIII вв.	Шкурко А.И.	1967	Шкурко, 1967*. С. 2-4. Табл. II. Цыбин, 1986. С. 259, 260. Рис. 3, 4.
ЛЕСН-2-1	Лесное	51,3342	42,3924	Лесное	основное	1	XII-XIII вв.	Шкурко А.И.	1967	Шкурко, 1967*. С. 4-6. Табл. III. Цыбин, 1986. С. 261-263. Рис. 2, 4.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЛЕСН-3-1	Лесное	51,3342	42,3924	Лесное	основное	1	XII-XIII вв.	Шкурко А.И.	1967	Шкурко, 1967*. С. 6-8. Табл. IV, V. Цыбин, 1986. С. 263. Рис. 2, 4.
ЛЕСН-4-1	Лесное	51,3342	42,3924	Лесное	основное	1	XII-XIII вв.	Шкурко А.И.	1967	Шкурко, 1967*. С. 8, 9. Табл. VI. Цыбин, 1986. С. 263. Рис. 3, 16.
ЛЕСН-5-1	Лесное	51,3342	42,3924	Лесное	основное	1	XII-XIII вв.	Шкурко А.И.	1967	Шкурко, 1967*. С. 9, 10. Табл. VII. Цыбин, 1986. С. 263, 264. Рис. 2, 4.
НИКОЛ-Г-1	Никольска	51,3048	43,0000	Никольска	впускное	1	X-XI вв.	Хрсков А.А.	1978	Хрсков, 1978*. Цыбин, 1986. С. 257. Рис. 2.
<i>Ровенский район</i>										
РОВ-4-7	Ровное	50,4448	46,0254	Ровное	впускное	1		Синицын И.В.	1957	Синицын, 1957*. С. 25, 26. Рис. 33, 34.
СКАТ-1-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 159. Рис. 55, 1.
СКАТ-14-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 172.
СКАТ-14-2	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 172.
СКАТ-15-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 172. Рис. 55, 5; 57, 3.
СКАТ-16-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XIII-XIV вв.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 172.
СКАТ-19-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-19-2	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-19-3	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-19-4	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-19-5	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-20-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-20-2	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1	XIV в.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 175.
СКАТ-2-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XII-XIII вв.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 159. Рис. 55, 2.
СКАТ-3-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 160.
СКАТ-4-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1	XII-XIII вв.	Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 160. Рис. 55, 3.
СКАТ-5-2	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	впускное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 160. Рис. 55, 4.
СКАТ-7-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 164.
СКАТ-8-1	Скатовка	50,5600	46,0548	Скатовка	основное	1		Синицын И.В.	1953	Синицын, 1959. С. 164.
<i>Саратовский район</i>										
РАС-2-1	Расловка			2-я Расловка	впускное	1	XIV в.	Малов Н.М.	1989	Малов, 1989*. С. 4. Рис. 4.
РАС-2-2	Расловка			2-я Расловка	основное	1	XIV в.	Малов Н.М.	1989	Малов, 1989*. С. 5, 6. Рис. 4.
ЗОЛ-1-1	Золотушино южная группа			Золотушино	основное	1	XIII-XIV вв.	Рыков П.С.	1928	Рыков, 1928*. С. 29, 30. Рис. 13.
КАЗ-1-2	Казинское			Казинское	впускное	1	XIII-XIV вв.	Ры П.Д.	1925	Ры, 1925*. С. 18, 19.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Ставропольский край										
<i>Александровский район</i>										
ВР1-1-1	Веселая Роша 1			Веселая Роша	впускное	1		Тихонов Б.Г.	1976	Тихонов, 1976*. С. 3. Рис. 3–8.
ВР2-26-4	Веселая Роша 2			Веселая Роша	впускное	1		Романовская М.А.	1979	Романовская, 1979*. С. 154. Рис. 563.
ВР3-14-8	Веселая Роша 3			Веселая Роша	впускное	1		Романовская М.А.	1979	Романовская, 1979*. С. 109, 110. Рис. 355, 356.
ЖУК1-9-6	Жуковский 1			Жуковский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Тихонов Б.Г.	1977	Тихонов, Державин, 1977*. С. 21. Рис. 45, 59–61.
КАЛИН-10-1	Калиновское			Калиновское	основное	1	XII–XIII вв.	Дервиз П.Г.	1982	Дервиз и др., 1982*. С. 127–135. Рис. 382–440.
<i>Апанасенковский район</i>										
ДЖ2-1-1	Джухта			Апанасенковское	впускное	1		Белинский А.Б.	1998	Белинский А.Б., 1998*. С. 15–19. Рис. 43–70.
ДЖ2-2-2(3)	Джухта			Апанасенковское	впускное	1	XIII–XIV вв.	Белинский А.Б.	1998	Белинский А.Б., 1998*. С. 25–28. Рис. 87–114.
ДЖ2-2-5(4)	Джухта			Апанасенковское	основное	1	XIII–XIV вв.	Белинский А.Б.	1998	Белинский А.Б., 1998*. С. 30–33. Рис. 129–151.
<i>Арзгирский район</i>										
ЧОГ-1-1	Чограйский			Чограйский	основное	1	XIII–XIV вв.	Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 151–155. Рис. 665–685.
ЧОГ-1-2	Чограйский			Чограйский	впускное	1	XIII–XIV вв.	Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 155, 156. Рис. 686–699.
ЧОГ2-16-1	Чограйский 2			Чограйский	впускное	1	XI–XIII вв.	Корняко В.А.	1977	Корняко, 1977*. С. 355, 356. Рис. 519, 520.
ЧОГ2-18-3	Чограйский 2			Чограйский	впускное	1	XII–XIII вв.	Корняко В.А.	1977	Корняко, 1977*. С. 416–419. Рис. 593–604.
ЧОГ2-7-2	Чограйский 2			Чограйский	впускное	1		Корняко В.А.	1977	Корняко, 1977*. С. 228–231. Рис. 357–362.
ЧОГ3-4-2	Чограйский 3			Чограйский	впускное	1		Корняко В.А.	1978	Корняко, 1978*. С. 67–69. Рис. 72.
ЧОГ4-6-2	Чограйский 4			Чограйский	впускное	1		Корняко В.А.	1978	Корняко, 1978*. С. 241–245. Рис. 271–283.
ЧОГ7-4-1	Чограйский 7			Чограйский	основное	1		Корняко В.А.	1978	Корняко, 1978*. С. 369–374. Рис. 391, 392.
ЧОГ8-12-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 54. Рис. 140, 141.
ЧОГ8-14-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	основное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 70, 71. Рис. 195, 196.
ЧОГ8-15-3	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 74, 75. Рис. 203–207.
ЧОГ8-20-4	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 101, 102. Рис. 280–283.
ЧОГ8-22-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	основное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 108, 109. Рис. 300–304.
ЧОГ8-27-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	основное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 120, 121. Рис. 329–333.
ЧОГ8-3-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 11, 12. Рис. 25, 26.
ЧОГ8-5-2	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 26, 27. Рис. 71–73.
ЧОГ8-7-1	Чограйский 8	45,3000	44,2242	Чограйский	основное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 35–37. Рис. 97–103.
ЧОГ9-1-10	Чограйский 9			Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 13, 14. Рис. 69–74.
ЧОГ9-2-3	Чограйский 9			Чограйский	впускное	1	XII–XIII вв.	Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 21, 22. Рис. 103–111.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЧОГ9-7-3	Чограйский 9			Чограйский	впускное	1		Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 79, 80. Рис. 340-346.
ЧОГ9-9-1, Пкен	Чограйский 9			Чограйский	впускное, кностаф	0		Андреева М.В.	1986	Андреева, 1986*. С. 86, 87. Рис. 369, 370, 442.
<i>Ипатовский район</i>										
АЙГ1-1-1	Айгурский 1	45,3648	43,1948	Айгурский	основное	1		Бабенко В.А.	2000	Бабенко, 2000*. С. 59-62. Рис. 448-473.
АЙГ1-1-2	Айгурский 1	45,3648	43,1948	Айгурский	основное	1		Бабенко В.А.	2000	Бабенко, 2000*. С. 62-64. Рис. 448-487.
АЙГ2-27-1	Айгурский 2	45,3648	43,1948	Айгурский	основное	1		Бабенко В.А.	2000	Бабенко, 2000*. С. 33-37. Рис. 232-263.
ЗОЛ6-1-3	Золотарева			Золотарева	впускное	1		Бабенко В.А.	1999	Бабенко, 1999*. С. 7-9. Рис. 29-37.
ЗОЛ7-1-3	Золотарева			Золотарева	впускное	1		Калмыков А.А.	1999	Калмыков, 1999*. С. 27-30. Рис. 88-114.
ЗОЛ7-4-2	Золотарева			Золотарева	впускное	1		Калмыков А.А.	1999	Калмыков, 1999*. С. 59-61. Рис. 248-261.
ИП7-3-1	Ипатово 7	45,4048	42,5348	Ипатово	основное	1		Белинский А.Б.	1999	Белинский А.Б., 1999*. С. 27-37. Рис. 143-181.
<i>Новоселицкий район</i>										
НОВОС-1-1	Новоселицкое			Новоселицкое	впускное	1	XII в.	Кореняко В.А.	1974	Кореняко, Атавин, 1986. С. 95-97. Рис. 1.
НОВОС-1-3	Новоселицкое			Новоселицкое	впускное	1	XII в.	Кореняко В.А.	1974	Кореняко, Атавин, 1986. С. 97-100. Рис. 2.
<i>Петровский район</i>										
ОРЕХ-3-1	Ореховка			Ореховка	впускное	1		Андреева М.В.	1979	Андреева, 1979*. С. 31-33. Рис. 161-171.
<i>Труновский район</i>										
ИЛЬИН-5-3	Ильинский 1			Ильинский	впускное	1		Березин Я.Б.	1998	Березин, 1998*. С. 44-46. Рис. 203-219.
ИЛЬИН-7-2	Ильинский 1			Ильинский	впускное	1		Березин Я.Б.	1998	Березин, 1998*. С. 69-72. Рис. 322-344.
<i>Туркменский район</i>										
ГОЛ-1-2	Голубь			р. Голубь	впускное	1		Кореняко В.А.	1976	Кореняко, 1976*. С. 6-8. Рис. 7-11.
ГОЛ-2-1	Голубь			р. Голубь	впускное	1		Кореняко В.А.	1976	Кореняко, 1976*. С. 19, 20. Рис. 38-41.

Табл. 2. Список святилищ средневековых кочевников

Шифр святилища	Населенный пункт	Автор раскопок	Год раскопок	Датировка	Литература
1	2	3	4	5	6
Волгоградская область					
<i>Клетский район</i>					
КРЕМ1-4-я1,2	Кременская	Шилов В.П.	1960		Шилов, 1960*. С. 10, 11. Рис. 2, 5, 6.
Республика Калмыкия					
<i>Ики-Бурульский район</i>					
ВМ2-21-святил	Чограйское водохранилище	Синицын И.В.	1965		Синицын, 1965*. С. 215. Рис. 452, 453.
Краснодарский край					
<i>Кавказский район</i>					
ДМИТ1-2-святил	Дмитриевская	Скрипкин А.С.	1982		Скрипкин, 1982*. С. 14. Рис. 78, 79.
<i>Калининский район</i>					
КЛТР-2	Лебеди	Гей А.Н.	1983		Гей, Орловская, 1983*. С. 28.
<i>Короновский район</i>					
РАЗД-7-святيليщ	Раздольная	Нехаев А.А.	1978		Нехаев, 1978*. С. 84, 85. Рис. 328–332.
Ростовская область					
<i>Азовский район</i>					
НА1-18-я2святил	Нов-Александровка	Беспалый Е.И.	1984		Беспалый, 1984*. С. 9, 10. Рис. 23, 24.
НА1-22-я2святил	Нов-Александровка	Беспалый Е.И.	1984		Беспалый, 1984*. С. 23. Рис. 67.
КРАС1-1-я3свят	Красногородка	Беспалый Е.И.	1984		Беспалый, 1984*. С. 62, 85. Рис. 208.
<i>Багаевский район</i>					
ТУЗ-7-я1святил	Тузлуки	Беспалый Е.И.	1980	XI–XII вв.	Беспалый, 1980*. С. 13–17, 31, 32. Табл. 6, 1; 11, 5, 6; 12, 5.
ТУЗ-27-я1святил	Тузлуки	Беспалый Е.И.	1980		Беспалый, 1980*. С. 131. Табл. 50, 51, 54.
КОЛ3-святителище	Колдыри	Беспалый Е.И.	1983		Беспалый, 1983*. С. 17, 18. Рис. 34, 52.
КОЛ1-1-я1святил	Колдыри	Беспалый Е.И.	1983		Беспалый, 1983*. С. 36. Рис. 112.
ОТР2-1-я1святил	Отрадный	Саяпин В.В.	1989		Саяпин, 1989*. С. 16. Рис. 40–43.

1	2	3	4	5	6
<i>Волгодонский район</i>					
СЕМ-9-святых	Смёнкин	Ларенок П.А.	1989	XVII-XVIII вв.	Ларенок, 1989*. С. 62, 63. Рис. 167-174.
СЕМ-10-святых	Смёнкин	Ларенок В.А.	1990		Ларенок, 1990*. С. 30-32. Рис. 78-82.
<i>Константиновский район</i>					
БР1-3-я1 святых	Богоявленская	Житников В.Г.	1989	XII-XIII вв.	Житников, 1989*. С. 54. Рис. 150, 151.
<i>Красносулинский район</i>					
ОКТ1-святых	Октябрьский	Прокофьев Р.В.	2001		Прокофьев, 2001*. С. 41-47. Рис. 143-163.
КАЛ2-1-святых	Калинов	Глебов В.П.	2001		Глебов, 2001*. С. 43-45. Рис. 115-118, 139-146, 151.
<i>Мартыновский район</i>					
НОВ-67-святых	Новый	Ильюков Л.С.	1982		Ильюков, 1982*. С. 345-352. Рис. 1175, 1189-1195.
НОВ-119-святых	Новый	Ильюков Л.С.	1982		Ильюков, 1982*. С. 660, 661. Рис. 2430, 2441, 2442.
НСАД-21-святых	Новосадковский	Ильюков Л.С.	1985		Ильюков, 1985*. С. 130-132. Рис. 470-483.
<i>Неклиновский район</i>					
ГК15-1-святых	Гаевка-Каймак	Казакова Л.М.	1975		Казакова, 1975*. С. 35. Рис. 33, 3.
ДАР-1-святых	Дарьска	Панченко А.Е.	1980		Панченко, 1980*. С. 4, 5. Рис. 5-10.
<i>Октябрьский район</i>					
КЕР1-я1 святых	Озерки	Беспалый Е.И.	1988		Беспалый, 1988*. С. 3, 10, 11. Рис. 1-3, 20, 22.
<i>Песчанокосский район</i>					
ПЕРВ1-4-я1 святых	Первомайский	Горбенко А.А.	1974		Горбенко, 1974*. С. 43, 44, 47, 48. Рис. 69, 78.
<i>Ростов-на-Дону</i>					
ВЯТ-6-святых	Ростов-на-Дону	Волков И.В.	1983	XII-XIII вв.	Волков, 1983*. С. 28, 50-52. Рис. 44, 45, 48-53.
ЛИВ7-2-святых	Ростов-на-Дону	Гугусев Ю.К.	1989	сер. XI — XIII вв.	Гугусев, 1989*. С. 32-41. Рис. 64-108.
<i>Семикаракорский район</i>					
САГ1-7-святых	Сагванский	Зельдина В.Я.	1978	XII-XIII вв.	Зельдина, 1978*. С. 113-117. Рис. 540-553.
САГ1-8-святых	Сагванский	Зельдина В.Я.	1978		Зельдина, 1978*. С. 140-142. Рис. 711-721.
БЛ1-25-святых	Балабин	Узянов А.А.	1976		Узянов, 1976*. С. 239. Рис. 746.
БЛ1-38-к1 святых	Балабин	Смирнов Ю.А.	1977		Смирнов, 1977*. С. 322, 323. Рис. 603-605.

1	2	3	4	5	6
<i>Цимлянский район</i>					
ХОЛ1-2-я1святит	Холодный	Казакова Л.М.	1972	Х-ХII вв.	Казакова, 1972*. С. 28, 29. Рис. 30, 31.
ХОЛ1-3-я1святит	Холодный	Казакова Л.М.	1972		Казакова, 1972*. С. 33. Рис. 32.
ХОЛ3-2-святит2	Холодный	Казакова Л.М.	1972	Х-ХII вв.	Казакова, 1972*. С. 40-46. Рис. 45-47.
ПОТ2-5-святит	Семёнкин	Копылов В.П.	1980	XII в.	Копылов, 1980*. С. 77-80. Рис. 265-274.
Ставропольский край					
<i>Арзгирский район</i>					
ЧОГ9-4-к1святит	Чогайский	Андреева М.В.	1986		Андреева, 1986*. С. 52, 53. Рис. 234, 244. Андреева, Атавин, 1998.
<i>Грачевский район</i>					
БЕШ-2-9	Бешпагир	Мирошина Т.В.	1983	XI-XII вв.	Мирошина, 1983*. С. 31-33. Рис. 151-157.
<i>Новоалександровский район</i>					
ГРИГ-К-святитищ	Григориополис	Отюцкий И.В.	1984		Отюцкий, 1984*. С. 4, 5. Рис. 8-11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова О.А.*, 1963. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109.
- Атавин А.Г.* 1995. Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Волги и Дона) // Базы данных в археологии. М.
- Атавин А.Г.*, 2001. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности Евразийских степей. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж.
- Атавин А.Г., Андреева М.В.*, 1998. Половецкое святилище на Ставрополье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь.
- Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г.*, 2002. Что же такое хазарский погребальный обряд? (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй Международный colloquium. Тез. М.
- Васюткин С.М., Кольцов П.М., Николаева Н.А.*, 1992. Средневековые погребения зоны канала Волга–Чограй // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Гуренко Л.В.*, 1993. Новые курганные материалы Донского правобережья // ДВДС. Вып. 3. Волгоград.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.*, 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.
- Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А.*, 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Николаевской рисовых систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарёв О.А.*, 1995. Археологические исследования у с. Абганерово, Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.
- Ефимов К.Ю.*, 1999. Позднекочевническое захоронение в лодке у села Старая Калитва // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.
- Ефимов К.Ю.*, 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень Колодезь» // РА. № 1.
- Каминская И.В.*, 1989. Погребение воина-кочевника татаро-монгольского времени из степного Прикубанья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Областной науч.-практ. семинар. Тез. докл. Донецк.
- Ким И.А.*, 1993. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка // ДВДС. Вып. 3.
- Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А.*, 2001. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар.
- Коренько В.А., Атавин А.Г.*, 1986. Погребения поздних кочевников из с. Новоселицкое // КСИА. № 183.
- Круглов Е.В., Клепиков В.М.*, 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // ДВДС. Вып. 3.
- Мамонтов В.И.*, 1993. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка 2 // ДВДС. Вып. 3.
- Мамонтов В.И.*, 1995. Курганный могильник Шебалино // ДВДС. Вып. 5.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В.*, 1993. Средневековые погребения Царёвского курганного могильника // ДВДС. Вып. 3.
- Минаева Т.М.*, 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11.
- Мошкова М.Г., Максименко В.Е.*, 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 2. М.
- Мыськов Е.П.*, 1993. Погребения кочевников IX–X вв. на Ахтубе // ДВДС. Вып. 3.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А.*, 1993. Раскопки курганов у х. Трясиновский // ДВДС. Вып. 3.
- Плетнева С.А.*, 1962. Половецкие погребения в урочище Каменная балка // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
- Плетнева С.А.*, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109.

Плетнева С.А., 1990. Печенег и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дёмкин В.А., 2001. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.

Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. № 60.

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. № 78.

Смирнов К.Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.

Смирнов К.Ф., 1960. Быковские курганы // МИА. № 78.

Спицын А.А., 1896. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Нов. серия. СПб.

Столяр А.Д., 1958. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950–1951 гг. // МИА. № 62.

Филипченко В.А., 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас // СА. № 2.

Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье // СА. № 3.

Шилов В.П., 1985. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста.

Шнайдитейн Е.В., 1979. Раскопки курганов в урочище «Гува» // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Андреева М.В., 1979*. Отчёт о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции. Ставропольский край // Архив ИА РАН. Р-1. № 8039, а.

Андреева М.В., 1986*. Отчёт о работах Арзгирского отряда в Ставропольском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11910, б.

Анфимов И.Н., 1988*. Отчёт о раскопках курганов на землях колхоза «Рассвет» Калининского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 12585, 12587.

Анфимов Н.В., 1970–1971*. Отчёт о раскопках курганов близ ст. Роговской (Тимашевский р-н Краснодарского края) // Архив ИА РАН. Р-1. № 6123, а, б.

Арапов С.В., 1987*. Отчёт об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства орошаемого участка с/х «Яшкульский» в Яшкульском районе, Калмыцкая АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12525, а.

Афанасьев Г.Е., 1976*. Отчёт Куберлекского отряда Донской экспедиции. Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 10102, а.

Бабенко В.А., 1999*. Отчёт о раскопках курганного могильника «Айгурский 2» у совхоза «Советское руно» Ипатовского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22350, 22351.

Бабенко В.А., 2000*. Отчёт о раскопках курганного могильника «Айгурский 2» и курганного могильника «Айгурский 1» у совхоза «Советское руно» Ипатовского района Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23452, 23453.

Балабина В.И., 1975*. Отчёт Донской экспедиции о работах в Ростовской области (могильники Лебединый, Кузнецовский I, Балабинский III, разведки на Багоевско-Садновской ОС) // Архив ИА РАН. Р-1. № 11238, б.

Бейсов Г.С., 1980*. Отчёт об исследовании кургана у с. Ново-Батайское Азовского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8085, б.

Белинский А.Б., 1998*. Отчёт об охранных раскопках курганного могильника «Джухта» в Апанасенковском районе Ставропольского края в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21043.

Белинский А.Б., 1998а*. Отчёт о раскопках кургана 2 могильника Ипатово 3 у г. Ипатово Ставропольского края в 1998–1999 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24080–24085.

Белинский А.Б., 1999*. Отчёт о раскопках курганного могильника Ипатово-7, г. Ипатово Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22963, 22964.

Белинский И.В., 1987*. Отчёт о раскопках курганного могильника Козинка-I, находя-

щегося на территории государственного племенного завода «Пролетарский» Пролетарского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11943, а.

Белинский И.В., 1988*. Отчёт о работах Приморского Первого отряда АКМ (раскопки курганов в Азовском районе Ростовской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 12878–12880.

Белинский И.В., 1990*. Отчёт о раскопках курганного могильника «Аэродром» в зоне расширения дачных участков садоводческого товарищества «Мичуринец 3» на территории г. Азова // Архив ИА РАН. Р-1. № 15117, 15118.

Березин Я.Б., 1998*. Отчёт о раскопках курганного могильника «Золотаревка 5» в Ипатовском районе Ставропольского края в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22352, 22353.

Беспалый Г.Е., 2000*. Отчёт о раскопках курганов 3–12 могильника Кавказский 2 на трассе газопровода Россия–Турция в Кавказском Районе и курганов 2, 6 могильника Весёлый 1 в Крымском районе Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Беспалый Е.И., 1979*. Отчёт о работе в совхозе «Орошаемый» Багаевского района. Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8087, а.

Беспалый Е.И., 1980*. Отчёт об исследовании курганов в зоне строительства орошаемого участка в совхозе «Орошаемый» у хут. Тулзуков. Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8817, а.

Беспалый Е.И., 1981*. Отчёт об исследовании курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8714, а.

Беспалый Е.И., 1982*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1982 г. Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8978, а.

Беспалый Е.И., 1983*. Отчёт о работе Приморского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9887, а.

Беспалый Е.И., 1984*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10557, а.

Беспалый Е.И., 1985*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского

краеведческого музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10859, а.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1986*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11387, 11388а.

Беспалый Е.И., 1987*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12382, а.

Беспалый Е.И., 1987а*. Отчёт о работах Приморского археологического отряда (могильники Хапры и Красногоровка) на территории Азовского и Мясниковского районов Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12540, а.

Беспалый Е.И., 1988*. Отчёт о работах Придонского Новочеркасской археологической экспедиции в Октябрьском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12881, 12882.

Беспалый Е.И., 1993*. Отчёт о работах на Нижнем Дону в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18106, 18107, 18108.

Бестужев Г.Н., 1987*. Отчёт о работе Абинского отряда Кубанской экспедиции в Абинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 12481, а.

Богословский О.В., 1986*. Отчёт о работе археологического отряда КГИМАЗ по исследованию курганов II-го Старотитаровского могильника в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11583, а.

Бойков А.А., 1990*. Отчёт о работах Южного отряда археологической экспедиции ВГПИ на юге Воронежской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15292.

Бочкарев В.С., 1979*. Отчёт о работе Батурицкого отряда Кубанской экспедиции в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7581, а.

Бочкарев В.С., 1980*. Отчёт Новокорсунского и II-го Батурицкого отрядов Кубанской экспедиции в Тимашевском и Брюховецком районах // Архив ИА РАН. Р-1. № 8243, а.

Бочкарев В.С., 1982*. Отчёт о Кубанской экспедиции о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9605, а.

Бочкарев В.С., 1986*. Отчёт о работе Динского отряда Кубанской экспедиции в Динс-

ком районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 12399, а.

Братченко С.Н., 1960*. Отчёт об археологических раскопках у поселка Багаевского Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 2246, а.

Брашинский И.Б., 1967*. Отчёт о работе Южно-Донской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3568, б.

Брашинский И.Б., 1967*. Отчёт о работе Южно-Донской экспедиции // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, 1967, д. 75.

Брашинский И.Б., 1975*. Отчёт о работе Южно-Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6075, а.

Брашинский И.Б., Копылов В.П., Марченко К.К., 1976*. Отчёт о работе Южно-Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6350, а.

Васюткин С.М., 1981*. Отчёт об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 8801.

Васюткин С.М., 1982*. Отчёт об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 9379.

Васюткин С.М., 1984*. Отчёт об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 10193.

Васюткин С.М., 1985*. Отчёт об археологических исследованиях на трассе канала Волга–Чограй в Астраханской области и Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11058.

Васюткин С.М., 1988*. Отчёт об археологических исследованиях на трассе канала Волга–Чограй в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12677.

Васюткин С.М., 1989*. Отчёт о раскопках курганов на территории совхоза «Джангар» Октябрьского района Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 14799.

Васюткин С.М., Кольцов П.М., 1987*. Отчёт об археологических исследованиях на трассе канала Волга–Чограй // Архив ИА РАН. Р-1. № 11906, а.

Волков И.В., 1983*. Отчёт о спасательных раскопках курганного могильника на Вятской улице в г. Ростове-на-Дону // Архив ИА РАН. Р-1. № 9838.

Воронина Р.Ф., 1973*. Отчёт о работах 2-го Манычского отряда Донской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5642, а, б.

Воронина Р.Ф., 1974*. Отчёт о работе Нижнеманычского отряда Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6899, а.

Гаврилина Л.М., 1986а*. Отчёт об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства 1-ой очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Октябрьском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11471, а.

Гаврилина Л.М., Шишлина Н.И., 1986*. Отчёт об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11331, б.

Гей А.Н., 1977*. Отчёт о работах Донской археологической экспедиции. Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8110, а.

Гей А.Н., 1979*. Отчёт о работах Потуданского отряда Северо-Кавказской экспедиции (раскопки курганов 2–14 могильника Лебед-1). Краснодарский край // Архив ИА РАН. Р-1. № 10857, в.

Гей А.Н., 1979а*. Отчёт о работах Северо-Кавказской экспедиции (Потуданский отряд) в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11597, б.

Гей А.Н., Орловская Л.Б., 1983*. Отчёт о работах Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11607, а.

Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И., 1981*. Отчёт о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 9722, в, г.

Гиджраты Н.И., 1980*. Отчёт о раскопках курганов в Краснодарском крае и работах в г. Волгодонске ШКАЭ НИС СОГУ СОАССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 8090, а.

Глебов В.П., 2001*. Отчёт об исследовании курганов могильников Раскатый 1 и Калинов 2 в Красносулинском районе Ростовской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Головкова Н.Н., 1979*. Отчёт о работе Приморской археологической экспедиции. Азовский район, Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 7783, а.

Головкова Н.Н., 1980*. Отчёт об исследованиях курганов в Мартыновском районе

Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9888, а.

Горбенко А.А., Максименко В.Е., Коренько В.А., 1971*. Отчёт об археологических исследованиях в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4481, а.

Горбенко А.А., 1973*. Отчёт о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5422, б.

Горбенко А.А., 1974*. Отчёт о работах археологической экспедиции Азовского музея в Песчанокопском и Азовском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11858, а.

Гордин И.А., 1987*. Отчёт об археологических раскопках курганного могильника Козинка-II в зоне строительства орошаемого участка в племхозе «Пролетарский» Пролетарского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11942, а.

Гордин И.А., 1988*. Отчёт об археологических раскопках курганного могильника «Пирожок» в зоне проведения земляных планировочных работ на землях совхоза «Левобережный» Волгодонского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12937, 12938.

Гугуев Ю.К., 1989*. О разведках и раскопках курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону в 1999 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14115, 14116.

Гуляев В.И., 1967*. Отчёт о работе за полевой сезон 1967 года разведгруппы Воронежской лесостепной экспедиции / Отчет Воронежской лесостепной экспедиции за 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3432, а.

Гумилёв Л.Н., 1961*. Отчёт о работе Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив ИА РАН. Р-1. № 2326, а.

Гуренко Л.В., 2001*. Отчёт об археологических исследованиях в Октябрьском и Кумылженском районах Волгоградской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23770.

Дворниченко В.В., 1973*. Отчёт о работе Багаевского отряда Донской экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства оросительной системы Багаево-Садковск // Архив ИА РАН. Р-1. № 5216, а.

Дворниченко В.В., 1985*. Отчёт о раскопках бескурганного могильника у с. Косика

Енотаевского района Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10886, а.

Дворниченко В.В., 1986*. Отчёт о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11799, а.

Дворниченко В.В., 1989*. Отчёт о раскопках могильника в Астраханской области в 1988–89 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14188.

Дворниченко В.В., 2000*. Отчёт о раскопках поселения и курганного могильника Колобовка-IV у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23682.

Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1975*. Отчёт Поволжской археологической экспедиции о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 5250, а.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А., 1984*. Отчёт о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с. Косика в Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10879, б.

Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А., 1980*. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства I очереди КАРОС в Черноярском районе Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8254, 8255.

Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А., 1981*. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства I-ой очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы в Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9905, а.

Дервиз П.Г., Мирошина М.В., Мишина Т.Н., 1982*. Отчёт о работах Александровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11525, г.

Дьяченко А.Н., 1984*. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11281, а.

Дьяченко А.Н., 2001*. Отчёт об археологических раскопках в Волгоградском Задонье и Окрестностях Царёвского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Житников В.Г., 1980*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства Чирской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 7803, а.

Житников В.Г., 1981*. Отчёт о работе Южно-Донской экспедиции на Елизаветинском городище в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8816, а.

Житников В.Г., 1982*. Отчёт о работе Чирского отряда Ростовской экспедиции Ростовского университета // Архив ИА РАН. Р-1. № 9220, а.

Житников В.Г., 1984*. Отчёт о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 10321, а.

Житников В.Г., 1985*. Отчёт о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 10858, а.

Житников В.Г., 1986*. Отчёт о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11373, а.

Житников В.Г., 1987*. Отчёт о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12129, а.

Житников В.Г., 1989*. Отчёт о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 14252, 14253.

Житников В.Г., Казакова Л.М., 1978*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства западного обхода Ростовского узла СКЖД, Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 7304, а.

Житников В.Г., Копылов В.П., 1977*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства Чирской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 6861, а.

Житников В.Г., Марченко К.К., 1984*. Отчёт о работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10609, а.

Зельдина В.Я., 1977*. Отчёт о работе Слободского отряда Донской экспедиции. Т. V // Архив ИА РАН. Р-1. № 8101, а.

Зельдина В.Я., 1978*. Отчёт о работах Донской археологической экспедиции. Т. II // Архив ИА РАН. Р-1. № 8102, а.

Ильюков Л.С., 1976*. Отчёт об исследованиях курганов на территории строительства Миусской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 6279, а.

Ильюков Л.С., 1977*. Отчёт об исследовании курганов в зоне строительства Миусской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 6883, а.

Ильюков Л.С., 1981*. Отчёт об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8867, в.

Ильюков Л.С., 1982*. Отчёт об исследовании курганного могильника у хут. Нового Мартыновского района Ростовской области. Т. I и II // Архив ИА РАН. Р-1. № 9255, 9256, а, б, в.

Ильюков Л.С., 1984*. Отчёт об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11857, а.

Ильюков Л.С., 1985*. Отчёт об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10925, а.

Ильюков Л.С., 1986*. Отчёт об исследовании курганных могильников в Мартыновском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11601, а.

Ильюков Л.С., 1987*. Отчёт об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11889, а.

Ильюков Л.С., 1988*. Отчёт об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12890, а.

Ильюков Л.С., 2001*. Исследование курганного могильника Нижнедонские Частые Курганы в Белокалитвинском районе Ростовской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1979*. Отчёт об исследовании курганов в зоне строительства Миусской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 7462, а.

Иноземцев Г.А., 1951*. Отчёт о раскопках курганных погребений в Аксайском районе Ростовской области в 1951 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 594.

Казакова Л.М., 1972*. Отчёт об исследованиях разрушаемых археологических памятников в зонах строительства рисовых совхозов «Большевской», «Дубенцовский» в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4980, а.

Казакова Л.М., 1973*. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства рисовых совхозов в Цимлянском районе Ростовской области (Цимлянская археологическая экспедиция) // Архив ИА РАН. Р-1. № 5231, а.

Казакова Л.М., 1973а*. Отчёт о спасательных работах в зоне строительства Новоростовской ТЭЦ-2 и механического завода // Архив ИА РАН. Р-1. № 6380, а.

Казакова Л.М., 1974*. Отчёт о полевых исследованиях в зоне строительства Миусской и Донской оросительных систем // Архив ИА РАН. Р-1. № 5417, а.

Казакова Л.М., 1975*. Отчёт об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Миусской оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5771, а.

Казакова Л.М., 1986*. Отчёт об исследовании Кобяковского курганного могильника по проспекту 40-летия Победы в Пролетарском р-не г. Ростова-на-Дону // Архив ИА РАН. Р-1. № 11426, а.

Калмыков А.А., 1999*. Отчёт о раскопках курганных могильников Золотаревка 4 и Золотаревка 7 в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23298.

Каменецкий И.С., Державин В.Л., Смирнов Ю.А., 1975*. Отчёт Донской экспедиции ИА АН СССР. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6031, а.

Каминский В.Н., 1986*. Отчёт о раскопках курганов в с. Успенском Успенского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11277, г.

Капошина С.И., 1960*. Отчёт о работе Кобяковской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2226, а.

Кияшко А.В., 1985*. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского госпединститута в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11246.

Клейн Л.С., 1970*. Отчёт Новочеркасской археологической экспедиции ЛГУ близ г. Новочеркасска // Архив ИА РАН. Р-1. № 4216, б.

Клейн Л.С., 1971*. Отчёт Новочеркасской археологической экспедиции ЛГУ // Архив ИА РАН. Р-1. № 4620, в.

Клейн Л.С., 1973*. Отчёт Новочеркасской экспедиции ЛГУ о раскопках курганов под г. Новочеркасском Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6101, б.

Козюменко Е.В., Парусимов И.Н., 1988*. Отчёт о работах Верхнедонского отряда Новочеркасской археологической экспедиции в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12929–12930.

Кольцов П.М., 1988*. Отчёт об исследовании курганов на орошаемых участках совхоза «Джангар» Октябрьского района Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12682.

Кольцов П.М., 1989*. Отчёт о раскопках курганной группы «Шаряд» на трассе дороги Ики-Бурул—Чолун-Хамур Икибурульского района Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 13708.

Копылов В.П., 1978*. Отчёт о работе Донского отряда Ростовской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 7283, а.

Копылов В.П., 1980*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8104, а.

Копылов В.П., 1981*. Отчёт о раскопках Елизаветинского курганного могильника на территории Ростовской области в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8733, а.

Копылов В.П., 1986*. Отчёт о работе археологической экспедиции РГПИ в зоне строительства Константиновской оросительной системы в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11361, а.

Копылов В.П., 1987*. Отчёт о работе археологической экспедиции РГПИ в зоне строительства Константиновской ОС в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12124, а.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1989*. Отчёт об исследованиях археологических памятников в зоне мелиоративных работ в Багаевском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13701, 13702.

Кореньяко В.А., 1976*. Отчёт о работе Туркменского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 8008, а.

Кореньяко В.А., 1977*. Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 7223, е.

Кореньяко В.А., 1978*. Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 7468, б.

Крайсветный М.И., 1980*. Отчёт о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории Донского казачества в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8764, а.

Лагоцкий К.С., 1972*. Отчёт о работах Первого Манычского отряда Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5240, а.

Лапа Л.Н., 1987*. Отчёт о раскопках в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12438.

Ларенок П.А., 1978*. Отчёт об исследованиях Самбекской археологической экспедиции Ростовского областного музея краеведения в Мясниковском и Неклиновском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9881, а.

Ларенок П.А., 1979*. Отчёт о раскопках курганов на станции Хапры Мясниковского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10612, а.

Ларенок П.А., 1985*. Отчёт об археологических исследованиях в дельте р. Дон в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11423.

Ларенок П.А., 1986*. Отчёт об археологических исследованиях в дельте р. Дон в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11423, а.

Ларенок П.А., 1988*. Отчёт о работах Самбекского отряда археологической экспедиции Таганрогского государственного литературного и историко-археологического музея-заповедника в Матвеево-Курганском и Неклиновском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13193, а.

Ларенок П.А., 1989*. Отчёт о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в Волгодонском, Веселовском, Неклиновском

районах и г. Цимлянске Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13682, 13684.

Ларенок П.А., 1990*. Отчёт о работе отдела полевых исследований ТЛИАМЗ в Волгодонском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 15112, 15114.

Лимберис Н.Ю., 1985*. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14315, 14316.

Лимберис Н.Ю., 1986*. Отчёт Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы, II-й очереди, в Калининском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 12828–12830.

Лисицын И.П., 1967*. Отчёт о работе археологического отряда ОДЭТС в Ленинском районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 3800.

Лисицын И.П., 1972*. Отчёт об археологических работах в зоне строительства Городищенской оросительной системы Городищенским отрядом Волго-Донской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4919.

Лукияшко С.И., 1976*. Отчёт о работе Приморского отряда Азово-Донецкой археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6108, а.

Лукияшко С.И., 1977*. Отчёт о работе Приморского отряда Азово-Донецкой археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6779, а.

Лукияшко С.И., 1978*. Отчёт о работе Приморской археологической экспедиции, Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 7322, а.

Максименко В.Е., 1970*. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 4078, а.

Максименко В.Е., 1972*. Отчёт о раскопках курганов в бассейнах рек Еи и Кагальник // Архив ИА РАН. Р-1. № 4976, а.

Максименко В.Е., 1974*. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 5725, а.

Максименко В.Е., 1975*. Отчёт о раскопках курганов в Сальском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5674, а.

Максименко В.Е., 1977*. Отчёт о раскопках курганов в Азовском и Тацинском районах

Кореньяко В.А., 1976*. Отчёт о работе Туркменского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 8008, а.

Кореньяко В.А., 1977*. Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 7223, е.

Кореньяко В.А., 1978*. Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 7468, б.

Крайсветный М.И., 1980*. Отчёт о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории Донского казачества в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8764, а.

Лагоцкий К.С., 1972*. Отчёт о работах Первого Манычского отряда Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5240, а.

Лапа Л.Н., 1987*. Отчёт о раскопках в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12438.

Ларенок П.А., 1978*. Отчёт об исследованиях Самбекской археологической экспедиции Ростовского областного музея краеведения в Мясниковском и Неклиновском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9881, а.

Ларенок П.А., 1979*. Отчёт о раскопках курганов на станции Хапры Мясниковского района Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10612, а.

Ларенок П.А., 1985*. Отчёт об археологических исследованиях в дельте р. Дон в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11423.

Ларенок П.А., 1986*. Отчёт об археологических исследованиях в дельте р. Дон в Азовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11423, а.

Ларенок П.А., 1988*. Отчёт о работах Самбекского отряда археологической экспедиции Таганрогского государственного литературного и историко-археологического музея-заповедника в Матвеево-Курганском и Неклиновском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13193, а.

Ларенок П.А., 1989*. Отчёт о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в Волгодонском, Веселовском, Неклиновском

районах и г. Цимлянске Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13682, 13684.

Ларенок П.А., 1990*. Отчёт о работе отдела полевых исследований ТЛИАМЗ в Волгодонском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 15112, 15114.

Лимберис Н.Ю., 1985*. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14315, 14316.

Лимберис Н.Ю., 1986*. Отчёт Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы, II-й очереди, в Калининском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 12828–12830.

Лисицын И.П., 1967*. Отчёт о работе археологического отряда ОДЭТС в Ленинском районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 3800.

Лисицын И.П., 1972*. Отчёт об археологических работах в зоне строительства Городищенской оросительной системы Городищенским отрядом Волго-Донской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4919.

Лукияшко С.И., 1976*. Отчёт о работе Приморского отряда Азово-Донецкой археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6108, а.

Лукияшко С.И., 1977*. Отчёт о работе Приморского отряда Азово-Донецкой археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6779, а.

Лукияшко С.И., 1978*. Отчёт о работе Приморской археологической экспедиции, Ростовская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 7322, а.

Максименко В.Е., 1970*. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 4078, а.

Максименко В.Е., 1972*. Отчёт о раскопках курганов в бассейнах рек Еи и Кагальник // Архив ИА РАН. Р-1. № 4976, а.

Максименко В.Е., 1974*. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 5725, а.

Максименко В.Е., 1975*. Отчёт о раскопках курганов в Сальском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5674, а.

Максименко В.Е., 1977*. Отчёт о раскопках курганов в Азовском и Тацинском районах

Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6907, а.

Максименко В.Е., 1978*. Отчёт о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094, а.

Максименко В.Е., 1979*. Отчёт о раскопках курганов в Тацинском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 7978, а.

Максименко В.Е., 1981*. Отчёт о раскопках курганов в Тацинском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8884, а.

Максименко В.Е., Безуглов С.И., Захаров А.В., 1983. Отчёт о раскопках курганов в Тацинском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9880, а.

Малов Н.М., 1989*. Отчёт об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13669.

Маловицкая Л.Я., 1963*. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2750.

Маловицкая Л.Я., 1965*. Отчёт об археологических раскопках Астраханской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3429, а.

Мамонтов В.А., 2001*. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Мамонтов В.И., 1965*. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея на территории Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 3012, а.

Мамонтов В.И., 1968*. Отчёт о работе Приволжского отряда Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3656.

Мамонтов В.И., 1969*. Отчёт о работе Приволжского отряда Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 3959, а.

Мамонтов В.И., 1970*. Отчёт о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Волгоградского музея краеведения // Архив ИА РАН. Р-1. № 4205.

Мамонтов В.И., 1971*. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4456, а.

Мамонтов В.И., 1973*. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском, Калачевском районах Волгоградской области за сезон 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5688, а.

Мамонтов В.И., 1975*. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в Волгоградской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5860, а.

Марченко И.И., 1978*. Отчёт об исследовании курганов в Краснодарском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7501, а.

Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафонов В.А., 1979*. Отчёт о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета в Краснодарском крае. Ч. I // Архив ИА РАН. Р-1. № 7863, 7865, а.

Матвеев Ю.П., 1976*. Отчет о раскопках курганов у пос. Ольховатка Ольховатского района Воронежской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6866.

Мельник В.И., 1984*. Отчёт Понурского отряда о раскопках в Калининском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10551, а.

Мельник В.И., Савченко Е.И., 1983*. Отчёт о работе Калининского отряда Северо-Кавказской экспедиции в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11676, а, б.

Миллер М.А., 1927*. Отчёты о раскопках на побережье Азовского моря близ г. Таганрога // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, 1927, д. 124.

Мирошина Т.В., 1983*. Отчёт о работах Краснознаменной экспедиции у с. Бешпагир Ставропольского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9927, б.

Мошкова М.Ф., 1970*. Отчёт о работе Цимлянской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4267, а.

Мошкова М.Г., 1971*. Отчёт о работе Багаевской экспедиции в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5080, а.

Мыськов Е.П., 2000*. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище и могильнике Малаяевка VI в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23741.

Назаров А.А., 2000*. Отчёт об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Назаров А.А., 2001*. Отчёт об археологических исследованиях в Волгоградской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Науменко С.А., 1986*. Отчёт об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы в Дубовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11369, а.

Науменко С.А., 1987*. Отчёт об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы в Дубовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11946, а.

Науменко С.А., 1988*. Отчёт об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы в Дубовском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12885–12887.

Науменко С.А., 1989*. Отчёт об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 14250, 14251.

Нехаев А.А., 1978*. Отчёт о раскопках курганов в Поденовском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7329, б, в.

Нехаев А.А., 1979*. Отчёт о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7551, а.

Николаева Н.А., 1985*. Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской системы (КАРОС) на землях совхоза Джангар Октябрьского района Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 10970, а.

Николаева Н.А., 1986*. Отчёт о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза Чограйский Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11627, а.

Николаева Н.А., 1986а*. Отчёт об исследовании курганов на трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 14641, 14642.

Николаева Н.А., 1987*. Отчёт о раскопках курганов на трассе дороги канала Волга-Чограй (Яшкульский район) в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14263, 14264.

Николаева Н.А., 1987а*. Отчёт о раскопках курганов на трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12123, а.

Отюцкий И.В., 1984*. Отчёт об обследовании курганных групп в Ставропольском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 10633.

Панченко Т.Е., 1980. Отчёт о раскопках Таганрогского краеведческого музея кургана № 1 у с. Дарьевка и Ново-Золотовского городища // Архив ИА РАН. Р-1. № 8386, а.

Паромов Я.М., 1988*. Отчёт о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14139, 14140.

Паромов Я.М., Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Усачева О.Н., 1982*. Отчёт о работах по теме «Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова» // Архив ИА РАН. Р-1. № 8603.

Парусимов И.Н., 1988*. Отчёт о работе Кадамовского отряда Новочеркасской археологической экспедиции Новочеркасского музея в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12826, 12827.

Парусимов И.Н., 1989*. Отчёт о работе Бессергеновского отряда Новочеркасской археологической экспедиции в Ремонтновском и Октябрьском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13698, 13699.

Прокофьев Р.В., 2001*. Археологические раскопки курганных могильников Киселев 1 и Киселев 2 в Красносулинском районе Ростовской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Т. 1. Р-1 (без номера).

Прохорова Т.А., 1989*. Отчёт о раскопках в колхозе «Победа» в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14228, 14229.

Прохорова Т.А., 1993*. Отчёт о раскопках некрополя на Бежицкой косе (Неклиновский район) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17937, 17938.

Раев Б.А., 1974*. Отчёт отряда кафедры археологии ЛГУ о раскопках курганов в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5592, а, б.

Раев Б.А., 1976*. Отчёт Новочеркасского археологического отряда об исследовании курганов в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6158.

Раев Б.А., 1977*. Отчёт о раскопках курганов отрядом Волго-Донской экспедиции

ЛОИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 7250.

Раев Б.А., 1987*. Отчёт о раскопках курганов в Октябрьском и Аксайском районах Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 14151, 14152.

Раев Б.А., Крайсветный М.И., 1985*. Отчёт Новочеркасской археологической экспедиции о работах в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11602, а.

Раев Б.А., Крайсветный М.И., 1986*. Отчёт о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории донского казачества в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12575, 12576.

Рау П.Д., 1925*. Отчёт о раскопках в Республике Немцев Поволжья // Архив ИИМК РАН. ф. 2. ф. 160.

Романов Ю.Г., 1988*. Отчёт о работе отряда археологической экспедиции КНИИ ИФЗ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12931, 12932.

Романовская М.А., 1974*. Отчёт о работе Багаевского отряда Донской экспедиции в междуречье р. Сала и р. Маныча // Архив ИА РАН. Р-1. № 5662, б.

Романовская М.А., 1979*. Отчёт о раскопках курганных групп Весёлая Роща II и Весёлая Роща III, проведённых Александровским отрядом Ставропольской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 8489, б.

Рыков П.С., 1928*. Отчёт о раскопках в Нижнем Поволжье в 1928 г. // Архив ИИМК РАН. ф. 2, 1928, д. 154.

Рыков П.С., 1934*. Отчёт о раскопках в окрестностях Саратова и в Калмыцкой области в 1934 г. // Архив ИИМК РАН. ф. 2, 1934, д. 263.

Савицкий М.Г. 1978*. Отчёт о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИИФ и Калмыцкого Университета // Архив ИА РАН. Р-1. № 9826, а.

Савченко Е.И. 1970*. Отчёт о работах археологической экспедиции Новочеркасского музея истории донского казачества в Константиновском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4150, а.

Савченко Е.И. 1971*. Отчёт о работе Боговленской археологической экспедиции Новочеркасского музея // Архив ИА РАН. Р-1. № 4962, а.

Савченко Е.И. 1973*. Отчёт о работе Аглосской археологической экспедиции Новочеркасского музея истории донского казачества // Архив ИА РАН. Р-1. № 5123, а.

Савченко Е.И., 1978*. Отчёт о раскопках Новочеркасского отряда Ростовской экспедиции курганного могильника Грушевский в Аксайском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 7112, а.

Савченко Е.И., 1981*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8763, а.

Савченко Е.И., Гей А.Н., 1976*. Археологические исследования в зоне строительства 2-й очереди Верхне-Сальской оросительной системы Донской экспедиции в Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10618, а.

Савченко Е.И., Казакова Л.М., 1980*. Отчёт об исследовании археологических памятников в зоне строительства Мартыновской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 8069, а.

Сафронов В.А., 1980*. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северо-Кавказской археологической экспедиции в Краснодарском крае и Северо-Осетинской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 8050, а.

Саяпин В.В., 1989*. Отчёт о раскопках могильника Отрадный II на территории Багаевского района Ростовской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14080, 14081.

Семёнов А.И., 1975*. Отчёт Донской экспедиции. Т. 6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6857, а.

Семенов А.И., 1977*. Отчёт о работе Волго-Донского археологического отряда Волго-Донского городского музея краеведения. Раскопки кургана 2 Дорожной группы в г. Цимлянске // Архив ИА РАН. Р-1. № 6637, а.

Семёнов А.И., 1979*. Отчёт о работе Темижбегского отряда Северо-Кавказской экспедиции Северо-Осетинского Госуниверситета в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 11279, а.

Сергацков И.В., 1999*. Отчёт об археологических исследованиях у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22391, 22392.

Сергацков И.В., 2000*. Отчёт о раскопках Иловлинской археологической экспедиции

в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22561, 22562.

Сергацков И.В., 2001*. Отчёт о раскопках Иловлинской археологической экспедиции в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Синицын И.В., 1957*. Отчёт о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 1645.

Синицын И.В., 1961*. Отчёт об археологических раскопках в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 2262, а.

Синицын И.В., 1962–1963*. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведённых в 1962–1963 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2791, а.

Синицын И.В., 1964*. Отчёт об археологических работах, произведённых на территории Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 3020, а.

Синицын И.В., 1965*. Отчёт об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведённых в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3321, в.

Синицын И.В., 1966*. Отчёт об археологических работах в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 4223, а.

Скворцов Н.Б., 2000*. Отчёт об охранных археологических раскопках курганного могильника Солянка 1 в Николаевском районе Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Скрипкин А.С., 1975*. Отчёт о раскопках археологической экспедиции Волгоградского педагогического института // Архив ИА РАН. Р-1. № 5464.

Скрипкин А.С., 1981*. Отчёт об археологических раскопках в зоне строительства Понурско-Калининской оросительной системы в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 8765, а.

Скрипкин А.С., 1982*. Отчёт об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1. № 9226, а.

Смирнов К.Ф., 1976*. Отчёт об археологических исследованиях Азово-Донецкой экспедиции у хут. Сладковского Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5822, а.

Смирнов Ю.А., 1977*. Отчёт о раскопках III-го и I-го Балабинских могильников Бага-

евским отрядом Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 7317, а.

Сокольский Н.И., 1968*. Отчёт о работах Таманской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3710, а.

Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1982*. Отчёт о работах Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в Калининском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9788, а.

Тарабанов В.А., 1983*. Отчёт о раскопках курганов в колхозе им. XXVII партсъезда Кореновского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9878, а.

Тарабанов В.А., 2000*. Отчёт о раскопках трёх курганов, попадающих в зону реконструкции автодороги Новороссийск—ст. Раевская Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Тихонов Б.Г., 1976*. Отчёт о раскопках Александровским отрядом Ставропольской экспедиции курганного могильника Весёлая Роща I в Александровском районе Ставропольского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7512, а.

Тихонов Б.Г., Державин В.Л., 1977*. Отчёт о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в зоне строительства 3-ей очереди Большого Ставропольского канала // Архив ИА РАН. Р-1. № 8398, а.

Узянов А.А., 1975*. Отчёт Донской экспедиции ИА АН СССР. Т. III. Работы Багаевского отряда // Архив ИА РАН. Р-1. № 8107, а.

Узянов А.А., 1976*. Отчёт о работах Багаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР. Т. I и II // Архив ИА РАН. Р-1. № 7043, 7044, а, в, д.

Ульянова О.А., Сатеев О.И., Гей А.Н., 1985*. Отчёт о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в Калининском районе Краснодарского края. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11628, г.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., 1974*. Отчёт о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5315, а–в.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., 1978*. Отчёт о раскопках курганов в Черноярском и Енота-

евском районах. Астраханская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8538, а.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Паромов Я.М., 1979*. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства I очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Черноярском районе Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8397, а.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Смирнов А.С., 1976*. Отчёт о раскопках курганов в Астраханской области Черноярском районе // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719, в.

Фёдорова-Давыдова Э.А., 1971*. Отчёт о работе Манычского отряда Багаевской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4602, а.

Фёдорова-Давыдова Э.А., 1972*. Отчёт о работе Багаевского отряда Донской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5991, а.

Фёдорова-Давыдова Э.А., 1978*. Отчёт о работе Песчаноокопского отряда Азово-Донецкой экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 8853, а.

Хреков А.А., 1978*. Отчёт археологической экспедиции Балашевского музея краеведения по раскопкам у села Николаевка и с. Хоперское Балашевского района Саратовской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 7150.

Цуцкин Е.В., 1977*. Отчёт о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ и Калмыцкого университета // Архив ИА РАН. Р-1. № 9828, б.

Цуцкин Е.В., 1978*. Отчёт о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого НИИИФЭ и Калмыцкого университета // Архив ИА РАН. Р-1. № 9827, а.

Цуцкин Е.В., 1979*. Отчёт о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 8390, а.

Цуцкин Е.В., 1980*. Отчёт о работе археологической экспедиции Калмыцкого НИИИФЭ // Архив ИА РАН. Р-1. № 10754, а.

Цуцкин Е.В., 1982*. Отчёт о раскопках курганной группы Эвдык-I в Приозерском районе // Архив ИА РАН. Р-1. № 9378, а.

Шевченко Н.Ф., 1984. Отчёт о раскопках курганов у хут. Пролетарского Кореновско-

го района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10541, а.

Шевченко Н.Ф., 1985. Отчёт о раскопках курганов у г. Новокубанска Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9860, а.

Шевченко Н.Ф., 1986. Отчёт о раскопках курганов у хут. Пролетарского Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11359, б.

Шилов В.П., 1956. Отчёт о раскопках Астраханской экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1314.

Шилов В.П., 1959. Отчёт об археологических раскопках Южно-Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 1976, а.

Шилов В.П., 1960. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2155, а.

Шилов В.П., 1961. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2380, а.

Шилов В.П., 1962. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2728, а.

Шилов В.П., 1963. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2750, а.

Шилов В.П., 1964. Отчёт о работах Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3156, а.

Шилов В.П., 1966. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4625, а.

Шилов В.П., 1981. Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 10968, а.

Шилов В.П., 1987. Отчёт об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12351, а.

Шишлина Н.И., 1988. Отчёт об исследовании курганов по трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12669, 12671.

Шишлина Н.И., 2001. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе республики Калмыкия в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

Шкурко А.И., 1967*. Работы в с. Лесное Балашовского р-на Саратовской обл.: Отчёт

Воронежской лесостепной экспедиции за 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3432, а.

Шнайдинштейн Е.В., 1970. Отчёт о полевых исследованиях Черноморского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 4711.

Шнайдинштейн Е.В., 1974. Отчёт археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ о раскопках курганов в Малодербетовском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 5434, а.

Шнайдинштейн Е.В., 1975. Отчёт о работе археологической экспедиции Калмыцкого

НИИ языка, литературы и истории в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5388, а.

Шнайдинштейн Е.В., 1976. Отчёт об археологических исследованиях в Калмыкии // Архив ИА РАН. Р-1. № 6974, г.

Шнайдинштейн Е.В., 1988. Отчёт об археологических раскопках в зоне канала Волга–Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 12901, 12902.

Эрдниева У.Э., 1971. Отчёт об археологических раскопках Гашунского могильника в Калмыцкой АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 5177, а.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОЛОБОВКА IV В ОКРЕСТНОСТЯХ ЦАРЁВСКОГО ГОРОДИЩА (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2000 Г.)

С 1997 года экспедиции Волгоградского госуниверситета, Волгоградского госпедуниверситета, Марийского госуниверситета и Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН совместно с Поволжской археологической экспедицией ИА РАН, руководимой В.В. Дворниченко, вели исследования памятников археологии на территории Ленинского района Волгоградской области, в окрестностях Царёвского городища. Летом 2000 г. были раскопаны четыре из девяти курганов, составлявших группу Колобовка IV.

Курганный могильник Колобовка IV расположен на северо-западной окраине одноимённого села, вдоль старичного протока реки Ахтубы (Рис. 1). Курганы находились на целинном поле, поверхности их насыпей были задернованы. Материк на данном участке представлен светло-жёлтым палевого оттенка суглинком. Тёмно-коричневые погребённые подкурганные почвы не отличаются от нижней части почвенного горизонта за пределами курганных насыпей. Околокурганные ровики не встречены.

Курган 1. Диаметр — 14 м, высота — 0,22 м (Рис. 2). Поверхность кургана задернована. Насыпь сложена из перемешанного палевого суглинка. Выкид в насыпи не прослеживался. В насыпи кургана были найдены:

1. Фрагменты сероглиняного лепного горшка с округлыми вдавлениями по гор-

лу (Рис. 2, А, И; 3, 1). Диаметр венчика — 13,4 см.

2. Обломок каменного жертвенника из песчаника с выпуклым дном и бортиком по краю (Рис. 2, Е; 3, 3). Ширина сохранившегося фрагмента 20,8 см, толщина дна — 4 см.
3. Лепная сероглиняная курильница с красноватыми пятнами на боках (Рис. 2, В; 3, 2). Ручка в форме ушка была вытянута из тулова сосудика двумя пальцами, от которых остался чёткий след. Высота курильницы — 6 см, диаметр устья — 6,8 см, диаметр тулова — 7,2 см, дна — 5 см. Толщина стенок — 0,6 см.

Кроме того, в насыпи были найдены: фрагменты красноглиняной керамики (Рис. 2, Г, К), в том числе кружальной золотоордынской (Рис. 2, Ж); кусок обожжённого ордынского кирпича (Рис. 2, М), кость ноги овцы (Рис. 2, А) и обломок речной раковины (Рис. 2, Н). В юго-восточном секторе кургана на глубине около 0,4 м от 0 найдены разрозненные фрагменты костей взрослого человека, предположительно выкинутые при рытье ямы впускного погребения (Рис. 2, Б). Фрагмент черепной крышки и зуб взрослого человека найдены также в северо-западном секторе на глубине около 0,3 м от 0 (Рис 2, 3).

Погребение 1 (Рис. 4). Яма погребения 1, ориентированная по линии ЮЗ–СВ, стала

прослеживаться от уровня погребённой почвы. Её глубина 1,35 — 1,42 м от 0 (0,84–0,91 м от уровня погребённой почвы). Стенки могилы слегка расширяются ко дну. Длина ямы по верху — 2,36 м, по низу — 2,54 м; ширина по верху — 1,88 м, по низу — 1,98 м. Центральная часть погребения 1 полностью разрушена впускным погребением 2. В засыпи могильной ямы на различной глубине были найдены разрозненные фрагменты сероглиняного кружального сосуда с орнаментальным валиком, под которым прочерчен зигзаг с идущими ниже тройными полосами, иногда именуемыми «полотенце» (Рис. 4, 1). В засыпи могилы также были найдены два обломка бронзового зеркала с валиком по краю диска, реконструируемый диаметр которого составляет около 10 см (Рис. 4, 4).

Захоронение парное, частично разрушенное ямой впускного погребения. Погребённые уложены головами в одну сторону, параллельно друг другу вдоль длинных стенок могилы. Первый скелет, от которого nepотревоженными сохранились кости черепа, правой руки и часть ребер и позвонков, принадлежал мужчине 50 лет. Погребённый лежал на спине, головою на ЮЮЗ. Грудная клетка была засыпана комочками бурой охры. Покойник был уложен на настил из тонких деревянных поперечных досок. У костей руки были найдены заржавленные фрагменты железного предмета (Рис. 4, 1, 3). Рядом на дне могилы была найдена трубчатая кость ноги овцы (Рис. 4, 1, 4). От скелета второго человека частично сохранились только кости ног, расположенные в анатомическом порядке параллельно друг другу. Вдоль правой малой берцовой кости лежали обломки железного двулезвийного меча с линзовидным в сечении клинком шириной 4 см (Рис 4, 1, 5; 4, 5).

Между скелетами, в ногах, лежал опрокинутый набор и расколотый небольшой сероглиняный кружальный кувшин с носиком-сливом и ручкой-петелькой (Рис. 4, 1, 2; 4, 2). Поверхность сосуда имеет равномерную серо-чёрную окраску. Высота кувшина — 17,3 см, диаметр венчика со сливом — 10,8 см, диаметр горла — 7,8 см, тулова — 16,3 см, дна — 7,6 см. Около места, где должен был бы располагаться череп второго скелета, горлом вверх стоял сероглиняный кружальный лощёный кувшин с отбитым носиком-

сливом и с витой ручкой (Рис. 4, 1, 3; 4, 3). У основания горла кувшина прочерчены три глубокие горизонтальные полосы, а ниже по тулову идут 22 пары вертикальных полос. Высота кувшина — 27,6 см, диаметр устья — 11,4 см, диаметр горла — 7,8 см, тулова — 20,8 см, дна — 10,9 см. Тесто содержит слюду. Сосуд имеет центральнопредкавказское происхождение, где подобная орнаментация типична для посуды III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. Рис. 8). В сарматских погребениях Нижнего Поволжья посуда, украшенная лощением в форме так называемого «полотенца», максимально распространена в комплексах с вещами, которые, по мнению В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, являются хроноиндикаторами II–I вв. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 69. Табл.), но отдельные сосуды с подобной орнаментацией продолжают встречаться и в комплексах начала новой эры (Скрипкин, 1990. Рис. 45). Маленький сероглиняный кружальный кувшин с носиком-сливом напоминает посуду, имевшую распространение в среднесарматских комплексах I в. н.э. (Скрипкин, 1990. Рис. 45). Обломок зеркала с валиком по краю может относиться как к зеркалам отдела 4 (по классификации А.С. Скрипкина), имевшим максимальное распространение в раннесарматское время, так и к зеркалам отдела 6, характерным для среднесарматского времени (Скрипкин, 1990. С. 94, 95, 151, 152). Но всё же для зеркал отдела 6 более свойственен малый диаметр дисков. Однако обычай помещать в погребения разбитые зеркала был распространён в основном в раннесарматский период. Показательно, что в погребении из Колобовки отсутствует лепная бытовая посуда. Всё это позволяет думать, что захоронение относится к финалу раннесарматского — началу среднесарматского периода и датируется рубежом I в. до н.э. — I в. н.э.

Глиняная лепная чашечка-курильница, найденная в насыпи кургана, имеет оригинальную ручку в форме ушка-защипа (Рис. 3, 2). Уникальный шаровидный сосудик с аналогичной ручкой был найден в погребении 2 кургана 6 могильника Колобовка III, расположенного поблизости (Сергацков, Клепиков, 2001. Рис. 7, 3). Погребение датируется авторами в пределах I в. н.э. (Сергацков, Клепиков, 2001. С. 201).

Погребение 2 (Рис. 5). Яма впускного средневекового погребения легла точно по диагонали сарматского захоронения. Могилу удалось

выявить только при зачистке дна погребения 1. Яма в форме узкого прямоугольника была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Длина ее по дну составляла — 2,57 м; ширина по краям — около 0,65 м; глубина — 1,53–1,55 м от 0. Погребение принадлежало мужчине в возрасте около 30 лет, который был уложен вытянуто на спине, головою в западном направлении (с отклонением около 10° к Ю). Череп завалился на левый висок, челюсть перемещена в район грудной клетки.

Руки вытянуты вдоль туловища, кости левого предплечья слегка заходят на крыло таза. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Верхняя часть тела покрыта тонким слоем кусочков коры, вероятно отслоившихся от досок перекрытия, тонкие поперечные плахи которого сохранились на высоте 18–20 см ото дна могилы. Длина досок перекрытия — 10–30 см, ширина 5–10 см, толщина 2–3 см. Мелкие обломки перекрытия попадались также в ногах. Заплечики ямы в рыхлом грунте не прослеживались. На перекрытии лежали останки коня. Череп коня (1,06 м от 0) лежал на правом боку, мордой на ЗСЗ. Рядом располагались кости передних ног лошади, отчленённых по первый сустав, — копыта и пара бабок, а в средней части ямы лежали копыта и бабки задних ног. На черепе коня находился фрагмент железных удил с удильным кольцом диаметром 6 см (Рис. 5, 1, 1; 5, 1). У стенки могилы, под черепом лошади, за левой плечевой костью покойного найдены фрагментированные остатки железного стремена (Рис. 5, II, 2). При костяке человека, на дне могилы, в разных местах найдены фрагменты железных предметов (Рис. 5, II). У левого колена лежал обломок круглой железной пряжки с подвижным язычком (рис. 5, II, 3). Диаметр кольца 4 см. Под костями левого предплечья был выявлен фрагмент железного черешкового однолезвийного ножа, лежавшего лезвием к ногам покойника (Рис. 5, II, 4; 5, 3). Кроме того, в насыпи могильной ямы найден черешок железной стрелы (Рис. 5, 2). Погребение совершено по печенежско-гузскому обряду (Плетнёва, 2003. С 123, 124), включая такую особенность, как наличие в могиле останков коня с отчленёнными по бабки конечностями (Атавин, 1984. С. 139).

Два из найденных в насыпи кургана предмета — характерный «савроматский» лепной высокий горшок с накольчатым орнаментом

(Рис. 3, 1) и обломок каменного жертвенника (Рис. 3, 3) относятся к скифскому времени. Вероятно, некогда курган содержал ещё одно, основное, погребение, которое было полностью разрушено сарматской могилой. Жертвенники без ножек с блюдами ладьевидной, овальной и прямоугольной формы в могильниках Южного Приуралья и Зауралья встречаются в погребениях VII–V вв. до н.э. Основная их масса происходит из погребений V в. до н.э. (Мошкова, 2000. С. 204). В Нижнем Поволжье находки каменных жертвенников концентрируются в двух районах — около Самарской Луки и в междуречье Волги — Дона (Мошкова, 2000. С. 208). На левобережье Ахтубы до сих пор была известна только одна находка каменного жертвенника, обнаруженного в насыпи кургана 13 могильника Маляевка V (Сергацков, Дворниченко, Дёмкин, 2001. Рис. 22, 1).

Курган 2. Высота — 0,62 м, диаметр — 12 м (Рис. 6). Поверхность кургана была задернована. Насыпь состояла из двух слоев, различающихся по цвету и структуре. Нижний слой покрывал только центральную часть кургана. В насыпи найдены фрагмент красноглиняного гончарного сосуда со штампованным орнаментом (Рис. 6, А) и фрагмент трубчатой кости овцы (Рис. 6, Б). Пятно ямы было выявлено на уровне материка. Верхняя часть заполнения ямы представляла собою тонкую прослойку тёмно-пепельного цвета лессоватой структуры. В этой прослойке, на глубине 0,89 м от 0, найдены пять фрагментов орнаментированной лепной керамики (Рис. 6, Г) и фрагмент кости овцы (Рис. 6, Д). За пределами ямы, вплотную к её краям, обнаружены обломок речной двустворчатой раковины (Рис. 6, Е), фрагмент кальцинированной кости животного (Рис. 6, Ж) и обломок трубчатой овечьей кости (Рис. 6, В). Нижняя, основная часть заполнения ямы имела тёмно-коричневый цвет и была стерильна — не содержала никаких артефактов и останков. Яма имела форму овала, ориентированного по оси З–В, длиной 1,3 м и шириной 1,15 м по верху. Стенки ямы слегка расходятся ко дну, которое в длину достигает 1,48 м, а в ширину — 1,27 м. Глубина ямы составляет 1,07 м от уровня погребённой почвы (1,57 м от 0). Следует подчеркнуть, что ни в насыпи, ни в яме не обнаружено вообще никаких человеческих останков. Фрагменты лепной керамики, най-

денные в верхней части заполнения ямы, были украшены оттисками трёх и четырёхзубцового гребенчатого штампа и сплошь покрыты расчёсами гребёнки (Рис. 6, 1, 2). Тесто в изломе чёрное, с примесью речной ракушки *Unio*. Толщина фрагментов стенок 1,1 и 1,2 см. Курган может быть предположительно отнесен к полтавкинской культуре.

Курган 3. Высота — 0,34 м, диаметр — 12 м (Рис. 7). Насыпи как таковой курган не имел — сразу под гумусным слоем открылась перекрывающая могилу сырцовая кладка круглой в плане формы, диаметром около 9 м (Рис. 8). В центральной части сооружения кирпичи были уложены в три слоя в перевязку, прямо поверх древней почвы. К краю конструкции толщина кладки уменьшалась сначала до двух рядов, а затем до одного кирпича. По центру кирпичи выкладывались прямыми рядами, параллельно стенкам могилы, а с краёв оконтуривались кольцом из кирпичей. Размеры кирпичей 22 × 22 см, толщина 7 см. Различного вида надмогильные сооружения из сырцовых кирпичей характерны для золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 161; Шнайдштейн, 1974. С. 159; Дворниченко, Зиливинская, 2005).

Кладка была частично разрушена грабителями. В центральной части, около могилы, встречались куски красного обожжённого кирпича, видимо от надгробного сооружения, которое было разворочено. Грабительский ход начинался к северу от могильной ямы — его контуры хорошо прослеживались в профилях (Рис. 7; 8). Вокруг могилы в изобилии встречались кости животных (Рис. 7, Б–Е, 3, И, М, П, С, Т), включая кости овцы (Рис. 7, А, Н, О, Ц). Часть бараньей туши — лопатка, два ребра и три позвонка лежали в анатомическом порядке поверх кладки (Рис. 7, Ф). К югу от могилы на глубине от 0,19 м от 0 и ниже попадались угли и обгорелое дерево (Рис. 7, Д, Л), кальцинированные кости животных (Рис. 7, 3, Т) и рядом кусок обгоревшего ганча (Рис. 7, Т) — следы совершения огненного ритуала. Вблизи северной границы могилы, в заполнении грабительского лаза, на глубине от 0,73 до 0,87 м от 0 встречались обломки вещей, выкинутых грабителями (Рис. 7, У, Х, Ч–Щ), среди которых костяная колчанная обкладка

с изображением оленей (Рис. 7, Х) и железный наконечник стрелы (Рис. 7, Щ; 8, 1).

Погребение 1 было основным и единственным (Рис. 9). Яма чёткой прямоугольной формы, была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Длина ямы — 2,28 м, ширина по дну — 0,75–0,9 м. Глубина — 1,45 м от уровня древней почвы (1,8 м от 0). Стенки ямы отвесные. Северная стенка изрядно была порочена грабительским ходом, что объясняет её неправильные контуры в плане и профиле. В засыпи могилы были найдены остатки колчана, выкинутого грабителями, — куски бересты и три фрагмента костяных обкладок, черешок железной стрелы (Рис. 10, 8), два обломка железного кольца (Рис. 10, 6, 7), а также несколько обрывков кожи и обломки нижней челюсти плотоядного животного (собака?). На уровне крышки гроба лежали кости овечьих ног (Рис. 9, I, 3), а над тазовыми костями погребённого — обрывки кожи с тиснением. От крышки гроба частично сохранились продольные доски.

На дне ямы, в гробу, вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, был захоронен мужчина в возрасте до 30 лет. Дощатый гроб-ящик имел длину 1,84 м, ширину в головах 0,64 м, в ногах — 0,46 м (Рис. 9, III). Дно гроба устилали органическая подстилка, вероятно кошма. Внутри гроба, при покойнике, находились железные обломки, похожие на пряжку с подвижным язычком (Рис. 9, II, 1), а в районе тазовых костей — остатки железной двухлопастной стрелы (Рис. 9, II, 2; 10, 5). Поверх левой ноги лежала большая кожаная сумка с крышкой-клапаном (Рис. 9, II, 4). Фрагменты кожи, вероятно сапоги, облекали берцовые кости погребённого (Рис. 9, 5), а под его черепом сохранился фрагмент кожи с тиснением (Рис. 10, 2). В районе поясничного отдела лежали обрывки тёмно-коричневого тканевого пояса (Рис. 9, 6; 10, 3). Рядом с обрывками пояса, у левого крыла таза, находился кожаный кошелёк с крышкой-клапаном (Рис. 9, 7; 10, 4). Кошелёк крепился к поясу посредством железного кольца, продетого под крышку клапана. В разных местах могилы встречены обрывки бересты от колчана.

Наиболее любопытной находкой, безусловно, является набор костяных колчаных обкладок с резным орнаментом (Рис. 10, 13;

11). Плоскорельефная резьба сочетается с гравировкой и инкрустацией цветной, красной и чёрной, пастой. Костяные обкладки представляют собой набор пластин толщиной 1–1,5 мм, орнаментированных в соответствии с единым художественным замыслом. В центре композиции, вероятно, должна была располагаться пластина с изображением дракона. Основные мотивы — многорядные изображения пятнистых оленей на фоне сетчатой штриховки и растительные узоры и орнаменты. Самостоятельные элементы композиции разделены поясками геометрического орнамента из выемчатых треугольников и ромбов. Такие же геометрические пояски украшают краевые длинные обкладки. Костяные обкладки от колчанов довольно часто встречаются в погребениях золотоордынских кочевников (Малиновская, 1974). Среди них известно несколько пластин с изображениями драконов. Во всех случаях изображение дракона было единственным (Малиновская, 1974. Табл. III, 8; XII, 42; Шнайдштейн, 1975; Гаврилина, 1981. Рис. 1). Оно располагалось в центре композиции, под одним или двумя рядами изображений оленей, и обрамлялось по бокам пластинами с пышным волютообразным растительным орнаментом. Композиции волютообразных завитков из Каменки, Бережновки и из Колобовки практически повторяют друг друга.

В стилистическом отношении ближайшей аналогией нашим накладкам является комплект пластин из погребения 5 Бережновского II-го могильника (Малиновская, 1974. Табл. III, 8). Стилистическая близость проявляется в использовании приёма украшения тел оленей выемчатыми ромбами и треугольниками, в изображении характерной «зубастой» пасти животных. У части оленей с накладок из Бережновского и из Колобовки идентичные позы — в фас, с закинутыми за спину рогами. Грудь и колени зверей подчёркнуты острыми угловатыми выступами. Идентично изображены остроугольные раздвоенные копыта с зазубренными щётками. Пышный растительный узор выполнен многорядной линией. На обоих комплектах накладок композиция по горизонтали жёстко расчленена на отдельные элементы полосками геометрического орнамента. Стилистически очень близки и изображения драконов из Колобовки и

из Бережновки¹. Одинаково изображены уши зверей и их змеевидно извивающиеся тела. Компоновка фигур идентична — одна передняя лапа подогнута под голову, а другая заходит под первую. Можно предполагать, что оба эти комплекта накладок вышли из одной мастерской. Фигура дракона из погребения 1 кургана 2 в урочище Гува хотя и имеет сходную компоновку, но несколько отличается стилистически, равно как и фигурки оленей с этого колчана (Шнайдштейн, 1975; Гаврилина, 1981. Рис. 1). Колчаны с орнаментированными костяными обкладками бытовали довольно непродолжительное время — во 2-й пол. XIII — XIV вв. (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 116; Малиновская, 1974. С. 160).

Курган 4. Высота — 0,11 м, диаметр — 14 м (Рис. 12). Поверхность кургана была задернована. Выкид в насыпи не прослеживался. Погребённая почва залегает на глубине 0,3 м от 0. В центре насыпи прослежен большой зольник, края которого сползли в могильную яму. Эта чёрная горелая прослойка состояла из золы, древесного угля и не до конца сгоревших брёвен. В насыпи на глубине от 0,1 до 0,27 м были найдены три фрагмента керамики (Рис. 12, Б, Г, Д), два из которых определимы как золотоордынские. В насыпи и под нею попадались кости животных (Рис. 12, В, Е, Ж–Л), в основном овцы. Курган содержал одно погребение.

Погребение 1 (Рис. 13). Могильное пятно подпрямоугольной формы прослеживалось от уровня материка. Яма ориентирована по оси СЗ–ЮВ и имеет прямые отвесные стенки. Длина ямы — 2,37 м, ширина — 2,1, глубина — 1,29–1,32 м от древней поверхности. В засыпи ямы встречается древесный уголь. В заполнении ямы на различной глубине были найдены: кости птицы, нижняя челюсть человека (Рис. 13, I, I), пара бабок и копыт коня, разбросанные у восточного края ямы, два фрагмента сероглиняной кружальной миски (Рис. 12, 2). Разрушенное погребение принадлежало мужчине 35–45 лет, чьи останки лежали на дне могилы. Кости ног сохранили анатомический по-

¹ Надо сказать, что на иллюстрациях эти драконы выглядят по-разному. Но если приглядеться, становится ясным, что это отличие — кажущееся, вызванное стилями современных рисовальщиков, а не древних резчиков.

рядок, на основании чего можно предполагать, что изначально покойник был уложен в яму по диагонали, ногами на север. Прочие останки были хаотично разбросаны. В северо-западной части могилы сохранился тонкий древесный настил, на котором находился покойник. Настил был уложен по диагонали могильной ямы, что подтверждает предположение об ориентировке покойника. На дне могилы были найдены: кусок мела (Рис. 13, I, 2), ребро овцы (Рис. 13, I, 5), железная трёхлопастная стрела длиной 3,3 см, с округлым в сечении черешком (Рис. 13, I, 3; 13, I), опрокинутый на бок лепной высокогорлый горшочек розоватого цве-

та (Рис. 13, I, 4; 13, 2). Тесто в изломе чёрного цвета, с добавлением песка. Дно сосуда слегка выгнуто. Высота горшка 14,3 см, диаметр венчика — 9,8 см, горла — 8 см, тулова — 12,9 см, дна — 7,2 см. Стенки имеют равномерную толщину — 0,5 см.

Железные трёхлопастные наконечники стрел с короткой треугольной головкой и коротким черешком датируются I в. н.э. (Скрипкин, 1990. С. 141). По обряду и инвентарю погребение может быть отнесено к средне-сарматскому времени.

Раскопки могильника Колобовка IV были продолжены в 2001 году.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время. М.

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1.

Гаврилина Л.М., 1981. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д., 2005. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический сборник. Волгоград.

Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Золотоордынские города Поволжья. М.

Мошкова М.Г., 2000. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» архе-

ологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М.

Плетнёва С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дёмкин В.А., 2001. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.

Сергацков И.В., Клепиков В.М., 2001. Сарматские курганы у с. Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шнайдин Е.В., 1974. Формирование локального варианта позднекочевнической культуры в Нижнем Поволжье и Калмыцкой степи // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. № 9. Элиста.

Шнайдин Е.В., 1978. Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Дворниченко В.В., 2000. Отчёт о раскопках поселения и курганного могильника Колобовка IV у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2382.

Шнайдин Е.В., 1975. Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5388.

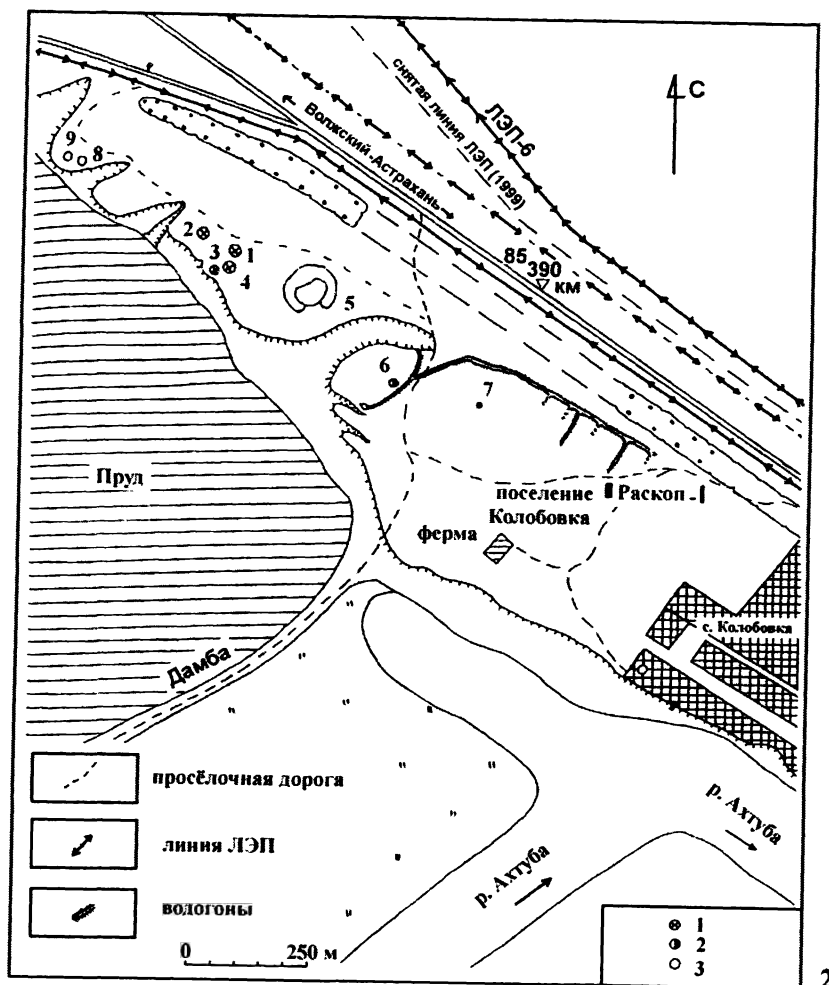
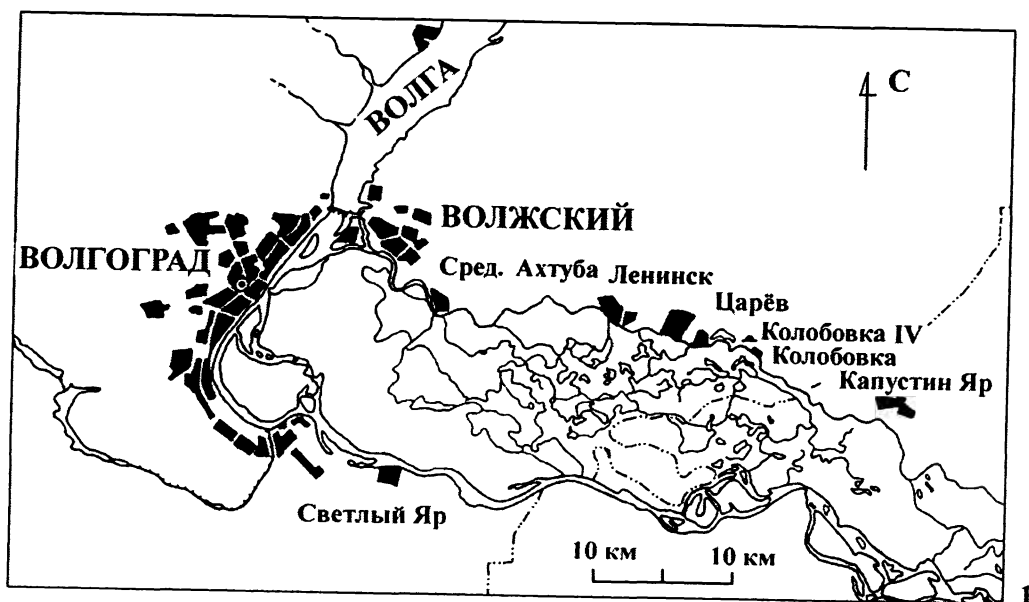

Рис. 1. Курганный могильник Колобовка IV: 1 — курганы, раскопанные в 2000 г.; 2 — курганы, раскопанные в 2001 г.; 3 — не исследованные курганы

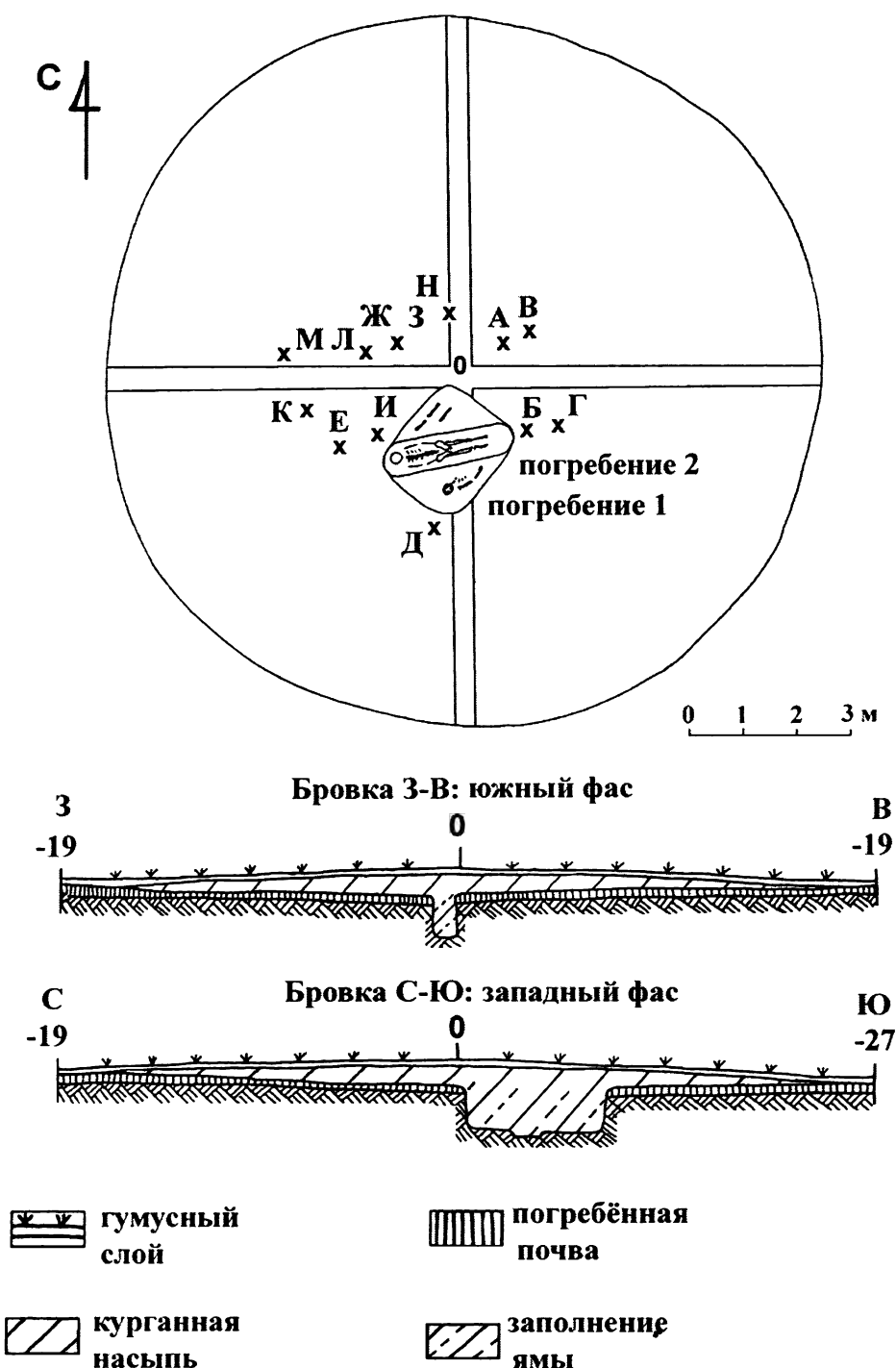

Рис. 2. Колобовка IV. Курган 1. План и профили. А — фрагменты сероглиняного лепного горшка и кость ноги овцы; Б — фрагменты костей человека; В — глиняная курильница; Г — фрагменты красноглиняной керамики; Д — кость животного; Е — обломок каменного жертвенника; Ж — фрагменты красноглиняной кружальной керамики золотоордынского времени; З — зуб и фрагмент черепной крышки человека; И — обломок сероглиняного лепного горшка; К — фрагмент красноглиняной лепной керамики; Л — венчик лепного сероглиняного горшка; М — фрагмент обожжённого золотоордынского кирпича; Н — обломок речной раковины

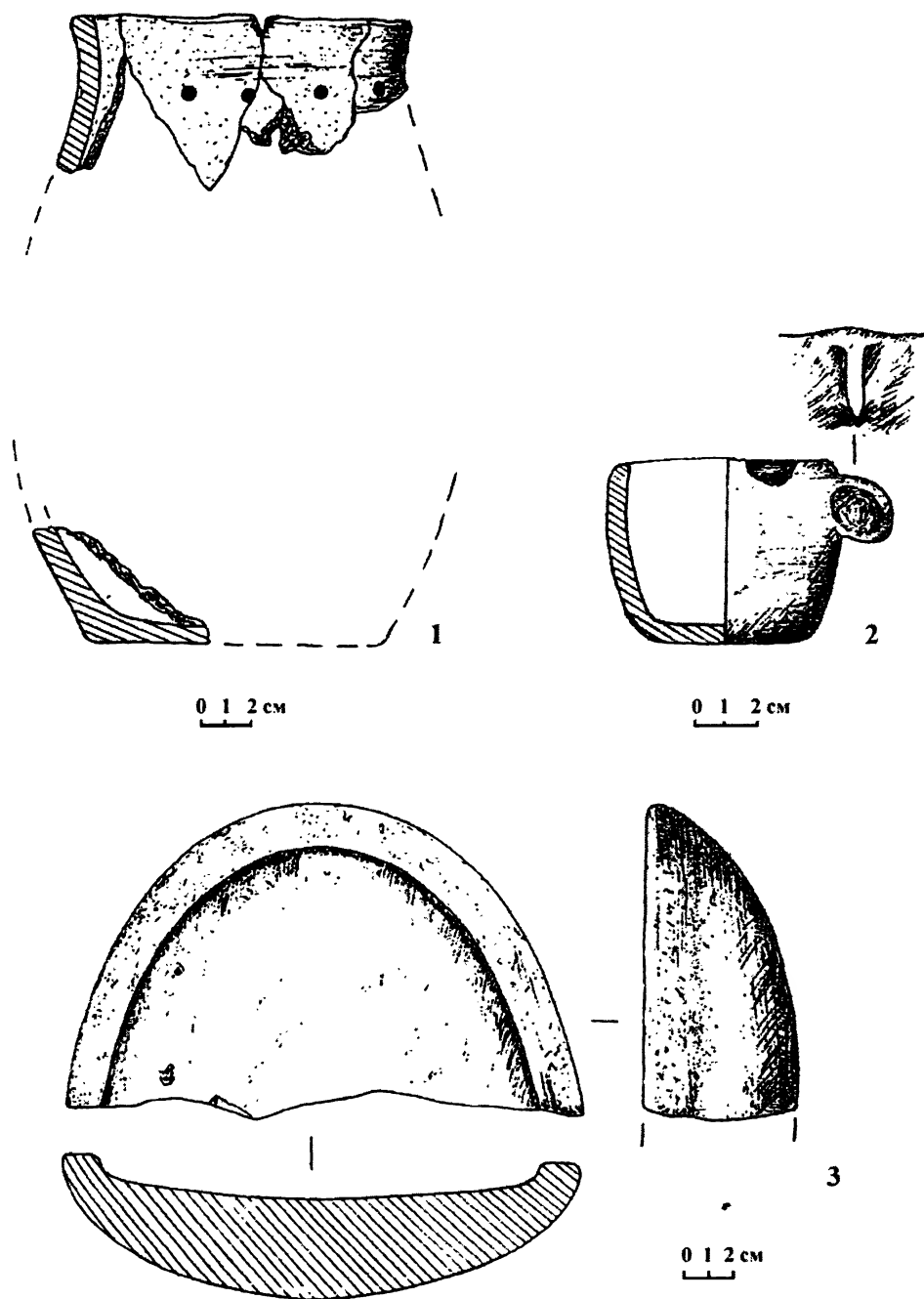

Рис. 3. Колобовка IV. Курган 1. Находки в насыпи: 1 — сероглиняный лепной горшок; 2 — глиняная лепная курильница; 3 — обломок каменного жертвенника

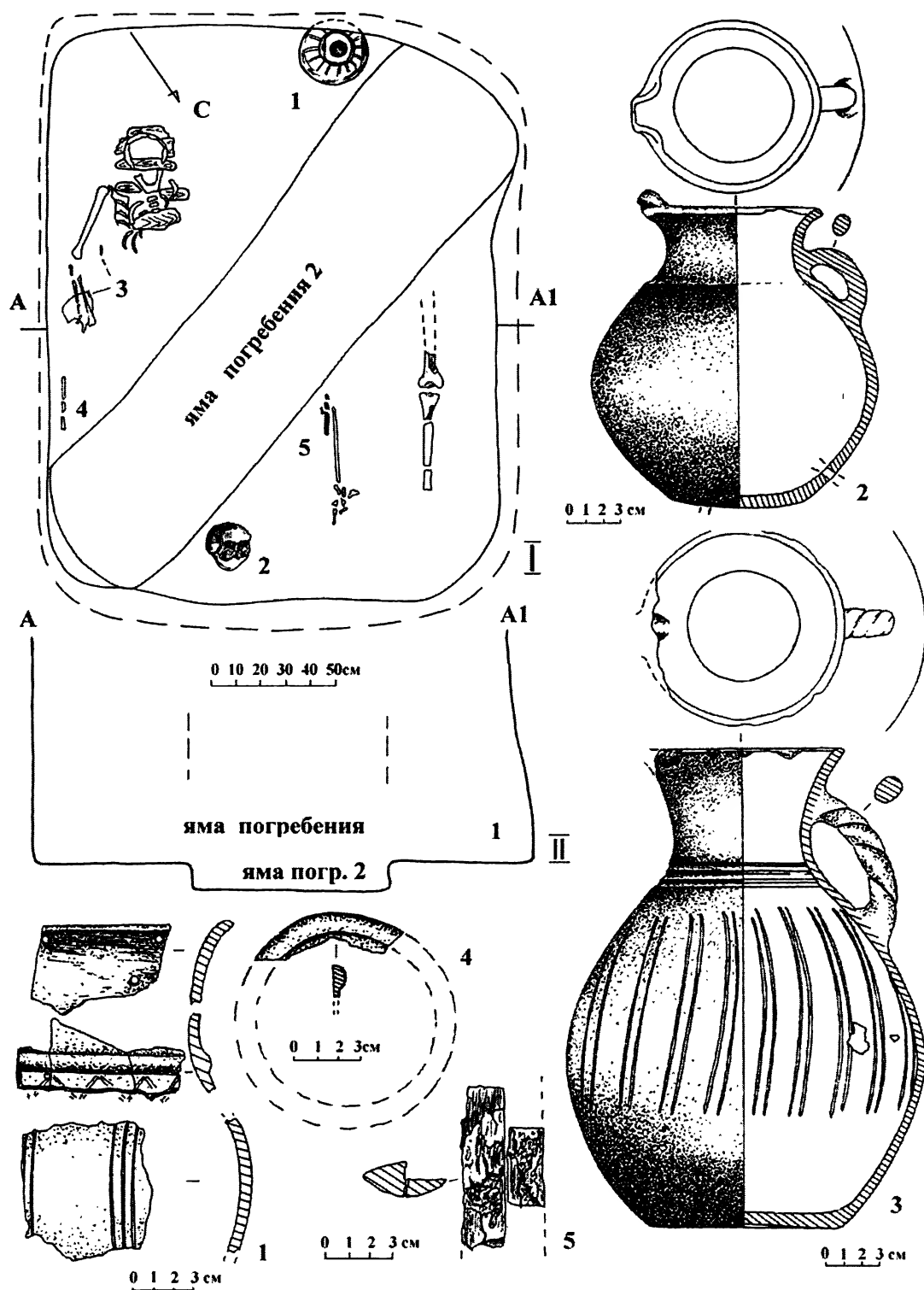

Рис. 4. Колобовка IV. Курган 1. Погребение 1: I — план погребения 1 (1 — лощёный кувшин; 2 — глиняный кувшинчик; 3 — фрагменты железного предмета; 4 — трубчатая кость ноги овцы; 5 — обломки железного двулезвийного меча); II — разрез комплекса могильных ям погребений 1 и 2. I–5 — находки из погребения 1: фрагменты лощёного сосуда; 2 — глиняный кувшинчик; 3 — лощёный кувшин; 4 — обломок бронзового зеркала с валиком по краю; 5 — фрагменты двулезвийного железного меча

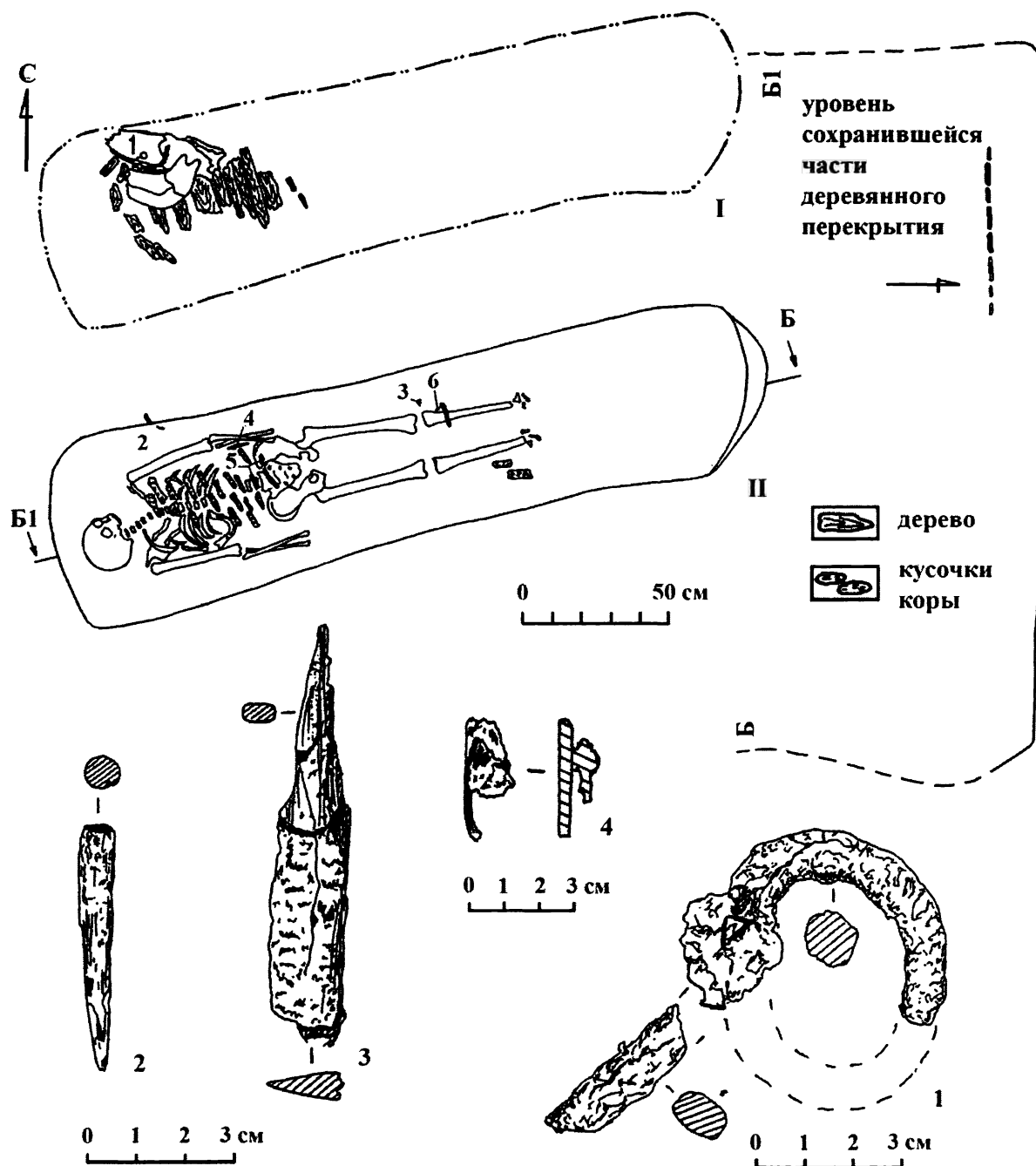
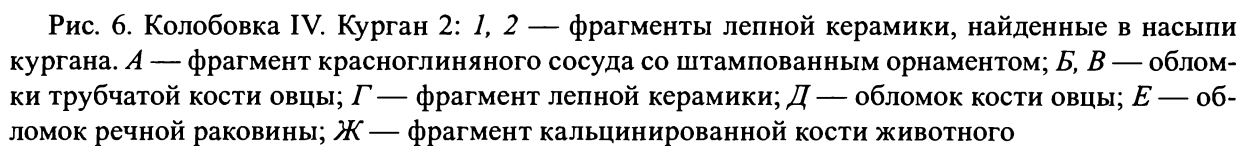

Рис. 5. Колобовка IV. Курган 1. Погребение 2: I — план погребения 2 на уровне расположения деревянного перекрытия (1 — обломок железных удила на черепе коня); II — план погребения 2 (2 — обломок железного стремени; 3 — фрагмент железной пряжки; 4 — железный нож; 5 — фрагменты железного предмета; 6 — фрагмент железного предмета). 1–4 — находки в погребении 2: 1 — обломок железных удили; 2 — черешок железной стрелы; 3 — железный нож; 4 — обломок железного предмета

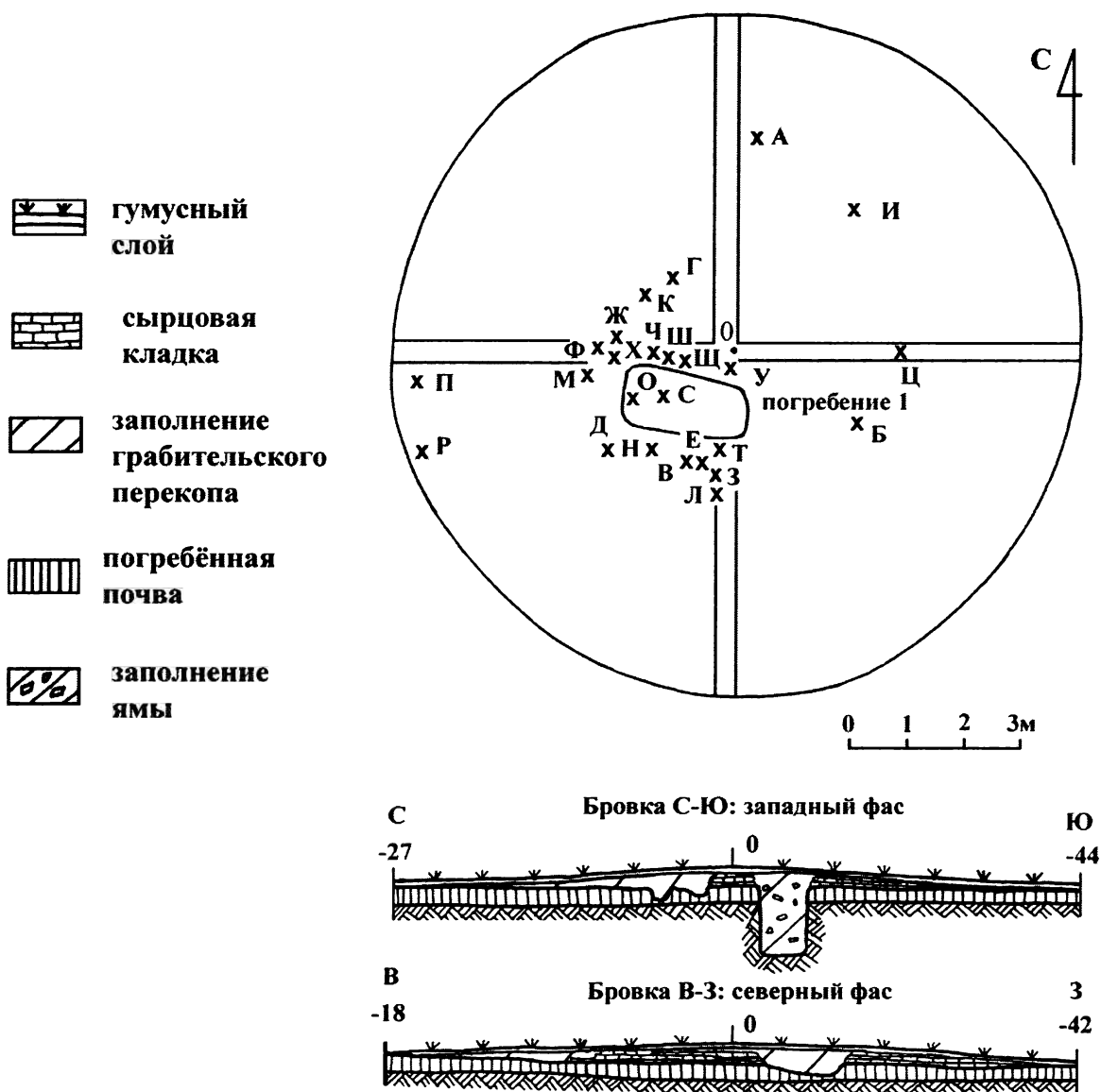
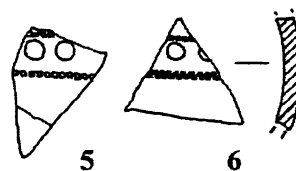
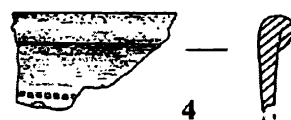
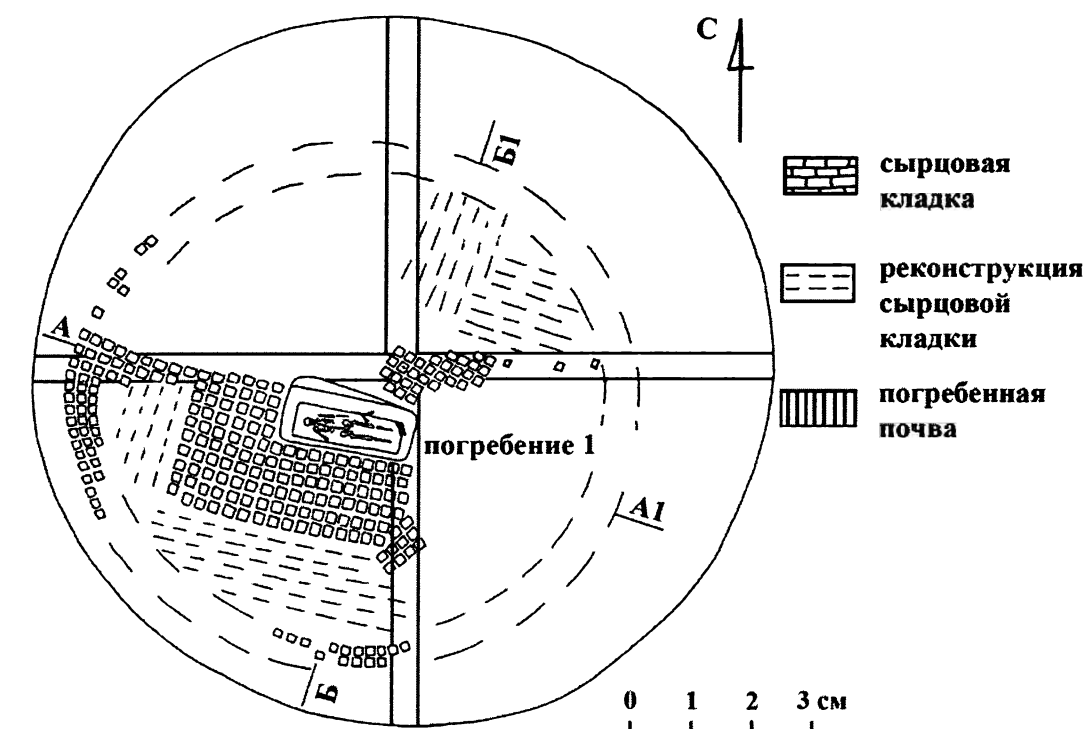
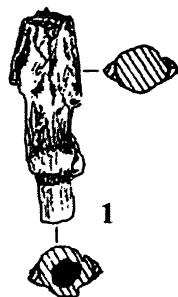

Рис. 7. Колобовка IV. Курган 3: *A* — фрагмент кости барана; *B* — фрагмент ребра животного; *B–E, И, П, С* — фрагменты костей животных; *Ж* — кремень; *З, М* — фрагмент кальцинированной кости животного; *К* — фрагмент лепной керамики; *Л* — фрагмент горелого дерева; *Н* — позвонок барана; *О, Ф, Ц* — кости барана; *Р* — фрагмент керамики; *Т* — фрагменты кальцинированных костей животного и обгоревший ганч; *У, Ш* — фрагмент железного предмета; *Х* — фрагменты коры и костяные обкладки от колчана; *Ч* — фрагмент бронзового предмета; *Щ* — железный наконечник стрелы

0 1 2 3 см

0 1 2 3 см

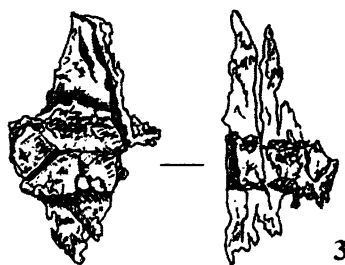

Рис. 8. Колобовка IV. Курган 3. План на уровне сырцовой кладки. Находки в насыпи: 1 — обломок железного наконечника стрелы; 2, 3 — обломки железных предметов; 4–6 — фрагменты керамики со штампованным орнаментом

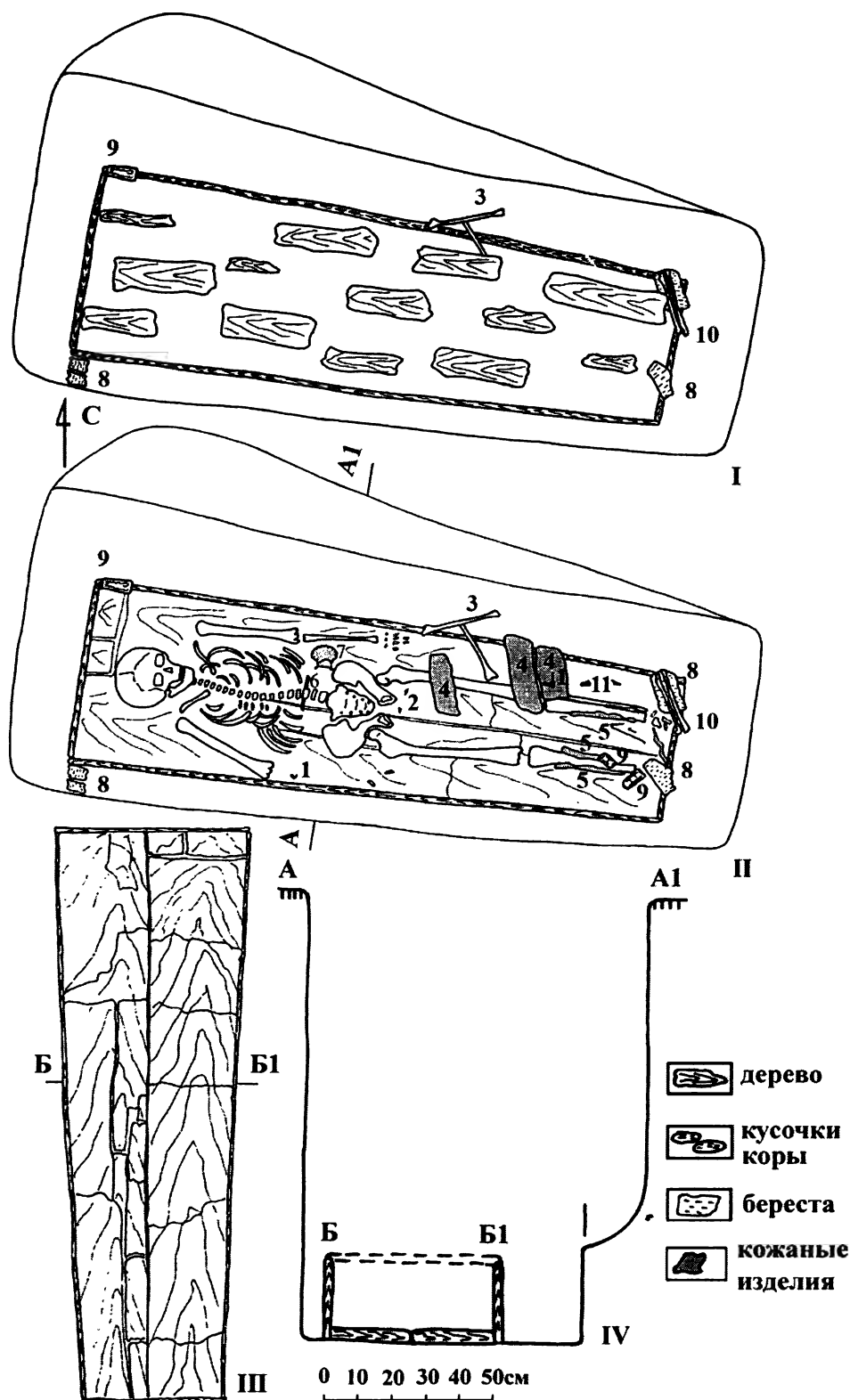

Рис. 9. Колобовка IV. Курган 3. Погребение 1: I — план погребения на уровне крышки гроба. II — план погребения (1 — обломок железной пряжки; 2 — обломок наконечника железной стрелы; 3 — трубчатые кости овцы; 4 — остатки кожаной сумки; 5 — остатки кожаных сапог; 6 — тканевый пояс; 7 — кожаный кошелек; 8 — фрагменты бересты от колчана; 9 — фрагменты костяных обкладок от колчана)

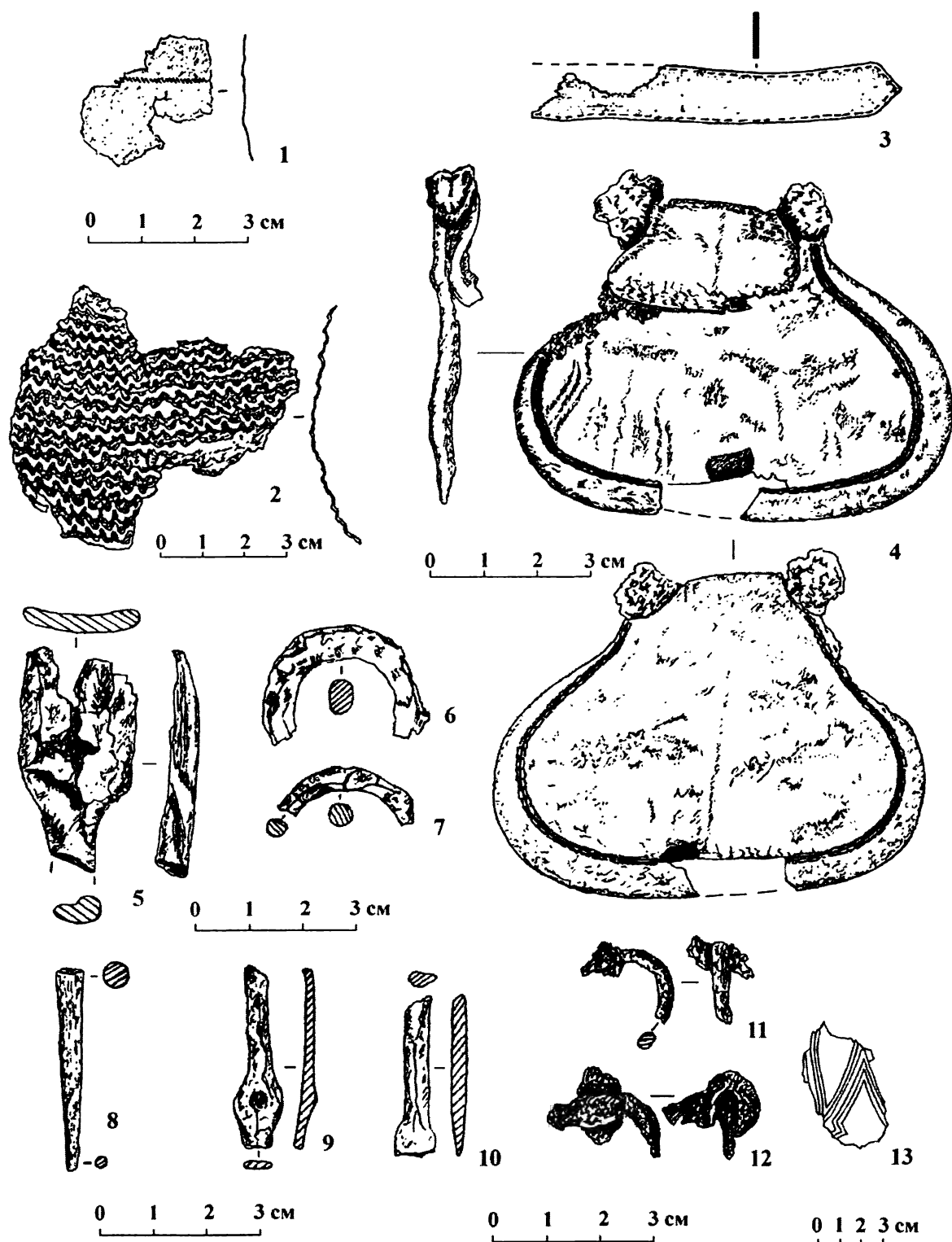

Рис. 10. Колобовка IV. Курган 3. Погребение 1: 1, 2 — фрагменты кожи; 3 — обрывок тканевого ремешка; 4 — кожаный кошелек; 5 — обломок железной двухлопастной стрелы; 6, 7 — обломки железного кольца; 8 — черешок железной стрелы; 9, 10 — обломки железных предметов; 11, 12 — обломки железных креплений; 13 — обломок костяной обкладки от колчана

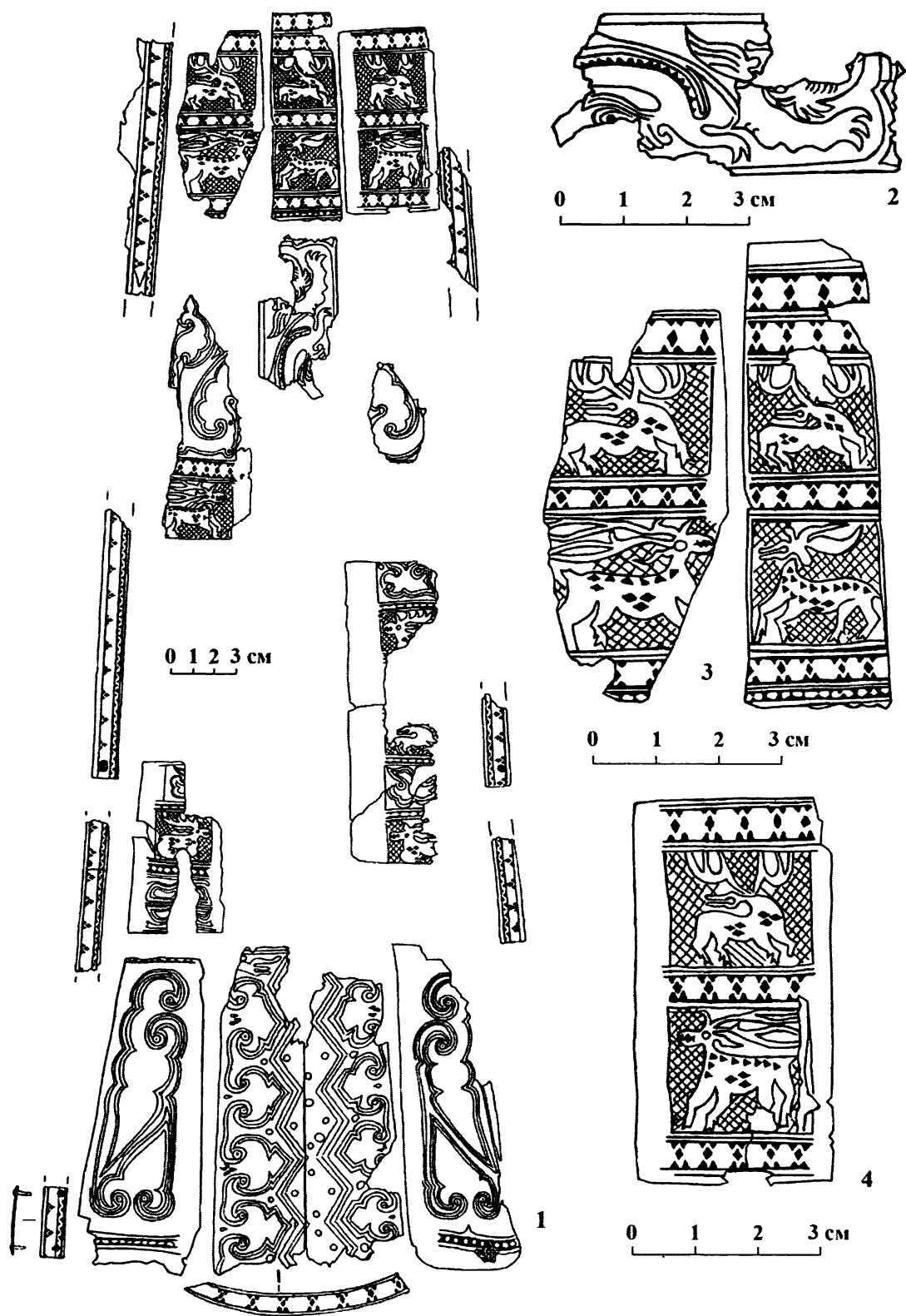

Рис. 11. Колобовка IV. Курган 3. Погребение 1: 1 — набор колчанных обкладок (реконструкция); 2–4 отдельные пластины в натуральную величину

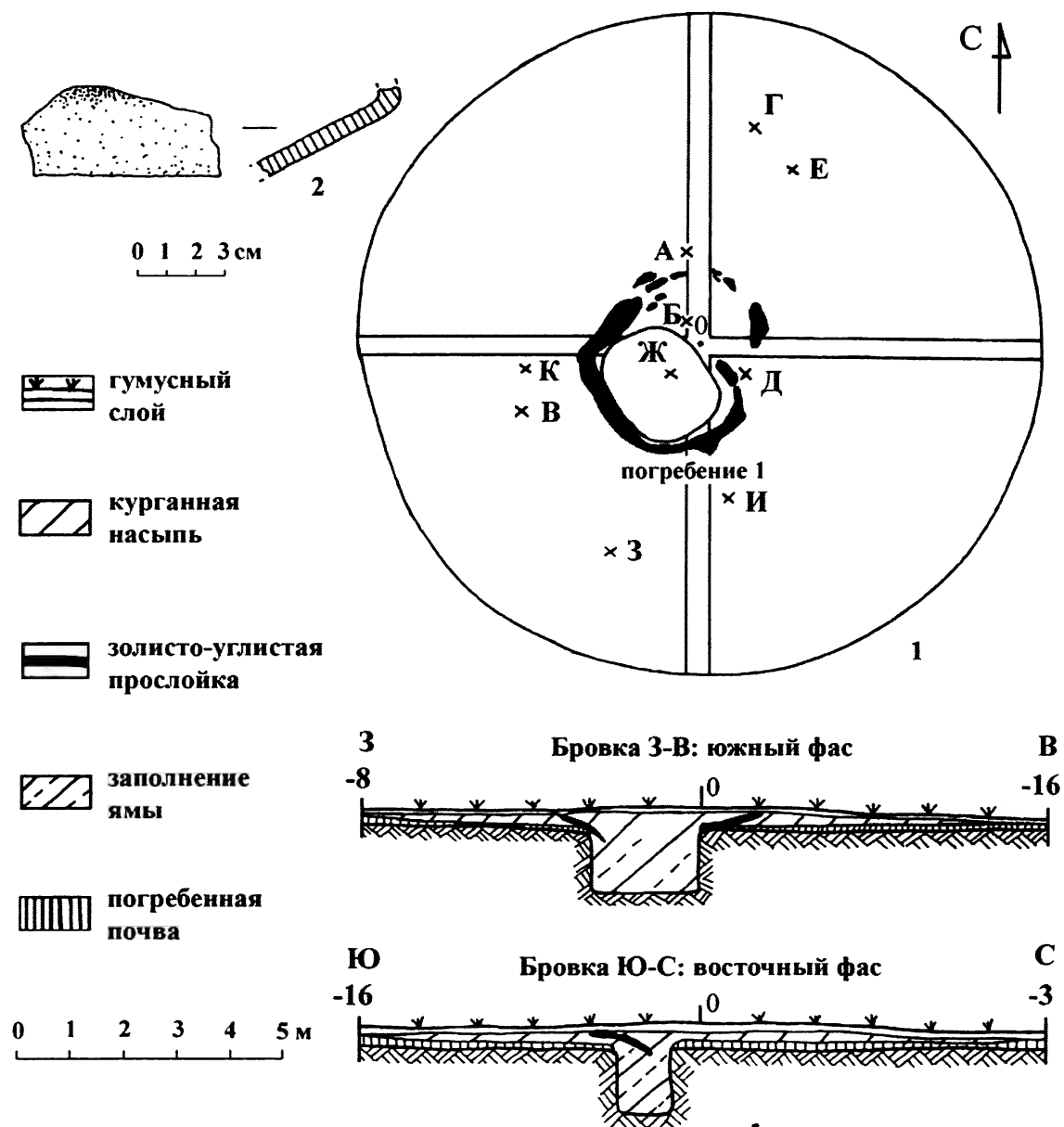

Рис. 12. Колобовка IV. Курган 4. 1 — план и профили кургана (А, И — кость барана; Б, Д — обломки красноглиняной штампованной золотоордынской керамики; В — кость животного; Г — фрагмент сероглиняной керамики; Е, З — фрагмент трубчатой кости животного; Ж — фрагмент ребра барана; К — фрагмент кальцинированной кости животного); 2 — фрагмент сероглиняной керамики

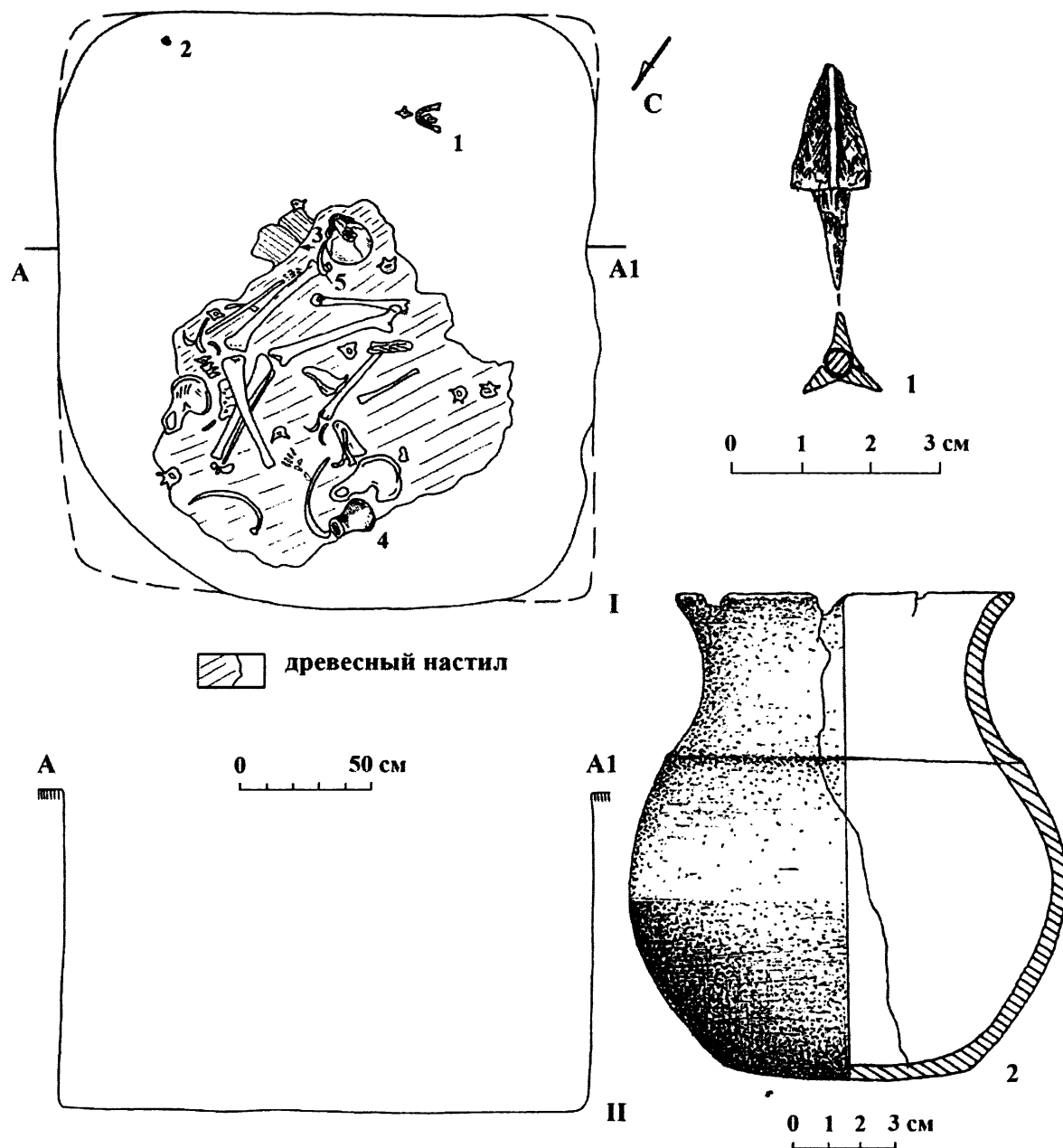

Рис. 13. Колобовка IV. Курган 4. Погребение 1: I — план погребения (1 — нижняя челюсть и позвонок человека; 2 — кусок мела; 3 — железный наконечник стрелы; 4 — горшок; 5 — ребро овцы); II — разрез могильной ямы погребения 1; 1 — наконечник железной стрелы; 2 — керамический сосуд

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ,
МОДЕЛИРОВАНИЕ,
РЕКОНСТРУКЦИЯ**

Н.Я. Мерперт
(ИА РАН, Москва)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОНЯТИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Вскрытие подлинных факторов, обусловивших основные феномены человеческого развития, неразрывно связано с изучением процесса сложения цивилизаций и прежде всего с определением крайне ёмкого и многоаспектного содержания самого их понятия. Здесь нет места ограничению последнего схематизмом форм производства и производственных отношений, лежащего в основе концепции «всеобъемлющих социально-экономических формаций». Здесь должны рассматриваться наиболее сложные «глубинные» вопросы духовного порядка, вне которых нет объяснений подобным феноменам и не может быть осмыслен многотрудный путь рода человеческого с его взлетами и падениями, великими свершениями и варварским разрушительством, высокими прозрениями и беспощадными заблуждениями.

Особое внимание привлекают здесь три проблемы, исследование которых особенно активизировалось и приобрело новые грани в последние десятилетия, отмеченные резким расширением всех основных параметров понятия «цивилизация» от географического и хронологического до содержательного, определявшегося как материальными факторами, так и духовными, обусловленными этико-моральным уровнем развития общества. Естественно, достижение последнего не может быть сведено к развитию производительных сил и производ-

ственных отношений. Наряду с ними должны учитываться и анализироваться и совершенно иные факторы человеческого существования, связанные с иными — духовными — импульсами и иными — духовными же — причинно-следственными системами. Конечно же, эти факторы находились в сложном взаимодействии с материальными, производственными, но далеко не во всех сферах жизни можно говорить о доминанте последних.

И наиболее показательны здесь проблемы культуры, как материальной, так и духовной, во всем многообразии этого понятия, города и городской жизни с их воздействием на мировосприятие и духовную жизнь и отдельной личности и общества в целом, и, наконец, цивилизации. Последняя синтезировала наряду с прочими два названных выше значительных своих компонента и в целом, повторю, определялась прежде всего морально-этическим уровнем развития общества.

Известно, что внимание к этим основополагающим для понимания человеческих судеб проблемам зародилось в глубочайшей древности. Огромная роль принадлежит здесь библейским текстам с представленными в них этическими, моральными, поведенческими нормами, носящими общечеловеческий характер. Попытки же научной разработки соответствующей проблематики предпринимались по меньшей мере начиная с рубежа

античной эпохи и приводили к бесконечно многообразным решениям, что с должной полнотой обобщено и систематизировано в первой же главе фундаментального труда В.М. Массона «Ранние цивилизации» (1989). Прежде всего автором глубоко оправданно подчеркивается, что при всем их многообразии решения эти в основном увязывались с определением этапов развития человечества и их причинной обусловленностью. Эволюция последней достаточно специфична. Лишь за одно первое тысячелетие до Р.Х. она прошла путь от «мифологического мышления» с пятичленной периодизации Гесиода, символизирующей общий регресс человечества, и сменившего его представления о прогрессе, основанном на дарах богов и героев (Виц, 1979. С. 112, 113, 116), до утверждения ключевой роли в нем человеческой активности (Ксенофан, VI–V тыс. до Р.Х.) (Лосев, 1975. С. 25) и материализма Демокрита (Виц, 1979. С. 116; Лосев, 1977. С. 164 и след.), а далее Лукреция Кара, поставившего уже вопросы конкретных факторов человеческого развития, таких как материалы для производства орудий (дерево, камень, медь, железо), язык, право, наконец, религия (Массон, 1989. С. 6).

Можно заключить, что к концу античной эпохи при отсутствии самого термина «цивилизация» были тем не менее намечены представления о ряде общих ее граней, о ряде ее проявлений и обусловивших их факторах.

Соглашаясь с основными положениями труда В.М. Массона, с его фактологической стороной, дефинициями и оценками, я хотел бы предельно кратко остановиться на внутреннем содержании понятия «цивилизация», ее компонентов и индикаторах.

Повторю, что сам термин появился впервые в европейской науке и литературе не ранее середины XVIII века (во Франции, затем в Англии). В предшествовавший же без малого двухтысячелетний период возникали те феномены, вырабатывались и дискутировались те понятия, которые в ходе своего многолинейного взаимодействия обусловили процесс создания цивилизаций, суммировавших, переработавших, как бы сплавивших воедино ряд сложившихся в ходе исторического процесса духовных и материальных феноменов. При этом, как правильно отмечает

В.М. Массон, определенную роль играл и этический, поведенческий фактор. Он пишет, что производные от латинского корня *civis* — гражданство, граждане, община приобрели и культурный аспект: *civilis* — «“достойный гражданина”, подобающий гражданину, учтивый, приветливый, вежливый» (Массон, 1989. С. 6). Однако после возникновения термина «цивилизация» основной аспект этого понятия переместился в область человеческой деятельности, в социально-экономическую, производственную сферу, охватывая ее *in corpore* и фактически смыкаясь с термином «культура». Она определялась даже как прямой синоним последнего термина, охватывающий, однако, лишь специфическую, более узкую его часть, а именно культуру материальную (Балезин, 1974). К этому вопросу я еще вернусь, сейчас же ограничусь лишь замечанием, что, несмотря на действительную размытость грани между понятиями «культура» и «цивилизация», безусловно заслуживает внимания вывод В.М. Массона, согласно которому «...с успехами исторической науки становилось все более ясно, что цивилизация сформировалась лишь на определенном этапе развития человечества, представляя собой качественный рубеж на эволюционном пути, реконструированном в общих чертах еще мыслителями античной эпохи» (Массон, 1989. С. 7). В дальнейшем значительную роль в этом процессе сыграло возникновение великих религий, возведших поведенческие нормы в ранг ниспосланных свыше. Но это особая широкая тема, которую я в настоящем кратчайшем очерке могу лишь обозначить, отметить значение великих религий в усилении морально-этического аспекта в самом понятии «цивилизация».

Резкое же усиление в применении к этому термину с начала его возникновения и особенно в XIX–XX вв. социального, технико-экономического и политического аспектов закономерно в контексте характера развития и событий этого периода. Но не во всех случаях оно оправдано и зачастую принимает гипертрофированный характер явно в ущерб основному содержанию понятия, каковым, по глубокому моему убеждению, является содержание духовное. В этом специфика цивилизации. Понятие «культура» шире его по охвату

человеческой деятельности. В отличие от понятия «цивилизация» оно и впрямь охватывает все стороны человеческой жизни и прежде всего материальную, производственную сферу (здесь мои представления отличны от цитированного выше определения Балязина). Оно и значительно протяженнее во времени, поскольку применимо с самого возникновения последней, с появления первых орудий, получивших широкое распространение и представленных специфическими для различных районов первоначальной ойкумены комплексами. Археологи справедливо говорят о палеолитической культуре, но никто не решается говорить о палеолитической цивилизации. Бесконечно далеко еще было до выработки каких-либо морально-этических норм, до осознания обязательности соблюдения их человеком. А без них понятие «цивилизация» теряет основную свою направленность. Последняя же не может ограничиваться экономическим, а тем более техническим прогрессом, который в ряде случаев не только не являлся индикатором цивилизации, но, напротив, способствовал бездуховности, отрыву от природы, нарушению гармонии развития и даже подавлению в человеке человеческого начала. Напомню здесь пророческие слова великого Блока:

«...А человек? Он жил безвольно.
 Не он, машины, города...
 “Жизнь” так бескровно и безбольно
 Пытала дух, как никогда...
 .....
 Пожары дымные заката
 (Пророчества о нашем дне).
 Кометы дымной и хвостатой
 Ужасный призрак в вышине,
 Безжалостный конец Мессины
 (Стихийных сил не превозмочь)
 И неустанный рев машины,
 Куящей гибель день и ночь ...»

В силу этого не представляется удачным распространившееся в XX веке понятие «техническая цивилизация»: правильное говорить здесь о техническом развитии. Вместе с тем безусловно позитивный характер носит разработка вопросов связи цивилизаций со сдвигами в социально-экономической сфере, такими, как стратификация общества, клас-

сообразование (Adams, 1966; Flannery, 1972), наконец, сложение государственных образований, обусловленное целым комплексом культурных феноменов (Массон, 1989. С. 8). И особое значение приобретает здесь определение как самих этих феноменов, так и основных их граней по археологическим данным. Наиболее детально эти вопросы рассмотрены Г. Чайлдом, выделившим десять компонентов цивилизации от городов до письменности, от монументальной культовой и общественной архитектуры до государства (Childe, 1950).

Далее в ходе дискуссии по проблеме древнейших городов (Чикаго 1958 г.) по предложению К. Клакхолма список Г. Чайлда был сокращен до трех основных компонентов, коими явились монументальная архитектура, сложившиеся города и письменность (City invisible ..., 1960. Р. 397; Массон, 1989. С. 8).

Что же дало импульс их появлению? Начну с монументальной архитектуры. Хорошо известно, что на Ближнем Востоке — центре древнейшей в мире цивилизации IV—III тыс. до Р.Х., — древнейшие памятники такого рода появились в отмеченный период и обусловленность их появления духовными факторами не требует комментариев: это храмы и гигантские культовые сооружения Месопотамии и Египта. Нет необходимости и перечислять их: в Месопотамии достаточно назвать наиболее древние монументальные храмы периода Убейд-4 (начало IV тыс. до Р.Х.) в Телль Эль Уейли (постройка 37, «трехчастная конструкция», стена с контрфорсами) (Sievertsen, Teil I, 1998. S. 13–19; Teil II, Abb. 23–27), а также храмы I и II Урука (Sievertsen, Teil I, 1998. S. 30, 31; Teil II, Abb. 42–44) и «праисторические храмы» и Зиггурат Энки, Эриду того же убейдского периода (Sievertsen, Teil I, 1998. S. 19; Teil II, Abb. 31). Во всех отмеченных случаях фиксируются, с одной стороны, выработка форм специфически храмовой архитектуры, с другой — утверждение традиции расположения храмового участка (теменоса), сохранявшейся многие столетия и даже тысячелетия. Наиболее яркий пример тому — 16 храмов того же Эриду сохранивших единый участок расположения и последовательно перекрывавших друг друга от убейдского периода до времени III династии Ура (т.е. с начала IV до рубежа III и II тыс.

до Р.Х.) (Safar, Ali Mustafa, Lloyd, 1981. P. 39–48; Бикерман, 1976. С. 181). И этот принцип во многих случаях сохранялся в храмовой архитектуре Месопотамии от шумерского до позднеавилонского периода, что еще раз подтверждает связь монументальной архитектуры — одного из основных компонентов цивилизации — с духовным началом.

Что же касается Египта, то древнейшие (III тыс. до Р.Х.) сооружения его — знаменитые пирамиды Саккары и Гизы — говорят сами за себя, и связь их с тем же началом специальных доказательств не требует. Это в полной мере относится и к предшествующим пирамидам исходным их формам — мастабам, являвшимся царскими усыпальницами (а далее и усыпальницами знати) при первых двух династиях, т.е. с рубежа IV и III тыс. до Р.Х. Мастабы также могут быть причислены к монументальным постройкам, и отнюдь не случайно их возникновение синхронно началу сложения древнеегипетского пантеона.

И, естественно, с тем же духовным началом, со сложнейшим феноменом древнеегипетской религии, мировосприятия, философии связан и второй не менее значительный вид монументальной архитектуры — храмы. Они достигали беспрецедентных размеров и сложности (Канак, Луксор, Дейр-эль-Бахри, Мединет-Абу и др.). Но основным в них была духовная насыщенность, определявшая и архитектурные формы и поразительные по многообразию орнаментальные элементы этих воистину монументальных комплексов.

И надо ли напоминать о том, что на протяжении последующих периодов древней и средневековой истории человечества неразрывная связь лучших образцов монументальной архитектуры с духовным началом сохраняла свое значение одного из подлинных компонентов цивилизации. И когда мы говорим о сложении цивилизации Древней Руси, то прежде всего представляем себе роль в этом процессе Десятинной церкви, Софийских соборов Киева и Новгорода, десятков других памятников развивающейся духовной культуры наших предков. И здесь именно этим фактором определялись материальные архитектурные формы. А первый материальный индикатор цивилизации системы Г. Чайлда — К. Клакхолма получает весьма существенное обоснование.

Вторым компонентом той же системы явилось появление письменности, носившее, как и цивилизация в целом, характер этапного, качественно нового явления в ходе человеческой истории. Связанные с ним и обусловившие его факторы материального, хозяйственного, общественного, политического порядка, приведшие к резкому росту информации и необходимости обмена ею, правильно приведены В.М. Массоном на основании шумерских, египетских, критских, древнекитайских свидетельств (Массон, 1989. С. 10). Но им же подчеркнута глубинная связь их с факторами духовного порядка — верованиями, обрядовыми действиями, наконец, «...этико-философский императив», идущий «с позиций духовных ценностей» (Там же. С. 10, 11). В этом плане предельно важна не только преимущественно сакральное содержание древнеегипетских текстов, но и возникновение подлинной шумерской литературы, в том числе этической, поднимающей важнейшие вопросы этики, морали, нравственности — основные духовные вопросы человеческого бытия. И, конечно же, не сухие меркантильные хозяйственные тексты и не победные декларации царей-завоевателей, а великий «Эпос о Гильгамеше» свидетельствует о глубоких корнях цивилизационного процесса в передовых культурных очагах древней ойкумены.

Третьим (предельно обобщенно) индикатором и компонентом этого процесса явился согласно системе Чайлда—Клакхолма феномен города — также важнейший этап во всех аспектах человеческого развития, включая, естественно, и духовный. Совершенно закономерно особое внимание к этой важнейшей проблеме археологов самого разного профиля (Гуляев, 1979. Массон, 1989; Дьяконов, 1959; Мерперт, 2000; Childe, 1950; Adams, 1960; 1966; 1981; Adams, Nissen, 1972 и мн. др.). Проблема рассматривается начиная с самих истоков урбанизационного процесса с учетом специфики его в конкретных регионах и определением природных, экономических, социальных, политических, культурных факторов, обусловивших его. Я в соответствии с основной направленностью настоящей статьи кратко остановлюсь на факторе духовном, подчеркивая безусловную справедливость включения города в число основных компонентов понятия «цивилизация». И здесь,

как и в ряде прочих заключений, я полностью солидаризируюсь с В.М. Массоном, совершенно правильно подчеркивающим, что наряду с функциями социального, организационного, а в ряде отраслей и производственного центра округа, формирующиеся города выполняли «роль своего рода идеологического лидера». Именно в городах располагались главные храмы «...и нередко наличие культурного (а точнее «культового»). — *Н.М.*) центра было одним из важных стимулов формирования в данном месте поселения городского типа» (Массон, 1989. С. 11). Полагаю, что мысль эта может быть усилена. Все прочие показатели — такие, как размер территории возникающих городов, численность и компактность населения, наличие фортификаций и прочие безусловно важны, но относительно: они были обусловлены самыми многообразными факторами — историческими, географическими, ландшафтными, ресурсными, экономическими, торговыми, политическими. А сами приведенные показатели носили в основном характер материальной и структурной — обобщенно прагматической стороны урбанизационного процесса.

Но один показатель сохраняет свое значение для процесса возникновения городов в самых различных отмеченных выше условиях. И показателем этим является наличие сакральных центров, сплачивающих население, способствующих духовному его сближению. И здесь возникает коренной вопрос соотношения прагматических и духовных импульсов и приоритета их в процессе урбанизации. Возникали ли святилища, а затем и храмовые центры внутри формирующихся по материальным прагматическим причинам поселений и городов как результат концентрации населения, или же сама концентрация, а затем и город с его материальными и организационными параметрами были инициированы развитием и обогащением духовной жизни, тяготением к отражающим ее сакральным действиям и храмам как местам их свершения? И не даром на Ближнем Востоке уже на предшествующем сложившимся городам и отмеченном возникновении поселенческой иерархии уровне развития так называемые протогорода характеризуются прежде всего храмовыми сооружениями, доминанта которых проявляется еще более четко на следующей, уже городской ступени развития (Ан-

тонова, 1998. С. 100 сл.; Мерперт, 2000. С. 133, 134). И признак этот носит общий характер: он фиксируется фактически во всех первичных центрах урбанизации вплоть до Мезоамерики (Гуляев, 1979. С. 76–92). Все это требует пристального внимания к сакральным факторам урбанизационного процесса. Подчеркивая духовный аспект проблемы города, наш выдающийся богослов протоиерей А. Мень пишет: «Город — двуликое трагическое детище двойственной истории человечества — стоит у ее истоков. “Городская революция” есть рубеж исторического и доисторического миров... Город — символ изоляции человечества от природы и одновременно символ его творческой активности» (Мень, 1991. С. 63).

Таким образом, все три основных индикатора цивилизации, выделенных в системе Чайлда—Клакхолма, не только теснейшим образом связаны с духовным развитием человечества, но в значительной мере и порождены им. И следует полностью согласиться с В.М. Массоном, специально подчеркивающим роль идеологических компонентов в процессах сложения древнейших цивилизаций (так же, добавим, как и последующих). «Значение идеологии и социальной психологии, — пишет он, — древних обществ зачастую недооценивается как в общих разработках, так и при конкретном анализе, порой выходящем вольно или невольно в первую очередь на социально-экономический детерминизм». И далее: «Переход к цивилизации был связан с существенными изменениями в области идеологии, когда формировались новые идеологические каноны, облеченные, как правило, в религиозные формы» (Массон, 1989. С. 12).

Полностью соглашаясь со справедливостью этих утверждений, я полагаю, что само понятие «цивилизация» может рассматриваться как этап в длительном развитии конкретных регионов ойкумены, население которых достигло определенного уровня духовно-морального состояния общества и выработало основные направления его социального, организационного, культурного, этического развития, определяемые наряду с материальным прогрессом суммой духовных принципов общежития и взаимодействия. Как уже указывалось выше, в этом специфика цивилизации, обращенной прежде всего к человеку. И в этом ее сила.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.

Балязин В.Н., 1974. Цивилизация // СИА. Т. 15. М.

Бикерман Э., 1976. Хронология древнего мира. М.

Дьяконов И.М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М.

Виц Б.Б., 1979. Демокрит. М.

Гуляев В.И., 1979. Города-государства майя. М.

Лосев А.Ф., 1975. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.

Лосев А.Ф., 1977. Античная философия истории. М.

Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.

Мень А. протоиерей, 1991. История религии. В поисках пути истины и жизни. Том I. Истоки религии. М.

Мерперт Н.Я., 2000. Очерки археологии библейских стран. М.

Adams R.McC. 1960. The Origins of Cities // «Scientific American». September.

Adams R.McC., 1966. The evolution of urban society. Chicago.

Adams R.McC., 1981. Heartland of Cities. Survey of Ancient Settlement and Land use in the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago-London.

Adams R.McC., Nissen H.J., 1972. The Uruk countryside: The natural setting of urban societies. Chicago-London.

City invisible: A Symposium on urbanization and cultural development in the ancient Near East. Chicago, 1960.

Childe G., 1950. The urban revolution // «Town Planning Review». Vol. 21.

Flannery K.V., 1972. The cultural evolution of civilization // «Ann. Review of Ecology and Systematics», 1972.

Sievertsen U., 1998. Untersuchungen zur Pfeiler — Nischen Architektur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jahrtausend bis zum Ende der fruhdinastischen Zeit. Teil. I-II // BAR — Internat. Series 743. Oxford.

Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S., 1981. Eridu. Baghdad.

Я.М. Паромов
(ИА РАН, Москва)

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Создание археологической карты являлось одной из основных задач на протяжении более двух веков исследований Таманского полуострова. За столь долгий срок изменились не только методы и язык науки, но и само понятие археологической карты претерпело радикальную трансформацию от чисто описательных сочинений (Паллас, 1887. С. 230–234; 1883. С. 35–107; Dubois, 1843. Р. 21–108 и др.) до современных исследований с привлечением аэрофотосъемок и крупномасштабных топографических карт (Паромов, 1992). Главной целью данной статьи является освещение методической стороны исследований автора, проводившихся в этой области.

Среди исследований, посвященных памятникам Таманского полуострова, в интересующем нас аспекте основными являются работы К.К. Гёльца, М.О. Поночевного, В.В. Соколова, Л.П. Харко, А.С. Башкирова, С.Ф. Войцеховского, А.А. Миллера и А.А. Иессена, В.Д. Блаватского, Н.И. Сокольского¹. К.К. Гёлец работал на Таманском полуострове в 1859 г. Итогом его исследований были две книги, посвященные памятникам и истории исследований региона (Гёлец, 1870; 1876). На долгое время

эти труды стали введением в археологию, постепенно обрета заслуженное признание. В них описано несколько десятков городищ, поселений и могильников, даны их подробные привязки, приведены обобщенные сведения о сотнях курганов (карта, помещенная в первой книге, играет вспомогательную роль). В 1891 г. был опубликован «Географический очерк Боспорского царства» М.О. Поночевного. Опираясь на доскональное знание топографии низовий Кубани и Таманского полуострова, он анализировал тексты древних авторов (Страбона, Птолемея, Диодора и др.). Вероятно, ему удалось дать наиболее обоснованную интерпретацию древних свидетельств и сообщений об Азиатском Боспоре, далеко опережавшую палеогеографические построения критиков К.К. Гёльца — М.С. Куторги (1871) и И.Е. Забелина (1878). М.О. Поночевный первым отождествил Таманское городище с Гермонассой, его локализации других античных городов обладали редкой убедительностью. В начале XX в. В.В. Соколовым была проведена большая работа по сбору данных и составлению археологической карты района станицы Таманской (Соколов, 1919). На ней обозначены 21 городище, столько же древних могильников и 161 курган. По своей полноте (прежде всего по учету курганов) она сравнима с современными картами, составленными на основе «сплошной» археологической раз-

---

¹ Более подробно история археолого-топографических исследований Таманского полуострова рассматривается в отдельной работе (Паромов, 1992а).

ведки. С сожалением приходится констатировать, что она охватывала лишь юго-западную часть полуострова. Несколько десятков древних городищ и поселений, а также множество курганов было обследовано в 1926–1927 гг. под руководством А.С. Башкирова. Существенным недостатком явилось отсутствие карты. Схемы, помещенные в публикациях (Башкиров, 1927; 1928), настолько мелки, что далеко не все памятники, о которых говорилось в тексте, могли быть обозначены.

Полным контрастом разведкам А.С. Башкирова являлась «Археологическая карта центрального района Таманского полуострова, составленная экспедицией ГМИИ в 1928 году», работавшей под руководством Л.П. Харко². Особенно подробно на ней отображены курганные некрополи, окружавшие Фанагорию и Кепы, а также несколько поселений и курганы вблизи поселков Приморский, Соленый, Юбилейный, Пересыпь, За Родину и станицы Ахтанизовская. Всего на ней показано более 400 насыпей. В настоящее время ввиду постоянной распашки многие из них стали практически неопределимы, в связи с чем эта карта стала ценнейшим документом, позволяющим, совместно с аэрофотосъемками, восстановить структуру и реальные размеры курганных некрополей древнего Фанагорийского острова. В 1920-е гг., почти десятилетие исследования древностей и геологии Таманского полуострова занимался директор Темрюкского музея С.Ф. Войцеховский, принимавший также активное участие в экспедициях А.С. Башкирова и А.А. Миллера. Итогом его изысканий была оригинальная работа, являвшаяся, по сути, археологической картой региона, составленной на основе анализа собранного им многочисленного подъемного материала. Единственная его публикация (Войцеховский, 1929–1930) была вводной частью большого исследования, не вышедшего в свет в связи с ликвидацией изданий по краеведению. Сохранилась лишь копия карты, на которой в пределах Таман-

ского полуострова обозначено 58 поселений античного и средневекового времени³.

Особого внимания заслуживают исследования Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. под руководством А.А. Миллера. В ней участвовали М.И. Артамонов, А.А. Иессен, А.Н. Карасев, Т.Н. Книпович, А.П. Круглов, Е.И. Леви, Б.Б. Пиотровский, Ю.В. Подгаецкий, Н.И. Репников. Главной задачей было изучение развития материальной культуры региона с древнейшего времени до средневековья, для чего проводилась широкая разведка, возглавлявшаяся А.А. Иессеном. За два сезона в пределах Таманского полуострова было обследовано и нанесено на надежную топографическую основу 88 памятников эпохи камня и бронзы, поселений архаического, классического, эллинистического, римского, раннесредневекового и турецко-татарского времени (Миллер, 1931; 1932; Иессен, Миллер, 1932). Сохранились четыре плана полуострова, на которых эти памятники показаны по эпохам и сводная карта, опубликованная в настоящее время (Архив ИИМК: Р-1. № 160. Инв. 1303–1306; № 158. Инв. 1210; Паромов, 1992а. Рис. 2). Исследования экспедиции были прерваны в связи с ссылкой руководителя. Археологическая карта, составленная ее сотрудниками, более полувека оставалась непревзойденной, однако находилась вне поля зрения науки. В исследованиях Синдики и разведках 1950–1954 гг. В.Д. Блаватский опирался на карту В.В. Соколова. В течение пяти сезонов различными по объему раскопками были затронуты 16 поселений в районе станицы Тамань (14 из них были известны ранее). Эти работы принесли ценные сведения о хоре Боспора, одновременно показав, что традиционные пешие разведки без применения современных топографических карт и аэрофотосъемок исчерпали свои возможности (Блаватский, 1958; 1959). С 1960 по 1968 гг. Н.И. Сокольским было исследовано более 10 памятников, разрушавшихся при строительстве. Они не были известны ранее. Целенаправленной разработки археологической карты им не предпринималось, однако в

² Карта не опубликована, хранится в Отделе искусства и археологии Древнего мира ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ее составителями были братья Е.В. и Б.В. Веймарны. Фотокопия карты была подарена мне А.К. Коровиной.

³ Эта карта была предоставлена мне А.К. Коровиной и с ее любезного согласия опубликована (Паромов, 1992. Рис. 1).

результате обследования районов раскопок было выявлено несколько поселений античного и средневекового времени, обогативших представление о памятниках археологии региона (Сокольский, 1962; 1965; 1969; 1972; 1973).

В 1970–1980-е годы особо актуальной стала задача сплошного обследования Таманского полуострова, необходимого для учета и охраны памятников, в связи с широкими проектными и строительными работами. С 1981 г. исследования в этом направлении проводились автором данной статьи (Паромов, 1986; 1989). На определенном этапе они были обобщены (Паромов, 1992) и продолжены. В процессе этих работ было обследовано 267 поселений античного и средневекового времени (более половины из которых ранее не было известно), 1332 кургана, выявлены древние дороги и земельные наделы античного времени (Паромов, 1998; 2000) (Рис. 1; 2). Во многом исследования строились на новых методических основах, кратко уже излагавшихся (Паромов, 1990; 1993). В достаточно полном объеме они рассматриваются тут впервые.

Разработка «Археологической карты Таманского полуострова» с самого начала потребовала постановки и разрешения целого ряда методических задач и вопросов, выходящих за рамки существующих представлений об археологических картах и археологическом картографировании (Монгайт, 1962). На многие из них не было ответа, тем более что многие вопросы возникли лишь впоследствии. Комплексный метод, сложившийся в процессе работы, включил в себя изучение письменных и архивных источников, результатов раскопок, современных карт и аэрофотосъемок, а также полевые исследования с последующей обработкой материалов и их анализом. Привлечение аэрофотосъемок и современного картографического материала, сделанное впервые для этого региона, позволило вывести исследования на уровень так называемой «сплошной разведки».

Современные крупномасштабные карты на редкость информативны. Следует отметить, что полноценная работа по исследованию какого-либо региона требует по меньшей мере трех комплектов карт — километрово-го, 25-тысячного и 10-тысячного масштабов.

Карты первых двух масштабов играют очень важную, но вспомогательную роль — являясь скорее обзорными. Углубленное исследование можно осуществить лишь с помощью наиболее точной на сегодняшний день топографической карты 10-тысячного масштаба (в 1 см — 100 м). Работа с ней трудна (достаточно сказать, что на всю территорию Таманского полуострова требуется около 100 листов карт), но лишь именно такая карта снимает все проблемы, связанные с привязками памятников, и гарантирует точность их фиксации. Отрисовка горизонталей на этой карте произведена по стереопаре строго ориентированных и масштабированных аэрофотоснимков. В отличие от старых карт, она дает принципиально иную, реальную по всему полю листа картину земной поверхности, содержащую ценную для археологии информацию: отображение лощин, являющихся следами древних дорог, микрорельефа остатков поселений античного и средневекового времени и других объектов.

В настоящее время за рубежом и в нашей стране накоплен обширный опыт использования аэрометодов в археологии. Ему посвящен ряд научно-популярных и специальных работ, охватывающих широкий круг памятников (Дойель, 1979; Толстов, 1948; Толстов, Орлов, 1948; Толстов, Андрианов, Игонин, 1962; Игонин, 1965; 1968; Халиков, Игонин, 1974). Однако все они касаются исследований, в которых применялись специальные аэрофотосъемки, производившиеся в археологических целях. В силу технических трудностей и высокой стоимости на практике они почти неосуществимы. Обращение к уже имеющимся топографическим аэрофотосъемкам открывает весьма ценный и широкий по охвату источник, вполне доступный по затратам (Шишкин, 1966; 1970). В отечественной практике топографические аэрофотосъемки были широко использованы при изучении земельного кадастра Херсонеса Таврического (Щеглов, 1978; 1993; Ščeglov, 1980), а также легли в основу публикации самых первоначальных сведений об античной хоре в других регионах Северного Причерноморья (Шишкин, 1982; Бруяко, Назарова, Петренко, 1991; Лисецкий, 1994; Масленников, Безрученко, 1991; Масленников, 1998; Kolesnikov, Iacenko, 1999).

В работе над «Археологической картой Таманского полуострова» были использованы топографические аэрофотосъемки 10-тысячного масштаба. Обращение с ними достаточно трудоемко (в сумме это около двух тысяч отдельных аэрофотоснимков), однако именно они обладают двумя важнейшими достоинствами. Во-первых, эти аэрофотосъемки наиболее информативны и точны, а во-вторых, они одного масштаба с картами, что позволяет сопоставлять отображение земной поверхности и отдельного археологического объекта (в различной трактовке), накладывая снимок на карту. Эти аэрофотосъемки, как и карты, на редкость информативны. Практически вся территория Таманского полуострова в настоящее время распахана. Распашка сняла растительный покров и обнажила следы деятельности человеческого общества на протяжении многих веков. В совокупности эти следы представляют достаточно полное отображение древней системы расселения с ее основными элементами — поселениями, дорогами и земельными наделами.

Продуктивная работа с аэрофотоснимками требует соблюдения двух условий: обязательного сочетания камеральных проработок и полевых исследований и обязательной проработки всего массива аэрофотоснимков. Предварительное изучение литературных и архивных данных совместно с топографическими картами и аэрофотосъемками позволяет выявить признаки отображения древней системы расселения правда, лишь в первом приближении. Проверка этих признаков может состояться только в поле при натурном обследовании прежде всего известных ранее памятников. В процессе полевых работ накапливаются подлинные признаки и отсеиваются ложные, связанные с эоловыми, эрозионными и другими явлениями. И лишь на следующем этапе становится возможным поиск новых памятников, прежде всего поселений. Результатом может служить картина античной системы расселения в IV–II вв. до н.э. на территории северо-западной части Таманского полуострова — так называемого Киммерийского острова (Рис. 3), составленная по данным натурных археологических исследований и аэрофотосъемок (Паромов, 1994. Рис. 7; 2000. Рис. 2).

Не следует использовать аэрофотосъемки в отрыве от карт и полевых исследований. Это может дать лишь обрывки сведений и привести к сомнительным результатам (Горлов, Лопанов, 1995). И уже совершенно недопустимо привлечение отдельного аэрофотоснимка в качестве аргумента для доказательства абстрактной идеи (Гарбузов, 2003. Рис. 5, 6). Подобное обращение дискредитирует аэрофотосъемки как источник исследований (подробнее: Паромов, 2003). Что же касается непосредственного изучения аэрофотосъемок, то единственным методом работы с ними является, вероятно, хорошо известный в минералогии и используемый при определении цвета кристаллов «метод пристального взглядывания». Машинные способы обработки аэрофотоснимков нацелены на поиск признаков заранее известного характера — ортогональных систем межевания и дорог, римских лагерей и т.д. Это заведомо сужает информационные возможности аэрофотосъемок). Наконец, аэрофотосъемки остаются единственным и ничем незаменимым источником в тех случаях, когда памятники полностью или частично уничтожены в результате современной хозяйственной деятельности или естественных природных процессов. В особенности это относится к курганам, насыпи которых в настоящее время спланированы, однако главное, некоторые впускные погребения могли сохраниться в материке и нижних предметериковых слоях. Поиск таких курганов без аэрофотосъемок просто невозможен.

Следующий ряд методических вопросов связан с подъемным материалом на поселениях античного и средневекового времени. Главное место здесь занимает проблема датировки памятников. Как оценить с этой точки зрения подъемный материал? Существует предубеждение, что материал, собранный на поверхности памятника, дает лишь ориентировочную преимущественно верхнюю его дату. К счастью, это не так. В литературе процесс формирования культурного слоя и процесс появления на поверхности многослойного памятника подъемного материала почти не освещены или рассматриваются несколько упрощенно, условно говоря, — «в горизонтальной плоскости» (Блаватский, 1950. С. 55–59; 1967. С. 42–50; Щеглов, 1983. С. 12–30), хотя различ-

ные и разновременные перекопы составляют зачастую большую часть памятника. В силу этого любой отдельно рассматриваемый слой наряду с присущими только ему материалами более ранних слоев. При этом более ранние материалы из нижних слоев иногда преобладают в количественном отношении (Блаватский, 1950. С. 59).

Следует отметить, что процесс формирования культурного слоя и появления на поверхности памятника подъемного материала наиболее отчетливо описан А.А. Миллером: «Человек, строящий и последовательно вносящий в поселение новые материалы, в то же время разрушает слои, образовавшиеся в этом же месте в прежние эпохи; он роет ямы, выбрасывая более древние слои на поверхность, делает глубокие фундаменты, перемешивая таким образом всю правильность прежде сложившейся стратиграфической картины» (Миллер, 1934. С. 82). Иными словами, в итоге активной жизнедеятельности происходит постоянный вынос на дневную поверхность материалов более ранних слоев, в силу чего подъемный материал должен отражать и отражает весь период существования поселения. В этом заключена, вероятно, его основная качественная характеристика.

При разработке «Археологической карты Таманского полуострова» было проведено сопоставление датировки 32 многослойных поселений (всех когда-либо раскапывавшихся) по подъемному материалу, собранному при их обследовании, и по данным раскопок. Это сравнение свидетельствует о надежности датировки памятников по подъемному материалу (Паромов, 1995. С. 48–50. Приложение 5).

Второй серьезный вопрос — общая характеристика подъемного материала и его датировка. Определение времени существования античных и средневековых поселений по фрагментам амфор — самому массовому материалу является наиболее надежным. Разумеется, это совершенно не исключает использования для датировки памятников и других категорий подъемного материала: фрагментов расписной, чернолаковой, чернолощенной, краснолаковой и поливной керамики, амфорных и черепичных клейм, фрагментов терракотовых статуэток и светильников, монет

и других индивидуальных находок, поддающихся хронологизации. Однако ввиду своей массовости, основой датировки поселений остается, несомненно, амфорный ряд.

За последнее время античная амфорология достигла больших успехов. В особенности это относится к изучению раннеантичных амфор середины VI — конца V в. до н.э., в хронологии которых произошли существенные уточнения, основанные на анализе большого числа закрытых комплексов. Типология античной керамической тары, составляющей основу датировки поселений, весьма сложна и насчитывает несколько сотен разновидностей амфор. При описании поселений только перечисление фрагментов амфор составляет иногда более половины текста. Для упрощения описания памятников в нашем исследовании была разработана обобщенная хронологическая таблица античной и средневековой керамической тары Боспора, включающая 97 основных типов амфор. Хронология средневековых амфор разработана не столь подробно, как хронология античной тары, однако и здесь за последнее время произошли значительные изменения.

Третий важнейший вопрос по подъемному материалу касается границ и площадей поселений. Широко распространенное мнение о «переносе и расползании» подъемного материала при пахоте является заблуждением. Плуг, борона и другие сельскохозяйственные орудия созданы не для перемещения почвы, а только для ее обработки — переворачивания, рыхления и т.д. Разумеется, не следует исключать переноса отдельных фрагментов керамики или других предметов, но это происходит не часто. В массе же своей археологические материалы при распахке культурного слоя бывают потревожены лишь на глубину пахоты, но не перемещаются, а остаются на месте. Об этом свидетельствует опыт Патрейского отряда. По подъемному материалу, собранному на распаханном участке памятника, на городище были выявлены отдельные усадьбы хазарского времени (Степашкина, 1995).

На Таманском полуострове лишь в редких случаях границы древних поселений бывают ясно выражены особенностями их месторасположения или топографическими признаками (мысовое, между двух балок, окружен-

ное рвом и т.д.). Гораздо чаще их приходится отыскивать на пахоте. Опыт обследования 267 поселений свидетельствует, что их границы достаточно четко выражены по подъемному материалу. Более того, следует отметить совпадение границ распространения подъемного материала и границ отображения поселений на аэрофотосъемках. В некоторых случаях можно проследить также внутреннюю структуру поселений. Отдельные светлые пятна и контуры на аэрофотоснимках при их совмещении с картой отождествляются с реальными осветленными возвышениями в микрорельефе поселений, являющимися остатками древних сырцовых строений, усадеб с комплексами их построек или зонами более плотной древней жилой застройки. Следует отметить также, что подъемный материал на этих возвышениях достигает, как правило, наибольшей плотности.

При обследовании поселений Таманского полуострова в виде опыта определения границ и характеристики территории памятников, находившихся на пахоте, было введено в практику вычисление «индекса подъемного материала» (отношение числа найденных черепков к площади сбора, которая устанавливалась не менее 10 кв. м). За пределами поселений «индекс» незначительно отличался от нуля, составляя сотые и тысячные доли единицы. На границе поселений на незначительном протяжении «индекс» резко возрастал, достигая единицы. На территории поселений «индекс» нередко повышался до 10, а иногда подсказывал до нескольких десятков. В этом нет ничего удивительного: и в древности, и в настоящее время не менее 9/10 сельских поселений занимали огороды и сады, и лишь 1/10 — жилье и приусадебные строения. Об этом свидетельствует опыт небольших раскопок на поселении Приазовский 4, которое, на взгляд исследователей, представляет «некое скопление небольших сельских оikosов (домов, жилищ. — Я.П.), центром которых были скромные по размерам приусадебные строения и окружающая их хозяйственная зона. Между этими центрами, судя по всему, лежали сельские угодья» (Завойкин, Сударев, 1999; 2000). Здесь все закономерно. Однако из этого не следует, что «на Археологической карте памятник представляется слепым пят-

ном» или «огромным сельским поселением». Он обозначен в своих реальных границах. Авторам раскопок лишь слегка приоткрылась его внутренняя структура, являющаяся по своей природе дискретной. На сельских поселениях нет и не может быть непрерывного культурного слоя, свойственного древним городским напластованиям.

И в античное, и в средневековое время размеры сельских поселений Таманского полуострова варьировали в широчайших пределах — от 0,1–0,3 га (отдельная усадьба) до 20–25 га (несколько десятков, до полусотни и более домовладений). В некоторых случаях их размеры существенно превышают эти цифры. В этом нет ничего необычного. Еще В.Д. Блаватский отмечал, что нередко остатки обследованных им поселений Азиатского Боспора растягивались по довольно обширной площади, не уступающей по размерам малым боспорским городам (1958. С. 13). На хоре Ольвии в самый ранний период уже существовало несколько крупных поселений площадью до 50–80 га. Эти поселения обладала весьма «рыхлой» структурой и состояли из 100–160 усадеб-«кустов», расположенных на расстоянии от 10 до 50 м друг от друга (Крыжицкий, Буйских и др., 1989. С. 25–31).

Неполные представления о размерах древних сельских поселений объясняются кроме недостаточной их изученности и недостатком внимания к этому вопросу. Приведем наглядный пример. В 1960 г. Н.И. Сокольским были начаты раскопки античной крепости «Батарейка 1». Вот как он оценивал размеры поселения, на котором стояла крепость: «На пахотном поле, расположенном непосредственно к северу от залива, в большом количестве встречаются вспаханные плугом черепки преимущественно позднеантичного времени на территории примерно 250 м с запада на восток и 150 м к северу от берегового обрыва» (Архив ИА РАН: Р-1. № 2064. Л. 41). Вскоре памятник был распахан плантажным плугом. Вот что Н.И. Сокольский увидел в следующем году: «Вспашка показала, что поселение имело много большие размеры, чем это было предположено в 1960 г., а именно, с запада на восток оно имело протяженность до 800 м, с юга на север — до 350 м» (Архив ИА РАН: Р-1. № 2290. Л. 65). Площадь поселе-

ния, по оценке опытейшего исследователя, оказалась почти на порядок больше, чем на первый взгляд, и составляла, по его данным, никак не менее 25 га.

Древние поселения Таманского полуострова в нашем исследовании разделяются на отдельные усадьбы, или «хутора», их площадь не превышала 1 га; малые поселения — размерами от 2 до 10 га; средние — от 10 до 20 га, и крупные поселения — более 20 га. Среди последних выделяется несколько наиболее значительных поселений, условно называемых «доминантами», очень близких по размерам крупным поселениям на ранней хоре Ольвии. Остановим внимание на понятиях «границы поселения» и «границы памятника». Первое подразумевает границы поселения в определенный исторический период. Со временем они могут меняться: в сторону увеличения и уменьшения, а также смещения или частичного переноса жилья относительно первоначального центра. Второе понятие включает в себя все исторические перемены границ поселения в различные периоды. Естественно, что границы памятника могут быть больше границ поселения или совпадать с ними. По характеру нашего исследования, в нем прежде всего рассматриваются границы памятников, и только при возможности и необходимости — границы поселений.

Первая попытка как-то классифицировать поселения Таманского полуострова была сделана еще А.А. Миллером (Миллер, 1932. С. 45). Предпринимались они и в дальнейшем (Блаватский, 1959. С. 47; Сокольский, 1963. С. 19–22), но малое число известных в то время памятников существенно ограничивало ценность этих попыток.

Различные подходы к типологии поселений содержатся в обобщающих работах по хоре античных государств Северного Причерноморья (Кругликова, 1975; Щеглов, 1978; Масленников, 1989; 1993; Крыжицкий, Буйских, 1989). Однако основное внимание уделено скорее особенностям небольшого числа раскапывавшихся памятников, чем обобщающим признакам всех поселений, известных преимущественно по данным разведок. Вполне естественно, что эти данные не позволяют создавать сложные типологии памятников, основанные на планировочно-пространствен-

ных, этнических или функциональных принципах. Тем не менее они позволяют дать им общую характеристику.

Для памятников Таманского полуострова это прежде всего отмеченная выше градация поселений по размерам — главный признак, определяющий их значение в иерархии населенных мест. Поселения различались по месторасположению: береговые, основанные при море, на лиманах и древних протоках; и глубинные, находившиеся в удалении от берегов, что выявляет степень освоения земель Таманского полуострова в различные периоды. Из общей массы памятников по своему месторасположению выделяются типично «придорожные» и «маячно-сторожевые» поселения. Характерная особенность первых — расположение их в один или два ряда у главнейших древних дорог (Паромов, 1998. С. 217). Вторые находились на возвышенных местах или вершинах холмов, откуда открывался широкий обзор (Паромов, 2003. С. 150). Ряд поселений может быть оценен также с точки зрения фортификации. Для этих памятников характерно появление в определенный исторический период рвов, валов, укрепленных усадеб и крепостей-«батареек». Индивидуальные особенности и различия в облике поселений крайне важны при исследовании системы расселения.

Пространственным анализом и моделированием расселения уже более полувека занимается экономическая география (Лёш, 1959; Бунге, 1967; Хаггет, 1968 и т.д.). Любая система расселения рассматривается этой наукой как единый организм, его основными элементами являются поселения, дороги и земельные наделы, возникавшие одновременно и развивавшиеся синхронно. Доказано, что итогом заселения какого-либо региона в идеальных условиях становится система гексагонов — правильных шестиугольных ячеек — поселений с прилегающими к ним хозяйственными территориями. Эта структура, геометрически близкая к пчелиным сотам, образуется по «закону бережливости» или «принципу наименьших усилий», затрачиваемых на ее рост и формирование (Хаггет, 1968. С. 48). Такая планировочная структура расселения испытывает влияние множества деформирующих факторов от особенностей ландшафта до ис-

торических и экономических особенностей. Со всей полнотой это относится к Таманскому полуострову с его грядами широтного направления, чрезвычайно изрезанной линией берегов, созданием системы обороны в определенный исторический период и т.д. (Воронцов, Паромов, 1990. С. 6–11). Существование любой системы расселения обязательно связано также с иерархией населенных мест.

Своеобразными археологическими памятниками рассматриваемого региона являются следы древних дорог (Паромов, 1998). Они могли быть выделены только на основании комплекса различных признаков. В современном ландшафте древние дороги нередко прослеживаются в виде ровных пологих ложин, характерной особенностью которых является линейность, отличающая их от извилистых тальвегов. На крупномасштабных картах их отображение — регулярно повторяющиеся «всплески» горизонталей, линия соединения которых никогда не совпадает с линией наибольшего ската. Древние дороги почти на всем протяжении фиксируются при аэрофотосъемке в виде темных размытых полос с большим накоплением гумуса, большей увлажненностью и, как следствие, — более интенсивной растительностью. На значительных участках следы дорог маркируются археологическими памятниками — остатками поселений, курганами, кладами, случайными находками древних вещей. Последнее обстоятельство позволяет с определенной вероятностью датировать время функционирования этих дорог. В одном случае, при раскопках у западной окраины Фанагории, удалось выявить остатки двух дорог, вымощенных камнем (Блаватский, 1941. С. 27).

Общая схема главных древних дорог Таманского полуострова универсальна и характеризуется двумя ярко выраженными тенденциями: стремлением к кратчайшему круговому объезду наиболее значительных поселений и городов по схеме, близкой к обобщенной топологической схеме Бекмана (Хаггетт, 1986. С. 86, 87), и ярко выраженным центризмом или стремлением к закреплению в пространстве иерархической дорожной сети, где роль центра, связанного в первую очередь с наиболее значительными подчиненными поселениями, играла Фанагория.

Выше мы рассмотрели краткую историю археолого-топографических исследований Таманского полуострова и главные вопросы, касающиеся методики разработки современной археологической карты этого региона. К ним относятся привлечение и использование для «сплошных» разведок топографических карт и аэрофотосъемок; проблемы, связанные с подъемным материалом и его характером, датировкой памятников, определением границ и размеров поселений, их типологией; общие понятия о системе расселения; реальные признаки древних дорог и их отображение на аэрофотосъемочном и картографическом материале. Новые методические разработки важны не сами по себе, а как инструмент, необходимый для разрешения главной задачи, обозначенной А.А. Миллером как «изучение в пределах определенного региона всего процесса развития материальной культуры в ряде последовательных изменений и преобразований» (Миллер, 1931. С. 26). В настоящее время эта задача приобрела форму исследования системы расселения, ее зарождения и эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

Башикиров А.С., 1927. Археологическое исследование Таманского полуострова летом 1926 года // Тр. Этнографо-археологического музея И МГУ. № 3. М.

Башикиров А.С., 1928. Археологическое исследование Таманского полуострова летом 1927 года // ТСА РАНИОН. Вып. 3. М.

Блаватский В.Д., 1941. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Тр. ГИМ. Вып. 16.

Блаватский В.Д., 1950. Культурный слой античного городища // КСИИМК. Вып. 25.

Блаватский В.Д., 1958. Об археологическом исследовании хоры // Вестник Московского университета. № 4.

Блаватский В.Д., 1959. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 74.

Блаватский В.Д., 1967. Античная полевая археология. М.

Брумяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г., 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное

Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев.

Бунге В., 1967. Теоретическая география. М.

Войцеховский С.Ф., 1929–1930. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Зап. СКОАИЭ. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону.

Воронов А.А., Паромов Я.М., 1990. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследие. Сб. 37. М.

Гарбузов Г.П., 2003. Анализ пространственного размещения крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. Вып. 6.

Гёрг К.К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.

Гёрг К.К., 1876. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года // Древности (Тр. МАО). Т. VI. М.

Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А., 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. № 3.

Дойель Л., 1979. Полет в прошлое. М.

Забелин И.Е., 1878. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Тр. III АС. Т. II. Киев.

Завойкин А.А., Сударев Н.И., 1999. Археологические исследования на поселении Приазовский 4 // ПИФК. Вып. 7.

Завойкин А.А., Сударев Н.И., 2000. Исследования на поселении Приазовский 4 // АО–1998 г.

Игонин Н.И., 1965. Применение аэрофото съемки при изучении археологических памятников // Археология и естественные науки. М.

Иессен А.А., Миллер А.А., 1932. Таманская экспедиция 1931 г. // СГАИМК. № 11–12.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Куторга М.С., 1871. Рецензия на книгу «Археологическая топография Таманского полуострова» К. Гёрга // Русский вестник. 1870. № 12 (90). СПб.

Лёш А., 1959. Географическое размещение хозяйства. М.

Лисецкий Ф.Н., 1994. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса.

Масленников А.А., 1989. О типологии сельских поселений Боспора // СА. № 2.

Масленников А.А., 1993. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М.

Масленников А.А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены: Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.

Масленников А.А., Безрученко И.М., 1991. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. Вып. 204.

Миллер А.А., 1931. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. № 1.

Миллер А.А., 1932. Выставка работ экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры // СГАИМК. № 7–8.

Миллер А.А., 1934. Археологические разведки. М.–Л.

Монгайт А.Л., 1962. Задачи и возможности археологической картографии // СА. № 1.

Паллас П.С., 1877. Разные замечания, касающиеся до острова Тамана // ЗООИД. Т. X. Одесса.

Паллас П.С., 1883. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т. XIII. Одесса.

Паромов Я.М., 1986. Обследование памятников археологии Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Паромов Я.М., 1989. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196.

Паромов Я.М., 1990. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Паромов Я.М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.).

Паромов Я.М., 1992а. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. 1.

Паромов Я.М., 1993. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. Вып. 210.

Паромов Я.М., 1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. СПб.

Паромов Я.М., 1995. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб.

Паромов Я.М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. Вып. 1.

Паромов Я.М., 2000. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7.

Паромов Я.М., 2003. К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова (в связи со статьей Г.П. Гарбузова) // ДБ. Вып. 6.

Паромов Я.М., 2003а. Таманский полуостров. Введение // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

Поночевный М.О., 1891. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар.

Соколов В.В., 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56. Симферополь.

Сокольский Н.И., 1962. Раскопки в Кепях в 1960 г. (Из работ Таманского отряда Института археологии Академии наук СССР) // КСИА. Вып. 91.

Сокольский Н.И., 1963. К истории северо-западной части Таманского полуострова // Acta Antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. Sofia.

Сокольский Н.И., 1965. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. Вып. 100.

Сокольский Н.И., 1969. Работы Таманской экспедиции // АО–1968 г.

Сокольский Н.И., 1972. Фанагорийский склеп // КСИА. Вып. 130.

Сокольский Н.И., 1973. Земляной склеп в поселке Сенная // КСИА. Вып. 133.

Степашкина Д.Ю., 1995. Новые материалы по исторической топографии поселения Гар-

куша 1 // 1-я Московская межвузовская археологическая конференция. Тез. докл. М.

Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.

Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И., 1962. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. № 1.

Толстов С.П., Орлов М.А., 1948. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции // ВАН. № 6.

Хаггет П., 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.

Халиков А.Х., Игонин Н.И., 1974. Аэрофото-съемка крупных археологических объектов // ВАН. № 7.

Шишкин К.В., 1966. Применение аэрофото-съемки для исследования археологических памятников // СА. № 3.

Шишкин К.В., 1970. Из практики дешифровки аэрофотоснимков в археологических целях // Археология. Вып. 10.

Шишкин К.В., 1982. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. № 3.

Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

Щеглов А.Н., 1983. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем // Методика полевых археологических исследований. М.

Щеглов А.Н., 1993. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.

Dubois de Montpereux F., 1843. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases. T. V. Paris.

Kolesnikov A.B., Jacenko I.V., 1999. Le Territoire agricole de Chersonesos Taurique dans la region de Kerkinitis // BCH. Suppl. 34.

Sčeglov A.N., 1980. Utilisation de la photographie aereinne dans l'etude du cadastre de Chersonesos Taurique en IV–II siecles av n.e. // DHA. № 6.

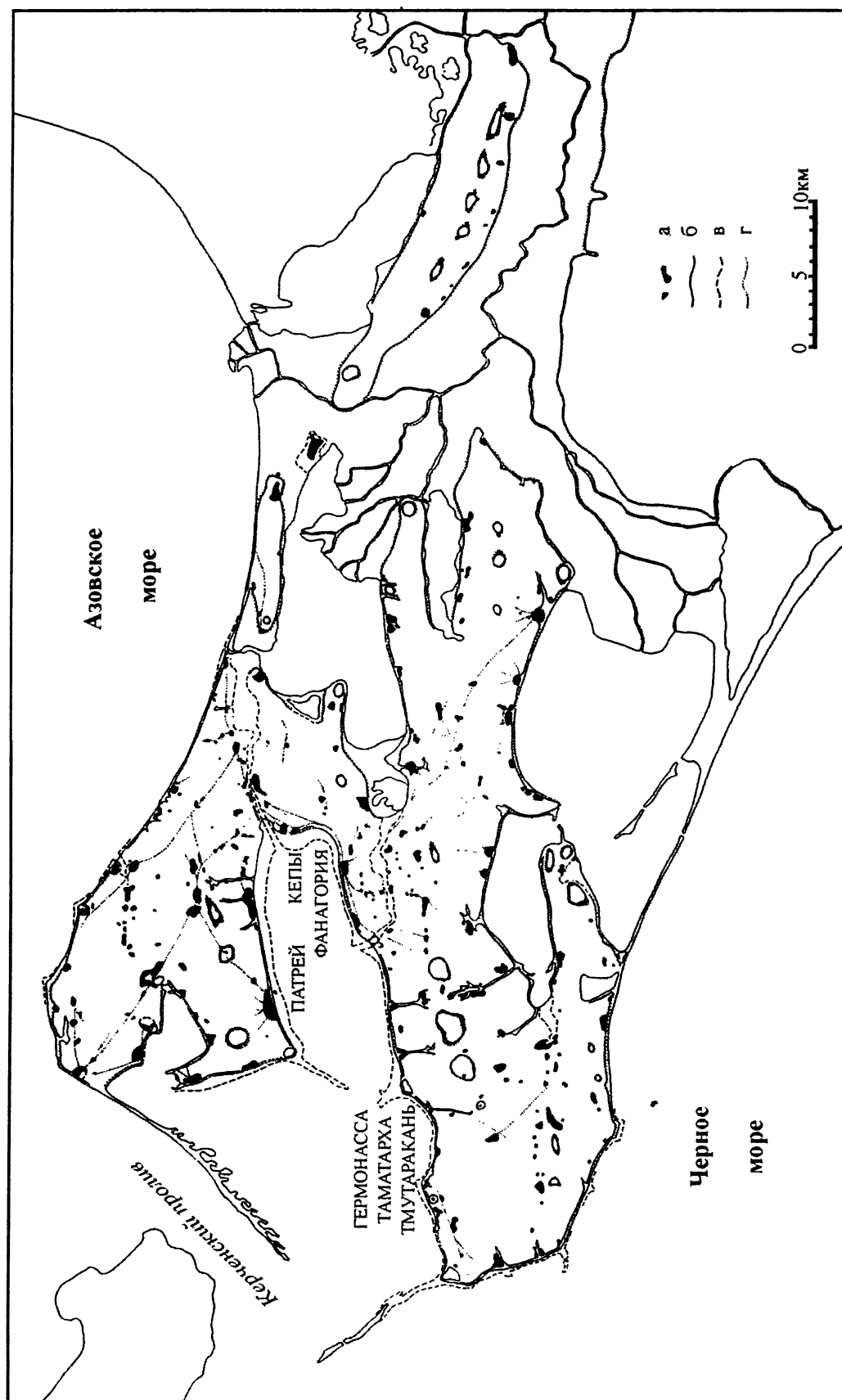

Рис. 1. Таманский полуостров. Поселения и дороги античного и средневекового времени: а — поселения; б — линии берегов; в — реконструируемые древние берега; г — древние дороги

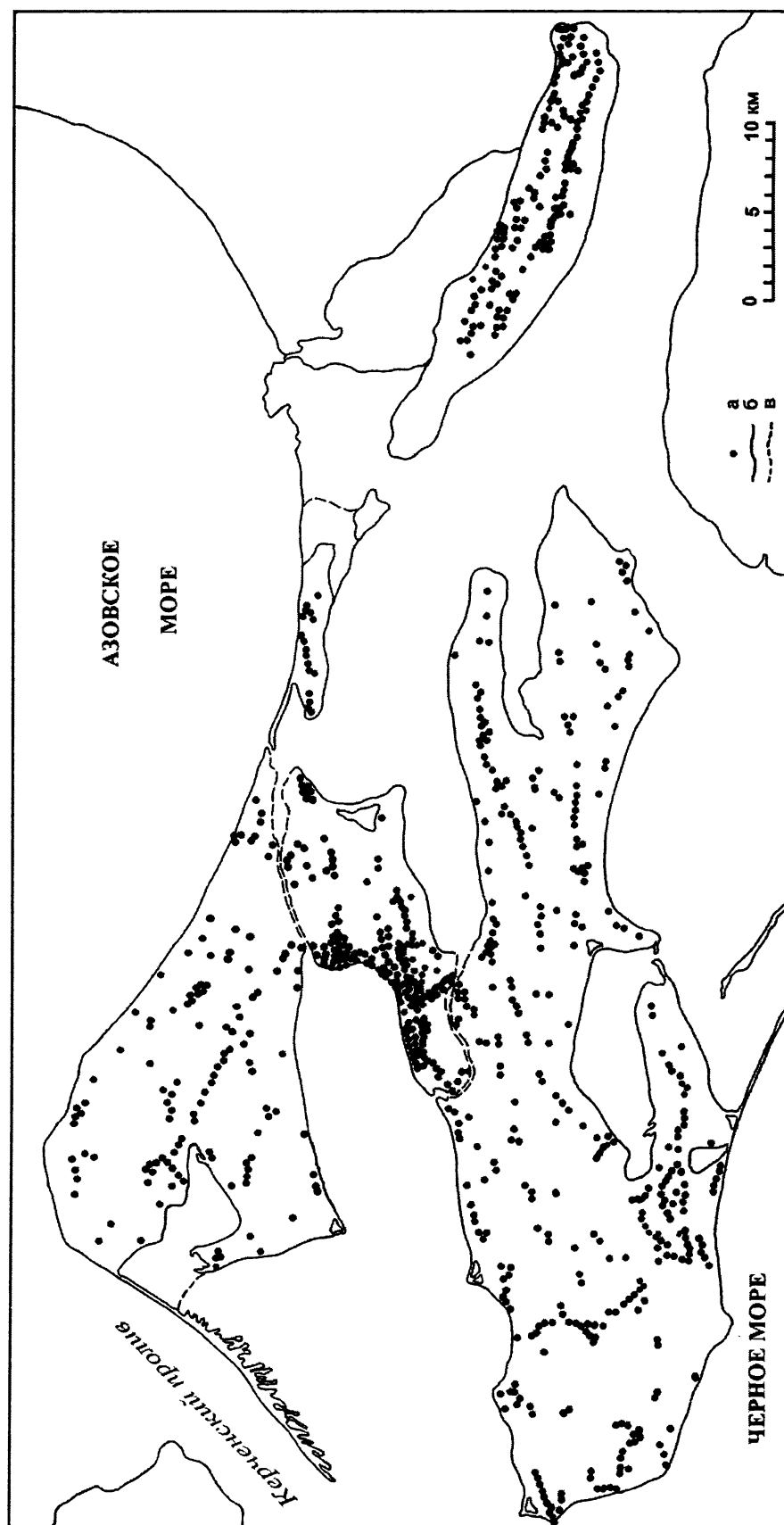

Рис. 2. Курганы Таманского полуострова: а — курганы; б — линии берегов; в — реконструируемые древние протоки

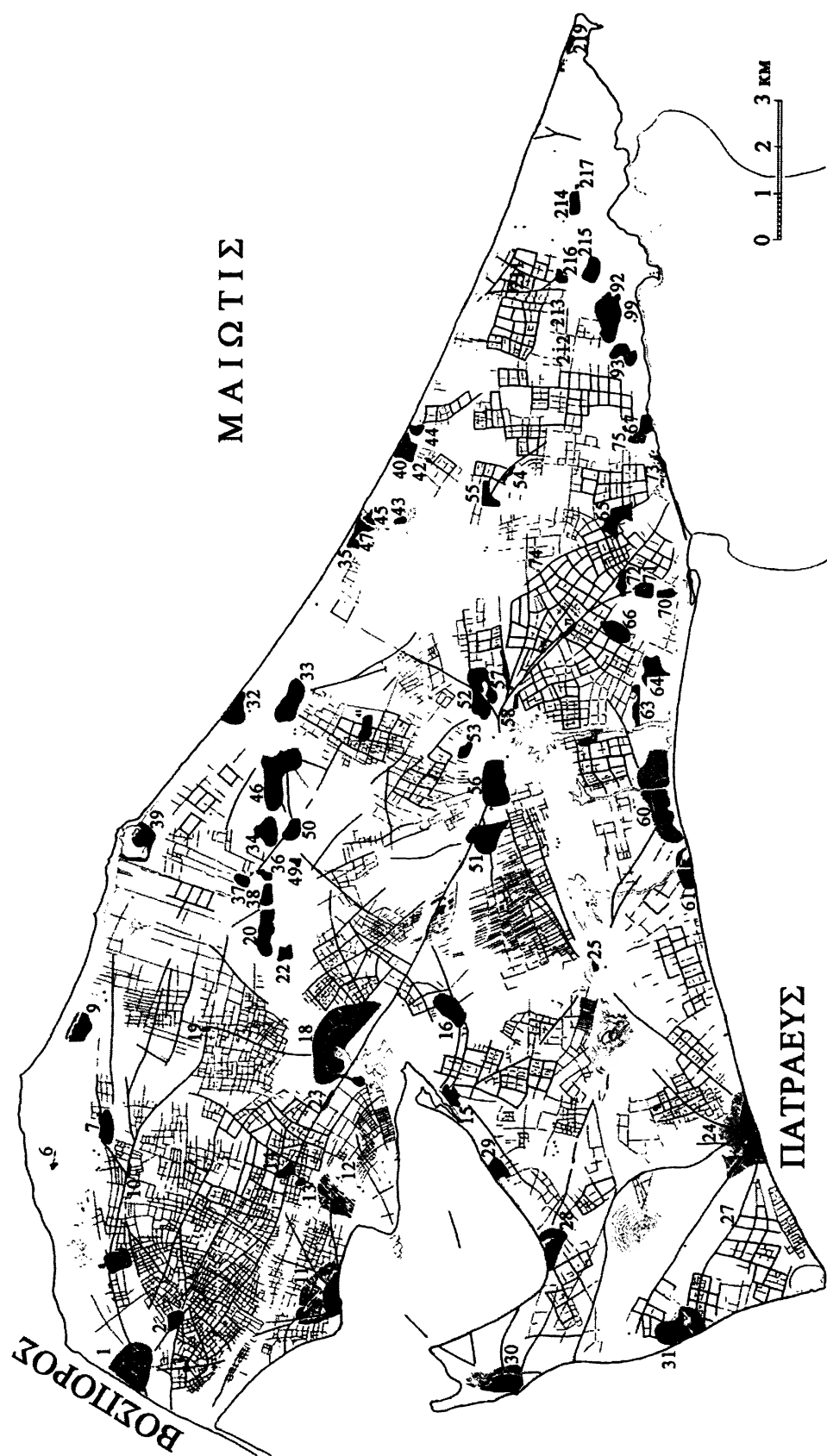

Рис. 3. Северо-западная часть Таманского полуострова («Киммерийский остров») в IV–II вв. до н.э. по данным археологических исследований (поселения и главные дороги) и аэрофотосъемок (земельные наделы)

Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов
(ИА РАН, Москва)

ГДЕ ЖЕ НАХОДИЛАСЬ ЖИТНИЦА АШ-ТИГОРОВ?

Этноним «аш-тигор» — как обозначение племенного образования, располагавшегося на Северном Кавказе, упоминается в «Армянской географии» VII в., автором которой считается Ананий Ширакаци. Наибольшее распространение получили две версии перевода этого источника с древнеармянского языка. Одна из них в 1877 г. опубликована К. Паткановым на русском языке (Патканов, 1877). Второй перевод был сделан А. Сукри на французский язык в 1881 г. Уже в 1887 г. известный русский иранист В.Ф. Миллер пришел к выводу о том, что первая часть этнонима «аш-тигор» — «аш» соответствует этнониму «ос» (современные осетины), а вторая часть — «тигор» соответствует дигорцам (западная ветвь современных осетин) (Миллер, 1887. С. 105, 106). Эта точка зрения была позже подтверждена В.И. Абаевым (Абаев, 1958. С. 79, 80), Ю.С. Гаглойти (Гаглойти, 1966. С. 155–166), А.В. Гадло (Гадло, 1979. С. 164, 165), А. Алеманем (Алемань, 2003. С. 367–371) и многими другими исследователями. После нового перевода «Армянской географии», сделанного С.Т. Еремянном в 1963 г. на современный армянский язык, где дигорцы, аш-тигорцы и аланы в этническом отношении представлены как единое целое (Волкова, 1973. С. 110, 111), принадлежность аш-тигоров к осетинскому миру практически никем серьезно не оспаривается. Иной точки зрения,

пожалуй, придерживаются только некоторые сторонники тюркоязычности алан-асов (Биджиев, 1983. С. 105; Мизиев, 1985. С. 200–205), но их взгляды не были приняты научным сообществом (Кузнецов, Чеченов, 2000. С. 34–45, 93–98). Существуют различные точки зрения по вопросу географии расположения аш-тигоров на Северном Кавказе по отношению к локализации упомянутым в том же источнике аланам, дигорам и агванам-аланам. Если В.А. Кузнецов в 1962 г. размещал аш-тигоров в районе верхнего Прикубанья (Кузнецов, 1962. С. 72, 73) и связывал с ними археологические памятники западного варианта аланской культуры, то недавно К. Цукерман предположил, что аш-тигоры должны быть локализованы немного восточнее, в предгорьях междуречья Подкумка и Баксана (Zuckerman, 2000). Возникают вопросы: какие археологические памятники VII в. в этом регионе могут быть связаны с племенным образованием аш-тигоров? Как они локализованы в границах природно-ландшафтных территорий и распределены по вертикальной зональности? Есть ли в этих локализации и распределении какой-то исторический смысл? В попытке найти ответы на эти вопросы обратимся к археологическим объектам бассейна верхнего Подкумка — к Кисловодской котловине.

Исторические памятники Кисловодской котловины стали привлекать внимание ис-

следователей задолго до того, как этот регион официально вошел в состав Российской империи. Достаточно вспомнить путешествие Эвлия Челеби, совершенное в эти места в 1666–1667 гг., оставившего красочное описание городища Бургустан — Рим-горы (Челеби, 1979. С. 90, 91). В 1810 г. С.М. Броневский приводит краткое географическое описание окрестностей Кисловодска и близлежащих абазинских Жинтемировских селений, упоминая древний «франкский» город Бургу-сак (Броневский, 2004. С. 145). Список исследователей региона в XIX в. представлен многими известными в исторической науке именами. Это — Ф.Д. де Монпере, А. Фиркович, А.С. Уваров и П.С. Уварова, Д.Я. Самоквасов, М.М. Ковалевский, Н.Е. Макаренко и ряд других. В первой половине XX в. исследовательскую эстафету поддержали В.Р. Апухтин, А.Н. Грен, А.А. Бобринский, Д.М. Павлов, Н.М. Егоров, А.А. Иессен, С.Н. Замятнин, В.В. Бобин, а во второй половине XX в. она перешла к Е.И. Крупнову, В.А. Кузнецову, В.И. Марковину, В.И. Козенковой, В.Б. Виноградову, М.П. Абрамовой, В.Б. Ковалевской, к их ученикам и преемникам, многие из которых продолжают плодотворно работать в настоящее время. Ну и, конечно, следует отметить деятельность краеведов А.П. Рунич, Н.Н. Михайлова и М.И. Рыбенко (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. С. 9–49) по спасению археологического наследия, гибнущего на новостройках региона. В итоге этих исследований археологические памятники Кисловодской котловины получили свою этнокультурную атрибуцию. И здесь особое место занимают раннесредневековые древности.

К концу 80-х годов прошлого столетия раннесредневековые памятники Кисловодской котловины получили историческую интерпретацию с достаточной для того времени глубиной. Прежде всего был выявлен основной массив памятников и определена их относительная и абсолютная хронология. Выясняется, что предки раннесредневекового населения появляются здесь уже в сарматское время. После гуннского нашествия они становятся носителями так называемой аланской археологической культуры (термин «аланская археологическая культура» не означает, что ее носителями были исключительно аланы),

в которой выделяются три стадии: раннеаланская (V–VII вв.), хазарская (VIII–IX вв.), позднеаланская (X–XII вв.). Были установлены основные типы раннесредневековых погребальных сооружений и намечена их этнокультурная атрибуция. Сделаны попытки осветить узловые моменты социально-политической истории раннесредневекового населения, такие как заселение Кисловодской котловины, демографический взрыв VI–VII вв., основы социальной организации общества (семья, патронимия), миграционные процессы в середине VIII в.

Вместе с явными успехами в области исторической интерпретации археологического материала к концу 1980-х годов все более четким становилось понимание того, что простое механическое накопление археологических данных уже не приводит исследователей к какому-то новому знанию исторических процессов, протекавших в данном регионе в раннем средневековье. Для выхода из сложившейся ситуации требовались совершенно иные методические подходы к сбору археологического материала. Ведь не секрет, что основная масса памятников в Кисловодской котловине была обнаружена в тех местах, которые считаются наиболее популярными для организации краеведческих экскурсий и занятий горным туризмом. Следовательно, топография известных в то время памятников отражала не реально существовавшую действительность, а интенсивность обследования того или иного участка региона. Таким образом, прежде всего, необходимо было ликвидировать белые пятна на археологической карте, а также зафиксировать с помощью приемника GPS точные географические координаты как уже известных, так и вновь открытых памятников аланской культуры.

Требовались совершенно новые методические процедуры хранения и исследования археологического материала. Но самое главное состоит в том, что новая методика должна отвечать современным требованиям мультидисциплинарного исследования археологического объекта в рамках ландшафтной археологии: археологический памятник — природное окружение — палеоклимат. Встал вопрос и о правомерности этнокультурной интерпретации некоторых археологических

объектов, сделанной ранее с использованием метода аналогий или простой экстраполяции на местную среду выводов, полученных в других регионах Восточной Европы. Прежде всего, это относится к тем элементам археологической культуры, которые считались ранее этномаркирующими для протоболгарских племенных групп (Афанасьев, Лопан, 1996). Кроме того, как уже отмечалось выше, появились новые трактовки письменных источников о локализации племен аш-тигоров на Северном Кавказе, в частности аргументировано их размещение в районе Кисловодской котловины (Zuckerman, 2000).

С целью изучения методом мультидисциплинарного анализа археологических памятников Кисловодской котловины методами ГИС- и ДЗ-технологий была создана археолого-географическая информационная система «Кисловодск». В основу ее создания впервые в археологии была заложена идеология интеграции археологической и географической баз данных с базами мультискалярных данных ДЗ местности, базами данных основных климатических характеристик по состоянию на 2000 г., инструментами ГИС, инструментами анализа информации ДЗ и инструментами моделирования «возмущенного» климата для той или иной точки Кисловодской котловины.

Археолого-географическая информационная система «Кисловодск» состоит из трех основных блоков. Первый блок представляет собой базу данных (БД) ГИС, расположенных в виде отдельных слоев в программе Arcview. В ее основе лежит топографическая карта масштаба 1 : 100 000 (листы К-38-1, К-38-2) в двух проекциях. В качестве самостоятельных слоев выступают гидрографическая сеть, изолинии рельефа, современный лесной покров, родники, современные населенные пункты, дороги, аэрофотосъемка территории, выполненная во время двух залетов, а также спектрозональная космическая съемка территории. Наконец, завершает БД слой с информацией о 805 археологических памятниках в данном регионе.

Второй блок археолого-географической системы «Кисловодск» состоит из комплекса многочисленных и разнообразных исследовательских инструментов и процедур для пространственного, сетевого и дистанционного археологического анализа, в основе которых

лежат программные модули Spatial Analyst, Network Analyst, а также пакет программ ERMapper 5.5.

Завершает систему «Кисловодск» третий блок — комплекс программ и специальная ГИС для палеоклиматического моделирования в Кисловодской котловине.

Упомянутые выше традиционные для ГИС информационные слои первого блока были дополнены слоями, предназначенными для решения некоторых специфических палеоклиматических задач. С этой целью территория Кисловодской котловины была разбита на ячейки $0,5 \times 0,5$ км и для каждой ячейки в виде отдельных слоев БД ГИС была введена информация по состоянию на 2000 г.: о годовых суммах среднесуточных температур больше 10°C , годовых суммах радиационного баланса, годовых суммах осадков, количестве дней с осадками за год, числе дней со среднесуточной температурой более 10°C , гидро-термическом коэффициенте и радиационном индексе сухости. Кроме того, в базе данных заключена информация о динамических показателях, таких как среднемесячная сумма осадков, среднемесячная удельная влажность воздуха, среднемесячная сумма температур воздуха у поверхности земли, среднемесячный модуль скорости ветра. Аналогичная информация была рассчитана и для так называемого «возмущенного» климата, который с большой долей вероятности мог иметь место в I тыс. н.э.

Что же нового дает эта аппаратно-программная система для исследования и понимания исторической ситуации и исторических процессов, протекавших в прошлом в Кисловодской котловине? Попытаемся ответить на этот вопрос, рассмотрев модели ответственности укреплений аланских племен, сохранившихся в письменных источниках под именем аш-тигоров. Выбор для анализа именно укреплений базируется на предположении о том, что патронимические или родоплеменные башни, укрепления, крепости и т.д. имели особое значение в представлениях средневекового населения Северного Кавказа о своей территории. По этой причине исследование системы распределения раннесредневековых укреплений на местности будет в большей степени (по сравнению с поселениями) по-

лезно при моделировании системы контроля различных родоплеменных структур общества над теми или иными участками Кисловодской котловины.

На региональном уровне анализ взаимосвязей между памятниками может проводиться как синхронно, так и диахронно. При синхронном подходе эти взаимоотношения исследуются и интерпретируются как существующие в определенный момент времени. Диахронный подход направлен на изучение взаимоотношений между памятниками на протяжении определенного периода времени.

Наше исследование начнется с применения синхронного подхода к укреплениям V–IX вв., которые рассматриваются как объекты, функционировавшие одновременно. Основной методологический принцип данной работы состоит в том, что адаптивная стратегия, выработанная раннесредневековым населением Кисловодской котловины, создает комплексную паутину взаимодействий и взаимозависимостей, которая связывает общины, оставившие анализируемые памятники в функционирующее системное целое. Это находит отражение в системе укрепленных поселений, которая определяется функциональной ролью и моделью интеграции каждой из общин в рамках всеобщей адаптивной стратегии. Для того чтобы реконструировать систему поселений раннесредневекового населения Кисловодской котловины, необходимо определить и оценить сезонность занятий каждой общины в течение годового цикла и функциональную роль той или иной общины в пределах общей адаптивной системы. Это очень сложная и долгосрочная задача, которая требует многолетних и широкомасштабных раскопочных работ и исследований на междисциплинарном уровне. Менее сложна задача реконструкции модели ответственности укреплений за окружающую территорию в границах Кисловодской котловины, которая включает установление количества и пространственного распределения всего ряда памятников. Но даже такая упрощенная реконструкция ставит перед исследователями определенные проблемы, от решения которых зависит качество данных и надежность исторических выводов.

Одной из них является проблема одновременности анализируемых памятников.

Несмотря на то, что создание региональных хронологий в течение долгого времени было достаточно традиционным занятием в археологии, некоторый прогресс наблюдается только в тех случаях, когда исследователи анализируют погребальные комплексы. Здесь в пределах конца IV — конца IX вв. можно говорить о шести основных культурно-хронологических этапах, отдельные из которых датируются с точностью до 50 лет (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 38–43). Хуже обстоит дело с поселенческими материалами. Серьезных работ, посвященных хронологической дифференциации раннесредневековых поселенческих древностей Центрального Предкавказья, практически нет.

Другая проблема состоит в установлении значимых региональных границ. Это довольно сложная тема, которая напрямую связана с ответом на вопросы о том, какого рода различия отражают основные компоненты памятников: функциональные, временные или культурные. Чаще всего археологи просто обходят этот спорный вопрос стороной и определяют границы регионов на основании удобных географических единиц, например таких, как долина реки. Но понятие региональных границ имеет более глубокий смысл. Они очерчивают территорию, занятую определенной палеоэтнографической общностью. Следовательно, проблема установления значимых региональных границ осложнена практической трудностью определения археологическими методами таких единиц, как патронимия, род, племя, общество, даже в историческом или этнографическом смысле. По всем этим причинам исследователи могут только с большой долей условности предполагать, что связи между материальной культурой двух и более общин обязательно обозначают сходство языков или других этнических показателей.

Возвращаясь к раннесредневековым укреплениям V–IX вв. в Кисловодской котловине (Рис. 1), следует оговорить, что региональные границы здесь определены, во-первых, на основании географических характеристик, таких как бассейн верхнего Подкумка, вертикальная зональность (расположение памятников на высоте 900–1500 м над уровнем моря), защищенность тремя хребтами (Кабар-

динским, Джинальским, Боргустанским), а во-вторых — на основании археологических характеристик, таких как сильные территориальные связи внутри этой группы памятников и их удаленность от синхронных памятников на севере (район Пятигорья), на западе (бассейн верхней Кубани) и на востоке (верховья Малки). Анализ данных, содержащихся в письменных источниках, приводит к выводу о том, что данное население может быть связано с аш-тигорами (Zuckerman, 2000). Однако археологические источники не позволяют говорить о полной этнической однородности населения Кисловодской котловины в раннем средневековье. И об этом прежде всего свидетельствует существование здесь на протяжении V–XII вв. двух основных форм погребального обряда: катакомбных могильников и скальных захоронений. Кроме того, здесь известны грунтовые погребения и захоронения в подземных и наземных склепах.

Наконец, еще одна важная проблема состоит в определении полноты выборки. Необходимо ответить на вопрос: является ли информация о наличии в Кисловодской котловине 120 укреплений V–IX вв. полной или она отражает лишь степень изученности того или иного участка рассматриваемой территории. История изучения археологических памятников региона показывает, что разведочные маршруты с достаточной и равной степенью интенсивности охватили практически всю котловину. Успех последующего пространственного анализа раннесредневековых укреплений Кисловодской котловины зависит с самого начала от решения проблемы одновременности памятников, проблемы репрезентативности материала и проблемы установления значимой региональной границы.

Итак, если аш-тигорские укрепления V–IX вв. Кисловодской котловины в совокупности были элементами общей системы организации обороны в регионе, то естественно возникает вопрос о классификации этих элементов. Разумеется, систематика таких памятников может осуществляться по самым разнообразным признакам и направлениям. В данном случае нас интересует взаимосвязь укреплений с речной сетью и горными хребтами, окружающими котловину, — как с природными факторами, значительно влияющими на орга-

низацию системы обороны региона. Если допустить, что основные передвижения между укреплениями в раннем средневековье осуществлялись по каньонам — долинам рек, то речная сеть выступает в качестве «сети обслуживания» укреплений — «местоположений» в определенной «области обслуживания» на территории Кисловодской котловины. При использовании соответствующих процедур модуля Network Analyst мы получаем картину, которая дает четкое представление о территориальных взаимосвязях укреплений, речной сети и отрогов горных хребтов. Выясняется, что аланские укрепления Кисловодской котловины четко делятся на две группы. Одни из них (подавляющее большинство) тяготеют к речной сети (Рис. 2), другие — к изолиниям рельефа местности, вытянутой вдоль отрогов Боргустанского и Джинальского хребтов.

Эта ситуация находит следующее объяснение. Укрепления, тяготеющие к речной сети, вероятно, создавались как элемент обороны конкретной патронимической или родоплеменной группы, которой принадлежала близлежащая территориальная ячейка — полигон местности, использовавшийся для сельскохозяйственных нужд. Как правило, в этих случаях к укреплениям примыкает только одно соответствующее поселение. Что же касается укреплений, расположенных вдоль отрогов Боргустанского и Джинальского хребтов, то каждому из них может соответствовать сразу несколько поселений. При этом иногда они не примыкают непосредственно к укреплениям, а располагаются на значительном от них расстоянии и не тяготеют к ближайшей реке. Складывается впечатление, что, выполняя, как и первые, функции патронимических или родоплеменных убежищ, укрепления второй группы предназначались для защиты региона не только по долине Подкумка (центральной водной артерии региона), но и со стороны плоскогорий Боргустанского и Джинальского хребтов.

Любопытные выводы позволяет сделать изучение средних расстояний между раннесредневековыми укреплениями Кисловодской котловины. Если измерять расстояния между памятниками, вытянутыми в одну линию, то среднее расстояние между ними в отрогах Боргустанского хребта составля-

ет 2,9 км, в долине р. Эшкакона — 2,4 км, в отрогах Джинальского хребта и далее по правобережью Подкумка — 1,8 км, в долине Аликоновки — 0,9 км. В целом среднее расстояние между вытянутыми в линию укреплениями Кисловодской котловины составляет 1,5 км (Рис. 3). Из этого можно сделать вывод, что для населения Кисловодской котловины в V–IX вв. наиболее предпочтительной для проживания была долина Аликоновки. На втором месте стоит территория отрогов Джинальского хребта — долина р. Ольховки (правобережье Подкумка). Наименьшее предпочтение в V–IX вв. отдавалось левобережью Подкумка.

Эти наблюдения подтверждаются и исследованием плотности расположения ранне-средневековых укреплений V–IX вв. (Рис. 4). При использовании опции «Density from» модуля Spatial Analyst мы получаем наглядную картину, отражающую плотность распределения этих памятников на данной территории. На правобережье Подкумка выделяются три зоны с наибольшей концентрацией памятников. Первая зона находится в районе расположения городищ Горное Эхо (Отстойник) (№ 11 по списку памятников Кисловодской котловины¹) и Замковое (№ 23). Вторая зона занимает междуречье Ольховки и Кабардинки и маркируется таким известным укреплением, как Лермонтовская Скала (№ 103). Наконец, третья зона находится между левобережьем р. Белой и местом слияния р. Березовки с Ольховкой, где расположены укрепления Красное Солнышко и Туркмения (№ 2 и 3). Вывод о существовании на правобережье Подкумка в V–IX вв. трех зон наибольшей концентрации подобных памятников удачно территориально соотносится с топографией известных в Кисловодской котловине позднесарматских памятников (Рис. 5). С первой зоной в большей или меньшей степени сопряжены такие позднесарматские могильники, как Мачты, Замковый 1, Клинь-Яр 3, Малый Клинь-Яр 1 (№ 26, 258, 797, 802). Со второй зоной сопряжены погребения позднесарматско-

го времени Буденновская Слобода, Кругозор, Церковная Горка, Аэрофлот, Театральный (№ 4, 5, 55, 57, 58). Исходя из этого можно высказать предположение о том, что центральные памятники в среде укреплений V–IX вв. в Кисловодской котловине формировались в тех местах, где обитало население предшествующего, позднесарматского времени.

Связь древних поселений с экологической микросредой вызывает постоянно растущий интерес ученых, так как позволяет значительно повысить информативность археологического материала путем выделения потенциальных экономических зон, отражающих различные стороны человеческой деятельности. Располагая информацией о точном географическом расположении аш-тигорских укреплений V–IX вв. Кисловодской котловины, мы можем их рассматривать как точечные распределения. Следовательно, мы можем и характеризовать, и анализировать их с помощью соответствующих процедур пространственного археологического анализа, строить и анализировать модели потенциальных экономических зон, окружающих эти укрепления. Для того чтобы исследовать пространственные характеристики действий людей в прошлом, современная археология воспользовалась рядом аналитических приемов, заимствованных из географии, и успешно применила их на практике. Другие аналитические приемы были заимствованы из теории экологического анализа. В итоге в 1970-х гг. появилось значительное количество специальных работ, посвященных пространственному археологическому анализу с использованием метода построения окружностей или временного фактора (см. например (Jarman, Vita-Finzi, Higgs, 1972).

Однако в том случае, когда плотность памятников велика, моделирование ресурсных зон или зон ответственности того или иного укрепления с помощью построения окружностей или с использованием только временного критерия становится неэффективным. Действительно, если среднее расстояние между укреплениями V–IX вв. в Кисловодской котловине составляет всего 1,5 км, то построение окружностей не даст ясной модели организации системы ответственности укреплений за определенную территорию даже

¹ Здесь и далее следует нумерация памятников по списку, опубликованному в коллективной монографии «Древности Кисловодской котловины» (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004).

при условии спокойного рельефа на некоторых участках. Здесь требуются другие подходы. Одним из них является моделирование с помощью построения полигонов Тиссена (Wheatley, Gillings, 2001. Р. 149–151). Используя процедуру «Slope of Distance to» модуля Spatial Analyst, мы получаем картину Кисловодской котловины, где полигоны Тиссена построены для анализируемых укреплений V–IX вв. (Рис. 6).

Нетрудно заметить, что в тех случаях, когда укрепления располагаются довольно близко друг от друга, они объединяются в общий полигон. Так, в общий полигон объединились укрепления, расположившиеся вокруг Замка. То же можно сказать об укреплениях в районе Клинь-Яра. Аналогичная картина наблюдается для укреплений, расположенных в долине р. Перепрыжки, а также в ряде других случаев. В очерченных границах полигонов наблюдается некоторая закономерность. Так, например, если полигоны тяготеют к долине Подкумка, то, как правило, долина Подкумка выступает в качестве естественной границы между полигонами. В тех же случаях, когда полигоны приурочены к малым рекам, притокам Подкумка, то здесь полигоны охватывают оба берега рек, а границы между ними проходят по водоразделам. Если сравнивать между собой полигоны по площади, приходящейся на одно укрепление, то сразу же бросается в глаза тенденция к ее уменьшению по мере приближения от окраин котловины к срединной области долины Аликоновки. Эта тенденция знаменательна тем, что она удачно соотносится с изложенным выше выводом о том, что именно там, в срединной области долины Аликоновки, располагалось центральное поселение Кисловодской котловины — городище Горное Эхо (Отстойник). Подобное явление неоднократно отмечалось исследователями и ранее при изучении «центральности» поселений на материалах других археологических культур. А его исторический смысл состоит в том, что экономическая база центрального поселения региона зиждется не столько на сельскохозяйственной эксплуатации окружающей территории, сколько на выполнении обитателями этого центра других функций (административных, культовых, оборонных, ремесленных, торговых и т.д.).

Итак, в нашем распоряжении имеется серия полигонов Тиссена, которые мы можем исследовать в качестве потенциальных экономических зон, связанных с тем или иным укреплением, используя при этом метод анализа окрестностей. Чтобы получить цельную картину, нам необходимо для каждого конкретного полигона определить площади, которые использовались для земледелия, а также те, которые использовались в качестве выпасов. Для каждого конкретного полигона необходимо определить источники воды и по возможности — топлива. Решение всех этих вопросов осложняется тем обстоятельством, что даже в настоящее время климатические характеристики в различных точках Кисловодской котловины значительно отличаются друг от друга, что определяет и особенности ведения хозяйства в том или ином регионе. Было бы ошибкой просто экстраполировать современную ситуацию с сельскохозяйственным землепользованием в регионе на эпоху раннего средневековья. Следовательно, выявляя и оценивая следы землепользования эпохи раннего средневековья, мы должны их увязывать с палеоклиматическими особенностями Кисловодской котловины в I тыс. н.э. Попытаемся наметить пути решения некоторых вопросов, связанных с этой проблемой.

В археологической литературе бытуют различные точки зрения по вопросу не только о формах, но и о степени развития земледелия у раннесредневекового аланского населения Восточной Европы. Несмотря на то что довольно большой серией археологических работ неоднократно был показан высочайший уровень развития земледельческой техники у северокавказских алан (Кузнецов, 1971. С. 49–73), еще встречаются высказывания о том, что культура переселившихся в первой половине VIII в. с Северного Кавказа на Средний Дон алан отражала хозяйственно-культурный тип оседающих номадов и что даже свои жилища в виде землянок аланы якобы стали строить только благодаря культурному влиянию своих северных соседей — славян (Винников, 1998. С. 108–110). Для решения этого спора большое значение имеет исследование потенциальных экономических зон северокавказских аланских поселений предмиграционного, предхазарского времени, и в особенности —

изучение раннесредневекового террасного земледелия.

При рассмотрении хорошо известной из этнографии (Калоев, 1981. С. 62–64) проблемы северокавказского террасного земледелия прежде всего возникают три вопроса. Во-первых, отсутствует археологическая аргументация, позволяющая судить о времени начала строительства земледельческих террас в Центральном Предкавказье. Во-вторых, остается неопределенной степень распространения, широта или характерность подобной сельскохозяйственной техники для раннесредневековых обитателей региона. В-третьих, не ясны причины, по которым для сельскохозяйственных нужд устраивались именно трудоемкие и дорогостоящие террасные поля, а не использовались широкие открытые пространства плоскогорий, как это имеет здесь место в настоящее время. Попытаемся ответить на эти вопросы путем анализа информации о террасах в Кисловодской котловине, которая оставалась практически незаселенной на протяжении почти 400 лет, с XIV по XVIII в. (за исключением небольших абазинских Жинтемировских селений), что создает уникальные условия для исследований в рамках ландшафтной археологии.

Впервые следы террасного земледелия в этом регионе были прослежены А.П. Руничем, Н.Н. Михайловым и Г.Е. Афанасьевым в 1958 г. Во время охранных археологических работ на территории Римгорского некрополя X–XII вв. на закате солнца при удачном косом освещении к юго-востоку от могильника вдруг внезапно проявились ровные полосы террас шириной около 10–15 м, резко контрастирующие с общим спокойным наклоном рельефа в сторону правого берега Подкумка. Подобная земледельческая техника была не характерна ни для абазинцев, ни для казачьего населения, появившегося здесь в первой четверти XIX в. и основавшего в этом месте станицу Боргустанскую, ни для карачаевцев, приступивших к активному заселению этого места довольно поздно, в предвоенные годы XX в. Было совершенно очевидно, что открытые террасные поля территориально явно тяготели к городищу X–XII вв. Рим-Гора и к прилегающему к нему обширному селищу. Информация об антропогенных террасах в

Кисловодской котловине значительно пополнилась в 1990-е гг. благодаря разведкам Д.С. Коробова. Особый интерес представляют памятники раннего средневековья в бассейне р. Перепрыжки (Коробов, 2001. С. 50), где в первозданном виде сохранился весь комплекс террас, территориально тяготеющих к ранне-средневековым городищам (Рис. 7).

Принципиально новое отношение археологов к остаткам раннесредневекового террасного земледелия как к историческому источнику стало проявляться с возникновением в археологии новых направлений, таких как ландшафтная археология (Aston, 1997), с внедрением в нашу науку таких методик, как пространственный археологический анализ (Афанасьев, 1989; Afanas'ev, 2002. Р. 71–80), дистанционное зондирование археологических объектов с использованием аэро- и космоматериалов (Афанасьев, 1998; Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999; Afanas'ev, 2000; 2002. Р. 71–80), а также технологий ГИС (Афанасьев, 2002а; Афанасьев, Кислов, Чернышев, 2002). Их совместное использование позволяет совершенно по-новому исследовать взаимосвязи поселений и их потенциальных экономических зон. А совместный с географами мультидисциплинарный подход к изучению археологического источника и его природного окружения открывает совершенно новые, ранее неизвестные исторические явления.

Известно, что возраст гумуса в почвах рассматриваемой территории составляет 1490–1700 лет (Ромашкевич, 1988. С. 39), его образование приходится на III–V вв., т.е. ко времени освоения аш-тигорскими племенами Кисловодской котловины (гумусные плодородные почвы здесь уже сформировались). Разведки, проведенные с целью определить время строительства земледельческих террас, указывают на очень сильную территориальную связь последних с аш-тигорскими городищами и поселениями (Афанасьев, 2002б. С. 252–255). Это не только уже упомянутый римгорский комплекс X–XII вв., относящийся ко времени существования раннефеодальной Алании. В этом регионе земледельческие террасы территориально сильно сопряжены с аш-тигорскими городищами и поселениями предшествующего времени — V–IX вв. Кроме того, анализ близости участков террасиро-

вания с древностями разных эпох, проведенный Д.С. Коробовым на примере памятников междуречья Березовой и Кабардинки, привел к выводу о том, что практически все картографированные с помощью аэрофотосъемки террасные поля располагаются в километровой зоне вокруг укреплений V–IX вв. (Коробов, 2004).

Таким образом, проведенные независимо друг от друга полевые и кабинетные исследования позволяют ответить на первый поставленный вопрос — о датировке террас. Сделанные наблюдения приводят к твердому убеждению, что больше всего имеется оснований связывать остатки земледельческих террас с раннесредневековыми укреплениями (Рис. 8). Одновременно находится ответ и на второй вопрос. Количество и плотность террас, зафиксированных в долинах Эшкакона и Аликоновки близ раннесредневековых аш-тигорских укреплений, наглядно свидетельствует о чрезвычайно широком распространении этой земледельческой техники у населения региона.

Остается найти ответ на третий вопрос: зачем были нужны террасы? Ведь в настоящее время для сельскохозяйственных нужд здесь широко используются равнинные территории котловины. Причина террасного размещения сельскохозяйственных угодий и их структура, несомненно, требовавшая больших трудозатрат при организации и освоении, вызывают определенный интерес. Сельскохозяйственные угодья раннего средневековья непосредственно соседствуют с зонами относительно равнинной местности, которые, по современным представлениям о ведении сельского хозяйства, более удобны для освоения — например, вследствие морфологии (малые уклоны), хорошей освещенности, транспортной доступности, меньших трудозатрат на освоение и т.п. Поэтому определение причин приурочивания зон сельскохозяйственной деятельности носителей аланской археологической культуры к достаточно крутым склонам, по нашему мнению, позволит раскрыть неизвестные закономерности в поведении человека эпохи раннего средневековья, особенности его взаимосвязей с окружающей палеосредой и интерполировать полученные знания (в частности для

оценки хозяйственной и рекреационной комфортности) как других палеоландшафтов, так и современных природно-территориальных комплексов. Концептуально вынос зоны сельскохозяйственного земледелия на достаточно крутые склоны и их террасирование в древние эпохи могут быть обусловлены рядом причин. В частности, это может объясняться сдвигом границ ландшафтных зон, например сильной залесенностью выположенных участков и борьбой с эрозией и сносом почвенного покрова на склонах (гумидный тип микроклимата на исследованной территории). Или борьбой за сохранение влаги в почве и верхнем слое измельченной материнской породы на склонах в связи с засушливым характером климата на открытых выположенных участках (аридный тип микроклимата).

В целях подтверждения той или иной концепции Г.Е. Афанасьев, А.В. Кислов и А.В. Чернышев поставили перед собой задачу с достаточной долей достоверности установить устойчивость ландшафтов и их границ на исследуемой территории к возможным флуктуациям климатических параметров, т.е. выполнить моделирование состояний микроклимата в зависимости от пространственно-временных изменений глобального климатического процесса (Афанасьев, Кислов, Чернышев, 2002. С. 66–79). Кроме того, учитывая пространственный аспект исследуемых объектов, необходимо иметь возможность оценить динамику и характерные особенности процесса ландшафтообразования с использованием адекватных картографических моделей, т.е. выполнить математико-картографическое моделирование состояний ландшафтов в зависимости от изменений климатических факторов. Решение задачи включало следующие этапы: построение цифровой картографической основы на базе среднемасштабных топографических карт исследуемой территории; расчет основных морфометрических показателей (крутизна склонов, экспозиция и закрытость горизонта) для элементарных территориальных объектов, отнесенных к сетке квадратов $0,5 \times 0,5$ км; моделирование микроклиматических показателей на период 2000 г. и оценка их адекватности реальным данным; определение типов ландшафтов и их границ по

данным микроклиматического моделирования и их картографирование; моделирование гипотетического («возмущенного») климата, оценка и картографирование соответствующей ему ландшафтной обстановки; структурирование баз данных и картографических моделей в виде специальной геоинформационной системы.

Моделирование локальных особенностей климата проводится следующим образом. Сначала с помощью модели общей циркуляции атмосферы (МОЦА) воспроизводится планетарный климатический режим. Далее значения переменных, относящиеся к исследуемому региону, преобразуются в региональную модель, с «привязкой» к специфическим формам рельефа. На заключительном локальном этапе осуществляется адаптация метеорологических величин к особенностям растительного и почвенного покрова. В качестве МОЦА используется модель T21L15 (21 гармоника в пространственном разрешении уравнений гидротермодинамики атмосферы на сфере, 15 σ -уровней по вертикали), имеющая в своей основе соответствующую версию модели Гидрометцентра РФ (Курбаткин, Дяттерев, Фролов, 1994). Температура поверхности океана в процессе моделирования задается ежемесячно.

Интересующий нас полигон находится в пределах ячейки МОЦА с границами около 44–50° с. ш. и 42–48° в. д. Он имеет площадь 20 × 30 км, диапазон изменения абсолютных высот от 800 до 2400 м. Территория полигона была нами разделена на микроячейки размером 0,5 × 0,5 км, в пределах которых топографические, климатические и ландшафтные свойства предполагаются постоянными. В каждой из микроячеек был осуществлен расчет крутизны и ориентации поверхности, а также закрытость горизонта. Эти вычисления проводились для регулярной прямоугольной сетки на основе цифровой модели рельефа. Она была создана интерполяцией по 1 : 100 000 цифровой карте горизонталей с использованием модуля MAGSURF, разработанного в лаборатории автоматизации кафедры картографии и геоинформатики географического факультета МГУ. Для того чтобы состыковать информацию, воспроизведенную в ячейке МОЦА, с локальным климатом

каждой микроячейки, необходимо было реализовать «передаточную функцию». Для этого авторы использовали региональный блок, в котором с помощью уравнения бюджета тепла и влаги была осуществлена привязка данных МОЦА (температуры, влажности, потоков тепла и др.) к абсолютной высоте и рельефу каждой микроячейки.

На заключительном этапе рассчитывалось распределение температуры и влагосодержания воздуха в приземном слое атмосферы и в деятельном слое почвы. Эти характеристики определялись из решения уравнений баланса энергии и влаги, записанных для следующих переменных: температура и влажность воздуха внутри двухъярусной растительности, температура и влагосодержание в почве, представленные трехслойной моделью (Розинкина, 2001). В данном исследовании акцент сделан на изучении сравнительно небольших вариаций климата типа тех, которые имели место в субатлантическое время. Их генезис полностью не изучен, однако есть основания считать, что вклад в их формирование вносили стохастические автоколебания в системе океан — атмосфера, а также возмущения радиационного режима, возникающие из-за колебаний солнечной активности и при сильных вулканических извержениях (Кислов, 2001. С. 246–252). Моделирование автоколебаний осуществить сложно — для получения статистически надежного результата требуется интегрирование климатической модели, объединяющей атмосферу и океан на сотни лет. Это технически трудноосуществимое мероприятие и, поскольку такие модели еще несовершенны, а календарь изменений солнечной активности изучен плохо, твердая надежда на успех отсутствует.

Иной, более упрощенный подход заключается в том, чтобы исследовать отклик одной из сред (атмосферы или океана) на заданное состояние другой. Будем считать, что взаимодействие атмосферы и океана и изменчивость внешних факторов породили некоторую аномалию температуры поверхности океана. Задавая ее пространственную картину, можно на основе моделирования определить то глобальное состояние атмосферы, которое ей соответствует. Его отличие от современного климата и будет представлять собой интересующую нас

климатическую вариацию. Такого рода аномалию трудно соотнести с каким-то календарным моментом времени, однако можно считать, что она в некотором смысле типична. На основе данного подхода был разработан следующий сценарий, позволяющий генерировать возмущения глобального климата в рамках МОЦА. Предполагалось, что аномалия температуры океана затрагивает северную часть Атлантического океана (30–60° с. ш.). Это разумное предположение, поскольку именно этот район действительно является одним из ключевых с точки зрения генерации климатической изменчивости северного полушария разных масштабов. Пространственное распределение аномалии температуры представляло собой диполь: положительные отклонения в субтропиках, отрицательные — в умеренных широтах, причем суммарное изменение температуры оказывается равным нулю. Максимальная величина аномалий взята менее 0,8°C (по модулю).

Интегрирование глобальной модели было осуществлено по двум наборам данных: для современного климата и для рассмотренного «возмущенного» случая. Первая модель позволяет оценить надежность выбранного подхода на основе сопоставления модельных и реальных (измеренных) климатических параметров. В данной работе в координатах годовых сумм осадков ($\sum P$) и годовых сумм средних суточных температур выше 10°C ($\sum t_{>10^\circ\text{C}}$) построена гидротермическая схема растительных формаций (Гребенщиков, 1974). Контурные ареалов располагаются не изолированно, они часто накладываются друг на друга, т.е. различные формации могут существовать в одинаковых климатических условиях. Это создает проблемы при попытках однозначной интерпретации реакции растительного покрова на вариации климата. Чтобы избежать этих проблем, некоторые ареалы были объединены. Использование данной схемы позволяет оценить тенденцию изменений растительного покрова, которые произойдут при изменениях климата, выраженных соответствующими показателями.

Для хранения исходной информации (структура рельефа, гидрографическая сеть, типы ландшафта) и анализа модельных полей на выбранной территории Северного Кавказа была создана специальная географическая

информационная система (ГИС). Она объединяет в единый комплекс виртуальную карту рельефа (с возможностью «пролета» над ней по заданной траектории), динамическое (анимационное) картографическое изображение, характеризующее пространственно-временные изменения климатических показателей с учетом всех параметров, электронную карту местности, сопряженную с базой данных, по которой можно получать точечную информацию по любому показателю. Наконец, был использован специальный механизм для генерации двухмерных изображений (графиков). Система оформлена в виде набора мультимедийных окон.

В результате синтеза модельных показателей по «реальному» и «возмущенному» климатам в структуре ГИС построены ландшафтные карты. Анализ карт показал, что для современных условий типичны зоны леса (хвойного, букового), горные степи и горное редколесье, а также субальпийские луга и рододендронники. В возмущенном состоянии климата появляется субальпийское криволесье, а субальпийские луга исчезают. Изменяется конфигурация границ растительных формаций: в частности, в более теплом и влажном «возмущенном» климате степи проникают в верховья долин, замещая лесную растительность. Лес в свою очередь также продвигается вверх. Обращает на себя внимание то, что изменения захватили регионы, лежащие выше ~1500 м. Растительные формации более низких участков территории не претерпели принципиальных изменений. Это позволяет говорить о том, что в данном регионе горные степи и смешанный лес более устойчивы, чем субальпийские растительные формации.

Таким образом, с определенной долей вероятности можно утверждать, что исследуемая территория в климатическом отношении является устойчиво-аридной зоной даже при значительных колебаниях мезоклимата, а террасы на склонах форм ниже высотной границы 1500 м скорее всего выполняли функции влагонакопительных барьеров (по аналогии, например, с земледельческими террасами в горных районах Крыма, возделываемыми и в настоящее время). Вывод о том, что Кисловодская котловина в пределах 900–1500 м над уровнем моря представляет собой своеобраз-

ный климатический оазис, находит подтверждение в результатах палинологических исследований на энеолитическом поселении Замок, опубликованных С.Н. Кореневским. В результате аналитических работ Е.А. Спиридоновой выясняется, что в конце V — начале IV тыс. до н.э. климат в Кисловодской котловине был сухой и жаркий. Это время характеризуется как вторая половина атлантического периода голоцена. Лесная растительность была неразвита. Но в то же время здесь были оазисные участки, для которых свойственно накопление влаги. Палинологические колонки с поселения Индустрия показывают, что во второй четверти IV — начале III тыс. до н.э. климат был достаточно мягким, благоприятным для лесных сообществ в пределах предгорной долины реки (Кореневский, 1998. С. 102–104).

Предположение о том, что смоделированные характеристики «возмущенного» палеоклимата в Кисловодской котловине действительно могли иметь место в раннем средневековье, находит яркое подтверждение на сопредельной территории, в долине нижней Кубани. Там, на Таманском полуострове, в результате палинологического анализа и ландшафтно-климатической реконструкции группе исследователей удалось выделить специфическую фазу субатлантического периода, датируемую VII–XII вв. н.э., которая отличалась самой значительной аридизацией климата за весь период голоцена на протяжении последних 6000 лет (Болиховская и др., 2002. С. 265). Резкое потепление и значительное иссушение климата в VII–XII вв. привело на Тамани к почти полному исчезновению лесных экотопов и господству злаковых и полынно-маревых степей.

Вывод о сильной аридности климата в VII–XII вв. в Предкавказье подтверждается и исследованиями в области колебаний уровня Каспия. Л.Н. Гумилев установил, что в VI в. уровень Каспийского моря был на 4–5 м ниже современного (по некоторым данным, на 7–8 м). Это доказывается изучением скрытого в настоящее время морем участка дербендской крепостной стены, возведенной при Хосрове Ануширване (Гумилев, 1966. С. 88). Как известно, Каспий наполняется реками, бегущими с севера из гумидной зоны. Низкий уровень Каспия приходится на тот период времени, когда циклоны смещаются к севе-

ру или югу. В первом случае в арктической зоне влажно, в таежной и степной засушливо. А во втором в арктической и таежной зонах засушливо, в степной влажно (Гумилев, 1970. С. 85–94). Аридность в регионе приводит к понижению уровня Каспия. По мнению Л.Н. Гумилева, во времена Хазарского каганата (VII–X вв.) северокавказские степи были очень сухими (Гумилев, 1964. С. 83–95). Р.Д. Арсанукаев высказал точку зрения о том, что само сложение и развитие аланской археологической культуры в предгорьях Северного Кавказа сопряжено с изменением климата в северокавказских степях в сторону аридности и сопутствующим понижением уровня Каспийского моря — Дербентской регрессией IV–XIII вв. (Арсанукаев, 2002. С. 233). Все это хорошо укладывается в понятие *«архызский перерыв»* или *«малый климатический оптимум»* VII–XIII вв., характерный для большинства регионов Европы (Борисенко, Пасецкий, 1988). Более того, у палеоклиматологов есть основания полагать, что в это время аридность была характерна для всего северного полушария Земли. В пользу этого говорят колонки льда Гренландии, датированные VIII в., с чрезвычайно низким содержанием аммония (что говорит о слабой растительности). О чрезвычайной аридности климата в середине III — начале V в. и в VIII в. н.э. свидетельствуют дендрохронологические данные археологических находок Германии (Schmidt, Gruhle, 2003) и лесов Швеции (Briffa. Trees...), донные отложения озер Юкатана в Мексике и многие другие источники.

Что же это дает для исторической интерпретации палеоклиматических характеристик конкретных археологических памятников? Попробуем практически рассмотреть этот вопрос на памятниках Кисловодской котловины. Для работы были отобраны две речные долины — Аликоновки и Эшкакона как наиболее протяженные из притоков Подкумка. В долине р. Аликоновки выбраны четыре памятника, являющиеся своеобразными локальными центрами микрорегионов и находящиеся на разных высотах над уровнем моря — городища Замок, Катыхинское 1, Конхуторское 1 и Медовое (№ 23, 313, 332, 375). Самым северным и наиболее низко расположенным над уровнем моря является За-

мок, а самым южным и наиболее высоко расположенным над уровнем моря — Медовое городище. Территория вокруг этих памятников в настоящее время используется по-разному ввиду современных различий в климатических условиях этих мест (Табл. 1). Если земли в окрестностях Замка традиционно используются для выращивания зерновых и огородничества, то продуваемые холодными ветрами со стороны Скалистого хребта земли в окрестностях Медового городища в настоящее время используются исключительно в качестве выпасов и сенокосов.

В долине Эшкакона были выбраны три памятника, расположенные на разных высотах над уровнем моря (Табл. 2). Самым северным и нижним является Первомайское 1-ое городище (№ 757), в районе которого активно практикуется огородничество и зерновое хозяйство. Приблизительно в срединной части Эшкакона расположено Центральное Эшкаконское городище (№ 765). Оно находится несколько выше над уровнем моря, чем предыдущий памятник, а близлежащие земли в основном используются под сенокосы и выпасы при очень малой доле огородничества. Наконец, третий памятник в этой долине — Левобережное Эшкаконское 3 (№ 762). Он расположен значительно выше других над уровнем моря, а близлежащая территория используется в настоящее время исключительно под выпасы и сенокосы. При моделировании «возмущенного» климата мы получаем палеоклиматические характеристики, значительно отличающиеся от современных (Табл. 3, 4).

Попытаемся проанализировать эти данные с помощью методов многомерной статистики. Начнем с кластерного анализа. При этом каждый памятник (объект) будет иметь две позиции: одну — для «реального» климата (P), другую — для «возмущенного» (B).

Полученная дендрограмма наглядно показывает, что здесь выделяются три группы памятников (Рис. 9). В одну из них входят три памятника с «возмущенным» климатом — Первомайское 1, Катыхинское и Замковое. Все они расположены на высоте 920–1080 м над уровнем моря. Эта группа более отдалена от других памятников вследствие того, что имеет палеоклиматические характеристики теплового климата. Специфика группы определяется

годовой суммой среднесуточных температур выше 10°C в пределах 2 521,3–2 775,6°C, а также годовой суммой осадков в пределах 239–274 мм. Если допустить, что смоделированные характеристики «возмущенного» климата для этих местоположений действительно имели место в I тыс. н.э., то устройство в окрестностях этих памятников террас как влагонакопительных барьеров для занятий земледелием становится исключительно целесообразным.

Вторая группа укреплений, более тесно связанная с третьей группой, включает четыре памятника с «реальным» климатом — Медовое, Левобережное Эшкаконское 3, Конхуторское, Центральное Эшкаконское. Все они расположены на высоте 1170–1290 м над уровнем моря. Данная группа фиксирует современное состояние климата наиболее высоко расположенных объектов, а также соответствующее ему современное землепользование (горные выпасы и сенокосы). Специфика группы определяется годовой суммой среднесуточных температур выше 10°C в пределах 1 757–1 918,4°C, а также годовой суммой осадков в пределах 273–356 мм.

В третью группу памятников входят три объекта с «реальным климатом» — Замок, Катыхинское, Первомайское 1, и четыре укрепления с «возмущенным климатом» — Медовое, Конхуторское, Центральное Эшкаконское, Левобережное Эшкаконское 3, расположенные на высоте 920–1 290 м над уровнем моря. Специфика группы определяется годовой суммой среднесуточных температур выше 10°C в пределах 2 036,6–2 355,1°C, а также годовой суммой осадков в пределах 185–410 мм.

Самый важный вывод, следующий из анализа этих памятников, состоит в том, что при «возмущенном» климате памятники Медовое, Конхуторское, Центральное Эшкаконское, Левобережное Эшкаконское 3 обладают теми же характеристиками, что и памятники Замок, Конхуторское и Первомайское 1 при «реальном» климате. Следовательно, если в настоящее время в окрестностях последних трех объектов (низинных) практикуют выращивание зерновых, садоводство и огородничество, то есть основания полагать, что при «возмущенном» климате такая практика могла иметь место в окрестностях первых четырех памятников (высокогорных), где также зафиксированы земледельческие террасы.

Еще один вопрос, который в будущем потребует специального рассмотрения, состоит в поиске и изучение тех мест, откуда раннесредневековое население Кисловодской котловины могло снабжать себя водой. В тех случаях, когда укрепления располагались в низинных районах (например, группа Первомайских городищ), ответ ясен: Подкумок и питающие его ручьи являются достаточным источником воды. Но проблема осложняется, когда мы переходим к анализу потенциальной экономической зоны укреплений, расположенных в горных районах котловины. Учитывая большие перепады высот, спуск за водой в долину Подкумка или его крупных притоков становится нецелесообразным. Совершенно очевидно, что использование горных территорий, как в качестве выпасов, так и для террасного земледелия (особенно в условиях засушливого климата), требует иного решения проблемы водоснабжения.

Полевые исследования, проведенные в 2001 г. в Кисловодской котловине, позволили выявить ряд объектов, которые кардинально меняют наши представления о системе водоснабжения раннесредневекового населения, о чем ранее могли только догадываться (Калоев, 1981. С. 64, 65). Наиболее простой способ орошения террасного поля был зафиксирован в верховьях р. Теплушки. Здесь на склоне правого берега реки (почти на водоразделе р. Теплушки и Перепрыжки) была осмотрена земледельческая терраса почти квадратной формы. В южный угол этой террасы впадает узкий длинный овраг, в верховьях которого когда-то функционировал родник. В данном случае природный овраг был использован в качестве ирригационного канала. В этом же районе имеются и искусственные ирригационные каналы. Так, в окрестностях теплушкинской поселенческой агломерации V–IX вв. впервые в археологии Северного Кавказа были зафиксированы следы высокогорной ирригационной системы (Рис. 10). Другая разновидность водозаборных сооружений представляет собой масштабную вертикальную зачистку склонов возвышенностей с целью обнажения родников (Рис. 11). Впервые они были выявлены на водоразделе между верховьями Теплушки и Аликоновки. Этот участок местности, который в раннем средневековье, вероятно, использовался в качестве высокогорных пастбищ, расположен

относительно далеко от обеих рек, но в то же время довольно богат родниками.

Располагая данными о функциональной дифференциации раннесредневековых сельскохозяйственных угодий, а также инструментом для палеоклиматического моделирования в каждой конкретно выбранной точке Кисловодской котловины, мы, как представляется, можем перейти к следующему шагу — палеоэкономическому моделированию, основанному на изучении потенциальных экономических зон, связанных с тем или иным аш-тигорским укреплением. В этом отношении весьма полезной может быть разработанная Г.Е. Афанасьевым, А.В. Кисловым и А.В. Чернышевым в рамках проекта РФФИ № 02-06-80047-а методика анализа биопродуктивности землепользования в Кисловодской котловине в раннем средневековье, основанная на математико-картографическом моделировании биоклиматических показателей в палеовремени. Цель этой работы — выработать надежные методы пространственной оценки отклика биоклиматической продуктивности растительного покрова исследуемой территории на климатические изменения, смоделированные для времени существования аланской культуры в Кисловодской котловине. Биопродуктивность — широко применяемый комплексный показатель, характеризующий состояние ландшафта, в особенности растительный покров. Численно биопродуктивность оценивается как отношение совокупной растительной массы к единице площади (ц/га). В основу оценки может быть положена зависимость общей биопродуктивности от изменения набора климатических факторов, рассчитанных с учетом природно-зональных особенностей исследуемых территорий. Получение значений первичной биопродуктивности возможно при использовании моделей глобального (локального) климата. При этом состав климатических параметров подбирают на основе известных или смоделированных для заданных временных интервалов функциональных соотношений компонентов системы почва — растительность — климат.

В процессе решения задачи выполнены следующие этапы: расчет независимых переменных с использованием модели климата, приведенной к заданным параметрам времени и локальных условий; определение функций

первичной биопродуктивности для объектов на сетке $0,5 \times 0,5$ км в пределах исследуемой территории; моделирование и картографирование полей биопродуктивности в современных и палеоусловиях, а также их разности. Анализ результатов исследования показал, что география биопродуктивности четко соотносится с факторами высотной поясности как для модели современного климата, так и для модели палеоклиматических показателей. Так, например сопоставление карт указывает на корреляцию интенсивности биопродуктивности с высотными градиентами рельефа для обеих моделей (в частности, хорошо просматриваются зоны различной интенсивности в интервалах 500–1 300 м и 1 300–2 100 м). Здесь же выделяются районы низкой и средней (до 8 ц/га) биопродуктивности, приуроченные в основном к долинам крупных речных систем, и районы значительного увеличения интенсивности биопродуктивности — как правило, горные склоны, имеющие значительный перепад высот для высотного диапазона исследуемого региона. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет карта разностных значений биопродуктивности, рассчитанных по первой и второй моделям (Рис. 12).

Главный вывод, который следует из анализа биопродуктивности территории Кисловодской котловины для современного и «возмущенного» климата, состоит в том, что как в первом, так и во втором случаях наибольшая биопродуктивность наблюдается на горных склонах и склонах делювиальных возвышенностей, т.е. там, где фиксируются остатки раннесредневековых земледельческих террас. Следовательно, весьма вероятно, что устройство террасных полей на склонах гор и на склонах делювиальных террас отражает понимание аш-тигорским населением того, что биопродуктивность склоновых полей значительно выше, чем равнинных, а это понимание могло возникнуть только на базе многовекового опыта практического сельскохозяйственного освоения данного региона, и оно свидетельствует о высочайшем уровне земледельческих знаний.

Анализ карты разностных значений биопродуктивности наглядно демонстрирует несколько ареалов высокого значения этого показателя. Наибольшее значение разности биопродуктивности (порядка 60%) имеет территория подошвы Джинальского хребта. В этом месте распо-

лагается целая группа памятников эпохи раннего средневековья вокруг знаменитого укрепления Лермонтовская Скала (№ 103). Помимо участков террасного земледелия, обозначенных цифрой «2» на рис. 13, в непосредственной близости от укрепления имеется большое количество памятников предшествующей сарматской эпохи. Наиболее известные из них — могильники Кругозор, Церковная Горка, Театральный, Аэрофлот, а также поселения Красные камни, Первомайская поляна и у санатория «Москва» (№ 4, 5, 55, 57, 61, 421, 423). Все эти памятники попадают в ареал высокой разности биопродуктивности (30–60%). Косвенно данный факт может свидетельствовать о более раннем освоении этого выгодного в сельскохозяйственном отношении микрорегиона.

Далее на запад с показателем разности биопродуктивности в 45% располагается территория между Конхуторской и Медовой балками, где были обнаружены многочисленные укрепления и поселения эпохи раннего средневековья. Это укрепление и поселение Конхуторское 1, укрепления Медовые, Правобережные 1–3, Эчкивашское и Конхуторское — 2 (№ 313–315, 672, 709, 776–778) в окружении террасных полей (Рис. 14). Такой же биопродуктивностью обладает район вокруг укрепления и поселения Первомайское-1 (№ 757, 781), которые также окружены многочисленными участками древнего террасного земледелия (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. Рис. 26). Весьма вероятно, что эти три микрорегиона играли роль главной житницы аш-тигорского населения Кисловодской котловины.

Вызывает несомненный интерес тот факт, что практически нулевая разность биопродуктивности приходится на микрорегион вокруг городища Горное Эхо (Отстойник) (№ 11). Выше уже говорилось о том, что в этом месте сконцентрировано наибольшее количество укреплений и могильников раннеаланской эпохи. Центральное место Горного Эха (Отстойник) в системе аш-тигорских древностей региона уже подчеркивалось исследователями. Авторы многолетних раскопок на этом памятнике считают возможным интерпретировать его как одну из резиденций аланского царя Сарозия, правившего в 50–70-е годы VI в. (Аржанцева, Савенко, Сычев, 2003. С. 9). Очевидно, что высокая плотность могильников вокруг городища Горное Эхо (Отстойника) в сочетании

с реконструируемой низкой биопродуктивностью данного микрорегиона позволяют говорить о другой, не сельскохозяйственной функции данного памятника, вероятно, выполнявшего роль своеобразного административного центра для населения котловины.

Изложенное приводит к выводу о том, что в настоящее время созданы методические условия и накоплена достаточная база данных для разработки крупной научной темы по исследованию социально-экономической истории раннесредневекового населения Кисловодской котловины, основанной на междисциплинарных исследованиях. Она может включать следующие направления: моделирование зон ответственности, выявленных в Кисловодской котловине раннесредневековых укреплений — полигонов Тиссена; расчеты биопродуктивности каждой из выделенных зон и их сравнительный анализ; выявление в каждом из полигонов сельскохозяйственных угодий с их функциональной дифференциацией (зем-

ледельческие террасы, пастбища, источники воды и т.д.) и последующим сравнительным типологическим анализом полигонов; палеоэкономическое моделирование для каждого из полигонов с их последующим сравнительным анализом; исследование хронологической и функциональной связи между укреплениями и поселениями в каждом из полигонов; моделирование и сравнительный анализ системы поселений V–IX вв. и системы поселений X–XII вв.; исследование динамики системы расселения носителей катакомбного обряда погребения и динамики системы расселения носителей скального обряда погребения.

Решение этих научных задач будет способствовать не только более глубокому пониманию исторических процессов, протекавших на территории Кисловодской котловины в I тыс. н.э., но также и более глубокому исследованию той роли, которую играло аш-тигорское население этого региона в раннесредневековой истории Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.-Л.

Алемань А., 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.

Аржанцева И.А., Савенко С.Н., Сычев А.А., 2003. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное Эхо». Основы концепции. Кисловодск.

Арсанукаев Р.Д., 2002. Вайнахи и аланы. Баку.

Афанасьев Г.Е., 1989. Археологические разведки на новостройках и пространственный анализ // КСИА. № 196.

Афанасьев Г.Е., 2002а. Новые результаты применения ГИС и ДЗ-технологий в изучении археологических памятников Кисловодской котловины // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Эссендуки-Кисловодск.

Афанасьев Г.Е., 2002б. Разведки в Кисловодской котловине // АО–2001. М.

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С., 1999. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 2.

Афанасьев Г.Е., Кислов А.В., Чернышев А.В., 2002. К проблеме террасного земледелия на

Северном Кавказе (новые методические подходы) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М.

Афанасьев Г.Е., Лопан О.В., 1996. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар // XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.

Биджиев Х.Х*, 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фуаш Э., 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.-Магнитогорск.

Борисенко Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

Бронеvский С.М., 2004. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семем Бронеvским. СПб.

Винников А.З., 1998. Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.

Волкова Н.Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.

Гаглойти Ю.С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Гумилев Л.Н., 1964. Хазария и Каспий // Вестник Ленинградского ун-та. № 6. Вып. I.

Гумилев Л.Н., 1966. Открытие Хазарии. М.

Гумилев Л.Н., 1970. Место исторической географии в востоковедных исследованиях. // Народы Азии и Африки. № 1.

Гребенчиков О.С., 1974. Опыт климатической характеристики основных растительных формаций Кавказа // Ботанический журнал. Т. 59. № 2.

Калоев Б.А., 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.

Кислов А.В., 2001. Климат в прошлом, настоящем и будущем. М.

Корневский С.Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1: Археология. Ставрополь.

Коробов Д.С., 2001. Некоторые итоги работ Кисловодского археологического отряда в 1996–1999 гг. // Практика и теория археологических исследований: Тр. отдела охранных раскопок. М.

Коробов Д.С., 2004. Применение ГИС и аэрофотосъемки при картографировании следов древнего земледелия в Кисловодской котловине // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 года). [Электронный ресурс]. Сборник докладов. М. ИА РАН. CD-ROM.

Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М.

Кузнецов В.А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А., Чеченов И.М., 2000. История и национальное самосознание. Владикавказ.

Курбаткин Г.П., Дяттерев А.И., Фролов А.В., 1994. Спектральная модель атмосферы: Ини-

циализация и базы данных для численного прогноза погоды. СПб.

Мизиев И.М., 1985. Хумара — город древних болгар // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

Миллер В.Ф., 1887. Осетинские этюды. Часть третья. Исследования. М.

Патканов К., 1877. Армянская география VII в. н.э. СПб.

Розинкина И.А., 2001. Модель Гидрометцентра России «почва — растительность — приземный слой атмосферы»: Алгоритм и результаты тестирования // Метеорология и гидрология. № 3.

Ромашкевич А.И., 1988. Горное почвообразование и геоморфологические процессы. М.

Челеби Э., 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.

Afanas'ev G., 1998. The experience of application of aerial photo-analysis at the Middle Don region in Russia // Computer applications in archaeology. Barcelona.

Afanas'ev G.E., 2000. Aerospace analysis at the Middle Don region in Russia // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording Systems for Archaeological Projects. School of Conservation Sciences. Research Report. 6. Bournemouth; М.

Afanas'ev G.E., 2002. Settlement structures of the Khazar Khaganate: New perspectives from the analyses of aerial images // Primi Popoli d'Europa. All'Insegna del Giglio. Bologna.

Aston M., 1997. Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History. Routledge.

Briffa K.R. Trees as indicators of climate change // Internet: <http://www.cru.uea.ac.uk/cru/annrep94/trees/index.htm>.

Jarman M., Vita-Finzi C., Higgs E.S., 1972. Site catchment analysis in archaeology // Man, Settlement and Urbanism. Duckworth.

Schmidt B., Gruhle W., 2003. Klimaextreme in römischer Zeit. Eine Strukturanalyse dendrochronologischer Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. 33. Heft 2. Mainz.

Wheatley D., Gillings M., 2001. Spatial Technology and Archaeology. The archaeological applications of GIS. London-New York.

Zuckerman C., 2000. À propos du Livre des cérémonies, II, 48 : I. Les destinataires des lettres impériales en Caucasic de l'Est. II. Le problème d'Azia/Asia, le pays des Ases. III. L'Albanie caucasienne au Xe siècle // Travaux et Mémoires. 13.

Таблица 1. Характеристики «реального» климата на памятниках в долине р. Аликоновки на 2000 г.

Памятник	Замок	Катыхинское	Конхуторское	Медовое
Высота над уровнем моря, м	920	990	1 240	1 250
Годовые суммы среднесуточных температур $>10^{\circ}\text{C}$	2 316,0	2 036,6	1 918,4	1 757,0
Годовая сумма радиационного баланса, $\text{гДж}/\text{м}^2$	1,81	1,8	2,11	2,23
Годовая сумма осадков, мм	233	236	318	359
Количество дней с осадками за год	183	184	174	176
Число дней со среднесуточной температурой $>10^{\circ}\text{C}$	256	250	247	242
Гидротермический коэффициент, $\text{мм}/^{\circ}\text{C}$	0,4	0,6	0,7	0,6
Радиационный индекс сухости	3,2	3,7	2,6	2,5

Таблица 2. Характеристики «реального» климата на памятниках в долине р. Эшакона на 2000 г.

Памятник	Первомайское 1	Центральное Эшаконское	Левобережное Эшаконское 3
Высота над уровнем моря, м	1 080	1 170	1 290
Годовые суммы среднесуточных температур $>10^{\circ}\text{C}$	2 178,5	1 849,5	1 827,7
Годовая сумма радиационного баланса, $\text{гДж}/\text{м}^2$	1,91	2,17	2,36
Годовая сумма осадков, мм	185	273	356
Количество дней с осадками за год	158	157	158
Число дней со среднесуточной температурой $>10^{\circ}\text{C}$	252	245	244
Гидротермический коэффициент, $\text{мм}/^{\circ}\text{C}$	0,5	0,8	0,8
Радиационный индекс сухости	4,1	3,2	2,7

Таблица 3. Характеристики «возмущенного» климата на памятниках в долине р. Аликоновки

Памятник	Замок	Катыхинское	Конхуторское	Медовое
Высота над уровнем моря, м	920	990	1 240	1 250
Годовые суммы среднесуточных температур $>10^{\circ}\text{C}$	2 775,6	2 521,3	2 355,1	2 216,1
Годовая сумма радиационного баланса, $\text{гДж}/\text{м}^2$	1,75	1,96	2,06	2,19
Годовая сумма осадков, мм	247	274	355	391
Количество дней с осадками за год	168	183	160	162
Число дней со среднесуточной температурой $>10^{\circ}\text{C}$	264	257	252	247
Гидротермический коэффициент, $\text{мм}/^{\circ}\text{C}$	0,5	0,5	0,4	0,3
Радиационный индекс сухости	2,9	2,9	2,3	2,2

Таблица 4. Характеристики «возмущенного» климата на памятниках в долине р. Эшакона

Памятник	Первомайское 1	Центральное Эшаконское	Левобережное Эшаконское 3
Высота над уровнем моря, м	1 080	1 170	1 290
Годовые суммы среднесуточных температур $>10^{\circ}\text{C}$	2 661,7	2 302,7	2 062,8
Годовая сумма радиационного баланса, $\text{гДж}/\text{м}^2$	1,85	2,12	2,33
Годовая сумма осадков, мм	239	329	410
Количество дней с осадками за год	183	183	183
Число дней со среднесуточной температурой $>10^{\circ}\text{C}$	263	249	248
Гидротермический коэффициент, $\text{мм}/^{\circ}\text{C}$	0,4	0,5	0,4
Радиационный индекс сухости	3,1	2,6	2,3

Рис. 1. Карта сопряженности укреплений Кисловодской котловины раннеаланской эпохи с высотой над уровнем моря

Рис. 2. Карта сопряженности аланских укреплений с речной сетью

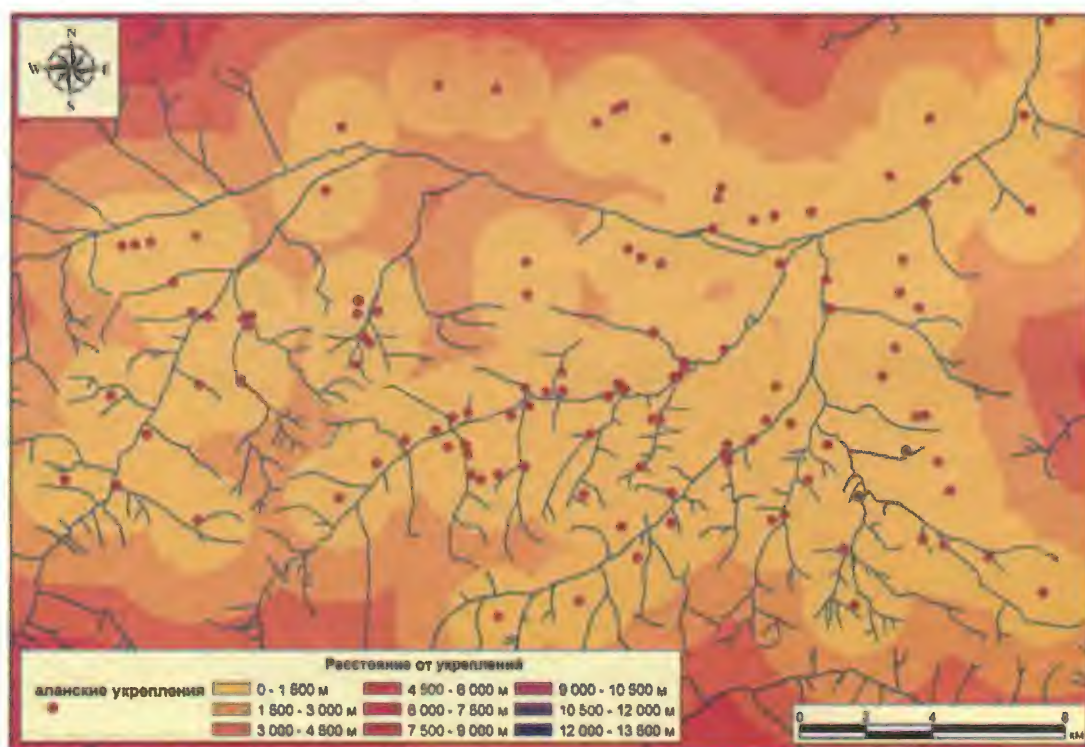

Рис. 3. Карта дистанционных связей между укреплениями в пределах радиуса в 1 500 м

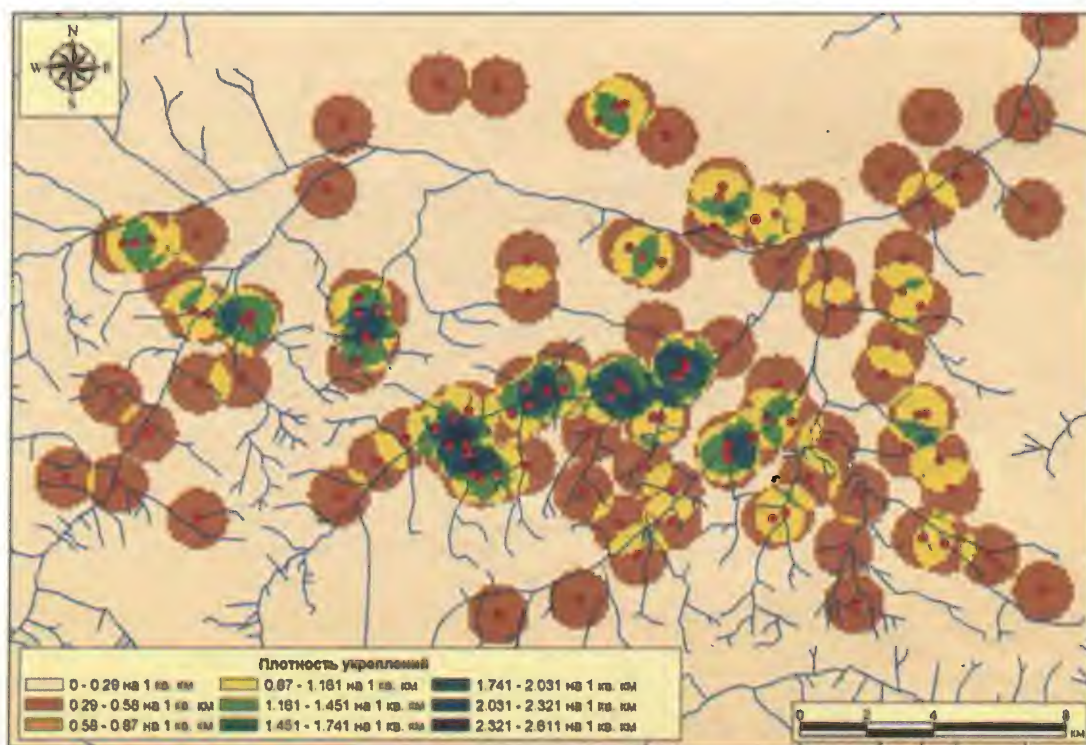

Рис. 4. Карта плотности укреплений в Кисловодской котловине (составлена с использованием метода Density from, тип Simple)

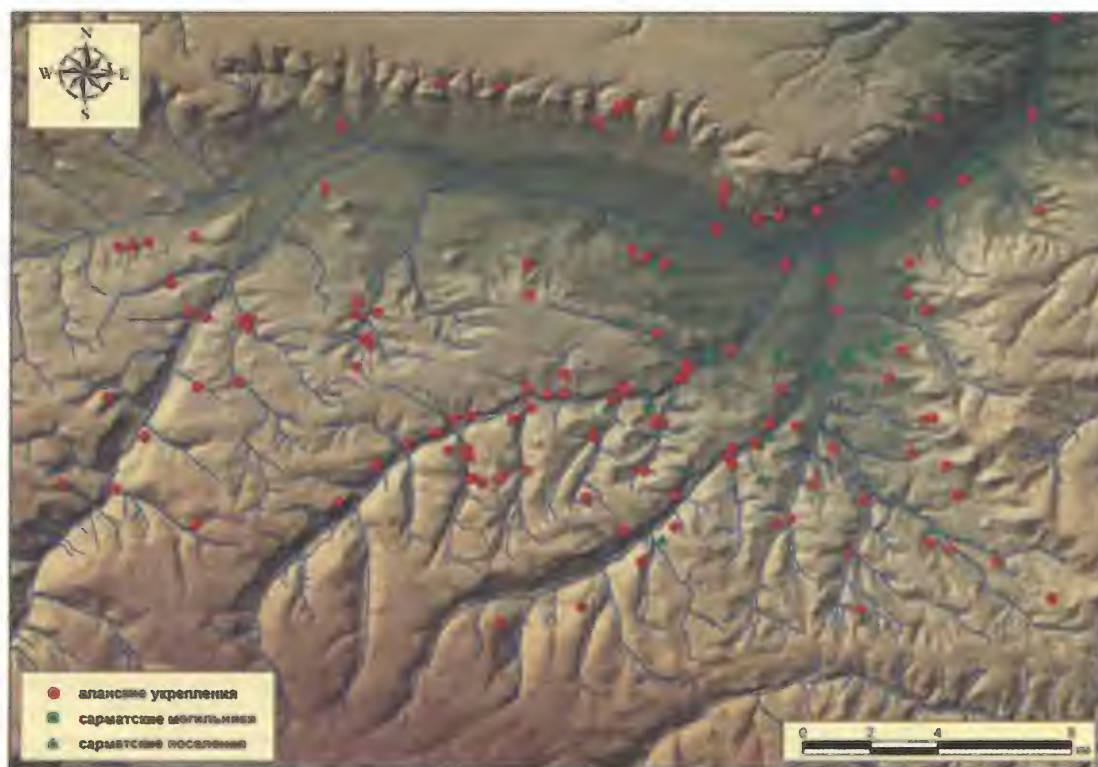

Рис. 5. Карта сопряженности укреплений раннеаланского времени и могильников и поселений сарматского времени

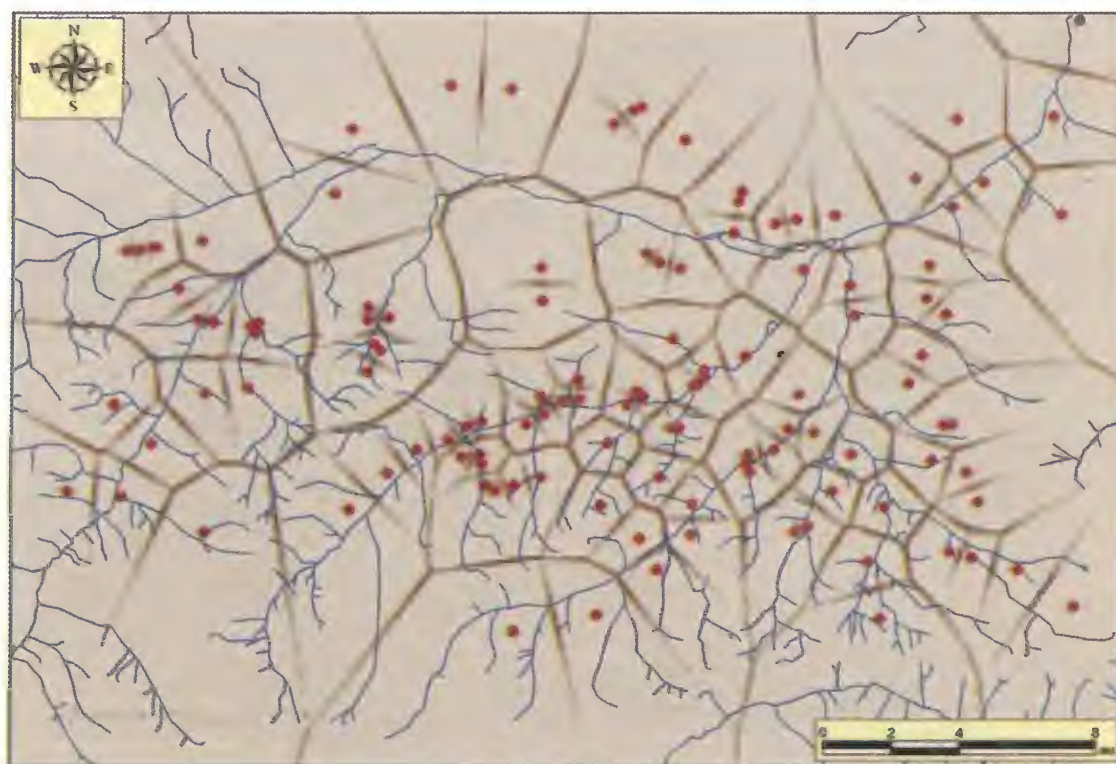

Рис. 6. Построение полигонов Тиссена вокруг раннеаланских укреплений

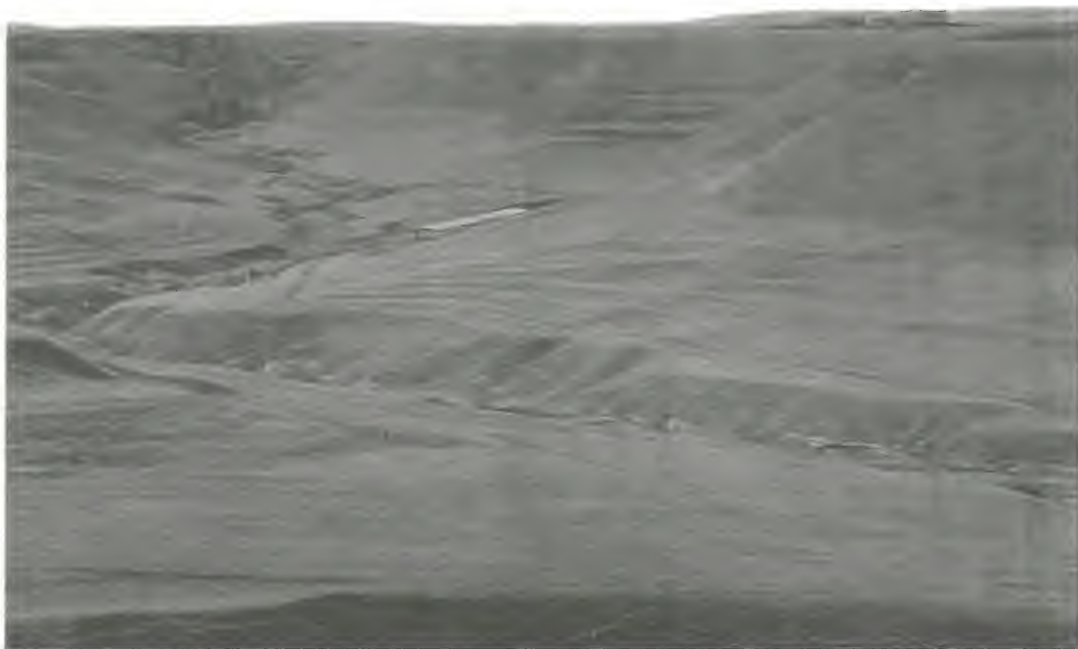

Рис. 7. Участки древнего террасного земледелия в долине р. Перепрыжки. Вид с СВ

Рис. 8. Раннесредневековые укрепления в долине реки Перепрыжки в окружении участков террасного земледелия. Вид с СВ

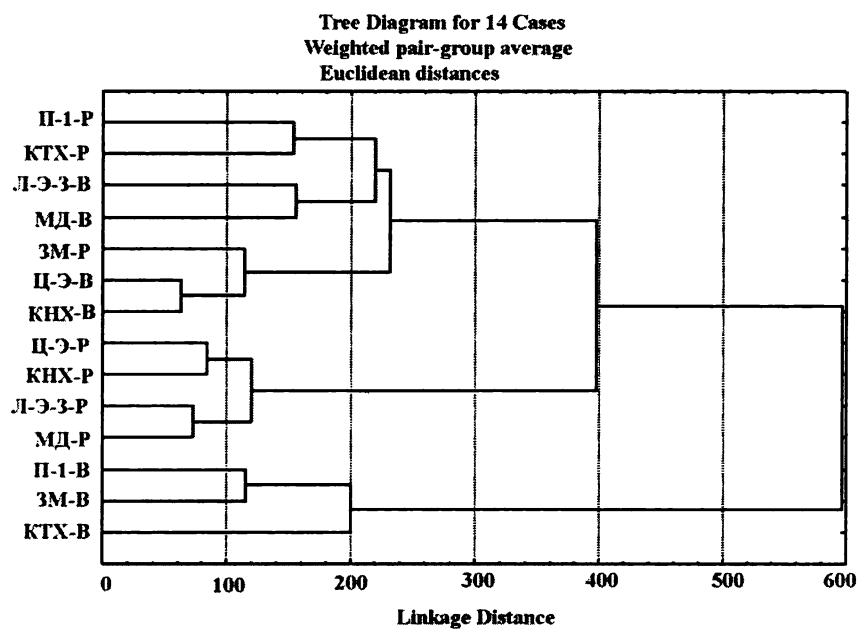

Рис. 9. Кластерный анализ памятников по климатическим и палеоклиматическим характеристикам. Условные обозначения: П-1 — Первомайское 1; КТХ — Катыхинское; Л-Э-3 — Левобережное Эшкаконское 3; МД — Медовое; ЗМ — Замок; Ц-Э — Центральное Эшкаконское; КНХ — Конхуторское. Р — «реальный» климат; В — «возмущенный» климат

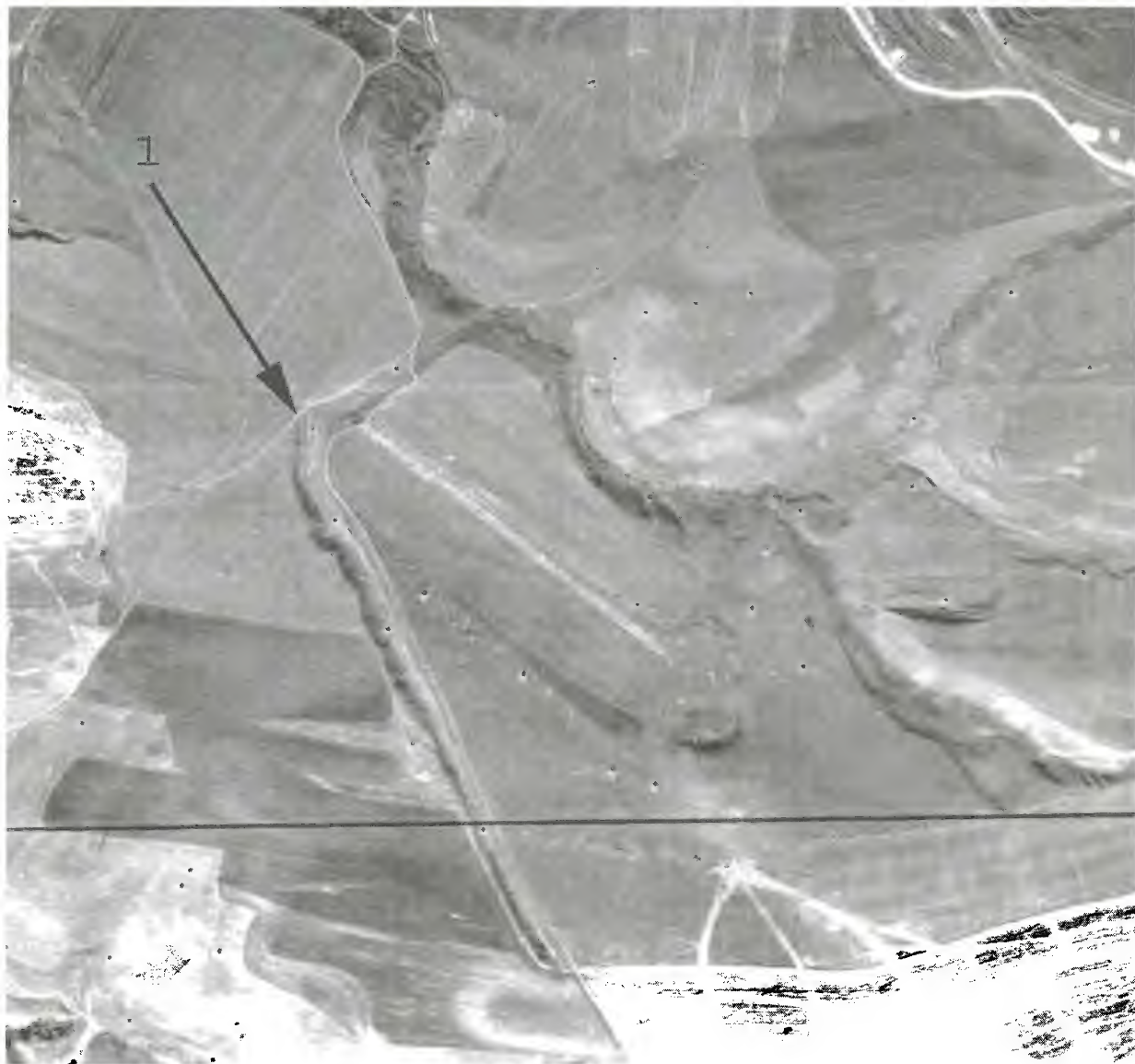

Рис. 10. Аэрофотоснимок Верхнетеплушкинского канала (обозначен на фото цифрой 1)

Рис. 11. Верхнетеплушкинский водосбор 2

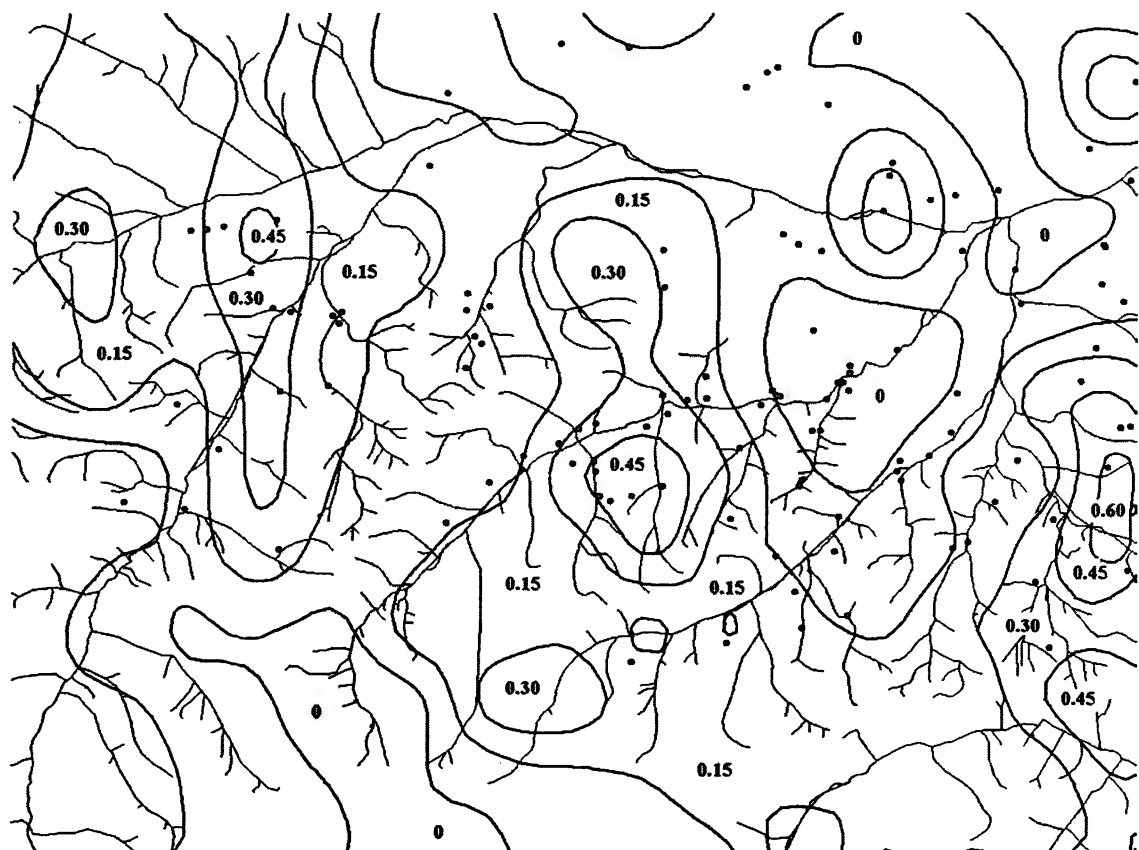

Рис. 12. Анализ биопродуктивности Кисловодской котловины при «возмущенном» климате

Рис. 13. Фрагмент аэрофотоснимка окрестностей Лермонтовской Скалы. На снимке обозначены: 1 — укрепление Лермонтовская Скала; 2 — участки террасного земледелия

Рис. 14. Фрагмент аэрофотоснимка памятников между Конхуторской и Медовой балками. На снимке обозначены укрепления: 1 — Конхуторское 1; 2 — Медовое; 3–5 — Медовые Правобережные 1–3; 6 — Эчкивашское; 7 — Конхуторское 2; 8 — участки террасного земледелия

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СЕДЛА В VII — 1-Й ПОЛ. VIII ВВ.

Вопрос эволюции раннесредневекового жёсткого седла в отечественной историографии поднят давно в основном в контексте тюркской археологии, хотя и с привлечением восточноевропейских материалов. Но в оценке последних среди исследователей не наблюдается единства в первую очередь из-за расхождений в выборе хронологически значимых признаков.

А.А. Гаврилова положила в основу своей эволюционной схемы форму передней луки седла, в которой седло из Бородаевки было отнесено к «кудыргинскому» типу и заняло позицию в рамках периода (VI–VII вв.), а седла из Галиатского склепа были выделены в «галиатский» тип (VIII–X вв.), хотя и по ошибочно воспринятой как передней задней луке одного из седёл (Гаврилова, 1965. С. 85, 86). В эволюционной схеме С.И. Вайнштейна главными типобразующими признаками стали уже форма деревянных полок ленчиков и передней луки, по которым седла из Галиата были отнесены к типу III (VII–VIII вв.), а седло из Бородаевки оценено как переходное от типа III к типу IV (VIII–IX вв.) (Вайнштейн, 1966. С. 67–74; 1972. С. 132–136). Работа А.К. Амброза (Амброз, 1973) ставила перед автором несколько другие задачи — превратить форму седла и стремени в хронологический признак, оттолкнувшись от хорошо датированных памятников. В результате, в

основу классификации были положены форма ленчиков и лук седла с привязкой к датированным китайским изображениям, а два из выделенных трёх основных типов получили названия по правящим китайским династиям: «вэйский» и «танский». Сёдла из Бородаевки и Галиата попали в разряд «танских», датированных VIII в. (Амброз, 1973. С. 97; 1981. С. 13) Отталкиваясь от этой схемы, свою хронологическую таблицу развития седел предложил и Л.Р. Кызласов, в которой седло из к. 17 Чир-Юрта отнесено к третьему периоду (VII–VIII вв.), а седло из Бородаевки — к пятому (IX–X вв.) (Кызласов, 1979. С. 135–138. Рис. 96).

Как видим, наибольшие расхождения у исследователей вызвала позиция седла из Бородаевки — VI–VII вв., нач. VIII в., VIII–IX вв., IX–X вв. Не меньшие сложности вызовет, к примеру, и попытка датировать в рамках предложенных схем седло из к. 7 Петрунино IV (Круглов, 1992. Рис. 2, 10), которое по форме ленчиков без лопасти и высокой вертикальной передней луке может быть отнесено к ранним вариантам «вэйского» седла VI в. или даже «цинского», хотя в реальности найдено вместе с монетой 756/757 г. Существование в VIII в. особой линии развития передних луков у авар и тюрков «катандинской» традиции особенно оговаривал и сам А.К. Амброз, предполагая, впрочем, что речь идёт о вариациях тех

же «танских» седел, основываясь на сходстве стремян (Амброз, 1973. С. 97). Но обкладки седла из среднеаварского п. 186 Тисафюрета, найденные, что показательно, с «архаическим» типом стремян, напоминающих стремени VI в. (Гавритухин, 2001. Рис. 19), свидетельствуют об использовании аварами до нач. VIII в. массивных высоких вертикальных лук (передняя высокая трапециевидная и задняя пониже, дуговидная), прозрачно указывая именно на «вэйские» истоки этого типа седла, лишь слегка модифицированного.

Если в случае с аварами мы ещё можем говорить о консервации принесённого с востока в сер. VI в. типа седла, то каким образом объяснить сосуществование вариаций «вэйских» и «танских» седёл в VIII в. у тюрков Алтая и Тувы («кокзельская» и «катандинская» линии), а также в Восточной Европе? А.А. Гаврилова предположила существование «женских» и «мужских» вариантов седел, отталкиваясь от находок лук «катандинского» типа в основном в женских погребениях (Гаврилова, 1965. С. 85, 86). В пользу такого предположения могла бы свидетельствовать танская статуэтка всадницы VII в. из Астаны, где седло изображено с вертикальными передней и задней луками (Watt, 1990. Fig. 76), но, например, на мужской статуэтке нач. VIII в. седло изображено с наклонной задней лукой и массивной высокой вертикальной передней (Watt, 1990. Fig. 82). Очевидно, заметное разнообразие типов седел на китайских статуэтках эпохи Тан служит хорошим показателем, что параллельное развитие различных типов седел действительно объяснялось их разным предназначением, разной техникой верховой езды. Хронологическому же определению подлежит не время бытования типа седла, а лишь появление инновации.

Оценить направление эволюции восточноевропейских седел VII — 1-й пол. VIII вв. позволяют существующие дробные системы хронологии этого периода (Комар, 1999; 2006; Гавритухин, 2005). На сегодня относительные позиции комплексов с седлами не вызывают противоречий, а различные оценки касаются только абсолютных дат, также, впрочем, разнящихся лишь в пределах четверти столетия. Не вызывает сейчас сомнений и принадлежность к V в. погребений группы Мелитополя,

относимых ранее А.К. Амброзом в VII в., (Засецкая, 1994; Комар, 2000), что позволяет выделить соответствующий тип седёл (Дмитриев, 1979. Рис. 5) как характерный именно для гуннской эпохи (V — сер. VI вв.).

Появление в Восточной Европе седла нового типа связано с кочевниками — носителями перещепинской культуры (Комар, 2002; Плетнёва, 2003). Наиболее ранний экземпляр седла VII в. происходит из п. 2 к. 3 Сивашовки (Комар, Кубышев, Орлов, 2005. Рис. 23–25). Дата комплекса подробно аргументирована нами (Комар, Кубышев, Орлов, 2006; Комар, 2006) — его формирование приходится на период второй-третьей четвертей VII в., а абсолютные рамки горизонта Сивашовки определяются монетными реперами: [post] 643 — [post] 669 гг.

Деревянные части сивашовского седла плохой сохранности: полки ленчиков в поле взяты лишь частично, фрагментирована задняя лука, а передняя лишь оставила отпечаток на кольчужной бармице. Основой реконструкции полок ленчиков стали полевые фотографии (Комар, Кубышев, Орлов, 2006. Рис. 23, 1, 2). Это были прогнутые пропорционально вытянутые полки со слабо выделенными в профиль (во всяком случае так представляется по сохранившимся частям), но заметно отогнутыми в стороны «лопастями», состоявшие из массивной деревянной доски в передней и центральной части и более тонкой дощечки в задней (Рис. 1, 16). Узкая дуговидная слегка наклонная задняя лука уверенно реконструирована по сохранившемуся фрагменту (Рис. 1, 15). Реконструкция передней луки (Рис. 1, 14) более проблематична, поскольку она получена путём моделирования по отпечатку на кольчужной бармице, защищавшей всадника от копейного удара в промежутки между полками, но здесь несомненен профиль луки и её расположение на полках (Рис. 1, 16). Судя по высоте бармицы, седло возвышалось над холкой на 16 см, из которых около 10 см приходилось на ленчик. Расположение деталей подпруги указывает на то, что седло крепилось при помощи одной подпруги и подхвостого ремня.

Следующий хронологический горизонт Уч-Тепе — Келегеи ([post] 669 — [post] 698 гг.) представляет седло из п. 5 к. 9 Бородаевки

(Синицын, 1947. Табл. IX). Позиция комплекса в рамках этого горизонта не безусловна, но прямоугольные бронзовые бесщитковые пряжки, подобные бородаевской (Синицын, 1947. Рис. 88), происходят из двух комплексов именно этого горизонта — Арцибашева и Келегеев. Ленчики бородаевского седла (Рис. 1, 13) на 5 см длиннее, чем сивашовские (60 см), но передняя лука здесь посажена ближе к сиденью, что нивелировало разницу в длине полков. Прогиб ленчиков чуть меньше, лопасти сильнее выражены в профиль, на заднем конце доски также утончаются. Передняя и задняя луки (Рис. 1, 11, 12) дуговидные; также, как и в Сивашовке, выше передняя, но её тип другой — это прямая вертикальная лука, слегка отклонённая назад в силу посадки седла. Седло возвышалось над холкой на 21 см, из которых 14 см приходилось на ленчик.

В Перещепине от седла сохранились только две декорированные пальметтами дуговидные обкладки (Рис. 1, 9, 10) верхнего края лука (Залеская и др., 1997. Кат. 88). Так же, как и в Бородаевке, луки вертикальные, выполненные из тонких дощечек. Это несомненно не массивные луки седла «вэйского» типа, но они всё же в полтора раза шире, чем бородаевские, что предусматривает более глубокую посадку седла.

Луки близких форм и пропорций, судя по костяным обкладкам, находились и в п. 2 к. 1 Шиловки (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Табл. XII, 1), принадлежащего к горизонту Шиловки-Романовской (698–725 гг.). Их примечательность на этом не ограничивается, поскольку на одном из фрагментов изображены четыре оседланных коня (Рис. 2, 1). Все четыре передние луки высокие вертикальные, слегка отогнутые назад (Рис. 2, 2–5), задние невысокие, также наклонены назад. У седла № 2 автор (рис. 2, 4) подчеркнул дуговидную форму передней луки, остальные изображены более массивными. Ленчики лишь слегка прогнутые, без лопастей, напоминают экземпляры из к. 7 Петрунино IV (Круглов, 1992. Рис. 2, 10), а изображения седел в целом близки изображениям седел на лошадях ковша IX в. из Коцкого городка (Рис. 2, 6, 7). В ближайшем хронологическом окружении подобной формы полков пока не известно, что заставляет предполагать схематичность изоб-

ражений, сместивших лопасти полков к переднему краю. Посадка седел № 1, 2 (Рис. 2, 4, 5) на лошадях высокая, и лишь у седла № 3 (Рис. 2, 3) на заднем конце возвышается над холкой только лука. Судя по рисунку первой лошади (Рис. 2, 1), седла крепились, так же, как и в Сивашовке, при помощи одной подпруги и подхвостного ремня.

Синхронен горизонту Шиловки к. 17 Чир-Юрта (Магомедов, 1975. Рис. 1, 15). Его дата определяется изогнутой саблей и изображением сабли с С-образными скобами ножен на костяной накладке передней луки, а также по накладке с пальметообразным декором стиля Вознесенского комплекса. От седла сохранились правая полка (Рис. 1, 8), а также обкладки передней и задней луки, по которым можно предложить их условную реконструкцию (Рис. 1, 6, 7). Передняя лука здесь близка в общих чертах кудыргинской (Рис. 3, 1), но не ясна степень её наклона, который, судя по способу и месту крепления луки, был направлен наружу. Задняя лука получилась несколько шире, чем луки из Сивашовки и Бородаевки, но по расстоянию между концами она могла быть даже более широкой. По сравнению с седлами из Сивашовки и Бородаевки ленчик укороченных пропорций (Рис. 1, 8), сходный с пропорциями седла № 1 шиловского рисунка (Рис. 2, 5); лопасти выделены, но передний конец полки обломан. Также новая деталь — сиденье выделяется контуром не только в месте крепления задней, но и передней луки. Последняя, судя по расположению отверстий для крепления, была изготовлена из тонкой дощечки и закреплялась вертикально в силу посадки седла с небольшим наклоном вперёд. На изображении костяной накладки передней луки видны подхвостный ремень и контурно центральная подпруга, но передняя часть лошади отсутствует, поэтому не ясно, не было ли и нагрудного ремня.

Наконец, следующий хронологический горизонт Галиат-Геленовка (около 725–740 гг.) связаны два седла из Галиатского склепа (Крупнов, 1938. Рис. 2; Конь и всадник ..., 2003. Кат. 110), датированного не ранее 700/701 г. арабским дирхемом ал-Басры. Отметим сразу, что сбруйные комплекты склепа несколько асинхронны, поскольку «восьмёркообразные» стремени горизонта Вознесенки

сочетаются с уже классическими раннесалтовскими аркообразными. Седла различаются по пропорциям: ленчик одного длинный, близкий седлу из Бородаевки (Рис. 1, 5), второго укороченный (Рис. 1, 3); лопасти выделены, но у данного седла ширина лопасти аналогична лопастям седел из Бородаевки и Чир-Юрта, тогда как у короткого значительно уже; сиденье, так же, как и у седла из Чир-Юрта, выделено утолщение полки как в районе задней, так и передней луки. Длинное седло сохранилось в разобранном состоянии, поэтому А.А. Гаврилова и посчитала его заднюю луку (Рис. 1, 4) передней (Гаврилова, 1965. Рис. 17, 3). На самом деле от задней луки второго седла (Рис. 1, 2) её отличают только длина концов, пропорциональная длине самого седла. Обе задние луки широкие, наклонные, с аркообразным вырезом по центру. Однотипны согласно Е.И. Крупнову и передние луки, хотя о луке длинного седла у нас, к сожалению, нет информации. Лука укороченного седла массивная, подтрапцевидная, посажена с наклоном вперёд (Рис. 1, 1). В смонтированном состоянии передняя лука несколько выше задней.

Как видим, выборка восточноевропейских седел VII — 1-й пол. VIII вв. в нашем распоряжении пока невелика, но её ценность в достоверной хронологии.

По пропорциям ленчиков выделяются два варианта седел: «длинные» — Сивашовка, Бородаевка, Галиат-1 (Рис. 1, 5, 13, 16), Шиловка-3, 4 (Рис. 2, 2, 3); и «короткие» — Чир-Юрт, Галиат-2 (Рис. 1, 3, 8), Шиловка-1, 2 (Рис. 2, 4, 5). Трудно сказать, чем вызваны эти различия, но в первом варианте представлено несомненно боевое седло из Сивашовки, тогда как во втором — парадное седло из Чир-Юрта. Конструкция деревянных полок также разбивает седла на две группы: I — седла из Сивашовки и Бородаевки; II — к. 17 Чир-Юрта и галиатские седла с утоньшением не только заднего, но и переднего края полок. Учитывая, что во второй группе оказались только седла VIII в., вполне возможно, что это хронологический показатель.

По форме передней луки в первый вариант выделяется реконструированная наклонная лука седла из Сивашовки (Рис. 1, 14). Внешне ей близка массивная лука галиатского седла

(Рис. 1, 1), которая также слегка наклонена вперёд, но по конструкции ей несомненно ближе луки из тонких дощечек. Из последних наклон вперед с небольшим изгибом, возможно, имела лука седла из к. 17 Чир-Юрта, но она ближе ко второму варианту. Второй вариант представляют дуговидные тонкие луки седел из Бородаевки, Перещепины и к. 1 Шиловки (Рис. 1, 9, 11; Рис. 2, 1, 4); третий — массивные подтрапцевидные вертикальные луки седел из Галиата (Рис. 1, 1).

По форме задней луки выделяются две группы: с узкой дуговидной слегка наклонной назад лукой — Сивашовка, Бородаевка, Перещепина (Рис. 1, 10, 12, 15) и с более широкой выступающей лукой — к. 17 Чир-Юрта, Галиат (Рис. 1, 2, 4, 7). Но по конструкции деление на варианты всё же другое.

Вариант 1 — узкие луки из Сивашовки и Бородаевки (Рис. 1, 12, 15). Такие луки не служили опорой для спины и лишь фиксировали подушку седла.

Вариант 2 — более высокие луки с выступающей над подушкой частью, декорированной металлическими или костяными накладками из Перещепины и к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 7, 10). Сходство луков из этих двух комплексов подчёркивает и редкая форма концов накладок из Чир-Юрта, которую наблюдаем и в обжимке края большой накладки на луку из Перещепины (Рис. 1, 9).

Третий вариант — крупные наклонные луки с вырезом по центру из Галиата (Рис. 1, 2, 4). Такие луки крупнее передних, но по высоте оказывались ниже. Хронологические изменения здесь читаются в три этапа: небольшие луки седел из Сивашовки и Бородаевки, затем более высокие и широкие луки из Перещепины и Чир-Юрта, сменяющиеся ещё более крупными луками из Галиата. Второй вариант объяснения разницы в конструкции луков между первыми двумя группами седел может сводиться к их назначению. Вторая группа несомненно парадная, тогда как первая, судя по седлу из Сивашовки, — боевая. В этой связи, невысокая задняя лука создавала более благоприятные условия для джигитовки, важной в бою для уклонения от копейных и сабельных ударов.

Как видим из хронологической таблицы (Рис. 1), меньше всего изменений в VII — 1-й

пол. VIII вв. претерпела форма ленчиков, в VIII в. усложнилась лишь конструкция переднего края полок под крепление нового типа передней луки. Сама передняя лука прошла эволюцию от тонкой изогнутой наклонной вперёд, до практически вертикальной массивной подтрапециевидной, пройдя этап вертикальной дуговидной. Эволюция же задней луки постепенно превратила символический невысокий фиксатор седельной подушки в широкую наклонную заднюю луку, оказывавшую небольшую поддержку для поясницы и бедер.

Все рассмотренные восточноевропейские седла VII — 1-й пол. VIII вв. в целом принадлежат к одному типу, в рамках которого выделяются хронологические варианты по форме передней и задней луки. Какова позиция этого типа седла на фоне седел синхронных соседних культур и более ранних периодов?

Версия А.К. Амброза о существовании седла «кокзельского» типа уже в гуннское время (Амброз, 1979), основанная на ошибочной и во многом эмоциональной реакции на статью А.В. Дмитриева (Дмитриев, 1979), судя по возвращению самого автора к прежним взглядам в следующей работе (Амброз, 1981), стала лишь эпизодом в историографии. Реальное седло V — 1-й пол. VI вв. убедительно реконструировано по материалам могильника Дюрсо А.В. Дмитриевым (Дмитриев, 1979. Рис. 5). Во 2-й пол. VI в. новый тип «северновэйского» седла принесли в Европу авары. Короткий прямой ленчик с лопастями при высоких массивных передней и задней луках позволяли использовать такое седло лишь в сочетании со стременами, которых пока не найдено ни в одном из восточноевропейских погребений 2-й пол. VI — 1-й пол. VII вв. Как это ни парадоксально, но стремян не найдено и ни в одном из кочевнических комплексов 2-й пол. VII — нач. VIII вв. с жесткими седлами, за исключением Перещепины. Столь явная закономерность подсказывает использование кочевниками архаичной техники бесстремянной езды, сохранявшейся в это время у алтайских тюрков (Вайнштейн, 1966. С. 66), и даже в Китае (Chirshman, 1962. Pl. 447; Yetts, 1927). «Местная» европейская эволюция седла с лопастями, созданными для удобства посадки в седле со стременами, в такой ситуации совер-

шенно невозможна, причём даже у авар к началу II среднеаварского периода наблюдаем всё тот же модифицированный тип «северновэйского», а не «танского» седла.

На византийской мозаике нач. VI в. со сценой охоты из Антиохии (Art through fifty centuries..., 1948. Fig. 19) один из всадников изображен со сложным рефлексирующим луком, несомненно заимствованным у кочевников, но следов ни передней, ни задней лук седла не наблюдается ни на одном из изображений. Это свидетельствует о продолжении использования византийцами до VI в. мягкого римского седла (см: Connolly, van Driel-Murray, 1991). Но уже на мозаике 578 г. из Киссуфима перед всадником схематически изображена возвышающаяся передняя лука (Cradle of Christianity, 2000. P. 79). Более чётко массивная вертикальная передняя лука изображена на египетской фреске VI–VII вв. из Бауита (Byzantine women..., 2003. Fig. 24). Её форму можно представить по прорезной золотой накладке 2-й пол. VI в. (Rom und Byzanz..., 1998. Kat. 163), крепившейся на массивную высокую вертикальную луку. На известном шёлковом изображении из Мозака, датировавшемся разными исследователями от VII–VIII до X–XI вв. (Pierce, Tyler, 1936. Pl. IIc; Byzance, 1992. Kat. 132), а согласно исследованиям А. Мутесиус относящемся к VIII в. (Muthesius, 1997. P. 175), видна более легкая изогнутая вертикальная передняя лука, крепившаяся к полкам спереди, и невысокая наклонная задняя. Ещё ниже высота передней луки на изображении из Маастрихта VIII–IX вв. (Muthesius, 1997. Fig. 21b). Задняя лука на рисунках тканей и фресок VI–VII вв. практически не заметна, лишь на тканях VIII–IX вв. она слегка выделена или же достигает половины высоты передней (Byzance, 1992. Kat. 132; Muthesius, 1997. Fig. 25a; 25b; 26a).

Ни на одном из известных нам изображений византийских всадников VI–IX вв. не обозначены выступающие лопасти седла, их наличие можно подозревать разве только на шёлке из Милана (VIII–IX вв.) (Muthesius, 1997. Fig. 25a). Византийская конструкция жёсткого седла, судя по времени его появления и типу передней луки скорее всего заимствована у авар, подражание снаряжению

всадника которых прямо засвидетельствовано в «Стратегиконе» Псевдомаврикия (Маврикий, 1903. Кн. 1, гл. 2). И, показательно так же, как и у авар, эта конструкция претерпела мало изменений со 2-й пол. VI до IX в. Единственный вопрос, который остаётся открытым и для аварского, и для византийского седла: включала или конструкция ленчика лопасти?

Близкой византийской, судя по накладкам на переднюю луку из п. 5 Носера Умбра и п. 119 Капель Тросино (*Magistra Barbaritas...*, 1984. Fig. 117; 415), в VII в., возможно, было лангобардское седло. Но в 1-й пол. VI в. лангобарды ещё пользовались «гуннским» седлом с характерными для него обкладками (*Magistra Barbaritas...*, 1984. Tav. IV); позже, как от том свидетельствует изображение оседланной лошади короля Ротаря в рукописи XII в. (*Magistra Barbaritas...*, 1984. Fig. 47), у лангобардов закрепился тип седла с прямыми полками, вертикальной передней и слегка отогнутой назад задней лукой приблизительно той же высоты. Массивная высокая задняя лука, а также полки без лопастей, указывают на происхождение этого типа седла от «гуннского», что делает возможность византийского или аварского влияния минимальным.

На изображениях персидских царей V–VII вв. видны седла с дуговидной передней лукой средней высоты с вертикальной посадкой или с небольшим наклоном назад, крепившаяся к полкам спереди; задняя же лука, судя по её неприметности, лишь фиксировала подушку (*Splendeur des Sassanides*, 1993. Fig. 63; kat. 49; 61). Существует и вариант более массивной передней луки, посаженной вертикально, но загнутой вперёд, отмеченный как в раннесасанидское время, так и в нач. VIII в. (*Splendeur des Sassanides*, 1993. Kat. 50; 54). И лишь на блюде постсанидского времени, имитирующей изображение одного из раннесасанидских царей (*Splendeur des Sassanides*, 1993. Fig. 135), а также на одной из ранних гемм (*Chirshman*, 1962. Pl. 295d) наблюдаем седло с одинаково высокими передней и задней луками, слегка наклонными назад. Похоже, что персы уже в V в. отказались от ограничивавшей свободу движения массивной задней луки, и в таком виде седло просуществовало без изменений до времени Хосрова II. С бородаевским седлом (Рис. 1,

13) персидское седло сходно невысокой, фактически символической задней лукой, а также дуговидной формой передней. Сивашовскому же седлу (Рис. 1, 16) близка наклонная передняя лука изображения нач. VIII в. (*Splendeur des Sassanides*, 1993. Kat. 54). Но в то время, как на восточноевропейских седлах передняя лука крепилась на деревянные полки сверху, в сасанидском седле она скорее крепилась спереди; открыт и вопрос наличия лопастей на ленчиках персидского седла.

Наиболее подробно эволюция седла разработана для китайских материалов (Вайнштейн, 1966; 1990; Вайнштейн, Крюков, 1984; Амброз, 1973; Goodrich, 1984; 1986). В эпоху второго царствования династии Цинь (265–420 гг.) широко распространяется высоко посаженное деревянное седло в виде двух прямых полок с очень высокими сплошными дуговидными луками равной высоты (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 8–11). «Циньское» седло с успехом использовалось в Корее до VI в., а в Японии — до VII в. (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 12; 13). Тип передней луки этого седла известен благодаря аналогичным археологическим находкам в Корее (Goodrich, 1984. Pl. II) и в Японии (Kidder, 1987. Abb. 2; 3). Но в Китае к сер. VI в., как свидетельствует о том изображение 554 г. времени правления Северного Вэй, возникает новый тип седла с коротким ленчиком с плоскими лопастями, названный А.К. Амброзом «вэйским» (правильнее: «северновэйским») типом (Амброз, 1973. С. 96; Рис. 2, 15; 5, 3).

«Северновэйский» тип седла использовался как минимум до нач. VII в. (Dien, 1981. Pl. XXI), но уже к 576 г., в конце эпохи Северного Вэй, в Северном Китае появился тип седла с наклонной вперёд высокой передней лукой и более низкой задней (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 15), которое в таком случае, чтобы отличить от «северновэйских», можно назвать «суйским» по началу новой династии с 581 г. Серия китайских статуэток с изображением похожего седла с очень высокой наклонной передней лукой и невыделенными лопастями довольно многочисленна, хотя часть их несомненно относится к эпохе Тан (Hobson, 1919. Pl. IIC; Jayne, 1930; Yetts, 1947. Pl. D и др.). По мнению С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, археологическим экви-

валентом такого седла могло быть тюркское деревянное седло «кокэльского» типа (к. 2 Кокэля) (Вайнштейн, Крюков, 1984. С. 129), но этому противоречит не только датировка кокэльских погребений, но и высокая передняя лука, которую не наблюдаем в кокэльских седлах. «Заглянуть под попоны» лошади мы, разумеется, не в состоянии, но на рисунке бросаются в глаза несколько конструктивных элементов седла: высокая широкая наклонная передняя лука, невысокая, но достаточно широкая наклонная задняя лука, а также отсутствие даже контурного намёка на выступающие в стороны отогнутые лопасти; ленчик выглядит прогнутым, но скорее этот результат достигнут наложением подушки на переднюю и заднюю луки (Рис. 3, 12). Археологическим эквивалентом такого седла, на наш взгляд, может быть тюркское седло из к. 1 Кара-Куджура на Тянь-Шане (Рис. 3, 11), а аналогией передней луке — также накладка из к. 54 Улуг-Хову (Рис. 3, 10), даже несмотря на его явно более позднюю датировку (Кызласов, 1979. С. 136; Рис. 93, 1; 96, 2). В тюркской изобразительной традиции такое седло схематически прорисовано на валуне из могилы 16 Кудыргэ (Гаврилова, 1965. Табл. VI, 2).

Следующие изменения в типе китайского седла связанные в первую очередь с появлением отогнутых в стороны лопастей, фиксируются барельефами на гробнице императора Тай-Цзуна в Чаолине (заложенной в 637 г.), использованных как опорные в своих классификациях С.И. Вайнштейном, и А.К. Амброзом. Прорисовывая седла боевых лошадей Тай-Цзуна, исследователи получили заметно различающиеся результаты: у С.И. Вайнштейна — седло с сильно наклонной вперёд изогнутой передней лукой (Вайнштейн, 1966. Рис. 7, 15), а у А.К. Амброза — с ровной слегка наклонной лукой с вертикальной посадкой (Амброз, 1973. Рис. 2, 22). Причиной, скорее всего, стало не существование 6 разных барельефов, детали седел на которых различаются не настолько заметно, а копии оригинальных барельефов 637 г. Создание копий — вопрос запутанный, которому посвящено несколько специальных исследований (Waley, 1923; Fernald, 1935). Согласно письменным источникам, оригинальные стелы, поставленные Тай-Цзуном в Чаолине в 637 г., были ско-

пированы в натуральную величину и в более мелких табличках в 1089 г. по приказу Ю Ши-сюна, в процессе чего были использованы рисованные копии барельефов художника Йен Ли-Пена (ум. в 673 г.). Иногда копии просто приписывают Йен Ли-Пену (Sherman, 1966. Pl. 336), но прямых данных об этом нет. Рисунки Йен Ли-Пена (вероятно, схематически скопированные на «стеле Ю Ши-сюна» (Fernald, 1935. Fig. 7)) скорее всего понадобились, поскольку использовавшиеся при копировании чернильные отпечатки барельефов на бумаге не могли адекватно отразить детали (ср. «псевдоотпечатки»: Fernald, 1935. Fig. 5; 6).

Стела лошади «Неожиданная роса» из Филадельфийского музея (Fernald, 1935. Fig. 4), седло с которой совпадает с «танским» А.К. Амброзом, полностью копирует разрушенный памятник, но отличается от оригинала (Kummel, 1921. Taf. 20; Fernald, 1935. Fig. 3; Grousset, 1951. Pl. II, 14) в мелких деталях изображения, в том числе в передаче седла. Копиист барельефа не понял форму передней луки седла, накрыв её какой-то попоной и обмотав поводом. Его лука оказалась посаженной на полки вертикально, что в обычном положении седла даёт её небольшой отгиб назад. Очевидно, такой должна быть высокая дуговидная лука (Рис. 3, 4, 6). Изменение формы луки оригинального барельефа несомненно связано со стереотипным пониманием седла копиистом, попытавшегося отразить седло приближенным к его эпохе. Показательны в этом плане так называемые «псевдоотпечатки» стел (Fernald, 1935. Fig. 5; 6), где среди прочих неточностей нарисованы обычные для XII–XIV вв. стремяна (хотя седла как раз переданы с наклонной лукой). Седло с наклонной задней лукой и вертикальной передней можно увидеть на статуэтке из коллекции С.Х. Шоха, датированной на основании иконографических деталей эпохой Вэй (March, 1934. P. 18), и на близкой к ней статуэтке из лондонской галереи Хью М. Мосс, датированной уже на основании термо-люминисцентного анализа концом VII — нач. VIII в. (Watson, 1970. Fig. 70). Очень короткое седло с вертикальной лукой изображено на статуэтке лошади, также раскрашенной в «стиле Вэй», но датированной временем ранней Тан (Галерея Марка Ричардса, Лос-Анджелес,

лот № 2618 \ 2005 г.). Седло с более высокой и массивной передней лукой видим на статуэтке нач. VIII в. (Watt, 1990. Fig. 82). Как видим, седло с вертикальной передней лукой действительно существовало во 2-й пол. VII — 1-й пол. VIII в. На «стеле Ю Ши-сюна» (Fernald, 1935. Fig. 7) «Неожиданная роса» изображена с седлом с вертикальной лукой, также, как и другие две лошади, повернутые головой влево. Зато у лошадей, повернутых головой вправо, все луки наклонены вперёд. Такое искажение, очевидно, отражает позицию художника при рисовании, обусловленную особенностями Чаолинского камплекса (ср. ракурс фотографии М. Шаванна (Fernald, 1935. Fig. 3). Учитывая, что рисунки лошадей на стеле Ю Ши-сюна с высокой долей вероятности копируют рисунки Йен Ли-Пена, их создание действительно может быть отнесено к 50–60-м гг. VII в.

В определённом смысле это реабилитирует использование А.К. Амброзом седла с вертикальной передней лукой как отражающего реалии Танской эпохи, но несколько корректирует его хронологическую позицию по сравнению с седлами барельефов 637 г. Последние С.И. Вайнштейн выделил в тип III, а их археологическим эквивалентом посчитал седло из к. 2 Кокэля и «короткое» седло из Галиата (Вайнштейн, 1966. Рис. 7, 8–10, 18–20). А.К. Амброз при реконструкции деревянной основы «танского» седла использовал всё то же седло из к. 2 Кокэля (Амброз, 1973. Рис. 5, 4), что, в сумме, вывело исследователей к общему знаменателю, правда, путем игнорирования очевидной разницы в типе и высоте передней луки седел барельефов и седла к. 2 Кокэля.

Все седла с барельефов гробницы Тай-Цзун действительно сближает с кокэльским из к. 2 форма деревянных полок — это ленточки укороченных пропорций с лопастями, без прогиба по центру (Рис. 3, 5, 8) или же с возможным небольшим прогибом (Амброз, 1973. Рис. 5, 4). Точную форму задних луков по изображениям в профиль установить уже невозможно, но по ширине они кажутся уже кокэльских и галиатских, а это, как мы установили для восточноевропейских седел, может служить хронологическим показателем. Общим моментом в конструкции луков седел с

чаолинских барельефов и их копий является более высокая передняя лука, но их форма различается. На барельефе лошади «Неожиданная роса» седло изображено с высокой изогнутой трапецевидной лукой, наклонённой вперёд (Рис. 3, 9). Однотипные луки, но несколько ниже, изображены и на барельефах других лошадей (Strzygowski, 1930. Ill. 625). По наклону и изогнутости они близки луке седла из Сивашовки (рис. 1, 16), но реконструируемая лука «танского» седла (Рис. 3, 10, 11) оказывается намного ближе более архаическим лукам седел из к. 1 Кара-Куджура и к. 54 Улуг-Хову (Рис. 3, 7).

Форма вертикальных луков копий (Fernald, 1935. Fig. 7) близка бородаевской и реконструированной нами луке седла из к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 6, 11). Хорошо видно, что крепились они к полкам, так же, как луки из Бородаевки и к. 17 Чир-Юрта, сверху, вплотную к началу лопасти. Учитывая, что при принадлежности копий Йен Ли-Пену от даты создания оригиналов их отделяло всего 30 лет, речь идет об изменениях, случившихся не позднее 50-х гг. VII в.

Таким образом, несмотря на схожесть типа ленточков, седла с чаолинских барельефов и их копий по форме передних из задних луков не могут быть тождественны седлам из к. 2 Кокэля и Галиата, будучи, в то же время, близки более ранним седлам из Сивашовки, Бородаевки и к. 17 Чир-Юрта.

Ещё одно седло близкого типа известно по скульптуре из Восточного Туркестана (Вайнштейн, 1966. Рис. 6; 1990. Рис. 100, 5). По типу стремян статуэтка датируется широко VIII–IX вв., но появляются близкие стремени впервые на изображении 708 г. (Амброз, 1973. Рис. 2, 28). У рассматриваемого седла (Рис. 3, 3), всё те же укороченные ленточки с лопастями, но от седел 637 г. их отличает сильный прогиб полок (Рис. 3, 2), наблюдаемый на одном из галиатских седел (Рис. 1, 3). Задняя лука высокая, наклонная, так же, как и передняя. Форма последней, очевидно, близка кудыргинской (Рис. 3, 1), а выполнена она из тонкой прогнутой дощечки и закреплена так же, как и в седле из к. 17 Чир-Юрта, у края лопасти. У данного седла по сравнению с седлами из Галиата и к. 2 Кокэля, более архаичная форма передней луки, хотя в целом они близки.

Если совместить хронологические колонки китайского и восточноевропейского жесткого седла VII — 1-й VIII вв., седла из Сивашовки и Бородаевки (Рис. 1, 13, 16) окажутся близкими соответственно седлам с оригинального изображения 637 г. (Рис. 3, 9) и седлу с копии чаолинских барельефов 60–70-х гг. VII в. (Рис. 3, 6). Отличия европейских седел заключаются в длине и сильным прогибе деревянных полок ленчика, а также в высоте передней и задней лук, которые у китайских седел значительно выше. Эти различия хронологические и маркируют чуть более позднюю временную позицию обоих европейских седел по сравнению с китайскими. Седло из к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 8) ближе всего седлу статуэтки VIII в. из Восточного Туркестана (Рис. 3, 3), а галиатские седла (Рис. 1, 3, 5) уже аналогичны по конструкции тюркскому седлу из к. 2 Кокзеля.

Сравнение византийских, персидских, аварских, лангобардских, тюркских и китайских седел VI–VIII вв. с седлами восточноевропейских кочевников обнаруживает, что эволюция последних во 2-й пол. VII — 1-й VIII вв. в целом совпадает с развитием тюркских и китайских седел, а сам новый тип жесткого седла в Восточную Европу проникает в сер. VII в. (не раньше 40–50-х гг.).

Собственно, констатацией этого факта можно было бы и закончить данный небольшой очерк, но появление статьи А.В. Симоненко (Симоненко, 2004), аргументирующей существование жесткого седла уже в сарматское время, вносит в проблему довольно неожиданную струю. Дело в том, что практически точная изобразительная аналогия ленчикам седла из Сивашовки (Рис. 1, 16) происходит ещё из комплекса хуннского времени Сибирка на Горном Алтае (I в. до н.э. — I в. н.э.) (Рис. 3, 13, 14), причём это седло А.В. Симоненко считает имеющим деревянную основу (Симоненко, 2004. С. 225; Рис. 1, 8).

Гипотеза о том, что жесткое седло в Северном Китае является тюркским заимствованием, далеко не нова. Предположив, что этот тип седла непрерывно развивался на Алтае с I в. до н.э. до VII в. н.э., причём он не попал в Европу ни с гуннской миграцией IV в., ни с миграцией авар середины VI в., мы вынуждены будем связать его появление здесь в VII в. с

военной активностью Западно-Тюркского каганата 20-х гг. VII в. Дело, собственно, за малым — найти археологические следы использования сарматами или хуннами деревянной основы седла. В противном случае эволюцию жёсткого седла у тюрков и китайцев придётся считать синхронной и взаимосвязанной, а появление в Восточной Европе жесткого седла с отогнутыми лопастями и глубоко прогнутыми ленчиками, более развитого по сравнению с китайскими барельефами 637 г. (учитывая, что после 630–632 гг. прямые связи Восточной Европы с Западно-Тюркским каганатом были разорваны) приходится связывать с новой восточной волной кочевников 2-й пол. VII в., вызванной экспансией Хазарского каганата.

Сходство формы ленчиков сивашовского седла и седла изображения из Сибирки находит на другой вариант объяснения, кроме их генетической связи. Форма седла эволюционировала в направлении максимального удобства для всадника, пребывающего целый день в седле. Появление выступающих лопастей ленчиков совпало с заменой левой подножки на парные стремяна, что обеспечивало всаднику другой тип посадки с постоянно полусогнутыми ногами. Свободное свисание ног в седле с лопастями было неудобным, поэтому езда на таком седле без стремян должна быть проблематичной. Но, как это ни парадоксально, восточноевропейские кочевнические комплексы горизонта Сивашовки вообще лишены стремян; не было их и ни в одном из рассмотренных погребений с остатками деревянных седел (Сивашовка, Бородаевка, Шиловка, к. 17 Чир-Юрта), ни в подкурганном комплексе из Павловки, где также найдено деревянное седло (Багалея, 1905. С. 85); и только в наиболее богатом комплексе группы из Перещепины седло сочеталось с парными стремянами. Предположение, что это специфическая деталь погребального обряда, опровергают изображения лошадей на обкладке лук седла из Шиловки, где изображена только подпруга, а контуров путлища нет (Рис. 2, 1). С.И. Вайнштейн также обратил внимание на рисунок на луке седла из м. 9 Кудырге, где ноги всадников свисают свободно, хотя в этом же погребении найдены стремяна (Вайнштейн, 1966. С. 66). Единичны находки стремян VII в. и во всём ареале Западно-Тюркского кагана-

та. Похоже, в русле западнотюркских традиций, восточноевропейские кочевники до нач. VIII в. действительно практиковали технику бесстремянной езды, даже на приспособленном для езды со стременами жестком седле с лопастями. Ради справедливости, отметим, что позволило последнее, очевидно, только появление во 2-й пол. VII в. глубокого прогиба ленчиков (Сивашовка, Бородаевка), сходного с прогибом седла на изображении из Сибири (Рис. 3, 14). Независимо от того, являлось ли последнее жестким или мягким, сходная посадка всадника предполагает сходную технику верховой езды, практиковавшуюся какой-то группой населения алтайского происхождения.

Широкое внедрение в VIII в. стремян привело к изменению посадки всадника. Возвышающееся над холкой ещё в традиции «цинских» седел, седло «танского» типа постепенно стало «деволюционировать». Его полки раздвинули, что обеспечило более глубокую и устойчивую посадку самого седла, следствием чего стала и замена глубоко прогнутого ленчика на практически ровные деревянные полки сначала с высокой передней лукой, а затем и задней. Уже к концу эпохи Тан седло перестало быть актуальным активно развивающимся нововведением, поэтому не удивительно, что к IX в. параллельно сосуществовали разные типы седел соответственно разной специализации лошадей.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. № 4.

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половине VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Багалец Д.И., 1905. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС. Т. I.

Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.

Вайнштейн С.И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3.

Вайнштейн С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1984. Седло и стремя // СЭ. № 6.

Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников Центральной Азии. М.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.

Гавритухин И.О., 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Гавритухин И.О., 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремённой гарнитуры) // Хазары. Иерусалим-М.

Дмитриев А.В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новоросийска // СА. № 4.

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоякова Н.А., 1997. Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. СПб.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. № 2.

Комар А.В., 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк.

Комар О.В., 2002. Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.

Комар А.В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.

Конь и всадник: взгляд через века. М., 2003.

Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. № 4.

Крупнов Е.И., 1938. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов // ВДИ. № 2.

Кызласов Л.П., 1979. Древняя Тува. М.

Маврикий, 1903. Тактика и стратегия. СПб.

Магомедов М.Г., 1975. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника // СА. № 1.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья — IV–XIII века. Воронеж.

Симоненко А.В., 2004. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.

Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. Вып. XVII. Саратов.

Art through fifty centuries (from the the collections of the Worcester Art Museum). Worcester., 1948.

Byzance., 1992. L'Art Byzantine dans les collections publiques francaises. Paris.

Byzantine women and their world. New Heaven, 2003.

Connoly P., van Driel-Murrey C., 1991. The Roman Cavalry Saddle // Britannia. Vol. 22.

Cradle of Christianity., 2000. Jerusalem.

Chirshman R., 1962. Iran. Parthese Sassanides. Gallimard.

Dien A.E., 1981. A Study of Early Chinese Armour // Atribus Asiae. Vol. 43. № 1/2.

Fernald H.E., 1935. The Horses of T'ang Ta'i Tsung and the Stele of Yu // Journal of the American Oriental Society. Vol. 55. № 4.

Goodrich C.H., 1984. Riding Asrtide and the Saddles of Ancient China // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 44. № 2.

Goodrich C.H., 1986. The Saddles of the Bronze Horses of Lei-t'ai // Journal of the American Oriental Society. Vol. 106. № 1.

Grousset R., 1951. La Chine e son Art. Paris.

Hobson R.L., 1919. The Eumorfopoulos Collection IV: Pottery from Han to T'ang // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 34. № 195.

Jayne H.H.F., 1930. Note on Chinese Pottery Horses // Parnassus. Vol. 2. № 6.

Kidder J., 1987. The Fujinoki Tomb and Its Grave-Goods // Monumenta Nipponica. Vol. 42. № 1.

Kummel O., 1921. Die Kunst Ostasiens. Berlin. Magistra Barbaritas. I barbari in Italia. Milano, 1984.

March B., 1934. New pre-Sung pottery // Parnassus. Vol. 6. № 5.

Muthesius A., 1997. Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200. Vienna.

Pierce H., Tyler R., 1936. The Prague Rider-Silk and the Persian-Byzantine problem // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 68. № 398.

Rom und Byzanz. Shatzkammerstucke aus bayerischen Sammlungen. Munchen, 1998.

Splendeur des Sassanides. Bruxelles, 1993.

Strzygowsk J., 1930. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Augsburg.

Waley A., 1923. Ta'i Tsung's Six Chargers // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 43. № 246.

Watson W., 1970. Sui and T'ang Figurines and Vessels // The Burlington Magazine. Vol. 112. № 808.

Watt J.C.Y., 1990. The Arts of Ancient China.

Yetts W.P., 1927. The Exhibitions of Chinese Objects // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 51. № 297.

Yetts W.P., 1947. Chinese Ceramic Figures // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 89. № 530.

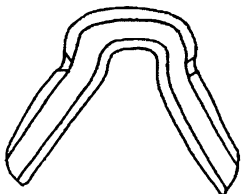
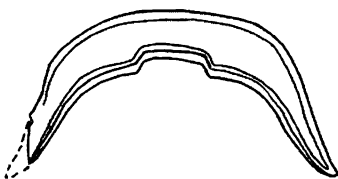
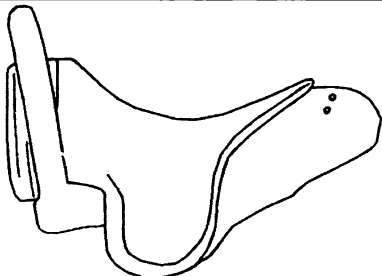
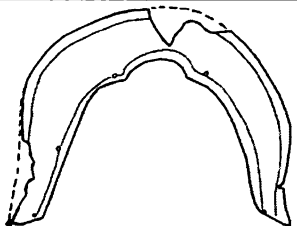
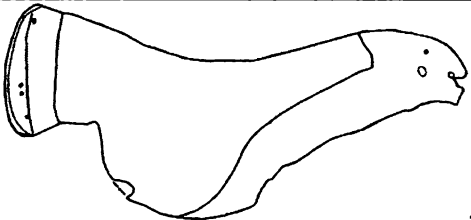
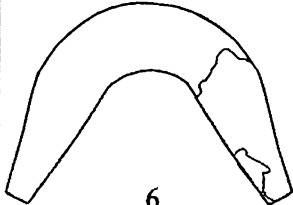
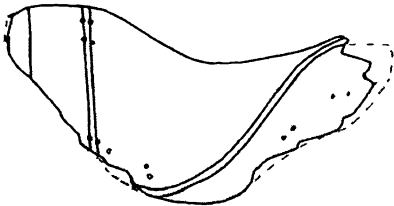
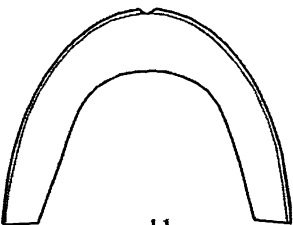
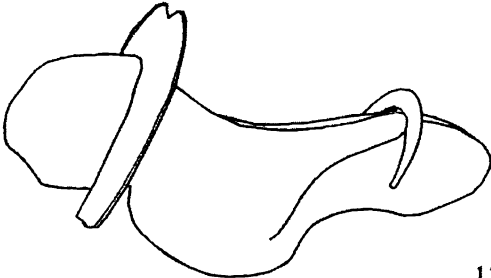
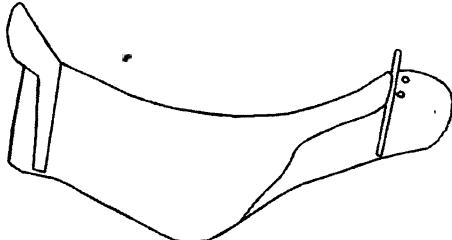
передняя лука	задняя лука	ленчик	
			1-я четверть VIII в.
			2-я четверть VIII в.
			нач. VIII в.
			3-я четверть VII в.
			4-я четверть VII в.
			3-я четверть VII в.

Рис. 1. Хронологическая таблица седел Восточной Европы VII — 1-й пол. VIII в.: 1–5 — Га-лиат; 6–8 — к. 17 Чир-Юрта; 9, 10 — Перещепина; 11–13 — п. 5 к. 9 Бородаевки; 14–16 — п. 2 к. 3 Сивашовки. 6, 7, 11, 12, 14–16 — реконструкция. Без масштаба

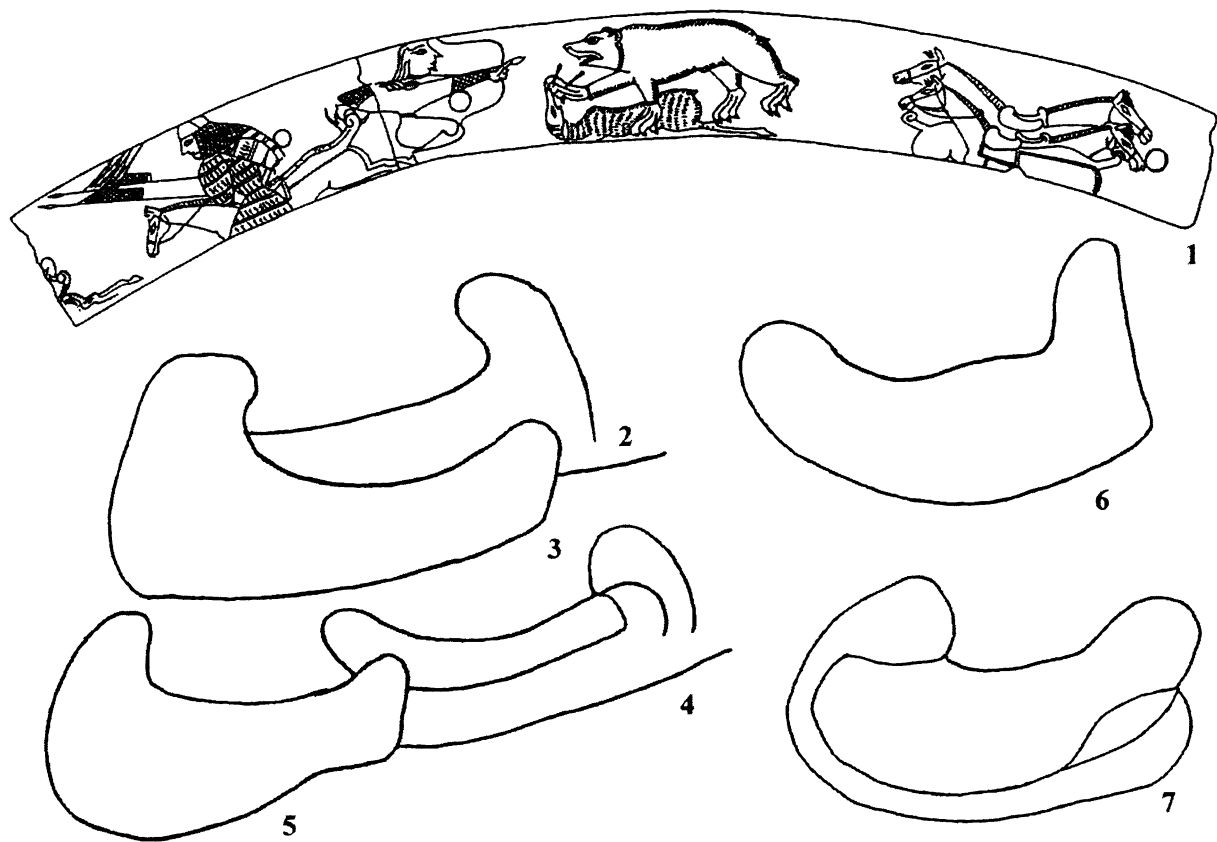

Рис. 2. Восточноевропейские седла VIII–IX вв. в изобразительной традиции: 1–5 — к. 1 Шилловки; 6, 7 — ковш из Коцкого городка. Без масштаба

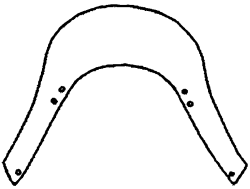
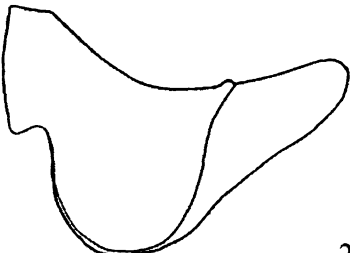
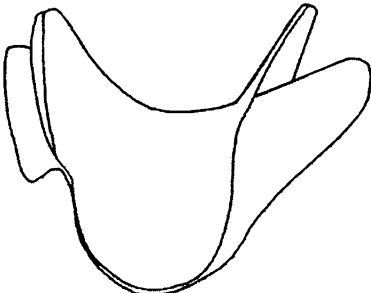
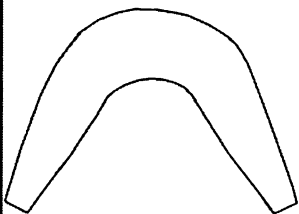
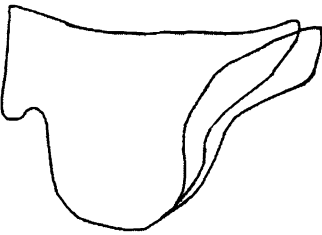
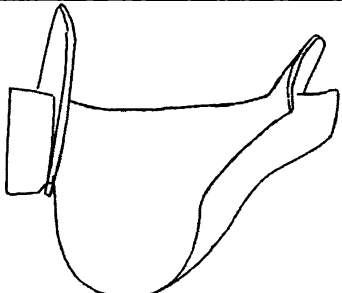
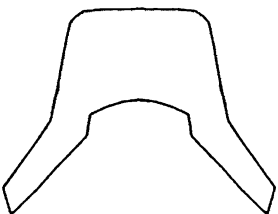
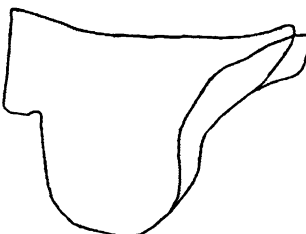
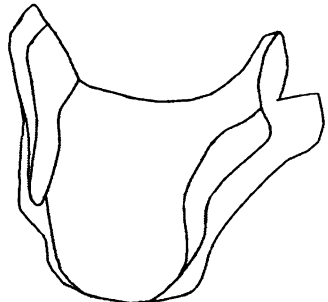
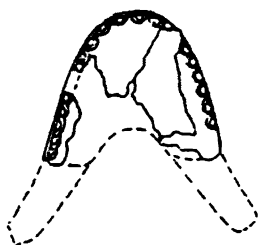
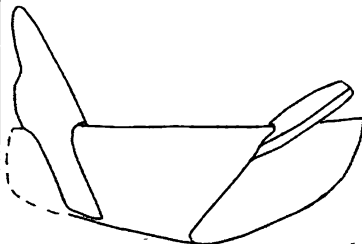
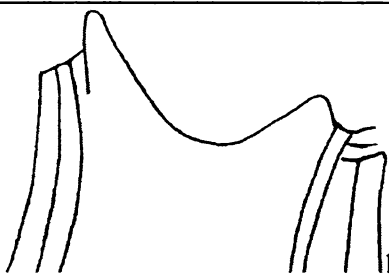
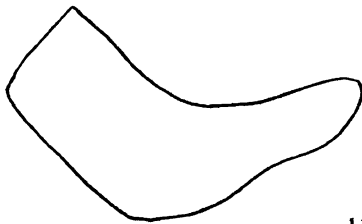
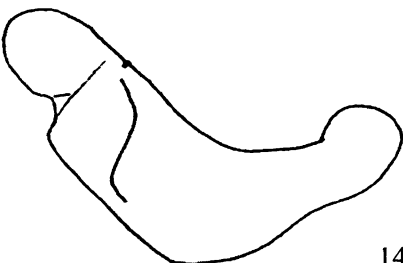
передняя лука	ленчик	седло	
 1	 2	 3	VIII в.
 4	 5	 6	
 7	 8	 9	637 г.
 10	 11	 12	576 г.
	 13	 14	I в. до н.э.

Рис. 3. Хронологическая таблица седел Китая VI–VIII вв. и их тюркские аналогии: 1 — м. 9 Кудыргэ (Алтай); 2, 3 — статуэтка из Восточного Туркестана, VIII в.; 4–6 — копии барельефов гробницы Тай-Цзуна в Чаолине, 60–70-е гг. VII в. (?); 7–9 — Чаолинь, 637 г.; 10 — к. 54 Улуг-Хову (Тува); 11 — к. 1 Кара-Куджур (Тянь-Шань); 12 — статуэтка из Северного Китая, 576 г.; 13, 14 — Сибирка (Алтай). 2, 4, 5, 7, 8, 13 — реконструкция. Без масштаба

А.В. Сазанов
(МГУ, Москва),
Ю.М. Могаричев
(Крымский филиал ИА НАНУ, Симферополь)

БОСПОР И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ В КОНЦЕ VII — НАЧАЛЕ VIII ВВ.

В одной из опубликованных недавно статей нами были рассмотрены археологические материалы так называемого «хазарского» слоя Керчи (Сазанов, Могаричев, 2003). Оказалось, что существующие на сегодняшний день археологические материалы не подтверждают концепцию о захвате хазарами Керчи в 679/680 гг. и принадлежности города хазарам в VIII — первой половине IX вв.

Обратимся к сведениям письменных источников, которые определяют конечное решение проблемы.

Боспор и Хазария по данным письменных источников.

Точка зрения о хазарской принадлежности Керчи в конце VII — первой половине VIII вв. основывается на данных письменных источников, подтверждающих захват Боспора хазарами (Никифор), называющих Черное море Хазарским (арабские географические сочинения), свидетельствующих об управлении Боспора хазарами (Никифор, Феофан) и упоминающих Боспор среди земель, подвластных кагану («Пространная редакция» ответа Иосифа). Рассмотрим подробно эти сюжеты.

Единственным автором, сообщаемым о хазарских набегах на земли по берегам Понта Эвксинского, является Никифор. Именно на него ссылаются исследователи, пишущие о захвате хазарами Фанагории и Керчи (Айбабин, 2000. С. 168).

Под 679/680 гг. Никифор помещает следующий широко известный пассаж: «...племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань...» (Чичуров, 1980. С. 162).

Страна Берилия или Берсилия по-разному локализуется исследователями: в районе Северного Дагестана (Магомедов, 1983. С. 177), Северо-Западном Прикаспии (Чичуров, 1980. С. 117), Восточном Прикаспии с частью Центрального и низовьями Волги (Новосельцев, 1990. С. 79), и, наконец, на средней Волге в районе Самарской Луки (Цукерман, 2002. С. 328). Последняя точка зрения была обоснована К. Цукерманом, который полагает, что традиционная концепция о северо-кавказском происхождении хазарской государственности столь же мало обоснована, как и идея о хазарском присутствии на Северном Кавказе в начале VII в.

Хазары пришли со Средней Волги и, вероятно, не одни. Быстрая политическая аккомодация с покоренными барсилами предполагает, что последние являлись частью хазарской орды, которая двигалась на юг. Хазарские завоеватели покорившие Северный Кавказ и

Понтийские степи, включали сильный барсилский компонент. В новой стране барсилы, несомненно, считались хазарами (Цукерман, 2002. С. 329).

Так или иначе, эта территория стала базой для набегов хазар на близлежащие территории. Принципиален вопрос о географии этих походов. В тексте Никифора «τὰ τοιαῦτα πάντα κατέδραμον χωρία τῆς ὑπὲρ Πόντου τὸν Εὐξείνιον γῆς καὶ φαλάττης ἐπέρασε μεφ' ὧν καὶ Βαϊανὸν ὑπεξούσιον ποιησάμενος εἰς ὑπαγωγὴν φόρων κατέστησε» есть три сюжета, позволяющих судить о направлении хазарских набегов. Первый — фраза о нападениях хазар на все селения земель за Понтом Эвксинским (ὑπὲρ Πόντου τὸν Εὐξείνιον), второй, что в результате этих походов хазары вышли к морю. Наконец, после этих набегов последовало подчинение Баяна. Принципиальны первые два. Итак, что это за земли за Понтом Эвксинским, и о каком море может идти речь?

Для выяснения этого вопроса обратимся к упоминаниям Понтийского моря у Никифора, которые содержатся в трех других местах текста его сочинения (Чичуров, 1980. С. 164, 166). В первом случае речь идет о событиях 711/712 гг., когда патрикий Стефан переправился через Черное море — διὰ τῆς Ποντικῆς φαλάσσης (Чичуров, 1980. С. 156), во втором и третьем повествуется о катастрофическом морозе 763 г., в результате которого «противоположный берег Эвксинского моря (τὴν ὑπερπόντιον τοῦ Εὐξείνου φάλασσαν) обледел и Понтийское море (τὴν Ποντικὴν τότε φάλασσαν) стало несудоходным (Чичуров, 1980. С. 158). На наш взгляд, крайне важен тот факт, что в одной из редакций (конъектура де Боора) фраза «за Понтом Эвксинским» передана тем же выражением ἐπέρεχε· τὰ τοιαῦτα πάντα καταδραμόν χωρία τῆς ὑπερποντίου τοῦ Εὐξείνου γῆς καὶ φαλάττης ἐπέρεασε) (Чичуров, 1980. С. 154). Это позволяет предпочесть все-таки конъектуру де Боора и перевести фразу о набеге хазар как «они подвергли нападениям все селения земель противоположного берега Эвксинского (моря) и достигли моря».

В любом случае ясно, что речь идет о Черном море — Понте Эвксинском.

Тогда получается, что хазары из района Северного Дагестана или Среднего Поволжья совершали набеги на селения, расположен-

ные на северном побережье Черного моря, к которому они в конце концов вышли. Однако о каком побережье идет речь — кавказском, крымском или вообще обоих? Сам текст Никифора не дает оснований для ответа на этот вопрос. Если дословно исходить из фразы «они подвергли нападениям все селения земель противоположного берега Эвксинского моря», то напрашивается вывод о набеге хазар как на кавказские, так и на крымские земли. Настораживает, однако, одно. В источнике не упоминаются города Боспора Киммерийского как земли, разоренные хазарами, причем это касается не только города Боспора (Керчи), но даже Фанагории, хотя эти пункты были хорошо известны источнику компиляции Никифора.

Информация других источников позволяет высказать три предположения о том, какие набеги хазар могли отразиться в рассматриваемой фразе Никифора. В «Истории халифов вардапета Гевонда» говорится о набеге хазар в Закавказье 684 или 686 гг., в результате которых пострадали Албания, Армения и Грузия (Гадло, 1979, С. 154). Вместе с тем у Никифора эти события помещены под 679/680 гг., что на четыре–шесть лет раньше даты, указанной в «Истории халифов вардапета Гевонда». Такое незначительное расхождение дат одного события у авторов с разной хронологической традицией представляется допустимым. Второй возможный вариант заключается в увязке с набегом 667/668 гг. на Закавказье гуннов, отождествляемых рядом исследователей с хазарами (Гадло, 1979. С. 139, 140).

Наконец, третий, на наш взгляд, наиболее достоверный вариант реконструкции событий связан с рассмотрением аналогичного места у Феофана. Под тем же 679/680 гг. он пишет: «Из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» (Чичуров, 1980, С. 37, 61).

Во-первых, обратим внимание, что в отличие от Никифора Феофан пишет не о разорении хазарами всех селений земель противоположного берега Понта Эвксинского, а том, что они господствовали на землях вплоть до Понтийского моря.

Во-вторых, и это главное, текст Феофана помогает прояснить место Никифора о зем-

лях противоположного берега Понта Эвксинского, попавших под власть хазар. У Феофана вместо τῆς ὑπερποντίου τοῦ Εὐξείνου γῆς Никифора стоит περατικῆς γῆς (Чичуров, 1980. С. 37). Аналогичное выражение ἐν τοῖς ἀρκτέοις περατικοῖς μέρεσι τοῦ Εὐξείνου πόντου Феофан употребляет в начале рассказа о событиях 679/680 гг. в следующем контексте: «В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, течет река Куфис и впадает в край Понтийского моря...» (Чичуров, 1980. С. 36).

Из приведенного отрывка ясно, что под противоположными частями Эвксинского Понта источник компиляции понимал земли по течению реки Куфис (Кубань) вплоть до ее впадения в море. Следовательно, хазары, выйдя с территории Берсии (Северный Дагестан или район Самарской Луки) подчинили земли по течению реки Кубань вплоть до ее впадения в море. Тогда становится понятным выражение Никифора φαλάττης ἐληρέασε «и достигли моря».

Наконец, и у Никифора, и у Феофана рассматриваемый пассаж продолжает рассказ о подчинении хазарами правителя первой Болгарии Батбаяна. У Никифора сказано: «Затем, подчинив Баяна, они (хазары. — А.С., Ю.М.) заставили его платить дань» (Чичуров, 1980. С. 162) (μεθ' ὧν καὶ Βαϊανὸν ὑπεξούσιον ποιησάμενος εἰς ὑπαγωγὴν φόρων κατέστησε) (Чичуров, 1980. С. 154); у Феофана — «[Этот народ] (хазары. — А.С., Ю.М.), сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» (Чичуров, 1980. С. 61) (καὶ τὸν πρῶτον ἀδελφὸν Βατβαϊᾶν, τῆς πρώτης Βουλγαρίας ἄρχοντα, ὑποτελῆ καταστήσας φόρους παρ' αὐτοῦ κομίζεται μέχρι τοῦ νῦν) (Чичуров, 1980. С. 37). Наиболее обоснованная локализация Великой Болгарии принадлежит И.С. Чичурову, который помещает её в Восточном Приазовье, т.е. как раз на предполагаемом маршруте хазарских набегов (Чичуров, 1976. С. 68, 77–80; 1980. С. 110).

Остается неясным вопрос, было ли подчинение Баяна результатом набегов хазар из Берсии, что может следовать из текста Феофана, или произошло чуть позже в результате отдельного похода, на что указывает Никифор.

При такой трактовке сведений письменных источников вырисовывается следующая картина. Хазары с территории страны Берсии, располагавшейся либо в Северном Дагестане, либо в районе Самарской Луки совершают набеги на земли по течению реки Кубань и выходят к морю в районе Восточного Приазовья. Во время этих походов или чуть позже хазары подчиняют болгар Батбаяна. Все указанные события локализуются в районе от Северного Дагестана — Среднего Поволжья до Восточного Приазовья. Ни в одном случае источники не содержат сведений о захвате хазарами города Боспора (Керчи). Все события происходили по другую сторону пролива, и, судя по отсутствию упоминаний о разрушении хазарами Фанагории, даже вне Таманского полуострова.

Таким образом, тексты источников не дают никаких оснований для весьма категоричного вывода А.И. Айбабина о том, что Боспор был одним из всех селений за Понтом Эвксинским, на которые, по словам Никифора, напали хазары, изгнавшие в 679/680 гг. орду Аспаруха за Дунай (Айбабин, 2000. С. 168). Попутно отметим обоснованность сомнений К. Цукермана в точной дате болгаро-хазарского столкновения (Цукерман, 2001. С. 332, сн. 79).

А.П. Новосельцев считал, что вопрос о хазарской власти в Крыму стоит особо. Как пишет исследователь, в VIII–IX вв. присутствие здесь хазар было столь значительно, что Черное море называлось Хазарским зафиксировано в сочинениях Ибн Хордадбега, аль-Масуди и ал-Мукаддаси (Новосельцев, 1990. С. 109, 158).

На наш взгляд, ситуация с этими упоминаниями не столь однозначна. Этникон ал-Хазар весьма широко использовался арабскими писателями. Однако отставание развития арабской литературы, «золотым веком» которой считается X в., от реальных событий истории, когда пик столкновений арабов с хазарами приходится на VII–VIII вв., отразилось в противоречивом толковании термина у ряда арабских писателей. По точному замечанию Т.М. Калининой, современный исследователь всегда должен помнить, что полученные сведения могут восходить совсем не ко времени жизни и работы сочинителя, а к гораздо бо-

лее ранней эпохе или к совсем иному, чем у арабов, кругу восприятия информации (Калинина, 2002. С. 50).

Как известно, в арабской географической традиции моря получали наименования по прилегающим местностям, что применительно к Черному морю, действительно названному Ибн Хордадбехом «морем ал-Хазар», подразумевает существование «земли ал-Хазар» на или вблизи черноморского побережья (Калинина, 1998. С. 87). Где же Ибн Хордадбех помещает хазарские земли?

У Ибн Хордадбега упоминаются хазарская столица Хамлидж (Ибн Хордадбех, 1986. С. 42), хазарские города Самандар, Баланджар, ал-Байда (Ибн Хордадбех, 1986. С. 109). Под Хамлиджем, как считает автор комментариев к переводу, скрывается название восточной части Итиля, куда столица Хазарии была перенесена в первой половине VIII в. (Ибн Хордадбех, 1986. С. 306). Ал-Байда, напротив — арабское наименование западной части того же города (Ибн Хордадбех, 1986. С. 307), Саманджар соответственно Семендер, первая столица Хазарии, а Баланджар — город севернее Дербента (Ибн Хордадбех, 1986. С. 302). Все эти города, по мнению исследователей, находились в районе от прикаспийского Дагестана (Беленджер и Семендер) до устья Волги (Итиль) (Магомедов, 1987. С. 26–60).

Об остальных владениях хазар Ибн Хордадбех пишет: «Город Самандар расположен за ал-Бабом. Все, что за этим (городом), в руках хазар» (Ибн Хордадбех, 1986. С. 109), и далее: «Областями Арран, Джурзан и ас-Сисаджан (до арабов) владели хазары» (Ибн Хордадбех, 1986. С. 108). Первое описание соответствует ареалу хазарских городов, вторая фраза свидетельствует о том, что хазары владели территорией Кавказской Албании (Арран), прилегающими к ней землями между Араксом и озером Севан (Ас-Сисаджан) и частью Грузии (Ибн Хордадбех, 1986. С. 298, 300).

Все эти данные позволяют локализовать Хазарию Ибн Хордадбега на территории от Закавказья — прикаспийского Дагестана до устья Волги. Именно такая локализация хазар отражена на карте, составленной переводчиком Ибн Хордадбега Н. Велихановой

(Ибн Хордадбех, 1986. С. 143). Ни о каких крымских и даже таманских землях, принадлежащих хазарам, источник не сообщает. Следовательно, название Черного моря «морем ал-Хазар» отражает расположение Хазарии на территории от устья Волги до Дагестана-Закавказья.

Отметим также, что хотя сочинение Ибн Хордадбега было написано в 80-х гг. IX в., само наименование Черного моря как моря ал-Хазар было перенято им у Муслима ал-Джарми и ал-Хуррами. Последний был выкуплен из плена в 845 г. и стал для последующих арабских географов главным источником сведений о Византии (Ибн Хордадбех, 1986. С. 279, 281; Калинина, 2002. С. 42). В любом случае название море «ал-Хазар» впервые появляется в арабских источниках в середине 80-х гг. IX в.

Как именовалось Черное море в более ранних арабских географических сочинениях? В «Книге картины Земли», относящейся к 836–847 гг. н.э., аль-Хваризми называет Черное море «морем Барки и Лазики», упомянутый им город ал-Хазар локализуется восточнее Хорезма (Калинина, 1998. С. 74, 75, 106). У ал-Фаргани в 833–861 гг. Черное море именуется «морем ар-Рум», т.е. Римским (Византийским) морем (Калинина, 1998. С. 137). Кроме того, несколько позже в 877–918 гг. ал-Баттани называет Черное море «Морем Бунтус», что является простой арабской передачей греческого Понтос (Калинина, 1998. С. 146), а в 902–945 гг. Сухраб вновь именует его морем ар-Рума (Калинина, 1998. С. 121).

Приведенные материалы не свидетельствуют об устойчивой традиции именовать Черное море — Хазарским, которую можно было бы рассматривать как отражение хазарского захвата Крыма и Кавказа, большей части северопричерноморского побережья. К тому же Черное море впервые называется хазарским лишь в середине 80-х гг. IX в.

Теперь необходимо выяснить, дают ли сведения письменных источников основание утверждать, что земли Крыма и Таманского полуострова в конце VII — первой половине VIII вв. были частью территории Хазарии?

Текстологический анализ дает однозначный ответ на этот вопрос. Никифор и Феофан не считают земли Крыма и даже Таманского

полуострова территориями Хазарии. Так, в 705/705 гг. Юстиниан находясь в Фанагории, «немедленно отправляет Феодору в Хазарию (ἐν Χαζαρίᾳ)» (Чичуров, 1980. С. 39, 63). Никифор сообщает о дальнейших событиях 706/707 гг.: «Юстиниан посылает в Хазарию (ἀπὸ Χαζαρίας) за своей женой Феодорой» (Чичуров, 1980. С. 156). Аналогичное место у Феофана — «Юстиниан послал флот, чтобы привезти из Хазарии (ἐκ Χαζαρίας) свою жену» (Чичуров, 1980. С. 40, 63).

Какие же территории они называли «Хазарией»? Ясного и географически четкого определенного ответа на этот вопрос нет. Никифор сообщает лишь о «далеких пределах земли хазар» (Чичуров, 1980. С. 158, 167). Практически единственная географическая зацепка — упоминание «гор Хазарии» τῶν ὄρέων Χαζαρίας», — Дарьяльского или Дербентского проходов Кавказского хребта, через которые повернул свои полки Маслама (Чичуров, 1980. С. 45, 68, 142). Видимо, речь идет о Северо-Западном Прикаспии. Именно на этой территории в тот период могла располагаться резиденция кагана. Никифор и Феофан по-разному именуют хазарского кагана. Никифор употребляет термины «вождь» или «предводитель» (τῶν Χαζάρων ἡγεμόνα) (Чичуров, 1980. С. 155, 163, 166), «архонт» (τῶν Χαζάρων ἀρχοντα) (Чичуров, 1980. С. 155), «государь» (τὸν κύριον τῶν Χαζάρων) (Чичуров, 1980. С. 157, 165), и, наконец, «каган», отмечая при этом что «... вождя хазар (сами они называют их каганами)» (αἰτεῖ δὲ τὸν Χαζάρων ἡγεμόνα (χαγάνους δὲ τοὺτους αὐτοὶ καλοῦσιν)) (Чичуров, 1980. С. 155, 163). Феофан именует в большинстве случаев хазарского правителя каганом, иногда поясняя — «владыка Хазарии» (δυναστής) (Чичуров, 1980. С. 67, 68) или же дает термин «государь» хазар (κύριος) (Чичуров, 1980. С. 165).

Итак, Боспор не входил в состав Хазарии. Кому он в таком случае принадлежал и как управлялся? Первое, что здесь необходимо выяснить, это, как ни странно, вопрос о том, что Феофан и Никифор понимали под названием «Боспор» и прежде всего тождественен ли Боспор этих авторов городу Боспору, т.е. Керчи?

Из того же Феофана известно, что бывший Пантикапей называли городом Боспором.

Однако в каком контексте источника тождественны Боспор и город Боспор? Упоминание города Боспора содержится в единственном пассаже «Хронографии» Феофана — рассказе о событиях 527/528 гг., сюжете, связанном с гуннским царевичем Гордом (Гродом): «Пришел к императору царь гуннов, [живущих] поблизости от Босфора... Император принял его и, дав ему много даров, послал в его страну, охранять ромейское государство и город Боспор» (Чичуров, 1980. С. 51). Обратим внимание на разницу в упоминании — первый раз просто Босфор (ὁ πλεσιόν Βοσφόρου), а во второй — город Боспор (τὴν Βόσφορον πόλιν) (Чичуров, 1980. С. 27). В следующем далее тексте такая ситуация повторяется: «В этом городе (ἐν τῇ αὐτῇ πόλει) происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами» (Чичуров, 1980. С. 27, 51), «... они внезапно подступили к городу Босфору (ἐν τῇ Βοσφόρῳ πόλει), убили трибуна Далмация и стратиготов», «В Босфоре (ἐν Βοσφόρῳ) наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно» (Чичуров, 1980. С. 27, 51). Совершенно очевидно, что речь идет о разных понятиях — городе Боспоре (Босфоре), соответствующему современной Керчи, и Босфоре (Боспоре) как территории вокруг пролива.

О каком же Боспоре идет речь при описании Никифором и Феофаном событий 704/705 и 711/712 гг.?

Под 711/712 гг. Никифор пишет: «Юстиниан... послал его (Стефана Асмикта. — А.С., Ю.М.) с приказом истребить мечом весь народ в Херсоне, Боспоре и других архонствах» (Чичуров, 1980. С. 156, 164). Боспор именуется здесь архонством (ἐν Χερσῶνι καὶ Βοσφόρῳ καὶ τοῖς τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν) (Чичуров, 1980. С. 156). Чуть ниже Никифор отмечает: «И вот Стефан, переправившись через Понтийское море в тамошние (области), исполнил приказание... До двадцати мужей, управляющих другими городами, Стефан, погрузив на суденышко и привязав к нему множество камней, утопил в пучине» (Чичуров, 1980. С. 164, 165).

Обращает на себя внимание фраза о двадцати мужах, управляющих другими городами (τοὺς δὲ τῶν ἐτέρων προστατεύοντας πολιμάτων ἀνδρας ἄχρι). «τῶν ἐτέρων πολιμάτων» — явная параллель к τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν, среди которых был назван Боспор. Возможно, хотя и

абсолютно недоказуемо, что среди «других городов» были и города Боспора. Слово *πολις* у Никифора равнозначно *πόλις* (Чичуров, 1981. С. 57).

Далее Никифор, рассказывая о намерении Юстиниана послать против враждебных областей флот, сообщает: «Архонты же тех областей, проведав о такой молве, как могли, укрепились» (Чичуров, 1980. С. 165). Здесь уже фигурируют *τῶν χωρῶν* — области, возглавляемые архонтами.

Итак, Никифор называет Боспор архонством, областью управляющейся архонтом.

Терминология Феофана в соответствующих пассажах резко отличается от Никифора. Главное отличие состоит в замене архонтов и областей Никифора климатами, а городов — крепостями. Так, под тем же 711 г. Феофан сообщает о снаряжении Юстинианом большого флота, который он отправил «помня о заговоре против него херсонитов, босфориан и остальных климатов (*τῶν Χερσωνιτῶν καὶ Βοσφοριανῶν καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων*)» (Чичуров, 1980. С. 40, 64). Чуть ниже — «Василевс приказал истребить мечом всех жителей в тех крепостях (*ἐν ἐκείνοις τοῖς κάστροις*)» (Чичуров, 1980. С. 40, 64). И далее: «Это услышали жители крепостей, приняли меры безопасности» (*ἤκουσαν ταῦτα οἱ τῶν κάστρων ἐκείων*) (Чичуров, 1980. С. 41, 64), «Тогда херсониты и жители других крепостей свергли Юстиниана (*οἱ Χερσῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων*)» (Чичуров, 1980. С. 41, 64).

Термина «климаты» нет у Никифора. В связи с этим возникает принципиальный вопрос — кто точнее в параллельных пассажах 711/712 гг. передает сведения компилируемого источника — Никифор или Феофан? От решения этой текстологической проблемы зависит определение статуса Боспора как климата или архонтии.

Напомним, что общая оценка степени точности передачи источника Никифором и Феофаном была дана И.С. Чичуровым, который пришел к хорошо обоснованному выводу о сокращениях, пропусках и погрешностях Феофана в воспроизведении географической номенклатуры компилируемого источника (Чичуров, 1981. С. 54). Противоречия и ошибки характерны и для описания Феофана Северного Причерноморья (Чичуров, 1980. С. 108–110, 116, 117).

Отметим еще два важных обстоятельства, свидетельствующих в пользу Никифора. «Бревиарий» был написан, по всей видимости, между 775 и 787 гг., а «Хронография» в 811–814 гг. (Чичуров, 1981. С. 57). За эти десятилетия произошло много изменений, и одним из них было появление климатов, первое упоминание о которых относится к 808 г. (Цукерман, 1997. С. 317). Как справедливо отметил К. Цукерман, климаты — административные деления, обладающие своим архонтом (откуда название архонтия) и крепостью (Цукерман, 1997. С. 319).

По всей видимости, Феофан заменил «архонтии» текста оригинала более близким и современным ему по значению термином «климаты». Замена же «городов» на «крепостей», видимо, явилась результатом переделки Феофаном фразы источника, сохранившейся у Никифора «архонты же тех областей, проведав о такой молве, как могли, укрепились (*οἱ δὲ τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες τῆς φήμης αἰθόμενοι ἑαυτοὺς ὅση δύναμις ἡσφαλίζοντο*)» (Чичуров, 1980. С. 156, 165). Перефразируя её, Феофан написал: «Это услышали жители крепостей, приняли меры безопасности (*ἤκουσαν ταῦτα οἱ τῶν κάστρων ἐκείων*)». Так, «укрепленные области» Никифора стали просто крепостями у Феофана. Следовательно, безусловный приоритет в точности компиляции данного места источника имеет Никифор. Соответственно Боспор в начале VIII в. был архонством — областью, находившейся под управлением архонта. Остается выяснить, какие земли включало в себя понятие «Боспор» и как он управлялся.

Важнейшую информацию дает Никифор. Под 704/705 гг. содержится описание известной попытки убийства Юстиниана II по приказу кагана. «...Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее» (*κελεύει δὲ τῷ ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν, ὠκειωμένῳ δὲ Ἰουστινιανῷ ὄντι, ἔτι δὲ καὶ τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ ἐπιτρέψαι ἡνίκα αὐτοῖς ἐπιτρέψει ἀνελεῖν αὐτὸν ὡς τάχιστα*)» (Чичуров, 1980. С. 155, 163).

Здесь упомянуты *τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ* — архонт Скифского

Боспора и ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν — архонт из единоплеменников. По мнению И.С. Чичурова, «Скифский Боспор» Никифор употребляет для уточнения — речь идет именно о Скифском, а не Фракийском Боспоре (Чичуров, 1980. С. 179). На наш взгляд, «Скифский Боспор» — явная калька с «Боспор Киммерийский». Напомним его характеристику, данную Страбоном: «Целая часть пролива, простирающаяся до устья Меотиды, называется Киммерийским Боспором» (Страбон, 1994. С. 283). «К северу от восточного залива расположено озеро Меотида, имеющее в окружности 9 000 стадий или даже немногим больше. Оно впадает в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт в Пропонтиде через Фракийский Боспор» (Страбон, 1994. С. 125).

В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873) называет Черное море именно «Скифское» (Байер, 2001. С. 118).

Следовательно, архонт Скифского Боспора — архонт пролива, и не только пролива. Похожего мнения, что упомянутый архонт Скифского Боспора был чиновником, который от имени кагана контролировал пролив, придерживается и К. Цукерман, однако он считает, что ставка хазарского наместника находилась в городе Боспоре (Цукерман, 1998. С. 675). В.Е. Науменко предположил, что деятельность этого чиновника не затрагивала территории Таврики (Науменко, 2001. С. 348).

У Феофана в так называемом «болгарском экскурсе», отсутствующем в тексте Никифора, сказано: «от уже указанного озера (течет) подобно реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского» (Чичуров, 1980. С. 60). Выражение τῆς γῆς Βοσφόρου καὶ Κιμμερίου (земли Босфора Киммерийского) указывает на территории по обеим сторонам пролива. Аналогичным образом описывается и Фракийский Боспор: «И вот, словно поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили (его) азиатскую часть, а авары опустошали землю Фракии» (Чичуров, 1980. С. 160). Здесь термин «Фракийский Боспор» включает в себя земли по обеим сторонам пролива: азиатскую часть и Фракию. По аналогии архонт Скифского

Боспора — архонт земель по обе стороны пролива, т.е. территории бывшего Боспорского царства. В этой связи весьма характерно выражение в одной античной надгробной надписи из Керчи «Урну его скрывает боспорская земля», где употреблено γῆ Βοσπόρις, то же, что τῆς γῆς Βοσφόρου в тексте Феофана (КБН, 1965. С. 126).

Название «Боспор» для территории бывшего Боспорского царства сохранялось в конце VI в. н.э., причем, особо отметим, и для азиатской его части. Об этом свидетельствует известная надпись, обнаруженная в Тамани: «Сверх прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М(авр)икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука херсонского Индикта восьмого» (Латышев, 1896. С. 109). «На Боспоре» употреблено ἐν Βοσπόρῳ. Следовательно, власть упомянутого у Никифора архонта Скифского Боспора распространялась на земли по обеим сторонам пролива, т.е. на территорию бывшего Боспорского царства. При этом, как очевидно из текста Никифора, его резиденция находилась в Фанагории. Напомним, осознавая всю иллюзорность этой аналогии, что в титулатуре боспорских царей эллинистического времени содержалось «архонт Боспора и Феодосии».

Однако, если у Никифора фигурирует просто архонт Скифского Боспора, то у Феофана есть существенное добавление — имя архонта Валгиц (Чичуров, 1980. С. 62, 63). В пассаже о событиях 704/705 гг. Феофан пишет: «а (сам каган. — А.С., Ю.М.) приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Боспора (Βαλγίτιν τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου), убить Юстиниана» (Чичуров, 1980. С. 62, 63, 74). То, что Валгиц не имя собственное, стало окончательно ясно после публикации Кембриджского документа, где упоминается Булшиц Bwlšsy hmkp Песах. Н. Голб и О. Прицак рассматривают его как титул правителя baliqci (Голб, Прицак, 1997. С. 164). Данлоп возводит его к тюркскому *Bulgi(Bolgi)tsi, Balgichi* — «управитель» (Чичуров, 1980. С. 126).

Пояснение сути этого титула содержится в слове *hmkp*, которое П.К. Коковцев перевел

как «досточтимый». Н. Голб переправил его на *ha-пакид* — «начальник отряда, гарнизона», что лингвистически допустимо. Это привело его к заключению, что Песах, известный как *Bwlšsy*, был правителем хазарской провинции Боспор. Её центром была Керчь, титул правителя *baligci*, а город Тмутаракань был частью этой провинции (Голб, Прицак, 1997. С. 164). Это построение исследователя представляется произвольным. Кембриджский документ — сложный источник, хотя в основе своей и подлинный. Однако принимать все содержащиеся в нем сведения как достоверные — нельзя. В данном случае смущают три вещи: поздний характер источника (X в.), упоминание Самкрца — Тмутаракани, нигде более в такой роли нигде не отмеченной, а также полное отсутствие какого-либо даже намёка на столь крупное событие, как поход Пейсаха на Крым, в византийских и восточных источниках. Конечно, можно возразить и сослаться на молчание византийских источников о куда более значимом походе Владимира, но одновременное отсутствие сведений у восточных авторов настораживает (Ср. сведения восточных источников о походе Владимира). При этом стоит отметить, что Масуди упоминает только поход византийцев на территорию Хазарии (крепость Валендар). Эти обстоятельства не позволяют безоговорочно соглашаться с рядом исследователей, считающих так называемый поход Пейсаха на Крым исторической реальностью (Баранов, 1990. С. 152; Майко, 2001. С. 95). Впрочем, возможна и другая трактовка так называемый поход Песаха был незначительной стычкой, поскольку, во-первых, источник упоминает всего о 80 погибших с вражеской стороны, а во-вторых, руководил операцией не крупный военный, а всего лишь начальник Самкерца. Однако и в этом случае налицо серьезное противоречие с масштабностью, придаваемой источником описываемым событиям.

В любом случае, на наш взгляд, не стоит опираться на эти сведения источника как безусловно достоверные.

Трактовка Голба—Прицака *hmkr* как *ha-пакид*, т.е. начальник гарнизона, была воспринята А.И. Айбабиным, который считает, что контекст Кембриджского документа позволяет вполне определенно считать *Bwlšsy*-

Булшци и Валгица начальниками хазарских гарнизонов Таматархи и Боспора (Айбабин, 2000. С. 168).

Однако А.П. Новосельцев связал *hmkr* со средне-персидским *hamarkar*, титулом правительственного чиновника, ведавшего сбором податей. Этот титул известен для Дербента и вполне мог быть заимствован хазарами (Новосельцев, 1990. С. 144).

В принципе все приведенные выше интерпретации слова *hmkr* лингвистически равнодопустимы. Однако предпочтительней всё-таки выглядит точка зрения А.П. Новосельцева, не требующая в отличие от остальных ломки структуры слова. Следовательно, архонт Валгиц, по всей видимости — титул хазарского чиновника, ведавшего сбором податей со всей территории Боспора. Резиденцией его была Фанагория.

В текстах Никифора и Феофана в Фанагории фигурирует и второй архонт. У Никифора он назван «архонтом из единоплеменников (ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν)», жившим при Юстиниане (ῥέκωμένῳ δὲ Ιουστινιανῳ) и местным хазарином (τὸν οἰκεῖον ἐκεῖνον τὸν Χάζαρον καλέσας)» (Чичуров, 1980. С. 155). Феофан приводит имя этого архонта — Папац (Παπατζῶν) и сообщает, что он был в Фанагории архонтом от лица кагана (ὁ ἐκ προσώπου) (Чичуров, 1980. С. 39, 62, 63).

По мнению А.А. Васильева и И.С. Чичурова, греческое выражение ὁ ἐκ προσώπου является, скорее всего, греческим осмыслением тюркской должности тудуна — наместника кагана (Васильев, 1927. С. 197; Чичуров, 1980. С. 126). Эта точка зрения подтверждается употреблением того же выражения во фразе «...а тудуна, архонта Херсона, бывшего там от лица кагана...» (Чичуров, 1980. С. 64). Итак, архонт Фанагории Папац был, по всей видимости, хазарским тудуном.

Не должно смущать и то обстоятельство, что Никифор называет Папаца архонтом. Под этим термином он, как и другие византийские авторы, понимал не только византийских чиновников, наместников или правителей областей, но и знатных, влиятельных варваров, каким и должен был быть Папац (Шене, 2000).

Наиболее точную оценку функций этого чиновника дал А.П. Новосельцев, охарак-

теризовавший его как представителя центральной власти на местах. Титул «*тудун*», как отмечал А.П. Новосельцев, происходит от китайского *tu' t'ung* — «начальник гражданской администрации». К тюркам он попал через восточно-иранские языки, где означал «близкий помощник». Этот титул известен у правителя Чача и Волжской Булгарии. Исследователь аргументировано заключает, что у хазар тудуны — первоначально что-то вроде ближних людей правителя (Новосельцев, 1990. С. 144).

Принимая эту трактовку, обратим внимание на обстоятельства появления тудуна в Херсоне. Первый раз, в 704–705 гг., тудун упоминается в Фанагории (Папац), а после его убийства и бегства Юстиниана еще один тудун в 711–712 гг. фиксируется в Херсоне. Больше ни в Крыму, ни на Таманском полуострове тудун не известен ни по каким памятникам. Это обстоятельство указывает на кратковременность пребывания тудунов на территории Крыма и Тамани. Видимо, это был лишь небольшой эпизод, не имевший продолжения.

Возникает вопрос, не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Наиболее вероятно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы тудун находился в Херсоне в период ссылки Юстиниана, тому не было бы необходимости искать выход на кагана вне стен города. Кроме того, источники сообщают, что за Юстиниана было обещано много денег и даров (Чичуров, 1980. С. 62). Возможно, в числе этих «даров» каган получил право иметь своего представителя в Херсоне. После гибели Папаца новый тудун мог быть назначен уже не в Фанагорию, а в Херсон. Когда институт тудунов прекратил свое существование в Херсоне, неизвестно. По всей видимости, логическим концом стала выдача херсонцами тудуна хазарскому кагану, по пути к которому тудун умер (Чичуров, 1980. С. 64). Далее надобность в функционировании такого чиновника в Херсоне и на Боспоре отпала после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам.

Подчеркнем, что Папац — хазарский чиновник, приставленный каганом к Юстини-

ану. Близки к такой точке зрения взгляды Ю.А. Кулаковского и М.И. Артамонова (Кулаковский, 1996. С. 271; Артамонов, 2001. С. 197). В этом ни ничего удивительного. Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал своих претензий на константинопольский престол. В силу этих обстоятельств нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица кагана было бы как нельзя кстати. Видимо, таким доверенным лицом и был Папац.

Таким образом, можно констатировать функционирование в Фанагории двух хазарских чиновников — «архонта Скифского Боспора», ведавшего сбором податей, и архонта — тудуна Папаца, представителя кагана на Боспоре.

Принципиально важным представляется следующее обстоятельство. У Никифора наряду с архонтом Скифского Боспора при описании событий 711 г. фигурирует архонтия Боспор. На первый взгляд кажется логичным предположить, что речь идет об одном и том же хазарском чиновнике, владевшим Боспором и носившем титул архонта. Против этого, однако, говорят два обстоятельства. Первое — упоминание архонтии Боспор под 711 г., когда «архонта Скифского Боспора» уже не было в живых. Второе и пожалуй главное, заключается в том, что в рассказе о событиях 711/712 гг. Боспор фигурирует в едином смысловом блоке с Херсоном и другими архонтиями как территориями, подчиненными Византии (Чичуров, 1980. С. 132, 133). Напрашивающийся вывод очевиден — архонтия Боспор управлялась византийским архонтом, резиденцией которого скорее всего и был город Боспор, бывший Пантикапей. При этом на Боспоре функционировали два хазарских чиновника. Один носил титул «архонта Скифского Боспора» и ведал сбором податей, второй — тудун Папац был представителем кагана на Боспоре. Резиденцией обоих хазарских чиновников была Фанагория.

В принципе такое положение можно оценивать как кондоминантное, и такая трактовка, наиболее полно и последовательно отстаиваемая С.Б. Сорочаном, имеет под собой достаточные основания (Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 220–222). Однако некоторые моменты все-таки не совсем со-

ответствуют кондоминантной схеме. Прежде всего, отношения на Кипре, пожалуй, единственном реальном кондоминантном примере, регулировались специальным договором между арабами и византийцами. Практика же заключения таких договоров — типично арабская традиция эпохи великих арабских завоеваний и создания халифата Омейядов, связанная с принятым в исламе делением на людей веры и людей писания. Последние, как известно, с точки зрения ислама не считались неверными, но обязаны были платить джизью — подушную подать на немусульман (Большаков, 1993. С. 36–38, 72–74). Существование подобной исламской традиции у хазар просто невозможно. Кроме того, Кипр этого времени не воспринимался византийцами как ромейская территория. Наконец, кондоминимум предполагает наличие двойного управления, что должно было отразиться как минимум в присутствии хазарских войск на Боспоре.

Однако были ли на Боспоре хазарские войска или гарнизоны? Никифор пишет об отправке каганом в Фанагорию «людей для охраны Юстиниана» (ἀνδράς εἰς φυλακὴν αὐτοῦ καθεσθάναι) (Чичуров, 1980. С. 155, 163). Феофан в параллельном месте 704/705 гг. сообщает: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану...» (παράφυλακὴν αὐτῷ ἔλεμψεν) (Чичуров, 1980. С. 39). Такое словопотребление свидетельствует об отправке в Фанагорию к Юстиниану людей для его охраны, т.е. попросту личной стражи, а не войска.

Хазарское войско действительно упоминается у Никифора и Феофана, но выражено другим словом и в иных контекстах. Под 711/712 гг. Никифор сообщает: «Архонты же тех областей... направили послов к хазарам, чтобы они прислали войско для их охраны». «Войско для охраны» передано как ἐλὶ φυλακὴν τοῦτων λαὸν (Чичуров, 1980. С. 156, 165). Параллельный пассаж у Феофана гласит: «Это слышали жители крепостей... послали к кагану в Хазарию просить войско для своей охраны». Употреблено, опять λαὸν πρὸς φυλακὴν (Чичуров, 1980. С. 41). Далее в том же фрагменте 711/712 гг. в предложении «Но когда (на ромеев) внезапно напало войско хазар...» Никифор снова употребляет λαὸν δὲ Χαζάρων (Чичуров, 1980. С. 157, 165). Следо-

вательно, ни в Крыму, ни на Таманском полуострове не было не только значительных военных сил хазар, но и сколько-нибудь существенной стражи, способной охранять Юстиниана. Характерно, что за хазарским войском жители крымских архонтий посылают к кагану в Хазарию.

Одним из аргументов о хазарской принадлежности Боспора в конце VII — начале VIII вв. является упоминание города К-р-ц в письме Иосифа (Макарова, 1998. С. 390). Однако К-р-ц есть только в Пространной редакции этого документа (Новосельцев, 1990. С. 133). Общая адекватная оценка степени достоверности обоих источников (Краткой и Пространной редакций) была дана А.П. Новосельцевым. По его заключению, «содержание этого документа (ответа царя Иосифа. — А.С., Ю.М.) при внимательном и беспристрастном изучении убеждает, что в основе перед нами подлинный источник из Хазарии X в. Разумеется, в те редакции, что дошли до наших дней, попали и позднейшие добавления. Они относятся преимущественно к географической номенклатуре Пространной редакции, куда стараниями средневековых книжников были внесены названия, которых в X в. не было. Они относятся почти исключительно к Крыму. Кроме того, ряд терминов был искажен последующими редакторами или заменен более понятными для последних. Отсюда громадные трудности при комментировании этнических и географических терминов «ответа Иосифа» (Новосельцев, 1990. С. 6).

Вывод очевиден — появление в Пространной редакции документа топонима К-р-ц является результатом позднего редактирования документа.

Подведем итоги.

Письменные источники и археологические материалы не дают оснований для вывода о захвате хазарами Боспора в конце VII — начале VIII вв. и строительстве в городе Боспоре хазарской цитадели. На сегодняшний момент «хазарский слой» VIII — первой половины IX вв. в Керчи не выявлен. Данные письменных источников однозначно свидетельствуют, что Боспор в конце VII — начале VIII вв., хотя и платил дань хазарам, тем не менее не был частью Хазарии. При этом на Боспоре, в Фанагории, осуществляли свои

функции два хазарских чиновника. Один из них носил титул архонта Скифского Боспора и как раз ведал сбором податей с территории Боспора, другой — тудуна, представителя кагана на Боспоре. Однако как на территории Боспора, так и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. Статус Боспора, по данным письменных источников, может быть определен как архонтия, управляемая византийским архонтом.

Херсон, Боспор и другие архонтии, несомненно, выступают в истории с Юстинианом II как местности, подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие херсонитов, босфорян и остальных архонтий в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ в Херсоне, Боспоре и других архонствах, провозглашение императором Вардана Филиппика опять же херсонитами и жителями других архонтий, указывают на то, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались как ромейские, а не хазарские, или со статусом двойного подчинения.

Какова же была роль хазар во всех этих событиях? Встретиться с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма. Боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей... послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны», а Юстиниан, когда узнал о заговоре Ильи и Вардана, возвращает тудуна и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к кагану и только что провозглашенного им-

ператором Вардана «ромей» обязаны были выплатить значительную сумму, т.е. хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение, естественно, желая по возможности его увеличить и обеспечить в дальнейшем беспрепятственное получение дани. Ни один источник не упоминает о каких-либо политических требованиях со стороны хазар, наоборот, — акцентирует внимание исключительно на материальных.

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале VIII в. Боспор наравне с Херсоном и крымскими архонтиями оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась в основном к получению дани. Если же хазары не по своей воле оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были в большей степени материальными, а не территориальными или политическими. С середины VIII в. ситуация меняется, однако это — тема отдельного исследования.

Конечный вывод представляется очевидным. В конце VII — первой половине VIII вв. Боспор не входил в состав Хазарии, а поэтому и сам термин «хазарский Боспор» некорректен. Соответственно нет оснований говорить о данном времени как о хазарском периоде в истории Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 2000. Хазарский слой в Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь.

Байер У.Ф., 2001. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург.

Баранов И.А., 1991. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.

Большаков О.Г., 1993. История халифата. 653–656 гг. Т. II. М.

Васильев А.А., 1927. Готы в Крыму // ИГА-ИМК. Вып. 5.

Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Голб Н., Прицак О., 1997. Хазаро-еврейские документы X в. М.-Иерусалим.

Ибн Хордадбех, 1986. Книга путей и стран. Перевод, с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку.

Калинина Т.М., 1998. Сведения ранних ученых арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М.

Калинина Т.М., 2000. Употребление этнонима ал-хазар в арабо-персидских источниках

IX–X вв. // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков.

КБН., 1965. Корпус Боспорских Надписей. М.–Л.

Латышев В.В., 1898. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Майко В.В., 2001. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Боспора второй половины X — начала XI вв. // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. междунар. конф. Керчь.

Новосельцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Науменко В.Е., 2001. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В., 2000. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков.

Страбон, 1994. География. М.

Цукерман К.К., 1997. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский

историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь.

Цукерман К., 1998. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь.

Цукерман К., 2001. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь.

Чичуров И.С., 1976. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 год. Материалы и сообщения. М.

Чичуров И.С., 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.

Чичуров И.С., 1981. Место хронографии Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV — начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 год. Материалы и сообщения. М.

Шене Ж.-К., 2000. Поздний архонт: пример из Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь.

Е.И. Савченко
(ИА РАН, Москва)

СКАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК МОЩЕВАЯ БАЛКА (МЕТОДИЧЕСКИЙ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ УРОКИ)

Наряду с двумя самостоятельными категориями погребальных памятников — курганными и грунтовыми погребениями исследователи выделяют еще одну третью категорию — скальные захоронения, совершенные в естественных или рукотворных скальных полостях (пещерах, нишах, расщелинах или на уступах). Скальные захоронения возникли в горных районах еще в глубокой древности и вплоть до XVIII–XIX вв. Возникновение их связывают с особенностями древнего мировоззрения, в частности в восприятии определенной горы в качестве священного центра, порождающего и поглощающего каждого члена конкретного человеческого коллектива (Кызласов, 1982; 1999. С. 195).

Данная статья представляет собой первую и пока единственную в отечественной историографии работу, посвященную изучению стратиграфии раннесредневековых скальных захоронений могильника Мощевая Балка.

На протяжении трех лет (1980–1982) Лабинский отряд Северо-Кавказской экспедиции проводил исследовательские работы на одном из известнейших памятников VIII–IX вв. н.э. на Северо-Западном Кавказе — скальном могильнике Мощевая Балка, расположенном в западной части Карачаево-Черкесской Республики вблизи верховьев реки Большой Лабы (Савченко, 1981. С. 116, 117; 1983. С. 131, 132; Гей, Каменецкий, 1986. С. 49, 50). Памят-

ник, случайно открытый более 100 лет назад (1893) и получивший свое название из-за находки в нем мумифицированного погребения («мощей»), находится на южной оконечности Бескесского хребта, идущего вдоль правого берега Большой Лабы, на территории Бескесского заповедника в пять км к юго-юго-востоку от пос. Курджиново и в 0,7 км к северу от хут. Азиатского, на высоте 938 м над уровнем моря. Южная оконечность хребта образовала уступ с неровной площадкой, перекрытая козырьком навеса скалы, мощностью 8–12 м. Ширина площадки от 2-х до 14 м, поверхность неровная, покатая в сторону склона, изредка образует две-три ступенчатые террасы. Козырек навеса находится на высоте от 1 до 9 м от уровня площадки и перекрывает ее от проникновения влаги. В глухой стенке навеса много ниш-пещерок в виде овальных и округлых камер разных размеров со сводчатым потолком. Площадка уступа и склоны хребта усыпаны глыбами, плитами и развалами более мелких камней, которые от температурных перепадов и выветривания рухнули с потолка навеса. Эти плиты часто служили перекрытием могил, сооруженных под ними, в больших глыбах иногда вырубались искусственные ниши. Здесь на площадке уступа, в нишах, в каждой удобной выемке, даже в щелях между глыбами, располагались захоронения Мощевой Балки.

Исследования Северо-Кавказской экспедиции проводились на должной методической высоте: раскопки широкими площадями, полное удаление грабительских отвалов, с переборкой и просеиванием грунта, тщательная зачистка захоронений изнутри и снаружи, подробнейшая графическая и фотографическая фиксация каждого этапа работ. Это дало возможность впервые в истории изучения памятника составить его общий план и нанести на него все раскопанные нами и предшествующими исследователями погребения, сопоставить погребальный инвентарь, выброшенный грабителями, с конкретными захоронениями, составить внушительную опись всех находок (свыше 12 тыс.), точно локализовав каждую. Вся территория могильника, по характеру рельефа была условно разделена на семь структурно-топографических частей-участков: *А, Б, В, Г, Д, Е, Ж* (Рис. 1). Участки *А, Б, В, Г* располагались на южном склоне Бескесского хребта, участок *Д* — на юго-восточном склоне, участок *Ж* занимал западный склон хребта. Исследовались участки *А, Б, В, Г* и *Д*, работы на участках *Е* и *Ж* не проводились, так как на участке *Ж* следов погребальных сооружений на поверхности не обнаружено, а на участке *Е* осталось лишь несколько разрушенных погребений. На пяти вышеупомянутых участках исследовано 568 захоронений, большая часть которых оказалась разрушенной и ограбленной.

Стратиграфическая последовательность захоронений могильника Мошечая Балка, основанная на изучении глиняной обмазки и подмазки погребальных камер, представляет значительный интерес как в плане пространственно-вертикальной застройки самого могильника, так и для разрешения вопросов его хронологии. Среди скальных захоронений Северного Кавказа Мошевую Балку можно считать эталонным памятником как по количеству погребений, так и по сохранности погребальных сооружений и инвентаря. Кроме того, стратиграфия могильника имеет огромное значение для изучения всех скальных захоронений Северо-Западного Кавказа эпохи раннего средневековья, так как помогает понять пространственную структуру строительства других скальных могильников того же времени в окрестностях Сентинской горы

(Демаков, 1990), у аула Хасаут (Текеев, 1988) и у хут. Первомайского (Каминская, 1993), в балках Балабанка и Гамовская (Каминская, 1989; 1990), у Нижнего Архыза и на рр. Теберда и Гоначхир (Демаков, 1991), а также способ расположения погребений на них и их стратиграфическую последовательность.

Ни в одной статье, посвященной скальным захоронениям Северного Кавказа, ни в одном полевом отчете нами не встречено упоминание о стратиграфии скальных захоронений. Некоторые исследователи (Т.М. Минаева, И.В. Каминская и др.) отмечают наличие обмазки погребений, но каких-либо выводов из этого факта не делают.

Направление стенки навеса и конфигурация площадки уступа диктовали расположение могил. Подобно пчелиным сотам они пристраивались одна к другой, образуя как продольные, так и поперечные ряды: первые погребения пристраивались к глухой стенке скального навеса или занимали естественные ниши-пещерки, последующие — к уже существующим могилам. Таким образом, в каждом захоронении сооружалось три стенки, построенные из подтесанных плит песчаника, размерами от $0,35 \times 0,3 \times 0,2$ м до $0,9 \times 0,52 \times 0,33$ м, уложенных плашмя или на ребро. Плиты укладывались в два-пять рядов насухо, изредка между плитами встречается глиняный раствор. Все сооружения имели двухслойное перекрытие: верхний слой — плиты камня, нижний — деревянные плахи, брусья или бревна, лежащие на стенках. Вся погребальная конструкция обмазывалась снаружи слоем глины-самана толщиной от 3 до 11 см, подмазывалась к предыдущей могиле и многократно белилась мелом или известью (проелено до пяти слоев обмазки и семи слоев побелки). При этом обмазка предыдущего погребения оказывалась внутри последующего захоронения. Многослойность обмазок и побелок доказывает длительность ухода за погребальным сооружением. Наличие наружной обмазки и побелки на гробницах позволило выделить на участках хронологическую последовательность захоронений, построив разветвленные стратиграфические схемы (Рис. 3).

Из общего числа 568 погребений, хронологическую последовательность удалось оп-

ределить у 245 могил (43%). Распределение этих гробниц по участкам и их процентное соотношение показано на таблице.

Участок	Количество погребений	Стратиграфия погребений	Процент
А	65	28	4,9
Б	32	3	0,5
В	139	86	15,1
Г	268	99	17,4
Д	64	29	5,1
Итого:	568	245	43,0

Попробуем показать последовательность захоронений по всем исследованным участкам.

Участок А. Сохранность погребальных сооружений на участке различна, в западной и центральной частях выявлен лишь ряд погребений, пристроенных к глухой стенке скального навеса, и одиночные захоронения по центру площадки. Выстроить хронологические схемы по этим погребениям не удалось, так как от погребальных сооружений сохранились лишь отдельные камни, да и те без следов наружной обмазки. Лучше всего сохранилась восточная часть участка, где нам удалось проследить стратиграфическую последовательность всех 28 захоронений (Рис. 2). Самыми ранними (единовременными) погребениями в этой части участка являются захоронения 30 и 41, совершенные в естественных нишах-пещерках скального навеса (Рис. 3). Следующим этапом освоения участка явилось сооружение гробницы 33, пристроенной к скальной нише 30, и освоение скальных ниш 36 и 47. Третий стратиграфический ряд состоит из трех захоронений: гробницы 34, пристроенной к гробнице 33; гробницы 37, пристроенной к захоронению 36 и частично (западной частью) к глухой стенке скального навеса и скальной ниши 52. Четвертый ряд выглядит следующим образом: после сооружения гробницы 34 построена гробница 35, к захоронению 37 пристроено погребение 38, после могилы 47 построена могила 48, к погребению 52 пристроено погребение 53, одновременно произошло освоение скальной ниши 57. Примечательно, что гробница 35 возникла после гробницы 38, т.е. построе-

на позже всех в этом ряду. Пятый хронологический ряд состоит из трех захоронений: после гробницы 38 построена гробница 42, после сооружения 53 создана искусственная ниша 56 и к погребению 57 пристроена гробница 58. Следующий ряд насчитывает четыре погребения: после гробницы 42 возникли гробницы 39 и 43, к могиле 48 пристроена могила 49, а к искусственной нише 56 пристроена гробница 54. В седьмом ряду три одновременных погребения: к могиле 39 пристроена могила 60, к захоронению 43 пристроено захоронение 44 и к гробнице 54 пристроена гробница 55. Следующими одновременными погребениями являются захоронения: 40, пристроенное к 60, и 50, пристроенное к гробницам 44, 49. В свою очередь к гробнице 50 пристроены гробницы 51 и 45, а к последней пристроена могила 46. Как видно из стратиграфической колонки восточной части участка А, наиболее ранними являются погребения 30 и 41, а позднее всех сооружена гробница 46.

Рассмотрев стратиграфию погребений восточной части участка А, можно констатировать, что строительство погребальных сооружений участка шло как в широтном, так и в меридиональном направлениях. В первую очередь «осваивались» скальные ниши, которые закрывались наглухо стенкой из плит, а затем к ним пристраивались погребальные сооружения в виде гробниц.

Участок Б. Наименее стратифицированный участок могильника. Здесь также, как и на участке А, сохранился ряд погребальных сооружений, пристроенных к глухой скальной стенке навеса. Следующие ряды захоронений, идущие в меридиональном направлении, разрушены грабительскими раскопками настолько, что не удалось стратифицировать ни единого погребения. Единственную стратиграфическую цепочку из трех погребений нам удалось проследить в восточной части участка: к скальной нише 211 пристроена гробница 210, а к последней погребение 75 (Рис. 3).

Участок В. Наиболее сохранившийся участок могильника. Лучше всего погребальные сооружения сохранились в западной и центральной частях участка. Нам удалось проследить стратиграфические колонки у 86

захоронений из 139, исследованных на этом участке. Наиболее сложной в решении стратиграфических вопросов оказалась восточная часть участка. Поверхность площадки навеса загромождена огромным количеством каменных плит и обломков, между которыми и на которых совершались захоронения. В этом случае тщательно осматривались каждая плита и каждый скальный обломок, последовательность захоронений устанавливалась по подмазке стен погребальных сооружений к поверхности плиты или обломка. Благодаря этой методике на участке прослежены две большие стратиграфические цепочки — западная и центральная (Рис. 3).

Западная. Основой стратиграфической схемы является погребение 77, самое западное погребение участка, совершенное в естественной нише. После него последовательно сооружались погребения 86, 87, 88, 92, 95. Эти захоронения, сооруженные в естественных нишах или пристроенные к глухой стенке скального навеса — одновременные или почти одновременные. Они и составляют первый стратиграфический ряд. Следующий ряд, идущий в меридиональном направлении, состоит из пяти захоронений: к погребению 86 — пристроено погребение 214, к гробнице 87 — гробница 89, к могиле 88 — могила 90, к захоронению 92 — захоронение 93 и к погребальному сооружению 95 — сооружение 96. В третьем ряду — четыре погребения: гробница 105 пристроена к гробнице 89, захоронение 99 — к захоронению 90, могила 97 — к могиле 96, несколько особняком в этом ряду стоит гробница 94, которая сооружена после гробниц 93, 96 (второй ряд), но и позже погребения 97 из своего ряда. Далее захоронения располагались в широтном направлении; прослежены две цепочки: первая — к погребению 99 последовательно пристроены гробницы 100, 115, 138, 137; вторая — к гробнице 97 последовательно пристроены захоронения 111, 112, 169. Следует отметить, что погребальное сооружение 137 располагалась на самом краю площадки навеса.

Центральная. Стратиграфическая схема в этой части участка состоит из 36 погребений (Рис. 3). Наиболее ранним захоронением является погребение 135, совершенное в ес-

тественной скальной нише. Если в западной части участка «освоение» территории могильника шло с запада на восток, то в центральной части мы наблюдаем противоположную картину: с востока на запад. К погребению 135 последовательно пристраивались захоронения 125, 122, 132, расположенные у глухой стенки скального навеса. Далее освоение площадки навеса шло в широтном направлении. Во втором стратиграфическом ряду шесть захоронений: к гробнице 135 пристроена гробница 141, к погребению 125 — могила 126, к последней — могила 123, к погребальному сооружению 132 — захоронение 133, затем шли гробницы 140 и 110. Третий ряд состоит из пяти погребений: гробница 142 построена после гробницы 141, погребение 124 — после погребения 123, могила 117 — после могилы 133, захоронение 118 — после захоронений 140 и 117, погребальное сооружение 131 — после сооружения 110. В следующем ряду три погребения, основным в нем является погребение 119, пристроенное к погребению 118, с запада к 119 пристроена гробница 113, а с востока — гробница 139. В свою очередь погребение 139 возникло позже гробницы 124 из предыдущего стратиграфического ряда, а могила 113 позже могилы 131 из третьего стратиграфического ряда. В пятом хронологическом ряду семь погребений: основным является гробница 114, пристроенная с юга к гробнице 113, далее — с запада — к гробнице 114 последовательно пристроены могилы 107 и 108, а с востока последовательно — гробницы 116, 120, 134. Несколько особняком в этом ряду стоит захоронение 144. Шестой стратиграфический ряд насчитывает семь погребений, основным захоронением в этой цепочке является гробница 121, пристроенная с юга к гробнице 120. К ней последовательно пристроены: с востока — могилы 143, 145, 148, а с запада — гробница 156. В этом же ряду находятся могила 154, пристроенная к могиле 114 из пятого ряда и захоронение 153, пристроенное к захоронению 107 из того же пятого стратиграфического ряда. В седьмом ряду три погребения: гробница 155, пристроенная с востока к гробнице 156 и с юга к могиле 121. К захоронению 155 пристроена с запада могила 166. К этому же ряду относится погребение 171, пристроенное с юга к погребению 148. Самым поздним захоронением в этом

хронологическом блоке является гробница 167, пристроенная с юга к могиле 155.

Кроме двух больших разветвленных стратиграфических схем, на участке В прослежены и короткие стратиграфические цепочки: к гробницам 164 и 178 пристроено погребение 177, а к последнему — могилы 173 и 193. К гробнице 193 пристроена гробница 186, сооруженная на скальном обломке. К погребению 130 пристроено погребение 129, к захоронению 106 пристроены последовательно захоронения 128 и 150, к могиле 174 — могила 157, к погребальному сооружению 180 — 181 и к гробнице 206 — погребение 196, сооруженное в щели между скальными обломками.

Итак, мы видим, что на **участке В**, так же, как и на предыдущих участках Мошечой Балки, вначале осваивалась территория вдоль глухой стенки скального навеса. Освоение площадки могильника шло как в западном, так и в восточном направлениях. Наряду с меридиональным направлением участок застраивался и в широтном направлении, т.е. осваивалась вся площадка навеса. В первую очередь застройке подверглись западная и центральная части **участка В**, свободные от крупных скальных обломков (возможно, они убирались или обрабатывались и использовались в дальнейшем как строительный материал), затем — восточная часть участка. Здесь крупные обломки и плиты не убирались, погребальные сооружения возводились на обломках или совершались в щелях между ними.

Участок Г. Самый большой по площади и насыщенности погребениями участок могильника. Захоронения размещались: в скальных нишах, у глухой стенки навеса, на двух горизонтально, расположенных уступах и на площадке навеса. Исследовано 268 погребений, из которых стратиграфическая последовательность определена у 99 захоронений (Рис. 3). Большинство погребальных сооружений полностью разрушено и сброшено с уступов, поэтому стратиграфические схемы строились не только по глиняной обмазке погребальных сооружений, а чаще всего по подмазке их стен к скальному полу навеса. Прослежена стратиграфия захоронений расположенных на границе **участков В и Г**, благодаря которой нам удалось хронологически связать два участка между собой. Две большие стратиграфические схемы построены по западной

части участка, одна — по центральной части, мелкие стратиграфические цепочки, состоящие из двух–пяти погребений, разбросаны по всей площади участка.

Самым ранним погребением в западной части **участка Г** является захоронение 220, сооруженное в большой естественной нише. После него построены гробницы 217, 221 и 189. Второй стратиграфический ряд состоит из четырех погребений: к могиле 217 пристроена могила 218, к гробнице 221 — гробница 222, к погребению 189 — погребение 172, а к последнему — 165. В третьем ряду — пять погребений: центральным в этом ряду является захоронение 202, к которому с одной стороны пристроено захоронение 198, а с другой — последовательно гробницы 182 и 192. В этом же ряду находится и погребение 219, пристроенное к погребению 218. К могиле 198 последовательно пристроены могилы 199 и 200, а к гробнице 182 — последовательно гробницы 183 и 197.

Следующая стратиграфическая схема состоит из 11 погребений, расположенных на среднем уступе в западной части участка. К захоронению 329 пристроено захоронение 328, а к нему — могила 326. В этом же ряду находится и гробница 324. К двум последним пристроено погребение 378, а к могиле 326 пристроено еще одно захоронение 327. К гробнице 328 пристроена гробница 330. В следующем стратиграфическом ряду — три погребения: к могиле 330 пристроена могила 331, которая в свою очередь возникла несколько позже захоронения 333. К гробнице 331 пристроена гробница 453, которая, в свою очередь пристроена к гробницам 378 и 330 из второго стратиграфического ряда. Самым поздним захоронением в этой стратиграфической колонке является гробница 381, пристроенная к гробнице 331.

В третьей стратиграфической схеме насчитывается девять захоронений, расположенных в центральной части участка на площадке навеса. К гробницам 352 и 354 пристроена гробница 355, к которой последовательно пристроены захоронения 353 и 369. К могиле 353 пристроены могилы 437 и 439, к последней в свою очередь последовательно пристроены гробницы 438 и 458.

Нами рассмотрены все три крупные стратиграфические схемы, мелкие стратигра-

фические цепочки прослежены на всей площади участка. Так, например, гробница 236 пристроена к гробницам 232 и 235, могила 246 пристроена к могиле 245, захоронение 249 — к захоронению 248, к погребальному сооружению 268 последовательно пристроены гробницы 269, 270, 271, 344.

Анализируя стратиграфическую последовательность погребальных сооружений участка Г, видно, что на этом участке так же, как и на предыдущих участках, вначале осваивалась территория вдоль глухой стенки скального навеса, затем площадка уступов и в последнюю очередь нижняя площадка участка.

Участок Д. Из 64 исследованных здесь погребений, нам удалось хронологически «связать» только 29 захоронений (Рис. 3). Западная часть участка настолько сильно разрушена грабителями, что проследить стратиграфическую последовательность расположенных здесь погребений нам не удалось. Эта последовательность отмечена лишь у четырех захоронений: к гробницам 518 и 523 пристроены гробницы 524 и 525. Несколько лучше положение в центральной части участка, здесь удалось построить стратиграфическую схему из 16 погребений. Самыми ранними захоронениями в этой части участка являются погребения 538 и 530, расположенные у стенки скального навеса. К ним пристроена гробница 536, а к гробнице 530 еще пристроено захоронение 535. Следующий ряд состоит из шести погребений: к захоронению 543 пристроено захоронение 539 (оно же пристроено к гробнице 538), к могиле 541 — могила 537, к погребению 530 (из предыдущего ряда), погребение 531. Несколько особняком в этом ряду стоит захоронение 527. В четвертом ряду — три погребения: гробница 544 пристроена к гробнице 543 (из предыдущего ряда), к захоронениям 537 и 531 пристроено захоронение 532, а к могиле 527 — могила 528. Последний ряд состоит из двух погребений: гробница 529 пристроена к гробницам 528 и 532, к последней пристроено еще захоронение 533. Здесь же, в центральной части участка, прослежена короткая стратиграфическая цепочка: к погребению 545, расположенному у скальной стенки навеса, последовательно пристроены гробницы 546 и 549. В восточной части участка прослежена небольшая хронологическая связка: к гробнице 550 последовательно пристроены захоронения

554 и 555, а к могиле 558 пристроены последовательно могилы 559 и 560; примечательно, что погребальное сооружение 559 возведено после сооружения 555.

Итак, мы рассмотрели стратиграфическую последовательность погребений на всех пяти участках могильника. На основании этого в целом по могильнику можно сделать следующие выводы.

1. Только лишь благодаря примененной методике исследования могильника (раскопки широкими площадями, полное удаление грабительских отвалов, тщательная зачистка захоронений изнутри и снаружи, подробнейшая графическая и фотографическая фиксация) нам удалось проследить последовательность захоронений как на отдельных участках, так и в целом на могильнике.

2. Освоение участков могильника шло как в широтном (с запада на восток и с востока на запад), так и в меридиональном направлениях.

3. В первую очередь на участках застраивались естественные скальные ниши и сооружались гробницы у глухой стенки скального навеса.

4. При росте могильника в широтном направлении вначале осваивались площади, свободные от больших каменных обломков и плит, т.е. площади связанные с меньшими трудозатратами по их уборке; в последующем, по мере роста могильника, погребальные сооружения возводились на каменных плитах и глыбах, а также в щелях между ними.

5. Многослойность обмазки и побелки доказывает длительность ухода за погребальными сооружениями.

6. Вероятно, самым ранним участком могильника является участок А, затем последовательно осваивались участки Б, В, Г, Д и Е (последний основательно разрушен грабителями).

7. Вполне возможно, что наиболее ранние захоронения (в нише, у глухой стенки скального навеса) являются началом семейных участков, которые в дальнейшем расширялись в широтном и меридиональном направлениях, но недостаточность антропологического материала не дает возможности проверить эту гипотезу.

8. При изучении погребального инвентаря и его датировки, а также определении временных рамок всего могильника, необходимо принимать во внимание и стратиграфию погребений.

ЛИТЕРАТУРА

Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северокавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Демаков А.А., 1990. К вопросу об этнической принадлежности скальных захоронений // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкессии. Черкесск.

Демаков А.А., 1991. Скальные погребения в долине реки Теберды // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкессии. Черкесск.

Каминская И.В., 1993. Могильники Первомайского городища на Большой Лаббе // МВ. Вып. 1. Краснодар.

Кызласов И.Л., 1982. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. № 2.

Кызласов И.Л., 1999. Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Савченко Е.И., 1981. Исследование могильника Мощевая Балка // АО–1980.

Савченко Е.И., 1983. Исследование могильника Мощевая Балка // АО–1981.

Текеев Г.Х.-У., 1988. Новые материалы из скальных могильников раннего средневековья на территории Карачаево-Черкессии // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Каминская И.В., 1989. Отчет о раскопках Гамовского отряда на могильнике Гамовская балка и городище Первомайском в 1988 г. (Краснодарский и Ставропольский край) // Архив ИА РАН. Р-1. № 13117.

Каминская И.В., 1990. Отчет о раскопках Гамовского отряда на скальных могильниках в Отрадненском районе Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14281.

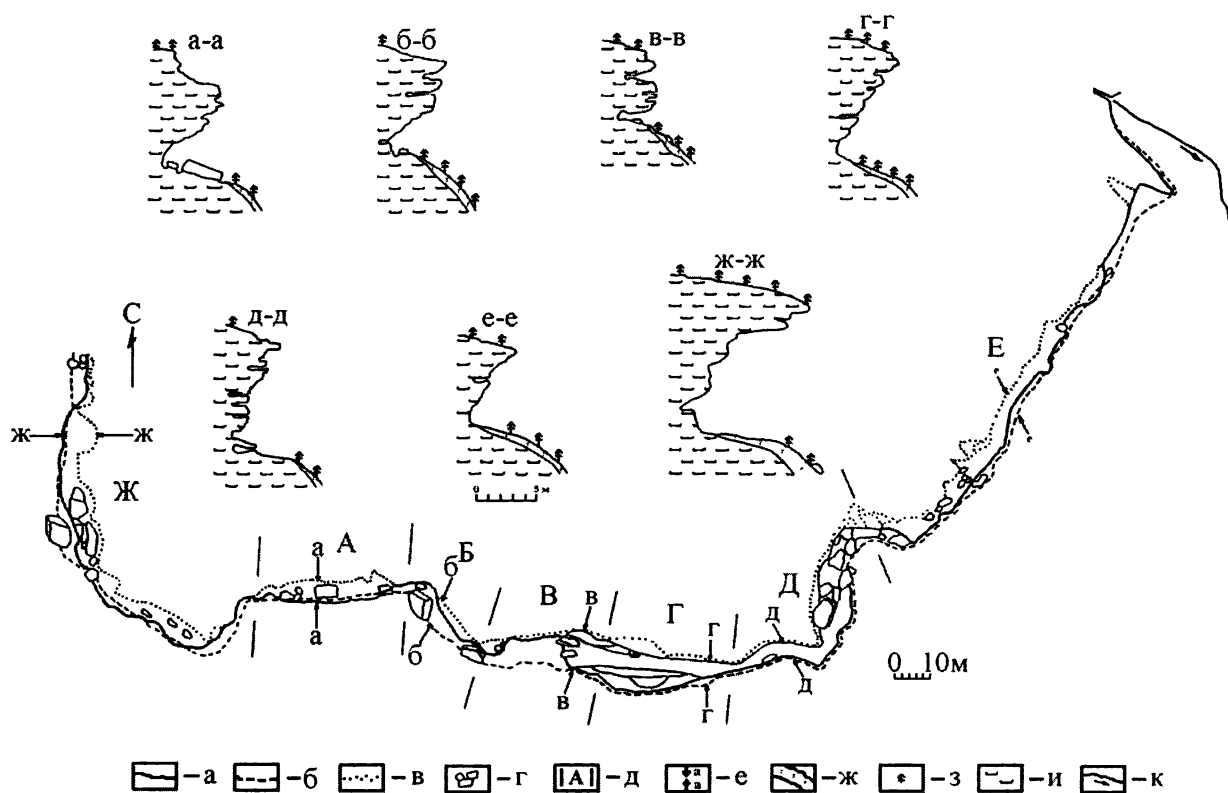

Рис. 1. Могильник Мошечая Балка. План и профили участков: а — граница карниза; б — граница площадки; в — граница стенки навеса; г — камни; д — границы участков; е — вертикальные профили участков; ж — гумусный слой; з — хвойный лес; и — скала; к — ручей Мошечой

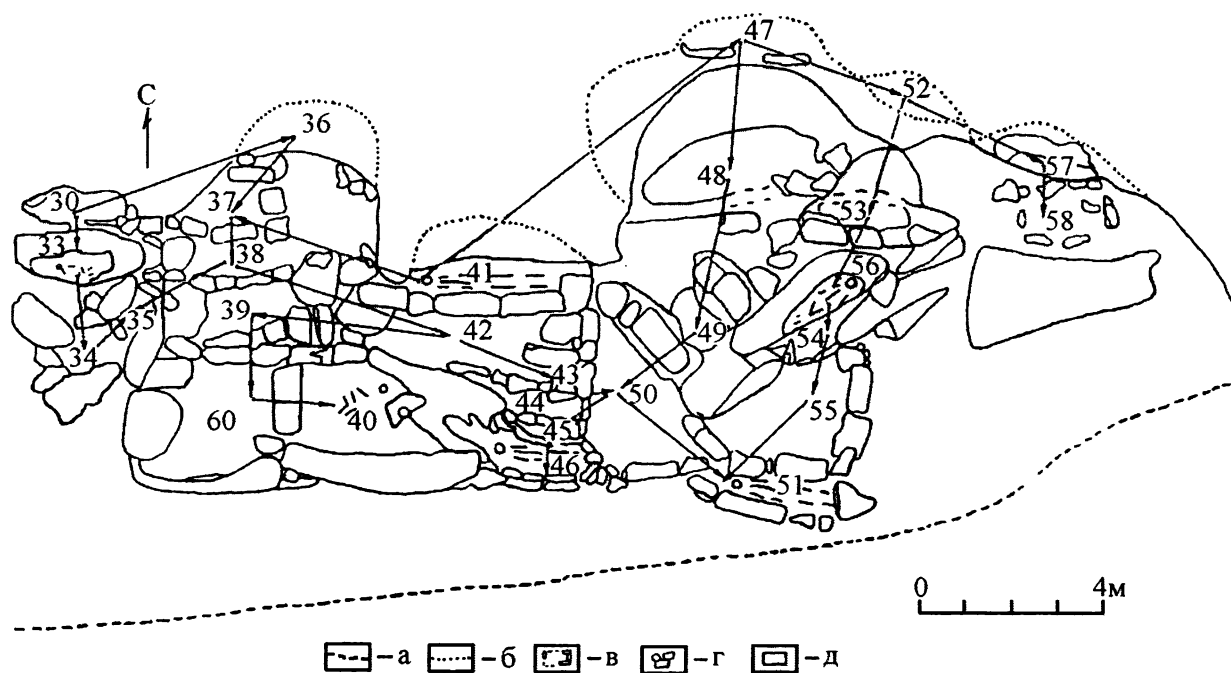

Рис. 2. Могильник Мощевая Балка. Восточная часть участка А: а — граница площадки; б — граница стенки навеса; в — погребение; г — развалы камней; д — плиты (стрелками показана стратиграфическая последовательность захоронений на участке)

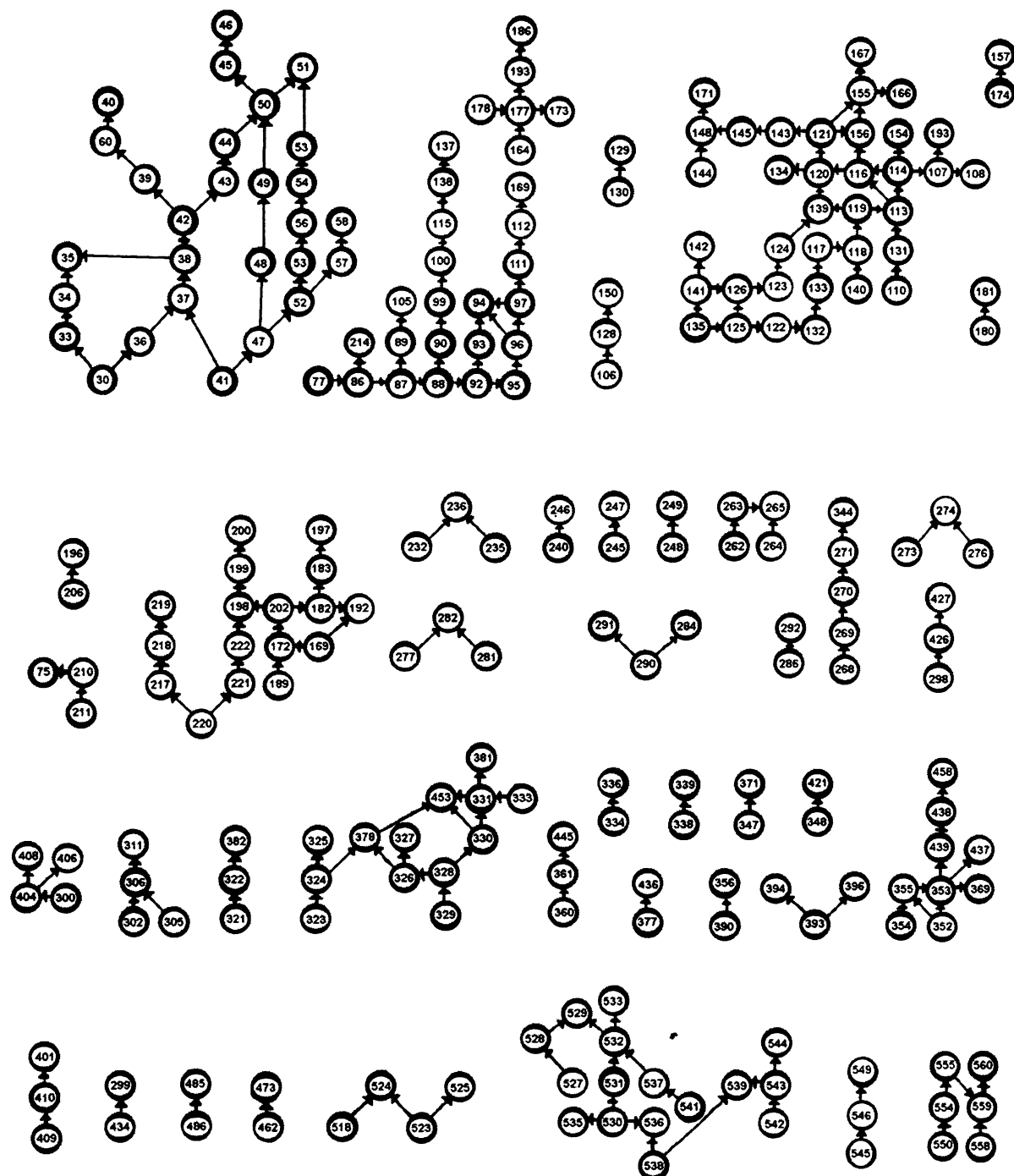

Рис. 3. Могильник Мощевая Балка. Схема стратиграфической последовательности погребений на всех участках

А.В. Пьянков
(КГИАМЗ, Краснодар; МГУ, Москва),

В.А. Тарабанов
(КГИАМЗ, Краснодар)

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУБАНИ И ПОДОНЬЯ САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ*

И. Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что территория Хазарии в раннем средневековье была населена многими народами. Средневековые авторы упоминают алан, болгар, савилов, торков, угров, хазар и многие другие племена. Некоторые погребальные обряды салтово-маяцкой культуры (в широком понимании термина, как археологической культуры Хазарии) исследователи связывают с конкретными народами. Например, катакомбный погребальный обряд, по мнению большинства археологов, бытовал у алан, а погребения в узких грунтовых ямах оставлены различными группами болгар. Идет работа по выявлению хазарских погребальных памятников. Среди проблем хазарской археологии остается нерешенной этническая принадлежность двух групп кремационных погребений, локализованных на юге лесостепного Подонья и на Северо-Западном Кавказе (Закубанье и Северо-Восточное Причерноморье). Наша задача — сравнить погребальные памятники обоих регионов для выяснения характера их близости.

Следует добавить, что несколько разрушенных погребений с подобным обрядом и

инвентарем были обнаружены близ поселения «Козьи Скалы» у горы Бештау в Пятигорье (Кузнецов, Рудницкий, 1998. С. 308). Поскольку погребений выявлено только три, то остается неясным, проживали ли в Пятигорье носители кремационного обряда постоянно или это захоронения воинов, несших службу вдали от дома (все комплексы мужские).

IIа. Первоначально приведем сводки памятников, составляющих обе группы трупосожжений. Наиболее полную сводку трупосожжений Подонья, концентрирующихся в бассейне Северского Донца (Рис. 1), можно найти в монографии В.К. Михеева (Михеев, 1985. С. 6–17. Рис. 1). Донецкую группу кремаций (далее — ДГК) составляют погребальные памятники из 13 могильников¹:

1. На могильнике Сухая Гомольша (Готвальдовский р-н, Харьковская обл.) исследовано 320 погребений и 17 комплексов предметов в тайничках. Опубликована небольшая часть погребальных комплексов и отдельные категории инвентаря (Михеев, 1982. С. 156–167. Рис. 1–7; 1985. С. 8–10. Рис. 5–11; 1986. С. 158–173. Рис. 1–8).

* По совету коллег, авторы вторично публикуют работу, оставшуюся недоступной многим специалистам (Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 18–32), переработанную и дополненную.

¹ Комплекс из разрушенного кургана у с. Большая Орловка, обозначенный на карте В.К. Михеева, как погребение с трупосожжением, нами рассматриваться не будет, поскольку он происходит не из ареала ДГК, а его интерпретация, как захоронения сомнительна (см.: Косяненко, 1983. С. 113–117).

2. Среди погребений биритуального Красноторского могильника 121 комплекс принадлежал кремациям (Балаклейский р-н, Харьковская обл.). Публиковалась лишь общая информация о могильнике, и рассматривались отдельные категории его инвентаря (Михеев, 1990. С. 45–52; Журина, 1995. С. 24–26).

3. При исследовании южной части селища № 2 у городища Маяки (Славянский р-н, Донецкая обл.) на перекрывавшем селище могильнике № 2 было открыто более 50 кремационных погребений и несколько комплексов вещей, связанных с ними. Материалы опубликованы частично (Михеев, 1985. С. 16, 17. Рис. 16, 5–13).

4. В могильнике у с. Новая Покровка (Чугуевский р-н, Харьковская обл.) исследовано 20 погребений и два ритуальных комплекса (материалы 14 погребений из довоенных раскопок не сохранились). Большая часть материалов опубликована (Кухаренко, 1951. С. 99–108. Рис. 31–36; 1952. С. 33–42. Рис. 1–3. Табл. I, II).

5. На территории Дмитриевского биритуального могильника (Щебекевский р-н, Белгородская обл.) открыто семь погребений с кремационным обрядом, опубликованных С.А. Плетневой (Плетнева, 1972. С. 112–118. Рис. 2–5).

6. Среди захоронений биритуального Пятницкого могильника (Чугуевский р-н, Харьковская обл.) исследовано шесть кремационных погребений и один комплекс предметов из разрушенной кремации, частично опубликованных к настоящему времени (Шрамко, 1983. С. 48–50. Рис. 1; Михеев, 1985. С. 11. Рис. 12).

7. В 1891 г. у с. Тополи Купянского уезда Харьковской губернии были найдены предметы со следами пребывания в огне из одного или нескольких кремационных погребений, материалы опубликованы Ю.В. Кухаренко (Кухаренко, 1951. С. 99–102. Рис. 30–32).

8, 9. У с. Мохнач в разное время и в разных местах были случайно обнаружены: одно трупосожжение в урне и комплекс железных предметов из стремян и удил со следами пребывания в огне, которые были опубликованы (Михеев, 1985. С. 10, 11. Рис. 11, 21, 22).

10. Одно трупосожжение было открыто на Верхнесалтовском могильнике еще в начале

XX в. и упоминается В.А. Бабенко (Бабенко, 1911. С. 24; Михеев, 1985. С. 11).

11. Безинвентарная двойная кремация происходит из урочища Бондариха в окрестностях г. Изюм (Плетнева, 1967. С. 101).

12. Еще один комплекс вещей со следами пребывания в огне происходит из п. Кочеток (Чугуевский р-н, Харьковская обл.), опубликован А.К. Дегтярь (Дегтярь, 1984. С. 239–243).

13. Один комплекс вещей, принадлежавший воину-всаднику, был найден в урочище Лысый Горб (п. Лагери, Балаклейский р-н, Харьковская обл.). В.К. Михеев связал эту находку с кремационным погребением (Михеев, 1985. С. 12). Позднее, в 1985 и 1986 гг., здесь же были исследованы еще три погребения с обрядом трупосожжения и кенотаф (Аксенов, Воловик, 1999. С. 34–40, Рис. 1–4).

И16. Кубано-Черноморская группа кремаций (далее — КЧГК) сконцентрирована в причерноморских районах от Анапы до Геленджика на западе и в предгорной полосе Западного Закубанья вплоть до р. Псекупс на востоке (Рис. 2). Северной границей КЧГК являлась р. Кубань, а южной — отроги Кавказских гор и Геленджикская бухта.

Здесь необходимо остановиться на названии группы кремаций VIII — начала X вв., предложенном авторами. На наш взгляд, такое наименование с территориально-географическим акцентом наиболее удобно, поскольку точные границы распространения этих памятников еще не определены. В то же время использование названия Борисовского могильника в качестве эпонимного для всей группы кремаций салтовского времени в регионе, как — первого исследованного памятника с трупосожжениями или имени могильника Дюрсо как наиболее полно исследованного крайне неудобно, поскольку эти некрополи содержали разновременные погребения. Следовательно, использование названий упомянутых памятников в качестве общего наименования будет вносить путаницу в номенклатуру раннесредневековых древностей региона. Недавно Е.А. Армарчук в обобщающей работе по археологии Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. поставила знак равенства между памятниками «абинско-новороссийского»

типа — термином, предложенным в начале 1990-х гг. Н.В. Каминским, и памятниками КЧГК (Армарчук, 2003. С. 224, 225). Исследовательница сослалась на статью Н.В. Каминского, посвященную военному делу алан Северного Кавказа (Каминский, 1993. С. 110). Однако в этой работе не раскрывается содержание термина, хотя из контекста ясно, что речь идет о трупосожжениях, появившихся в Закубанье в начале IX в., но не упомянуто ни одного памятника, ни их верхней хронологической границы (Каминский, 1993. С. 110). Не приведены обоснования для выделения памятников «абинско-новороссийского» типа и в другой работе, где упоминается этот термин (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 64, 67, 68). Авторы не воспользовались этим термином не только потому, что его содержание не конкретизировано автором, но и потому, что он не точно отражает географию распространения кремаций ни в VIII–X вв., ни в более поздние столетия.

Сводка памятников на КЧГК на сегодня насчитывает более 20 памятников.

1. Самым крупным в КЧГК и наиболее полно исследованным некрополем со 173 кремационными погребениями, составившими третью хронологическую группу, является могильник Дюрсо, раскопанный А.В. Дмитриевым под Новороссийском в 1974 г. (Дмитриев, 1975. С. 109, 110). Опубликована лишь часть материалов (Дмитриев, 1979а. С. 54, 55. Рис. 2; 1982. С. 79–81. Рис. 4, 1–29; 2003. С. 203–206. Табл. 86–92). Материалы хранятся в фондах Новороссийского государственного музея-заповедника (далее НГМЗ)

2. До 130 кремационных погребений было исследовано В.А. Тарабановым за полевые сезоны 1986 и 1988 гг. на могильнике Казово 2, расположенного на южном берегу Краснодарского водохранилища (Тарабанов, 1988. С. 65, 66; 1989. С. 107, 108). В научный оборот введено только два комплекса (Тарабанов, 1999. С. 20–26. Рис. 1–3). Кроме того, в фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (далее КГИАМЗ) хранятся несколько коллекций подъемного материала, собранных на могильнике Казово 2 в разные годы

(Пьянков, 1986. С. 58, 59; 1988. С. 95, 344; 1990. С. 158–165. Рис. 46–51).

3. В Борисовском могильнике в окрестностях г. Геленджика В.В. Саханев в течение 1911–1912 гг. раскопал 55 погребений с обрядом трупосожжения и семь вещевых комплексов с предметами того же времени, составивших третью хронологическую группу захоронений (Саханев, 1914. С. 141–155). Автор опубликовал результаты раскопок этих двух лет, где кроме анализа материалов привел краткое описание погребений и комплексов, дал часть планов погребений, типы инвентаря и их иллюстрации в рисунках или фотографиях. Однако полностью инвентарь не был опубликован. В 1913 г. автор продолжил исследования Борисовского могильника, о чем имеется краткое сообщение о результатах работ, из которого следует, что среди 74-х исследованных погребений были кремационные захоронения хазарского времени (ОАК за 1913–1915 гг. С. 159). Во многих работах по раннесредневековой археологии Северо-Западного Кавказа можно найти материалы из Борисовского могильника, но это всегда были сведения и рисунки из публикации В.В. Саханева (см.: Алексеева, 1964, С. 165–169, 199. Табл. V–VII; Ковалевская, 1981. С. 93. Рис. 62). Неопубликованные материалы Борисовского могильника были частично использованы для написания тома — «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.» из серии Археология (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195–198. Табл. 78).

4. В.А. Тарабановым в 1989 г. были исследованы 37 кремационных погребений и несколько объектов на Молдовановском могильнике в Крымском р-не (Тарабанов, 1992. С. 76–78). К настоящему времени полностью опубликован лишь комплекс № 25 и небольшое количество предметов из разных погребений (Тарабанов, 1992. С. 76–78. Рис. 1; 2; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–282. Рис. 1–10). Материалы хранятся в фондах КГИАМЗ.

5. В 1994 г. в урочище Восьмая Щель под г. Новороссийском А.П. Кононенко исследовал часть биритуального средневекового могильника, где было открыто 25 кремационных погребений и 12 синхронных им погребений

лошадей. Материалы не публиковались, хранятся в фондах НГМЗ².

6. На территории Псекупского 1 могильника, расположенного при впадении р. Псекупс в Краснодарское водохранилище, Н.Г. Ловпаче в течение 1982 и 1983 гг. доследовал 12 кремационных погребений хазарского времени (Ловпаче, Тов, 1983. С. 65, 66; Ловпаче, 1985, С. 24, 25). Материалы опубликованы частично. Кроме того, сотрудниками Кавказской археологической экспедицией в 1981–1983 гг. был собран подъемный материал из разрушенных кремационных погребений Псекупского 1 могильника, хранящийся сейчас в фондах Государственного музея искусств народов Востока (далее ГМИНВ) (Сокровища..., 1985. Кат. 466–468, 471–475, 478, 480–489).

7. Северо-Кавказской археологической экспедицией Института археологии в 1986 г. при исследовании могильника Общественного II-го, находившегося к юго-западу от ст. Мингрельской Абинского района, в насыпи кургана 8 открыто шесть кремационных погребений салтовского времени и 20 объектов, синхронных им (Сорокина, 2001. С. 56–64, 67–73, 79, 87, 88, 181–188. Рис. 21–43, 67–69, 75, 79). По мнению автора раскопок и публикации материалов И.А. Сорокиной, значительная часть объектов, залегающих в пахотном слое или сразу под ним, — остатки разрушенных кремационных погребений, которые обычно располагаются на небольшой глубине от поверхности земли (Сорокина, 2001. С. 55).

8. При исследовании Н.В. Анфимовым могильника Тахтамукаевского городища эпохи раннего железа (Тахтамукаевский р-н Адыгеи) был открыт один комплекс предметов, побывавших в огне и, несомненно, связанный с кремационным погребением VIII–IX вв. (Анфимов, 1961. С. 197).

9. При исследовании в 1985 г. отрядом Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ могильника у Ново-Вочепшийского городища среди погребений раннего железного века было открыто несколько ингума-

ционных могил и захоронений лошадей салтовского времени (Носкова, 1990. С. 147–156). Позднее автор раскопок Л.М. Носкова связала с кремационным обрядом комплекс 20 (Носкова, 2002. С. 175). Полностью это погребение не опубликовано.

10. На территории могильника у п. Южная Озерейка во время раскопок в 1995 г. А.В. Шишловым были найдены вещи (сабля, наконечники копий и стрел) из разрушенных кремационных погребений салтовского времени (Шишлов, 1996. С. 248). Предметы не опубликованы, хранятся в фондах НГМЗ.

11. В 2000 г. в фонды КГИАМЗ поступило 218 предметов из разрушенного могильника у пос. Ленинский Путь, район г. Новороссийска. Большая часть предметов относится к салтовскому времени и имеет следы пребывания в огне (Пьянков, 2001а. Рис. 6; 2001б. С. 143–146. Рис. 1). Еще в 1970-е годы этот памятник уже был известен. Тогда на его территории был собран подъемный материал из разрушенных кремаций, который поступил в музей Анапы и Новороссийска (Дмитриев, 1978. С. 48; Салов, 1979. С. 100. Карта № 23). Частично публиковались только предметы из коллекции КГИАМЗ.

12–16. Отдельные комплексы и вещи из разрушенных погребений происходят из нескольких мест г. Новороссийска (ул. Днестровская) и из его окрестностей: п. Мысхако, Большие Хутора, Цемдолина, гора Болтын (Дмитриев, 1978. С. 48; 1984. С. 8) (Не публиковались, хранятся в фондах НГМЗ).

17, 18. В Анапском музее хранится инвентарь из разрушенных кремационных погребений, найденный у пос. Су-Псех (Новичихин, 1998. С. 5) и у ст. Гастагаевской³. Материалы не публиковались.

19. В 1960 г. в Краснодарский музей поступили несколько десятков предметов, часть которых происходила из разрушенных кремационных погребений, найденных на северо-восточной окраине хут. Евсеевского, расположенного сейчас на северном берегу Варнавинского водохранилища, Крымский район (Хранятся в фондах КГИАМЗ под шифром КМ 2217. Не публиковались).

² Авторы выражают свою благодарность А.В. Шишлову и А.П. Кононенко за возможность познакомиться с неопубликованными материалами могильника Восьмая Щель.

³ Авторы выражают свою благодарность А.М. Новичихину за это сообщение.

20. В 1977 г. А.С. Василюшин передал 15 предметов, найденных, по его словам, в 6 км от аула Казазово в сторону аула Диджихабль в чаше Краснодарского водохранилища на глубине 0,3–0,5 м. Вероятно, место находки находилось у р. Дыш к северу от аула Гатлукай. Среди вещей находились два узколезвийных топорика, складной серп, наконечник пики, нож, кресало, бронзовая копоушка в виде стержня с петлей и фрагмент бронзовой поясной подвески. Часть предметов имела следы пребывания в огне, а наконечник пики был специально деформирован в древности. Эти предметы происходят из кремационного погребения или из нескольких погребений (Коллекция не публиковалась, хранится в КГИАМЗ под шифром КМ 4401).

21. В 1988 г. в Южно-Кубанскую археологическую экспедицию были переданы вещи из кремационных погребений, происходящие из разрушенного могильника в окрестностях хут. Хабль Абинского района (Пьянков, 1998б. С. 20–23. Рис. 2, 1, 3). Материалы хранятся в фондах КГИАМЗ.

22, 23. В разное время в Краснодарский музей поступали предметы с берегов Крюковского водохранилища, территория Северского р-на. Предметы из двух пунктов имели следы пребывания в огне и явно происходили из разрушенных кремационных погребений конца X — XIII вв. — это Бугайский Бугор и Крюковский мыс, южный и восточный берега водохранилища соответственно. Среди предметов из этих могильников отдельные вещи относились к предшествующему салтовскому времени. Эти предметы хранятся в нескольких коллекциях в фондах КГИАМЗ. Не опубликованы.

24. В фондах Краснодарского музея-заповедника хранится комплекс VIII–IX вв. из 10 предметов. Комплекс поступил из Адыгеи в 1952 г., но подробности его происхождения и место находки неизвестны. Окалина на железных вещах позволяет связать эти предметы с кремационным обрядом (Пьянков, 1998в. С. 4–10. Рис. 1; 2).

25. Вещи салтовского времени со следами окарины и ритуальной порчи хранятся в музее г. Славянска-на-Кубани. Поступили они

из Западного Закубанья, но точное место находки неизвестно. Эти предметы не публиковались⁴.

III. В научной литературе уже предлагалось решение проблем, связанных с происхождением и этнической атрибуцией обеих кремационных групп как в контексте этнической истории каждого региона в отдельности, так и с учетом параллелей в материалах трупосожжений обоих регионов. Историю изучения памятников ДГК и обзоры различных подходов к их этнической интерпретации можно найти в работах В.К. Михеева, Г.Е. Афанасьева и В.С. Аксенова (Михеев, 1985. С. 6–17; Афанасьев, 1987, С. 150–155; Аксенов, 1999. С. 137–139), что позволяет нам не останавливаться подробно на этом вопросе. Отметим лишь то, что взгляды исследователей на проблему происхождения и этническую принадлежность существенно расходятся. Одни ученые связывают происхождение ДГК с «потомками местных предсальтовских восточнопеньковских племен» (Афанасьев, 1987. С. 150–155), другие видят в них представителей пришлых угорских (Михеев, 1982. С. 166; 1985. С. 52; Плетнева, 1986. С. 43) или тюркских племен (Аксенов, 1999. С. 139). Причем многие исследователи обратили внимание на типологическую близость погребального обряда и инвентаря кремационных погребений ДГК и КЧГК, допуская этническую связь между ними (Михеев, 1982. С. 165; Плетнева, 1990. С. 83; Аксенов, 1999. С. 137–139).

Попытки этнической атрибуции памятников КЧГК также имеют свою историю. Первым высказался по этому поводу В. Саханев. Исследователь Борисовского могильника, интерпретируя материалы грунтовых и подкурганых трупосожжений, предположил их связь с предками адыгов (Саханев, 1914. С. 175, 206). Уже в советское время к этим же материалам обратился Б.А. Рыбаков, который трупосожжения новопокровского типа и сожжения Борисовского могильника связал с древними русами (Рыбаков, 1953. С. 102). Эта гипотеза, в части борисовских материалов,

⁴ Выражаем признательность сотрудникам Славянского музея за возможность познакомиться с закубанскими находками.

подверглась критике А.Л. Монгайта, обратившего внимание на многочисленные аналогии погребальному инвентарю из кремационных погребений среди находок из степных и лесостепных памятников салтовского времени от Волги до Венгрии, что исключало, по его мнению, выделение особой археологической культуры русов и включение в нее Борисовского некрополя (Монгайт, 1955. С. 326).

Интересны взгляды на происхождение кремационного обряда Е.П. Алексеевой, долгое время занимавшейся изучением древностей средневековых адыгов. Первоначально исследовательница, вероятно, под влиянием идей Б.А. Рыбакова допускала принадлежность трупосожжений Северо-Западного Кавказа русам или славянам, хотя и отмечала недостаточную аргументированность этой гипотезы (Алексеева, 1954. С. 227). Впоследствии она стала рассматривать появление в Кубано-Черноморском регионе кремаций как проникновение и расселение в среде адыгов предков абазин, то есть связывала этот обряд с западно-кавказскими погребальными традициями (см.: Алексеева, 1964. С. 169; 1970. С. 299–335; 1971. С. 196–198; 1980. С. 48; 1989. С. 14). Гипотеза Е.П. Алексеевой встретила возражения отдельных исследователей (см.: Дмитриев, 1978. С. 48, 49; Гадло, 1989. С. 11; Пьянков, 1990. С. 164).

После раскопок в 1974 г. могильника Дюрсо автор исследования А.В. Дмитриев высказался в пользу тюркского происхождения населения, оставивших кремации салтовского времени (Дмитриев, 1978. С. 49; 1979а. С. 56). Позднее исследователь присоединился к мнению В.К. Михеева и стал отстаивать угорское происхождение носителей КЧГК (Дмитриев, 2003. С. 206). Последнюю точку зрения на происхождения КЧГК поддерживает и В.А. Тарабанов, допуская, что угры могли быть тюркоязычными к моменту расселения в Кубано-Черноморском регионе (Тарабанов, 1994. С. 58, 59). Другие исследователи ранне-средневековых древностей Северо-Западного Кавказа допускают тюрко-угорское происхождение носителей КЧГК (Пьянков, 1990. С. 164; Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 64, 67, 68; Новичихин, 2000. С. 90–92; Носкова, 2001. С. 37; 2002. С. 177–179) или только тюркское (Каминский, 1993. С. 110).

Хотя все больше исследователей поддерживают идею инородности населения, оставившего памятники КЧГК, гипотеза Е.П. Алексеевой имеет своих сторонников. Вероятно, под влиянием многократно тиражированных идей исследовательницы, Г.Е. Афанасьев, в одной из своих работ пишет: «Мы знаем, что адыго-абхазское население Прикубанского региона практиковало трупосожжение, и этот обряд имеет длительную традицию» (Афанасьев, 2001. С. 53). Однако все аргументы Е.П. Алексеевой, положенные в основу абазинской гипотезы, не выдерживают даже поверхностной критики и на проверку оказываются основанными на ошибках или на некорректном подходе к подбору аналогий (Пьянков, 2002. С. 127–130).

Проблема этнической принадлежности кремационных погребений из Подонья и Прикубанья не может быть удовлетворительно решена без ответа на вопрос о том, что лежит в основе близости их погребального обряда и инвентаря: общность происхождения или явления конвергентного характера?

Поскольку этот вопрос остался без специального рассмотрения, авторы данной статьи предлагают читателям результаты своих наблюдений.

IV. Большая часть материалов по кремационному обряду салтовского времени из упомянутых выше могильников не опубликована, и часть из них осталась недоступной авторам для работы. Следует учитывать и то, что на многих могильниках к началу раскопок значительная часть погребений уже была разрушена. И хотя выводы этой статьи носят предварительный характер, материалы кремационных погребений позволяют выделить устойчивые признаки, общие для обеих групп.

Рассмотрим сначала черты погребального обряда, который, как известно, консервативен и изменяется очень медленно, и, следовательно, может рассматриваться как традиция, присущая конкретному этносу в течение длительного времени. Отдельные детали погребального обряда, как и отдельные предметы погребального инвентаря, могут иметь самостоятельную ценность, как этнические индикаторы или становятся таковыми в сочетании с другими артефактами.

1. Погребальные обряды ДГК и КЧГК укладываются в одну схему. Умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем, после чего кальцинированные кости собирались вместе с золой, угольками, вещами и захоранивались в ямах. Кости зачастую собирались не полностью. Ямы были неглубокие (до 1 м) и имели в плане форму овальную, подпрямоугольную или круглую (см.: Михеев, 1986, С. 162; 1990. С. 51; Ловпаче, 1985. Табл. XXII, 11, 17; XXVIII, 15; XXIX, 11; Аксенов, Воловик, 1999. С. 34–37). Но практически во всех случаях, когда форма погребального сооружения была зафиксирована, яма имела значительно меньшие размеры, чем необходимо для погребения целого трупа. На вариантах деталей погребального обряда (размещение кальцинированных костей отдельными скоплениями или по всей площади могильного дна) мы не останавливаемся, так как для нашей задачи это не существенно.

2. Кости и вещи могли помещать в керамические урны, которые опускались в погребения. Этот вариант обряда одинаково характерен для ДГК и КЧГК. При этом для отдельных могильников характерны только ямные сожжения (Новая Покровка и Пятницкий могильники в ДГК; Дюрсо и Молдовановский могильники в КЧГК). На других присутствуют как ямные, так и урновые сожжения (Красногоровский и Сухогомольшанский могильники в ДГК; Казазовский 2, Псекупский 1, Восьмая Щель в КЧГК). Урнами чаще служили кухонные лепные или круговые горшки, корчаги. Реже использовались кувшины, амфоры и другие сосуды. Урны помещались в ямы дном вниз, дном вверх и реже на боку. Крупные фрагменты керамических сосудов играли роль крышек. Иногда часть вещей укладывалась рядом с урной (оружие, детали снаряжения коня и орудия труда) (см.: Михеев, 1986. С. 158–161; Тарабанов, 1999. С. 21).

Следует заметить, что особняком стоит Борисовский могильник, где обильно представлены кремации в каменных ящиках, не свойственные другим памятникам КЧГК. Особенности этого могильника объясняются тем, что он являлся пограничным между носителями кремационного обряда и местным горским населением. Взаимовлияние этих

двух групп хорошо заметно на этом памятнике (см.: Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 196).

3. Обязательной чертой погребального обряда ДГК и КЧГК являлась ритуальная порча вещей (преимущественно металлических). Практически все категории металлических предметов могли подвергнуться преднамеренной деформации: сабли ломались, складывались в несколько раз или сворачивались в кольцо; сгибались наконечники копий, боевые топоры, ножи; часто ломались стремяна, удила с псалиями и другие детали снаряжения коня; браслеты, пинцеты, копоушки и перстни; дужки от котлов, вертела, вилки и очажные цепи, и многие другие предметы. Заметим, что порче подвергались не все предметы погребения или ритуального комплекса, а лишь часть из них. В могильнике Казазово 2 на 125 погр. 46 содержали намеренно испорченный инвентарь, а в Молдовановском могильнике 28 погребений из 37 имели такие предметы. Могила, не содержащая испорченных вещей, были, как правило, безынвентарными. Обычно, в погребении присутствовало от одного до пяти испорченных предметов.

Этот обычай не может быть объяснен небольшими размерами погребальных ям и урн, так как кроме сабель ломались и совсем мелкие предметы. Трудно объяснить его и обрядом обезвреживания покойника, поскольку могли быть испорчены не только оружие, острые предметы и снаряжение коня, но и все прочие вещи. К тому же во многих случаях оружие (наконечники копий, боевые топоры, кинжалы и т.д.) оставалось целым. Здесь следует искать другое объяснение.

Ритуальная порча вещей зафиксирована в погребальных обрядах у многих народов Евразии в древности и в средневековье. У племен ДГК и КЧГК эта особенность погребального обряда является устойчивым признаком и встречена на всех могильниках обеих групп и практически во всех погребениях и комплексах, где присутствовали металлические предметы.

4. На могильниках обеих групп присутствуют тайнички в небольших ямках, устроенные рядом с отдельными погребениями. Возможно, это поминальные комплексы. В тайничках находят оружие, детали снаря-

жения коня и другие металлические предметы. В некоторых случаях поминальные комплексы трудно связать с конкретным погребением. Они могут быть даже вынесены в сторону от всей массы захоронений. Часть комплексов содержат предметы, принадлежавшие воинам-всадникам. Эта особенность могильников ДГК и КЧГК также является их устойчивым признаком.

5. В погребениях обеих групп регулярно фиксируется обычай принесения даров умершим. Об этом свидетельствуют находки в мужских погребениях и в поминальных комплексах с воинским снаряжением отдельных скоплений предметов женского туалета (бусы, браслеты, перстни, серьги и тд.). Часто эти дары не имеют следов пребывания в огне. Видимо, большая часть предметов-подарков бросалась в яму или урну после кремирования умерших. В богатых воинских комплексах такими дарами могли быть золотые серьги.

6. У народов Хазарского каганата имел широкое распространение обычай хоронить вместе с умершими лошадей. Их погребали как в одной могиле с покойником, так и в отдельной яме рядом с хозяином. Для таких захоронений отбирали боевых коней. Костяки лошадей или их части встречаются в ямных и катакомбных погребениях на грунтовых могильниках (Плетнева, 1989. С. 248–251. Табл. 57; Савченко, 1986. С. 95, 97; Каминский, 1987. С. 188; Винников, Афанасьев, 1991. С. 67) и в подкурганых погребениях (Мошкова, Максименко, 1974. С. 45–48; Мажитов, 1977. С. 79–84; Магомедов, 1983. С. 80; Круглов, 1992. С. 92). Этот обычай был известен в Кубано-Черноморском регионе еще в досалтовское время (Дмитриев, 1979б. С. 212–219; Пьянков, 1998а. С. 50). Однако для могильников ДГК и КЧГК захоронения лошадей не характерны и на многих памятниках они неизвестны. Исключение составляет могильник Восьмая Щель, где открыты кремации с лошадьми и отдельные захоронения лошадей. Кроме того, погребение лошади в отдельной яме найдено на Пятницком могильнике (Шрамко, 1983. С. 49) и в ямном сожжении 93 Красногорского могильника (Михеев, 1990. С. 51). Заметим, что Пятницкое захоронение коня могло и не иметь отношение к погребениям людей, а являлось выкупной жертвой за участок могиль-

ника. Подобным образом интерпретировал В.С. Аксенов одиночные погребения лошадей из Красногорского могильника (Аксенов, 1995. С. 11). Вероятно, так можно объяснить и два конских захоронения, найденные на территории кремаций в могильнике Дюрсо. Присутствие лошади в кремации 93 Красногорского могильника может быть объяснено и влиянием ингумационного погребального обряда, носители которого хоронились на этом же памятнике (Михеев, 1990. С. 46–50; Аксенов, 1995. С. 10–12). Что касается захоронений лошадей в могильники Восьмая щель, то этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Возможно, это проявление влияния других погребальных традиций бытовавших у других народов полиэтнического Хазарского каганата.

V. Оружие, орудия труда, бытовые предметы и украшения подвергались значительной нивелировке на территории Хазарского каганата и на сопредельных землях, что затрудняет выявление специфичного для ДГК и КЧГК погребального инвентаря. Обращают на себя внимание несколько категорий вещей характерных для обеих кремационных групп. Одни предметы, вероятно, изготавливались только носителями кремационного обряда, и у других народов встречаются исключительно редко. Другие вещи, хорошо известные салтово-маяцкому населению и их соседям, за некоторым исключением использовались в погребальной практике только носителями кремационного обряда. К первым мы относим.

1. Широколезвийные наконечники копий с отверстиями у основания пера, по середине которых проходит продолжение круглой втулки. А.В. Крыганов, изучавший вооружение и войско ДГК, выделил два варианта (листовидный и пламевидный) широколезвийных наконечников в 6 тип III отдела, отметив, что оба варианта этого типа встречаются только у носителей кремационного обряда в салтово-маяцкой культуре и, по мнению исследователя, являлись своеобразными штандартами воинских начальников (Крыганов, 1989. С. 103). Эти наконечники встречаются в паре с наконечниками других типов только в богатых воинских комплексах (Крыганов, 1989. С. 109). Две точные аналогии этому типу известны только в Дунайской Болгарии в урно-

вой кремации IX–X вв. и в Елыкаевской коллекции VII–VIII вв. Томского университета, а наконечники копий других типов с отверстиями в лопастях известны в древностях авар и дунайских болгар (Крыганов, 1989. С. 103).

В могильниках КЧГК известны оба варианта широколезвийных наконечников копий 6 типа. Так, в Молдовановском могильнике в погр. 2 был найден наконечник копья с пламевидным пером и отверстиями в его основании вместе с наконечником узколезвийной пики (Рис. 3, 7). Еще один такой наконечник с листовидным пером происходит из подъемного материала с территории этого же могильника (Рис. 3, 8). Один подобный наконечник копья происходит из погр. 6 могильника Общественного II (Сорокина, 2001. С. 67. Рис. 30, 1).

Следует заметить, что двойной набор наконечников копий встречен в нескольких кремациях могильника Казазово-2, правда, это были наконечники обычных типов (Тарабанов, 1989б. С. 107).

2. Наконечники стрел в виде широких прорезных лопаточек (срезней) А.Ф. Медведев отнес к типу 56 и указал, что распространены они были только в VIII–IX вв. (Медведев, 1966. С. 71). По А.В. Крыганову, эти наконечники отнесены к типу 7 (Крыганов, 1989. С. 98). В памятниках ДГК подобные наконечники известны в могильнике у Новой Покровки (Кухаренко, 1951. Рис. 36) и в комплексе у с. Кочеток (Дегтярь, 1984. Рис. 1, 11, 12).

В могильниках КЧГК лопаточковидные срезни (Рис. 3, 1–6) найдены в могильниках Борисовском, три экземпляра (Саханев, 1914. С. 144. Табл. III, 7; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195–198. Табл. 78, 11). Значительное количество подобных наконечников происходит из Дюрсо (Дмитриев, 1979а. Рис. 2, 5, 17; 2003. С. 203. Табл. 89, 23–31). Один экземпляр происходит из погр. 8 Общественного II могильника (Сорокина, 2001. С. 70. Рис. 31, 11). В Ново-Вочепшийском могильнике в погребении 22 был найден один экземпляр (Носкова, 1990. Рис. 45, 2). В могильнике Казазово 2, найдено шесть экземпляров (Тарабанов, 1987. Рис. 295, 6–9; 1999. Рис. 3, 19–22; Пьянков, 1990. Рис. 49, 15, 16). А в Молдовановском — 4 экземпляра (Тарабанов, 1990. Рис. 96, 9, 10; 265, 11; 359, 10). Один такой экземпляр находился среди подъемного материала с терри-

тории могильника Ленинский Путь (Пьянков, 2001б. С. 144. Рис. 1, 23).

Кроме кремационных погребений, два срезня были найдены в слоях Правобережного Цимлянского городища и городища Екимауцы в Молдавии (Ляпушкин, 1958. Рис. 16, внизу; Медведев, 1966. С. 71), один экземпляр в могильнике у совхоза «Красный Восток» на Тамбовщине (Алихова, 1949. Рис. 14, 8), один экземпляр в Больше-Тиганском могильнике в Приуралье (Chalikova, Chalicov, 1981. Taf. XII, 5).

В Закубанье в могильнике Казазово 1 присутствовали два прорезных срезня (Тарабанов, 1983. Рис. 1, 13, 14). Стоит упомянуть такой срезень из собрания Сочинского музея (Алексеева, 1964. Табл. II, 14) и экземпляр найденный на поселении «Козьи Скалы» в Пятигорье (Кузнецов, Рудницкий, 1998. Рис. 11, 14), но здесь он может быть связан с присутствием носителей кремационного обряда.

Заметим, что наконечники этого типа единично представлены в ингумационных могильниках салтовского времени. К тому же закубанские могильники находятся в пределах ареала трупосожжений и синхронны КЧГК. Поэтому наличие в этих погребениях нескольких лопаточковидных срезней объясняется непосредственным заимствованием их у носителей кремационного обряда.

Возможно, истоки лопаточковидных наконечников этого типа следует искать в предшествующих по времени археологических культурах Центральной Азии и Южной Сибири. Например, у кокзельских племен бытовали близкие типы наконечников, а прорезные наконечники стрел иных типов были известны уже хуннам (Худяков, 1986. Рис. 9; 27, 1, 3).

3. В погребениях КЧГК встречены редкие для хазарского времени наконечники стрел с рамчатым пером, имеющим листовидную, асимметрично-ромбическую или подтреугольную форму (Рис. 4, 1–16). Они найдены в могильнике Дюрсо (Дмитриев, 1979а. Рис. 1, 8; 2003. Табл. 89, 32–39). Один экземпляр происходит из погр. 8 кургана 8 Общественного II могильника (Сорокина, 2001. С. 70. Рис. 31, 12). В могильнике Казазово 2 найдены три экземпляра (Тарабанов, 1987. Рис. 453, 10; 1989а. Рис. 328, 1; Пьянков, 1988. Рис. 359, 1), а в Молдовановском могильнике — 11 эк-

земпларов из раскопок 1989 г. (Тарабанов, 1990. Рис. 91, 4–6; 265, 12; 322, 1–7; Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 8, 22–24, 27–29), один экземпляр найден в 1977 г. (Тарабанов, 1990. Рис. 558, 9) и один экземпляр найден в 1997 г. (Рис. 4, 11). В погребениях Восьмой Щели обнаружено три таких наконечника. На территории могильника Ленинский Путь найдено три подобных наконечника (Пьянков, 2001а. Рис. 6, 4, 9; 2001б. С. 144. Рис. 1, 24).

Нам известна только одна аналогия за пределами ареала КЧГК, которая происходит из комплекса у с. Кочеток (Дегтярь, 1984. Рис. 1, 13).

Рамчатые наконечники изготавливались на Руси в домонгольское время и на Кавказе в позднесредневековую эпоху, но так же были редки, как и в хазарское время (Медведев, 1966, С. 62; Мамаев, Чаккиев, Даутова, 1983. С. 64, 67).

Вторую группу составили следующие категории предметов.

1. Складные серпы в Восточной Европе бытовали в лесной и лесостепной зонах в VIII–XIII вв. (Минасян, 1978. С. 81). Но в погребальной практике их использовали немногие этносы (рис. 5, 1, 2). В.К. Михеев первым обратил внимание, что эта категория предметов в VIII–IX вв. встречается только в трех регионах Восточной Европы. Первый регион, названный В.К. Михеевым Подонье (Тополи, Новая-Покровка и Сухая Гомольша); второй регион — это Верхнее и Среднее Поволжье (Больше-Тарханский, Крюково-Кужновский могильник, селище Попадивка); третьим регионом, где бытовали складные серпы, является Северо-Западный Кавказ (Бесленевская, Борисовский, Дюрсо и Геленджик) (Михеев, 1985. С. 47). Заметим, что в районе Бесленевской, упомянутой Михеевым, нет кремаций VIII — начала X вв. Кроме того, в Закубанье и на Черноморском побережье Краснодарского края складные серпы встречаются и в погребениях X–XIV вв. (см.: Алексеева, 1964. С. 175; Армарчук, 2003. С. 220). Следовательно, бесленевский серп скорее всего может быть датирован более поздним временем. Возможно, и геленджикская находка относится к более позднему времени.

В книге В.К. Михеева приведены сведения о десяти складных серпах ДГК. Автором опубликованы рисунки восьми складных серпов из Сухой Гомольши (Михеев, 1985. Рис. 7,

4; 9, 15; 10, 47; 26, 1–5, 7, 8), один серп из Пятницкого комплекса (Михеев, 1985. Рис. 12, 2) и один серп из комплекса с. Тополи, ошибочно названный серпом из могильника Новая Покровка (Михеев, 1985. Рис. 26, 6). Кроме того, какое-то количество складных серпов найдено в погребениях Красногорского могильника, материалы которого полностью не публиковались. Во всяком случае один серп из кремационного комплекса упомянут в статье по погребальному обряду этого могильника (Михеев, 1990. С. 52).

В список складных серпов из КЧГК входят два серпа из Борисовского могильника, (Саханев, 1914. С. 150. Табл. III, 20); один экземпляр из могильника Казазов 2 (Тарабанов, 1987. Рис. 89, 9); восемь экземпляров из Молдовановского могильника (Тарабанов, 1990. Рис. 61, 4; 285, 13; 482; 570, 1, 2); пять фрагментированных экземпляров из могильника, перекрывавшего курган 8 в группе Общественный II (Сорокина, 2001. С. 64, 68. Рис. 24, 5) и четыре экземпляра из могильника Ленинский Путь (Пьянков, 2001б. С. 144. Рис. 1, 19). Найден складной серп и в могильнике Восьмая Щель. Один такой серп происходит из могильника в устье р. Дыш. Нет точных данных о количестве складных серпов из погребений могильника Дюрсо, но в последней работе, посвященной этому интересному памятнику, автор раскопок сообщает, что серпов найдено много и среди них присутствуют складные экземпляры (Дмитриев, 2003. С. 204. Табл. 92, 2, 6, 7). Добавим, что на территории могильника Казазово 2 найдено много фрагментов серпов, происходящих из разрушенных погребений, и часть из них, судя по размерам и форме, могла принадлежать складным экземплярам.

По обоснованному мнению В.К. Михеева, складные серпы входили в снаряжение конного воина высокого социального статуса — дружинника, поскольку встречаются в погребениях с богатым набором вооружения, конской сбруей и другими предметами (Михеев, 1985. С. 47, 48).

2. Замечательным фактом является распространение в памятниках ДГК и КЧГК коньковых подвесок (Рис. 5, 3–6). По классификации Л.К. Голубевой, они соответствуют второму варианту первого типа (Голубева, 1966. С. 86, 87).

Краткую сводку коньковых подвесок хазарского времени опубликовал В.К. Михеев, выявив три региона распространения подвесок этого типа: Волжско-Приуральский, Северодонецкий и Северокавказский (Михеев, 1982. С. 163, 164). В последнем регионе им учтены более 10 подвесок из могильника Дюрсо, и две подвески из окрестностей Новороссийска и Таманского полуострова (Михеев, 1982. С. 164). Заметим, что из 36 подвесок, учтенных Михеевым, 27 происходят из кремационных погребений (могильники Сухогомольшанский, Дюрсо и окрестности Новороссийска). Еще четыре подвески найдены в Молдовановском могильнике: один происходит из сборов А.М. Ждановского в 1977 г.; два из погр. 8 (Тарабанов, 1990. Рис. 144, 1, 2), и один экземпляр найден в разрушенном погребении в 1997 г. (хранилась у А.И. Семенова). Молдовановские подвески из погр. 8 неоднократно публиковались в печати, но в работе В.Н. Каминского и И.В. Каминской-Цокур были ошибочно отнесены к находкам из могильников Мартан-Чу и Казазово 2 (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. Рис. 1, 1, 2). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что только в кремационных погребениях находят по несколько коньковых подвесок вместе, как в м-ках Сухогомольшанском и Молдовановском (Михеев, 1982. С. 164; Тарабанов, 1992. Рис. 3, 9, 11).

3. В хазарское время в Восточной Европе бытовали предметы, которые можно назвать очажными принадлежностями: двузубые вилки и стержни с крюком для вытаскивания мяса из котлов, вертела из крученых железных прутьев, черпаки, очажные цепи с крюками для подвешивания котлов, сами бронзовые котлы и дужки от них. Эти предметы находят на поселениях Подонья, Поволжья-Приуралья, Северного Кавказа (см.: Плетнева, 1967. С. 154; 1981. Рис. 36, 45, 46, 58; Крюково..., 1952. Табл. XX, 1; Казаков, 1992. Рис. 49, 1; Михеев, 1985. Рис. 37, 1–8; Саханев, 1914. Рис. 30; 31; Кузнецов, Рудницкий, 1998. Рис. 10, 1–3, 5–8; 11, 15). За исключением металлических котлов, очажный инвентарь крайне редко встречается в ингумационных погребениях. Авторам известен лишь один такой случай: в трупоположении из 1 Псекупского могильника были найдены котел, очажная цепь с крюками, стилизованными под бычьей головки, черпак и вертел (Ловпаче, 1985.

Табл. XXVI). Этот случай может объясняться непосредственным влиянием носителей кремационного обряда, проживавших рядом.

В погребениях ДГК и КЧГК очажные принадлежности или их фрагменты встречаются заметно чаще. В Подонье в комплексе у с. Тополи найдены очажная цепь и дужки от котла (Кухаренко, 1951. С. 100. Рис. 30, 6; 31, 13), в Пятницком могильнике — очажная цепь (Михеев, 1985. Рис. 12, 14), в Сухогомольшанском могильнике найдены вилки и вертела (Михеев, 1985. Рис. 10, 50, 53; 37, 9), во 2-м Маяцком могильнике встречены две вилки и две вертела (Михеев, 1985. С. 17). В кремационных погребениях Красногорского могильника также были встречены котлы и другие очажные принадлежности (Михеев, 1990. С. 51).

На Северо-Западном Кавказе из Борисовского могильника происходят черпак, очажная цепь, вилка, шампур и два котла (Саханев, 1914. С. 118, 119, 150, 155, рис. 31, 33); из могильника Казазово 2 — вилка, очажные крюки, дужки от котлов и детали очажной цепи из сборов 1985 г. (Пьянков, 1990. Рис. 48, 20, 28), вилка и фрагменты очажной цепи (рис. 5, 9, 11) из раскопок 1986 и 1988 гг. (Тарабанов, 1987. Рис. 118; 443; 1989а. Рис. 332, 7). В Молдовановском могильнике обнаружены вилки (Рис. 5, 10), фрагменты вертелов и очажных цепей (Тарабанов, 1989а. Рис. 305, 5; 542; 543; 590). Среди материалов из Ленинского Пути находится крупный фрагмент вертела из крученого стержня (Пьянков, 2001б. С. 145. Рис. 1, 14). Вероятно, фрагмент такого же стержня из разрушенных комплексов у хут. Хабль: это остатки крюка, вилки или вертела из очажных принадлежностей (Пьянков, 1998б. С. 22. Рис. 3, 3).

Найдены очажные принадлежности и в комплексах могильника Восьмая Щель (вилка, шампур). Что касается могильника Дюрсо, то данные о точном количестве очажных принадлежностей из кремационных погребений неизвестны; часть материалов (очажная цепь, шампур, вилка и крюк) были опубликованы автором раскопок (Дмитриев, 2003. С. 204. Табл. 92, 10–13).

Очажный инвентарь, несомненно, показатель зажиточности и особого социального статуса погребенного. До недавнего времени для горцев Кавказа очаг и очажная цепь — предметы почитания и поклонения, играв-

шие большую роль в различных обрядах, в том числе в погребальном (Меретуков, 1968. С. 305; Калоев, 1984. С. 85, 86; Кузнецов, 1993. С. 162–169; Чачхалия, 1998. С. 87–91). Однако обычаи горцев Кавказа не допускали помещение очажной цепи вместе с умершим в могилу, что делалось лишь в случае прекращения фамилии или рода, причем чаще ее бросали на могилу или вешали на дерево в священной роще (Меретуков, 1968. С. 305; Калоев, 1984. С. 85, 86). Видимо, эта черта кремационного обряда не кавказская по своему происхождению.

4. Классифицируя ножи Восточной Европы, Р.С. Минасян делает предположение, что ножи из могильника Дюрсо, как и другие салтовские кассетные ножи, являются метательным оружием (Минасян, 1980. С. 72). От двух до четырех ножей из нескольких кассет находят в погребениях салтово-маяцкой культуры. И только в кремационных могильниках количество ножей может достигать пять и даже шесть экземпляров в одном погребении, как в могильниках Дюрсо и Сухогольшанском (Минасян, 1980. С. 72; Михеев, 1985. Рис. 11, 16–20; Дмитриев, 2003. С. 204. Табл. 90, 15–24). А в Молдовановском могильнике в трёх погребениях было найдено ножей более четырёх одновременно: в погр. 32 — шесть экземпляров, в погр. 34 — пять экземпляров и в погр. 25 сразу 10 экземпляров (Тарабанов, 1989а. Рис. 339, 340, 417 и 436; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 279, 280. Рис. 9, 1–5, 7, 8, 10–12). Железные ножи одна из самых массовых находок в разрушенных кремационных погребениях. Только в сборах 1985 г. на могильнике Казазов 2 было найдено 56 целых и фрагментированных экземпляров (Пьянков, 1990. С. 160. Рис. 48, 9, 11–17). Близкая ситуация наблюдается среди подъемного материала могильника Ленинский Путь (19 экз.) (Пьянков, 2001а. Рис. 6, 24; 2001б. С. 144. Рис. 1, 27) и в погребениях Восьмой Щели. Вероятно, обилие ножей на этих памятниках объясняется присутствием в могилах кассетных наборов с высоким количеством метательных ножей. В то же время в могильниках Общественный II (Сорокина, 2001. Рис. 22, 8; 23, 5; 25, 1; 32, 4; 36, 2, 3; 40, 14; 41, 3, 4) и Борисовском в кремационных погребениях (19 ножей) (Саханев, 1914. С. 146. Табл. III, 14, 15, 21) и в Псекупском I (Ловпаче, 1985. Табл. XXII, 3; XXIII, 24; XXVIII,

12) количество ножей в одном погребении не превышает четырёх экземпляров.

VI. Перечисление сходжений в материалах из памятников ДГК и КЧГК может быть продолжено, но соавторы решили ограничиться приведенными примерами, которых достаточно для предварительных выводов.

В связи с этим, сходство погребальных обрядов и погребального инвентаря, которое не может быть объяснено прямым заимствованием, следует признать значительным. Население, оставившее памятники ДГК и КЧГК, не являлось соседями, а проживало на значительном расстоянии друг от друга и не могло оказывать непосредственного влияния друг на друга. Следовательно, обе этнические группы имели общее происхождение и, возможно, поддерживали между собой более или менее тесные общины. Поселившись вдали друг от друга, носители кремационного обряда долго сохраняли общие для них черты материальной и духовной культуры.

Авторы намеренно оставили за пределами работы многие вопросы, связанные с изучением кремаций салтовского времени, чтобы сосредоточиться на основной теме, которой посвящена эта статья. Проблемы хронологии древностей ДГК и КЧГК и их происхождения требуют самостоятельного исследования. Кроме того, не рассмотрен такой важный вопрос, как правомерно ли считать кремационные памятники отдельной археологической культурой или перед нами особый вариант салтово-маяцкой культуры, поскольку ее ареал распространения практически совпадает с ареалом ДГК. Заметим лишь, что И.Л. Кызласовым уже предложено называть памятники ДГК и КЧГК новопокровской археологической культурой (Кызласов, 2003. Прим. 7).

Взгляды соавторов на этническую принадлежность, рассмотренных здесь двух кремационных групп, существенно отличаются, что не позволяет рассматривать этот вопрос в совместной работе (см.: Тарабанов, 1994. С. 58, 59; Пьянков, 2001а. С. 198–208).

Проживание носителей обеих групп на разных территориях в различном этническом окружении, несомненно, привело к появлению некоторых различий в материальной культуре и погребальном обряде, которые также требуют отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В.С., 1995. Захоронения с конем у населения Северо-Западной части Хазарии (по материалам Нетайловского и Краснотарского могильников) // Тез. докл. МНК «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.». Самара.
- Аксенов В.С., 1999. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матеріали Міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». Дніпропетровськ.
- Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999. Новый салтовский могильник в Верхнем Подончье // Донские древности. № 3–4.
- Алексеева Е.П., 1954. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института. Вып. II. Черкесск.
- Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Ставрополь.
- Алексеева Е.П., 1970. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.
- Алексеева Е.П., 1980. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск.
- Алексеева Е.П., 1989. Происхождение абазин // Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск.
- Алихова А.Е., 1949. Могильник у совхоза «Красный Восток» // КСИИМК. Вып. 29.
- Анфимов Н.В., 1961. Тахтамукаевский могильник // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.
- Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.
- Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
- Афанасьев Г.Е., 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. № 2.
- Бабенко В.А., 1911. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года // Труды XIV АС. Т. III. М.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культывые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
- Гавриутхин И.О., Пьянков А.В., 2003. Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. Археология. М.
- Гадло А.В., 1989. Тмутараканские этюды. II. (Держава Инала и его потомков) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып 3 (№ 16).
- Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3.
- Дегтярь А.К., 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. № 2.
- Дмитриев А.В., 1975. Раннесредневековый могильник на р. Дюрсо близ Новороссийска // Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конф.). Ч. III. Киев.
- Дмитриев А.В., 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX веков в районе Новороссийска—Геленджика // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Нальчик.
- Дмитриев А.В., 1979а. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158.
- Дмитриев А.В., 1979б. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4.
- Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения на-

родов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. М.

Дмитриев А.В., 1984. Проблемы изучения средневековых памятников в районе Новороссийска // Материалы к научно-практическому семинару на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982–1983 гг. и задачи на 1984–1985 гг.». Краснодар.

Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. Археология. М.

Журина О.Н., 1995. Средневековые украшения салтовской культуры из Красногорского могильника на Харьковщине // Тез. докл. МНК «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.». Самара.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.

Калоев Б.А., 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М.

Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. № 4.

Каминский В.Н., 1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Причерноморья. *Studia Pontocavcasica* I. Краснодар.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3.

Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Косяненко В.М., 1983. Погребение у слободы Большая Орловка — ранний памятник салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Крыганов А.В., 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск.

Крюково-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII–IX вв. Моршанск, 1952.

Кузнецов В.А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.

Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р., 1998. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь.

Кухаренко Ю.В., 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. XLI.

Кухаренко Ю.В., 1952. Новопокровский могильник и поселения // Археология. Т. VI.

Кызласов И.Л., 2003. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Пенза.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Ловпаче Н.Г., Тов А.А., 1983. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62.

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал VII–XVI вв. М.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. E1–36.

Меретуков М.А., 1968. Культ очага у адыгов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. VIII. Майкоп.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. № 19.

Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. № 21.

Михеев В.К., 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2.

Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Михеев В.К., 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. № 3.

Михеев В.К., 1990. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Монгайт А.Л., 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. Т. XXIII.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М.

Новичихин А.М., 1998. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар.

Новичихин А.М., 2000. Очерки по истории Анапы. Анапа.

Носкова Л.М., 1990. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Носкова Л.М., 2001. Этнический состав населения Закубанья в эпоху раннего средневековья // Поволжье в средние века. Тез. докл. Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород.

Носкова Л.М., 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М.

ОАК за 1913–1915 гг., 1918. Пг.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.

Плетнева С.А., 1972. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М.

Плетнева С.А., 1981. Восточноевропейские степи во второй половине VIII — X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1986. Хазары. М.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева С.А., 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.

Пьянков А.В., 1986. Новый средневековый могильник у аула Казазово // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе.

Пьянков А.В., 1990. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Пьянков А.В., 1998а. Раскопки могильника Бжид 1 на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани. Вып. 8. Краснодар.

Пьянков А.В., 1998б. Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар.

Пьянков А.В., 1998в. Комплекс раннесредневековых предметов VIII–IX вв. из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани. Вып. 12. Краснодар.

Пьянков А.В., 2001а. Касоги — касахи — кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар.

Пьянков А.В., 2001б. Раннесредневековый могильник у пос. Ленинский Путь // Третья Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. международной археологической конференции. Краснодар-Анапа.

Пьянков А.В., 2002. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-Черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции (29 мая — 3 июня 2001 г.). Ростов-на-Дону.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (Раскопки 1989 г.) // МИАСК. Вып. 3.

Рыбаков Б.А., 1953. Древние русы // СА. Т. XVII.

Савченко Е.И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на ново-строяках. Вып. 1. М. -

Салов А.И., 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159.

Саханев В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. Вып. 56.

Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.

Сорокина И.А., 2001. Курганные могильники Закубанья. Краснодар.

Тарабанов В.А., 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Л.

Тарабанов В.А., 1988. Исследование средневековых памятников в районе аула Казазово Адыгейской автономной области в 1986 г. // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала.

Тарабанов В.А., 1989б. Вооружение и снаряжение всадника VIII–X вв. в могильниках Казазово I и II // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар.

Тарабанов В.А., 1992. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.

Тарабанов В.А., 1994. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Kisловодск.

Тарабанов В.А., 1999. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар.

Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.

Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Чачхалия Д.К., 1998. Абхазская святыня в старом Сочи. О почитании очажной цепи на Кавказе // Этнографическое обозрение. № 1.

Шишлов А.В., 1996. Раскопки могильника античного времени в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска // АО–1995.

Шрамко Б.А., 1983. Погребение VIII–IX вв. у с. Пятницкое Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск.

Chalikova E.A., Chalicov A.H., 1981. Altungarn an der Kama und im Ural. Regeszeti Fuzetek Ser. II. № 21.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Пьянков А.В., 1988. Отчет о раскопках курганов могильников Центрлаба 2 и 3 Мостовского района Краснодарского края в 1987 году. Краснодар // Архив КГИАМЗ. НА-464.

Тарабанов В.А., 1987. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской АО Краснодарского края в 1986 году. Краснодар // Архив КГИАМЗ. НА-469.

Тарабанов В.А., 1989а. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской АО Краснодарского края в 1988 году. Краснодар // Архив КГИАМЗ. НА-478.

Тарабанов В.А., 1990. Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Молдовановское Крымского района Краснодарского края в 1989 году. Краснодар // Архив КГИАМЗ. НА-487.

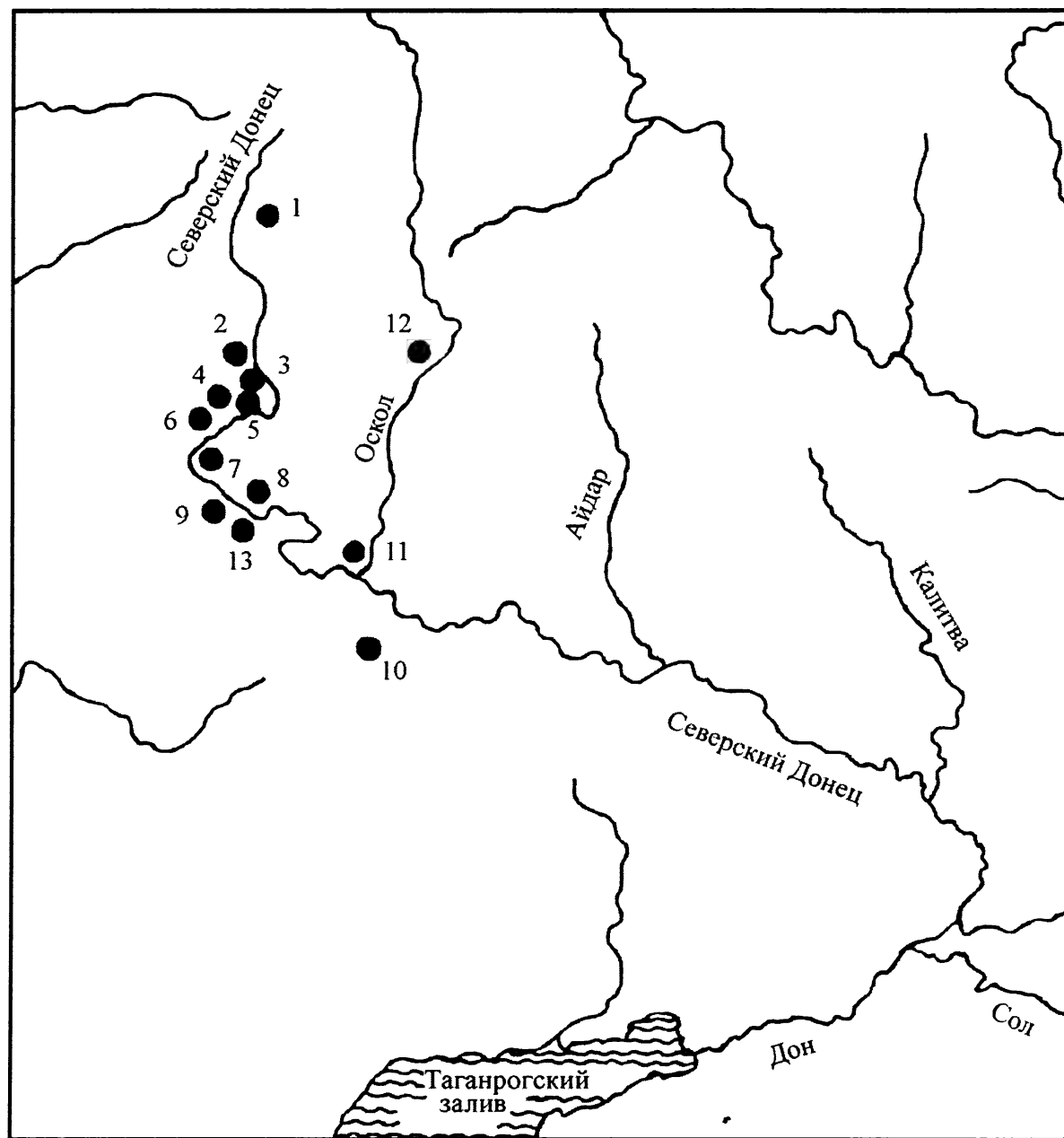

Рис. 1. Памятники Донецкой группы кремаций: 1 — Дмитриевский м-к; 2 — Верхнесалтовский м-к; 3 — Пятницкий м-к; 4 — Ново-Покровский м-к; 5 — пос. Кочеток; 6 — с. Мохнач; 7 — с. Мохнач 2; 8 — м-к Красная Горка; 9 — м-к Сухая Гомольша; 10 — м-к № 2 у селища Маяки; 11 — урочище Бондариха; 12 — с. Тополи; 13 — урочище Лысый Горб

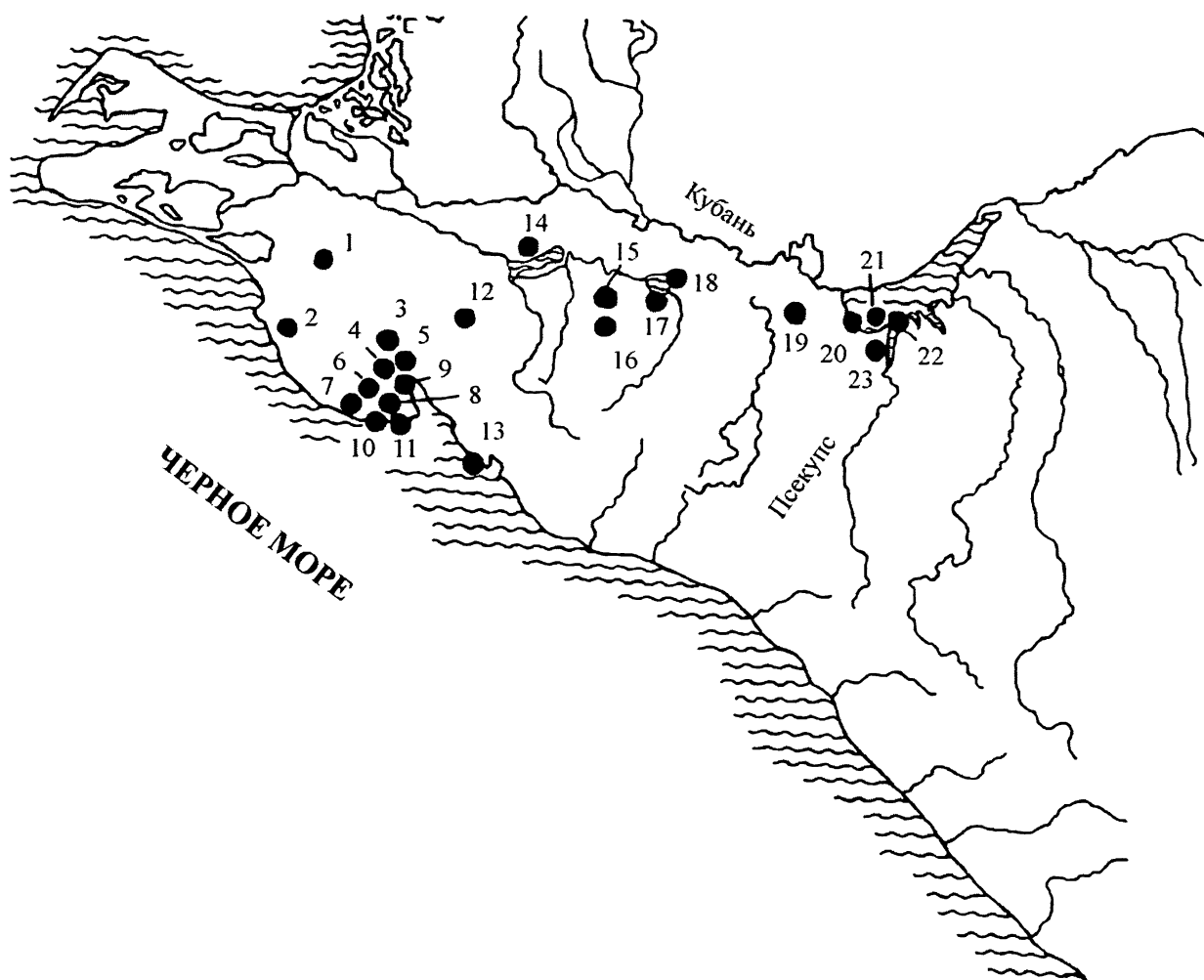

Рис. 2. Памятники Кубано-Черноморской группы кремаций: 1 — ст. Гастагаевская; 2 — пос. Су-Псех; 3 — м-к у совхоза «Ленинский Путь»; 4 — м-к Восьмая Щель; 5 — Цемдолина; 6 — Большие Хутора; 7 — м-к Дюрсо; 8 — гора Болтын; 9 — г. Новороссийск, ул. Днестровская; 10 — м-к Южная Озерейка; 11 — м-к Мысхако; 12 — Молдовановский м-к; 13 — Борисовский м-к; 14 — м-к у хут. Евсеевский; 15 — м-к Общественный II; 16 — м-к у хут. Хабль; 17 — м-к Бугайский Бугор; 18 — м-к Крюковский Мыс; 19 — м-к Тахтамукаевский; 20 — м-к Казазово 2; 21 — м-к в устье р. Дыш; 22 — Псекупский м-к; 23 — Ново-Вочепшийский м-к

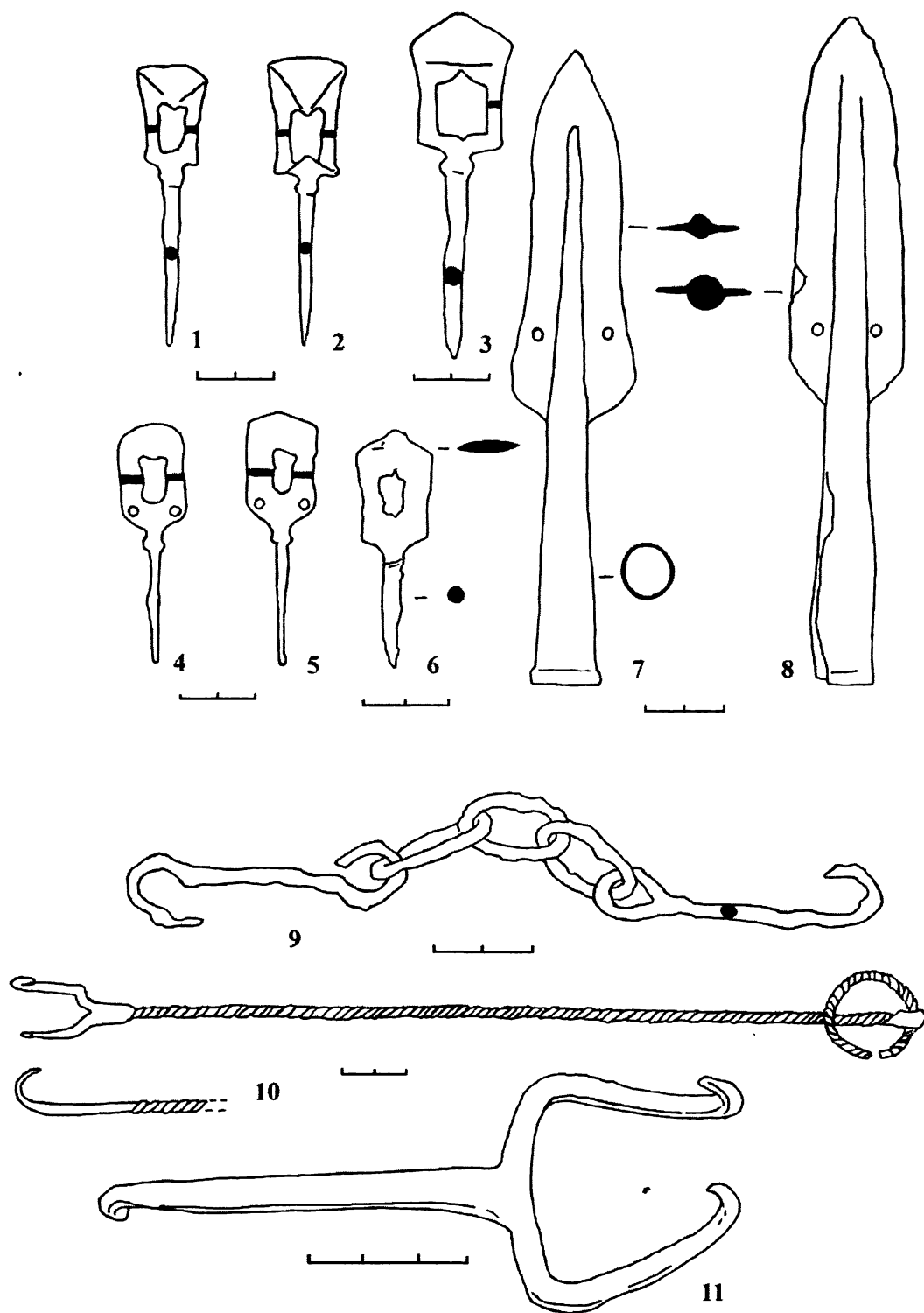

Рис. 3. Вещи из погребений КЧГК. М-к Казазово 2: 1, 2, 4, 5 — п. 69; 9 — подъемный материал; 11 — п. 16; м-к Молдовановский: 3 — п. 27; 6 — п. 5; 7 — п. 2; 8 — подъемный материал; 10 — п. 25; 1-11 — железо

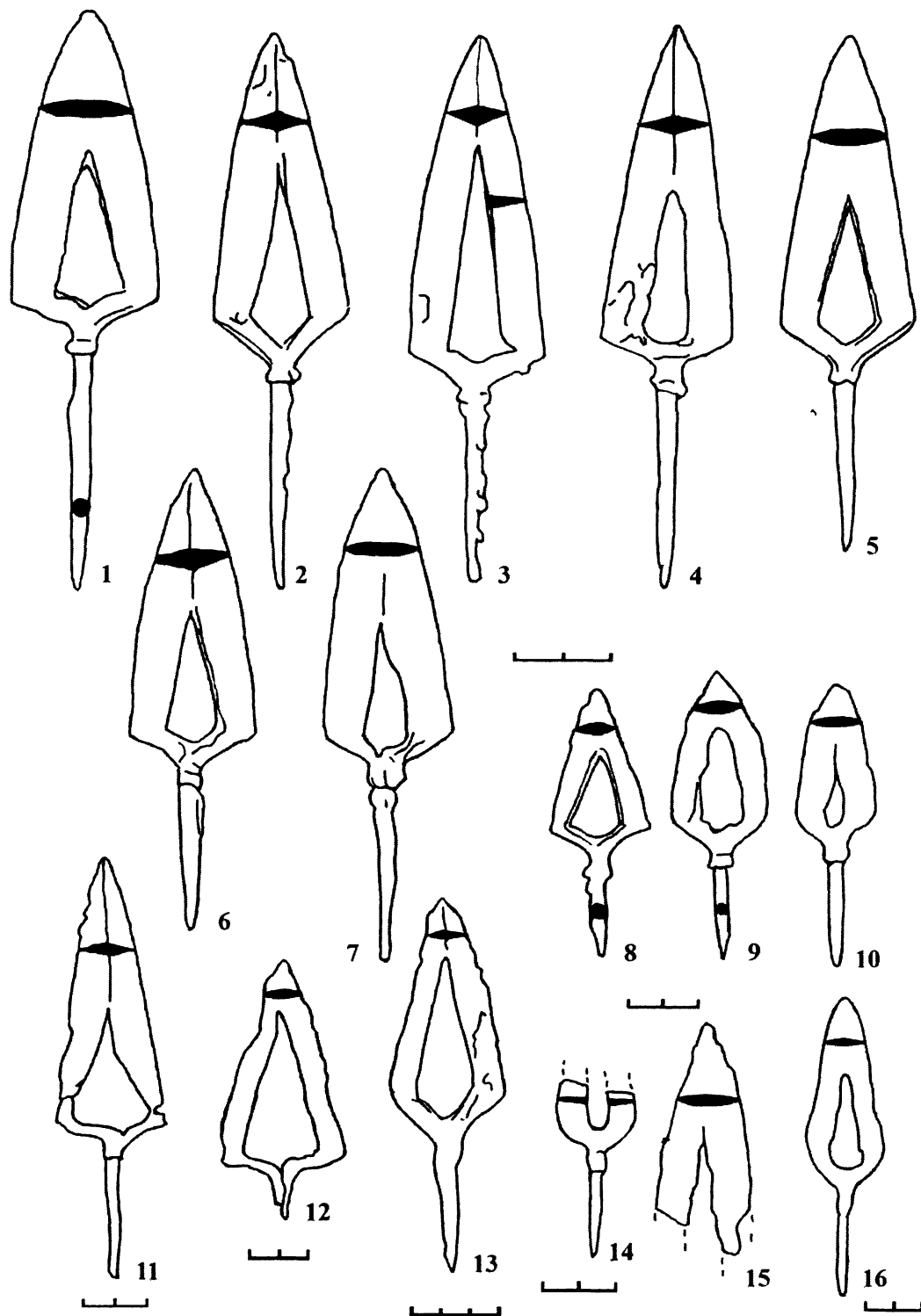

Рис. 4. Вещи из погребений КЧГК. М-к Молдовановский: 1–7 — п. 25; 8–10 — п. 5; 11 — подъемный материал 1997 г.; 12 — подъемный материал 1977 г.; 15 — п. 23; м-к Казазово 2: 13, 16 — подъемный материал 1987 г.; 14 — подъемный материал 1988 г.; 1–16 — железо

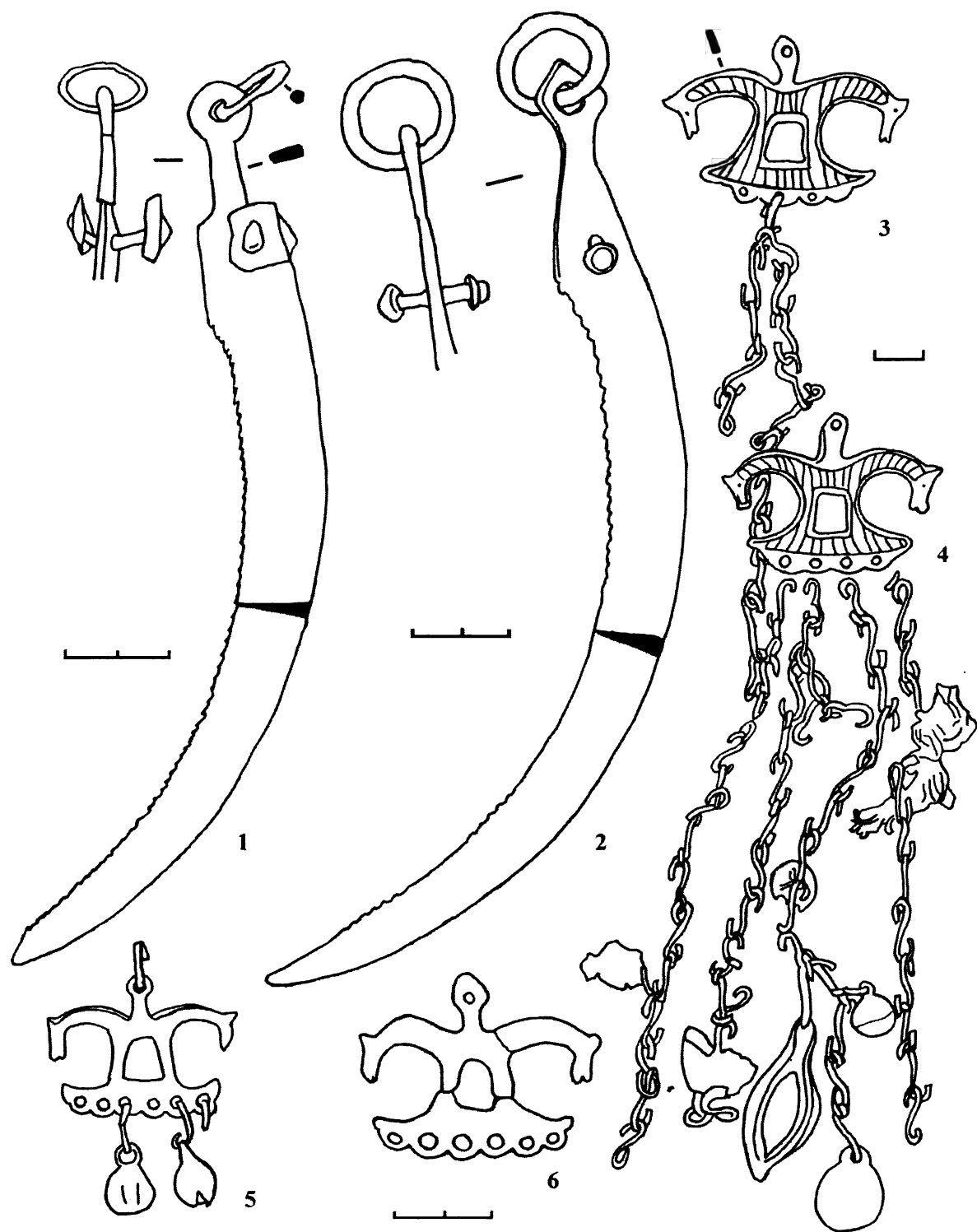

Рис. 5. Вещи из Молдовановского м-ка: 1 — п. 2; 2 — объект 14; 3, 4 — п. 8; 5 — подъемный материал 1997 г.; 6 — подъемный материал 1977 г.; 1, 2 — железо, 3–6 — бронза

ЛАТНАЯ КОННИЦА ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ*

Когда десятиплеменный союз в составе семи венгерских племен — *ньек, медьер, кюрт-дьярмат, тарьян, енё, кер и кеси* (Константин Багрянородный. Гл. 40. С. 163, 395) и трех хазарских (кабарских) племен — *тюрк, эскэл и савир* (Горелик, 2002. С. 53) явился «обретать родину» в Центральную Европу в конце IX в., его воинство обладало сложившимися комплексом вооружения и тактикой боя, которые помогли пришельцам не только добиться полного доминирования в Потисье, Паннонии и Трансильвании, подавив сопротивление местного славянского и владшского населения, но и проводить в течение полувека широкую экспансию по всем направлениям Центральной и Западной Европы.

В освещении европейских письменных источников воинство венгерского союза выступало прежде всего как конные лучники. Высокая эффективность лучного конного боя венгров как бы заслоняла наличие и роль у венгров латной конницы (подобная aberrация у позднейших ученых произошла и по отношению к монголам, и лишь в последние десятилетия вековое заблуждение начинает рассеиваться).

---

* Настоящая работа является существенно расширенным и переработанным вариантом доклада, прочитанного в 1992 г. в г. Кёстхей (Венгрия) на конференции «Восточные истоки венгерской культуры».

Репрезентативные археологические находки погребений древневенгерских латников на территории Восточной Европы и европейско-азиатского пограничья стали известны, и то в очень ограниченном количестве, лишь в последние десятилетия. Но короткий ряд ярких и главное аутентичных древневенгерских и кабарских изобразительных источников известен уже сравнительно давно (Рис. 1).

Древневенгерские конники предстают перед нами на гравировках серебряных чаш, выполненных древневенгерскими мастерами в IX в. — в период пребывания на территории европейско-азиатского пограничья и Восточной Европы.

На чаше из с. Утемильского Вятской губ. изображен охотник с соколом (Рис. 1, 1). На этом легком коннике несколько условно изображен колчан типично степного евразийского типа в виде длинного узкого короба. Отсутствие детализировки конструкции колчана компенсируется тщательной передачей декора — нарисованного на бересте или коже узора, типичного для венгерского искусства IX–X вв.

На чаше с оз. Нанто (Рис. 1, 2) мы уже видим полноценного воина, вооруженного типично венгерской саблей и копьем. Интересно отсутствие у него саадака — его оружейный комплекс предназначен для ближнего боя. Отсутствие же у него защитного вооружения (если только здесь не передана традиция надевания кафтана поверх панциря) свидетель-

ствует о том, что на изображении мы видим типичного для венгров представителя «средней конницы» — воина, снабженного оружием именно ближнего боя, включая такое дорогое и престижное, как сабля. Сравнительная массовость такого рода войск надежно подтверждается археологическими находками на территории как Венгрии, так и Прикамья.

Наконец, на чаше из с. Мужи (Рис. 1, 3) конный латник-лучник показан закованным в ламеллярный панцирь, состоящий из нагрудной и наспинной частей, соединенных на плечах лямками (они не видны, прикрытые бармицей), с длинными набедренниками, но без оплечий, так что плечи и руки им не прикрыты. Этот недостаток компенсируется кольчугой с рукавами до локтей, надетой под панцирь. Голову воина защищает конический шлем из четырех секторов, соединенных ободом-околышем снизу и вертикальными полосами по бокам. Шлем снабжен кольчужной бармицей, закрывающей шею и, вероятно, все лицо, кроме глаз. Налуч немного странен: это как бы «гибрид» двух типов налучей — уходящего в прошлое «чулка» для лука с ненадетой тетивой и становящегося господствующим типом налуча в форме половины лука с надетой тетивой. IX в. был именно тем временным рубежом, когда происходил процесс сосуществования и вытеснения первого типа вторым. Сбруя коней на всех трех чашах украшена подвесными сердцевидными бляхами-решмами, очень характерными для археологических памятников древних венгров.

Обратимся к памятникам кабарской торевтики (Gorelik, 2002. III. XI–14). На золотом кувшине из клада в Надьсентмиклош, в Трансильвании, чье нынешнее венгерское население — секейи — является потомками кабар-эскэль (Горелик, 2002. С. 52) изображен всадник-копейщик (Рис. 1, 1), защищенный кольчугой с подолом до колен и рукавами до локтей, коническим шлемом из секторов, обода и перекрывающих стыки секторов полос металла с длинной глухой кольчужной бармицей, и наручами и поножами из вертикальных полос металла, наклепанных на горизонтальные ремни. Все отмеченные предметы защитного вооружения наряду с такой специфической деталью конского убора, как начельник с волосяным плюмажем, являются типичными деталями хазарского воинского снаряжения (Gorelik, 2002. III. XI–5).

Ламеллярные панцири наряду с большими, степного типа, луками и колчаном изображены на серебряной оковке одного из турьих рогов из кургана «Черная могила» в Чернигове (Рис. 1, 5). Хазарская стилистика декоративных элементов оковки вкупе с тюркским сюжетом борьбы за престол старого правителя и претендента на его место характерны для хазарского художественного серебра.

Как видим, носителями богатейшей традиции хазарского доспеха не могли не быть кабары — хазарские повстанцы, сосредоточившиеся в отделившейся от центрального правительства северо-западной части каганата и объединившиеся с венграми.

Археологические памятники венгров в подробностях подтверждают информацию, полученную из изобразительных источников. Ламеллярный панцирь (Рис. 2, 1, 5), кольчуга (Рис. 2, 3а, в), ламеллярный панцирь в сочетании с кольчугой (Рис. 2, 2) обнаружены в погребениях венгерских воинов на их родине в южном Приуралье часто вместе с саблями, саадаками, реже с копьями. Встречены в приуральских погребениях и шлемы (Рис. 2, 3а, б) того самого типа, что изображены на венгерской чаше из с. Мужи и кабарском золотом кувшине из Надьсентмиклош.

Поистине эпохальной является находка в разрушенном погребении древневенгерского латника у с. Манвеловка на Днепропетровщине (Рис. 2, 4) (Чурилова, 1986). Он владел комплексом наступательного вооружения в составе саадака, копья, классического венгерского палаша с серебряной оковкой ручки и верха ножен и комплексом оборонительного вооружения в составе ламеллярного панциря, кольчуги и шлема. Шлем из Манвеловки уникален: имея яйцевидную форму, он склепан из секторов с волнистыми краями, соединенных сверху прямоугольной пластиной, а снизу — составным узким ободом. Надо лбом обод более широк и увенчан тремя пластинками, образующими трезубец; снизу видны остатки наносника.

Почти все признаки этого шлема центральноазиатско-хазарские. Только яйцевидная форма не встречается в этом культурном круге. Зато яйцевидная форма шлемов прослеживается на протяжении веков в Приуральском субрегионе (Рис. 3), причем на шлемах самой разной конструкции, связанных происхождением с разными регионами. Наиболее ранними мож-

но считать шлемы III–IV вв. из Тарасовского и Тураевского могильников в Среднем Прикамье и Суворовского могильника на Средней Вятке (Рис. 3, 1–6) (Голдина, Волков, 2000. Рис. 2, 17; 3, 14, 18). Ю.И. Ожередов датирует предметы из Старицинского клада, в том числе и шлем (Рис. 3, 7) VII в., с чем можно согласиться (Ожередов, 1987. С. 116). Продолжающий эту традицию шлем из Манвеловки датируется IX в. Наконец, в археологическом музее г. Дебрецен в Венгрии хранится найденный у с. Немия на Западной Украине яйцевидной формы шлем с серебряными обкладками обода и налобной части тульи (Рис. 3, 8). Налобная часть с грубо намеченным маскаронном покрыта типично венгерским гравированным узором, тогда как нанесенная резцом плетенка имеет скандинавские истоки, что указывает на смешанную венгерско-скандинавскую культурную среду, наблюдаемую в Чернигове и Киеве.

Таким образом, мы можем предположить венгерскую традицию шлемов, чья яйцевидная форма восходит с приуральской традиции эпохи переселения народов.

Но венгры использовали и хазарские шлемы сфероконической формы, склепанные из секторов с вырезными краями (Рис. 2, 3б). Видимо, в кабарско-венгерской среде сформировались к концу IX в. такие украшения этих шлемов как посеребренный трезубец на очелье и обтяжка тульи шлема золоченой медью (Рис. 4, 1, 2). Уникальным является шлем, найденный в кургане 41 Гнездовского могильника в 1882 г. (Рис. 4, 3а, б). Его отличием является декор полос, перекрывающих стыки секторов, и верхнего края обода: он представляет собой ажурный узор,

сочетающий вырезные фестонами края и сквозные прорезные трилистники. Единственную аналогию этому приему представляет серебряная оковка устья ножен и портупейной скобы из Киссы в районе г. Кошице, Словакия (Рис. 4, 4) (Dienes, 1972. Fig. 24). Можно полагать, что данные шлем и сабля, оба датируемые концом IX — началом X в., являются образцами кабарского мастерства.

Итак, мы видим, что венгерские, а тем более кабарские знатные воины обладали полным набором как наступательного, так и защитного вооружения, причем самого передового для своей эпохи.

Тем не менее в венгерской науке сложилось стойкое убеждение в отсутствии у «завоевателей родины» защитного вооружения, основанное на отсутствии массового археологического материала этой категории предметов на территории Венгрии. Более того, на этом убеждении построена целая социально-историческая теория раннесредневековой Венгрии (Археология Венгрии..., 1986. С. 339–341). Она заключается в том, что разгром венгров в битве при Лехфельде под Ингольштадтом имел причиной отсутствия у венгров оборонительного вооружения, тогда как победа немцев связана с наличием у них латной конницы. И именно нужда в последней обусловила приглашение венгерскими властями немецких латников, которые получили в Венгрии земельные владения, стали основой военно-служилой знати и вообще класса феодалов в Венгрии. Однако, как мы видели выше, при наличии собственной латной конницы у мадьяро-кабарского союза, никакого материального основания у данной теории нет.

ЛИТЕРАТУРА

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.

Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. — I тысячелетие н.э. М., 1986.

Голдина Р.Д., Волков С.Р., 2000. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа.

Горелик М.В., 2002. Три племени кабар // РАН. Общество востоковедов. Бюллетень. 9. Hungaro—Rossica. М.

Ожередов Ю.И., 1987. Старицинские находки // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Чурилова Л.Н., 1986. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине. // СА. № 4.

Dienes I., 1972. The Hungarians Cross the Carpathians. Budapest.

Gorelik M., 2002. Arms and Armour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millenium AD // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge.

Рис. 1. Изображения венгров (1–3) и кабар (4, 5) на памятниках венгерского и кабарского искусства. 1 — серебряная чаша из с. Утемишского Вятской губ. IX в. ГЭ. 2 — серебряная чаша с оз. Нанто в Ямало-Ненецком округе. IX в. Салехард, Краеведческий музей. 3 — серебряная чаша из с. Мужы в Ямало-Ненецком округе. IX в. ГЭ. 4 — золотой кувшин из клада в Надьсентмиклош в Трансильвании. Конец IX — начало X вв. Вена, Историко-художественный музей. 5 — серебряная оковка ритона из кургана «Черная могила» в Чернигове. Конец IX — начало X вв. ГИМ

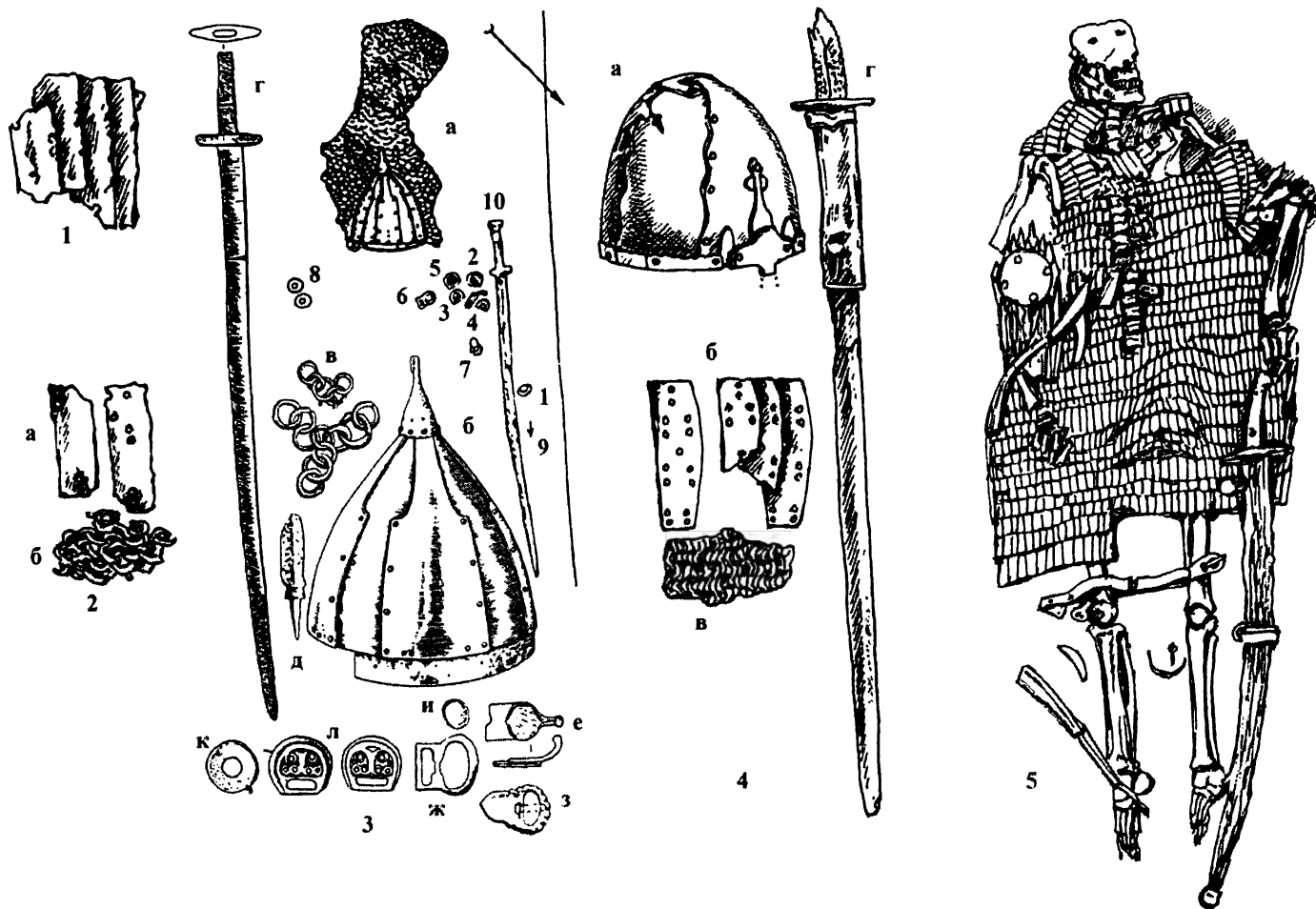

Рис. 2. Венгерские погребальные комплексы с защитным вооружением на территории Южного Приуралья и Восточной Европы. 1 — кург. 29, Лагерево, Башкортостан. VII–VIII вв. Пластины ламеллярного панциря. 2 — кург. 53, Лагерево. VII–VIII вв.: а — пластины ламеллярного панциря, б — обрывок кольчуги. 3 — кург. 31, Лагерево. IX в.: а — план погребения, б — железный хазарский шлем, в — кольца кольчуги, г — сабля, д — наконечник стрелы, е — крючок саадачного пояса, ж — пряжка клинкового пояса, з — пряжка обувного ремешка (?), и — бляшка саадачного пояса, к, л — бляшки клинкового пояса. 4 — разрушенное погребение у с. Манвеловка в районе Днепропетровска IX в.: а — шлем, б — пластины ламеллярного панциря, в — обрывок кольчуги, г — палаш с серебряными обкладками ручки и ножен. 5 — погребение с ламеллярным панцирем в кург. 12, могильник Челкар-III у г. Уральск

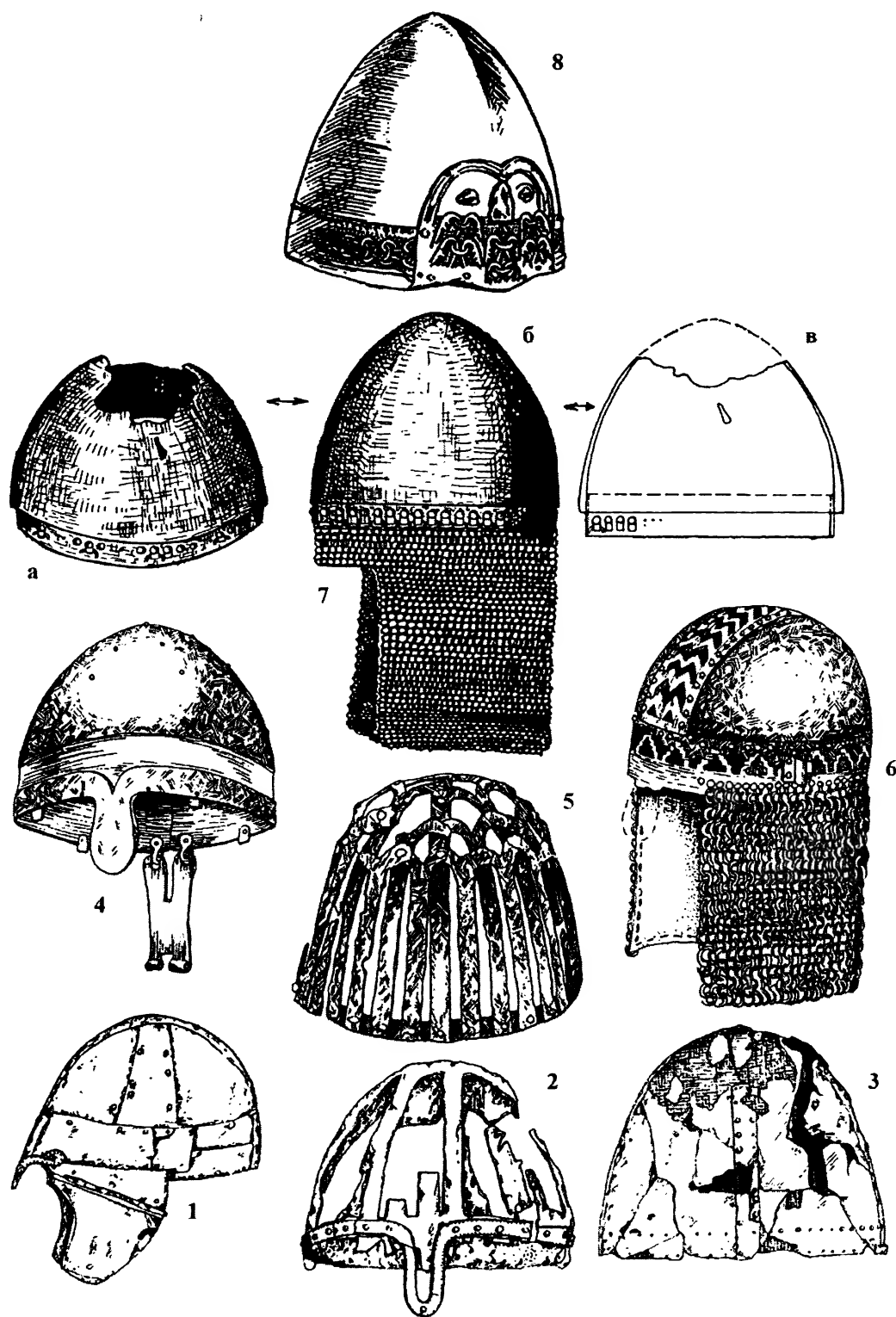

Рис. 3. Венгерский шлем и его прототипы. 1–3 — шлемы из погребений 6, 782 и 1 784 Тарасовского могильника в Среднем Прикамье. III–IV вв. 4, 5 — шлемы из погребений 27 и 30 Суворовского могильника на Средней Вятке. III–IV вв. 6 — шлем из кург. 7/1а Тураевского могильника в Среднем Прикамье. III–IV вв. 7 — шлем, найденный у с. Старица на р. Парабель, Томская обл., VII в.: а — внешний вид находки, б, в — реконструкция и разрез по Ю.И. Ожередову. 8 — шлем, найденный у с. Немия в Западной Украине. Конец IX в. Музей в г. Дебрецен, Венгрия

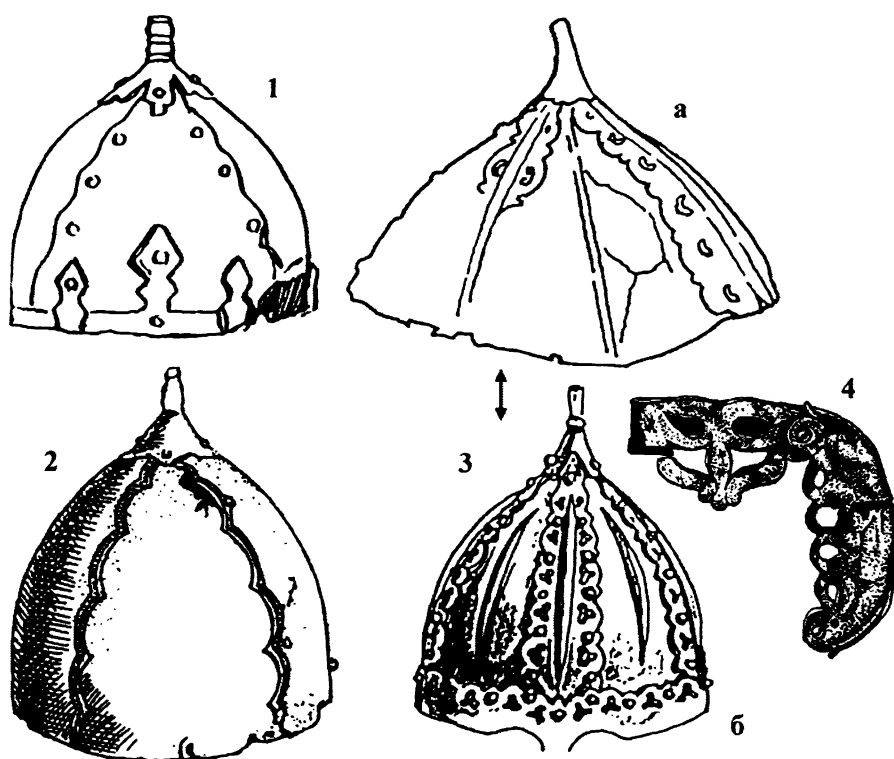

Рис. 4. Кабарские шлемы. 1 — шлем из кургана «Гульбище» в Чернигове. Первая половина X в. 2 — шлем. Конец IX — начало X в. Археологический музей г. Печ, Венгрия. 3 — шлем из кург. 41 раскопок 1882 г., Гнездовский могильник. Конец IX — начало X в. ГИМ: а — внешний вид находки, б — реконструкция. 4 — серебряная оковка устья ножен сабли и портупейной скобы из Киссы, район г. Кошице, Словакия. Конец IX — начало X в.

Рис. 5. Венгерские (1, 2) и кабарский (3) тяжеловооруженные всадники. Вторая половина — конец IX в. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика

Л.В. Конькова
(ИАЭ ДВО РАН, Владивосток),
Г.Г. Король
(ИА РАН, Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (СИСТЕМА «ДЕКОР-ТЕХНОЛОГИЯ»)

Одна из проблем в современной археологии — выделение и анализ традиций в области материальной и художественной культуры, которые позволили бы выявить внутренние закономерности формирования и развития её различных аспектов. Одним из направлений в этой области является комплексное исследование художественных и технологических традиций на примере изделий из цветного металла. Перспективным представляется поиск механизмов распространения этих традиций и последующее моделирование этнокультурных процессов в среде народов степной зоны Евразии и прилегающих территорий в эпоху средневековья на материалах Саяно-Алтая конца I — начала II тыс. Комплекс находок из цветного металла представлен значительным массивом изделий: художественно выполненных ремённых украшений коня и воина, амулетов и другой металлопластики, преимущественно изготовленных из сплавов на основе меди. Для выявления технологических и художественных характеристик был исследован химический состав металла на основе эмиссионного спектрального анализа; изучена технология изготовления изделий на основе макротехнического исследования, их художественные особенности. По результатам проведена корреляция полученных данных.

На первом этапе исследования была разработана система «декор — технология», вклю-

чающая корреляцию технологических и художественных приемов обработки металла на примере локальной территории для проверки информативности полученных результатов и дальнейшего применения системы к другим археологическим комплексам. В качестве модельной территории избрана Минусинская котловина (далее — МК) предгорий Западного Саяна как территория наибольшей концентрации исследуемого материала во всем его многообразии. В перспективе подобного исследования возможно создание эталонных групп вещей, связанных единством технологии металла и художественных особенностей. В качестве одного из возможных подходов к разработке системы «декор — технология» исходной позицией избрана художественная характеристика материала — орнаментация и декор.

Художественные особенности. На основе разработанной ранее (Кызласов, Король, 1990) типологии орнамента и декора базового (эталонного) комплекса из Саяно-Алтая (около 2 тыс. образцов, изученных авторами в музейных коллекциях страны) для МК выделены 12 наиболее выразительных художественных групп: 1) бляшки-«книжки»; 2) «бесконечный узел»; 3) «пламенеющая жемчужина»; 4) «трилистники со штрихом в каждом листе в вертикальной композиции»; 5) «пальметты в виде бутона и его вариантов

с двумя симметрично отогнутыми листьями или завитками: усложненные композиции»; 6) «пальметты с одним-двумя симметричными отростками над отогнутыми листьями или завитками»; 7) «пальметты в составе композиций с центральной лепестковой розеткой»; 8) «цветок смоквы — центр растительного узора»; 9) «виноградные гроздья и лоза»; 10) «хищные и фантастические животные»; 11) «копытные животные»; 12) «личины». Многие из них, за исключением групп 10–12, можно отнести к так называемым «серийным изделиям», под которыми подразумеваются не просто аналогичные, а идентичные, т.е. практически одинаковые по форме (размер может чуть варьироваться) и декору. Именно предметы таких «серий» встречаются во всех регионах Саяно-Алтая и даже за его пределами.

Выявлено, что наиболее популярной в МК оказалась группа 7 (Рис. 1). По общей типологии она представляет подгруппу «в2» (композиция с центральной лепестковой розеткой) группы «в» (пальметты в составе композиций с центральной розеткой) подтипа 2 (пальметты в виде бутона и его вариантов с двумя симметрично отогнутыми листьями или завитками) растительного типа (II) орнамента и декора (Там же. С. 143. Табл. XXIII, 6–15). Внутри группы 7 выделены четыре подгруппы (А–Г), имеющие некоторые различия в симметрии построения композиции орнамента (обозначены на рис. 1) и деталях оформления бутона, преимущественно в верхней центральной пальметте в первых двух подгруппах: А — бутон в виде лепестков, как вариант — в виде полуовала; Б — в виде скобки. Изделия подгрупп А–В можно считать «серийными». Они представлены прямоугольными и концевыми накладками. В подгруппу Г входят лишь Т-образные накладки. Известны они в меньшем количестве, чем прямоугольные и концевые, но вместе с ними составляют однородные в художественном отношении наборы.

Аналогии подобным предметам или идентичные им известны и на других локальных территориях региона: в Туве, на Алтае, в том числе Рудном (Восточный Казахстан), Кузнецкой котловине и Забайкалье

(Рис. 2)¹. Они были также привлечены к исследованию. Всего нам известно 126 экземпляров этой художественной группы по музейным коллекциям и 7 — по публикациям, т.е. более 130 предметов (подгруппа А — 62, подгруппа Б — 30, подгруппа В — 25, подгруппа Г — 16 экземпляров). В работе рассмотрены 79 предметов: подгруппа А — 42 (30 из МК, 11 из Рудного Алтая, 1 из Тувы); подгруппа Б — 19 (16 из МК, 3 из Рудного Алтая); подгруппа В — 11 (6 из МК, 1 из Забайкалья и 4 — варианты композиции из МК); подгруппа Г — 7 (5 из МК, 2 из Рудного Алтая). В пределах этих подгрупп проведено сравнительное исследование технологических показателей, включая технологию изготовления и состав металла.

Технология изготовления. Все выделенные изделия были изготовлены по единой схеме: тонкостенное литье с использованием восковой модели, декоративная часть поверхности выполнена в виде высокого рельефа с хорошо проработанными деталями (подробнее о технологии см.: Конькова, Король, 1999). Суммарная оценка технологических показателей позволяет говорить о том, что изделия связаны не только сходством или идентичностью орнаментальной композиции, но и сходными

¹ На этом рисунке (карте-схеме) черным кружком обозначены находки (памятники), материал которых исследован по составу металла; при этом не обозначены находки, имеющие адрес «Минусинский край». Такие предметы хранятся в нескольких музеях: Минусинска (1 экз.), Абакана (1 экз.), Томского университета (8 экз.), Казанского университета (5 экз.), ГИМе в Москве (13 экз.) и Гос. Эрмитаже в Санкт-Петербурге (1 экз.). Из них для 6 предметов (4 из Томска и по одному из Минусинска и Абакана) проанализирован состав металла. Белым кружочком на рис. 2 обозначены находки (памятники), материал которых не исследовался по составу металла. При этом вариант композиции в подгруппе В, довольно близкий оригинальной, учтен в общих подсчетах, но не отмечен на карте-схеме. Это 1 экз. из могильника Усть-Канда 1, кург. 18, раск. М.Г. Елькина и Ф.И. Александрова, 1961 г. в Кузнецкой котловине (около 75 км к юго-востоку от пункта 4 — Тарасово, обозначенного на схеме). Эта накладка имеет практически идентичные по композиции аналогии — 4 предмета из Потрошилова (МК), где немало изделий с оригинальными композициями.

технологическими традициями. Основная часть предметов сделана на уровне, близком к стандарту. Интересно отметить, что наблюдается копирование этого стандарта со старой накладки, имеющей следы ремонта. Внутренние штифты для крепления накладки к ремню были обломаны и заменены на четыре гвоздя, которыми она крепилась через просверленные отверстия по углам накладки. На имеющемся экземпляре (Минусинский музей, № 6500, случайная находка из Минусинского края, подгруппа В) отчетливо видны выступающие по углам «шляпки гвоздей», частично перекрывающие орнаментальную композицию, образовавшиеся на отливке при оттиске отремонтированной накладки в пластическую массу. Декор при этом получился грубоватым, центральная лепестковая розетка слишком рельефной, что не характерно для оригинальных изделий, декор которых можно назвать «выпукло-уплощенным».

Данный экземпляр свидетельствует об очень сложных взаимоотношениях художественных и технологических традиций в Центральной Азии. Художественная и социальная значимость ременных украшений воина-всадника подтверждается и достаточно высоким качеством металла, из которого изготовлялись такие изделия. Ценность предметов демонстрируется и конкретной ситуацией: отремонтированной накладкой и ее копированием, несмотря на явный художественный «брак» по сравнению с первичными оригинальными изделиями. Это свидетельствует о том, что существует расстояние между центрами производства высокохудожественных изделий и некоторым «местным» производством. При этом можно зафиксировать изготовление качественной отливки по имеющемуся оригиналу. Но сделать художественную матрицу с оригинальным рисунком заново мастер по каким-то причинам, вероятно, не мог. Возможны и другие варианты интерпретации (например, несколько этапов копирования, где важно было умение создать систему крепления).

Химическая характеристика металла. В процессе исследования состава как древних, так и средневековых бронз необходимым является исследование двух аспектов: содержания микропримесей в металле, кото-

рое демонстрирует природные геохимические особенности данного металла; наличия искусственных добавок (лигатуры), создающих собственно материал бронзы. В качестве искусственных добавок могут быть использованы олово, свинец, в некоторых случаях мышьяк. Добавление цинка в сплав улучшает его литейные качества и создает латунь. Выделенный однородный орнаментальный пласт предполагает: 1) либо распространение моды на данную декоративную композицию, и тогда металл должен быть разнообразным; 2) либо появление значительного количества вещей с идентичной или аналогичной композицией, связанного с каким-то технологическим центром, и тогда металл должен обладать некими сходными характеристиками, если этот центр действовал стабильно и обслуживал значительным количеством изделий большие территории. В связи с вышеизложенным была поставлена задача выявить как геохимические особенности металла данной художественной группы, чтобы определить наличие каких-то закономерностей в использовании металла и обеспечении его качества, так и рецептуру сплавов: 1) какие типы сплавов обеспечивали высокое художественное качество изделий; 2) сколько их было и какие варианты; 3) стабильность использования типов сплавов или ее отсутствие для конкретной художественной группы изделий. Таким образом будет создана модель формирования блоков художественных бронз в средневековой среде, которые станут дополнительным источником информации при моделировании этнокультурных процессов. Вопрос об источнике появления этих бронз на данном этапе исследования не ставится, так как отсутствует фоновый материал соседних территорий (Восточный Туркестан, Монголия, Маньчжурия, Китай) с их ремесленными центрами. Тем не менее перспективной и значительной представляется задача внутренней дифференциации материала крупного региона (Саяно-Алтай) на основе художественных и технологических традиций.

Химико-металлургические особенности исследованного металла. Для выявления внутренних закономерностей использования сплавов предварительно весь массив материалов (бронза VIII–XI вв. с территории от

Приморья до Рудного Алтая — около 2,5 тыс. предметов) был принят за единое целое, к которому был применен факторный анализ (SAS). Выявлено, что в изученном массиве большую роль играет геохимическая характеристика металла. Это в первую очередь группа «мышьяк — сурьма — висмут». Появление элементов данной группы в составе металла преимущественно связано с так называемыми блеклыми рудами, имеющими распространение на значительной территории Центральной Азии (Саяно-Алтай, Монголия, Забайкалье). Вторую по значению группу составили микропримеси группы железа (железо, кобальт, никель), связанные, вероятно, с эксплуатацией сульфидных месторождений (Конькова, 1996. С. 25, 26). В соответствии с этим внутри каждой выделенной подгруппы (А, Б, В, Г) была проведена взаимная корреляция в группах: «сурьма — висмут», «мышьяк — висмут», «сурьма — мышьяк».

Полученные результаты позволили выявить, что подавляющая часть изделий в художественной группе с рассматриваемой общей орнаментальной системой, несмотря на некоторые стилистические различия в подгруппах, изготовлена из генетически сходного металла. Исключение составляют отдельные предметы в каждой подгруппе. Например, в подгруппе А выпадает из общего массива одно изделие, которое отличается пониженными характеристиками сурьмы и висмута; другой предмет в подгруппе Б трудно характеризовать с точки зрения микропримесей, так как он сильно обожжен (возможно, происходит из разрушенного погребения по обряду кремации), но тем не менее металл выделяется повышенным содержанием серебра (33%).

При общей геохимической основе есть незначительные различия химического состава (в частности, по кобальту), говорящие о том, что партии металла были разные. Полное совпадение всех показателей свидетельствовало бы о единовременной отливке значительной серии изделий из одной партии металла. На практике в археологии такая ситуация может встречаться крайне редко в связи с утратами вещественного материала в процессе функционирования предмета и как результат пребывания в культурном слое.

Изучаемый нами материал, обладающий единой геохимической основой, имеет незначительные различия в химическом составе, что свидетельствует о одновременности изготовления конкретных вещей, но на основе единой художественной и технологической традиций и длительной эксплуатации одних и тех же или сходных источников металла. Выявление подобной закономерности является интересным историческим выводом. Он свидетельствует об устойчивости эксплуатации сырьевой базы в IX–XI вв. для рассматриваемой художественной группы, устойчивых художественно-технологических традициях, существующих на основе данной сырьевой базы. Это позволяет поставить ряд задач, направленных на применение этой системы к другим однородным художественным группам на изучаемой локальной территории и в других территориях региона.

С точки зрения рецептуры сплавов: в рассматриваемой группе представлены оловянные и оловянно-свинцовые бронзы. Отсутствуют латуни. В нескольких случаях отмечено содержание цинка (оно не превышает 1%). Содержание олова в бронзах в целом распределяется в пределах среднего содержания. Отсутствуют высокооловянные бронзы: зафиксировано всего пять образцов, где содержание олова распределяется от 14 до 16% (среди них и рассматривавшийся выше образец № 6500 из Минусинского музея, содержание олова в котором составляет 14%).

Основной массив представляют бронзы, в которых олово содержится в количестве 11%. Вторая группа содержит олово от 6 до 9%, третья — от 2 до 5%. Пониженная концентрация олова (менее 1%) отмечена в нескольких экземплярах.

Свинец в составе оловянно-свинцовых бронз содержится в пределах (не превышает 3,5%). Данные сплавы обладают высокими технологическими свойствами, позволяющими изготавливать тонкие художественные изделия за счет жидкотекучести и пластичности сплава. Незначительная добавка свинца улучшает условия для нанесения дополнительных врезных деталей на поверхности отливки. Наличие различий в составе олова и свинца свидетельствует, с одной стороны, о возможных переплавках внутри определен-

ного генетически единого массива металла, с другой — о одновременности плавок с использованием оловянно-свинцовой лигатуры, процентное содержание олова и свинца в которых несколько колеблется. При этом необходимо отметить очень устойчивую рецептуру с 11%-ным содержанием олова. Это наблюдение позволяет говорить о наличии первичного металла в противовес тезису о сплошном использовании вторичного металла в эпоху средневековья.

Подобные ситуации (генетическое единство геохимической основы металла, устойчивые рецептуры, связанные со значительным объемом производства художественных изделий, сделанных в едином стилистическом ключе) — не частое явление для любой эпохи, тем более для средневековья — эпохи, когда на некоторых территориях (например, в Восточной Европе) значительным было использование вторичного металла (при дефиците сырья и развитых торговых связях). Поэтому полученные данные особенно интересны для перспектив постановки последующих археологических, историко-металлургических и культурологических задач. В научной литературе бытует мнение о развитой металлургии в Саяно-Алтайском регионе в период раннего средневековья, в том числе цветной. Реально представлены лишь изделия из цветного металла, а следы производства свидетельствуют только о развитом производстве черного

металла. В связи с этим особенно актуальным является выявление технологических и художественных блоков в массиве цветного металла для последующей постановки конкретных вопросов о его происхождении и местах производства как металла, так и художественных изделий из него.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов.

1. На основе изучения типологии орнамента и декора выделены художественные группы, характеризующие доминирующий орнаментально-декоративный стиль так называемого «степного орнаментализма» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 61), а также наиболее популярные среди них на определенной локальной территории (Минусинская котловина) крупного региона (Саяно-Алтай).
2. Создана система соотношения художественных традиций и технологических показателей (система «декор — технология») для локальной территории.
3. Выявлена информативность такой системы, а, следовательно, и возможность дальнейшего использования для других групп исследуемого археологического источника.
4. Разработка системы такого типа позволяет получить дополнительный источник информации для моделирования этнокультурных процессов в крупном регионе, населенном в средневековье разными этническими группами, жившими в тесном контакте и взаимодействии не только друг с другом, но и с ближайшими и даже дальними соседями.

ЛИТЕРАТУРА

Конькова Л.В., 1996. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.

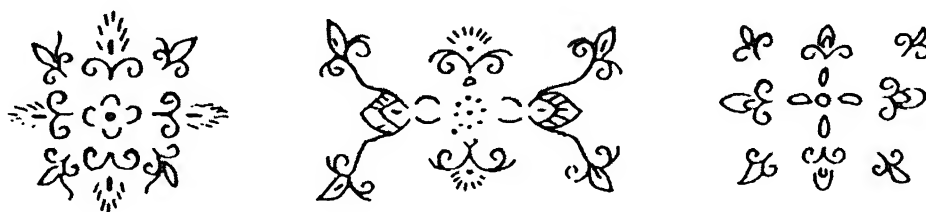
Конькова Л.В., Король Г.Г., 1999. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этнографическое обозрение. № 2.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990. Декоративное искусство хакасов как исторический источник. М.

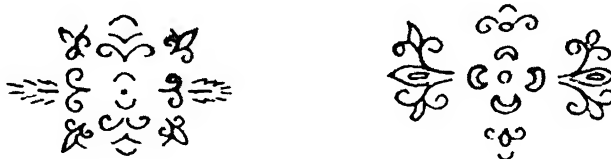
Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

А - 4-м

Б - 4-м

В - 2-м

Г - 3-м

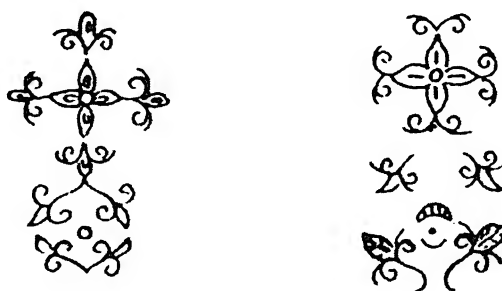

Рис. 1. Художественная группа 7 «Пальметты в составе композиций с центральной лепестковой розеткой»: верх — образцы накладок из Минусинской котловины; низ — подгруппы А–Г, схемы

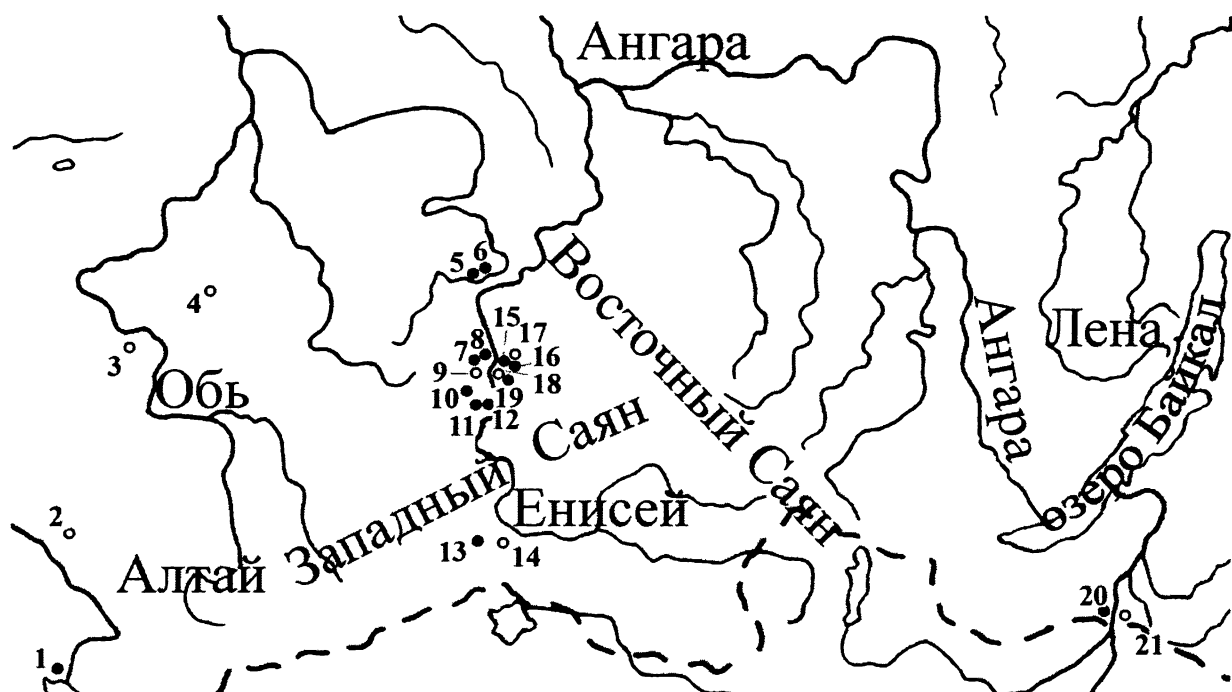

Рис. 2. Территориальное распространение художественной группы 7: 1 — м-к Юпитер, к. 3 (раск. С.С. Черникова, 1954 г.); 2 — м-к Гилево XVI, к. 1 (раск. В.А. Могильникова, 1975 г.); 3 — м-к Рогозиха 1, к. 11 (раск. С.В. Неверова, 1985 г.); 4 — м-к Тарасово, к. 1 (раск. Ю.М. Бородин, 1965 г.); 5 — Карелка (Карелино), случ. нах.; 6 — Легостаево, случ. нах.; 7 — м-к Ник-Хая (сборы Ю.С. Худякова, 1978 г.); 8 — Сухая Ерба, случ. нах.; 9 — Абаканский р-н, случ. нах.; 10 — Чаптыково, случ. нах.; 11 — Бейское, случ. нах.; 12 — Калы, случ. нах.; 13 — м-к Тора-Тал-Арты, к. 19 (раск. Л.Г. Нечаевой, 1959 г.); 14 — м-к Аймырлыг 2, «дружинное захоронение» (раск. Б.Б. Овчинниковой, 1970-е годы); 15 — Потрошилово, случ. нах.; 16 — Тесь, случ. нах.; 17 — Б. Иня, М. Иня, случ. нах.; 18 — Лугавское, случ. нах.; 19 — В. Коя, Н. Коя, случ. нах.; 20 — м-к Енхор, погр. 3 (раск. Н.В. Именохоева, 1984 г.); 21 — м-к Хойцегорский, м. 10 (раск. Ю.Д. Талько-Грынцевича, 1900 г.)

ТЕХНИКА СОЗДАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ НА ГОРОДИЩЕ МОХНАЧ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Среди широкого круга научных интересов известного российского археолога А.Г. Атавина достойное место отводилось изучению проблем, связанных с историей народов Хазарского каганата (Атавин, 1996. С. 208–264; Атавин, Парамонов, 1991. С. 151–155). Хазария — раннесредневековое феодальное государство конца I тыс. н.э. с высокоразвитым материальным производством и самобытной духовной культурой, в которой воплотилась её многоэтничность. Это находит своё подтверждение в таком ярком феномене как салтовомаяцкая археологическая культура середины VIII — середины X в. Одним из направлений активной внешней политики правителей Хазарии были племена восточных славян, что соседствовали с ней в Днепро-Донском междуречье. Сложные межэтнические отношения населения Хазарского каганата и восточнославянского населения лесостепной зоны указанного выше региона и являются предметом обсуждения в данной работе.

На протяжении длительного периода человеческой истории Днепро-Донское лесостепное междуречье было зоной постоянных межэтнических контактов. Не является исключением и конец I тыс. н.э., когда здесь проходила граница, разделяющая славянский мир (роменская и боршевская археологические культуры) и Хазарский каганат (салтовская археологическая культура).

История изучения славяно-хазарских отношений имеет более чем столетнюю историю. Традиция, которую заложили российские и продолжили советские историки, утвердила мнение о том, что эти народы находились в извечном и постоянном противоречии (Ключевский, 1956. С. 67; Костомаров, 1903. С. 112–114; Насонов, 1951. С. 28–46; Рыбаков, 1953. С. 128–150). Эта точка зрения, опирающаяся главным образом на летописные данные об уплате славянами дани (ПВЛ, 1950. Ч. I. 16–18), господствует и сегодня (Толочко, Толочко, 1998. С. 36–39; Толочко, 1999. С. 34–52). Не смогли преодолеть «конфронтационную теорию» и ранние работы археологов. Последние находили позитивное взаимодействие лишь во влиянии восточных славян на население Хазарии в отдельных аспектах материальной жизни: в керамическом производстве, домостроительстве, переходе к оседлости и т.п. (Артамонов, 1962. С. 365–284; Плетнёва, 1962. С. 82–94; 1971. С. 108–118). Неоднозначным остаётся мнение о взаимодействии славян и населения каганата среди современных археологов (Сухобоков, 1992. С. 56, 66, 67; Винников, 1995. С. 128–150; Плетнёва, 2000. С. 82–94; Колода, 2002б. С. 56–58; Приходнюк, 2002. С. 125–130).

Городище Мохнач, что располагалось в зоне межэтнических контактов восточнославянского и кочевнического миров конца I тыс. н.э.

(Рис. 1), занимает высокий вытянутый мыс на правом берегу Северского Донца в пределах одноимённого села Змиевского района Харьковской области на Украине. Памятник имеет сложную систему оборонительных линий, как по периметру, так и внутри него (Рис. 2). Культурные отложения свидетельствуют об использовании его территории в различные эпохи: в раннем железном веке (скифоидная культура лесостепи IV в. до н.э.), раннем средневековье (салтово-маяцкая и роменская археологические культуры конца I тыс. н.э.) и в новое время (вторая половина XVII — XIX в.).

Мохначанское городище было известно ещё в начале XVII в. Первые данные о нём содержатся в «Книге Большому чертежу» 1627 года (Книга Большому чертежу, 1950. С. 71). Впервые оно было осмотрено исследователем В.В. Пассеком в XIX в. (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977. С. 77). Раскопки на нем начались лишь во второй половине прошлого столетия: сначала Б.А. Рыбаковым в 1950 г., а затем Б.А. Шрамко (1953). Они провели здесь незначительные по объёму работы (Шрамко, 1954. С. 11–16). В следующем сезоне небольшой отряд, возглавленный С.А. Плетневой, продолжил работы на городище, в том числе и в раскопах Б.А. Шрамко (Плетнёва, 1954. С. 2, 22–26). На протяжении трех сезонов (1999–2001) работы на городище осуществляла Средневековая экспедиция Харьковского национального педуниверситета под руководством автора (Колода, 1999б; 2001б; 2002а).

Многолетние стационарные исследования, которыми были охвачены практически все структурные составляющие указанного памятника, в том числе и с применением методов палеографии и почвенной геохимии, позволили выявить и датировать разновозрастные археологические объекты. Некоторые из них (отдельные жилые и хозяйственные комплексы, а также часть оборонительных сооружений) позволяют говорить о влиянии многоэтнического населения Хазарии на материальную и духовную культуру раннеславянского (северянского) населения Мохначанского городища на рубеже I–II тыс. н.э. Вопросы влияния салтовской культуры данного региона, в том числе и рассматриваемого памятника, на хозяйство, домостроительство и быт

роменского населения Мохначанского городища рассматривались в ряде предшествующих работ (Колода, 1999а. С. 40–45; 2001а. С. 53–59; 2002в. С. 112–116; Горбаненко, 2002. С. 64–74). Данная статья посвящена исследованию тех роменских оборонительных линий, при создании которых использовалась нетрадиционная для представителей восточных славян техника, что позволяет говорить о влиянии иных этносов на фортификацию Мохначанского городища в раннеславянский период.

Работы на памятнике показали, что три южные поперечные оборонительные линии внутри общего защищённого периметра были созданы в то время, когда на поселении проживали представители племени летописных северян. Согласно полученным артефактам этот этап в истории городища датируется серединой X — первой половиной XI в. Исходя из имеющихся материалов можно сделать вывод, что указанная восточнославянская группа сменяет население салтовской культуры, которое существовало здесь с конца VIII в. Скифоидной группе населения также принадлежит авторство определённой части оборонительных укреплений (Свистун, 2001а. С. 117–119; 2003. С. 77–81). Наиболее интересные материалы получены при изучении первой и третьей поперечных защитных линий, если считать с юга на север (Рис. 2).

Первая линия находилась в раскопе № 5, исследования в котором начала ещё С.А. Плетнёва. Во время работ в западной части раскопа (Рис. 3) были выявлены остатки двух разновременных оборонительных линий. Это позволило поставить ряд вопросов, связанных со временем их строительства, особенностями техники возведения и, как следствие, с культурной атрибуцией обеих линий обороны. Стратиграфия указанного раскопа свидетельствует о наличии здесь раннесредневекового горизонта с находками роменской и салтовской культур в общем культурном слое. Его мощность составляет от 40 до 100 см. Артефакты нового и новейшего времени (второй половины XVII — начала XX в.) в единичном количестве встречаются в дерновом слое. Отдельные фрагменты лепной керамики с характерным для скифского времени орнаментом (пальцевые зашпы по краю венчика и про-

колы под ним) в незначительном количестве найдены в предматерике и нижней части раннесредневекового горизонта. Но ни наиболее ранняя, ни наиболее поздняя группы находок не образуют самостоятельного культурного слоя.

Средневековый культурный горизонт изобилует керамическими фрагментами роменской культуры, которые составляют 90% всех находок этой группы. Незначительная часть роменских фрагментов принадлежат гончарным сосудам этой культуры (на некоторых из них даже сохранился традиционный «гусеничный» орнамент. Остальные 10% керамических обломков относятся к керамике салтово-маяцкой культуры. Среди них выделяется несколько групп сосудов: тарные (амфоры и пифосы), кухонные горшки и столовые парадные сосуды. В раскопе исследовано три заглублённых жилища. Два из них имели по паре отопительных устройств: в одном случае печь-каменка, сооружённая на материковом останце, выявлена в одном помещении с пристенным камином; в другом — сводчатая глинобитная печь (также на глиняном останце) была дополнена открытым очагом с каменной окольцовкой у противоположной стены. Всё это говорит о том, что в середине X — первой половине XI в. на городище проживало синкретичное по своей культуре население. Синкретичность проявляется как в жилищах, так и в керамическом комплексе (Колода, 1999а. С. 40–45; 2001а. С. 55–57). Это находит выражение и в оборонительном зодчестве указанного периода.

Вал с линзой из рваного камня прослежен вдоль обрыва оврага, по которому проходит дорога, что ведёт из поймы правого берега Донца на городище (Рис. 2). Стратиграфически в нём различается несколько слоёв (Рис. 4, 1). Верхние 5–10 см являются слоем дёрна, толщина которого увеличивается к востоку до 20–30 см. Под дёрном находилась смесь чернозёма, меловой крошки и мелкого известнякового щебня, в центре этой смеси выявлена компактная плотная «линза» рваного известняка. Её размеры в разрезе составляют 200 см в длину и 40–80 см в толщину. Под ней сохранился незначительный участок погребённого чернозёма толщиной около 10 см, ниже залегал предматериковый суглинок и

вязкий глиняный материк. Остатков каких-либо деревянных конструкций не выявлено.

Современная высота этого вала от подошвы не превышает 100 см, однако следует учесть, что вал постоянно разрушается эрозийными процессами и осыпается вниз. Таким образом, мы вправе предположить, что этот вал, который ещё в древности защищал поселение от нападения со стороны дороги, был выше, а возможно нёс на себе и дополнительно деревянную конструкцию.

Находки на остатках этого вала крайне редки. В слое погребённой почвы под «линзой» обнаружены редкие фрагменты лепной керамики скифского времени. В насыпи вала найдены отдельные фрагменты салтовской гончарной посуды, а также пряслице, изготовленное из стенки гончарного сосуда. Единичные фрагменты лепной роменской керамики выявлены лишь в дерновом слое. Стратиграфия залегания находок свидетельствует о том, что данный вал, расположенный по восточному краю оврага вдоль дороги, был сооружён в салтовское время. Это подтверждает и структура насыпи. Именно в салтово-маяцкой культуре широко использовался известняковый и меловой щебень для создания насыпи (Афанасьев, 1987. С. 89–113). Этот приём практически не использовался у восточных славян. Из нескольких сотен учтённых славянских городищ VIII–XIII ст., расположенных на территории Южной Руси (между Саном и Северским Донцом), камни в насыпи выявлены всего в четырёх, а на землях северян не известны и вовсе (Кучера, 1999. С. 76, 189–224). Ещё более показательным является наличие каменной «линзы» в основании насыпи. Здесь мы видим прямые аналоги в Ютановском, Поминовском (Афанасьев, 1987. С. 96–101) и Волчанском (Колода, 2004. С. 266, 267), городищах, которые однозначно связываются с лесостепным вариантом салтовской культуры.

Таким образом, не только стратиграфия выявленных при исследовании этого вала находок, но и структура насыпи, подкреплённая соответствующими аналогиями, убедительно свидетельствует, что данная оборонительная линия была сооружена лесостепным населением салтово-маяцкой культуры. Данный участок был связан с общей линией обороны,

которая шла по периметру городища и служил дополнительной защитой со стороны южного въезда. Время его создания находится в пределах конца VIII — IX в. н.э.

Вторая оборонительная линия, выявленная в раскопе № 5, прилегала к первой под углом в 45–50°. Она соединяла вершину одного из оврагов, что разрезает плато с городищем со стороны поймы реки, с другим оврагом (по которому идёт дорога), отсекая тем самым южную оконечность мыса (Рис. 2; 3).

Для того чтобы создать новую оборонительную линию, частично был разобран вал салтово-маяцкой культуры. Исходя из наблюдений, произведённых в период работы на данном участке, можно утверждать, что «салтовский» вал был разрушен на протяжении 13–15 м. Полученный в результате этих действий камень был сложен в отдельные кучи, что свидетельствует о плановом его использовании в будущем. Всего за время работ в раскопе было выявлено три таких скопления (Рис. 3, № 1–3): скопления № 1 и № 2 (частично) обнаружены и нанесены на план С.А. Плетнёвой (Плетнёва, 1954. С. 23. Чертёж № 16). Южная часть скопления № 2 и скопление № 3 выявлены в результате работ 1999–2000 гг. Скопление № 2 залегало на глубине от 0,1 до 0,6 м. Скопление № 3 — было наибольшим по площади и располагалось на глубине 0,6–1,2 м. Размеры рваного известняка во всех скоплениях были различны (до 0,5 в диаметре).

Защитный ров являлся продолжением естественного оврага. Его ширина в верхней части составляет от 2,5 до 4,5 м. Глубина рва от современной поверхности 1,8–2,1 м, а от уровня материка — около 1 м. Данные наших раскопок в этом случае совпадают с результатами исследований С.А. Плетнёвой, однако профиль дна рва представляется несколько иным. По данным нашей предшественницы, оно было плоское, а наши наблюдения показывают, что дно — вогнутое. Внешний угол залегания рва составляет 30°. А вот данные о крутизне внутреннего угла различны: у С.А. Плетнёвой — 55°, а по нашим данным — 35° (Рис. 4, 3). Заполнение рва насчитывает два горизонта. Нижний слой (глубина залегания 1,5–2,0 м) состоял из смеси чернозёма, глины, известняковой крошки и древесного

угля. Верхний слой (1,0–1,5 м) представлял собой чернозём с кусками рваного камня.

Грунт, который вынимался при выкапывании рва, отбрасывался в южную сторону, создавая основу насыпи будущего вала. Его линза хорошо «читалась» на фоне чернозёма культурного слоя смесью необожжённой материковой глины и чернозёма с вкраплениями меловой крошки. Размеры вала по подошве 2 м, а высота насыпи 0,85 м. Под ней хорошо прослеживается слой погребённой почвы. Каких-либо деревянных конструкций внутри насыпи или следов таковой поверх неё не выявлено. Нижняя часть насыпи с внешней стороны была укреплена «панцирем» из рваного известняка, который предохранял вал от расползания. Мощность панциря 0,2 м (Рис. 4, 3).

Не менее интересной оказалась стратиграфия места соединения нового вала и салтовского. Тут были выявлены так называемые «опорные базы», сооружённые с целью укрепления вновь созданной линии защиты в месте её соединения с ранее существовавшей (Рис. 3, «А», «Б»). Остатки базы «А», выявленные под дёрном, состояли из трёх слоёв. Верхний (толщиной 0,35–0,4 м) представлял собой плотно утрамбованный рваный камень. Под ним находился слой вязкой глины, смешанный с известковой крошкой (0,2–0,25 м). Нижний слой вновь представлен утрамбованным рваным камнем (Рис. 4, 2). Общая высота сохранившейся конструкции — 0,75 м.

Вторая «база» («Б») также состояла из нескольких слоёв, разграниченных прослойками из рваного камня. Сразу под дёрном находился чернозём, смешанный с материковой глиной (общая мощность слоя составляла 0,2–0,25 м). Следующий за ним горизонт представлял собой смесь чернозёма и рваного известняка. Его толщина была практически равна предыдущему слою. Ниже, покоясь на остатках погребённого чернозёма, располагался слой утрамбованного известняка с незначительной примесью чернозёма (0,2–0,3 м), который и служил фундаментом всему сооружению. Сохранившаяся высота второй опорной базы составляет 1,0 м. Отметим также, что плотность утрамбованного нижнего каменного слоя базы «Б» и двух каменных слоёв базы «А» практически идентичны.

В заполнении вала между «опорными базами» прослеживается два слоя. Верхний состоял из смеси чернозёма и меловой (известняковой) крошки, нижний — смесь глины с рваным камнем, в котором часто встречались фракции древесного угля. Южнее базы «Б» на протяжении 4–5 м насыпь вала представляла собой рыхлую смесь крупного рваного камня, известняковой крошки, чернозёма, сырой глины и отдельных фракций древесного угля. Южнее чётко прослеживается структура салтовского вала с каменной линзой в основании.

В заполнении рва, равно как и в заполнении насыпи только что описанного вала, встречаются отдельные фрагменты лепной, грубой с шамотом керамики роменской культуры (иногда с орнаментом) и редкие обломки салтовских гончарных сосудов. Аналогичные артефакты были выявлены и во время исследований 1954 г. (Плетнёва, 1954. С. 24). Это свидетельствует о том, что в раннеславянское (роменское) время в период существования здесь жилой зоны (Колода, 1999а, С. 40–45; 2001а, С. 55–57) население соорудило на городище новую оборонительную линию. Она защищала значительно сократившуюся по сравнению с предыдущим (салтовским) периодом площадь и была увязана в единую систему с остатками оборонительной линии салтово-маяцкой культуры.

Ряд конструктивных элементов позднейшей оборонительной линии не укладывается в общую для восточных славян, а тем более для северян, традицию оборонительного зодчества. Первое, что обращает на себя внимание, использование рваного камня и щебня в насыпи вала. Это не находит аналогий ни у племён роменской культуры (Сухобоков, 1992. С. 117–166), ни у их восточных соседей — донских славян (Винников, 1995. С. 12–18). Более того, это вообще не характерно для славян юга Восточной Европы (Кучера, 1999, С. 76, 77). В определённой степени факт присутствия в данной насыпи рваного камня и щебня можно объяснить тем, что грунт для неё брался из насыпи более раннего «салтовского» вала. Второе неординарное обстоятельство — наличие каменного панциря по внешнему склону насыпи вала и связанные с ним три скопления камней (Рис. 3; 4, 3). Ана-

логичные панцири прослежены на городище Подгорцы, Ломачинцы, Крылос (столица Галицко-Волинского княжества) и Грозинцы (Кучера, 1999. С. 76). первый из упомянутых памятников расположен в верхнем течении Западного Буга, второй и третий — в Поднестровье, в последний — в верховьях Прута. Но даже в юго-западном регионе восточнославянского мира, с его богатыми традициями каменного зодчества и наличием соответствующего сырья, эти городища являются исключением.

Третья особенность — наличие многослойных «опорных баз», которые являются своеобразным связующим звеном между новой (роменской) линией обороны и ранее возведённой (салтовской). Такой технологический приём и вовсе не известен у славян Восточной Европы.

За объяснением отмеченных выше особенностей обратимся к традициям фортификации Хазарского каганата. Наличие каменного панциря в нижней части внешней стороны грунтовой насыпи представляет собой так называемые «одежды крутости», предохраняющие при отсутствии бермы вал от сползания в ров (Афанасьев, 1987. С. 113). Такие конструктивные элементы прослежены при изучении оборонительных линий лесостепных салтовских городищ, что территориально соседствуют с роменскими: Дмитриевское (Плетнёва, 1989. С. 14–20); Коробовы Хутора (Афанасьев, 1987. С. 108–110); Мохнач (Свистун, 2001б. С. 108, 109). Чередование каменных слоёв и грунтовых прослоек различного содержания, выявленное при изучении «опорных баз», находит свои аналогии в сооружении панцирей цитадели Волчанского городища (Колода, 2004. С. 266–268), в технике строительства Некрасовского и Шелковского городищ Дагестана времён Хазарского каганата (Магомедов, 1983. С. 142–144). Наличие «опорных баз» прослежено и в четвёртой поперечной линии обороны рассматриваемого Мохначанского городища (Рис. 2). Однако здесь они состояли исключительно из камня (Свистун, 2001а. С. 117, 118).

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что во время создания самой южной (первой поперечной) оборонительной линии Мохначанского городища среди её строите-

лей были мастера, усвоившие салтовскую, а если быть точнее, — северокавказскую традицию фортификационного зодчества.

Ещё одним фактом, подтверждающим этот тезис, могут служить результаты исследования третьей (считая с юга) поперечной оборонительной линии (Рис. 2). Здесь вдоль дороги вплотную к современному кладбищу по согласованию с местными жителями удалось заложить небольшую траншею 8×2 м (Рис. 5). Работы позволили выявить двухслойную насыпь и три хозяйственные ямки нового времени (Рис. 5).

Прослеженная стратиграфическая картина весьма примечательна. В верхней части слоя погребённого чернозёма (его мощность в пределах раскопа составляла 60–80 см) выявлены отдельные фрагменты лепной керамики раннего железного века и роменской археологической культуры. Поверх этого горизонта прослеживается слой вязкой материковой глины (0,10–0,15 м), в котором обнаружено полустлелвшее бревно (дуб ?). Оно имело диаметр 0,2–0,25 м, а его длина составляла около 5 м (Рис. 5, 1, 3). отметим также, что его северный край на 0,1–0,15 м находился выше южного. Поверх сырой глины с бревном располагался слой рваного песчаника, насыпанный без связующего раствора (Рис. 5, 2, 3). толщина этой каменной насыпи составляла 0,1–0,2 м.

Первоначальная насыпь, которая была сооружена поверх глиняного и каменного слоёв, была сооружена в роменское время, что доказывается находками нескольких фрагментов шамотированной лепной керамики по зачистке верхней границы погребённой почвы. Опираясь на размеры каменно-глиняного слоя, можно утверждать, что ширина роменского вала по подошве составляла 5–6 м, а сохранившаяся высота — не более 1 м. В насыпи этого вала определяется несколько слоёв и прослоек, которые различаются как по цвету, так и по составу грунта. Поверх камня с северной стороны находился слой чернозёма. Его толщина составляла 25–30 см. Вероятно, это был грунт, первоначально вынутый при рытье рва и перемещённый в сторону насыпи вала. Несколько южнее нижняя часть роменской насыпи имела две прослойки: смешанную (чернозём и вязкая сырая глина) и выше — из чистой глины. Их происхождение было ана-

логичным. Основная часть насыпи, прослеженная поверх вышеописанных, состояла из смеси чернозёма и сырой глины (Рис. 5, 2, 3).

Поверх описанных остатков роменского вала выявлена ещё одна досыпка из материковой глины. Опираясь на данные почвоведов, её можно отнести к рубежу XVII–XVIII вв., что подтверждает и хозяйственная яма № 3 (её содержимое и стратиграфия). Южнее насыпи вала в профиле бровки, прослеживаются несколько слоёв, образовавшихся в результате деструкции основной насыпи вала (Рис. 5, 2).

Описанная конструкция этого вала, первоначально сооружённого в роменское время, не имеет аналогий в кругу восточнославянских древностей (Кучера, 1999). Чередование слоёв рваного камня и сырой глины мы находим у соседей северян — населения салтовской археологической культуры, о чём говорилось выше. Использование слоя сырой глины в качестве подстилающей подушки фундамента также характерно для салтовцев. Об этом свидетельствуют результаты исследования цитадели Волчанского городища (Колода, 2004. С. 266–268). Глиняная «подушка» — фундамент обнаружена и при исследовании Правобережного Цимлянского городища. Однако здесь она интерпретирована исследователем как остатки «разливов жидкой глинистой массы, использовавшейся при строительстве внутреннего ядра стены» (Плетнёва, 1994. С. 276–278 и далее). Глиняный слой в основании крепостной стены прослежен и при исследовании Маяцкой крепости (Афанасьев, 1984. С. 30–41. Рис. 13, 15, 22, 23; Василева, 1990. С. 220–233).

Наличие деревянного бревна значительных размеров в насыпи описанного роменского вала (см. выше) также имеет прямые аналогии в салтовской фортификации. Ближайший из них является соседний, следующий к северу вал, сооружённый салтовцами на этом же Мохначанском городище в предроменское время (Рис. 2). Здесь между двумя панцирями в забутовке выявлено несколько целых брёвен, которые располагались перпендикулярно оси насыпи. Они были уложены со смещением на различных уровнях, создавая (в профиле) своеобразный шахматный порядок. Их прослеженная длина составляла 3–4 м, а диаметр равнялся 0,4–0,5 м (Свис-

тун, 2001а. С. 117, 118). Наличие поперечных деревянных конструкций в грунтовых валах подтверждается результатами исследований многих салтовских памятников лесостепной зоны (Афанасьев, 1987. С. 91–113; Василева, 1990. С. 220, 221. Рис. 1–3).

Таким образом, строители третьей (с юга) поперечной линии обороны Мохначанского городища использовали в роменское время нетрадиционную для славян технику возведения грунтовых оборонительных линий. Среди её создателей были представители аланского этноса, составляющего основу лесостепного салтовского населения, или же славяне, усвоившие элементы салтовской фортификации.

Полученные и проанализированные материалы раскопок славянских оборонительных линий Мохначанского городища, которые были возведены в середине X — первой половине XI в. н.э., подтверждают возможность сосуществования славян, алан и различных тюркоязычных народов на некоторых конкретных памятниках раннего средневековья,

а также позволяют строить предположение о дальнейшей судьбе населения Хазарии после исчезновения этого государства как самостоятельной единицы с политической карты Евразии конца I тыс. Влияние населения Хазарии на восточнославянское население Северского Донца проявлялось не только в фортификации, но и в иных аспектах хозяйства, материальной культуры и быта. Это даёт возможность говорить о существовании синкретичного по своей материальной и духовной культуре населения в зоне приграничных контактов славянского мира и многоэтнического населения каганата.

Проведённые исследования позволяют сделать ещё один вывод: одним из этноопределяющих признаков, который следует учитывать при рассмотрении проблемы межэтнических отношений, являются не только общепризнанные (традиции хозяйства и домостроительства, керамический комплекс, украшения и обряд погребения), но и строительные приёмы возведения фортификационных сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И., 1962. История Хазар. Л.
Атавин А.Г., 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Афанасьев Г.Е., 1986. Исследование южно-юго-западного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище. М.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.

Василева Д., 1990. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.

Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж.

Горбаненко С.А., 2002. Про землеробство жителів Мохначанського городища (роменська культура) // Історична наука: проблеми розвитку, Матеріали міжнародної наукової конференції. 17–18 травня 2002 р. Луганськ.

Ключевский В.О., 1956. Курс лекций русской истории. Т. I. Ч. I. М.

Книга Большому чертежу. 1950. М.-Л.

Колода В.В., 1999а. Некоторые итоги археологических исследований Мохначанского городища // Християнські старожитності Лівобережної України. Полтава.

Колода В.В., 1999б. Новые исследования Мохначанского городища // АБУ 1998–1999 рр. Київ.

Колода В.В., 2001а. Новые материалы к проблеме изучения славяно-хазарских отношений (по памятникам Северского Донца) // Чернозёмная лесостепь — контактная зона. Проблемы археологии и истории. Белгород.

Колода В.В., 2001б. Работы на Мохначанском городище в 2000 г. // АБУ 1999–2000 рр. Київ.

Колода В.В., 2002а. Исследование Мохначанского городища // АБУ 2000–2001 рр. Київ.

Колода В.В., 2002б. К вопросу о роли хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тез. М.

Колода В.В., 2002в. Мохначанская находка: клад или закладная жертва? // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб.

Колода В.В., 2004. исследования Волчанского городища // Древности 2004. Харьков.

Костомаров Н.И., 1903. Черты народной русской истории // Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб.

Кучера М.П., 1999. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між саном і Сіверським Донцем. Київ.

Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.

Повесть временных лет. 1950. Ч. I. М.-Л.

Плетнёва С.А., 1962. О связях алано-болгарских племён Подонья со славянами // СА. № 1.

Плетнёва С.А., 1972. Об этнической неоднородности населения Северо-Западного пограничья // Новое в археологии. М.

Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Плетнёва С.А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV.

Плетнёва С.А., 2000. О заселении славянами Саркела — Белой Вежи // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Европейская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Приходнюк О.М., 2002. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Харьков.

Рыбаков Б.А., 1951. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Т. XVIII.

Свистун Г.Є., 2001а. Конструктивні особливості салтівської оборонної лінії Мохначанського городища // АЛЛУ. Ч. 2.

Свистун Г.Є., 2001б. Салтовская оборонительная линия Мохначанского городища // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции. Харьков.

Свистун Г.Є., 2003. Исследования восточного участка обороны Мохначанского городища // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції. Харків.

Сухобоков О.В., 1992. Дніпровське лісостепова Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ.

Толочко П.П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.

Толочко О.П., Толочко П.П., 1998. Київська Русь. Київ.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П., 1977. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Плетнёва С.А., 1954. Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1025.

Шрамко Б.А., 1953. Отчёт об археологических разведках и раскопках Харьковского государственного университета в 1953 г. // Архив ИА НАНУ. № 1953/19.

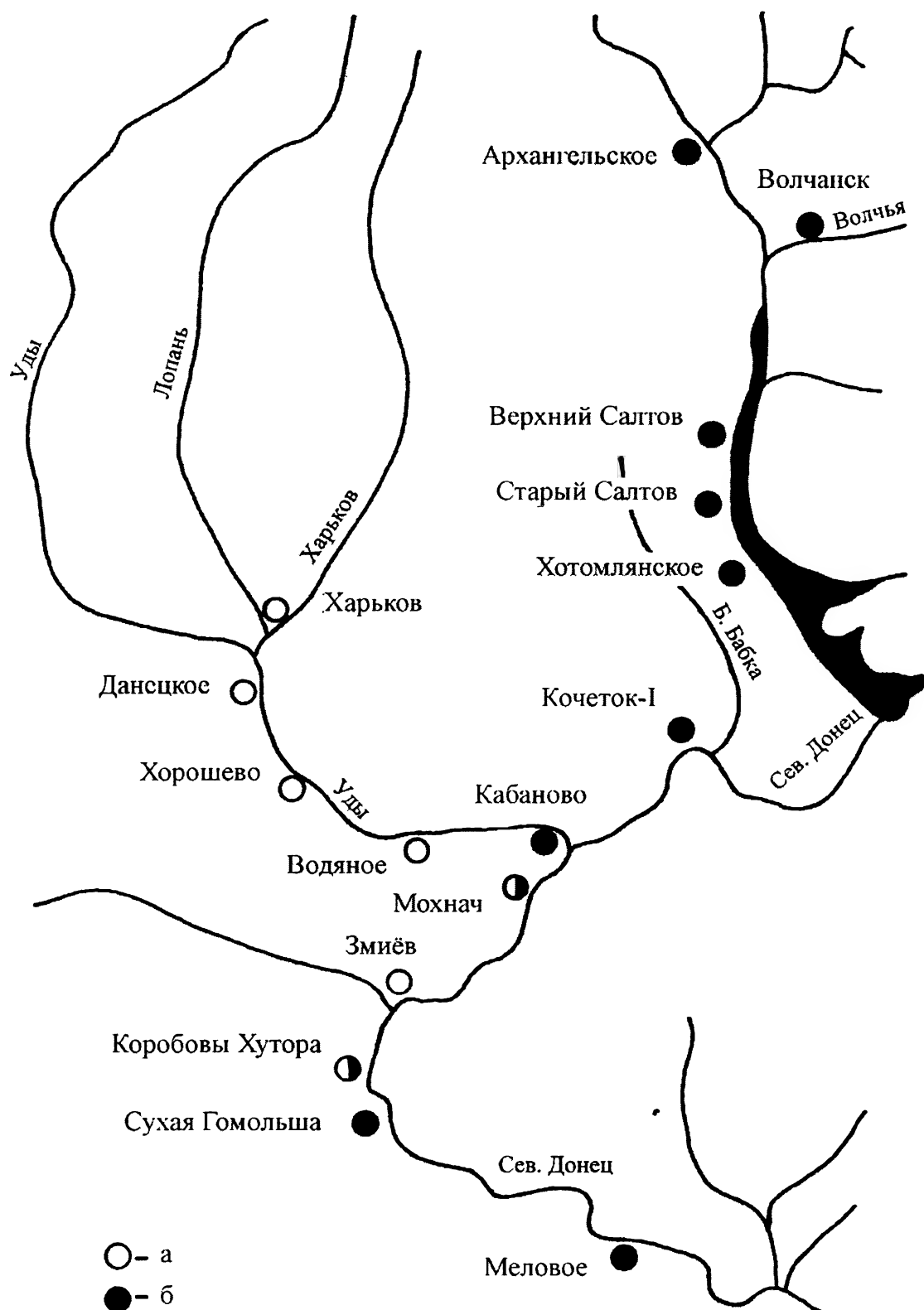

Рис.1. Славянские и салтовские памятники в зоне межэтнических контактов. Условные обозначения: а — славянские городища, б — салтово-маяцкие городища

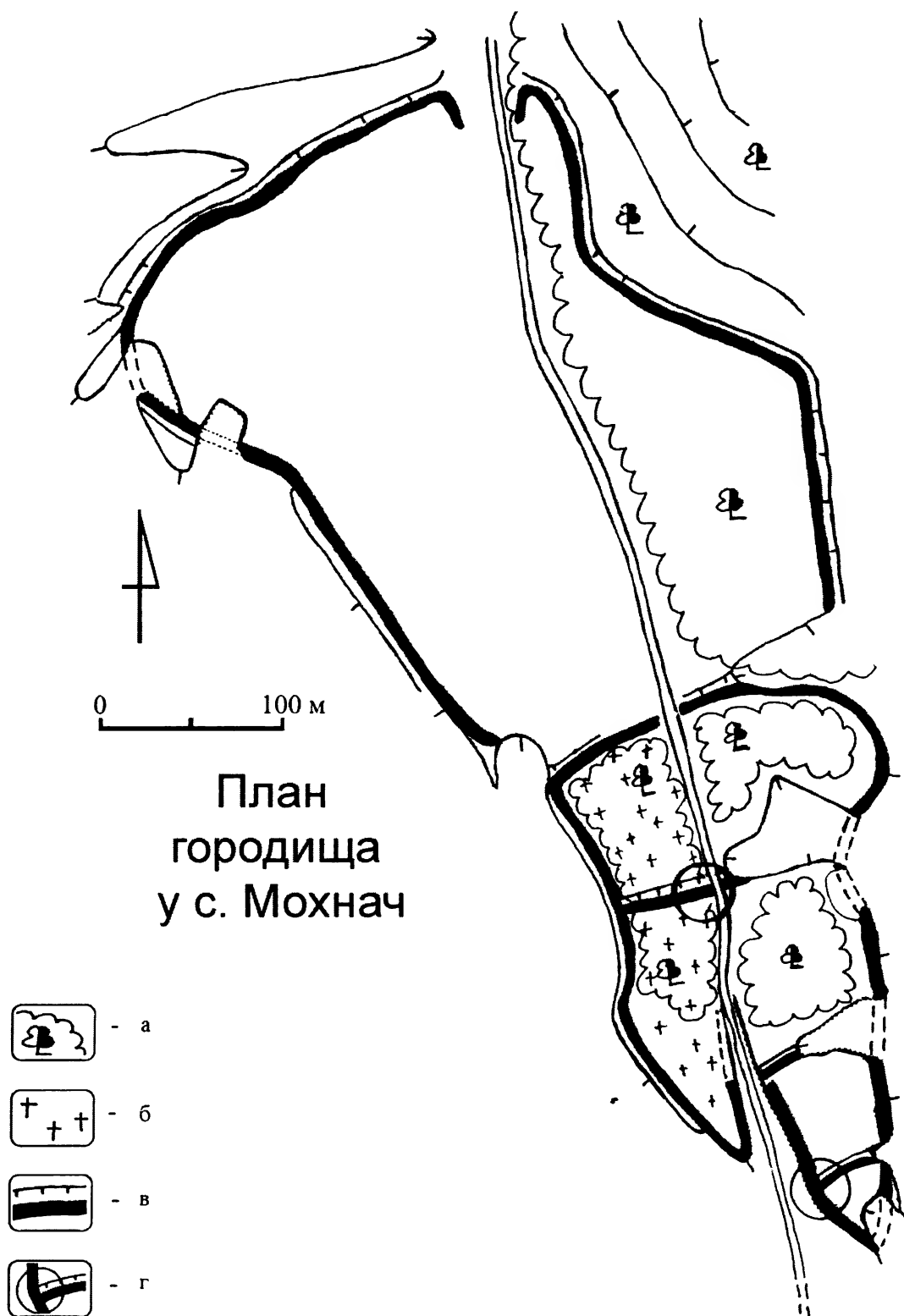

Рис. 2. План городища Мохнач. Условные обозначения: а — лес, б — современное кладбище, в — валы и рвы, г — места раскопов оборонительных линий роменской культуры

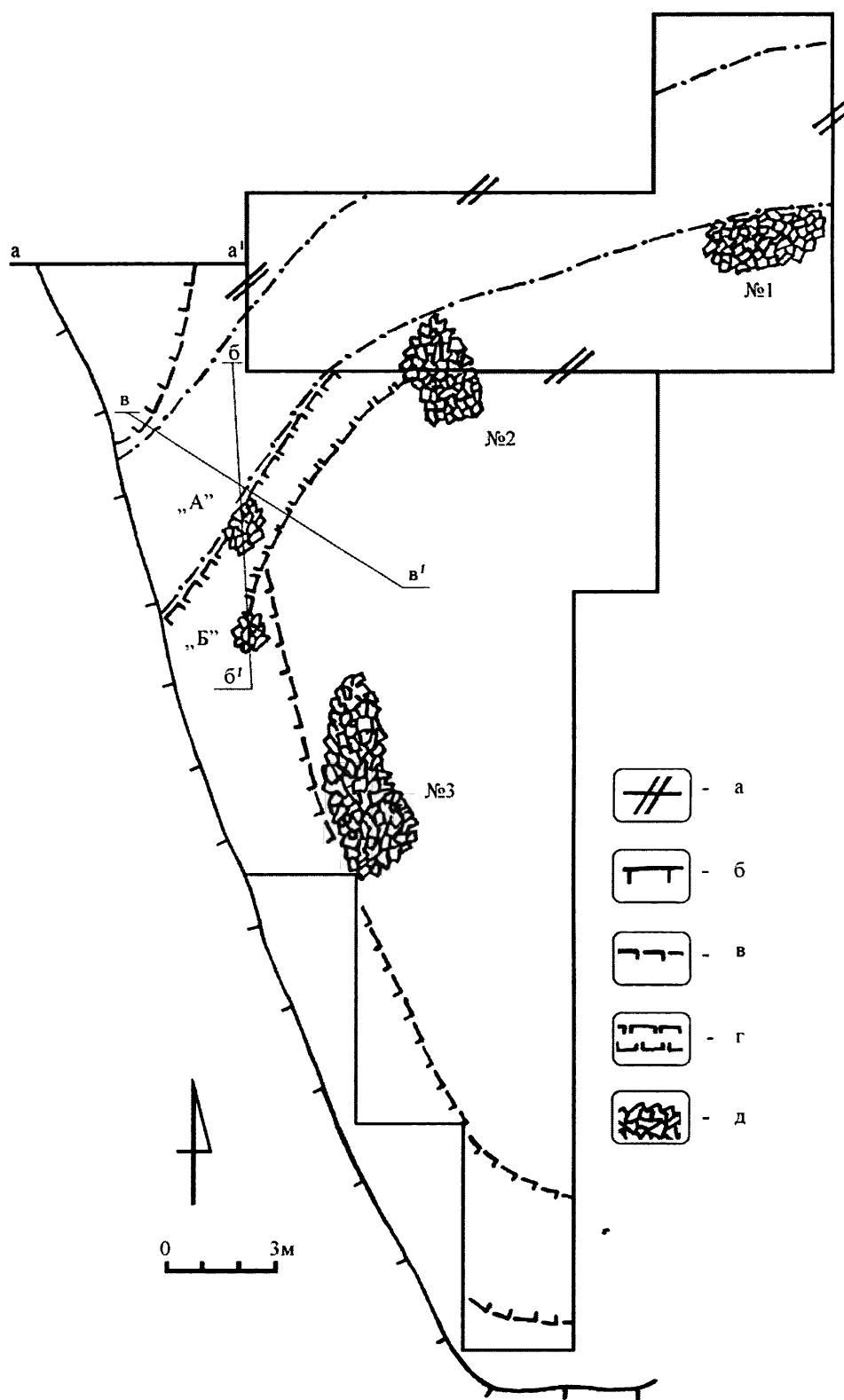

Рис. 3. Западный участок раскопа № 5 (южная поперечная линия обороны). Условные обозначения: *а* — раскоп 1954 г. С.А. Плетнёвой, *б* — верхняя граница плато, *в* — вал салтово-маяцкой культуры, *г* — границы «каменного панциря» вала роменской культуры, *д* — скопления рваного камня

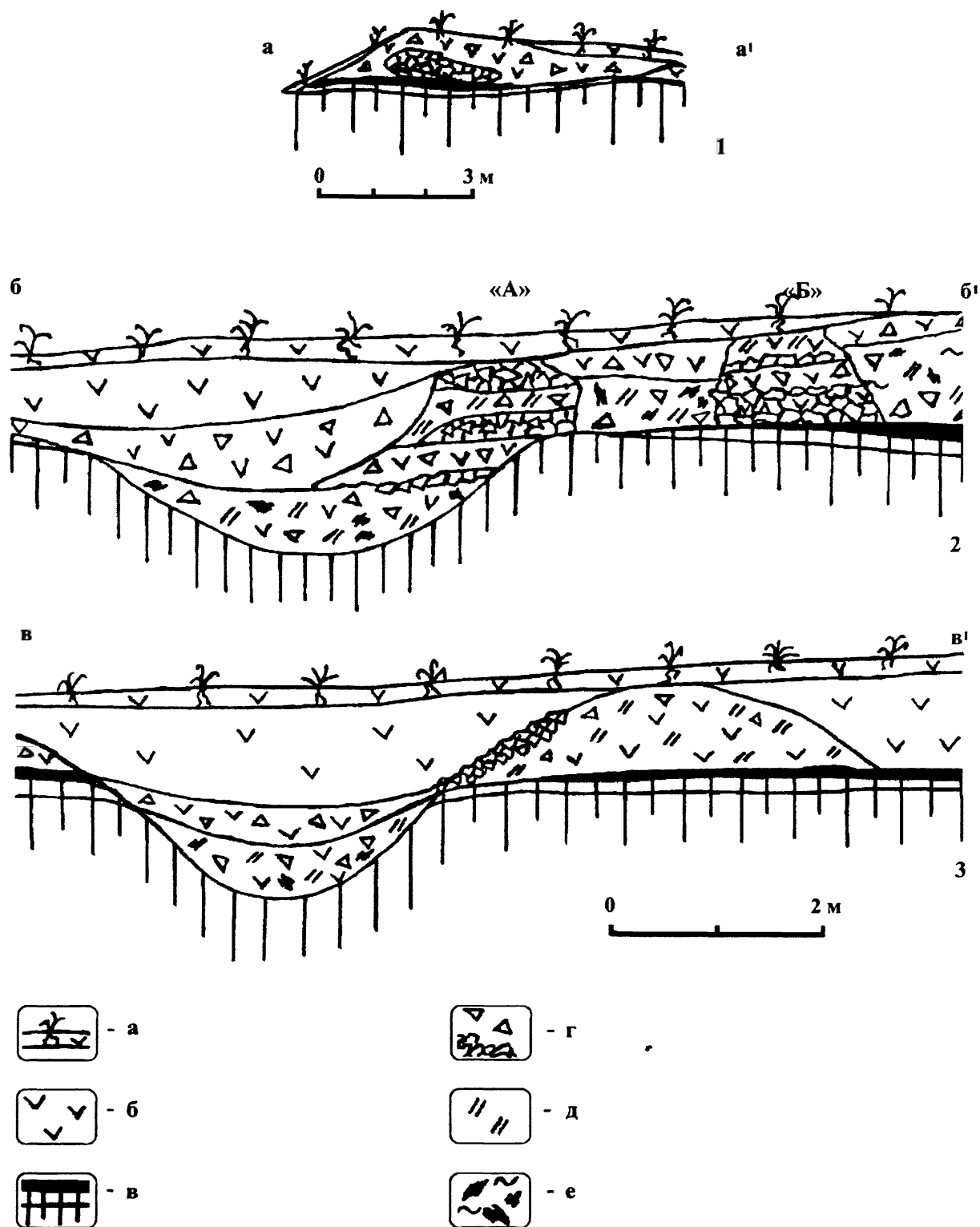

Рис. 4. Профили западного участка раскопа № 5. Условные обозначения: а — дёрн, б — чернозём, в — погребённая почва, предматерик, материк, г — скопление камней и отдельные камни, д — сырая глина, е — древесный уголь и зола

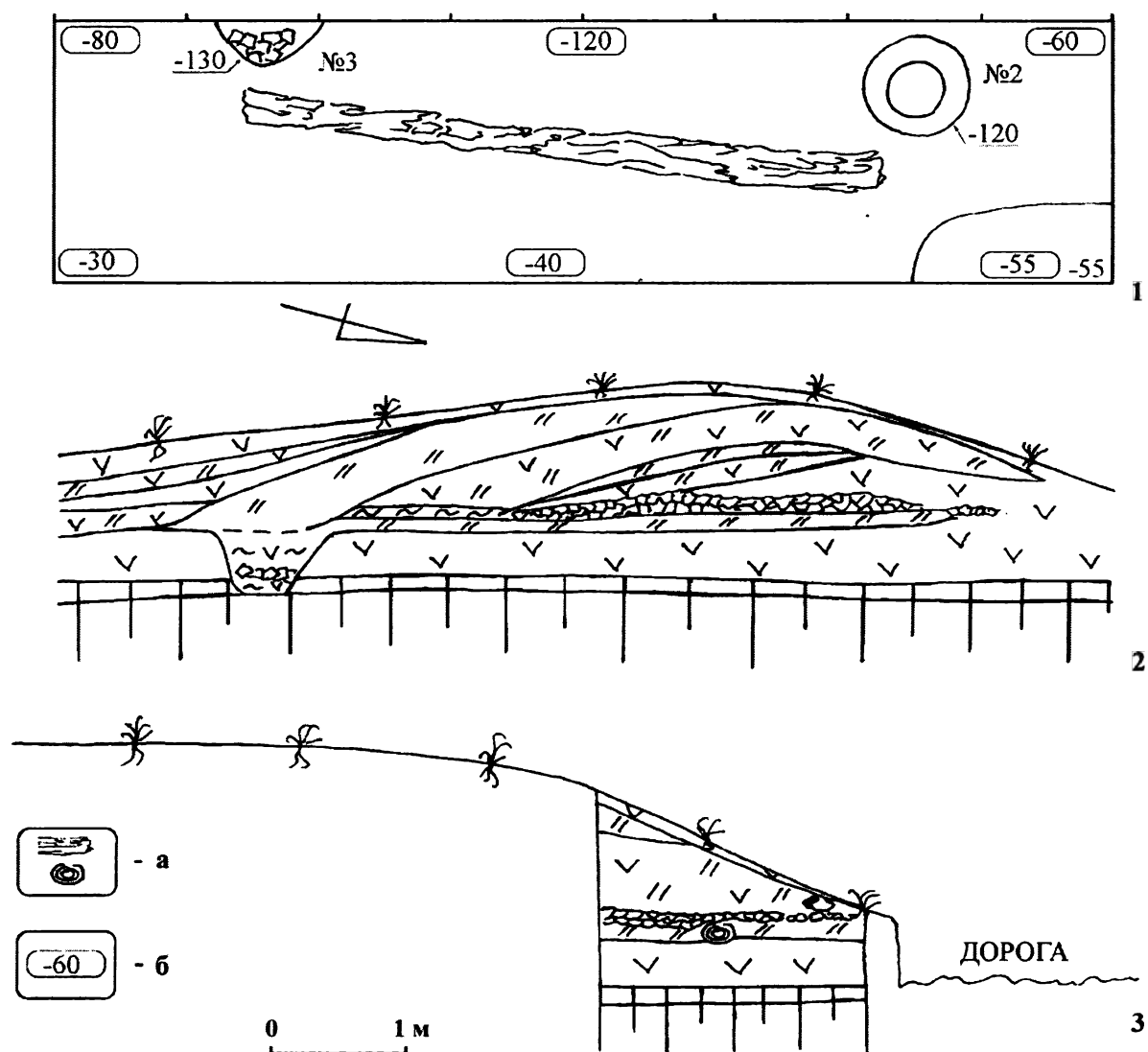

Рис. 5. План и профили раскопа роменского вала (третий поперечный с юга). Условные обозначения: а — дерево, б — уровень зачистки относительно дневной поверхности (остальные знаки см. на рис. 4)

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОТЧЛЕНЕНИЯ НОГ СОПРОВОЖДАЮЩИХ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Данная статья представляет некоторые наблюдения, сделанные по ходу редактирования опубликованной в этом сборнике работы А.Г. Атавина. Использовалась та информация, которая была внесена А.Г. Атавиным в БД «Номад» — состав выборок, наименование памятников, описание погребений, датировки захоронений мною не пересматривались¹. Характеристика способов отчленения ног от туш животных также дана в соответствии с теми кодами и записями, которые были внесены А.Г. Атавиным в базы данных. Подробно состав костных останков при том или ином способе отчленения описан в работе А.Г. Атавина «Погребальный обряд и имущественно-социальная структура средневековых кочевников лесостепной и степной зоны юга России конца IX — первой половины XIII вв. (печенеги, торки, половцы)», публикуемой в данном издании (Табл. 3, 4; Рис. 1). «По бабки» — означает отчленение конечностей в районе путовых и венечных костей. «По пясть» — означает отчленение передних ног

в районе костей запястья. Задние конечности в этом случае обычно отчленялись в районе пяточных костей или заплюсны. В работе, опубликованной А.Г. Атавиным в 1984 г., фигурирует способ членения «по колено» (Атавин, 1984), но в базе данных этот признак был заменен на «членение ног у верхних суставов»². Такой способ членения как сочетание передних ног «по пясть» с задними ногами «по колено» не рассматривался А.Г. Атавиным в качестве самостоятельного признака.

Помимо информационно-поисковой системы «Номад», состоящей из трех больших выборок под условными названиями «Печенеги», «Половцы» (до монгольского нашествия) и «Золотоордынцы», А.Г. Атавиным была подготовлена отдельная ИПС, содержащая сведения о 314 курганных захоронениях V–IX вв.³, исследованных на территории Доно-Волжского меж-

¹ По данным на 2004 г. В связи с тем, что ИПС непрерывно пополнялась записями, а выборки в ее составе перекомпоновывались, имеются некоторые различия между моими подсчетами и подсчетами А.Г. Атавина, выполненными ранее при подготовке плановых тем. Хотя, следует отметить, что различия эти не принципиальны.

² Я специально останавливаюсь на этом вопросе, поскольку иногда в археологической литературе коленом именуют место в районе костей запястья, или же костей заплюсны (скакательный сустав), или пятку лошади, в то время как коленных чашечек у копытных только две и располагаются они на задних ногах между берцовыми и бедренными костями.

³ Такой широкий хронологический диапазон, насколько я понимаю, был избран целенаправленно, в том числе и для планировавшейся работы с ГИС.

дуречья⁴. В 129 захоронениях V–IX вв. были встречены останки сопровождающих животных⁵. Чаще всего сопровождающие животные встречаются в подбойных погребениях, столь характерных для хазарского периода (Иванов, 2000. С. 18). На этой выразительной группе раннесредневековых захоронений хотелось бы остановиться подробнее (Табл. 4). В 96 раннесредневековых подбойных могилах (из учтенных 149) были встречены останки сопровождающих животных: иногда животное укладывалось в самом подбое рядом с человеком (12 случаев), но самый распространенный вариант укладки — во входной яме. Животное размещалось головой по направлению к голове покойника⁶. В 43 случаях это была целая туша животного (38 лошадей и 5 особей МРС), в 45 случаях ноги животных были отчленены по пясть (38 лошадей и 7 особей МРС). У 9 лошадей и 6 особей МРС отмечен способ членения ног у верхних суставов. Способ отчленения ног животных по бабки для раннесредневекового времени не характерен.

В печенежско-торчешский период на территории Волго-Донья практически исчезает традиция подбойных курганных захоронений и сопогребения целых туш животных. При этом сохраняется и процветает традиция отчленения ног животных по пясть (56 случаев) (Табл. 4).

⁴ В Ростовской области, в Ставропольском и Краснодарском краях, в Калмыкии и в Астраханской и Волгоградской областях (на правом берегу Волги).

⁵ Целые туши либо шкуры (чучела) с костями ног и черепом. Поскольку чучело или просто шкура с костями выступают как имитация целой туши, я использую в отношении этих останков определение «животные».

⁶ Единственный случай противоположной ориентировки — погребение из Горшковки, достаточно позднее для данной выборки. Останки лошади располагались на ступеньке, образованной перепадом высот между дном входной ямы и полом полуподбойной могилы. Лошадь с передними ногами, отчлененными по пясть, и задними конечностями, отчлененными по колено, была уложена черепом к ногам человека, ориентированного на запад (Красильников, 1978). В.Е. Флерова полагает, что погребения из Горшковки и у г. Торез (Шахта 19) датируются 2-й пол. VIII — 1-й пол. IX в. н.э. (Флерова, 2002. С. 172), а Е.В. Круглов относит захоронение из Горшковки к IX в. (Круглов, 2003. С. 16).

Чрезвычайное распространение получает способ отчленения ног животных по бабки (73 случая). Животное размещается либо рядом в могиле (67 случаев), либо над человеком (38 случаев), часто на перекрытии. Абсолютное большинство животных, как и в предыдущую эпоху, ориентировано мордами к головам покойных (58 случаев), но появляются отдельные случаи обратных ориентировок (14 захоронений). Преобладают, как и в хазарский период, ориентировки покойников в западном секторе. Как и в предыдущий период, имеется некоторое количество могил, в которых животное было уложено на ступеньку (15 случаев).

На основании простых математических подсчетов А.Г. Атавин сделал предположение, что членение ног по бабки (в сочетании со способом укладки животного над человеком) было характерно для торков, а членение ног животных по пясть (в сочетании с укладкой животного рядом в могиле) свойственно для печенегов⁷. Прочие варианты сочетаний признаков (пясть + животное над человеком или же бабки + животное рядом в могиле) было предложено рассматривать как итог быстрого смешения обрядов. Для проверки этой гипотезы мною была предпринята попытка статистического исследования подготовленной А.Г. Атавиным выборки, содержащей сведения о 182 погребениях печенежско-торчешского периода (см. прил. 1)⁸. Для факторного исследования этой выборки мною были отобраны те признаки погребального обряда, которые характеризуют захоронения с животными, а также группа признаков, описывающих ориентировки покойных, что позволяет использовать при анализе сведения о безлошадных захоронениях. Ориентировки погребенных были сгруппированы А.Г. Атавиным по трем направлениям: 1) от ССЗ до ЗСЗ; 2) от З до ЮЗ; 3) от СВ до ЮЮВ⁹.

⁷ См. табл. 5–7, опубликованные в работе А.Г. Атавина «Погребальный обряд и имущественно-социальная структура средневековых кочевников лесостепной и степной зоны юга России конца IX — первой половины XIII вв. (печенеги, торки, половцы)».

⁸ Из этой выборки самим А.Г. Атавиным были исключены сведения о групповых захоронениях и кенотафах.

⁹ В одном из погребений, отнесенных А.Г. Атавиным к данной группе, ориентировка покойника северная (Старница-7-8).

Проведенный факторный анализ хотя и демонстрирует недостаточно четко выраженную факторную структуру, но, тем не менее, подтверждает наличие в выборке нескольких блоков взаимозависимых признаков, для группировки которых способ членения ног сопровождающего животного носит определяющий характер. Факторный анализ производился при помощи пакета программ статистической обработки SAS. В результате разведочного факторного анализа, проведенного по методу Principal Factors с автоматическим критерием отбора числа факторов Proportion, было выделено четыре фактора (Табл. 1). Факторы оказались чрезвычайно тесно скоррелированы — нагрузки на признаки были перераспределены сразу между двумя, а то и тремя факторами. Только два первых фактора имеют собственные значения выше единицы. Однако в факторах 3 и 4, имеющих собственные значения меньше единицы, оказались представлены максимальные для данной модели нагрузки на некоторые из признаков. Поэтому для проведения процедуры вращения была оставлена первоначальная четырехфакторная модель. Вращение матрицы по методу Varimax дало следующие результаты (Табл. 2).

Фактор 1 описывает погребения с животными, уложенными на ступеньке, черепом в сторону, противоположную голове человека. Покойники ориентированы в восточном направлении — от СВ до ЮЮВ. Ноги животных отчленены по пясть.

Фактор 2 описывает погребения с животными, ноги которых отчленялись по бабки. Способ укладки животного — черепом к голове человека. Животное располагалось над человеком или рядом с ним в могиле.

Фактор 3 описывает погребения с животными, уложенными в могилу рядом с человеком, черепом к его голове. Ноги животных отчленялись по пясть.

В факторе 4 единственный нагруженный признак описывает западные — юго-западные ориентировки покойных. Вероятно, подобная обособленность признака может быть объяснена тем, что, во-первых, ориентировки в западном направлении абсолютно преобладали в печенежско-торческих погребениях (т.е. представлены во всех типах захоронений), а, во-вторых, среди погребений с по-

добными ориентировками достаточно много безлошадных захоронений.

Факторы 1, 2 и 3 в полученной модели отражают наличие определенной зависимости между способами отчленения ног животных и местоположением животного в могиле (над человеком, рядом с ним или на ступеньке). Для группы погребений с животным над человеком характерен способ отчленения по бабки (фактор 2) и не свойственен способ по пясть (фактор не выделяется). Эту обрядовую традицию А.Г. Атавин связал с гузами. Группу погребений, в которых животные с ногами по пясть были уложены рядом с человеком (фактор 3), А.Г. Атавин соотнес с печенегами. Фактор 2 описывает также захоронения, в которых кони с ногами по бабки были уложены рядом с людьми. Эту группу погребений было предложено рассматривать как результат смешения обрядов.

Способ отчленения ног животных по бабки фактически является новшеством печенежско-торческой эпохи, в то время как способ отчленения по пясть широко практиковался на западе степной зоны в предыдущее время. Основная часть захоронений с животными, ноги которых отчленены по пясть, в печенежско-торческую эпоху была сосредоточена в бассейне Дона и его притоков. В предшествующий хазарский период, когда значительная часть населения также концентрировалась в Подонье (Афанасьев, Атавин, 2002. С. 15), способ отчленения по пясть был представлен во многих курганных захоронениях (табл. 4).

Таким образом, результаты факторного анализа статистически подтверждают правомерность выделения нескольких групп погребений в зависимости от местоположения животных и способов отчленения их ног, как это и было предложено А.Г. Атавиным. Но проблема этнической интерпретации выделенных групп захоронений требует дальнейшего изучения.

В настоящее время при выделении огузских и печенежских захоронений исследователи оперируют такими понятиями как «вертикальное» размещение коня по отношению к человеку, или «горизонтальное» их соотношение. Е.В. Круглов рассматривает в качестве варианта вертикального соотношения захоронение чучела лошади на ступень-

ке наряду с расположением чучела в засыпи, на перекрытии или на крышке гроба (Круглов, 2001. С. 399), объединяя все перечисленные способы укладки животных в один признак (Круглов, 2001. С. 430, признак 37). С.А. Плетнева сначала относила погребения с конем на ступеньке к группе торческих (гузских) захоронений с конем, размещаемым над человеком (Плетнева, 1981. С. 218). Сейчас в отношении погребений с животным на ступеньке она высказывается более осторожно. В последней монографии, посвященной европейским кочевникам, погребения с конем на ступеньке были отнесены ею к той же группе, что и погребения с конем, уложенным рядом с покойником на дне могилы, т.е. к «горизонтальной» категории. Но с оговоркой, что «...захоронение коня на низенькой приступке, почти рядом с умершим, но все-таки выше его, как бы в “отдельном помещении”, вполне могло быть признаком второй группы¹⁰ или же появление его могло быть смешением двух обрядов» (Плетнева, 2003. С. 124).

Всего погребений с конем на ступеньке в печенежско-торческой выборке учтено 15. В Поволжье подобных погребений два, от Калмыкии до Северного Кавказа — 13. В 13 случаях ноги животных были отчленены по пясть, в двух погребениях со ступенькой конечности животного были отчленены по бабки (обе могилы происходят из Поволжья). В восьми случаях покойник лежал головой в восточном секторе (от СВ до ЮЮВ) (Табл. 3). В шести случаях конь был захоронен черепом в противоположную от человека сторону, головой к ногам покойного (Табл. 3).

Перечисленные факты противоречат отнесению погребений с животным на ступеньке к «вертикальной» группе. Во-первых, местоположение коня на ступеньке оказывается теснейшим образом связано со способом отчленения его ног по пясть (Табл. 3). Эта зависимость статистически подтверждается посредством фактора 1 (Табл. 2). А как мы видели выше, способ по пясть не был характерен для погребений с животными над человеком. Во-вторых, подавляющее большинство погребений с животным на ступеньке проис-

ходит из Подонья. И, наконец, более половины из учтенных в печенежско-торческой выборке захоронений с животным на ступеньке демонстрируют поздние признаки — восточные ориентировки покойных и расположение коня головой к ногам человека. А.Г. Атавин выделил группу из шести наиболее богатых мужских погребений печенежского круга (с защитным вооружением и рубящим оружием), указав на то, что захоронения эти скорее всего принадлежали поздним печенегам, вошедшим в состав половецких объединений¹¹. В трех из этих погребений конь с ногами по пясть был уложен на ступеньке¹².

Максимальное распространение на западе степной зоны погребения с конем на ступеньке получают в конце XI — XII вв. одновременно с возобновлением здесь обряда подбойных захоронений и широким распространением традиции восточных ориентировок покойных и обратных ориентировок сопровождающих животных. Все это не позволяет, на мой взгляд, рассматривать погребения со ступенькой механически как «вертикальные» или же «горизонтальные».

В период с конца XI и по начало XIII в. с притоком на запад степей новой волны кочевников соотношение типов захоронений на территории Нижнего Подонья и Волго-Донского междуречья претерпевает значительные изменения (Табл. 4). Уходят способы отчленения ног животных по пясть и по бабки. Значительно сокращается число захоронений, в которых животное было уложено в могильной яме над человеком (меньше в 1,8 раза) или рядом с ним (меньше в 4,8 раза). Резко, по сравнению с печенежско-торческим периодом, возрастает количество могил со ступенькой (48 могил) и погребений, в которых животное было уложено на эту ступеньку (38 случаев). Значительно увеличивается число захоронений с животным на горизонте кургана (16 случаев). Появляются захоронения животных в отдельной яме (11 случаев). Многократно увеличивается число подбойных могил и

¹¹ Это погребения: Лола 2-8, Курчанская, Архаринка 21-2, Восточный Маныч 1-21-1 и 2-68-1, Кривая Лука 15-2-6.

¹² Лола 2-8, Архаринка 21-2 и Восточный Маныч 1-21-1.

¹⁰ Которая включает погребения с конем над человеком.

шестикратно увеличивается количество захоронений животных в подбойных могилах (43 случая). Абсолютно лидирует способ отчленения ног лошадей у верхних суставов (97 случаев), а также укладка в погребениях целых конских туш. Животное располагалось как черепом к голове человека (55 случаев), так и черепом к ногам покойного (63 случая). В половецкий период в южнорусских степях втроекратно нарастает количество курганов с ровиками (48 случаев) по сравнению с печенежско-торческим временем, когда, согласно БД «Номад», известно лишь 16 курганных захоронений с ровиками. В ряде случаев могилы половецкого времени были окружены ровиками подквадратной формы.

Таким образом, в половецкий период в европейских степях возобновляется ряд элементов погребальных традиций, широко представленных в эпоху хазарского владычества и исчезнувших или резко сократившихся в печенежско-торческий период. Довольно многие черты указывают на определенную общность истоков погребальных традиций населения, оставившего захоронения в курганах с квадратными ровиками, и какой-то части поздних кочевников, входивших в состав кимако-кипчакских объединений. Интересно, в этой связи упомянуть об оригинальных курганах-мавзолеях, возведенных из глины с пахсой и из дерновых блоков, которые появляются в Барабинской лесостепи в конце I — начале II тыс. с проникновением сюда кимакских племен с территории Казахстана (Бараба..., 1988. С. 106–108). Предполага-

ют, что курганы, сооруженные из дерновых блоков (Венгерово, Осинцево), представляют собою вариант сырцово-пахсового надмогильного сооружения, адаптированный к местным условиям (Бараба..., 1988. С. 108). Форму этих курганов реконструируют как четырехгранную усеченно-пирамидальную (Бараба..., 1988. Рис. 52). Курганы окружались округлыми или подквадратными в плане ровиками, обычно имевшими одну перемышку, расположенную с восточной стороны (Бараба..., 1988. Рис. 49). Насыпи пирамидальной формы удалось проследить и в некоторых европейских курганах, датируемых хазарским временем¹³ (Узянов, 1976. С. 147; Копылов, 1980. С. 113)¹⁴.

Знакомство с БД «Номад» заставляет признать, что в южнорусских степях от эпохи к эпохе преобладание тех или иных признаков, характеризующих захоронения сопровождающих животных (включая способы отчленения их ног), было взаимосвязано со сменой доминирующих типов погребальных конструкций. Многолетний труд А.Г. Атавина — база данных «Номад» — уникальное явление в отечественной археологии, поскольку она отражает огромный тысячелетний срез динамичной истории южнорусских степей. Грандиозная работа, проделанная А.Г. Атавиным, позволяет выделить цепочку фактов, которые еще только предстоит интерпретировать, но без осмысления которых невозможным будет дальнейшее изучение этнической истории средневековых кочевников Юга России.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1.

Атавин А.Г., 1995. Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М.

Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г., 2002. Что же такое хазарский погребальный обряд? (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары: Второй международный коллоквиум. М.

Бараба в тюркское время. Под ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск, 1988.

Иванов А.А., 2000. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины

¹³ Кузнецовский I-й и Романовский I-й могильник.

¹⁴ В связи с этим В.Е. Флерова пишет: «есть основания предполагать, что не только ровики, но и насыпи над погребениями имели четырехугольную форму» (Флерова, 2001. С. 75).

IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Волгоград.

Иванов А.А., 2001. К вопросу о культурно-этнической характеристике раннесредневековых погребений из курганов с ровиками по данным погребального обряда // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы международной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины, 16–18 мая 2001 г. Харьков.

Копылов В.П., 1980. Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО–1979.

Красильников К.И., 1978. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке // СА. № 4.

Круглов Е.В., 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX — 1-й

пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Круглов Е.В., 2003. Печененги и Огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.

Узянов А.А., 1976. Нижнесальские курганы // АО–1975.

Флерова В.Е., 2001. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. № 2.

Табл. 1. Факторная матрица до вращения

		FACTOR1	FACTOR2	FACTOR3	FACTOR4
1	ноги животного отчленены по бабки	-0,55282	0,22847	0,29788	0,37408
2	ноги животного отчленены по пясть	0,61449	-0,19390	0,25566	-0,01972
3	животное над человеком	-0,32356	0,47838	-0,10473	0,26057
4	животное рядом в могиле	-0,01410	-0,39841	0,62267	-0,04718
5	животное на ступеньке	0,50773	0,03007	-0,12865	0,28900
6	животное черепом к голове человека	-0,25348	0,11695	0,42266	0,19823
7	животное черепом к ногам человека	0,58544	0,10901	-0,01512	0,33224
8	ориентировки от СВ до ЮЮВ	0,66786	0,19127	0,17929	0,17991
9	ориентировки от ЮЗ до З	-0,45225	-0,55131	-0,13155	0,28702
10	ориентировки от ССЗ до ЗСЗ	-0,06185	0,51579	0,25002	-0,34317
		2,107270	1,110403	0,860152	0,676162

Табл. 2. Факторная матрица после вращения по методу VARIMAX

		FACTOR1	FACTOR2	FACTOR3	FACTOR4
1	ноги животного отчленены по бабки	-0,19912	0,72090	-0,15435	0,05752
2	ноги животного отчленены по пясть	0,47873	-0,20208	0,45323	-0,07419
3	животное над человеком	-0,05207	0,37675	-0,50739	-0,10153
4	животное рядом в могиле	-0,06763	0,24242	0,69412	0,06107
5	животное на ступеньке	0,57100	-0,14581	-0,06365	0,08615
6	животное черепом к голове человека	-0,05773	0,52370	0,12056	-0,06116
7	животное черепом к ногам человека	0,67857	-0,06554	-0,02170	0,00099
8	ориентировки от СВ до ЮЮВ	0,69086	-0,04764	0,12905	-0,22565
9	ориентировки от ЮЗ до З	-0,32191	0,13274	0,04915	0,69606
10	ориентировки от ССЗ до ЗСЗ	-0,13133	0,13976	-0,05241	-0,64079
		1,664111	1,100475	1,009356	0,980045

Табл. 3. Характеристика захоронений с животным на ступеньке в печенежско-торческой выборке

Код	По бабки	По пясть	Черепом к человеку	Черепом к ногам человека	Ориентировка человека
АРХ-21-2	0	1	1	0	3
БСР-17	0	1	1	0	ЗЮЗ
ВМ1-21-1	0	1	0	1	В
ВМ1-40-1	0	1	0	1	В
ВМ1-43-3	0	1	0	1	В
ЗОЛ6-1-3	0	1	0	0	ЮЮВ
КЛ27-2-1	1	0	0	0	ЗЮЗ
КЛН-12-19	1	0	1	0	ЮЗ
КО32-7-5	0	1	0	1	В
КРУП-14-1	0	1	0	1	СВ
ЛОЛ2-8-3	0	1	1	0	3
САРК-41-1	0	1	0	0	ЗЮЗ
САРК-43-1	0	1	0	0	ЗЮЗ
ШАР-1-2	0	1	0	0	ЮЮВ
ШАХ2-3-5	0	1	0	1	СВ

Табл. 4.

	Подбойные захоронения в раннесредневековых курганах	Курганные захоронения печенежско-торчского периода	Курганные захоронения половецкого (домонгольского) периода
<i>Количество погребений с животными:</i>		129	143
Животные в подбойном погребении	96	7	43
Животные рядом в яме		67	14
Животные над человеком		38	21
Животные на ступеньке		15	38
Животные на горизонте у могилы		2	16
Животные в отдельной яме		—	11
<i>Количество животных с определенным способом расчленения:</i>	105	132	140
Целая туша	43 (38 — лошадь; 5 — МРС)	1 (КРС)	43 (1 — КРС)
Ноги по пясть	45 (38 — лошадь; 7 — МРС)	56 (8 — МРС)	—
Ноги по бабки	2 (лошадь)	73 (9 — МРС)	—
Ноги у верхних суставов	15 (9 — лошадь; 6 — МРС)	2	97 (лошадь)
<i>Количество прослеженных случаев ориентировки животных по отношению к человеку:</i>	49	72	118
Черепом к голове человека	48	58	55
Черепом к ногам человека	1	14	63

Приложение 1.

Выборка памятников печенежско-торческого периода (по А.Г. Атавину), сведения о которых использовались при проведении факторного анализа

КОД	ГРУППА	ПУНКТ	РЕГИОН
1	2	3	4
АГ1-2-2	Агеевский 1	Балабин	Ростовск.
АЛЕКС1-1-2	Алексеевский 1	Водянский	Ростовск.
АЛН-1-2	Алешкин	Алёшкин	Волгогр.
АРП-28-3	Арпачин	Арпачин	Ростовск.
АРТ-14-3	Артющенко	Артющенко	Краснод.
АРХ-21-2	Архаринка	Лола	Калмыкия
БАЙКОВ-13-3	Байков	Ростов-Дон	Ростовск.
БАР-2-1	Барановка	Барановка	Астрахан.
БАР-2-3	Барановка	Барановка	Астрахан.
БАР-23-1	Барановка	Барановка	Астрахан.
БЕГ16-1-3	Беглица 16	Беглица	Ростовск.
БЕГ16-2-3	Беглица 16	Беглица	Ростовск.
БОГ-1-4	Богоявленская	Богоявленск	Ростовск.
БСР-17	Бугор С.Разина	Подразино	Астрахан.
БУК-1-1	Букановская	Букановская	Волгогр.
БУШ-1-1	Бушуйка	Бушуйка	Ростовск.
БЫК1-10-11	Быково 1	Быково	Волгогр.
БЫК1-10-16	Быково 1	Быково	Волгогр.
БЫК1-14-3	Быково 1	Быково	Волгогр.
БЫК1-16-9	Быково 1	Быково	Волгогр.
БЫК2-3-5	Быково 2	Быково	Волгогр.
ВАЛ1-1-6	Валовый 1	с/з «Шаумяна»	Ростовск.
ВАЛ1-5-4	Валовый 1	с/з «Шаумяна»	Ростовск.
ВАЛ1-7-4	Валовый 1	с/з «Шаумяна»	Ростовск.
ВГ-4-2	Высокая гора	Дьяченково	Воронежск.
ВМ1-21-1	Вост. Маныч 1	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ1-40-1	Вост. Маныч 1	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ1-43-3	Вост. Маныч 1	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ2-37-2	Вост. Маныч 2	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ2-68-1	Вост. Маныч 2	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ2-79-1	Вост. Маныч 2	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМ3-10-1	Вост. Маныч 3	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВМПГ-19-1	Вост. Маныч правоб. гр.	Чогр. вдхр.	Калмыкия
ВОЛ-2-4	Волжский	Волжский	Волгогр.
ВЫС4-2-5	Высочино 4	Высочино	Ростовск.
ВЯТ-1-1	Ростов-Дон	Ростов-Дон	Ростовск.
ГК15-4-13	Гаевка-Каймак 15	Гаевк-Каймак	Ростовск.
ДЖ2-3-1	Джангар 2	Джангар	Калмыкия
ЗО1-6-2	Займо-Обрыв 1	Займо-Обрыв	Ростовск.
ЗОЛ6-1-3	Золотаревка	Золотаревка	Ставроп.
ИЛ-9-1,2	Ильевка	Ильевка	Волгогр.

1	2	3	4
КАСТ5-11-1	Кастырка 5	Кастырка	Ростовск.
КАСТ8-13-1	Кастырка 8	Кастырка	Ростовск.
КИЛ-1-5	Киляковка	Киляковка	Волгогр.
КИЛ-3-2	Киляковка	Киляковка	Волгогр.
КИЛ-4-1	Киляковка	Киляковка	Волгогр.
КИЛ-4-2	Киляковка	Киляковка	Волгогр.
КЛ15-2-2	Кривая Лука 15	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ15-2-6	Кривая Лука 15	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ15-2-9	Кривая Лука 15	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ15-3-8	Кривая Лука 15	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ15-7-1	Кривая Лука 15	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ16-1-1	Кривая Лука 16	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ21-9-1	Кривая Лука 21	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ27-2-1	Кривая Лука 27	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ3-1-23	Кривая Лука 3	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ3-2-1	Кривая Лука 3	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ35-1-6	Кривая Лука 35	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ5-4-1	Кривая Лука 5	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛ7-9-16	Кривая Лука 7	Чёрный Яр	Астрахан.
КЛН-1-7	Калиновская	Калиновка	Волгогр.
КЛН-12-19	Калиновская	Калиновка	Волгогр.
КЛН-28-2	Калиновская	Калиновка	Волгогр.
КЛН-4-1	Калиновская	Калиновка	Волгогр.
КО32-7-5	Козинка 2	Козинка	Ростовск.
КОЙС-7-29	Койсуг	Койсуг	Ростовск.
КОЛ1-3-4	Колобовка 1	Колобовка	Волгогр.
КОЛ1-6-1	Колобовка 1	Колобовка	Волгогр.
КОЛ1-6-2	Колобовка 1	Колобовка	Волгогр.
КОЛ4-1-2	Колобовка 4	Колобовка	Волгогр.
КОЛ4-6-5	Колобовка 4	Колобовка	Волгогр.
КОС-Б-3	Косика	Косика	Астрахан.
КР2-9-4	Крепенский 2	Арпачин	Ростовск.
КРУП-14-1	Крупской	Крупской	Краснод.
КУЛ-1-5	Кулешовка	Кулешовка	Ростовск.
КУР-1-1	Курчанская	Курчанская	Краснод.
КУТ-46-5	Купцын Толга	Больш. Царынь	Калмыкия
КЮ-6-2	Кьюин-Толга	Джангар	Калмыкия
ЛАК2-1-5	Лакедемоновка 2	Лакедемон	Ростовск.
ЛАК2-2-3	Лакедемоновка 2	Лакедемон	Ростовск.
ЛАК3-1-3	Лакедемоновка 3	Лакедемон	Ростовск.
ЛАПАС-Д-1	Лапас	Лапас	Астрахан.
ЛОЛ2-11-1	Лола2	Лола	Калмыкия
ЛОЛ2-8-3	Лола2	Лола	Калмыкия
МАЛ5-11-2	Маляевка 5	Маляевка	Волгогр.
МАЛ5-11-5	Маляевка 5	Маляевка	Волгогр.
МАЛ5-6-1	Маляевка 5	Маляевка	Волгогр.
МЕХЗАВ-6-1	Механический завод	Ростов-Дон	Ростовск.

1	2	3	4
МОЛ1-2-1	Молчановка 1	Молчановка	Волгогр.
МУХ2-3-10	Мухин 2	Аксай	Ростовск.
НБ-1-1	Ново-Батайский	Ново-Батайск	Ростовск.
НМОЛ-1-4	Нов. Молчановка	Нов. Молчанов	Волгогр.
ПИС2-7-2	Писаревка 2	Писаревка	Волгогр.
ПОЛ-4-1	Поляков	Бесергеновск	Ростовск.
ПОП-30/6-1	Попов	Попов	Ростовск.
ПРА1-погребение	Приморское 1	Ильич	Краснод.
РД4-8-1	Ростов-Дон 4	Ростов-Дон	Ростовск.
РК7-3-1	Русский Колод 7	Рус Колодец	Ростовск.
РК7-4-4	Русский Колод 7	Рус Колодец	Ростовск.
РК7-4-6	Русский Колод 7	Рус Колодец	Ростовск.
РОВ-4-7	Ровное	Ровное	Саратовск.
САРК-1-1	Саркел	ЛЦГ (Левобережное Цимлянское)	Ростовск.
САРК-10-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-10-2	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-11-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-12-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-13-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-14-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-15-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-15/3	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-16-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-18/1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-19/15	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-19/22	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-19/26	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-19/29	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-2-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-20-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-21-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-27-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-28-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-29-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-3-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-33-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-34-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-35-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-35-2	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-36-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-37-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-38-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-38-2	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-39-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-4-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-4-2	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.

1	2	3	4
САРК-40-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-41-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-42-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-43-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-46-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-47-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-48-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-49-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-5-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-53-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-54-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-56-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-59-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-6-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-7-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-8-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
САРК-9-1	Саркел	ЛЦГ	Ростовск.
СИД-34-1	Сидоры	Сидоры	Волгогр.
СЛАД-17-1	Сладковский	Сладковский	Ростовск.
СОЛ-5-4	Солодовка	Солодовка	Волгогр.
СТАР-21-2	Старица	Старица	Астрахан.
СТАР-21-5	Старица	Старица	Астрахан.
СТАР-7-16	Старица	Старица	Астрахан.
СТАР-7-18	Старица	Старица	Астрахан.
СТАР-7-8	Старица	Старица	Астрахан.
ТЕР-1-2	Терновская	Терновская	Краснод.
ТРЯС-1-1	Трясиновская	Трясиновский	Волгогр.
ФЕД1-1-6	Федоровка 1	Федоровка	Ростовск.
ХОЛ1-3-1	Холодный 1	Холодный	Ростовск.
ХТ-3-4	Хоир-Толга	Барун	Калмыкия
ХТ-4-2	Хоир-Толга	Барун	Калмыкия
ЦАР-37-4	Царский	Недвиговка	Ростовск.
ЦАР-72-1	Царский	Недвиговка	Ростовск.
ЦРВ-11-1	Царёв	Царёв	Волгогр.
ЦРВ-23-1	Царёв	Царёв	Волгогр.
ЦРВ-66-2	Царёв	Царёв	Волгогр.
ЧОГ2-16-1	Чограйский 2	Чограйский	Ставроп.
ЧОГ9-1-10	Чограйский 9	Чограйский	Ставроп.
ЧЯМ-1-1	Чёрный Яр	Чёрный Яр	Астрахан.
ЧЯМ-2-1	Чёрный Яр	Чёрный Яр	Астрахан.
ЧЯМ-2-2	Чёрный Яр	Чёрный Яр	Астрахан.
ШАР-1-2	Шаред	Хомутников	Калмыкия
ШАХ2-3-5	Шахаевская 2	Шахаевская	Ростовск.
ЯС1-6-10	Ясырев 1	Ясырев	Ростовск.
ЯС2-1-1	Ясырев 2	Ясырев	Ростовск.

В.Л. Державин
(ИА РАН, Москва)

СТАНОВИЩА СЕВЕРНОГО МУРМАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВЫХ КНИГ)

На территории Кольского полуострова изучение средневековых памятников до последнего времени носило, да и сейчас, пожалуй, носит эпизодический и случайный характер. Если стоянки каменного века и раннего металла выявлены по всей территории региона (их численность достигает многих сотен), то средневековых обнаружено сравнительно немного. Это, главным образом, объясняется тем, что исследование в Мурманской области, хотя и ведется относительно регулярно по крайней мере с 50-х г. прошлого столетия, однако научные интересы археологов, работавших и продолжающих сейчас изыскания на Кольском полуострове, сосредоточиваются в основном на ранних исторических периодах. В результате памятники средневековья фиксировались по мере необходимости, а именно когда они располагались вблизи от первобытных стоянок, местонахождений каменного века и раннего металла, а также в результате случайного их обнаружения во время строительных работ. Однако, анализируя письменные источники и основываясь на уже известных археологических, правда, весьма ограниченных материалах (Державин, 2000. С. 8, 9), можно прийти к выводу о все-таки довольно высокой насыщенности Кольской земли памятниками средневековья, среди которых, безусловно, выделяются поморские становища. Такой вывод представля-

ется вполне обоснованным и подтверждается работами последнего десятилетия; которые связаны с разведками и паспортизацией памятников Мурманской области, осуществляемых экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством В.Я. Шумкина. Поэтому изучение становищ, хотелось бы надеяться, является делом недалекого будущего, когда исследования на полуострове станут носить более планомерный и целенаправленный характер.

Первое описание податного населения на Кольском полуострове было произведено Я. Романовым в 1563 г., когда он составил сотную на волость Варзугу. В 1573–1574 гг. подьячие Василий Агалин и Степан Соболев провели «дозор» Кольского уезда, от которого сохранилось всего четыре документа (Писцовые книги Русского Севера, 2003. С. 287). 1574–1575 гг. датируются выписи из писцовых книг Василия Агалина, относящиеся к Коле, Керети и Умбе (РГАДА, ф. 1441, оп. 1, № 55; Сборник материалов..., 1930). В 1608–1611 гг. Алай Михалков произвел опись мурманского берега, которая не была утверждена из-за неверно указанных вотчин Печенгского монастыря (РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1654, д. 124). В 1646–1647 гг. стрелецкий голова Леонтий Фофанов Азарьин и подъячий Кольской съезжей избы Василий Звягин осуществили перепись уезда, но книги те в Новгородскую

четверть не поступили. Поэтому в 1678 г. воеводе Л.Б. Секирину было велено справляться с прежними книгами (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, 15056, л. 1).

Данные писцовых книг Василия Агалина 1573–1574 гг. и Алая Михалкова 1608–1611 гг., которые были впервые, но не полностью, опубликованы в конце XIX столетия, содержат разнообразные сведения о становищах мурманского побережья (Харузин, 1890). Наименования многих из них дошли до нас и к тому же сохранились на современных картах в виде названий рек, мысов, бухт и т.п. Ниже приводится перечень становищ с указанием точного места их расположения, числа находившихся там построек и делается попытка привязки их к конкретным поморским поселениям, откуда пришли их владельцы.

В XVI–XVII вв. береговую полосу от Колы к западу до норвежской границы называли Мурманским концом, а участок к востоку от Колы до Святого Носа — Русским (Рис. 1).

Мурманский конец

1. Поган наволоок: 1 изба. Кола.
2. Лопское Поган наволоок: 2 избы. Кола, Заонежье.
3. Лопские Куванцы: 1 вежа. Крещеные лопари.
4. Средние Куванцы: 5 изб и 1 ския. Кола (4 промышленника) и Сумской посад (1 промышленник).
5. Третьи Куванцы: 4 избы и 1 ския (амбар). Кола (2), Сумской посад (2).
6. Типуново под Сейдою: 1 изба и ския. Каргополь.
7. Типуново: 21 изба и 11 ский: Кола (11), Варзуга, печенгские старцы, Сухой наволоок (2), соловецкие крестьяне, карелянин.
8. Сергиево: 1 изба. Кола.
9. Цымнаволоцкий остров (Цып Наволок): 2 избы и 3 ский. Кола, двиняне.
10. Оникиево в Цып Наволоке: 6 изб и 4 ский. Кола (5), печенгские старцы.
11. Цып Наволок Гаврилово: 7 изб и 2 ский. Кола (4), Кандалакша, карелянин.
12. Лавышево: 15 изб и 12 ский. Ковда (3), Княжья губа (3), карелянин, соловецкие старцы, Каргополь, Кола (5), Кемь, кан-

далакшские старцы, Варзуга, Пудожь (устье Двины).

13. Лок Наволок: 14 изб и 13 ский. Кола (4), Ковда, Кандалакша (6), Шуя, Пудожь, печенгские старцы.
14. Гридино: 8 изб и 9 ский. Кандалакша (6), Цыглень, Сумской посад, карелянин.
15. Лазорево: 1 избу и 2 ский. Кандалакша, Кола.
16. Зубово: 3 избы и 1 ския (2), Кандалакша, двинянин.
17. Май Наволок меньшей: 4 избы и ский пустые.
18. Май Наволок большей: 6 изб и 3 ский. Умба, карелянин (3), Кандалакша (2).
19. Скарвиево: 3 избы и 4 ский. Карелянин, Кандалакша.
20. Кегор: 11 изб и 7 ский. Кандалакша (6), Умба, Варзуга, карелянин, кандалакшские старцы.
21. Тиврульское: 7 изб и 7 ский. Кандалакша (4), Ковда, Сумской посад, кареляне (2).

Всего на мурманском конце описано 121 изба и 86 ский (хозяйственных амбаров) промышленников, с которых в государеву казну взималась пошлина в размере одного алтына, а с 1608 г., судя по книгам Алая Михалкова, она возросла до двух алтын с карбаса.

Из становищ Русского конца мурманского берега промышленники также выходили в открытое море для ловли трески и палтуса, а кольские целовальники, выбираемые посадскими людьми, строго брали за ее промысел десятину. Эту рыбу поморы «...меняют с немецкими торговыми людьми, которые приезжают в Кольский острог на кораблях на товар и сукна и на ефимки и на медь и на олово и на питье...» (Харузин, 1890. С. 428).

Описание становищ в Русском конце начинается с острова Кильдина, расположенного справа при выходе из Кольского залива.

Русский конец

1. Кильдин «у камня»: 2 избы. Кола (2).
2. Кильдин урочье: 2 избы. Кола (2).
3. Типунцово малое: 2 избы. Сумской посад, печенгские старцы (раньше принадлежала игумену Петровского монастыря).

4. Климково: 3 избы. Кола (3).
5. Олений остров: 6 изб. Кола (4), Сумской посад, карелянин.
6. Териберка: 6 изб и ския. Кола (4), Сумской посад (2).
7. Опасово: 5 изб и ския. Кола (3), Умба, печенгские старцы.
8. Зеленцы: 3 избы. Сумской посад.
9. Гаврилово: 2 избы и амбар. Двиняне. Одна изба брошена.
10. Дальние Зеленцы: 6 изб. Кола (2), Умба, Кереть, Сумской посад (2).
11. Олений остров: 2 избы. Обе принадлежали двинянам, брошены.
12. Оленья губа: 1 изба и анбар. Двиняне.
13. Ветчаной Крест: 1 изба. Двинянин.
14. Буторина губа: 3 избы. Двиняне.
15. Рында река: 1 изба. Карелянин.
16. Шубино: 4 избы. Двиняне.
17. Семиостровское: 4 избы. Двиняне.
18. Кувшиново: 1 изба. Двинянин.
19. Вяткино: 3 избы. Двиняне.
20. Щербинина гора: 1 изба. Двинянин.
21. Корабельное (бухта Дворовая): 3 избы. Двиняне.
22. Круглое 3 избы. Двиняне.
23. Нокуев 2 избы. Двиняне.
24. Лодыгино 2 избы. Каргополь, двинянин.
25. Карпика: 1 изба. Двинянин.
26. Иванов Крест: 3 избы. Двиняне (2), Каргополь.
27. Клетное меньшее: 1 изба. Холмогоры.
28. Лопское: 1 изба. Двинянин.
29. Бердоносово: 1 изба. Двинянин.

Всего в Русском конце в то время насчитывалось 29 становищ и 75 изб, а в целом по побережью северного Мурмана находились 196 промысловых изб — не считая ский (хозяйственных амбаров). Государевой же казной были обложены 190 изб, включая и постройки, принадлежащие старцам Соловецкого и Рождественского Кандалакшского монастырей. В то же время «печенгского монастыря старцы... дани и оброку по государевой жалованной грамоте никоих с своих угодий и с дворов и с анбаров не платят» (Там же. С. 430). В общей сложности в казну ежегодно поступало 38 руб. оброку, а в Русской стороне помимо этого бралась пошлина по 2 алтына с каждого судна, которой раньше не было.

Эта политика местного протекционизма, вероятно, сознательно проводилась кольскими властями, ибо кроме немногих колян «по тем же становищам промышляют двиняне и каргопольцы, приезжая на лодях». В Русском конце численность становищ хотя и была несколько больше чем в Мурманском, тем не менее там промышляло значительно меньше поморов. Из 29 становищ только семь принадлежало колянам, причем почти все они концентрировались, как правило, в прилегающей с востока к Кольскому заливу района Териберки. Остальные же, за исключением Дальних Зеленцов, принадлежали исключительно двинянам. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в то время основной лов рыбы и ее сбыт проходили в Мурманском конце, где большинство становищ, и к тому же самых крупных, принадлежало кольским жителям.

Очень много становищ, представлявших собой целые рыбацкие поселки, находилось на полуострове Рыбачьем: Типуново, Лавышево, Лок Наволок. Они сосредоточивались на восточном побережье полуострова, а еще четыре, правда, менее крупные, находились в северной и северо-западной его частях: Май Наволок, Гридино, Кегор, Тиврульское. Обращает на себя внимание тот факт, что из 21 становища Мурманского конца 16 расположены на полуострове Рыбачьем. На трех из них промышляли печенгские старцы (Типуново, Оникиево, Лок Наволок). В этой связи уместно вспомнить показания Уиллиама Барроу (к ним в дальнейшем придется обращаться не раз), посетившего торг на Кегоре (северо-запад Рыбачьего полуострова) и отметившего тогда, что лапландский берег к востоку от Печенгского монастыря до монастыря Святого Николая (Николо-Корельского) был откуплен царскими подданными (Английские путешественники..., 1937. С. 92). Отсутствие описи становищ к западу от Печенги объясняется тем, что все земли в направлении норвежской границы перешли в монастырские владения, которые являлись луковыми угодьями, а не оброчными (Харузин, 1890. С. 433). Здесь, естественно, тоже были становища, но обложению они не подлежали, поскольку являлись монастырскими вотчинами.

В середине XVI в. на Кегоре существовал крупнейший на Севере международный торг,

однако всего два десятилетия спустя, судя по писцовым книгам Василия Агалина, там уже насчитывалось только 11 изб и 7 ский, принадлежавших беломорским промышленникам. В росписях уже отсутствуют сведения о крупном торжище, который к тому времени переместился сначала на Печенгу, а позже и в Колу, в которой с 1582 г. сосредоточились административные функции края, а позднее был выстроен гостиный двор для торговли с европейскими купцами.

Некоторые становища, упоминаемые в писцовых книгах, посещались и голландским купцом Симоном ван Салингеном (Филиппов, 1901), как мы знаем по его собственному Сообщению, а также материалам так называемого Датского архива (Щербачев, 1893). Т.А. Бернштам, определяя принадлежность становищ к тем или иным группам поморского населения, считает, что двинянам и карелянам противопоставлялись жители других волостей, таких как Кандалакша, Ковда, Княжья губа, Варзуга и др., т.е. Терского берега. Поэтому становища последних размещались наравне с колянами на Мурманском конце, в то время как на Русском находились в основном двиняне. Достаточно интересна высказанная исследовательницей мысль о связи понятия «помор» с промыслами мурманского берега (Бернштам, 1978. С. 70–72). Обосновывая ее, она приходит к выводу о том, что «Поморьем вначале обозначалась незаселенная территория Мурманского берега, куда, по крайней мере, с начала XVI в., русские и карельские промышленники ежегодно приходили для производства океанских промыслов, вследствие чего они называли себя и их называли по-русски поморами. Поскольку кандалакшцы первыми освоили Мурманский берег, возможно, поэтому термин “поморец” ...встречаем раньше других именно у них» (Там же. С. 72). И только к середине XVII в., когда центр мурманских промыслов окончательно перемещается в Русский конец, что было обусловлено ростом Архангельска и неизбежным в связи с этим упадком Колы, поморами стали называться и двиняне.

В названиях ряда становищ часто отражались наименования тех поселков Беломорья, из которых приходили на мурманский берег промышленники. Так, например Гридино на

полуострове Рыбачьем, где промышляли кандалакшцы, сумчане, кареляне, видимо, освоено выходцами из одноименного поселка карельского берега Белого моря. В районе острова Нокуева между Ивановой губой и мысом Черным расположена бухта Шурицкая, на берегах которой находится несколько становищ, открытых В.Я. Шумкиным в 1993 г. Сведения о них в писцовых книгах отсутствуют, поэтому не исключено, что они, возможно, появились позднее. Скорее всего, название бухты Шурицкая можно связать с беломорским селением Шуерецкое под Кемью. В этом же районе на острове находится нокуевское становище, принадлежавшее двинянам, которое известно не только по русским источникам, но и по информации голландца Салингена, его посещавшего.

В наименованиях некоторых становищ сохранялись и местные саамские корни, а в ряде случаев они непосредственно связаны с именами поморов в них промышлявших. Так, к северо-западу от острова Нокуева расположена бухта Дворовая, в которой «изба Матвейки Игнатьева сына Дворникова... и всего три избы двинян посацких людей» (Харузин, 1890. С. 429). По другим источникам, она известна еще и как Корабельная. Интересно также, что в 1574 г. в старых документах Поморья зафиксировано имя крестьянина (возможно, промысловика) Якуша Нокуева из Онеги, который мог промышлять на северном Мурмане (Веселовский, 1973. С. 222), о чем косвенно свидетельствует его фамилия или прозвище.

Как известно, слово «становище» имело два значения: первое обозначало сезонный промысловый поселок, а второе — хорошо укрыта от прибоя и ветра корабельная бухта. Но очень часто на практике оба понятия совмещались, поскольку поморы стремились обосноваться в удобных бухтах, заливах и губах при обязательном наличии пресной воды. В Книге Большому Чертежу упоминаются три Корабельных становища, расположенных на «лопской» земле. Одно находилось между Восточной Лицей и Сидоровым ручьем, второе — между этим же ручьем и рекой Арзиной (Варзиной), а третье — за Ивановым ручьем. Вероятнее всего, второе Корабельное становище — это и есть бухта Дворовая, а другое — бухта Шурицкая. Это подтвержда-

ется также и тем, что от нее указано примерное расстояние до реки Еколге (Иоканьга) — девяносто верст (Книга Большому Чертежу, 1950. С. 149). Высказанное Т.А. Бернштам мнение о смещении промыслов в Русский конец находит подтверждение в таком интересном источнике как «Книга мореходная» (Гемп, 1980). В этой лоции обозначены как раз те пункты побережья, которые регулярно посещались поморами. Помимо этого в ней указаны расстояния между становищами, ход и направление по компасу, характерные приметы, условия подхода, глубины и т.д. Так вот, из 50 вышеперечисленных становищ мурманского побережья зафиксировано 21, которые нам известны по писцовым книгам, причем три на Мурманском конце и 18 на Русском.

В лоции, конечно, имелись в виду становища корабельные, но к тому времени во многих из них стояли и промысловые. Всего же, если исходить из данного источника, в Русском конце насчитывалось 33 становища корабельных, а на Мурманском — только пять, в том числе три на полуострове Рыбачьем.

Становища Кольского полуострова, большинство из которых довольно уверенно локализируются на карте Кольского полуострова, являются важнейшими памятниками северного Мурмана, поэтому их археологические исследования, как показывают многолетние изыскания на Шпицбергене, могут стать весьма перспективным направлением в деле изучения средневековой духовной и материальной культуры местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.

Бернштам Т.А., 1978. Поморы. Л.

Веселовский С.Б., 1975. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. М.

Гемп Г.П., 1980. Выдающийся памятник истории морского мореплавания XVIII столетия. Л.

Державин В.Л., 2000. Русско-европейские связи на Кольском полуострове XVI–XVII вв. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.

Писцовые книги Русского Севера. М., 2003.

РГАДА. Фонд 1441, опись 1, № 55.

Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930.

Филиппов А.М., 1901. Голландец Салинген в 16 в. // Литературный вестник. Т. I. Кн. III.

Харузин Н.Н., 1890. Русские лопари. СПб.

Щербачев Ю.Н., 1893. Датский архив // ЧОИДР. Кн. 1.

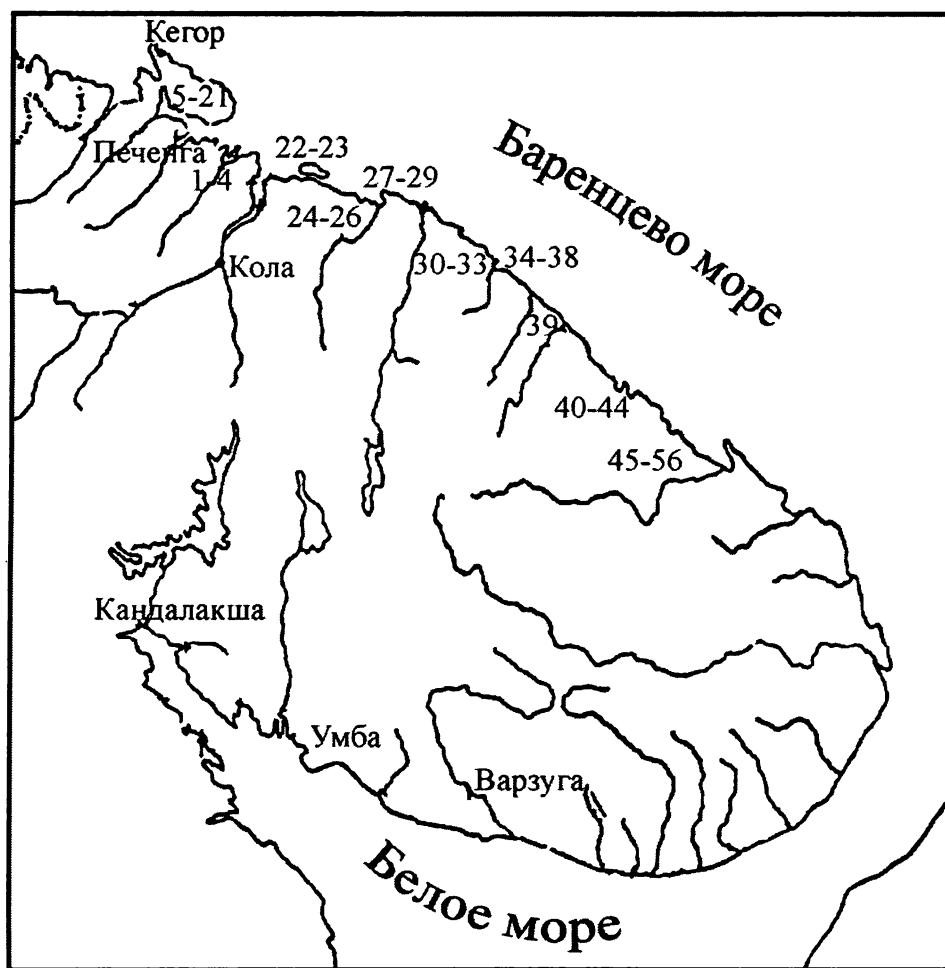

Рис. 1. Становища северного Мурмана.

Мурманский конец: 1 — Поган наволоок; 2 — Лопское Поган наволоок; 3 — Лопские Куванцы; 4 — Средние Куванцы; 5 — Третьи Куванцы; 6 — Типуново под Сейдою; 7 — Типуново; 8 — Сергиево; 9 — Цымнаволоцкий остров; 10 — Оникиев в Цып Наволоке; 11 — Цып Наволок Гаврилово; 12 — Лавышево; 13 — Лок Наволок; 14 — Гридино; 15 — Лазорево; 16 — Зубово; 17 — Май Наволок меньшей; 18 — Май Наволок большой; 19 — Скарвиево; 20 — Кегор; 21 — Тиврульское.

Русский конец: 22 — Кильдин «у камня»; 23 — Кильдин урочье; 24 — Типунцово малое; 25 — Климково; 26 — Олений остров; 27 — Териберка; 28 — Опасово; 29 — Зеленцы; 30 — Гаврилово; 31 — Дальние Зеленцы; 32 — Олений остров; 33 — Оленья губа; 34 — Ветчаной Крест; 35 — Буторина губа; 36 — Рында река; 37 — Шубино; 38 — Семиостровское; 39 — Кувшиново; 40 — Вяткино; 41 — Щербинина гора; 42 — Корабельное (бухта Дворовая); 43 — Круглое; 44 — Нокуев; 45 — Лодыгино; 46 — Карпика; 47 — Иванов Крест; 48 — Клетное меньшее; 49 — Лопское; 50 — Бердоносое

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ЮГА РОССИИ**

В.Е. Маслов
(ИА РАН, Москва)

НАХОДКИ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ЮГА РОССИИ

С начала перестройки на территории Российской Федерации археологические древности всех эпох подвергаются массовому хищническому разграблению. Это происходит как по причине отсутствия четкой охранно-законодательной базы, так и в связи с непростым социально-экономическим положением в большинстве регионов страны (особенно на селе). Кроме того, отечественный полулегальный антикварный рынок непрерывно нуждался в пополнении ассортимента «товаров». Многие археологи сталкиваются с разрозненными и депаспортизированными находками, оседающими в музеях и частных коллекциях. Несмотря на то, что эти предметы искусственно лишены археологического контекста, они сохраняют в себе часть важной вещеведческой информации, которую необходимо фиксировать и публиковать, пополняя сведения о многих категориях находок. При этом, речь должна идти, отнюдь не только об уникальных артефактах, а скорее наоборот, о более или менее массовых категориях находок, подлинность которых не вызывает никакого сомнения, как из-за их состояния, так и из-за возможной рыночной цены.

Данная статья посвящена публикации именно таких предметов в разное время при неизвестных обстоятельствах найденных на Юге России.

* * *

Бляха-лунница (Рис. 1, 1). Происхождение неизвестно¹. Литая бляха. Сохранность посредственная. Размеры 5,4 × 2,6 см, высота с петлей 0,8 см. Лицевая сторона бляхи украшена пятью округлыми низкорельефными выступами-медальонами, формирующими её фигурный нижний край. Размеры выступов постепенно увеличиваются от крайних, диаметром 1 см к наибольшему центральному, диаметром 1,5 см. Верхний, слегка вогнутый край бляхи окаймляет рельефный валик, охватывающий два крайних выступа. На гладкой оборотной стороне расположена арочная петля для крепления на ремень.

Подобные бляхи хорошо известны среди наборов конского снаряжения предскифского периода — VIII — первой половины VII вв. до н.э. По материалам погребения 35 могильника Фарс В.Р. Эрлихом и А.М. Лесковым выдвинуто предположение, что они являлись налобным украшением (Лесков, Эрлих, 1999. С. 57). Однако наличие парных лунниц в составе одного из уздечных наборов в гробнице 3 могильника Терезе и набора уздечных блях из Зольского кургана позволяет предполагать, что они могли выполнять

¹ Осмотрено в фондах Музея истории г. Москвы в 2000 г.

и иные функции (Козенкова, 2005. Табл. 19, 10, 11; Тереножкин, 1976. С. 46, Рис. 17, 3, 4). Большая часть из известных на сегодняшний день блях-лунниц происходит из памятников Северного Кавказа, однако они известны и в синхронных памятниках лесостепи, Крыма, Среднего Поволжья, Центральной Европы. Типология их пока остается неразработанной. Публикуемый экземпляр обладает выраженными морфологическими чертами, которые, вероятно, имеют хронологическое значение. К ним можно отнести количество округлых выступов, постепенное нарастание их величины к центральному выступу, общий изгиб бляхи. Расположение округлых выступов-медальонов сходно с композицией ряда позднейших лунниц, относящихся к «классическому» новочеркасскому периоду (Тереножкин, 1976. Рис. 93, 13, 15; Анфимов, 1989. Рис. 3, 4), однако, для них характерна сильная — «арочная» изогнутость, которой не обладает публикуемый экземпляр (Лесков, Эрлих, 1999. С. 57).

Зеркало-подвеска (Рис. 1, 2). Происхождение неизвестно². Литое бронзовое зеркало с округлым диском и трапециевидной ручкой, слегка сужающейся к окончанию. Сильно коррозировано (по-видимому, металлическое ядро утрачено). На стыке ручки и диска имеется удлиненное овальное отверстие, а на торцевом крае ручки сохранился не удаленный выступ-литник. Край диска и ручки окаймлен скругленным валиком. В центральной части диска расположена низкорельефная тамгообразная фигура. Знак представляет собой прямоугольник с четырьмя угловыми выступами. Четко различимы лишь два из них: Г-образный и в виде завитка. Общая высота зеркала — 6 см, диаметр диска — 5 см, толщина до 3 мм.

Согласно классификации зеркал А.М. Хазанова оно относится к типу IX, который имеет широкое распространение и датируется в пределах конца I — III вв. н.э. (Хазанов, 1963. С. 67). М.П. Абрамова на северокавказских материалах выделила варианты зеркал этого типа, имеющего различные периоды бытования, что затем подтвердили

исследования А.С. Скрипкина (Абрамова, 1979. С. 121–132; Скрипкин, 1984. С. 44–48). В.М. Косяненко выделила хронологические группы зеркал-подвесок из некрополя Кобяковского городища, объединенные схемами декора (Косяненко, 1994. С. 70–83).

Найти точное соответствие тамге на зеркале не удалось. Прямоугольный знак с угловыми выступами-завитками, напоминающий публикуемую тамгу, представлен на зеркале-подвеске из погребения 2 в кургане 40 могильника Старые Кокунешты II, датированного временем около рубежа I–II вв. н.э. (Гросу, 1990. С. 70. Рис. 18, 6). Напоминает тамгообразный знак с прямоугольником в основе идеокорна зеркала из погребения 20/1961 некрополя Кобяковского могильника, которое датировано концом I в. н.э. (Косяненко, 1994. С. 76. Рис. 25, 6). Но следует отметить, что у вышеперечисленных находок в центре композиции находятся шишечки-выступы.

* * *

Набор разновременных железных предметов конской узды и боевой топор, происходят из окрестностей станицы Гостагаевской, Анапского района, Краснодарского края. Сохранность всех предметов очень плохая. Судя по состоянию, возможно, они происходят из одного могильника, подвергнувшегося разграблению. Суммарную дату находок можно ограничить VII–V в. до н.э.³

Звено двукольчатых уди (Рис. 1, 3). Морфология данных уди с большим передним и меньшим задним отверстиями не оставляет сомнения в том, что они являются железным дериватом бронзовых двукольчатых уди, распространенных в предскифский период. Размеры: длина 9 см, ширина в области наружного отверстия — 2,2 см, внутреннего — 1,9 см, диаметр наружного отверстия — 1 см, внутреннего — 0,5 см, диаметр грызла — 0,5–0,6 см.

³ Приношу глубокую благодарность за возможность работать с этими находками сотруднику отдела классической археологии ИА РАН — А.П. Абрамову. В состав находок также входит несколько железных наконечников копий. Все находки позднее будут переданы в ГИМ.

² Осмотрено в фондах Музея истории г. Москвы в 2000 г.

Все аналогии данной находки происходят из комплексов раннескифского времени: кургана 41 могильника Фарс, курганов 2/В, 24 и погребения 3 кургана 15 Келермесского могильника, кургана 20 могильника Нартан и погребения 3 Комаровского могильника (Лесков, Эрлих, 1999. С. 28. Рис. 39, 7; Галанина, 1997. С. 243, № 298а. Табл. 17; С. 246, № 346. Табл. 25; Алексеев, 2003, Рис. 15; Батчаев, 1985. Табл. 48, 16; Петренко, 1990. С. 64, Рис. 2, 1–3). Дата этих комплексов достаточно узка и может быть ограничена серединой — второй половиной VII в. до н.э. (Лесков, Эрлих, 1999. С. 69, 70; Петренко, 1990. С. 64).

Насколько можно судить по материалам публикаций, у большинства железных двукольчатых удил отверстия были пробиты в раскованных и уплощенных наружных окончаниях. Экземпляр из Гостагаевской, также как удила из Комаровского могильника, более полно соответствуют форме бронзовых прототипов.

В состав находок входит группа двудырчатых псалиев. Парные отверстия расположены у них в центральной части в уплощенных 8-образных расширениях. Все они являются дериватами более дорогих бронзовых изделий и относятся к вариантам, имевшим распространение с конца VI по IV вв. до н.э. Их типологии посвящен целый ряд работ (суммарную ссылку — см.: Полидович, 2004. С. 153).

Представлены следующие образцы псалиев:

Г-образный псалий (Рис. 2, 1) с слегка утолщающимися скругленными окончаниями. Передний конец изогнут вверх, задний — прямой. Размеры: длина — 13,7 см, ширина в области отверстий — 1,8 см, диаметр стержня — 0,6–0,9 см. Диаметр отверстий, расположенных в ромбовидных расширениях — 0,5 см.

Близкие аналогии данному экземпляру, который, несомненно, воспроизводит бронзовые псалии с раструбообразно расширяющимися окончаниями — молоточковидными, по В.А. Ильинской (Ильинская, 1968. С. 118), имеются среди материалов из памятников украинской лесостепи V в. до н.э. Так, в погребениях 1 и 2 кургана 15 могильника Прещепино два железных варианта псалиев с утолщающимися окончаниями найдены в

одних комплексах вместе со своими бронзовыми прототипами (Мурзин и др., 1999. С. 13, 14, 25. Рис. 15–17; 25; 26, 7–11). На Северном Кавказе железный псалий, почти тождественный публикуемому экземпляру, найден в степном междуречье Кумы и Терека (Крупнов, 1954. Рис. 42, 8).

S-овидно изогнутые псалии трех вариантов:

1) S-овидно изогнутые псалии с округлыми в сечении стержнями. Представлены двумя экземплярами, имеющими различную длину, которые, скорее всего, входили в состав различных уздечных комплектов;

— Размеры меньшего экземпляра (Рис. 2, 2): длина — 13,2 см, ширина в области отверстий — 1,3 см, диаметр стержня — 0,5–0,7 см. Одно из отверстий подпрямоугольное — 0,5 × 0,4 см, второе — округлое, диаметром 0,5 см. Стержень псалия слегка сужается к окончаниям;

— Размеры большего псалия (Рис. 2, 3): длина — 16 см, ширина в области отверстий — 1,2–1,3 см, диаметр стержня — 0,5–0,7 см. Отверстия — округлые, диаметром 0,4–0,5 см. Стержень псалия слегка расширяется к нижнему окончанию.

Данный вариант псалиев имел широкое распространение в скифских памятниках V–IV вв. до н.э. (Ильинская, 1968, С. 118). На Северном Кавказе железные псалии этого типа используются уже с конца VI в. до н.э., что можно проследить на материалах Уляпского и Луговского могильников (Беглова, 1989. Рис. 3, 2; Козенкова, 1982. С. 30. Табл. XX, 18).

2) S-овидно изогнутые псалии с раскованными секировидными окончаниями (Рис. 3, 1). Размеры: длина 12,5 см, ширина в области отверстий — 1,5 см, ширина лопастей — 1–1,9 см, диаметр отверстий 0,5–0,7 см.

Подобные псалии в железном варианте известны в памятниках лесостепного Приднепровья (Ильинская, 1968. С. 117; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 95), на Северном Кавказе в Уляпском могильнике в Закубанье и кургане у с.Брут в Северной Осетии (Беглова, 1989. Рис. 3, 1; Габуев, Эрлих, 2001. С. 122. Рис. 7, 17), а в Нижнем Поволжье в таких выдающихся комплексах как Хошеутовский (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. С. 101) и Блюменфельдский курган А-12 (Смирнов, 1961. С. 46. Рис. 46, 3). Датировка

подобных изделий не выходит за пределы конца VI — V в. до н.э.

3) S-овидно изогнутые псалии с узкими вытянутыми «пропелеровидными» лопастями (Рис. 3, 3). Размеры: длина 22 см, ширина в области отверстий — 1,7 см, ширина лопастей — 0,6–1 см, толщина — 0,3 см, диаметр отверстий 0,5 см.

Это редкий вариант псалиев, точные их аналогии которому мне неизвестны. Наиболее похожи на него по строению лопастей железные псалии с раскованными окончаниями из кургана 10 Ульского могильника (Эрлих, 1992. С. 157. Рис. 37, 6; 42, 7, 8), однако они имеют более широкие лопасти, иногда оканчивающиеся шишечками. Парадным соответствием данной разновидности железных псалиев, вероятно, является украшенный в «зверином стиле» серебряный псалий из кургана 2 1909 г. Ульского могильника (Полидович, 2004. С. 155. Рис. 7, 10). Массивные бронзовые псалии, лопасти которых покрыты рельефными изображениями в «зверином стиле», входили в состав одного из уздечных комплектов Хошеутовского могильника (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. С. 107, 108. Рис. 1, 7). Датировка вышеперечисленных комплексов не выходит за пределы конца VI — середины V в. до н.э.

Вместе с набором псалиев находились два звена железных *петельчатых удил* (Рис. 3, 2; 4, 1). Округлые петли удил свернуты из раскованного прута, квадратного в сечении. Они относятся к двум различным комплектам: размеры большего звена удил: длина — 11,2, ширина стержня грызла — 0,5–0,7 см, диаметр наружных петли — 3,3 см, внутренней — 2,6 см (Рис. 3, 2).

Размеры меньшего экземпляра: длина — 10 см, ширина стержня грызла — 0,5–0,7 см, диаметр наружных петли 2,5 см, внутренней — 2 см (Рис. 4, 1). Меньшее из звеньев имеет пластинчатую насадку, с обращенными

внутрь шипами для «строгого» управления лошади. Еще В.А. Ильинская отметила, что подобные обоймы-насадки появляются в V в. до н.э. (Ильинская, 1968, С. 114). На Северном Кавказе к наиболее ранним уздечным наборам, где присутствуют строгие насадки, относится комплект из кургана у с. Брут (Габуев, Эрлих, 2001. С. 122. Рис. 7, 17) и случайная находка из окрестностей с. Шалушка близ Нальчика (Крупнов, 1960. Табл. XIII, 7), которую можно датировать в пределах V в. до н.э. исходя из особенностей изображений в «зверином стиле» на найденном вместе с удилами псалии (Переводчикова, 2000. С. 231, 232. Рис. 1).

Железный топор-молоток принадлежит к разновидности вооружения широко распространенного на Северном Кавказе и в Закавказье (Рис. 4, 2). Топор имеет прямую спинку. Длина слабо расширяющегося клина, со скругленным лезвием, и молоточковидного обушка примерно равны. Округлый проух расположен в ромбовидном расширении. Размеры: длина 16,6 см, ширина обука — 2–4 см, диаметр проуха 1,5 см, высота в обушной части — 3,5 см, в центре — 1,7 см, высота лезвия — 3,6 см.

Данный экземпляр можно отнести к типу I-б по классификации М.Н. Погребовой закавказских боевых топоров (Погребова, Есаян, 1985. С. 81–83. Табл. XI, 1, 3, 4; XII, 3, 4). Топоры этого типа имеют большое морфологическое сходство с серией боевых топоров конца VII — начала VI в. до н.э. из Келермесского могильника (включая знаменитую секиру) (Галанина, 1989. С. 82. Рис. 12). Топоры-молоты близкой формы также найдены и в других северокавказских памятниках этого периода (Козенкова, 1995. С. 72. Табл. XIX, 4). Несомненно, что они являлись грозным оружием воина-пехотинца, способным поразить противника, одетого в доспехи. Для эффективного использования в конном бою были необходимы облегченные модификации подобного оружия.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–V вв. до н.э. СПб.

Анфимов И.Н., 1989. Могильник прото-меотской культуры хутора Казазово // Меоты — предки адыгов. Майкоп.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках

Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Беглова Е.А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты — предки адыгов. Майкоп.

Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты — предки адыгов. Майкоп.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.

Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. Вып. 3.

Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Азов.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровско-лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2–5.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5.

Козенкова В.И., 2005. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Мо-

гильник Терезе конца XII — VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. Ставрополь.

Косяненко В.М., 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов.

Крупнов Е.И., 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИМК. Вып. 55.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи ранней бронзы к раннему железному веку. М.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортовых С.В., Белозер В.П., 1999. Исследования совместной Украинско-Немецкой экспедиции в 1998 г. Киев.

Переводчикова Е.В., 2000. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М.

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Полидович Ю.Б., 2004. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах Донецкого областного краеведческого музея. № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских зеркал // СА. № 2.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Эрлих В.Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья

в скифское время. Дис. ...канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2509.

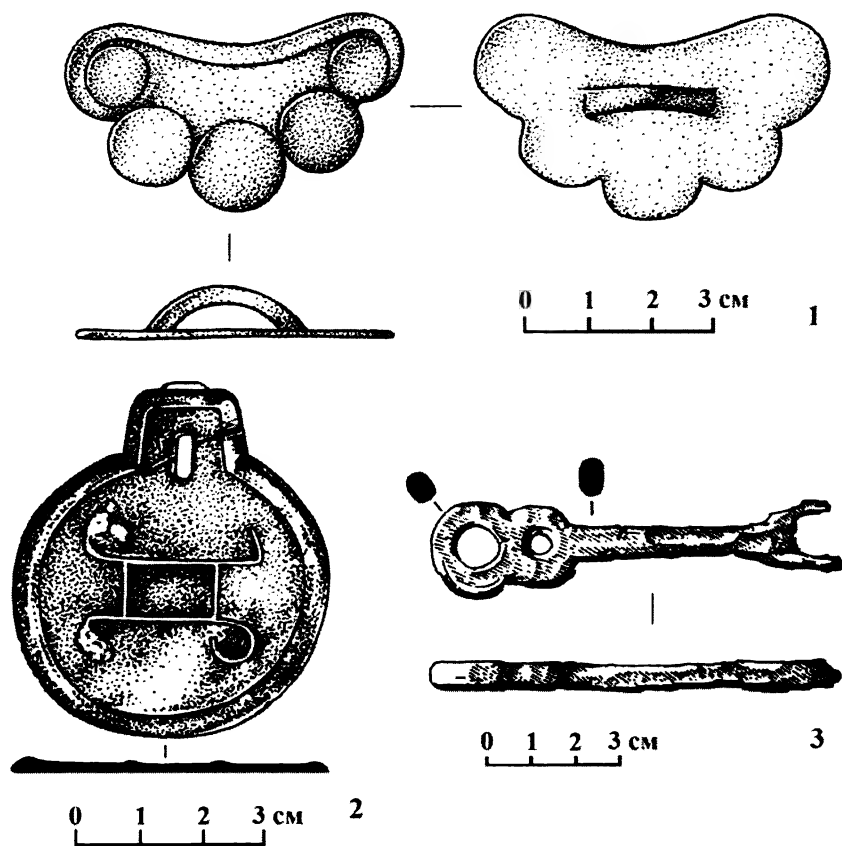

Рис. 1. 1 — бронзовая бляшка-лунница; 2 — бронзовое зеркало-подвеска; 3 — звено железных удил

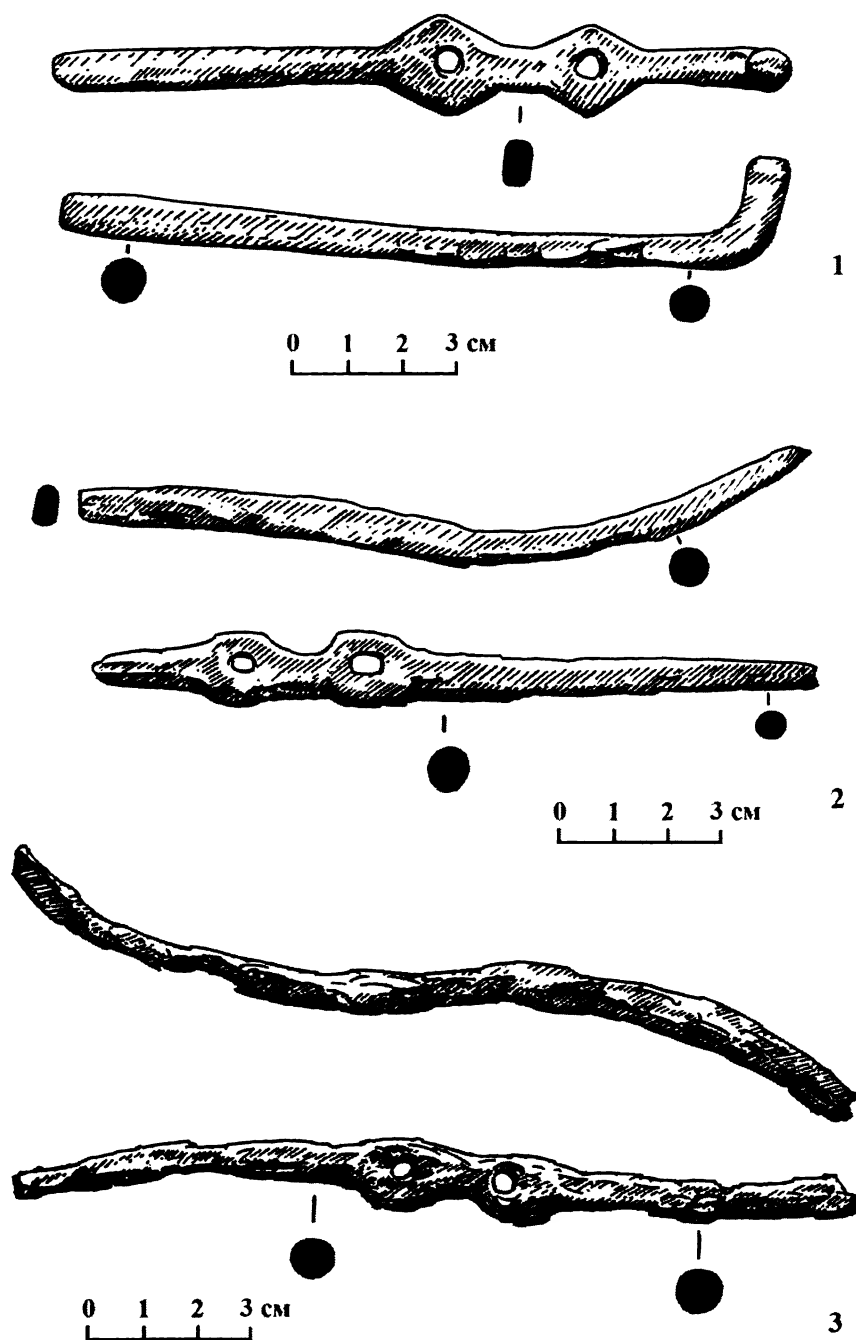

Рис. 2. 1 — железный двудырчатый Г-образный псалий; 2 — железный двудырчатый S-овидно изогнутый псалий; 3 — железный двудырчатый S-овидно изогнутый псалий

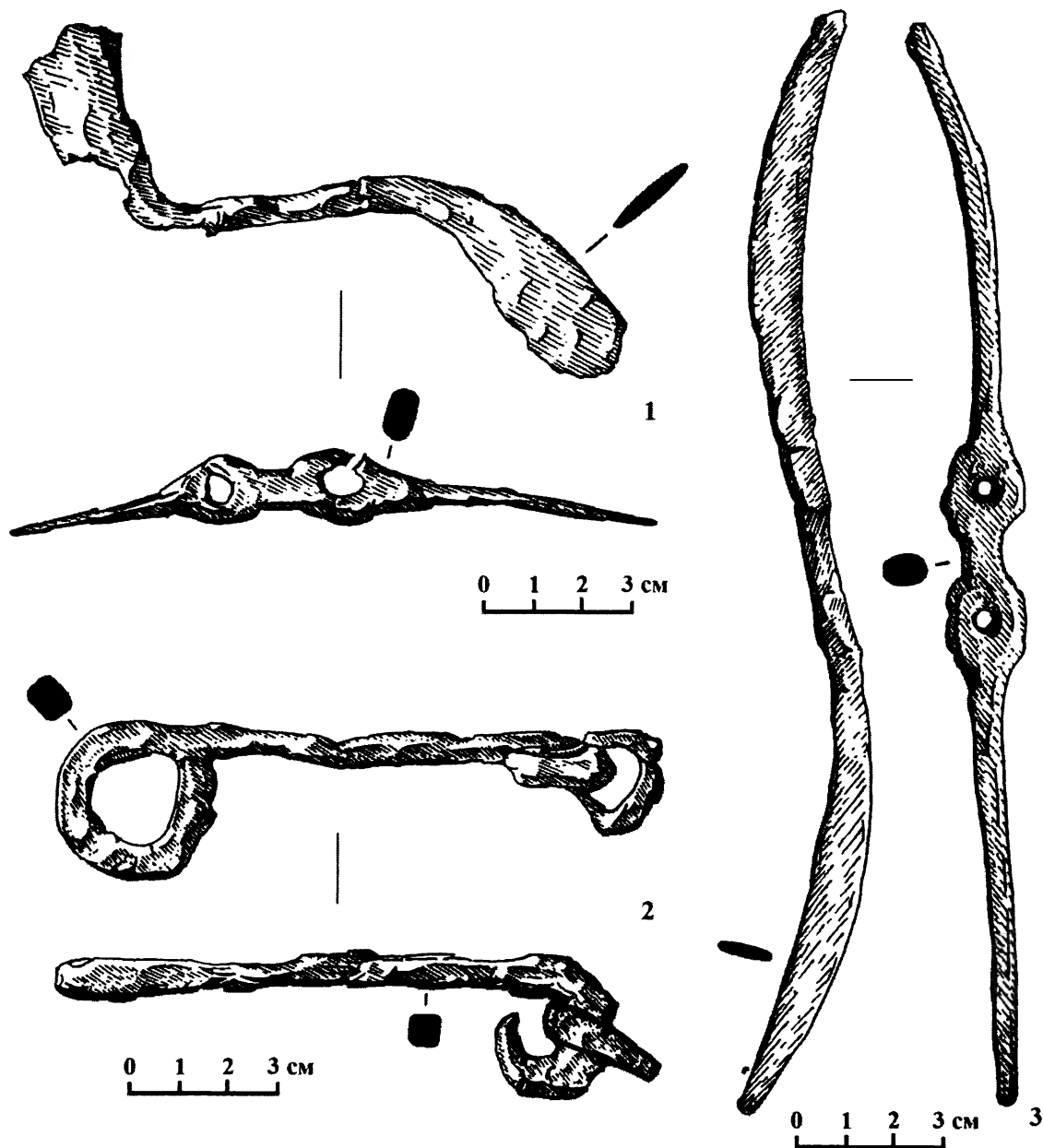

Рис. 3. 1 — железный двудырчатый S-овидно изогнутый псалий с секировидными окончаниями; 2 — звено железных петельчатых удилищ; 3 — железный двудырчатый S-овидно изогнутый псалий с «пропеллеровидными» лопастями

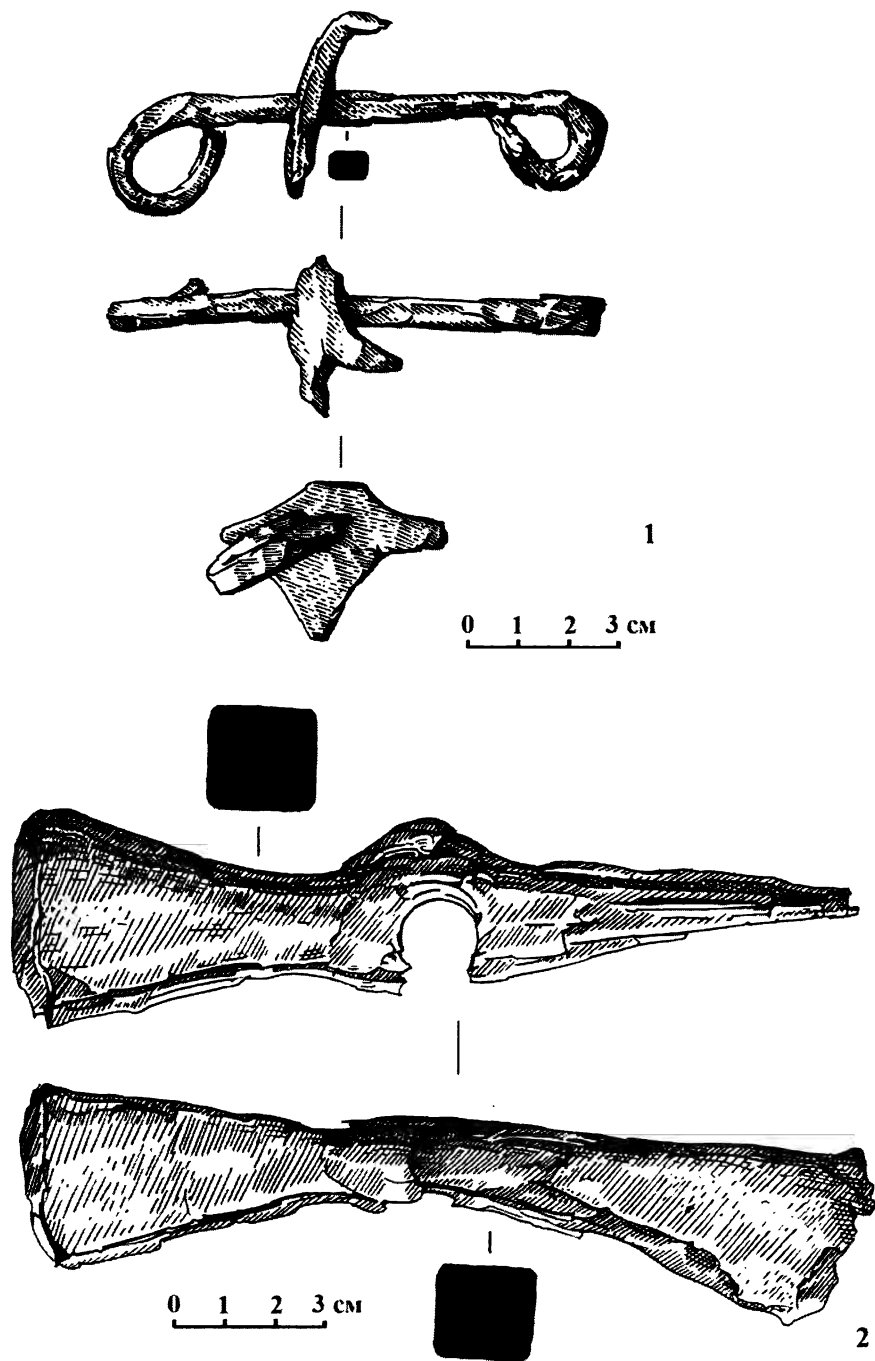

Рис. 4. 1 — звено железных петельчатых удил со строгой насадкой; 2 — железный топор-молоток

Н.Ф. Шевченко
(КГИАМЗ, Краснодар)

ПОГРЕБЕНИЯ С ФИБУЛАМИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ У ХУТОРА ПРОЛЕТАРСКОГО

Во время полевых сезонов 1984 и 1986 годов Приазовская экспедиция Краснодарского историко-археологического музея-заповедника проводила исследования четырех курганных могильников в окрестностях хутора Пролетарского Кореновского района Краснодарского края. Могильники расположены вдоль обоих берегов реки Бейсужек-Левый. Все раскопанные курганы были насыпаны в эпоху бронзы и включали многочисленные впускные погребения сарматского времени. Особый интерес представляют четыре фибульных комплекса с богатым и разнообразным инвентарем.

Пролетарский. 1984. Кургan 3. Погребение 3 (Рис. 1, 1, 2). Впускное. Совершено в подбойной могиле. Входная яма подпрямоугольной формы вытянута длинной осью по линии север–юг. Подбой сделан под западной стенкой. Переход из входной ямы в подбой осуществлен через ступеньку высотой 7 см. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на ЮЮВ.

В заполнении ямы найдена кружальная красноглиняная кружка с горизонтальной ручкой (Рис. 1, 8) и бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (Рис. 1, 6). В подбое был расчищен деревянный гроб прямоугольной формы. Крышка сохранилась в виде истлевших досок, лежащих поперек длинной оси (Рис. 1, 1). Под северной стенкой

подбоя стояла кружальная красноглиняная миска (Рис. 1, 14), в которой расчищены кости животного, и железный нож с накладной костяной рукоятью. Пластины рукояти соединяются между собой двумя бронзовыми заклепками и крепятся к черенку двумя железными, общая длина ножа 17,3 см (Рис. 1, 13).

Под черепом найдены два височных кольца, изготовленные из витой золотой проволоки скрученной в 2,5 оборота (Рис. 1, 9). В области шеи расчищены четыре овальных сердоликовых бусины (Рис. 1, 3), две стеклянных (Рис. 1, 4, 5). В области грудной клетки лежала бронзовая копьевидная фибула с восьмерковидной петлей на спинке (Рис. 1, 12). На правом бедре открыт деревянный футляр с фрагментированным бронзовым зеркалом. Зеркало плоское, кованое с загнутым бортиком, Д 15,1 см (Рис. 1, 15). В ногах, на крышке гроба, стоял кружальный красноглиняный кувшин с витой ручкой (Рис. 1, 7).

Пролетарский 84. Кургan 5. Погребение 5 (Рис. 2, 1). Впускное. Совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Входная яма неправильной формы вытянута длинной осью по линии запад–восток. Дно камеры имеет резкий уклон к западу и понижается с перепадом высоты в 0,60 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на запад, левая рука вытянута вдоль туловища, правая слабо

согнута в локте и уложена кистью в область таза. Под костяком расчищен тлен от подстилки, при этом под туловищем он был толще и отличался более темным цветом.

Между ребрами, на правой стороне груди, найдена бронзовая проволоочная подвижная фибула (Рис. 2, 5). В районе голеностопных суставов расчищен кружальный красноглиняный кувшин на плоском поддоне (Рис. 2, 3). Рядом стояла кружальная красноглиняная миска с двумя петлевидными ручками на бортике и кольцевидным поддоном (Рис. 2, 6). В миске найдены кости животного и фрагмент лезвия железного ножа (Рис. 2, 2). Возле костей левой ступни лежал один железный втульчатый трехлопастной наконечник стрелы.

Во входной яме стояла кружальная красноглиняная плоскодонная кружка с петлевидной ручкой (Рис. 2, 4).

Пролетарский 1986. Кургan 5, погребение 2 (Рис. 3, 1). Впускное. Совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Форма входной ямы не прослежена, но дно её имеет плавный уклон к западу. Камера подпрямоугольной формы. Дно плавно понижается вдоль длинной оси, перепад высоты между входом и торцевой стенкой составляет 0,22 м. Стенки сохранились в высоту до 0,40 м и покрыты известковым налетом. Костяк взрослого человека лежал, вытянуто на спине головой на юго-запад, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и положена кистью в область груди. Погребение совершено в деревянном гробу, сохранившемся в виде древесного тлена, дно гроба было выстлано органической подстилкой коричневого цвета.

Возле ЮЗ стенки расчищен бронзовый литой котел со следами преднамеренного повреждения: тулово сплющено, поддон отбит и в могиле отсутствовал. Тулово было полусферической формы с двумя рядами веревочного орнамента, ручки петлевидные вертикальные с тремя выступами (Рис. 3, 22). Рядом с котлом лежал черноглиняный сосуд, изготовленный на ручном круге: тулово покрыто грубым прорезным орнаментом в виде «полотенец», поверхность аккуратно заглажена и подлощена (Рис. 3, 3). Под южной стенкой стоял кружальный красноглиняный кувшин с витой ручкой (Рис. 3, 2).

Возле черепа расчищено литое бронзовое зеркало с валиком по краю, умбоновидным выступом в центре и штыревидной рукоятью, основание и центральная часть выступа выделены трехрядным циркульным орнаментом, диаметр диска 14,2 см (Рис. 4, 4). У правой височной кости лежала серебрянная фибула, вероятно крепившаяся на головном уборе; щиток овальной формы с центральным выступом в окружении валика, с внутренней стороны углубления залиты белой известковой пастой, в которую были вмонтированы крепления пружины с двумя иглами и иглоприемника, размер щитка 5,4 × 4,0 см (Рис. 4, 2). Под черепом найдены два золотых височных кольца с заходящими друг за друга концами и напаянными в виде пирамидки четырьмя шариками (Рис. 4, 3).

На шее погребенной расчищено ожерелье, из разнотипных бус: круглые пастовые с полихромными глазками на красном и зеленом фоне (Рис. 3, 13), рубчатые из египетского фаянса (Рис. 3, 20), цилиндрические с полихромным орнаментом (Рис. 3, 14), круглые халцедоновые (Рис. 3, 15), сердоликовые (Рис. 3, 18), янтарная пронизь (Рис. 3, 19), подвеска голубого стекла (Рис. 3, 25), бусы из горного хрусталя, бусы с внутренней позолотой и рядами маленьких выступов (Рис. 3, 11), гагатовые (Рис. 3, 16), стеклянная сосульковидная подвеска (Рис. 3, 17), стеклянная бусина конической формы (Рис. 3, 21).

На запястьях обеих рук расчищены фрагменты браслетов, изготовленных из тонкой серебряной проволоки (Рис. 4, 2). Рядом с браслетами зафиксированы бусы, которыми были обшиты рукава платья. Поперек берцовых костей левой ноги *in situ* прослежена низка овальных сердоликовых бусин, которыми вероятно был обшит край штанов. Возле правого плеча найдены крупная халцедоновая пронизь скарабеоидной формы (Рис. 3, 5) и пастовая подвеска черного цвета с продольной белой линией (Рис. 3, 6).

Возле коленного сустава правой ноги расчищено скопление предметов, вероятно находившихся в матерчатом мешочке. 70 стеклянных бусин: круглые с внутренней позолотой (Рис. 3, 8), глазчатые многоцветные, рубчатые (Рис. 3, 10), бусы с перехватом (Рис. 3, 9), две пастовые цилиндрические черного цвета,

крупная пастовая бусина синего цвета с продольным отверстием (Рис. 3, 12), подвеска в виде виноградной грозди (Рис. 3, 7). Железное кольцо (Рис. 3, 23). Несколько фрагментов железных наконечников стрел. Трубочка, скатанная из тонкого бронзового листа (Рис. 3, 24). У левого голеностопного сустава лежало глиняное пряслице, орнаментированное рядом горизонтальных вдавлений (Рис. 3, 4).

Пролетарский 1986. Курган 5. Погребение 3 (Рис. 4, 5) Впускное. Совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Входная яма у дна имеет неправильную форму и незначительные размеры $0,92 \times 0,50$ м. Вероятно торцевая стенка была оформлена в виде пандуса. Дно камеры резко понижается вдоль длинной оси с перепадом высоты в 1,5 м. На дне зафиксирован плотный органический тлен темно-коричневого цвета от подстилки. Поверх подстилки расчищены остатки деревянного гроба правильной прямоугольной формы. Размер $1,80 \times 0,63$ м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на ЮВ. Во входной яме найдены: чернолощенная плоскодонная кружка, изготовленная на ручном круге, ручка зооморфная, тулово украшено прорезным орнаментом (Рис. 4, 9); кружальный красноглиняный кувшин на плоском поддоне с витой ручкой (Рис. 4, 6).

Поверх правого крыла таза лежала чернолощенная миска, изготовленная на ручном круге, венчик орнаментирован насечками, скомпонованными по 10–11 штрихов (Рис. 4, 8). Вероятно, миска тоже стояла во входной яме, но после истлевания заклада провалилась внутрь камеры. Возле правого коленного сустава найдена пружинная фибула-брошь с золотым щитком ромбической формы и железной иглой, поверхность щитка украшена накладным орнаментом и имеет центральное гнездо для вставки. Фибула повреждена в древности, и вставка отсутствует (Рис. 4, 7).

Бронзовая фибула с восьмерковидной петель на спинке из погребения 3/3 (1984 г) относится к среднелатенским и датируется второй половиной II — началом I в. до н.э. (Амброз, 1966. С. 14). Пересмотр хронологии среднего латена позволяет отнести её к группе, датируемой в пределах 200/180–120 гг. до н.э. (Берлизов, Еременко, 1998. С. 26). Керамический

набор из этого комплекса представлен исключительно образцами боспорской красноглиняной посуды. Большие кувшины с вытянутым яйцевидным туловом и витой ручкой характерны для начала I в. до н.э. (Шевченко, 1993. С. 34) (Рис. 1, 7). Красноглиняные кружки с горизонтальными ручками появляются в конце II в, но в сарматских погребениях Прикубанья продолжают бытовать в первой половине I в. до н.э. То же самое можно сказать про миски с загнутым внутрь бортиком. Кружальная красноглиняная керамика широко распространяется в сарматских погребениях Восточного Приазовья с середины II в. до н.э., но массовыми поставки становятся только в годы правления Митридата VI (Шевченко, 2003. С. 37). В этот период она явно доминирует над другими типами посуды, составляя крупные наборы. Поэтому погребение 3/3 нужно датировать не ранее рубежа II–I вв. до н.э., а скорее началом I в. до н.э.

В погребении 5/5 (1984 г) найден практически тот же набор красноглиняной боспорской посуды, что и в предыдущем комплексе. Среднелатенская фибула неапольского варианта датируется концом II — первой половиной I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 200; Берлизов, Еременко, 1988. С. 26)

Погребение 5/2 (1986) также включает ряд хорошо датировемых предметов. Бронзовый литой котел сильно поврежден, что затрудняет его атрибуцию. По форме тулова он близок котлам V-го типа вариант 2, подвариант Б (Демиденко, 1997. Рис. 7). Н.А. Боковенко включает аналогичные котлы во второй тип по своей классификации и датирует в рамках I в. до н.э. — I в. н.э. (Боковенко, 1977. С. 233).

Красноглиняный кувшин входит в группу красноглиняной керамики боспорского производства. По форме и составу теста он практически тождественен кувшину из погребения 3/3. Особый интерес среди находок в этом погребении представляет серебряная фибула-брошь (Рис. 4, 2). Полные аналогии этому типу автору не известны. Судя по форме и размеру, она может быть сопоставлена с фибулами 8 группы по А.К. Амброзу (Амброз, 1966. С. 30). Однако обычно такие фибулы золотые с накладным узором и вставками. Непрочное пастовое заполнение, в котором

крепилась двойная игла, исключает возможность использование фибулы как застёжки для одежды. Судя по расположению в могиле, она служила брошью, крепившейся на головном уборе. Подобный способ ношения фибулы зафиксирован в погребении жрицы у хут. Песчаного (Ждановский, 1990. С. 105) и возможно в погребении у ст. Михайловской (Каминская, Каминский, Пьянков, 1985. С. 228). Золотые серьги с пирамидками из зерни известны в комплексе конца I в. до н.э. в могильнике «Калининский 1» (Савченко, 1994. Табл. 8, 4, 5). В набор погребального инвентаря входят различные типы бус из стекла, сердолика, янтаря, гагата, халцедона, горного хрусталя, египетского фаянса. Большинство из них относятся к типам с широкими датировками, начиная с эпохи эллинизма. При этом выделяется группа бус, которые распространяются не ранее I в. до н.э. Это цилиндрические полихромные пронизы с продольно-волнистым орнаментом (Рис. 3, 14). В конце II — I вв. до н.э. появляются круглые бусы из горного хрусталя с узким отверстием тип 2а. Однако пиком их распространения считается I–II вв. н.э. (Алексеева, 1982. С. 7). Этим же временем с возможным заходом в I в. до н.э. датируется уплощенная янтарная пронизь (Алексеева, 1978. С. 26). Бронзовые литые зеркала VIII типа по Хазанову на территории Прикубанья характерны для комплексов I в. до н.э. (Берлизов, 2004; Марченко, 1996. С. 23; Шевченко, 2004. С. 169). В целом комплекс можно датировать не ранее середины, а скорее всего второй половиной I в. до н.э.

Погребение 5/3 (1986 г) включает набор чернolощеной сарматской керамики характерной для II–I вв. до н.э. Золотая пружинная фибула-брошь ромбической формы, по А.К. Амброзу, датируется II–I в. до н.э. (Амброз, 1966. С. 33). Марченко И.И. предлагает датировать подобные фибулы в пределах II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 30). Боспорский кувшин с витой ручкой по морфологическим признакам близок кувшинам, описанным выше. Однако его отличает тяжесть, относительная грубость формовки и тулово с максимальным расширением в верхней трети. Такие пропорции характерны для сосудов второй половины II в. до н.э. (Шевченко, 1993. С. 34). По совокупности признаков погребения

можно датировать третьей четвертью — концом II в. до н.э.

Даже беглый обзор полученного материала показывает сходство погребального обряда и инвентаря всех четырех погребений. Три захоронения совершены в катакомбах с продольным расположением входной ямы и камеры, при этом по ряду характерных признаков катакомбы можно разделить на два типа. В двух случаях входная яма имела дно с плавным уклоном (Рис. 2, 1; 3, 1). Этот тип сопоставим с распространенными катакомбами, которые имеют очень длинную входную яму, позволяющую опускаться в камеру гроб. Вероятно, длина входной ямы напрямую зависела от наличия или отсутствия гроба. Второй тип катакомб встречается значительно реже и для него характерны очень небольшие входные ямы. В погребении 5/3 яма имеет размер $0,92 \times 0,50$ м, при этом торцевая стенка выполнена в виде пандуса, а дно камеры наклонено под углом в 40 градусов. Как правило, эти катакомбы имеют входную яму глубиной не более 1,5 м, что позволяет опускаться гроб почти вертикально. Деревянные гробы зафиксированы в трех погребениях, причем это были не колоды, а довольно крупные дощатые ящики прямоугольной формы с крышками. Подбойное захоронение имеет почти прямоугольную входную яму и такую же камеру. Переход осуществлен через низкую ступеньку. Это достаточно редкая форма подбоя, которая, вероятно, отражает особый социальный статус погребенного. Не типичной для приазовских сираков является южная ориентировка костяка, однако она встречается, в том числе, в маркирующих комплексах (Марченко, 1996. Рис. 99–101).

Показателен набор посуды всех четырех погребений. В трех случаях в него входит кувшин, миска и кружка, в одном — только два кувшина. При этом наблюдается сочетание керамики боспорского и местного (сарматского) производства с преобладанием первой. Наиболее ранний комплекс (5/3), уверенно датируемый II в. до н.э., включает один боспорский кувшин и два чернolощеных сосуда. Погребения со среднелатенскими фибулами включают многочисленную, но только боспорскую посуду. Комплекс середины I в. н.э. имеет в керамическом наборе только два раз-

нотипных кувшина. Такие различия могут отражать особенности политической ситуации, сложившейся на рубеже II–I вв. до н.э. и влиявшей на интенсивность товарообмена между Боспором и кочевниками. Несмотря на сравнительное богатство погребального инвентаря, в захоронениях отсутствует оружие, в том числе и стрелы, которые, независимо от количества, обычно клали в колчан у левого бедра (Шевченко, 2003. С. 46). В данном случае найдены только стрелы-обереги. В погребении 3/3 бронзовый архаический наконеч-

ник был брошен в заполнение входной ямы. В погребении 5/3 фрагменты двух или трех наконечников лежали в «косметичке» вместе с бусами. В захоронении 5/5 один наконечник лежал в ногах погребенного. В отличие от символического положения одной или двух стрел в колчан, обереги могут находиться в любом месте могильной ямы. Сопроводительная пища вместе с ножом, как правило, помещалась в миску, при этом могла использоваться не сохранившаяся деревянная посуда или столики (Шевченко, 2002. С. 57).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Амброз А.К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30.

Берлизов Н.Е., Еременко В.Е., 1998. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар.

Берлизов Н.Е., 2004. Еще раз о происхождении зеркал «Хазанов VIII». Доклад, прочитанный на 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Анапа.

Боковенко Н.А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4.

Демиденко С.В., 1997. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.

Ждановский А.М., 1990. Новые погребения кочевников сарматского круга из Заку-

банья // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В., 1985. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. № 4.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Михлин Б.Ю., 1980. Фибулы беляусского могильника // СА. № 3.

Савченко Е.И., 1994. Комплексы сарматского времени у ст. Калининской // БС. 5.

Шевченко Н.Ф., 1993а. Некоторые аспекты Боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье // III в. до н.э. — II н.э. // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар.

Шевченко Н.Ф., 1993б. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.

Шевченко Н.Ф., 2002. Новые данные о сарматах Прикубанья I–IV вв. н.э. // ИАА. Вып. 8. Армавир-М.

Шевченко Н.Ф., 2004. Новые сарматские погребения с территории «Зубовско-Воздвиженской группы» // МИАСК. Вып. 4.

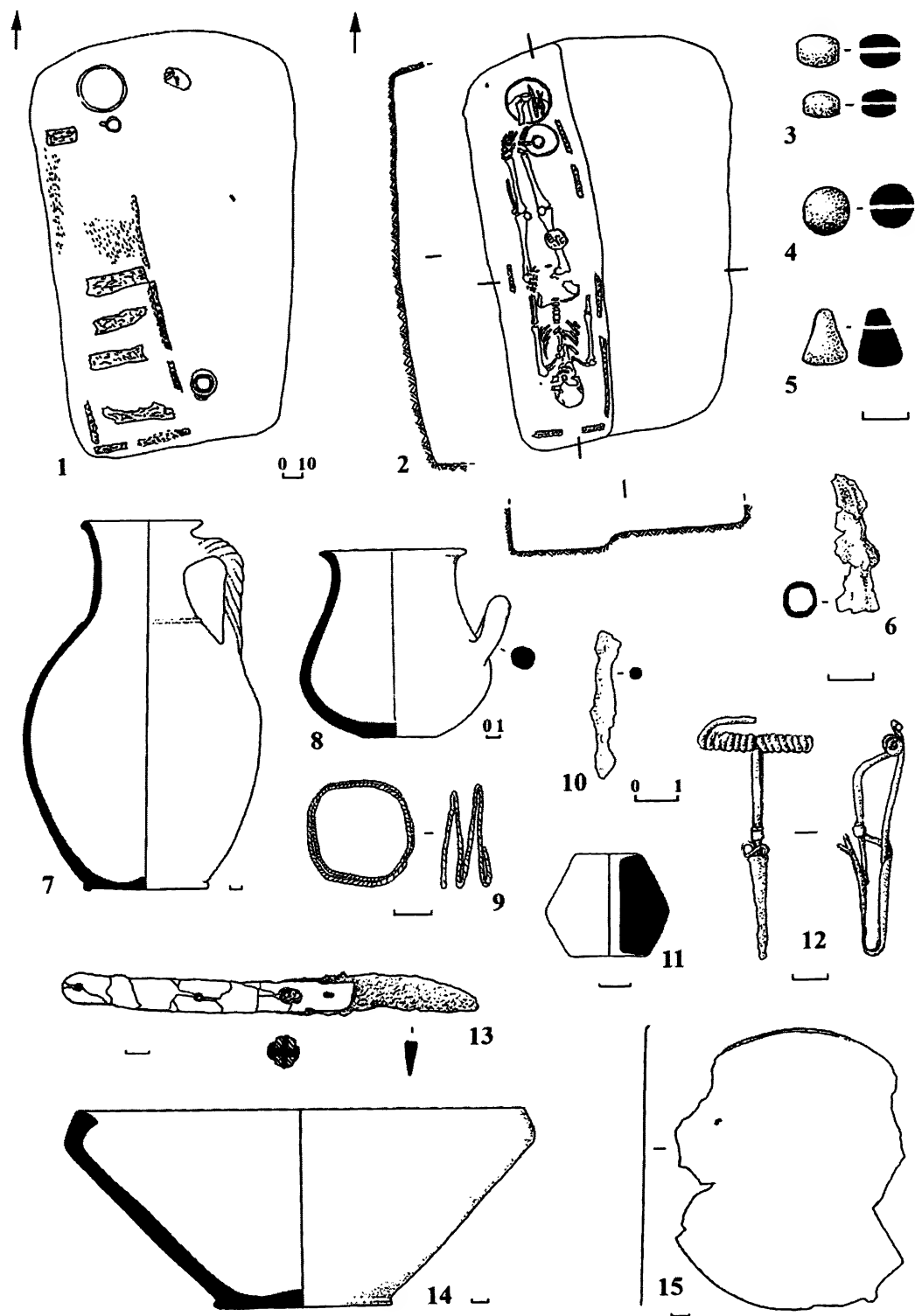

Рис. 1. Материалы раскопок могильника у хут. Пролетарский: 1–15 — Пролетарский 84, кург. 3, погр. 3

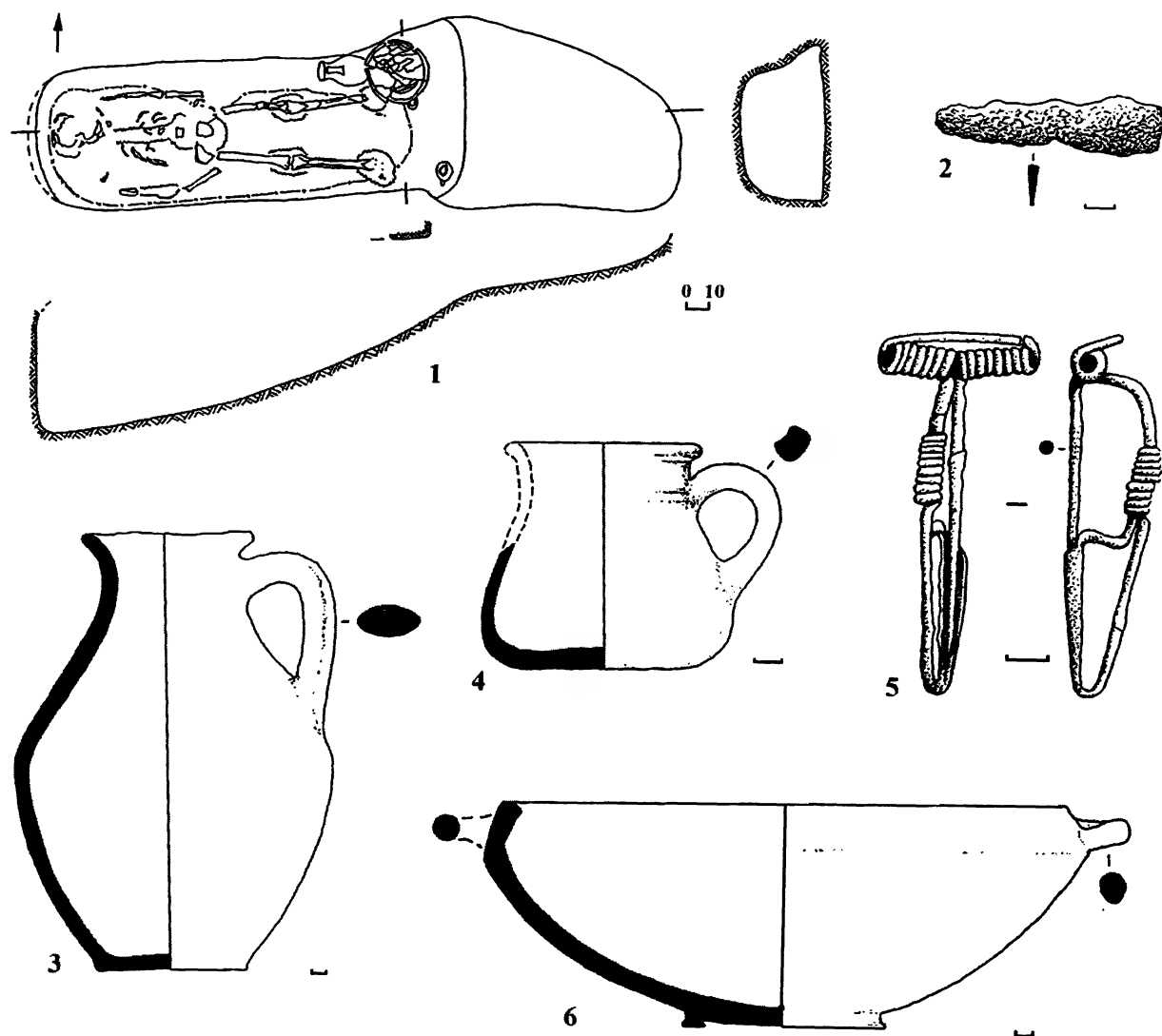

Рис. 2. Материалы раскопок могильника у хут. Пролетарский: 1–6 — Пролетарский 84, кург. 5, погр. 5

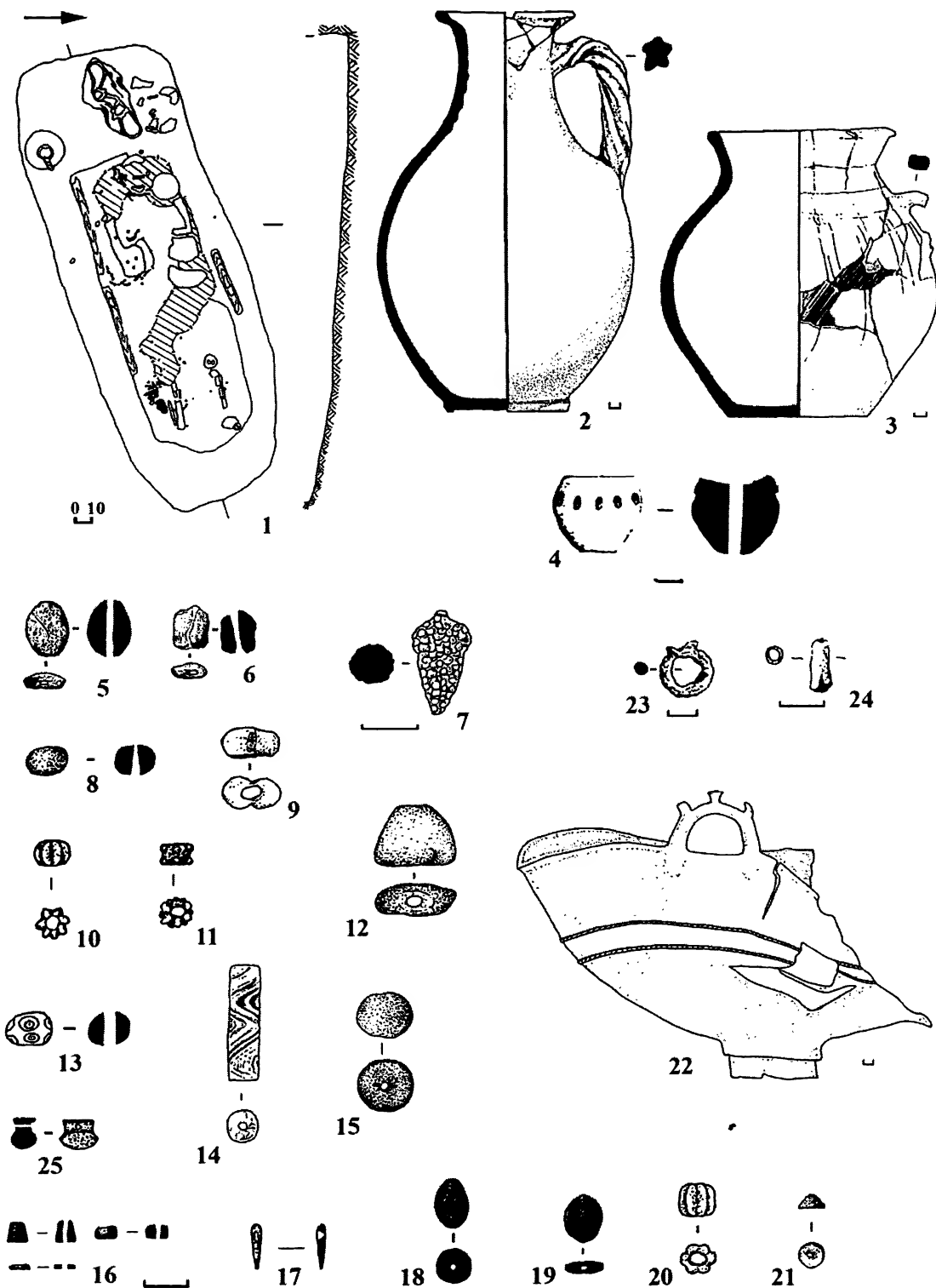

Рис. 3. Материалы раскопок могильника у хут. Пролетарский: 1–24 — Пролетарский 86, кург. 5, погр. 2

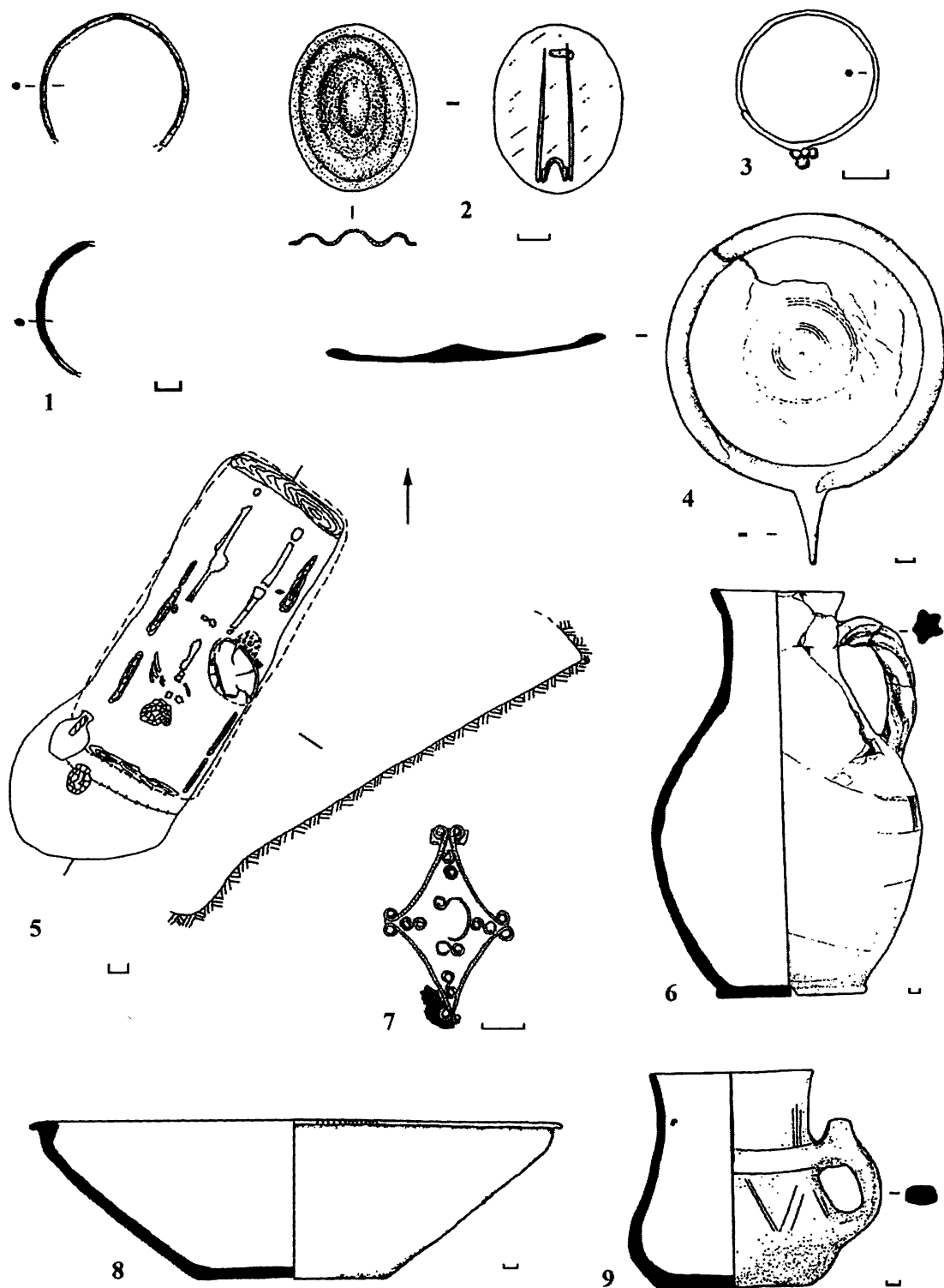

Рис. 4. Материалы раскопок могильника у хут. Пролетарский: 1–4 — Пролетарский 86, кург. 5, погр. 2; 5–9 — Пролетарский 86, кург. 5, погр. 3

ФИБУЛА ИЗ РАСКОПОК А.Г. АТАВИНА В ФАНАГОРИИ В 1989 Г.

Публикуемая фибула (Рис. 1, 19) — «бронзовая», двучленная, длина 4 (ножки — 1,8), высота — 2 см; пружина с нижней тетивой, короткая (4 оборота), её ось крепилась к корпусу с помощью широкого кольца, загнутого вперёд, спинка прямоугольного сечения дуговидно изогнута, приёмник сплошной, расклёпан из ножки и равен ей по длине. Происходит она из раскопок А.Г. Атавина 1989 г. в Фанагории на раскопе «Береговой», VI квадрата, 5-й штывка. Основные материалы из этого слоя — салтовские, но довольно много и позднеантичных, связанных с нижними напластованиями.

В предварительном определении, данном в 1989 г.¹ об этой вещи сказано следующее. По системе А.К. Амброза, фибула соответствует группе 17, подгруппе 1, серии II, известной в Причерноморье, предварительно отнесённой к IV в., правда, не встреченной в датированных комплексах (Амброз, 1966. С. 71). В своде центральноевропейских фибул со сплошным приёмником М. Шульце прямых аналогов данная находка не имеет (Schulze, 1977), а параллели деталям не дают явного контекста или узкой даты.

Схема и профилировка рассматриваемой фибулы имеет соответствия среди типов, обычных в V в. (например, Гавритухин, 1989), а некоторые схожие элементы можно видеть и на образцах салтовского времени (Дмитриев, 1982).

Новые исследования фибул Северо-Восточного Причерноморья подтвердили, что рассматриваемая фибула чужда типам, господствовавшим здесь в позднеримское и начале гуннского времени. Застёжки этой эпохи с широким кольцом для крепления оси пружины (лучковые и т.д.) — подвязные, а «черняховского» круга, среди которых известны и фибулы со сплошным приёмником, имеют для крепления оси пружины вертикальную стойку (см. подбор боспорских образцов: Казанский, 1999; а более восточных — Гавритухин, Пьянков, 2003).

О том, что рассматриваемый образец не чужд боспорской традиции² указывают ана-

¹ Эту вещь Андрей Атавин показал мне сразу же после того, как привёз с раскопок и сам же отреставрировал. Попросил помочь в атрибуции и предложил опубликовать. Тогда этого не случилось, а написанная мной «справка» сейчас может быть существенно дополнена и уточнена.

² За возможность работать с вещами, в том числе не опубликованными, и привести их в иллюстрациях, я благодарен Э.Я. Николаевой, А.В. Дмитриеву, А.В. Пьянкову, А.П. Абрамову, А.А. Масленникову. Для рис. 1 использованы изображения из публикаций (Цебельда, Тубурбо Майус), А.К. Амброза (Рутха, Пашковский могильник), прорисовки по фотографиям, сверенные с оригиналами (часть находок из Дюрсо) и, в основном, рисунки с оригиналов (места хранения указаны в тексте).

логичные экземпляры из раскопок 1983 г. на мысе Зюк (Рис. 1, 17; район «Город», кв. Е-2; Керченский историко-культурного заповедник, КМ-5019) и найденный на крепости у пос. Ильич на Тамани или около неё (Рис. 1, 14; Таманский музейный комплекс, КМ-9782/6). Античное поселение на мысе Зюк, отождествленное с Зеноновым Херсонесом Птолемея, существовало до VI в н.э. (похоже, — до второй четверти этого столетия) и погибло в пожаре, вероятно, связанном с событиями начала 530-х гг. (Маслеников, 1992. С. 120, 151–167). К сожалению, контекст ильичёвского образца не ясен. Правда, фибула, хоть и с утраченной ножкой, но явно близкая упомянутой (Рис. 1, 18), происходит из бровки квадрата XIV Ильичёвской крепости, то есть может соотноситься с отложениями V — середины VI вв. или слоем разгрома крепости, вероятно — тюркского 576 г. (о хронологии см.: Гавритухин, Паромов, 2003. С. 153, 154, 228).

Ильичёвским фибулам близки находки из погр. 32 и 127 могильника Бжид под Туапсе, а так же погр. 228 в Дюрсо под Новороссийском (Рис. 1, 9; Дмитриев, 1982. Рис. 3, 13. С. 78, вариант 4а). Они были в комплексах с не ранней пряжкой геральдического круга, ремненным наконечником «коробочкой», архаичными лировидными пряжками и другими вещами, обычными для горизонта последних десятилетий VI — середины VII вв. (Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 77, 33, 43, 44, 60–62; Дмитриев, 1982. Рис. 3, 12; 12, 5; неопубликованные материалы А.В. Пьянкова и А.В. Дмитриева). Правда, на фоне синхронных образцов указанные фибулы единичны. В треугольнике Нижняя Кубань — Туапсе в это время господствуют фибулы с аналогичной системой крепления оси пружины, но с «трубчатым» приёмником (как на рис. 1, 8; см.: Дмитриев, 1982. С. 78, тип 3; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 192; Табл. 73, 37; 76, 3, 4; 78, 62а). Кроме того, хотя у фибул с трубчатым приёмником встречается и уплощенное прямоугольное сечение дужки, у большинства оно уплощенное треугольное или сегментовидное. Образцы с сегментовидным сечением сравнительно массивной дужки, часто украшенные и перпендикулярными спинке рельефными линиями, с формирующимся трубчатым приёмником принадлежат наибо-

лее архаичным вариациям этой подгруппы фибул (как рис. 1, 12, 13). Они представлены на Пашковском могильнике в зоне 2-й половины (последних десятилетий?) V — 1-й половины VI вв. (о хронологии могильника см.: Гавритухин и др., 1996; Гавритухин, Казанский, 2006. С. 323, 331).

Именно архаичные вариации фибул с трубчатым приёмником наиболее близки ещё одной серии боспорских фибул интересующей нас схемы, отличающиеся чуть укороченным приёмником, плавно продолжающим ножку (Рис. 1, 10, 15). Реперы для их датировки — гробница 167 могильника «Сиреневая бухта» (Маслеников, 2000) и находка из Ильичёвской крепости (Таманский музейный комплекс, экспозиция; см. о датировках материалов из крепости выше) указывают на хронологию, близкую упомянутым ранним образцам из Пашковского могильника, лишь в принципе не исключая и несколько более широкую дату, но в рамках V–VI вв.

Очевидно, формирование всех 3-х упомянутых серий (назовём их «Фанагория 1989», «Пашковская», «Сиреневая бухта 167») близко по времени и относится к середине (не позднее 2-й половины) V в. К этому времени относится и формирование других местных серий, например, двупластинчатых фибул с накладками. Они более выразительны и лучше изучены (Дмитриев, 1982; Амброс, 1982; Казанский, 2001; Гавритухин, Пьянков, 2002; 2003; Гавритухин, 2004, Приложение 1; Гавритухин, Казанский, 2006). Вкратце, их история в свете современных знаний представляется следующей. Прототипы этих двупластинчатых фибул — дунайские образцы фазы D2/D3 (ок. 430/440–470/480 гг. по: Tejral, 1997). Во 2-й половине V в. связи Боспора, Северного Кавказа и некоторых других регионов Восточной Европы со Средним Подунавьем прекращаются, но на основе полученного импульса формируются характерные локальные серии вещей. Прослеживается и влияние некоторых серий Северо-Восточного Причерноморья («боспоро-тетракситских») на соседние территории. В VI в. развитие фибул на Боспоре и у тетракситов (например, в Дюрсо) идёт сепаратно, что, очевидно, объяснимо политическим отчуждением. В то же время, на Кубани или в районе Туапсе местные группы сохраняют связи с теми и другими.

Учитывая обрисованный контекст, можно предложить и схему формирования интересующих нас фибул Северо-Восточного Причерноморья со сплошным приёмником и кольцом для крепления оси пружины. Характерная для них дуговидная профилировка спинки не имеет местных прототипов и, очевидно, принесена с Дуная, где она обычна и связана как с провинциально-римскими, так и германскими прототипами. Прямоугольное сечение спинки — скорее, местный, причерноморский элемент. Здесь такое решение спинки обычно с позднего римского времени (ср. «южный/крымский» и «кавказский/муслюмовский» варианты подвязных фибул по: Амброз, 1966. С. 66, 68; здесь следует упомянуть и опубликованные за прошедшие 40 лет многочисленные находки фибул «крымского» варианта на юго-западе черняховского ареала, так что эту серию точнее называть «понтийской»). Западнее такие вещи встречаются много реже. В сводке «западных» фибул V в. со сплошным приёмником рассматриваем вещам близок тип Тубурбо Майус (Schulze-Dörrlamm, 1986), представленный лишь парой золотых миниатюрных образцов из Северной Африки (Рис. 1, 16), связываемых с вандалами, культура которых испытала сильное влияние позднеантичных традиций. Сплошной приёмник и широкое кольцо для крепления оси пружины могли получить распространение как под влиянием принесённых, так и местных образцов.

В отличие от двупластинчатых фибул или брошей-цикад, фибулы со сплошным приёмником не столь эффектны, они много проще по характеру деталей и в изготовлении. Судя по всему, большинство их делалось в зоне потребления. Отсюда локальное своеобразие серий, то открытых новациям, то дающим устойчивую преемственность деталей. Серии Фанагория 1989 и Сиреневая бухта 167 — по происхождению боспорские. Пашковская серия, возможно, связана с их кругом или отражает влияние того же импульса, что привёл к формированию упомянутых боспорских серий. С другой стороны, она имеет переклички с северо-кавказскими сериями, например, насечки на дужке явно стилистически близки обмотке на подвязных фибулах Кисловодской котловины и соседних территорий (см.: Гаври-

тухин, Малашев, 1989. С. 47). Наконец, пашковская серия принадлежит формирующейся подгруппе фибул с трубчатым приёмником, давших устойчивую традицию в треугольнике Краснодар — Туапсе — Новороссийск в VI — середине VII вв. (см. выше).

Для полноты обзора фибул Северо-Восточного Причерноморья, напоминающих рассматриваемую находку, следует остановиться и на фибулах с завитком на конце сплошного приёмника. Некоторые из них напоминают образцы серии Фанагория 1989 (например, рис. 1, 4, 5), отличаясь лишь морфологией приёмника и наличием завитка. Но сходство это — чисто внешнее. Приведенные образцы — один из редких вариантов весьма выразительной подгруппы фибул (Дмитриев, 1982. С. 79, тип 7; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 196), характерной на Нижней Кубани и в прилегающем Причерноморье для нового населения, носителей кубано-черноморской группы кремаций (о ней см.: Пьянков, Тарабанов, 1998; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195–199). С местными традициями принесённая мода никак не связана.

Вообще, фибулы с завитком на конце сплошного приёмника обычны в Причерноморье, на Кавказе и у связанных с этими регионами культурами в римское время, но к IV в., по крайней мере, на большинстве территорий они вытесняются другими типами (Амброз, 1966. С. 43, 44). В V в. завиток на конце сплошного приёмника появляется на ряде серий фибул, распространённых в Подунавье и, единично, западнее (типы Виминациум, Лауриакум и некоторые др. по Schulze-Dörrlamm, 1986; см. так же: Хараламиева, Атанасов, 1991. С. 42–45). Этот феномен объясним как влияниями «с востока», так и получившей хождение стилистике удлинения или выпячивания ножки фибулы (Гавритухин, 2002. С. 235, 236). Но постепенно, к середине VI в., на «Западе» эта мода пропадает. Зато в Закавказье, например в Абхазии, фибулы с завитком получают распространение по крайней мере с VI в. и бытуют позднее (например, рис. 1, 6; Воронов 2003. Рис. 11, 5; 51, 23; 96, 23; 99, 16; 136, 4, 5, 30; 139, 58 и т.д.). Не исключено, что этому способствовали византийские солдаты с Балкан. К VII в. такие фибулы становятся популярными и на

Северном Кавказе, где единично известны и раньше (например, рис. 1, 1–3; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 64). Нельзя, конечно, полностью исключить прямую преемственность этих вещей с местными традициями римского времени, но на резкое увеличение их числа к VII в., вероятно, повлияло участие северокавказских группировок в византийско-персидском противостоянии на территории Закавказья. Как бы то ни было, скорее всего, в центральной части Северного Кавказа были получены прототипы для фибул кубано-черноморской группы кремаций и некоторых других группировок, подвластных хазарам. С этим населением фибулы с завитком вновь появились и в интересующем нас регионе.

Единственное исключение — случайная находка в Фанагории (Рис. 1, 7; Таманский музейный комплекс, КМ-10627/23), явно отличающаяся от многочисленных образцов причерноморских фибул с завитком как римского, так и хазарского, времени. Она принадлежит, скорее всего, единичным импортам, вероятно, с Кавказа (ср. рис. 1, 2, б) и, судя по всему, не может быть свидетельством сохранения в Северо-Восточном Причерноморье традиции изготовления фибул с завитком на протяжении всего I тыс. Так что приведённый факт не противоречит полученной картине в целом.

Итак, публикуемая фибула из раскопок А.Г. Атавина принадлежит особой серии —

«Фанагория 1989», отличающейся от синхронных северо-кавказских и других фибул со сплошным приёмником, а также от более ранних и более поздних фибул этого и соседних регионов. Несомненно бытование этой серии со 2-й половины (середины) V до конца VI — середины VII вв. В отношении ряда вариаций эту дату можно сузить. А.Г. Атавин, на основе материалов раскопа «Береговой» показал, что между «хазарским» и позднеантичным горизонтом Фанагории существовал перерыв, причём есть основания ограничить верхнюю дату позднеантичных материалов первыми десятилетиями VI в. (Атавин 1993. С. 170). Аналогичные выводы следуют из материалов некрополя Фанагории, а в целом, это соответствует сообщению Прокопия Кесарийского о том, что незадолго до написания его труда (середина VI в.) Фанагория была разрушена. (Паромов 2003. С. 158). Сказанное позволяет датировать образец из раскопок А.Г. Атавина, как и ранние варианты серии Фанагория 1989 (к ним принадлежит и находка на мысе Зюк, рис. 1, 17, см. выше), серединой V — первыми десятилетиями VI в. Так же и, похоже, несколько позднее датируется ильичёвский вариант (Рис. 1, 14). Наконец, с ильичёвским вариантом имеют явные переклички вариации из Бжида и Дюрсо (как рис. 1, 9), датируемые в рамках последних десятилетий VI — середины VII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30.

Амброз А.К., 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Атавин А.Г., 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // БС. Вып. 2.

Воронов Ю.Н., 2003. Могилы апсидов. Итоги исследования некрополя Цибилума в 1977–1986 годах. М.

Гавритухин И.О., 1989. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // *Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klajpėda*.

Гавритухин И.О., 2002. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (литые дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. Вып. IX.

Гавритухин И.О., 2004. Днепровские ингуляции второй половины V — VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.

Гавритухин И.О., Казанский М.М., 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V — VI вв. // Археологические вести. Вып. 13. СПб.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г., 1996. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: Соровские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии ранне-

средневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М., 2003. Ильичевское городище и поселения его окрugi // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2002. Двупластинчатые фибулы из новых поступлений Краснодарского музея // ДБ. Вып. 5.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.). // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Казанский М.М., 1999. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуры. Киев.

Казанский М.М., 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // ИАА. Вып. 7.

Масленников А.А., 1992. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Масленников А.А., 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. Вып. 3.

Паромов Я.М., 2003. Фанагорийская округа // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998. Кремиационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар.

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат., 1991. Фибулы от V–VI в. в Шуменския музей // Известия на Народния музей Варна. 27 (42). Варна.

Schulze M., 1977. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter. Bonn.

Schulze-Dörrlamm M., 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. Und 6. Jahrhundert n. Chr. Aus den Gebieten westlich des Rhein und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 33. Mainz.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der früh völk-
erwanderungszeitlichen Chronologie im Mittel-
donauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der
Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

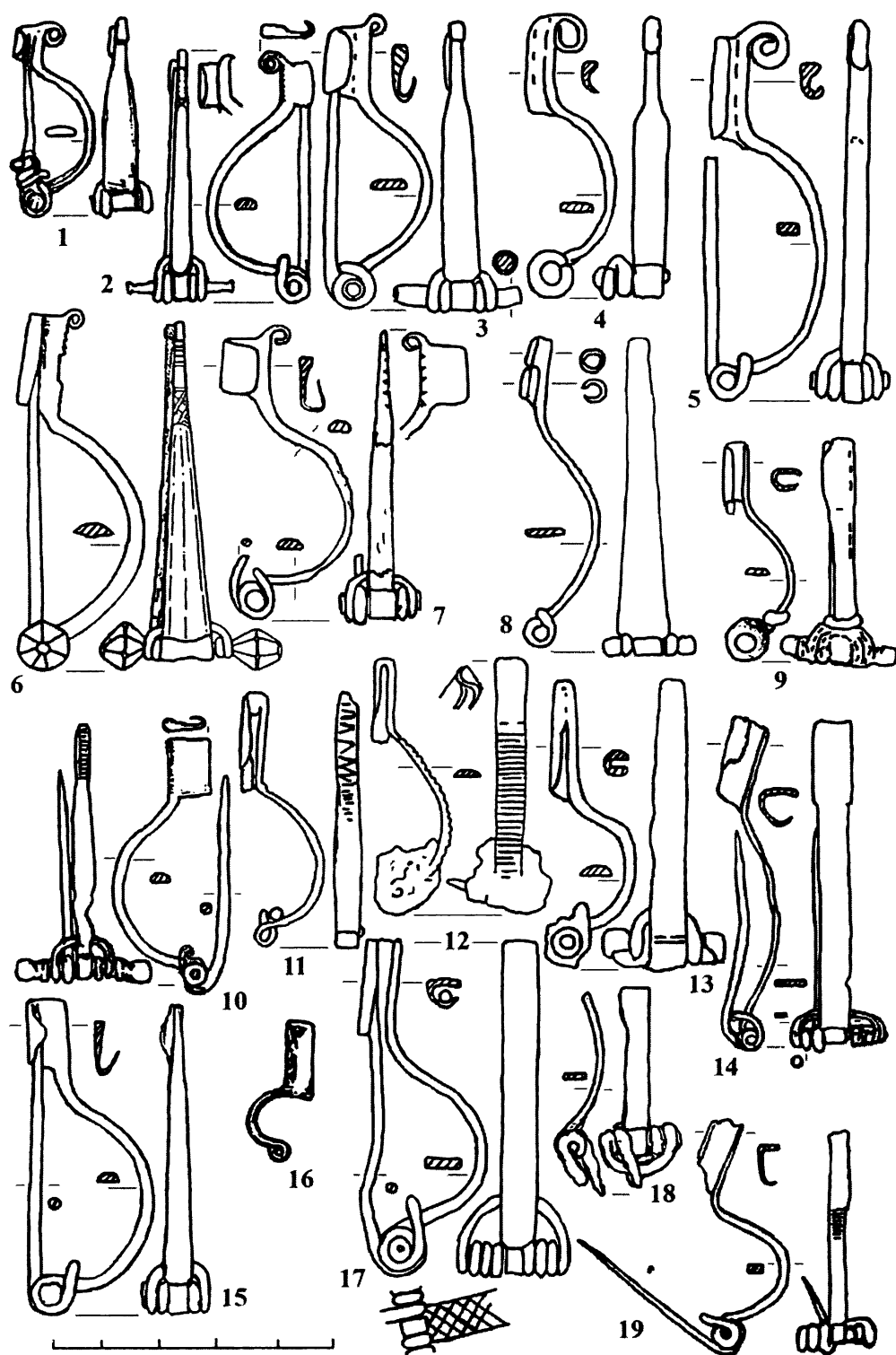

Рис. 1. 1 — Рутха, собрание П.С. Уваровой; 2 — Мокрая Балка, погр. 63; 3 — Ясли, кат. 3 из раск. С.Н. Савенко; 4, 5, 8 — Дюрсо, погр.: 4 — 112, 5 — 98, 8 — 402; 6 — Цебельда, погр. 1967 г.; 7 — Фанагория, сборы 1994 г.; 9 — Бжид, погр. 127; 10, 14, 18 — Ильич: 10 — помещение XXII (?), 14 — находка 1979 г., 18 — бровка кв. XIV; 11–13 — Пашковский: 11 — слой 1949 г., 12 — погр. 6/1949, 13 — погр. 1948; 15 — Сиреневая Бухта, гробн. 167; 16 — Тубурбо Майус; 17 — Зюк; 19 — Фанагория, раскоп «Береговой» 1989 г.

Ю.А. Прокопенко
(СтавГУ, Ставрополь)

САСАНИДСКИЕ ГЕММЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КАТАЛОГ)

Искусство глиптики в раннесредневековом Иране было тесно связано с древневосточными и греко-римскими традициями и достигло своего расцвета в раннесасанидский период. Вместе с военными трофеями, торговыми караванами, дипломатическими миссиями печати из Ирана попадали в Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ и употреблялись преимущественно в обиходе местной знати. Памятники сасанидской глиптики представляют собой не только яркие образцы искусства резьбы по камню, имеющие художественно-эстетическое значение, но являются важнейшим историческим источником, позволяющим раскрыть различные стороны истории, религии, искусства Ирана и культурно-исторически связанных с ним стран.

Резные камни служили преимущественно печатями. Значение их как украшений было второстепенным. Печать была необходимой принадлежностью каждого человека, обладавшего известным достатком. Она служила своего рода гарантией неприкосновенности личного имущества. Наряду с этим печать широко применялась и для скрепления письменных документов, как частных, так и официальных. Печати, также, имели сакральные функции — их использовали как амулеты, обереги от зла, о чем говорят находки сразу нескольких гемм в одном захоронении (Максимова, 1950. С. 221–274).

Публикуемые в настоящей статье сасанидские геммы в основном являются интальями с отверстиями для тесьмы и обнаружены при археологических работах или являются случайными находками, а также получены при сборе этнографического материала. В каталоге перечислены 115 гемм и 14 заготовок гемм. Все геммы по характеру изображений относятся к нескольким группам. К первой группе относятся антропоморфные изображения.

1. Гемма — инталио из альмандина (могильник Камунта, Северная Осетия). На овальном щитке вырезано мужское изображение греческого типа. Волосы завиты мелкими локонами и придерживаются повязкой (Уварова, 1900. С. 322. Табл. СХХVII, 1). (Рис. 1, 1).

2. Гемма с овальным щитком из топаза (могильник Камунта). На щитке изображено погрудное мужское изображение в профиль. Бородатое лицо (борода острижена клином), голова увенчана меховой шапкой (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 2). (Рис. 1, 2).

3. Гемма из сердолика (могильник Камунта). На овальном щитке — погрудное мужское изображение вправо. На голове изображена шапка или шлем. По краю, справа налево, нанесен елочный орнамент (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 3). (Рис. 1, 3).

4. Круглая черная плоская буса (могильник Камунта). На овальном щитке вырезано погрудное мужское изображение влево. На голове

тиара, в нижней части украшена 9-тью жемчужинами, в верхней части помещен крестообразный знак (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 4). (Рис. 1, 4).

5. Гемма со щитком овальной формы (могильник Камунта). На щитке — мужское погрудное изображение в фас. Бородатое лицо, голова увенчана шапкой или шлемом. Под подбородком изображен волнообразный воротник. Ниже воротника горизонтальными штрихами отмечена верхняя часть одежды. По краю овала помещена пехлевийская надпись из 15 знаков (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 46). (Рис. 1, 5).

6. Гемма эллипсоидной формы из полупрозрачного дымчатого халцедона с плоской лицевой стороной. Размер щитка $1,9 \times 1,5$ см. (с. Юхари-Стал, Сулейман-Стальский, район Дагестана). Погрудное изображение мужчины влево выполнено в комбинированной объемно-выемчатой и штриховой манере резьбы. Волосы перехвачены лентой и на макушке показаны несколькими параллельными черточками; крупный прямой нос отмечен двумя линиями; длинная остроконечная борода изображена рядом тонких штрихов; складки одежды показаны несколькими параллельными чертами на обоих плечах и двумя группами вертикальных черт на груди; шейный вырез одежды (или низка бус) передан овальной линией. В поле геммы слева, перед лицом — штриховая шестилучевая звезда, справа, у затылка — четырехлучевая звезда (Гаджиев, 1987. С. 147). Описанная гемма по своим стилистическим особенностям полностью соответствует группе сасанидских резных камней с портретными изображениями, датируемыми VI–VII вв. (Борисов, Луконин, 1987. С. 266, 267). (Рис. 1, 6).

7. Эллипсоидной формы гемма (Бежтинский могильник, Дагестан) из полупрозрачного дымчатого халцедона. На овальном щитке изображена стоящая человеческая фигура, исполненная в штриховой резьбе. В вытянутой вперед руке непонятный предмет (барсман?). За спиной от головы вниз отходит прямая длинная линия, вероятно изображающая ленту. Подол длинного платья передан двумя заостренными вниз углами, расположенными по обе стороны фигуры. Под ногами человеческой фигуры прямая горизонтальная черта (Гаджиев, 1987. Рис. 1, 9). Изображение

человеческой фигуры, держащей в вытянутой руке какой-либо предмет — барсман, цветок или венец с лентами — один из распространенных сюжетов в сасанидской глиптике (Рис. 1, 7).

8. Гемма — топаз в виде кольца с эллипсоидным щитком (Камунта), с изображением (подобным гемме № 7) — человеческая фигура в профиль. Изображение выведено резкими, грубыми штрихами. Верх тела обнаженный, короткая юбка, шапка на голове, от которой вниз отходит длинная полоса, ноги обнажены по колени (Уварова, 1900. С. 323. Табл. СХХVII, 6). (Рис. 1, 8).

9. Сердоликовая гемма с эллипсоидным щитком (Камунта), с подобным изображением — человеческая фигура в профиль (Уварова, 1900. С. 323. Табл. СХХVII, 7). (Рис. 1, 9).

10. Подобная эллипсоидная гемма из сердолика с изображением человеческой фигуры в профиль (Камунта). Одежда исполнена в штриховой манере. За спиной, от головы вниз отходит прямая линия. В вытянутой руке непонятный предмет (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 8). (Рис. 1, 10).

11. Гемма из топаза с эллипсоидным щитком (Камунта). На щитке — схематичное изображение человеческой головы в профиль, выполненное в штриховой манере. На голове — головной убор (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 9). (Рис. 1, 11).

12. Гемма, наиболее сходная с № 7 (Камунта). На овальном щитке изображена стоящая человеческая фигура, исполненная в штриховой резьбе. В вытянутой вперед руке непонятный предмет (барсман?). За спиной от головы вниз отходит прямая длинная линия. Подол длинного платья передан двумя прямыми заостренными вниз углами, расположенными по обе стороны фигуры (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 27). (Рис. 1, 12).

13. Гемма с овальным щитком — кольцообразный топаз с изображением в штриховой манере женщины, качающей на коленях (подкидывающего) стоящего ребенка (Камунта) (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 12). (Рис. 1, 13).

14. Полусферическая агатовая гемма с изображением антропоморфной фигуры, вырезанной на круглом щитке (диаметром 2,9 см.) штриховым способом (Верхнечирюртовский могильник VII–VIII вв., Дагестан).

Фигура показана с разведенными в стороны руками и широко расставленными ногами. Туловище и руки изображены одиночными прямыми (вертикальной и горизонтальными) линиями. В руках по посоху, которые фигура держит вертикально за середину. Голова передана косыми черточками, образующими «елочку» (по три с каждой стороны). Ноги антропоморфной фигуры, нанесенными двумя диагональными прямыми линиями, покрыты короткими косыми насечками. Между ногами очень условное, выполненное тремя штрихами, изображение животного, судя по аналогиям, собаки (Гаджиев, 1987. С. 141, 142. Рис. 1, 5). (Рис. 1, 14).

15. Гемма полусферической формы, с выпуклой лицевой стороной, из двухслойного полупрозрачного желтовато-красного сердолика (беспаспортная находка, Дагестан). Диаметр щитка — 2,7 см, высота — 2,1 см. Камень хорошо отделан и просверлен, но отверстие, в отличие от других гемм, узкое по сравнению с размерами камня. На одной из сторон геммы рядом с отверстием имеется небольшое углубление от сверла, сделанное мастером в первоначально неправильно выбранном месте сверления. Поверхность геммы матовая, на лицевой стороне и по краям щитка имеются дефекты, а изображение сильно стерто, по всей видимости, в результате долгого использования. На щитке штриховой резьбой изображена антропоморфная фигура, аналогичная изображению на описанной гемме из Верхнечирюртовского могильника (Гаджиев, 1987. С. 146. Рис. 2, 16). (Рис. 1, 15).

16. Гемма полусферической формы из бурого агата (беспаспортная находка, Дагестан). Диаметр щитка — 4,1 см, высота — 2,5 см. Камень обработан неаккуратно, лицевая сторона неравномерно выпуклая, отверстие узкое. У края щитка имеются выбоины, рисунок немного стерт, вероятно, из-за длительного употребления. В штриховой технике на щитке вырезана антропоморфная фигура, подобная изображенной на предыдущей гемме, но схематичный рисунок собаки сбит. В отличие от описанных гемм этой группы, изображение на рассматриваемой дополнено двумя прямыми чертами, образующими рога, судя по менее условным рисункам подобных фигур (Гаджиев, 1987. С. 146. Рис. 2, 17). (Рис. 1, 16).

17. Полусферическая печать из халцедона (Ингушетия — Эрзи ?, раскопки Л.П. Семёнова). На круглом щитке штриховой резьбой изображена антропоморфная фигура, аналогичная изображениям на описанных геммах из Дагестана. На голове двумя косыми штрихами изображены рога. Справа между посохом и ногой вырезан крестообразный знак. Внизу пятью штрихами дано изображение собаки (Арх. ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 174, 1929 г., л. 61. Рис. 32–33; ф. 35, оп. 1, д. 212, 1938 г., л. 51). (Рис. 1, 17).

18. Конусовидная гемма из сардера — серодымчатого халцедона с молочно-белыми прослойками, с правой стороны переходящего в коричневый (станица Алексеевская, Тихорецкий район Краснодарского края). Высота геммы и диаметр щитка — 3 см. Проушина просверлена с двух сторон, но при ее изготовлении камень дал трещину и древний мастер вынужден был убрать скол, в результате чего щиток справа потерял округлую форму. Края проушины и щитка потертые, что говорит о длительном использовании. На щитке изображены две антропоморфные фигуры, стоящие в фас, быкообразные головы изображены схематично с короткими и толстыми «рогами» и ниспадающей шерстью, переданной тонкой штриховкой. Торсы и руки фигур обнажены, руки расставлены в стороны, полусогнуты в локтях и держат посохи с косыми крестами наверху, ноги широко расставленные, покрыты диагональными нарезками, очевидно изображающие шерсть. Внизу композиции под центральным посохом дано профильное изображение собаки, смотрящей вправо (Маляхов, 1988. С. 43, 44). (Рис. 1, 18).

Геммы № 14–17 входят в круг сасанидских резных камней с антропоморфным сюжетом, в котором исследователи видят изображения демонов, «охотников», Гайомарда или символ созвездия Ориона (Борисов, Луконин, 1963. С. 35, 187, 188, 218; Гаджиев, 1987. С. 142). Их объединяет манера резьбы, композиция, стиль изображений и крупные размеры.

По мнению М.С. Гаджиева, предпочтительным выглядит мнение о передаче в антропоморфных фигурах этой группы гемм образа Гайомарда — первородного человекобыка. Как отмечает автор, резонным будет видеть в них образ двойника Гайомарда — первоздан-

ного человекобыка Гопатшаха (Гаджиев, 1987. С. 142). К.В. Тревер убедительно показала взаимосвязь пары «Гайомард — первородный бык» и «Гопатшах — бык Хадайаш». В сасанидских религиозных текстах Гопатшах выступает существом — с ног до половины тела — он бык, верхняя часть тела человеческая (Тревер, 1940. С. 71–85).

Иконография антропоморфных фигур этой группы гемм вполне может соответствовать образцу Гопатшаха. Короткие диагональные насечки, сплошь покрывающие ноги фигуры, схематически передают шерсть — обычный прием, используемый на сасанидских резных камнях для передачи облика животных. К.В. Тревер, развивая положения своих предшественников, установила толкование слова «Гопатшах» как пастух рогатого скота, пастух-царь (Тревер, 1940. С. 75–78). В этом аспекте понятными становятся изображения, сопровождающие антропоморфные фигуры, а посохи и собака — неперенные атрибуты и помощники пастухов.

М.С. Гаджиев в изображенных антропоморфных существах предполагает передачу образа Гопатшаха-Гайомарда (Гаджиев, 1987. С. 142). На гемме из станицы Алексеевской помещено изображение двух идентичных антропоморфных существ, в которых будет вероятным усматривать раздвоение пары Гопатшах-Гайомард. По мнению С.Н. Малахова, изображение представленное на гемме из ст. Алексеевской является иллюстрацией зороастрийского мифа о происхождении людей, животных и жизни на земле. По словам автора, идеограмма, отразившая авестийский миф о прародителе людей Гайомарде, носила благожелательный характер, была неразрывно связана с символом вечной жизни, культом плодородия и отражала космогонические и сакрально-магические представления иранцев эпохи сасанидов (Малахов, 1988. С. 47).

19. Полусферическая сердоликовая гемма (Кугульский склеп № 5, окрестности г. Кисловодска). В центральной части имеет отверстие. На эллипсоидном щитке изображена человеческая фигура с приподнятыми руками и крыльями (Прокопенко, 1999. С. 117. Рис. 45, 7; Рунич, 1979. Рис. 8, 30). (Рис. 1, 19).

20. Резной камень в оправе с изображением женской фигуры в длинной одежде с вытяну-

тыми вперед руками (коллекция графа Е. Зичи — долины Чегема и Баксана). На голове шапка или шлем. На спине овальный предмет (щит ?). От шеи вниз спускается длинная линия (Zichy, 1897. Pl. XXVII, 15; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 6). (Рис. 1, 20).

21. Резной камень в оправе со схематичным изображением человеческой фигуры в длинной одежде (коллекция графа Е. Зичи — долины Чегема и Баксана). Правая рука поднята вверх, левая опирается на тонкий длинный предмет (Zichy, 1897. Pl. XXVII; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 8). (Рис. 1, 21).

22. Гемма со щитком прямоугольной формы (Камунта), со схематичным изображением всадника на коне. Рядом с передней частью лошади помещено изображение стоячей человеческой фигуры (Уварова, 1900. Табл. CXXVII, 43). (Рис. 1, 22).

23. Печатка-инталио с изображением воина, держащего копье и щит (могильник Хазнидон, погр. 5 — Северная Осетия) (Гиджрат, 1979. С. 122).

24. Гемма с изображением воина с птицей (Нижне-Архызское городище) (Текеев, 1980. С. 129).

25. Гемма из халцедона с изображением идущего человека с сетью (условно рыбак) (Нижний Архыз) (не опубликована) (Прокопенко, 1999. С. 117).

В эту же группу входят схематичные антропоморфные изображения, похожие на тамгообразные знаки.

26. Гемма со щитком прямоугольной формы (Камунта) с изображением человеческой фигуры. Руки подняты, одна прямая, другая согнута в локте. Ноги представляют собой две длинные параллельные линии (Уварова, 1900. Табл. CXXVII, 42). (Рис. 1, 23).

27. Гемма эллипсоидной формы из темно-коричневого халцедона с плоской лицевой стороной (Агачкалинский могильник VII–X вв., Дагестан, раскопки 1948 г.). Размер щитка 1,1 × 0,7 см, высота — 1,3 см. Камень хорошо отшлифован, несколько несимметричен, аккуратно просверлен, край щитка немного дефектен. Резьба исполнена непрерывной линией и штрихами, изображение (тамгообразное) схематичное: стоящая человеческая фигура, правая рука согнута в локте и поднята вверх, левая — согнута в локте и опущена вниз, голова

в форме буквы «С» (Гаджиев, 1987. С. 139, 140. Рис. 1, 2). (Рис. 1, 24).

28. Полусферическая гемма типа ложных перстней из янтаря (могильник Чми, Северная Осетия). В отличие от геммы № 26 голова в виде полумесяца, концами направлена вверх, симметрично нижним конечностям, изображенным как и у геммы № 27 в виде такого же полумесяца, концами направленного вниз. Руки упираются в бока, образуя по обе стороны от туловища симметричные круги (Абрамова, 1986. С. 52. Рис. 2, 2; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 17). (Рис. 1, 25).

29. Гемма со щитком овальной формы (Камунта), со штриховым антропоморфным изображением (тамга ?). Голова в виде полумесяца концами направлена вверх (как и у № 28). Туловище представляет собой ряд горизонтальных штрихов. Поднятые руки изображены в виде завитков. Нижние конечности, также, изображены в виде завитков (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 44). (Рис. 1, 26).

30. Гемма со щитком круглой формы (Камунта), со схематичным изображением человеческой головы. Волосы переданы в виде трёх параллельных штрихов (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 5). (Рис. 1, 27).

Вторая по количеству группа гемм с изображениями животных и насекомых.

31. Полушаровидная гемма из горного хрусталя с изображением головы оленя (Бермамытский могильник, катакомба № 3 — окрестности г. Кисловодска) (Афанасьев, 1979. С. 8; Рунич, 1969. С. 109). (Рис. 2, 1).

32. Гемма со щитком овальной формы (могильник Чми, погребение 4) из янтаря. На щитке вырезано изображение хищника (гиены ?). Фигура выполнена в штриховой манере. В верхней части, над спиной животного дугой расположены 7 овальных углублений (Абрамова, 1986. Рис. 2; Прокопенко, 1999. Рис. 46, 1). (Рис. 2, 2).

33. Полусферическая гемма-печатка из темного сердолика (могильник Дунте — раскопки Долбежева). На овальном щитке вырезано изображение зверя (гиены ?). Над хребтом зверя вырезан ряд из 5 мелких овальных углублений, расположенных дугой (Архив ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, д. 12, 1888, л. 56). Скорее всего, гемма подобна № 32.

34. Полусферическая гемма-печатка из светлого сердолика с резным изображением лежащего кавказского тура (могильник Дунте — раскопки Долбежева) (Архив ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, д. 12, 1888, л. 56).

35. Гемма со щитком овальной формы (Камунта) с изображением грифона. Фигура выполнена в штриховой манере. Хвост завершает шестилучевая звезда (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 15). (Рис. 2, 3).

36. Гемма со щитком овальной формы (Камунта) с изображением льва. Грива в виде параллельных штрихов (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 14). (Рис. 2, 4).

37. Гемма со щитком овальной формы (Камунта) с изображением горбатого быка (зебу ?). Фигура выполнена в штриховой манере (Уварова, 1900. С. 323. Табл. СХХVII, 16). (Рис. 2, 5).

38. Гемма со щитком округлой формы (Камунта) из сердолика с изображением горбатого быка, аналогичного гемме № 37 (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 21). (Рис. 2, 6).

39. Гемма со щитком овальной формы из сердолика (Камунта) с изображением козы или серны. В верхней части, над спиной вырезана шестилучевая звезда. Справа от головы животного дерево (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 20). (Рис. 2, 7).

40. Гемма со щитком овальной формы из сердолика (Камунта) с изображением кабана с подогнутыми передними ногами (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 19). (Рис. 2, 8).

41. Гемма со щитком круглой формы из сердолика (Камунта) с изображением серны или козы (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 18). (Рис. 2, 9).

42. Гемма со щитком овальной формы из сердолика (Камунта) с изображением серны или козы. Фигура выполнена в штриховой манере. В правой части щитка, перед мордой животного дерево (как у геммы № 39) (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 17). (Рис. 2, 10).

43. Гемма со щитком овальной формы из сердолика (Камунта) с изображением скачущего верблюда (крылатой лошади ?) или осла. Туловище оформлено рядом косых штрихов (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 22). (Рис. 2, 11).

44. Гемма со щитком округлой формы из сердолика (Камунта) с изображением благородного оленя около дерева. Фигура выпол-

нена в штриховой манере. Дерево аналогично изображению на гемме № 42 (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 23). (Рис. 2, 12).

45. Гемма со щитком овальной формы из сердолика (Камунта) с неясным изображением животного (зайца ?) (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 24). (Рис. 2, 13).

46. Гемма со щитком овальной формы (Камунта) с неясным изображением четвероногого животного (лошади ?) (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 25). (Рис. 2, 14).

47. Гемма со щитком круглой формы (Камунта), с изображением головы зверя (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 26). (Рис. 2, 15).

48. Конусовидная гемма из аметиста (Камунта). На круглом щитке вырезано свастичное изображение трех протом лошадей, расположенных вокруг общего круга (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 28). (Рис. 2, 16).

49. Гемма со щитком эллипсоидной формы (Камунта) с неясным изображением животного (олень ?), выполненного в штриховой манере. На голове штрихами изображены рога, сходные по трактовке гемма № 44 (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 30). (Рис. 2, 17).

50. Гемма со щитком круглой формы (Камунта) с неясным изображением животного (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 38). (Рис. 2, 18).

51. Гемма со щитком круглой формы (Камунта) с неясным изображением животного (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 39). (Рис. 2, 19).

52. Гемма-инталия полусферической формы из сердолика (Саниба-Северная Осетия). Боковые стороны орнаментированы concentрическими окружностями, выделяющими две полушарные выпуклости. На овальном щитке вырезана птица с человеческой головой (сирена ?) (Миллер, 1888. С. 108. Рис. 8. Табл. XIII, 13). (Рис. 2, 20).

53. Халцедоновая бусина с изображением птицы (ворона ?) (могильник Чми, погребение 6). Крылья и туловище выполнено горизонтальными штрихами. Ноги птицы переданы в виде штрихов (Абрамова, 1986. Рис. 2; Прокопенко, 1999. Рис. 46, 4). (Рис. 2, 21).

54. Гемма эллипсоидной формы из сердолика со слегка выпуклой лицевой стороной (Верхнечириуртовский могильник VII–VIII вв., погребение № 79, Дагестан). Размер щитка 1,4 × 1,2 см, высота 1,3 см. На щитке в штриховой манере резьбы дано схематично изоб-

ражение животного. Передние короткие лапы выставлены вперед, задние поджаты. Ребра и шерсть показаны тремя параллельными черточками. Над животным неясное изображение в виде ленты. По-видимому это заяц, т.к. именно в таком стиле и позе передавалось это животное на сасанидских резных камнях (Гаджиев, 1987. С. 141. Рис. 1, 4). Заяц — один из многих образов «добрых, благих существ», встречаемых на сасанидских печатях (Борисов, Луконин, 1963. С. 190, 191). (Рис. 2, 22).

55. Эллипсоидная гемма с плоской лицевой стороной из горного хрусталя (Верхнечириуртовский могильник, раскопки 1972 г. — курган 26). Поверхность геммы орнаментирована тремя врезными кругами — известный прием украшения плоскости сасанидских резных камней. На овальном щитке в объемно-выемчатой и штриховой технике резьбы нанесено изображение птицы, по мнению М.С. Гаджиева, петуха (Гаджиев, 1987. С. 143. Рис. 1, 6). Этот образ, представляющий персонаж Авесты — птицу Пародарш, является одним из популярных в сасанидской глиптике (Борисов, Луконин, 1963. С. 36, 150). (Рис. 2, 23).

56. На овальном щитке сердоликовой геммы (Узунталинский могильник, склеп 3, Дагестан) в штриховой технике показано животное, по-видимому конь (Гаджиев, 1987. Рис. 1, 8). (Рис. 2, 24).

57. Эллипсоидной формы гемма из темного агата с плоской лицевой стороной (Дагестан, безпаспортная находка). Размер щитка 1,6 × 1,2 см, высота 1,6 см. Камень хорошо отшлифован, несимметричен, отверстие по краям имеет мелкие выбоины. Изображение нанесено в объемно-выемчатой и штриховой технике. На щитке изображен заяц. Передние короткие лапы выставлены вперед, задние — поджаты. Уши животного переданы двумя (длинной и короткой) линиями, хвост — коротким штрихом. Ребра отмечены двумя вертикальными параллельными линиями, на шее животного — овальная черта (лента ?). Перед мордой зайца, по краю печати — бордюр из пяти насечек (Гаджиев, 1987. С. 144. Рис. 1, 11). (Рис. 2, 25).

58. Гемма эллипсоидной формы из полупрозрачного слоистого коричнево-красного халцедона (Дагестан, безпаспортная находка). Размер щитка 1,6 × 1,3 см, высота 1,8 см.

Камень тщательно обработан и отшлифован, аккуратно просверлен, симметричен. На плоском срезе в объемно-выемчатой и штриховой манере вырезан стоящий зебувидный бык. Детали опущенной морды в профиль переданы схематично черточками, округло изогнутые рога показаны в фас. Ноги зебу изображены штрихами: передние несколько выставлены вперед, задние — слегка поджаты; хвост опущен. Высокий овальный горб и туловище переданы в объемно-выемчатой технике. Шерсть на шее, горбу и туловище показана несколькими прямыми черточками (Гаджиев, 1987. С. 144. Рис. 1, 12). Данная гемма входит в группу гемм с изображением зебу, датируемых по манере резьбы, стилю изображения, палеографическим особенностям надписей на них VI–VII вв. (Борисов, Луконин, 1963. С. 141–146). (Рис. 2, 26).

59. Эллипсоидной формы гемма из темно-серого агата с плоской лицевой стороной (Акушинская катакомба IX–XI вв., Дагестан). Размер щитка $1,9 \times 1,3$ см, высота 1,9 см. Камень тщательно отделан и просверлен, немного асимметричен, треснут. Изображение коня влево нанесено в комбинированной объемно-выемчатой и тонкой штриховой технике. Резьба глубокая и дает на оттиске высокий рельеф. Морда коня слегка опущена; ноги немного подогнуты, а левая передняя нога приподнята и выставлена вперед. Шерсть на боку и взъерошенная грива показаны тонкими нарезками и насечками; хвост опущен. Работа отличается тщательностью исполнения, тонко подчеркнуты подтреугольной формы конские копыта, детали узды (Гаджиев, 1987. С. 146. Рис. 2, 14). По манере резьбы и стилю настоящая гемма соответствует группе сасанидских резных камней с изображением коня, датируемых А.Я. Борисовым и В.Г. Лукониным IV–V вв. (Борисов, Луконин, 1963. С. 181, № 724–727). Образ коня — традиционная тема в сасанидской глиптике. Он выступает в зороастрийской литературе как астральная эмблема — знак звезды Тиштрийа, как символ одного из праведников — «ашаванов», как ипостась различных божеств — Митры, Вретрагны, Хварны (Борисов, Луконин, 1963. С. 34, 35). (Рис. 2, 27).

60. Гемма эллипсоидной формы из полупрозрачного желтоватого халцедона с красными

прожилками (Акушинская катакомба IX–XI вв., Дагестан). Размеры: щиток $1,7 \times 1,4$ см, высота 1,9 см. Камень хорошо отшлифован, симметричен, аккуратно просверлен. Рисунок исполнен в объемно-выемчатой и штриховой манере резьбы. На плоском щитке изображен стоящий влево олень с вытянутой вперед шеей и мордой. Правые ноги выставлены вперед: передняя — отставлена назад, задняя — согнута. Морда оленя передана схематично; показан один большой и длинный ветвистый рог. Шерсть на шее, груди и туловище исполнена прямыми параллельными линиями, отростки рога и хвост — короткими штрихами. В поле геммы, перед грудью оленя V-образный знак, показанный двумя прямыми черточками, сходящимися под острым углом, обращенными вершиной вниз (полумесяц ?) (Гаджиев, 1987. С. 146. Рис. 2, 15). Данная гемма имеет те же основные особенности по стилю изображения и технике резьбы, что и подобные сасанидские геммы V–VII вв. с образом оленя, одного из самых популярных сюжетов среди сасанидских резных камней с зооморфными сюжетами (Борисов, Луконин, 1963. С. 169–174). (Рис. 2, 28).

61. Небольшая печатка с изображением тигра с поднятыми лапами (Алагир, Северная Осетия) (Арх. ИИМК РАН, ф. 1 оп. 1, д. 29, 1890, л. 13).

62. Гемма из светло-серого слоистого камня (пережженный сердолик ?) (Дербент, раскоп IV, цитадель Нарын-кала, слой X — начала XI в.), имеет эллипсоидную форму с плоской лицевой стороной. Размер щитка $1,2 \times 1,0$ см, высота 1,3 см. Камень хорошо обработан и отшлифован, отличается симметричностью и законченностью формы, аккуратно просверлен. Резьба неглубокая, рисунок выполнен непрерывной пластичной линией.

Центральное место занимает узор, представляющий переплетение двух лент, образующий «прямой» или «морской» узел. Концы лент завершают головы животных. По обе стороны узора, на свободном пространстве в поле щитка вырезана, вероятно, пехлевийская надпись из шести симметрично расположенных знаков.

Судя по трактовке рогов зверей, в верхней части геммы концы ленты завершаются головами барана (архара) и быка. Морда архара

вытянута, показана в профиль вправо, рога — в виде двух округло изогнутых дуг. Рога быка переданы в виде полумесяца концами вверх. В нижней части геммы концы ленты венчают головы оленя и горного козла. Узкая длинная морда оленя дана в профиль вправо, позади — торчащее ухо, показан один большой ветвистый рог. Образы этих животных представляли собой инкарнацию того или иного доброго божества (Вретрагны, Хварны и др.), и являлись самыми популярными в сасанидской глиптике.

М.С. Гаджиев указывает на близкое сходство этой геммы в композиции и орнаментике с сасанидской геммой из собрания Метрополитен Музея, на щитке которой изображен «морской» узел из переплетенных лент, концы которых увенчаны головами животных (по паре бык—баран на каждой ленте) (Гаджиев, 1987. С. 148, 149. Рис. 2, 21). (Рис. 2, 29).

63. Полусферическая гемма-печатка (Клин-Ярский могильник (комплекс 1983 г., окрестности Кисловодска). Боковые и противоположная стороны корпуса геммы выделены в виде полушарий. На овальном щитке — четко проработанная фигура лежащего оленя (Савенко, 1993. Рис. 1, б; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 3). (Рис. 3, 1).

64. Сердоликовая гемма с головой оленя (Кугульский склеп № 2) (Савенко, 1993. С. 131).

65. Полусферическая гемма (могильник Ясли, окрестности г. Кисловодска) — раскопки Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича) с изображением птицы (Савенко, 1993. Рис. 1, 3; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 5). (Рис. 3, 2).

66. Сердоликовая гемма со щитком круглой формы (Чегемский округ Терской области, коллекция Д.Я. Вырубова) с изображением хищника. Фигура выполнена в штриховой манере. Параллельными рядами черточек обозначена грива, туловище и конечности. Загнутый хвост образует прямой угол. Завершение хвоста — четырехлучевая звезда (Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп. 1, д. 252, 1897, л. 6). (Рис. 3, 3).

67. Гемма со щитком круглой формы из дымчатого кварца (Чегемский округ Терской области, коллекция Д.Я. Вырубова) с изображением благородного оленя. Фигура выполнена в штриховой манере. Шея и передняя

часть туловища намечена пятью параллельными штрихами. Рога показаны в виде шести параллельных штрихов. Конечности выполнены в виде черточек, раздвоенных на конце (Арх. ИИМК РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 252, 1897, л. 6). (Рис. 3, 4).

68. Гемма со щитком круглой формы из халцедона (Чегемский округ Терской области, коллекция Д.Я. Вырубова) с изображением двух животных. В нижней половине щитка вырезана влево в штриховой манере фигура зебувидного быка влево. В верхней части щитка изображен хищник (лев ?) с гривой из горизонтальных и вертикальных штрихов в позе прыжка. Раскрытая пасть льва касается поднятого вверх хвоста быка (Арх. ИИМК РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 252, 1897, л. 6). (Рис. 3, 5).

69. Гемма со щитком овальной формы (Камунта) с изображением двух животных (сюжет аналог геммы № 68). В нижней части щитка помещена — фигура животного (бык ?) — влево. В верхней части щитка изображен в технике штриха хищник — лев? (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 13). (Рис. 3, 6).

Кроме перечисленных животных, одним из распространенных сюжетов на геммах из памятников Северного Кавказа являются изображения насекомых.

70. Гемма со щитком овальной формы (Камунта), на котором в штриховой манере изображен скорпион: тело веретенообразной формы, три пары лапок показаны параллельными линиями, хвост загнут влево (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 29). Манера резьбы и стиль изображения полностью соответствует многочисленным сасанидским геммам V–VII вв. с изображением этого существа. Тема скорпиона была широко распространена в сасанидской глиптике, и по мнению исследователей отображала одного из существ — порождений божества зла и тьмы Ахримана, или же являлась астральным символом — знаком зодиака (Борисов, Луконин, 1963. С. 35; Пугаченкова, 1963. С. 205, 206). (Рис. 3, 7).

71. Гемма со щитком эллипсоидной формы (Камунта). На плоском щитке вырезано в штриховой манере изображение насекомого — скорпион? (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 32). (Рис. 3, 8).

72. Гемма эллипсоидной формы из полупрозрачного светлокорицевого халцедона

(Акушинская катакомба IX–XI вв., Дагестан). Размеры: щиток $1,4 \times 1,2$ см, высота 1,7 см. Камень хорошо отшлифован и просверлен, несколько несимметричен. На плоском щитке в объемно-выемчатом и штриховом приеме резьбы изображен скорпион: тело веретенообразной формы, три пары лапок показаны параллельными линиями, хвост загнут вправо (Гаджиев, 1987. С. 145. Рис. 1, 13). Аналогично этой гемме № 70, отличие наблюдается только в повороте хвоста. (Рис. 3, 9).

73. Гемма эллипсоидной формы из сердолика (сел. Хушдада Цумадинского района, Дагестан). На плоском щитке — скорпион, по краю — бордюр из насечек (Гаджиев, 1987. С. 147. Рис. 2, 18). Стиль исполнения близок к рисункам скорпионов, на приведенных выше геммах из Камунты № 70 и Акушинской катакомбы — № 72. (Рис. 3, 10).

74. Полусферическая гемма (Дагестан). На эллипсоидном щитке, схематично, в штриховой манере изображен скорпион (Абакаров, Давудов, 1993. Рис. 53, 11; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 9). (Рис. 3, 11).

75. Полусферическая гемма из сердолика (Кугульский западный склеп № 2, окрестности Кисловодска). На овальном щитке схематично изображена стрекоза (Амброз, 1989. Рис. 24, 48; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 15). (Рис. 3, 12).

76. Гемма эллипсоидной формы из сердолика (Бавтугайский могильник VII–VIII вв., погребение № 4, Дагестан). На плоском щитке в штриховой манере изображена фигура (стрекозы ?) аналогичная гемме № 75 (Гаджиев, 1987. С. 143. Рис. 1, 10). (Рис. 3, 13).

77. Гемма с круглым щитком (Камунта) с изображением насекомого (паук ?) (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 31). (Рис. 3, 14).

Среди гемм, обнаруженных на Северном Кавказе, выделяется группа с изображениями растений.

78. Эллипсоидной формы гемма из красного сердолика с плоской лицевой стороной (Агачкалинский могильник VIII–X вв., раскопки 1948 г.). Размер щитка $0,9 \times 0,7$ см, высота 1,2 см. Камень хорошо обработан и отшлифован, отличается симметричностью и законченностью формы, аккуратно просверлен. Изображение выполнено в штриховой манере резьбы. На щитке изображено, веро-

ятно, стилизованное растение в виде вертикального стебля веретенообразной формы, пересеченного внизу короткой горизонтальной чертой и с отходящим влево наклонно вверх коротким прямым листом. Подобная передача растения широко распространена в сасанидской глиптике, однако известные изображения имеют два листа по обе стороны стебля (Борисов, Луконин, 1963. С. 166–168, № 616–631). По предположению М.С. Гаджиева, на описанной гемме — незаконченный мастером рисунок (Гаджиев, 1987. Рис. 1, 1). (Рис. 3, 15).

79. Эллипсоидная гемма из халцедона (Узунталинский могильник VIII–IX — Дагестан). На овальном щитке объемно-выемчатой и штриховой резьбой дано изображение растения. От вертикального стебля, ближе к основанию, отходят по обе стороны наклонно вверх два узких прямых листа-насечки. Две таких же черточки — у вершины растения образуют трилистник. На средней части стебля нанесены три косых параллельных штриха, а основание растения подчеркнуто горизонтальной линией. (Гаджиев, 1987. С. 143, Рис. 1, 7). Данная гемма по манере изображения и технике резьбы близка к серии сасанидских резных камней, изображающих тюльпановидные растения (Борисов, Луконин, 1963. С. 166, 167). (Рис. 3, 16).

80. Гемма асимметричная эллипсоидной формы (юго-западный угол цитадели городища Урцеки, раскопки 1961 г., Дагестан), изготовлена из светлосерого агата. Камень хорошо отшлифован и просверлен. Размеры: щиток диаметром 0,9 см, высота 1,3 см. На плоской лицевой стороне в объемно-выемчатой и штриховой технике изображен тюльпановидный цветок: овал, выполненный в объемной манере и покрытый тремя косыми прямыми нарезками (бутон цветка или плод), покоится на коротком стебле с горизонтальной чертой внизу; от стебля в обе стороны наклонно вверх отходят два узких прямых листа (Гаджиев, 1987. С. 147. Рис. 2, 20). Исследователи предлагали различные толкования данного изображения — плод или бутон хаомы, граната, мака, тюльпановидный цветок и др. Однако, как отмечала Г.А. Пугаченкова, «чрезвычайная условность образа затрудняет возможность отдать предпочтение

той или иной трактовке изображения, общеизвестного и понятного для своего времени» (Пугаченкова, 1963. С. 207). (Рис. 3, 17)

81. Гемма со щитком эллипсоидной формы (Камунта). В штриховой манере изображено растение. От вертикального стебля, ближе к основанию, отходят по обе стороны наклонно вверх два узких прямых листа-насечки. Две таких же черточки у вершины растения образуют трилистник. Основание растения подчеркнуто горизонтальной линией. В основном, это изображение аналогично рисунку геммы № 79 (Уварова, 1900. С. 323. Рис. СХХVII, 11). (Рис. 3, 18).

82. Гемма со щитком эллипсоидной формы (Камунта). Изображение подобно гемме № 81. Отличия в том, что нет штриха-основания, и справа у нижней части стебля отходит дополнительная черточка (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 10). (Рис. 3, 19).

83. Гемма со щитком овальной формы (Камунта). В объемной манере изображен тюльпановидный цветок. От короткого утолщенного стебля в обе стороны отходят два узких прямых листа. Основание растения подчеркнуто двумя горизонтальными чертами. Верхняя часть, также, украшена двумя горизонтальными насечками (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 34). (Рис. 3, 20).

84. Гемма со щитком овальной формы (Камунта), в объемной манере изображен тюльпановидный цветок. Нижняя часть оформлена в виде дуги (лепестки?), края которых под углом загнуты к основанию цветка — формы трилистника (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 40). (Рис. 3, 21).

85. Гемма со щитком овальной формы (Камунта), с изображением тюльпановидного цветка. Нижняя часть представляет собой два лепестка, вырезанные в штриховой манере. Края лепестков загнуты к центральной части цветка, оформленной столбиком из штрихов в виде елочки. Его верхняя часть завершается двумя дугами, направленными в противоположные стороны (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 41). (Рис. 3, 22).

86. Полусферическая гемма из сердолика (Кугульский склеп № 2). На овальном щитке в штриховой манере вырезано схематичное изображение цветка. Основание цветка выделено в виде широкой черточки. От основания

отходят два сегментовидных лепестка. В центре, между лепестками помещен овал, выполненный в объемной манере и украшенный тремя косыми нарезками (бутон цветка или плод) (Амброз, 1989. Рис. 24, 47; Прокопенко, 1999. Рис. 45, 16). (Рис. 3, 23).

87. Полусферическая гемма-инталия из светлого прозрачного халцедона («ложный перстень») (могильник Мокрая Балка I, погребение 1, раскопки 1996 г.). Диаметр геммы — 1,9 см; диаметр отверстия 0,4 см. На овальном щитке размерами 1,0 × 0,4 см вырезано изображение цветка в виде неправильного овала с отходящими от него в обе стороны короткими отростками. От основания стебля цветка отходят три штриха-отростка (один — влево, два — вправо). Между штрихами на коротком стебле бутон (тюльпана?) в виде овала, зауженного в верхней части, орнаментированного косыми нарезками. В верхней части цветка, от овала влево и вправо отходят два штриха (лепестки?) (Коровов, 1999. С. 161, Рис. 4, 8). (Рис. 3, 24).

88. Полусферическая гемма — инталия (курган у ст. Спокойной, Краснодарский край). На округлом щитке в штриховой манере помещено изображение цветка. От черты основания цветка в противоположные стороны направлены два штриха — лепестки. Между ними, на коротком стебле, помещен овал (бутон?), орнаментированный косыми штрихами (Лопатин, 1994. С. 3. Рис. 11). (Рис. 3, 25).

89. Полусферическая сердоликовая гемма (могильник Чми, погребение 8). На круглом щитке в объемно-выемчатой и штриховой манере вырезано изображение цветка в форме неправильного овала, зауженного в нижней части. От основания цветка, вверх и вниз, в противоположных направлениях отходят две пары штрихов — лепестков. Верхняя линия косо пересекает основание цветка. Верхняя часть овала украшена косыми нарезками (Абрамова, 1986. Рис. 2). (Рис. 3, 26).

90. Полусферическая сердоликовая гемма (могильник Чми, погребение 6). На овальном щитке помещено изображение цветка или цветка проросшего алтаря. На широком овальном основании покоится столбообразная конструкция. Верхняя половина (цветка?) из чередующихся длинных и коротких

штрихов, верх украшен тремя лепестками в виде трилистника (Абрамова, 1986. Рис. 2). (Рис. 3, 27).

91. Гемма с овальным щитком (Камунта), на котором в объемно-выемчатой и штриховой манере изображен тюльпановидный цветок. От короткого стебля в виде насечки, влево и вправо, отходят два штриха-лепестка, между ними — овал, от которого в верхней части отходят три лепестка в виде трилистника (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 45). (Рис. 3, 28).

92. Гемма с круглым щитком (Камунта), на котором помещено выполненное в штриховой манере изображение цветка. Три крупных линии образуют трилистник. От центральной линии влево отходят два небольших штриха (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 37). (Рис. 3, 29).

К последней группе гемм следует отнести геммы с вырезанными различными знаками и неясными изображениями.

93. Полусферическая гемма из горного хрусталя (могильник Мокрая Балка, катакомба № 83, окрестности Кисловодска). На щитке изображен знак в виде стрелы и черточки (Афанасьев, 1979. С. 8).

94. Гемма с овальным щитком из сердолика (могильник Чми, погребение 6). На щитке вырезано овальное углубление (Абрамова, 1986. Рис. 2; Прокопенко, 1999. Рис. 46, 2). (Рис. 3, 30).

95. Янтарная печатка-инталия (могильник Чми, погребение 4). На овальном щитке неясное овальное изображение (Абрамова, 1986. Рис. 2; Прокопенко, 1999. Рис. 46, 5). (Рис. 3, 31).

96. Гемма с круглым щитком (Камунта), на котором штриховали способом изображена шестилучевая звезда (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 36). (Рис. 3, 32).

97. Гемма с круглым щитком (Камунта). В центре щитка вырезано изображение тамгообразного знака в виде буквы Н (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 35). (Рис. 3, 33).

98. Гемма с овальным щитком (Камунта), на котором вырезано неясное изображение из пересекающихся штрихов (Уварова, 1900. Табл. СХХVII, 33). (Рис. 3, 34).

99. Эллипсоидной формы гемма из желтоватого халцедона, с плоской лицевой стороной (Агачкалинский могильник VIII–X вв., раскопки 1948 г.). Размер щитка 1,3 × 0,8 см,

высота 1,4 см. Камень тщательно отшлифован, строго симметричен, аккуратно просверлен. Манера резьбы — объемно-выемчатая и штриховая. На срезе изображена кисть руки со слегка раздвинутыми пальцами и отставленным большим пальцем, намеченными немного изогнутыми и прямыми линиями. В основании кисти, у запястья — две параллельных горизонтальных черточки. В поле геммы между указательным и большим пальцами помещена пятилучевая звезда, а над рукой, касаясь кончиков пальцев — дугообразная линия (полумесяц ?). По предположению М.С. Гаджиева, кисть руки может символизировать знак верховного бога зороастрийцев (Гаджиев, 1987. С. 14. Рис. 1, 3). (Рис. 3, 35).

100. Геммообразная халцедоновая бусина бочонковидной формы с сетчатой врезной поверхностью и дисковидным щитком (Верхнечирюртовский могильник, погребение 155, раскопки 1957 г.), на котором изображены с неясными знаками (Гаджиев, 1987. С. 142).

101. Халцедоновая сасанидская печать с геммой (могильник Верхняя Рутха, Северная Осетия) (Уварова, 1900. С. 245; Кузнецов, 1990. С. 253).

102. Стекланная гемма (могильник Мокрая Балка, катакомба 28) Савенко, 1993. С. 131).

103. Халцедоновая печать с неясным изображением (Дурангинский могильник, склеп 2, Дагестан, сведения М.С. Гаджиева).

104. Гемма с изображением антропоморфного нешаном (?) и подписью (Дагестан, сведения М.С. Гаджиева).

105. Одна гемма происходит из Таркинского могильника — склеп 2. Не опубликована (Дагестан, сведения М.С. Гаджиева).

106. Несколько гемм обнаружено в Агачкалинском могильнике. Две геммы из раскопок 1974 г. и одна (или больше ?). Раскопки 1980 г., не опубликованы (сведения М.С. Гаджиева).

107. Одна гемма найдена в Аркасе (Дагестан, сведения М.С. Гаджиева).

108. Четыре геммы и две заготовки происходят из Таргу (катакомбы 5, 7, 8. Не опубликованы (Дагестан сведения М.С. Гаджиева).

109. Одна гемма и заготовка геммы обнаружены в Гунибе (Дагестан), не опубликованы (сведения М.С. Гаджиева).

110. Гемма обнаружена в Кайтаге (Дагестан, сведения М.С. Гаджиева).

111. Заготовка геммы из темно-бурого халцедона (Агачкалинский могильник), по форме и размерам (размер щитка $1,2 \times 0,7$ см, высота 1,3 см) аналогична геммам из этого могильника, также тщательно отшлифована, просверлена, но лишена рисунка на щитке (Гаджиев, 1987. С. 141).

112. Небольшая заготовка геммы из гешира с плоским щитком без изображения (Верхнечирюртовский могильник, погребение 152) (Гаджиев, 1987. С. 142).

113. Заготовки из халцедона и сердолика, эллипсоидной формы с плоской лицевой поверхностью и отверстием для тесьмы (Узунталинский могильник VIII–X вв. — склепы 2, 3, Дагестан, Гаджиев, 1987. С. 143).

114. Заготовки гемм (Бежтинский могильник VIII–X вв., две — из сердолика, одна — из синего стекла. Дагестан, Гаджиев, 1987. С. 143).

115. Полусферическая заготовка геммы с узким эллипсоидным щитком; (Кугульский западный склеп № 2. Амброз, 1989. С. 110. Рис. 24, 49).

116. Полусферическая заготовка геммы с овальным щитком. Могильник Мокрая Балка, могила 122 (Амброз, 1989. С. 112. Рис. 26, 10).

117. Полусферическая заготовка геммы с круглым щитком (могильник Мокрая Балка, катакомба 119) (Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 17, 13).

118. Полусферическая заготовка геммы с овальным щитком (могильник Мокрая Балка, катакомба 58) (Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 17, 36).

Из 115 гемм и 14 заготовок у 71 экземпляра известен материал, из которого они изготовлены. При сравнении количественных показателей гемм, найденных в памятниках Дагестана и Центрального Предкавказья, несмотря на сходство наблюдаемое в типах изображений, выявляются различия в материале, из которого они изготавливались. Наиболее популярными были сердолик и халцедон. Однако их количественные соотношения прямо противоположны. В Центральном Предкавказье геммы из сердолика встречаются чаще, чем из халцедона (22 случая к 7). Наоборот, в памятниках Дагестана (без учета неопределенных гемм) халцедоновые геммы такой же частой находкой, как и из сердолика (12 случаев к 10).

Следует также отметить материалы гемм, локально фиксируемые на Северном Кавказе только на территории этих районов. Для Дагестана характерны геммы из агата (4 экз.), а на памятниках Предгорных районов Центрального Предкавказья встречаются геммы из топаза (4 экз.) и янтаря (3 экз.). Возможно, это связано с характером направлений торговых связей населения данных районов. Скорее всего, янтарь из Прибалтики поступал в Центральное Предкавказье по Балто-Донскому пути (Прокопенко, 1998). С функционированием этого пути связана находка в с. Лезгор (Северная Осетия) в XIX в. бронзовой пластины с выемчатой эмалью, происходящей из Прибалтики (Амброз, 1968. С. 13–16). По этой же дороге на Северный Кавказ поступали янтарные бусы (Лихтер, 1994. С. 116–118).

Через Дарьяльское ущелье геммы поступали в район Кавминвод, где они фиксируются в погребениях VI–VII вв. Г.Е. Афанасьев рассматривает находки резных камней в данном регионе как один из важнейших факторов, подтверждающих существование закавказско-иранского направления торговых и культурных связей населения Кисловодской котловины в V–VIII вв. (Афанасьев, 1979. С. 8). Из Кисловодской котловины или через территорию современной Балкарии (долины Чегема и Баксана), резные камни попадали в верховья Кубани (нижнеархызские находки). По Кубани, или через Ставропольскую возвышенность, геммы поступали в район Средней Кубани (ст. Спокойная; ст. Алексеевская). Отсюда путь шел на север — в район Дона и Северского Донца. С Верхнего Подонья дорога вела к Верхнему Поднепровью, в Гнездово, Верхней Волге и далее в Новгород. Здесь следует отметить уникальную для памятников Древней Руси находку сасанидского камня-инталио на Гнездовском поселении. Печать халцедоновая по форме относится к так называемым «ложным перстням» и имеет отверстие для подвешивания. На щитке печати изображены две обращенные друг к другу птицы с загнутыми короткими клювами. Птицы сидят на рогах быка. По мнению К.В. Вешнякова, данная гемма была завезена с Кавказа через Дарьяльское ущелье, затем по Дону попала в район Верхнего Поднепровья (Вешняков, 1995. С. 64–69).

На территорию Дагестана геммы попадали из Закавказья по торговому пути, проходящему вдоль западного побережья Каспийского моря. В основном все камни относятся к VI–VII вв., однако, большинство из них найдены в памятниках VIII–IX вв. (Гусев, 1992. С. 15).

Особый интерес представляет изучение функционального назначения сасанидских гемм, придаваемого символического смысла изображениями на них в иной этнокультурной среде. Имеющиеся данные позволяют говорить о применении сасанидских резных камней среди населения Дагестана и Центрального Предкавказья в роли украшений и талисманов. Часть исследованных гемм, происходящих из некрополей этих районов, была обнаружена вместе с другими украшениями, главным образом бусами. Несколько гемм из коллекции Дагестанского историко-архитектурного музея, приобретенные при сборе этнографического материала, использовались до недавнего времени как амулеты, предохраняющие от различных бед и имевшие «целебные свойства» при лечении болезней (Гаджиев, 1987. С. 150).

Полудрагоценные камни, в особенности сердолик, агат, халцедон, из которых изготовлены геммы, уже сами по себе считались обладающими магической силой у многих народов Кавказа (Чурсин, 1929. С. 233–235).

Намного сложнее вопрос о восприятии и осмыслении местным населением символики сасанидских гемм. Большинство изображаемых на сасанидских резных камнях животных широко почитались на Кавказе. Бык, конь, олень — являлись объектами культового почитания древним населением Дагестана. По мнению М.С. Гаджиева, местное население, пользовавшееся сасанидскими геммами, видело в изображениях на них объекты местных культов, а не персонажей Авесты (Гаджиев, 1987. С. 151).

Как отметил С.Н. Малахов, анализируя изображение на гемме из ст. Алексеевской, тотемистические культы быка, собаки (волка), деревьев были широко распространены в аланском язычестве, и, следовательно, сасанидская религиозно-образная система не была полностью чуждой ирано-язычным аланам: с элементами зороастризма они вполне могли познакомиться, совершая походы в Закавказье, будучи союзниками сасанидского шахиншаха. Распространение предметов сасанидской глиптики в Восточной Алании было обусловлено не только активной политикой Ирана в этом регионе Центрального Предкавказья, но и с определенной близостью аланского и иранского этнокультурных миров в раннем средневековье (Малахов, 1988. С. 47, 48).

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров, Давудов, 1996. Археологическая карта Дагестана. М.

Абрамова М.П., 1986. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Амброз А.К., 1968. Деталь восточно-балтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР // Славяне и Русь: Сборник статей к 60-летию акад. Б.А. Рыбакова. М.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Афанасьев Г.Е., 1979. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины Малокарачаевского района (вторая половина V — первая половина VIII вв.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск.

Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.

Вешняков К.В., 1995. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.

Гаджиев М.С., 1987. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала.

Гиджрати Н.И., 1979. Разведки и раскопки в Северной Осетии // АО–1978.

Гусев С.В., 1992. Экономические связи средневекового Дагестана (VI–XIV вв.). Авт. дис. ...канд. ист. наук. М.

Коробов Д.С., 1999. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М.

Кузнецов В.А., 1990. Погребения III в. из Кисловодска // СА. № 2.

Лихтер Ю.А., 1994. Бусы из могильника Мошечья Балка // БС. № 5.

Лопатин А.П., 1994. Средневековое погребение в ст. Спокойной Отрадненского района // Армавирскому государственному краеведческому музею — 90 лет. Армавир.

Максимова М.И., 1950. Геммы из некрополя Мцхеты — Самтавро (раскопки 1938–1939 гг.) // Вестник государственного музея Грузии. Вып. 16. Тбилиси.

Малахов С.Н., 1988. К истории алаано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Миллер В.Ф., 1888. Терская область // МАК. Вып. 1. М.

Прокопенко Ю.А., 1998. К вопросу о караванной торговле по северо-кавказскому-балтодонскому пути в IX–XI вв. // Региональные проблемы исторической науки. Материалы XLIII научно-методической конференции «Университетская наука — региону». Ставрополь.

Прокопенко Ю.А., 1999. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. — XI в. н.э. Ставрополь.

Пуначенкова Г.А., 1963. Мервские геммы-инталии // Труды ЮТАКЭ. Т. XII.

Рунич А.П., 1969. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. Орджоникидзе.

Рунич А.П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4.

Савенко С.Н., 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н.э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

Текеев Г.Х., 1980. Новые сведения о Нижне-Архызском городище // АО–1979 г.

Тревер К.В., 1940. Гопатшах — пастух — царь // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. II.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М.

Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. Вып. 46.

Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la region mediterraneene aux 5e-6e siecles // Evrasia Antiqua Zeitschrift fur archaologie Evrasiens. Band 5.

Zichy J., 1897. Kaukazusi es kozepzai Utazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucace et en Asie Centrale. T.II. Budapest.

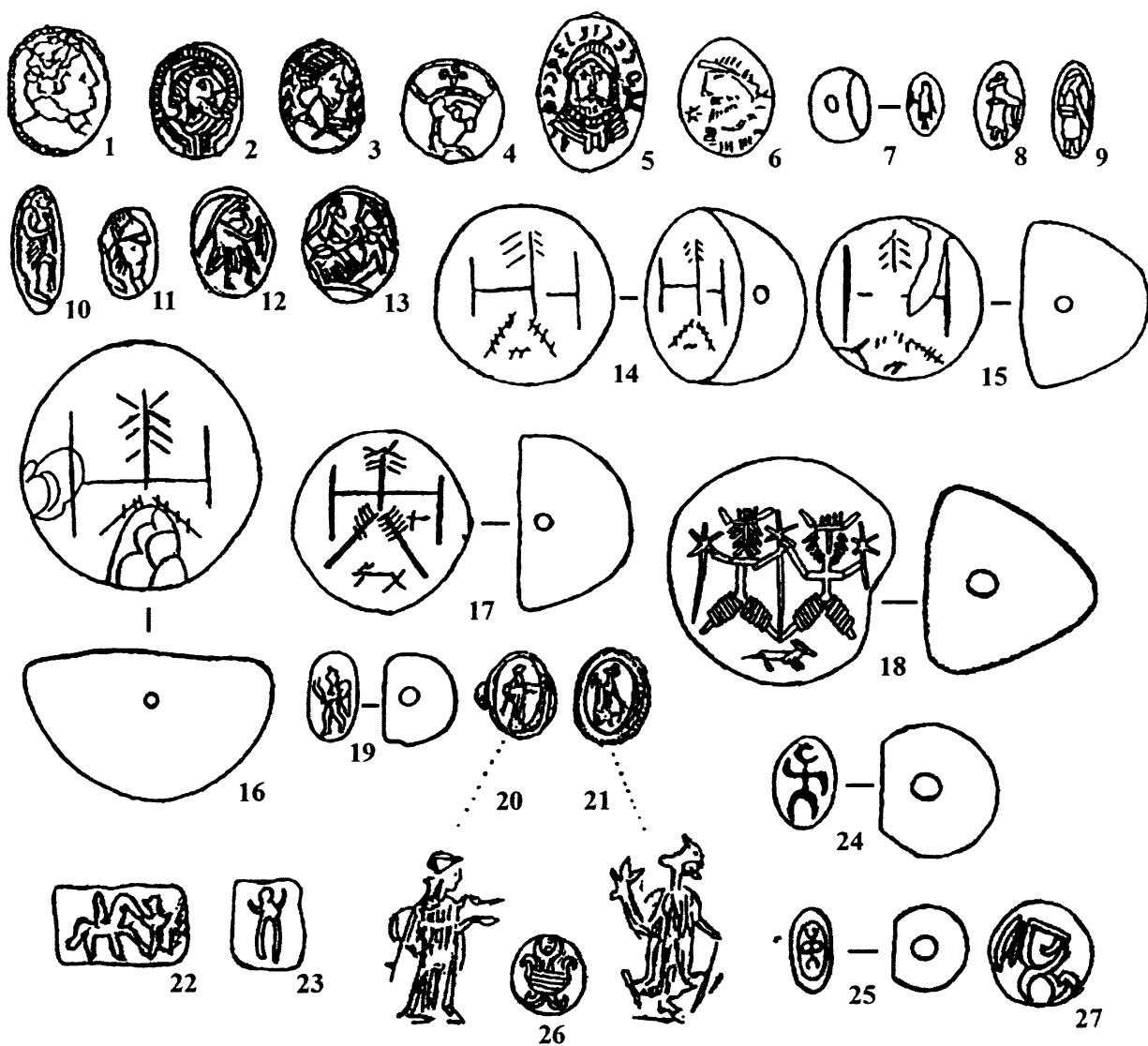

Рис. 1. 1–5, 8–13, 22, 23, 26, 27 — Камунта; 6 — с. Юхари-Стал; 7 — Бежтинский мог.; 14 — Верхнечирюртовский мог.; 15, 16 — Дагестан; 17 — Эрзи; 18 — ст. Алексеевская; 19 — Кугуль, склеп № 5; 20, 21 — долины рек Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи); 24 — Агачкалинский мог.; 25 — мог. Чми

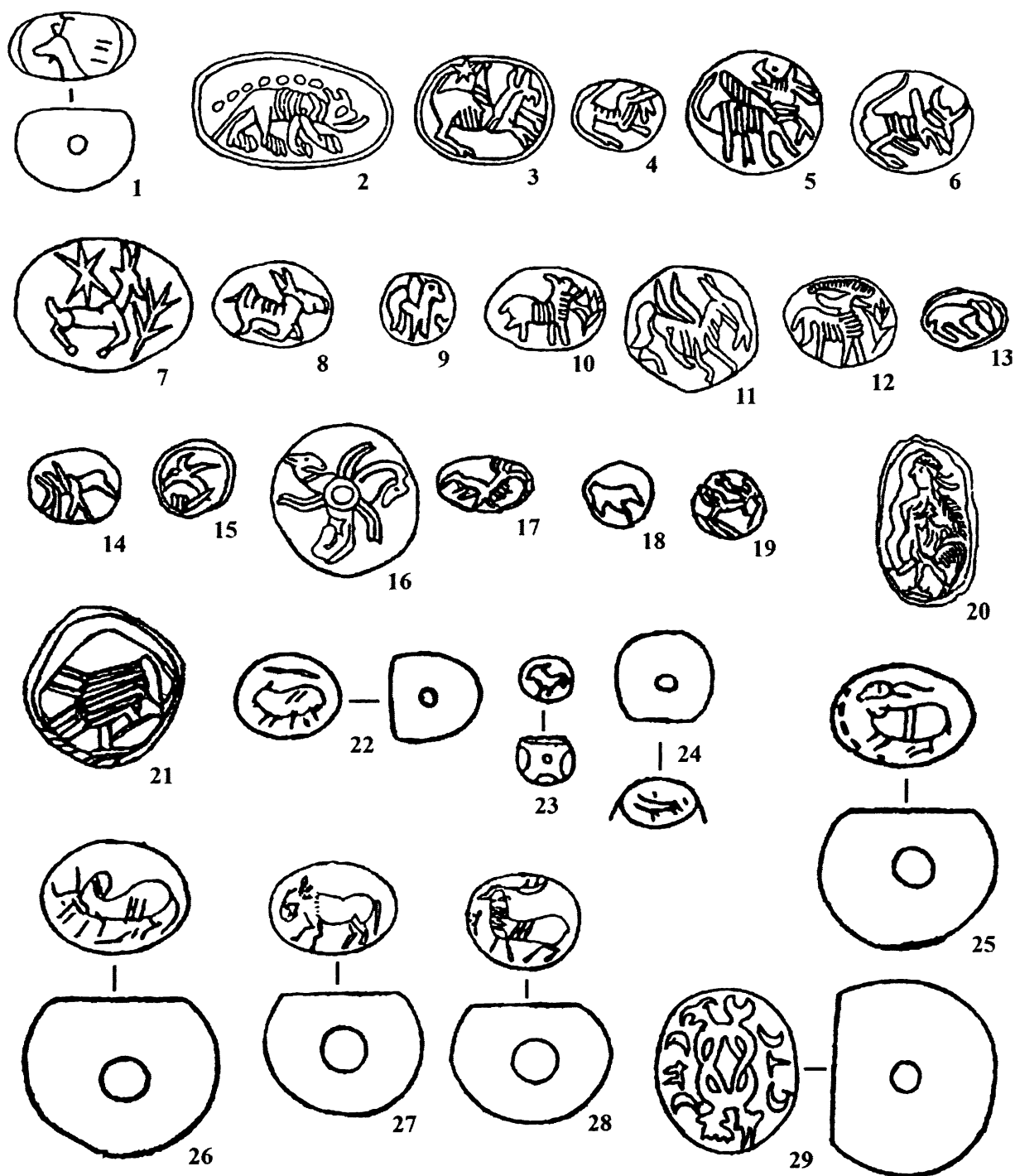

Рис. 2. 1 — Бермамытский мог., катакомба № 3; 2, 21 — мог. Чми; 3–19 — Камунта; 20 — Саниба; 22, 23 — Верхнечирюртовский мог.; 24 — Узунталинский мог., склеп 3; 25, 26 — Дагестан; 27, 28 — Акушинская катакомба; 29 — Дербент

Рис. 3. 1 — Клин-Ярский мог.; 2 — мог. Ясли; 3–5 — долина Чегема (коллекция Д.Я. Вырубова); 6–8, 14, 18–22, 28, 29, 32–34 — Камунта; 9 — Акушинская катакомба; 10 — с. Хушдада; 11 — Дагестан; 12 — Кугуль, склеп № 2; 13 — Бавтугайский мог.; 15 — Агачкалинский мог.; 17 — Урцеки; 23 — Кугуль, склеп № 2; 24 — Мокрая Балка I; 25 — курган у ст. Спокойной; 26, 27, 30, 31 — мог. Чми; 35 — Агачкалинский мог.

Рис. 4. 1 — Алексеевская; 2 — Спокойная; 3 — Нижний Архыз; 4 — Мокрая Балка; 5 — Клинь-Яр; 6 — Ясли; 7 — Бермамытский мог.; 8 — Кугуль; 9 — Чегемский округ (коллекция Д. Вырубова); 10 — район Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи); 11 — Хазнидон; 12 — Верхняя Рутха; 13 — Кмунта; 14 — Дунта; 15 — Алагир; 16 — Саниба; 17 — Чми; 18 — Эрзи; 19 — Хушдада; 20 — Бежтинский мог.; 21 — Верхний Чирюрт; 22 — Бавтугай; 23 — Узунтала; 24 — Тарки; 25 — Аркас; 26 — Агачкалинский мог.; 27 — Дуранги; 28 — Урцеки; 29 — Таргу; 30 — Акуши; 31 — Дербент; 32 — Юхари-Стал

В.Н. Чхаидзе
(ИА РАН, Москва),
Э.Р. Устаева
(ТамМК, Тамань),
В.Н. Шалобудов
(ДГУ, Днепрпетровск)

ЗОЛОТЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Находки византийских монет обычны на Тамани, поскольку на протяжении ряда столетий территория полуострова являлась пограничем империи. Исторические периоды здесь представлены монетами различного достоинства, чередуясь с нумизматически «пустыми» или «полупустыми» хронологическими отрезками: эмиссии некоторых императоров либо вообще не представлены среди нумизматических находок Таманского полуострова, либо известны в единичных экземплярах. Следует отметить, что в последние годы количество находок византийских монет и, прежде всего, отдельных кладов на территории полуострова увеличиваются (Пьянков, 2003. С. 215–222; 2004. С. 254–259; Волков, Петерс, 2003. С. 245; Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 351; Гончаров, Чхаидзе, 2005. № 7).

Особое место среди памятников Таманского полуострова занимает Таманское городище (средневековая Таматарха–Тмутаракань–Матрега). Отсюда происходит 102 средневековых монеты, большая часть византийского происхождения (в том числе, херсоно-византийские и подражания милиарисию). Данная работа вводит в научный оборот две золотые монеты Константина V Копронима (749–775) и Иоанна I Цимисхия (969–976), обнаруженные во время раскопок на городище. Таким образом, общее количество золотых византийских монет, обнаружен-

ных на городище, ныне составляет 8 экземпляров (Табл. 1).

1. Константин V Копроним (741–775). Сольд, выпуск 751–775 гг. (Рис. 1, 1). 2005 г. Случайная находка на городище. Хранение: фонды КГИАМЗ. Обрезан. Соотношение осей $\updownarrow$. Диаметр 12,5 мм. Вес 1,67 г. Тип: Толстой, 1914. С. 956, 957. №№ 33–44. Табл. 67, 33–44.

Av: Погрудное изображение впрямь Константина V и его сына Льва IV в коронах, с крестом над головами.

Rv: Погрудное изображение отца императора — Льва III в лоре, впрямь.

2. Иоанн Цимисхий (969–976). Номисма¹ (Рис. 1, 2). Обнаружена в 1983 г. на раскопе «Северный» при зачистке кладки из слоя X–XI вв. (Коровина и др., 1983. С. 6–10, 13). Шифр: ТМ83 С.XIV-XV/Кл.149. Хранение: фонды КГИАМЗ. КМ 6934. Соотношение осей $\updownarrow$. Диаметр 20 мм. Вес 4,4 г. Тип: Толстой, 1991. С. 54. № 2.

Av: +ΘΕΟΤΟС ЪΟΗΘ'ΙΩΘΕС. Погрудное изображение слева — Иоанна Цимисхия в лоре и в короне с крестом, справа — Богородицы. В левой руке Иоанн держит патриарший крест; Богородица правой рукой касается императорской короны. Ее голова окружена

¹ Выражаем искреннюю признательность А.В. Пьянкову за оказанную помощь в идентификации этой монеты.

точечным нимбом, над которыми буквы МΘ. Над головой императора, касаясь креста короны, Божественная десница с пальцами, сложенными для двуперстного благословения.

Rv: $\text{IN}\text{SXPSR}\text{EXRCNAT}\text{IH}\text{M}$. Погрудное изображение Христа-Пантократора. В левой руке придерживает у груди Евангелие, правой рукой отворачивает край хитона. Голова окружена нимбом с крестообразным делением.

Золотые византийские монеты, обнаруженные ранее и уже нашедшие отражение в научной литературе:

3. Константин V (741–775). Солид, выпуск 751–775 гг. Обрезан. 1977 г. Приобретение Таманского музея (Розов, 1987. С. 154, 155. Рис. 3). Тип: Wroth, 1908. Pl. XLIII, 23; Толстой, 1914. С. 956, 957. №№ 33–44. Табл. 67, 33–44.

4. Феофил (829–842). Солид. 1954 г. Раскоп XXVII–XXVIII («Восточный») (Кропоткин, 1962. С. 23. № 30. I. Рис. 17, 19; 1963. Рис. 1, I. Табл. 5, 18). Тип: Толстой, 1914. С. 1034. № 32. Табл. 71, 32.

5. Феофил (829–842). Солид. 1976 г. Раскоп «Нагорный». Пл. XXVII (Коровина, 1977. С. 105; Розов, 1987. С. 154. № 1. Рис. 1). Тип: Wroth, 1908. P. 420. № 7; Толстой, 1914. С. 1034. № 32. Табл. 71, 32.

6. Василий I и Константин (869–879). Солид. 1965 г. Случайная находка на городище (Зеест, 1966. С. 131. Рисунок). Тип: Wroth, 1908. Pl. L, 12; Толстой, 1914. Табл. 72, 3; 1991. С. 2, 3. № 3. Табл. 73, 3.

7. Василий II и Константин VIII (976–1025). Солид. 1950–1951 гг. Случайная находка на городище (Голенко, 1953. С. 274. Рис. 2; Кропоткин, 1962. С. 23. № 28а). Тип не определен.

8. Василий II и Константин VIII (976–1025). Солид. 1976 г. Раскоп «Нагорный». Пл. XXVII (Коровина, 1977. С. 105; Розов, 1987. С. 154. № 2. Рис. 2). Тип: Wroth, 1908. P. 484. № 1. Pl. LVI, 1; Толстой, 1991. С. 59. № 7.

Следует отметить еще один обрезанный солид Константина V, находка которого ошибочно относится к Таманскому городищу (Кропоткин, 1962. С. 22. № 27. С. 47. № 27. I. Рис. 17, 17). Между тем монета происходит из раскопок поселения Гаркуша на северном берегу Таманского залива; обнаружена в положении «обола Харона», во рту погребенного (Миллер, 1932. С. 68; Сударев, 1994. С. 115; Гурулева, 2004а. С. 432).

Находки солидов Константина V Копро-нима довольно многочисленны на территории Северного Причерноморья, прежде всего в Крыму: Херсонес, 1937 — 1 (Белова, 1953. С. 269. № 110), 1954 — 1 (обрезана) (Гилевич, 1959. С. 268. Рис. 1, 2; Гурулева, 2004а. С. 432); Курчанская, 1893 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 22. № 14); Сенная, 1928 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 22. № 17; Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 351; Круглов, 2005. С. 94); Сочи, 1937 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 22. № 23); Дурмень (Крым), 1873 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 33. № 205); Планерское, 1951 — 2 (Бабенчиков, 1953. С. 110. Рис. 36; Кропоткин, 1962. С. 34. № 212. 1, 2. Рис. 17, 9, 10; Гурулева, 2004а. С. 433); 1952 — 2 (Кропоткин, 1962. С. 34. № 213, 1, 2); 1958 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 34. № 214); Севастополь, 1949 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 34. № 217; Соколова, 1968. С. 259); Скалистое Бахчисарайского района, 1960 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 11, 34. № 219а, 1); Чуфут-Кале, 1961 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 11. № 150; 1965. С. 175. № 52 (525)); Тимирязевское Донецкой области, 1950-е гг. — 1 (Кропоткин, 1962. С. 34. № 213. 1, 2); Судак, 1980-е гг. — 12 (8 обрезаны) (Гурулева, 2004а. С. 431. Табл. I, II); Выпасное, Белгород-Днестровский район Одесской области, 1980 — 1 (Столярик, 1992. С. 93. Рис. 14, 5); Хопи, Грузия, 1940-е гг. — 1 (Кропоткин, 1965. С. 186. № 129 (584)); Алушта — 1 (Кропоткин, 1971. С. 218. № 10); Чистяково (Торез) — 1 (Тахтай, 1999. С. 164. Табл. 7; Кравченко, Шамрай, 2000. С. 74. Рис. 5, 4; Круглов, 2005. С. 93); Нетайловский могильник — 2 (Крыганов, 2001. С. 350; Круглов, 2005. С. 93); Барановка, Азовский музей — 2 (Круглов, 2005. С. 93); клад золотых солидов императоров-иконоборцев из Славянска-на-Кубани 1989 — 250 (большинство монет относится ко времени правления Константина V, более половины из них имеет граффити и, как правило, обрезаны) (Анфимов, 1990. С. 218–229; Семенов, 1993. С. 95; Semenov, 1994. P. 83–85; Гурулева, 2004а. С. 438, 439; 2004б. С. 43, 44; Круглов, 2005. С. 94). Пять обрезанных, из собраний Эрмитажа, ГИМ и ГМИИ (Гурулева, 2004а. С. 434, 435. Табл. III).

В последнее время стали известны подражания солидам Константина V, чеканенные из золота (Гурулева, 2004б. С. 44; 2005. С. 44, 45).

Значительное количество обрезанных солидов (16 экз.) объясняется В.В. Гурулевой использованием их в виде разменной монеты, имеющей хождение в восточном Крыму в VIII в. При этом обрезывание монет, вероятно, санкционировалось местными властями, а существенная разница в весе, соответствовала номиналам семисса ($\frac{1}{2}$ солида), тремисса ($\frac{1}{3}$), а также $\frac{1}{4}$ солида (местный номинал, не известный в Византии?) (Гурулева, 2004а. С. 439–441). Эти данные согласуются с наблюдением И.В. Соколовой о преобладании в восточных областях Крыма монет чекана Константинополя, что указывает на связи этой территории с империей напрямую, без посредничества Херсона. Между тем на юго-западной территории Крыма преобладают медные монеты херсонского чекана — свидетельство в пользу того, что данные области являлись зависимыми от Херсона (Соколова, 1968. С. 262).

Здесь же следует указать на обрезанные по кругу куфические монеты, происходящие с территории Таманского полуострова: три аббасидских — ал-Мансура (754–775) (Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 352. Рис. 2), ал-Амина (809–813) и неопределенный, и Абу-Даудидов — ибн-Ахмада (874–899) (Гончаров, Чхаидзе, 2005. № 1–3). Обрезывание монет наблюдается в более северных регионах — Курской, Брянской, Белгородской областях. Но там в обрезывание попадали большей частью саманидские дирхемы, которые младше таманских на 150–200 лет (Петров, Калинин, 2004. С. 181–184). Вероятно, в VIII–IX вв. на территории Восточного Крыма и Таманского полуострова монеты резались, т.е. подгонялись под какую-то местную денежную систему.

Находки золотых монет Иоанна Цимисхия сделаны в следующих пунктах (Кропоткин, 1962. Табл. 1): Херсонес — 2 (Богданова, 1991. С. 157): 1895 — 1 (Соколова, 1968. С. 256), 1908 — 1 (Репников, 1927. С. 183); Ахтанизовская, 1911, клад — 32 монеты (Кропоткин, 1962. С. 21. № 4); Гладковичи Овручского района, 1891 — 1 монета (Кропоткин, 1962. С. 31. № 150); Конка Запорожской области, до 1873, клад — ? (Кропоткин, 1962. С. 31. № 158; 1965. С. 172. № 32(158)); Белгородка, Киевской области, 1909 — 1 (Кропоткин, 1962. С. 32. № 162; Зоценко, 1991. С. 76). По мнению

С.И. Безуглова, повышенная концентрация находок золота и серебра Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна Цимисхия (969–976) на территории Северо-Западного Предкавказья, может свидетельствовать о включении региона в сферу древнерусской политической доминанты после восточного похода Святослава Игоревича (945–972). При этом клад из станции Ахтанизовской может подтверждать то, что данные эмиссии использовались в Тмутаракани в качестве монет высшего номинала, вместе с солидами Василия II и Константина VIII (976–1025) (Безуглов, 2002. С. 55, 56. Фото 6).

Как уже отмечалось, абсолютное большинство монет, найденных на Таманском городище, относятся исключительно к «византийскому культурному кругу» и суммарно датируются второй половиной VIII–XI вв. 48 из них опубликованы:

I. Восемь византийских монет: две серебряных — милиарисии Иоанна Цимисхия (969–976) (Голенко, 1961. С. 221. № 1, 2, Табл. I, 2; Кропоткин, 1962. С. 23. № 29а, 12; 30.11; Кропоткин, 1963. С. 180. № 9, 19. Рис. 1, 2, 3) и медные — одна Романа I Лакапина (919–944), одна Василия II и Константина VIII (976–1025), две анонимных (X–XI вв.), а также еще одна анонимная, относящаяся ко времени правления Константина X Дуки (1059–1067) (Кропоткин, 1962. С. 23, 47. № 27, 2а, б; 29, 4, б, 7; 1963. С. 180. № 6–9. Рис. 1, 2, 15).

II. Шестнадцать медных херсоно-византийских монет: три Василия I (867–886), по одной Василия I и Константина (869–879) и Константина VII (944–959), восемь Романа II (959–963), три Василия II и Константина VIII (976–1025) (Кропоткин, 1962. С. 23. № 29, 29а, 2, 3, 5; 30, 2–10, 12, 43; 1963. С. 178, 180. № 1–5, 20–30. Рис. 1, 14).

III. Двадцать три «варварских подражания», представленные одним серебряным и двадцатью двумя медными подражаниями милиарисию Василия II и Константина VIII (976–1025) (Голенко, 1953. С. 271, 272. № 5, 8, 9. Рис. 1, 5, 8, 9; 1961. С. 217. № 1, 5, 6, 13, 25, 30, 35, 37–39, 43, 44, 46, 50. Табл. II–IV; Кропоткин, 1962. С. 23. № 21.66, 28.1, 29а, 8–11, 13–16; 30, 14, 31; 1963. С. 178. № 10–17, 31, 32. Рис. 1, 4–13; Захаров, 2002. С. 117–119. Рис. 1–8; Устаева, Чхаидзе, 2005. С. 279).

С.И. Безугловым были выделены три этапа выпуска «варварских подражаний» в Тмутаракани: первый — многочисленные (известное количество составляет 77 экземпляров) подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII (976–1025), связывающиеся с периодом княжения в Тмутаракани Мстислава Владимировича (ок. 988–1035); второй — редкие (зафиксировано 3 экземпляра) серебряные подражания милиарисиям Константина X Дуки (1059–1067) (ранее предполагалась подражанием милиарисию Иоанна Цимисхия (969–976) времени Ростислава Владимировича (1064–1066)); третий этап характеризуется выпуском именных (5 экземпляров) серебряных монет князя Олега (Михаила) Святославича (1083–1094) (Безуглов, 2002. С. 56, 57 Рис. 1. Фото 1–3) (см. также: Крушкол, 1951. С. 259. № 1; Голенко, 1953. С. 270–272. Рис. 1, 1–9; 1961. С. 218–220. №№ 3–50а. Табл. I–IV; Шелов, 1962. С. 117. № 1088; Кропоткин, 1962. С. 16, 21–23, 32, 37, 48, № 5, 17а, 18, 18а, б, 19, 21, 89а, 3, 163, 269. Карта 13. Рис. 21, 2–11; 1965. С. 168, № 6 (21); 1967. С. 52–54; Артамонова, 1963. С. 149. Рис. 59; Добровольский, Потин, 1987. С. 142. № 256; Гилевич, 1991. С. 218, 219. Табл. I, 4–7; Сергеев, 2001. С. 85, 86. Табл. 5, 46–49).

IV. Серебряная монета, обнаруженная в 1869 г. и приписываемая тмутараканскому наместнику, князю Олегу (Михаилу) Святославичу (1083–1094) (Голенко, 1953. С. 273. Рис. 3; Кропоткин, Макарова, 1973. С. 254. № 1. Рис. 3; 4, 1; 5, 1; Молчанов, 1982. С. 251. Рис. 1). Все пять известных монет чеканены по типу византийских полумилиарисиев Михаила VII Дуки Параспинака (1071–1078) (см.: Толстой, 1991. С. 94, 95. Табл. 84, 5). Это самые редкие из всех древнерусских монет домонгольской эпохи. Все монеты чеканены разными штемпелями (Люценко, 1873. С. 190–194; Орешников, 1918. С. 12–14; 1936. С. 83–85. Табл. VI, 9; Лихачев, 1928. С. 144, 145. Рис. 67; Кропоткин, Макарова, 1973. С. 251, 254. №№ 2–4. Рис. 4, 2–4; 5, 2; Молчанов, 1982. С. 251–254; Захаров, 2002. С. 122, 123; Безуглов, 2002. С. 56, 57; Завьялов, Пьянков, 2002. С. 129, 130. Рис. 1).

Данный список должен быть дополнен 45 монетами из раскопок 1976–2001 гг. (Раскоп «Нагорный» — 5 монет, «Северный» — 19, «Перемычка» между «Северным» и «На-

горным» — 8, «Северо-Восточный» — 13). Общая датировка — конец VIII–XII вв.:

Иа. Двадцать одна византийская — два серебряных милиарисия Василия II и Константина VIII (976–1025), серебряная Алексея I Комнина (1081–1118) (см.: Толстой, 1991. С. 106), остальные медные — по одному Василия I (867–886), милиарисий Никифора II Фока (963–969), пять милиарисиев Василия II и Константина VIII (976–1025), по одному Михаила VII (1071–1078) и Иоанна II Комнина (1118–1143), две монеты Мануила I (1143–1180), семь монет определению не поддаются и суммарно датируются X–XII вв.

Па. Пятнадцать медных херсоно-византийских монет: Роман I Лакапин (920–944), Константин VII, три IV выпуск (920–944), две V выпуск (945) и две литые — Василий II и Константин VIII, I выпуск (976–988) (анalogии см.: Анохин, 1977. С. 162, 163. Табл. XXVIII, XXIX), шесть монет не определяются, их суммарная датировка (конец VIII — начало X вв.). Отдельно следует отметить монету с монограммой РО Романа IV Диогена (1068–1071). Хронология и протяженность эмиссий этих монет не установлена (Анохин, 1977. С. 128, 129; Соколова, 1983. С. 60).

Пиа. «Варварские подражания» милиарисиям Василия II и Константина VIII (976–1025) — одна серебряная и семь медных монет.

Из этого списка несколько выбивается единственная монета восточного происхождения, обнаруженная в 2002 г. на территории городища. Это золотой фатимидский динар ал-Му'изза абу ат-Тамина Му'адда 364 г.х. (974–975 гг.) (Болдырев, Чхаидзе, 2004. С. 65, 66; Гончаров, Чхаидзе, 2005. № 4).

Таким образом, данная выборка свидетельствует о том, что на протяжении VIII–XII вв. византийские монеты выступают важнейшим показателем товарно-обменных связей Таматархи–Тмутаракани–Матреги с Византийской империей, присутствие которой на полуострове при исследованиях последних лет проявляется все четче. Об этом так же свидетельствуют находки византийских монет на остальной территории Таманского полуострова. Помимо уже упоминавшихся солида Константина V с поселения Гаркуша (Кропоткин, 1962. С. 22. № 27. С. 47. № 27, 1. Рис. 17, 17), это также отмеченный клад 1911 г. из станицы Ахтанизовской, в котором встречены 50 золотых монет:

17 — Никифор II Фока (963–969), 32 — Иоанн Цимисхий (969–976), 1 — Василий II и Константин VIII (976–1025) (Кропоткин, 1962. С. 21. № 4). В 1940 г. на территории полуострова были приобретены: одна медная херсоно-византийская Василия II (976–1025) и две медные анонимные X–XI вв. монеты (Кропоткин, 1962. С. 23. № 32). Так же из Гаркушей: 1949 — бронзовая монета плохой сохранности VII–VIII вв. (Крушкол, 1958. С. 137. № 6. Рис. 4; Кропоткин, 1962. С. 21. № 11); Курчанской: 1893 — солид Льва III и Константина V (717–741) (Кропоткин, 1962. С. 22. № 14); Запорожской: 1962 — медная анонимная (Кропоткин, 1965. С. 167. № 3 (492)); Голубицкого городища: 1928 — номисма Никифора II Фоки (963–969) (Кропоткин, 1965. С. 167. № 2 (491)). Из Фанагории (Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 351): 1939 — медная в 40 нуммий, Ираклий (610–641) или Константин II (641–668); 1928 — золотой солид Константина V Копронома (741–775) или Льва IV Хазара (775–780); 1864 г. — две серебряные Василия II и Константина VIII (976–1025); до 1954 — медная анонимная Константина X Дуки и Евдокии Макремволитиссы (1059–1067) (Кропоткин, 1962. С. 22. № 16, 17, 19а, 20; Кропоткин, 1965.

С. 167. № 5 (20); Шелов, 1962. С. 119. № 945); 1950 — из низкопробного серебра, Никифора III Вотаниата (1078–1081) (Кропоткин, 1962. С. 47. № 21а; 1965. С. 167. № 4 (21а); Шелов, 1962. С. 125. № 1285; Харко, 1968. С. 98. № 95. Рис. 3, 2). Отдельно необходимо выделить происходящий с Таманского полуострова клад 1995 г. биллоновых монет (46 известных монет, охватывающих промежуток 1118–1203 гг. (Пьянков, 2003. С. 215–222. Рис. 1, 2; 2004. С. 254–258. Рис. 1).

Следует отметить, что ряд авторов, привлекающих нумизматический материал второй половины VII — первой половины X вв. для датировки поселений, склонны видеть в находках византийских монет показатель хронологических рамок салтово-маяцкой культуры в Крыму (Майко, 2005. С. 42, 43). Однако многочисленные находки византийских монет VI–XII вв. в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, в то время как эмиссии других государств здесь редки, являются не только показателем экономических связей этих территорий с Византийской империей на протяжении нескольких столетий, но и того, что большую часть времени эти территории являлись составной частью империи.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев.

Анфимов И.Н., 1990. Клад золотых монет VIII века из Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Краснодар.

Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109.

Бабенчиков В.П., 1953. Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949–1951 годов) // КСИИМК. Вып. XLIX.

Безуглов С.И., 2002. К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X–XI вв. // ДА. № 1–2.

Белова Л.Н., 1953. Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. № 34.

Богданова Н.М., 1991. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.

Болдырев С.И., Чхаидзе В.Н., 2004. Динар Фатимидов с Таманского городища // Двенадцатая ВНК. Москва 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Волков И.В., Петерс Б.Г., 2003. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Гилевич А.М., 1959. Золотые византийские монеты из Херсонеса // СА. № 1.

Гилевич А.М., 1991. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. Т. 52.

Голенко К.В., 1953. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // ВВ. Т. VII.

Голенко К.В., 1961. Новые материалы к изучению Таманских подражаний византийским монетам // ВВ. Т. XVIII.

Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н., 2005. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // МИАК. Вып. 5.

Гурулева В.В., 2004а. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Киев-Судак.

Гурулева В.В., 2004б. Новая группа византийских монет из Славянского клада // Две-

надцатая ВНК. Москва 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Гурулева В.В., 2005. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и Хазарии // Тринадцатая ВНК. Москва 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Добровольский И.Г., Потин В.М., 1987. Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика в Эрмитаже. Л.

Завьялов С.Л., Пьянков А.В., 2002. О новой находке монеты тмутараканского князя Олега-Михаила // ДА. № 3–4.

Захаров В.А., 2002. Новые публикации «варварских подражаний» из Тамани. (К проблеме денежного обращения в средневековой Тмутаракани) // От Тмуторокана до Тамани IX–XIX вв. Сб. РИО, № 4 (152). М.

Зеест И.Б., 1966. Раскопки Гермонассы // АО–1965 года.

Зоценко В.Н., 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов). Киев.

Коровина А.К., 1977. Раскопки древней Тмутаракани-Гермонассы // АО–1976 года.

Кравченко Э.А., Шамрай А.В., 2000. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // ДА. № 3–4.

Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4–4.

Кропоткин В.В., 1963. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Кропоткин В.В., 1965. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. XXVI.

Кропоткин В.В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.

Кропоткин В.В., 1971. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. Т. 32.

Кропоткин В.В., Макарова Т.И., 1973. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. № 2.

Круглов Е.В., 2005. Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии //

Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону.

Крушкол Ю.С., 1951. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. XV.

Крыганов А.В., 2001. Верхнесалтовский и Нетилловский археологические памятники салтовской культуры — остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк.

Лихачев Н.П., 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. I // Труды музея палеографии. I. Л.

Люценко Е.Е., 1873. Заметки из Керчи // «Древности». Труды Московского археологического общества. Т. III. СПб.

Майко В.В., 2005. Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // Тринадцатая ВНК. Москва. 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Миллер А.А., 1932. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. № 7/8.

Молчанов А.А., 1982. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. № 1.

Орешиников А.В., 1918. Задачи русской нумизматики древнейшего периода // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 54. Симферополь.

Орешиников А.В., 1936. Денежные знаки домонгольской Руси // Труды ГИМ. Вып. 6.

Петров П.Н., Калинин В.А., 2004. Обрезанные куфические дирхемы X в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V / Нумизматический сборник. Т. 4. М.-Н.Новгород.

Пьянков А.В., 2003. Клад византийских монет комниновского времени, найденный на Тамани в 1995 г. // МИАК. Вып. 3.

Пьянков А.В., 2004. Таманский клад 1995 г. византийских монет комниновского времени (продолжение публикации) // МИАК. Вып. 4.

Репников Н.И., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // Херсонесский сборник. Вып. II. Севастополь.

Розов В.Н., 1987. Византийские золотые монеты Таманского городища // Культура и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. Пушкина. Выпуск восьмой. М.

Семенов А.И., 1993. О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. //

Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар.

Сергеев А.Я., 2001. Варварский чекан на Тамани // Нумизматика в историческом музее. Труды ГИМ. Вып. 115.

Соколова И.В., 1968. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. Т. XXIX.

Соколова И.В., 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.

Столярик Е.С., 1992. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время (конец III — начало XIII вв.). Киев.

Сударев Н.И., 1994. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. 4.

Тахтай А.К., 1999. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г. Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. № 2. Київ.

Толстой И.И., 1914. Византийские монеты. Вып. VIII–IX. Пгг.

Толстой И.И., 1991. Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул.

Устаева Э.Р., Чхаидзе В.Н., 2005. Новая группа таманских подражаний моливдовулу Василия II и Константина VIII (976–1025) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. Краснодар.

Харко Л.П., 1968. Монетные находки из Фанагории // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. IV. М.

Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г., 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИАСК. Вып. 5.

Шелов Д.Б., 1962. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. Т. III.

Semenov A.I., 1994. New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8-th Century AD Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb.

Wroth W., 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. 2. London.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Коровина А.К., Богословский О.В., Финогенова С.И., 1983. Отчет о раскопках Тмута-

ракани-Гермонассы за 1983 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 9803.

Таблица 1. Золотые византийские монеты из раскопок Таманского городища

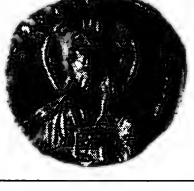
Константин V (741–775)	ТМ 1977 г. Вес 1,67 г D 12,5 мм		
Константин V (741–775)	ТМ 2005 г. Вес 1,38 г D 11 мм		
Феофил (829–842)	ТМ 1954 г. Вес 4,2 г D 19 мм		
Феофил (829–842)	ТМ 1976 г. Вес 4,09 г D 19 мм		
Василий I и Константин (869–879)	ТМ 1965 г. Вес – D –		
Иоанн I Цимисхий (969–976)	ТМ 1983 г. Вес 4,4 г. D 20 мм		
Василий II и Константин VIII (976–1025)	ТМ 1950–1951 г. Вес – D –		
Василий II и Константин VIII (976–1025)	ТМ 1976 г. Вес 4,39 г D 21,5 мм		

Рис. 1. 1 — Константин V Копроним (741–775). Выпуск 751–775 гг. Солид. 2005 г. (Хр.: КГИАМЗ); 2 — Иоанн I Цимисхий (969–976). Номисма. 1983 г. (Хр.: КГИАМЗ)

В.Н. Шалобудов
(ДГУ, Днепропетровск),
Э.Р. Устаева
(ТамМК, Тамань)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГИРЬКИ С ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Небольшие металлические гири — экзотика — довольно частая находка на поселениях античного и средневекового Боспора. Как правило, в руки специалистов они попадают без точной привязки к слою памятника — это в большинстве случаев затрудняет их атрибуцию, особенно, если сам памятник существовал значительный отрезок времени.

В статье нами рассматриваются гири с Таманского городища, полученные, как в результате археологических раскопок средневековых слоев, так и собранные в окрестностях станицы Тамань в разные годы.

Гиря № 1 найдена во время работ 1990 года на городище археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника на площади XXIX/A Северного раскопа в слое конце XIII в. (12 штык). Изготовлена она из свинца в виде аккуратного прямоугольника с четкими прямыми гранями. На всех без исключения сторонах, одним и тем же штампом, оттиснута шестиконечная звезда — могоновид (Рис. 1, 1). Размеры гири: 31 × 31 × 24 мм, вес — 27,9 г, сохранность очень хорошая.

Гиря № 2 обнаружена в центре городища на поверхности законсервированного раскопа, относящегося к хазарскому периоду существования памятника (VIII–IX вв.). Изделие бронзовое в форме 14-гранного бо-

чонка с тщательно заглаженными сторонами и плавно скругленными гранями. На одном торце крестообразный пропил (Рис. 1, 2). Высота гири 18 мм, сечение 14 × 18 мм, вес — 28,6 г, сохранность хорошая. Поверхность покрыта тонким слоем благородной зеленой патины без следов коррозии.

Гиря № 3 найдена на площади XXXV в полевой сезон 2002 года при разборке мусорной ямы турецкого периода XVI — начала XVII вв. на глубине 1 м от ее края. Изготовлена из бронзы в виде семигранного в сечении цилиндра. На одной из сторон три углубления, расположенные треугольником — знак кратности (Рис. 1, 3). Высота гири 10 мм, в сечении 12 × 12 мм, вес — 9,4 г. Сохранность хорошая.

Гиря № 4 была найдена случайно в осыпи берегового обрыва в 80-х годах прошлого века и сейчас находится в частной коллекции¹.

Изготовлена она из свинца в виде сплюнутой с двух сторон сферы. На одной из сторон оттиснут могоновид, на другой крестообразно прочерчены 4 линии (Рис. 1, 4). Высота — 10 мм, диаметр — 20 мм, вес — 28,96 г. Поверхность гири покрыта светло-серой патиной.

---

¹ Авторы приносят благодарность Ю.В. Рабочему, предоставившему гири для исследования.

В публикации авторы посчитали важным упомянуть еще три бронзовые гири — экзагии, поднятые в разное время местными жителями на своих огородах в окрестностях городища. По форме все они 14-гранные и могут смело считаться средневековыми. Поводом для введения этих экзагий в научный оборот послужили знаки кратности, имеющиеся на каждой из них.

Гиря № 5, размерами $12,5 \times 12,5 \times 12$ мм, несет на одной из сторон 5 крестообразно расположенных точек инструктированных серебром. (Рис. 1, 5). Вес изделия — 14,96 г, сохранность хорошая.

Гиря № 6, аналогичная предыдущей, размерами $10 \times 10 \times 10$ мм, на одной из сторон высверлены 3 точки, расположенные треугольником (Рис. 1, 6). Вес — 9,37 г; сохранность хорошая.

Гиря № 7 отличается только размерами — $9 \times 9 \times 8,5$ мм. Знак кратности в виде двух колечек нанесен на одной из сторон (Рис. 1, 7). Вес — 6,26 г, сохранность хорошая.

Вслед за Л.И. Чуистой мы считаем, что: «...общая для античных и средневековых гирь черта — это их органическая связь с монетными системами своей эпохи. Монета и гиря это две стороны монетно-весовой системы центра» (Чуистова, 1962. С. 137).

Поэтому, предприняв попытку датировать рассматриваемые гири, исходим из того, что мелкие разновесы — экзагии, начиная с античности, использовались в первую очередь для проверки веса монет из драгоценных металлов. В связи с этим обратимся к весовым нормам монет, имевших хождение в разное время в Северном Причерноморье.

Вся подборка имеющихся в нашем распоряжении экзагий распадается на две категории. К первой относим гири № 1, 2, 4 с весом в 27,9; 28,6; 28,96 г. Свинцовые гири из этой выборки дополнительно объединяет и общий знак — могоендовид.

Гиря № 1 с весом 27,9 г утратила часть своего первоначального веса при удалении с ее поверхности окислов.

Гиря № 4 с весом 28,96 г должна весить первоначально немного меньше. Вес

ее увеличен за счет слоя патины на поверхности.

Гиря № 2 с весом в 28,6 г, как наименьше подвергшаяся коррозии, может считаться эталоном в рассмотренной группе. Все три гири можно с большой долей вероятности отнести к одному весовому нормативу. Мы не находим ему соответствия в Римской и Византийской весовых системах. (Чуистова, 1962. С. 77–126). Подобные нормы отсутствуют и на Руси второй половины X — первой половины XIII вв. (Янин, 1956. С. 141–180).

Обратившись к восточным монетно-весовым нормативам, видим, что в VIII–X вв. канонический весовой дирхем был равен 2,8665 г (Мухамадиев, 1983. С. 28). Это дает нам право предположить, что бронзовая гиря с весом в 28,6 г равна десяти весовым дирхемам этого периода. К этому нормативу тяготеют и рассматриваемые свинцовые гири. В таком случае и датировка всех трех экзагий должна ограничиваться временем VIII–XII вв., т.е. включая безмонетный период (Мухамадиев, 1983. С. 28, 29).

На Таманском городище этими гирями могли пользоваться вплоть до смены весовых норм, происходивших под золотоордынским влиянием с XIII века.

Во вторую весовую категорию попадают все бронзовые экзагии со знаками кратности. Однако тут можно заметить разницу в их весовых нормах. Гиря № 5 с весом 14,96 г дает единицу веса — 2,992 г, что практически точно соответствует весовому дирхему из мискаля — 4,26 г, известному с VI в. (Янин, 1956. С. 114).

Гири №№ 3 и 6 с весами 9,4 и 9,37 г, несущие по три точки, дают нам единицу веса в 3,133 и 3,123 г, что равно весовому дирхему — 3,12 г из мискаля в 4,464 г, получившему широкое распространение в золотоордынское время — XII–XV вв. (Мухамадиев, 1983. С. 30).

И, наконец, гиря № 7 весом — 6,26 г также дает единицу веса в 3,13 г, что позволяет объединить ее в один весовой набор с гирями №№ 3 и 6, датируя золотоордынским временем.

Таким образом, все семь экзагий, несомненно, средневековые. Гири №№ 1, 2, 4

и, возможно, № 5 датируются по весовым нормативам VIII–X вв. Использовались для взвешивания монет из драгоценных металлов, как правило — куфических дирхемов. В безмонетный период X–XII вв. и позже могли применяться и в аптекарском деле. Гирьки

№№ 3, 6, 7 с единицей веса в 3,13 г более поздние и датируются XII–XV вв. Появившись в золотоордынское время они могли использоваться и во время крымско-османского господства на Таманском полуострове вплоть до XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.

Чуистова Л.М., 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье //

Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М.

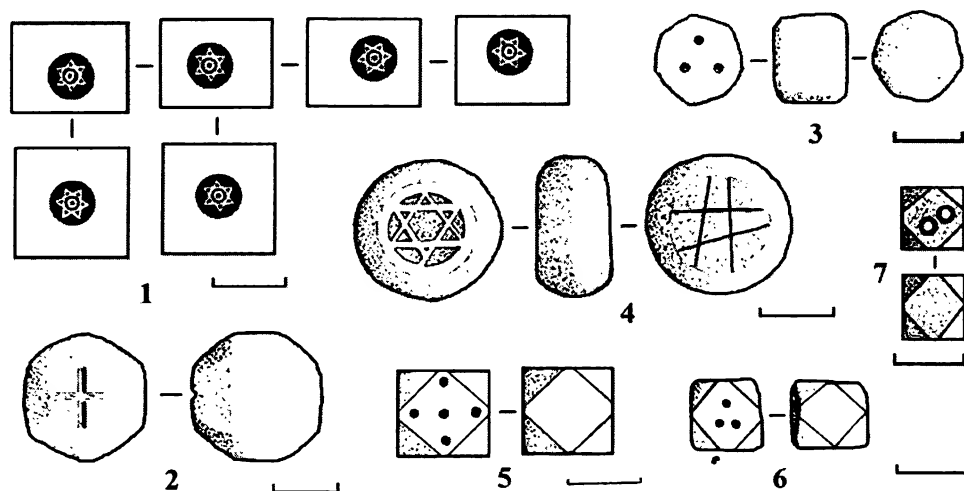

Рис. 1 Гирьки с Таманского городища: 1 — гирька с площади XXIX/A; 2 — гирька из подъемного материала; 3 — гирька из мусорной ямы XVI — нач. XVII в.; 4 — гирька с берега; 5–7 — гирьки, найденные на огородах

В.Н. Чхаидзе
(ИА РАН, Москва)

ВЫСОКОГОРЛЫЕ КУВШИНЫ С ПЛОСКИМИ РУЧКАМИ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Средневековые слои городища Фанагории, мощностью около двух метров, прослеженные на территории нижнего плато, продолжают оставаться слабо изученными, несмотря на многолетние исследования этого важнейшего памятника. В последние годы в данном направлении наметился существенный сдвиг — появляются работы обобщающего характера, в научный оборот вводится разнообразный материал, прежде всего керамический (Атавин, 1992. С. 173–191. Рис. 1–17. Табл. 1–3; 1993. С. 149–171. Рис. 1–10. Табл. 1, 2; Плетнева, 1999. С. 145–149. Рис. 102, 103; 2003б. С. 179–183. Табл. 71; Флёров, 2001. С. 162, 166. Рис. 2, 5, 11; 3, 16; 8, 45–47; Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 348–358. Рис. 1–3; Чхаидзе, 2005а. С. 437–458. Рис. 1–8; 2006а. С. 55, 58–60. Рис. 2, 3, 8–11). В данной связи, большой интерес представляет тарная керамика, происходящая из слоев города, являвшегося крупным торговым центром.

В настоящей работе анализируется материал из раскопок Фанагории 1948–1994 гг., с раскопок: «Северный город» (1948, 1954 гг. — М.М. Кобылина), «Западный» (1954 г. — В.В. Кропоткин), «Центральный» (1968 г. — С.А. Плетнева, А.К. Зайцев), «Юго-Западный» (1973 г. — М.М. Кобылина), «Верхний город» (1980 г. — В.С. Долгоруков), «Береговой Стратиграфический» (1982–1985 гг. — А.Г. Атавин), «Берег» (1989 г. — А.А. Завойкин, А.Г. Ата-

вин), «Береговой» (1994–1995 гг. — В.Д. Кузнецов, Ю.В. Горлов), «Верхний город» (1995 г. — В.Д. Кузнецов) (Рис. 1).

Традиционно считается, что в Фанагории фрагменты кувшинов с плоскими ручками встречаются крайне редко — в основном это ранние разновидности — с раздутым туловом и коротким горлом) (Кропоткин, 1957. С. 37; Плетнева, 1999. С. 147), в отличие от расположенного в 20 км западнее Таманского городища, где обломки этих сосудов в слоях VII–XII вв. составляют 50% всей керамики (Плетнева, 1963. С. 52; 2003а. С. 175. Табл. 67, 40–42).

Из раскопок Фанагории известна публикация лишь одного кувшина с отбитым горлом (Рис. 2, 1), обнаруженного в 1973 г. на «Юго-Западном» раскопе возле средневекового фундамента вместе с двумя амфорами. Комплекс неверно датирован второй половиной IV в. (Кобылина, 1978. С. 32, 34. Рис. 2, 2–4). Датировка первой амфоры — вторая половина VI — вторая половина IX в.; второй — вторая половина VII — первые десятилетия XI в. (Чхаидзе, 2005а. Рис. 6, 3; 7, 3). Второй сосуд, так же с отбитым горлом был случайно обнаружен в 1970 г. на городище Фанагории. К сожалению, сохранилось только его изображение (Рис. 2, 2).

Интересно отметить погребение VIII–IX вв., выявленное во время раскопок 1968 г. среди развалин средневековых построек на «Цент-

ральном» раскопе (кв. VI/п.1). Здесь в ногах погребенного мужчины стоял кувшин, от которого сохранилось около 50 обломков (Зайцев 1968. С. 29; Атавин, 1986. С. 264).

Всего нами было рассмотрено 52 фрагмента (2 фрагментированных тулова, 4 горловины, 17 венчиков, 17 ручек, 12 доньев), происходящих из раскопок (Рис. 2, 3). Следует отметить, что в отчетных данных сведения о находках фрагментов присутствуют чрезвычайно редко. Так, на раскопе «Центральный» (кв. XXI/я.1) зафиксированы два венчика (Плетнева, 1968. С. 43) (Рис. 2, 11, 12). Отмечается, что на раскопе «Береговой стратиграфический» 1982–1985 гг. фрагменты кувшинов единичны (Атавин, 1982. С. 18. Табл. III) — нами рассмотрены 26 фрагментов из коллекции керамики этих раскопок. Количество фрагментов кувшинов с раскопа 1989 г. «Берег» составляет 490 фрагментов (Завойкин, Атавин, 1989. С. 6, 8, 10, 13, 16, 19. Табл. I–VIII). Нами рассмотрены лишь 4 фрагмента.

Метрические характеристики фрагментов кувшинов приведены в таблице.

Так называемые красноглиняные «черносмоленные» кувшины «тмутараканского» типа всегда находят свое место в различных типологических построениях среди средневековых амфор (Якобсон, 1951. Рис. 10, 29–32; 1979. Рис. 14, 1–4; 43, 8–10; Плетнева, 1959. Рис. 51; Антонова и др., 1971. Тип XX; Романчук и др., 1995. Класс 41; Sazanov, 1997. Туре 44; Коваль, 1999. Рис. 2, 10, 11). В I херсонесской классификации эти кувшины были названы «кувшинами-амфорами» (Антонова и др., 1971. С. 91, 92). Это неточное определение вошло в обиход и было воспринято другими исследователями (Романчук и др., 1995. С. 63; Коваль, 1999. С. 248; Зеленко, 1999б. С. 224; 2001. С. 84), хотя бытует и название, связанное с формой сосудов — высокогорлые кувшины с плоскими ручками (ВКПР), что наиболее точно отражает их форму. Таким образом, данную группу сосудов можно лишь условно именовать кувшинами «тмутараканского» типа, гораздо более подходит другое определение «кувшины тарного типа». Неточное название «тмутараканские» сохранялось длительное время после выхода в свет работы С.А. Плетневой, подробно описавшей их по материалам Таманского городища (Плетнева,

1963. С. 52–59). Ею отмечено, что, возможно, именно с Таманским городищем (средневековая Таматарха-Тмутаракань) связано производство этих «кувшинов с плоскими ручками». Локализация такого центра в Фанагории исключается, так как в начале X в. крупный торговый город, наряду с прилежавшими неукрепленными степными поселениями, уже был заброшен (Кропоткин, 1957. С. 38). Причинами тому могли послужить как неблагоприятные природные факторы (Атавин, 1987. С. 32, 34), так и угроза натиска печенегов (Плетнева, 1981б. С. 15; 1997. С. 48; 2003б. С. 183) или венгров (Цукерман, 1998. С. 685, 686). По мнению Д.И. Даньшина, это событие можно датировать временем около 913 г. (Даньшин, 1993. С. 72). Традиционно считается, что впоследствии город не возрождался, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний о нем в средневековых письменных источниках, однако археологические данные позволяют утверждать о существовании на территории Фанагории небольшого поселка X–XI вв. и в более позднее время (Кропоткин, 1957. С. 38; Чхаидзе, Атавин, 2005. С. 353). Об этом же свидетельствуют материалы из раскопок средневекового поселения на месте античных Кеп, находившегося в непосредственной близости от Фанагории (Чхаидзе, 2006б. С. 499).

Предположение о производстве высокогорлых кувшинов с плоскими ручками в Херсоне было высказано в 1971 г. (Антонова и др., 1971. С. 92) и повторено в 1976 г. (Романчук, 1976. С. 28). Между тем наличие большого количества этой керамики в Херсонесе говорит об активизации постоянных торговых контактов с Таманским полуостровом — наиболее вероятной зоной их производства. Вместе с тем следует отметить, что в районе Таманского городища, несмотря на массовость этих кувшинов и их преобладание над амфорным материалом, до сих пор не удалось обнаружить остатков ни одной гончарной мастерской (Плетнева, 1999. С. 142). Центр производства мог находиться и сразу в нескольких местах (Якобсон, 1979. С. 33), одним из которых могли быть и мастерские, раскопанные у Саркела — Белой Вежи (Плетнева, 1959. С. 249–251. Рис. 33, 2–4) (см.: Герцен, Науменко, 2001. С. 135).

Границы бытования высокогорлых кувшинов с плоскими ручками длительное время

представлялись существенно различными. Источником для датировки нижней границы стала работа С.А. Плетневой, посвященная исследованию керамики Таманского городища (Сазанов, 1994. С. 44), где общая дата кувшинов устанавливалась в пределах VIII–XI вв. (Плетнева, 1963. С. 54). Суммированные материалы Северного Причерноморья были датированы IX — началом XI вв. (Якобсон, 1951. С. 337, 338; 1970. С. 41, 42; 1979. С. 32, 33, 75, 78; Паршина, 1974. С. 64). По материалам *Херсонеса*: IX–X вв. (Якобсон, 1959. С. 310) и конец VIII — начало XII вв. (Антонова и др., 1971. С. 91, 92). В *Саркеле*: IX–XI вв. (отмечалось, что ранний тип может датироваться концом VIII — началом IX вв.) (Плетнева, 1959. С. 249, 260. Рис. 33, 34; 1967. С. 133). В 1981 г. С.А. Плетневой была предложена датировка: конец IX — конец XI вв. (Плетнева, 1981а. С. 74), на основании корректировки даты словес с кувшинами многослойного памятника Саркел, где количество фрагментов составляет 60% всей керамики (Плетнева, 2000. С. 92). Подобным образом была проведена работа на поселениях Крыма (в частности Баклы, *Херсонеса*, Керчи), а стратиграфические колонки Таманского городища и Саркела были скорректированы А.В. Сазановым. Нижняя граница таких кувшинов в итоге представлена как середина — вторая половина (последняя треть) IX в., а в качестве верхней даты рассматривается конец XI — начало — первые десятилетия XII в. (Баранов, 1990. С. 23, 24; Сазанов, 1994. С. 45–47; 1998. С. 55; 2001. С. 232–239; Романчук и др., 1995. С. 63; Sazanov, 1996. Р. 191, 192; 1997. Р. 97. Tab. 1, 44; Науменко, 1997. С. 335; Рыжов, Седикова, 1999. С. 319; Зинько, Пономарев, 1999. С. 197; 2001. С. 155; Айбабин, 2000. С. 173; Занкин, 2001. С. 46; Герцен, Науменко, 2001. С. 136, 138; Сазанов, Могаричев, 2002. С. 485; Чхаидзе, 2003. С. 373).

Вместе с тем следует отметить, что нижняя граница бытования этих сосудов может быть существенно удревнена за счет изучения материалов из раскопок Таманского городища. Так, по мнению исследователей средневековых слоев памятника, этот тип сосуда появляется на городище одновременно с новыми строительными традициями в VII в. и связывается с приходом сюда протоболгар (Коровина, 1978. С. 30; Богословская, Бого-

словский, 1992. С. 10, 11). А.В. Сазановым были изучены лишь материалы нескольких участков раскопок 50-х гг. XX в. (Сазанов, 1994. С. 47), между тем как громадный массив материала (более 30 целых сосудов и несколько десятков тысяч фрагментов) из раскопок, продолжающихся с 1965 г., еще только ожидает своей публикации. Здесь же важно отметить, что в 2004–2005 гг. было исследовано поселение, расположенное на вершине горы Зеленской, в 7 км от Тамани (Шишлов и др., 2005. С. 326, 327). Культурный слой поселения датируется первой половиной XI — XII вв., однако среди керамического материала фрагменты рассматриваемых кувшинов полностью отсутствуют, что позволяет поставить под сомнение вопрос о верхней дате бытования кувшинов, как окончательно установленной.

По мнению С.А. Плетневой, высокогорные кувшины с плоскими ручками ведут свое происхождение от обычных средневековых амфор: «убрали одну ручку, удлинени горло в подражание некоторым лощеным кувшинам, сделали тулово более стройным» (Плетнева, 1963. С. 54). В подтверждение этого тезиса Т.И. Макарова, по материалам открытого при раскопках в Керчи врытого в землю пифоса, датированного серединой IX в. и наполненного мелкими черепками остродонных амфор VI–VII вв., а также рассматриваемых кувшинов, предположила наличие генетической связи между амфорами и кувшинами. Таким образом, на основании схожести состава глины и наличию смоления внутренней части фрагментов, была предложена переходная форма кувшинов — с острыми днищами, изготавливавшихся в VIII — начале IX вв. (Макарова, 1964. С. 8–11. Рис. 42; 1991. С. 129; 1998. С. 356, 358; 2003а. С. 53. Табл. 45). Однако сосуды такой необычной формы не зафиксированы ни на одном памятнике, фрагменты же, обнаруженные в пифосе, не собираются в целые формы, а донья амфор, по-видимому, являются примесью более раннего материала из нижележащего слоя (Сазанов, Могаричев, 2002. С. 485).

Необходимо обратить внимание и на то, что сосуды подобной формы известны по памятникам из Болгарии. Основное их отличие — поверхность покрыта разноцветной глазурью:

темно-зеленой, светло-желтой с различными оттенками. Датировка установлена в пределах X–XI вв. (Чангова, 1957. С. 254–256. Табл. VIII, IX; 1959а. С. 137. Обр. 123, 4; Плетнева, 1963. С. 58; Дончева-Петкова, 1977. С. 89–92. Обр. 25. Табл. XXVI; 1991. С. 178. Обр. 4, 2; 2005. С. 9. Рис. 9–11; 14, 11, 12). Этот факт, возможно, указывает на происхождение данной формы, появившейся вне зависимости от развития амфорной тары как следствие этнокультурных контактов. Следует обратить внимание и на возможность их родства с небольшими амфороидными кувшинами VIII–XI вв., плоскодонными, имеющими две ручки и горло раструбом, на тулове которых иногда присутствует рифление. Подобные кувшины встречаются при раскопках в Болгарии и Румынии (Чангова, 1957. С. 255. Табл. X; 1959б. С. 254. Обр. 4, 8; Дончева-Петкова, 1977. С. 82–85. Тип VII. Обр. 22; 2005. С. 9. Рис. 12; 13; 14, 15–17; Comsa, 1978. Pl. 84–91. Fig. 82, 83, 85, 86). Также возможно, что в более позднее время болгарские кувшины видоизменяются, либо им родственны так называемые «сербские амфоры» — плоскодонные двуручные сосуды, датирующиеся XIV–XV вв., встреченные при раскопках в Скопье и Прилепе (Македония) (Bajalovic, 1981. Pl. 53, 54. Tab. XIV, 1–4).

Высокогорлые кувшины с плоской ручкой — сосуды вытянутых пропорций с удлиненным горлом и небольшим, слабо выраженным венчиком. По плечикам и горлу иногда проведены одна или две бороздки линейного орнамента. Их характерная особенность — плоские и широкие ручки (в основном одна, реже две, что и напоминает амфору). Первоначально было выделено два варианта этих сосудов, следующих по времени один за другим (Плетнева, 1963. С. 54; Якобсон, 1979. С. 33). Впоследствии «по характеру глиняного теста и соотношению размеров отдельных частей с толщиной стенок» выделялось четыре их варианта (Антонова и др., 1971. С. 92. Рис. 20, 20а, 21, 21а), или же «в зависимости от профилировки венчиков» — три типа с двумя вариантами (Романчук и др., 1995. С. 63–66. Табл. 30–32, № 135–143). На основании типобразующей формы венчика (по материалам из раскопок Цистерны 2 «Базилики 1989 г.» в Херсонесе) выделено семь типов и три подтипа

этих кувшинов (Сазанов, 2001. С. 230–239. Табл. 3. Рис. 1–9). По материалам Таманского городища — выделяется восемь хронологических видов кувшинов.

Средняя высота кувшинов — 48–53 (65) см, наибольший диаметр тулова — 16–21 см, диаметр венчика — 8–10 мм, диаметр дна — 10–12 см, объем — 6–8 литров. Изготовлены из красно-коричневой или краснокирпичной глины с включениями известняка и железистых минералов, тесто плотное и слабо слоистое, снаружи присутствует красноватый ангоб. Изнутри 80% подобных кувшинов покрыты тонким слоем черного смолистого вещества (Ляпушкин, 1941. С. 207; Плетнева, 1959. С. 249; 1963. С. 52; Антонова и др., 1971. С. 92; Романчук и др., 1995. С. 63). Объем составляет около 6 литров (более точно, от 5,67 до 6,20 л) (Барабанова, Платонов, 1979 С. 133. Рис. 2, 11, 13).

Исследование смолистого вещества на внутренних стенках, помогло сделать вывод о перевозке и хранении в данных кувшинах минерального сырья и прежде всего нефти, характерной для некоторых месторождений Причерноморья. Так, К.В. Кострин, ссылаясь на сообщения Константина VII Багрянородного из Ипатьевской летописи и В.Н. Татищева, отмечает: «...в эпоху средневековья Тмутаракань была центром добычи и торговли нефтью... нефть употреблялась и хранилась в больших количествах, не только для местного потребления, но и для вывоза. Для хранения и транспорта нефти требовалось много тары — амфор и кувшинов. Недолговечность, относительная непрочность керамических сосудов также обуславливала необходимость их изготовления в больших количествах. Этим обстоятельством и объясняется многочисленность обломков “черносмоленых” кувшинов, обнаруженных при раскопках Тмутаракани» (Кострин, 1967. С. 287–289).

Подобный анализ был проведен с амфорами, обнаруженными в 1895 г. близ станции Пролетарской. Автор исследования высказал предположение о нефти, находящейся в амфорах, как добытой на Керченском полуострове и о транспортировке ее на Кавказское побережье Черного моря и в степи Нижнего Дона (Кострин, 1965. С. 291–293). Следует от-

метить, что, изучая содержимое кувшинов, исследователь опирался исключительно на данные письменных источников, «лишь косвенно подтверждающие данные анализа», не располагая результатами необходимых анализов современной Таманской нефти. Между тем как в случае с обнаруженными у ст. Сеной тремя амфорами, заполненными нефтью, приводятся данные о наибольшем сходстве нефти из амфор с нефтью Керченского, а не Таманского производства (Анфимов, 1953. С. 153). Таким образом, основываясь на этих данных, нет оснований окончательно утверждать о производстве кувшинов с плоскими ручками именно на Таманском полуострове, о чем уверенно высказывается ряд исследователей (Розенфельдт, 1997. С. 36). Как свидетельствуют данные письменных источников, нефть действительно добывалась в древности на Керченском и Таманском полуостровах, где и разливалась в специальные сосуды для транспортировки. Возможно гончарные мастерские, изготавливавшие подобные сосуды, находились где-то поблизости, однако вплоть до обнаружения этих мастерских с наличием керамического брака, подобные построения следует считать умозрительными. Между тем, если принять тезис о перевозке именно нефти в высокогорных кувшинах, и их непосредственную связь с Таманским городищем, то это прежде всего должно свидетельствовать о наличии широких торговых связей с Византией, в которой нефть была жизненно необходима для изготовления «греческого огня» (Литаврин, 1972. С. 39, 40).

Однако мы считаем, что нет оснований называть кувшины с плоской ручкой, сосудами, предназначенными исключительно для транспортировки нефти, тем более что результаты химического анализа смолистого вещества (в отличие от обнаруженной в амфорах нефти) не указывают со всей определенностью на то, что это нефть. Здесь не следует забывать о процессе смоления амфор, для достижения водонепроницаемости, известном с античности и, несомненно, бытующем в средневековье. Так, анализ, проведенный в лаборатории ИИМК АН СССР показал, что данное смолистое вещество имеет сходные признаки со смолой, выте-

кающей из хвойных деревьев (Ляпушкин, 1941. С. 207). Иными словами, смолиться были должны любые тарные сосуды, предназначенные для длительной транспортировки и хранения жидких продуктов. Также данные кувшины могли использоваться и для перевозки других продуктов помимо собственно нефти.

Вместе с тем рассматриваемые кувшины использовались и вторично. Об этом позволяет судить погребение кочевника у с. Субботицы (Знаменский район Кировоградской области). Здесь, в изголовье погребенного, помимо прочих предметов погребального инвентаря, находился кувшин с отбитым горлом. Судя по затертости излома, в могилу он попал не сразу после поломки (Бокий, Плетнева, 1988. С. 101, 111. Рис. 2, 5). Выше упоминалось погребение из Фанагории, где в ногах погребенного стоял кувшин, от которого сохранилось 50 обломков (Атавин, 1986. С. 264). Кувшин с отбитым горлом использовался в качестве предмета погребального инвентаря в кургане № 5 I Белогорского могильника Воронежской области (Винников, 1984. С. 76. Рис. 23, 5).

Из раскопок Таманского городища и Саркела известны граффити на высокогорных кувшинах. Из Тамани — 5 фрагментов (Флёрова, 1997. Табл. XVIII Б, 1–5). Наиболее интересен полностью сохранившийся кувшин, на котором присутствуют цифровые записи, что, указывает на торговые операции, исчисляемые при помощи такой стандартной тары как этот кувшин (Рыбаков, 1963. С. 57; Медынцева, 1998. С. 178–182. Рис. 11, 12; 2000. С. 240, 243. Рис. 66; Плетнева, 2003а. С. 179. Табл. 70, 1–3). В Саркеле — 14 граффити (Флёрова, 1997. Табл. XVI Б, 1–14). Две надписи-граффити прочтению не поддаются (Артамонов, 1952. С. 60. Рис. 14). Так же отмечаются находки пряслиц из стенок таких кувшинов (Левенок, 1959. С. 340. Табл. II, 1–7).

Вызывает интерес и то обстоятельство, что найденные целые формы кувшинов, зачастую с отколотыми горловинами. Вместе с тем в слоях Таманского городища обычны находки целых отколотых горловин. Вероятно горловины, запечатанные твердым органическим составом, отбивались специ-

ально, когда было необходимо извлечь содержимое.

Высокогорные кувшины с плоской ручкой имеют широкий ареал распространения наряду с амфорами, их находки известны на 85 археологических памятниках (Рис. 4–6).

Таманский полуостров (Рис. 4, 1–24): Таманское городище (Ляпушкин, 1941. С. 208, 210. Табл. III, 5; Плетнева, 1963. С. 52–59. Рис. 34, 3–5; 35, 1–4; 1967. С. 133. Рис. 33, 3, 4; 1999. С. 142. Рис. 101; 2001. С. 24, 26. Рис. 4; 2003а. С. 175. Табл. 67, 40–42; 70, 1–3; Богословская, Богословский, 1992. С. 10, 11; Сазанов, 1994. С. 47); Ильичевское городище (Сокольский, 1964. С. 102; 1967. С. 84; Николаева, 1985. С. 25; 1988. С. 4. Рис. 85, ж; 1989. С. 20. Рис. 90; 1992. С. 9, 16; Николаева, Устаева, 1993. С. 12; Гавритухин, Паромов, 2003. Табл. 61, 8); поселение Гаркуша (Башкиров, 1949. Рис. 19–22; 1957. Табл. 92; Сокольский, 1968. С. 103; 1970. С. 79; Таскаев, 1996. С. 3, 7; 2000. С. 22); Голубицкое городище (Десятчиков, 1977. С. 9; Богословский 1990. С. 3. Табл. 9, 1, № 3, 4; 39, 1, № 1; 66, 5, № 3, 4; 80, 1, № 6, 8–10; 1991. С. 4, 5. Табл. 10); городище Кепы (Сокольский, 1961. С. 63; 1966. С. 140); участок дна у мыса Тузла (Кондрашев, 1999. С. 6, 7, 9. Илл. 9, 10, 19, 20). Поселения: Гаркуша 3, Волна Революции 5, Сеной 3, Солёный 1, 2, Ахтанизовская 3, 6, Тамань 10, Таманский 7, Веселовка 1, Виноградный 1, 3, 12, Старотитаровская 5, 9, Красный Октябрь 1 (Паромов и др., 1983. С. 15. Табл. 5, 6; 1984. С. 18, 30, 42, 93, 101. Табл. 8, 5; 11, 8; 14, 1, 5; 32, 3; Паромов, 1986. С. 57, 66, 82, 93, 123. Табл. 1, 28; 35, 8, 9; 45, 1; 51, 2; 69, 16; Горлов, 1999. С. 30, 31, 36; 2000б. С. 3, 6. Рис. 10, № 341, 342; 21, № 426, 431, 436, 439; Беспалый, 2002. С. 2–4. Рис. 16). Поселения у балки Лисовицкого (Шишлов, 2002. Рис. 324, 2) и «Балка Хреева» (Дмитриев, 2004. С. 23, 24. Рис. 154, 36; 183; 195, 70).

Крым (Рис. 5, 25–54): Херсонес (Белов, 1938. С. 227. Рис. 112; Якобсон, 1950. С. 155. Рис. 91; 1951. С. 337. Сноска 1. Рис. 10, 30; 1959. С. 310. Рис. 163; 1970. С. 42. Рис. 9, 7; 1979. С. 33. Рис. 14, 1; 43, 9; Белов, Стржелецкий, 1953. С. 92; Белов и др., 1953. С. 207, 211, 212, 221; Антонова, 1971. С. 107; Антонова и др. 1971. С. 91, 92. Рис. 20, 20а, 21, 21а; Романчук, 1976. С. 28; 1981. С. 324. Рис. 6, 1–4; 1991. С. 166. Рис. 4, 6; Кутайсов, 1982. С. 161; Романчук и др., 1995.

С. 64–66. Табл. 30–32, № 135–143. Табл. 51, 1; Рыжов, Седикова, 1999. С. 318–320, 325. Рис. 5, 1–8; 10, 3–6; Яшаева, 1999. С. 354; Сазанов, 2001. С. 232–239. Рис. 1–8; Золотарев, Ушаков, 2004. С. 284); Эски-Кермен (Паршина, 1988. С. 44. Рис. 4, 1–6, 9–12); Бобровка (Якобсон, 1970. С. 41. Сноска 37. Рис. 9, 1–6); Гончарное, Родниковое (Якобсон, 1970. С. 41. Сноска 37); Мангуп (Якобсон, 1953. С. 396. Рис. 8, 9; Веймарн, 1968. С. 71. Рис. 23, 4; Мыц, 1990. С. 231, 232. Рис. 4, 2–6, 11; Науменко, 1997. С. 335, 336; Айбабин, 2003б. С. 78. Табл. 53, 11, 13, 15–18); с. Поляны, Пампук-Кая, Кыз-Кермен (Якобсон, 1970. С. 41. Сноска 37); Бакла (Талис, 1982. С. 60. Рис. 9, 3; Сазанов, 1994. С. 46, 47; Айбабин, 1999. С. 218. Рис. 85, 1; 2003а. С. 64. Табл. 41, 1); Бойка (Домбровский, 1968. С. 91. Рис. 7, б); Партенит (Паршина, 1991. С. 80. Рис. 6; 2002. С. 100. Рис. 7); поселение у скалы Крыло Лебедя (Паршина, 1974. С. 64. Рис. 8, 5); Алушта (Майко, 2002. С. 51. Рис. 3, 5–7); Судак (Фронджуло, 1967. С. 191; 1974. С. 143; Баранов, 1991. С. 152. Рис. 5, 1; Баранов, Майко, 1996. С. 75, 86. Рис. 2, 9; Джанов, Майко, 1998. С. 168. Рис. 10, 6; Баранов, Майко, 2001. С. 105; Айбабин, 2003б. С. 77; Майко, 2004. С. 226); Планерское (Ляпушкин, 1941. С. 227. Табл. XI, 9; Бабенчиков, 1958. С. 133, 134. Рис. 24, 2; Фронджуло, 1968. С. 123. Рис. 26, А); Пташкино (Гадло, 1980. С. 137–140. Рис. 4, 7); у поселка Алексеевка (Шелов, 1957. С. 102, 103. Рис. 39, 4); поселения Героевка 2 и 3 (Зинько, Пономарев, 1999. С. 197. Рис. 2, 27; 3, 3–5; 2001. С. 154, 155; 2005. С. 239. Рис. 2, 4–6; 4, 12); мыс Тешкли-Бурун (Герцен, Науменко, 2001. С. 134–138; 2006. С. 400. Рис. 10, 1–3, 6–7); святилище у села Заветное (Пономарев, 2003. С. 271. Рис. 8, 3); могильник Эльтиген I (Пономарев, 2004. С. 446, 449, 450. Рис. 1, 8–10; 11, 2); Тиритака (Ляпушкин, 1941. С. 230; Табл. XI, 9; Якобсон, 1951. Рис. 10, 31; 1970. С. 42. Рис. 9, 9; 1979. Рис. 14, 3; 43, 8; Гайдукевич, 1952а. С. 51. Рис. 57, 1–3; 1952б. С. 42. Рис. 11; Зинько и др., 2004. С. 131, 132); Керчь (Зеест, Якобсон, 1965. С. 63, 67; Макарова, 1965. С. 70–76; 1982. С. 99, 100; 1991. С. 127, 129, 134; 1998. С. 354–358, 362; 2003а. С. 54. Табл. 28, 1–4; 2003б. С. 69. Табл. 45; Sazanov, 1996. P. 191–193. Pl. 1, 4; Сазанов, 1998. С. 55. Рис. II, 15; VII, 30–39; IX, 17–25; XIII; XVI, 14–33. Табл. 5, 1; 9, 1; 13, 1; 18, 1; Айбабин,

1999. С. 222. Рис. 87, 3–5; 2000. С. 170; Рис. 5, 1–7; Занкин, 2001. С. 46. Рис. 4, 1; Майко, 2001. С. 95. Рис. 1, 18, 19; Сазанов, Могаричев, 2002. С. 483, 485, 487, 488. Табл. 1); Тарпанчи (Щеголов, 1970. С. 259. Рис. 2, 10); Сакская пересыпь (Ланцов, 2003. С. 22. Рис. 24, 2–36, 39); у озера Донузлав (Таскаев, 1988. С. 7. Рис. 43, 8); участок дна у мыса Плака (Зеленко, 1993. С. 163; 1994. С. 121, 123; 1999а. Рис. 5; 2002. С. 114, 115); у мыса Меганом (Зеленко, 2003. С. 20. Рис. 2, 4); бухта Судак-Лимен (Зеленко, 1999б. С. 224. Рис. 2; 2001, С. 84. Рис. 6).

Северо-Западное Причерноморье (Рис. 6, 55–62): могильник Лобанова Щель (Дмитриев, 1984. С. 3. Рис. 9; Дмитриев, Малышев, 1999. С. 17. Рис. 2, 1, 2, 10); могильник Андреевская Щель (Новичихин, 1992. С. 4. Рис. 21, 3; 1996а. С. 236; 1996б. С. 5. Рис. 21, 2); Тлюстенхабельское селище (близ Туапсе) (Монгайт, 1952. С. 19); Раевское поселение (Деопик, 1958. С. 642; Антипина и др., 2001. С. 19. Рис. 3, 2); Анапская (Малая) бухта (Кондрашев, 1991. С. 12. Илл. 20–24; 1992. С. 40. Рис. 4). Абхазия: Замок Баграта, Анакопия (Бгажба, 1977. С. 15. Рис. 2. Табл. XIII, 1–4, 7; Воронов, 2002. С. 356. Рис. 12, 7).

Кубань (Чхаидзе, 2005б. С. 26) (Рис. 6, 63–66): селища № 2 и № 3 у поселка имени Ленина близ Краснодара (Лавриненко, 1990. С. 169. Рис. 61, 5); Горькобалковский могильник № 2 (Виноградов и др., 2001. С. 141, 142. Рис. 22, 1, 5); Хумаринское городище (Карачаево-Черкесия) (Биджиев, Соголаинен, 1982. С. 124, 125; Биджиев, 1983. С. 71, 74. Рис. 46, 11; 1993. С. 206, 207).

Подонье и Приазовье (Рис. 6, 67–74): Саркел (Артамонов, 1935. С. 76; 1952. С. 65. Рис. 19; 1958. Рис. 50; Ляпушкин, 1941. С. 222. Табл. VIII, 4; Якобсон, 1951. С. 338. Рис. 10, 29, 32; 1970. С. 42. Рис. 9, 8; 1979. С. 32, 33, 75. Рис. 14, 2, 4; 43, 10; Плетнева, 1959. С. 249, 266. Рис. 33, 3, 4; 34, 1–6; 51, 3, 5–20; 1967. С. 133; 1996. С. 12, 152. Рис. 4, 1–3; 1997. Рис. 7, Г; 1999. С. 99. Рис. 75, 1–3; Розенфельдт, 1997. С. 36. Табл. 26, 8; Артамонова, Плетнева, 1998. С. 556, 559, 560, 564–612); Правобережное Цимлянское городище (Плетнева, 1994. С. 330. Рис. 59, 4; 1996. С. 152; Флёрв, 1994. С. 486; Дончева-Петкова, 1991. С. 178. Обр. 4, в); Чалтурское, Недвиговское и Кобяковское городища (Артамонов, 1935. С. 76–78); посе-

ление Мартышкина Балка (Гудименко, 1997. С. 46. Рис. 139, 140); могильник Черный Ерик-1 (Волков, 2001. С. 80. Рис. 80–82, 1). Западная Мостовьянская гряда Ачуевского мыса (Волков, 2002. С. 158).

На территории Древней Руси (Розенфельдт, 1997. С. 36; Коваль, 1999. С. 248. Рис. 2, 10, 11) (Рис. 6, 75–82): городища Большое Боршевское (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 42. Табл. IV, 4, 6–8); Титчиха (Москаленко, 1965. С. 123. Рис. 43) и Животинное (Винников, 1992. С. 126); I Белогорский могильник Воронежской области (Винников, 1984. С. 76. Рис. 23, 5); Сидоровское и Царино городища Донецкой области (Кравченко, Давыденко, 2001. С. 244. Рис. 21, 5; 22, 3–5; 23, 5, 6); городище у с. Тимофеевка Тульской области (Шеков, 1996. С. 202; 1997. С. 54. Рис. 66, 2); Белоозеро (Голубева, 1973. С. 104. Табл. 1).

Известны находки из комплекса кораблекрушения в акватории порта **Геническа** (Херсонская область) (Шаповалов, Трипольский, 1991. С. 17) и с **о. Березань** (Назаров и др., 2003. С. 204) (Рис. 6, 83, 84).

Комплексы из квартала Сарачаны в **Стамбуле** (Hayes, 1992. Р. 58, 117, 120, 123, 126, 183, 186, 188, 191. Fig. 21, 3 (deposit 42, 42); 63, 6 (39, 6); 66, 41 (40, 41); 68, 41 (42, 41); 71, 53 (43, 53)) (Рис. 6, 85).

В завершении приходится констатировать, что в настоящее время не создана четкая классификационная шкала для высокорлых кувшинов с плоскими ручками, прежде всего в силу того, что зачастую эти сосуды встречаются во фрагментах, а типобразующим признаком здесь может выступать лишь форма венчика; ручки и донья не имеют четких хронологических реперов. В силу этого мы воздерживаемся от четкой датировки рассмотренных фрагментов. На настоящем этапе важно введение их в научный оборот, в частности, как происходящих с памятника максимально приближенного к Таманскому городищу — где находился наиболее вероятный центр их производства. Именно в данном направлении следует продолжать исследования, ибо громадный массив находок этих кувшинов, и, прежде всего целых экземпляров, на Таманском городище еще ожидает изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А.И., 2000. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VII.
- Айбабин А.И., 2003а. Степь и Юго-Западный Крым / Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.
- Айбабин А.И., 2003б. Степь и Юго-Западный Крым / Крым в X — первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.
- Антипина Е.Е., Армарчук Е.А., Гей А.Н., Лебедева Е.Ю., Малышев А.А., Александровский А.А., Гольева А.А., Вязькова О.Е., 2001. Междисциплинарные исследования археологических памятников предгорий Северо-Западного Кавказа // ДБ. 4.
- Антонова И.А., 1971. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Сб. 7.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Сб. 7.
- Анфимов Н.В., 1953. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. Вып. XLIX.
- Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции // Известия ГАИМК. Вып. 131. Л.
- Артамонов М.И., 1952. Белая Вежа // СА. Вып. XVI.
- Артамонов М.И., 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА. № 62.
- Артамонова О.А., Плетнева С.А., 1998. Стратиграфические исследования Саркела — Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. Вып. VI.
- Атавин А.Г., 1986. Средневековые погребения из Фанагории // СА. № 1.
- Атавин А.Г., 1987. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М.
- Атавин А.Г., 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1.
- Атавин А.Г., 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // БС. 2.
- Бабенчиков В.П., 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.
- Барабанова О.О., Платонов С.Б., 1979. К методике изучения объемов средневековых амфор // Социальное развитие Византии. АДСВ. Сб. 16.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.
- Баранов И.А., 1991. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. 2. София.
- Баранов И.А., Майко В.В., 1996. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // Българите в Северното и Западното Причерноморие. Т. V. Търново.
- Баранов И.А., Майко В.В., 2001. Тюркское святилище Сугдеи // РА. № 3.
- Башкиров А.С., 1949. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. Т. XIII. Вып. 2. М.
- Башкиров А.С., 1957. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (на территории древнего города Патрэя) // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. Вып. 22. Ярославль.
- Бгажба О.Х., 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми.
- Белов Г.Д., 1938. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). Херсонес // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА. № 34.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) Херсонес // МИА. № 34.
- Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск.

Биджиев Х.Х., Соголаиен Н.П., 1982. Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н.э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. (Материальная и духовная культура). Черкесск.

Богословская И.Н., Богословский О.В., 1992. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.

Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. № 2.

Веймарн Е.В., 1968. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.

Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.

Винников А.З., 1992. Славянское Животинное городище на р. Воронеж // Путь из Булгара в Киев. Казань.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2001. Горькобалковский могильник № 2 VIII–IX вв. (Публикация материалов) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар.

Волков И.В., 2002. Адыгские памятники Ачуевского мыса // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар.

Воронов Ю.Н., 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Вып. XII.

Гавриутхин И.О., Паромов Я.М., 2003. Ильичевское городище и поселения его округа / Памятники ранневизантийской эпохи (IV–VII вв.) / Таманский полуостров и Северо-Восточное Приазовье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Гадло А.В., 1980. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Сб. 17.

Гайдукевич В.Ф., 1952а. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25.

Гайдукевич В.Ф., 1952б. Боспорские города в свете археологических исследований пос-

ледних двух десятилетий // Археология и история Боспора. I. Симферополь.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., 2001. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Вып. 32.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., 2006. К истории цитадели Мангупа. (По материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Вып. 37.

Голубева Л.А., 1973. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. Вып. 35.

Даньшин Д.И., 1993. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. № 1.

Деоник В.Б., 1958. Адыгские племена // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М.

Джанов А.В., Майко В.В., 1998. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI–XII вв. // ХС. Вып. IX.

Дмитриев А.В., Малышев А.А., 1999. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой Щели // ИАА. 5.

Дончева-Петкова Л., 1977. Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI — края на X в.). София.

Дончева-Петкова Л., 1991. Сравнителен анализ между керамиката от Деснобережното Цимлянско градище и България // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София.

Дончева-Петкова Л., 2005. Раннесредневековая поливная керамика в Болгарии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев.

Домбровский О.И., 1968. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.

Занкин А.Б., 2001. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок вг. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ.

Зеест И.Б., Якобсон А.Л., 1965. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. Вып. 104.

Зеленко С.М., 1993. Подводная разведка на мысе Плака в 1991–92 годах // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ.

Зеленко С.М. 1994. Подводные исследования шельфа у мыса Плака // Археологические исследования в Крыму 1993 год. Симферополь.

Зеленко С.М., 1999а. Работы подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на южном берегу Крыма в 1991–1995 гг. // *Vita Antiqua*. № 1. Київ.

Зеленко С.М., 1999б. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // *Vita Antiqua*. № 2. Київ.

Зеленко С.М., 2001. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ.

Зеленко С.М., 2002. Подводные археологические исследования шельфа в районе Большой Алушты // *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев.

Зеленко С.М., 2003. Подводные археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2001 г. // *АВУ*. 2001–2002 рр.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 1999. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // *Археология и история Боспора*. III. Керчь.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2001. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // *БИ*. Вып. I.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2005. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // *БИ*. Вып. X.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В., 2004. Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // *АВУ*. 2002–2003 рр.

Золотарев М.И., Ушаков С.В., 2004. Новые исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // *АДСВ*. Вып. 35.

Кобылина М.М., 1978. Разрушения гуннов в Фанагории // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М.

Коваль В.Ю., 1999. Амфоры византийского круга в Древней Руси // *Новгород и новгородская земля. История и археология*. Вып. 13. Новгород.

Кондрашев А.В., 1992. Подводные разведки в Анапском районе // *Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах*. Ейск.

Коровина А.К., 1978. Таматарха-Тмутаракань в средние века (по материалам раскопок 1971–1976 гг.) // *Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Государствен-*

ного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1977 год. М.

Кострин К.В., 1965. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // *СА*. № 1.

Кострин К.В., 1967. Исследование смолистого вещества из «черносмоленных» кувшинов средневековой Тмутаракани // *СА*. № 1.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001. Сидоровское городище // *Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время*. Т. 2. Донецк.

Кропоткин В.В., 1957. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // *КСИИМК*. Вып. 68.

Кутайсов В.А., 1982. Четырехапсидный храм Херсонеса // *СА*. № 1.

Лавриненко И.В., 1990. О Крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья // *Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье*. М.

Ланцов С.Б., 2003. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.

Левенок В.П., 1959. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа // *МИА*. № 75.

Литаврин Г.Г., 1972. Русь и Византия в XII веке // *ВИ*. № 7.

Ляпушкин И.И., 1941. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // *МИА*. № 6.

Майко В.В., 2001. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Боспора второй половины X — начала XI вв. // *175 лет Керченскому музею древностей*. Керчь.

Майко В.В., 2002. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в. // *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев.

Майко В.В., 2004. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. // *Сугдейский сборник*. Киев-Судак.

Макарова Т.И., 1965. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // *КСИА*. Вып. 104.

Макарова Т.И., 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // *СА*. № 4.

Макарова Т.И., 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // *Византийская Таврика*. Киев.

Макарова Т.И., 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI.

Макарова Т.И., 2003а. Боспор / Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Макарова Т.И., 2003б. Боспор-Корчев / Крым в X — первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Медынцева А.А., 1998. Надписи на амфорной керамике X — начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М.

Медынцева А.А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По данным эпиграфики X — первой половины XIII вв. М.

Москаленко А.Н., 1965. Городище Титичиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж.

Мыц В.Л., 1990. Крестообразный храм Мангула // СА. № 1.

Назаров В.В., Паньков С.В., Назарова Т.А., 2003. Раскопки на острове Березань в 2002 г. // АБУ, 2001–2002 гг.

Новичихин А.М., 1996а. Обследование археологических памятников в Андреевской Щели близ Анапы // АО–1995 года.

Паршина Е.А., 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев.

Паршина Е.А., 1988. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.

Паршина Е.А., 1991. Торжище в Партенидах // Византийская Таврика. Киев.

Паршина Е.А., 2002. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев.

Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75.

Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // МИА. № 142.

Плетнева С.А., 1981а. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1981б. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. 2. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София.

Плетнева С.А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV.

Плетнева С.А., 1996. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж.

Плетнева С.А., 1997. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. Казань.

Плетнева С.А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.

Плетнева С.А., 2000. О заселении славянами Саркела — Белой Вежи // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Воронеж.

Плетнева С.А., 2003а. Таматарха-Тмутаракань / Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Плетнева С.А., 2003б. Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Пономарев Л.Ю., 2003. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III.

Пономарев Л.Ю., 2004. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Вып. V.

Розенфельдт Р.Л., 1997. Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.

Романчук А.И., 1976. Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск.

Романчук А.И., 1981. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-Bulgarica. VII. Sofia.

Романчук А.И., 1991. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. Т. 51.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова А.В., 1995. Амфоры из комплексов Византийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург.

Рыбаков Б.А., 1963. Русская эпитафия X–XIV вв. (Состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). М.

Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X «Б» северного района Херсонеса // ХС. Вып. X.

Сазанов А.В., 1994. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.

Сазанов А.В., 1998. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. 5.

Сазанов А.В., 2001. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М., 2002. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв. // ПИФК. Вып. XII.

Сокольский Н.И., 1961. Раскопки в Кечах в 1959 году // КСИА. Вып. 86.

Сокольский Н.И., 1966. Ильичевское городище // СА. № 4.

Талис Д.Л., 1982. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. Труды ГИМ. Вып. № 54. М.

Флёров В.С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV.

Флёров В.С., 2001. Лощеные миски, блюда, чашки и кубышки Хазарского каганата // БИ. Вып. I.

Флёрова В.Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Фронджуло М.А., 1967. Раскопки в Судак (1964–1966 гг.) // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. Вып. I. Киев.

Фронджуло М.А., 1968. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.

Фронджуло М.А., 1974. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии средневекового Крыма. Киев.

Цукерман К., 1998. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI.

Чангова Й., 1957. Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав // Известия на Археологическия институт Българска академия науките. XXI. София.

Чангова Й., 1959а. Средневековна Битова керамика от България (VIII–IX в.) // Археология. Кн. 1–2. София.

Чангова Й., 1959б. Средновековни амфори в България // Известия на Археологическия институт Българска академия науките. XXII. София.

Чхаидзе В.Н., 2003. Изображение амфоркорчаг на одной миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи // Stratum plus. № 5. 2001–2002. Славянские древности. Кишинев.

Чхаидзе В.Н., 2005а. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. 8.

Чхаидзе В.Н., 2005б. Средневековая тарная керамика на территории Северного Кавказа // Двенадцатые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткие содержания докладов). Армавир.

Чхаидзе В.Н., 2006а. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею С.А. Плетневой. М.-Йошкар-Ола.

Чхаидзе В.Н., 2006б. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 9.

Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г., 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИАСК. Вып. 5.

Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л., 1990. О случайной находке судна XI–XII вв. в проливе Тонкий Азовского моря // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч. 3. Херсон.

Шеков А.В., 1996. Работы в Щекинском и Дубенском районах Тульской области // АО–1995 года.

Шелов Д.Б., 1957. Раскопки средневекового поселения в восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 68.

Шишов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П., 2005. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО–2004 года.

Щеглов А.Н., 1970. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. № 1.

Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17.

Якобсон А.Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. Вып. XV.

Якобсон А.Л., 1953. Дворец. Мангуп // МИА. № 34.

Якобсон А.Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63.

Якобсон А.Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Яшаева Т.Ю., 1999. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХС. Вып. X.

Bajalovic–Hadzi-Pesic M., 1981. Keramika u srednjovekovnoj Srbiji. Beograd.

Comsa M., 1978. Cultura materiala veche Romanneasca. (Asezarile din secolele VIII–X de la Bucov-Ploesti). Bucuresti.

Hayes J.W., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton.

Sazanov A., 1996. Les niveaux de la premiere moitie du XIe siecle a Kerch (Crimee) // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. IV. Paris.

Sazanov A., 1997. Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la mer Noire // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Атавин А.Г., 1982. Отчет о работе Средневекового отряда в Фанагории в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8980.

Беспалый Е.И., 2002. Отчет о работах на поселении Виноградный-12 в 2001 году. Краснодар; Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН.

Богословский О.В., 1990. Отчет о работе археологической экспедиции Таманского музейного комплекса на городище в станице Голубицкой в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15075.

Богословский О.В., 1991. Отчет о работе археологической экспедиции Таманского отряда Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника в 1991 г. в ст. Голубицкой Темрюкского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 17013.

Волков И.В., 2001. Отчет о раскопках курганного могильника Черный Ерик-1 в Славянском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН.

Горлов Ю.В., 1999. Отчет о работах по Таманскому региональному археологическому проекту в 1998 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21599.

Горлов Ю.В., 2000. Отчет об археологических исследованиях по Таманскому региональному археологическому проекту в 2000 году // Архив ИА РАН.

Гудименко И.В., 1997. Отчет о спасательных археологических раскопках поселения и могильника «Мартышкина Балка» у ПГТ Овощной (Обильный) Азовского района Ростовской области в 1995 году. Азов // Архив ИА РАН. Р-1. № 20223.

Десятчиков Ю.М., 1977. Отчет о работе Кучугурского отряда Таманской экспедиции в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10234.

Дмитриев А.В., 1984. Отчет об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой Щели и в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в 1984 году. Новороссийск // Архив ИА РАН. Р-1. № 10615.

Дмитриев А.В., 2004. Отчет по выполнению охранно-спасательных исследований поселения «Балка Хреева» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2004 году. Новороссийск // ОПИ РАН.

Завойкин А.А., Атавин А.Г., 1989. Полевой отчет о раскопках Фанагории в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14333.

Зайцев А.К., 1968. Раскопки средневековых напластований на квадратах XXIII, V и VI / Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3761.

Кондрашев А.В., 1991. Отчет о проведении подводной археологической разведки в Новороссийской бухте и Анапском районе Крас-

нодарского края в 1990 г. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1. № 15027.

Кондрашев А.В., 1999. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1998 году. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1. № 21619.

Макарова Т.И., 1964. Отчет о раскопках в Керчи на бывшей Рыночной площади // Архив ИА РАН. Р-1. № 3582.

Монгайт А.Л., 1952. Отчет о работе Кубанского отряда Таманской экспедиции летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 726.

Николаева Э.Я., 1985. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11642.

Николаева Э.Я., 1988. Отчет о работах Ильичевской экспедиции ИА АН СССР за полевой сезон 1988 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 13833.

Николаева Э.Я., 1989. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14519.

Николаева Э.Я., 1992. Отчет о работах Ильичевского отряда Объединенной Таманской экспедиции ИА РАН за 1992 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 17627.

Николаева Э.Я., Устаева Э.Р., 1993. Отчет о работах Ильичевского отряда ИА ТАЭ РАН г. Москвы и Ильичевского отряда Таманского отдела Краснодарского музея-заповедника в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18018.

Новичихин А.М., 1992. Отчет об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в 1991 г. Анапа // Архив ИА РАН. Р-1. № 16258.

Новичихин А.М., 1996. Отчет об исследовании археологических памятников в Андреевской щели у с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в 1995 г. Анапа // Архив ИА РАН. Р-1. № 19292.

Паромов Я.М., 1986. Отчет о работе по теме: «Обследование и рекомендации по охраняемым зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10661.

Паромов Я.М., Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Усачева О.Н., 1983. Отчет о работе по теме: «Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова» в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8603.

Паромов Я.М., Воронов А.А., Николаенко Т.Д., 1984. Отчет о работе по теме: «Обследование и рекомендации по охраняемым зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9989.

Плетнева С.А., 1968. Отчет о работе Средневекового отряда Фанагорийской экспедиции на участках XX–XXII Центрального раскопа в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3761.

Сокольский Н.И., 1966. Отчет о работах Таманской экспедиции института археологии АН СССР в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2864. 1964.

Сокольский Н.И., 1967. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1967 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3482.

Сокольский Н.И., 1968. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3716.

Сокольский Н.И., 1970. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции института археологии АН СССР в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4251.

Таскаев В.Н., 1988. Отчет о работе Западно-Крымского подводного археологического отряда в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12461.

Таскаев В.Н., 1996. Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19796.

Таскаев В.Н., 2000. Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в 1999 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22072.

Шеков А.В., 1997. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 году. Тула // Архив ИА РАН. Р-1. № 20271.

Шишилов А.В., 2002. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края в 2001 г. Новороссийск // Архив ИА РАН.

Таблица. Метрические характеристики кувшинов

[illegible]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ф85 БСР № 1-10	—	—	—	—	—	—	5,0 × 1,1	3, 9
Ф85 БСР Вым. А	—	—	—	—	—	—	5,3 × 1,0	3, 10
Ф85 БСР № 4-4 / 4-12	—	—	—	—	—	—	4,8 × 1,1	3, 11
Ф95 Б. кв. VI/3	—	—	—	—	—	—	4,7 × 0,9	3, 12
б/ш	—	—	—	—	—	—	4,5 × 1,0	3, 13
б/ш	—	—	—	—	—	—	4,2 × 0,8	3, 14
Ф85 кв. 4 я. Н	—	—	—	—	11	—	—	3, 15
Ф85 БСР № 4-3 / 4-5 / 4-8	—	—	—	—	12	—	—	3, 16
Ф89 Б кв. VIA/1	—	—	—	—	11	—	—	3, 17
Ф89 Б кв. VIA/1	—	—	—	—	11	—	—	3, 18
Ф80 ВГ пл. X ЮЦ 7 шт.	—	—	—	—	—	—	—	3, 19
Ф85 БСР № 4-5	—	—	—	—	—	—	—	3, 20
Ф85 БСР Пр. 6	—	—	—	—	—	—	—	3, 21
Ф85 БСР № 1-10	—	—	—	—	—	—	—	3, 22
Ф 94 Б. кв. II/3	—	—	—	—	—	—	—	3, 23
Ф 94 Б. кв. II/3	—	—	—	—	—	—	—	3, 24
Ф85 БСР кв4/ЯО	—	—	—	—	14,5	—	—	3, 25
Ф85 БСР Вым. А № 3-12 / 4-4 / 4-7	—	—	—	—	14	—	—	3, 26
б/ш № 19	—	—	—	—	13,8	—	—	3, 27
Ф85 БСР Вым. А № 4-2 / 4-4 / 4-9								3, 28

Первый столбец — паспортные данные сосуда. Далее — минимальный набор линейных характеристик в миллиметрах: Н — высота сосуда, D — максимальный диаметр тулова, Н_г — высота горла, d — диаметр устья горла, dD — диаметр дна, tV — толщина венчика, dR — диаметр ручки. Завершающий столбец — отсылка к рисунку данного сосуда.

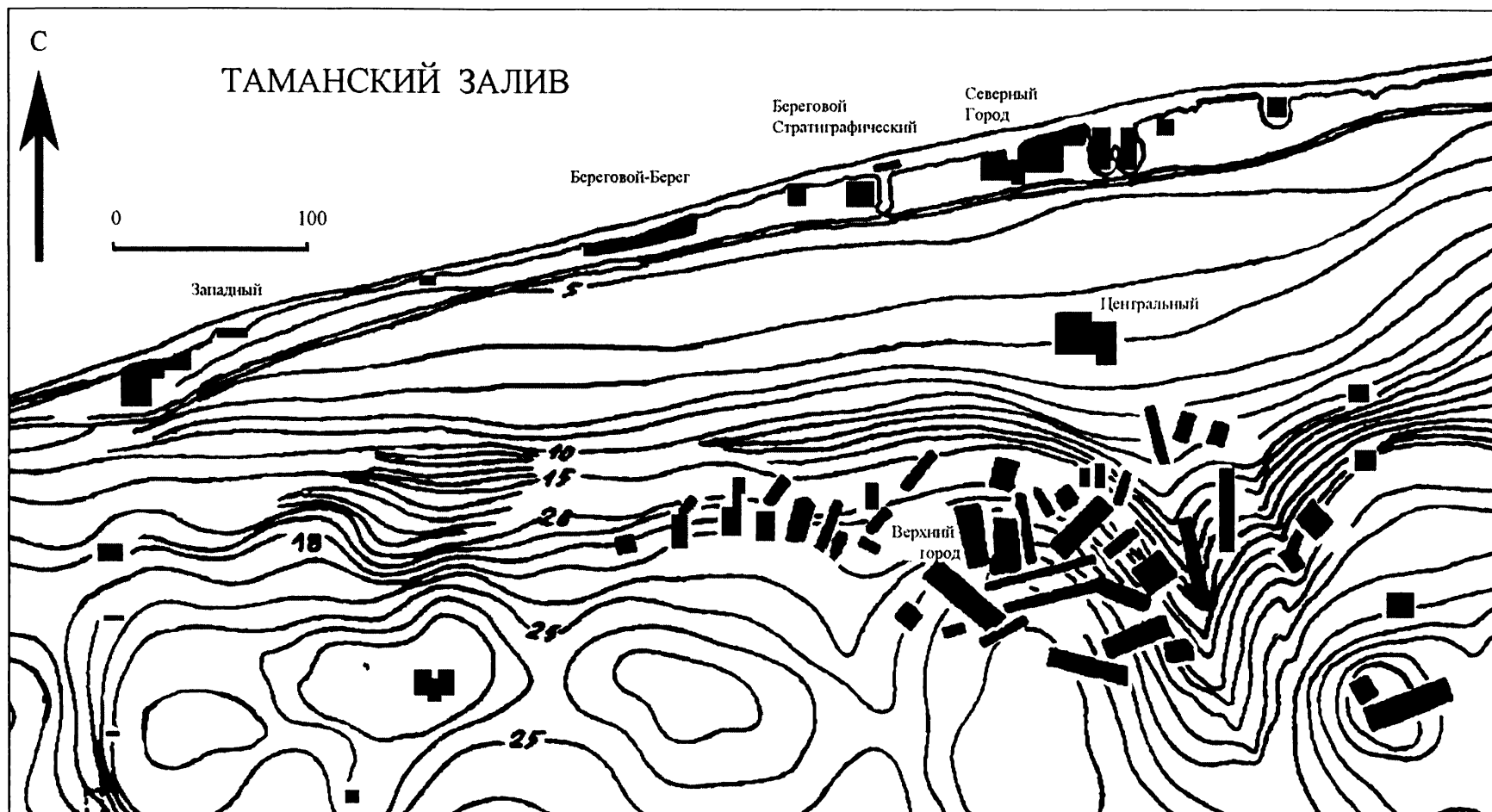

Рис. 1. Городище Фанагория — предполагаемая территория существования средневекового поселения (план составлен Я.М. Паромовым)

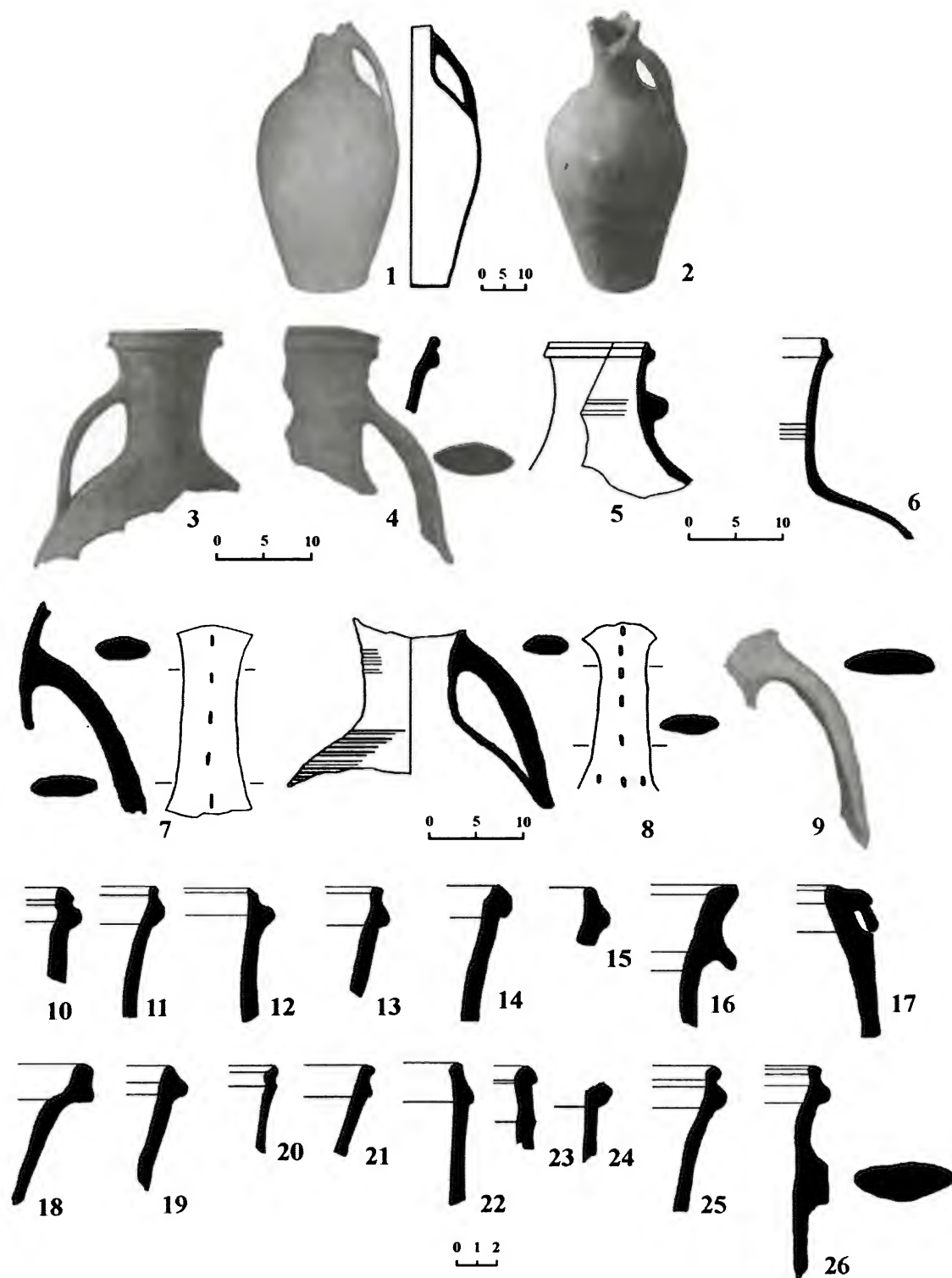

Рис. 2. Находки ВКПР на городище Фанагория. 1 — Ф73 ЮЗ Кл. 10; 2 — Ф70 б/ш; 3 — Ф85 БСР Кв. 4. Я.О; 4 — Ф85 БСР Кв. 4. Я.Н; 5 — Ф54 СГ XVII/6 № 39; 6 — Ф48 С I/К; 7 — Ф85 БСР № 3-15; 8 — Ф85 БСР № 3-15; 9 — Ф85 БСР № 2-11; 10 — Ф48; 11 — Ф68 Ц XXI/Я1 № 1; 12 — Ф68 Ц XXI/Я1 № 2; 13 — Ф80 ВГ пл. X ЮЦ 6 шт.; 14 — Ф80 ВГ пл. X ЮЦ 5 шт.; 15 — Ф83 БР Кв. 3, 4 шт.; 16 — Ф85 БСР № 2-11; 17 — Ф85 БСР № 4-5; 18 — Ф85 БСР Я.О № 4-14; 19 — Ф85 БСР Я.О № 4; 20 — Ф89 Б кв. IV/2; 21 — Ф89 Б кв. IV/4; 22 — Ф94 Б. кв. IV/1 № 8; 23 — Ф94 Б. кв. IV/1 № 14; 24 — Ф94 Б. кв. IV/3 № 12; 25 — Ф95 ВГ. кв. XVI/1; 26 — Ф80 ВГ пл. X ЮЦ 6 шт.

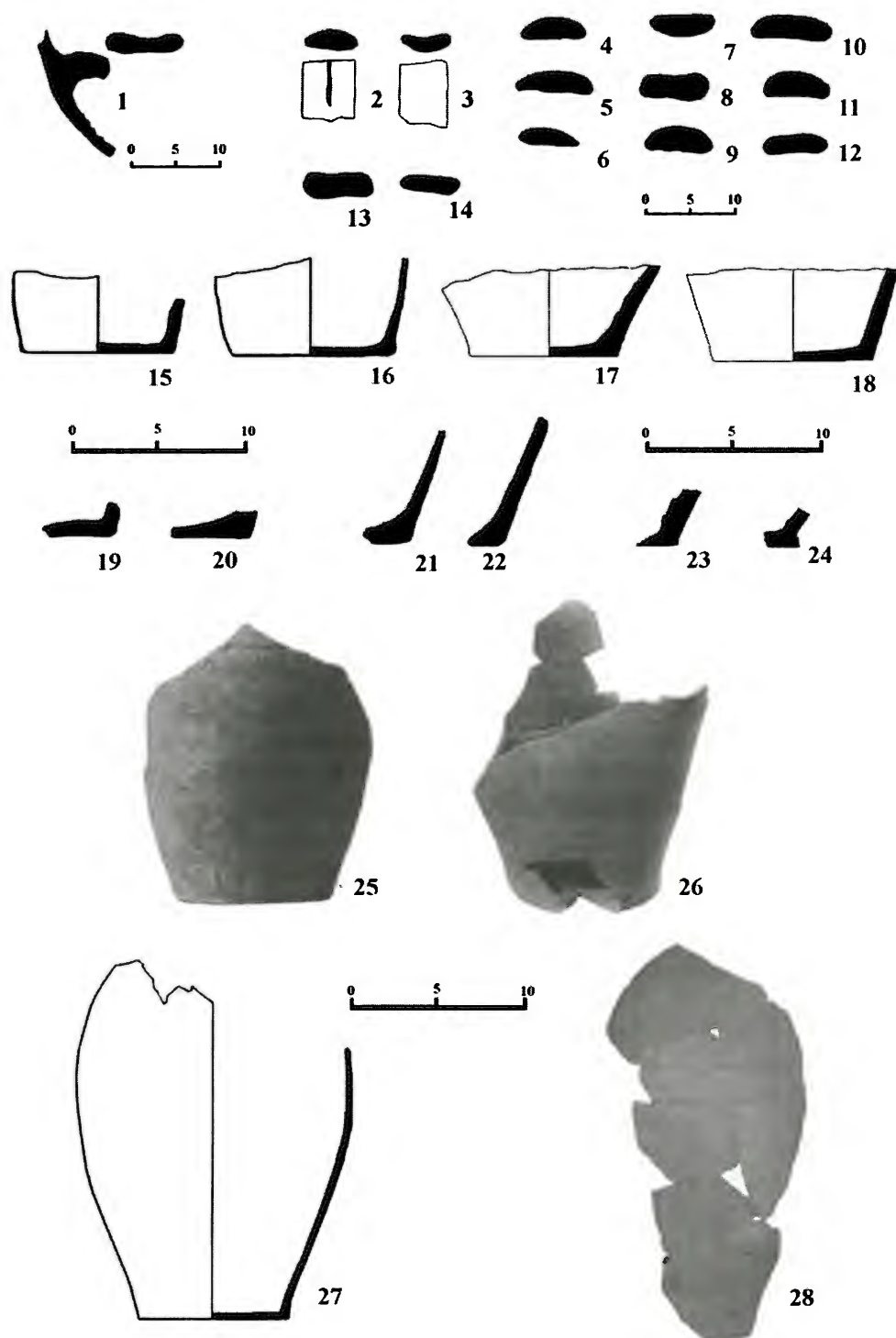

Рис. 3. Находки ВКПР на городище Фанагория. 1 — Ф54 СГ IX-XII/21 № 1173; 2 — Ф54 ЗР II/6 № 362; 3 — Ф 94 Б. кв. IV/1 № 7; 4 — Ф85 БСР № 2-11; 5 — Ф85 БСР № 1-4; 6 — Ф85 БСР № 4-8; 7 — Ф85 БСР № 4-6; 8 — Ф85 БСР № 3-7; 9 — Ф85 БСР № 1-10; 10 — Ф85 БСР Вым. А; 11 — Ф85 БСР № 4-4 / 4-12; 12 — Ф95 Б. кв. VI/3; 13 — б/ш; 14 — б/ш; 15 — Ф85 кв. 4 я. Н; 16 — Ф85 БСР № 4-3 / 4-5 / 4-8; 17 — Ф89 Б кв.VIA/1; 18 — Ф89 Б кв.VIA/1; 19 — Ф80 ВГ пл.Х ЮЦ 7 шт.; 20 — Ф85 БСР № 4-5; 21 — Ф85 БСР Пр. 6; 22 — Ф85 БСР № 1-10; 23 — Ф 94 Б. кв. II/3; 24 — Ф 94 Б. кв. II/3; 25 — Ф85 БСР кв. 4/ЯО; 26 — Ф85 БСР Вым. А 3-12 / 4-4 / 4-7; 27 — б/ш № 19; 28 — Ф85 БСР Вым. А № 4-2 / 4-4 / 4-9

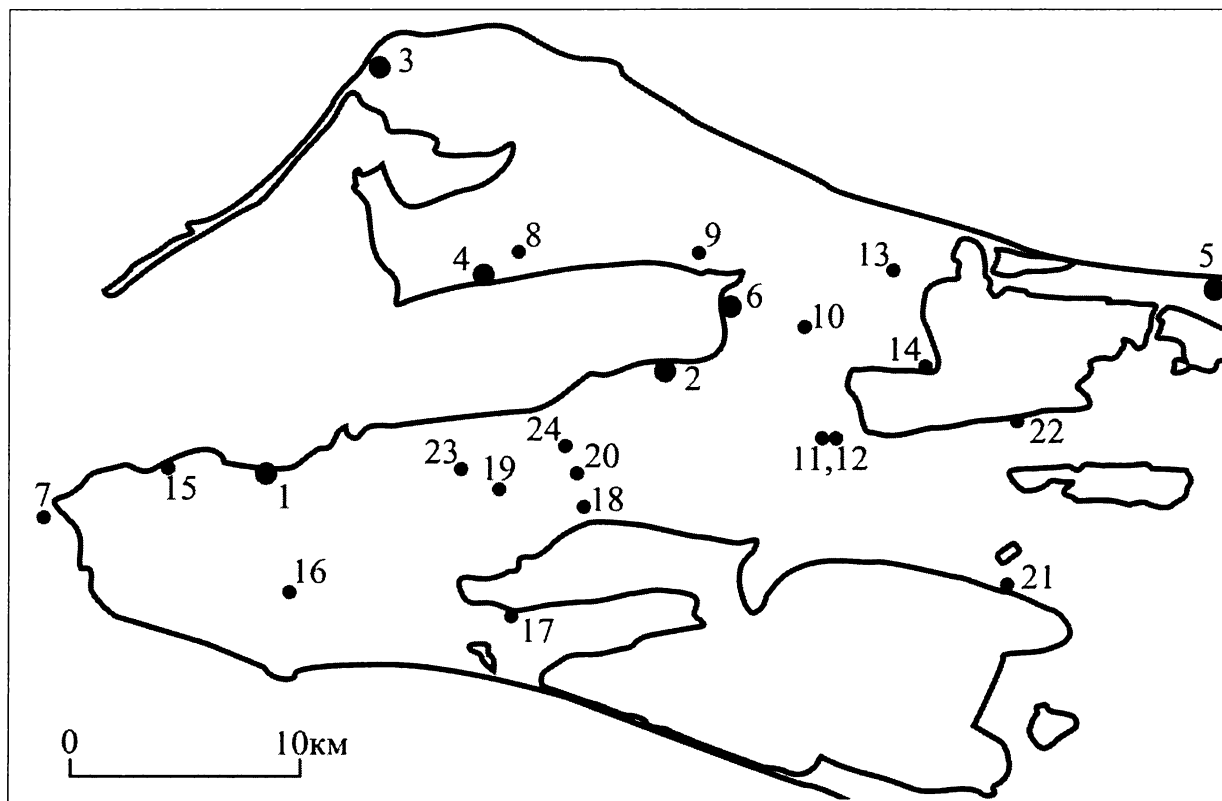

Рис. 4. Распространение ВКПР на Таманском полуострове. 1 — Таманское городище; 2 — Фанагория; 3 — Ильичевское городище; 4 — поселение Гаркуша; 5 — Голубицкое городище; 6 — городище Кепы; 7 — участок дна у мыса Тузла; 8 — Гаркуша 3; 9 — Волна Революции 5; 10 — Сенной 3; 11, 12 — Солёный 1, 2; 13 — Ахтанизовская 3; 14 — Ахтанизовская 6; 15 — Тамань 10; 16 — Таманский 7; 17 — Веселовка 1; 18 — Виноградный 1; 19 — Виноградный 3; 20 — Виноградный 12; 21 — Старотитаровская 5; 22 — Старотитаровская 9; 23 — поселение у балки Лисовицкого; 24 — «Балка Хреева»

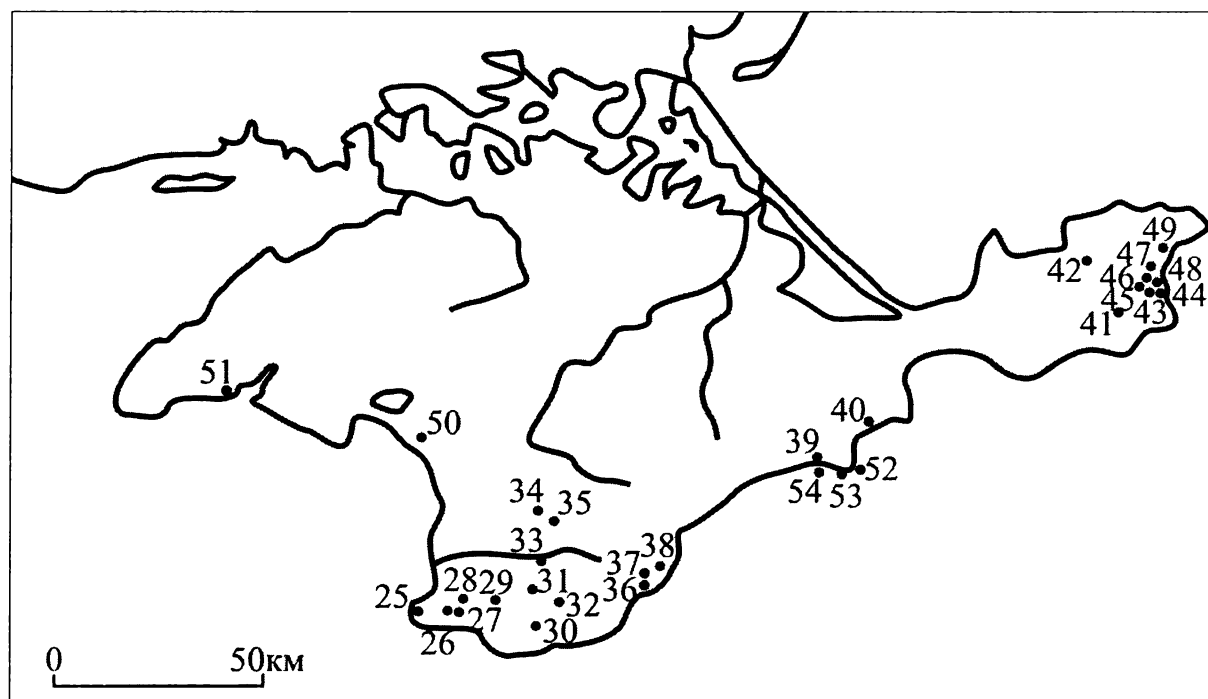

Рис. 5. Распространение ВКПР в Крыму. 25 — Херсонес; 26 — Бобровка; 27 — Гончарное; 28 — с. Поляны; 29 — Мангуп; 30 — Родниковое; 31 — Эски-Кермен; 32 — Пампук-Кая; 33 — Кыз-Кермен; 34 — Бакла; 35 — Бойка; 36 — Партенит; 37 — поселение у скалы Крыло Лебеда; 38 — Алустон; 39 — Судак; 40 — Планерское; 41 — Пташкино; 42 — у поселка Алексеевка; 43, 44 — поселения Героевка 2 и 3; 45 — могильник Эльтиген I; 46 — Тиритака; 47 — святилище у села Заветное; 48 — мыс Тешкли-Бурун; 49 — Керчь; 50 — Сакская пересыпь; 51 — у озера Донузлав; 52 — участок дна у мыса Плака; 53 — у мыса Меганом; 54 — бухта Судак-Лимен

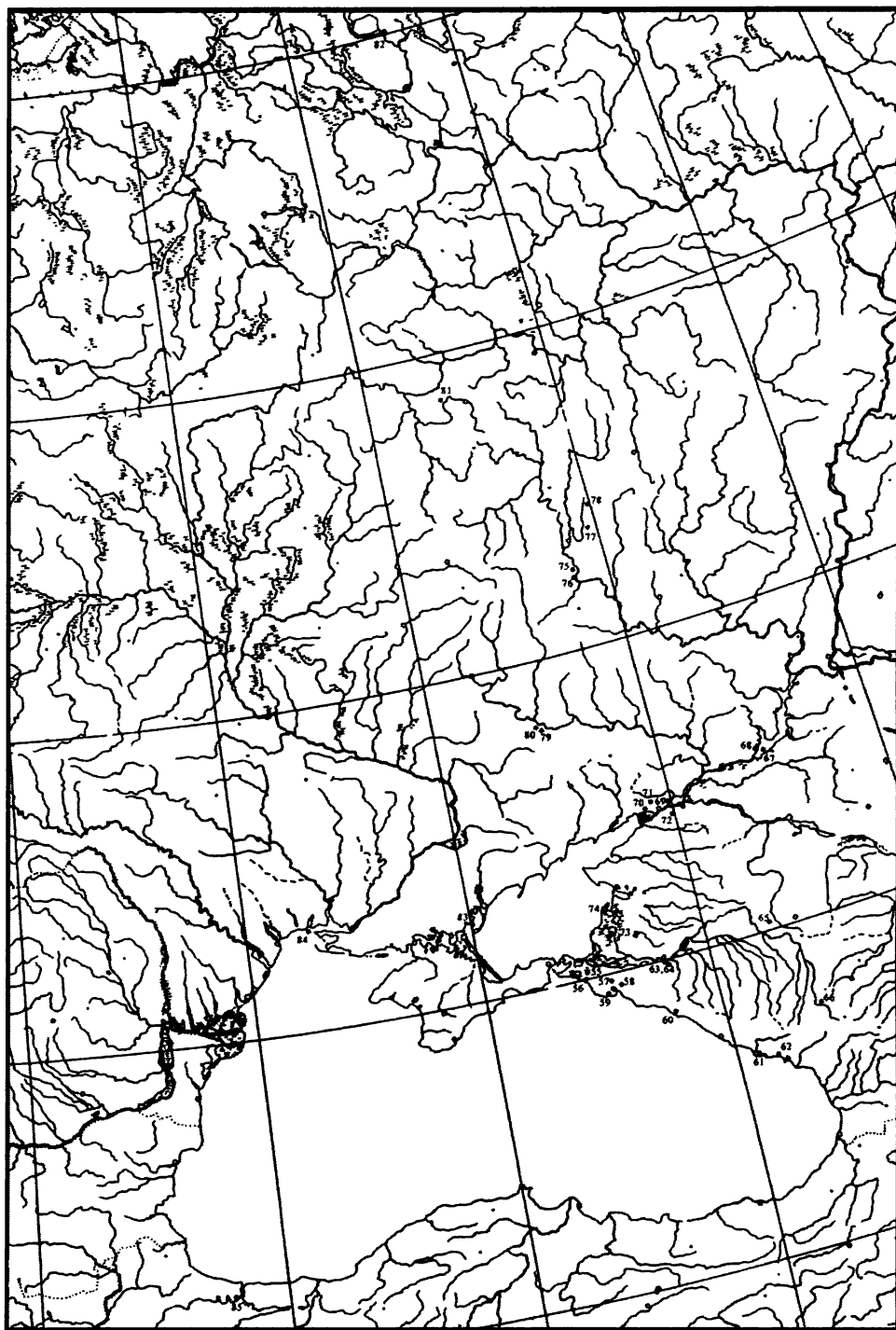

Рис. 6. Распространение ВКПР на территории Восточно-Европейской равнины. 55 — Красный Октябрь 1; 56 — Анапская (Малая) бухта; 57 — Лобанова Щель; 58 — Андреевская Щель; 59 — Раевское; 60 — Тлюстенхабельское; 61 — Замок Баграта, 62 — Анакопия; 63, 64 — селения 2 и 3 у поселка им. Ленина; 65 — Горькобалковский могильник 2; 66 — Хумара; 67 — Саркел; 68 — Правобережное Цимлянское городище; 69 — Чалтурское; 70 — Недвиговска; 71 — Кобяково; 72 — Мартышкина Балка; 73 — Черный Ерик-1; 74 — Западная Мостовьянская гряда Ачуевского мыса; 75 — Большое Боршевское городище; 76 — Титчиха; 77 — Животинное; 78 — I Белогорский могильник; 79 — Сидоровское; 80 — Царино; 81 — Тимофеевка; 82 — Белоозеро; 83 — акватория Геническа; 84 — о. Березань; 85 — Стамбул

В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев
(КИАМ, Керчь)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ ГЕРОЕВКА-6 НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Картографирование обнаруженных на сегодняшний день в Крыму салтово-маяцких поселений показывает, что большей частью они сконцентрированы на территории Керченского полуострова. На опубликованных археологических картах их число достигает 46 (Баранов, 1990. Рис. 1; Айбабин, 1999. Рис. 78). Согласно другим данным, прежде всего неизданным до сих пор результатам разведок В.В. Веселова, к этой категории памятников можно причислить порядка 180 поселений (Веселов, 1965). Часть из них тяготела к морскому побережью, располагаясь в удобных бухтах и на пологих береговых террасах. В глубинных, отдаленных от моря районах полуострова, они обычно занимали долины степных непересыхающих рек, ручьев, южные пологие склоны холмов и возвышенностей. В благоприятных для проживания и эффективной хозяйственной деятельности районах плотность населения заметно возрастала. Среди наиболее освоенных участков побережья выделяются берег Азовского моря от мыса Казантип до мыса Зюк, северо-восточная оконечность полуострова и участок морского побережья Керченского пролива протяженностью 6 км у пос. Эльтиген (бывш. с. Героевское). С севера он был ограничен отмирающей поймой Чурбашского озера, а с юга естественной границей служило Тобечикское озеро. Рельеф сформирован в основ-

ном второй и третьей морскими террасами, в пределах которых и были обнаружены салтовские поселения (Рис. 1).

Первым обратил на них внимание и впоследствии объединил в самостоятельную группу памятников керченский инженер и археолог-любитель В.В. Веселов. В 1956 г. недалеко от берега моря им было обнаружено два поселения. Одно из них, обозначенное в полевом дневнике под № 15, располагалось в 0,3 км к западу от поселка, другое — № 12 — находилось в 0,6 км южнее (Веселов, 1956. С. 12, 13; Зинько, Пономарев, 2000. Рис. 1, 8; 2). В этом же году, благодаря раскопкам И.Т. Кругликовой, салтовский горизонт был прослежен в верхних слоях поселения Героевка-1 в 1,5 км к северу от пересыпи Тобечикского озера (Гадло, 1968. С. 78, сноска 1). В 1963 г. В.В. Веселов повторно обследовал этот район. В результате на археологическую карту было нанесено еще два поселения, обнаруженные у ограды Верхне-Бурунского маяка на западной окраине пос. Эльтиген (Веселов, 1963. С. 5, 6, 10, 11; Зинько, Пономарев, 2000. С. 189. Рис. 1, 8, 9). Гораздо результативнее оказались разведки, проведенные в 1962 г. Средневековым отрядом ЛГУ под руководством А.В. Гадло (Гадло, 1962). На участке побережья между Чурбашским и Тобечикским солеными озерами следы салтовских поселений удалось выявить на площади около 160 га. В мери-

диальном направлении они вытягивались на 3,5 км, а в широтном — протяженность составляла 0,2–0,8 км (Гадло, 1968. С. 78). Правда, учитывая размеры территории, в пределах которой прослеживался раннесредневековый культурный слой, довольно неожиданным оказался вывод исследователя, объединившего ряд самостоятельных памятников в одно большое поселение. В 1963–1964 гг. А.В. Гадло осуществил их стационарные раскопки. На трех отдаленных друг от друга участках второй приморской террасы он заложил 8 раскопов и в течение двух полевых сезонов исследовал 13 жилищно-хозяйственных комплексов, включая различной конструкции полуземлянки и наземные постройки (Гадло, 1968; 1969). На основании массового археологического материала А.В. Гадло датировал это поселение рубежом VII–VIII вв. — началом X в. (Гадло, 1968. С. 167).

В последующие два десятилетия раннесредневековые памятники Керченского полуострова, включая и рассматриваемый нами район, целенаправленно не изучались. За этот период здесь было обнаружено только одно, неизвестное ранее салтовское поселение, следы которого неоднократно фиксировались во время раскопок некрополя античного городища Нимфей. В верхних же слоях самого городища периодически встречались одновременные поселению раннесредневековые плитовые могилы (Грач, 1989. С. 67; 1999. С. 43, 45, 46, 49, 64, 69, 70, 97, 99, 100).

В конце 1980-х годов комплексные исследования в окрестностях пос. Эльтиген продолжила Боспорская охранно-археологическая экспедиция (под руководством В.Н. Зинько). В 1991 г. им были проведены охранные раскопки на поселении Героевка-6, а в 1992–1996 гг. на поселениях Героевка-2 и Героевка-3. Все они оказались многослойными, при этом раннесредневековый горизонт удалось проследить на всех исследованных участках поселений (Зинько, 1997. С. 40, 41). Одновременно, в рамках реализации международной научной программы «Нимфей — история и структура греческого полиса» (1993–1997 гг.), на территории площадью около 70 кв. км, между Тобечикским и Чурбашским озерами проводились сплошные разведки (Зинько, 2003. С. 11, 12). В итоге на археологическую карту были

нанесены десятки ранее неизвестных памятников эпохи бронзы, неолита, античности и средневековья (Scholl, Zin'ko, 1999). Среди последних заметно преобладали салтовские поселения, которые большей частью концентрировались в прибрежной полосе шириной не более 1 км. Только в окрестностях пос. Эльтиген на площади не более 10 кв. км было выявлено 15 поселений и мест скопления раннесредневековой керамики, а также одновременные им плитовые могильники и отдельные погребальные комплексы (Зинько, Пономарев, 2000). По завершению этого этапа исследований их результаты нашли отражение в ряде публикаций и монографий, но приоритет неизменно отдавался античным памятникам. Отчасти этот пробел, как мы надеемся, помогут восполнить материалы раскопок раннесредневекового горизонта поселения Героевка-6.

Расположено поселение в 230 м к западу от побережья Керченского пролива у юго-западной окраины пос. Эльтиген и занимает относительно пологий, ограниченный с запада и востока неглубокими оврагами, участок второй приморской террасы (Рис. 1; 2). Как самостоятельный археологический памятник, оно нанесено на карту сравнительно недавно, после того как в 1991 г. на нем были проведены охранные раскопки (Зинько, 1994. С. 19; 1997. С. 41; Scholl, Zin'ko, 1999. Рис. 49–52). До этого, как мы уже упоминали, Героевка-6, в числе многих других близ расположенных салтовских поселений, рассматривались как один памятник. В последние десятилетия территория поселения вследствие ежегодной распахивки подвергается губительному для него антропогенному воздействию, и в результате полностью переотложенными оказались культурные напластования глубиной до 0,40 м. Пострадали и строительные комплексы, локализуемые в пределах вытянутых в меридиальном направлении каменных развалов, откуда происходит массовый подъемный материал (Зинько, Пономарев, 2000. Рис. 4, 19–55). На площади около 5 га таких развалов насчитывается семь. На трех из них, в южной и центральной частях поселения, были заложены раскопы общей площадью 260,5 кв. м. Восточный край террасы исследовался шурфами, площадь которых составила 250 кв. м (Рис. 2).

Стратиграфия памятника довольно проста и единообразна. Сверху залегал перепаханный гумусный слой мощностью 0,40–0,45 м. Его подстилал желто-коричневый суглинок с включением завального камня. Толщина слоя варьировалась в пределах от 0,18 м у восточного края террасы до 0,42 м в пределах развалов построек. Ниже культурных напластований залегал материковый суглинок.

Подавляющее большинство находок из культурных напластований, за исключением небольшого количества керамики IV–III вв. до н.э., относится к периоду функционирования салтовского поселения. Хозяйственная тара представлена профильными фрагментами и стенками пифосов нескольких типов.

Тип 1 (Рис. 3, 2). Пифосы с подтреугольным в сечении венчиком, яйцевидным или веретенообразным туловом, расчлененным широкими желобками. Глина темно-красная, бордовая, с включением крупных железистых частиц и карбонатных пород (Якобсон, 1966. С. 193, 194. Рис. 3; 4; 1979. С. 33, 34. Рис. 15, 1, 2). Целые их экземпляры известны по раскопкам на юго-западе, юго-востоке и южном побережье Крыма. Судя по тесту, большей частью сосуды производились в восточно-крымских гончарных центрах (Ковнурко, 1968. Гр. 1) и затем доставлялись на Керченский полуостров (Зинько, Пономарев, 1999. С. 188). Датируются эти керамические изделия VIII–IX вв., но вероятнее всего бытовали и в следующем столетии.

Тип 2 (Рис. 3, 4, 6). Пифосы с подтреугольным в сечении венчиком и яйцевидным гладким корпусом. Глина различных оттенков красного и оранжевого цветов, с примесью мелких частиц известняка (Якобсон, 1966. С. 196, 197. Рис. 6; 7; 1979. С. 36. Рис. 17). Встречаются на тех же памятниках, что и пифосы типа 1, но в отличие от них А.Л. Якобсон относил пифосы типа 2 преимущественно к IX в. или первой половине X в.

Тип 3 (Рис. 3, 1). Пифосы с высоким горлом и шаровидным туловом. Глина различных оттенков красного цвета с примесью мелких частиц известняка (Якобсон, 1979. С. 36. Рис. 16, 1–4). Целые экземпляры происходят из с. Херсонеса и его округи, городища Тепсень и южного берега Крыма. Датируются они VIII–IX вв.

Тип 4 (Рис. 3, 3). Пифос с трапециевидным в сечении венчиком и высоким горлом. Форма тулова не известна, поскольку аналогии ему найти пока не удалось. Глина темно-красного цвета, с примесью мелких частиц известняка.

Тип 5 (Рис. 3, 5). Пифос, тулово которого с внешней стороны расчерчено беспорядочно нанесенными многозубчатым штампом линиями. Глина оранжевого цвета, с примесью частиц известняка. Принадлежащие ему профильные фрагменты, соответственно и его форма, нам не известны, но аналогичным образом декорированные стенки встречались на некоторых других салтовских поселениях у пос. Эльтиген и в хазарских слоях Боспора (Зинько, Пономарев, 2000. Рис. 6, 19, 20; Айбабин, 2000. Рис. 5, 11. С. 182).

Нередко на венчиках пифосов еще до обжига наносились различные знаки-метки (Якобсон, 1979. С. 36. Рис. 18). Отмечены они и на поселении Героевка-6. Первый на венчике пифоса **типа 4** (Рис. 3, 3) представляет собой треугольник, образованный тремя круглыми, конусовидными в разрезе углублениями. На широких плоско срезанных венчиках пифосов типа 1 знаки довольно крупных размеров нередко наносили пальцем. Вероятно, фрагмент такого знака оказался в нашем распоряжении (Рис. 3, 2). Прочерчен он на массивном венчике желобчатого пифоса, наиболее близкие аналогии которому известны в окрестностях с. Щебетовка (Якобсон, 1966. Рис. 4). К сожалению, фрагментарность находки не позволяет ее убедительно интерпретировать или же соотнести с каким-либо другим известным знаком.

Транспортная тара представлена несколькими категориями сосудов. Среди них более чем половину находок составляют небольшие, высотой 37–45 см, причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением на тулове — **тип 1**. Короткое горло завершалось полукруглым венчиком диаметром 7–8 см (Рис. 4, 1–4, 6–9). На верхней плоскости ручек этих амфор, а иногда и по продольным граням, прослеживаются заостренные ребра, реже они профилировались бороздками (Якобсон, 1979. Вариант 2. С. 31. Рис. 13, 1, 2). Незначительные морфологические особенности позволяют выделить внутри этого типа ряд вариантов.

Однако такая классификация представляется малоэффективной, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, амфоры нескольких вариантов могли обжигаться одновременно в одной печи. Большей частью обнаруженные на поселении Героевка-6 причерноморские бороздчатые амфоры были произведены в гончарных мастерских юго-восточного Крыма. Об этом, прежде всего, свидетельствует состав непластичных включений в тесте, характерный для керамических изделий, обожженных в печах Чобан-Куле и Канакской балки (Ковнурко, 1968. Гр. 1). Следующая группа отличается плотным черепком более светлого красного оттенка и формовочной массой, где в качестве отошителей использован песок и мелкие частицы карбонатов. И те и другие до недавнего времени датировались VIII–IX вв. В последние годы большинство исследователей склоняются к тому, что появились они в первой половине — середине IX в., а наибольшее распространение получили во второй половине IX — первой половине X вв. (Седикова, 1997. С. 13; Науменко, 1997. С. 334, 335; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001. С. 77; Баранов, Майко, 2000. С. 85, 86). Если относительно нижней и верхней границы их бытования единого мнения пока не существует, то второй тезис сомнения не вызывает. Со второй половины IX в. они преобладают в комплексах Сугдеи, Тепсены (Баранов, Майко, 2000. С. 85, 86; Майко, 2000. С. 103) и фактически вытесняют всю остальную тару на салтовских поселениях Керченского полуострова (Гадло, 1969. Рис. 4в; Гадло, 1980. Рис. 7, а, б, д–з; 8. С. 140–143; Шелов, 1957. С. 100, 101; Гайдукевич, 1952. Рис. 55; 163; Зинько, Пономарев, 2001. С. 154. Рис. 4). Самостоятельную нишу здесь смогли занять только высокогорлые кувшины с плоской ручкой, появившиеся примерно в то же время.

Благодаря торговым связям, вскоре эти амфоры распространились далеко за пределами полуострова. Они найдены на территории Абхазии (Бгажба, 1977. С. 14. Табл. VII), на правобережье Кубани (Тарабанов, 1993. С. 120, 121), в Таматархе (Плетнева, 1963. Рис. 28), на городищах и поселениях Подонья и Приазовья (Плетнева, 1959. С. 261–266; 1994. С. 329; Флеоров, 1994. С. 486, 487; Кравченко, Давыденко, 2001. С. 245. Рис. 20, 24–26). Присутствуют

они и на славянских памятниках (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 42, 55, 65, 68; Брайчевская, 1963. С. 281; Березовец, 1963. С. 175. Рис. 17, 12–14).

В следующий **тип 2** объединено несколько вариантов причерноморских амфор, корпус которых был украшен мелким зональным рифлением. В последние годы все чаще время их бытования определяется в пределах VIII–XI вв. (Седикова, 1997. С. 12, 13; Айбабин, 2000. С. 171, 172; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001. С. 77; Пономарев, 2003а. С. 267, 268), хотя есть мнение, что твердо датировемых комплексов VIII в., где они были бы представлены, пока еще не найдено (Науменко, 1997. С. 332). Этому утверждению, на наш взгляд, противоречат ряд находок в Крыму и на Пастырском городище (Приходнюк, 2001. С. 65. Фото 24, 1, 2; Пономарев 2003. С. 267, 268). В юго-восточном Крыму и на Керченском полуострове эти амфоры преобладают до середины IX века (Майко, 2000. С. 102; Пономарев, 2003а. С. 268).

В зависимости от формы горла и венчика выделяются следующие варианты.

Вариант 2 (Рис. 4, 10, 13, 14). *Амфоры с плоскосрезанным венчиком*, соответствующие классу 24 по классификации средневековых амфор Херсонеса (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 53. Табл. 20–22, № 91–95). Изготавливались они из плотной глины, цвета которой варьируются от кирпично-красного до серого и серо-зеленого оттенков. В Херсонесе они известны в комплексах первой половины IX в.

Вариант 3 (Рис. 4, 5, 11). *Амфоры с венчиком в виде полувалика и ребром* в средней части горла. Изготовлены из плотной глины кирпично-красного цвета. Впервые выделены при раскопках водохранилища первой половины IX в. в Херсонесе. Соответствуют **классу 30 типу 1** (по: Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 56, 57. Табл. 25, 26, № 110–115) или типу III (по: Седикова, 1995. С. 171. Рис. 4).

Вариант 4 (Рис. 4, 12). *Амфоры с нависающим подтреугольным в сечении венчиком*. Изготовлены из плотной глины различных оттенков красного цвета. Впервые выделены при раскопках водохранилища первой половины IX в. в Херсонесе. Соответствуют **классу 30 типу 2 варианту 1** (по: Романчук, Сазанов,

Седикова, 1995. С. 57. Табл. 26. № 116–118) или типу II по (Седикова, 1995. С. 171. Рис. 3).

Одной из особенностей амфор с мелким зональным рифлением является множество нанесенных на их корпус разнообразных граффити (ср.: Фронджуло, 1968. Рис. 8; Зинько, Пономарев, 1999. Рис. 2). С поселения Героевка-6 происходит граффити в виде буквы «К» (Рис. 3, 7). Интерпретировать его можно по-разному. Он мог указывать на содержимое сосуда, к примеру, просо (ΚΕΥΧΡΟΣ) (Довженко, 2001. С. 96); ячмень, пиво, белое вино (ΚΡΙΘΗΝ, ΚΡΙΘΙΝΟΣ ΟΙΝΟΣ, ΚΙΡΡΟΣ) (Соломоник, 1984. С. 18; Молев, 2000. С. 92). Мог обозначать качество продукта: чистый, отличный, хороший (ΚΑΛΟΣ) (Романчук, 1986. С. 175; Булгаков, 2001. С. 156. Рис. 1, 13), или же порядковый номер сосуда, его объем (Романчук, 1986. С. 175). Не исключено, что это первая буква имени владельца товара (амфоры) или его получателя.

Еще одно граффити в виде трех параллельных линий было нанесено на ручку амфоры (Рис. 4, 19). Подобные знаки известны на различных амфорах из Саркела (Флерова, 1997. С. 78. Табл. XV, № 66, 281, 305–310), причем 41% из них также располагались на ручках или на месте их крепления к тулову. По мнению Д.Б. Шелова, проанализировавшего дипинти на позднеантичных светлоглиняных амфорах, на их горло наносили аббревиатуру продукта, меру и величину его объема. На плечиках сокращенное имя владельца, реже — меру и величину объема. На ручках в свою очередь ставили дополнительные метки (Шелов, 1989. С. 97–125). К примеру, это мог быть порядковый номер амфоры, какой-то части товара.

Единовременными амфорам типа 3 и 4, по всей видимости, являются большие тарные сосуды в виде кастрюль, горло которых было орнаментировано врезным, нанесенным при помощи штампа линейно-арочным орнаментом (Романчук, Седикова, 1991. С. 40. Рис. 5, 8, 9). Найдены они пока что только в засыпи водохранилища первой половины IX в. в Херсонесе. К сожалению, на поселении Героевка-6 они представлены единственным фрагментом стенки (Рис. 4, 18), поэтому предварительно мы можем отнести ее сразу к двум классам сосудов: **классу 33** и **классу 35**

по (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 59. Табл. 27, № 123. С. 60. Табл. 27, № 127).

К **транспортной таре** относятся и высокогорлые кувшины с плоской ручкой, датирующиеся серединой-второй половиной IX в. — концом XI в. — началом (первыми десятилетиями) XII в. (Сазанов, 1994. С. 47; Майко, 2000. С. 104; Герцен, Науменко, 2001. С. 138). Большинство исследователей согласны с тем, что производились они в Таматархе или ее окрестностях (Плетнева, 1963. С. 54), а в сферу их применения, помимо прочего, входила транспортировка нефти, месторождения которой находились на Таманском и Керченском полуостровах (Кострин, 1967. С. 285–289). Правда, следует отметить, что эксклюзивной тарой для этого специфического продукта они не были (Анфимов, 1953). На Керченском полуострове кувшины обнаружены на всех без исключения раскопанных салтовских памятниках (Гайдукевич, 1952. Рис. 57; Гадло, 1980. Рис. 8; Зинько, Пономарев, 2001. С. 154, 155; Шелов, 1957. Рис. 39, 4), включая и Героевку-6 (Рис. 4, 5–7). В зависимости от цвета глины они разделяются на две группы. Наиболее ранние, как считает С.А. Плетнева, изготавливались из красной глины различных оттенков вплоть до бордово-коричневого (Плетнева, 1963. С. 54), соответственно поздние, отнесенные ею к X–XI вв. отличались оранжевой глиной. На рассматриваемом нами памятнике преобладали кувшины первой группы, причем только половина стенок была покрыта нефтяной смолой. Кажется вполне естественным, что они могли использовать и в качестве столовых сосудов.

К последней категории тарной керамики относятся немногочисленные фрагменты красноглиняных и бордооглиняных фляг (Рис. 4, 20, 21, 23). Производились они в тех же печах, что и причерноморские амфоры, и соответственно датируются VIII–IX вв. (Якобсон, 1979. С. 39. Рис. 19).

Столовая керамика представлена тремя категориями находок. Наиболее многочисленны так называемые ойнохойи «баклинского» или «скалистинского» типа (Рис. 4, 24–27). Как и прочая рассмотренная выше керамика, они относились к продукции гончарных центров Крыма. Наиболее ранние из них обнаружены в склепах первой половины

VII в. (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 191), а в VIII–IX вв., как массовый материал, встречаются не только в Крыму, но и за его пределами. По мнению ряда исследователей, широко использовались ойнохойи до IX в. (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 191; Баранов, 1990. С. 25), хотя есть мнение, что могли бытовать и до первой половины XI в. Однако это предположение основано пока что только на материалах раскопок Херсонеса (Сазанов, 1994. С. 48).

Большая часть обнаруженных на поселении фрагментов ойнохой принадлежит сосудам, изготовленным из плотной глины, приобретшей после обжига довольно широкую гамму красных и светло-коричневых оттенков. Намного реже встречались сероглиняные, покрытые прозрачно-желтым ангобом. Верхняя часть тулова зачастую украшалось линейно-волнистым или линейно-арочным орнаментом, нанесенным белым ангобом, а на месте крепления ручки к горлу наносилось пальцевое вдавление. В редких случаях традиционный для них прием декорирования заменяли другим. Среди подобного рода находок отметим фрагмент ручки, на верхнюю плоскость которой последовательно нанесены сразу четыре пальцевых вдавления (Рис. 4, 27). К числу редких можно отнести и фрагмент стенки, где орнамент нанесен не ангобом, а при помощи гребенчатого штампа. При этом мотив его более характерен для керамики салтово-маяцкой культуры (Рис. 4, 2). Орнаментированные похожим образом ойнохойи известны на городище Тепсень (Майко, 2000. Рис. 4, 8) и Скалистинском могильнике (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 191), хотя, несомненно, круг аналогии значительно шире.

К следующей категории относится **лощенная салтовская керамика**. На Керченском полуострове она обнаружена на всех исследованных поселениях, но целые или реконструируемые формы известны пока только на двух из них. С поселения Геровка-3 происходят крупные фрагменты двух корчаг с петлевыми ручками и кувшин, а на городище Тиритака в разные годы были найдены кубышки, кувшины и фигурный сосуд (Гадло, 1968. Рис. 19 в; Гайдукевич, 1952. Рис. 164; Баранов, 1990. С. 101. Рис. 35, 6, 9; Зинько, Пономарев, Зинько, 2004. С. 132). Остальная

масса находок представлена небольшими фрагментами, к тому же стенками, по которым восстановить форму сосуда и соотнести его с каким-то известным типом довольно затруднительно. Не является исключением и малочисленная коллекция лощеной посуды с поселения Героевка-6. В основном это стенки, украшенные сплошным лощением и реже лощением в виде вертикальных полос или косой сетки (Рис. 4, 29, 30). Единственный профиль представляет собой фрагмент горла сероглиняного кувшина, ручка которого украшена поперечными полосами лощения (Рис. 4, 28). Наиболее близкие аналогии ему происходят с Таманского городища и Фанагории, где датируются в широких пределах VIII–X вв. (Плетнева, 1963. С. 39, 40. Рис. 22, 4; Атавин, 1992. С. 179. Рис. 5, 2).

К числу наиболее редких находок относится белоглиняная поливная посуда середины IX — X вв., представленная тремя фрагментами стенок покрытых прозрачной оливковой глазурью (Зинько, 2003. С. 204). Помимо Героевки-6, на Керченском полуострове она отмечена только на двух салтовских поселениях: Героевке-3 и у с. Алексеевка. Здесь были обнаружены обломки сосудов, покрытых глазурью светло-желтого и пятнисто-зеленого цвета, в т.ч. с рельефным, нанесенным штампом, орнаментом (Шелов, 1957. С. 100; Макарова, 1967. С. 10). Немногочисленность поливной керамики отмечена и на других салтовских памятниках Крыма (Майко, 2000. С. 110). Приобретать же эту дорогостоящую импортную посуду получили возможность в основном жители крупных городских центров и приморских поселений полуострова.

Кухонный керамический комплекс поселения Героевка-6 характеризуют различные по форме венчика и тулова горшки салтовского облика. Все они изготовлены на ручном гончарном круге из глины, которая после обжига приобрела серый и коричневый цвет. В качестве отошителей в формовочной массе использованы: толченая морская ракушка, карбонатные породы, морской и детритусовый песок, шамот, сухая глина и железистые частицы (Пономарев, 2003б. С. 217, 218). Большей частью имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты принадлежали яйцевидным и шаровидным горшкам с плоским дном, завер-

шающимся округлым, плоскосрезанным или подтреугольным в сечении венчиком (Рис. 4, 32–40). Тулово их украшено врезным, горизонтальным или горизонтально-волнистым орнаментом, который чаще всего наносился гребенкой, реже простым орудием из дерева или кости. Способы орнаментации венчика были гораздо разнообразнее. Его наносили при помощи вдавлений, насечек, наколов и пальцевых зацепов. В качестве основных стилистических элементов использовались различные геометрические и абстрактные фигуры (Пономарев, 2003б. Рис. 3). Подобные горшки находят аналогии в пределах обширного региона, включая Подонье, Таманский полуостров и Крым (Плетнева, 1963. Рис. 11, 12; Красильников, 1999. С. 170–177; Баранов, 1990. Рис. 31; 32). На Керченском полуострове это одна из массовых категорий находок, по количеству уступающая только амфорам (Зинько, Пономарев, 1999. Табл. 1).

Помимо кухонных горшков в салтовских гончарных мастерских изготавливали **массивные горшки-пифосы**. Они отличались вытянутым яйцевидным туловом, более толстыми стенками и оттянутым к плечикам венчиком в виде перевитого жгута (Плетнева, 1959. С. 222. Рис. 9, 12, 13; Тарабанов, 1993. С. 120. Рис. 6, а–з; Красильников, 1976. С. 274. Рис. 3, б). Большинство исследователей согласны с тем, что использовали их в качестве тары, о чем свидетельствует не только их вытянутая форма и толщина стенок, но и отсутствие на стенках следов копоти. На Керченском полуострове они найдены на многих салтовских поселениях, включая Героевку-6 (Рис. 4, 31) (Гадло, 1968. Рис. 19, е; 1969. Рис. 3, б; Гайдукевич, 1952. Рис. 124, 2, 3), хотя в количественном отношении значительно уступают кухонным горшкам.

Керамические изделия специального назначения представлены ручкой крышки, изготовленной из глины, совершенно аналогичной салтовским горшкам (Рис. 4, 22). Среди других находок отметим обломки **рюмок** выдутых из изумрудно-зеленого и светло-зеленого стекла на массивных плоских подставках, соответствующих **типу II** по классификации А.И. Айбабина (Айбабин, 1976. С. 27, 28). Изделия из камня представлены фрагментами ротационных ручных жер-

новов. Изготавливались они на Керченском полуострове, изобилующем подходящим для этого сырьем. Одна из каменоломен, где их изготавливали, была обнаружена В.М. Маликовым на окраине с. Слюсарев (Баранов, 1990. С. 72).

Как уже упоминалось выше, в процессе раскопок на поселении Героевка-6 были исследованы остатки трех строительных комплексов и одиночное погребение (могила 1).

Могила-1 (Рис. 9; 10) обнаружена в восточной части поселения, на краю береговой террасы, в 40–45 м от ближайших построек. Захоронение совершено в грунтовой яме, перекрытой в средней части несколькими необработанными известняковыми камнями. Могильная яма прямоугольной в плане формы, углы закруглены. Размеры: 2,41 × 1,03 м, глубина 0,75 м. Ориентирована в направлении запад—восток. Погребенный, по определению И. Аветиковой, мужчина возрастом до 25 лет, уложен в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Правая верхняя конечность вытянута вдоль туловища, левая согнута в локтевом суставе, кисть покоится на грудной клетке. Состояние костяка погребенного свидетельствует о том, что после смерти над ним был совершен обряд обезвреживания (Пономарев, 2002. С. 153). Об этом свидетельствуют отсутствующие пяточные кости и фаланги нижних конечностей, при общей хорошей сохранности и анатомическом порядке костяка. Отчленение ступней у трупа — как один из способов обряда обезвреживания погребенного неоднократно фиксировался на праболгарских могильниках VIII–X вв. в северо-восточной Болгарии (Флеров, 1993. С. 56). Известен он и на грунтовой могильнике у окраины поселения Тау-Кипчак в Крымском предгорье, где, кстати, большая часть погребенных также была уложена головой на восток (Баранов, 1990. С. 115).

Погребальный инвентарь был довольно многочисленным и разнообразным. У тазовых костей, слева от погребенного, лежал железный нож — кинжал с прямой спинкой и клиновидным в сечении лезвием, длиной не менее 21 см (Рис. 10, 1), образует одну линию. По мнению ряда исследователей, кинжалы такой длины можно считать боевыми (Майко, 2002. С. 102). Под рукоятью ножа нахо-

дились два кремня (Рис. 10, 9, 10). У черепа обнаружены обломки еще одного, но более короткого фрагментированного ножа и обломков бронзовой пластины (Рис. 10, 2, 3). Под нижней челюстью найдена дисковидная бузина из синего пастового стекла, орнаментированная белыми кругами (Рис. 10, 11). Вполне возможно, что для владельца она служила амулетом-апотропеем. У правого плеча лежал оселок со сквозным отверстием (Рис. 10, 12), а у локтевого сустава правой конечности — железная пряжка с прямым язычком, тыльная часть рамки прямоугольная, передняя скруглена (Рис. 10, 4). На правой груди зачищено скопление из 40 бронзовых гвоздиков и скоб (Рис. 10, 5–7), а в районе крестца часть костяной пластины — обкладки со сквозным отверстием под штифт (Рис. 10, 8). В целом инвентарь погребения можно отнести к VIII в., поскольку для следующего столетия характерен уже совершенно иной погребальный обряд (Пономарев, 2004).

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС I (Рис. 5, 1). Представлял однокамерное или двухкамерное наземное жилище, ориентированное углами по сторонам света. К сожалению, большая его часть разрушена вспашкой, частично сохранился только западный угол постройки. Остатки примыкающих друг к другу стен прослежены на длину до 2,5 м и на уровне нижнего ряда камней цоколя. Ширина стен достигает 0,9 м, кладка двухпанцирная, трехслойная, на суглинистом растворе. Цоколи сложены из необработанных камней. В западном углу помещения находился заком, остатки которого зачищены в виде площадки размерами 1,75 × 1,0 м, вымощенной небольшими камнями скрепленных суглинком. С юго-востока площадку обрамляют врытые до половины в грунт и установленные на ребро две прямоугольные известняковые плитки, предохраняющие ее от деформации.

Археологический материал, выявленный среди остатков постройки, представлен разнообразной керамикой. Преобладали обломки причерноморских амфор с крупным бороздчатым рифлением (тип I) (Рис. 6, 1–4) и салтовские кухонные горшки. Тулово последних орнаментировано горизонтальным и горизонтально-волнистым рифлением, венчик — косыми насечками и вдавлениями, на-

несенными многозубчатым штампом (Рис. 5, 3–13). Среди других находок отметим фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (Рис. 6, 5), дна фляги (Рис. 6, 6), венчика баклинской ойнохойи (Рис. 6, 7), стенки сероглиняного сосуда (Рис. 6, 8) и ротационный жернов (Рис. 5, 2).

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС II (Рис. 7, 1). Располагался примерно в 50 м к северо-западу от СК I. Представлял собой двухкамерную, трапезиевидную в плане наземную постройку, ориентированную по длинной оси в направлении запад—восток. Размеры: ширина 6,5 м, длина не менее 11 м. Стены шириной 0,9–1,0 м сохранились частично на уровне нижнего ряда камней цоколя. Кладка стен трехслойная, двухпанцирная, на суглинистом растворе. Внутренние размеры западного помещения 4,7–4,8 × 4,1 м. Пол его заглублен на 0,2 м. Вход в помещение находился с южной стороны, где удалось проследить остатки ступени высотой 0,15 м, сложенной из необработанных плоских камней. В северо-западном углу находилась печь-каменка размерами 1,1 × 1,8 м. Размеры топочной камеры 1,2 × 0,8 м. В центре пода печи зачищен плоский камень, на который опирался столбик, поддерживающий ее свод. В северо-восточном углу помещения обнаружены остатки заком размерами 2,2 × 1,2 м. Его днище было приподнято над уровнем пола на 0,20 м и вымощено необработанными камнями, скрепленными суглинком.

Восточное помещение сохранилось гораздо хуже, поэтому размеры его реконструируются частично. Ширина составляла около 4 м, а длина не менее 4,6 м. Пол помещения, за исключением северо-западного угла, вымощен необработанными камнями, при этом следует отметить, что по нему же должна была проходить южная стена постройки, которая на этом участке оказалась полностью разрушенной.

С запада к комплексу II примыкала вымощенная необработанным камнем полукруглая в плане площадка размерами 3,0 × 5,3 м. По периметру она была огорожена стенкой толщиной 0,4–0,6 м. Вход находился с юго-востока. Судя по всему, это сооружение имело хозяйственное назначение. Возможно, это был небольшой загон для мелкого рогатого скота.

На полах постройки обнаружена раздавленная причерноморская амфора с крупным бороздчатым рифлением (Рис. 7, 2). Горло ее было закрыто известняковой крышкой (Рис. 7, 3). На стенках амфоры после обжига прочерчено два граффити. Верхнее могло означать имя владельца груза или же категорию товара (Зинько, Пономарев, 1999. С. 199). Нижний знак в виде двух косых крестов и наклонной линии, заведенные в прямоугольную рамку, скорее всего, отражал объем сосуда. Отсюда же происходит фрагмент салтовского горшка-пифоса с венчиком в виде перевитого жгута (Рис. 7, 4) и фрагмент открытого лепного светильника (Рис. 7, 5).

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС III (Рис. 8, 1). Располагался в 55 м к северо-востоку от СК II. Представлял собой двухкамерную наземную постройку, ориентированную по длинной оси в направлении север–юг. Ее стены толщиной 0,9–1,1 м сохранились частично и прослежены на уровне нижнего ряда камней цоколя. Кладка трехслойная, двух-

панцирная, на суглинистом растворе. Размеры постройки восстановить не удалось, поскольку большая часть ее уничтожена при вспашке. Лучше всего сохранилось северное помещение, на полу которого зачищены два открытых очага. Один из них диаметром 1,4 м, размеры другого 0,9 × 0,6 м. На полу помещения обнаружено дно желобчатого пифоса (Рис. 8, 3), донышко фляги (Рис. 8, 2), фрагменты бороздчатых причерноморских амфор (Рис. 8, 4) и обломки салтовских горшков (Рис. 8, 5, 6).

В целом все строительные комплексы следует датировать второй половиной IX — первой половиной X вв. Более ранних жилищ, в том числе полуземлянок, в 1991 году обнаружить не удалось, поскольку раскопки велись в пределах обширных каменных развалов, которые образовывались только вследствие разрушения крупных наземных (двухкамерных) построек. Более ранний период функционирования поселения отражает могила 1.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1976. Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. Т. XLI.

Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А.И., 2000. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Т. VII.

Анфимов Н.В., 1953. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. Вып. 49.

Атавин А.Г., 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. Вып. 1.

Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.

Баранов И.А., Майко В.В., 2000. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII.

Бгажба О.Х., 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми.

Березовец Д.Т., 1963. Поселения уличей на р. Тясмине // МИА. № 108.

Брайчевская А.Т., 1963. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье // МИА. № 108.

Булгаков В.В., 2001. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Гадло А.В., 1968. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. Вып. 113.

Гадло А.В., 1969. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 году // СА. № 1.

Гадло А.В., 1980. К истории восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск.

Гайдукевич В.Ф., 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., 2001. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Вып. 32.

Грач Н.Л., 1989. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.

Грач Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.

Дюженко Т.В., 2001. Средневековый граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.

Зинько В.Н., 1994. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка-2 и Героевка-6 // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тез. докл. межд. конф. Симферополь.

Зинько В.Н., 1997. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. конф. Симферополь.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 1999. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // АИБ. Т. III.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2000. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Т. VII.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2001. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Вып. I.

Зинько В.Н., 2003. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. Вып. IV.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В., 2004. Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні. 2002–2003 рр. Київ.

Ковнурко Г.М., 1968. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. Вып. 113.

Красильников К.И., 1976. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. № 3.

Красильников К.И., 1999. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури середньодонеччя // VITA ANTIQUA. Київ.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Майко В.В., 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII.

Майко В.В., 2002. Некоторые аспекты вооружения и конского снаряжения тюрок Таврики VIII–X вв. // Оръжие и снаряжение през къс-

ната античност и средновековието IV–XV в. Международна конференция. Варна.

Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда (из истории керамического импорта и производства Древней Руси) // САИ. Вып. E1–38.

Молев Е.А., 2000. Дипинти на амфорах из раскопок Китея // Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность — средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь.

Науменко В.Е., 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. Вып. I.

Паршина О.О., Тесленко И.Б., Зеленко С.М., 2001. Гончарні центри Таврики VIII–X ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ.

Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75.

Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Плетнева С.А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Т. IV.

Пономарев Л.Ю., 2002. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Вып. II.

Пономарев Л.Ю., 2003а. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III.

Пономарев Л.Ю., 2003б. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь.

Пономарев Л.Ю., 2004. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Вып. V.

Приходнюк О.М., 2001. Степове населення України та Східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ–Чернівці.

Романчук А.И., 1986. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. № 4.

Романчук А.И., Седикова Л.В., 1991. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов византийского

Херсона. Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург.

Сазанов А.В., 1994. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.

Седикова Л.В., 1995. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. № 2.

Седикова Л.В., 1997. Керамическое производство и импорт в Херсоне в IX в. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Соломоник Э.И., 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев.

Тарабанов В.А., 1993. Поселения болгар на правобережной Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.

Флеров В.С., 1993. Погребальные обряды на Севере Хазарии. Волгоград.

Флеров В.С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Т. IV.

Флерова В.Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Фронджуло М.А., 1968. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археология и история средневекового Крыма. Киев.

Шелов Д.Б., 1957. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 68.

Шелов Д.Б., 1989. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ. Т. XV.

Якобсон А.Л., 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. № 2.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

School T., Zin'ko V., 1999. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Веселов В.В., 1956. Дневник разведок 1956 г. (Рукопись).

Веселов В.В., 1963. Дневник археологических изысканий на Керченском полуострове и работы в Анапе в 1963 г. (Рукопись).

Веселов В.В., 1965. Из средневековой истории Керченского полуострова. (Рукопись, 1965 г.).

Гадло А.В., 1962. Отчет о работе Средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // Архив КГИКЗ. Д. 347.

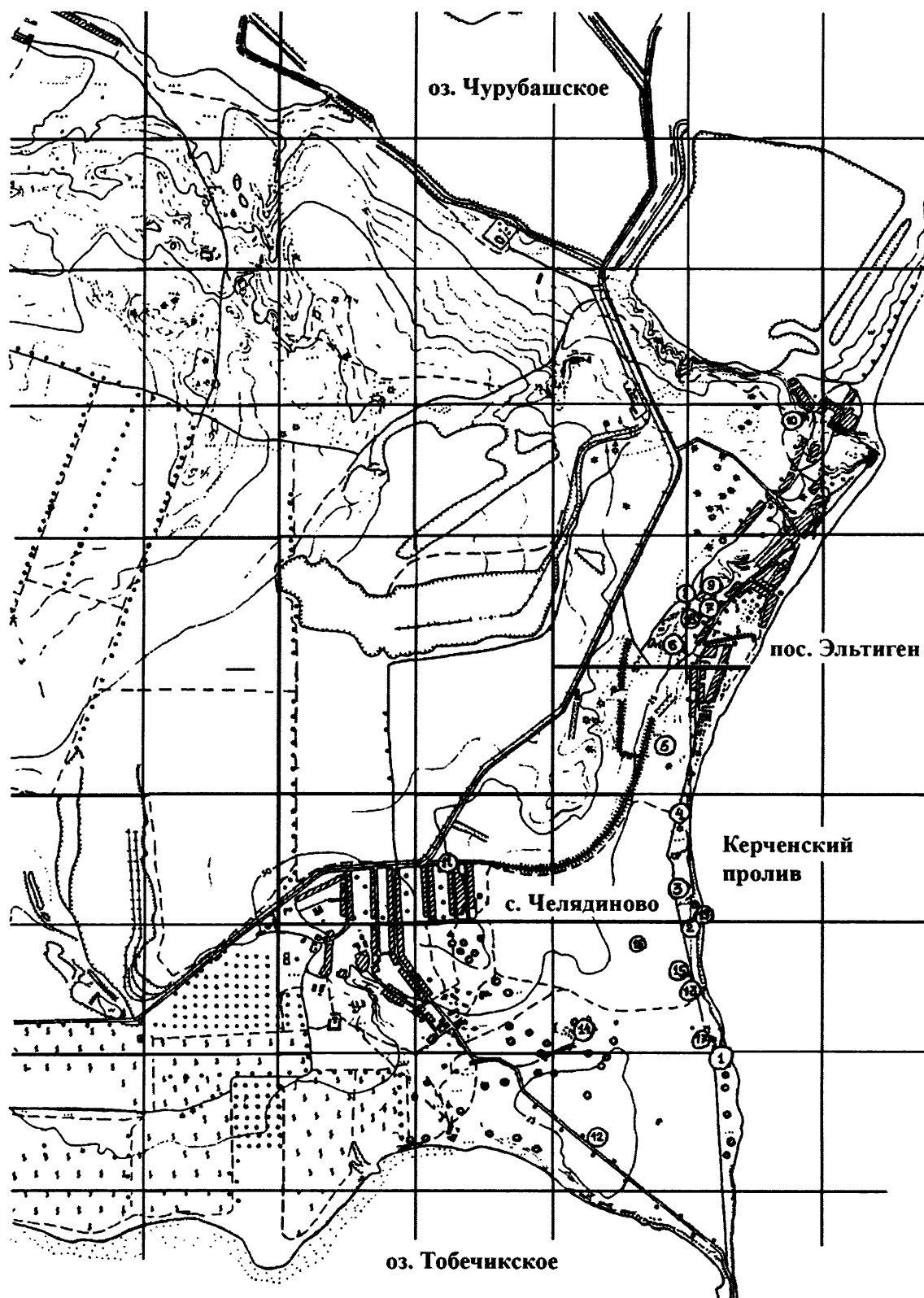

Рис. 1. Карта окрестностей п. Эльтиген с обозначением памятников салтово-маяцкого типа.
5 — поселение Героевка-6

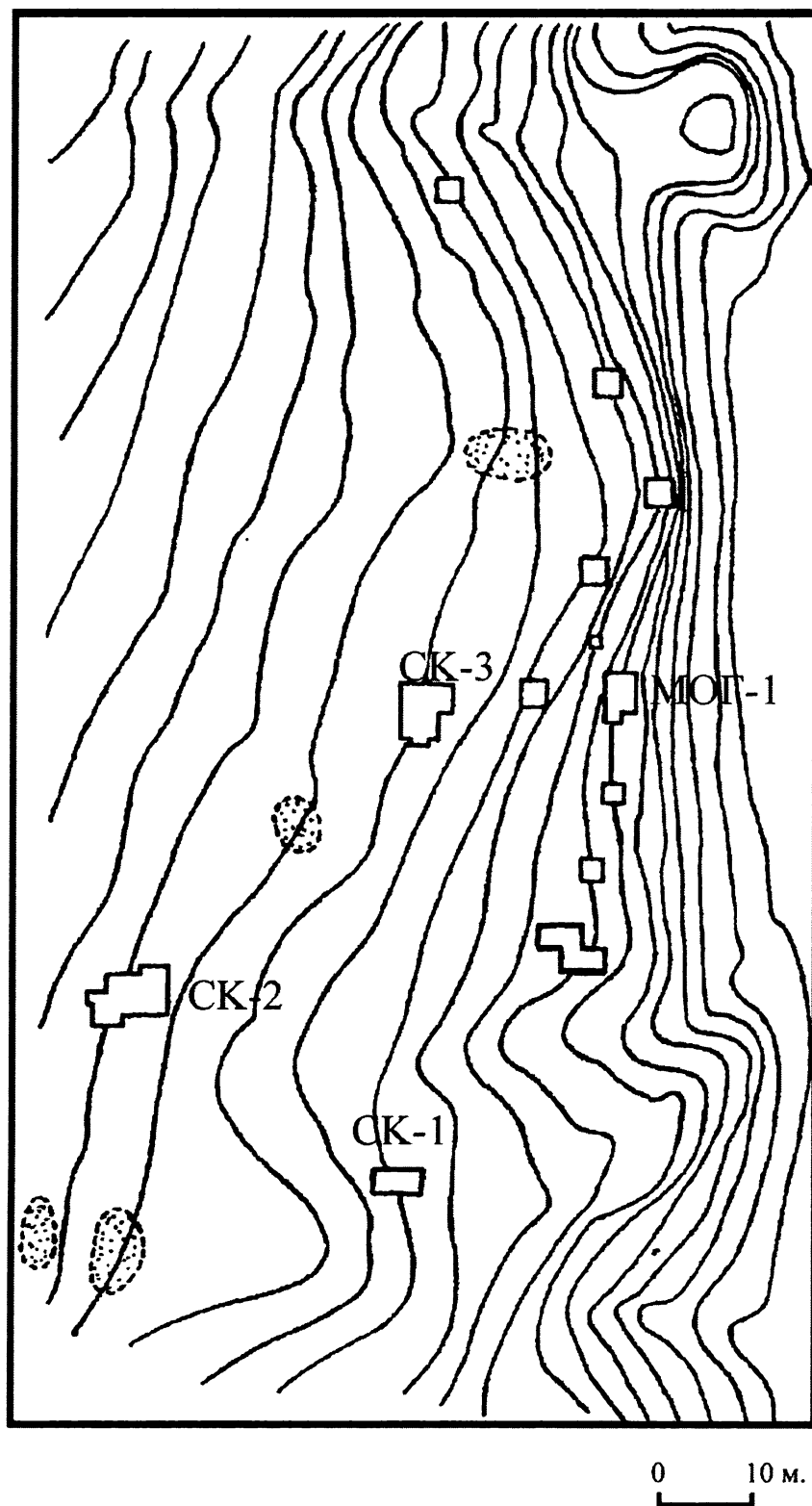

Рис. 2. План поселения Героевка-6

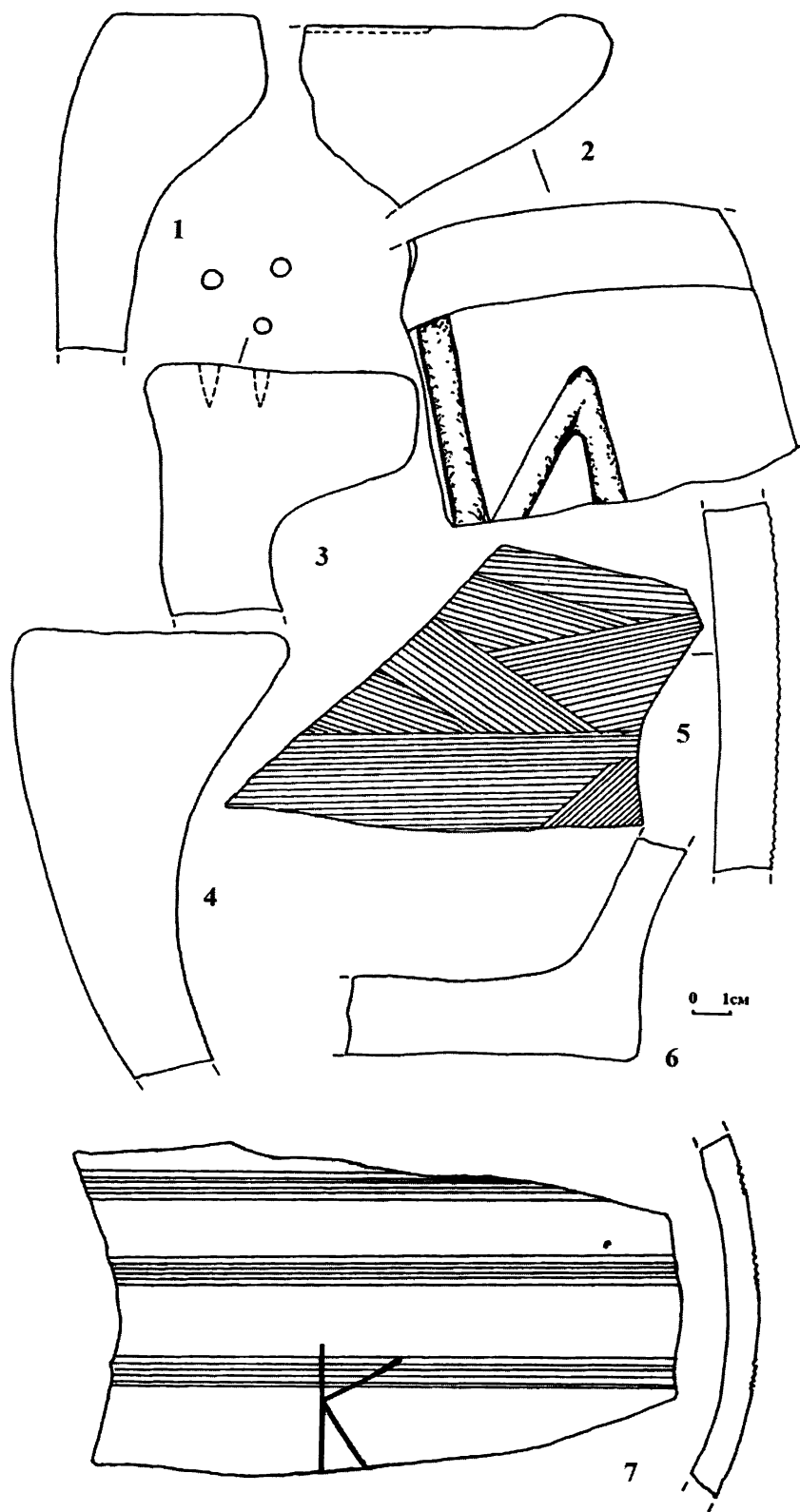

Рис. 3. Находки из гумусного слоя и желто-коричневого суглинка

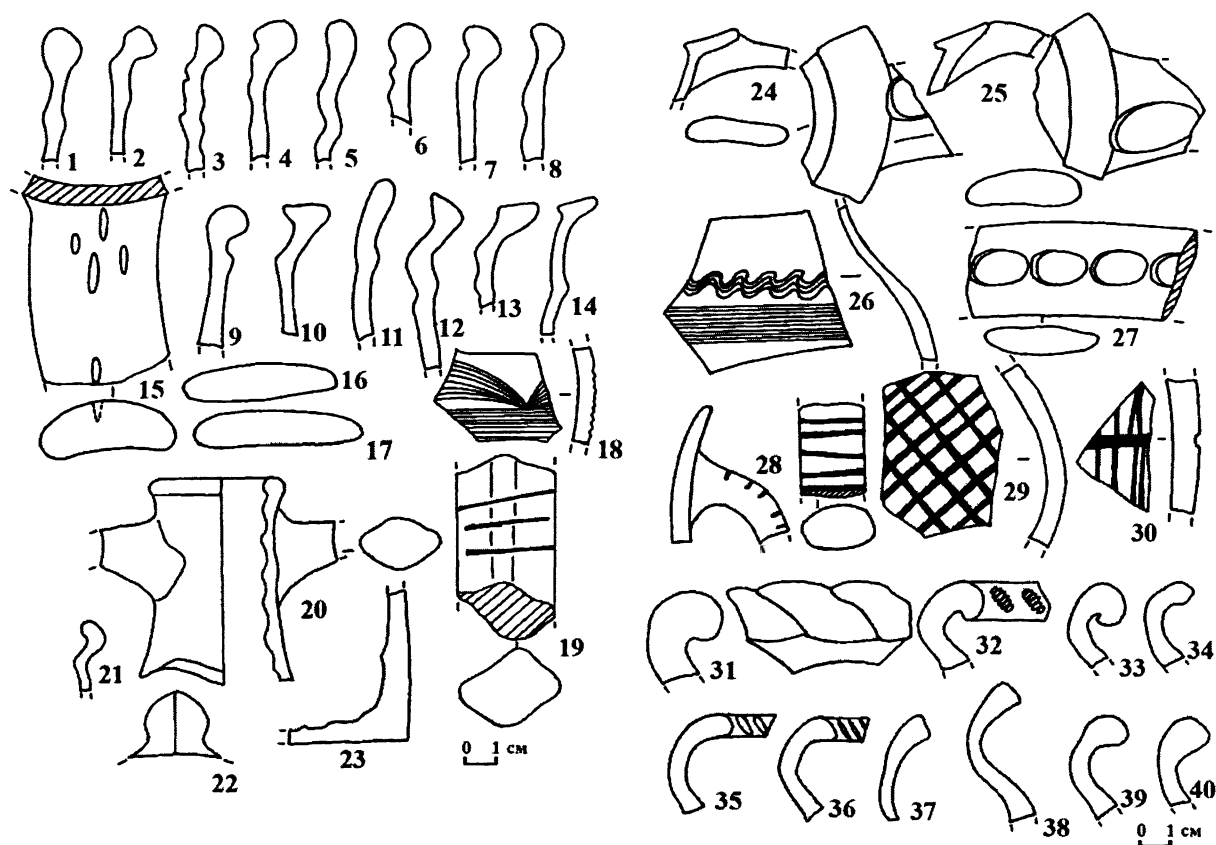

Рис. 4. Находки из гумусного слоя и желто-коричневого суглинка

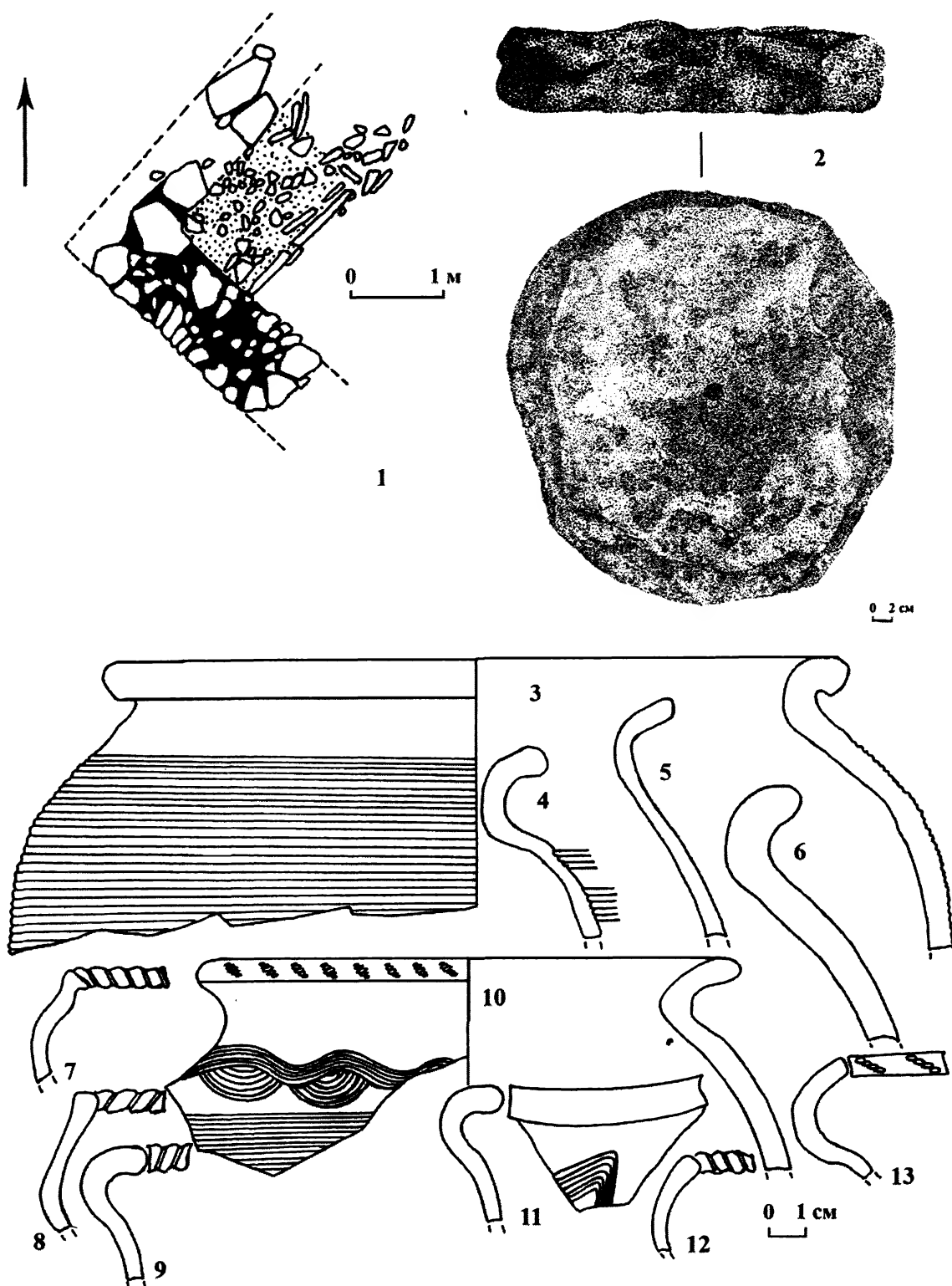

Рис. 5. СК I. План и находки из заполнения

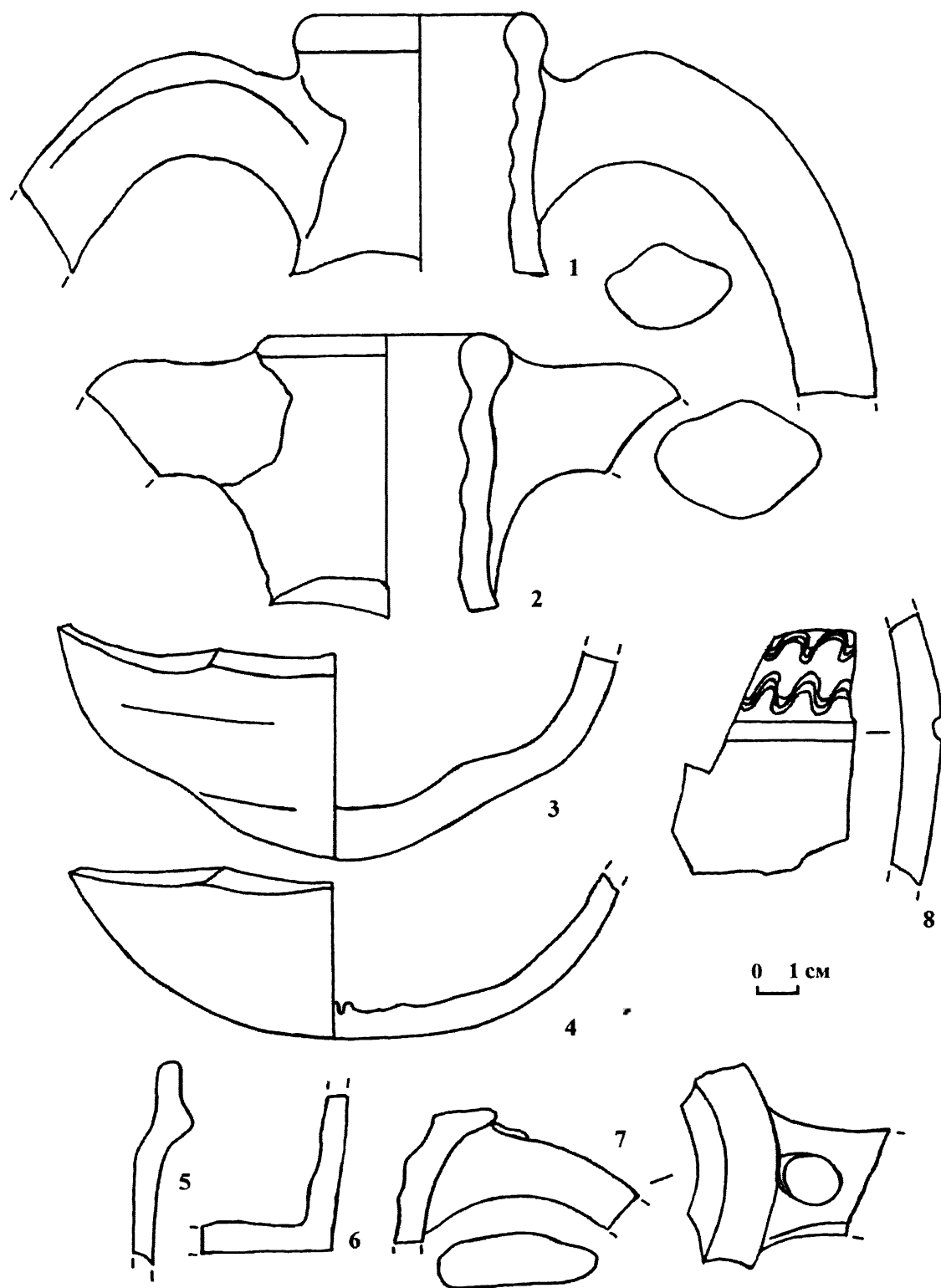

Рис. 6. Находки из заполнения СК I

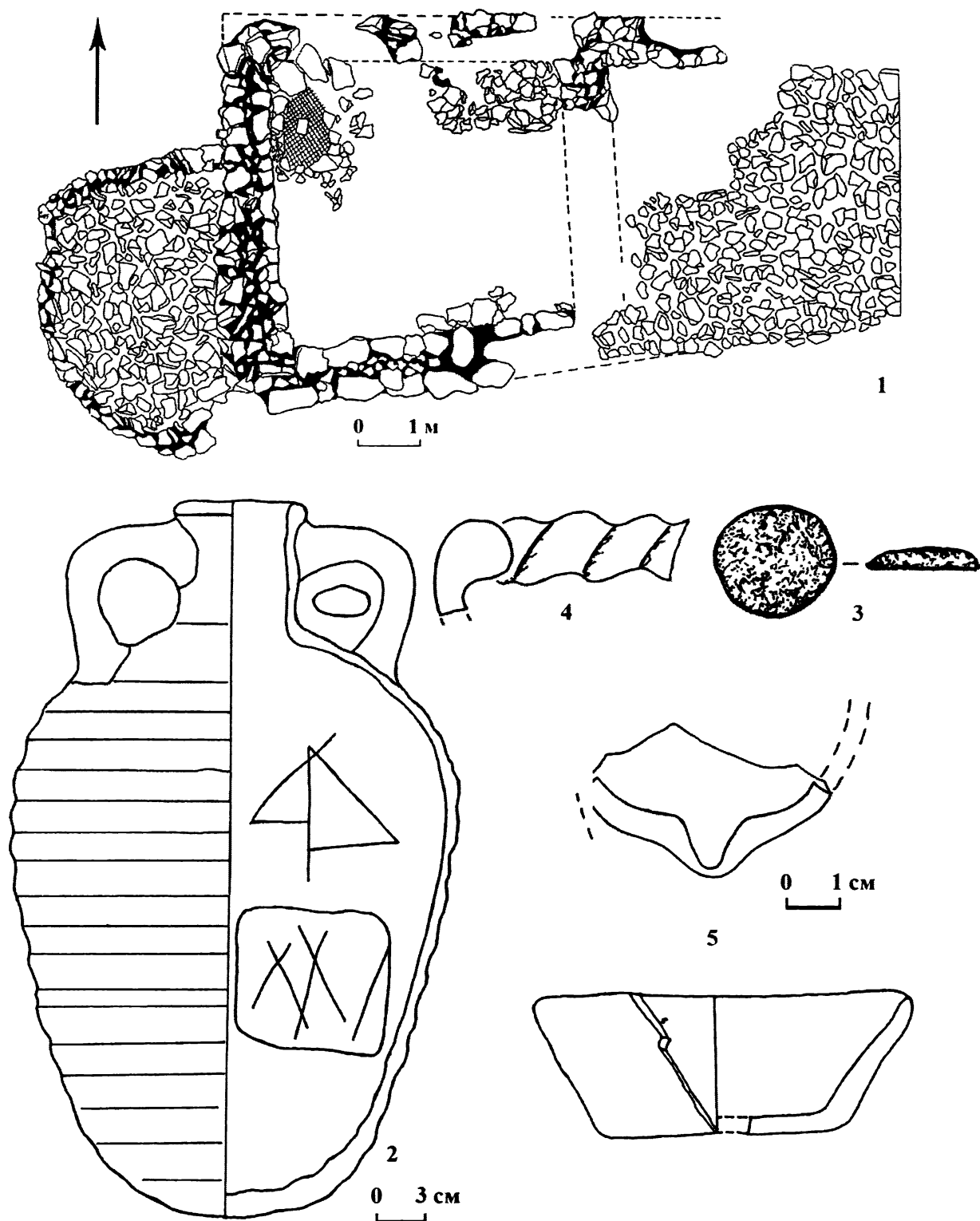

Рис. 7. СК II. План и находки из заполнения

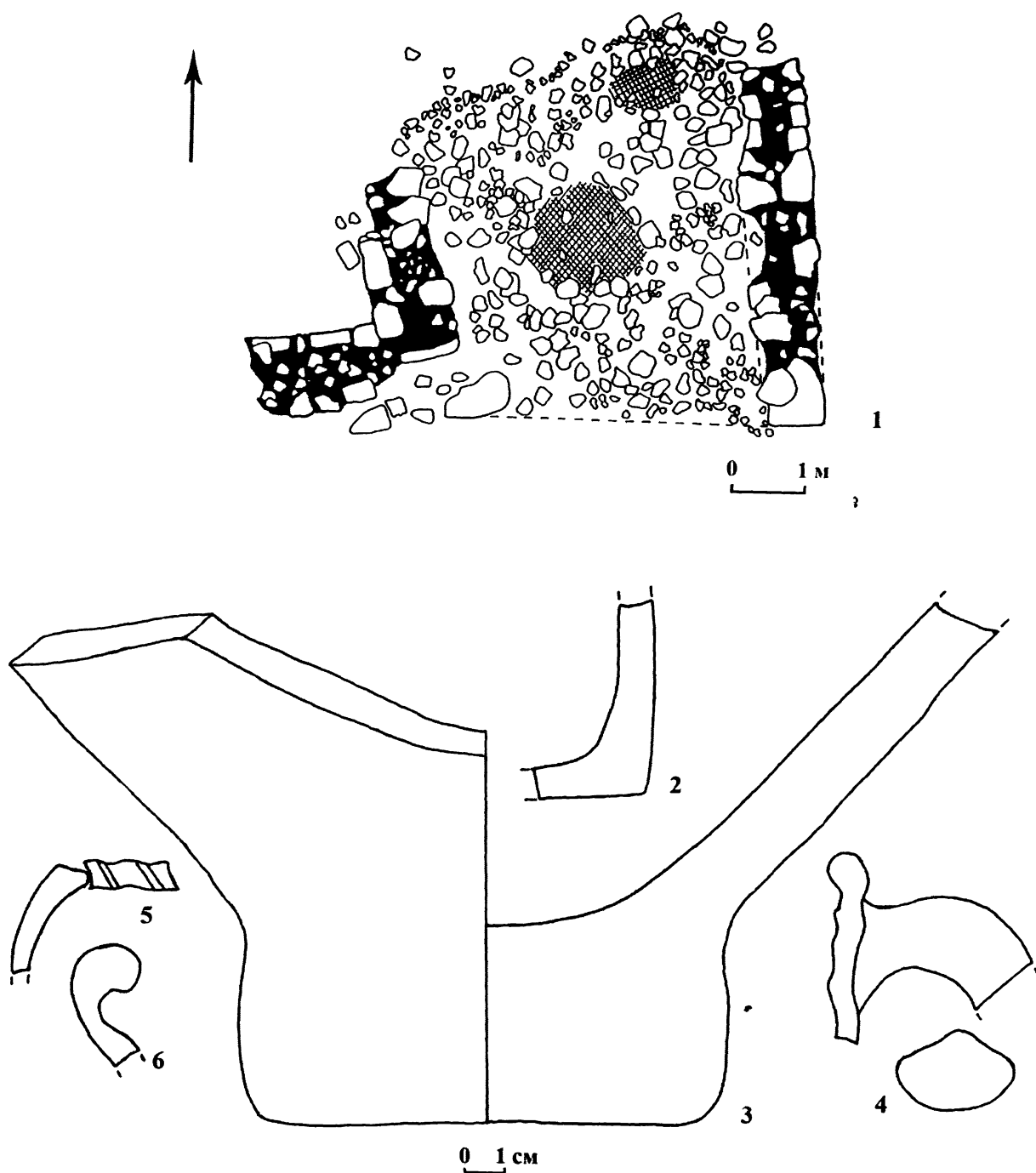

Рис. 8. СК III. План и находки из заполнения

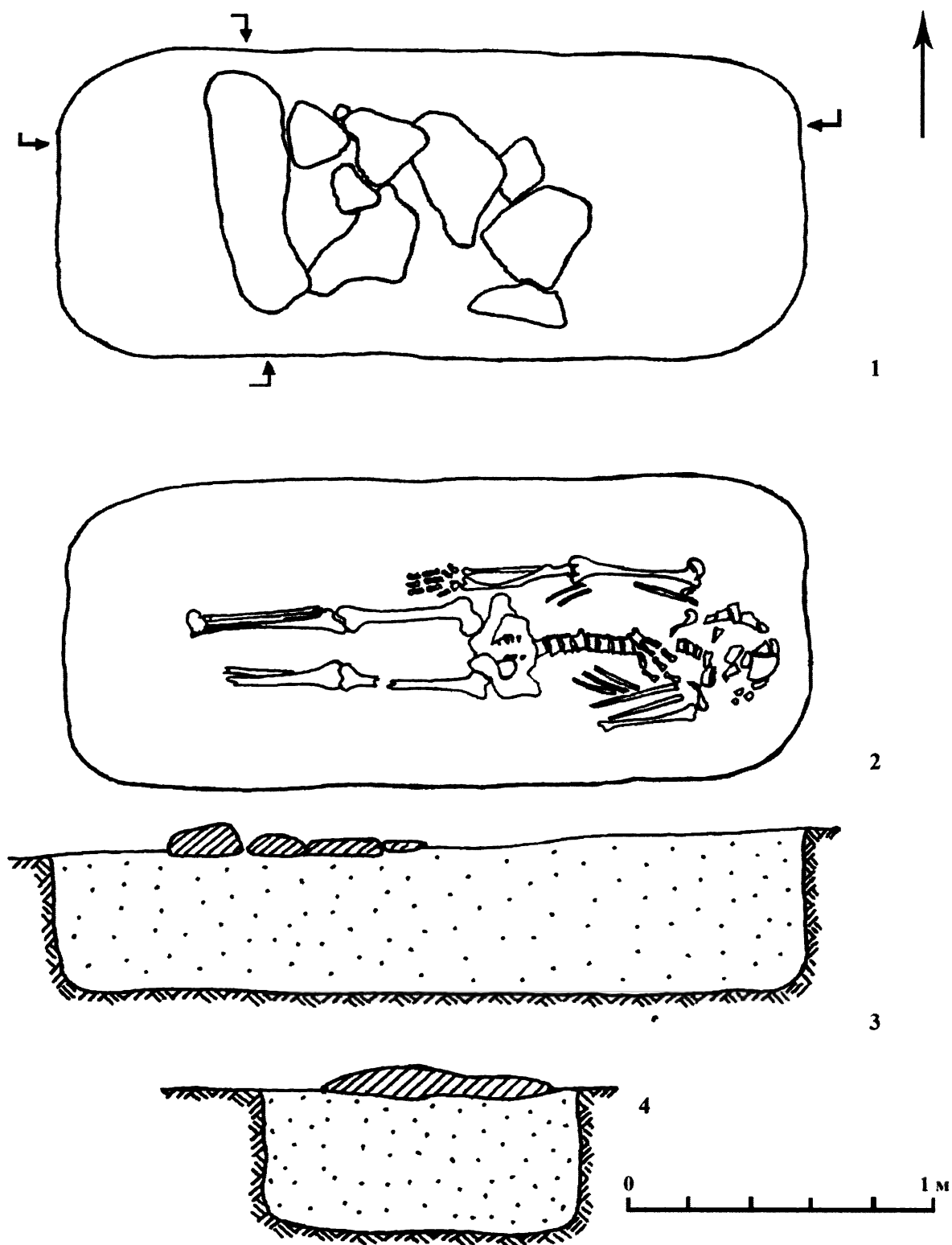

Рис. 9. Могила 1. Планы и разрезы

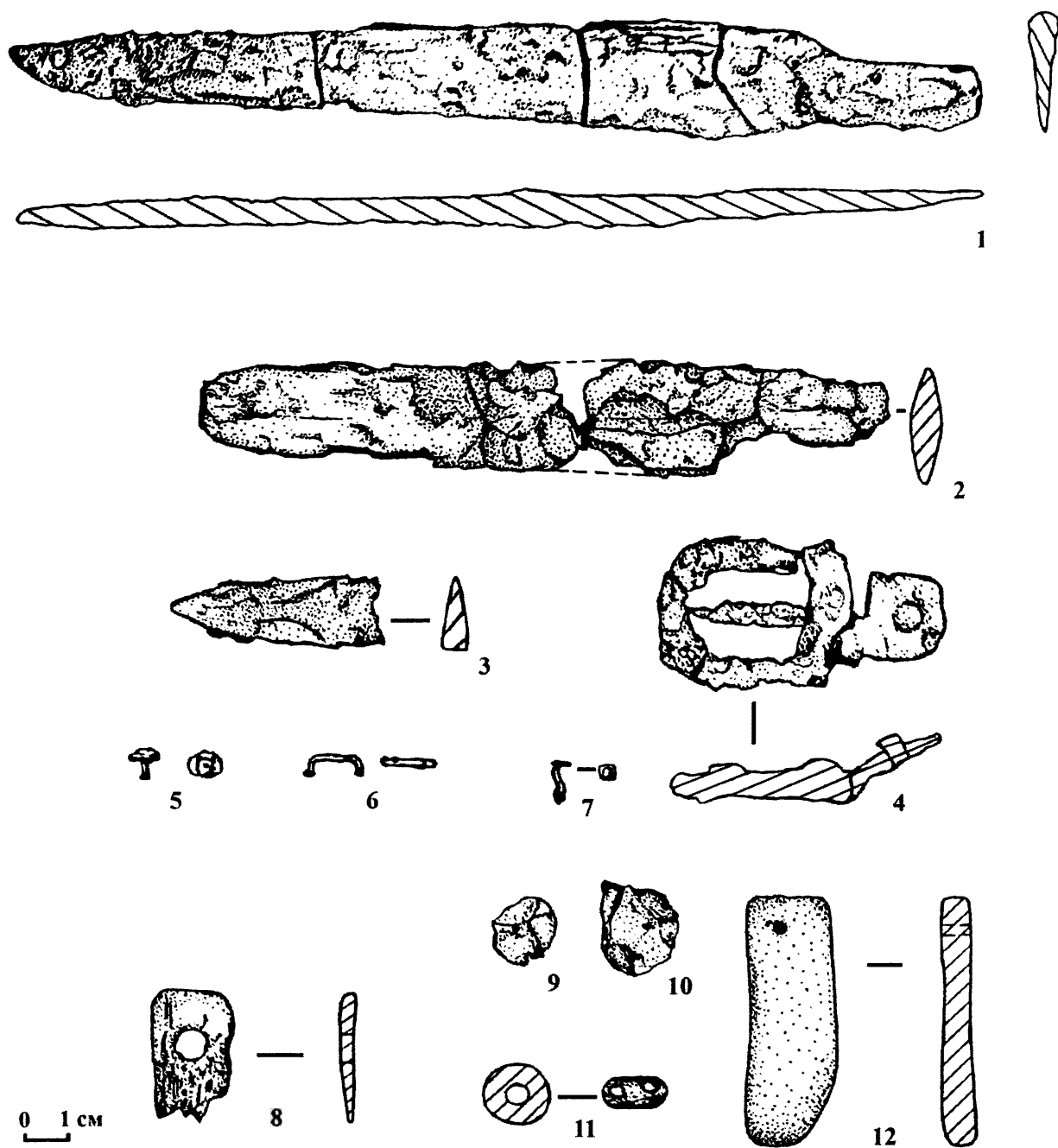

Рис. 10. Погребальный инвентарь из могилы 1

ЗЕРКАЛА ИЗ ПРАБОЛГАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЕЧЬЯ

В захоронениях салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца встречаются зачастую бронзовые или серебряные зеркала одного вида. Это литые зеркала с центральной петлей, диаметр которых колеблется от 5 до 7 см. Обратная сторона зеркал украшена рельефными концентрическими кругами, зигзагами, волнами, «жемчужинами», ячеистым орнаментом и т.п. (Плетнева, 1989. Рис. 51–53). Возникновение данного вида относится к концу II — III в. н.э. и связывается с шиповским этапом развития сарматской культуры юга Восточной Европы (Хазанов, 1963. С. 67). В наибольшем количестве зеркала этого вида встречены в северокавказских памятниках VI–IX вв. и в Крыму (Ковалевская, 1981. Рис. 62). В VIII–IX вв. зеркала с центральной петлей и рельефным орнаментом получают широкое распространение в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья (Плетнева, 1981. Рис. 37; Хазанов, 1963. С. 69). Зеркала этого типа встречены в катакомбных захоронениях всех известных аланских катакомбных могильников верхнего Подонечья. В целом зеркала с центральной петлей и орнаментом вокруг характерны для памятников, связываемых с сармато-аланским населением юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

Салтовские зеркала с центральной петелькой неоднократно становились объектом научного исследования (Иченская, 1982.

С. 151–163). Однако с салтовских памятников Подонцовья происходит целый ряд зеркал совершенно другого вида. Эти зеркала обнаружены в захоронениях биритуального могильника Красная Горка, в кремациях могильника Сухая Гомольша, в ингумационных захоронениях Червоногусаровского и Нетайловского могильников. Хотя следует отметить, что бронзовые зеркала классического «салтовского» типа с центральной петелькой все же изредка встречаются и в захоронениях выше названных могильников — погр. № 143, 291 могильника Красная Горка.

Зеркала, найденные в погребениях выше названных могильников, представлены следующими типами.

Тип. 1. Зеркала в форме круглой, иногда слегка выпуклой, пластины диаметром 8–10 см (Рис. 1, 1–6). Края зеркал местами уплощены с торцов, местами закруглены. Толщина пластины колеблется от 0,05 до 0,1–0,2 см. Орнамент отсутствует. Зеркала этого типа изготовлены из бронзовой пластины путем проковки с последующим обрезанием по краю для придания им круглой формы. Такие зеркала обнаружены в ингумационных погребениях № 90, 97, 164, 311 биритуального могильника Красная Горка, в кремациях № 93, 107 могильника Сухая Гомольша.

Зеркала этого типа получили наибольшее распространение на сусловском этапе разви-

тия сарматской культуры, в более позднее время количество находок их резко уменьшается (Хазанов, 1963. С. 64). Простота формы данного типа зеркал обусловила длительное время существования их у разных народов и на огромной территории. Для салтовских древностей второй половины VIII — первой половины X вв. зеркала этого типа представляются анахронизмом. Ближайшими аналогиями нашим зеркалам является зеркало из разрушенного кремационного комплекса могильника VIII–IX вв. Казазово 2 (Адыгея) (Пьянков, 2004. С. 53. Рис. 1, 1) и фрагмент зеркала из погребения второй половины VII — VIII вв. Шелехметского могильника (Самарская Лука) (Матвеева, 1997. С. 69. Рис. 113).

Показательно, что зеркала в виде круглой пластины встречены в верховьях Северского Донца пока исключительно на праболгарских салтовских могильниках, где присутствуют захоронения по обряду трупосожжения. Вопрос о смешанном (тюрко-угорско-сарматском) характере праболгарского населения верхнего Подонечья уже рассматривался в литературе (Аксенов, Тортика, 2001. С. 191–218).

Оба зеркала Сухогомольшанского могильника происходят из урновых захоронений, в составе инвентаря которых присутствовали коньковые шумящие подвески (Михеев, 1982. С. 156, 157. Рис. 2, 1–3), которые являются характерным атрибутом костюма финно-угорского населения Среднего Поволжья (Голубева, 1966. С. 83). Это позволило исследователю могильника В.К. Михееву предположить, что данные захоронения оставлены представителями угорского этноса, входившего в состав салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца (Михеев, 1982. С. 166). Как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, поэтому присутствие их в захоронениях следует однозначно рассматривать как свидетельство в составе сугомольшанской общины представительниц угорского этноса.

На могильнике Красная Горка зеркала в виде круглой пластины происходят исключительно из погребений по обряду трупоположения (Рис. 2, 1–5). Неоднократно отмеча-

лась близость ингумационных захоронений Красногорского могильника к представителям второй миграционной волне второй половины VIII — начала IX вв. тюрко-язычных кочевников (по И.А. Баранову), связанной с населением Поволжья и Приуралья. На это указывает западная ориентировка умерших могильника Красная Горка, использование наряду с простыми грунтовыми ямами могил с заплечиками, содержащих разнообразные внутримогильные деревянные конструкции (перекрытия, гробы-рамы, гробы-ящики, гробы-колоды), и присутствие захоронений человека с конем в одной яме (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996. С. 116–129; Аксенов, 2002. С. 6–17). Принадлежность представителей этой миграционной волны к смешанному тюрко-угорскому населению Поволжья и Приуралья является общепризнанной. Не противоречит данному факту, как нам представляется, захоронение умерших по двум обрядам. Так, на могильнике были отмечены случаи, когда кремационные захоронения были впущены в заполнение ингумационных погребений без разрушения последних, иногда они вообще были одновременными (Аксенов, 1999. С. 137–139). Основное и впущенное в него захоронение, при этом могли быть одногообрядовыми. Все это следует рассматривать как свидетельство о существовании в красногорской общине семей, члены которых принадлежали к разным, но этнически родственным группам, применявшим разный обряд захоронения умерших. Возможно, что разность в обряде захоронения на могильнике Красная Горка обусловлена временем смерти (осенне-зимний и весенне-летний периоды) или же обстоятельствами смерти. Для раннего средневековья биритуализм является характерной чертой погребальной обрядности части финно-угорского населения Южного Урала и Западной Сибири (Голубева, 1987. С. 74, 84, 101, 110; Розенфельд, 1987. С. 119; Могильников, 1987. С. 186). Ситуация, когда часть населения (социальная верхушка) сжигала умерших, а другая часть (рядовое население) — погребала умерших по обряду трупоположения зафиксирована и у раннесредневекового тюркоязычного населения степного пояса Евразии (Катанов, 1894. С. 159; Нестеров, 1980. С. 12).

Исходя из этого, зеркала в виде простой круглой пластины встречены в салтовских ингумационных и кремационных захоронениях, принадлежавших смешанному праболгарскому компоненту салтово-маяцкой культуры Подонцовья.

Тип 2. Зеркала с круглым плоским диском и боковой пластинчатой ручкой. Диаметр диска составляет 8–10 см. Длина ручки 4–7 см. Толщина пластины, из которой изготовлено зеркало, колеблется от 0,1 до 0,2 см. Зеркала этого типа могут быть изготовлены как из бронзовой, так и из серебряной пластины. Серебряные зеркала этого типа найдены в ингумационных погребениях № 196, 202, 208 Нетайловского могильника (Рис. 1, 8, 9). Фрагмент, по-видимому, такого же серебряного зеркала диаметром 11,0 см происходит из погребения № 39 того же могильника (Пархоменко, 1983. С. 85). В погребении № 399 Нетайловского могильника найдено бронзовое зеркало с ручкой с округлым расширением на конце (Рис. 1, 10).

Разновидностью зеркал с боковой пластинчатой ручкой, вероятно, являются зеркала в форме круглой пластины диаметром 8–10 см с небольшим пластинчатым боковым выступом высотой 1–2 см. Возможно, выступ в нижней части диска зеркал — это все, что осталось от отломавшейся в древности ручки. Можно предположить, что благодаря боковому выступу зеркала этого типа закреплялись в деревянной или костяной рукоятке: бронзовое зеркало этого типа обнаружено в погребении по обряду трупоположения № 88 могильника Красная Горка (Рис. 1, 7).

Зеркала с боковой ручкой из могильников бассейна Северского Донца находят аналогии в кочевнических древностях Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, начиная от скифо-сарматской эпохи до раннего средневековья. В раннее средневековье пластинчатые зеркала с боковой ручкой известны в древностях бахмутской (V–VI вв.) и кушнаренковской (V–VII вв.) культур Приуралья (Мажитов, 1968. С. 142. Рис. 18; Генинг, 1977. С. 85), в памятниках джет-асарской культуры (V–VII вв.) Приаралья (Левина, Равич, 1995. С. 122–161).

Типологически близкие бронзовые зеркала, но с округлым расширением на конце

ручки, происходят из приписываемых хазарам нижнедонских подкурганых «захоронений с ровиками» (Иванов, Копылов, 2001. Рис. 1). Встречены они и в раннеболгарских захоронениях конца VII — VIII вв. с территории Среднего Поволжья. Так, почти полной аналогией зеркалу из погребения № 399 Нетайловского могильника (Рис. 1, 10) является бронзовое зеркало из могильника Брусяны II (к. 34, погр. № 2), датируемое второй половиной VIII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 101. Рис. 19, 5, 7).

Показательным, как нам представляется, является тот факт, что большинство зеркал этого типа в Подонцовье происходят из захоронений Нетайловского могильника. Погребения Нетайловского могильника по целому ряду признаков соотносятся с погребениями праболгар (оногуров) Крыма второй половины VII — первой половины VIII вв. (Баранов, 1990. С. 117) и с захоронениями новинковского типа с территории Среднего Поволжья (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). Их сближает восточная ориентировка погребенных, малочисленность погребально-инвентаря, единичность внутримогильных конструкций из дерева, наличие в могилах черепа и костей ног коня, ритуальное разрушение костяков.

Как считают исследователи, захоронения новинковского типа второй половины VII — VIII вв. с территории Среднего Поволжья принадлежат выходцам из Великой Болгарии Кубрата, бежавшим на Волгу после ее гибели под ударами хазар. По-видимому в этом же контексте следует рассматривать население, оставившее погребения Нетайловского могильника. Косвенным подтверждением принадлежности части нетайловских погребений оногурам является и факт обнаружения в некоторых погребениях могильника ажурных серебряных литых элементов поясной гарнитуры (пряжек, бляшек, наконечников) (Крыганов, 1997. Табл. XLV, 7–10), отражающих общекочевническую моду второй половины VII — середины VIII вв. Аналогичные детали поясной гарнитуры происходят из погребений в курганах с ровиками, связываемые с хазарами (Иванов, Копылов, Науменко, 2000. С. 81–90). Праболгары Батбая, как свидетельствуют письменные источники, подчинились

хазарам, вошли в состав каганата. Это не могло не отразиться на сближении их материальных культур. Элементы общей материальной культуры (зеркала, поясные наборы и т.п.) были принесены прабоулгарами Батбая в бассейн Северского Донца и нашли свое отражение в погребальном инвентаре Нетайловского могильника.

Все вышесказанное относится и к зеркалам с небольшим боковым выступом, являющихся, по-видимому, разновидностью зеркал с боковой ручкой. Они также иногда встречаются в хазарских подкурганых захоронениях с ровиками второй половины VIII — первой половины IX вв.

Тип 3. Зеркала круглой формы с валиком по краю диаметром 14,0–15,0 см. Толщина пластины колеблется от 0,2 до 0,3 см, доходя у края до 0,4 см. Зеркала литые, массивные, украшены орнаментом в виде нескольких концентрических окружностей, делящих зеркало на несколько поясов (Рис. 1, 11). Орнамент выполнен резцом с использованием токарного станка. Одно зеркало этого типа было найдено в погребении по обряду трупоположения № 36 могильника Червоная Гусаровка (Рис. 2, 6), еще одно — в кремационном погребении могильника Красная Горка (№ 181).

Массивные зеркала с циркульным орнаментом на оборотной стороне не имеют полных аналогий в раннесредневековых древностях юга Восточной Европы. Нахождение в погребении № 36 могильника Червоная Гусаровка зеркала внутри каптаргака, преднамеренно сломанное, указывает на принадлежность данного вида зеркал выходцам из степных районов. Помещение в захоронения разбитых зеркал, является характерной чертой сарматского погребального ритуала. Возможно, зеркала данного вида происходят от массивных зеркал сарматского времени с небольшим штырем по краю, украшенных аналогичным гравированным циркульным орнаментом (Ильюков, Власкин, 1992. С. 211). Элементы поясной гарнитуры (пряжка, бляшки, наконечник пояса) позволяют датировать погребение № 36 могильника Червоная Гусаровка второй половиной VII — серединой VIII в. (Белік, 2002. Рис. 1, 4. С. 17). Бляшки и пряжки, типологически подобные червоногусаровским, неоднократно встречались в захо-

ронениях второй половины VIII в. Нетайловского могильника. Так, в погребении № 413 Нетайловского могильника аналогичные пряжки и бляшки были обнаружены вместе с поясными литыми серебряными бляшками, аналогичными бляшкам поясных наборов второй половины VII — середины VIII вв. из курганов с ровиками (Колода, Михеев, 2005. Рис. 25, 17–19; Иванов, Копылов, Науменко, 2000. Рис. 3, 8, 9).

Погребения могильника Червоная Гусаровка, при близости к захоронениям зливкинско-го типа, по целому ряду признаков отличаются от известных прабоулгарских погребений Подонья и Подунавья. Так, для могильника характерно расположение могил рядами. Всего в исследованной площади могильника удалось проследить 14 рядов. Могильные ямы отличается незначительная глубина — от 0,85 до 1,65 м от современной поверхности почвы. Могилы представлены простыми грунтовыми ямами и ямами с заплешиками, перекрытыми деревянными плахами. Часть могил содержит деревянные гробы-рамы, которые являются по существу деревянными обкладками стенок у самого дна. Встречены и гробы с крышками, у которых в отличие от крышек гробов могильника Красная Горка, доски расположены поперек, а не вдоль. Все захоронения одиночные, ориентированные головой на запад с сезонными отклонениями (азимут 234–260). Руки, согнутые в локтях, покоятся чаще всего на животе и груди. Всего в одном случае в могилу была положена мясная пища. В 151 могиле присутствовали глиняные сосуды, стоявшие, как правило, у плеча погребенного. Лишь в одном случае сосуд стоял в ногах погребенного. Для могильника характерен достаточно высокий процент привозной крымской посуды — 62% (Аксенов, Михеев, 1998. С. 344. Рис. 2). В четырех могилах обнаружены стеклянные крымские сосуды (Аксенов, Михеев, 2000. С. 55–58). В целом же погребальный инвентарь довольно беден и представлен наборами личных украшений и редкими бытовыми предметами.

Расположение могил рядами, западная ориентировка погребенных, положение кистей рук на груди или животе, минимальный состав инвентаря при погребенных, среди которых преобладают сосуды небольших

размеров под жидкость (кувшинчики, кружки, ойнохой, стеклянные бокалы, колбы), указывает на возможную принадлежность погребений христианизированному населению, имеющему тесные связи с Крымом. На знакомство населения, оставившего могильник Червоная Гусаровка, с христианской религией с большой долей вероятности указывают обнаруженные в двух детских погребениях крестовидные подвески (Аксенов, 2004. С. 137. Рис. 1; 2). Данные черты погребального обряда находят отдаленные аналогии в сармато-аланских погребениях с западной ориентировкой покойников черняховской археологической культуры (Никитина, 1993. С. 154, 155, 157). Наличие сосуда для жидкости в черняховских погребениях с западной ориентировкой рассматривается Г.Ф. Никитиной как свидетельство использования их в определенном ритуале, связанном с какими-то возлияниями (Никитина, 1993. С. 158). По составу инвентаря, по-видимому,

можно говорить о распространении подобного ритуала и у населения червоногусаровской общины. Все это позволяет видеть в червоногусаровском населении ираноязычный компонент раннесредневекового праболгарского населения юга Восточной Европы (Аксенов, Тортика, 2001. С. 211).

Таким образом, погребения Нетайловского, Красногоровского, Сухогомольшанского и Червоногусаровского могильников, в которых были обнаружены зеркала, датируются второй половиной VIII — началом IX в. Присутствие зеркал рассмотренных типов в памятниках лесостепного варианта салтовской культуры (бассейн Северского Донца) однозначно свидетельствует о присутствии здесь выходцев из степных районов — праболгар (полиэтнических в своем составе), сохранивших, несмотря на тесные контакты с аланским населением Подонцовья, свои традиции и некоторые элементы материальной культуры, такие, как зеркала определенного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., 1999. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матеріали Міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». Дніпропетровськ.

Аксенов В.С., 2002. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков.

Аксенов В.С., 2004. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 2. Харьков.

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховьев Северского Донца // Культуры степей Евразии второй

половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Аксенов В.С., Михеев В.К., 2000. Складный посуд с похоронь салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині // Археологія. № 4.

Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: проблема этнической интерпретации поливариантности обряда // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.

Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.

Белік О.О., 2002. Поясні набори горизонту Столбіще-Старокорсунська з поховань лісостепоного донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції (17–18 травня 2002 р.). Луганськ.

Генинг В.Ф., 1977. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Ис-

следования по археологии Южного Урала. Уфа.

Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3.

Голубева Л.А., 1987. Поволжские финны // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Иванов А.А., Копылов В.П., 2001. Бронзовые зеркала из раннесредневековых подкурганов погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // ДА. № 3–4.

Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А., 2000. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // ДА. № 1.

Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Иченская О.В., 1982. Орнаментация зеркал Салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.

Катанов Н.Ф., 1894. О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней // ИОАИЭ. Т. 12. Вып. 2.

Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Крыганов А.В., 1997. Административно-торговый центр Хазарии на ее северо-западной окраине // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали. Київ.

Левина М.М., Равич И.Г., 1995. Бронзовые зеркала из Джеты-Асарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Джеты-Асарская культура. Т. 5. М.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Михеев В.К., 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2.

Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Нестеров С.П., 1980. Этническая принадлежность носителей обряда погребений с конем // Материалы XVIII Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск.

Никитина Г.Ф., 1993. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры // РА. № 4.

Пархоменко О.В., 1983. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. № 43.

Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Пьянков А.В., 2004. Комплекс предметов из разрушенного погребения могильника Казово 2 (Адыгея) // Магистериум. Вып. 25. Краснодар.

Розенфельд Р.Л., 1987. Прикамские финны // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Колода В.В., Михеев В.К., 2005. Отчет о раскопках Нетайловского могильника в 2004 г.

Харьков // Архив Харьковского исторического музея.

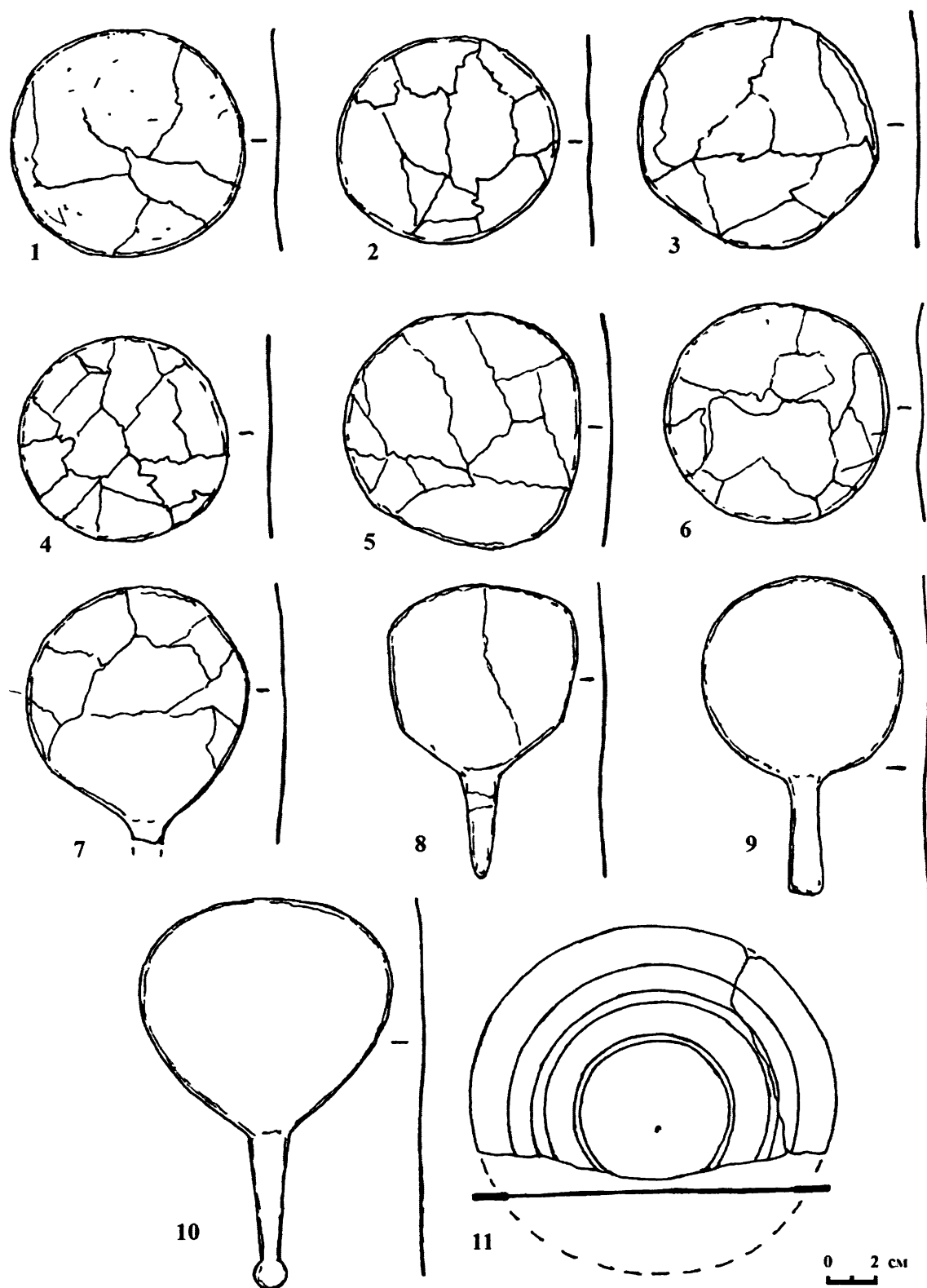

Рис. 1. Зеркала из праболгарских могильников верхнего Подонцовья: 1 — погр. № 90 (Красная Горка); 2 — погр. № 97 (Красная Горка); 3 — погр. № 164 (Красная Горка); 4 — погр. № 311 (Красная Горка); 5 — погр. № 93 (Сухая Гомольша); 6 — погр. № 107 (Сухая Гомольша); 7 — погр. № 88 (Красная Горка); 8 — погр. № 197 (Нетайловка); 9 — погр. № 202 (Нетайловка); 10 — погр. № 399 (Нетайловка); 11 — погр. № 181 (Красная Горка). 1-7, 10, 11 — бронза; 8, 9 — серебро

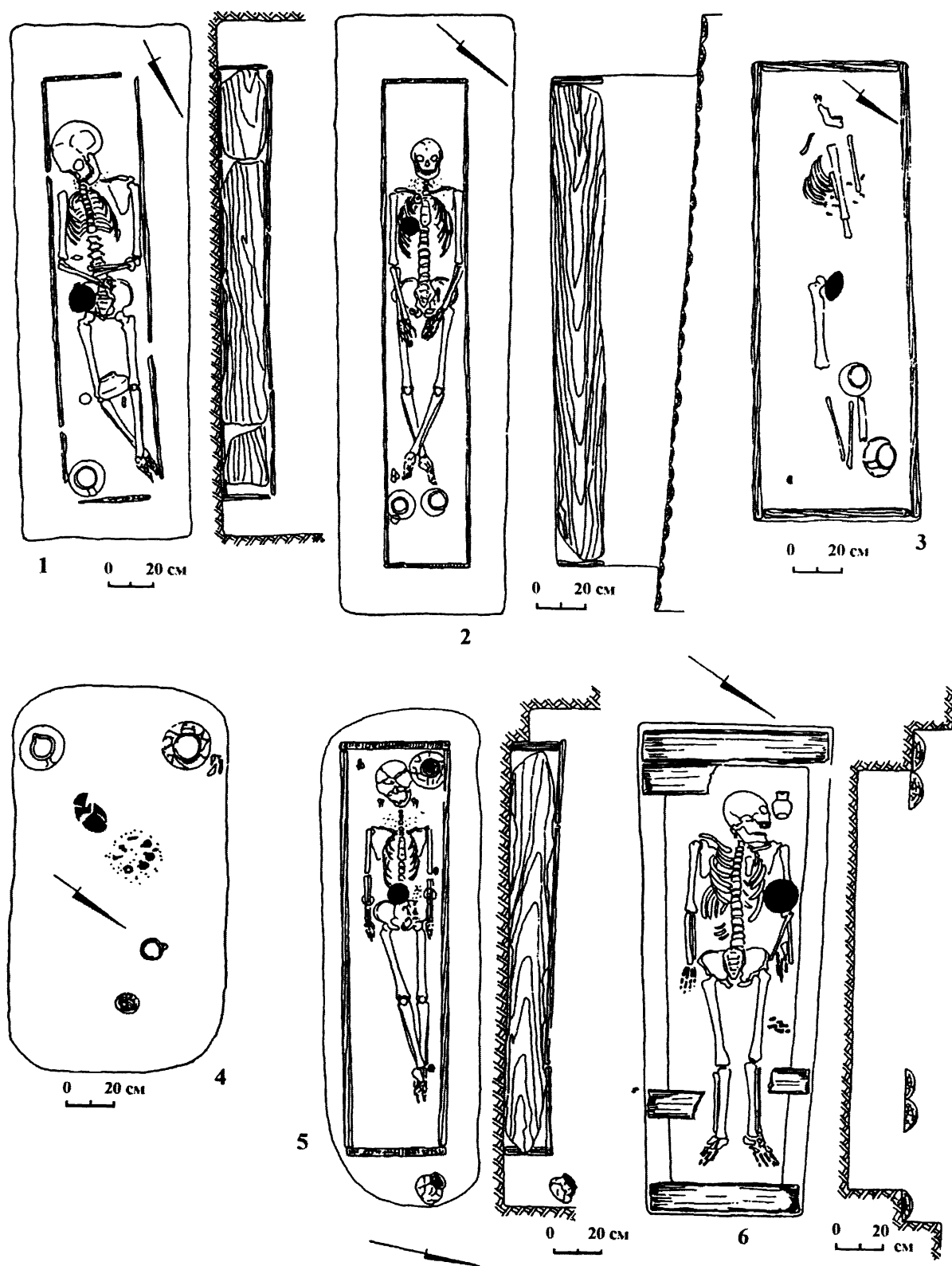

Рис. 2. Погребения с зеркалами из праболгарских могильников верхнего Подонцовья: 1 — погр. № 88 (Красная Горка); 2 — погр. № 90 (Красная Горка); 3 — погр. № 97 (Красная Горка); 4 — погр. № 164 (Красная Горка); 5 — погр. № 311 (Красная Горка); 6 — погр. № 36 (Червоная Гусаровка)

С.Б. Вальчак
(ИА РАН, Москва),
Ф.К. Джигунова
(АРИГИ, Майкоп),
А.А. Тов
(НМРА, Майкоп),
В.Р. Эрлих
(ГМБ, Москва)

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ БЛИЗ АУЛА ТАУЙХАБЛЬ В АДЫГЕЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2004 ГОДА)

Левый берег Краснодарского водохранилища изобилует археологическими памятниками, лежащими в хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до позднего средневековья. Многочисленные селища, грунтовые и курганные могильники интенсивно разрушаются в результате постоянной эрозии береговой линии и дна чаши водохранилища. Не меньший ущерб наносит и деятельность грабителей — самовольных «раскопщиков» археологических памятников. Катастрофический характер подобного разрушения обусловлен лёгким доступом к археологическим комплексам, которые после ежегодного понижения уровня воды оказываются на поверхности обнажившегося дна. Именно этот район в последние годы является основным полем деятельности совместной Кавказской экспедиции Государственного музея Востока и Института археологии РАН (нач. экспедиции — В.Р. Эрлих), в работе которой принимают активное участие сотрудники научных учреждений Республики Адыгея.

Могильник Пхагугапе находится на затопляемом плато левого берега Краснодарского водохранилища северо-северо-западнее от аула Тауйхабль Теучежского района Республики Адыгея (Рис. 1). С запада территория могильника омывается заливом, образовавшимся в месте слияния рек Марта и Апчас. В 2004 году было исследовано 5 погребений этого могильника. Погребения были обнаружены после понижения уровня воды по выступающим на открывшейся поверхности дна водохранилища костям или фрагментам керамики. Погребальные конструкции (границы могильных ям), имеющие однородное с окружающим слоем суглинка заполнение, на поверхности и при раскопках проследить не удалось.

Погребение 1 было обнаружено на глубине -3 см от условной реперной точки «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -17/-19 см. Скелет сохранился частично: найдены череп и фрагментированные кости ног. Погребённый был положен вытянуто на спине, череп ориентирован на восток и завалился в левую сторону. Ноги согнуты в коленных суставах и разведены в стороны (Рис. 2).

Справа и слева от черепа зафиксированы по две височные подвески или серьги из белого металла. Все четыре подвески имели овальную форму и были изготовлены из округлого в сечении прута со сходящимися концами. Размеры подвесок 2,0 × 1,5 см, 2,5 × 1,8 см, 2,6 × 1,8 см и 2,0 × 1,4 см. На одну из них были одеты два маленьких металлических колечка (Рис. 2, 2–4). У основания черепа и в области шейных позвонков находилась россыпь сердоликовых бус округлой и кольцевидной формы диаметром от 0,6 до 1,0 см (Рис. 2, 8–12). С внешней стороны правой бедренной кости

скелета на дне погребения лежала бронзовая цепочка из двух звеньев, изготовленных из плоской в сечении пластины (диаметры колец: 0,9 и 0,8 см) (Рис. 2, 7). С внутренней стороны правой бедренной кости — бронзовый кружок (диаметром 1 см) (Рис. 2, 6). С левой стороны скелета у таза зафиксирован органический тлен трапецевидной формы, рядом с ним лежал бронзовый браслет из уплощенного прута с заходящими друг за друга концами (размер 5,7 × 5,4 см) и фрагменты железного ножа с прямым лезвием длиной 8,5 см (Рис. 2, 13, 14). В ногах скелета, в районе несохранившихся ступней, по линии север-юг лежала крупная кость животного — остатки напутственной пищи. Западнее её стояли два сероглиняных кувшинчика. Один из них имел плоское дно, слегка округлое тулово и расширяющееся горло, край которого слегка отогнут наружу. Сосуд имеет плоскую в сечении ручку, которая крепилась одним концом к верхней, другим — к средней части тулова. Высота сосуда — 11 см, диаметр тулова 10 см; диаметр по краю — 7,4 см (Рис. 2, 1).

Погребение 2 обнаружено на глубине -5 см от «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -16/-18 см. Скелет сохранился хорошо. Погребённый был положен вытянуто на спине, череп ориентирован на восток. Левая рука вытянута вдоль скелета, правая согнута в локте и положена кистью на правое крыло таза. Бедренные кости лежали параллельно, ноги слегка согнуты в коленных суставах, берцовые кости сдвинуты вправо и скрещены у щиколоток (Рис. 3).

Справа и слева от черепа были зафиксированы по две серьги или подвески из белого металла. Они были изготовлены из округлого в сечении прута, имели овальную форму и сходящиеся концы. Размеры подвесок: 2,5 × 1,8 и 2,1 × 1,5 см; 2,5 × 1,9 и 2,1 × 1,5 см (Рис. 3, 1-4). С каждой из сторон черепа вокруг подвесок были обнаружены шарики из такого же металла (диаметром 0,3 × 0,5 см), видимо первоначально припаянные к подвескам (Рис. 3, 5). У основания черепа в области шеи и на груди находились россыпи и низки стеклянных и сердоликовых бус и металлических пуговиц. Среди них находились: пронизка треугольной формы из зеленого стекла (размеры: 1,3 × 0,9 см); три бочёнковидные

бусины из темно-синего стекла (размеры 0,7 × 0,5 см); грушевидная бусина из коричневого стекла (размеры 1,0 × 0,6 см); круглая мозаичная бусина из белого и красноватого стекла (диаметр — 1,1 см); бусина в виде многогранника из прозрачного белого стекла (размеры — 0,6 × 0,9 см) и отдельные мелкие фрагменты стеклянных бусин (Рис. 3, 6-10). В несколько витков вокруг шейных позвонков и на костях груди располагались 256 сердоликовых бусин неправильной округлой формы диаметром 1,5-0,5 см (Рис. 4, 1). Четыре округлые пуговицы с округлыми петельками для подвешивания имели диаметр шарика — 0,8 см и высоту с петелькой — 1,2 см (Рис. 3, 11).

На кости правого предплечья был надет бронзовый браслет из круглого в сечении дрота, с заходящими друг за друга обрубленными и слегка сплюснутыми концами диаметром 5,7 см (Рис. 3, 18). Кости предплечья лежали на железных пружинных ножницах, которые располагались у правой тазовой кости. Острыми концами ножницы были направлены к ногам. На правой тазовой кости лежала бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой и железным прикипевшим язычком. Рамка имеет прямоугольный выступ с отверстием. Размеры 2,4 × 2,3 см (Рис. 3, 17). Аналогичный бронзовый браслет диаметром 5,4 см был надет и на левое предплечье (Рис. 3, 19). Между ним и поясничной частью скелета кучкой лежали металлические украшения (Рис. 3, 12-17). Здесь находились: 1. Два бубенчика белого металла округлой формы с небольшой подквадратной петелькой для подвешивания. Сквозь овальную щель виден прикипевший железный шарик. Диаметр — 2 и 2,1 см. 2. Бронзовый пинцет с колечком на цепочке из бронзовой проволоки. Длина пинцета — 5 см; длина цепочки — 4,2 см. 3. Бронзовая рельефная застежка. В центральной части имеется выемка для пришивания. Длина 4 см. 4. Бронзовая пряжка. 5. Звенья цепочки в виде двух колец, свернутых из одного бронзового округлого в сечении прута. Длина 2,1 см.

В ногах, в районе несохранившихся ступней, по линии северо-запад — юго-восток лежала крупная кость животного — остатки напутственной пищи. Западнее её стоял сероглиняный гончарный кувшинчик с округлым сжа-

тым сверху туловом, цилиндрическим горлом и расширяющимся наружу венчиком. Сосуд имел утраченную в древности ручку, крепившуюся одним концом к перегибу профиля, другим — к средней части горла. Диаметр дна — 6,5 см; диаметр тулова — 8,1 см; диаметр по краю — 7,9 см. Высота сосуда — 13,2 см. Севернее находились ещё один кувшин и лепной коричнево-глиняный горшок с плоским дном, слабо расширяющимся туловом, выделенной шейкой и слегка отогнутым венчиком. Высота сосуда — 10,2 см, диаметр дна — 8,2 см; максимальный диаметр тулова — 11,4 см. Диаметр по венчику — 10,6 см (Рис. 4, 2, 3).

Погребение 3 обнаружено на глубине -9 см от «0» (Рис. 5). Дно погребения зафиксировано на глубине -19/-20 см. Скелет сохранился частично: найдены череп, фрагментированные кости рук и ног. Погребённый лежал вытянуто на спине, череп ориентирован на восток с небольшим отклонением к северо-востоку. Руки, видимо, были вытянуты, ноги лежали прямо. У основания черепа в области шеи находилась россыпь стеклянных и сердоликовых бус. Здесь обнаружены: 82 сердоликовых бусины округлой формы; пять овальных в плане уплощенных бусин из желто-коричневого прозрачного стекла (размеры — $1,8 \times 0,6$ см); три бусины аналогичной формы из бирюзового прозрачного стекла (размеры $0,7 \times 0,6$ см); крупная бусина синего прозрачного стекла аналогичной формы (размер — $1,5 \times 1,0$ см); три бусины белого стекла неправильной формы (размеры 0,4–0,5 см) (Рис. 5, 1–8). Слева от нижней челюсти рядом с бусами лежало железное кольцо диаметром 2,3 см и с толщиной ободка 0,9 см (Рис. 5, 10).

На запястьях обеих рук были надеты бронзовые браслеты из уплощенного прута с расширяющимися и не сомкнутыми концами. Размеры: $6,2 \times 4,8$ и $5,7 \times 5,7$ см (Рис. 5, 11, 12). Севернее правого браслета лежали скипевшиеся железный нож с прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой (длина — 9,5 см) и стержень длиной 4 см (черешок наконечника стрелы?) (Рис. 5, 9, 13).

В ногах, в районе несохранившихся ступней, по линии северо-запад — юго-восток лежала крупная кость животного — остатки напуганной пищи. Вплотную к левой берцовой кости найден неполный развал сосуда.

Погребение 4 обнаружено на глубине -10 см от «0» (Рис. 6). Дно погребения зафиксировано на глубине -16/-19 см. Скелет сохранился частично: найдены череп, фрагментированные кости рук и ног. Погребённый был положен вытянуто на спине, череп ориентирован на восток и завалился на левую сторону. Левая рука была вытянута, правая согнута в локте и положена ладонью на грудь, ноги лежали прямо.

Слева от черепа по оси скелета лежал железный наконечник копья с ланцетовидным пером ромбического сечения. Длина наконечника — 36 см (Рис. 6, 8). На пере наконечника зафиксирован древесный тлен от некогда надетого на него футляра. Справа у плеча и у бедренной кости находились сильно корродированные фрагменты плоских железных предметов (Рис. 6, 4, 5). У бедра среди них лежал железный нож. Под ладонью правой руки на груди — бронзовый браслет из уплощенного прута с расширяющимися концами диаметром 6,5 см. Аналогичный браслет диаметром 6 см находился на левом запястье (Рис. 6, 6, 7).

Вдоль левой бедренной кости стояли два кувшина. 1. Сероглиняный гончарный кувшинчик с плоским дном, усеченно-коническим туловом, цилиндрическим горлом, и отогнутым наружу венчиком. Сосуд имеет округлую в сечении ручку, одним концом она крепилась к точке перегиба профиля, другим к верхней части горла. По горлу проходят три рельефных ребра. Тулово имеет следы вертикального лощения. Высота сосуда — 12,1 см, диаметр тулова (max) — 10,6 см, диаметр по краю — 8,3 см (Рис. 6, 1). 2. Сероглиняный гончарный кувшин с плоским дном, усеченно-биконическим туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым наружу венчиком. Сосуд имеет округлую в сечении ручку, крепящуюся одним концом к верхней части тулова, другим — к верхней части горла. По основанию горла проходит рельефное ребро. Тулово имеет следы: вертикальные пролощенные полосы. Края венчика сколоты в древности. Высота сосуда — 15,6 см, диаметр тулова (max) — 13,7 см, диаметр по краю — 7,8 см (Рис. 6, 2).

Ещё один фрагментированный в древности кувшин был поставлен у несохранившей-

ся стопы правой ноги. От него сохранилась нижняя часть с плоским дном и усеченно-биконическим туловом. Диаметр дна — 8,3 см; диаметр тулова — 13,6 см (Рис. 6, 3).

Погребение 5 обнаружено на высоте +6 см от «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -8 см. Скелет сохранился хорошо. Погребённый лежал вытянуто на спине, череп ориентирован на юго-запад и наклонён влево. Руки сильно согнуты в локтях и предплечьями положены на плечевые кости так, что кисти рук оказались у ключиц. Бедренные кости лежали параллельно, ноги слегка согнуты в коленных суставах и повернуты коленями вправо (Рис. 7).

В области шеи найдены стеклянные и сердоликовые бусы. Среди них отмечены: двенадцать сердоликовых бусин округлой и неправильной формы (диаметром 0,7–0,9 см); одиннадцать кольцевидных бусин из белой пасты диаметром 0,5 × 0,4 см; округлая мозаичная бусина из белого и синего стекла (диаметр — 0,9 см) и мелкие фрагменты бус синего и белого стекла (Рис. 7, 2–7).

Справа за черепом, опираясь на него, наклонно стоял гончарный кувшин из буровой в изломе глины с плоским дном, яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и краем венчика с тремя сливами. Сосуд имеет овальную ручку, крепящуюся одним концом к верхней части тулова, другим — к середине горла сосуда. По средней части тулова проходит желобок, а основание горла украшено волнистой линией. Высота сосуда — 13,6 см; диаметр дна — 8,5 см; диаметр тулова — 10,8 см; диаметр по краю — 7 см (Рис. 7, 8). Слева от черепа вплотную была поставлена гончарная керамическая миска. На запястье левой руки надет бронзовый браслет из уплощенного прута со сходящимися расширяющимися концами диаметром 5,5 см (Рис. 7, 1). Южнее черепа и кувшина на дне погребения зафиксировано пятно углистой подсыпки.

Найденный в погребениях инвентарь позволяет датировать комплексы могильника Пхагугапе в рамках VII — первой половины VIII в. н.э.

Могильник Капанешхо находится на затопляемом плато левого берега Краснодарского водохранилища севернее-северо-

западнее от аула Тауйхабль, неподалёку от могильника Пхагугапе. С запада территория могильника омывается заливом, образовавшимся в устье реки Марта. В 2004 году на могильнике было исследовано 7 погребений, часть из них доследована после разрушения грабителями. Погребальные конструкции (границы могильных ям) на поверхности и при раскопках не удалось проследить.

Погребение 1 обнаружено на глубине -381 см от «0» (репер находился на территории аула Тауйхабль). Погребение было разрушено грабителями, дно погребения зафиксировано на глубине -386/-387 см от «0». Скелет сильно разрушен. Судя по сохранившимся нетронутыми костям скелета, погребённый лежал вытянуто на спине, череп ориентирован строго на восток (Рис. 8, 1). Справа от фрагментов тазовой кости на глубине были обнаружены два фрагмента железного ножа с прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой. Длина — 9 см (Рис. 9, 1).

Погребение 2 обнаружено на глубине -397 см от «0». Погребение было разрушено грабителями, дно погребения зафиксировано на глубине -402/-405 см. Скелет сильно разрушен. Судя по сохранившимся нетронутыми костям скелета, погребённый был положен вытянуто на спине, череп ориентирован на восток-северо-восток (Рис. 8, 2). В грабительском перекопе в области черепа найдены четыре фрагмента бронзовых височных колец из круглого в сечении прута с окончаниями в виде пирамидок. Длина колец — 2,5 см (Рис. 9, 4). В области таза лежал бронзовый наконечник ремня с двумя выступами-шарнирами, на оборотной стороне которого имелся щиток-замочек (размеры — 1,7 × 1,2 см) (Рис. 9, 2). С внешней стороны от правой тазовой кости был обнаружен железный нож со слабоизогнутой спинкой и прямым лезвием, черешок ножа оформлен уступом (длина ножа — 11,8 см). Здесь же найдены 4 фрагмента сильно корродированных железных предметов неизвестного назначения (Рис. 9, 5, 6). Между ними лежала фаланга пальца с бронзовым перстнем. Перстень имел овальный щиток и выпуклую с одной стороны шинку. По краю щитка проходят три рельефные полоски. Диаметр перстня — 2,2 см (Рис. 9, 3). На одной из фаланг сохранившейся левой руки найден ещё один перстень, который рассыпался при снятии.

Погребение 3 обнаружено на глубине -371 см от «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -379/-382 см. Скелет сохранился хорошо. Погребённый лежал вытянуто на спине, череп ориентирован на восток. Руки и ноги вытянуты вдоль оси позвоночника. Череп завалился в левую сторону (Рис. 8, 3). За черепом стоял небольшой сероглиняный кувшинчик с плоским дном, усеченно-биконическим туловом и расширяющимся раструбообразным горлом. Сосуд имеет полукруглую в сечении ручку, крепящуюся одним концом к верхней части тулова, другим — к горлу сосуда. Высота сосуда — 10,2 см, диаметр тулова (max), диаметр по краю — 7,2 см (Рис. 9, 7). Между правой тазовой костью и предплечьем правой руки обнаружен железный нож. На позвонках в области таза лежала кольцевидная железная пряжка. Нож и пряжка рассыпались при снятии. Вплотную к правым берцовым костям найден ещё один сероглиняный гончарный кувшин с плоским дном, грушевидным туловом, слабо расширяющимся горлом и невыделенным венчиком. Высота сосуда — 9,8 см. Диаметр дна — 8,1 см; диаметр тулова — 9,4 см. Диаметр по краю 6,4 см (Рис. 9, 8). В районе несохранившихся стоп скелета и под щиколотками обнаружены кости животного — напутственная пища.

Погребение 4 обнаружено на поверхности дна водохранилища на глубине -369 см от «0», дно погребения зафиксировано на глубине -371 см. Скелет оказался практически полностью разрушен. Судя по всему, погребённый был ориентирован черепом на восток. Сохранились фрагменты костей предплечья левой руки с надетым на них бронзовым браслетом из уплощенного прута с заходящими друг за друга концами (размеры: 5,8 × 6,0 см) (Рис. 10, 1). На расстоянии 40–50 см к востоку найдены две подвески и дужка бронзовой фибулы.

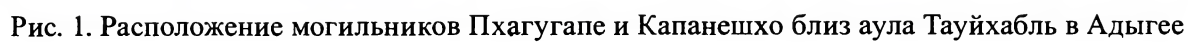
Две подвески (серьги) овальной формы из круглой в сечении проволоки с заостренными концами. Размеры: 2,0 × 1,6 и 2,3 × 1,7 см (Рис. 10, 3, 4). Дужка бронзовой фибулы из бронзового прута округлого сечения (размеры: 3,0 × 1,9 см) (Рис. 10, 2).

Погребение 5 обнаружено на поверхности дна водохранилища на глубине -327 см от «0», дно погребения зафиксировано на глубине -329 см. Скелет оказался полностью разрушен. На расстоянии 8 см друг от друга лежали бронзовый браслет и височное кольцо. Бронзовый браслет из круглого в сечении прута с разомкнутыми концами. Диаметр браслета — 6,3 см (Рис. 10, 5). Бронзовое височное кольцо из округлой в сечении проволоки с несходящимися концами. Размеры кольца: 2,1 × 1,6 см (Рис. 10, 6).

Погребение 6 обнаружено на поверхности дна водохранилища на глубине -352 см от «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -3 см. Скелет оказался сильно разрушен. Погребённый был положен вытянуто на спине, черепом ориентирован на восток с некоторым отклонением к северо-востоку. В области таза обнаружен длинный железный нож с прямым лезвием и спинкой. Длина — 18 см (Рис. 10, 7).

Погребение 7 обнаружено на современной поверхности дна водохранилища на глубине -355 см от «0». Дно погребения зафиксировано на глубине -359/-364 см. Скелет частично разрушен. Отсутствовали кости ног выше коленных суставов, нарушено положение рук и костей грудной клетки. Погребённый лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на восток с некоторым отклонением к северо-востоку. Инвентарь отсутствовал.

Найденный в погребениях инвентарь позволяет датировать комплексы могильника Капанешхо в рамках VIII — первой половины IX в. н.э.

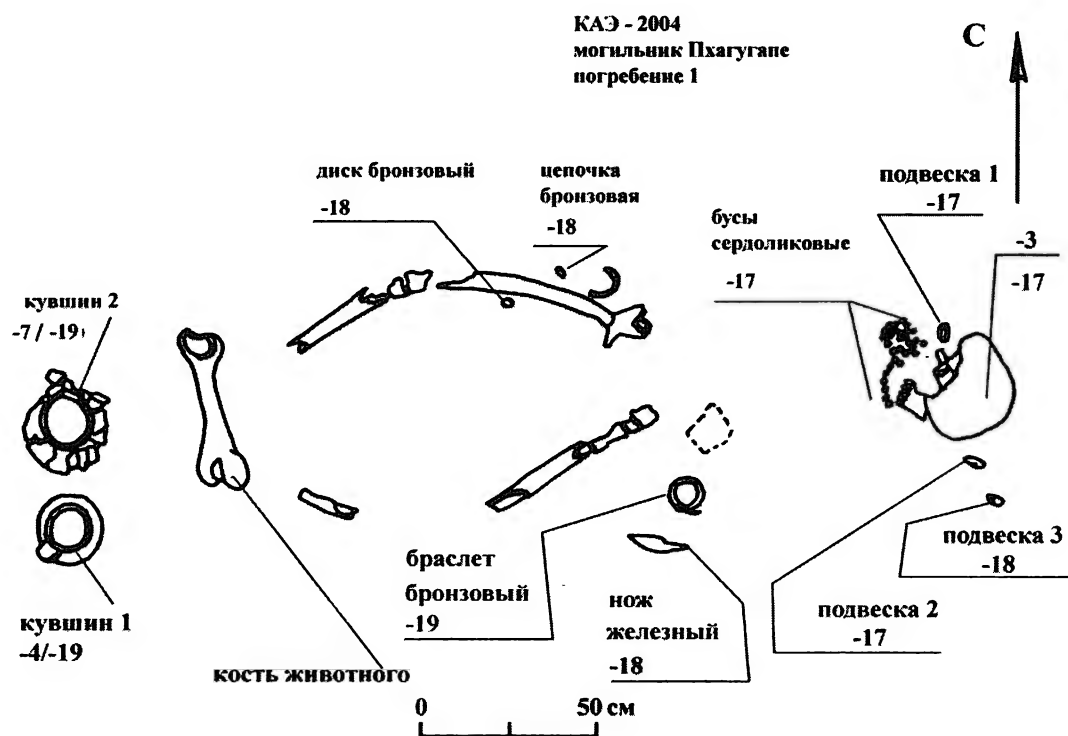

Рис. 2. 1 — керамика; 2–5 — бел. металл; 6, 7, 14 — бронза; 8–12 — сердолик; 13 — железо

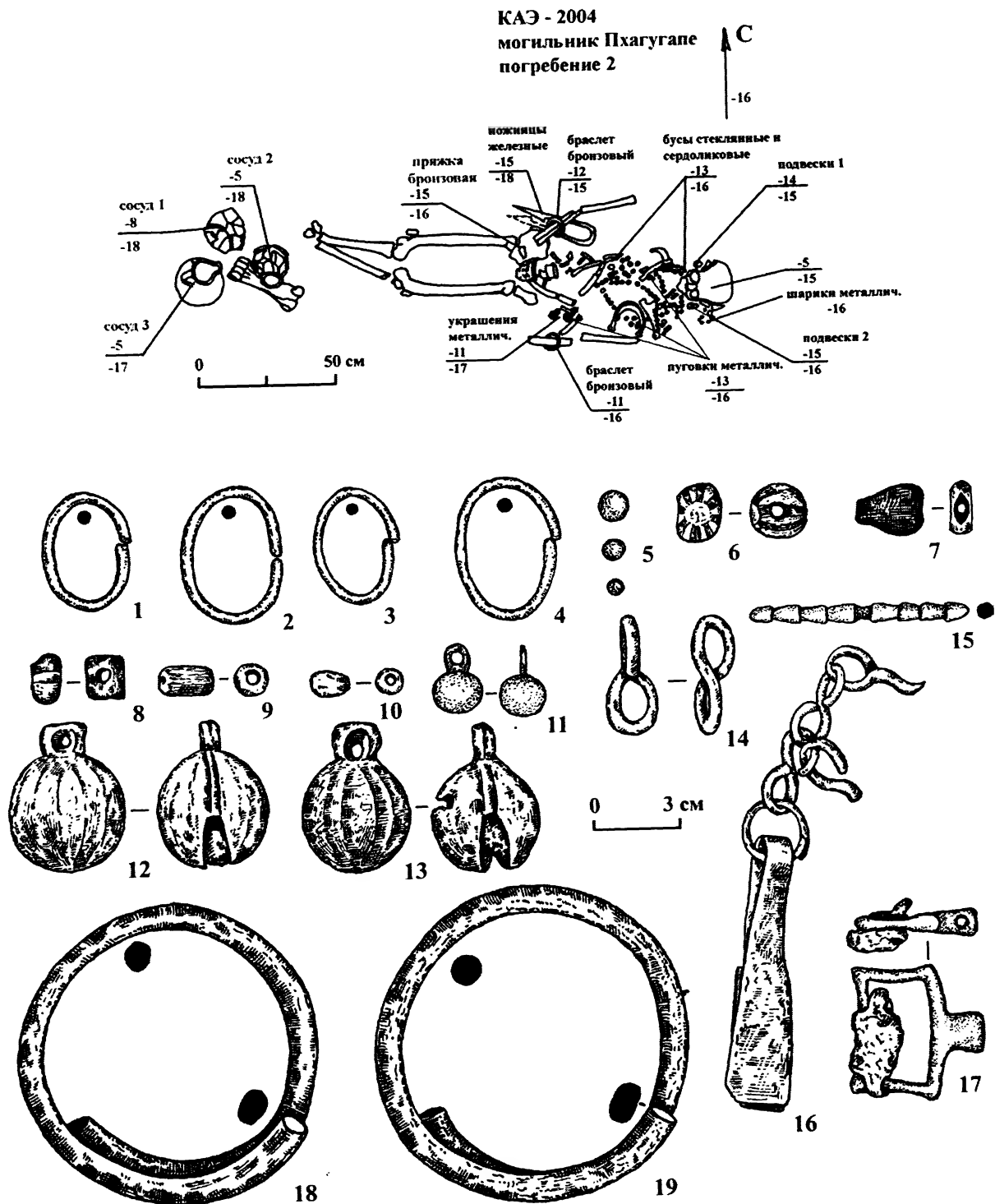

Рис. 3. 1-5, 11-13 — белый металл; 6-10 — стекло; 15, 16, 18, 19 — бронза; 17 — бронза и железо

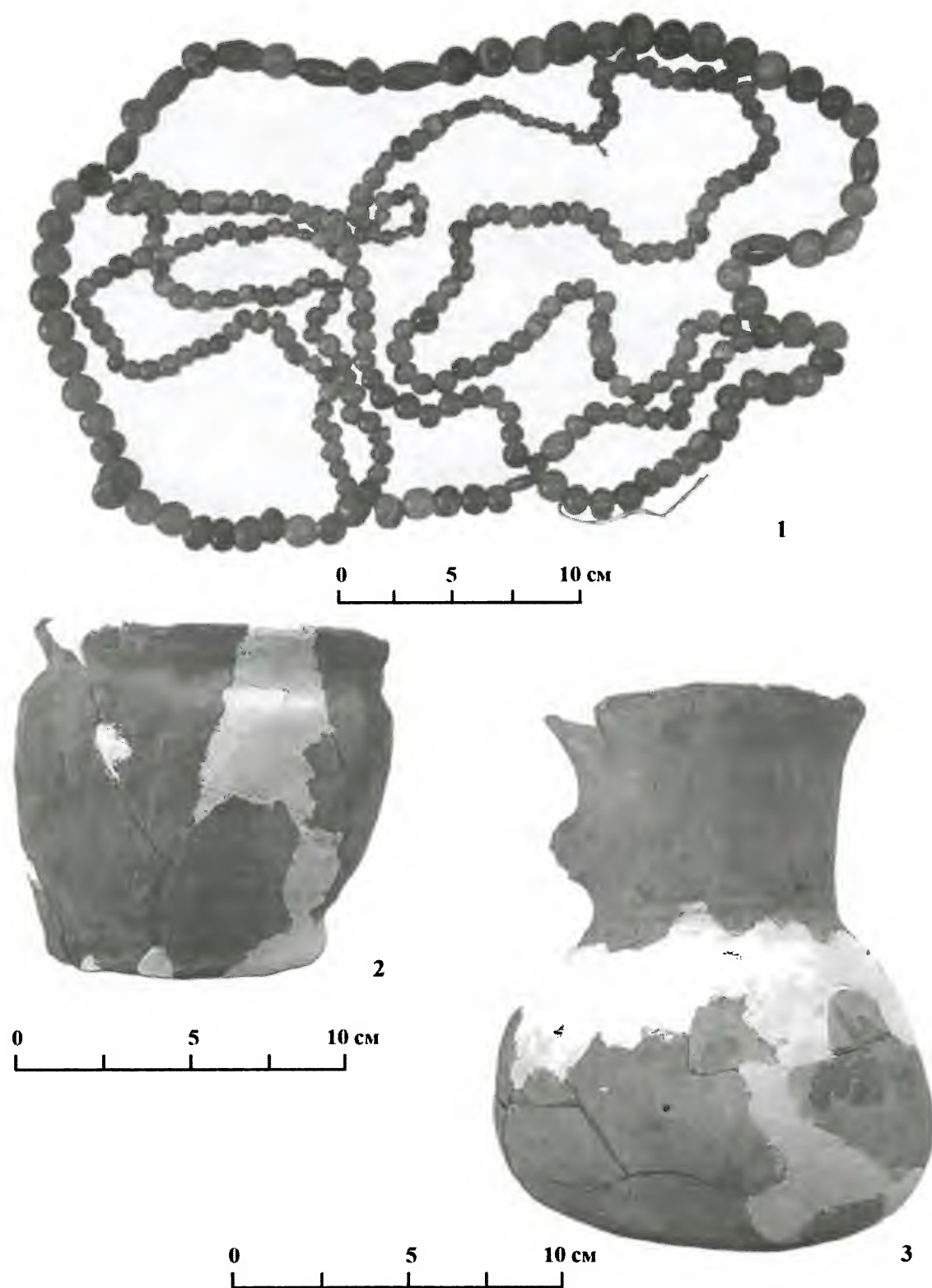

Рис. 4. Пхагуапе. Погребение 2: 1 — сердолик; 2, 3 — керамика

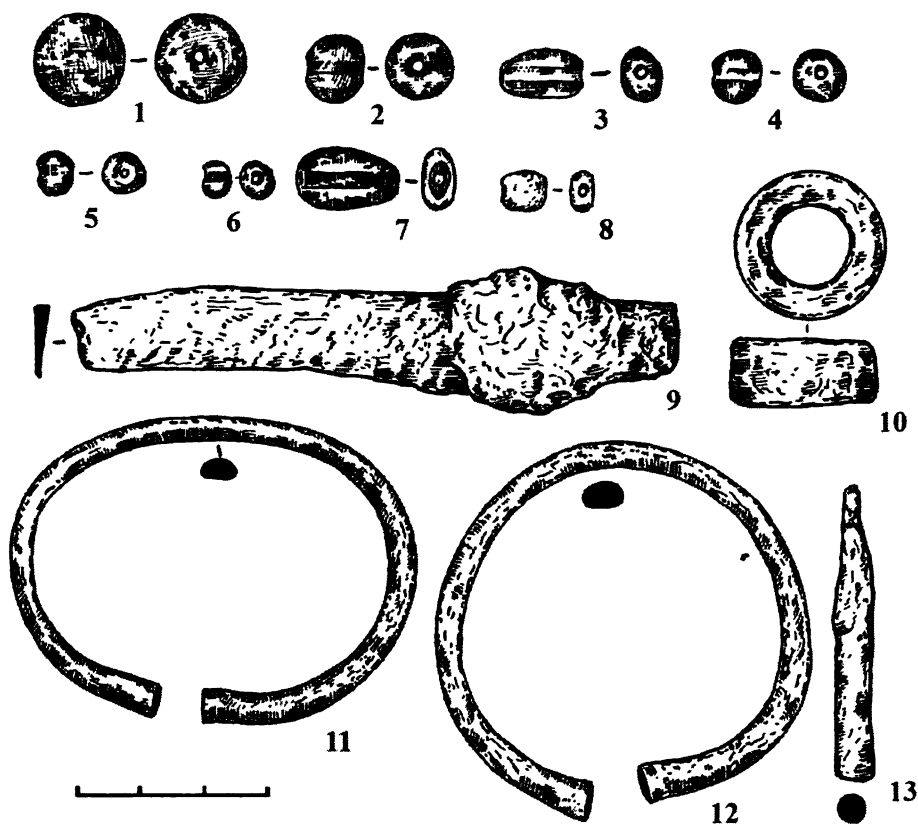
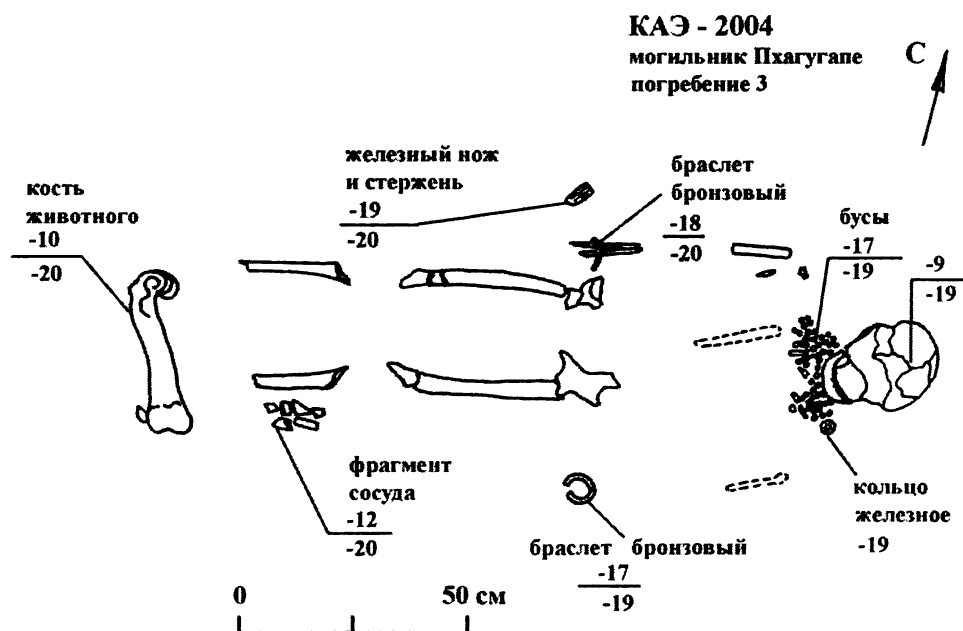

Рис. 5. 1–6 — сердолик; 7, 8 — стекло; 9, 10, 13 — железо; 11, 12 — бронза

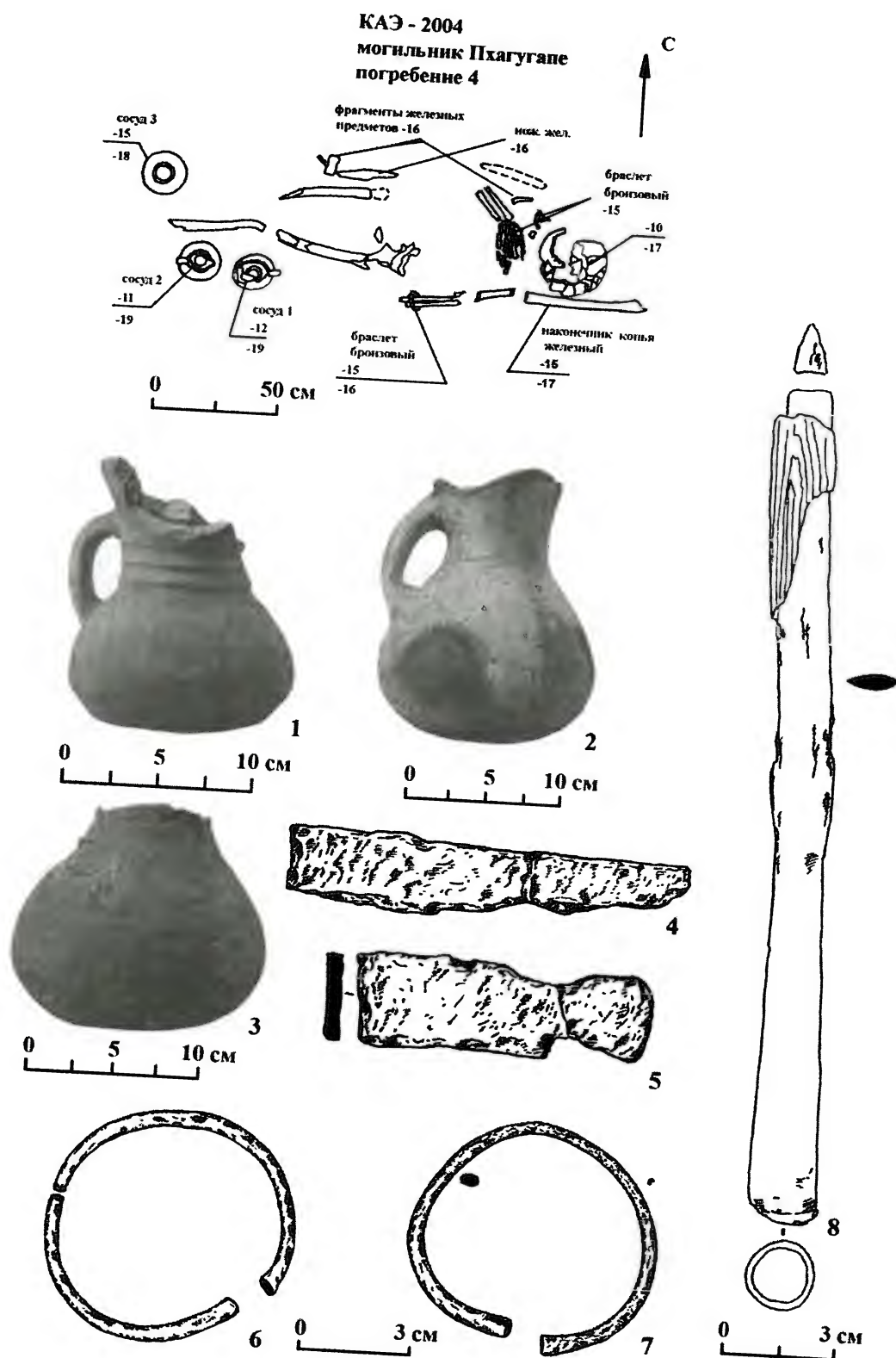

Рис. 6. 1–3 — керамика; 4, 5, 8 — стекло; 6, 7 — бронза

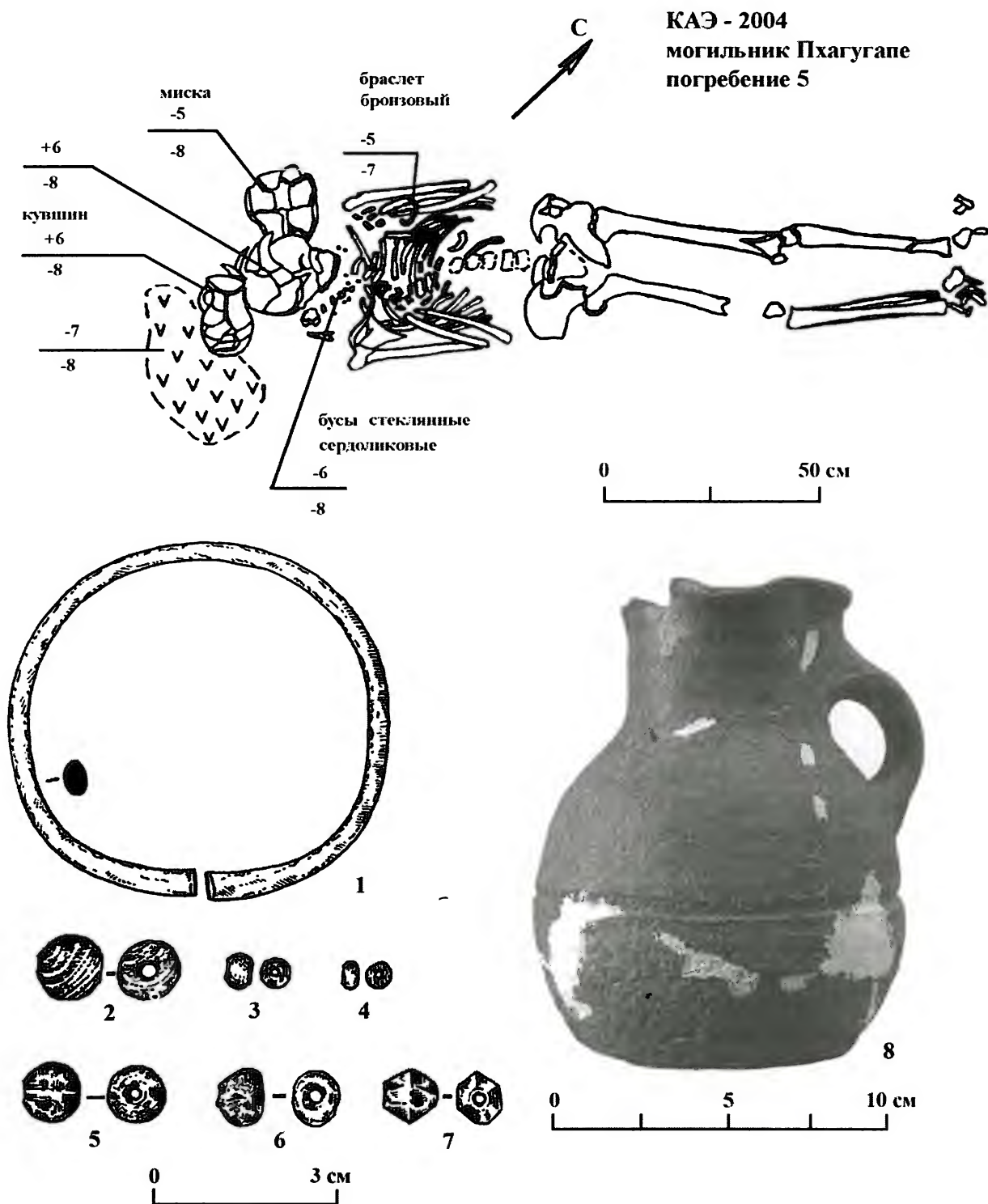

Рис. 7. 1 — бронза; 2–4 — стекло; 5–7 — сердолик; 8 — керамика

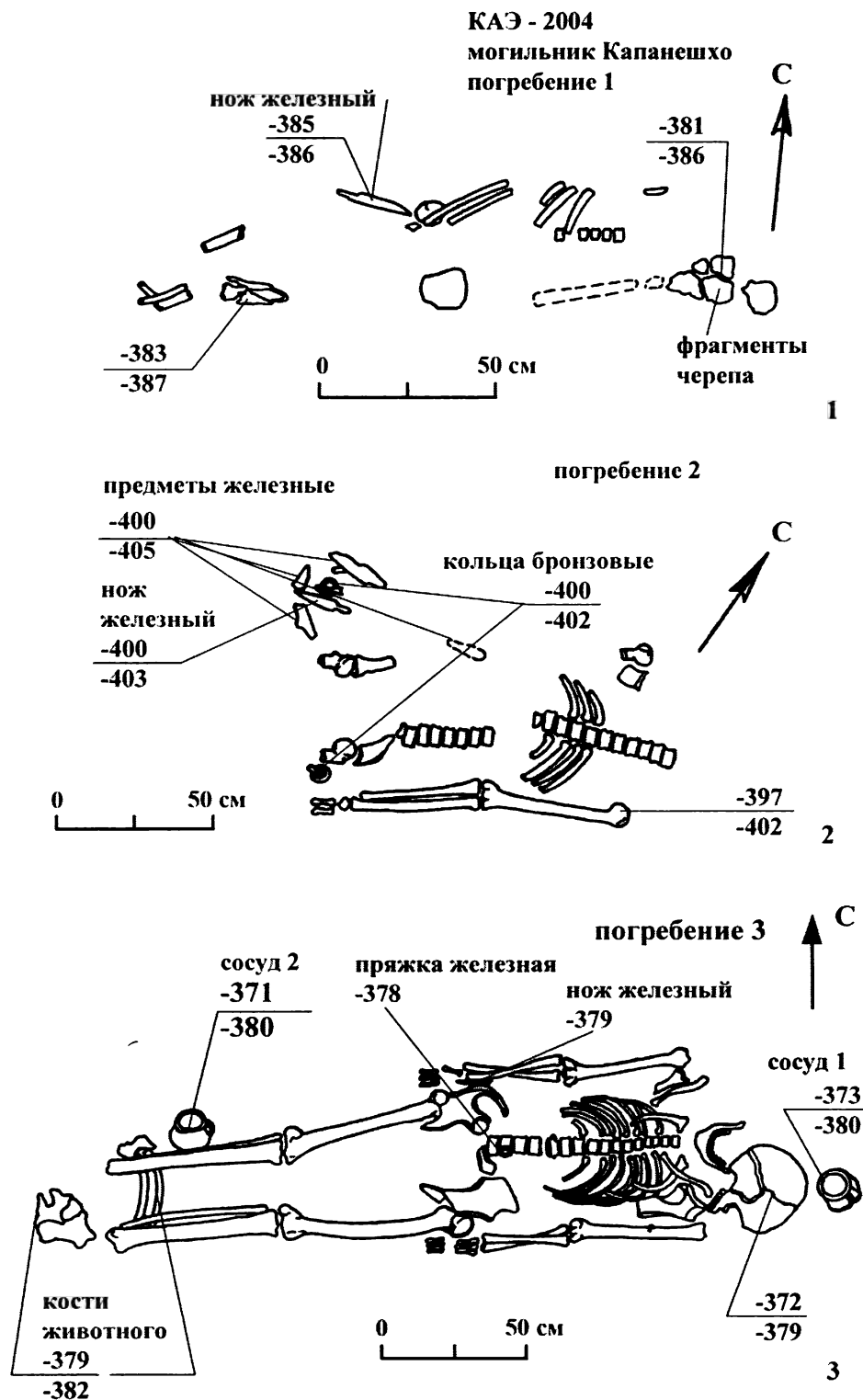

Рис. 8. КАЭ 2004. Капанешхо, погребение 1

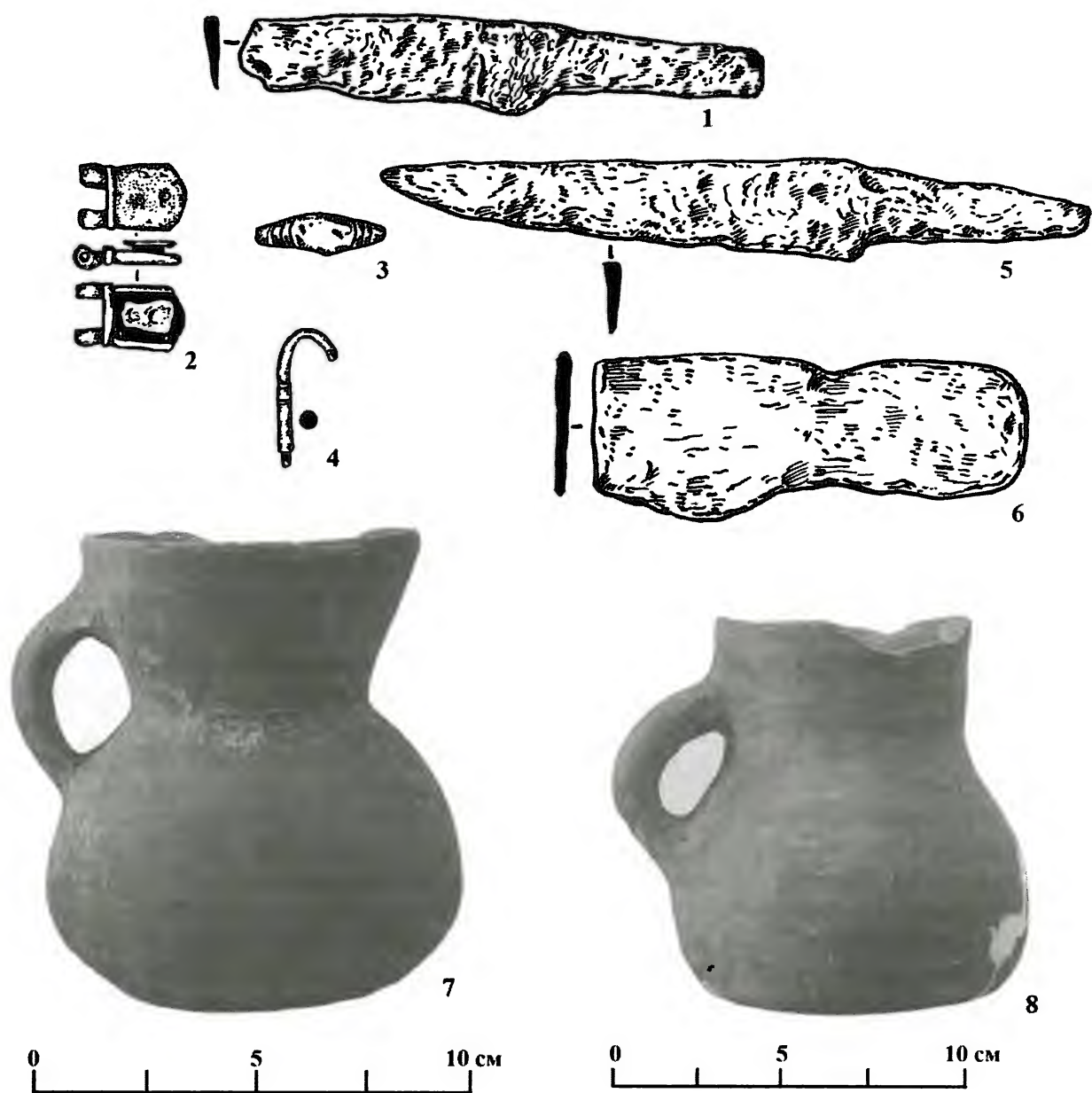

Рис. 9. Капанешхо: 1 — п. 1; 2–6 — п. 2; 7, 8 — п. 3. 1, 5, 6 — железо; 2–4 — бронза; 7, 8 — керамика

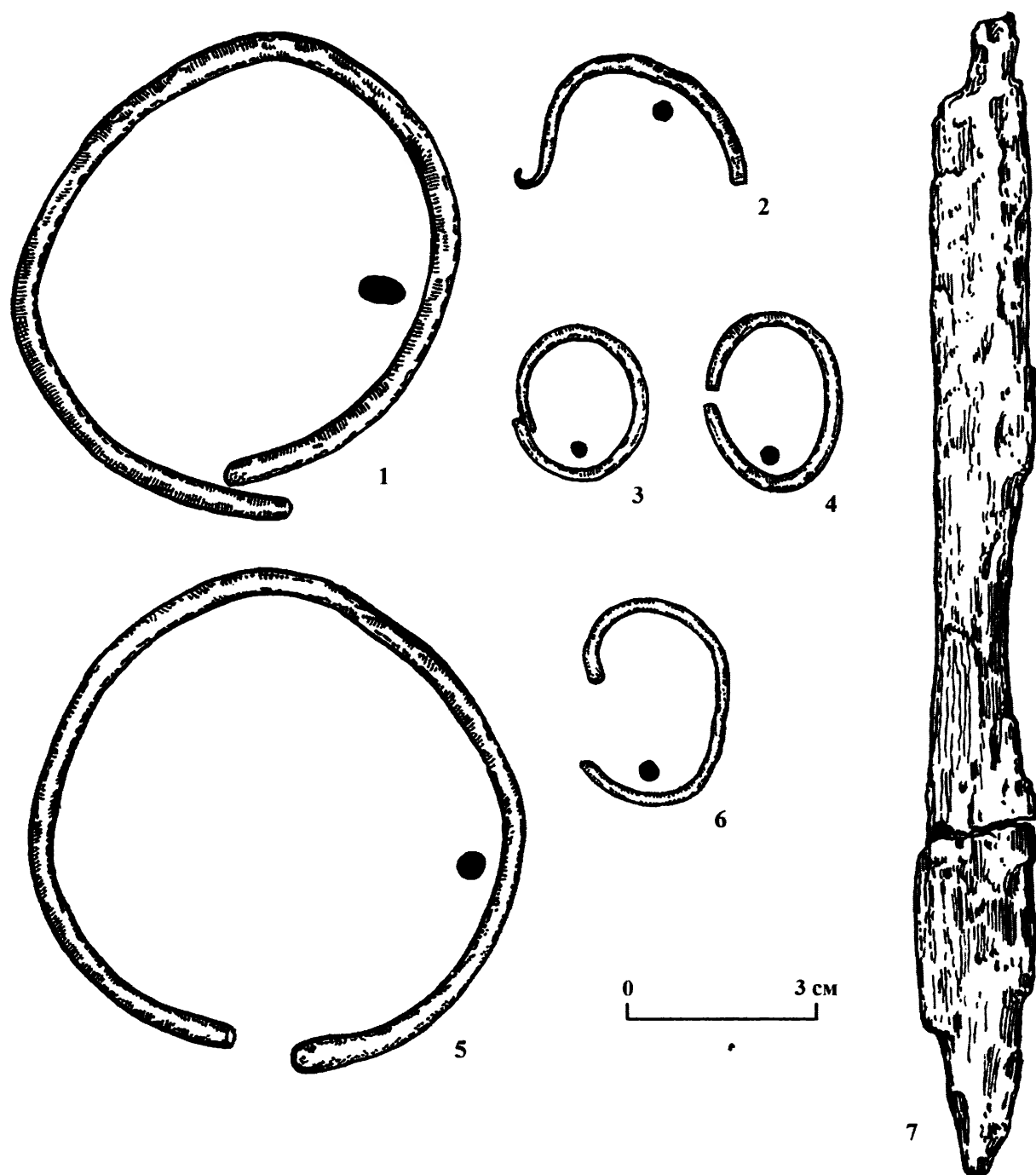

Рис. 10. Капанешхо: 1–4 — п. 4; 5, 6 — п. 5; 7 — п. 6. 1–6 — бронза; 7 — железо

ПОГРЕБЕНИЕ 12 ИЗ КУРГАНА № 32 БАХТИЯРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1984 г., продолжая исследования расположенного в Ленинском районе Волгоградской области Бахтияровского могильника, археологическая экспедиция Волгоградского государственного университета под руководством В.А. Кригера в насыпи кургана № 32 исследовала впускное средневековое погребение 12 (Кригер, 1984. С. 10–12). Несмотря на то что часть информации об этом крайне интересном памятнике недавно уже была опубликована (Круглов, 2001. С. 424. Рис. 16, 13; 437, 438; Круглов, 2003. С. 31, 70), данное обстоятельство не снимает необходимости полного издания материалов комплекса.

Курган № 32 располагался на северо-восточной окраине могильника «Бахтияровка-I» и имел правильную полусферическую форму. Его высота составляла 1,9 м, а диаметр равнялся 45 м. Вокруг кургана прослеживался ровик, шириной равный 5–7 м. Южная часть насыпи на глубину 0,3 м была распахана, северная сохранилась задернованной. В результате исследования в кургане было обнаружено 15 древних погребений, большая часть которых относилась к эпохе бронзы и раннему железному веку.

Погребение 12 располагалось в 1,5 м к северу от условного центра насыпи на глубине 0,9 м от современной поверхности. Могильная яма осталась не прослеженной. Останки погребенного обнаружены лежащими слабо

скорченно на правом боку, с сильным завалом костей скелета на живот. Череп умершего был ориентирован на запад-юго-запад, лицевым сводом он обращен на юг. Шейные и поясничные позвонки скелета были смещены. Слегка согнутые в локтевом сгибе кости левой руки лежали перед скелетом, кисть располагалась у бедренной кости левой ноги. Кости правой руки находились под скелетом. Кости ног были сведены в голенях и согнуты в коленях, обращенных вправо. Стопы ног отсутствовали (Рис. 1, 1). С северной стороны от погребенного располагались череп и пальцевые фаланги (копыто и путовые кости) задних скаковых конечностей коня. Кости передних скаковых конечностей коня отсутствовали. Череп животного находился вблизи черепа человека. Кости задних скаковых конечностей располагались у бедренных костей ног погребенного. Рядом с ними была найдена трубчатая кость барана.

Справа от черепа погребенного находился глиняный лепной сосуд (Рис. 1, 1а), имевший плоское дно, шаровидное тулово, выделенное низкое горло и отогнутый наружу венчик. Внешняя поверхность горшка небрежно заглажена. Край венчика покрыт насечками. Плечи сосуда украшены прочерченным по сырому тесту пышным орнаментом в виде свисающих полос двойных арочных гирлянд,

вписанных между двух горизонтальных линий. Внутри полос гирлянд наколоты окружности. Высота сосуда 11,5 см. Диаметр горла 9 см, тулова 11,5 см, дна 7,6 см (Рис. 1, 18).

Между локтем левой руки и костями ребер грудной клетки найдены обломок двустороннего лезвия железного кресала длиной 6 см и кремь (Рис. 1, 12-д, 2, 3). На правой стороне грудной клетки, между ребрами и тазовыми костями лежала костяная полукруглая бусина со сквозным отверстием. Ее диаметр 1,7 см (Рис. 1, 1е, 16). Здесь же были обнаружены две железные кольцевидные пряжки диаметром 3,5 см (Рис. 1, 1ж-и, 4, 7). На тазовых костях находилась еще одна железная кольцевидная пряжка диаметром 2 см (Рис. 1, 1з, 6). Между бедренной костью правой ноги погребенного и предплечевыми костями его правой руки находилось железное кольцо диаметром 3,4 см, плоское в сечении (Рис. 1, 1к, 7). Между бедренными костями ног были обнаружены фрагменты железных креплений колчана и обломки древков наконечников стрел (Рис. 1, 1л, 8-14). Слева от тазовых костей найдена круглая бронзовая плоская ременная бляха-накладка с планкой-перемычкой на оборотной стороне. Диаметр 2 см (Рис. 1, 1м, 15). Между скаковыми конечностями коня и бедренными костями ног погребенного лежали железные двусоставные кольчатые удила. Длина звеньев 12,5 и 14 см, диаметр колец 3,6 см (Рис. 1, 1н, 19).

Как известно, у средневековых кочевников простейшим и наиболее распространенным способом захоронения является труположение человека на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ногами. Погребенные, ориентируемые головами на запад и сопровождаемые черепом и отчлененными по первый скаковой сустав костями ног коня, по классификации А.Г. Атавина, относятся ко второму варианту I-го типа (Атавин, 1984. С. 135). Подобные захоронения убедительно связываются с печенего-торческой эпохой и датируются IX — началом XI вв. (Плетнева, 1981. С. 218; Кригер, 1985. С. 16; Круглов, 1994. С. 38, 39; Круглов, 2001. С. 421-423; Круглов, 2003. С. 13).

Скорченное на правом боку положение умершего из Бахтияровки является редким отклонением от господствующих у сред-

невековых кочевников IX — начала XI вв. норм погребальной обрядности и относится к особому варианту труположений тел (Круглов, 2003. С. 49). Наиболее близкими к данному захоронению являются погребение 1 из кургана № 10 у п. Кара-Оба (Синицын, 1952. С. 72. Рис. 30; Синицын, 1956. С. 130, 131; Гарустович, Иванов, 2001. С. 137. Рис. 8, 2; Круглов, 2003. С. 41, 42, 63. Рис. 5, 7, С. 71, Прил.) и погребение 18 из кургана № 1 у п. Новополиповка (Вязьмитина и др., 1960. С. 26, 27. Рис. 6, 1-3). Оба указанных захоронения, как и бахтияровское, впускные. В засыпи могильной ямы погребения из Кара-Обы были зафиксированы следы пятна более позднего вкопа, расчистка которого выявила смещенные кости скелета взрослого мужчины: тазовые, бедро левой ноги, поясничные позвонки и крестец. В заполнении ямы был также найден глиняный лепной сосуд с двумя петлевидными ушками на плечиках. На дне могильной ямы были обнаружены сохранившиеся *in situ* остальные кости скелета погребенного, лежащего на животе, лицом вниз. Кисти рук покойного упирались в дно, локти были подняты вверх. Кости ног ниже колен оказались перекрещены, вероятно, в момент совершения погребения они были связаны. Инвентарь: остатки железных креплений берестяного колчана, стягивающие кольца, пряжка, роговая срединная накладка лука, железные наконечники стрел. Погребенный из Новополиповки лежал на левом боку, слегка скорченно, головой на юго-запад. Руки были вытянуты, кисти находились на тазе. Ноги согнуты в коленях влево. У черепа погребенного лежал череп коня, под ним находились пальцевые фаланги (копыто и путовые кости) передних скаковых конечностей коня. В районе ступней погребенного располагались пальцевые фаланги (копыто и путовые кости) задних скаковых конечностей коня. Инвентарь представлен железными удилами и ножом. Возможно, существование захоронений, подобных вышеописанным, являлось отражением особого прижизненного статуса погребенных или специфического характера их смерти, но суть этого явления в настоящее время достоверно понять пока не представляется возможным.

Особое значение имеет факт обнаружения в захоронении у с. Бахтияровка глиняного лепного сосуда. Само по себе нахождение в кочевническом погребении IX–XI вв. отдельных фрагментов керамики и целых глиняных сосудов не такое уж редкое явление. Но поверхность плеч бахтияровского сосуда была украшена особым способом — наколами и прочерченными по сырой глине гирляндами. Возникает вопрос об этнокультурной атрибуции данной особенности орнаментации этой керамики и всего погребального комплекса.

Обломки сосудов, орнаментированных таким же способом, в большом количестве встречались на развееванных дюнных стоянках низовий р. Волга (Белецкий, 1962. С. 61–64), в слоях IX–X вв. Саркела — Белой Вежи (Белецкий, 1959. С. 68–71; Плетнева, 1959. С. 230–239; 1996. С. 11, 12; Артамонова, Плетнева, 1998. С. 564–581) и Тмутаракани (Плетнева, 1963б. С. 5–72; 2001. С. 97–107). В последнее время такая керамика была выявлена в дельте р. Волга на Самосдельском городище (Гречкина, Васильев, 2001. С. 43; Васильев и др., 2003а. С. 133; Васильев и др., 2003б. С. 107; Васильев, 2004. С. 266). Распространение подобной керамики на территории Восточной Европы в научной литературе традиционно связывается с переселением племен из районов распространения памятников джетыясарской культуры и «болотных» городищ Янгикентской группы бассейна нижнего и среднего течения р. Сырдарьи.

Приаральская керамика с «болотных» городищ нижней Сырдарьи, украшенная наколами и прочерченными по сырой глине гирляндами, со времен С.П. Толстова обычно интерпретируется как огузская (Толстов, 1947. С. 69–71). Однако происхождение огузов надежно связывается письменными источниками с территорией современной Монголии (Кляшторный, 2003. С. 119, 120). До середины VIII в. они были заняты войнами с центральноазиатскими тюрками, а их переселение в район бассейна р. Сырдарьи относится лишь к середине IX в. Между тем, все поселения приаральского региона, на территории которых обнаруживается керамика с наколами и прочерченными гирляндами, прослеживают устойчивые домостроитель-

ные традиции и общее состояние твердой оседлости минимум с VII–VIII вв. Учитывая это обстоятельство, исследователи археологических памятников районов средней Сырдарьи распространение керамики с наколами и гирляндобразным орнаментом связывают не с огузским, а с печенежским наследием (Акишев и др., 1972. С. 190). В любом случае речь идет не более чем о некотором ограниченном влиянии носителей подобной керамики на культуру коренного устойчиво оседлого населения указанных районов Средней Азии (Гарустович, Иванов, 2001. С. 97), а все попытки определения этнической принадлежности этого населения, основанные на изучении подъемного материала и раскопок стационарных памятников, пока остаются не вполне убедительными. Дело в том, что уже с самого начала появления кочевых огузов в Средней Азии практически вся их дальнейшая история оказалась тесно переплетенной с историей печенегов-кентгересов, полуоседлых коренных жителей районов среднего течения р. Сырдарьи (Кляшторный, 2003. С. 215, 227, 228).

В настоящее время регионом, в котором пребывание огузов и печенегов на пути их последующего движения из Средней Азии на запад было засвидетельствовано не только письменными источниками, но и наиболее достоверными для данного случая погребальными археологическими памятниками являются восточноевропейские и северокаспийские степи. В работах С.А. Плетневой (Плетнева, 1958; 1963а; 1981; 1990; 2003), В.А. Кригера (Кригер, 1985; 1986; 1993), Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова (Иванов, 1990; 1993а; 1993б; Гарустович, Иванов, 2001) и моих (Круглов, 1994; 2001; 2003) выделяются две отличные друг от друга группы археологических погребальных памятников средневековых кочевников IX — начала XI вв., отличающихся друг от друга величиной количественного распространения некоторых частных и локальных признаков погребальной обрядности. Для печенегов признается характерным сооружение в уже существующих земляных курганах неглубоких впускных прямоугольных могил, наличие останков коня на дне ям непосредственно вместе с погребенными, лежащих вытянуто на спи-

не и ориентированных головами на запад, отсутствие женских захоронений и бытовых предметов этнографического характера в составе заупокойного инвентаря. Для огузов также было характерно использование в погребальных целях уже существующих насыпей, сооружение в них простых прямоугольных могильных ям, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных на запад с сезонными отклонениями к северу и югу. Отличает одних от других наличие в могилах у огузов разнообразных деревянных конструкций — перекрытий, гробов и колод, а также растительных и древесных подстилок. Одной из основных отличительных особенностей погребального обряда огузов признается пространственно-вертикальное соотношение положения останков покойного и сопровождавшего его коня. Останки животных в виде шкур с черепами и костями скаковых конечностей укладывались огузами над останками людей — в заполнениях могил, на крышках гробов, колод, перекрытиях. Важной особенностью погребального обряда этих кочевников было признано наличие значительного количества женских и детских захоронений. Из могильного инвентаря именно в этих погребениях выделяются предметы этнографического характера — бронзовые копоушки, птицевидные и крыловидные нашивки, привески. Этнографическими, видимо, следует считать также и шумящие бляхи-решмы, особые украшения кожаных ремней оголовий конской сбруи, фиксируемых, обычно, в захоронениях мужчин-воинов.

К настоящему времени выяснилось, что памятники печенегов в разных количественных пропорциях встречаются практически по всей территории степей — от Добруджи до Северного Приаралья, а единственным районом, в котором пребывание огузов оказалось зафиксировано скоплением большого количества однотипных захоронений является лишь Северный Прикаспий (Кригер, 1985; 1986; Гарустович, Иванов, 2001; Круглов, 2001; 2003; Плетнева, 2003). Между тем, в вещевом инвентаре погребальных памятников огузов северокаспийского региона керамики с подобной орнаментацией поверхности не зафиксировано.

Сосуды, поверхность которых украшалась наколами и прочерченными гирляндами, в погребальных комплексах кочевников IX–XI вв. Восточной Европы были обнаружены дважды. Один из них, по С.А. Плетневой, происходит из могилы кургана Д у с. Покровское, раскопанного в 1902 г. братьями А.А. и М.А. Миллерами в окрестностях г. Таганрога (Плетнева, 1958. С. 153, прим. 3, 157. Рис. 3, 4). Этот сосуд имел форму кувшина и был украшен пышным орнаментом из наколов, валиков и прочерченных гирлянд. Второй горшок с прочерченным знаком-тамгой и гирляндой точечных наколов, происходит из погребения 2 кургана № 10 кочевнического могильника Белой Вежи. Данный сосуд представлял из себя небольшой лепной горшок шаровидной формы с сильно раздутыми боками (Плетнева, 1958. С. 157. Рис. 3, 5; 1963а. С. 252. Рис. 25; 1990. С. 54, 65. Рис. 18, 12; Гарустович, Иванов, 2001. С. 139. Рис. 10, 23). Оба указанных погребения довольно долгое время связывались С.А. Плетневой с захоронениями первой группы кочевнических древностей южнорусских степей и атрибутировались исследователем в качестве печенежских (Плетнева, 1958. С. 159; 1981. С. 218; 1990. С. 94, 95). Точно также атрибутировали материалы указанных погребений Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов (Гарустович, Иванов, 2001. С. 89). Сравнительно недавно, однако, С.А. Плетнева изменила свое мнение по данному вопросу. Не приведя никаких объяснений, она предложила считать погребальные памятники с керамикой, покрытой пышным накольчатым гирляндобразным орнаментом, огузскими (Плетнева, 2003. С. 131). Рассмотрим эти памятники.

Одноручный лепной кувшин из с. Покровское на самом деле происходит не из погребения кургана Д, уверенно датирующегося трапециевидными подвесками из янтаря XI–XII вв., а из захоронения кургана F того же могильника (Ларенок, 1998. С. 78, 79). Данное погребение представляло собой могильную яму, длинной осью ориентированную по линии восток–запад. Костные останки взрослого человека в полном беспорядке располагались в восточной части

могильной ямы. Несмотря на разрушение комплекса, ориентировка погребенного была установлена: предположительно он был обращен на запад. Возможно, некоторая часть костей человека все же не была потревожена. В восточной части могилы обнаружено скопление из трех (!) разбитых лепных сосудов — вышеозначенного кувшина с наколами и гирляндоподобным орнаментом и еще двух горшков, особенности которых в настоящее время не известны. Какого-либо иного инвентаря в данном погребальном комплексе зафиксировано не было и связь памятника с культурой средневековых кочевников достаточно проблематична.

Курган № 10 Белой Вежи располагался среди насыпей западной группы кочевнического могильника. Могильная яма основного погребения № 2 — простая прямоугольная. Захоронение принадлежало мужчине старческого возраста, европеоиду-брахикрану типа среднеазиатского междуречья. Скелет, ориентированный головой на запад-юго-запад, лежал на спине, вытянуто. Останков сопровождающего коня в погребении не было. С.А. Плетнева, отмечая хорошую сохранность костных останков умершего, указывает, что плечевая кость левой руки покойного была сломана, кости левых лопатки и ключицы смещены, грудина и все ребра перемешаны, а фаланги пальцев рук отсутствовали (Плетнева, 1963а. С. 220; 1990. С. 17. Рис. 4; Гарустович, Иванов, 2001. С. 139. Рис. 10, 12; Круглов, 2003. С. 68. Рис. 10, 7). Сохранившиеся не потревоженными кости позвоночного столба и полное отсутствие в описании памятника каких-либо указаний на наличие в могильной яме нор землеройных грызунов позволило мне предположить, что подобное состояние сохранности останков умершего вполне может являться отражением хорошо известного в эпоху средневековья обряда обезвреживания погребенного (Круглов, 2003. С. 47–49). Непосредственно с покойным на дне могильной ямы найдены три железных наконечника стрелы, железный нож и две срединные роговые накладки рукояти сложносоставного лука. Интересующий нас глиняный сосуд был обнаружен в засыпи могильной ямы на глубине 0,3 м от ее дна. Вероятно, он был связан не с обрядом погребения,

а с ритуалом вторичного проникновения в могильную яму с целью посмертного обезвреживания останков уже похороненного там человека. Указанные обстоятельства нахождения этого горшка и особенности комплекса вещей действительно позволяют реально связывать этот курганный кочевнический беловежский могильник с культурным слоем Белой Вежи (Плетнева, 2003. С. 126), но не дают практически никаких прямых данных по вопросу определения этнокультурной принадлежности их носителей (и, в частности, интересующей нас традиции украшения керамики).

Таким образом, материалы погребений, исследованные братьями А.А. и М.А. Миллерами у с. Покровское и С.А. Плетневой у Белой Вежи при их внимательном рассмотрении оказываются совершенно недостаточными для каких-либо уверенных определений узкой этнокультурной принадлежности пользователей керамики, покрытой наколами и прочерченными гирляндами. При отсутствии в могилах средневековых кочевников останков коня и этнографических украшений костюма (копоушек, привесок и птицевидных нашивок) или конской сбруи (шумящих подвесок-решм), любые этнокультурные определения этих памятников представляются мне более чем проблематичными. В связи с этим приходится констатировать, что в настоящее время бахтияровское захоронение 12 из кургана № 32, возможно, оказывается единственным, более менее поддающимся этнической атрибуции. Как уже выше отмечалось, погребенные, ориентированные головой на запад и сопровождаемые останками коня, лежащими на одном уровне с умершими, практически единодушно атрибутируются исследователями печенежскими (Плетнева, 1981. С. 218; Кригер, 1985. С. 16; Круглов, 1994. С. 38, 39; Гарустович, Иванов, 2001. С. 77, 78; Круглов, 2001. С. 421–423; Круглов, 2003. С. 13; Плетнева, 2003. С. 123–125). Следуя этим определениям мы получаем первую реальную возможность считать керамику с наколами и прочерченным по поверхности гирляндобразным орнаментом принадлежащей не огузам, а печенегам или каким-то иным тесно связанным с ними присырдарьинским племенам.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.

Артамонова О.А., Плетнева С.А., 1998. Стратиграфические исследования Саркела — Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. № VI.

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1.

Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75.

Белецкий В.Д., 1962. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. Вып. XXIII.

Васильев Д.В., 2004. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003а. Исследования на Самосдельском городище (к вопросу об огузских древностях в дельте Волги) // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем истории народов региона. Йошкар-Ола.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003б. Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк.

Вязьмитина М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкин О.І., Ковпаненко Г.Т., 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу Аккермень // АП. Т. VIII.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.

Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001. Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Иванов В.А., 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М.

Иванов В.А., 1993а. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Иванов В.А., 1993б. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Кляшторный С.Г., 2003. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.

Кригер В.А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Кригер В.А., 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Кригер В.А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Круглов Е.В., 1994. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории. Волгоград.

Круглов Е.В., 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX — 1-ой пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Круглов Е.В., 2003. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк.

Ларенок В.А., 1998. Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в. // Донская Археология. № 1. Ростов-на-Дону.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. Т. 62.

Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. Т. 75.

Плетнева С.А., 1963а. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи // МИА. №. 109. •

Плетнева С.А., 1963б. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гүзы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М.

Плетнева С.А., 1996. Саркел и «шелковый путь». Воронеж.

Плетнева С.А., 2001. Кочевники в Таматаре // РА. № 2.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья. Воронеж.

Синицын И.В., 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XLV.

Синицын И.В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата.

Толстов С.П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в

1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 10555. Архив ВОКМ. Д. № 44.

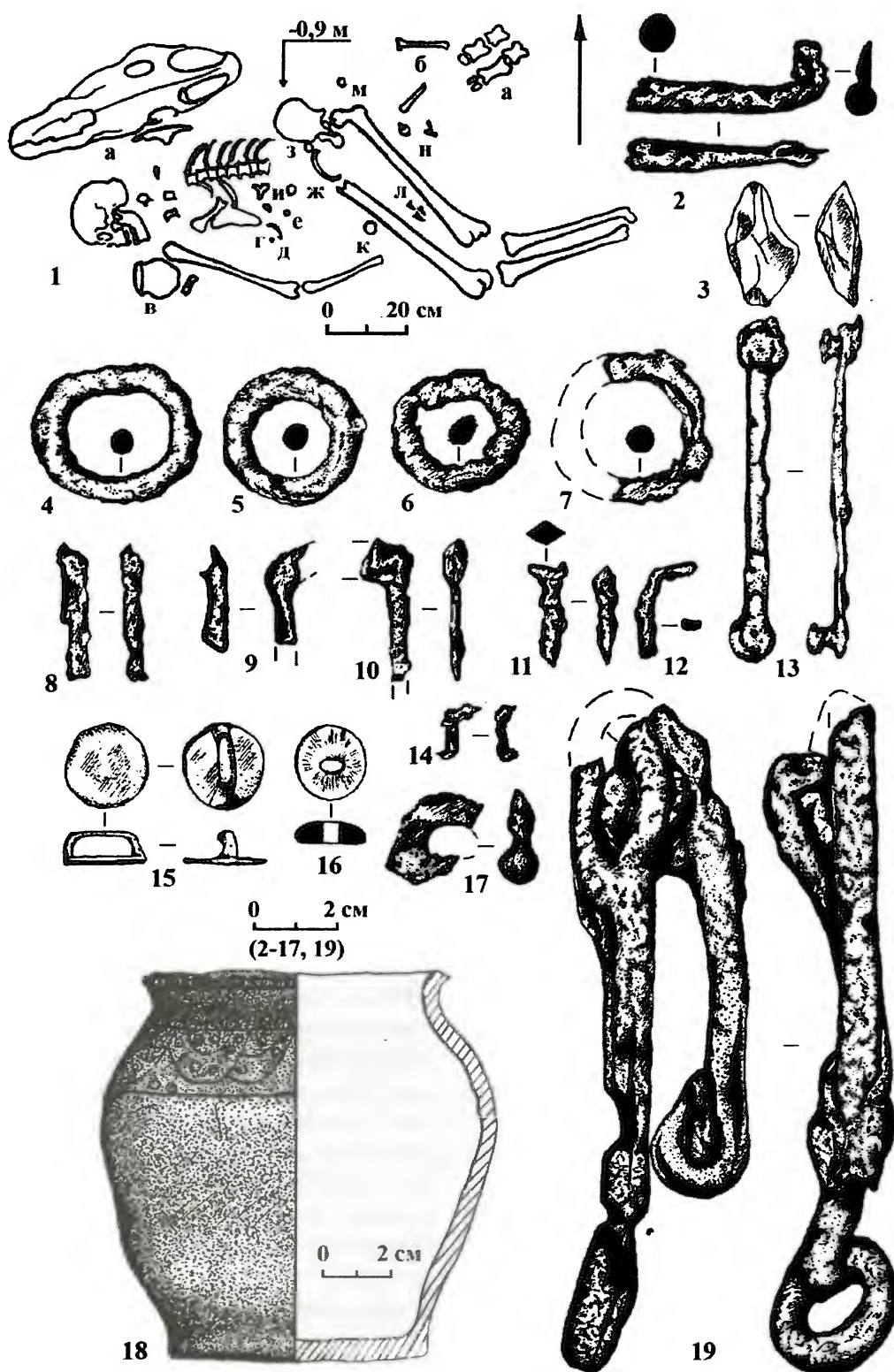

Рис. 1. План и вещевой инвентарь погребения 12 кургана № 32 Бахтияровского могильника. 1 — план погребения: а — череп и скаковые конечности коня; б — кости барана; в — сосуд; г, д — кресало с кремнем; е — бусина; ж-к — стягивающие кольца; л — крепления колчана; м — накладка; н — удила. 2-19 — инвентарь погребения: 2, 4-14, 17, 19 — железо; 3 — кремень; 15 — бронза; 16 — кость; 18 — глина

ЮЖНОСИБИРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В УПРЯЖИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ X–XIII ВВ. СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди предметов конской упряжи из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья есть две категории изделий, стоящие особняком, — это наносники и Т-образные застёжки. Они относятся к уздечке, где первые выполняли только декоративную роль, а вторые являлись рабочими элементами. В отличие от других предметов сбруи (удил, стремян, подпружных пряжек), эти изделия были малораспространёнными на восточноевропейской территории в указанное время. Многочисленные параллели им обнаруживаются в южносибирских материалах X–XIII вв.

Наносники:

В данную категорию входят небольшие цельнолитые бронзовые бляшки-накладки с миниатюрными центральными трубочками-втулками для султанчиков (3 экз.). Все три литые бронзовые, т.е. одинаковы по материалу и изготовлению, но различны по форме самой накладки и декору и потому разделены следующим образом.

Раздел I — литые

Подраздел А — орнаментированные

Отдел I — прямоугольные

Тип 1 — прямоугольная удлинённая накладка размерами 35 на 17 мм с отверстием-втулкой в центре (1 экз.). По краям по две поперечных бороздки, на обороте два штифта (Рис. 1, 1). Найдена в сапунском кургане 19 на морде ло-

шади, точнее, на месте поперечного храпового ремня (Дмитриев, 1986. Рис. 200). Однотипная накладка с заостренными концами происходит из слоя разрушения Цицелиевского 1 могильника XI–XII вв. в Западном Закубанье (Пьянков, 1989. Рис. 366, 10). Другая морфологически похожая накладка X–XI вв. из Колобово приведена Л.М. Гаврилиной в группе сбруйных кочевнических украшений (Гаврилина, 1987. Рис. 3, 3).

Отдел II — фигурные

Тип 1 — фигурная продолговатая накладка с плоской тыльной и рельефно орнаментированной лицевой стороной размерами 26 × 11 мм (1 экз.). В центре отверстие, оформленное в виде короткой цилиндрической трубочки, от которой в противоположные стороны отходят две овальные лопасти, украшенные на концах круглыми выпуклостями (Рис. 1, 3). На обороте два штифта. Найдена в погребении лошади 2 Цемдолинского кургана 4.

Подраздел Б — неорнаментированные

Отдел I — крестовидные

Тип 1 — крестовидная накладка размерами 17 × 15 мм с центральным отверстием, оформленным в виде короткой цилиндрической трубочки (1 экз.). На обороте два штифта с шайбой (Рис. 1, 2). Находилась в цемдолинском погребении 33. По форме и размерам она повторяет верхнюю бляху-колодочку двусоставного укра-

шения из погр. 1 могильника Потомственный под Геленджиком. Вместе с тем, она сближается с мелкими крестовидными или «4-лепестковыми» уздечными бляшками оголовий из катакомбы 32 и комплексов 170 и 184 Змейского могильника (Фидаров, 1982. Рис. 39; 1994. С. 29. Рис. 16; Шестопалова, 1995. Рис. 87).

Эта миниатюрная накладка как бы имитирует широко распространенные в X–XI вв. крестообразные литые уздечные бляхи перекрестий с короткими выступами-концами, отличающимися от нее гораздо более крупными размерами, отсутствием отверстия в центре и соединительной функцией (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 10, 5, А-Г; Гаврилина, 1987. С. 55–57. Рис. 2, 1–5).

По-видимому, к этой категории изделий надо отнести еще две цилиндрические трубочки. Первая, высотой 12 мм, диаметром 7 мм, происходит из погребения лошади 2 кургана 1 могильника «Чайка». Она имеет рассеченную и отогнутую нижнюю закраину для крепления к какой-то несохранившейся основе (вероятно, бляшке) и, как показал анализ, изготовлена из высокоцинковистой, т.н. «золотоподобной» латуни. Аналогично крепилась трубочка сборного наносного султанчика из кург. 2 приалтайского могильника Корболиха VIII (Могильников, 2002. С. 90. Рис. 210, 1). Вторая, диаметром и высотой по 10 мм, найдена в погребении лошади 2 Сапунского кургана 4; ее основа тоже не сохранилась. Если это трубочки от наносников, то, значит, последние являлись не цельнолитыми, а спаянными из двух частей и, следовательно, относились к другому разделу этого вида украшений.

Назначение данных бляшек с трубочками было не вполне ясным, их пытались атрибутировать как застежки. Я полагаю, что они вряд ли служили таковыми, будучи плотно приклепаны к ремню. Найденные соответствия из отдаленных памятников и местоположение бляшки в Сапунском кургане 19 *in situ* позволяют трактовать их как миниатюрные уздечные наносники для султанчиков. Прямоугольная и фигурная накладки конструктивно восходят к более крупным алтайским цельнолитым наносникам раннего типа, датируемым первой половиной X в. (Рис. 1, 7), а также к наносникам из кочевнического погребения IX–X вв. кург. 15 могильника Карашат I в Верхнем Прииртышье (Рис. 1, 5), кургана 12 аскизского могильника Шанчиг (Рис. 1, 4) и из кимакских погребений

сер. X — перв. пол. XI вв. в алтайских предгорьях (Шиготарова, 2000. Рис. 2, 1; Трифонов, 1987. Рис. 97, 40; Кызласов И., 1983. Рис. 10, 1; Могильников, 2002. Рис. 210, 5, 7, 11). Причем накладка типа IAI-1 близка к ним морфологически. Крестовидная накладка типа IBI-1 сопоставима по форме и устройству с наносником из кургана 6 могильника Гилево IX там же (Рис. 1, 6) (Могильников, 2002. Рис. 210, 9).

Происхождение этих украшений ведут из Средней Азии, полагая, что оттуда их переняла кимако-кыпчакская знать, у которой они были популярны с конца IX до XI в., и кыргызы, использовавшие их намного дольше (Кызласов Л., 1981. С. 56; Кызласов И., 1983. С. 30–32; Могильников, 2002. С. 91, 92). В XI–XII вв. в Южной Сибири в этой же этнической среде сложилась другая форма наносников, — более крупных, с узкой и дуговидно изогнутой или плоской пластиной с высокой цилиндрической или конической трубочкой. Впоследствии такие украшения стали особенностью аскизской уздечки XIII–XIV вв. (Кызласов И., 1981. С. 205. Рис. 74, 42, 23; 1983. Рис. 10, 5–8; Шиготарова, 2000. Рис. 2; Могильников, 2002. Рис. 210, 1, 2). Наносники поздней формы изредка встречаются в кочевнических погребениях монгольского времени на Южном Урале и в Восточной Европе (Ковалевка) (Иванов, Кригер, 1988. Рис. 1, 3; Горелик, Ковпаненко, 2001. Рис. 3, 8). К домонгольскому времени относятся находки уздечных наносников на Золотаревском поселении на Суре и наносный султанчик с высокой конической трубочкой из Старокуйбышевского болгарского городища, который назван в публикации «начальником» (Белорыбкин, 2001. Рис. 98; Казаков, 1991. С. 107. Рис. 37, 2).

Насколько мне известно, конские оголовья из кочевнических огузо-печенежских и половецких погребений в Восточной Европе не включали наносники для султанчиков. Миниатюрная круглая бляшка с отверстием-втулкой входит в уздечный набор из гнездовского дружинного кургана Ц-191, относящегося к X в. В реконструкции этого убора О. Федоров поместил ее на налобный ремень, но такое расположение не противоречит сугубо декоративному назначению этой бляшки для султанчика (Журнал «Родина», 1997. Рис. на с. 104).

Накладки-застежки происходят из пяти комплексов (6 экз.). В зависимости от место-

положения этих накладок в погребениях двух цемдолинских курганов, где уздечка сохранилась *in situ* — на черепае взнузданной лошади (кург. 3) и в области шеи и холки лошади (кург. 14), — они атрибутируются как застёжки для оголовных и других ремней сбруи. Все накладки гладкие бронзовые, литые и представлены двумя отделами по общей форме и типами по деталям формы.

Отдел I — Т-образные

Тип 1 — с расширяющейся книзу плоской ножкой и прямой стержневидной поперечной головкой-перекладиной (Рис. 2, 3). Размеры 24 × 15 мм. На обороте ножки два крепежных штифта с плоскими шайбами и остатками кожаного ремня. Находилась в погребении лошади № 1 цемдолинского кургана 4.

Тип 2 — с плоской подпрямоугольной ножкой, резко суженной при переходе в поперечную стержневидную перекладину (Рис. 2, 5). Размеры 30 × 13 мм. На обороте ножки два штифта. Найдена в цемдолинском кургане 3.

Тип 3 — с ножкой, как у предыдущего типа, и перекладиной с загнутыми вверх концами и двумя роговидными выступами наподобие оленьих рогов (Рис. 2, 1). На обороте ножки два штифта. Найдена в погребении 1 могильника «Потомственный».

Тип 4 — с дуговидной перекладиной со слегка опущенными концами и прямой ножкой с квадратным расширением внизу и двумя штифтами на обороте (Рис. 2, 2). Обнаружена в погребении № 33 на распаханной части Цемдолинского могильника.

Отдел II — якоревидные

Тип 1 — с кольцевидным завершением стержневидной ножки и поперечной стержневидной перекладиной на другом конце (2 экз.). На обороте ножки два крепежных штифта с шайбами и остатками кожаного ремня (Рис. 2, 4). Размеры 39 × 22 мм. Одна застёжка относилась к узде, другая располагалась в области шеи и холки лошади в цемдолинском кургане 14. Аналогии не известны.

Застёжки обоих отделов по конструкции и использованию одинаковы, т.к. крепились ножкой к концу ремня и при определенном повороте их свободная головка продевалась в продольную прорезь встречного ремennого конца и затем раз-

ворачивалась поперек него, блокируя соединение. Подобным образом употребляют костяные или деревянные цурки, пропуская в прорезь или ремennую и веревочную петлю. Идентичная типу I-1 застёжка найдена в конском погребении 1 закубанского могильника Черноклен XI–XII вв. (Пьянков, 1987. Рис. 455, 2). Вне северо-западного Кавказа близкие ему экземпляры содержатся в уздечном наборе курганного «черноклобуцко-го» комплекса XII–XIII вв. Николаевки и сборах с Золотаревского домонгольского поселения на Суре, Остолоповского болгарского селища конца XI — XII в. и золотоордынского городища Увек на Волге (Кирпичников, 1973. Табл. XII; Белорыбкин, 2001. Рис. 99, 18, 19; Казаков, 1997. С. 66. Рис. 7, 2; Недашковский, 2000. Рис. 5, 12). В увекских материалах есть также накладка с завершением стержня в виде трезубца, похожая на тип I-3, но в общем Т-образные накладки там единичны и названы «наконечниками ремней» (Недашковский, 2000. С. 38. Рис. 5, 13). Это соответствует их месту на ремне, но обычно к наконечникам относят «неработающие» концевые бляхи-накладки, поэтому данные изделия правильнее называть «застёжками». За пределами восточноевропейского региона разнотипные Т-образные накладки-застёжки, аналогичные типу I-2, характерны для аскизской культуры Южной Сибири, начиная с X в. по XIII–XIV вв. (Рис. 2, 6, 7). В их эволюции отогнутые вверх концы перекладин считаются поздним признаком (Кызласов, 1983. С. 61. Табл. XII, 33, 37). Этим аналогии исчерпываются.

Как видно из приведенных южносибирских параллелей, наносные султанчики в исходном ареале являются более древней категорией, чем Т-образные застёжки. В Северо-Восточном Причерноморье обе категории появляются одновременно в XI–XII вв. Эти предметы здесь малочисленны, но интересно, что почти все они сосредоточились в курганах одного могильника Цемдолинского под Новороссийском. Единство инвентаря и кремационного погребального обряда этого курганного могильника свидетельствует, что он оставлен одной этнической группировкой в относительно короткий период времени; захоронения с лошадьми, в которых были найдены описываемые вещи, принадлежали воинам-всадникам.

Своеобразные уздечные приспособления, о которых шла речь, определенно говорят о ка-

ком-то влиянии кимако-кыпчакской и кыргызской культур на культуру населения Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья в XI–XII вв. Пока на основании родства только двух (хотя и показательных) материальных категорий нельзя оценить характер и глубину этого влияния. Оно могло быть как непосредственным при каких-то контактах здешнего населения с кыргызо-кыпчакскими

группами, так и опосредованным, если учесть наличие вещей аскизского облика в Волжской Болгарии и возможность их попадания оттуда на Северо-Западный Кавказ. Однако, обращает на себя внимание отсутствие прямых аналогий причерноморским изделиям, которые явно демонстрируют творческое восприятие прототипов и выработку самобытных вариантов, — например якоревидных застежек.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.

Гаврилина Л.М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза.

Иванов А.В., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). Уфа.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.

Казаков Е.П., 1997. Об этнокультурных компонентах народов Восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. № 1. Казань.

Киртичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36.

Кызласов И.Л., 1981. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV веков // САИ. Вып. Е3–18.

Кызласов Л.Р., 1981. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Могильников В.А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Журнал «Родина», № 3–4. М., 1997.

Трифонов Ю.И., 1987. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шиготарова Т.Г., 2000. Типология наносных султанчиков (по материалам средневековых памятников Алтая) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Дмитриев А.В., 1986. Отчет о дослідованні пам'яток в зоні будівництва ЛЕП заводу «Прибой» і в зоні спорудження зрошувальних систем совхоза «Раевський» біля г. Новоросійська. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11598.

Пьянков А.В., 1987. Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11616.

Пьянков А.В., 1989. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края

в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13448, 13451.

Фидаров Р.Ф., 1982. Отчет по раскопкам Змейского могильника в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13721–13722.

Фидаров Р.Ф., 1994. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17838, 17839.

Шестопалова Э.Ю., 1995. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16813.

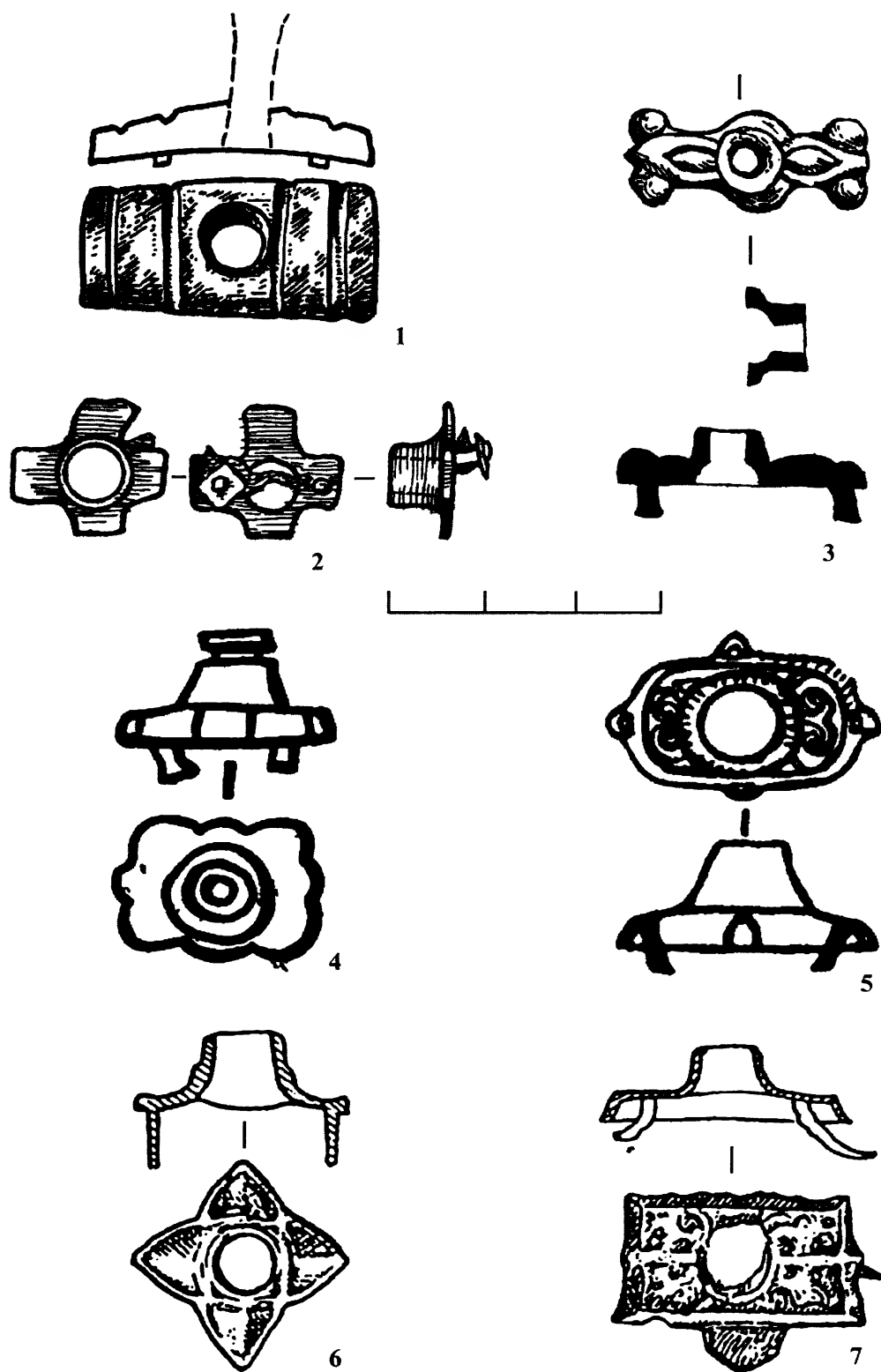

Рис. 1. Наносные султаны: 1–3 — из могильников Северо-Восточного Причерноморья; 4–7 — из южносибирских могильников

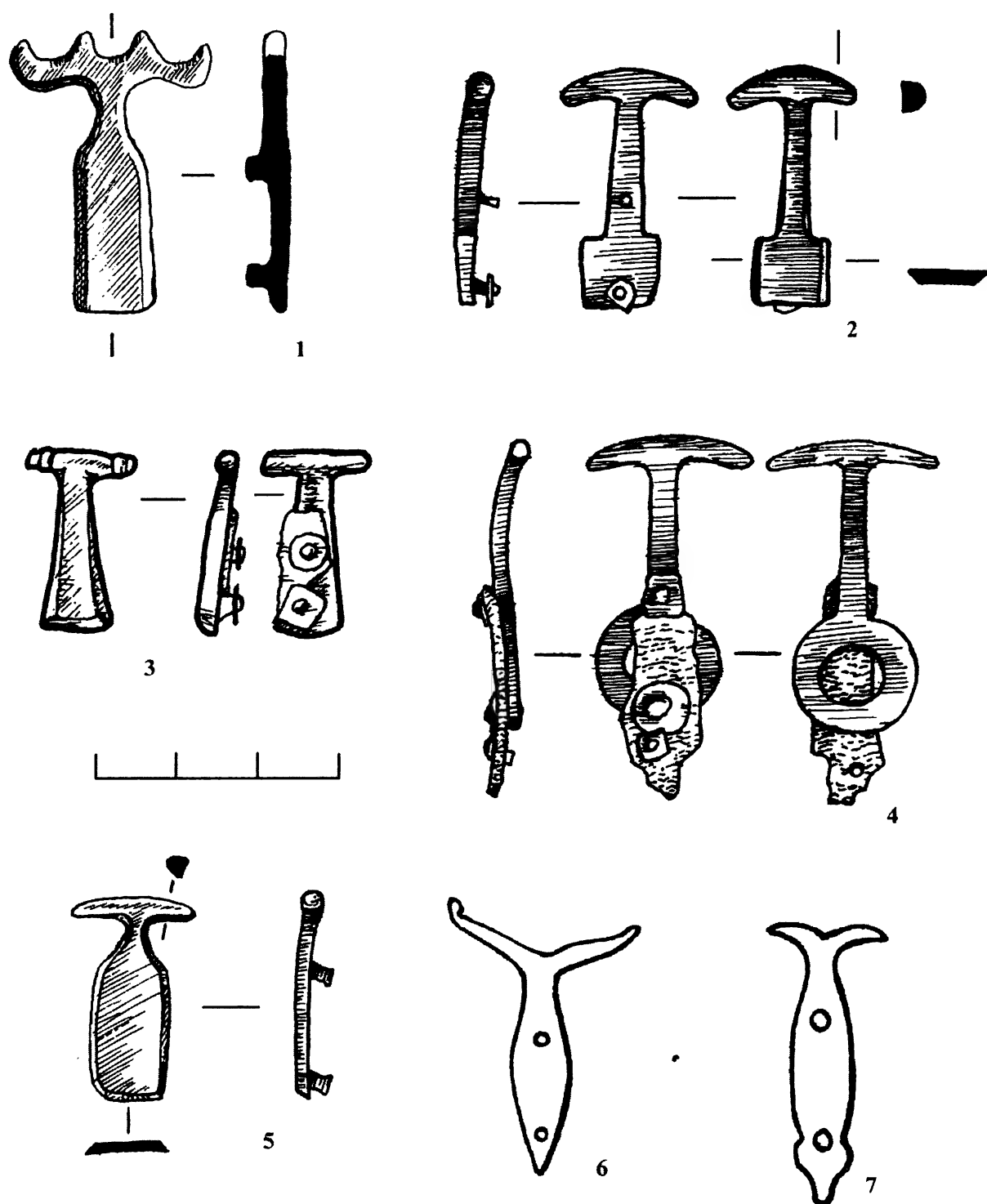

Рис. 2. Уздечные застёжки: 1–5 — из могильников Северо-Восточного Причерноморья; 6, 7 — из южносибирских могильников

Ю.В. Зеленский
(КГИАМЗ, Краснодар)

ШПОРЫ ИЗ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЯ

По свидетельствам средневековых путешественников кочевники не пользовались шпорами, а подгоняли коня плетью (Путешествия..., 1957. С. 30, 57). Однако в двух позднекочевнических захоронениях степного Прикубанья были найдены шпоры.

Хут. Праздничный (ст. Раздольная) раскопки Н.И. Веселовского 1903 г. к. 1 п. 2 (Веселовский, 1906. С. 74).

Форма могильной ямы не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток. Отмечена монголоидность погребенного.

Инвентарь: стальная кольчуга надета на погребенного. Шлем сфероконической формы без наносника на голове погребенного. Сабля с серебряными накладками находилась справа от погребенного. Две шпоры V-образной формы, два стремени и медный котел с железной ручкой в ногах погребенного. Пять наконечников стрел — у правого плеча.

Курганная группа «Южный-84» к. 2 п. 1 (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 184–209).

На расстоянии 1,5 м от центра кургана был обнаружен скелет лошади, лежащей на левом боку, черепом на запад. На спине лошади сохранились остатки деревянного седла, обитого кожей. На остатках седла лежало железное кольцо. Здесь же зафиксировано стремя арочной формы с широкой слегка выгнутой подножкой и прямоугольным выступом для

путлища. Под скелетом первой лошади лежал второй скелет коня, также черепом на запад. Рядом с ним находилось стремя арочной формы с узкой выгнутой подножкой и прямоугольным выступом для путлища. Здесь же находилось второе стремя и железная круглая пряжка. В зубах лошади находились двуставные кольчатые удила.

Могильная яма подпрямоугольной формы была перекрыта деревянными плахами. Погребение было совершено в гробовище. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте.

Инвентарь. На погребенном короткая кольчужная рубашка с капюшоном. Возле нижней челюсти серебряное кольцо. Слева от погребенного сабля с наконечником длина 106,5 см ширина лезвия 4,5 см. Под нижней челюстью погребенного бронзовый биконический бубенчик. Возле правого плеча и правой голени четыре концевые накладки на лук. Возле правого локтя железный штырь. Возле правого предплечья и правого бедра 14 черешковых наконечника стрел. Двурогий срезень, два бронебойные узкие шиловидные, четыре бронебойные узкие пирамидальные, один бронебойный ланцетовидной формы, один бронебойный килевидный, один бронебойный пирамидальный трехгранный, три бронебойные пулевидные, один линзовидный в сечении.

У кисти левой руки нож с прямой спинкой и прямым перекрестием. Возле правого бедра серебряная с позолотой распрямленная гривна. Под левой голенью погребенного две шпоры V-образной формы. За гробовищем возле западной стенки могильной ямы медный плоскодонный котел с железной закраиной и дужкой. Внутри котла лежали кости овцы.

Шлемы, аналогичные шлему из Праздничного, встречаются редко. Они близки к типу II Б по типологии А.Н. Кирпичникова, но в отличие от шлемов этого типа у них нет наносника. Такие шлемы были датированы золотоордынским временем (Кирпичников, 1971. С. 29). Аналогичный шлем был найден в Прикубанье у ст. Ладожской (Кирпичников, 1971. С. 29). Наконечники стрел данных типов также появляются в золотоордынское время.

Стремена аналогичные стремени из могильника «Южный-84» А.Н. Кирпичников датирует очень широко XI–XIV вв. (Кирпичников, 1973. С. 50, 51. Рис. 29. Табл. XV, 3–6). Г.А. Федоров-Давыдов датирует их более узко второй половиной XIII — XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 1).

Шпоры из этого же погребения А.Н. Кирпичников датирует по древнерусским аналогиям XII — первой половиной XIII вв. (Кирпичников, 1973. С. 66. Табл. XX, 1–3. Рис. 37). Эти шпоры он относит к IV типу — шпорам с полуциркульным изгибом дуг и шипом, лежащим под прямым углом к плоскости этого изгиба. Кроме древнерусских, А.Н. Кирпичников находит аналогии в латвийских, польских, чешских, венгерских, шведских, датских и немецких древностях (Кирпичников, 1973. С. 66. Табл. XX, 1–3. Рис. 37). М.В. Горелик в беседе со мной определил эти шпоры как западноевропейские. Шпоры же из хут. Праздничного А.Н. Кирпичников относит к I типу. Это шпоры с шипами и скобой, лежащими в одной горизонтальной плоскости (Кирпичников, 1973. С. 63). Он датирует такие шпоры XI–XII вв., но отмечает, что они изредка выходят за пределы XII в. (Кирпичников, 1973. С. 64).

Сабли относятся к типу длинных, широколезвийных клинков. По особенностям сабельной гарнитуры А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина датируют подобные сабли XII — началом XIV вв. (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 129–131, 150. Рис. 4, 6, 7).

Двурогие срезни, ланцетовидные, килевидные, шиловидные и пирамидальные наконечники датируются очень широко XI–XIV вв. Бронебойные трехгранные наконечники могут быть датированы X–XII вв. Бронебойные пулевидные наконечники будут определены XII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 72, 79, 80, 83–86). Плоские килевидные наконечники, секторовидные срезни и бронебойные наконечники в виде кинжальчиков появились в восточноевропейских степях с приходом монголов и могут быть датированы XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 64, 76, 85).

Котлы, аналогичные котлу из пос. Южный, М.Л. Швецов датировал XII–XIII вв. (Швецов, 1980. С. 198–200). Он считал такие котлы хронологическим индикатором домонгольского времени. Эта датировка была основана на предположении об уничтожении монголами половецкой аристократии. Но от этого предположения все чаще отказываются.

То же самое относится и к распрямленным гривнам. Раньше их считали хронологическим индикатором домонгольского времени (Яремака, Шалобудов, 1985). Но они зафиксированы и в захоронениях золотоордынского периода.

Погребение у пос. Южный может быть датировано широко XII–XIV вв., а захоронение из Праздничного — второй половиной XIII — XIV вв.

Как уже говорилось выше, кочевники не пользовались шпорами. Гильом Боплан отмечал отсутствие шпор у крымских татар (Каргалов, 2004. С. 323). Шпор нет и в погребениях средневековых алан Северного Кавказа. Их также нет в захоронениях средневековых адыгов¹. Отсутствуют шпоры и в погребениях Северо-Восточного Причерноморья, которые Е.А. Армарчук считает дружинными (Армарчук, 2004. С. 9). Сообщение о находке шпор, но под вопросом, было по поводу одного из погребений Северо-Западного Причерноморья (Добролюбовский, 1986). Таким образом, пока твердо можно говорить о том, что только в двух позднекочевнических погребениях зафиксированы находки шпор. И оба эти захоронения находятся в степном Прикубанье. Остается открытым вопрос: как попали шпоры в погребения кочевников из степного Прикубанья?

¹ Консультация аспиранта КГУКИ Р.Б. Схатуна.

ЛИТЕРАТУРА

- Армарчук Е.А., 2004.* Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003.* Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар.
- Веселовский Н.И., 1906.* Раскопки на Кубани // ОАК за 1903 г. СПб.
- Добролюбский А.О., 1986.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк.
- Каргалов В.В., 2004.* Русь и кочевники. М.
- Кирпичников А.Н., 1971.* Древнерусское оружие: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36.
- Кирпичников А.Н., 1973.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36.
- Медведев А.Ф., 1966.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы). VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.*
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985.* Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепропетровск.
- Швецов М.Л., 1980.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. № 2.

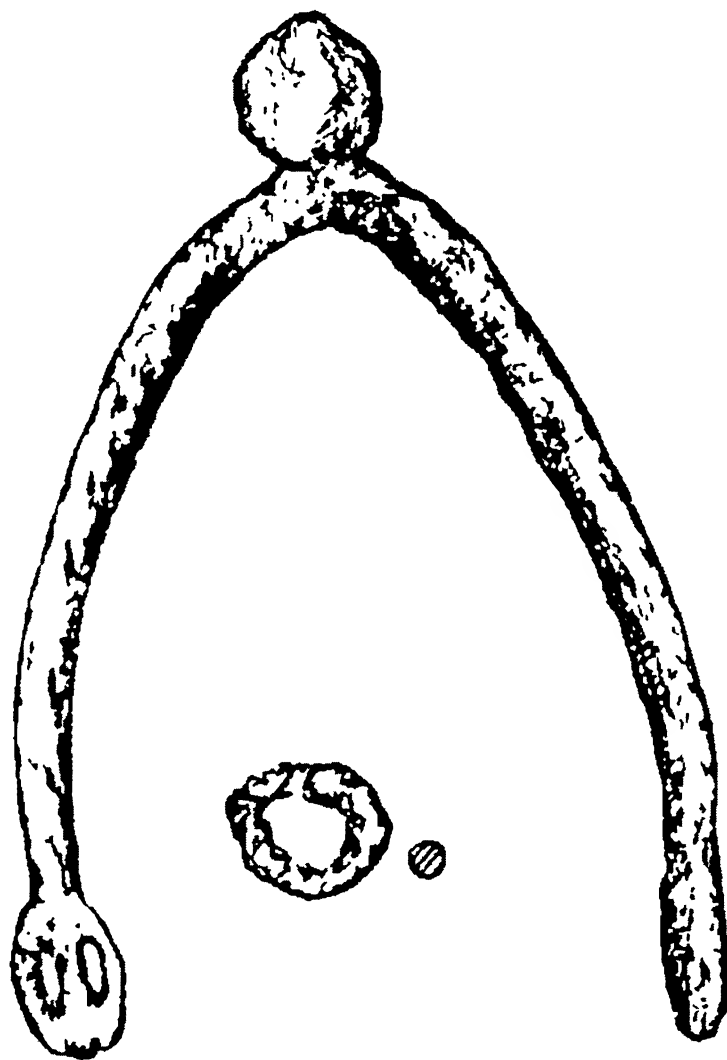

Рис. 1. Шпора из позднекочевнического погребения в степном Прикубанье пос. Южный к. 2 п. 1 (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину)

В.И. Мамонтов
(ВолгГУ, Волгоград)

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ САРЕПТЫ

Как известно, первые археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья были произведены в 1834 г. пастором Г. Цвиком. В окрестностях колонии немцев-гернгутеров Сарепта им были раскопаны несколько курганов с погребениями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья (Формозов, 1971; Мамонтов, 1989; 1997). Очевидно, что жители колонии живо интересовались историческим прошлым нижеволжского региона, ставшего им второй родиной.

Новые исследования памятников археологии на этих землях начались в 60–90 гг. XX в. Так, в 1991 г. Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством автора были проведены охранные раскопки двух курганов, одиночно располагавшихся на высокой древней террасе правого берега Волги в непосредственной близости от Сарепты — ныне одного из микрорайонов Красноармейского района г. Волгограда (Мамонтов, 1991. С. 29–34).

Курган 1. Насыпь, частично поврежденная траншеей водовода и триангуляционным знаком, имела размеры 18 × 15 м. Ее высота 0,8 м. Погребение основное совершено в южной части кургана в яме овальной формы, ориентированной длинной осью по направлению 3–В. Вокруг ямы, с западной, южной и восточной сторон фиксировался материковый выкид. Длина ямы 1,86 м, ширина 1,6 м, глубина 1,4 м. В засыпи встречались кусочки

пережженной земли, угольки, обугленные прутья. Дно ямы покрыто слоем коричневого органического тлена, посыпанного тонким слоем мела (Рис. 1, 17). Скелет взрослого человека лежал в средней части ямы на левом боку с небольшим завалом на спину. Ноги поджаты. Левая рука сильно согнута в локте, ее кисть находилась у плеча. Кости правой руки также согнуты в локте, лучевая и локтевая кости направлены перпендикулярно грудной клетке. Погребенный ориентирован головой на восток. Несколько выше головы, слева находился лепной острореберный сосуд. Глина темная, с примесью песка. Диаметр венчика 17,6 см, высота 13,4 см, диаметр дна 9,4 см. Край венчика направлен наружу. Мелкозубчатым штампом нанесены две параллельные линии по ребру и у венчика. Площадь между ними заполнена наклонными проходами мелкозубчатого штампа. Тем же штампом нанесено несколько параллельных линий, составляющих углы (Рис. 1, 18).

По основным признакам ритуального обряда — широкая овальная яма, положение тела погребенного, его ориентировка, наличие орнаментированного сосуда ранней формы (Шарафутдинова, 1995. С. 95) — захоронение из кургана 1 относится к покровской культуре эпохи поздней бронзы.

Густо заселив в XVII–XVI вв. до н.э. районы лесостепи, покровское население прони-

кало и на территорию Волго-Донского междуречья (Малов, 1994. С. 10). Редкость находок памятников этой культуры в южных районах Волгоградской области указывает на то, что природные условия степей, трения с местным катакомбным населением, возможно, оказались существенной преградой к более активному освоению покровцами этого региона.

Курган 2. Насыпь имела овальную форму, вытянутую по линии С–Ю. Ее размеры 13,5 × 9,5 м, высота 1 м. В северо-западном секторе обнаружены две одновременно сооруженные могильные ямы, расположенные параллельно друг другу. Одна яма прямоугольная, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина 1,98 м, ширина 0,85 м, глубина 0,48 м. На уровне древнего горизонта была обнаружена большая россыпь пепла, углей, фрагменты тонких горелых веток, земля под которыми была довольно сильно прокалена. На дне ямы, на слабо выраженной подстилке из органики коричневого цвета лежал полный скелет коня. Конечности коня были поджаты, шейные позвонки вытянуты по направлению к рядом расположенной второй яме с погребением человека так, что череп животного должен был бы находиться на ее краю (Рис. 1, 16).

Вместе с остовом коня найдены:

- Резные костяные бляшки, крепившиеся на кожаном ремне повода между ребер животного, ближе к позвоночнику. Среди них:
- Оконечник конусовидной формы с острым краем. Верхняя широкая часть имеет глубоко прорезанную по центру выемку и волнистый изгиб края. В средней части бляшки просверлены отверстия для железных штифтов. Длина бляшки 3,4 см (Рис. 1, 1);
- Пять конусовидных блях с острым резным концом. Посередине выпуклой части прорезаны вертикальные желобки, в которых просверлены по два отверстия для штифтов. Длина 2,5 см (Рис. 1, 3);
- Одна квадратная плоская бляшка с квадратным утолщением в центре. По углам просверлены отверстия для штифтов. Размер: 1,8 × 1,8 см (Рис. 1, 2).
- Фрагменты железных стремян были найдены под остовом коня и среди ребер. Подножка широкая, с закраиной, обращенной вниз;

- Костяные накладки на седло (Рис. 1, 8). Узкие тонкие пластинки находились на спинных позвонках и на ребрах коня, среди мелких фрагментов дерева от сгнившего седла. Длина сохранившейся части одной накладки 13 см, ширина 0,9 см. Сечение трапециевидное, поверхность покрыта сеткой перекрещивающихся мелких резных линий. В пластине просверлены круглые отверстия для костяных гвоздиков длиной 2,7 см (Рис. 1, 7);
- Фрагменты умбообразной железной бляшки. Возможно, она крепилась на седле. Сферическая, с внутренней стороны припаян железный штифт. Диаметр 2,5 см. Была найдена между ребер животного (Рис. 1, 6);
- Гвоздь с округлой шляпкой, возможно, также элемент крепления седла. Длина 3,1 см (Рис. 1, 10);
- Две железные бляшки найдены среди ребер лошади. Имеют небольшие отверстия в средней части. Возможно, крепились на седле. Диаметр 2,8 см и 2,3 см (Рис. 1, 15).

Рядом с ямой для коня в ЮВ направлении от нее находилась вторая яма, ориентированная по линии ССВ–ЮЮЗ. Северная часть ямы оказалась нарушена более поздним перекопом. Ее длина 2,4 м, ширина 1,43 м. Дно покрыто тонким слоем коричневого тлена. В засыпи встретились фрагменты тонких плах от перекрытия и беспорядочно разбросанные кости скелета мужчины 35–40 лет (Рис. 1, 16).

В засыпи и на дне ямы вместе с костными останками погребенного были найдены остатки погребального инвентаря:

- Фрагменты железного предмета, возможно остатки каркаса колчана;
- Фрагменты железного ножа. Длина 3,6 см. Черенок подтреугольный (Рис. 1, 9);
- Мелкие тонкие серебряные пластинки от предмета неясного назначения;
- Прямоугольная обойма из позолоченного серебра, в центре которой находилось овальное отверстие для вставки из горного хрусталя. Размеры: 1,4 × 1,7 см. Украшение пришивалось нитью через отверстия, пробитые по краям (Рис. 1, 5);
- Фрагменты тонких нашивных бляшек из позолоченной фольги в виде

четырёхлепесткового цветка. Размер: $1,3 \times 1,2$ см. В центре — рельефная округлость. Края лепестков подчеркнуты рельефными валиками, в которых пробиты отверстия для пришивания к одежде (Рис. 1, 4);

- Мелкие бусы: шесть дисковидных бусин из красного сердолика. Диаметр 0,5 см (Рис. 1, 11); одна цилиндрическая рубчатая бусина серого цвета из стекла. Длина 0,4 см (Рис. 1, 12); восемнадцать округлых и калачевидных асимметричных жемчужин. Диаметр 0,5 см (Рис. 1, 13); три мелкие бисеринки из жемчуга. Диаметр 0,015 см (Рис. 1, 14).

Погребение из кургана № 2 представляет интерес для специалистов, изучающих памятники средневековья. В составе предметов могильного инвентаря этого комплекса уникальны тщательно заполированные ременные накладки из «благородной» кости (Рис. 1, 1–3). Точные аналогии им автору не

известны. Очевидно, что накладки изготовлены в культурно-художественных традициях, возможно, восходящих к металлическим украшениям огузов X — начала XI вв. (Гаврилина, 1987. С. 59. Рис. 3). Однако, для погребальной культуры огузов не было характерно сооружение для коня индивидуальной ямы, равно как и использование их в обряде целиком (Круглов, 2001. С. 395). Хотя погребение человека из кургана № 2, к сожалению, оказалось полностью разрушено более поздним грабительским вкопом, прослеженные элементы обряда позволяют датировать его не ранее середины — второй половины XIII в. (Плетнева, 1981. С. 218). В это время в Волго-Донском междуречье обитало половецко-кыпчакское население. Обнаруженные фрагменты изделий (тонкие серебряные пластинки, ювелирные украшения, мелкие бисеринки и бусины из стекла, сердолика и жемчуга) подчеркивают достаточно высокий прижизненный статус умершего.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилина Л.М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.

Круглов Е.В., 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX — 1-ой пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Малов Н.М., 1994. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области // Срубная культурно-историческая область. Саратов.

Мамонтов В.И., 1989. По следам пастора Г. Цвика // Историко-краеведческие записки. Вып. 6. Волгоград.

Мамонтов В.И., 1997. Древнейшее население окрестностей Сарепты // Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России. Волгоград.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Шарафутдинова Э.С., 1995. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские Древности. Вып. 4. Азов.

Формозов А.А., 1971. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. № 1.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Мамонтов В.И., 1991. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской

экспедиции ВГПУ в Волгоградской области в 1991 г. // Архив ВОКМ. Д. № 106.

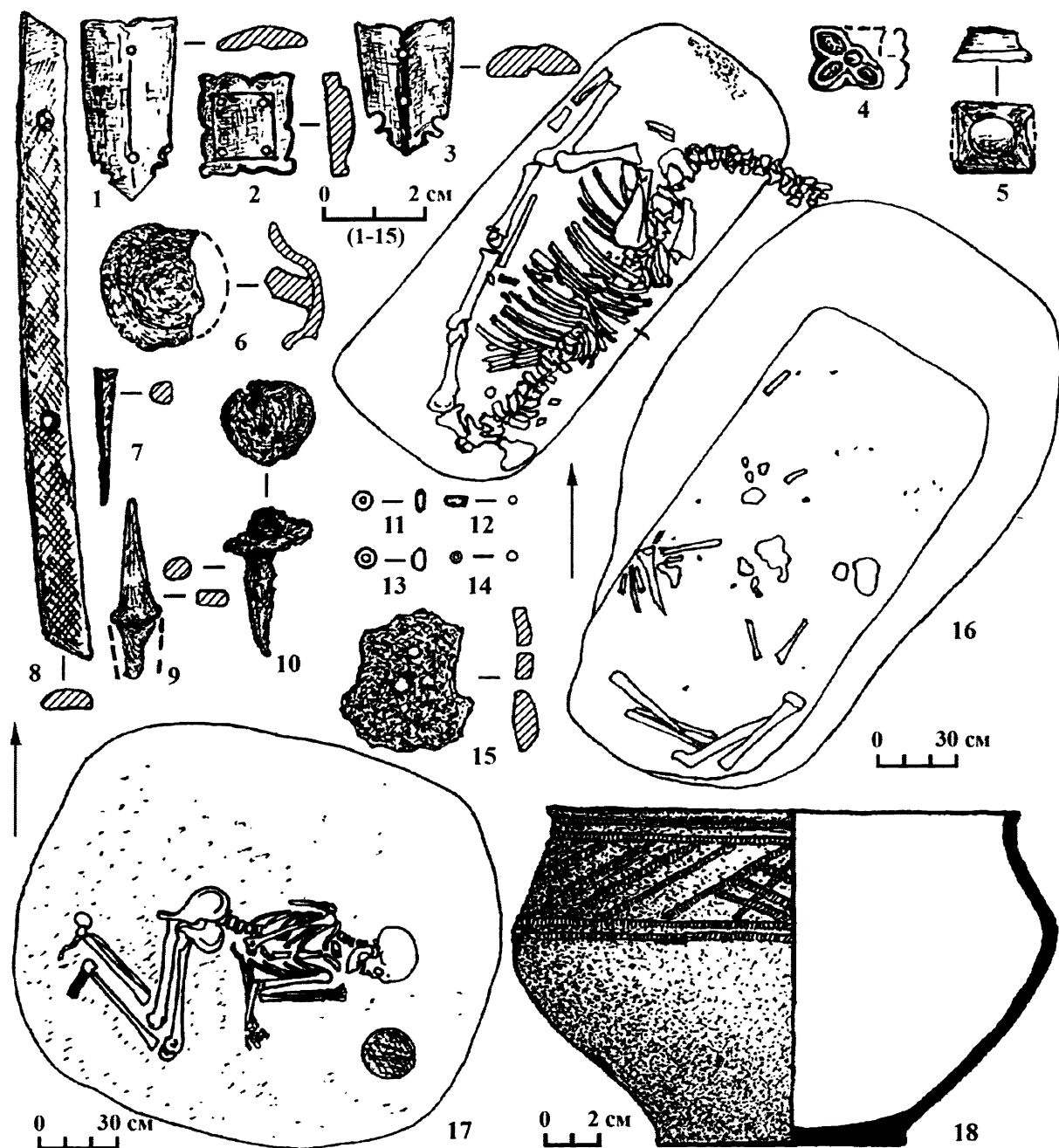

Рис. 1. Материалы из курганов, исследованных близ Сарепты. 1-16 — курган № 2; 17, 18 — курган № 1

В.В. Верещагин
(Институт Наследия, Москва)

ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ

На территории Республики Калмыкия к настоящему моменту исследовано уже большое количество погребений средневековых кочевников (Синицын, Эрдниев, 1981. С. 51, 53, 54, 57; Шнайдштейн, 1981. С. 85, 86; Эрдниев, 1981. С. 70–73; Васюткин, 1996; Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, с. 34, 35, 92). Здесь представлены разновременные захоронения поздних кочевников, хотя плотность населения в этих степях и была гораздо ниже, чем в низовьях Волги или на Нижнем Дону. При этом, как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, типологически они едины с другими погребениями степи Восточной Европы этого времени (Федоров-Давыдов, 1966. С. 142).

Одно из таких погребений было открыто в 2004 г. в ходе охранных археологических раскопок кургана № 1 курганного могильника Яшкуль IX. Курганы этой группы находятся на территории Яшкульского района республики Калмыкия, в 2,9 км к северо-западу от поселка Яшкуль.

Курган имел почти правильную округлую форму насыпи высотой 1,8 м и диаметром около 64 м. Он содержал 27 разновременных погребений — от периода ранней бронзы до разбитого средневековья (Рис. 1).

Интересна последовательность сооружения кургана. Первоначально на его месте находилось три отдельных насыпи над одиночными погребениями раннего бронзового

века. Северо-восточная насыпь была сооружена над погребением 13, юго-западной была насыпь над погребением 21 и еще юго-западной — насыпь над погребением 18.

В дальнейшем, в эпоху средней бронзы, все три насыпи были объединены в один курган из-за досыпок над катакомбными погребениями №№ 7, 8, 10, 15, 19, 23.

В течение II–I вв. до н.э. в курган была введена целая серия сарматских погребений (1–4, 6, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 20, 24, 27) — самая представительная группа в кургане. Они, в основном, занимают его центральную и северо-западную части. Земляные досыпки над этими погребениями завершили формирование кургана, так как над более поздними могилами (см. ниже) насыпей не зафиксировано.

Последними по времени захоронения в кургане являются погребения № 5 и № 22, не сопровождавшиеся видимыми дополнительными досыпками. Погребение 22 совершено во время существования Золотой Орды и датируется по монетам началом 1340-х годов.

Остановимся более подробно на погребении № 5 (Рис. 2, 1). Оно было обнаружено на глубине 1,13 м от Центрального Репера и в 42 см к западу от него же. Могильная яма была вытянута по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Короткие стенки были сильно скруглены, длинные же раздвигались к западу-северо-западу. Длина могилы

составляла 2,70 м, ширина в ЗСЗ части 1,08 м и в ВЮВ — 0,80 м. Высота сохранившихся стенок — 0,50 м. Дно камеры имело небольшой наклон к западу-северо-западу.

Грунт, который заполнял могильную яму, был насыщен камышовым тленом. Пятна этого тлена размерами от 30 × 60 см до 40 × 80 см встречались на различной глубине. В пределах пятен прослеживались отдельные стебли. Создавалось впечатление, что вместе с землей в погребение забрасывали пучки из камыша (обряд, сходный с современным бросанием цветов на гроб).

На дне ямы вытянуто на спине, головой на ЗСЗ лежал скелет взрослого, довольно крупного мужчины. Руки первоначально были вытянуты вдоль туловища. Правая рука была согнута в локте так, что ее кисть покоилась на крестце. Левая рука, вероятно, лежала вытянуто, но из-за просадки дна в этом месте локоть опустился и кисть оказалась выше остального скелета. Кости ног лежали вместе, вытянуто. Сохранность костей скелета очень хорошая, за исключением ступней, которые были полностью снесены землеройными животными. Под костями скелета, а также справа от них был прослежен белесый тлен, вероятно, от камышовой подстилки.

К северу от скелета вдоль северо-северо-западной стенки лежало чучело коня. Сохранились череп, задние и передние ноги коня, отсеченные по второму суставу. Череп лежал напротив черепа человека на нижней челюсти, мордой на запад-северо-запад. Под ним находились передние ноги, причем правая лежала копытом на запад, левая — на восток. Задние ноги лежали параллельно друг другу в северо-восточном углу погребения, копытами на север. На дне, между задними копытами и черепом коня прослежены пятна черного тлена. Это, вероятно, остатки шкуры. Чучело было взнуздано: примерно посередине между его ногами лежали два стремени, в зубах черепа были зажаты удила. Уровень дна погребения под чучелом коня был тот же, что и под скелетом человека, только череп попал в общую просадку над сарматским погребением.

Конструкция погребения, положение костяка и чучела лошади в нем относятся к II группе

отдела Б, по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966. С. 124). Подобный вид погребений он относит к X–XI вв., когда в степях господствовали печенеги и торки (Федоров-Давыдов, 1966. С. 134). Другие ученые приходят к подобному же выводу. Так, С.А. Плетнева, отнесла такой вид захоронений к 1-му отделу (печенежских и торческих древностей) (Плетнева, 1952. С. 6, 7; 1958. С. 155; 1981. С. 218; 1990. С. 18). Исследовав материалы Южного Урала и Заволжья, В.А. Кригер пришел к выводу, что подобный ритуал характерен для 2 группы 1 периода (огузо-печенежского), где могильные ямы других форм не встречаются (Кригер, 1985. С. 15).

А.Г. Атавин, проанализировав метод членения ног коня и их положение в могиле в средневековых погребениях, отнес подобный случай к 5-му варианту II типа (печенежно-торческая эпоха (X–XI вв.)) (Атавин, 1984. С. 135, 137) и отметил, что такой вариант особенно характерен для Калмыкии (Атавин, 1984. С. 135).

Совершение погребений в насыпях древних курганов было наиболее распространено в ранний период истории средневековых кочевников (Плетнева, 1958. С. 153; Федоров-Давыдов, 1966. С. 131, 132; Плетнева, 1981. С. 217; Кригер, 1985. С. 14, 15).

Оба железных стремени с «яйцевидным» контуром (Рис. 2, 2, 3) имеют овальные петли с прорезями для путлищных ремней, отделенные от дужки перехватом. Подножки с расширенными боковыми сторонами закруглены к низу. Размеры стремени «А»: высота 180 мм, ширина подножки 30 мм, толщина дужки 10–15 мм, диаметр петли 40 мм; стремени «Б» — высота 196 мм, ширина подножки 28 мм, диаметр толщины дужки 10–12 мм, диаметр петли 34 мм.

Стремена наиболее близки к отделу Б, типам I или II, по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (единственное различие — отсутствие на наших стременах трех прутьев на подножке) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 11). Они появляются с VIII в. на памятниках салтово-маяцкой культуры (бытуют до X в.), погребениях Южного Урала и у ранних болгар на Волге (до IX в.). Позже встречаются в памятниках Древней Руси и в степи от Южного Урала до Карпат и существуют вплоть

до XI в. включительно (Федоров-Давыдов, 1966. С. 14). Другие исследователи также относят стремена типа Б II к огузо-печенежскому периоду (конец IX — середина XI вв.) (Кригер, 1985. С. 12).

В пасти коня находились железные односоставные удила без псалиев (Рис. 2, 4). Стержень удила имеет небольшой изгиб. Подвижные кольца вдеты в неподвижные на концах удила (отдел В тип I по Г.А. Федорову-Давыдову). Длина стержня 145 мм, диаметр — 15 мм, внешний диаметр подвижных колец 55 мм.

Удила без перегиба (тип 1 отдела В) Г.А. Федоров-Давыдов датирует временем до XI в., говоря о том, что в XI в. они уже были мало распространены, а в XII в. вышли из употребления (Федоров-Давыдов, 1966. С. 20). Распространены они были в Сибири, Западной Европе, Приуралье и в Волжской Болгарии. Другую датировку предлагает С.А. Плетнева, время их существования от конца IX до XIII века (чаще встречаются в комплексах X–XI вв.) (Плетнева, 1958. С. 156)¹. При этом отмечается, что такой тип удила принадлежит только печенегам (Плетнева, 1952. С. 7). Этот тезис она подтверждает тем, что подобные удила распространены на всей территории, где обитали печенеги (по сведениям восточных и византийских авторов) — «от Закавказья до Бесарабии», а в местах обитания торческо-гузских племен (Средняя Азия, Аральское море) таких удила нет (Плетнева, 1952. С. 7). В.А. Кригер тоже связывает удила без перегиба только с печенегами (Кригер, 1985. С. 15).

Вдоль левой ноги погребенного был положен колчан. Корпус его, судя по сохранившемуся на его деталях древесному тлену, был изготовлен из дерева. Детали из железа служили для крепления ремней колчана, его украшения и, вероятно, для придания корбу колчана жесткости.

№ 1, 2. Два фрагмента от накладки на устье колчана (Рис. 3, 2, 3). Размеры 1-го фрагмента 5 × 4 см; 2-го — 2,7 × 1,5 см.

№ 3. Овальный в сечении стержень (Рис. 3, 12) длиной 125 мм и диаметром 4–7 мм, загнут с одного конца. На нем имеются две заклепки, одна из которых крепится к фрагменту железной пластины.

№ 4, 5. Две петли (Рис. 3, 9, 10) крепились к деревянной основе с помощью двух заклепок. Петля № 1 прикреплена к железной пластине, которая, в свою очередь, накладывалась на колчан. Размеры петли № 1: длина 71 мм, диаметр дужки 7 мм; размеры петли № 2: длина 57 мм, диаметр дужки 8 мм;

№ 6. Накладка на колчан ромбической формы размерами 42 × 42 мм (Рис. 3, 4). Она немного выгнута, имеет на внешней стороне следы кожи.

№ 7–9. Три фигурных накладки (Рис. 3, 5, 6, 11) в виде сужающегося к одному концу прямоугольного в сечении стержня. На узком конце — ромбическое навершие. Накладки крепились к колчану с помощью двух заклепок. Одна из накладок соединена частью стержня с железной пластиной, вероятно, полностью обхватывавшей колчан. Длина накладок 18,8 см, 12,4 см и 17,5 см.

№ 10. Фрагмент крючка (Рис. 3, 7). Изготовлен из округлого в сечении стержня, ближе к острию становится прямоугольным. Размеры: 37 × 40 мм, диаметр 6–7 мм. Подобные детали от колчанов встречаются в кочевнических погребениях (Плетнева, 1958. С. 157; Круглов, Лукашов, Мамонтов, 2003. С. 208. Рис. 5), но полной аналогии в опубликованных комплексах этим деталям нет.

Рядом с локтем правой руки, на железных фрагментах устья колчана лежали три плоских спекшихся черешковых наконечника стрел (Рис. 3, 13): № 1 — ромбический с несколько выгнутыми верхними ударными гранями. Длина с сохранившимся черешком — 104 мм, наибольшая ширина 33 мм, длина без черешка 53 мм; № 2 — овальный, размеры боевой части — 32 × 48 мм, общая длина с черешком — 128 мм; № 3 — листовидный. Размеры боевой части — 20 × 45 мм, общая длина — 58 мм. На черешках сохранился древесный тлен от древков.

¹ Хочется отметить непонятный фрагмент в работе С.А. Плетневой. Не соглашаясь с Федоровым-Давыдовым, она говорит, что нельзя датировать удила без перегиба только XII в., что они появились еще в X в. (Плетнева, 1990. С. 48, 49). Но в своей работе Федоров-Давыдов как раз это и утверждает (Федоров-Давыдов, 1966. С. 20).

В нашей серии можно выделить **тип I** (наконечник № 3) и **тип V** (наконечник № 1) **отдела В**, по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов, 1966. С. 27). Стрелы **типа VI** встречаются в славянском слое Саркела и в разрушенных монголами городах, **типа BV** — в славянском слое Саркела и древнерусских городах (Федоров-Давыдов, 1966. С. 28).

Вероятно, в погребении вдоль колчана, между ним и погребенным лежал лук. От него остались лишь фрагмент серого тлена на правом предплечье и костяные срединные накладки, обнаруженные рядом с железным устьем колчана: № 1, 2. Две срединные фрагментированные накладки овальной формы с насечками на внешней и внутренней сторонах (Рис. 3, 14, 15). Их размеры: 116 × 25 мм и 86 × 26 мм. № 3. Фрагмент задней накладки — прямоугольный кусок кости (размеры 6 × 13 мм и длина сохранившейся части — 44 мм). Накладка обломана еще в древности; внешняя и внутренняя стороны покрыты частыми насечками (Рис. 3, 16).

Две костяные накладки на лук относятся, по-видимому, к **типу I** (по Г.А. Федорову-Давыдову). Аналогии им находили в Семиречье, Сибири и в салтово-маяцкой культуре (Федоров-Давыдов, 1966. С. 25).

К северу от таза лежал железный черешковый нож с прямым лезвием (Рис. 3, 8). Имеет уступы при переходе от спинки и острия к черешку. На лезвии и черешке — тлен дерева, остатки деревянной ручки и ножен. Общая длина 122 мм, наибольшая ширина лезвия 15 мм, длина черешка 43 мм. Вероятно, нож был прикреплен к ремню с левой стороны.

Железные ножи **типа I**, по Г.А. Федорову-Давыдову, имеют широкие временные аналогии и не могут использоваться для датировки (Федоров-Давыдов, 1966. С. 85).

Под левой бедренной костью было обнаружено однолезвийное кресало (Рис. 3, 1). Треугольное в сечении, длиной 63 мм, ширина граней 11 мм. Концы сужаются, на одном из них остатки дерева. В этом же месте к кресалу прикипел кремь. Огниво, вероятно, так же, как и нож, было подвешено к ремню с левой стороны (но было утащено оттуда землеройными животными).

Кресало, обнаруженное в нашем погребении, схоже с описанными С.А. Плетневой кресалами из беловежских древностей, которые она датирует X–XI вв. (Плетнева, 1990. С. 54).

У южной стенки, напротив правого предплечья лежали два бараньих альчика (таранные кости).

Таким образом, рассмотрев весь комплекс инвентаря и детали обряда погребения можно с уверенностью сказать, что оно было совершено в печенежско-огузский период. Его хронологические рамки — конец IX — XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 9); по С.А. Плетневой — X–XI вв. (Плетнева, 1981. С. 218); у В.А. Кригера — конец IX — середина XI вв. (Кригер, 1985. С. 12). Е.В. Круглов считает, что постепенное проникновение печенегов в Северное Прикаспие началось уже во второй четверти IX в. (Круглов, 1994. С. 36).

Вопрос разделения этого периода на печенежские и торчешские древности более сложный (Круглов, 1994. С. 38). Так, С.А. Плетнева говоря о том, что пребывание торков в южнорусских степях было кратковременным (к тому же, они были сильно смешаны с другими народами), считает, «что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным» (Плетнева, 1958. С. 165). Это признавал и Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1966. С. 141).

Но в своих работах С.А. Плетнева определяет критерии для выделения огузов: отсутствие в погребениях удила без перегиба (Плетнева, 1952. С. 7), расовые признаки (огузы — монголоиды, печенеги — европеоиды) (Плетнева, 1990. С. 94, 95). Другие особенности огузских памятников: наличие женских погребений, отсутствие кенотафов, наличие деревянных конструкций, расположение костей коня над погребенным и др. (Плетнева, 1952. С. 7; 1981. С. 216; Кригер, 1981. С. 14, 15). Практически те же отличительные особенности огузских погребений приводит Е.В. Круглов (Круглов, 2001; 2003. С. 202).

Если согласиться с мнением этих ученых, то погребение № 5 по ряду признаков надо считать печенежским.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XI вв. // СА. № 1.

Васюткин С.М., 1996. Средневековые погребения зоны канала Волга-Чограй // XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.

Кригер В.А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.

Круглов Е.В., 1994. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории: Матер. научн. конф. Волгоград, сент. 1993 г. Волгоград.

Круглов Е.В., 2001. Погребальный обряд Огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX — 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

Круглов Е.В., Лукашов А.В., Мамонтов В.И., 2003. Погребения кочевников IX — начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград.

Плетнева С.А., 1952. Кочевники южно-русских степей IX–XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (По материалам кочев-

нического могильника у Саркела — Белой Вежи). М.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1981. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.-Элиста.

Шнайштейн Е.В., 1981. Раскопки курганной группы Купцин Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

Эрднеев У.Э., 1981. Гашунский могильник (раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

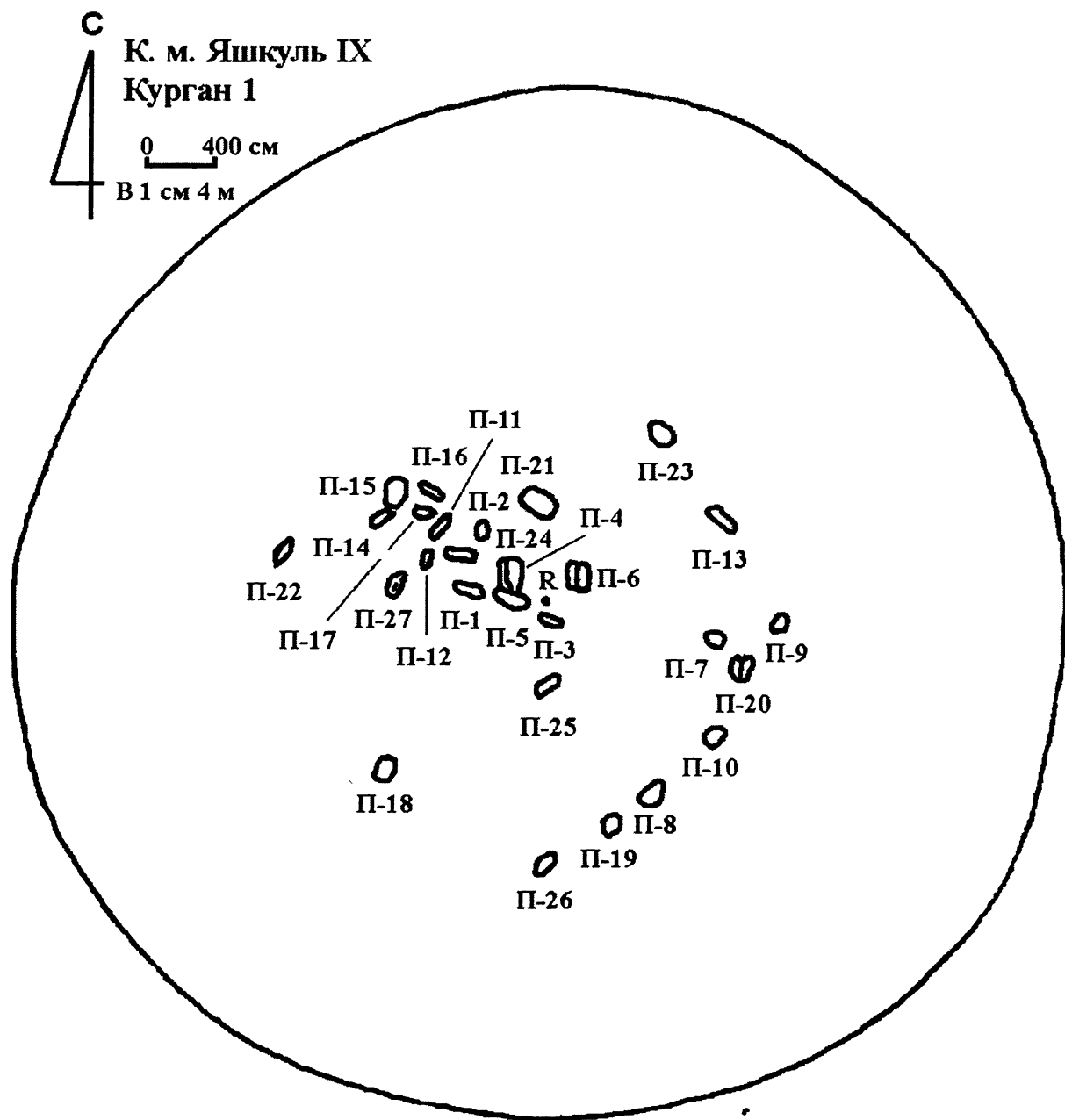

Рис. 1. Курганный могильник Яшкуль IX. План кургана 1. Погребения: 3, 13, 18, 21 — ранняя бронза; 7, 8, 10, 15, 19, 23 — средняя бронза; 1, 2, 4, 6, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 20, 24, 27 — сарматская культура; 5, 22 — средневековые; 25, 26 — неопределимые

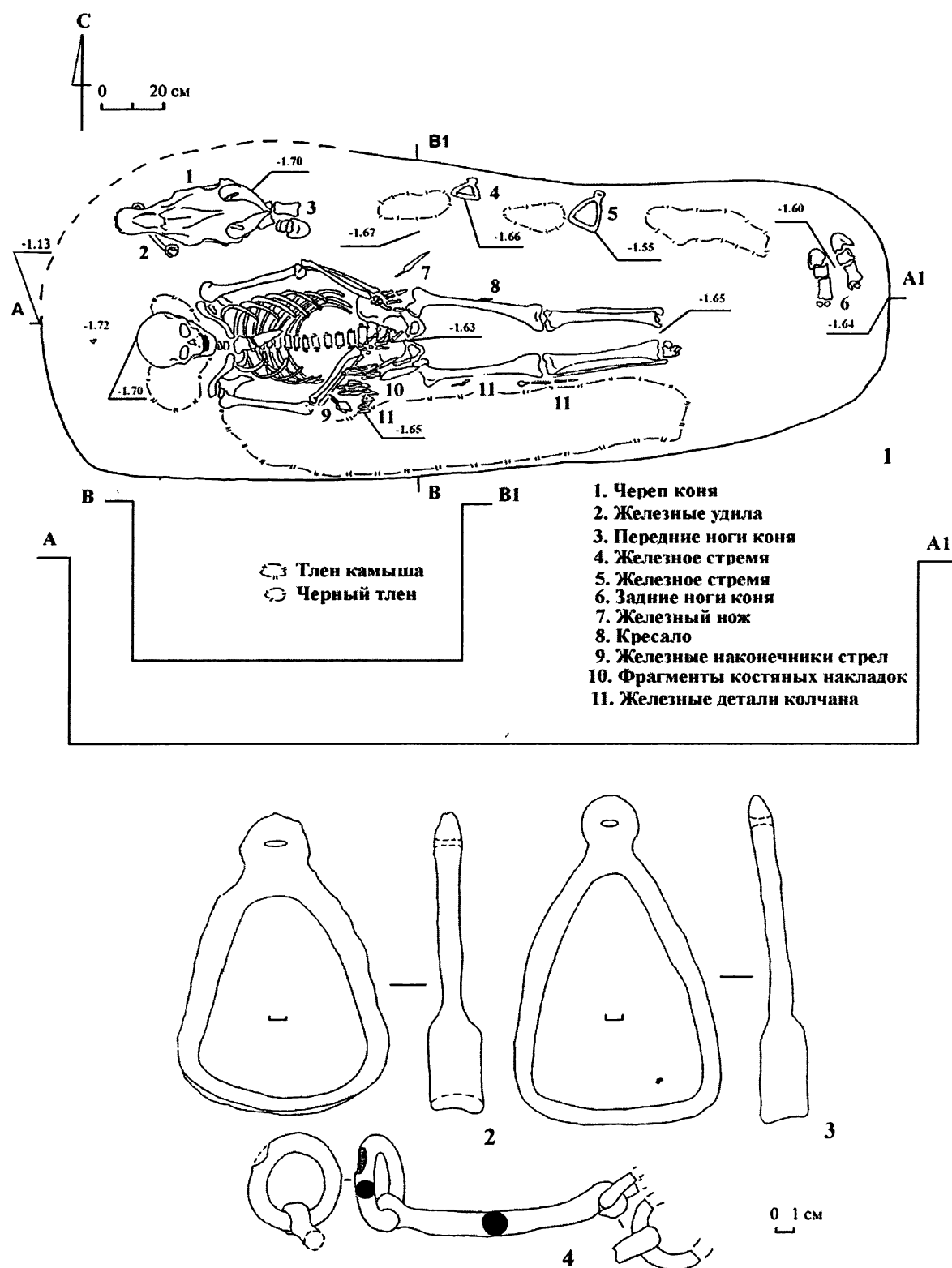

Рис. 2. Курганный могильник Яшкуль IX. Курган 1, погребение 5: 1 — план погребения; 2–4 — инвентарь из погребения

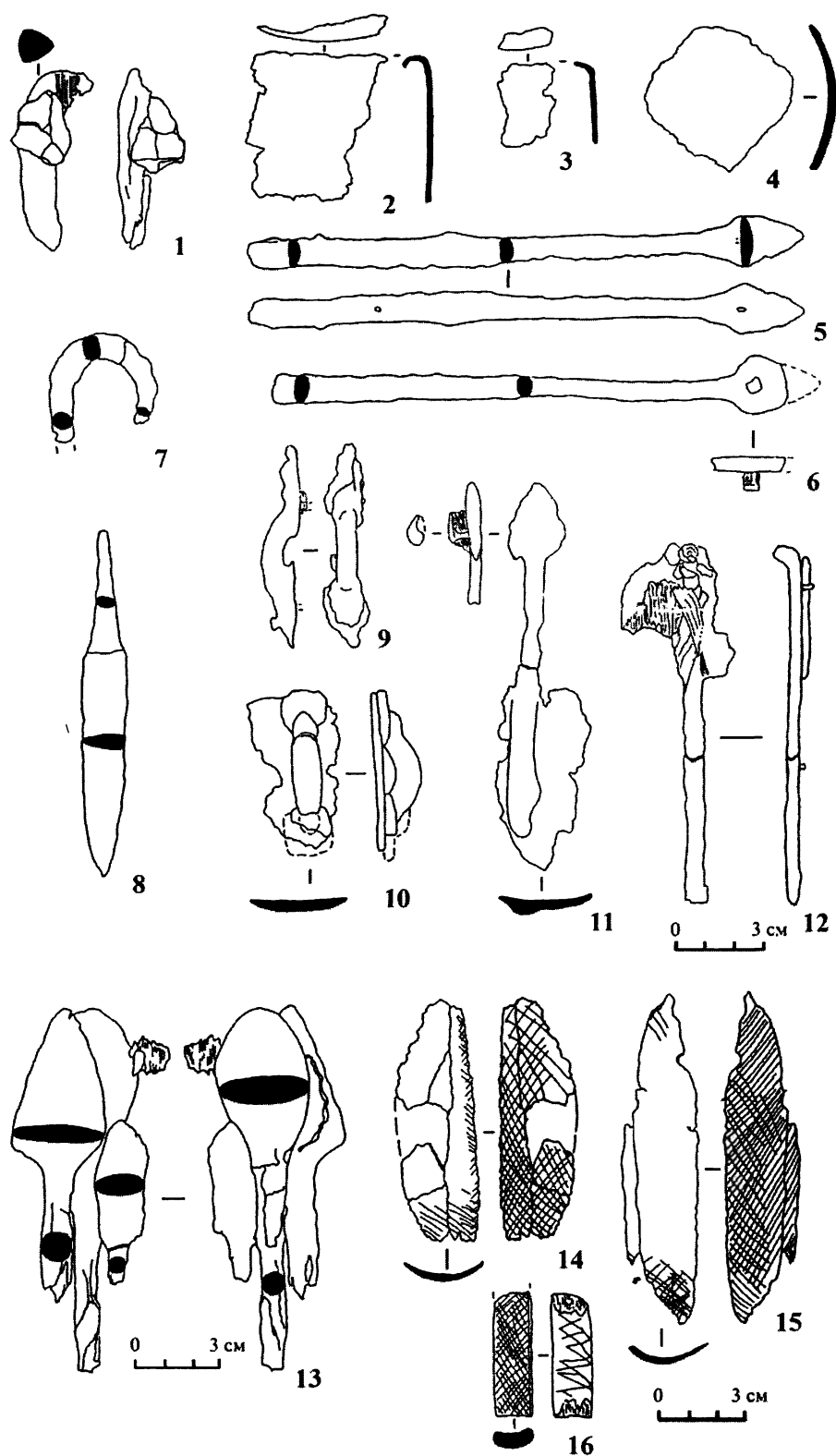

Рис. 3. Курганный могильник Яшкуль IX. Курган 1, погребение 5: 1-16 — инвентарь из погребения. 1-13 — железо, 14-16 — кость

И.В. Волков
(Институт Наследия, Москва)

МОНГОЛЬСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XIV В. С МОНЕТАМИ ИЗ КАЛМЫКИИ

При раскопках кургана 1 в могильнике Яшкуль-IX в центральной части Калмыкии (Верещагин, 2004) было исследовано золотоордынское погребение № 22. Оно находилось в западной части кургана (самое западное в насыпи)¹. Над пятном находилась вспомогательная бровка, показывающая, что выше лежали только слои современной почвы и оплывшей части насыпи. Никаких признаков досыпки над погребением не обнаружено. Уровень впуска в этих слоях не фиксировался, просматривался лишь разрыв материка и нижней части оплыва насыпи.

При зачистке материка к востоку от бровки прослежено четкое могильное пятно, уходящее под нее.

За пределами могильного пятна на уровне зачистки обнаружен обломок железного предмета, вынесенного сюда грызунами, который, как оказалось, был фрагментом кресла из погребения (Рис. 1, 14; 2, 14). При зачистке пятна рядом с узкой ЮЗ стенкой встречена кость молодой особи крупного рогатого скота (?) без сустава (Рис. 1, 12). Впрочем, это могла быть и кость жеребенка. Едва ли она сохранилась на месте. При сносе бровки над уходящей под нее частью пятна, приблизительно в 30 см выше уровня

материка, найдена медная золотоордынская монета (Рис. 2, 13).

После полной зачистки оказалось, что пятно имеет подпрямоугольную форму и ориентировано в направлении СВ–ЮЗ. В СВ части оно существенно расширялось, достигая ширины 83 см (в ЮЗ части — до 64 см). Общая длина — до 210 см. В СЗ части углы пятна были сильно скруглены и приблизительно симметричны длинной оси; в ЮЗ части скругление менее выражено, а Ю угол «выдвинут» вдоль длинной оси приблизительно на 12 см относительно западного.

Стенки могилы вертикальны, за исключением северо-западной, которая расширялась не более чем на 3 см. Однако это вполне может быть результатом сдвига грунта в сторону ямы в верхней части. Дно почти плоское, с незначительным углублением в центральной части.

Заполнение могильной ямы состояло из двух частей. Большую — составлял светло-коричневый комковатый суглинок с пятнами разной интенсивности. Этот слой занимал верхнюю часть заполнения и был обращен выпуклостью вниз (его площадь сокращалась по мере углубления). Он заканчивался в центре, на уровне костей погребенного.

Нижний слой существенно отличался по цвету и структуре, но четкая граница между ними в горизонтальном срезе фиксировалась

¹ План кургана — в статье В.В. Верещагина, рис. 1.

только в ЮЗ половине могильной ямы. В СЗ части могилы этот слой также присутствовал, но его граница была нечеткой, в первую очередь — за счет деятельности грызунов. Слой также представлял собой суглинок, но с серо-зеленоватым оттенком, очень однородный, без комков, значительно более мягкий. Скорее всего, в него входило большое количество золы. Кроме того, этот слой содержал множество угольков, подавляющее большинство которых было менее 0,5 мм в поперечнике, но отдельные достигали 1–3 мм. При срезе угольки размазывались. Форма крупных — всегда округлая или овальная, из чего можно заключить, что использовались степные травы, как пережаты-поле или полынь. Этот слой повсеместно занимал нижнюю часть заполнения и залегал непосредственно на дне или на остатках деревянного перекрытия и «подстилки». Разница в толщине этого слоя позволяет заключить, что засыпка могильной ямы (мерее вероятно, затекание под перекрытие) велась с З–Ю–З стороны, с периферии кургана, где, видимо, и был разведен огонь.

Установить наличие заплечиков не удалось. От деревянного перекрытия уцелело немного — остатки досок у правой голени и левого локтя погребенного. Невозможно установить, была ли это деревянная рама с перекрытием, гроб и т.п. Видимая структура дерева позволяет сказать, что ниже лежали поперечные доски, которых было не менее двух, а выше — продольные, для которых поперечные были «каркасом». На дне повсеместно, за исключением явно поврежденных грызунами мест, прослеживался темно-коричневый тлен толщиной менее 1 мм.

Погребенный — взрослый мужчина. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Ребра и крылья таза существенно выдавались вверх, что, скорее, свидетельствует о быстром заполнении ямы грунтом и уменьшает вероятность наличия заплечиков. Череп лежал на затылочной кости, слегка приподнято, что позволяет предполагать использование какой-то органической подушки. Кости рук расположены вдоль тела, кисти помещены под крыльями таза (редкий случай). Стопы вытянуты, пяточные кости сведены вместе, причем правая пяточная обращена вниз, а левая придвинута к ней боком. Передняя часть

трубчатых костей левой ноги также несколько повернута наружу.

Нарушения анатомического порядка костей и расположения вещей связаны с активной деятельностью грызунов. В центре таза находилось гнездо, от которого шли ходы в сторону черепа (вдоль позвоночника) и с наружной стороны левой ноги (в сторону южного угла могилы), где также было гнездо. Ручку грудины так и не удалось найти даже после разборки костяка.

На черепе сохранились отпечатки головного убора (менее вероятно, что другой одежды). Они представляли собой три продольные полосы с закругленными на уровне низа лба концами и поперечную, идущую по лбу (Рис. 3). Даже без антропологического определения понятно, что погребенный — обладает выразительными монголоидными признаками.

Между костями ног сохранился тлен подстилки (?) из белесых и коричневатых слоев, у которого прослеживались волокна, вытянутые вдоль ямы. По цветам этот тлен был очень похож на остатки дощатого перекрытия, но толщина его едва достигала 3 мм, а древесная структура совершенно не прослеживалась. Поэтому невозможно дать однозначный ответ относительно происхождения тлена.

Инвентарь погребения существенно перемещен грызунами, большая часть предметов находилась вдоль костей левой ноги, где и проходила основная нора. Здесь найдены 4 медных монеты (Рис. 1, 1–3, 7; 2, 1–3, 7), а еще 2 слипшихся — внутри таза (Рис. 1, 8; 2, 8), где, скорее всего, находился кошелек. Все медяшки, включая найденную в бровке, относятся к одному типу — самому распространенному при Джанибеке, в 1340-х гг.

Л.С. Внешний ободок точечный круглый. Внутри расположена надпись в 4 строки :

Чекан	ضرب
Сарая	سرائي
ал-Джедид	الجدید اون
десять шесть — даник	التي دنك

Конечные буквы двух последних слов соединены общей линией.

О.С. Внешний ободок точечный. Стилизованный двуглавый орел.

Монеты этого типа имеют множество штампованных вариантов (Федоров-Давыдов, 2003. Табл. V, VI, № 72–83). В данном случае — все штампы разные, все монеты сделаны в проволочной технике, нет ни одной ленточной со следами обрезания краев ножницами.

От калачевидного кресала сохранились 2 фрагмента (Рис. 1, 4, 6; 2, 4, 6) оба в рыхлом заполнении норы (третий упомянутый — за пределами могильной ямы) (Рис. 1, 14; 2, 14). Самый крупный фрагмент находился у левого коленного сустава снаружи, наклонно, обломами ветвей вниз. Длина — 9,73 см, ширина — до 2 см, толщина — до 1,35 см. (Толщина существенно увеличена в результате коррозии.) Более мелкий обломок ветви лежал рядом с серединой бедренной кости.

Над серединой бедренной кости находился кресальный кремь, сделанный из обломка скребка (Рис. 1, 5; 2, 5). На ретушированном лезвии и на брюшке сохранились следы окислов железа, что говорит о том, первоначально кремь лежал рядом с кресалом, а затем был смещен грызунами.

От железного ножа сохранились 2 фрагмента в разных местах (Рис. 1, 9; 2, 9). Лезвие находилось под правым локтевым суставом, острием в сторону ног. Сохранившаяся длина — 8 см, ширина — до 1,61 см (в наименее сточенной причерешковой части), толщина — до 0,94 см. Пластинчатый черешок находился между ребрами и серединой правой плечевой кости. Длина — от 2,9 см (с полной шириной) до 3,6 мм (максимально), ширина — 1,35 см у заклепки и 1,5 см с противоположной стороны. Оба конца обломаны. Толщина пластины — соответственно 0,16–0,35 см, без учета окислов. На узкий конец пластины пришлось полностью минерализованная заклепка из белого металла (свинца или олова) диаметром около 0,4 см. Заклепка выступает только на одну сторону пластины, что может быть свидетельством ремонта рукояти: после того как одна из деревянных накладок на рукоять отвалилась, не заменяя ее, просто повторили клепку, и продолжили использовать нож только с одной накладкой. Хотя этот фрагмент лежал наклонно, по окислам видно, что первоначально он был помещен в могилу плоско. На нижней стороне, на прилегающей

к пластине части, окислы повторяют очертания сгнившей деревянной накладки шириной 1,5–1,3 см, сужающейся в сторону заклепки. Под микроскопом просматриваются разнонаправленные древесные волокна, что может свидетельствовать об использовании капа. На верхней стороне сохранились отпечатки ткани полотняного плетения, заходящие на боковые стороны, просматривается также складка этой ткани. Нити утка и основы — Z-кручения, неравномерной толщины (0,2–0,5 мм), плотность — 11–12 нитей на см. Скорее всего, ткань — шелковая (определение В.П. Голикова).

В интерпретации этого предмета (или предметов) есть сложности. С одной стороны, все ножи из курганных погребений — с обычным узким черешком. Рукояти на заклепках обычно относятся к кинжалам (Иванов, Кригер, 1988. С. 41. Рис. 2). Здесь черешок обломан, а узкий конец пластины приблизительно соответствует второму фрагменту по размерам. Железную пластинку следовало интерпретировать как накладку (колчанную или иную), во всяком случае, это объясняло бы выступ заклепки только в одну сторону. Однако в погребении нет стрел; насколько мне известно, колчаные накладки с оловянными или свинцовыми заклепками также не встречаются, а след от сужающейся деревянной рукояти, скорее, указывает на нож. Хотя на золотоордынских памятниках ножи с черешком-пластиной и боковыми накладками на заклепках и встречаются (Масловский, 2006. С. 106. Рис. 12, 4), но существует мнение об их западноевропейском происхождении (Розанова, Терехова, 2004. С. 228).

Справа от черепа на дне лежал полностью минерализованный кольцевой фрагмент серьги из белого металла — олова или свинца (Рис. 1, 10; 2, 10). Один из сломов позволяет предполагать отгиб проволоки наружу, тогда это должна быть серьга в виде знака вопроса. Однако плохая сохранность не позволяет сделать однозначное определение. Размеры серьги — 2,3 × 2,5 см, диаметр проволоки — 0,3 см (в местах наименьшего количества окислов).

При разборке скелета на дне могилы справа от позвоночника в районе грудины найдена стеклянная бусина, изготовленная наворачиванием стеклянного жгута на стержень

(Рис. 1, 15; 2, 15). Скорее всего, цвет стекла был синим, однако установить это достоверно не удалось из-за толстого слоя иризации. Поперечник бусины — 0,75–0,79 см, длина — 0,4–0,55 см, диаметр отверстия — 0,38 см. Бусина соответствует типу ПАIV (Федоров-Давыдов, 1966. С. 73). Очень вероятно, что она составляла часть серьги, которая в этом случае будет соответствовать типам VI а–ж (Федоров-Давыдов, 1966. С. 38, 39).

В восточном углу могильной ямы, в головах наклонно, под углом около 45° к горизонту, лежали кости правой задней ноги МРС: берцовая, вместе с пяточной и таранной, в анатомическом порядке (Рис. 1, 11). Пяточная и таранная обращены вниз и к центру. Из этого можно заключить, что первоначально «стегно» располагалось вертикально, мясистой частью вверх.

Датировка погребения не представляет сложности. Этот редкий случай, когда с предельно высокой долей вероятности ее можно ограничить десятилетием. До правления Узбека включительно в отдельных случаях возможно запаздывание медных монет до нескольких десятилетий (Фомичев, 2005. С. 303, 304). Однако после унификации чеканки при Джанибеке монеты практически не запаздывают, а в кладах они представлены одним или смежными выпусками (Федоров-Давыдов, 2003. С. 40–42). В результате массовой эмиссии меди 1350-х гг. (с розеткой) находки предыдущего десятилетия оказались в исключительном положении. Среди кладов, учтенных Г.А. Федоровым-Давыдовым, нет ни одного, где бы вместе встретились монеты с двуглавым орлом и с розеткой (Федоров-Давыдов, 2003. С. 41, 42. Табл. 1). Следовательно, вероятность того, что погребение совершено в 1350-х гг. — предельно мала. Это и позволяет датировать его 1340-ми гг.

Этническая принадлежность погребенного также весьма определена. Обряд погребения включает самые характерные для монголов признаки: прямоугольная яма, использование огня, северо-восточная ориентировка, вертикальное расположение «стегна» слева от черепа. Конечно же, всякий обряд варьирует даже в пределах одного могильника. Но здесь — сочетание самых устойчивых признаков монгольских погребений, известных

на территории Забайкалья и Монголии с доимперского времени (Лхагвасурэн Хоголбоон, 1994. С. 9–11; Данилов, 1985. С. 87–90; Данилов, 1988. С. 12–14; Именохоев, Коновалов, 1985. С. 69–72; Именохоев, 1989. С. 56–62). Показательно также использование «подушки», распространенное в Монголии (Лхагвасурэн Хоголбоон, 1994. С. 9, 10). Встречаются эти признаки и на территории Золотой Орды, в погребениях, обоснованно связываемых с монголами (Ларенок, 1992. С. 158–189). Возможны и более осторожные суждения относительно этнической принадлежности (Федоров-Давыдов, 1966. С. 159; Яворская, 1999. С. 15, 16, 18). Совокупность всех черт в данном случае практически исключает сомнения в монгольском происхождении погребенного.

В качестве дополнения отмечу еще одну находку в кургане, которая может иметь отношение к рассматриваемому погребению (а может и не иметь). В 4 м к востоку от могилы, в сторону центра насыпи, под слоем современной почвы встречено существенно поврежденное бульдозером скопление костей животных, лошади и коровы (ребра и осколки трубчатых костей), овцы (таранная кость и фрагменты трубчатых костей) (Рис. 4). Набор костей не совсем характерен для кочевнических погребений, в частности, наличие ребер и лопаток. Тем не менее, погребения животных в неглубоких ямах под каменными кладками известны в монгольских могильниках Забайкалья (Данилов, 1988. С. 13, 14). Там также встречаются кости овец, сложенные кучкой, без черепа и длинных костей ног, но скелеты лошадей, как правило, сохраняли анатомический порядок. К сожалению, в нашем случае стратиграфия не дает оснований для связи этих костей животных с погребением. Выше лежал только слой, образовавшийся в результате оплыва насыпи. На этом же уровне от поверхности в другой части кургана находилась прослойка тризны сарматского времени. Расстояние до ближайшего сарматского погребения — приблизительно такое же. Следовательно, находка вполне может относиться и к более ранним погребениям кургана, включая печенежское. Если все же связывать это скопление костей с погребением № 22, то это опять же сближает обряд с монгольским.

ЛИТЕРАТУРА

Данилов С.В., 1985. Жертвоприношение животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.

Данилов С.В., 1988. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Кемерово.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.

Именохоев Н.В., 1989. К вопросу о культуре ранних монголов // Этнокультурные процессы в юго-восточной Сибири в средние века. Новосибирск.

Именохоев Н.В., Коновалов П.Б., 1985. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.

Ларенок В.А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у хут. Семенкина // Донские древности. Вып. 1. Азов.

Лхагвасурэн Хоголбоон, 1994. Средневековые погребения монголов (XII–XIV вв.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Масловский А.Н., 2006. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2004. Ножи из русских и западноевропейских мастерских // Археология Подмосковья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.

Фомичев Н.М., 2005. Клады медных джучидских монет XIV в. из Азова и его округа // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов.

Яворская Л.В., 1999. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царевского городища. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Воронеж.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Верещагин В.В., 2004. Отчет об охранных археологических работах на кургане № 1 группы Яшкуль-IX в Яшкульском районе

Республики Калмыкия в 2004 году. М., 2004 // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).

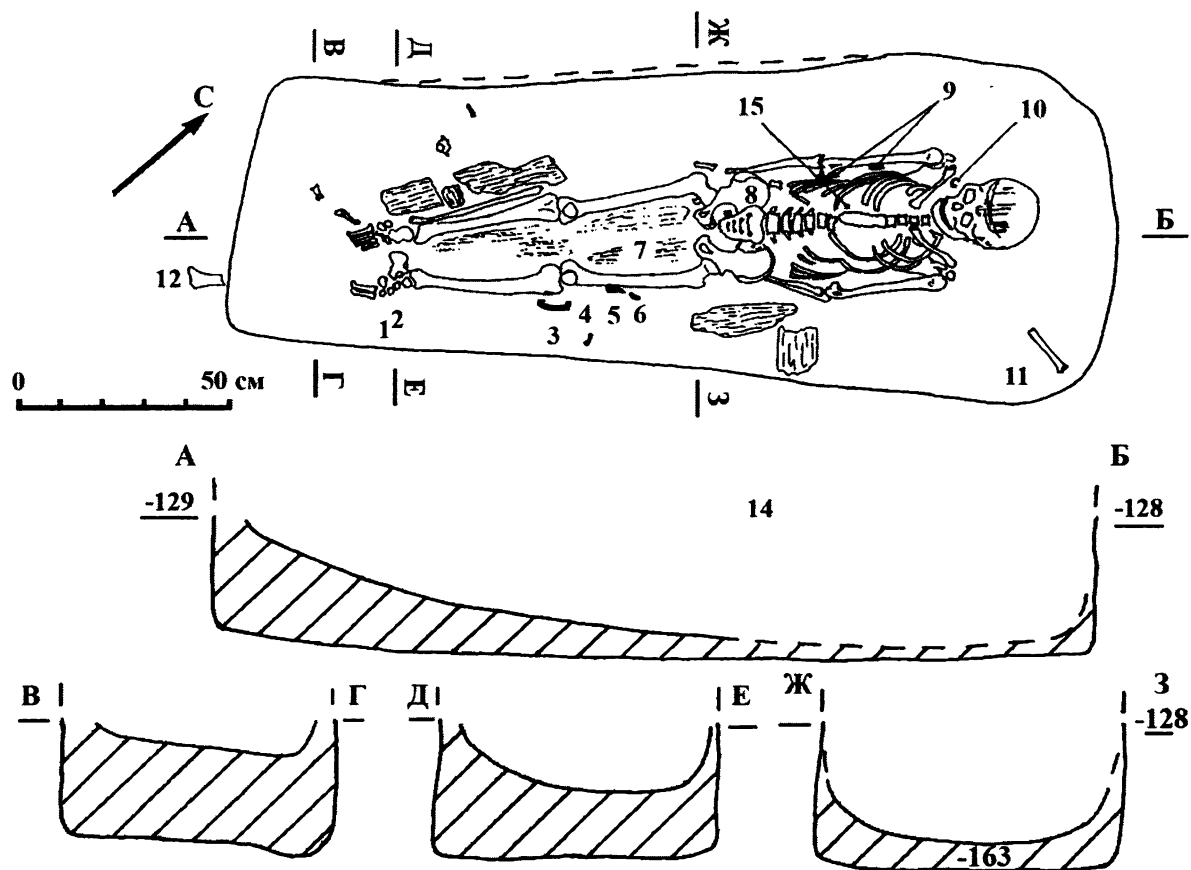

Рис. 1. Курганный могильник Яшкуль-IX, курган 1, погребение 22: 1 — монета (-154 от Ro); 2 — монета (-155 от Ro); 3 — монета (-162 от Ro); 4 — фрагмент кресала (-158-160 от Ro); 5 — кресальный кремь (-155 от Ro); 6 — фрагмент кресала (-157 от Ro); 7 — монета (-161 от Ro); 8 — 2 слипшиеся монеты (-159 от Ro); 9 — фрагменты ножа (-158-163 от Ro); 10 — фрагмент серьги (-159 от Ro); 11 — стегно MPC (-148-156 от Ro); 12 — кость KPC (?) (-126-130 от Ro); 14 — фрагмент кресала (-124 от Ro); 15 — стеклянная бусина (-162 от Ro). На разрезах выделен нижний слой заполнения

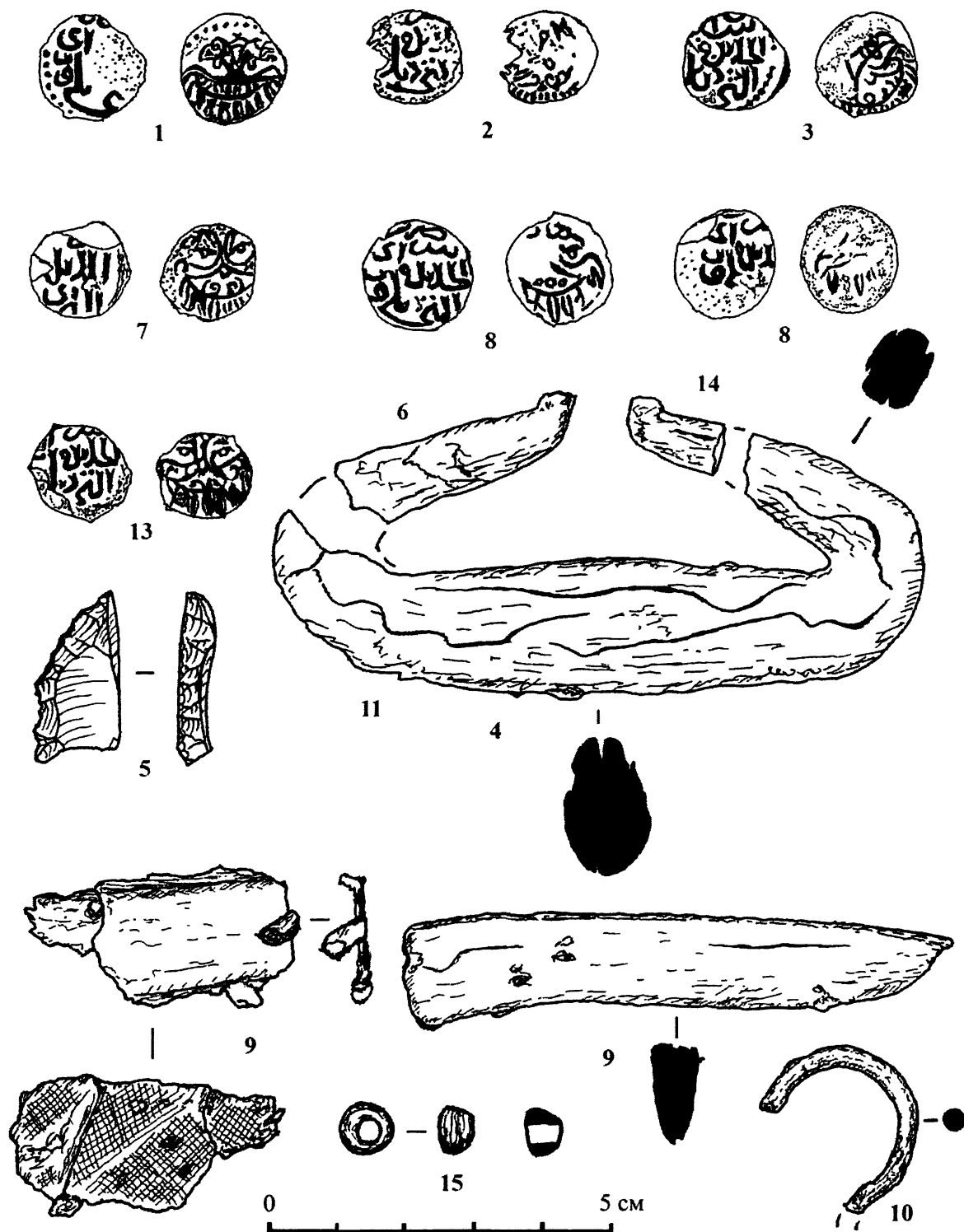

Рис. 2. Курганный могильник Яшкуль-IX, курган 1, погребение 22 (рисунки вещей). Номера — в соответствии с планом погребения: 1–3, 7, 8, 13 — монеты; 4, 6, 14 — фрагменты кресала; 5 — кресальный кремь; 9 — фрагменты ножа; 10 — фрагмент серьги; 15 — стеклянная бусина

Рис. 3. Курганный могильник Яшкуль-IX, курган 1, погребение 22. Вид черепа сверху, в верхней части кадра — ССВ, рулетка натянута вдоль оси погребения, по линии сечения А–Б. Хорошо видны отпечатки головного убора на черепе

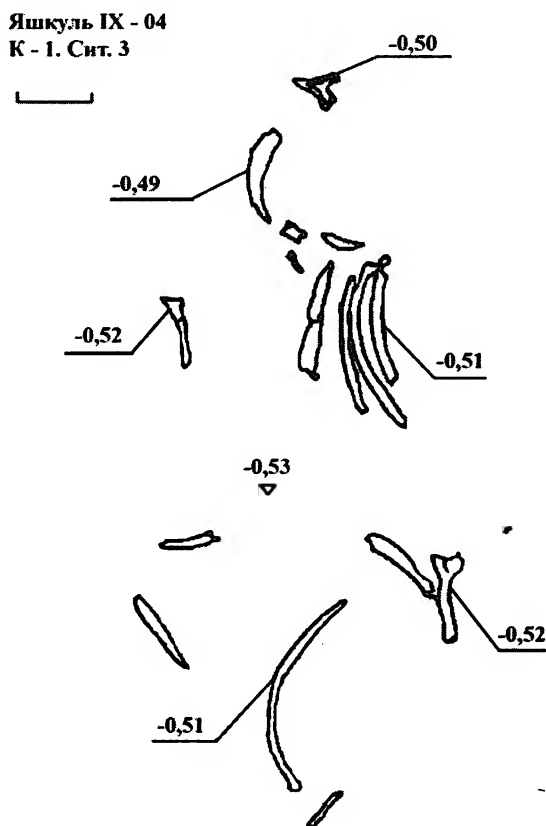

Рис. 4. Скопление костей в 4 м к востоку от погребения

КУРГАНЫ ОКРУГИ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА*

В данной статье рассматриваются материалы курганов и курганных групп, располагающихся не далее чем в 60 км от центра Царевского городища (Рис. 1).

Насыпи золотоордынских курганов, обобщенно характеризуемых ниже, имели диаметр от 4 до 43 м и высоту от 10 до 320 см; могильные ямы основных погребений имели глубину от 29 до 225 см.

Из 404 захоронений 347 (85,9%) являются основными и 57 (14,1%) — впускными. 4 кургана (1,3%) с погребениями XIII–XIV вв. располагается вне золотоордынских курганных групп, а 297 (98,7%) — в курганных группах. 23 памятника (85,2%) размещаются в группах предшествующего времени: эпох энеолита (Зубовка), бронзы (Бахтияровка I, Верхнее Погромное, Заплавное I, Заяр, Калиновка, Колобовка I–II, IV, Красный Октябрь, Ленинск I–II, Маляевка I, V, Осадная балка, 15 поселок, Солодовка I–III, Царев), раннего железного века (Бахтияровка I–III, Верхнее Погромное, Заплавное I–II, Калиновка, Колобовка III–IV, Ленинск I, Маляевка V, 15 поселок, Солодовка III, Царев) и домонгольского периода (Калиновка). В одном случае в курга-

не золотоордынской эпохи (Мечетное, к. 56) было совершено погребение XVIII–XIX вв.

В насыпях некоторых курганов фиксировались угли и зола (Бахтияровка I, к. 24, 41; Верхнее Погромное, к. 8; Зубовка, к. 5, 10–11; Калиновка, к. 30; Колобовка IV, к. 3; Ленинск I, к. 1–2; Маляевка I, к. 11, 17; Маляевка VI, к. 1–2; Мечетное, к. 56; Осадная балка, к. 1; Царев, к. 38–39, 84), кости животных, птиц и рыб (Бахтияровка I, к. 1, 9; Бахтияровка II, к. 46–48, 54, 57, 66–72, 75–78; Бахтияровка III, к. 85, 87, 89–90, 94–95, 110; Зубовка, к. 1–3, 6, 10; Калиновка, к. 2; Колобовка IV, к. 3; Ленинск I, к. 1, 46, 49; Маляевка I, к. 3, 5–6, 10–12, 15, 17; Маляевка V, к. 12, 14; Маляевка VI, к. 1–4; Царев, к. 1, 5, 31, 33–35, 38–39, 41, 45, 53, 56, 59, 61, 71, 74, 76, 80), обгоревший мешочек с зернами внутри (Ленинск I, к. 2), керамика (Бахтияровка II, к. 47–48, 75–76; Бахтияровка III, к. 85, 94; Зубовка, к. 2–3, 5–6, 10; Калиновка, к. 45; Колобовка IV, к. 3; Ленинск I, к. 1, 46; Маляевка I, к. 3, 6, 10–12, 15–17; Маляевка V, к. 12, 14; Маляевка VI, к. 1–4; Царев, к. 1922 г., к. 31, 41, 54, 59, 62, 70–71, 73–74, 76, 84), фрагменты майолик (Зубовка, к. 2–3; Калиновка, к. 2, 30, 51; Маляевка I, к. 11–12, 15–17; Маляевка VI, к. 2; Царев, к. 1922 г., к. 56, 60, 63, 71, 73–74, 80, 84), мозаики (Царев, к. 82), кирпичи (Бахтияровка II, к. 46, 48; Бахтияровка III, к. 97; Зубовка, к. 1, 3, 5, 10; Калиновка, к. 45, 51; Колобовка IV, к. 3; Ленинск I, к. 46; Маля-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

евка I, к. 12; Солодовка I, к. 3; Царев, к. 28, 44–45, 51–57, 59, 62–63, 65, 70–74, 76, 80–82, 84), куски алебастра (Царев, к. 39, 53, 70–74, 76, 80, 84), кусочки извести (Ленинск I, к. 33, 35), камни (Бахтияровка III, к. 94; Верхнее Погромное, к. 8; Царев, к. 59), железные ножи (Бахтияровка II, к. 47, 76; Зубовка, к. 1; Царев, к. 59), чаша, наковальня?, молот, пара кузнечных клещей, щипцы, ножницы для резки металла (Маляевка VI, к. 4), гвозди (Маляевка I, к. 10; Царев, к. 33), неопределенные предметы (Бахтияровка II, к. 78; Колобовка IV, к. 3; Маляевка VI, к. 4), фрагменты удила (Бахтияровка II, к. 54; Маляевка I, к. 15), подковы (Маляевка I, к. 8), топора (Ленинск I, к. 39), скобы (Маляевка I, к. 12), замка с остатками бронзовых деталей (Маляевка VI, к. 1–2), кусок шлака (Маляевка I, к. 17), фрагменты берестяного колчана с орнаментированными обкладками (Бахтияровка II, к. 47), резные кожаные аппликации в виде листьев со следами отверстий от иглы (Ленинск I, к. 39), бронзовые фрагменты пластинок (Зубовка, к. 2; Калиновка, к. 2), фрагмент бляшки (Калиновка, к. 30), бубенчики (Маляевка I, к. 7; Маляевка VI, к. 2), литой сосуд (Маляевка VI, к. 4), фрагмент сосуда (Маляевка I, к. 8), остатки деревянных конструкций (Бахтияровка I, к. 1; Верхнее Погромное, к. 8; Заяр, к. 2; Калиновка, к. 30), прослойки камыша и коры (Верхнее Погромное, к. 8), заливка из ила (Бахтияровка II, к. 53), обмазка из сырой глины (Бахтияровка II, к. 58; Бахтияровка III, к. 94, 97; Маляевка I, к. 3–4, 10), кирпичные выкладки над могилами (Калиновка, к. 2, 30; Маляевка I, к. 15, к. 17, п. 6–9, 11, 13, 15; Царев, к. 22, к. 53, п. 3, к. 62–63, к. 74, п. 1, к. 80, п. 2, к. 82, п. 2, к. 84, п. 10–11, п. 20), квадратные (Зубовка, к. 1–4, 6, 10–11; Ленинск I, к. 46; Маляевка I, к. 3, 7, 15; Маляевка VI, к. 1, 3; Царев, к. 39, 41, 45, 56, 59, 70–71, 73–74, 76), прямоугольные (Маляевка I, к. 12, 17; Царев, к. 72) и круглые (Бахтияровка II, к. 48; Зубовка, к. 12; Колобовка IV, к. 3; Маляевка I, к. 8, 16; Маляевка VI, к. 2, 4; Царев, к. 53) сырцовые оградки и надмогильные выкладки из сырцовых кирпичей (Бахтияровка I, к. 41; Зубовка, к. 1–4, 7–8; Ленинск I, к. 2, к. 49, п. 2; Маляевка I, к. 3, п. 2, к. 17, п. 12, п. 14; Мечетное, к. 31, п. 1; Царев, к. 39, п. 1, к. 41, п. 1, к. 45, п. 1, к. 56, к. 59, п. 1, к. 71, п. 2).

Вокруг насыпей иногда имелись ровики (Бахтияровка I, к. 3, 9, 28, 35; Бахтияровка II, к. 46–52, 54, 57–61, 63–67, 70, 72, 76–79; Бахтияровка III, к. 84, 94; Зубовка, к. 1; Калиновка, к. 30; Колобовка II, к. 4; Маляевка I, к. 17; Маляевка VI, к. 2; Солодовка II, к. 7; Царев, к. 1922 г., к. 34–35, 42, 45, 53, 56, 59, 61–62, 64–65, 68–74, 82, 84).

В насыпях могильных ям зафиксированы угли и зола (Бахтияровка I, к. 25, 27; Бахтияровка II, к. 63; Бахтияровка III, к. 87, п. 1; Красный Октябрь, к. 1, п. 2; Маляевка I, к. 11, к. 17, п. 2, п. 16, грунтовое?; Маляевка VI, к. 2; Мечетное, к. 56; Царев, к. 41, п. 1, к. 45, п. 1, к. 53, п. 2–3, к. 70, к. 73, п. 1), кости животных, птиц и рыб, рыба чешуя (Верхнее Погромное, к. 3, п. 7; Колобовка IV, к. 3; Ленинск I, к. 9, к. 14, к. 18, п. 2; Маляевка I, к. 11, к. 17, п. 7, п. 9–10; Мечетное, к. 37, п. 1; Царев, к. 48, к. 53, п. 3, к. 59, п. 1, к. 71, п. 1), куски алебастра (Царев, к. 39, п. 2, к. 52, к. 53, п. 2–3, к. 54, п. 2, к. 56, к. 70, к. 72, п. 3–5, к. 73–74, к. 80, п. 2), кусочки извести, кусок обожженной глины (Ленинск I, к. 39, п. 1), шлак (Бахтияровка III, к. 110), неопределенная костяная поделка (Дмитриевка, к. 1), сырцовые и обожженные кирпичи (Царев, к. 39, п. 1, к. 41, п. 2, к. 49, к. 52–53, к. 57, к. 62–63, к. 65, к. 72, п. 1–4, к. 73–74, к. 80, п. 2, к. 82, п. 1, к. 84), фрагменты керамики (Ленинск I, к. 31; Маляевка I, к. 11, к. 17, п. 17; Царев, к. 2, к. 70, к. 71, п. 1) и майолик (Маляевка I, к. 11).

Проанализируем погребальный обряд курганов, располагающихся на территории округи Царевского городища. Типы захоронений, как и в предыдущем параграфе, выделены в зависимости от ориентировки, внутри типов выделены варианты: в зависимости от формы могильной ямы, от наличия погребального инвентаря, костей коня, гроба (подстилки и перекрытия), сырцового или кирпичного склепа. Были учтены все сочетания указанных признаков. Если имеются данные о положении черепа и конечностей, это оговаривается внутри вариантов. Варианты захоронений пронумерованы в соответствии с типологией, предложенной нами ранее для округи Увекского городища (Недашковский, 2000. С. 155–158), с добавлением ряда новых вариантов с дополнительными литерами.

Тип 1 (281 погр.). Головой на запад.

Вариант А (21 погр.). В простых ямах, без гробов и без инвентаря. Череп в четырех случаях располагался на затылке, в трех случаях был повернут лицевой частью к югу, в пяти случаях — к северу. В пяти случаях конечности были вытянуты, в четырех случаях кисти рук находились на тазовых костях, в одном случае — в области живота, в одном случае — справа от костяка, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на тазовых костях, в трех случаях левая рука была вытянута, а кисть правой располагалась на тазу.

Вариант Б (15 погр.). В простых ямах, без гробов с инвентарем. В трех случаях череп располагался лицом к югу, в трех — к северу, в двух случаях — на затылке. В пяти случаях конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук лежали на животе, в двух случаях — на тазовых костях, в двух случаях левая рука была вытянута, а кисть правой располагалась на тазовых костях, в одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на груди.

Вариант В (43 погр.). В простых ямах, в гробах (в пяти случаях — подстилка, в пяти случаях — перекрытие, в трех случаях — подстилка и перекрытие) без инвентаря. Череп в 13 случаях располагался лицевой частью к югу, в четырех случаях — к северу, в 15 случаях — на затылке. В 15 случаях конечности захороненных были вытянуты, в восьми случаях кисти рук располагались в области таза, в одном случае — на животе, в одном случае — на груди, в пяти случаях правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на тазовых костях, в трех случаях левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазу, в двух случаях кисть правой руки располагалась на животе, а кисть левой — на тазовых костях.

Вариант Г (50 погр.). В простых ямах, в гробах (в 10 случаях — перекрытие, в двух — подстилка, в одном — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В 28 случаях череп располагался на затылке, в семи случаях был повернут лицевой частью к югу, в пяти случаях — к северу. В 22 случаях конечности погребенных были вытянуты, в девяти случаях кисти рук располагались в области таза, в 10 случаях правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях, в четырех случаях левая рука была вытянута, а кисть правой лежала в области

таза, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на груди.

Вариант Д (4 погр.). В простых ямах, без гробов, с костями коня, с инвентарем. В одном случае череп захороненного располагался лицевой частью к северу. В трех случаях конечности были вытянуты.

Вариант Еа (15 погр.). В простых ямах, в гробах (в трех случаях — подстилка, в трех случаях — перекрытие, в одном случае — подстилка и перекрытие), с костями коня, с инвентарем. В восьми случаях череп располагался на затылке, в двух случаях был повернут лицевой частью к северу, в двух случаях — к югу. В семи случаях конечности были вытянуты, в двух случаях кисти рук лежали на тазовых костях, в двух случаях правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазовых костях, в одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Вариант Жа (5 погр.). В ямах с заплечиками, без гробов и без инвентаря. В двух захоронениях череп лежал лицевой частью вверх, а в трех — лицевой частью к югу. В одном случае конечности были вытянуты, в двух случаях кисти рук располагались на тазовых костях, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях.

Вариант З (25 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в одном случае — подстилка, в двух случаях — перекрытие, в одном случае — подстилка и перекрытие) без инвентаря. В 11 погребениях череп лежал лицевой частью к югу, в семи — к северу, в шести захоронениях черепа располагались на затылке. В шести случаях конечности были вытянуты, в пяти случаях кисти рук лежали на тазовых костях, в одном случае — на животе, в двух случаях — на груди, в пяти случаях кисть левой руки располагалась на тазу, а правая рука была вытянута, в одном случае кисть левой руки находилась на груди, а правая рука была вытянута, в одном случае кисть левой руки лежала на животе, а правая рука была вытянута, в одном случае кисть левой руки располагалась на животе, а кисть правой — на груди, в одном случае кисть левой руки находилась на животе, а кисть правой — на правом плече, в одном случае кисть правой руки лежала на груди, а кисть левой — на тазовых костях.

Вариант К (25 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в четырех случаях — перекрытие, в трех случаях — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В пяти случаях череп был обращен лицевой частью к югу, в пяти случаях — к северу, в 11 случаях лежал на затылке. В 19 случаях конечности погребенных были вытянуты, в трех случаях правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазу, одном случае левая рука была вытянута, а правая кисть располагалась на тазовых костях.

Вариант Ка (2 погр.). В ямах с заплечиками, с костями коня, в гробах с инвентарем. Черепа захороненных располагались на затылке, конечности были вытянуты.

Вариант Кб (6 погр.). В ямах с уступами вдоль длинной стороны (в двух случаях зафиксированы гробы) без инвентаря. В двух случаях череп располагался на затылке, в двух случаях — лицевой частью к югу, в двух случаях — к северу. В двух случаях конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук лежали на животе, в одном случае кисть левой руки находилась на груди, а правая рука была вытянута.

Вариант Л (10 погр.). В ямах с уступами вдоль длинной стороны (в пяти случаях зафиксирован гроб, в одном случае — перекрытие, в одном — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В двух случаях череп располагался на затылке, в трех случаях черепа были повернуты лицевой частью к югу, в трех — к северу. В пяти случаях конечности были вытянуты, в трех случаях кисти рук находились на тазу, в одном случае кисть правой руки лежала на тазовых костях, а левая рука была вытянута.

Вариант О (14 погр.). В ямах с уступами вдоль северных стен, на которых размещались целые костяки или черепа и кости ног коней, с инвентарем. В пяти случаях зафиксированы гробы, в одном — подстилка и перекрытие, в одном — подстилка, в двух — перекрытие. В девяти случаях черепа захороненных располагались на затылке, в одном случае череп был повернут лицевой частью к югу, в одном случае — к северу. В восьми случаях конечности погребенных были вытянуты, в одном случае кисти рук находились на тазовых костях, еще в двух правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на тазу.

Вариант П (4 погр.). В подбоях в южных стенках ям, без гробов и без инвентаря. В трех

случаях череп располагался лицевой частью к югу, в одном случае — на затылке. В одном случае кисти рук находились в области таза, в одном случае — справа от костяка, в одном случае правая кисть лежала на правом плече, а левая кисть — на тазовых костях.

Вариант Пб (22 погр.). В подбоях, в гробах (в одном случае — с подстилкой, в 16 случаях — с перекрытием, в трех случаях — с подстилкой и перекрытием) без инвентаря. В трех случаях черепа погребенных располагались на затылке, в двух случаях череп был повернут лицевой частью к северу, в 15 случаях — к югу. В пяти случаях конечности погребенных были вытянуты, в двух случаях кисти рук лежали на груди, в одном случае — на тазовых костях, в двух случаях — справа от костяка, в трех случаях правая рука была вытянута, а левая кисть находилась на тазовых костях, в двух случаях правая кисть располагалась на тазовых костях, а левая — на груди.

Вариант Р (9 погр.). В подбоях, в гробах (в одном случае — перекрытие, в одном случае — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В трех случаях черепа захороненных располагались на затылке, в четырех случаях — на правой стороне, в двух случаях — на левой стороне. В пяти случаях конечности были вытянуты, в двух случаях правая рука была вытянута, а левая кисть лежала на тазовых костях, в одном случае кисть правой руки находилась на тазовых костях, а кисть левой — на груди.

Вариант С (3 погр.). В подбоях, с черепами и костями ног коней, без гробов с инвентарем. Черепа захороненных располагались на затылке. В одном случае конечности погребенных были вытянуты, в другом случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Вариант Т (1 погр.). В подбое в южной стенке ямы, с остовом коня на ступеньке с северной стороны ямы, в гробу с инвентарем. Череп захороненного ориентирован лицевой частью к югу, левая рука была вытянута, а кисть правой руки находилась на тазовых костях.

Вариант У (1 погр.). В простой яме, без гроба, с инвентарем; в отдельной яме к северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад. Череп захороненного располагался на затылке, конечности были вытянуты.

Вариант Ф (1 погр.). В простой яме, в гробу, с инвентарем; в отдельной яме к северу от человека костяк коня, обращенного головой на запад. Череп захороненного располагался лицевой частью к северу, конечности были вытянуты.

Вариант Х (1 погр.). В кирпичном склепе без гроба и без инвентаря.

Вариант Ц (3 погр.). В сырцовых склепах, в гробах без инвентаря. В двух случаях череп располагался лицевой частью к югу. В одном случае конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук находились на груди.

Вариант Ч (1 погр.). В сырцовом склепе, в гробу с инвентарем. Череп располагался лицевой частью к югу, правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях.

Тип 2 (49 погр.). Головой на юго-запад.

Вариант А (5 погр.). В простых ямах, без гробов и без инвентаря. Черепа захороненных в трех случаях были повернуты лицевой частью к юго-востоку. В одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой располагалась в области таза.

Вариант Б (5 погр.). В простых ямах, без гробов с инвентарем. В одном случае череп располагался на затылке, в одном случае — лицевой частью к северо-западу, в одном случае — к юго-востоку. В одном случае конечности были вытянуты, в двух случаях правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на тазовых костях, в одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазу.

Вариант В (5 погр.). В простых ямах, в гробах (в одном случае — перекрытие) без инвентаря. Череп в одном случае был повернут лицевой частью к юго-востоку, в одном случае — к северо-западу, в трех случаях лежал на затылке. В одном случае конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук располагались в области таза, в одном случае — на груди, в одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Вариант Г (14 погр.). В простых ямах, в гробах (в одном случае — подстилка, в двух случаях — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В 10 случаях черепа погребенных располагались на затылке, в трех случаях череп был повернут лицевой частью к юго-востоку. В 10 случаях конечности были вытянуты, в трех случаях кисти рук лежали на тазовых костях, в одном случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Вариант Д (4 погр.). В простых ямах, без гробов, с костями коня, с инвентарем. В одном случае череп захороненного был повернут лицевой частью к югу, в одном случае располагался на затылке. В одном случае конечности погребенного были вытянуты, в двух случаях кисти рук находились на тазовых костях.

Вариант Еа (2 погр.). В простых ямах, в гробах (в одном случае — только перекрытие), с черепом и костями ног коня на перекрытиях, с инвентарем. В одном случае череп захороненного располагался на затылке, в другом был обращен лицевой частью к северо-западу. В одном случае конечности были вытянуты, в другом случае левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Вариант 3 (1 погр.). В яме с заплечиками, в гробу без инвентаря. Кисти рук захороненного лежали на тазовых костях.

Вариант К (2 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в одном случае зафиксировано перекрытие) с инвентарем. В одном случае череп располагался лицевой частью к северо-западу, в другом случае — к юго-востоку. В одном случае конечности были вытянуты, в другом случае кисти рук находились на тазовых костях.

Вариант Л (2 погр.). В ямах с уступами вдоль северо-западной стенки (в одном случае зафиксирован гроб), с инвентарем. Черепа захороненных располагались лицевой частью к юго-востоку, конечности были вытянуты.

Вариант О (3 погр.). В ямах с уступами вдоль длинных стен, на которых размещались черепа и кости ног коней, с инвентарем. В одном случае зафиксирована подстилка, в двух случаях — гроб. В двух случаях черепа захороненных располагались лицевой частью вверх, в одном случае — к северо-западу. В одном случае конечности погребенного были вытянуты, в двух случаях правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях.

Вариант П (1 погр.). В подбое в юго-восточной стенке ямы, без гроба и без инвентаря. Череп лицевой частью к юго-востоку.

Вариант Р (2 погр.). В подбоях, в гробах (в одном случае — с перекрытием) с инвентарем. В одном случае череп располагался на затылке, в другом был повернут лицевой частью к юго-востоку. В одном случае конечности были вытянуты, в другом случае правая рука была вытянута, а левая кисть находилась на тазовых костях.

Вариант Т (2 погр.). В подбоях в юго-восточных стенках ям, с костями или остовом коня, в гробах (в одном случае — с перекрытием) с инвентарем. Череп захороненных ориентированы лицевой частью к юго-востоку, конечности вытянуты.

Вариант Ч (1 погр.). В сырцовом склепе, в гробу с инвентарем. Конечности вытянуты.

Тип 3 (1 погр.) Головой на юг.

Вариант А (1 погр.). В простой яме, без гроба и без инвентаря. Череп захороненного был повернут лицевой частью к западу.

Тип 4 (4 погр.). Головой на юго-восток.

Вариант Г (1 погр.). В простой яме, в колоде с инвентарем. Череп погребенного располагался на затылке, конечности были вытянуты.

Вариант К (2 погр.). В ямах с заплечиками, с перекрытиями и с инвентарем. В одном случае череп располагался лицевой частью к юго-западу. В одном случае конечности были вытянуты, в другом случае кисти рук находились на тазовых костях.

Вариант О (1 погр.). В яме с уступом вдоль длинной стенки, на котором размещались череп и кости ног коня, в колоде с инвентарем. Череп захороненного располагался на затылке, левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазовых костях.

Тип 5 (10 погр.). Головой на восток.

Вариант А (1 погр.). В простой яме, без гроба и без инвентаря. Конечности захороненного были вытянуты.

Вариант Б (2 погр.). В простых ямах, без гробов с инвентарем. Череп захороненных располагались лицевой частью к югу. В одном случае кисти рук находились на тазовых костях.

Вариант Г (4 погр.). В простых ямах, в гробах (в одном случае — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В двух случаях черепа погребенных располагались на затылке, в одном случае — лицевой частью к югу. В двух случаях конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук лежали на тазовых костях.

Вариант К (1 погр.). В яме с заплечиками, в гробу с инвентарем; лицом на север, левая рука была вытянута, а правая кисть располагалась на тазовых костях.

Вариант Р (1 погр.). В подбое в северной стенке ямы, с перекрытием и с инвентарем. Конечности были вытянуты, череп располагался на затылке.

Вариант Т (1 погр.). В подбое в южной стенке ямы, с черепом и костями ног коня в ногах погребенного, в гробу с инвентарем. Череп захороненного располагался на затылке, конечности были вытянуты.

Тип 6 (14 погр.). Головой на северо-восток.

Вариант Б (3 погр.). В простых ямах, без гробов с инвентарем. В двух случаях череп располагался лицевой частью к юго-востоку. В двух случаях конечности были вытянуты.

Вариант Г (4 погр.). В простых ямах, в гробах (в двух случаях — перекрытие, в одном случае — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В одном случае череп погребенного располагался на затылке, в двух случаях — лицевой частью к северо-западу. В одном случае конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук лежали на тазовых костях, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях.

Вариант К (3 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в одном случае — подстилка) с инвентарем. В одном случае череп захороненного лежал на затылке. В одном случае конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук располагались в области таза.

Вариант Л (1 погр.). В яме с уступом вдоль северо-западной стенки ямы, с подстилкой и с инвентарем; череп на затылке, конечности вытянуты.

Вариант Р (1 погр.). В подбое в северо-западной стенке ямы, в гробу с инвентарем.

Вариант У (1 погр.). В простой яме, без гроба, с инвентарем; в отдельной яме костяк коня.

Вариант Ч (1 погр.). В сырцовом склепе, в гробу с инвентарем. Череп на затылке, конечности вытянуты.

Тип 7 (1 погр.). Головой на север.

Вариант К (1 погр.). В яме с заплечиками, с подстилкой и перекрытием, с инвентарем; лицом на запад, кисть левой руки лежала на животе, правая рука была вытянута.

Тип 8 (27 погр.). Головой на северо-запад.

Вариант А (5 погр.). В простых ямах, без гробов и без инвентаря. В двух случаях были зафиксированы захоронения в сидячем положении. В одном случае череп располагался лицевой частью к юго-востоку, в одном случае — к северо-востоку. В одном случае конечности были вытянуты.

Вариант Б (2 погр.). В простых ямах, без гробов с инвентарем. В одном случае череп располагался лицевой частью к юго-западу. В одном случае конечности были вытянуты, в другом кисти рук располагались на тазовых костях.

Вариант В (1 погр.). В простой яме, в гробу без инвентаря. Череп был повернут лицевой частью к юго-западу, конечности были вытянуты.

Вариант Г (4 погр.). В простых ямах, в гробах (в двух случаях — с подстилкой и перекрытием) с инвентарем. В двух случаях череп располагался лицевой частью к юго-западу, в одном случае — к северо-востоку, в одном случае — на затылке. В двух случаях конечности были вытянуты, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на тазовых костях, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на животе.

Вариант Е (1 погр.). В простой яме, с перекрытием, с костями коня без инвентаря.

Вариант Жа (2 погр.). В ямах с заплечиками, без гробов и без инвентаря. В одном из погребений череп лежал лицевой частью к юго-западу. В обоих случаях конечности погребенных были вытянуты.

Вариант Жб (1 погр.). В яме с заплечиками, без гроба с инвентарем. Череп лежал лицевой частью к юго-западу, кисти рук располагались на тазовых костях.

Вариант З (2 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в одном случае — перекрытие) без инвентаря. Черепа захороненных располагались лицевой частью к юго-западу. В одном случае конечности погребенного были вытянуты, в другом случае кисти рук находились на тазовых костях.

Вариант К (3 погр.). В ямах с заплечиками, в гробах (в одном случае — подстилка и перекрытие) с инвентарем. В одном случае череп располагался на затылке, в одном случае был повернут лицевой частью к северо-востоку, в одном случае — к юго-западу. В двух случаях конечности были вытянуты, в одном случае левая рука была вытянута, а правая кисть находилась на тазовых костях.

Вариант Кб (1 погр.). В яме с уступом вдоль северо-восточной стороны, без инвентаря. Череп располагался лицевой частью к юго-западу, кисть левой руки находилась на тазовых костях, а кисть правой — в области живота.

Вариант О (1 погр.). В яме с уступом вдоль длинной стороны, на котором размещались

кости коня, в гробу с инвентарем. Конечности погребенного были вытянуты.

Вариант П (1 погр.). В подбое в юго-западной стенке ямы, без гроба и без инвентаря. Череп лицевой частью к юго-западу, правая рука вытянута вдоль туловища, левая кисть — на тазовых костях.

Вариант Па (1 погр.). В подбое, без гроба с инвентарем.

Вариант Р (1 погр.). В подбое в юго-западной стенке ямы, с подстилкой и перекрытием, с инвентарем. Череп располагался на затылке, правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на животе.

Вариант Х (1 погр.). В кирпичном склепе без гроба и без инвентаря. Череп лицевой частью к юго-западу, конечности вытянуты.

Итак, у нас есть данные о 387 подкурганых захоронениях с известной ориентировкой. Имеются все разновидности ориентировки погребенных: западная (72,6% всех погребений), юго-западная (12,6%), северо-западная (7%), северо-восточная (3,6%), восточная (2,6%), юго-восточная (1%), северная и южная (по 0,3%).

Западная ориентировка погребенных абсолютно преобладает над другими. Погребения типов 1-2 и вариантов А-Г (они составляют 40,8% всех кочевнических захоронений округа Царевского городища) мы можем связывать с процессом исламизации номадов Золотой Орды. В курганах с погребениями с западной, юго-западной, северо-западной и северо-восточной ориентировками фиксировались сырцовые конструкции в насыпях, связываемые исследователями с процессами исламизации кочевников и перехода их к оседлому образу жизни.

В 41 комплексе с западной ориентировкой (что составляет 14,6% всех захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней (тип 1Д, Еа, Ка, О, С-Ф). По погребальной обрядности захоронения с черепами и костями ног лошади можно отнести к памятникам черных клобуков, переселившихся в Поволжье в золотоордынское время, а погребения с остовом коня — к памятникам половцев. В некоторых погребениях (тип 1Д, Еа, Ка) найдены лишь отдельные кости коня.

Погребения с северо-восточной (тип 6Б, Г, К-Л, Р, У, Ч), северной (тип 7К) и северо-западной (тип 8А-Г, Е, Жа-З, К, Кб, О-Р, Х) ори-

ентировками, составляющие вместе 10,9% от всех захоронений, связаны, очевидно, с племенами восточного, центральноазиатского происхождения, появившимися в Поволжье в эпоху монгольского нашествия. В четырех из этих погребений были зафиксированы подбои (типы 6Р, 8П–Р), которые иногда встречаются в погребениях средневековых монголов; кроме этих комплексов на рассматриваемой территории есть 39 подбойных захоронений с западной ориентировкой (тип 1П, Пб–Т), пять с юго-западной ориентировкой (тип 2П, Пб–Р, Т) и два — с восточной (тип 5Р,Т).

Помимо частей конского скелета (в погребениях типов 1Д, Еа, Ка, О, С–Ф, 2Д, Еа, О, Т, 4О, 5Т, 6У, 8Е, О) в могильных ямах 53 комплексов — пяти с северо-западной (тип 8Г, Е, К, О, Па), 34 с западной (тип 1Б–Г, Еа, З, К, Л, О, Р–С), восьми с юго-западной (тип 2Г–Д, К, Р, Т), двух с восточной (тип 5Б, Т) и четырех с северо-восточной (тип 6Г, К) ориентировками — были обнаружены кости барана.

Мужскими являются 130 захоронений, женскими — 133, детскими и подростковыми — 61 (данные есть лишь для этих 324 комплексов).

Инвентарь зафиксирован в 227 погребениях, что составляет 58,7% от их общего числа. Примечательно, что лишь 16 из безинвентарных захоронений (типы 3А, 5А, 8А, В, Е, Жа, З, Кб, П, Х) было ориентировано головой не на запад или юго-запад; очевидно, исчезновение инвентаря в погребениях следует связывать с влиянием ислама.

Остатки шапочек-бокк найдены в 16 погребениях (типы 1Г, К, Л, Р, С, 2Еа, Л, Т, 4Б, К, 8Па), 4 из которых были совершены в подбое (типы 1Р, С, 2Т, 8Па).

Золотые и серебряные изделия встречены в 34 захоронениях (8,8% от общего числа), причем только золотые встречены в двух случаях, а в 32 случаях — только серебряные. Из этих 34 погребений 16 имеют западную ориенти-

ровку (типы 1Б, Г, К, Л, Р), девять — юго-западную (типы 2Г, Л, Р, Т), два — северо-западную (тип 8Б, Па), пять — северо-восточную (типы 6Б, К, Ла, О), одно — юго-восточную (тип 4О) и одно — восточную (тип 5Р).

Остатки шелковых и парчовых тканей отмечены в 23 захоронениях (5,9% от общего количества): с западной (типы 1Г, К, Ка, О, Р, С, Ф), юго-западной (типы 2Г, Л, О) и северо-восточной (типы 6Б, К) ориентировками.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в 91 захоронении (23,5% от общего количества), причем в 21 из них — только оружие, а еще в 28 — только конское снаряжение.

В двух погребениях (тип 6Ла, К), в курганной группе у Зубовки на левом берегу Ахтубы, были найдены бронзовые застежки-сюльгамы.

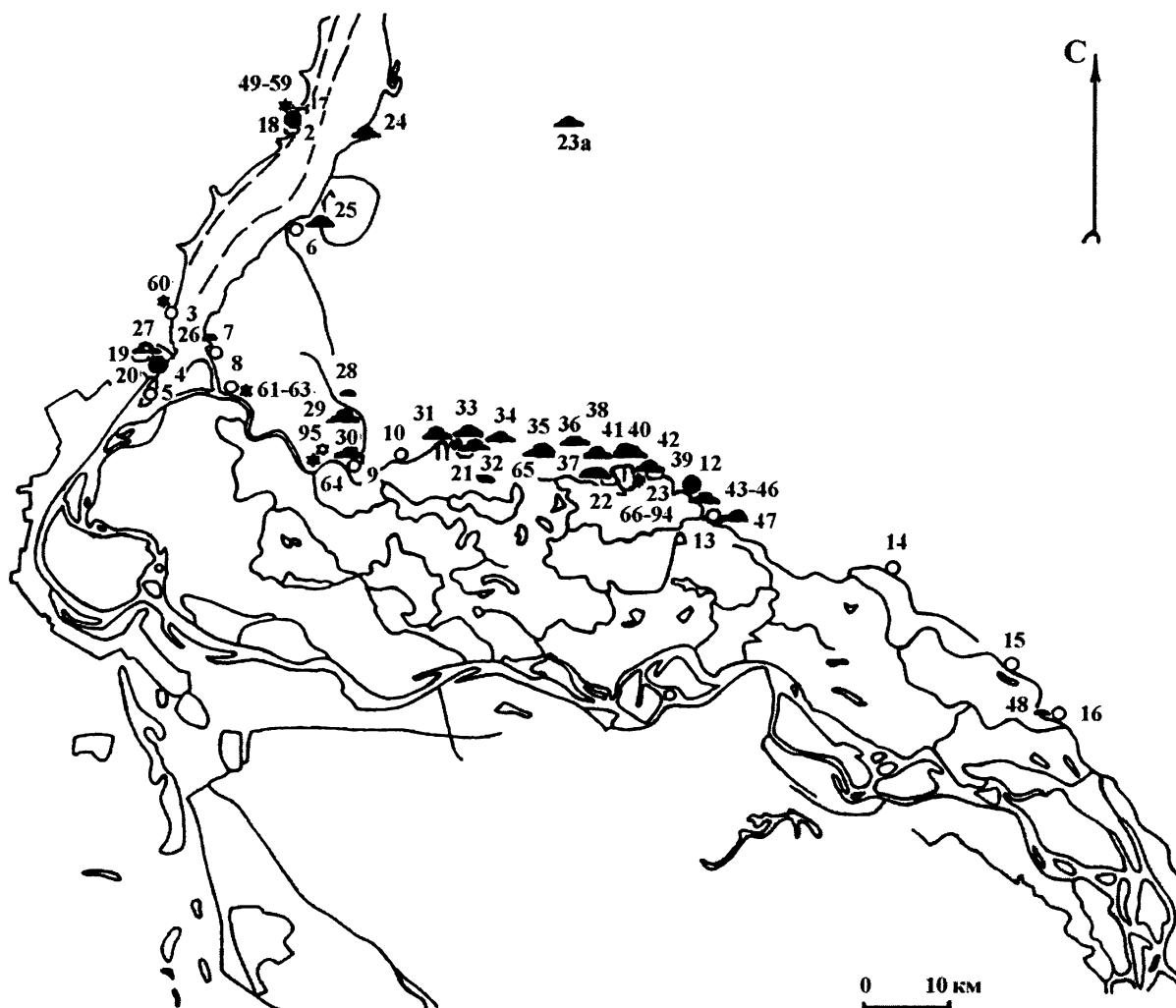
Монеты обнаружены в 45 (11,6%) из 387 захоронений; в 42 погребениях были обнаружены дирхемы, в двух — пулы, в одном — китайская бронзовая монета.

Примечательно значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых) в округе Царевского городища, что является уникальным для округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Практически все курганы округа Царевского городища расположены в группах золотоордынского времени, большинство которых образовалось вокруг насыпей предшествующих эпох, что несколько отличается от ситуации в округе Увекского городища, где меньше курганов располагается в группах, а основная часть курганных групп представлена чисто золотоордынскими.

Процент подкурганных захоронений с мусульманской обрядностью значительно выше для округа Увекского городища, чем для округа Царевского (Рис. 2), где встречена большая доля кочевнических погребений с изделиями из драгоценных металлов (Рис. 3).

ЛИТЕРАТУРА

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

поселения:

- площадь менее 1 га
- площадь от 1 до 7 га
- площадь более 7 га
- площадь неизвестна

△ местонахождения

— грунтовые могильники

— очертания берегов Волги до строительства
Волгоградского водохранилища

курганы:

- ▲ с золотоордынскими погребениями
- с золотоордынскими материалами в насыпи
- ▲ группы курганов с золотоордынскими погребениями
- ★ клады монет
- ☆ отдельные находки монет

Рис. 1. Схема расположения памятников округа Царевского городища.

Поселения: 1 — Царевское городище; 2 — Водянское городище; 3 — Винновка; 4 — Мечетное городище; 5 — Остров Денежный; 6 — Верхнее и Нижнее Погромное; 7 — Поселение у истока Ахтубы; 8 — Верхне-Ахтубинское (Безродное); 9 — Заяр; 10 — Заплавное; 11 — Бахтияровка; 12 — Колобовка; 13 — Зубовка; 14 — Капустин Яр; 15 — Пологое Займище; 16 — Дмитриевка.

Грунтовые могильники: 17 — Водянский I; 18 — Водянский II; 19 — Мечетное I; 20 — Мечетное II; 21 — Мавзолей у Бахтияровки; 22 — Царев II; 23 — Царев I.

Курганы и курганные группы: 23а — Красный Октябрь; 24 — Калиновка; 25 — Верхнее Погромное; 26 — Осадная балка; 27 — Мечетное; 28 — 15 поселок; 29 — Заплавное I; 30 — Заяр; 31 — Заплавное II; 32 — Бахтияровка I; 33 — Бахтияровка II; 34 — Бахтияровка III; 35 — Ленинск I; 36 — Ленинск II; 37 — Маляевка I; 37а — Маляевка VI; 38 — Маляевка V; 39 — Солодовка I; 40 — Солодовка II; 41 — Солодовка III; 42 — Царев; 43 — Колобовка I; 44 — Колобовка II; 45 — Колобовка III; 46 — Колобовка IV; 47 — Зубовка; 48 — Дмитриевка.

Клады монет: 49–59 — Водянское городище I–XI 1912, 1971–1974, 1997, 2002 гг.; 60 — Винновка; 61–63 — Верхне-Ахтубинское (Безродное) I–III 1848, 1873, 1916 гг.; 64 — Среднеахтубинское; 65 — Пришиб; 66–92 — Царев I–XXVIII 1840-е, 1845–1851, 1958, 1962–1963, 1965, 1968, 1972, 1995, 1997, вторая половина 1990-х гг.; 93–94 — Царевский уезд I–II начало XIX в., 1864 г.

Отдельные находки монет: 95 — Средняя Ахтуба

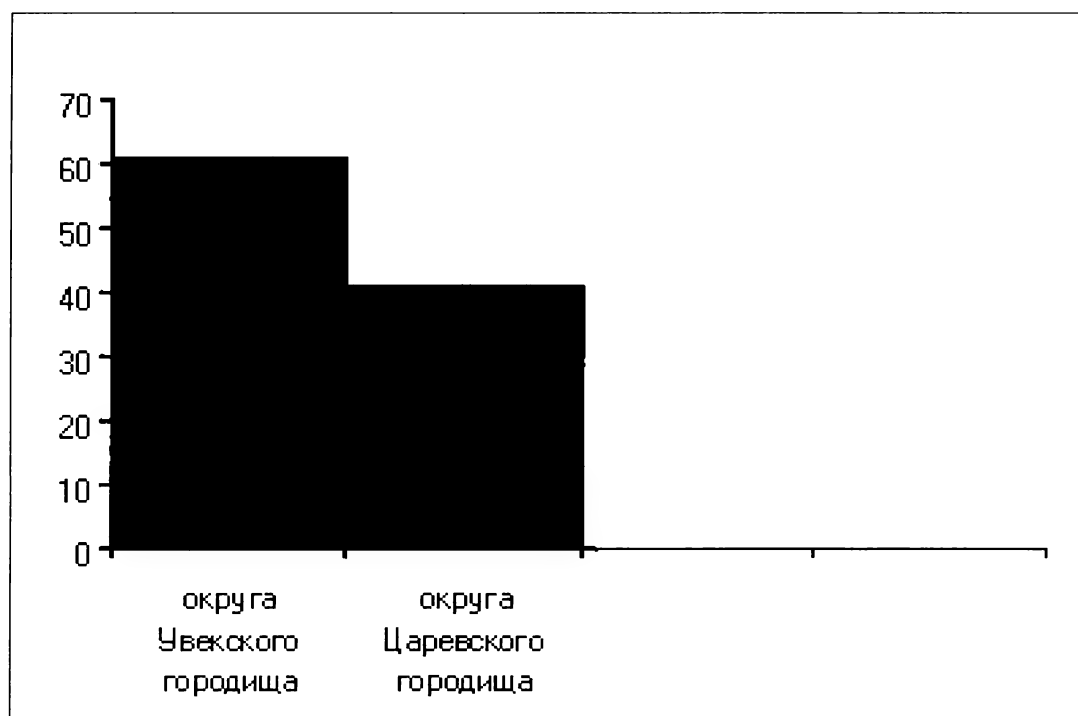

Рис. 2. Доля подкурганных мусульманских захоронений округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества подкурганных погребений)

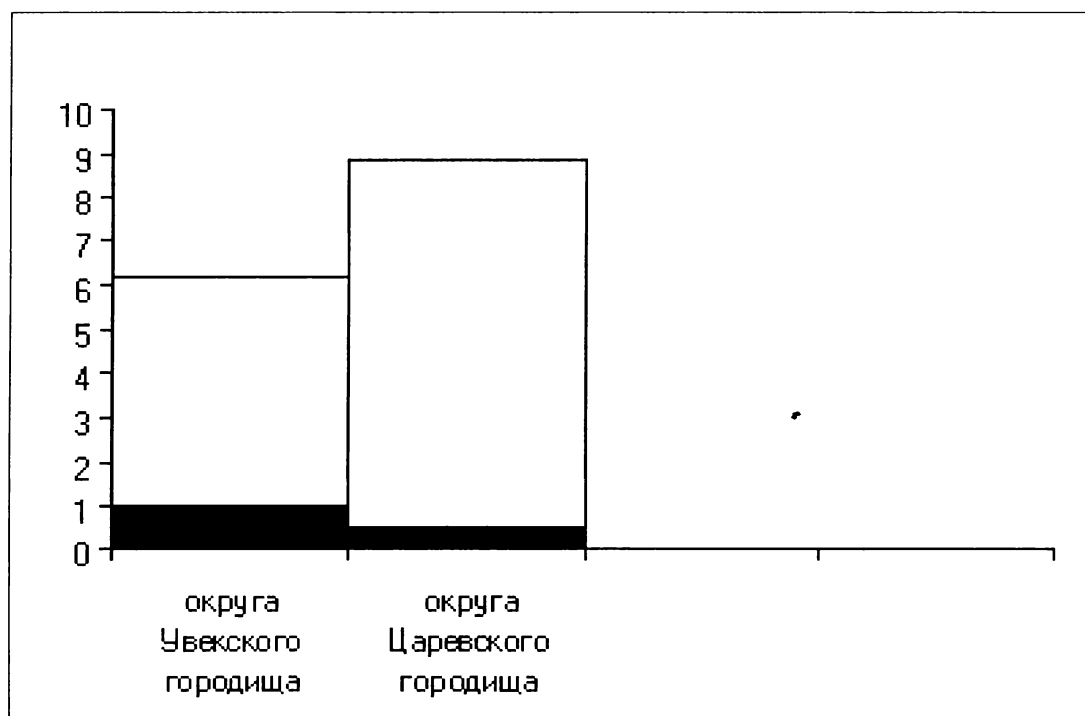

Рис. 3. Доля подкурганных захоронений с изделиями из драгоценных металлов из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества погребений). Черной заливкой показана доля захоронений с золотыми вещами

Э.Д. Зиливинская
(ИЭА РАН, Москва)

РАСКОПКИ БАШНИ НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ

Одним из наиболее значительных памятников археологии Астраханской области является Селитренное городище, традиционно считающееся остатками столицы Золотой Орды — Сарая. Более тридцати лет здесь вела раскопки Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. За эти годы было исследовано несколько крупных усадеб, общественный центр с большой мечетью, общественной баней и гостиницей для паломников (ханако), гончарные и стеклодельные мастерские, многочисленные дома рядовых жителей Сарая, землянки рабов и юрты недавних кочевников.

В 1995–1997 гг. и 1999–2000 гг. на Селитренном городище проводил раскопки Селитренский отряд кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем — Института археологии РАН. Исследования велись на Красном бугре, который является одной из самых высоких точек городища (Рис. 1). Южный и юго-западный края его круто обрываются к старому, ныне пересохшему, руслу Ахтубы, образуя обрыв высотой около 15 м. Ежегодно, во время таяния снега и при проливных дождях, здесь не только происходит смыл культурного слоя, но откалываются и падают вниз большие его куски. Кроме того, с восточной и западной сторон Красного бугра находятся два глубоких оврага, которые постоянно разрастаются. Выбор места раскопа

был определен значительными разрушениями в этой части городища.

Основным объектом, исследовавшимся на XXI раскопе, был большой усадебный дом, состоящий из 16 помещений. В 1999 г. раскопками была охвачена западная часть дома и участок, примыкающий к нему. Здесь были обнаружены остатки сооружения № 5, большая часть которого была разрушена при обвале южного края Красного бугра. В раскопе была исследована северная, очень небольшая его часть. Это обстоятельство сильно затрудняет интерпретацию, как назначения этого сооружения, так и взаимодействия его с постройками усадьбы. Тем не менее, материал, полученный при раскопках сооружения № 5 настолько ярок и интересен, что требует неременной публикации. Разновременность возведения усадьбы и сооружения № 5 была хорошо видна на профилях раскопа 1999 г. Представляется целесообразным рассмотреть стратиграфию западной части раскопа более подробно.

Стратиграфическая ситуация в той части раскопа, которая занята постройками усадьбы, довольно проста. Дом № 1 и часть усадебных сооружений были построены непосредственно на материке: до возникновения усадьбы эта часть города не была застроена. За время жизнедеятельности усадьбы вокруг ее построек нарастает культурный слой, на

который ставятся сооружения более поздних этапов существования усадьбы. По всей ее площади прослеживаются кирпичные, сырцовые и кирпично-сырцовые завалы различной плотности и мощности, которые лежат непосредственно на поверхности двора и полах помещений. Эти завалы представляют собой слой усадьбы. Непосредственно над слоями разрушения лежит слой завешивания в виде коричнево-серой супеси с редкими включениями обломков кирпичей. Таким образом, ни до возникновения усадьбы, ни после ее разрушения на этом месте ничего не было.

Несколько иная ситуация наблюдается к западу от западной стены дома № 1. Мощные, местами более 1 м толщиной, слои разрушения здесь лежат на остатках сооружения № 5 и за его пределами, на плотно утрамбованной глинобитной поверхности, под которую сделана песчаная нивелировочная подсыпка. По нашему предположению, этот слой представляет собой поверхность двора или улицы II периода существования. Ниже следует слой, состоящий из песка с прослойками листоватой коричневой глины. Такой слой образуется на поверхности, которая некоторое время стоит открытая и не используется. Она заносится песком, а листоватая структура глины появляется в результате высыхания луж. На этом слое в некоторых местах раскопа видны следы строительства (кирпичная и известковая крошка, пятна известкового раствора). Под слоем кратковременного запустения видна еще одна плотная глинистая поверхность, которая может относиться к I периоду существования. В южной части раскопа она лежит непосредственно на материке, а в северной части на мощном слое нивелировочной подсыпки, которая была сделана для выравнивания резкого уклона холма.

Как уже упоминалось, сооружение № 5 сохранилось в незначительной степени, и остатки его не дают цельной картины планировки этой постройки (Рис. 2). Строго параллельно западной стене дома № 1, на расстоянии 100–110 см от нее, была построена восточная стена сооружения № 5. Стена была построена позднее западной стены дома. Это хорошо видно на профиле. Пространство между стенами было забутовано строительным мусором, который образовывал ровную, плотно

уплотненную поверхность. Кладка стены сооружения № 5 почти не сохранилась, но в раскопе была прослежена траншея выборки этой стены. Длина траншеи 5,9 м. Она была выкопана в материке и имела различную глубину. Дно ее имело три ступеньки и понижалось от юго-запада к северо-востоку вместе со склоном холма. В пределах каждой ступеньки дно траншеи также понижалось в этом направлении. Первая ступенька находилась в северной части траншеи. Глубина траншеи в этой части относительно уровня материка 5–25 см. У северо-восточного конца стенки был обнаружен один кирпич нижнего слоя кладки стены и отпечатки нескольких кирпичей на материковом дне траншеи. Кладка стены в два ряда толщиной 52 см. Следующая ступень была на 10 см выше. Дно ее повышалось к юго-западу от -215 до -198 см, глубина составляла 10–60 см. У северо-восточного конца этой ступени найден участок кладки нижнего слоя стены. Он имел толщину 46 см и состоял из 1 ряда кирпичей, к которому с двух сторон примыкали два ряда из обломков кирпичей. Кладка на глиняном растворе. Третья ступень была на 40 см выше. Дно ее повышалось к северо-западу от -160 до -144 см. Глубина составляла 50 см. У северо-восточного конца этой ступени найден участок кладки нижнего слоя стены неопределенной формы. Ширина траншеи, выкопанной в материке, 75–90 см, а толщина стены составляла 50–55 см. Пространство между стеной и стенками траншеи было засыпано строительным мусором. Это хорошо прослеживалось при выборке заполнения траншеи, а также на профиле бровки.

Вдоль юго-восточного края стены, на расстоянии 10–15 см от края траншеи в материк был вкопан ряд столбиков. Всего было обнаружено 6 таких столбиков. Диаметр их 16–18 см. Расстояние между ними колеблется от 60 см до 1,9 м. Эти столбики, вероятно, являются остатками строительных лесов.

Юго-западный конец этой стены соединялся с ямой прямоугольной формы. Яма имела размеры 4,2 × 2,8 м и была вытянута длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ (Рис. 3). Яма имела интересное заполнение, которое сохранилось только до уровня материка. Вдоль ее северного борта лежала кладка в 2–2,5 ряда кирпичей на глиняном растворе. В высоту кладка име-

ла 4 слоя. Она была сделана из целых кирпичей и обломков, которые были использованы для заполнения пространства между стенками котлована и кладкой из целых кирпичей. Южный край кладки был разобран. У северо-восточного угла котлована участок кладки угла постройки имел в высоту 11 слоев. Начиная с пятого слоя снизу, северный край кладки отступал от края котлована и от северного края предыдущих слоев кладки на 45 см, то есть примерно на 2 ряда кирпичей. Это было сделано для выравнивания северного края постройки и состыковки ее фасада с фасадом стены, отходящей от северо-восточного угла постройки. Пространство между новым северным краем кладки и краем котлована было засыпано слоем материковой глины и строительного мусора. У северо-восточного угла котлована нижний слой кирпичной кладки не был разобран до конца. Здесь сохранился его участок, который выходил за пределы двух рядов кирпичей у северного борта ямы. Он показывает, что кладка из кирпичей была сделана по всей площади котлована. Нижний слой кладки лежал на тонкой (2–3 см) прослойке глиняного раствора. Слой глиняного раствора был положен на ровную площадку, образованную слоем известкового раствора с добавлением мелко битого кирпича. Эта поверхность лежала на глубине 40–45 см относительно уровня материка. Известковый раствор имел толщину 5–10 см. После того как слой известкового раствора был снят, обнаружилось, что все пространство ямы под ним заполнено меловыми камнями (Рис. 4) крупных и средних размеров (до 40 см величиной).

Заполнение части ямы было выбрано до основания, что позволило проследить ее строение (Рис. 5). Глубина ямы составляла 2,3–2,35 м относительно уровня материка. Стенки ямы сужались к дну. Яма имела слоистое заполнение. На дно был уложен слой меловых камней толщиной 40 см. Далее шла прослойка битого кирпича, залитого известковым раствором общей толщиной 10 см, потом снова слой камней (40 см) и снова прослойка битого кирпича с известью (10 см). Такое чередование слоев повторяется в яме 4 раза. На последний, четвертый, слой известки уложен нижний слой кирпичной кладки.

У северо-восточного и северо-западного углов ямы были расчищены две круглые столбовые ямы диаметром 30 см. Глубина их 25 и 45 см. Вероятно, в них были вставлены бревна строительных лесов.

Таким образом, данное сооружение, вероятнее всего, являлось фундаментом какой-то кирпичной постройки. Судя по небольшой площади и значительной глубине фундамента, постройка должна была быть довольно высокой. Сделать примерную реконструкцию сооружения, которое было поставлено на этот фундамент, позволяют блоки от его стен, найденные на раскопе.

В 80 см к северу от ямы фундамента был обнаружен завал стены, имевший регулярную структуру (Рис. 6, 1). Размеры завала — 2,5 × 2,0 м. Верхняя часть его состояла из обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором с большим количеством толченого кашина. Кладка в перевязку, причем кирпичи в ней были поставлены на ребро, то есть стена упала на бок. Толщина этой кладки 1–1,2 ряда, в завале прослеживалось до 15 слоев кладки. Нижняя часть завала состояла из обожженных кирпичей и прямоугольных (16 × 10 × 4,5 см) красноглиняных и кашинных изразцовых кирпичей, лежащих под прямым углом друг к другу (Рис. 6, 2). Верхняя часть завала, представлявшая собой кладку толщи стены, была осторожно разобрана, после чего была расчищена его нижняя часть, представлявшая собой внешнюю облицовку стены. Облицовка состояла из красных кирпичей, положенных слоями друг на друга со смещением примерно на 10 см. Каждый кирпич с двух сторон был окружен прямоугольными изразцами, поставленными вертикально. Изразцы также были смещены друг относительно друга, в результате чего они образовывали на плоскости стены ромбические фигуры. Изразцы двух видов — бирюзовые и синие. После полной фиксации этого слоя толщи стены для большей наглядности изразцовые кирпичи были перевернуты и мы получили модель внешнего вида стены (Рис. 7). Такую облицовку имели стены сооружения с заглубленным фундаментом. Лицевая часть этой стены лежала на глинобитной поверхности двора.

Не менее интересный кусок кладки стены был обнаружен в плотном завале в 2 м к севе-

ро-востоку от ямы фундамента. Уже на втором штыке здесь была обнаружена часть кладки из трех рядов кирпичей, поставленных на ребро и вытянутых в линию. После окончательной расчистки выяснилось, что здесь находится рухнувшая часть стены, внешняя поверхность которой закруглена (Рис. 8, 9). Именно этой закругленной стороной блок стены лег на землю. Кладка была сделана из целых кирпичей и обломков на известковом растворе. Сохранившаяся толщина ее — 8 слоев. Внешнюю часть стены образуют подточенные лекальные кирпичи. Множество таких кирпичей было найдено на раскопе в завалах. Блок стены имел ширину 100–110 см, высоту (толщина стены) — 60–65 см и толщину 55 см. Этот блок являлся частью стены круглой башни. Предполагаемый диаметр ствола этой башни — 2,8–3,0 м. Этот круглый ствол, вероятно, стоял на прямоугольном в плане цоколе, стены которого были облицованы изразцами.

От северо-западного угла фундамента по направлению к западу, с небольшим отклонением к северу, шла стена толщиной 50–52 см, сложенная из обожженных кирпичей на глиняном растворе. Кладка была сделана в два ряда кирпичей. Слои кладки чередовались: в одном слое два ряда кладки были из целых кирпичей, а в следующем с двух сторон от целого кирпича были положены половинки. Кладка сохранилась на 1,4 м в длину и 7 слоев в высоту. Далее прослеживалась канавка, в которую был уложен нижний слой кладки. Ширина ее 50 см, глубина 115 см относительно уровня материка к северу от стены. Стена имела длину 3,2 м, а потом восточный ее конец соединялся с прямоугольной в плане ямой, дно которой лежит на 30 см ниже основания стены, то есть, заглублено в материк на 45 см. Ширина этой ямы по оси 3–В — 3,2 м, длина неизвестна, так как она частично разрушена обрывом. На дне этой ямы найдено несколько кирпичей, положенных плоско. Она кажется совершенно симметричной яме фундамента башни, только не имеет такой глубины.

К югу от стены был отмечен материковый выступ прямоугольной формы размерами 3,2 × 2,2 м. Поверхность его находилась на 60 см выше ложа стены и на 45 см выше уровня материка к северу от стены. На поверхности его лежала вымостка из обломков

кирпичей на глиняном растворе. Высота ее составляла 1–2 слоя кладки. С южной стороны этот выступ имел ровный отвесный край. К югу от него находилась ровная площадка, которая лежала на 25 см ниже поверхности выступа. На ней, возле южного края выступа были обнаружены отпечатки кирпичей. То есть материковый выступ со всех сторон был ограничен кирпичными стенками. Возможно, он вообще являлся заполнением толщи стены или пространства между стенами под полом для экономии кирпича.

При раскопках сооружения № 5 было найдено большое количество элементов архитектурного декора. В основном это фрагменты мозаичных панно, которые украшали стены сооружения № 5 как внутри, так и снаружи. Изразцовые вставки, в основном, бирюзового, синего, белого и желтого цветов, но встречаются также красные и зеленые. Большая часть фрагментов имела геометрический орнамент, но некоторые — растительный. Вероятно, для внешнего декора использовались мозаичные фризы, в которых бирюзовые кашинные вставки шестиугольной и ромбической формы чередовались с вставками, выточенными из красного кирпича. Также были найдены в большом количестве поливные кирпичи бирюзового и синего цветов.

В завалах находились блоки от деталей оформления углов стен. Возможно, это были колонны портала или какие-то пилоны. Блоки имели следующее строение: красные кирпичи размерами 20 × 20 × 5 см чередовались с известковыми блоками толщиной 8–8,5 см. С двух сторон этого блока были встроены бирюзовые изразцовые плитки размерами 16 × 5 × 2 см. Между кирпичом и изразцом оставался белый шов толщиной 1–1,5 см. Угол кирпича и угол, образованный плоскостями с изразцами, был косо срезан. В месте этого среза в известковый блок был вставлен квадратный изразец бирюзового цвета размерами 5 × 5 см. К третьей стороне этого блока примыкал кирпич, поставленный на ребро. Четвертая поверхность имела неровное строение, вероятно, этой стороной блок примыкал к кладке стены.

Один из блоков представлял собой деталь арки, сложенной из подточенных кирпичиков. Между ними были положены клинооб-

разно расширяющиеся слои раствора. Над кирпичной арочкой шириной 10 см находился изразцовый фриз. Многие детали были выпилены из кирпичей. К ним относились лекальные кирпичи разного размера, из которых была сложена круглая стена башни и круглые диски диаметром 21,5 см. Из этих дисков, вероятно, были сложены колонны. Также были найдены фрагменты шестиугольных кирпичей, которыми обычно мостили полы.

Таким образом, несмотря на почти полную разрушенность сооружения № 5, можно сделать некоторые предположения о его назначении. Не вызывает сомнений, что это было богато украшенное общественное здание. В одну из его стен была встроена круглая башня на прямоугольном цоколе. Такое строение в золотоордынских городах обычно имели минареты, хотя не следует отрицать и возможность существования других башнеобразных построек. Если предположить, что найденная нами башня является минаретом, то вся постройка в целом должна представлять собой мечеть. Возможно, что стена, идущая от цоколя минарета в западном направлении является частью северной стены мечети, а сама мечеть разрушена обвалом края Красного бугра. Здание мечети не могло находиться к северу от минарета, так как здесь на довольно большой площади не найдено никаких устоев колонн, поддерживающих крышу мечети, а глинобитная поверхность является поверхностью двора, а не земляным полом. Кроме того, именно северная стена цоколя минарета была украшена изразцовыми кирпичами, следовательно, она была внешней. В этом случае не совсем понятно назначение стены, которая отходит от северо-восточного угла цоколя минарета и идет к северу. Можно предположить, что эта стена огораживала двор перед мечетью, хотя до сих пор ни одна мечеть дворового плана не была найдена на территории Золотой Орды (Зиливинская, 1998). Остается сожалеть, что невозможно получить более полные данные об этом здании. Можно только отметить, что по обилию декора, найденного при раскопках, постройка на Красном бугре значительно превосходит большую пятничную мечеть, исследованную на XIII раскопе Селитренного городища (Зиливинская, 1998. С. 22–26).

Интересные фрагменты оформления купола были найдены в траншее выборки стены усадебного дома. Это части облицовки внутреннего купола из известкового раствора (Рис. 10, 1). Толщина раствора 4–5 см. Он был положен в два слоя. Внутренняя поверхность блоков была гладкой, лицевой, а внешняя — шероховатой. В зените купола было сделано круглое световое отверстие диаметром 19 см. В той же траншее находился развал керамического сосуда шаровидной формы с цилиндрическим горлом с одной стороны и цилиндрической полый втулкой — с другой (Рис. 10, 2). Сосуд красноглиняный с темно-бирюзовой поливой с наружной стороны и бесцветной поливой — с внутренней. Втулка — без поливы. Диаметр сосуда 32 см. Сосуд представлял собой навершие купола. Такие навершия либо по одному, либо в виде пирамидки встречаются на многих купольных сооружениях, например, в Средней Азии. В той же траншее находились обломки еще одного такого же навершия. Представляется, что обломки купола и эти навершия происходят не из усадебного дома, а относятся к культовому сооружению № 5. При разрушении городища они могли попасть в траншею выборки стены дома.

В городах Золотой Орды исследовано около десяти минаретов. Один из них (Малый минарет в Болгаре) сохранился полностью, еще два известны по чертежам и рисункам. Остальные сохранились на уровне цоколей. Минареты в Болгаре имели квадратный в плане цоколь, который через восьмерик переходил к цилиндрическому стволу (Егоров, 1958; Айдаров, 2001). Размеры цоколя Большого минарета $5,3 \times 5,3$ м. Глубина фундамента — 2,7 м. Малый минарет имел цоколь размерами $4,8 \times 4,8$ м при глубине фундамента 2 м (Айдаров, 2001. С. 13, 53). На Водянском городище в Волгоградской области была раскопана мечеть с остатками минарета (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). Цоколь минарета был прямоугольным в плане размерами $5,0 \times 4,2$ м. Глубина ямы фундамента составляла всего 18–30 см. Ствол минарета был украшен бирюзовыми изразцами и штампованным ганчем (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 125, 126). На Северном Кавказе известны три минарета. На городище Верхний Джулат находился Татартупский минарет, который

простоял до 80-х гг. XX в. (Милорадович, 1963). Он имел прямоугольный ($4,3 \times 3,6$ м) цоколь высотой 2,35 м. Ствол минарета в нижней части был около 3 м в диаметре. Он имел коническую форму и состоял из двух частей высотой 13,1 м и 5,35 м. Их расчленял двойной сталактитовый пояс, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является сталактитовый. Прямо под ним шли две полосы бирюзовых поливных дисков, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата. У Малой мечети Верхнего Джулата сохранился цоколь размерами $2,6 \times 2,4$ м, стоящий на фундаменте глубиной 2,8 м (Милорадович, 1963. С. 82–84). Аналогичное строение имел, вероятно, минарет в Нижнем Джулате. Его цоколь имел раз-

меры $5,8 \times 4,75$ м, глубина фундамента достигала 2,0 м. Внутри прослеживалось круглое в плане помещение диаметром 1,7 м (Чеченов, Зиливинская, 1999. С. 205, 206). В Крыму, в мечети Узбека, минарет был встроен в угол здания мечети (Якобсон, 1964. С. 107). На Кучугурском городище возле Запорожья и на городище Старый Орхей в Молдавии минареты имели основания в виде многогранника и были встроены в толщу стены (Довженок, 1961; Бырня, 1985).

Таким образом, как по размерам, так и по декору, башня, раскопанная на Красном бугре, может быть минаретом. Мечеть, которая предположительно находилась в этом месте, располагается всего в 500 м от большой пятничной мечети, исследованной на XIII раскопе. Это обстоятельство вполне согласуется с описанием Ибн Баттуты, который упоминал в Сарае «тридцать мечетей для соборной службы и... чрезвычайно много других мечетей» (Тизенгаузен, 1884. С. 306).

ЛИТЕРАТУРА

Айдаров С.С., 2001. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.

Бырня П.П., 1985. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.

Довженок В.И., 1961. Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів Пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 10. Київ.

Егерева В.В., 1958. Архитектура города Болгара // МИА. № 61.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.

Зиливинская Э.Д., 1998. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола.

Милорадович О.В., 1963. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. № 114.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д., 1999. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М.

Якобсон А.Л., 1964. Средневековый Крым. М.-Л.

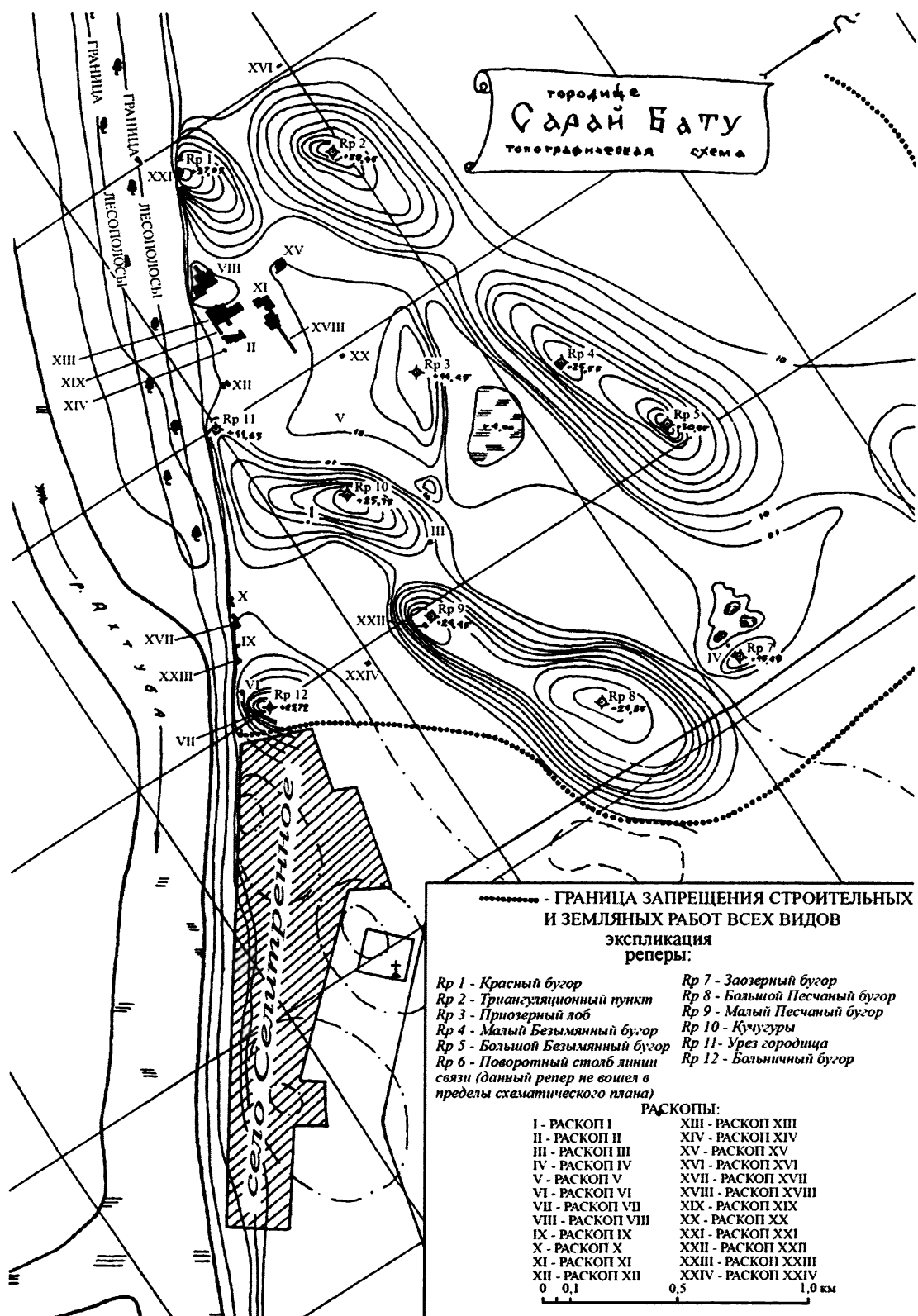

Рис. 1. План центральной части Селитренного городища

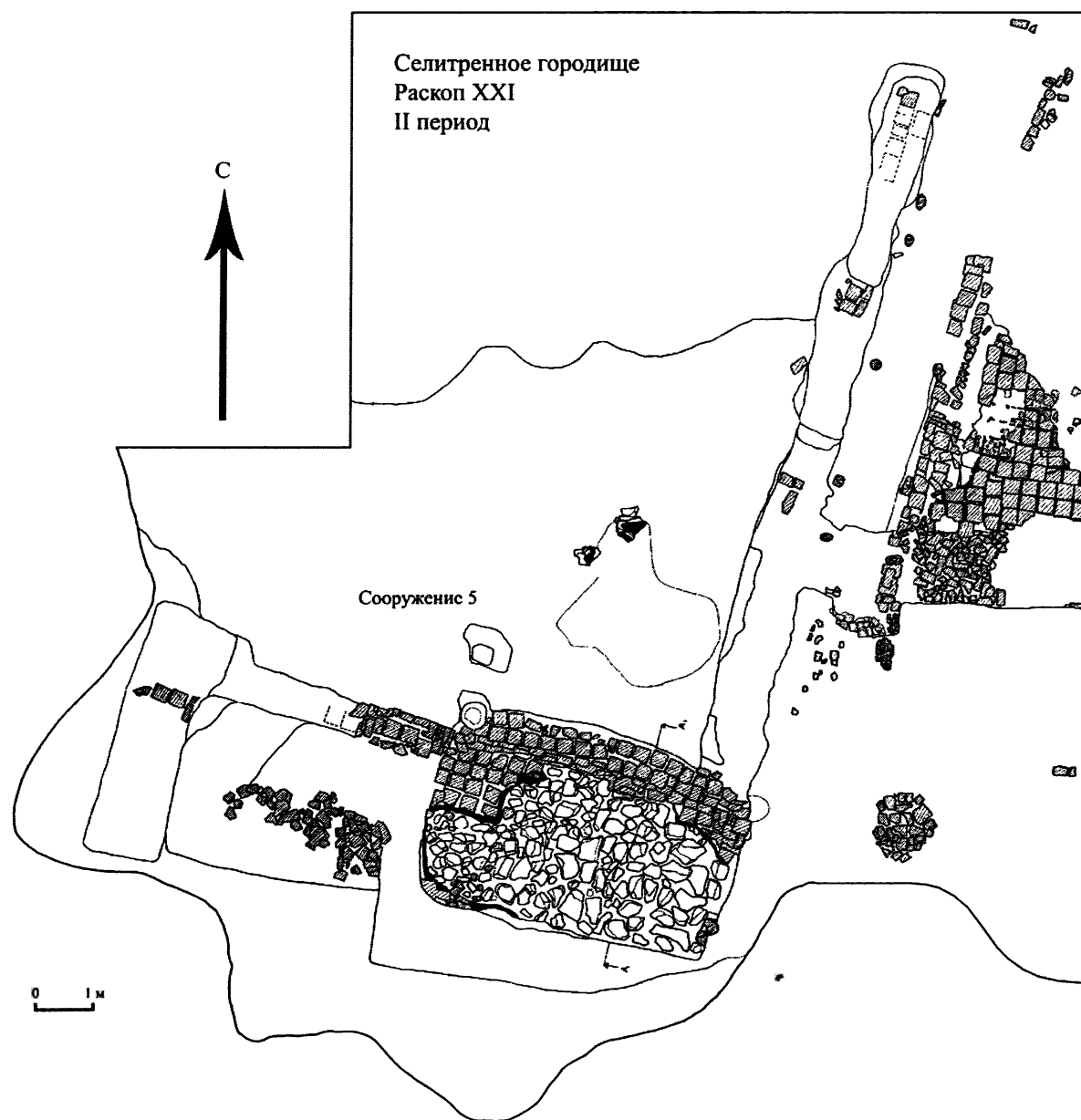

Рис. 2. План сооружения 5

Рис. 3. Нижняя часть кладки цоколя башни

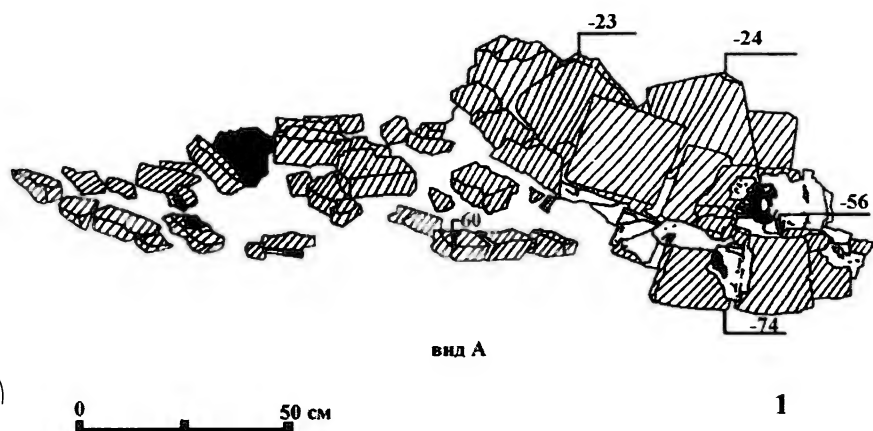

Рис. 4. Фундамент башни

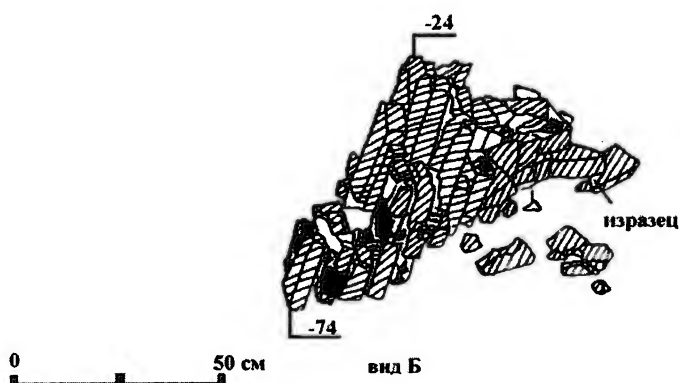

Рис. 7. Облицовка стены сооружения 5 с перевернутыми изразцами

0 50 см

1

0 50 см

2

Рис. 8. Часть стены круглого в плане сооружения: 1 — вид сечения ствола; 2 — вид блока сбоку

Рис. 9. Часть стены круглого в плане сооружения

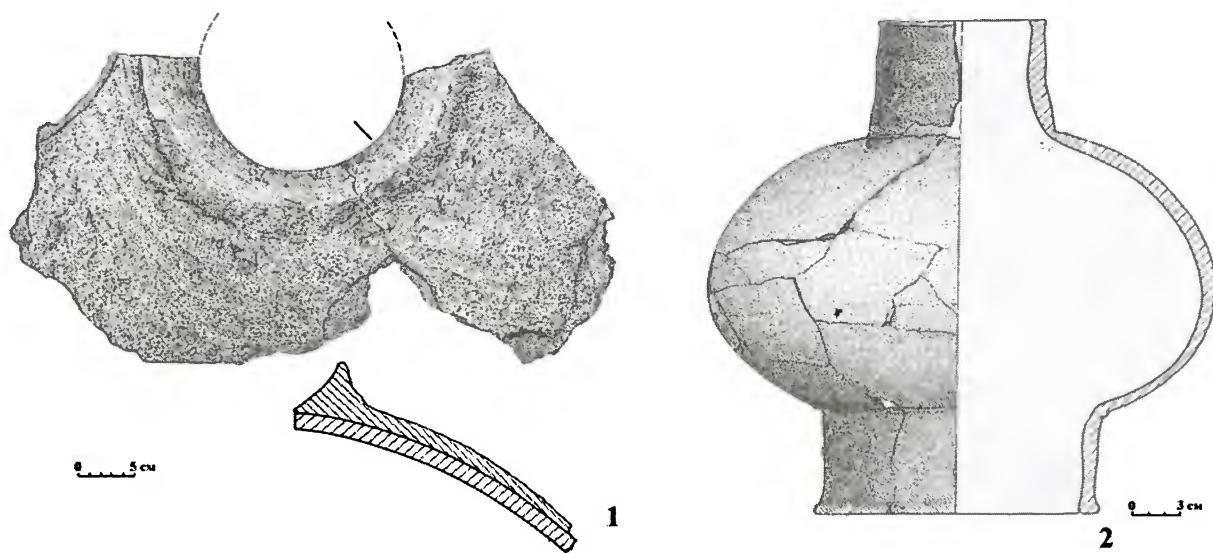

Рис. 10. Части купола: 1 — известковая облицовка внутренней части; 2 — керамическое навершие

Е.И. Нарожный
(АГПУ, Армавир)

О НАХОДКАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ АЛХАН-КАЛИНСКОГО ГОРОДИЩА (ЧЕЧНЯ)

1. Алхан-Калинское городище: краткая справка

Алхан-Калинское городище, известное также под названиями «Холопьевского» и «Куларинского», было открыто еще в 1880-х годах А.А. Бобринским. Впоследствии, незначительные по масштабам археологические исследования городища производились А.П. Кругловым, Г.В. Подгаецким, Т.М. Минаевой. Неоднократно оно обследовалось и местными краеведами — Н.И. Штанько и М.П. Севостьяновым (Виноградов, Марковин, 1966. С. 113). В 1960-х годах Алхан-Кала стационарно изучалось В.Б. Виноградовым (Виноградов, 1970. С. 68–90).

Алхан-Калинское городище располагается на высоком берегу р. Сунжа к западу от современного селения Алхан-Кала (бывшая станция Ермоловская).

Памятник имеет сложную планировку: «три оборонительных рва с входными воротами. Над внешним рвом фиксируется вал, местами с булыжником и, возможно, сырцовыми кладками. Отмечены следы каменных стен и привратных укреплений. Мощность культурных напластований — 1,2–3,3 м» (Виноградов, 1981. С. 35).

После 4-летнего процесса раскопок на Алхан-Кале была опубликована гипотеза, по которой это городище было представлено не

просто значительным и выразительным бытовым памятником в бассейне р. Сунжи, но и «политический, экономический и религиозный центр», принадлежавший «аланскому этносу, его истории и культуре раннесредневекового типа». В конечном итоге было высказано и предположение об отождествлении городища с ранней (X век) столицей аланов — «городом Магасом», упоминаемым арабскими письменными источниками (Виноградов, 1981. С. 35).

В дальнейшем версия получила как многочисленных сторонников, так и противников (об этом см.: Виноградов, 2003. С. 99–104).

Среди мнений оппонентов гипотезы о тождестве «Магаса» — Алхан-Калы укажем версию В.И. Марковина и Х.Д. Ошаева, предложивших в Алхан-Кале видеть руины «славного ясского города Деякова» (Марковин, Ошаев, 1978. С. 83–95). Но и она была аргументировано отвергнута (Мамаев, 1979. С. 112–120).

Другая часть авторов настаивает на идентификации древних и средневековых обитателей «Магаса» — Алхан-Калы с исключительно «вайнахским» (предки современных чеченцев и ингушей) этнокомпонентом (Вагапов, 1984. С. 15–23; Кодзоев, 2001. С. 13–30). Однако, «тезис о полиэтничности населения города (в том числе и наличии в нем вайнахского элемента), давно уже высказан, но нуждается не в декларациях, а в документирован-

ном достоверном объяснении» (Виноградов, Мамаев, 1979. С. 79).

Позднее, первоначально — Л.И. Лавров, а затем — В.А. Кузнецов, ранее поддерживавший тождества: «Магас» — Алхан-Кала (Кузнецов, 1971. С. 15), сформулировали точку зрения о локализации «Магаса» на Нижне-Архызском городище, на Верхней Кубани (Кузнецов, 1986. С. 246; 1992. С. 250–252; 1993. С. 251, 252 и др.). И это предположение имеет как последователей, так и многочисленных противников (историографию вопроса см.: Виноградов, 2003. С. 99–101 и сл.) и является не менее уязвимым. Особенно наглядно это демонстрируют описания в письменных источниках длительной осады и взятия «Магаса» Чингизидами в конце 30-х годов XIII века: упоминание в источнике ландшафтно-географических реалий округа Магаса, вряд ли можно найти близ Нижнего Архыза. К тому же, осада «Магаса» описывается средневековыми авторами как военная акция, осуществленная в самом конце движения войск Чингизидов, в отличие от 1222 года, на этот раз двигавшихся с запада Северного Кавказа на восток — в сторону современного Дагестана.

Таким образом, разделяя гипотезу о возможном тождестве Алхан-Калы с «Магасом», остановимся на некоторых археологических материалах XIII–XIV вв., происходящих с территории городища.

2. Историко-археологические данные XIII–XIV вв.

Среди раскопочных материалов 1960-х годов артефактов золотоордынской эпохи — мало. Оттуда упоминались лишь отдельные находки, в основном, подъемный материал (фрагменты керамики) эпохи Золотой Орды (Виноградов, 1968. С. 62–70). Между тем, в фондах Чечено-Ингушского краеведческого музея и археологической лаборатории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого до 1992 года хранился многочисленный подъемный материал с Алхан-Калинского городища (сборы 1986–1991 гг.), некоторые предметы из числа которого ныне и вводится в научный оборот.

Керамика

В первую очередь — это фрагменты от сосудов — туваков (Рис. 1, 1–4). Всего — 16 единиц хранения (венчики, стенки, донышки). С внешней и внутренней стороны, все фрагменты имели черную поверхность. Реконструируемые диаметры венчиков туваков колеблются в пределах — 9–14 см.; донышек — 6,5–8 см.

Аналогии таким сосудам известны с территории Верхнего Джулата (Кузнецов, 2003. С. 179. Рис. 42), золотоордынских Маджар, города Азака, а также — золотоордынских бытовых памятниках Поволжья (Волков, 1992. Табл. 1, 16). Есть они и на территории Волжской Булгарии (Кокорина, 2002. С. 73).

Вблизи городища были подняты и фрагменты сосуда черного цвета, которые можно классифицировать как части котла (?) (Рис. 1, 5). Реконструируемая высота — около 15 см. Диаметр верхней сохранившейся части — 22,5 см.

Судя по находкам фрагментов котлов иного вида (Рис. 2, 1, 2), они меньших размеров. Венчики диаметром 22–25 см отогнуты наружу почти горизонтально или заметно отогнуты вверх. Форма тулова биконическая. Диаметр в месте его наибольшего расширения 23,5–25 см, толщина стенок более 1 см.

Стенки горловин под небольшим углом отходят вниз (иногда — почти вертикально) и на расстоянии в 4,5–6 см вниз от загиба венчика образуют место наибольшего расширения тулова. Диаметр этой части сосудов колеблется в пределах 18–22 см. Стенки — до 1 см толщины. По фактуре теста котлы (Рис. 1, 5; 2, 1, 2) тождественны составу теста туваков, хотя значительно лучшего прокала. Близкие аналогии приводит Н.А. Кокорина с территории Волжской Булгарии (Кокорина, 2002. С. 270. Рис. 17).

Укажем и на фрагменты трех крупных стенок амфоры и двух ручек, которые по всем признакам (Нарожный, 1998. С. 11) заманчиво соотносить с амфорами типа клейма «SSS» (Волков, 1994. С. 3–8; 2001, С. 135–141; Коваль, 2003. С. 350). Однако, согласно любезной консультации И.В. Волкова, эти фрагменты, скорее всего, относятся к концу раннего средневековья — началу XIII века.

Поблизости от цитадели городища, в 1986–1988 году была собрана небольшая коллекция фрагментов посуды, представленная стенками от красноглиняных (Рис. 3, 1–3, 6) сосудов, а также — от гончарной посуды светло-желтого цвета (Рис. 3, 4, 7). Красноглиняные находки представлены только стенками, изредка декорированы штампом в виде мелких треугольников, образующими «елочный» орнамент (Рис. 3, 1). Сегодня, правда, с территории высокогорной Ингушетии известны и находки инструментария мастера-керамиста, посредством которых мог наноситься подобный орнамент (Нарожный Е., Нарожный В., Чахкиев, 2004. С. 37. Рис. 1, 3).

Другие фрагменты керамики (Рис. 3, 2, 3) декорированы линейным и ломано-волнистым, врезанным орнаментом. Тесто стенок сосудов, публикуемых нами, без фиксируемых примесей, ровного и равномерного прокала; обжиг «звонкий».

Фрагменты сосудов светло-желтого цвета, также полного и равномерного прокала, без заметных примесей в тесте, тонкостенные. В статистическом отношении количество таких находок значительно уступает находкам красноглиняной посуды. Среди них выделяется 8-гранный носик-слив (Рис. 3, 4), аналогии которому есть среди сборов на территории золотоордынского Маджара (фонды Кисловодского краеведческого музея). Еще один фрагмент — от сосуда с носиком-сливом округлой в сечении формы (Рис. 3, 6). А также — нижняя часть сосуда с поддоном (Рис. 3, 7) и венчик миниатюрного керамического изделия (Рис. 3, 5) с почти вертикальной горловиной.

Особо следует указать на находки (подъемный материал) частей от сосудов крупных размеров (Рис. 4, 1–8). Все они были обнаружены в пойме р. Сунжи (близ слабо повышающегося над поймой участка берега реки); находились на удалении почти 2,5 км вниз по течению реки, но, вероятно, связаны с территорией памятника.

Реконструкция сосудов производилась по шаблонам. По ним, восстанавливаемые размеры керамических изделий достигали 50–62 см в высоту. Диаметры венчиков имели размах от 18 до 30 см. Венчики либо почти вертикальные (Рис. 4, 1), либо же отогнутые наружу и

заметно утолщающиеся (Рис. 4, 2–5). Толщина стенок — 0,6–0,8 см. Некоторые из этих сосудов (Рис. 4, 1) имели почти вертикальные стенки; другие (Рис. 4, 3, 6–8), яйцевидное или амфоровидное тулово. Внешняя и внутренняя поверхности красного цвета. В изломе — красно-черно-красного цвета, комковатая фактура неравномерного прокала. Эту группу керамических изделий заманчиво связывать с сосудами-дигирями, обычно использовавшимися (вместе с водоподъемным колесом) на территориях сельскохозяйственных округ многих золотоордынских городов (Пигарев, 1998. С. 192, 193). Дигири рассматриваются как показатель существования чигирной системы орошения, имевшей распространение не только в Средней Азии, но и на территории Золотой Орды (Пигарев, 1998. С. 192, 193), включая и сельскохозяйственные округи золотоордынских городов на Северном Кавказе, например Маджара (Ртвеладзе, 1975. С. 9, 10). В 1945 году следы искусственных ирригационных сооружений были замечены Т.М. Минаевой на нескольких золотоордынских поселениях, открытых ею вблизи от Алхан-Калинского городища на р. Сунже (Минаева, 1958. С. 413–450). В 1986 году на территории этих же поселений нами (Виноградов, Савенко, Нарожный, 1988. С. 114–116) были подняты фрагменты дигирей, аналогичные публикуемых.

Публикуемые фрагменты были обнаружены на значительном удалении от Алхан-Калинского городища. Это, вероятно, может восприниматься как показатель существования здесь искусственно орошаемых сельскохозяйственных участков

Вблизи цитадели Алхан-Калинского городища подняты несколько керамических пряслиц, изготовленных из обломков тонкостенной красноглиняной керамики хорошего обжига (Рис. 2, 3–8) и «звонкого» обжига. Диаметры пряслиц 3–6 см. Часть из них повреждена. Внешняя поверхность некоторых образцов, без декора (Рис. 2, 6–8). Один экземпляр (Рис. 2, 3) выточен из стенки красноглиняного сосуда с частью штампованного «елочного» декора. Другое изделие (Рис. 2, 4) по внешней поверхности дополнительно украшено циркульным орнаментом (тонко врезанная окружность с «точкой» в центре).

Последняя из публикуемых находок (Рис. 2, 5) — из стенки «трапезундской» амфоры¹. Цвет черепка коричнево-черно-коричневый, т.е. с темной прослойкой в центре излома. Согласно любезной консультации И.В. Волкова, он склонен подобные керамические изделия из амфорного теста «трапезундской» группы с подобной технологической особенностью относить к XIV веку.

Обломки каменных сосудов

Представлены 6-ю мелкими и невыразительными фрагментами. Один из них — с отбитой ручкой, располагавшейся горизонтально. Аналогии, также во фрагментах, есть среди сборов на золотоордынских бытовых памятниках, расположенных близ Алхан-Калинского городища на Самашкинском и Закан-Юртовском поселениях на р. Сунже. Точно такие же фрагменты происходят со Старогладовского поселения эпохи Золотой Орды на Тереке (все аналогии — неопубликованы). Отмечены они и на территории Кавминвод (Нарожный, 1992. Рис. 1), на Маджарах (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 190–182). Известны фрагменты каменных сосудов и на центрально-волжских (столечных) памятниках Золотой Орды (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. Рис. 30, 8). Выточенные из камня, подобные сосуды расцениваются как привозные из Средней Азии.

Все 6 фрагментов от каменных сосудов (котлов) были подняты в различных местах Алхан-Калинского городища и в разные годы, но за пределами его внешнего рва.

Изделия из кости и рога

Все находки представлены единичными экземплярами — это набивная ручка от ножа из спиленного рога дикого животного (Рис. 5, 9). Подобные ручки хорошо известны по раскопкам Келийского могильника XIII–XIV вв. в горной Ингушетии. На Келийском и Шуанс-

ком могильниках были встречены и набивные ручки из рога, декорированные врезанными линиями, образующими сетку. Они аналогичны второй ручке (Рис. 5, 7), случайно поднятой на Алхан-Калинском городище.

В материалах золотоордынского времени находят точные аналогии и две накладные пластины на рукоять ножа с Алхан-Калинского городища (Рис. 5, 5–7), декорированные по внешней поверхности мелко врезанным сетчатым орнаментом.

Два фрагмента концевой накладки из рога на лук с Алхан-Калинского городища (Рис. 5, 1, 2) тождественны аналогичным предметам из позднекочевнических захоронений: погребение 2 кургана 1 группы 2 Калиновского могильника в Чечне (раскопки Б.М. Хашегульгова; материалы не опубликованы). Есть они и в погребениях на Ставрополье (курган 1, погребение 3 Новоселицкого курганного могильника) (Коренько, Атавин, 1986. С. 98. Рис. 2, 11). Близкие аналогии встречены и в захоронениях поздних кочевников на Кубани — погребение в кургане у хут. Пролетарского (Тимашевский район Краснодарского края) (Зеленский, 1997. С. 90. Рис. 2, 3, 4) и в захоронении 1 кургана 1 могильника «Кривуша-84» (Тихорецкий район Краснодарского края) (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 208. Рис. 9, 8). В.А. Коренько и А.Г. Атавин, рассматривая известные им параллели таковым предметам, полагали, что в хронологическом отношении накладки могут быть датированы в пределах «домонгольской» поры (Коренько, Атавин, 1986. С. 100). Между тем, точно такая же накладка, была поднята на территории Самашкинского поселения XIII–XIV веков (Нарожный, 2005. Рис. 45, 15), расположенного на небольшом удалении от Алхан-Калинского городища. Самашкинская накладка позволяет костяную накладку с Алхан-Калы, а также из упоминавшихся выше позднекочевнических захоронений относить к золотоордынской эпохе.

Другие предметы из рога (Рис. 5, 3, 10) с оборотных сторон имеют врезанные насечки, возможно, являлись частями срединных накладок на лук. Они также хорошо знакомы по раскопкам уже упоминавшегося Келийского могильника в Ингушетии, где были встречены на остатках деревянных луков.

¹ Хотя сегодня точка зрения о собственно «трапезундском» происхождении подобных амфор разделяется далеко не всеми (Сазанов, 2000. С. 305; Волков, 2001. С. 202–215; Коваль, 2003. С. 340–352; Чхаидзе, 2004. С. 25, 56; Сазанов, 2005, С. 197).

Еще два фрагмента из кости можно рассматривать как колчанную петлю (Рис. 5, 4), находящую многочисленные аналогии золотоордынского времени на евразийском пространстве (Малиновская, 1974. С. 153. Табл. VII, з). Вторая пластинка (Рис. 5, 8) является накладкой на колчан.

Костяная муфточка (Рис. 5, 11) неясного функционального назначения. Орнаментированные костяные пуговицы (Рис. 5, 13, 14) имеют параллели в позднекочевнических захоронениях Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966. С. 70, 71). Обычно их датируют широким временным диапазоном (XII–XIV вв.) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 70, 71; Коренько, Атавин, 1986. С. 100). На Северном Кавказе таковые предметы встречаются как в захоронениях поздних кочевников (Коренько, Атавин, 1986. С. 98. Рис. 2, 4, 5), так и в погребальных комплексах горной зоны золотоордынского времени (Нарожный, 2005. Рис. 37), датированных монетами XIII–XIV вв. (Виноградов, Нарожный, 1988. С. 44–46).

Особый интерес вызывает находка костяного «свистунка» (Рис. 5, 12), имевшего 4 сквозных отверстия в нижней части корпуса. На Северном Кавказе такие находки известны в позднекочевническом захоронении № 3 кургана 1 у с. Новоселицкое на Ставрополье (Коренько, Атавин, 1986. С. 98. Рис. 2, 9) и в одном из Белореченских курганов на Кубани (Левашева, 1956. С. 178), ныне датируемых временем не ранее XV в. (Виноградов, Нарожный, Нарожная, 2001. С. 126–129). Распространение подобных «свистунков», крепившихся к наконечникам стрел, на территории Восточной Европы обычно связывают с привнесениями Чингисидов второй половины XIII века. Хотя у самих «монголов» подобные дополнения к стрелам оцениваются как киданьские заимствования (Худяков, 1991. С. 125).

Металлические предметы

Среди изделий из металла, поднятых на территории памятника, упоминается и русский энколпион, случайно найденный местными жителями (Виноградов, 1970. С. 68–90; 1981. С. 34, 35), впоследствии ими же и утерянный; судить о нем не приходится.

Иные предметы — разной степени сохранности. Среди них — находки трех железных черешковых наконечников стрел (Рис. 6, 1–3). Судя по хронологии северокавказских находок наконечников стрел (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983. С. 61. Рис. 9. С. 62. Рис. 10), два из трех (Рис. 6, 1, 2) образцов могут быть отнесены к XIII–XIV вв. Третий экземпляр (Рис. 6, 3) фрагментирован.

Железные пряжки (Рис. 6, 6, 7) и распределители от конской узды (Рис. 6, 8, 9) находят аналогии в материалах XIII–XIV века Келийского могильника в горной Ингушетии.

Фрагменты железных ножей (Рис. 6, 4, 5) имеют параллели среди погребального инвентаря позднекочевнических захоронений золотоордынского времени. Фрагмент лезвия ножа-пилы (Рис. 6, 11) имеет аналогии среди раскопчного материала золотоордынского времени в горной Ингушетии (Нарожный, Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1990).

Фрагмент удила (Рис. 6, 10), возможно, также золотоордынского времени. Интерес представляет часть П-образно согнутой железной пластинки с подпрямоугольно оформленными вырезами в месте ее сгиба. По внешней поверхности она декорирована вдавленными параллельными линиями (Рис. 6, 12). Находку заманчиво отождествлять с деталью — окантовкой нижнего края шлема, крепившуюся к нижней части корпуса боевого наголовья и предназначавшуюся для крепления бармицы. Точно такая же деталь, к примеру, известна на шлеме золотоордынской поры из кочевнического погребения (Чахкиев, 1983. Рис. 6, 1) воина-монгола (Нарожный, 1998. С. 10; Нарожный, в печати) из-под с. Новотерское в Чечне (Чахкиев, 1983. Рис. 6, 1).

Монетные находки

К настоящему времени на территории Алхан-Калинского городища известны две монеты. Первая — случайно поднятая Д.Ю. Чахкиевым в 1981 году медная монета — джучидский пул с плохо читаемой легендой (Виноградов, 1981. С. 35; 1982. С. 62). Однако на одной из сторон монеты хорошо просматривается надчеканка в виде: «» (Нарожный, 1998а. С. 324. Прил. 6, 1а). Любопытно, что монеты с точно такими же надчеканками

встречаются на территории золотоордынского города Маджара (Ртвеладзе, 1975. С. 14). Э.В. Ртвеладзе, специально изучавший подобные образцы монетных надчеканок, склонялся к выводу о том, что на территории города Маджара они «находились в обращении с 1361 по 1365 годы». А сами монеты, надчеканенные таким образом, «по-видимому, выпускались кем-то из представителей местной феодальной знати, захватившей власть в городе, т.к. в других золотоордынских городах такие монеты не встречаются» (Ртвеладзе, 1975. С. 14). Заманчиво и эту монету с территории Алхан-Калы связывать с указанной нумизматической серией с Маджарского городища.

Вторая монета — серебряный дирхем был обнаружен в 1987 году в позднекочевническом захоронении, доисследованном Д.Ю. Чахкиевым на территории городища (его описание приводится ниже). Монетная находка была определена Г.А. Федоровым-Давыдовым как серебряный дирхем хана «Токты, год — ? Город — ?» Однако, как подчеркивал Г.А. Федоров-Давыдов, по монетному типу она «может быть отнесена к концу XIII века» (Рис. 7, 20). Вместе с тем обратим внимание и на то, что монета имела два сквозных, пробитых отверстия для ее привешивания, отчего один край монетного диска был сильно стерт. Допустимо предполагать, что монета использовалась (до помещения ее в захоронение) как украшение или оберег. По этой причине дату захоронения следует определять (с поправкой на возможное использование монеты как украшения) ко времени не ранее середины XIV века.

Погребальные комплексы

С округой городища пока связаны два позднекочевнических погребальных комплекса золотоордынской эпохи.

Первое впускное погребение было открыто еще в послевоенное время А.П. Кругловым в одном из курганов, находившихся в непосредственной близости от городища. Сведения о нем в архивных материалах обнаружены Х.М. Мамаевым (Мамаев, 1980. С. 70–72). Согласно им, погребение находилось в простой грунтовой яме, скелет был уложен вытянуто

на спине, головой на запад. Х.М. Мамаев относит это захоронение к XIII веку или ко времени, «не ранее второй половины XIII века» (Мамаев, 1980. С. 71, 72).

Второй погребальный комплекс (Рис. 7, 1) был открыт случайно местными жителями и доисследован Д.Ю. Чахкиевым, любезно предоставившим нам этот материал для публикации.

Захоронение находилось почти напротив цитадели, в обрыве участка городища, нависавшего над р. Сунжей. Частично разрушено. Погребальная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами (1,25 × 0,7 м). Глубина ямы — 0,32 м. Вдоль южной, длинной стенки сохранилась часть уступа на 0,2 м возвышающегося над дном погребальной ямы. Сохранившаяся ширина уступа — до 0,2 м. Посредине ямы располагался скелет взрослого мужчины (Рис. 7, 1), сохранившийся не полностью. Череп располагался лицевой частью вверх. Кости грудной клетки и позвоночный столб — *in situ*. Отсутствует плечевая кость левой руки и бедренная кость левой ноги. Скелет уложен вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука согнута в локтевом суставе, кистью на левом крыле таза. Левая рука вытянута вдоль туловища. Нижние конечности протянуты.

Сопутствующий инвентарь представлен железной саблей (Рис. 7, 1, 3) от левого плеча вниз с северной стороны скелета. Реконструируемая длина сабли — около 84 см (Рис. 8, 1). Рукоять черешковая, уплощена, фрагментирована. Ее длина — 7,8 см. Сверху на не сохранившуюся рукоять насаживалась обойма овальной формы, крепившаяся с рукоятью посредством длинного стержня, проходившего через обойму, и черен рукояти. Сбоку к обойме крепилось небольшое подвижное колечко (Рис. 8, 2).

Севернее средней части сабли, между ней и стенкой ямы располагались колчанный крюк и 9 железных черешковых наконечников стрел (Рис. 7, 4), находившиеся компактной массой в два ряда. Вероятно, располагались в несохранившемся колчане. Колчанный крюк (Рис. 8, 1) с двумя подвижными колечками в верхней части оригинальной формы.

Наконечники стрел разнотипные. Плоские наконечники имеют подромбовидную форму.

Один экземпляр (Рис. 8, 4) с вогнутыми нижними гранями; второй (Рис. 8, 5) — со следами ремонта: плоская часть стрелы с двух сторон приварена или прокована к стержню с двух сторон. Еще четыре наконечника стрелы (Рис. 8, 6–8, 10) с удлинёнными верхними и укороченными нижними гранями. Последний, плоский наконечник (Рис. 8, 12) фрагментирован. Другие два экземпляра (Рис. 8, 9, 11) с узким и гранёным (ромбовидным в сечении) пером. Все наконечники стрел имеют многочисленные аналогии в материалах золотоордынской поры (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983. С. 61. Рис. 9, 10).

К северу от черепа (Рис. 7, 1, 11) находилась серебряная монета хана Токты, уже описывавшаяся в предыдущих разделах работы.

К северу от позвоночного столба, там, где он соединяется с тазовыми костями, обнаружена железная накладка и миниатюрная железная ложечка с подвижным кольцом для привешивания (Рис. 7, 1, 12, 15, 17).

Остальные находки прослежены на уступе: в южной части находилась горловина от сосуда серого цвета (Рис. 7, 1, 5, 19) сарматской эпохи (из засыпки могилы культурным слоем городища — ?). Восточнее него (Рис. 7, 1, 6, 7) — бронзовая серьга в виде знака вопроса с синей, многогранной бусиной на конце (Рис. 7, 13) и бусина конической формы (Рис. 7, 1, 7, 14). Бусина из золотоордынского кашина розоватого оттенка, сверху покрыта четырьмя вертикальными бороздками и глухой поливой серо-синего цвета (Рис. 7, 14).

Ближе к восточной оконечности уступа могилы находились: костяная муфта (Рис. 7, 1, 8, 16), астрагал (альчик) ягненка (Рис. 7, 1, 9, 18) и несколько железных креплений от узды (Рис. 7, 1, 10; 8, 13–15). Учитывая монетную находку из этого захоронения погребение можно рассматривать как позднекочевническое, конца середины XIV в. Этнокультурная принадлежность трудноопределима.

Подводя некоторые итоги, мы склонны оценивать имеющийся в нашем распоряжении археологический материал как достаточно выразительный. Несмотря на то, что подавляющая его часть — это разновременные сборы, он все-таки дает определенные основания для некоторых предположений.

Учитывая все материалы, можно предположить, что после драматических событий 1238–1239 года жизнь на Алхан-Калинском городище полностью прекратилась. Вероятно, что городище постигла та же участь, как и другие административно-политические и крупные городские центры Восточной Европы, оказавших Чингисидам длительное и жестокое сопротивление. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что Чингисиды на подобных объектах (после их захватов) полностью или частично уничтожили фортификационные сооружения и переместили оставшихся жителей (Федоров-Давыдов, 1981. С. 229–236). Возможно, что значительная часть населения Алхан-Калы и его ближайшей округи также была перемещена на некоторое удаление от руин городища, где вскоре и возникли соседние с Алхан-Калой, Закан-Юртовские и Самашкинские поселения эпохи Золотой Орды открытого типа (Нарожный, 1991. С. 11–13). Однако какая-то часть населения либо продолжала оставаться на памятнике, либо же со временем вернулась на городище. Но это вряд ли дает возможность солидаризироваться с точкой зрения Э.Д. Зиливинской, предположившей о том, что «на Кавказе в XIII–XIV вв. существовали два типа городов. Одни из них (Верхний и Нижний Джулаты) продолжали существовать на местах поселений более раннего времени, во многом сохраняя свою структуру (цитадель, укрепления, торгово-ремесленная часть и открытые селища). Другие (Маджары), как и все степные города Золотой Орды, были построены на новом, “пустом” месте, не имея укреплений...» (Зиливинская, 2003. С. 61).

Если придерживаться этого наблюдения, то, помимо Верхнего и Нижнего Джулатов, в один ряд с ними следовало бы ставить несколько городищ и поселений Терско-Сулакского междуречья в Дагестане (Гамзатов, 1982. С. 221, 222), а также и Алхан-Калинское городище. Однако у нас нет никаких оснований для подобного утверждений. Не исключая возможности постепенного возвращения прежних обитателей таких, «старых» городских центров региона на прежние места, пока нет возможности для определения отрезка времени, на протяжении которого такие процессы могли осуществиться реально. Исключение,

пожалуй, составляет анализ специфики реконструкции фортификационных сооружений, археологически засвидетельствованный лишь на Нижнем Джулате: новый вал со стенами там был восстановлен и отстроен только к середине — второй половине XIV века (Мамаев, Нарожный, 1990. С. 9–11; Нарожный, 2004. С. 336–338). Что же касается Алхан-Калинского городища, то здесь следов восстановления фортификационных сооружений пока не отмечалось. Более того, здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что на прилегающей к цитадели площади городища в конце XIII — первой четверти XIV века устраиваются захоронения, что, вероятно, указывает на время окончательного затухания и без того слабо ощущающейся жизни. Основная масса публикуемых ныне материалов происходит все-таки не с территории городища, а с участков, находящихся за пределами внешнего рва и вала. К тому же, значительная часть его материалов имеет «кочевнический»

облик. С теми же кочевниками, наверняка использовавшими территорию городища лишь как место временных зимников, можно связывать и иную гончарную посуду, использовавшуюся в повседневном обиходе. находка на Алхан-Кале медной монеты с надчеканкой по типу маджарских (1364–1365 гг. по Э.В. Ртвеладзе), наверное, может указывать и на время нового оживления здесь жизни вплоть до тимуровских погромов 1395 г. А связано это было, скорее, с контекстом истории распространения в Золотой Орде (включая и Северный Кавказ) мелких и локальных владельческих образований, сложившихся в период «Великой замятни».

Однако стимулом к развитию наших предположений могут стать лишь новые археологические материалы и исследования Алхан-Калинского городища. Но, когда это произойдет в рамках современных политических реалий на Северном Кавказе, предположить достаточно сложно.

ЛИТЕРАТУРА

Блохин В.Г., Дьяченко В.Н., Скрипкин А.С., 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3.

Вагапов Я.С., 1984. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Маас и Дедаков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный.

Виноградов В.Б., 1970. Через хребты веков. Грозный.

Виноградов В.Б., 1981. Историко-культурное толкование Алхан-Калинского городища // Археология и краеведение — вузу и школе. Тез. докл. Грозный.

Виноградов В.Б., 1982. Судьбы древних монет (Опыт лирической нумизматики). Грозный.

Виноградов В.Б., 2003. Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса (актуальный конспект) // МИАК. Вып. 2.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных). Тез. конф. Тбилиси.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // МИАК. Вып. 1.

Виноградов В.Б., Савенко С.Н., Нарожный Е.И., 1988. Работы Чечено-Ингушского университета // АО–1986 года.

Волков И.В., 1992. Керамика Азака XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.

Волков И.В., 1994. Импорт из Святой Земли? (Амфоры группы клейма SSS в Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов-на-Дону.

Волков И.В., 2001. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорноморі. Київ.

Волков И.В., 2001а. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорноморі. Київ.

Гамзатов Г.Г., 1982. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // СА. № 3.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.

Зеленский Ю.В., 1997. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 3.

Зиливинская Э.Д., 2003. Археологические исследования памятников Золотой Орды на Северном Кавказе // РА. № 2.

Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII века) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.

Кодзоев Н.Д., 2001. Магас. Магас.

Коренько В.А., Атавин А.Г., 1986. Позднекочевнические погребения в курганах у сел. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА. Вып. 183.

Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV века. Казань.

Кузнецов В.А., 1971. Алания в X–XIII в. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А., 1986. Нижне-Архызское городище X–XII вв. — раннефеодальный город Алании // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XIII вв. Ставрополь.

Кузнецов В.А., 2003. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ.

Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. XXIII). М.

Малиновская Н.А., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.

Мамаев Х.М., 1979. О городе Дедакове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Мамаев Х.М., 1980. Поздние кочевники в бассейне среднего течения р. Терек // X «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.

Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., 1990. Из истории русско-северокавказских военных контактов XIII–XIV вв. // Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Тез. докл. Грозный.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный.

Марковин В.И., Ошаев Х.Д., 1978. О местонахождении яского города Дедакова // СА. № 1.

Минаева Т.М., 1958. Археологические разведки в долине р. Сунжа // Сборник научных трудов историко-филологического факультета. Вып. 13. Ставрополь.

Нарожный Е.И., 1991. К изучению бытовых памятников среднего течения р. Сунжа // Тез. докл. 3-й Зональной Северокавказской Олимпиады по археологии и краеведению. Грозный.

Нарожный Е.И., 1992. А.П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.

Нарожный Е.И., 1998. Восточные и Западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж.

Нарожный Е.И., 2004. Новые работы по археологии и истории Золотой Орды // МИАСК. Вып. 3.

Нарожный Е.И., 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир.

Нарожный Е.И., в печати. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа.

Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1990. Келийские полуподземные склепы // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю., 2004. О находках инструмен-

тария керамистов из горной Ингушетии (XIII–XIV вв.) // Одиннадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Краткое содержание докладов. Армавир.

Петренко В.А., 1980. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.

Пигарев Е.М., 1998. Дигири из фондов Астраханского музея-заповедника // ДВДС. Вып. 6.

Ртвеладзе Э.В., 1975. Из истории городской культуры Северного Кавказа и ее связей со Средней Азией в XIII–XIV вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.

Сазанов А.В., 2000. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб.

Сазанов А.В., 2005. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в средние века. Вып. VI. СПб.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Худяков Ю.С., 1991. Вооружение Центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Чахкиев Д.Ю., 1983. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.

Чхаидзе В.Н., 2004. Изображение амфоркорчаг на одной миниатюре Радзивилловской летописи // КСИА. Вып. 217.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Нарожный Е.И., 1998а. Восточные и Западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притере-

чья (Археолого-историческое исследование). Дис. ...канд. ист. наук. Армавир // Архив ЦАИ АГПУ.

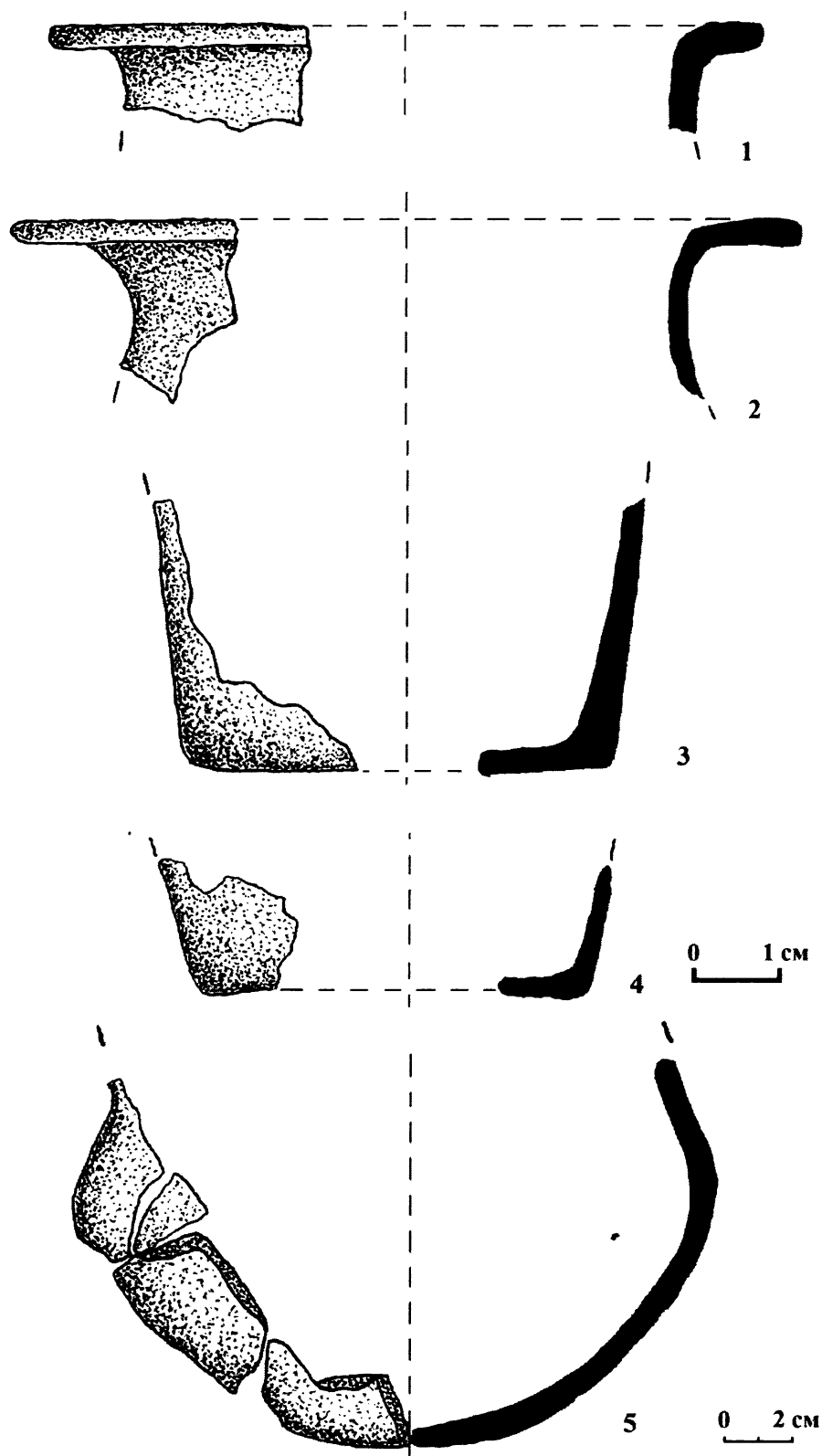

Рис. 1. Фрагменты керамики с Алхан-Калинского городища

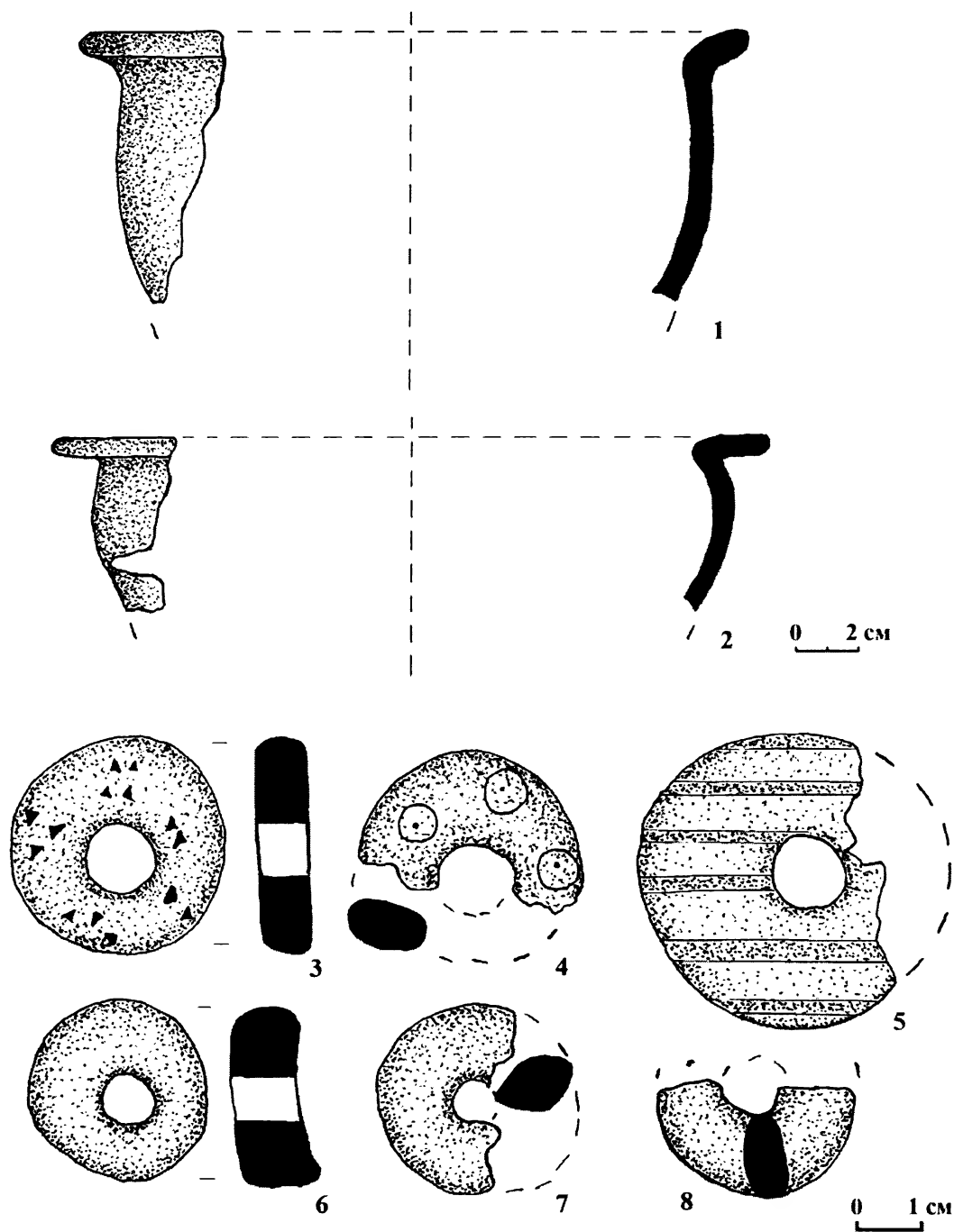

Рис. 2. Фрагменты керамики с Алхан-Калинского городища

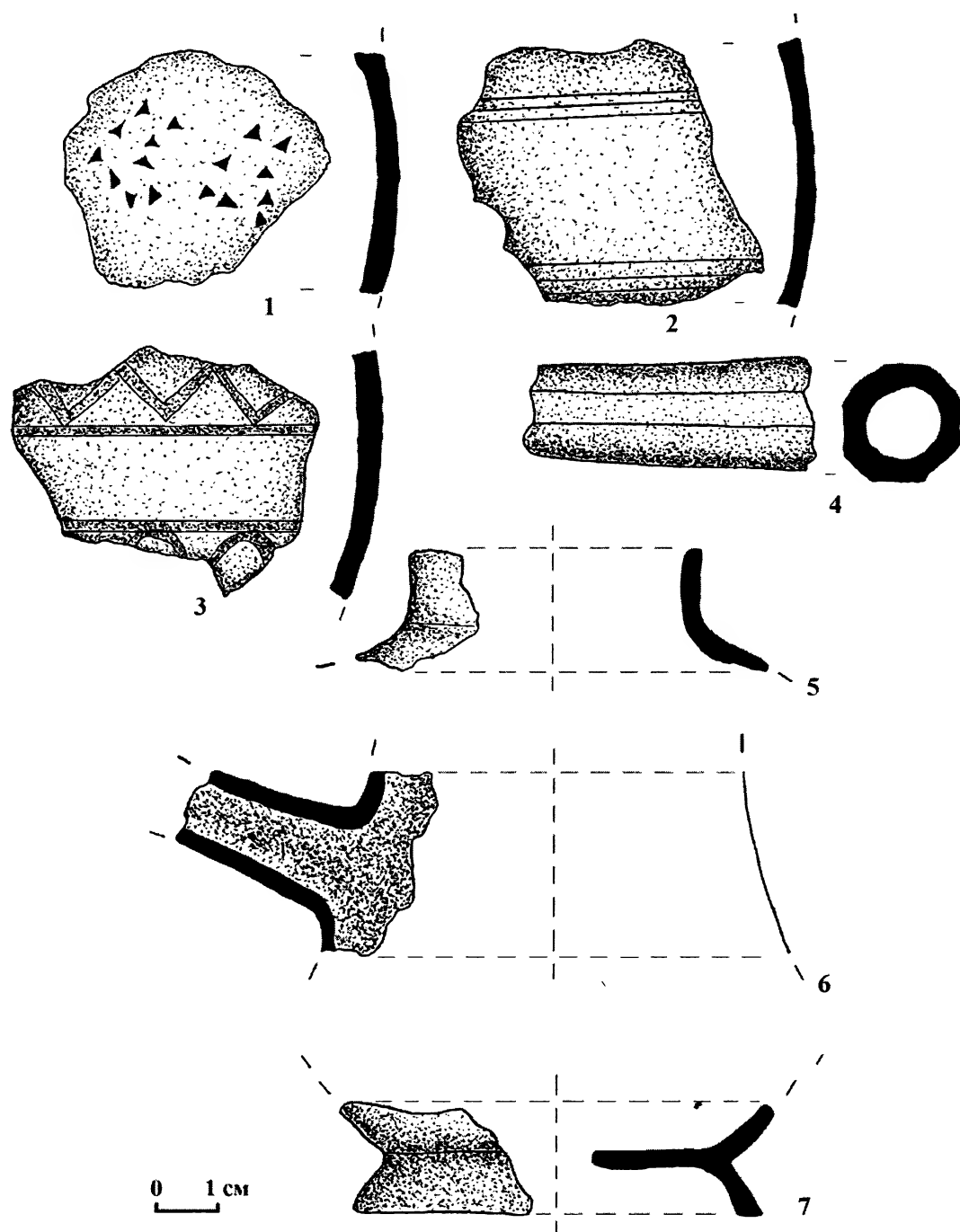

Рис. 3. Фрагменты керамики с Алхан-Калинского городища

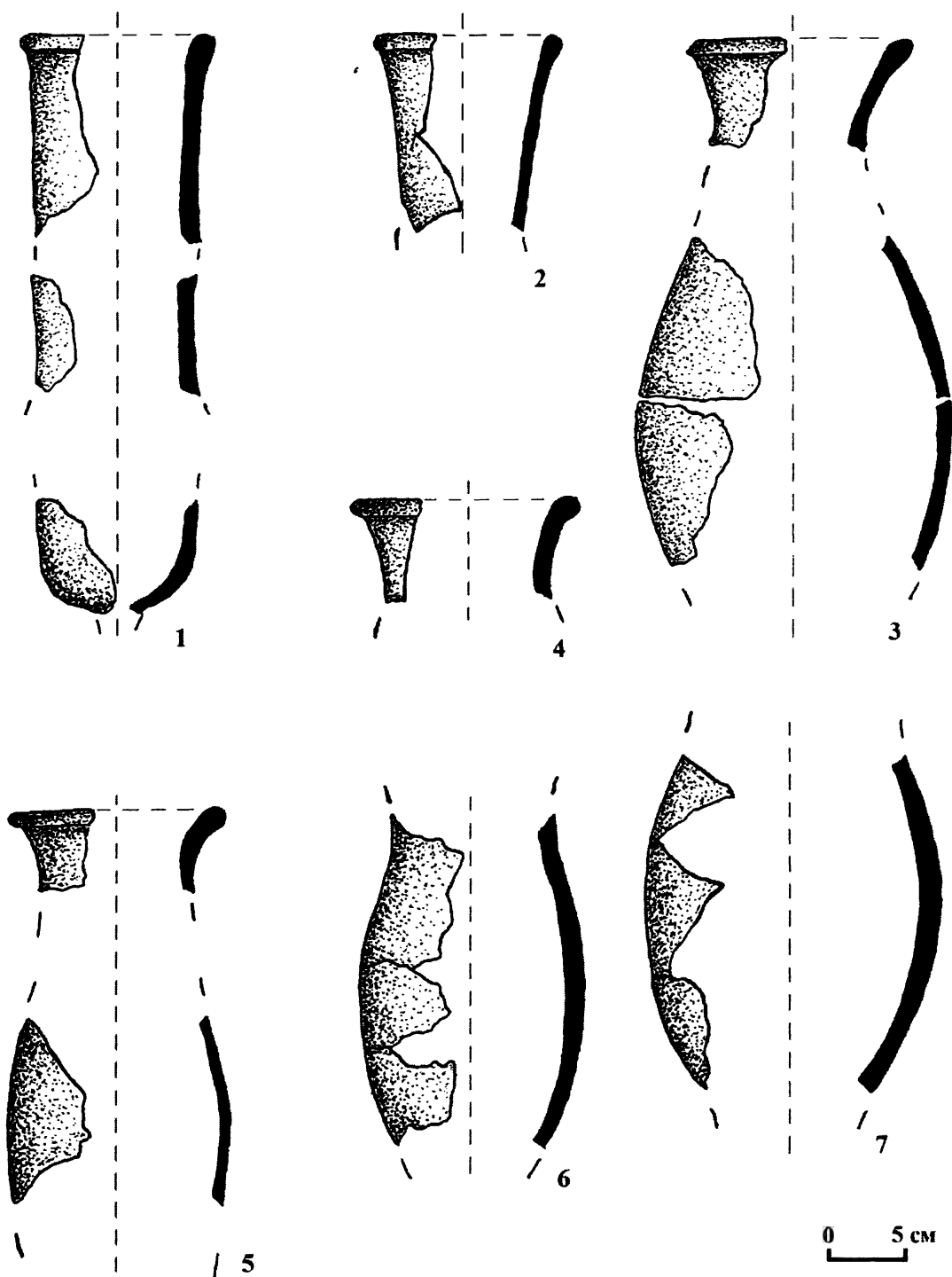

Рис. 4. Фрагменты дигирей

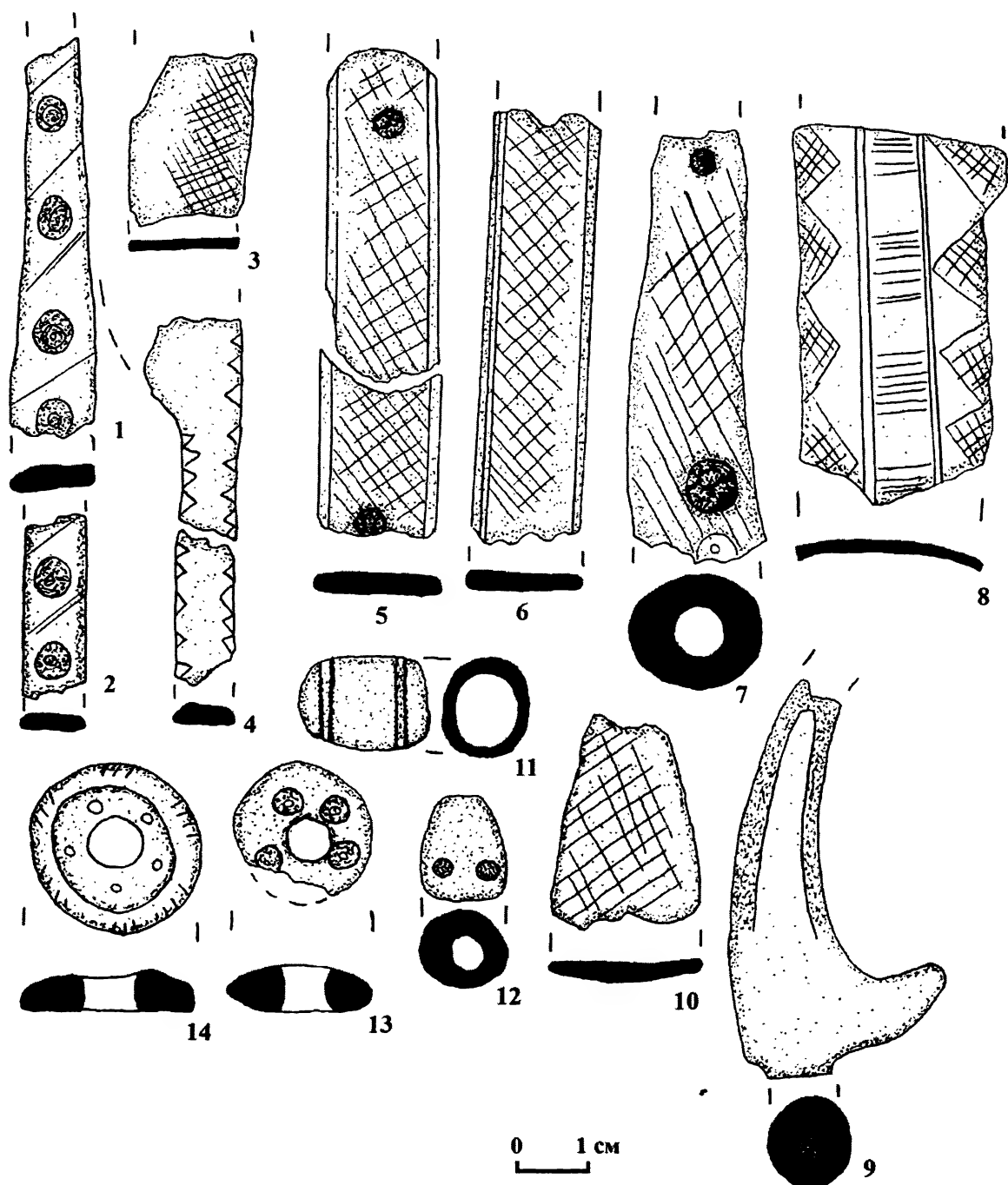

Рис. 5. Изделия из кости и рога

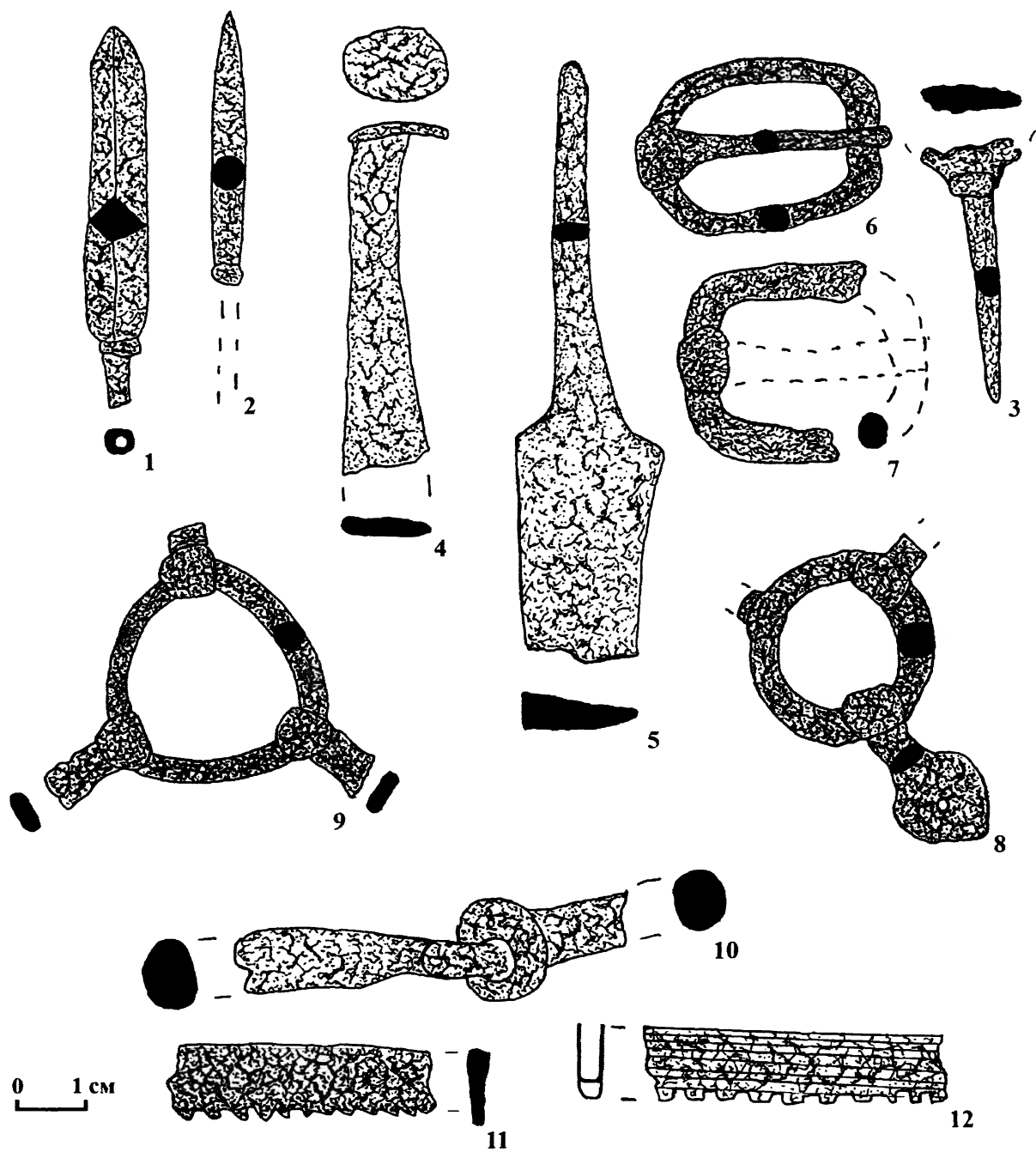

Рис. 6. Железные пряжки

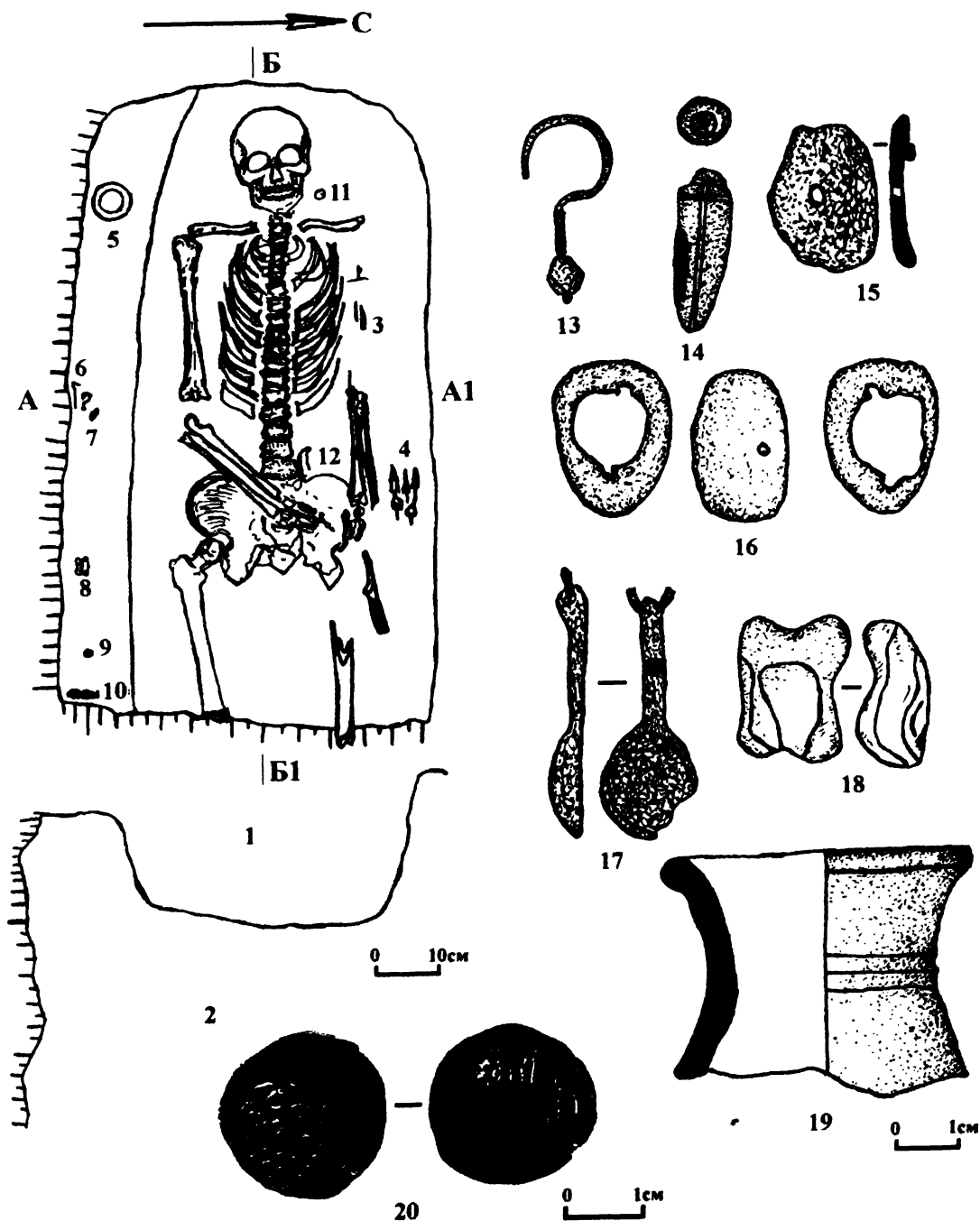

Рис. 7. Погребение близ цитадели: 1, 2 — план погребения и его разрез; 3–20 — погребальный инвентарь. 13 — бронза; 14 — кашин; 16, 18 — кость; 19 — глина; 15, 17 — железо; 20 — серебро

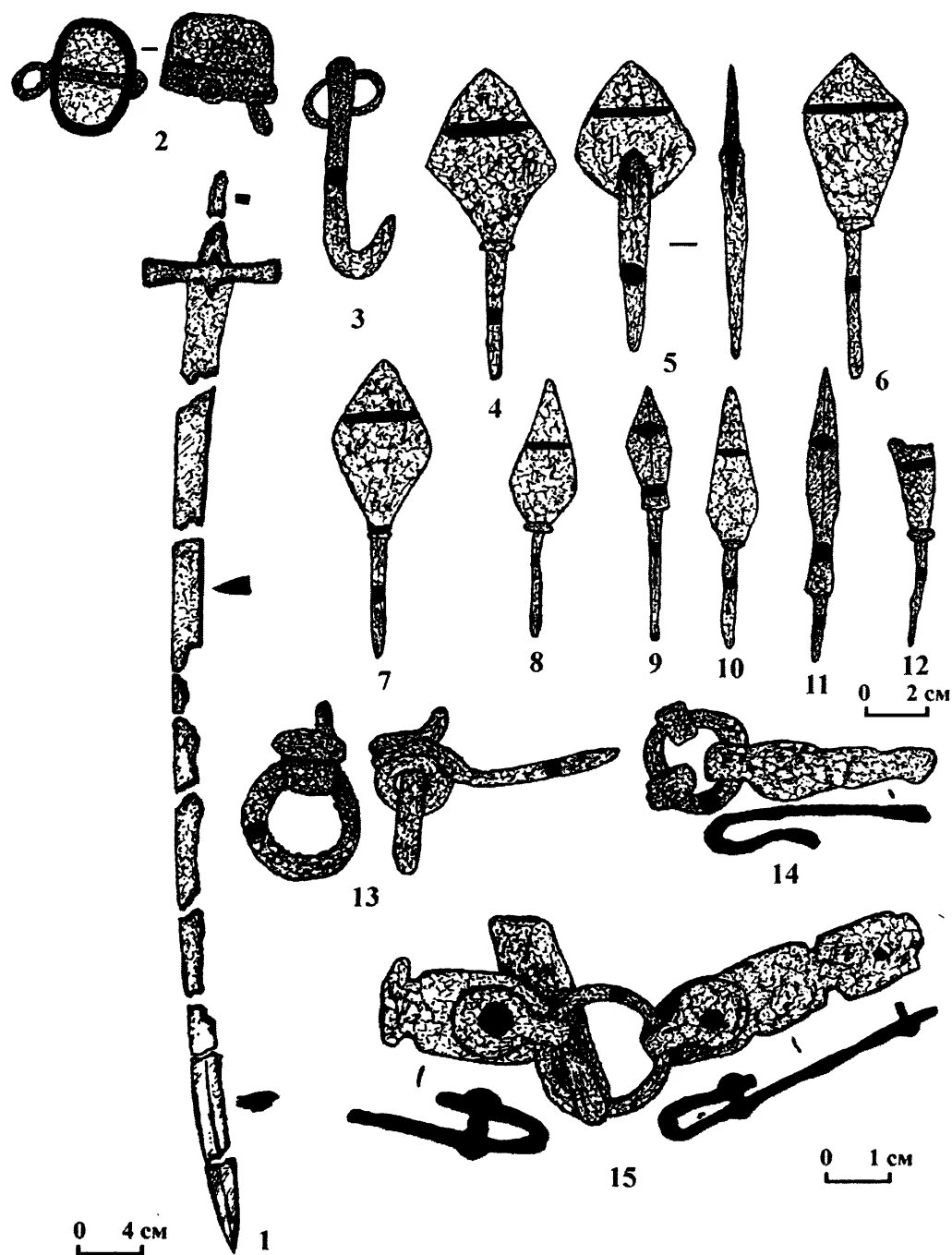

Рис. 8. Инвентарь погребения: 1–15 — железо

С.И. Милованов
(ЛГНОО «Археолог», Липецк; ИА РАН, Москва),
А.Н. Бессуднов
(ЛГПУ, Липецк),
Д.А. Ачкасов
(краевед, с. Липовка)

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА ДРЕВНЕРУССКОМ СЕЛИЩЕ У С. НЕВЕЖЕ-КОЛОДЕЗНОЕ ЗАДОНСКОГО РАЙОНА ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Поселение Невеже-Колодезное 1 находится в 0,2 км севернее одноименного села, в 0,72 км юго-восточнее церкви с. Липовка, в непосредственной близости от устья правого берега ручья Чичора. Памятник занимает пологую спускающуюся к ручью первую надпойменную террасу правого берега р. Дон, высота которой над уровнем поймы Дона составляет 6–12 м (Рис. 1). Поселение вытянуто вдоль берега р. Чичора на 320 м, ширина жилой застройки, судя по топографии и распространению подъемного материала, составляла примерно 50 м. Основная площадь его дневной поверхности в настоящее время задернована, а юго-восточная часть разрушается несанкционированным карьером.

Впервые памятник был обнаружен в 1999 году экспедицией Елецкого государственного педагогического института (ныне Елецкого государственного университета) под руководством Н.А. Тропина. Автором работ он был локализован на стрелке террасы и занимал площадь 50 × 50 м. В том же году в северной части поселения производились небольшие по объему охранные раскопки площадью 20 м² (Тропин, 2000а. С. 4–8). В результате полевых изысканий были обнаружены материалы срубной культуры эпохи бронзы, предметы материальной культуры и развал домницы древнерусского времени. Н.А. Тропиным поселение было интерпрети-

ровано как производственный поселок конца XII — первой половины XIII в. (Тропин, 2004. С. 77, 78).

В 2005 г. на факт разрушения постройки несанкционированным карьером в южной части поселения указал краевед г. Ельца Д.А. Ачкасов. Разведочный отряд экспедиции Липецкого государственного педагогического университета под руководством Г.Л. Земцова¹ уточнил границы памятника, а также произвел раскопки оставшейся части постройки на площади примерно 6 м².

Мощность культурного слоя на данном участке памятника составляла 0,22–0,24 м. Под дерном залегал слой темно-серого гумуса мощностью до 0,18 м, под ним находилась тонкая предматериковая прослойка светло-серого гумусированного суглинка (0,05–0,04 м). Материк представлял собой глину желтого цвета. В культурном слое, слабо насыщенном находками, обнаружены предметы древнерусского времени. Керамический материал и представлен четырьмя фрагментами венчиков, 11 неорнаментированными стенками от сосудов, изготовленных на гончарном круге, а также одним фрагментом сопла. К индивидуальным находкам, выполненным из железа,

¹ Авторы выражают благодарность Г.Л. Земцову за предоставленную возможность публикации материалов.

относится лезвие ножа клиновидного сечения длиной 7,8 см, соотношение ширины клинка и его толщины превышает 3 : 1, что характерно для ножей XII–XV вв. (Колчин, 1959. С. 48–51), и полукруглый в сечении крючок длиной 5,8 см (Рис. 5, 13, 14).

В раскопе зафиксирована подпольная яма от наземной постройки, частично разрушенная карьером (Рис. 2). Котлован постройки прямоугольной формы с закругленными углами ориентирован по линии юго-запад — северо-восток. Ширина подпольной ямы по верху составляла 1,6 м, сохранившаяся длина — 2 м, а по низу, из-за пологости стенок, размеры ее уменьшаются и составляют 1,5 × 1,7 м. Ее глубина в материке — 0,10–0,17 м. В центре постройки находилась еще одна воронкообразная в разрезе яма. Она округлая в плане и имела размеры 0,7–0,75 м. (Рис. 2). Вдоль пологого края её были выложены более двух десятков камней с наиболее частыми размерами 0,04 × 0,05 × 0,07 и 0,07 × 0,1 × 0,15 м. Глубина ямы от уровня пола 0,21 м. На ее юго-западной стенке выявлена выступающая на 0,1 м от нее ступенька, и на такую же высоту приподнятая над полом.

Заполнение постройки состояло из черного гумуса (0,14–0,2 м), подстилаемого снизу темно-серым гумусированным суглинком (0,03–0,18 м). Оба выделяемых слоя содержали включения обожженной глины, золы и древесного угля, с явным преобладанием их концентрации в первом. Около северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы прослойки золы диаметром 0,12 и 0,2 м и мощностью 0,1 м. У восточного угла постройки выявлена прослойка древесного угля с включениями обожженной глины размерами в плане 0,15–0,25 м и толщиной 0,07 м.

Близ северо-западной стенки котлована расчищена столбовая яма диаметром 0,1 м и глубиной 0,03 м. В разрушенной юго-западной части постройки на глубине 0,3 м от уровня дна котлована выявлена овальная яма размерами 0,54 × 0,4 м и глубиной 0,2 м.

При разборке культурного слоя, и в особенности в заполнении постройки, выявлена достаточно богатая коллекция археологического материала. Самой массовой категорией находок, происходящей из заполнения котлована и культурного слоя, является древнерус-

ская гончарная керамика. Она представлена фрагментами венчиков, стенок и днищ от 64 сосудов. Цвет обжига посуды различный: черный, серый, коричневый, реже — красный. В качестве примесей в тесте преобладает мелкий песок.

Типологически сосуды можно разделить по особенностям оформления венчиков. Их анализ дается в соответствии с классификацией, разработанной для нашей территории Н.А. Тропиным (Тропин, 2000б). Исследователем выделяется семь групп, и, кроме того, внутри первых трех дополнительно выделяются варианты, соответствующие степени отклонения шейки сосуда от вертикальной оси. **Вариант «А»** — отклонение составляет более 45°, **«Б»** — до 45°, **«В»** — шейка сосудов строго вертикальна.

Группа 1. Сосуды с простым оформлением венчика, край которого несколько отогнут, закруглен или приострен (Рис. 3, 1–9, 14–19). Таких венчиков обнаружено 38, что составляет 59,38% от общего количества сосудов. Кроме этого, внутри данной группы выделяются варианты: **«А»** — 1 сосуд (1,6%), **«Б»** — 34 (53,04%) и **«В»** — 3 (4,64%).

Группа 2. Сосуды, имеющие по краю венчика желобок под крышку. К данной группе относится один венчик варианта **«Б»** (Рис. 3, 26).

Группа 3. Сосуды, край венчика которых загнут внутрь (Рис. 3, 10–13, 20–24). На данном памятнике их обнаружено 19 (29,68%), в том числе варианта **«А»** — 4, **«Б»** — 14 (21,84%) и **«В»** — 1.

Группа 4. У сосудов этой группы край венчика отогнут наружу, образуя своего рода козырек (Рис. 3, 25). Таких сосудов найдено 4.

По одному фрагменту из выявленной керамической коллекции отнесено к группам 5 и 7 (Рис. 4, 6). Венчик сосуда 5-й группы отогнут наружу, край его в верхней части приострен и вытянут, а у 7-й — край венчика оформлен в виде округлого в сечении валика (Рис. 3, 28). Сосудов, относящихся к 6 группе, в раскопе обнаружено не было.

Из соотношения различных типов венчиков видно, что преобладающими вариантами являются 1Б — 53,04%, 3Б — 21,84%, и 4 группа — 6,24%. Аналогичное соотношение наблюдается в керамических комплексах селищ Яблоново (1Б — 24,2%, 3Б — 15%,

4 группа — 18,9%) и Полозово (1Б — 25,4%, 3Б — 12,5%, 4 группа — 18,2%) (Тропин, 2004. С. 214). Поселение Яблоново датируется серединой — второй половиной XIII века (Тропин, 2004. С. 70). Хронологические рамки селища у хутора Полозово автор раскопок Н.А. Тропин ограничивает второй половиной XIII — XIV вв. (Тропин, Чалых, 2001. С. 34). Исследователь выделяет два строительных горизонта, между которыми не было длительного разрыва во времени. К первому из них относится постройка 2 и горн 3, которые датируются второй половиной XIII века (Тропин, 2004. С. 138). Исходя из этого, хронологические рамки существования селища у хутора Полозово определяются второй половиной XIII — первой половиной XIV вв.

Отличительной особенностью керамического комплекса, происходящего с поселения Невеже-Колодезное, по сравнению с комплексами выше отмеченных памятников, является малое количество горшков 4 группы (6,24%), в то время как на поселениях Яблоново и Полозово она составляет более 18%, что возможно, характерно для памятников второй половины XIII — первой половины XIV вв. Отметим, что на селищах золотоордынского времени в окрестностях Ельца посуда данной группы также представлена в минимальном количестве и не характерна для XIV в. (5,6% — поселение Аргамач-Пальна 1, 2,4% — поселение Аргамач-Пальна 5) (Тропин, 2004. С. 135, 136).

Орнаментация посуды, выявленной на памятнике, типична для общерусской традиции. Отношение орнаментированных сосудов к неорнаментированным составляет 1 : 5. Преобладающим видом украшений являются вариации одно-двухрядной волны (Рис. 3, 2, 16; 4, 1–7, 9, 11). Линейный орнамент встречен только на двух экземплярах. Волны и линии, как правило, наносились по плечу или верхней части тулова. В целом орнаментация характерна для керамики второй половины XIII — XIV вв.: преобладание волнистого орнамента на всей территории Рязанской земли (Тропин, 2004. С. 141).

Практически все фрагменты посуды относятся к горшкам с различным диаметром горловины (Рис. 4, 1–9, 11, 12). В заполнении подпольной ямы обнаружена верхняя часть

крынки (Рис. 4, 10). У нее высокая, слегка отогнутая шейка, украшенная линейным орнаментом. Край венчика загнут внутрь, диаметр горловины 12 см. Аналогичные крынки встречены на поселении Казинка Грязинского района Липецкой области (Тропин, 2004. С. 144).

В результате раскопок было обнаружено 23 фрагмента днищ, на 12 из них выявлена песчаная подсыпка, а на двух — имеются клейма. Одно клеймо в виде колеса с 6-ю спицами (Рис. 3, 30). Аналогичные клейма происходят с памятников XII–XIV вв. района Куликова поля, где для золотоордынского времени характерны клейма в виде колеса с 6-ю или 8-ю спицами, в то время как для XII — первой половины XIII вв. — 10-ю и 12-ю спицами (Гоняный, Заидов, 2002. С. 144, 145). На втором клейме изображены три скрещивающиеся линии в двух прямоугольниках, параллельно помещенных один в другой (Рис. 3, 31).

В целом глиняная посуда с памятника представляет хронологически однородную керамическую серию, которая может быть датирована серединой — второй половиной XIV в.

Из заполнения постройки происходит развал красноглиняного золотоордынского кувшина (Рис. 4, 13, 14). Он выполнен из хорошо промешанного теста с примесью мелкого песка. Аналогии этому сосуду имеются в керамических коллекциях золотоордынских городов Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов, 2001. С. 78).

Индивидуальные находки, выполненные из железа, представлены двумя коваными гвоздями длиной 4,2 и 3,5 см, двумя пластинами и стержнем также прямоугольного сечения. Конец последнего загнут в кольцо, что позволяет предположительно соотнести его с фрагментом дужки ведра (Рис. 5, 12, 15–18).

Среди индивидуальных изделий из глины преобладают фрагменты сопел — 25 штук. Шесть из них ошлакованы (Рис. 5, 1–8). В глиняном тесте отмечено в качестве примесей большое количество крупного и среднего песка. Диаметр сопел по внешней стороне 4,5 см, по внутренней — 2,5 см. Наличие такого типа изделий указывает на производственное назначение постройки, что подтверждается находками 35 единиц металлического шлака общим весом 1,055 кг.

Также к индивидуальным изделиям из глины относятся одно целое и одно фрагментированное пряслица, изготовленные из стенки красноглиняного золотоордынского сосуда (Рис. 5, 9, 10).

Из каменных изделий в коллекции представлено три терочника (Рис. 3, 33, 34). Интересными находками являются костяной астрагал с просверленным по центру отверстием (Рис. 3, 32) и серьга в виде знака вопроса (Рис. 5, 11). Серьга состоит из стержня, изогнутого в виде знака вопроса, на конец которого одеты костяная призматическая и стеклянная цилиндрическая бусины. Для фиксации бусин стержень обвит проволокой (не сохранилась), а его кончик расплюснен. Длина серьги 5,4 см. Исследователями отмечается, что данный вид украшений пришел на Русь с Востока. Аналогичные серьги известны на памятниках второй половины XIII — XIV вв. Верхнего Дона (Тропин, 2004. С. 158). В Новгороде серьги этого типа обнаружены в слоях XIV — середины XV вв. (Седова, 1981. С. 16). Подобная серьга с костяной и стеклянной бусинами происходит с Болгарского городища и датируется XIV в. (Полякова, 1996. С. 172, 174, 175).

В заключении отметим, что изученная постройка является производственным сооружением, предназначенным для выплавки металла, что дает дополнительный аргумент в пользу ранее сделанной Н.А. Тропиным интерпретации памятника как поселка производственного назначения. Правда, в отличие от предложенной им датировки памятников в целом концом XII — первой половиной XIII в. (Тропин, 2004. С. 77, 78), мы считаем, что рассмотренная постройка выбивается из очерченного им и может быть датирована временем не ранее XIV века. На это указывает, прежде всего, находка серьги в виде знака вопроса, а также наличие характерной для золотоордынского времени техники нанесения орнамента на керамике и клейма. Косвенным доказательством предложенной датировки является факт освоения в этот период устьевой части ручья Чичоры, подтверждаемый находкой Н.А. Тропиным на противоположном берегу Чичора (Рис. 1) двух золотоордынских серебряных монет, отчеканенных в период правления хана Джанибека (1339–1357 гг.) (Тропин, 2000а).

ЛИТЕРАТУРА

Гоняный М.И., Заидов О.Н., 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н.И. Троицкий и современное исследование историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Тропин Н.А., 2000б. Древнерусская керамика XII–XIV вв. как источник по изучению хронологии сельских поселений южных территорий Рязанской земли // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Тропин Н.А., Чалых Н.Е., 2001. Находки гончарных горнов второй половины XIII — XIV вв. на р. Воронеж // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула.

Тропин Н.А. 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.

Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Тропин Н.А., 2000а. Отчет об археологической разведке экспедиции Елецкого педин-

ститута на территории Задонского района Липецкой области в 1999 г. Архив ИА РАН.

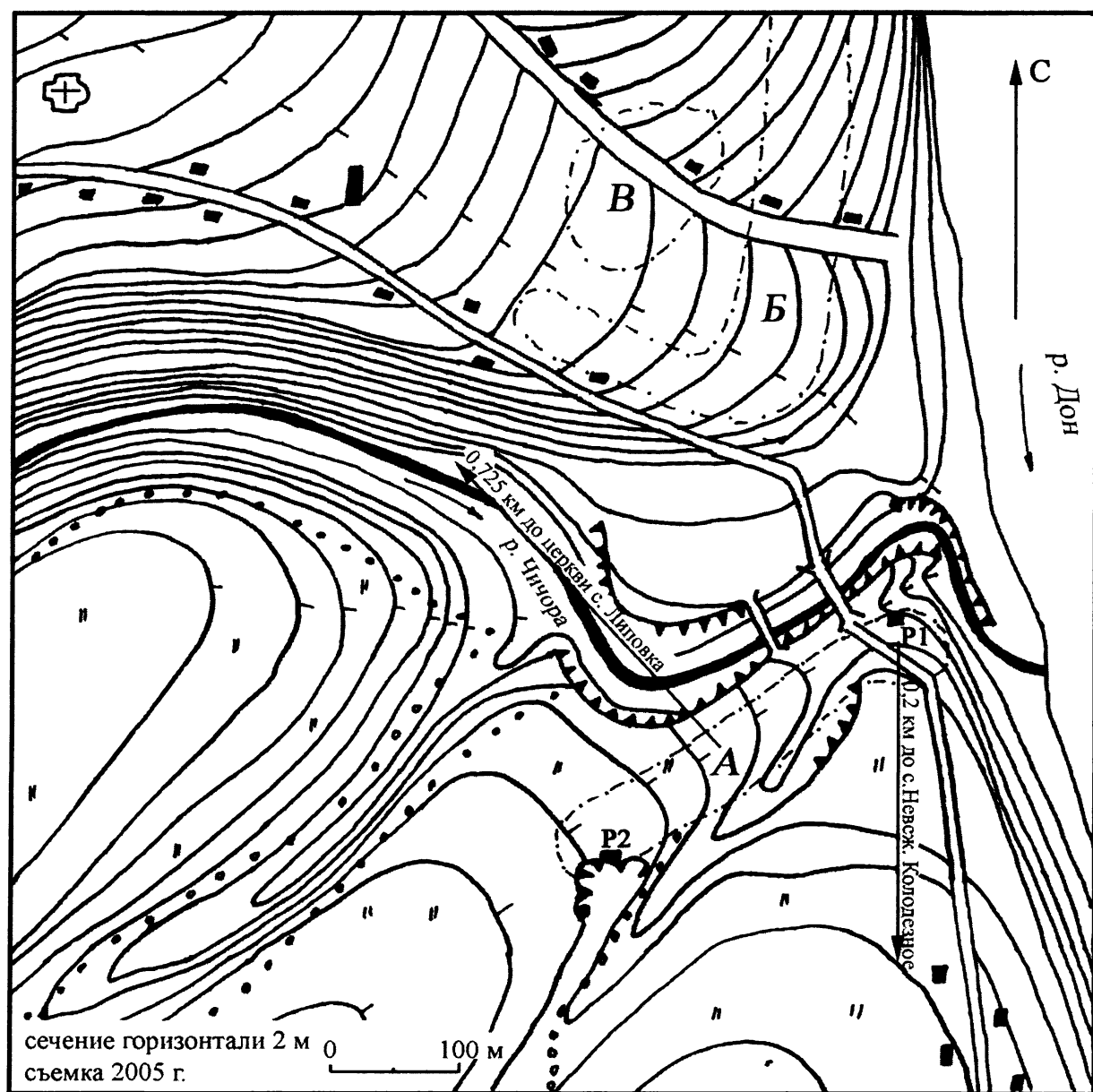
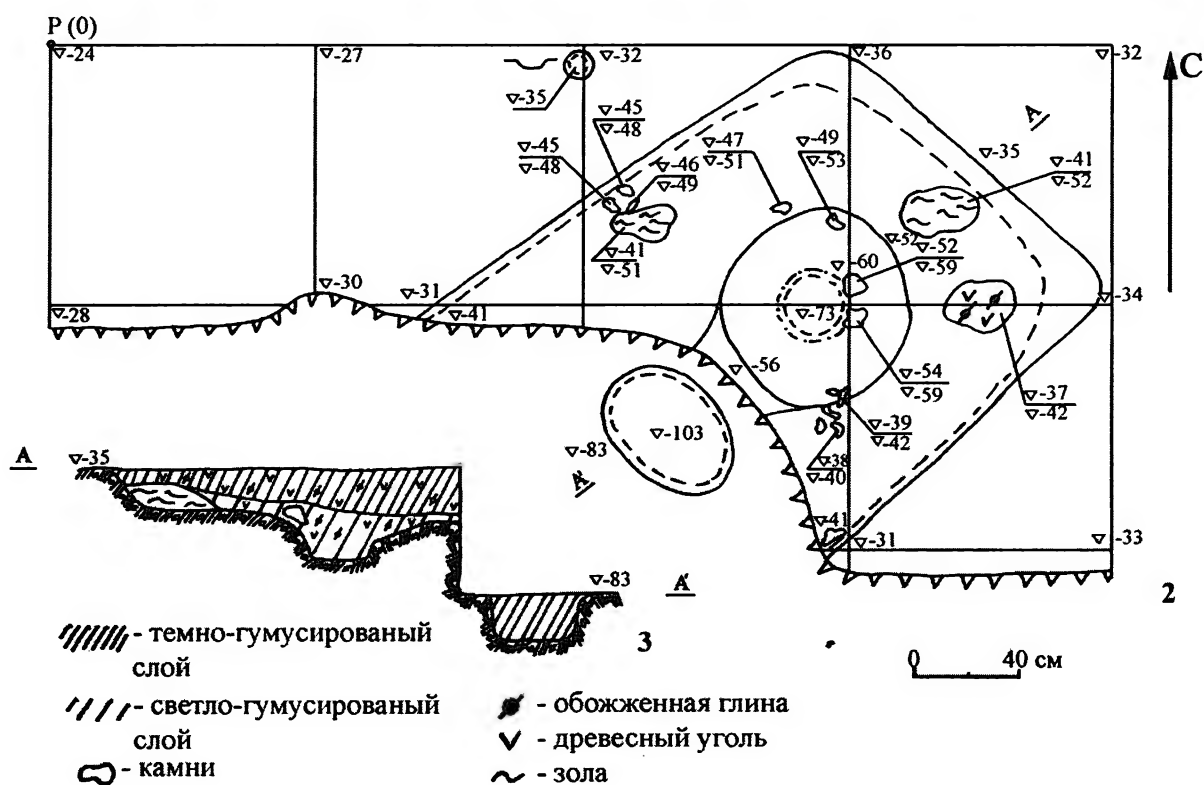

Рис. 1. Поселение XII–XIV вв. у с. Невеже-Колодезное. План: А — поселение у с. Невеже-Колодезное; Б — поселение второй половины XII — первой половины XIII в. у с. Липовка; В — грунтовый могильник древнерусского времени

1

2

3

Рис. 2. 1 — общий вид раскопа; 2 — план постройки по матерiku; 3 — разрез котлована постройки по линии AA'

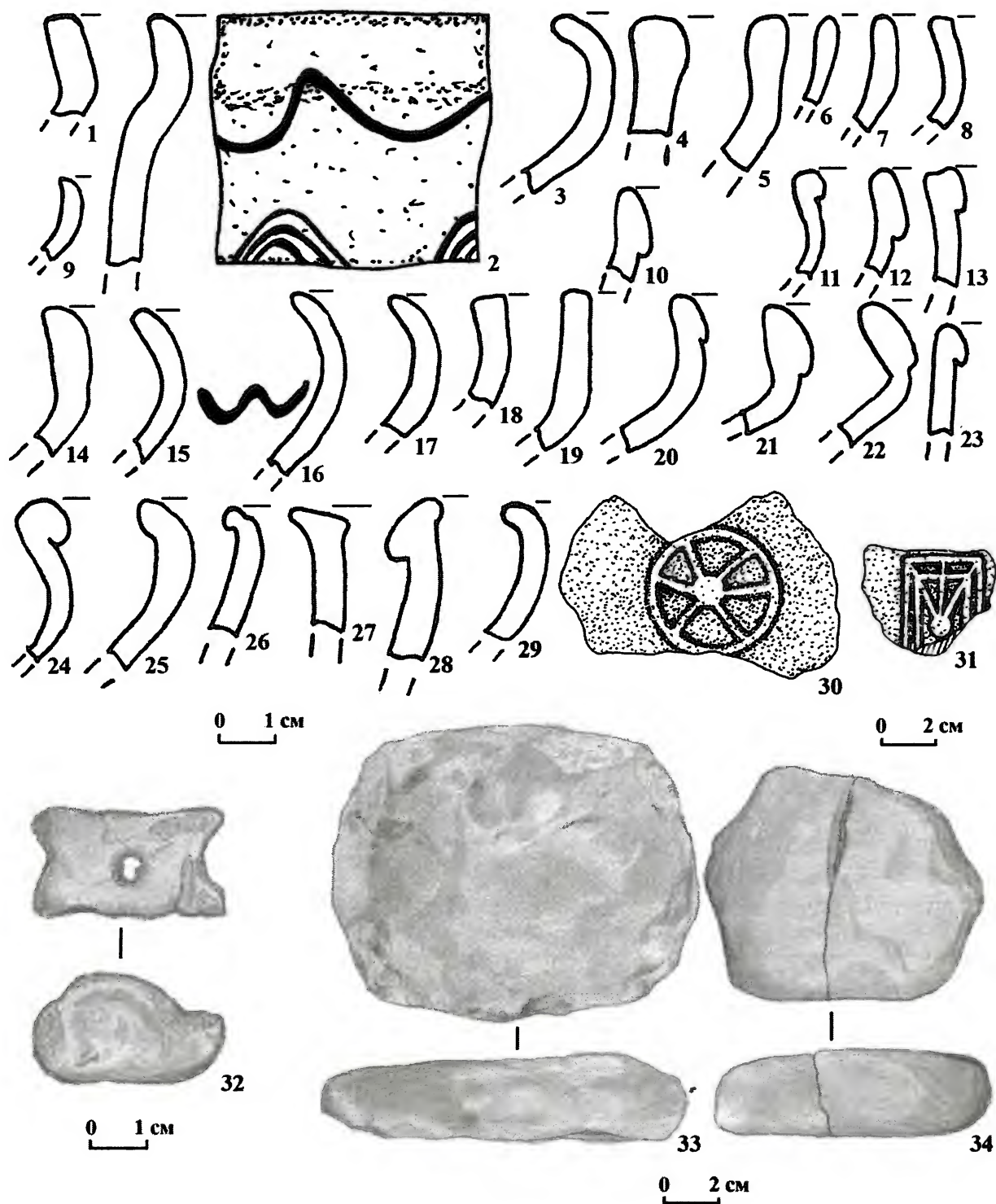

Рис. 3. Предметы из заполнения постройки с поселения Невеже-Колодезное

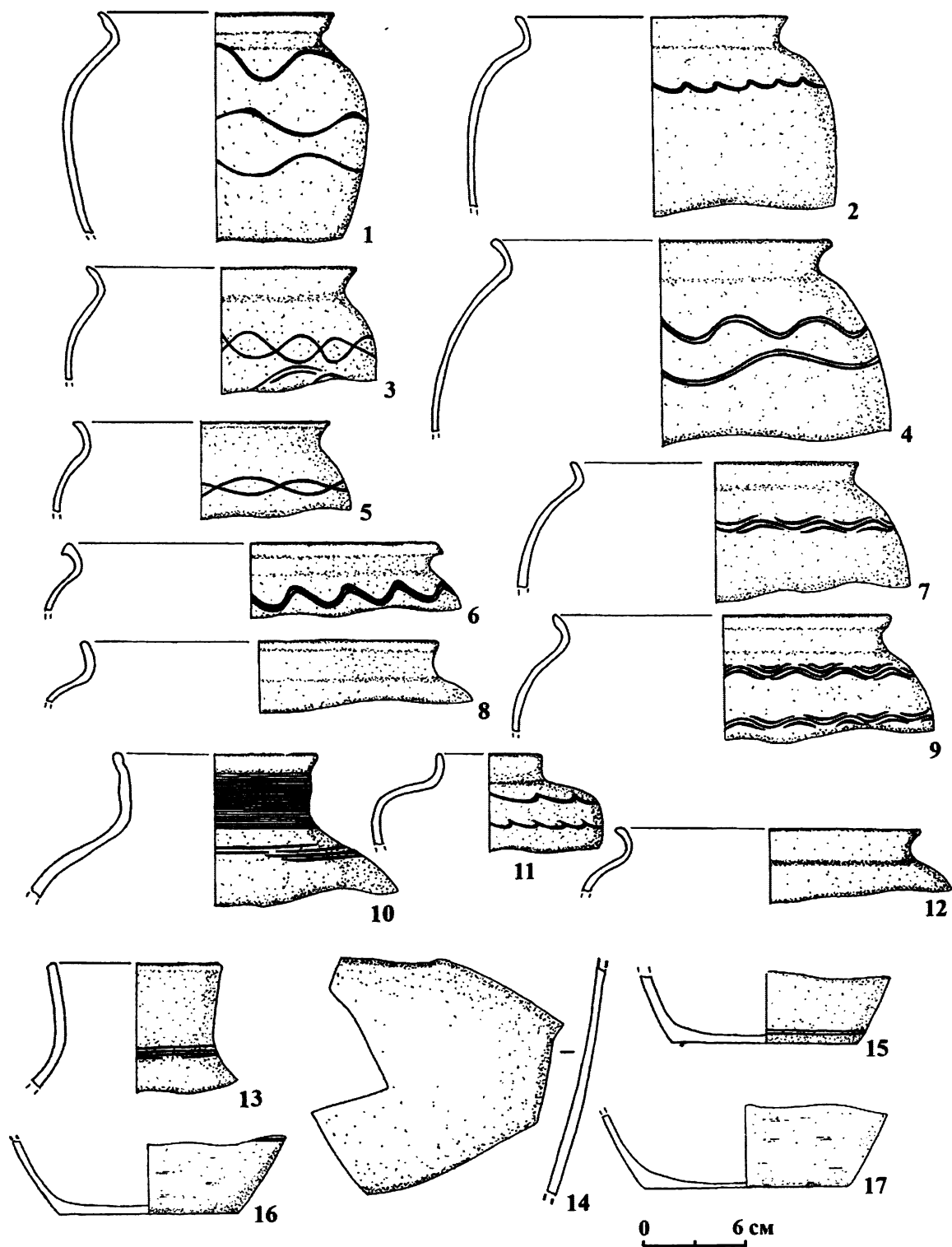

Рис. 4. Керамика из раскопа 2 на поселении Невеже-Колодезное

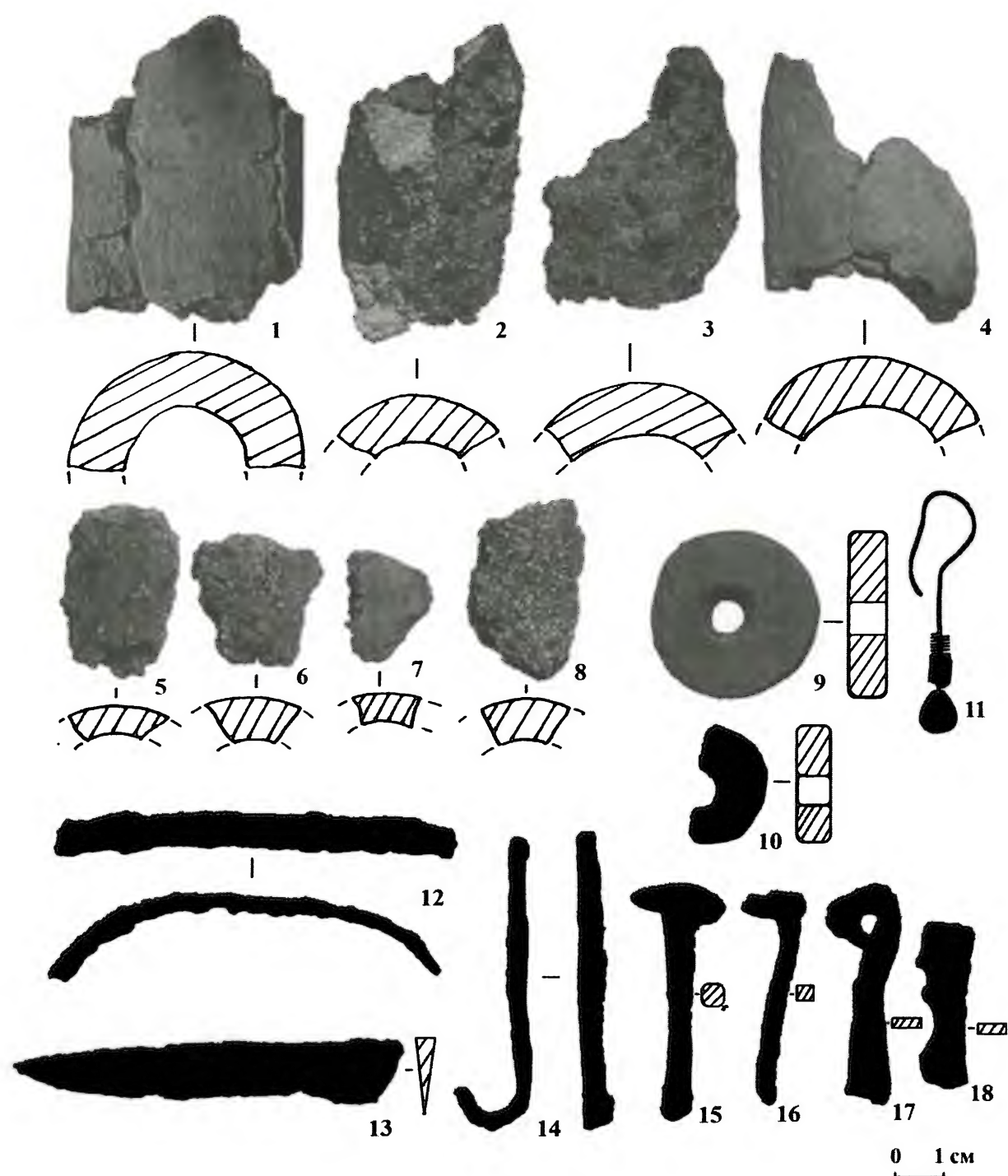

Рис. 5. Предметы из культурного слоя и заполнения постройки с поселения Невеже-Колодезное

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические Вести. СПб.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПУ	— Армавирский Государственный педагогический университет. Армавир.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск (Екатеринбург).
АИБ	— Археология и история Боспора.
АО	— Археологические открытия. М.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРИГИ	— Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. Майкоп.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологической сборник.
БС	— Боспорский сборник. М.
ВАН	— Вестник Академии наук СССР. М.
ВВ	— Византийский временник. М.
ВГПУ	— Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция.
ВОКМ	— Волгоградский областной краеведческий музей. Волгоград.
ГАИМК	— Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. М.
ГМВ	— Государственный музей Востока. М.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДБ	— Древности Боспора. М.
ДВДС	— Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
ДГУ	— Днепропетровский Государственный университет. Днепропетровск.

ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; М.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии Наук. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. М.
ИАЭ ДВО РАН	— Институт археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. Владивосток.
ИВ РАН	— Институт Востоковедения Российской Академии Наук. М.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИНИОН РАН	— Институт научной информации общественных наук Российской Академии наук. М.
Институт Наследия	— Российский НИИ природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. М.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии. М.
КБЧ	— Книга Большому Чертежу.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Краснодар.
КГИКЗ	— Керченский государственный историко-культурный заповедник. Керчь.
КГУ	— Казанский Государственный университет. Казань.
КИАМ	— Керченский историко-археологический музей. Керчь.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
ЛОИА АН	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАИЭТ	— Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	— Материалы археологической комиссии.
МАО	— Московское археологическое общество.
МВ	— Музейный вестник. Краснодар.
МГУ	— Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. М.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь.
НМРА	— Национальный музей Республики Адыгея. Майкоп.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.

ОАК	— Отчеты Археологической комиссии. СПб.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; М.
РА	— Российская археология. М.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РИО	— Русское историческое общество.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М., Л.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГЭ	— Сообщения государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СКОАИЭ	— Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии.
СтавГУ	— Ставропольский Государственный Университет. Ставрополь.
СЭ	— Советская этнография.
ТамМК	— Таманский музейный комплекс. Тамань.
Труды ИИАЭ	— Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
ТСА РАНИОН	— Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ХИМ	— Харьковский исторический музей. Харьков.
ХНПУ	— Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды. Харьков.
ХС	— Херсонесский сборник. Симферополь.
ЦАИ АГПУ	— Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета. Армавир.
ЧОИДР	— Чтения Общества истории древностей Российских.
ВСН	— Bulletin de correspondance Hellenique. Р.
ДНА	— Dialogues d'histoire ancienne. Р.

Научное издание

**Древности
Юга России**

Ответственный редактор:
доктор исторических наук Г.Е. Афанасьев

Редактор: Кравченко Т.А.
Корректор: Пруцкова О.А.
Дизайн обложки: Булавинова Т.С.
Верстка: Луньков В.Ю.

Издательство «ТАУС»
117574, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
[http: //www.tauc.ru](http://www.tauc.ru)
E-mail: taus@mail.ru

Подписано в печать: 15.04.2008.
Гарнитура Times. Формат 60х84/8.
Печ. листов 69,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 213.

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

ISBN 978-5-903011-31-5

